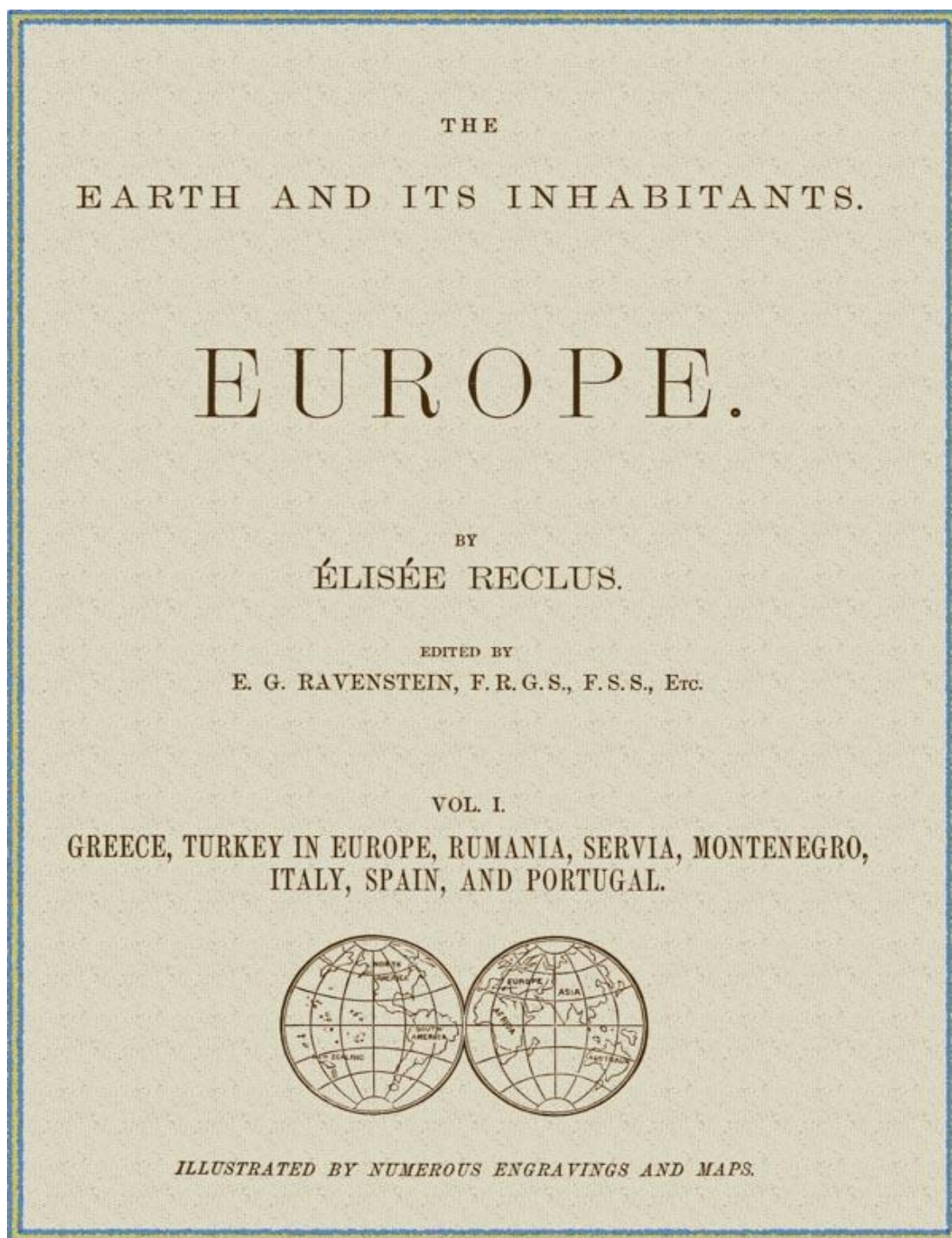

Земля и ее обитатели, том 1. Европа

Элизе Реклю

Содержание

ЗЕМЛЯ И ЕЕ ЖИТЕЛИ. ЕВРОПА.

Содержание.

Список иллюстраций.

Вступительные замечания.

Европа.

I. Географическое значение.

II. — Площадь и границы.

III. — Природные районы и горы.

IV. Морские регионы.

V. — Климат.

VI. — Население.

Средиземноморье.

I. — Гидрология.

II. — Животный мир, рыболовство и соляные карьеры.

III. — Торговля и судоходство.

Греция.

I. — Общие аспекты.

II. — Континентальная Греция.

III. Моря, или Пелопоннес.

IV. — Острова Эгейского моря.

V. — Ионические острова.

VI. — Настоящее и будущее Греции.

VII. — Правительство и политическое устройство.

Турция в Европе.

I. — Общие аспекты.

II. — Крит и острова архипелага.

III. — Греческая Турция (Фракия, Македония и Фессалия).

IV. — Албания и Эпир.

V. — Иллирийские Альпы, Босния и Герцеговина.

VI. — Болгария.

VII. — Нынешнее положение и перспективы Турции.

VIII. — Правительство и администрация.

Сан-Стефанский и Берлинский договоры.

Румыния.

Сербия и Черногория.

Сербия.

Черногория.

Италия.

I. Общие аспекты.

II. — Бассейн реки По.

III. Лигурия и Ривьера Генуи.

IV. Тоскана.

V. — Римские Апеннины, долина Тибра, Марке и Абруццо.

VI. Южная Италия, Неаполь.

VII. — Сицилия.

Эолийские или Липарские острова.

Эгадские острова.

Пантеллария.

Мальта и Гоццо.

VIII. Сардиния.

IX. — Настоящее и будущее Италии.

X. — Правительство и администрация.

Корсика.

Испания.

I. — Общие аспекты.

II. Кастилия, Леон и Эстремадура.

III. — Андалусия.

IV. — Средиземноморский склон Великого плато. Мурсия и Валенсия.

V. — Балеарские острова.

VI. Долина Эбро. Арагон и Каталония.

VII. — Баскские провинции, Наварра и Логроньо.

VIII. — Сантандер, Астурия и Галисия.

IX. — Настоящее и будущее Испании.

X. — Правительство и администрация.

Площадь и население Испании и ее колоний.

Португалия.

I. — Общие сведения.

II. — Северная Португалия. Долины рек Минью, Дору и Мондегу.

III. Долина реки Тежу (Тажу).

IV. — Южная Португалия. Алентежу и Алгарве.

V. — Настоящее и будущее Португалии.

VI. — Правительство и администрация.

Примечания.

Указатель.

ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ

Электронная книга проекта «Гутенберг» « Земля и ее обитатели», том 1: Европа.

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Земля и ее обитатели, том 1: Европа.

Автор: Элизе Реклю

Редактор: Эрнест Георг Равенштайн

Дата выпуска: 22 мая 2017 г. [электронная книга № 54760]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: английский

Благодарности: Произведено Josep Cols Canals, RichardW и командой онлайн-корректоров <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, любезно предоставленных The Internet Archive/American Libraries.)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ЗЕМЛЯ И ЕЕ ЖИТЕЛИ», ТОМ 1:
ЕВРОПА. ***

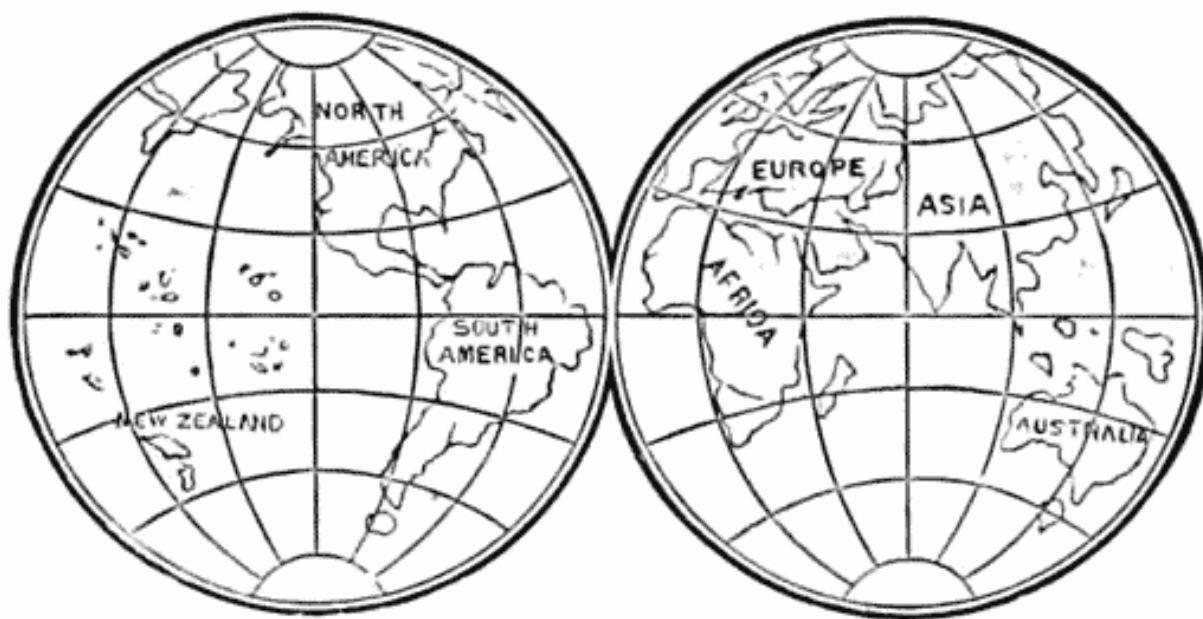
ЗЕМЛЯ И ЕЕ ЖИТЕЛИ. ЕВРОПА.

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Э. Г. РАВЕНШТАЙНА, ЧЛЕНА ФРАНЦУЗСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА, ФРАНЦУЗСКОГО С

ТОМ I.

ГРЕЦИЯ, ТУРЦИЯ В ЕВРОПЕ, РУМЫНИЯ, СЕРБИЯ, ЧЕРНОГОРИЯ, ИТАЛИЯ, ИСПАНИЯ И ПОРТУГАЛИЯ

ИЛЛЮСТРИРОВАНО МНОЖЕСТВОМ ГРАВЮР И КАРТ.

НЬЮ-ЙОРК:

Д. ЭПЛЕТОН И КОМПАНИЯ,

1, 3 И 5 БОНД-СТРИТ.

1883.

СОДЕРЖАНИЕ.

Вступительные замечания . . . [1](#)
ЕВРОПА.

I. Географическое значение . . . [5](#)
II. Площадь и границы . . . [6](#)
III. Природные разграничения и горы . . . [9](#)
IV. Приморские регионы . . . [13](#)
V. Климат . . . [16](#)
VI. Население . . . [18](#)

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ.

I. Гидрология . . . [23](#)
II. Животный мир, рыболовство и соляные карьеры . . . [28](#)
III. Торговля и судоходство . . . [31](#)

ГРЕЦИЯ.

I. Общие аспекты . . . [36](#)
II. Континентальная Греция . . . [45](#)
III. Морея, или Пелопоннес . . . [56](#)
IV. Острова Эгейского моря . . . [69](#)
V. Ионические острова . . . [75](#)
VI. Настоящее и будущее Греции . . . [80](#)
VII. Правительство и политическое устройство . . . [85](#)

ТУРЦИЯ В ЕВРОПЕ.

I. Общие аспекты . . . [87](#)
II. Крит и острова архипелага . . . [90](#)
III. Греческая Турция (Фракия, Македония и Фессалия) . . . [98](#)
IV. Албания и Эпир . . . [115](#)
V. Иллирийские Альпы, Босния и Герцеговина . . . [126](#)
VI. Болгария . . . [131](#)
VII. Нынешнее положение и перспективы Турции . . . [145](#)
VIII. Правительство и администрация . . . 150
Сан-Стефанский и Берлинский договоры . . . [153](#)
РУМЫНИЯ . . . [155](#)

СЕРБИЯ И ЧЕРНОГОРИЯ.

I. Сербия . . . [172](#)
II. Черногория . . . [179](#)

ИТАЛИЯ.

I. Общие аспекты . . . [183](#)
II. Бассейн реки По: Пьемонт, Ломбардия, Венеция и Эмилия . . . [189](#)
III. Лигурия и Ривьера Генуи . . . [230](#)
IV. Тоскана . . . [239](#)
V. Римские Апеннины, долина Тибра, Марке и Абруццо . . . [257](#)
VI. Южная Италия: Неаполь . . . [286](#)
VII. Сицилия . . . 309
Эолийские или Липарские острова . . . [331](#)
Эгадские острова . . . [334](#)

Мальта и Гозо... [335](#)
VIII. Сардиния... [338](#)
IX. Настоящее и будущее Италии... [352](#)
X. Правительство и администрация... [358](#)
КОРСИКА... [363](#)

ИСПАНИЯ.

I. Общие аспекты... [370](#)
II. Кастилия, Леон и Эстремадура... [377](#)
III. Андалусия... [394](#)
IV. Средиземноморский склон: Мурсия и Валенсия... [414](#)
V. Балеарские острова... [423](#)
VI. Долина Эбро: Арагон и Каталония... [427](#)
VII. Баскские провинции, Наварра и Логроньо... [439](#)
VIII. Сантандер, Астурия и Галисия... [448](#)
IX. Настоящее и будущее Испании... [460](#)
X. Правительство и администрация... [465](#)

ПОРТУГАЛИЯ.

I. Общие аспекты... [469](#)
II. Северная Португалия: долины рек Минью, Дору и Мондегу... [473](#)
III. Долина Тежу... [482](#)
IV. Южная Португалия: Алентежу и Алгарве... [490](#)
V. Настоящее и будущее Португалии... [496](#)
VI. Правительство и администрация... [498](#)

УКАЗАТЕЛЬ... [501](#)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

ЦВЕТНЫЕ КАРТЫ.

- [1.](#) Этнографическая карта Европы ... 18
- [2.](#) Турция в Европе и Греция ... 85
- [3.](#) Босфор и Константинополь ... 98
- [4.](#) Этнографическая карта Турции ... 148
- [5.](#) Италия ... 183
- [6.](#) Дельта реки По ... 210
- [7.](#) Неаполитанский залив ... 288
- [8.](#) Испания и Португалия ... 365

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

- [01.](#) Крестьяне из окрестностей Афин ... *Напротив страницы* ... 53
- [02.](#) Константинополь и Золотой Рог, вид с высоты Эюб ... 99
- [03.](#) Албанцы ... 118
- [04.](#) Богатые арнауты ... 124
- [05.](#) Турецкие мулы в Герцеговине ... 127
- [06.](#) Тирнова ... 133
- [07.](#) Болгары ... 138
- [08.](#) Мусульмане Адрианополя и мусульманская дама из Пришпири ... 147
- [09.](#) Валахи (валы) ... 162
- [10.](#) Белград ... 174
- [11.](#) Пеннинские Альпы, вид с Бекка-ди-Нона (Пик Каррель), 10 380 футов ... 195
- [12.](#) Венеция ... 207
- [13.](#) Дворец в Ферраре ... 228
- [14.](#) Верона ... 229
- [15.](#) Крестьяне Абруццо ... 258
- [16.](#) Неаполь ... 300
- [17.](#) Капри, вид из Масса-Лубренсе ... 302
- [18.](#) Амальфи ... 304
- [19.](#) Ла-Валетта, Мальта ... 337
- [20.](#) Крестьяне Толедо, Кастилия ... 390
- [21.](#) Римский мост в Алькантаре ... 391
- [22.](#) Ущелье Лос-Гайтанес, дефиле Гуадальхорсе ... 399
- [23.](#) Крестьяне Кордовы, Андалусия ... 406
- [24.](#) Гибралтар, вид с «Линий» ... 414
- [25.](#) Крестьяне Ла-Уэрта и сигарные мастерицы Валенсии ... 419
- [26.](#) Женщины Ибицы, Балеарские острова ... 425
- [27.](#) Монсеррат, Каталония ... 431
- [28.](#) Барселона, вид с замка Монжуик ... 437
- [29.](#) Ущелья Панкорбо ... 440
- [30.](#) Лос-Пасагес ... 447
- [31.](#) Порту ... 478
- [32.](#) Лиссабон ... 484

ИЛЛЮСТРАЦИИ В ТЕКСТЕ.

ЕВРОПА.

- [1.](#) Естественная граница Европы ... 7

- [2. Рельеф Европы ... 8](#)
- [3. Развитие береговых линий по отношению к площади ... 14](#)
- [4. Изотермическая зона Европы ... 17](#)

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ.

- [5. Глубина Средиземного моря ... 24](#)
- [6. Гибралтарский пролив ... 26](#)
- [7. Основные рыболовные промыслы Средиземного моря ... 30](#)
- [8. Пароходные маршруты и телеграфы ... 34](#)

ГРЕЦИЯ.

- [9. МАЙНОТ И СПАРТА ... 42](#)
- [10. Иностранные элементы в населении Греции ... 44](#)
- [11. ГОРЫ ПАРНАССУС И ДЕЛФИ ... 46](#)
- [12. Нижняя Акарнания ... 49](#)
- [13. Фермопилы ... 50](#)
- [14. Озеро Копайс ... 52](#)
- [15. АКРОПОЛЬ АФИН ... 54](#)
- [16. Афины и их длинные стены ... 55](#)
- [17. Древние Афины ... 56](#)
- [18. ГОРА ТАЙГЕТ ... 58](#)
- [19. Озера Феней и Стимфал ... 60](#)
- [20. Плато Мантинея ... 62](#)
- [21. Разветвление Гастуни ... 63](#)
- [22. Долина Еврота ... 67](#)
- [23. Эврип и Халкида ... 70](#)
- [24. Неа Каймени ... 72](#)
- [25. КОРФУ ... 76](#)
- [26. Пролив Санта-Маура ... 77](#)
- [27. Аргостоли ... 79](#)

ТУРЦИЯ В ЕВРОПЕ.

- [28. УЩЕЛЬЕ ХАГИО РУМЕЛИ ... 91](#)
- [29. Крит, или Кандия ... 93](#)
- [30. Эгейское море ... 95](#)
- [31. Геологическая карта полуострова Константинополь ... 99](#)
- [32. Геллеспонт, или Дарданеллы ... 105](#)
- [33. Гора Афон ... 108](#)
- [34. ГОРА ОЛИМП ... 110](#)
- [35. Гора Олимп и долина Темпе ... 111](#)
- [36. Южный Эпир ... 117](#)
- [37. Подземные русла притоков Наренты ... 128](#)
- [38. Гора Витош ... 132](#)
- [39. Дельта Дуная ... 137](#)
- [40. Сравнительный расход устьев Дуная ... 138](#)
- [41. Торговые пути, сходящиеся в Константинополе ... 150](#)
- [42. Турецкая империя ... 151](#)

РУМЫНИЯ.

- [43. Румыны ... 156](#)
- [44. Реки Шил и Олто ... 158](#)
- [45. Дунай и Яломица ... 161](#)
- [46. Этнологическая карта Молдавской Бессарабии ... 164](#)
- [47. БУХАРЕСТ ... 169](#)

СЕРБИЯ И ЧЕРНОГОРИЯ.

- [48. Слияние Дуная и Савы ... 174](#)
- [49. Черногория и озеро Скунска ... 180](#)

ИТАЛИЯ.

- [50. Рим и Римская империя ... 186](#)
- [51. МОНТЕ ВИЗО ... 189](#)
- [52. Гранд-Парадис ... 191](#)
- [53. Равнина Дебрис между Альпами и Апеннинскими ... 192](#)
- [54. Склон долины По ... 193](#)
- [55. Грязевые вулканы северных Апеннин ... 194](#)
- [56. Древние ледники Альп ... 195](#)
- [57. Серра Ивреа и древние ледниковые озера Доры ... 196](#)
- [58. Древние озера Вербано ... 197](#)
- [59. Озеро Комо ... 198](#)
- [60–62. Участки озера Комо ... 199](#)

63.	ВИЛЛА СЕРБЕЛЛОНИ ...	201
64.	Буковые и сосновые леса Равенны ...	203
65.	Галечные отложения реки Тальяменто и др. ...	205
66.	Старое русло реки Пьяве ...	206
67.	Лагуны Венеции ...	207
68.	Колонии римских ветеранов ...	209
69.	По между Пьяченцей и Кремоной ...	211
70.	Немецкие коммуны Северной Италии ...	216
71.	МОНТЕ-РОЗА ...	217
72.	Лагуны Комаккьо ...	220
73.	Рыболовство в Комаккьо ...	221
74.	Устье долины Адидже ...	223
75.	Переходы через Альпы ...	224
76.	Озера и каналы Мантуи ...	227
77.	Пальманова ...	229
78.	Слияние Альп и Апеннин ...	231
79.	Генуя и ее пригороды ...	234
80.	ГЕНУЯ ...	235
81.	Залив Специи ...	237
82.	ГОЛФОЛИНО АРНО ...	240
83.	Ущелья Арно ...	241
84.	Монте-Аргентаро ...	243
85.	Валь-ди-Кьяна ...	244
86.	Озеро Бьентина ...	245
87.	Малярные районы ...	247
88.	ФЛОРЕНЦИЯ ...	252
89.	Гавань Ливорно ...	255
90.	Озеро Больсена ...	260
91.	Ла Монтанья д'Альбано ...	261
92.	Древнее озеро Фучино ...	263
93.	Озеро Тразимено ...	264
94.	КАМПАНИЯ РИМА ...	265
95.	Понтийские болота ...	267
96.	Древние озера Тибра и Топино ...	269
97.	КАСКАДЫ ТЕРНИ ...	270
98.	Дельта Тибра ...	271
99.	КРЕСТЬЯНЕ РИМСКОЙ КАМПАНИИ ...	272
100.	РИМ ...	276
101.	Холмы Рима ...	278
102.	Чивита-Веккья ...	281
103.	Долины эрозии на западном склоне Апеннин ...	283
104.	Римини и Сан-Марино ...	285
105.	Монте-Гаргано ...	287
106.	Пепел Кампании ...	289
107.	ИЗВЕРЖЕНИЕ ВУЛКАНА ВЕЗУВ ...	292
108.	Образовательная карта Италии ...	297
109.	Помпеи ...	301
110.	Болота Сальпи ...	305
111.	Гавань Бриндизи в 1871 году ...	307
112.	Гавань Таранто ...	308
113.	Мессинский пролив ...	310
114.	Профиль горы Этна ...	311
115.	Лавовый поток Катании ...	313
116.	Дополнительные конусы горы Этна ...	314
117.	Маккалубас и Гиргенти ...	317
118.	ПАЛЕРМО И МОНТЕ-ПЕЛЛЕГРИНО ...	324
119.	Трапани и Марсала ...	326
120.	Сиракузы ...	328
121.	ХРАМ СОГЛАСИЯ В ДЖИРДЖЕНТИ ...	329
122.	Центральная часть Эолийских островов ...	332
123.	Средиземное море к югу от Сицилии ...	334
124.	Порт Мальты ...	336
125.	Море к югу от Сардинии ...	339
126.	Бонифачий пролив ...	340
127.	Ла-Джара ...	345
128.	Район Иглезиас ...	348
129.	КАЛИАРИ ...	350

- [130.](#) Порт Терранова ... 351
- [131.](#) Судоходство Италии ... 355
- [132.](#) Торговые пути Италии ... 356
- [133.](#) Подводное плато между Корсикой и Тосканой ... 364
- [134.](#) Профиль дороги от Аяччо до Бастии ... 365
- [135.](#) БАСТИЯ ... 368

ИСПАНИЯ.

- [136.](#) Нагорья Иберийского полуострова ... 371
- [137.](#) Деесас около Мадрида ... 375
- [138.](#) Плотность населения ... 376
- [139.](#) Профиль железной дороги от Байонны до Кадиса ... 379
- [140.](#) Сьерры де Гредос и де Гата ... 380
- [141.](#) ПРОВОЖДЕНИЕ ТАХО ... 382
- [142.](#) Степи Новой Кастилии ... 384
- [143.](#) Саламанка ... 388
- [144.](#) АЛЬКАСАР СЕГОВИИ ... 389
- [145.](#) ТОЛЕДО ... 390
- [146.](#) Мадрид и его окрестности ... 392
- [147.](#) Аранхуэс ... 394
- [148.](#) Бассейны рек Гвадиана и Гвадалквивир ... 395
- [149.](#) ПЕРЕВАЛ ДЕСПЕНАПЕРРОС ... 396
- [150.](#) СЬЕРРА-НЕВАДА ... 397
- [151.](#) Устье Гвадалквивира ... 399
- [152.](#) Степи Эсихи ... 402
- [153.](#) Зоны растительности на побережье Андалусии ... 403
- [154.](#) Шахты Уэльвы ... 406
- [155.](#) АЛХАМБРА ... 408
- [156.](#) Кадис и его рейд ... 411
- [157.](#) Гибралтар ... 413
- [158.](#) Степи Мурсии ... 416
- [159.](#) ПАЛЬМОВАЯ РОЩА ЭЛЬЧЕ ... 418
- [160.](#) Пальмовая роща Эльче и Уэртас-де-Ориуэла ... 419
- [161.](#) РУИНЫ ДАМБЫ НАД ЛОРКОЙ ... 420
- [162.](#) КРЕСТЬЯНЕ МУРСИИ ... 421
- [163.](#) Гавань Картахены ... 423
- [164.](#) Грао-де-Валенсия ... 424
- [165.](#) Балеарские острова ... 426
- [166.](#) ВИД НА ИБИЦУ ... 427
- [167.](#) Питиусы ... 428
- [168.](#) Порт-Маон ... 430
- [169.](#) Дельта Эбро ... 435
- [170.](#) Степи Арагона ... 436
- [171.](#) Окрестности Барселоны ... 440
- [172.](#) Песчаные отмели Матаро ... 441
- [173.](#) Андорра ... 443
- [174.](#) Хайсквибель ... 445
- [175.](#) Аскоития и Аспейтия ... 447
- [176.](#) Окрестности Бильбао ... 449
- [177.](#) Сан-Себастьян ... 450
- [178.](#) САН-СЕБАСТЬЯН ... 451
- [179.](#) Гуэтария ... 452
- [180.](#) Герника ... 453
- [181.](#) Перевал Рейноса ... 454
- [182.](#) Скалы Европы ... 456
- [183.](#) Риас Ла-Коруньи и Феррола ... 458
- [184.](#) Сантонья и Сантандер ... 460
- [185.](#) Овьедо и Хихон ... 462
- [186.](#) БАШНЯ ГЕРКУЛЕСА ... 463
- [187.](#) Риа-де-Виго ... 464
- [188.](#) Железные дороги Пиренейского полуострова ... 465
- [189.](#) Внешняя торговля Иберийского полуострова ... 466
- [190.](#) Диаграмма, показывающая распространение кастильского языка ... 467

ПОРТУГАЛИЯ.

- [191.](#) Количество осадков на Пиренейском полуострове ... 470
- [192.](#) ПОРТУГАЛЬСКИЕ ТИПЫ (крестьяне) ... 472
- [193.](#) Долина Лимия или Лима ... 475

- [194.](#) Дюны Авейру ... 476
- [195.](#) Порту и Пайш-ду-Винью ... 478
- [196.](#) Сан-Жуан-да-Фош и устье реки Дору ... 480
- [197.](#) КОИМБРА ... 482
- [198.](#) Устье реки Тежу (Тажу) ... 483
- [199.](#) Пенише и Берлингас ... 485
- [200.](#) Устье реки Тежу ... 486
- [201.](#) Зоны растительности в Португалии ... 488
- [202.](#) ЗАМОК ПЕНЬЯ-ДЕ-СИНТРА ... 489
- [203.](#) МОНАСТЫРЬ РЫЦАРЕЙ ХРИСТА В ТОМАРЕ ... 491
- [204.](#) Устье реки Садо ... 492
- [205.](#) Серра-де-Моншике и мыс Сагреш ... 493
- [206.](#) Геология Алгарве ... 494
- [207.](#) Фару и Тавира ... 496
- [208.](#) Географическое распространение португальского языка ... 497
- [209.](#) Телеграф из Лиссабона в Рио-де-Жанейро ... 498

ЗЕМЛЯ И ЕЕ ЖИТЕЛИ.

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.*

НАША Земля — лишь атом в космосе, звезда среди звезд. Однако для нас, ее обитателей, она по-прежнему безгранична, как и во времена наших варварских предков. Мы также не можем предсказать, когда нам станет известна вся ее поверхность. Астрономы и геодезисты научили нас, что наша планета представляет собой сферу, сплюснутую на полюсах, а физические географы и метеорологи применили свои способности индуктивного мышления, чтобы создать теории о направлении ветров и океанских течений в полярных регионах. Но до сих пор ни одному исследователю не удалось достичь краев нашей Земли, и никто не может сказать, простирается ли суша или море за этими ледяными барьерами, которые сорвали наши самые решительные попытки. Благодаря усилиям неукротимых моряков, гордости нашего рода, площадь загадочных регионов вокруг Северного полюса была сокращена примерно до одной сотой части поверхности Земли, но на юге все еще остается неизвестный регион такой огромной площади, что Луна, если бы она упала на нашу планету, могла бы исчезнуть в нем, не соприкасаясь ни с одной частью поверхности Земли, уже известной нам.

И полярные регионы, представляющие столько естественных препятствий для наших исследователей, не являются единственными частями Земли, еще неизвестными ученым. Это может быть унижительно для нашей человеческой гордости, но мы вынуждены признать, что среди стран, еще неизвестных нам, есть некоторые, достаточно доступные с точки зрения естественных препятствий, но закрытые для нас нашими собратьями! В этом мире есть народы, которые живут в городах, подчиняются законам и имеют сравнительно утонченные обычаи, но предпочитают жить в уединении и так же мало известны нам, как если бы они были жителями какой-то другой планеты. Их границы закрыты войной и ее ужасами, практикой рабства, религиозным фанатизмом и даже коммерческой ревностью. О некоторых из этих народов мы слышали по смутным сообщениям, но есть и другие, о которых мы абсолютно ничего не знаем. И так получается, что в эту эпоху пара, печатного станка, непрекращающейся и лихорадочной деятельности мы все еще ничего или очень мало знаем о центре Африки, о части Австралии, о внутренних районах прекрасного и, без сомнения, самого плодородного острова Новая Гвинея, а также о обширных плоскогорьях в центре Азии. Более того, даже страна, которую большинство ученых любят считать колыбелью наших арийских предков, известна нам весьма неполно.

Что касается большинства стран, которые посещали путешественники и которые более или менее правильно отображены на наших картах, то требуется еще много исследований,

прежде чем наши знания об их географии можно будет назвать полными. Пройдут годы, прежде чем ошибочные и противоречивые утверждения наших исследователей об этих странах будут исправлены. Необходимо проделать огромную работу, прежде чем мы сможем полностью познать их климат, гидрографию, растительный и животный мир. Необходимо провести тщательные и систематические исследования, чтобы выяснить медленные изменения в облике и физических явлениях многих стран. Необходимо проявить максимальную осторожность при различении изменений, вызванных спонтанным действием природных причин, и изменений, вызванных рукой человека. И все эти знания мы должны приобрести, прежде чем сможем похвастаться тем, что знаем Землю и все о ней!

И это еще не все. В силу естественной склонности нашего ума все наши исследования проводятся с ориентацией на человека как центр всего сущего. Поэтому знание о нашей планете будет неполным, пока оно не будет соединено со знанием о различных расах людей, населяющих ее. Земля, по которой ходит человек, известна нам неполно, а сам человек — еще меньше. Первоначальное происхождение рас окутано абсолютной тьмой, и самые ученые не могут прийти к единому мнению относительно происхождения, смешения, первоначального места проживания и этапов миграции большинства народов и племен. Чем люди обязаны своему окружению? Чем — первоначальному месту проживания своих предков, врожденным инстинктам расы, смешению с чуждыми расами или влиянию и традициям, привнесенным извне? Мы почти ничего не знаем, и пока лишь несколько лучей света начинают проникать в эту тьму. К сожалению, наши ошибочные взгляды на многие из этих вопросов обусловлены не только невежеством. Противоборствующие страсти и инстинктивная национальная ненависть слишком часто затуманивают наш разум, и мы видим человека не таким, каким он есть. Далекие дикари принимают облик туманных призраков, а наши ближайшие соседи и соперники в искусстве цивилизации кажутся отталкивающими и уродливыми. Если мы хотим видеть их такими, какие они есть на самом деле, мы должны избавиться от всех наших предрассудков и от тех чувств презрения, ненависти и страсти, которые по-прежнему настраивают народы друг против друга. Наши предки в своей мудрости говорили, что самое трудное из всего — это познать самого себя. Безусловно, всестороннее изучение человечества еще труднее.

Таким образом, в настоящее время мы не в состоянии дать полное описание Земли и ее обитателей. Выполнение этой задачи мы должны оставить будущему, когда коллеги со всех концов земного шара соберутся, чтобы написать великую книгу, воплощающую всю совокупность человеческих знаний. На данный момент отдельный автор должен довольствоваться кратким описанием Земли, в котором пространство, занимаемое каждой страной, будет пропорционально ее важности и знаниям, которыми мы обладаем о ней.

Возможно, естественно, что каждая нация считает, что в таком описании ей должно быть отведено первое место. Каждое варварское племя, каким бы маленьким оно ни было, воображает, что занимает самый центр Земли и является самым совершенным представителем человеческого рода. Его язык всегда свидетельствует об этой наивной иллюзии, рожденной узостью его горизонтов. Река, орошающая его поля, называется «Отцом вод», гора, укрывающая его лагерь, — «Пупом» или «Центром Земли»; а имена, которыми первобытные народы обозначают своих соседей, являются терминами презрения, поскольку они смотрят на них свысока как на своих низших. Для них они «немые», «глухие», «нечистые», «бесчувственные», «чудовищные» или «бесноватые». Китайцы, один из самых замечательных народов в некоторых отношениях и, безусловно, самый важный из всех с точки зрения численности, не довольствуются тем, что дали своей стране эпитет «Цветок

Центра», но настолько убеждены в ее превосходстве, что впали в ошибку (очень простительную в данных обстоятельствах), считая себя «Сынами Неба». Что касается народов, редко рассеянных по границам их «Небесной империи», то они знают их только как «собак», «свиней», «демонов» и «дикарей». Или, что еще более презрительно, они обозначают их четырьмя сторонами света и говорят о «нечистых» племенах запада, севера, востока и юга.

Если в нашем описании Земли мы отводим первое место цивилизованной Европе, то это не из-за предрассудков, подобных китайским. Нет! Это место по праву принадлежит Европе. Европа пока что является единственным континентом, вся поверхность которого была научно исследована. Она имеет примерно точную карту, и ее материальные ресурсы нам почти полностью известны. Ее население не так плотно, как в Индии или Китае, но, тем не менее, оно составляет около четверти всего населения земного шара; и ее жители, какими бы ни были их недостатки и пороки, каким бы варварским ни было в некоторых отношениях их состояние, все же подталкивают остальное человечество к материальному и духовному прогрессу. На протяжении двадцати пяти веков Европа была центром, откуда распространялись искусство, наука и мысль. Даже те выносливые колонисты, которые перенесли свои европейские языки и обычаи за море, до сих пор не смогли придать Новому Свету такое же значение, как «маленькой» Европе, несмотря на девственную почву и обширную территорию, которые давали им возможность для неограниченной экспансии.

Наши американские соперники, возможно, более активны и предприимчивы, чем мы — они, безусловно, не так обременены традициями и наследием феодальных времен, — но их пока недостаточно много, чтобы составить нам конкуренцию в плане общего объема проделанной работы. До сих пор они едва ли смогли определить материальные ресурсы страны, в которой обосновались. «Старая Европа», где каждый комок земли имеет свою историю, где каждый человек является наследником сотен последовательных поколений, по-прежнему занимает первое место, и сравнительное исследование народов дает нам основание полагать, что ее моральное превосходство и промышленное господство сохранятся на многие годы вперед. В то же время мы не должны закрывать глаза на тот факт, что в конечном итоге равенство будет достигнуто не только между Америкой и Европой, но и между этими двумя континентами и другими частями мира. Смешение народов, миграции, которые приняли огромные масштабы, и растущие возможности общения в конечном итоге должны привести к установлению равновесия населения во всем мире. Тогда каждая страна внесет свой вклад в богатство человечества, и то, что мы называем цивилизацией, будет иметь «свой центр повсюду, а периферию нигде».

Центральное географическое положение Европы, несомненно, оказало наиболее благоприятное влияние на прогресс народов, ее населяющих. Превосходство европейцев, безусловно, не обусловлено врожденными достоинствами рас, от которых они произошли, как тщетно полагают некоторые, поскольку в других частях древнего мира эти же расы проявили гораздо меньший творческий гений. Благоприятным условиям почвы, климата, рельефа и географического положения жители Европы обязаны честью быть первыми, кто получил знание о Земле в целом и так долго оставался на вершине человечества. Поэтому исторические географы правы, когда они настаивают на влиянии, которое рельеф страны оказывает на народы, ее населяющие. Протяженность плоскогорий, высота горных хребтов, направление и объем рек, близость океана, изрезанность береговой линии, температура воздуха, обилие или редкость дождей, а также взаимосвязь между почвой, воздухом и водой — все это имеет огромное значение и во многом объясняет характер и образ жизни

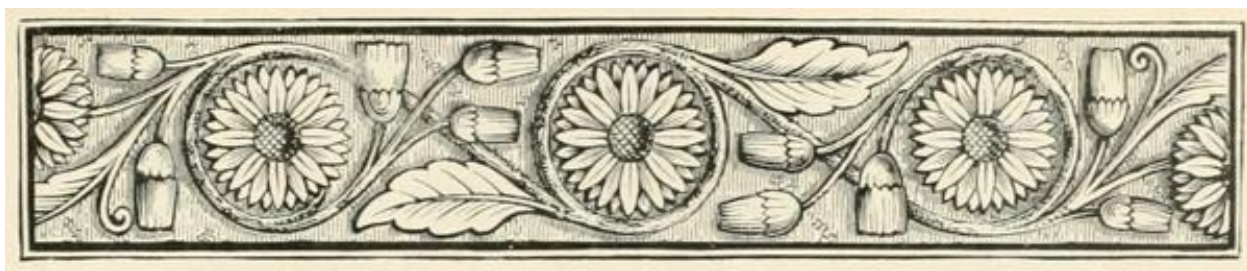
первобытных народов. Они объясняют большинство контрастов, существующих между народами, подверженными разным условиям, и указывают на естественные пути сообщения на земном шаре, по которым народы вынуждены следовать во время своих миграций или военных походов.

В то же время мы должны помнить, что влияние, оказываемое на историю человечества общей конфигурацией суши и моря или какими-либо особенностями первой, подвержено изменениям и зависит в основном от уровня развития культуры, которого достигли народы. География, строго говоря, ограничивается описанием поверхности Земли и показывает различные народы в пассивном состоянии, в то время как историческая география и статистика показывают человека, вовлеченного в борьбу за существование и стремящегося к господству над своим окружением. Река, которая для некультурного племени представляет собой непреодолимый барьер, становится торговой магистралью для племени, более продвинутого в культуре, и со временем может превратиться в простой оросительный канал, течение которого регулируется человеком. Горный хребет, часто посещаемый пастухами и охотниками и образующий барьер между народами, в более цивилизованную эпоху может привлечь горняков и промышленников, и со временем даже перестанет быть препятствием, поскольку дороги будут пересекать его во всех направлениях. Многие морские заливы, которые в былые времена служили укрытием для небольших судов наших предков, теперь заброшены, в то время как открытые бухты, которые раньше вызывали страх у судов, теперь защищены огромными волнорезами и стали местом стоянки наших крупнейших кораблей. {5a}

Несметные изменения, подобные этим, были произведены человеком во всех частях мира, и они революционизировали взаимосвязи, существующие между человеком и землей, на которой он живет. Конфигурация и высота гор и плоскогорий, изрезанность побережья, расположение островов и архипелагов, а также протяженность океана — все это теряет свое относительное влияние на историю народов по мере того, как последние освобождаются и становятся свободными агентами. Хотя человек подчиняется условиям своего места обитания, он может изменять его в соответствии со своими целями; он может, так сказать, победить природу и преобразовать энергию земли в прирученные силы. В качестве примера можно привести возвышенные плато Центральной Азии, которые в настоящее время разделяют окружающие их страны и полуострова, но которые, когда станут местом человеческой деятельности, превратят Азию в реальную географическую единицу, которой она в настоящее время является только внешне. Массивная и тяжеловесная Африка, однообразная Австралия и Южная Америка с ее лесами и водопадами будут поставлены в некое равенство с Европой, когда торговые пути пересекут их во всех направлениях, соединяя их реки и пересекая их пустыни и горные хребты. С другой стороны, преимущества, которые Европа извлекает из своего горного хребта, своих радиальных рек, контуров своих побережий и в целом хорошо сбалансированного очертания, сейчас не так велики, как были в то время, когда человек зависел исключительно от ресурсов, предоставляемых природой.

Это постепенное изменение исторической значимости конфигурации суши является фактом первостепенной важности, который необходимо иметь в виду, если мы хотим понять общую географию Европы. Изучая пространство, мы должны учитывать еще один элемент, имеющий равную ценность — ВРЕМЯ.

ЕВРОПА.

I. — ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ.

В географии мира первое место занимает Европа, и не из-за предвзятости, подобной китайской, а по праву. Европа пока остается единственным континентом, вся поверхность которого была научно исследована. Она имеет примерно точную карту, и ее материальные ресурсы нам почти полностью известны. Ее население не так плотно, как в Индии или Китае, но, тем не менее, оно составляет около четверти всего населения земного шара; и ее жители, какими бы ни были их недостатки и пороки, или их состояние варварства в некоторых отношениях, все же подталкивают остальное человечество к материальному и духовному прогрессу. На протяжении двадцати пяти веков Европа была центром, откуда распространялись искусство, наука и мысль. Даже те выносливые колонисты, которые перенесли свои европейские языки и обычаи за море, до сих пор не смогли придать Новому Свету такое же значение, как «маленькой» Европе, несмотря на девственную почву и обширную территорию, которые давали им возможность для неограниченной экспансии.

«Старая Европа», где каждый комок земли имеет свою историю, где каждый человек является наследником сотен последовательных поколений, по-прежнему занимает первое место, и сравнительное исследование народов оправдывает наше убеждение, что ее моральное превосходство и промышленное господство сохранятся на многие годы вперед. В то же время мы не должны закрывать глаза на тот факт, что в конце концов равенство будет достигнуто не только между Америкой и Европой, но и между этими двумя континентами и другими частями мира. Смешение народов, миграции, которые приняли огромные масштабы, и растущие возможности общения в конечном итоге должны привести к равновесию населения во всем мире. Тогда каждая страна внесет свой вклад в богатство человечества, и то, что мы называем цивилизацией, будет иметь «свой центр повсюду, а периферию нигде».

Центральное географическое положение Европы, несомненно, оказало наиболее благоприятное влияние на прогресс народов, ее населяющих. Превосходство европейцев, безусловно, не обусловлено врожденными достоинствами рас, от которых они произошли, как тщетно полагают некоторые, поскольку в других частях древнего мира эти же расы проявили гораздо меньший творческий гений. Благоприятным условиям почвы, климата, рельефа и географического положения жители Европы обязаны честью быть первыми, кто получил знание о Земле в целом и так долго оставался на вершине человечества. Поэтому

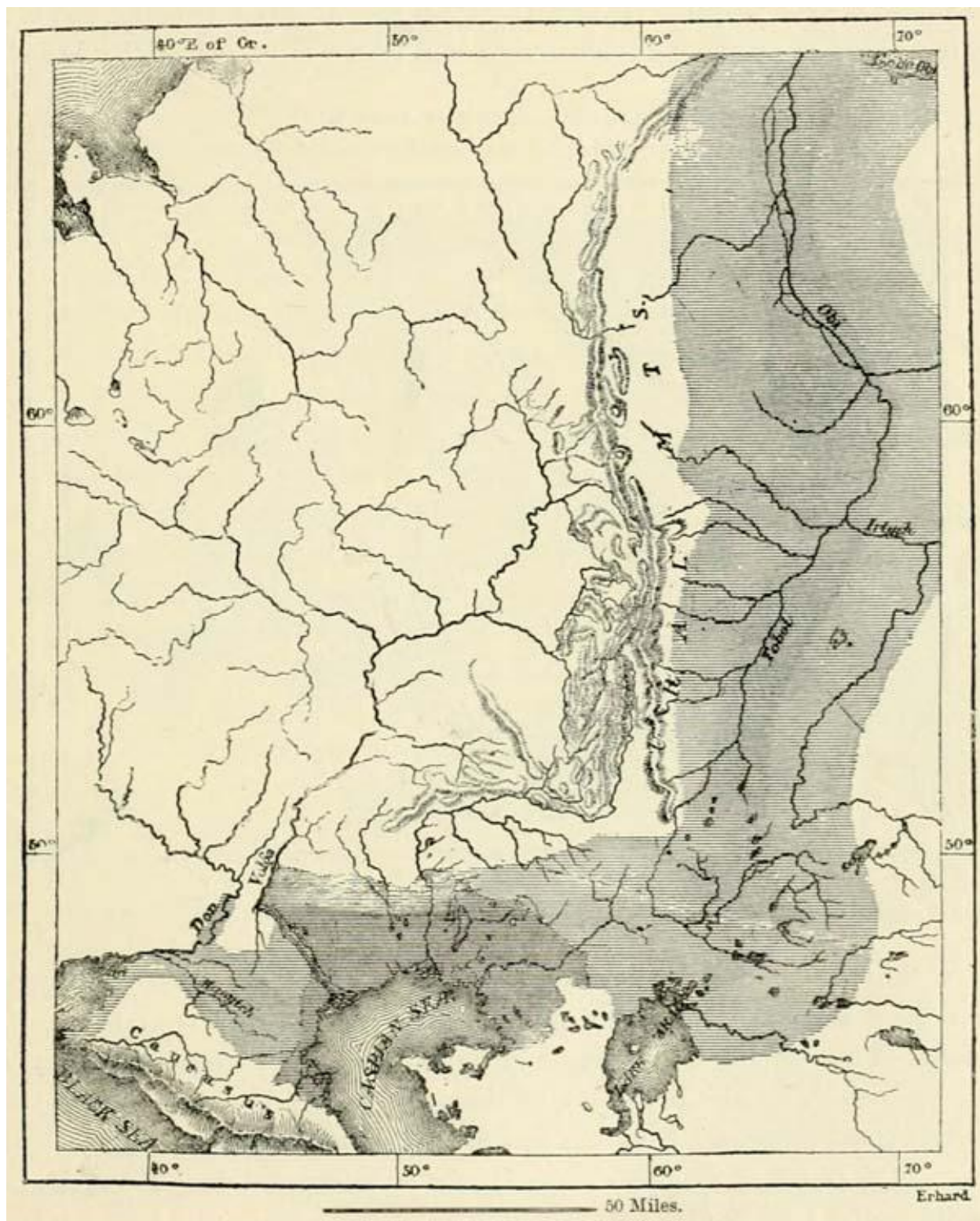
исторические географы правы, когда настаивают на влиянии, которое рельеф страны оказывает на народы, ее населяющие. Протяженность плоскогорий, высота горных хребтов, направление и объем рек, близость океана, изрезанность береговой линии, температура воздуха, обилие или редкость дождей, а также взаимосвязь между почвой, воздухом и водой — все это имеет огромное значение и во многом объясняет характер и образ жизни первобытных народов. Они объясняют большинство контрастов, существующих между народами, подверженными разным условиям, и указывают на естественные пути сообщения на земном шаре, по которым народы вынуждены следовать во время своих миграций или военных походов.

II. — ПЛОЩАДЬ И ГРАНИЦЫ.

Жители восточных берегов Средиземного моря, вероятно, научились в ходе своих первых военных и торговых экспедиций различать большие континенты, поскольку в центре древнего мира Африка соединяется с Азией узкой полосой засушливых песков, а Европа отделена от Малой Азии морями и проливами, которые трудно пересекать из-за опасных течений. Деление известного мира на три отдельные части не могло не произвести впечатления на умы этих молодых народов; и когда греки достигли зрелости, а исторические записи заменили мифы и устные предания, название «Европа», вероятно, уже передавалось из поколения в поколение на протяжении многих веков. Геродот наивно признает, что ни один смертный не может надеяться узнать истинное значение этого названия, завещанного нам нашими предками, но это не удерживает современных ученых от попыток его объяснить. Некоторые из них считают, что сначала оно применялось к Фракии с ее «большими равнинами», а затем распространилось на всю Европу; другие производят его от одного из прозвищ Зевса с «большими глазами», древнего бога Солнца, специально ответственного за защиту континента. Некоторые этимологи считают, что Европа была так названа финикийцами как страна «белых людей». Однако мы считаем гораздо более вероятным, что первоначально это название означало просто «Запад» в противоположность Азии, «Востоку» или «стране восходящего солнца». Именно поэтому сначала Италия, а затем Испания носили название Гесперия; Западная Африка получила название Эль-Магриб от мусульман, а равнины за Миссисипи в наше время стали известны как «Дальний Запад».

Но каким бы ни было первоначальное значение этого названия, во всех мифах древних Европа описывается как дочь Азии. Финикийцы были первыми, кто исследовал берега Европы и познакомил ее жителей с жителями Востока. Когда Дочь превзошла свою Мать в цивилизации, и греческие путешественники продолжили исследования, начатые моряками Тира, все известные страны к северу от Средиземного моря рассматривались как зависимые от Европы, и это название, которое первоначально ограничивалось фрако-эллинским полуостровом, со временем стало включать Италию, [Италию](#), Испанию, страны галлов и гиперборейские регионы за Альпами и Дунаем. Страбон, которому были уже известны самые разнообразные и плодородные части Европы, простирает ее на восток до Палуса Меотиса и Танаиса.^[2]

Рис. 1. — ЕСТЕСТВЕННАЯ ГРАНИЦА ЕВРОПЫ.
Масштаб 1 : 21 800 000.

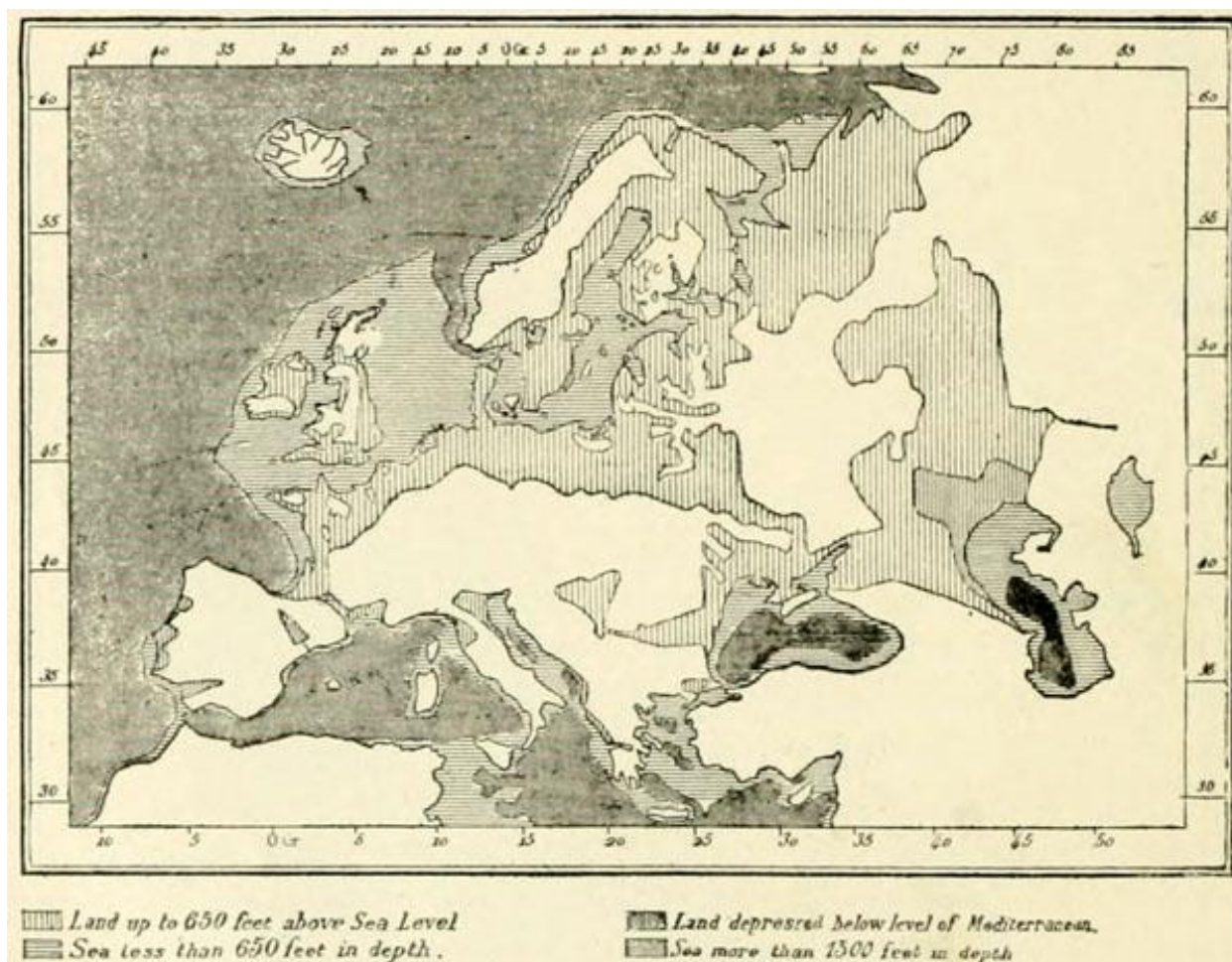

Зона понижения, простирающаяся от Черного моря до Обийского залива, заштрихована. Более темная заштриховка к северу от Каспия обозначает область, пониженную ниже уровня Средиземного моря.

С тех пор границы между Европой и Азией были сдвинуты географами еще дальше на восток. Однако они являются более или менее условными, поскольку Европа, хотя и ограничена с трех сторон океаном, на самом деле является лишь полуостровом Азии. В то же время контрасты между этими двумя частями света вполне оправдывают решение ученых разделить их на два континентальных массива. Но где проходит истинная линия раздела

между ними? Картографы обычно принимают политические границы, которые российское правительство пожелало провести между своими обширными европейскими и азиатскими территориями, а другие принимают вершины Уральских гор и Кавказа в качестве границы между двумя континентами; и хотя на первый взгляд это разграничение кажется более разумным, чем предыдущее, на самом деле оно не менее абсурдно. Два склона горной цепи никогда не могут быть отнесены к разным формациям, и они, как правило, заселены людьми одной расы. Истинная линия раздела между Европой и Азией состоит вовсе не из гор, а, напротив, из ряда впадин, в прежние времена покрытых морским каналом, соединявшим Средиземное море с Северным Ледовитым океаном. Степи Маныча, между Черным и Каспийским морями и к северу от Кавказа, до сих пор частично покрыты солончаками. Само Каспийское море, а также Аральское озеро и другие озера, которые мы встречаем в направлении Обийского залива, являются остатками этого древнего морского рукава, а промежуточные регионы до сих пор несут следы того, что когда-то были морским дном.

Рис. 2. — РЕЛЬЕФ ЕВРОПЫ.
По данным Houzeau, Berghaus, Kiepert, Olsen и других.
Масштаб 1 : 60 000 000.

Нет сомнений в том, что в конфигурации Европы произошли огромные изменения не только в более древние геологические периоды, но и в относительно недавнее время. Мы уже видели, что когда-то огромный морской пролив отделял Европу от Азии; столь же

несомненно, что было время, когда она была соединена с Анатолией перешейком, который впоследствии превратился в Босфор в Константинополе; Испания была соединена с Африкой до тех пор, пока воды Атлантического океана не вторглись в Средиземное море; Сицилия, вероятно, была соединена с Мавританией; а Британские острова когда-то составляли часть материка. Эрозия моря, а также поднятие и оседание суши привели и по-прежнему приводят к изменениям в контурах наших побережий. Многочисленные измерения глубин в морях, омывающих Западную Европу, выявили существование подводного плато, которое с геологической точки зрения следует рассматривать как неотъемлемую часть нашего континента. Ограниченный бездонными глубинами в тысячи саженей и погруженный на глубину не более ста саженей под водой океана, этот пьедестал Франции и Британских островов следует рассматривать как основание древнего континента, разрушенного непрерывным действием волн. Если бы мелкие участки океана, а также Средиземного моря были присоединены к Европе, ее площадь увеличилась бы на четверть, но в то же время она лишилась бы богатства полуостровов, которые обеспечили Европе историческое превосходство над другими континентами.

Если бы мы предположили, что Европа опустилась бы на сто сажен, ее площадь сократилась бы вдвое. Океан вновь покрыл бы ее низменные равнины, большинство из которых являются древними морскими дном, и над водой остался бы лишь скелет плато и горных хребтов, гораздо более изрезанных бухтами и окаймленных полуостровами, чем существующие в настоящее время побережья. Вся Западная и Южная Европа превратилась бы в огромный остров, отделенный широким проливом от равнин внутренней России. С исторической и геологической точки зрения этот огромный остров и есть настоящая Европа. Россия не только наполовину азиатская из-за своих экстремальных температур, монотонных равнин и бесконечных степей, но и тесно связана с Азией в отношении своих жителей и исторического развития. Сложно сказать, что Россия принадлежит к Европе более ста лет. Именно в морской и горной Европе, с ее островами, полуостровами и долинами, ее разнообразными чертами и неожиданными контрастами, зародилась современная цивилизация, ставшая результатом бесчисленных местных цивилизаций, счастливо объединившихся в одно целое. И, подобно тому как реки, спускающиеся с гор, покрывают равнины у их подножия плодородной почвой, так и прогресс, достигнутый в этом центре просвещения, постепенно распространился на другие континенты, до самых краев земли.

III. — ПРИРОДНЫЕ РАЗДЕЛЕНИЯ И ГОРЫ.

Европа, о которой идет речь, включает Францию, Германию, Англию и три средиземноморских полуострова и состоит из нескольких природных районов. Британские острова образуют одно из них. Иберийский полуостров отделен от остальной Европы почти так же отчетливо, поскольку между ним и Францией возвышается самая грозная горная цепь, которую труднее всего пересечь во всей Европе; а сразу к северу от него равнина, нигде не превышающая высоты 650 футов, простирается от Средиземного моря до Атлантического океана. Географическое единство Европы в полной мере представлено только в системе Альп и в горах Франции, Германии, Италии и Балканского полуострова, которые с ней связаны. Именно там мы должны искать каркас континентальной Европы.

Альпы, древнее кельтское название которых, вероятно, относится к белизне их снежных вершин, простираются огромной дугой длиной более 600 миль от берегов Средиземного моря до равнин Дуная. На самом деле они состоят из более чем тридцати горных массивов, представляющих столько же геологических групп и соединенных между собой высокими перевалами; но их скалы, будь то гранит, сланец, песчаник или известняк, образуют один непрерывный вал, возвышающийся над равнинами. В прежние века Альпы были выше, чем сейчас. Это доказывается изучением их обломочного материала и слоев, разрушенных под воздействием природных факторов. Но, независимо от степени разрушения, они по-прежнему возвышаются сотнями вершин над линией вечного снега, и огромные ледяные реки спускаются с них в каждую долину высокогорья. Если смотреть с равнин Пьемонта и Ломбардии, эти ледники и снежные поля выглядят как сверкающие диадемы, окружающие вершины гор.

В восточной части Альпийской системы, то есть между Средиземным морем и Монбланом, самой высокой точкой Европы, средняя высота горных групп постепенно увеличивается с 6500 до более чем 13 000 футов. К востоку от Монблана Альпы меняют направление и за обширными цитаделями, представленными Монте-Роза и Бернским Оберландом, постепенно снижаются в высоте. К востоку от Швейцарии ни одна вершина не превышает высоты 13 000 футов, но эта потеря в высоте полностью компенсируется увеличением ширины. И хотя общее направление главной оси Альп остается северо-восточным, очень значительные горные цепи, значительно превышающие центральную массу по ширине, отходят в сторону севера, востока и юго-востока. Линия, проведенная через настоящие Альпы от Вены, имеет длину не менее 250 миль.

Распространяясь таким образом, Альпы теряют свой характер и облик. Мы больше не встречаем величественных горных массивов, ледников и снежных полей. К северу они постепенно опускаются в долину Дуная, к югу разветвляются на вторичные цепи, опирающиеся на арочное плато Турции. Но, несмотря на огромные контрасты между настоящими Альпами и горами Черногории, Эмуса, Родопами и Пиндусом, все эти горные цепи, тем не менее, принадлежат к одной и той же орографической системе. Весь Балканский полуостров следует рассматривать как естественное продолжение Альп; то же самое относится и к Италии, поскольку цепь Апеннин является ни чем иным, как продолжением Приморских Альп, и мы едва ли знаем, где провести границу между ними. Карпаты также следует отнести к горным цепям, составляющим часть системы Альп. Они были постепенно отделены от них под воздействием воды, но нет сомнений, что в прежние времена полукруг гор, известный как Малые Карпаты, Бескиды, Татры, Большие Карпаты и Трансильванские Альпы, был соединен, с одной стороны, с Австрийскими Альпами, а с

другой — с отрогами, спускающимися с Балкан. Дунай проложил себе путь через эти горные валы, но проходы, или «ворота», узкие; они усыпаны камнями и контролируются остатками древних разделительных хребтов.

Конфигурация Альп и лабиринтных горных хребтов, ответвляющихся от них на восток, не могла не оказать мощнейшего влияния на историю Европы и всего мира. Единственные известные варварам высокие дороги — это те, которые проложила сама природа, и поэтому они могли проникнуть в Европу только по морю или через обширные равнины севера. Проникнув на запад от Черного моря, их продвижение сначала было остановлено озерами и труднопроходимыми болотами долины Дуная; а когда они преодолели эти препятствия, они оказались лицом к лицу с барьером высоких гор, чьи запутанные лесистые долины и склоны вели к недоступным районам вечных снегов. Альпы, Балканы и все другие передовые цепи Альпийской системы составляли передовой оборонительный барьер для Западной Европы, и завоевательные кочевые племена, которые бросались на него, делали это с риском уничтожения. Привыкшие к безграничному горизонту степей, они не рисковали подниматься на эти крутые холмы — они повернули на север, где обширные равнины Германии позволяли последовательным роям иммигрантов с большей легкостью распространяться по стране. А что касается захватчиков, которых слепая ярость завоевания подтолкнула к вторжению в ущелья этих гор, то они оказались в ловушке; это объясняет разнообразие народов и фрагментов народов, чье присутствие превратило страны Дуная в своего рода этнологический хаос. И как обломки, уносимые течением, оседают в водовороте реки, так и эти фрагменты почти всех народов Востока накопились в пестром беспорядке в этом уголке континента.

К югу от этого великого горного барьера миграции между Европой и Азией могли происходить только по морю — по дороге, открытой только для тех народов, которые были достаточно развиты в цивилизации, чтобы овладеть искусством строительства кораблей. Будь то пираты, купцы или воины, они давно поднялись над состоянием первобытного варварства, и даже их завоевательные походы добавили что-то к запасу человеческих знаний. Кроме того, из-за трудностей навигации они мигрировали только небольшими группами. В какой бы точке они ни поселились, они вступали в контакт с народами другой расы, и это общение породило ряд местных цивилизаций, каждая из которых несла свой отпечаток, и нигде их влияние не было преобладающим. Каждый остров архипелага и каждая долина древней Эллады отличались от своих соседей по социальному положению, диалекту и обычаям, но все они оставались греческими, несмотря на финикийское и другие влияния, которым они подвергались. Таким образом, благодаря конфигурации горных цепей и береговых линий цивилизация, которая постепенно развивалась в странах Средиземноморья к югу от Альп, в целом была более спонтанной по своей природе и отличалась большим разнообразием и контрастами, чем цивилизация гораздо менее развитых народов севера, которые перемещались с места на место по обширным равнинам.

Широкий диапазон Альп и их передовых цепей таким образом разделял два разных мира, в которых историческое развитие шло с разной скоростью. В то же время разделение между двумя склонами альпийской системы было далеко не полным. Нигде в Альпах мы не встречаем холодных и необитаемых плато, как в Андах и Тибете, чья огромная протяженность образует почти непреодолимые барьеры. Альпийские массивы повсюду разбиты на горы и долины, а климат последних достаточно мягкий, чтобы человек мог в них жить. Горцы, которые легко сохраняли свою независимость благодаря защите, предоставляемой им природой, сначала служили посредниками между народами,

населявшими противоположные низменности. Именно они осуществляли редкие обмены продуктами между Севером и Югом и открыли первые торговые пути между вершинами гор. Направление долин и глубоко врезы горные перевалы даже тогда указывали на великие пути, по которым в будущем будут пересекать Альпы в целях торговли или войны. Та часть Альп, которая лежит между горными массивами Савойи и Средиземноморья, естественно, первая перестанет быть препятствием для военных экспедиций. Альпы там действительно очень высокие, но они уже, чем где-либо еще; кроме того, климат на двух противоположных склонах схож, что сближает образ жизни и обычаи проживающих там людей. Гораздо более грозным естественным барьером являются Альпы к северо-востоку от Монблана, поскольку они образуют климатическую границу.

Другие горные хребты играют лишь второстепенную или локальную роль в истории Европы, если сравнивать их с Альпами. Тем не менее, их влияние на судьбу народов не менее очевидно. Плато и снежные поля Скандинавских Альп образуют разделительную стену между норвежцами и шведами. Четырехугольная горная крепость Богемии в центре Европы, которая укрывает чехов, почти полностью окружена немцами и напоминает остров, омываемый волнами океана. Холмы Уэльса и Шотландии послужили убежищем для кельтской расы от вторжений англосаксов, датчан и норманнов. Бретонцы во Франции обязаны своим скалам и *пустошам* тем, что они еще не стали полностью французами, в то время как плоскогорье Лимузен, холмы Оверни и Севенны являются основной причиной поразительного контраста, который до сих пор существует между жителями северной и южной Франции. Пиренеи, наряду с Альпами, являются самым грозным препятствием для продвижения народов в Европе; они остались бы непреодолимым валом до наших дней, если бы не было возможности легко обойти их по краям, примыкающим к морю.

IV. МОРСКИЕ РЕГИОНЫ.

Долины, расходящиеся во всех направлениях от больших центральных массивов Альп, прекрасно подходят для придания почти всей Европе замечательного единства, предлагая в то же время чрезвычайное разнообразие аспектов и физических условий. По, Рона, Рейн и Дунай протекают по странам с самыми разными климатическими условиями, но все они берут начало в одном и том же горном регионе, а плодородный аллювий, который они отлагают в своих долинах, образуется в результате распада одних и тех же пород. Небольшие долины изрезают склоны Альп и их прилегающих цепей и несут к морю воды гор и измельченные фрагменты их пород. Потоки воды видны, куда бы мы ни обратили взгляд. Здесь нет ни пустынь, ни бесплодных плато, ни внутренних озер и речных бассейнов, как в Африке и Азии. Реки Европы не выходят из берегов, как в некоторых частях Южной Америки, где они затопляют половину страны. Напротив, в схеме своих рек Европа демонстрирует определенную умеренность, которая благоприятствовала работе поселенцев и способствовала возникновению местной цивилизации в каждом речном бассейне. Более того, хотя большинство рек достаточно велики, чтобы задержать миграцию, они не настолько велики, чтобы остановить ее на длительный период времени. Даже когда не было дорог и мостов, варварские иммигранты легко прокладывали себе путь от берегов Черного моря до берегов Атлантического океана.

Но Европа, помимо преимуществ, обусловленных ее горным рельефом и расположением речных бассейнов, обладает еще большим преимуществом — изрезанной береговой линией. Именно контуры ее побережья придают Европе двойственный характер единства и разнообразия, который выделяет ее среди других континентов. Она «единая» благодаря своей большой центральной массе и «разнообразная» благодаря многочисленным полуостровам и зависимым островам. Это организм, если можно так сказать, напоминающий огромное тело с конечностями. Страбон сравнивал Европу с драконом. Географы периода возрождения литературы сравнивали ее с коронованной девой, где Испания была головой, Франция — сердцем, а Англия и Италия — руками, держащими скипетр и державу. Россия, в то время малоизвестная, выполняла роль широких складок плаща.

Площадь Европы составляет лишь половину площади Южной Америки и треть площади Африки, но протяженность ее береговой линии превосходит протяженность береговых линий этих двух континентов вместе взятых. По отношению к своей площади побережье Европы в два раза превосходит побережье Южной Америки, Австралии и Африки; и хотя оно немного уступает побережью Северной Америки, следует иметь в виду, что арктическое побережье последней большую часть года покрыто льдом. Взгляд на приложенные диаграммы показывает, что Европа, по сравнению с двумя другими континентами, омываемыми Северным Ледовитым океаном, имеет огромное преимущество, поскольку ее береговая линия почти полностью пригодна для судоходства, в то время как большая часть побережья Азии и Америки совершенно непригодна для человека. И не только море проникает в самое сердце умеренной Европы, разбивая ее на вытянутые полуострова, но и эти полуострова окаймлены заливами и миниатюрными внутренними морями. Берега Греции, Фессалии и Фракии изрезаны бухтами и заливами, проникающими далеко вглубь суши; Италия и Испания также имеют многочисленные бухты и заливы; а полуострова Северной Европы, Ютландия и Скандинавия, разбиты водами океана на многочисленные вторичные полуострова.

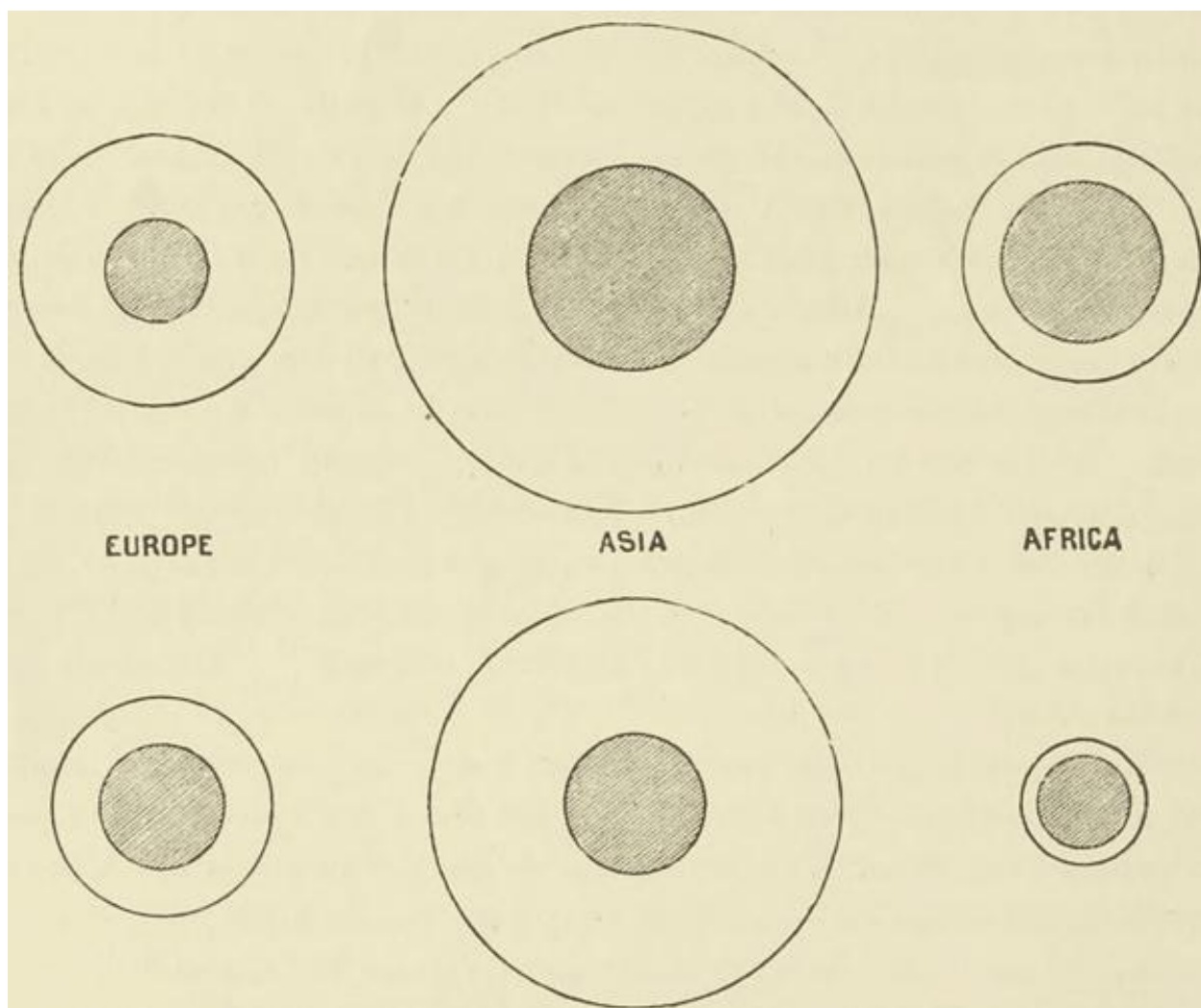

Рис. 3. — РАЗВИТИЕ БЕРЕГОВОЙ ЛИНИИ ОТНОСИТЕЛЬНО ПЛОЩАДИ.

	Европа.	Азия.	Африка.	Северная Америка.	Южная Америка.	Австралия.
Общая площадь, квадратных миль	4 005 100	17 308 400	11 542 400	9 376 850	6 803 570	3 450 130
Площадь материковой части, квадратных миль	3 758 300	15 966 000	11 293 930	7 973 700	6 731 470	2 934 500
Развитие береговой линии, мили	18 600	34 110	16 480	30 890	16 390	10 570
Доступные побережья	17 610	28 200	16 480	26 510	16 390	14 400
Отношение геометрического контура к фактическому контуру	1 : 2,5	1 : 2,5	1 : 1,4	1 : 3,1	1 : 1,8	1 : 1,7

Заштрихованные круги обозначают различные континенты; внешний круг обозначает фактическую протяженность береговой линии. Пустое пространство между двумя концентрическими кругами графически отображает разницу между минимально возможным или геометрическим контуром страны, имеющей площадь соответствующих континентов, и фактическим контуром, отображенным в существующих береговых линиях. Европа, которая на самом деле является лишь полуостровом Азии, вряд ли подходит для такого сравнения.

Острова Европы следует рассматривать как зависимые территории этого континента, поскольку большинство из них отделены от него лишь мелкими морями. Кандия и острова, разбросанные по Эгейскому морю, архипелаги Ионического моря и Далмации, Сицилия, Корсика и Сардиния, Эльба и Балеарские острова на самом деле являются лишь продолжением или морскими аванпостами соседних полуостровов. Островам Зеландия и Фюн, расположенным у входа в Балтийское море, Дания обязана большей частью своего коммерческого и политического значения. Великобритания и Ирландия, которые в прошлом фактически составляли часть европейского континента, не могут рассматриваться иначе, как его зависимые территории, хотя перешеек, который когда-то соединял их, был

разрушен водами океана. Англия фактически стала великим торговым центром Европы и теперь играет в мировой торговле ту же роль, которую когда-то играла Греция в более ограниченном мире Средиземноморья.

Примечательно, что каждый из европейских полуостровов поочередно переживал период торгового превосходства. Первой была Греция, «самая благородная индивидуальность древнего мира», которая на пике своей мощи управляла Средиземноморьем, что в то время означало почти весь мир. В средние века Амальфи, Генуя и Венеция стали торговыми посредниками между Европой и Индией. Открытие прохода вокруг мыса и Америки перенаправило мировую торговлю в Кадис, Севилью и Лиссабон на Иберийском полуострове. Впоследствии купцы маленькой Голландской Республики захватили часть наследия Испании и Португалии, и богатства всего мира потекли в гавани их островных и полуостровных государств, окруженных морем. В наши дни Великобритания, благодаря своему выгодному географическому положению в самом центре больших континентальных массивов и энергии своего народа, стала великим торговым центром мира. Лондон, самый густонаселенный город мира, также является великим центром притяжения сокровищ человечества; но нет сомнений, что рано или поздно он будет вытеснен в результате открытия новых торговых путей и изменений в политическом превосходстве наций. Возможно, в будущем место Лондона займет какой-нибудь город Соединенных Штатов, и таким образом подтвердится вера американцев в продвижение цивилизации на запад; или же мы, возможно, вернемся на Восток и превратим Константинополь или Каир в мировой торговый центр и центр общения.

Но что бы ни случилось в будущем, великие изменения, которые произошли в относительной важности полуостровов и островов Европы за короткий промежуток времени в двадцать веков, достаточно доказывают, что географические особенности оказывают различное влияние в разные эпохи. То, что в одно время считалось большим природным преимуществом, со временем может стать серьезным недостатком. Так, многочисленные заливы и бухты, окруженные горными цепями, которые способствовали возникновению городов Греции и дали Афинам господство над Средиземноморьем, теперь представляют собой столько же препятствий для их связи с существующей системой европейских коммуникаций. То, что в прежние времена составляло силу страны, стало ее слабостью. В первобытные времена, до того как человек осмелился выйти в море, эти бухты и заливы составляли непреодолимые препятствия для миграции народов; позднее, когда было освоено искусство мореплавания, они стали торговыми путями и способствовали развитию цивилизации; а в настоящее время они вновь являются препятствиями на пути наших дорожных строителей и инженеров-железнодорожников.

Влияние рельефа земли и конфигурации побережья варьируется в разные эпохи, но влияние климата является постоянным. В этом отношении Европа является самым благоприятным регионом Земли, поскольку в течение цикла неизвестной длительности она обладала самым умеренным, самым равномерным и самым здоровым климатом из всех континентов.

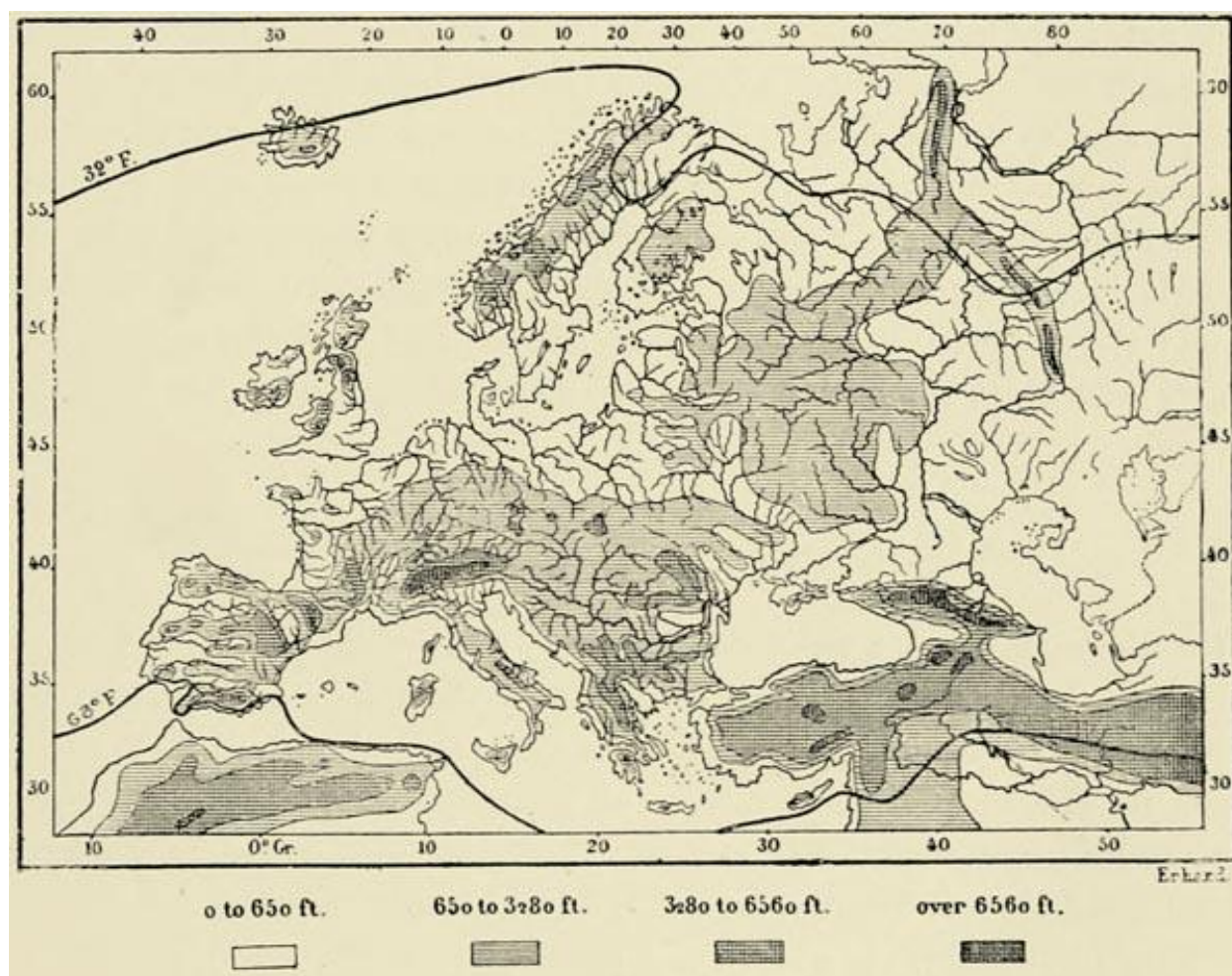
Благодаря внутренним морям, которые глубоко проникают вглубь суши, вся Европа подвержена смягчающему влиянию океана. За исключением Центральной России, ни одна часть Европы не находится дальше 400 миль от моря, и, поскольку большинство гор склоняются от центра континента к его окраинам, влияние морских бризов ощущается повсюду. Таким образом, континентальная Европа, несмотря на свою огромную площадь, пользуется преимуществами островного климата на всей своей территории, поскольку ветры, дующие над океаном, смягчают летнюю жару и зимнюю стужу.

Непрерывное северо-восточное движение вод Атлантического океана также благоприятно влияет на климат Европы. Нагревшись под тропическим солнцем в Мексиканском заливе, Гольфстрим выходит через Флоридский пролив и, распространяясь по Атлантическому океану, направляется к побережью Европы. Эта огромная масса теплой воды, равная по объему двадцати миллионам рек размером с Рона, приносит тепло южных широт к западным и северным берегам Европы. Ее влияние ощущается не только в приморских странах Западной Европы, но в некоторой степени и вплоть до Каспийского моря и Уральских гор.

Воздушные течения оказывают столь же благоприятное влияние на климат Европы, как и океанские течения. Юго-западные ветры, преобладающие на побережьях, проходят над теплым Гольфстримом и, достигая Европы, отдают накопленное ими между тропиками тепло. Северо-западные, северные и даже северо-восточные ветры, дующие в течение части года, менее холодны, чем можно было бы ожидать, поскольку им тоже приходится пересекать теплые воды Гольфстрима. И, наконец, есть еще Сахара, которая повышает температуру в части Европы.

Повышение температуры в результате совместного воздействия ветров и океанских течений составляет 40° 50° и даже 60°, если сравнивать Европу с другими частями мира, расположенными на тех же широтах. Нигде больше, даже на западном побережье Северной Америки, изотермы, или линии равной годовой температуры, не поднимаются так высоко в сторону арктических регионов. Жители Европы, хотя и живут на расстоянии от 900 до 1200 миль дальше от экватора, наслаждаются таким же мягким климатом, как и жители Америки, а понижение температуры по мере продвижения на север происходит гораздо менее быстро, чем в любой другой части земного шара. Эта равномерность температуры является одной из наиболее характерных черт Европы. Вся она лежит в умеренном поясе, ограниченном изотермами 32° F и 68° F, в то время как в Америке и Азии эта привилегированная зона занимает только половину этой площади.

Рис. 4. ИЗОТЕРМИЧЕСКАЯ ЗОНА ЕВРОПЫ.
Масштаб 1 : 60 000 000.

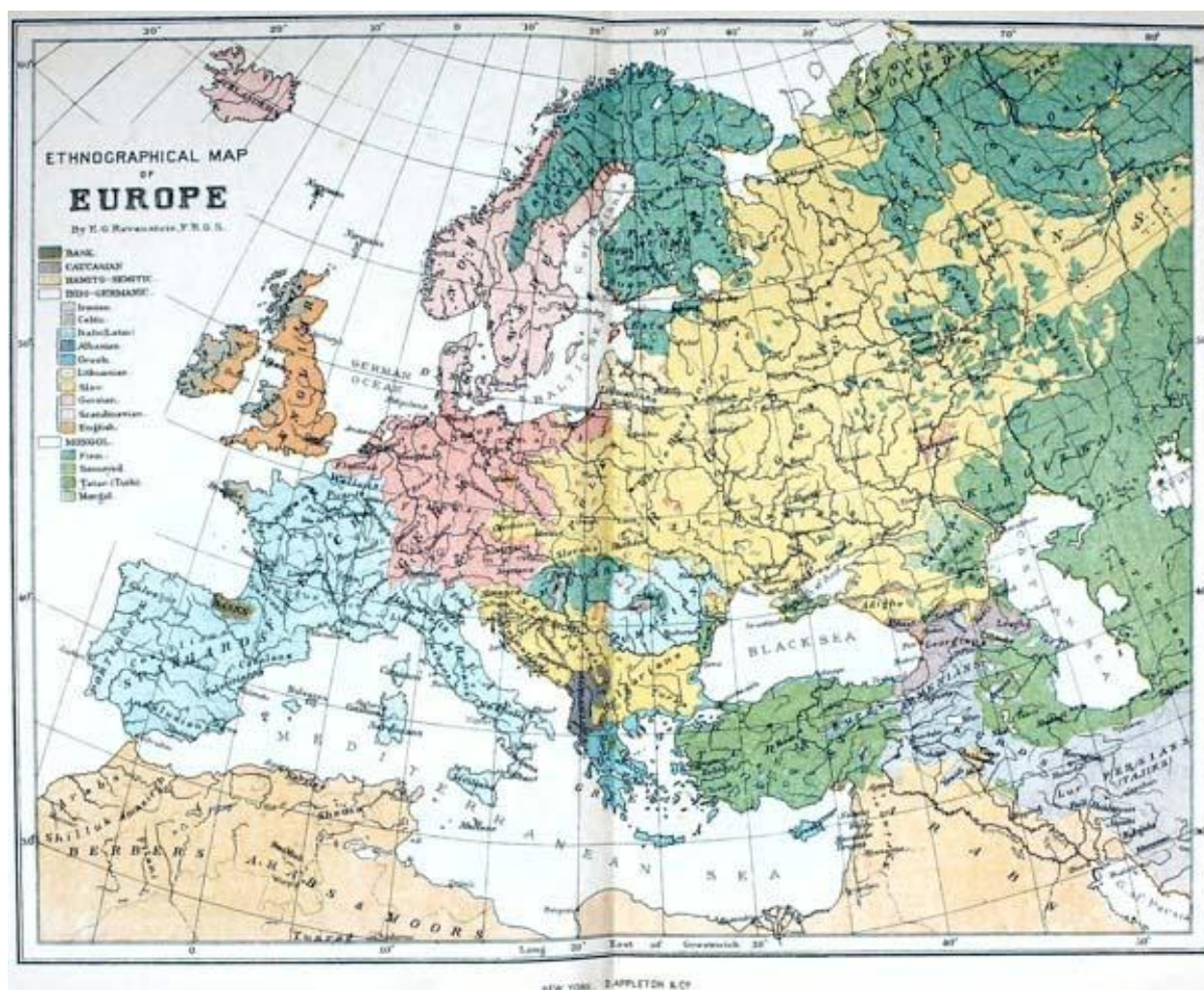
Эта замечательная однородность климата Европы проявляется не только в температуре, но и в распределении осадков. Моря, омывающие берега Европы, снабжают все ее части необходимым количеством влаги. Здесь нет бездождных районов, и, за исключением части приморской области Каспия и небольшого уголка Испании, нет районов, где засухи иногда приводят к полной потере урожая. Дожди идут не только регулярно каждый год, но и в большинстве стран в каждом сезоне, единственным исключением являются страны Средиземноморья, где осень и зима являются настоящими дождливыми сезонами. Более того, несмотря на большое разнообразие физических особенностей Европы, количество осадков практически нигде не является чрезмерным, будь то мелкий дождь, как в Ирландии, или сильные ливни, как в Провансе и на южном склоне Альп. Годовое количество осадков практически никогда не превышает 39 дюймов, за исключением склонов некоторых горных хребтов, которые задерживают прохождение влажных воздушных потоков. Эта равномерность и умеренность осадков оказывают регулирующее влияние на течение рек, поскольку даже самые маленькие из них, во всяком случае те, что находятся к северу от Пиренеев, Альп и Балкан, текут в течение всего года. Их уровень поднимается и опускается, как правило, в узких пределах, и наводнения в широких масштабах так же редки, как и нехватка воды для орошения. Благодаря этой регулярности Европа может извлекать из своих вод больше выгоды, чем другие континенты, где количество осадков более значительно. Альпы вносят большой вклад в поддержание регулярного течения рек; избыток влаги, выпадающий на их долю, накапливается в виде снега и льда, которые медленно спускаются в долины и тают во время летней жары. Это происходит как раз в то

время, когда реки получают меньше всего дождя и теряют больше всего из-за испарения, и некоторые из них высохли бы, если бы лед гор не приходил на помощь воде, спускающейся с неба. Таким образом, в экономике европейских рек устанавливается своего рода баланс.

Климат Европы характеризуется однородностью в целом и компенсаторным действием в своих контрастах. Регулярность и отсутствие крайних проявлений, неизвестные на других континентах, отличают ее океанские течения, ветры, температуру и дожди, а также течение рек. Эти большие преимущества приносили пользу ее жителям в прошлом и будут приносить ее и в будущем. Несмотря на небольшую площадь, Европа обладает самой большой зоной акклиматизации. Человек может мигрировать из России в Испанию или из Ирландии в Грецию, не подвергая себя большому риску для жизни. Жители Кавказа и Уральских гор смогли таким образом пересечь равнины и горы Европы и поселиться на берегах Атлантического океана. Почва и климат одинаково благоприятны для человека и позволяют ему сохранять свои физические и интеллектуальные силы, куда бы он ни отправился. Кочевой народ мог основать новые поселения в любой части Европы. Их спутники в путешествии — собаки, лошади и волы — не покидали их в дороге, а семена, которые они везли с собой, давали урожай везде, где их засевали в землю.

VI. — ЖИТЕЛИ.

Изучение почвы и тщательное наблюдение за климатическими явлениями позволяют нам оценить общее влияние природы страны на развитие ее жителей; но гораздо сложнее определить вклад каждой расы или нации в прогресс европейской цивилизации. Несомненно, в борьбе за существование различные группы обнаженных и невежественных дикарей подвергались разному воздействию в зависимости от их численности и физической силы, врожденного интеллекта, вкусов и умственных склонностей. Но кто были те первобытные люди, которые первыми начали использовать природные ресурсы страны, в которой жили? Мы не знаем, потому что, если мы вернемся на несколько тысяч лет назад, все факты окутаны мраком. Мы ничего не знаем даже о происхождении ведущих наций Европы. Являемся ли мы «сынами земли» и «побегами дуба», как говорится в поэтическом языке древней традиции, или же мы должны считать жителей Азии нашими предками, которым мы обязаны нашими языками и зачатками наших искусств и наук? Или же эти иммигранты с соседнего континента поселились среди коренного населения? Не так давно азиатское происхождение европейских народов считалось установленным фактом, и на карте Азии были указаны первоначальные места проживания наших предков. Но теперь большинство ученых сходятся во мнении, что наших предков следует искать на той самой земле, которую мы, их потомки, все еще занимаем. Пещеры, берега океанов и озер, а также аллювиальные отложения наших рек дали остатки человеческой деятельности и даже человеческие скелеты, которые ясно доказывают, что задолго до предполагаемой иммиграции из Азии в Европе существовали племена, которые уже достигли определенного прогресса в человеческой деятельности. Даже в детстве истории существовали племена, которые считались аборигенами, и некоторые из их потомков — например, баски — не имеют ничего общего с завоевателями с соседнего континента. Также не является общепризнанным, что арии — то есть предки пеласгов, греков, латинян, кельтов, германцев и славян — имеют азиатское происхождение. Сходство языков может оправдывать нашу веру в общее происхождение ариев Европы, персов и индусов, но оно не доказывает, что их родовое гнездо следует искать где-то вблизи истоков Оксуса. Многие ученые³ считают ариев аборигенами Европы, но определенности в этом вопросе нет. Без сомнения, в доисторические времена миграции между двумя континентами были частыми, но мы почти не знаем, в каких направлениях они происходили, и с уверенностью можем говорить только о тех миграциях народов, о которых рассказывает история. Так, мы знаем, что Европа отправила на другие континенты галатов, македонцев и греков, а в более позднее время — бесчисленных эмигрантов всех национальностей, и в свою очередь приняла гуннов, аварцев, турок, монголов, черкесов, евреев, армян, мавров, берберов и представителей многих других народов.

Не принимая во внимание небольшие семьи народов, а также представители рас, не достигшие национального существования, Европу можно охарактеризовать как состоящую из трех великих этнологических разделов, главная граница между которыми проходит по Альпам, Карпатам и Балканам.

Первая из этих великих семей европейских народов, члены которой говорят на греко-латинских языках, занимает южные склоны Балкан и Альп, Иберийский полуостров, Францию и часть Бельгии, а также несколько отдельных территорий в пределах древней Римской империи, полностью окруженных чуждыми народами. К ним относятся равнины Нижнего Дуная и часть Трансильвании, населенные румынами, а также несколько уединенных альпийских долин, населенных «романами». С другой стороны, фрагменты двух древних народов сохранили свои позиции среди латинизированного населения, а именно кельтские жители Бретани и баски Пиренеев. Однако, в целом, все жители юго-западной Европы, будь то кельтская, иберийская или лигурийская раса, говорят на языках, происходящих от латинского, и какие бы различия ни существовали изначально между этими различными народами, это языковое сообщество более или менее стерло их.

Германские народы образуют вторую большую группу. Они занимают почти всю Центральную Европу к северу от Альп и простираются через Голландию и Фландрию до небольшого расстояния от пролива Дувр. Дания и большой Скандинавский полуостров, а также Исландия принадлежат к той же группе, и большая часть жителей Британских островов также обычно включается в нее. Последние, однако, скорее следует

охарактеризовать как смешанную расу, поскольку коренное кельтское население этих островов, которое в настоящее время в чистом виде сохранилось лишь в нескольких отдаленных районах, смешалось с англосаксонскими и датскими завоевателями, а язык последних смешался со средневековым французским, в результате чего получившийся диалект стал почти столько же латинским, сколько и саксонским. Развитию национальных особенностей способствовала изолированность, в которой оказались жители Британских островов, и они существенно отличаются от своих континентальных соседей — скандинавов, германцев и кельтско-латинцев — по языку и обычаям.

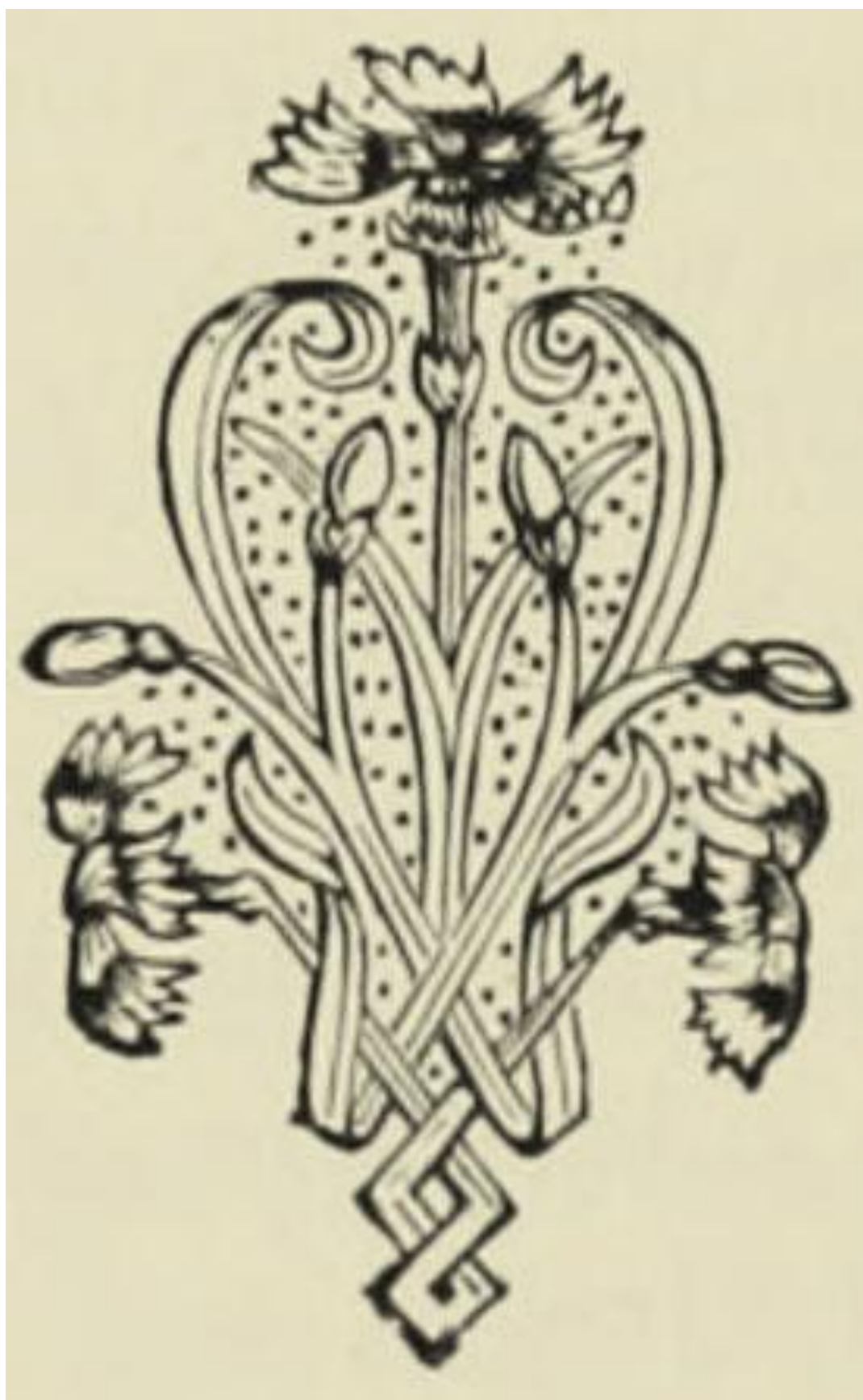
Славяне, или славоны, образуют третью группу европейских народов. Они менее многочисленны, чем греко-латиняне, но территории, которые они занимают, гораздо обширнее, поскольку они распространяются почти на всю Россию, Польшу, большую часть Балканского полуострова и примерно половину Австро-Венгерской монархии. Все великие равнины к востоку от Карпат заселены славянами, либо чистыми, либо смешанными с татарами и монголами. К западу и югу от гор эта раса разделена на многочисленные небольшие народы, которые в долине Дуная соприкасаются с румынами, а также с турками и мадьярами, два последних народа имеют азиатское происхождение и отделяют славян севера от славян юга. На севере между славянами и германскими народами находятся финны, ливонцы и литовцы.⁴

Однако раса и язык не всегда идентичны. Члены одной расы часто говорят на языке другой, и поэтому границы рас и языков часто различаются. Что касается политических границ, то они почти никогда не следуют тем природным особенностям, которые были бы выбраны, если бы их установление было поручено спонтанным действиям разных народов. Они почти никогда не совпадают с границами рас или языков, за исключением нескольких высоких горных хребтов или морских проливов. Во многих случаях страны Европы были произвольно разделены в результате войн или дипломатических соглашений. Лишь немногие народы, защищенные природой своей страны, а также своей доблестью, сохранили свою независимость со времен великих миграций, но гораздо большее число народов было сметено последовательными вторжениями. Многие другие, в свою очередь, не раз видели, как их границы расширялись и сокращались даже в течение одного поколения.

Так называемый «европейский баланс сил», основанный на праве войны и амбициозном соперничестве между нациями, по своей сути нестабилен. Нации, в высшей степени пригодные для ведения общей политической жизни, с одной стороны, разрываются на части, а с другой — объединяются самые разнородные элементы. В этих политических соглашениях с самими нациями никогда не консультируются, но их желания и склонности в конечном итоге должны преобладать, и искусственное здание, воздвигнутое воинами и государственными деятелями, рухнет. Настоящий «баланс сил» будет установлен только тогда, когда каждая нация континента станет арбитром своей судьбы, когда все мнимые права на завоевание будут отменены, а соседние нации получат свободу объединяться для управления общими делами. Таким образом, наши произвольные политические разделения имеют лишь временное значение. Их нельзя полностью игнорировать, но в следующих описаниях мы будем, насколько это возможно, придерживаться великих естественных разделений, определенных горами и долинами, а также распределением народов, имеющих одно происхождение и говорящих на одном языке. Но даже эти естественные границы теряют свое значение в таких странах, как Швейцария, населенной народами, говорящими на разных языках, но объединенными самыми крепкими из всех связей — общим наслаждением свободой.

С исторической точки зрения описание Европы следует начать с приморских стран Средиземноморья. Именно Греция дала начало нашей европейской цивилизации и в свое время занимала центральное место в известном мире. Ее поэты первыми воспевали смелых мореплавателей, а ее историки и философы собирали и классифицировали информацию, полученную о зарубежных странах. В последующую эпоху Италия, расположенная в самом центре Средиземноморья, заняла место Греции и в течение пятнадцати веков удерживала эту позицию: Генуя, Венеция и Флоренция сменили Рим в качестве лидеров цивилизованного мира. В этот период окружающие народы тяготели к Средиземноморью и Италии; и только когда итальянцы сами расширили земную сферу, открыв новый мир за океаном, это превосходство перешло от них к Иберийскому полуострову, где продержалось недолго. Греция была посредником между Европой и древними цивилизациями Азии и Африки; Испания и Португалия стали представителями Европы в Америке и на Дальнем Востоке; историческое развитие в своем прогрессе следовало по оси Средиземноморья с востока на запад.

В этих условиях вполне естественно, что мы описываем три средиземноморских полуострова в одном томе, тем более что они заселены почти исключительно греко-латинскими народами. Франция, хотя и латинизированная, тем не менее занимает особое положение. Она является средиземноморской страной только в том, что касается Прованса и Лангедока, остальная часть ее территории склоняется к Атлантическому океану. Географическое положение и история сделали Францию великой европейской магистралью, на которой народы Средиземноморья и Атлантики встречаются, чтобы обмениваться своими продуктами и вести свои сражения. Идеи импортируются во Францию со всех концов Европы, и она призвана играть роль переводчика между народами Севера и Юга. После Франции мы опишем германские страны Европы, Британские острова и Скандинавию, и, наконец, огромную империю России.

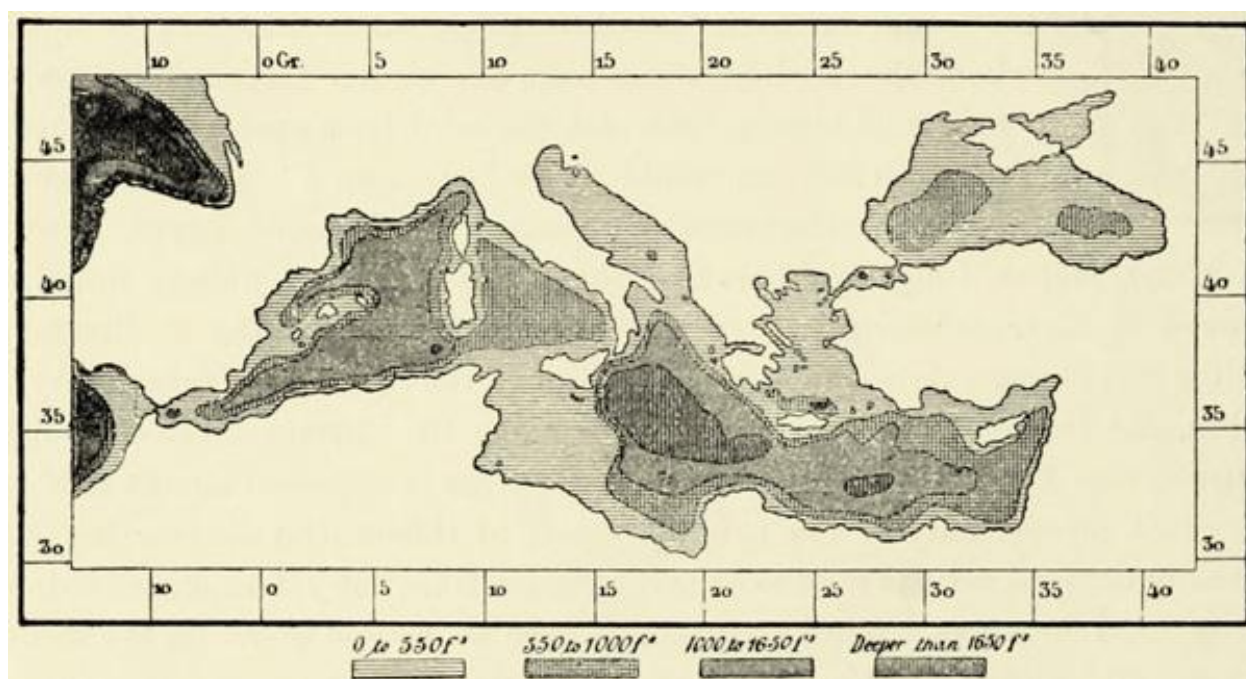

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ.

I. гидрология.

Греция и ее островные сателлиты достаточно убедительно доказывают, что нестабильные наводнения Средиземного моря оказали большее влияние на ход истории, чем твердая земля, по которой ступала нога человека. Западная цивилизация никогда бы не появилась на свет, если бы воды Средиземного моря не омывали берега Египта, Финикии, Малой Азии, Эллады, Италии, Испании и Карфагена. Западные народы остались бы в своем первобытном варварстве, если бы не Средиземное море, которое соединило Европу, Азию и Африку, облегчило общение между ариями, семитами и берберами и сделало климат окружающих стран более равномерным, облегчив таким образом доступ к ним. На протяжении веков казалось, что человечество может процветать только в окрестностях этого центрального моря, поскольку за его пределами встречались только упаднические народы или племена, еще не пробудившиеся к умственной деятельности. «Как лягушки вокруг болота, так мы поселились на берегах этого моря», — сказал Платон, и море, о котором он говорит, — это Средиземное море. Поэтому оно заслуживает описания не меньше, чем окружающие его заселенные страны. К сожалению, многие тайны все еще остаются скрытыми под его волнами.⁵

Рис. 5. ГЛУБИНА СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ.
По карте М. Делесса.

Изучение побережья, а также традиции народов, населяющих его, показывают, что Средиземное море часто меняло свои очертания и размеры. Проливы, соединяющие его воды с океаном, часто меняли свое положение. В то время, когда полуострова, такие как Греция, и даже острова, такие как Мальта, были частью континентальных массивов — и то, что это происходило в относительно недавней геологической эпохе, доказывается их ископаемой фауной — воды Средиземного моря покрывали большие части Африки, юга России и даже Азии. Исследования Спратта, Фукса и других ученых убедительно доказали, что к концу миоцена огромное пресноводное озеро простиралось от берегов Арала через Россию, равнины Дуная и Архипелага до Сиракуз на Сицилии. Затем пришли соленые воды океана. Было время, когда Черное и Каспийское моря соединяли Архипелаг с Обиским заливом. В другую эпоху заливы Сирта проникали далеко вглубь суши, и большая часть того, что сейчас является Ливийской и Сахарской пустынями, была тогда покрыта водой. Гибралтарский пролив, который, согласно преданиям древних, был разорван Гераклом, на самом деле имеет недавнее происхождение и заменил более древний пролив, соединявший Средиземное море с Красным морем и Индийским океаном: этот пролив был восстановлен руками человека и теперь известен как Суэцкий канал. Береговые линии Средиземного моря постоянно меняются из-за поднятия или оседания окружающих его стран. Нил, По, Рона и другие реки непрерывно расширяют аллювиальные равнины у своих устьев и все дальше вторгаются в море. Фактически Средиземное море с его подчиненными морями от Гибралтарского пролива до Азовского моря занимает площадь, примерно в тридцать раз превышающую площадь Британских островов. Эта площадь невелика, если сравнивать ее с огромным развитием побережья и богатством полуостровов, которые придают жизнь и независимость по крайней мере одной трети древнего мира. Средиземное море, хотя и занимает первое место среди всех океанов в силу той роли, которую оно сыграло в истории, тем не менее занимает площадь, равную лишь одной семидесятой части Тихого океана.⁶ Кроме того, оно разделено на несколько отдельных морей, некоторые из которых настолько малы по площади, что мореплаватель почти никогда не теряет из виду сушу. На востоке находится Черное море с двумя его притоками — Азовским и Мраморным морями. Эгейское море, или Архипелаг, с его многочисленными островами, простирается между изрезанными

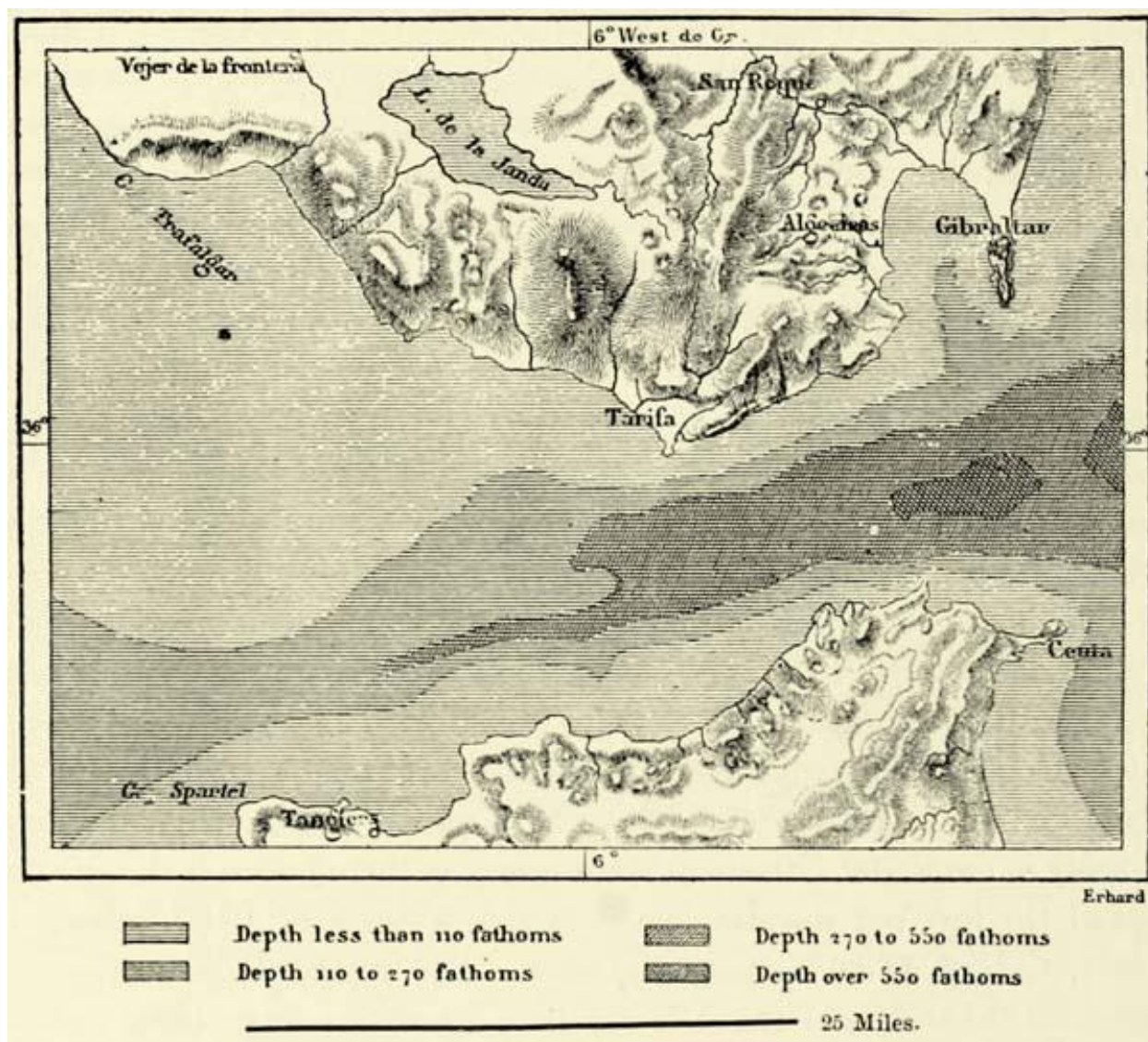
берегами Греции, Малой Азии и Крита. Адриатическое море простирается к северо-западу, между Балканским полуостровом и Италией; а собственно Средиземное море делится на два отдельных бассейна, которые можно было бы назвать Финикийским и Карфагенским морями, или Греческим и Римским Средиземными морями. Каждый из этих бассейнов снова подразделяется: один — Критом, другой — двумя островами Сардиния и Корсика. Эти различные подразделения Средиземного моря различаются по площади и еще больше по глубине. Азовское море почти заслуживает названия «Болото», которое было дано ему древними, потому что если в нем тонет корабль, то мачты остаются видимыми над водой. Черное море имеет максимальную глубину более 1000 саженей, но узкий пролив, соединяющий его с Мраморным морем, мельче многих европейских рек. Впадина, заполненная Мраморным морем, намного уступает по размеру многим внутренним озерам, а Дарданеллы, как и Босфор, едва ли шире реки. В архипелаге и восточной части собственно Средиземного моря глубина соответствует выпуклости суши. Абиссальные глубины и «ямы» глубиной 260 и даже 540 сажен можно найти в непосредственной близости от скалистых горных островов Киклад, в то время как на низких побережьях Египта вода углубляется только постепенно, пока в центре Левантийского моря не достигает глубины 1750 сажен. Максимальная глубина — 2170 сажен — достигается между Критом и Мальтой. Если бы все воды Средиземного моря были собраны в водную сферу, то ее диаметр составил бы 90 миль; если бы она упала на землю, то не покрыла бы даже полностью такую страну, как Швейцария.

Ионическое море отделено от Адриатического моря подводным хребтом, поднимающимся в проливе Отранто, и ограничено на западе отмелью или подводным перешейком, о котором уже упоминал Страбон, соединяющим Сицилию с Тунисом. Этот перешеек образует истинную геологическую границу между западным и восточным бассейнами Средиземного моря, которые соединяются здесь лишь узким проливом, глубина которого едва превышает 100 сажен. Западный из этих бассейнов меньше и мельче, но тем не менее достигает глубины 1100 сажен в Тирренском море и 1360 сажен, а в Балеарском море даже 1640 сажен, и отделен от вод Атлантического океана подводным хребтом, лежащим за Гибралтарским проливом и соединяющим Европу с Африкой.²

Это деление Средиземного моря на отдельные бассейны, разделенные друг от друга отмелями или подводными хребтами, островами и мысами, в достаточной степени объясняет контрасты между явлениями открытого океана и явлениями, наблюдаемыми здесь. Как хорошо известно, в Средиземном море приливы почти везде нерегулярны и непредсказуемы. К востоку от Гибралтарского пролива, в море между Андалусией и Марокко, приливы практически не ощущаются, кроме того, они настолько сильно заглушаются течениями, что чрезвычайно трудно определить их амплитуду или расположение различных портов. Тем не менее подъем и спад приливной волны достаточно заметны, чтобы привлечь внимание греческих и итальянских мореплавателей. На побережьях Каталонии, Франции, Лигурии, Неаполя, Малой Азии, Сирии и Египта колебания едва заметны, но на восточном побережье Сицилии и Адриатическом побережье прилив иногда поднимается на три фута, а в случае шторма в некоторых местах может достигать даже десяти футов. Мессинский пролив и пролив Эврипос (Эвбея) имеют регулярные приливы, а в Габесском заливе вода поднимается и опускается с той же регулярностью, что и в открытом океане. Однако в Черном море до сих пор не было обнаружено никаких приливных движений. Тем не менее, вероятно, что более тщательные наблюдения приведут к обнаружению слабого прилива, поскольку считается, что это явление

существует даже на озере Мичиган, площадь которого составляет лишь пятую часть площади Черного моря.

Рис. 6. — ГИБРАЛТАРСКИЙ ПРОЛИВ.
По данным Робики, Рандеггера и других. Масштаб 1 : 750 000.

Средиземное море отличается от открытого океана не только слабостью и нерегулярностью приливов и отливов, но и отсутствием сильного течения, поддерживающего постоянную циркуляцию всего объема его вод. Течения, наблюдаемые в различных частях Средиземного моря, можно объяснить только местными причинами. Итальянский географ прошлого века Монтанари выдвинул гипотезу о существовании большого кругового течения, которое поступает в Средиземное море через Гибралтарский пролив и, омыв побережье Африки вплоть до Египта, возвращается на запад вдоль побережья Азии и Европы; однако внимательные наблюдатели тщетно пытались обнаружить его существование. Они обнаружили только локальные течения, вызванные притоком вод Атлантического океана, ветрами, наводнениями рек или избыточным испарением. Одно из этих течений () проходит вдоль побережья Марокко и Алжира с запада на восток; другое течет вдоль итальянского побережья Адриатического моря с севера на юг;

третье — от устья Роны в направлении Сета и Порт-Вендра. Фактически, конфигурация морского дна, и в частности отмель между Сицилией и Тунисом, исключает существование в Средиземном море каких-либо течений, кроме поверхностных.

Среди местных течений, существование которых было наиболее четко установлено, можно выделить течения, которые переносят воды Азовского моря в Черное море, а воды Черного моря — в Архипелаг. Дон более чем компенсирует потери от испарения в Азовском море, и его избыточные воды находят выход через Керченский пролив в Черное море. Аналогичным образом, воды Днестра, Днепра, Риона и рек Малой Азии, и, прежде всего, Дуная, который сам по себе переносит в Черное море больший объем воды, чем все остальные вместе взятые, сбрасываются через Босфор и Дарданеллы в Архипелаг. С другой стороны, архипелаг возвращает в Черное море посредством подводного противотечения и боковых поверхностных течений определенное количество соленой воды за превышающий его объем пресной воды. Этот обмен объясняет соленость вод Черного моря. Объем пресной воды, сбрасываемый в него Дунаем и другими реками, настолько велик, что за тысячу лет его воды стали бы совершенно пресными, если бы не существовало этих компенсационных высокосолёных противотоков.

Аналогичные явления происходят на другом конце Средиземного моря. Там испарение чрезмерно из-за близости раскаленных песков пустынь, ветры с которых свободно дуют над морем, поглощая пары и рассеивая облака. Потери от испарения составляют не менее семи футов в течение года, а поскольку годовое количество осадков оценивается всего в двадцать дюймов, а объем воды, сбрасываемый ежегодно всеми притоками Средиземного моря, если бы он равномерно распределялся по его поверхности, едва ли превысил бы десять дюймов в глубину, то таким образом существует избыток испарения, составляющий ежегодно более четырех футов; и этот избыток должен восполняться притоком вод Атлантического океана, который происходит через Гибралтарский пролив, объем которого намного превышает объем Амазонки в период паводка. Этот приток вод Атлантического океана ощущается в виде течения вплоть до побережья Сицилии и, как и все другие течения, ограничен боковыми течениями, текущими в направлении, противоположном направлению основного течения. Во время отлива входящее атлантическое течение занимает всю пролив, но когда прилив поднимается, Средиземное море более успешно сопротивляется давлению океана, и эта борьба порождает два противоположных течения, одно из которых огибает побережье Европы, а другое — Африки между Сеутой и мысом Спартель; последнее является более крупным и мощным из двух. В дополнение к ним существует подводное течение, которое выносит высокосолёные и более тяжелые воды Средиземного моря в Атлантический океан.

Количество соли, содержащейся в растворе в различных частях Средиземного моря, сильно различается, поскольку подводные хребты и отмели, разделяющие его на отдельные бассейны, не позволяют его водам смешиваться так свободно, как в открытом океане. Из-за избыточного испарения количество соли в целом больше, чем в Атлантическом океане, и это особенно характерно для побережья Африки. Но в Черном море его гораздо меньше, а в устьях некоторых крупных рек, впадающих в это море, вода почти пресная.⁸

На температуру Средиземного моря влияют те же факторы, которые определяют его переменную соленость, а именно наличие отмелей и банков, разделяющих его на отдельные суббассейны. В открытом океане течения переносят в все широты большие массы воды, некоторые из которых нагреваются тропическим солнцем, а другие охлаждаются при контакте с льдом полярных регионов. Но эти слои неодинаковой плотности регулярно накладываются друг на друга из-за разницы в их температуре: теплая вода остается на

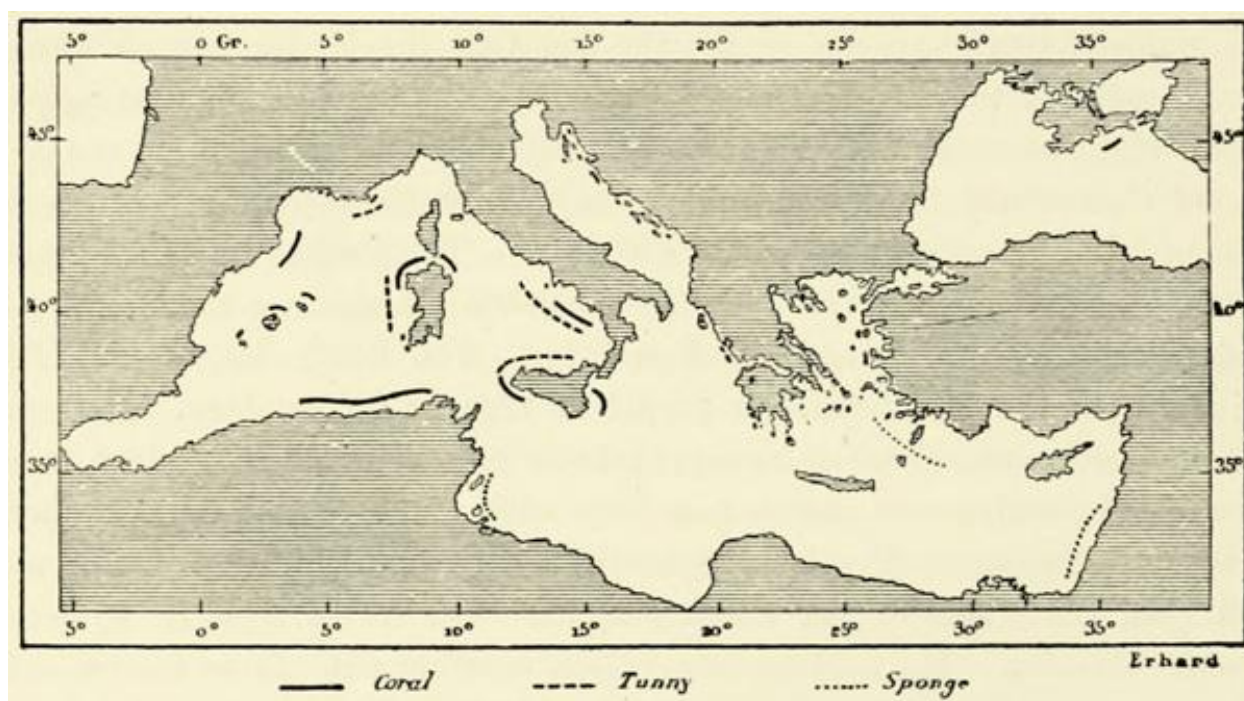
поверхности, а холодная опускается на дно. В Средиземном море аналогичное наложение существует только на глубине до 110 саженей, что соответствует глубине Атлантического течения, впадающего в него через Гибралтарский пролив. Если опустить термометр на большую глубину, он не покажет дальнейшего понижения температуры, и огромный объем воды, остающийся почти неподвижным на дне Средиземного моря, имеет равномерную температуру около 56 °F. Наблюдения, проведенные на глубинах от 110 до 1640 саженей, всегда давали одинаковый результат. Профессор Карпентер, однако, полагает, что воды глубоководных районов некоторых вулканических регионов имеют несколько более высокую температуру, что может быть связано с наличием расплавленной лавы.

Еще одной примечательной особенностью глубинных вод Средиземного моря является скудность животного мира. Несомненно, там есть какая-то жизнь; это доказывают дноуглубительные работы на *Porcupine* и телеграфные кабели, которые, будучи подняты на поверхность, оказались покрытыми ракушками и полипами. Но по сравнению с океаном глубины Средиземного моря — настоящие пустыни. Эдвард Форбс, исследовавший воды архипелага, пришел к выводу, что их глубины полностью лишены жизни, но он ошибался, когда предположил, что такой исключительный случай отражает общее правило. Карпентер считает, что отсутствие жизни в глубинах Средиземного моря объясняется большим количеством органических остатков, которые попадают в него с реками. Эти остатки поглощают кислород из воды и выделяют углекислый газ, который вреден для жизни животных. Во многих случаях вода Средиземного моря содержит только четверть нормального количества первого газа, но на 50 % больше второго. Вероятно, именно наличие этих органических остатков Средиземное море обязано своим прекрасным лазурным цветом, столь отличающимся от черных вод большинства океанов. Таким образом, этот синий цвет, который по праву прославляют поэты, обусловлен примесями в воде. М. Делесс показал, что дно почти всего Средиземного моря покрыто илом.

В районах Средиземного моря, расположенных непосредственно под поверхностью, изобилует животным миром, особенно на побережьях Сицилии и южной Италии, но почти все виды, будь то рыбы, моллюски или другие, имеют атлантическое происхождение. Средиземное море, несмотря на свою огромную площадь, с точки зрения фауны является ничем иным, как заливом Лузитанского океана. Его продольное протяжение и сходство климата в различных его частях способствовали миграции животных через Гибралтарский пролив до побережья Сирии. В то же время, животный мир наиболее разнообразен вблизи этого места входа, и виды, встречающиеся в западной части бассейна, как правило, крупнее, чем те, которые обитают в восточной. Очень небольшая доля неатлантических видов напоминает о том, что Средиземное море ранее сообщалось с Красным морем и Индийским океаном. Но из более чем восьмисот видов моллюсков только около тридцати достигли морей Греции и Сицилии через древние проливы, отделяющие Африку от Азии, а не через Гибралтарский пролив.⁹ Уменьшение числа видов в восточном направлении становится наиболее заметным, когда мы достигаем узкого пролива Дарданеллы и Босфор. Черное море, по сути, существенно отличается от Средиземного моря по температуре. Оно охлаждается северо-восточными ветрами, проносящимися над его поверхностью, до такой степени, что некоторые его части время от времени покрываются тонким слоем льда, прилипающим к побережью. Азовское море часто исчезает под толстой ледяной коркой, а в особо суровые зимы замерзает даже все Черное море. Холодные поверхностные воды, вместе с теми, что поступают в Черное море по крупным рекам, опускаются на дно и оказывают крайне пагубное воздействие на жизнь животных. В Черном море вообще не встречаются иглокожие и зоофиты; некоторые классы моллюсков, уже редкие в Левантийском море и архипелаге, также отсутствуют; а общее количество видов моллюсков составляет лишь одну десятую от того, что есть в Средиземном море. Рыб много, если считать по количеству особей, но видов их мало. Фактически, фауна Черного моря больше похожа на фауну Каспийского моря, от которого оно отделено, чем на фауну греческих морей, с которыми его соединяет Мраморное море.

Помимо видов, которые обрели второй дом в Средиземном море, есть и такие, которые по-прежнему следует рассматривать как пришельцев. К ним относятся акулы, которые проникают в воды Сицилии, Адриатики и даже к побережью Египта и Сирии. К ним же относятся крупные китообразные — киты, полосатики и кашалоты, — чьи визиты, однако, в настоящее время ограничиваются Тирренским бассейном и с каждым веком становятся все реже. Скумбрии Средиземного моря также являются пришельцами с побережья Лузитании. Будучи первоклассными пловцами, они проникают через Гибралтарский пролив весной, поднимаются по всему Средиземному морю, обходят Черное море и возвращаются осенью в Атлантический океан, преодолев путь длиной около 5600 миль. По мнению рыбаков, тунцы путешествуют тремя огромными группами или косяками, и именно центральный косяк посещает побережье Тирренского моря и состоит из самых крупных и сильных рыб. Каждая из трех групп, по-видимому, состоит из особей примерно одного возраста. Для взаимной защиты они плавают стаями, поскольку на них охотятся бесчисленные враги. Дельфины и другие хищные рыбы следуют за ними, но их главным врагом является человек. Летом промысел тунца, или *тоннаро*, ведется в многочисленных бухтах Сицилии, Сардинии, Неаполя и Прованса. Эти бухты окружены огромными сооружениями из сетей, которые искусно устроены так, чтобы постепенно закрываться вокруг пойманной рыбы, которая, проходя от сети к сети, в конце концов попадает в «камеру смерти», где ее убивают. Ежегодно из этих плавучих «бойен» добывают миллионы фунтов мяса, но тунец по-прежнему появляется из года в год в больших количествах на тех же побережьях. Возможно, их количество немного уменьшилось, но их плотно сгруппированные массы по-прежнему вторгаются в «Золотой Рог» Византии и другие заливы, как и в то время, когда они впервые привлекли внимание греческих натуралистов.

Рис. 7. — ОСНОВНЫЕ РЫБОЛОВНЫЕ РАЙОНЫ СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ.
Масштаб 1 : 38 300 000.

После промысла тунца наиболее важными являются промыслы сардин и анчоусов. Морские ежи и другие продукты моря употребляются в пищу жителями побережья, особенно в Италии, но ни в одной части Средиземного моря животный мир не так богат и многочислен, как на знаменитых банках Ньюфаундленда или на побережье Португалии и Канарских островов.

Большое количество рыболовецких судов занимается не ловлей рыбы, а сбором предметов одежды или туалета. Рыболовство на пурпурные раковины на побережьях Финикии, Пелопоннеса и Греции больше не ведется, но сотни судов ежегодно в хорошую погоду занимаются ловлей кораллов или губок.

Кораллы в наибольшем количестве встречаются в западной части Средиземного моря, и итальянские рыбаки не ограничиваются своими берегами — Сицилией, Неаполем и Сардинией, — но также посещают пролив Бонифачо, море у Сен-Тропе, окрестности мыса Креус в Испании и воды Барбарии. Обычные губки собирают в заливе Габес, а также на другом конце Средиземного моря, на побережье Сирии и Малой Азии, а также в проливах между Кикладскими и Спорадскими островами. Губки обычно встречаются на глубине от 12 до 150 футов и могут собираться водолазами, в то время как кораллы встречаются на гораздо больших глубинах и их приходится вырывать железным инструментом, который поднимает их фрагменты, смешанные с илом, водорослями и остатками морских животных. Эта отрасль промышленности все еще находится в состоянии варварства: те, кто ей посвятили себя, пока еще недостаточно знакомы с морем и его обитателями, чтобы вести добычу губок и кораллов разумным образом. Однако они должны стремиться к этому: они должны научиться лишать Протея, вечно меняющегося божества, его власти над обитателями морских глубин.

Наряду с рыболовством, производство морской соли является одной из ведущих отраслей промышленности прибрежных районов Средиземноморья. Но и эта отрасль часто ведется примитивным способом, и только в течение нынешнего столетия в нее были введены научные методы. Средиземное море прекрасно подходит для производства соли, поскольку его воды имеют высокую температуру, содержат очень большое количество соли в растворе,

приливы и отливы незначительны, а плоские морские побережья чередуются с крутыми берегами и мысами. Наиболее продуктивные соляные марши Средиземноморья, вероятно, находятся в лагуне Этан-де-То, недалеко от Сета, и на побережье Йера, но значительные марши также можно встретить на побережье Испании, в Италии, на Сардинии, Сицилии, в Истрии и даже на лиманах Бессарабии, граничащих с Черным морем. Годовое производство соли оценивается в более чем миллион тонн и, следовательно, превышает общий тоннаж торгового флота Франции.¹⁰ Но это количество, каким бы большим оно ни было, является ничтожным, если сравнивать его с содержанием соли в море, и наука однажды позволит нам извлечь гораздо более богатые сокровища из его бесплодных глубин.¹¹

III. — ТОРГОВЛЯ И СУДОХОДСТВО.

Какие бы преимущества ни давали рыболовство и солеварни, они теряют свое значение, если сравнить их с огромной материальной, интеллектуальной и моральной выгодой, которую человечество получило от судоходства по этому внутреннему морю. Историки неоднократно отмечали, что расположение побережий, островов и полуостровов Средиземного моря у финикийцев и греков благоприятствовало первым попыткам морской торговли. Многие причины способствовали тому, что это море стало колыбелью европейской торговли: слабо различимые вершины далеких земель, видимые еще до того, как судно покидает порт; многочисленные бухты вдоль побережья, где можно найти безопасное убежище в случае шторма; регулярные сухопутные и морские бризы; равномерность климата, благодаря которой моряк чувствует себя как дома, где бы ни завела его работа; и, кроме того, большое разнообразие продуктов, обусловленное разнообразным рельефом прибрежных земель Средиземноморья. И эта торговля, разве она не ведет к мирному общению между народами на нейтральной территории и к взаимному просвещению, которое происходит благодаря обмену идеями? Поэтому каждое побережье, которое облегчает общение между народами, имеет огромную ценность как средство развития цивилизации.

На протяжении многих веков цивилизация продвигалась с юго-востока на северо-запад, и Финикия, Греция, Италия и Франция поочередно становились великими центрами человеческого разума. Это историческое явление обусловлено конфигурацией моря, которое было средством передвижения мигрирующих народов. Фактически, ось цивилизации, если можно так выразиться, слилась с осью Средиземноморья, простирающейся от побережья Сирии до Лионского залива на побережье Франции. Но Средиземноморье перестало быть единственным центром притяжения Европы, которая теперь посылает свои торговые суда в обе Америки и на Дальний Восток; и цивилизация больше не движется по этой общей линии с востока на запад, а скорее распространяется во всех направлениях. Цивилизационные потоки уходят из Англии и Германии в Северную Америку, а из латинизированных стран Европы — в Южную Америку. Их направление по-прежнему западное, но они отклонились к югу, чтобы соответствовать условиям, налагаемым климатом и географической конфигурацией суши и моря.

Интересно проследить изменения, произошедшие в исторической значимости Средиземного моря. До тех пор, пока это море оставалось великой магистралью между народами, торговые республики были довольны расширением этой магистрали на восток путем создания караванных путей к Персидскому заливу, Индии и Китаю. В средние века генуэзские фактории были разбросаны по побережью Черного моря и простирались оттуда через Закавказье до Каспия. Европейские путешественники, и особенно итальянцы, в то время пересекали Западную Азию во всех направлениях; и многие маршруты, почти неизвестные в наши дни, тогда использовались почти ежедневно. Но в течение нескольких столетий прямые торговые связи с Центральной Азией сократились до незначительных размеров.

Средиземное море перестало быть великой океанской магистралью. Наши мореплаватели, больше не боявшиеся безграничного моря, отправляли свои корабли во все уголки океана. Трудные и опасные сухопутные пути были заброшены, некогда оживленные рынки Центральной Азии опустели, а само Средиземноморье стало настоящим тупиком с точки зрения мировой торговли. Такое положение дел сохранялось в течение многих лет, но с

середины этого века наши отношения с Востоком возобновились, и утраченные позиции быстро восстанавливаются. В течение последнего года произошла великая коммерческая революция благодаря открытию одного из древних ворот Средиземноморья, и Суэцкий канал стал великой магистралью пароходов между Западной Европой, Индией и Австралией. Возможно, в недалеком будущем подобный канал позволит нашим торговым судам проходить из Черного моря в Каспийское, а может быть, даже в Амударью и Сырдарью, в самое сердце древнего континента.

Таким образом, великие центры межконтинентального сообщения, или жизненно важные точки нашей планеты, как мы хотели бы их называть, со временем смещаются. Порт-Саид, импровизированный город на берегу пустыни, стал центром притяжения для путешественников и товаров, в то время как соседние города Тир и Сидон превратились в ничтожные деревни, в которых ничего не напоминает о том, какое гордое положение они занимали в прошлом. Карфаген тоже погиб, а Венеция пришла в упадок. Многие процветающие места на берегах Средиземного моря утратили свое значение из-за заиливания гаваней, использования более крупных судов, потери независимости или различных политических изменений. Но почти во всех случаях соседние города заняли место этих пришедших в упадок гаваней, и большинство крупных торговых путей сохранили свои первоначальные направления, а их конечные пункты, а также промежуточные станции остались в тех же местах.

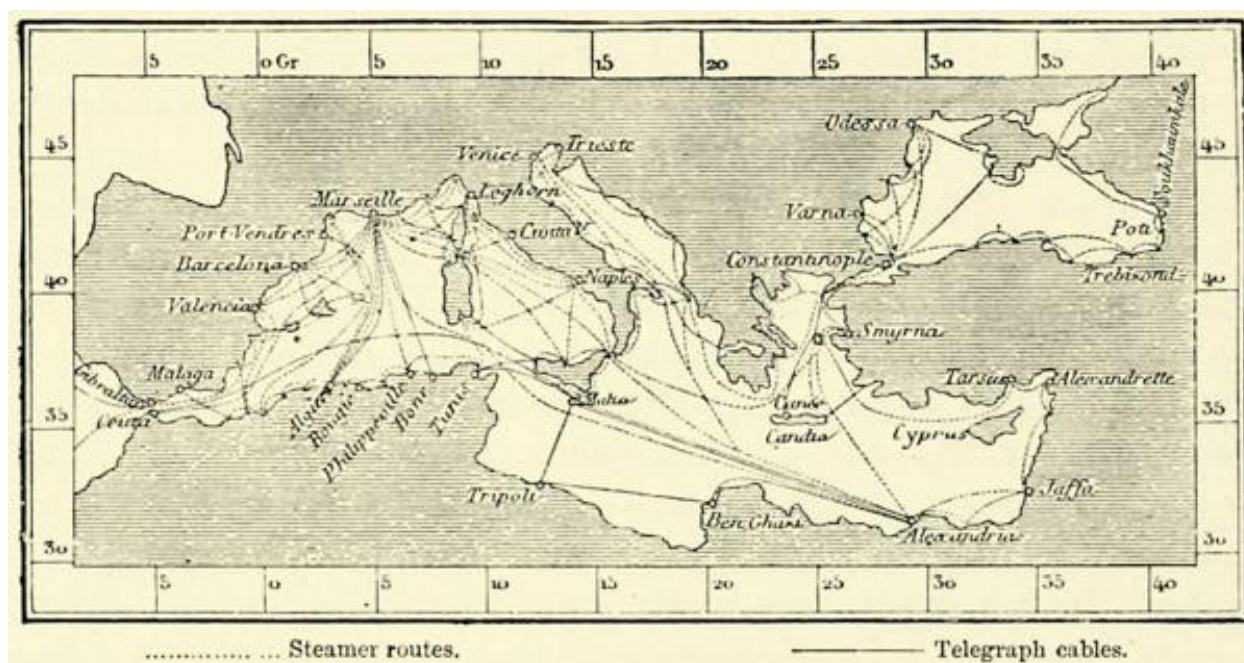
Кроме того, есть определенные места, которые корабли практически обязаны посещать, и где, естественно, возникают важные города. Таковы Гибралтарский и Мессинский проливы, а также такие места, как Генуя, Триест и Салоники, которые занимают дно заливов или бухт, глубоко проникающих в сушу. Порты, предлагающие наибольшие возможности для отправки товаров, предназначенных для зарубежных стран, такие как Марсель и Александрия, также являются естественными центрами притяжения для купцов. В Средиземноморье есть один город, который одновременно обладает всеми географическими преимуществами, которые мы указали, поскольку он расположен на проливе, соединяющем два моря и разделяющем два континента. Этот город — Константинополь, и, несмотря на плачевное состояние дел в управлении, от которого он страдает, одно только его положение позволило ему сохранить свое место среди великих городов мира.

Порты Средиземноморья больше не обладают монополией на торговлю, как это было на протяжении тысячелетий, но количество судов, встречающихся в этом внутреннем море, тем не менее, пропорционально гораздо больше, чем то, с чем мы сталкиваемся в открытом океане. Торговый флот Средиземноморья насчитывает тридцать семь тысяч судов водоизмещением два миллиона семьсот девяносто шесть тысяч тонн, не считая рыболовецких судов. Это более четверти всего торгового флота мира по количеству судов и одна шестая по тоннажу. Это отставание по тоннажу объясняется наличием небольших судов старого типа, которые все еще используются в Греции и Италии и обладают определенными преимуществами для прибрежной торговли.

К этому флоту Средиземного моря следует добавить суда, принадлежащие иностранным портам, которые посещают его в торговых целях, и среди которых наиболее заметную роль играют суда Англии. Правительство Великобритании даже позаботилось о том, чтобы обеспечить себе место среди средиземноморских держав. Оно оккупировало Гибралтар, расположенный у восточного входа в этот бассейн, и захватило Мальту, которая контролирует его центр; и хотя западный вход, образованный Суэцким каналом, не

находится в его владении, его гарнизоны на Переме и скале Аден в любой момент могут перекрыть единственный подход к нему, ведущий из Индийского океана через Красное море.

Рис. 8. — МАРШРУТЫ ПАРОВИКОВ И ТЕЛЕГРАФЫ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ.
Масштаб 1 : 45 000 000.

Доля Англии в торговле Средиземноморья значительна, но она значительно уступает доле Франции и Италии. Один из правителей, стремившийся к мировому господству, однажды назвал внутреннее море, простирающееся от Гибралтарского пролива до Египта, «французским озером», но с такой же справедливостью его можно было бы назвать греческим, далматинским или испанским озером, а еще больше — итальянским озером. Пираты Барбарии были, по сути, последними «хозяевами» Средиземного моря: их быстрые корабли неожиданно появлялись у побережья городов и увозили их жителей. Но с тех пор, как их грабительские флотилии были уничтожены, Средиземное море стало общей собственностью всего мира, а сети международных морских путей с каждым годом становятся все более плотными. Торговые суда больше не совершают своих путешествий в сопровождении, как в прежние времена, разгружая свой груз из порта в порт, поскольку теперь одно судно может безопасно отправляться в любую часть Средиземного моря. Тем не менее, опасности рифов и штормов остаются. Искусство навигации сделало огромный прогресс; большинство мысов, по крайней мере на побережье Европы, освещаются маяками; подход к портам облегчают световые корабли, буи и маяки; но кораблекрушения, тем не менее, происходят часто. Даже большие суда иногда тонут, не оставив после себя ни одной доски, которая указала бы место их исчезновения.

Пароходы, курсирующие по установленным маршрутам, постепенно вытесняют парусные суда, и там, где они пересекаются с частыми интервалами, их можно сравнить с паромами, пересекающими реку. Регулярность и скорость этих паровых паромов; удобства, которые они предоставляют для перевозки товаров; растущее число железных дорог, которые доставляют продукцию из внутренних районов в морские порты; и, наконец, подводные

телеграфы, которые обеспечили мгновенную связь между основными портами, — все это способствует росту средиземноморской торговли. Эта торговля, включая импорт, экспорт и транзит через Суэцкий канал, фактически составляет около 353 000 000 фунтов стерлингов в год.¹² Это может показаться не таким уж большим объемом для морского населения в сто миллионов человек, но с каждым годом наблюдается заметный рост. Мы также должны помнить, что напротив оживленных полуостровов Европы лежит жаркая Африка, инертная масса, которую избегают моряки нашего времени так же, как и моряки древней Греции. Ее побережья практически не посещаются, за исключением тех участков, которые простираются от Орана до Туниса и от Александрии до Порт-Саида. Удивительно также, что некоторые местности, которые раньше привлекали множество судов, такие как Киренаика, Кипр и прекрасный Крит, расположенные у самого входа в архипелаг, по-прежнему остаются за пределами обычного маршрута наших пароходов.

ГРЕЦИЯ.

I. — ОБЩИЕ АСПЕКТЫ.

ГРЕЦИЯ, в пределах своих ограниченных политических границ, к югу от заливов Арта и Воло, представляет собой страну площадью около девятнадцати тысяч квадратных миль, что в лучшем случае равно десяти миллионным долям поверхности Земли. В пределах обширной империи России есть много районов, более обширных, чем вся Греция, но ничто не отличает их от других районов, которые их окружают, и их названия не вызывают в нашем сознании никаких ассоциаций. Однако маленькая страна эллинов, столь незначительная на наших картах, — сколько воспоминаний она пробуждает! Ни в одной другой части мира человек не достиг такой степени цивилизации, столь гармоничной во всех отношениях и благоприятной для индивидуального развития. Даже сейчас, несмотря на то что мы находимся в историческом цикле, гораздо более обширном, чем греческий, нам следует часто оглядываться назад, чтобы поразмышлять об этих маленьких народах, которые до сих пор являются нашими учителями в искусстве и первыми приобщили нас к науке. Город, который был «школой Греции», по-прежнему остается школой всего мира; и после двадцати веков упадка, подобно некоторым из тех погасших звезд, чьи светящиеся лучи все еще достигают Земли, он по-прежнему продолжает просвещать нас.

Значительная роль, которую играл народ Греции на протяжении многих веков, несомненно, должна быть отнесена к географическому положению его страны. Другие племена, имеющие то же происхождение, но населяющие страны, расположенные менее удачно, — такие, например, как пеласги Иллирии, которые, как полагают, являются предками албанцев, — никогда не поднялись выше состояния варварства, в то время как эллины поставили себя во главе цивилизованных народов и открыли новые пути для своих предприятий. Если бы Греция навсегда осталась такой, какой она была в третичный геологический период — обширной равниной, примыкающей к пустыням Ливии и населенной львами и носорогами, — стала бы она родиной Фидия, Эсхила или Демосфена? Конечно, нет. Она разделила бы судьбу Африки и, вместо того чтобы взять на себя инициативу в цивилизации, ждала бы, пока импульс придет извне.

Греция, полуостров Балканского полуострова, была еще более защищена поперечными горными барьерами на севере, чем Фракия или Македония. Таким образом, греческая культура могла развиваться, не опасаясь, что ее задушат с самого начала последовательные вторжения варваров. Горы Олимп, Пелион и Осса, расположенные к северу и востоку от

Фессалии, составляли первую линию грозных препятствий на пути к Македонии. Второй барьер, крутой хребет Отрис, проходит вдоль современной политической границы Греции. К югу от залива Ламия нас ждет новое препятствие, поскольку хребет Эта перекрывает проход, и между ним и морем находится лишь узкий проход Фермопилы. Перейдя горы Локри и спустившись в котловину Фив, нам еще предстоит пересечь Парнес или отроги Киферона, прежде чем мы достигнем равнин Аттики. «Перешеек» за ними снова защищен поперечными барьерами, как бы внешними валами горной цитадели Пелопоннеса, акрополя всей Греции. Элладу часто сравнивают с серией комнат, двери которых были крепко заперты; туда было трудно попасть, но еще труднее было выбраться из-за их сильных защитников. Мишле сравнивает Грецию с ловушкой, имеющей три отсека. Вы входили и попадали сначала в Македонию, затем в Фессалию, а потом между Фермопилами и перешейком. Но за перешейком трудности увеличивались, и Лакедемония долгое время оставалась неприступной.

В эпоху, когда даже плавание по внутреннему морю, такому как Эгейское, сопряжено с опасностью, Греция оказалась достаточно защищенной от вторжений восточных народов; но в то же время ни одна другая страна не предлагала таких стимулов для мирных экспедиций купцов. Заливы и гавани облегчали доступ к ее эгейским побережьям, а многочисленные отдаленные острова могли служить станциями или местами убежища. Таким образом, Греция находилась в благоприятном положении для установления торговых связей с более цивилизованными народами, населявшими противоположные побережья Малой Азии. Колонисты и путешественники из Восточной Ионии не только снабжали своих ахейских и пеласгийских сородичей иностранными товарами и продукцией, но и передавали им мифы, поэзию, науки и искусства своей родной страны. Действительно, географическое положение Греции обращено к востоку, откуда она получила свое первое просвещение. Ее полуострова и отдаленные острова простираются в этом направлении; гавани на ее восточном побережье наиболее удобны и обеспечивают лучшее укрытие; а окруженные горами равнины там предлагают лучшие места для густонаселенных городов. В то же время Греция не имеет того недостатка, что есть у Турции, которая почти полностью отрезана от западного мира труднопроходимой горной местностью. Ионическое море к западу от Пелопоннеса, правда, сравнительно говоря, является пустыней; но дальше на север Коринфский залив почти разделяет греческий полуостров на две части, и вид на далекие горы Италии, которые видны с Ионических островов, наверняка побуждал к исследованию западных морей. Акарнаны, которые задолго до римлян научились строить своды, таким образом рано вступили в контакт с итальянцами, которым они передали свои знания, и в последующий период греки стали цивилизаторами всего западного мира Средиземноморья.

Наиболее характерной чертой Эллады, что касается рельефа местности, является большое количество небольших бассейнов, отделенных друг от друга скалами или горными валами. Таким образом, особенности местности способствовали разделению греческого народа на множество независимых республик. Каждый город имел свою реку, амфитеатр холмов или гор, акрополь, поля, пастбища и леса, и почти все они имели доступ к морю. Таким образом, все элементы, необходимые для свободного сообщества, были представлены в каждом из этих небольших районов, а соседство с другими городами, находящимися в столь же благоприятном положении, поддерживало постоянное соперничество, которое слишком часто перерастало в конфликты и сражения. Острова Эгейского моря также образовали миниатюрные республики. Таким образом, местные институты развивались свободно, и даже самый маленький остров архипелага имеет своих великих представителей в истории.

Но хотя благодаря рельефу местности и множеству островов здесь существует огромное разнообразие, море выступает связующим элементом, омывая все побережья и проникая далеко вглубь суши. Эти заливы и многочисленные гавани сделали морских жителей Греции народом моряков — амфибиями, как называл их Страбон. С самых давних времен страсть к путешествиям всегда была сильна среди них. Когда жители города становились слишком многочисленными, чтобы прокормиться продуктами своей земли, они роились, как пчелы, исследовали побережья Средиземного моря и, найдя место, напоминавшее им родной дом, строили себе новый город. Так сотни греческих городов возникли от Меотического озера до Геркулесовых столбов — от Танаса и Пантикапея до Гадеса и Тингиса, современного Танжера. Благодаря этим многочисленным колониям, некоторые из которых были более могущественными и известными, чем материнские города, которые их породили, настоящая Греция, Греция науки, искусства и республиканской независимости, в конце концов вышла за пределы своей древней колыбели и спорадически заняла всю окрестность Средиземного моря. Греки занимали в мире древних то же положение, которое в настоящее время занимают англосаксы по отношению ко всей Земле. Действительно, существует замечательная аналогия между Грецией с ее архипелагом и Британскими островами на другом конце континента. Схожие географические преимущества привели к схожим результатам в области торговли, а между Эгейским и Британским морями время и пространство создали своего рода гармонию.

Восхищение, с которым путешественники смотрят на Грецию, обусловлено, прежде всего, воспоминаниями, связанными с каждым из ее руин, с самыми маленькими из ее ручьев и самыми незначительными скалами в ее морях. Пейзажи Прованса или Испании, хотя они и превосходят по красоте или смелости очертаний все, что можно увидеть в Греции, ценятся лишь немногими. Большинство проходит мимо них без эмоций, потому что такие названия, как Марафон, Левктры или Платеи, не связаны с ними, и шелест ушедших веков не слышен. Но даже если бы с побережьями Греции не были связаны славные воспоминания, их красота все равно заслуживала бы нашего восхищения. В заливах Афин или Аргоса художник очарован не только лазурной голубизной вод, прозрачностью неба, постоянно меняющейся перспективой вдоль берегов и смелостью мысов, но и чистым и изящным профилем гор, состоящих из слоев известняка или мрамора. Нам почти кажется, что мы смотрим на архитектурные сооружения, а храмы, украшающие многие вершины, как будто воплощают их.

На побережье Греции нам больше всего не хватает зелени и сверкающей воды ручьев. Почти все горы вблизи побережья были лишены своих больших деревьев. Остались только кусты, мастиковые, клубничные и можжевельниковые деревья, а также вечнозеленые дубы; даже ковер из душистых трав, покрывающий склоны и на котором пасутся козы, во многих случаях был сведен к нескольким жалким пятнам. Проливные дожди смыли почву, и на поверхности появилась голая скала. Издалека мы видим только сероватые склоны, усеянные кое-где несколькими жалкими кустарниками. Еще во времена Страбона большинство гор вдоль побережья были лишены лесов, и один из наших современных авторов говорит, что «Греция — это лишь скелет того, чем она была когда-то!». По иронии судьбы (), географические названия, происходящие от названий деревьев, встречаются повсюду в Элладе и Турции: Кария — «город ореховых деревьев», Валанидия — «город дубов Валонии», Кипарисси — «город кипарисов», Платанос или Платаники — «город

платанов». Везде мы встречаем населенные пункты, названия которых ничем не оправданы. В настоящее время леса почти полностью ограничены внутренними районами и побережьем Ионического моря. Горы Эта, некоторые горы Этолии, холмы Акарнании и Аркадии, Элиды, Трифилии и склоны Тайгета на Пелопоннесе все еще сохраняют свои леса. И только в этих лесных районах, которые посещают исключительно пастухи, сейчас можно встретить диких животных, таких как волк, лиса и шакал. Говорят, что серна все еще обитает в укромных уголках гор Пиндус и Эта, но дикий кабан Эриманфский, который, судя по античным скульптурам, должен был быть отдельным видом, больше не существует в Греции, а лев, о котором еще упоминал Аристотель, не видели уже две тысячи лет. Среди мелких животных есть черепаха, распространенная в некоторых частях Пелопоннеса, к которой местные жители относятся с таким же отвращением, как многие западные народы к жабам и саламандрам.

Греция — небольшая страна, но тем не менее климат в ней очень разнообразен. Разительные различия в климате разных местностей обусловлены контрастами между горами и равнинами, лесами и бесплодными долинами, побережьями, обращенными к северу или югу. Но даже если не брать во внимание эти местные различия, можно с уверенностью утверждать, что разнообразие климата, которое мы встречаем, путешествуя по Греции с севера на юг, едва ли превосходит климат любого другого региона. Горы Этолии на севере, склоны которых покрыты буковыми лесами, напоминают нам умеренный пояс Европы, в то время как полуострова и острова на востоке и юге с их зарослями фиговых и оливковых деревьев, плантациями апельсинов и лимонов, изгородями из алоэ и редкими пальмами относятся к субтропическому поясу. Но даже соседние районы иногда разительно отличаются друг от друга по климату. В древней озерной котловине Беотии зимы холодные, лето жаркое, в то время как температура на восточном побережье Эвбеи равномерна благодаря смягчающему влиянию морских бризов. На небольшой территории Греция представляет нам климат большей части земного шара, и нет сомнений, что это разнообразие климата и вытекающие из него контрасты всех видов благоприятно повлияли на интеллектуальное развитие эллинов. Среди них пробудился дух исследования, который отразился на их коммерческих вкусах и промышленных склонностях.

Однако разнообразие климата суши в Греции компенсируется однородностью климата приморских районов. Как в горной долине, ветры Эгейского моря дуют попеременно в противоположных направлениях. Практически все лето атмосферные потоки Восточной Европы притягиваются к африканским пустыням. Ветры с севера архипелага и Македонии ускоряют путешествие мореплавателей на юг, и во многих случаях завоевательные племена северных берегов этого моря использовали их в своих импровизированных нападениях на жителей более южных районов Малой Азии и Греции. Эти регулярные северные течения, известные как этезийские или годовые ветры, прекращаются с окончанием жаркого сезона, когда солнце находится над южным тропиком. Кроме того, они прерываются каждую ночь, когда прохладный морской воздух притягивается нагретой поверхностью суши. Когда солнце садится, ветер постепенно стихает; наступает затишье, длящееся несколько минут; а затем воздух начинает двигаться в обратном направлении — «земля начинает дуть», как говорят моряки. Этот регулярный ветер также имеет свое противотечение, известное как *эмбаты*, или благоприятный юго-восточный ветерок, о котором поют поэты. Кроме того, общие ветры и бризы отклоняются от своего первоначального направления вследствие конфигурации побережья и направления горных цепей. Например, Коринфский залив

окружен высокими горами на севере и юге, и ветры поочередно входят в него с востока или запада — явление, которое Страбон сравнивает с дыханием животного.

Дожди, как и ветры, во многих местах отклоняются от средних показателей, и в то время как в некоторых горных долинах вода льется как из воронки, в других местах облака проплывают мимо, не расставаясь ни с одной каплей своего влажного груза. Таким образом, к контрастам, обусловленным различиями в рельефе и разнообразием климата, добавляются контрасты в количестве осадков. Как правило, дождей на западном побережье Греции выпадает больше, чем на восточном, и это объясняет улыбающийся вид холмов Элиды по сравнению с бесплодными склонами Арголиды и Аттики. Грозы, гонимые ветрами Средиземноморья, также повторяются с большей регулярностью в западной части полуострова. В Элиде и Акарнании раскаты грома можно слышать весной ежедневно, в течение целых недель, во второй половине дня. Невозможно было найти более подходящего места для храмов, посвященных Юпитеру, богу молнии.

Древние жители Кикладских островов и, вероятно, также жители побережья Эллады и Малой Азии достигли значительного уровня культуры задолго до начала наших исторических записей. Это было доказано раскопками, проведенными в вулканическом пепле Санторини и Терасии. В то время, когда их дома были погребены под пеплом, жители Санторини начали переходить от каменного века к медном. Они умели строить арки из камня и раствора, производили известь, использовали гири из блоков лавы, ткали ткани, изготавливали керамику, красили свои изделия и украшали свои дома фресками; они выращивали ячмень, горох и чечевицу и начали торговать с далекими странами.

Мы не знаем, принадлежали ли эти люди к той же расе, что и эллины, но одно можно сказать наверняка: в самом начале истории острова и побережья Эгейского моря были заселены различными греческими племенами, в то время как внутренние районы страны и западные берега полуострова были заселены пеласгами. Кроме того, эти пеласги были той же расы, что и греки, и говорили на языке, происходящем из того же источника, что и диалекты эллинов. Оба народа были арийцами и, если они не были коренными жителями этой земли, то, должно быть, иммигрировали в Грецию из Малой Азии, перейдя Геллеспонт или через острова архипелага. Согласно преданию, пеласги происходили с горы Ликей в центре Пелопоннеса; они хвастались тем, что были «автохтонами», «людьми черной земли», «детьми дубов» или «людьми, рожденными до появления луны». Вокруг них жили племена родственного происхождения, такие как эолийцы и лелеги, к которым впоследствии присоединились ионийцы и ахейцы. Ионийцы, которые в последующую эпоху оказали столь большое влияние на судьбы мира, занимали только полуостров Аттика и соседнюю Эвбею. Ахейцы долгое время пользовались превосходством, и в конце концов греческие кланы стали известны под этим именем. Позже, когда дорийцы пересекли Коринфский залив в самом узком месте и утвердились в качестве завоевателей на Пелопоннесе, амфикионы, или национальные советы, заседавшие поочередно в Фермопилах и Дельфах, присвоили всем жителям полуострова и островов название «эллины», которое было названием небольшого племени в Фессалии и Фтиотиде. имя греков, которое, возможно, означает «горцы», «древние» или «сыны земли», постепенно распространилось среди народа и в конце концов стало общепринятым. Ионийцы из Малой Азии и карийцы из Спорад подражали финикийцам, торгуя от порта к порту среди этих полудиких племен, и, как

пчелы, переносящие оплодотворяющий пыльцу от цветка к цветку, они несли цивилизацию Египта и Востока от племени к племени.

Рис. 9. — МАЙНОТ И СПАРТАНЕЦ.

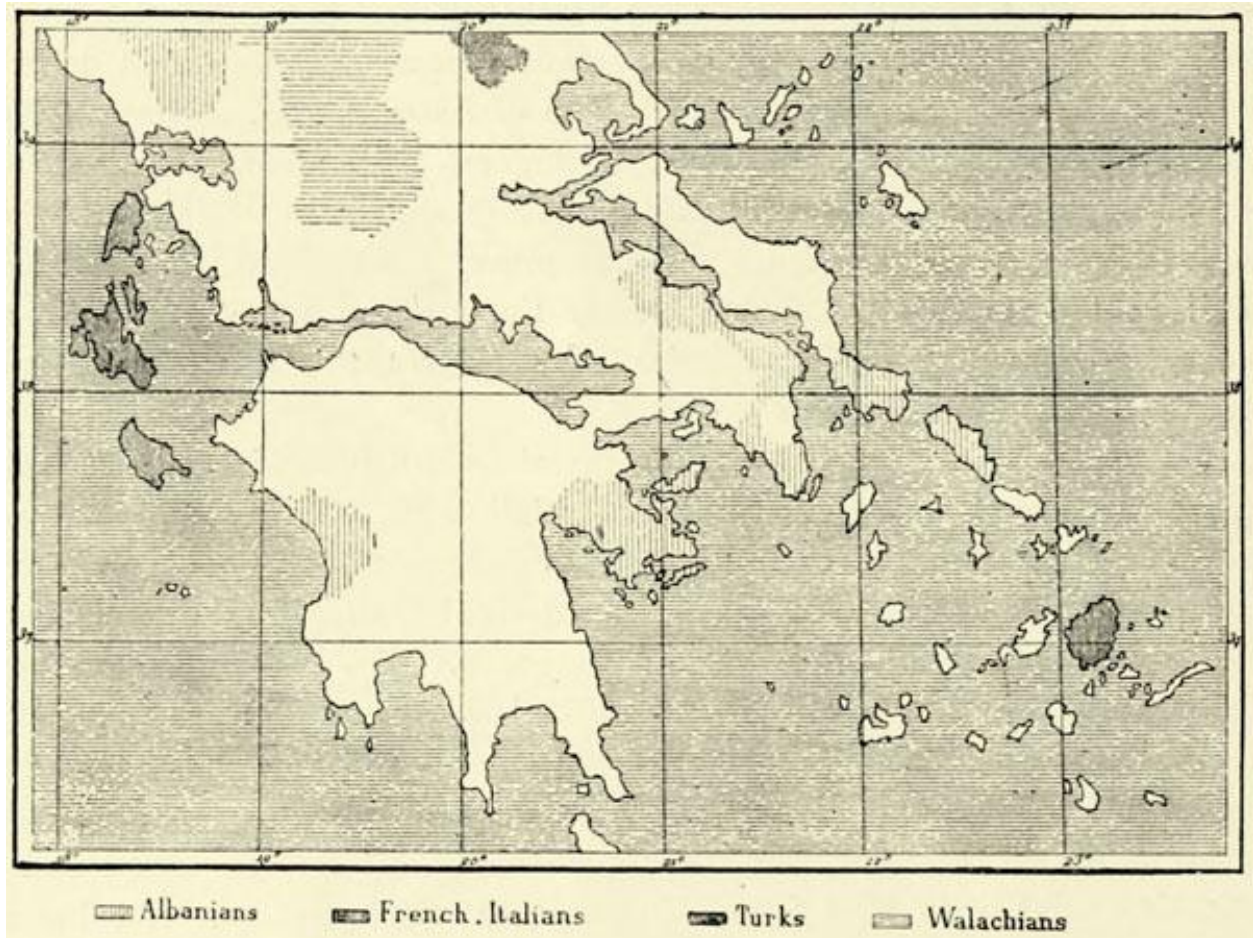
Финикийские купцы и римские завоеватели едва ли изменили состав населения Эллады, но в эпоху миграций в Грецию проникло большое количество варваров. Более двух веков аварцы удерживали свои позиции на Пелопоннесе (). Затем пришли славяне, которым не раз помогала чума, опустошавшая страну. Греция стала Славонией, и славянский язык,

вероятно сербский, был повсеместно распространен, о чем свидетельствует большинство географических названий. Суеверия и легенды современных греков, как отмечали многие авторы, не являются просто наследием древних эллинов, но обогатились призраками и вампирами славянского происхождения. Одежда греков также является наследием их северных завоевателей. Но, несмотря на это, изысканный язык эллинов постепенно восстановил свое древнее превосходство, и эта раса настолько тщательно ассимилировала этих иностранных иммигрантов, что сейчас невозможно проследить какие-либо сербские элементы в населении. Но едва Эллада избежала опасности стать славянской, как ей угрожало стать албанской. Это произошло во время господства Венеции. Еще в начале нынешнего века албанский язык был доминирующим языком в Элиде, Аргосе, Беотии и Аттике, и даже в настоящее время сто тысяч предполагаемых эллинов все еще говорят на нем. Таким образом, нынешнее население Греции является очень смешанным, но трудно сказать, в каких пропорциях смешались эти эллинские, славянские и албанские элементы. Майноты, или маниоты, проживающие на полуострове, заканчивающемся мысом Матапан, обычно считаются греками чистой крови. Они сами утверждают, что являются потомками древних спартанцев, и среди своих крепостей до сих пор указывают одну, которая принадлежала «синьору Ликургу». Их советы старейшин с незапамятных времен и вплоть до войны за независимость сохраняли название «Сенат Лакедемонии». Каждый майнот заявляет о своей любви до смерти к «свободе, высшему из всех благ, унаследованному от наших спартанских предков». Тем не менее, многие населенные пункты в Маине носят названия, происходящие от сербского языка, и это, в любом случае, доказывает, что славяне проживали в этой стране в течение значительного времени. Майноты практикуют кровную *месть*, как будто они черногорцы. Но разве это не обычный обычай среди всех нецивилизованных народов?

Как бы то ни было, несмотря на вторжения и смешение с другими народами, современные греки во многом схожи с греками прошлого. Прежде всего, они сохранили свой язык, и действительно удивительно, что просторечный греческий, хотя и происходит от сельского диалекта, так мало отличается от литературного языка. Различия, аналогичные тем, которые можно наблюдать в языках, происходящих от латыни, ограничиваются почти двумя моментами, а именно: сокращением безударных слогов и использованием вспомогательных глаголов. Поэтому современным грекам было легко очистить свой язык от варварских и иностранных терминов и постепенно восстановить его в том виде, в каком он был во времена Фукидида. Раса также не претерпела значительных изменений в своих физических чертах, поскольку в большинстве районов современной Греции все еще можно узнать древние типы. Беотийцы по-прежнему отличаются тяжелой походкой, которая делала их объектом насмешек среди других греков; афинская молодежь обладает гибкостью, грацией движений и осанкой, которые мы так восхищаемся в всадниках, изображенных на фризях Парфенона; спартанские женщины сохранили ту гордую и энергичную красоту, которая составляла очарование дев Дориса. Что касается нравов, то происхождение современных эллинов столь же очевидно. Как и их предки, они любят перемены и любознательны; как потомки свободных граждан, они сохранили чувство равенства; и, по-прежнему увлеченные диалектикой, они всегда высказываются так, как будто находятся на древней рыночной площади, или Агоре. Они часто прибегают к лести: как и древние греки, они склонны ценить интеллектуальные достоинства выше чистоты нравов. Как мудрый Одиссей из гомеровского эпоса «Одиссея», они хорошо умеют лгать и обманывать с изяществом; а правдивые акарнанийцы и майноты, которые «медленно

обещают, но обязательно выполняют», считаются сельскими чудаками. Еще одна черта характера современных и древних греков, которая отличает их от всех других европейцев, заключается в том, что они не позволяют себе увлекаться страстью, за исключением патриотизма. Греку чужда меланхолия: он любит жизнь и полон решимости наслаждаться ею. В бою он может отдать свою жизнь, но самоубийство — это вид смерти, неизвестный современным грекам, и чем несчастнее они, тем сильнее цепляются за существование. Они очень редко страдают от безумия.

Рис. 10. — ИНОСТРАННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В НАСЕЛЕНИИ ГРЕЦИИ.

Несмотря на разнообразные элементы, из которых она состоит, греческая национальность является одной из самых однородных в Европе. Албанцы, как и греки, происходящие от пеласгов, не уступают последним в патриотизме; и именно они — сулиоты, гидриоты, специоты — сражались наиболее доблестно за национальную независимость. Восемьсот семей румынских или кутзо-валахских зинзаров, которые пасут свои стада на холмах Акарнании и Этолии и известны как кара-гуни, или «черные плащи», говорят на двух языках и иногда женятся на греческих девушках, хотя никогда не выдают своих дочерей замуж за греков. Высокомерные и свободные, они не достаточно многочисленны, чтобы иметь какое-либо большое значение. К иностранцам греки относятся довольно нетерпимо и не прилагают никаких усилий, чтобы сделать их пребывание среди них приятным. Турки, которые раньше были многочисленны в некоторых частях Пелопоннеса, в Беотии и на острове Эвбея и чье присутствие напоминало о несчастном периоде рабства, бежали до последнего человека, и только фес, наргиле и тапочки напоминают нам об их прежнем присутствии. Евреи, хотя и встречаются в каждом городе Востока, будь то славянском или мусульманском, едва осмеливаются появляться в присутствии греков, которые, к тому же, являются их самыми грозными соперниками в финансовых вопросах: их можно встретить только на Ионических островах, где им удалось закрепиться во время британского протектората. На этом же архипелаге мы также встречаем потомков древних венецианских колонистов и эмигрантов со всех концов

Италии. Французские и итальянские семьи по-прежнему составляют отдельный элемент населения Наксоса, Санторина и Сиры. Что касается мальтийских носильщиков и садовников в Афинах и на Корфу, то они по-прежнему в большинстве своем занимают подчиненные позиции и никогда не общаются с греками.

Однородный характер населения Греции не позволяет разделить эту страну на этнологические провинции, как Турцию или Австро-Венгрию, но географически она состоит из четырех отдельных частей. Это (1) континентальная Эллада, известная со времени турецкого вторжения как Румелия, в память о «Римской» империи Византии; (2) древний Пелопоннес, ныне называемый Морей, возможно, переложение слова «Ромея» или от славянского слова, означающего «морское побережье», которое ранее применялось к Элиде; (3) острова Эгейского моря; (4) Ионические острова. При описании различных частей Греции мы будем предпочитать использовать древние названия гор, рек и городов, поскольку современные эллины, гордящиеся славой прошлого, стремятся постепенно избавиться от названий славянского или итальянского происхождения, которые все еще фигурируют на картах их страны.¹³

II. — КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ ГРЕЦИЯ.

Пинд, образующий центральную цепь гор Южной Турции, переходит в Грецию и придает ей аналогичный орографический характер. По обе стороны этой условной границы мы встречаем одни и те же скалы, одну и ту же растительность, одни и те же особенности ландшафта и одни и те же народы. Разделив Эпир и передав Фессалию туркам, европейская дипломатия не обратила внимания на природные особенности. Восточная часть границы проходит по линии водораздела над горным хребтом высокого Отриса, возвышающегося над равниной Сперхия. К западу от Пинда граница пересекает долину Ахелоса и холмы, отделяющие ее от залива Арта.

Рис. 11. — ГОРА ПАРНЕСС И ДЕЛЬФЫ.

Изолированная вершина горы Тимфрестус, или Велухи, возвышающаяся там, где величественная цепь Офриса отходит от Пинда, не является самой высокой точкой континентальной Греции, но является центром, от которого расходятся основные горные отроги и реки. Внутри ее отрогов скрывается очаровательная долина Карпениси, а возвышенный хребет соединяет их, в юго-восточном направлении, с самым важным горным массивом современной Греции, а именно с группой, увенчанной снежными пирамидами Вардусии и Хионы, склоны которых покрыты темными елями, и с великолепной Катавотрой, Этой древних, на которой Геракл построил свой погребальный костер. Горы Вардусия и Хиона находятся лицом к лицу с прекрасными горными массивами Северной Мореи, также покрытыми лесами и снегом в течение большей части года.

Горы Этолии, к западу от Велухи и Вардусии, гораздо менее возвышенные, но они изрезанные и образуют настоящий хаос скал, диких ущелий и зарослей, в которые

отваживаются заходить только валашские пастухи. В южной Этолии, на берегах озер и вдоль рек, местность более доступна, но и здесь возвышаются горы, которые извилистыми хребтами соединяются с системой Пинда. Горы на побережье Акарнании, напротив Ионических островов, крутые, покрытые деревьями и кустарниками; это горы «Черного континента», упомянутые Одиссеем. К востоку от Ахелоса находится еще одна прибрежная цепь, хорошо известная морякам: это Зигос, южные склоны которого, засушливые и суровые, видны с Миссолонги. Еще дальше на восток еще одна цепь спускается к берегу моря и вместе с мысами на противоположном берегу Мореи образует узкий вход в Коринфский залив. Рядом с этим входом, на стороне Этолии, возвышается смелая гора Варасова, огромный скальный массив. Местная легенда гласит, что титаны пытались бросить эту скалу в море, чтобы она образовала мост между двумя побережьями, но скала оказалась слишком тяжелой и упала там, где мы ее видим сейчас.

В сторону Эгейского моря горный массив Катавотра продолжается прибрежной грядой, проходящей параллельно горам острова Эвбея. Эту гряду следует скорее описывать как серию горных групп, отделенных друг от друга глубокими впадинами, обширными понижениями и даже речными долинами. Эти горы, хотя и невысокие и пересеченные многочисленными дорогами, тем не менее труднодоступны, поскольку их склоны крутые, мысы обрывистые, а обрывы внезапные, и во времена древних греков небольшое количество людей неоднократно защищало их от больших армий. На одном конце этого хребта находится проход Фермопилы, на другом, у восточного подножия Пентелика, — знаменитая равнина Марафон.

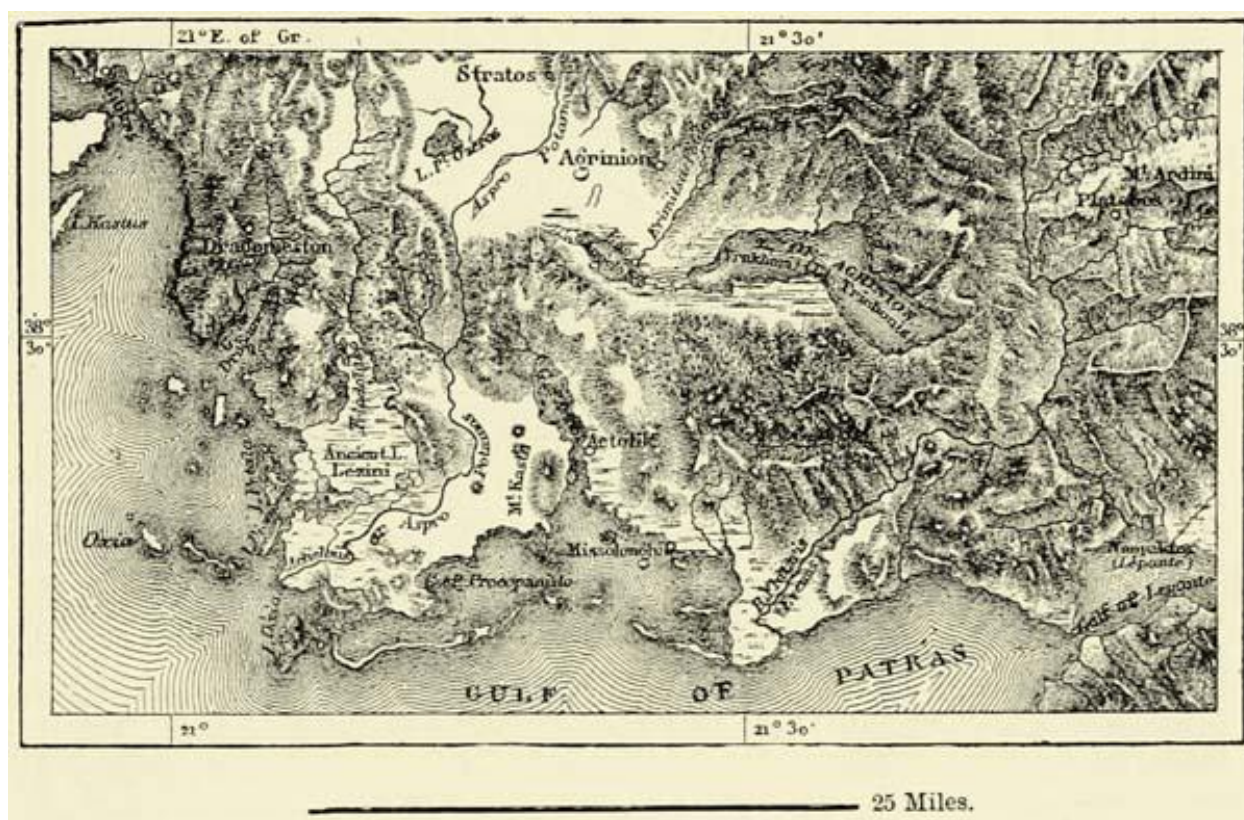
Горные группы на северном берегу Коринфского залива и к югу от Беотии можно рассматривать как хребет, идущий параллельно тому, что следует за каналом Эвбеи, но гораздо более красивый и живописный. Каждая из его вершин вызывает приятные воспоминания о поэзии или вызывает в воображении образ какого-нибудь древнего божества. На западе мы оказываемся перед «двуглавым» Парнасом, куда бежали Деукалион и Пирра, предки греков, и где афиняне устраивали факельные танцы в честь Бахуса. С вершин Парнаса, которые по высоте соперничают с вершинами Хионы, поднимая свою пирамидальную вершину на северо-запад, почти вся Греция с ее заливами, островами и горами простирается под нами, от Фессалийского Олимпа до Тайгета, на краю Пелопоннеса; а совсем рядом, у наших ног, лежит восхитительная котловина Дельф, место мира и согласия, где греки забывали о своих враждах. Горная группа к востоку от Парнаса ничем не уступает ему. Долины Геликона, резиденции Аполлона и муз, по-прежнему являются самыми зелеными и улыбчивыми во всей Греции. Восточный склон Геликона особенно отличается своей очаровательной красотой, лесами, зелеными пастбищами, садами и журчащими родниками, которые наиболее выгодно контрастируют с голыми и засушливыми равнинами Беотии. Если гора Парнас может похвастаться источником Касталия, то гора Геликон обладает источником Гиппокрена, который вырвался из земли, когда по нему ударила копытом Пегас. Удлиненная вершина Киферона, места рождения Бахуса, соединяет горы южной Беотии с горами Аттики, мрамор которых прославился благодаря близости к городу, который они укрывают. Гора Парнес возвышается к северу от Афин; к востоку от нее, как фронтон храма, возвышается Пентелик, в котором находятся карьеры Пикерми (), прославившиеся благодаря своим окаменелым костям; на юге возвышается гора Иметт, известная своими цветами и пчелами. Далее, Лаврион с его богатыми серебристыми шлаками простирается к юго-востоку и заканчивается мысом

Сунион, в былые времена посвященным Минерве и Нептуну, на котором до сих пор возвышаются пятнадцать колонн древнего храма.

Еще одна изолированная горная группа к югу от Аттики, занимающая всю ширину Мегарского перешейка, служила афинянам защитным валом от соседей с Пелопоннеса. Это горная группа Герания, современная Пера Хора.¹⁴ Пройдя ее, мы попадаем на Коринфский перешеек, собственно говоря, ограниченный Афинским и Коринфским заливами. Это узкая полоса земли, шириной едва пять миль, чьи засушливые известняковые скалы поднимаются над морем всего на двести футов. Эта нейтральная территория, лежащая между двумя разными географическими регионами, естественно стала местом встреч, праздников и рынков. Остатки стены, построенной пелопоннесцами через перешеек, все еще можно увидеть, как и канал, начатый по приказу Нерона.

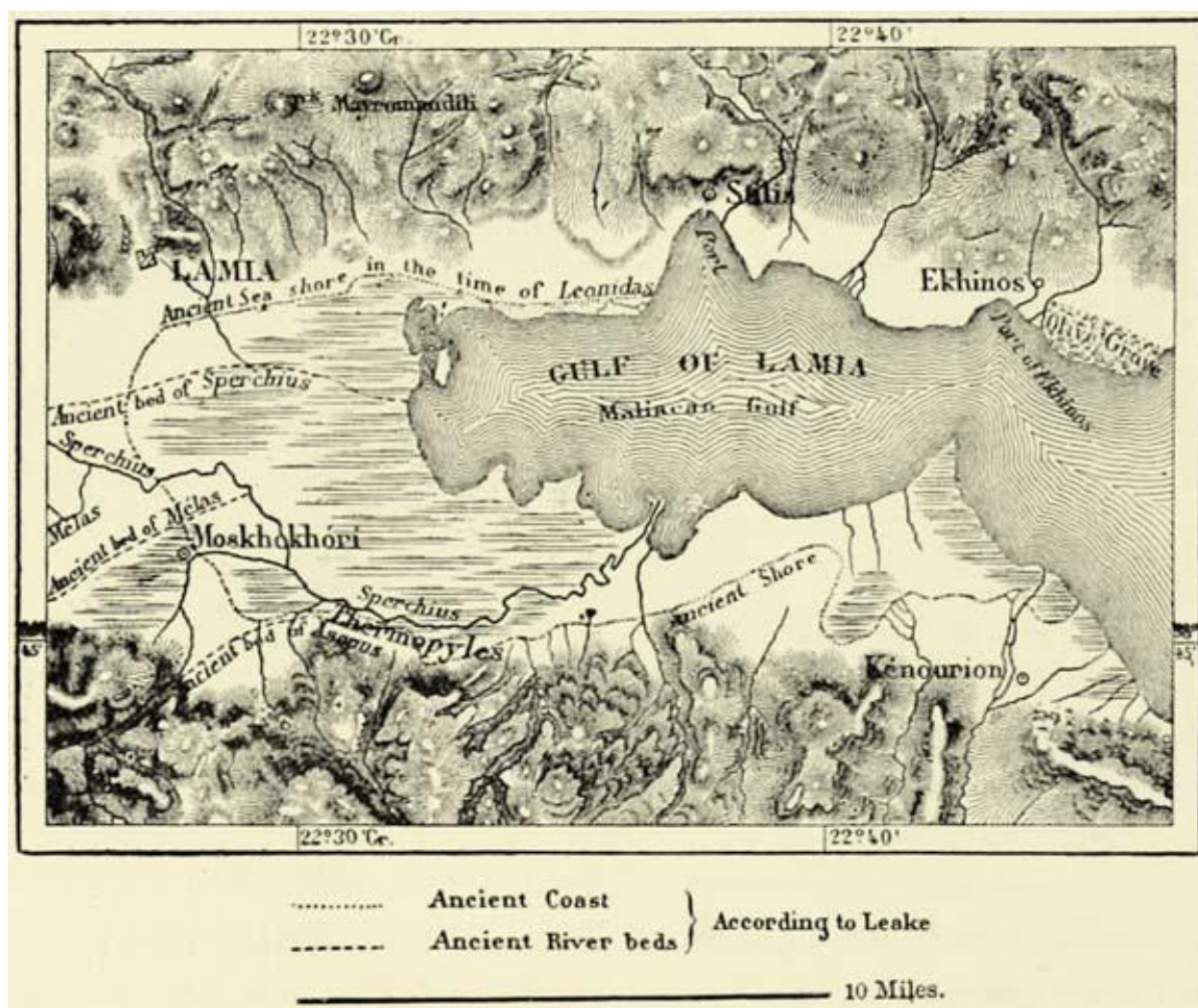
Известняковые горы Греции, а также Эпира и Фессалии, изобилуют озерами, но все реки поглощаются «воронками» или *катавотрами*, оставляя землю сухой и безводной. Южная Акарнания, часть которой известна как Ксеромерос, или «засушливая страна», из-за отсутствия проточной воды, изобилует озерными бассейнами такого рода. К югу от залива Арта, который можно охарактеризовать как своего рода озеро, сообщаемое с морем через узкое отверстие, находится несколько водоемов, остатки внутреннего моря, заиленного аллювиальными отложениями Ахелоса. Самое большое из этих озер известно местным жителям как Пелагос, или «большое море», из-за его размеров и бурных вод, разбивающихся о его берега. Это Трихониус древних этолийцев. Считающееся непостижимым, оно на самом деле очень глубокое, и его воды совершенно чистые; но они медленно стекают в другой бассейн, гораздо менее обширный и окруженный вредными болотами, и через бурный поток даже попадают в Ахелоос. Холмы, окружающие озеро Трихонис, покрыты деревьями и полями, в то время как местность вокруг нижнего озера была обезлюдена из-за лихорадки. Тем не менее, эта местность чрезвычайно красива. Едва мы прошли через узкое ущелье, или *клицуру*, горы Зигос, как попали на мост длиной более мили, который турецкий губернатор велел построить через болота, разделяющие два озера. Этот виадук погрузился в грязь более чем на половину своей высоты, но все еще достаточно высок, чтобы можно было свободно обозревать поверхность воды и проследить берега, которые ее ограничивают. Под нами перемешиваются дубы, платаны и дикие оливковые деревья, их ветви увешаны гирляндами дикой лозы, и все это, вместе с голубыми водами озера и горами, возвышающимися за ним, образует картину великолепной красоты.

Рис. 12. — НИЖНЯЯ АКАРНАНИЯ.
Масштаб 1:800 000.

Еще одна озерная котловина расположена к югу от Зигоса, между аллювиальными землями Ахелоса и Фидари. Она занята болотом, заполненным пресной, солоноватой или соленой водой; и со времен Древней Греции это болото, благодаря апатии жителей, продолжает увеличиваться за счет возделываемых земель. Героический город Мисолонги обязан своим названием расположению рядом с этими болотами, поскольку его значение — «центр болот». Барьер, или *рамма*, местами прорванный наводнениями, отделяет бассейн Миссолонги от Ионического моря. Во время войны за независимость каждое отверстие в этом барьере было защищено редутами или частоколами, но в настоящее время единственным препятствием являются тростниковые заграждения рыбаков, которые открываются весной, чтобы пропустить рыбу из моря, и закрываются летом, чтобы предотвратить ее побег. Мисолонги, хотя и окруженный солоноватой водой, является здоровым местом благодаря морским бризам, в то время как над оживленным маленьким городком Этолико (Анатоликон), расположенным дальше к северо-западу посреди болот и соединенным с сушей двумя мостами, постоянно висит тяжелая атмосфера, насыщенная миазмами. Между Этолико и рекой Ахелос можно увидеть большое количество скалистых возвышенностей, возвышающихся над равниной как пирамиды. Это, без сомнения, древние острова, подобные тем, что до сих пор существуют между материком и островом Св. Мауро. Ил, принесенный рекой Ахелос, постепенно превратил промежутки между этими скалами в сушу. В древности на одном из этих островков располагался торговый город Эниады. Таким образом, геологические изменения, уже отмеченные Геродотом, продолжаются и по сей день, и ил Ахелоса, которому он обязан своим современным названием Аспро, или «белый», непрерывно расширяет сушу за счет моря.

Рис. 13. — ФЕРМОПИЛЫ.
Из французской карты штаба (1852). Масштаб 1 : 330 000.

Ахелоос, который древние сравнивали с диким быком из-за его быстрого течения и большого объема, является, безусловно, самой важной рекой Греции. Один из великих подвигов, приписываемых Гераклу, заключался в том, что он отломал один из рогов этого быка, то есть он укрепил берега реки и таким образом защитил земли, которые она обычно затопляла. Соседи Ахелоса, быстрая Фидари (Эвен, на берегах которой Геракл убил кентавра Несса за насилие над Деянирой) и Морнос, берущая начало в снегах Оэты, не могут сравниться с ней. Еще меньше с ним могут сравниться Ороп, Кефисс и Илисс, «мокрый только когда идет дождь», которые текут на восток в Эгейское море. Главная река Восточной Греции, Сперхиос, уступает Ахелосу, но, как и он, значительно изменила облик равнины у своего устья. Когда Леонид и его триста героев защищали ущелья Фермопил от персов, Ламийский залив простирался гораздо дальше вглубь суши, чем сейчас. Но аллювиальные отложения реки расширили ее дельту, и несколько ручьев, которые раньше впадали прямо в море, теперь относятся к ее притокам; море отступило от подножия Каллидрома на расстояние в несколько миль, а узкий проход Фермопилы превратился в равнину, достаточно широкую, чтобы на ней могла маневрировать целая армия. Горячие источники, бьющие из скал и образующие отложения известкового туфа, также могли способствовать этому изменению береговой линии; кроме того, в таком вулканическом регионе, подверженном частым землетрясениям, не исключены более сильные природные катаклизмы. Моряки до сих пор указывают на небольшой остров в этой местности,

образованный шлаком, с которого разгневанный Геракл бросил своего спутника Лихаса в океан. Горячие источники в изобилии на противоположном побережье Эвбеи, и образованные ими наслоения настолько значительны, что издалика напоминают ледники. В настоящее время рядом с горячими серными источниками Термопил существует купальня, что позволяет приезжим исследовать этот регион, столь богатый воспоминаниями о великом прошлом. Однако пьедестал, на котором стояла мраморная фигура льва, установленная в честь Леонида, был разрушен безжалостными руками и использован для строительства мельницы!

Бассейн Кефисса, окруженный цепями гор Эта и Парнас, является одним из самых замечательных с гидрологической точки зрения. Река сначала протекает по низине, которая раньше была озером, а затем, пробивая себе путь через узкий проход, окруженный отрогами горы Парнас, огибает скалу, на которой стоял древний город Орхомен, и впадает в обширную равнину, где болота и озера вкраплены среди возделанных полей и тростниковых зарослей. Эти болота питаются также многочисленными потоками, спускающимися с Геликона и других гор в его окрестностях. Один из них — поток Ливадия, в который впадают щедрые источники Памяти и Забвения — Мнемозина и Летэ. Летом большая часть равнины высыхает и дает богатый урожай кукурузы, стебли которой сладкие, как сахарный тростник. Но после сильных осенних и зимних дождей вода поднимается на двадцать, а то и двадцать пять футов, и равнина превращается в огромное озеро площадью девяносто шесть квадратных миль. Миф о потопе Огигаса почти заставляет нас поверить, что поднимающиеся наводнения время от времени затопляли каждую долину, впадающую в этот бассейн. Древние называли мелководную часть этого озера Кефиссом, а его глубокую восточную часть — Копайсом, от Копай, города, занимающего мыс на его северном берегу, который сейчас называется Тополияс.

Рис. 14. ОЗЕРО КОПАИС
Из французской карты штаба. Масштаб 1:500 000.

землей. Эти древние инженерные сооружения, которые Кратет тщетно пытался восстановить во времена Александра, возможно, датируются мифической эпохой царя Миньяса из Орхомена,^{[15](#)} , и успешное осушение этих болот может объяснить хорошо наполненную казну этого царя, о которой говорил Гомер. Таким образом, изобретательность гомеровской эпохи позволила осуществить инженерное искусство, которое ставит в тупик наших современных ученых!

КРЕСТЬЯНЕ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ АФИН.

Вся западная Греция, заполненная горами Акарнании, Этолии и Фокиды, по природе обречена играть очень подчиненную роль по сравнению с восточными провинциями. Во времена древних греков эти провинции рассматривались почти как часть мира варваров, и даже в наши дни этолийцы являются наименее культурными из всех греков. Торговля ведется только в нескольких привилегированных местах, расположенных близ моря, таких как Миссолонги, Этолико, Салона и Галаксиди. Последний, расположенный в бухте, в которую впадает Плейстус, река, когда-то посвященная Нептуну, хотя и совершенно пересыхающая в течение большей части года, до войны за независимость был самым оживленным морским портом в Коринфском заливе. Что касается Наупактуса, или Эпакто (называемого итальянцами Лепанто), то он был важен лишь с стратегической точки зрения, благодаря своему положению у входа в Коринфский залив, который иногда называют в его честь. Многие морские сражения велись за право прохода в залив, защищаемый замками Румелия и Морей — древними Риумом и Антирриумом. В связи с каналом, образующим вход в Коринфский залив, наблюдается любопытное явление. Его глубина нигде не превышает 36 саженей, а ширина постоянно меняется из-за образования наносов морскими течениями. То, что откладывает одно течение, уносит другое. В эпоху Пелопоннесской войны этот канал был шириной 7 стадий, или около 1200 ярдов; во времена Страбона его ширина составляла всего 5 стадий; а в наши дни он составляет не менее 2200 ярдов от мыса до мыса. Вход в залив Арта, между турецким Эпиром и греческой Акарнанией, не демонстрирует таких же явлений, и его нынешняя ширина примерно равна той, которую ему приписывают все древние авторы, то есть около 1000 ярдов.

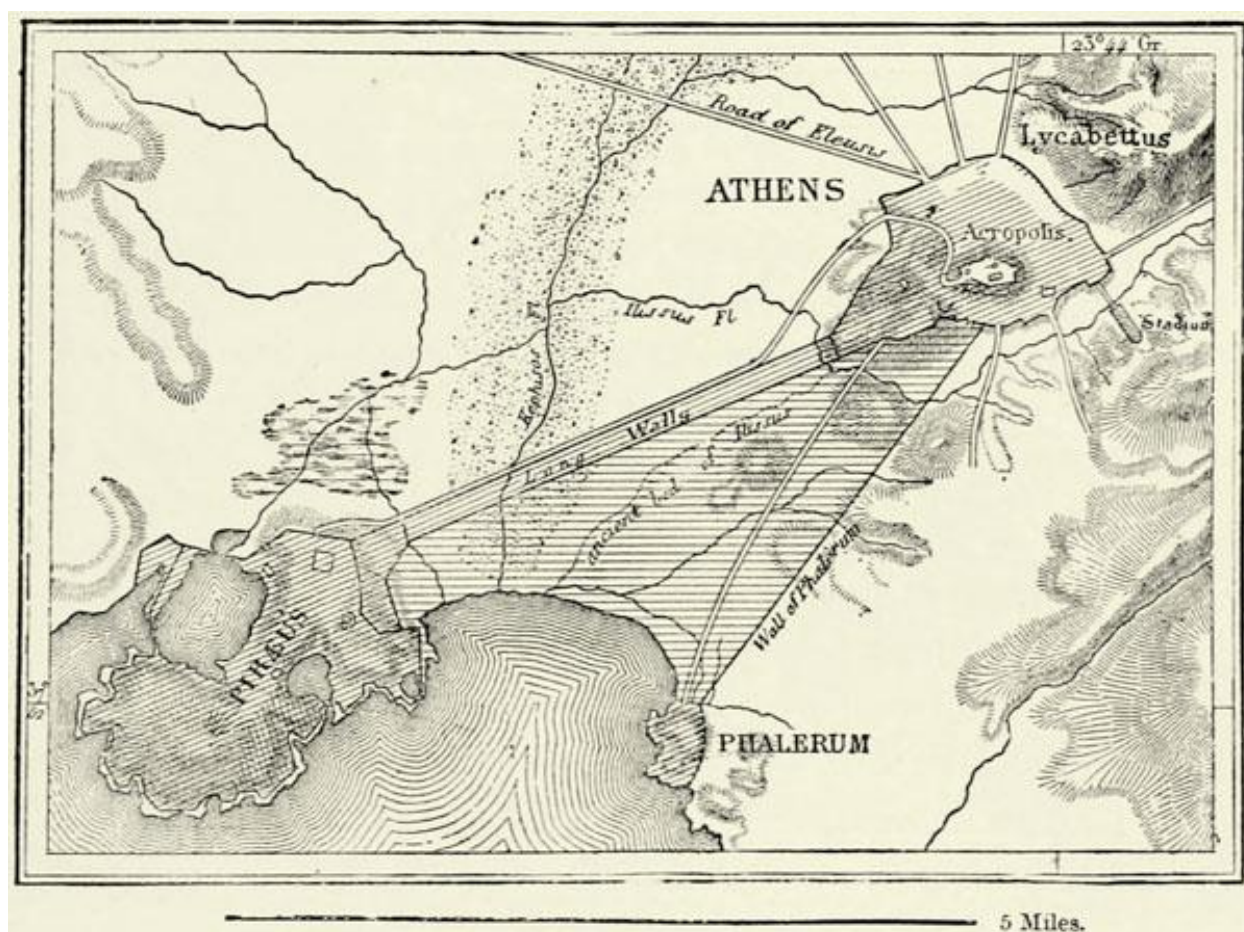
Долины и озерные бассейны Восточной Греции, и в особенности ее положение между заливом Коринф, Эгейским морем и проливом Эвбея, которые почти превращают ее в полуостров, в достаточной мере объясняют процветание этой страны. С ее городами Фивы, Афины и Мегара, она по сути является землей исторических воспоминаний. Контраст между двумя наиболее важными районами этого региона — Беотией и Аттикой — очень поразителен. Первый из них представляет собой внутреннюю котловину, воды которой собираются в озера, где скапливается туман, а на плодородной аллювиальной почве растет богатая растительность. Аттика, напротив, засушлива. Тонкий слой почвы покрывает террасы ее скалистых склонов; ее долины выходят к морю; вершины ее гор возвышаются в лазурное небо, а голубые воды Эгейского моря омывают их подножие. Если бы греки боялись моря, если бы они ограничивались, как в древнейшие времена, возделыванием земли, Беотия, без сомнения, сохранила бы то превосходство, которым она пользовалась во времена минийцев из богатого Орхомена. Но прогресс в мореплавании и привлекательность торговли, которые оказались непреодолимыми для греков, постепенно перенесли лидерство к жителям Аттики. Город Афины, возникший посреди самой большой равнины этого полуострова, занимал положение, которое обеспечивало ему великое будущее.

Рис. 15. АКРОПОЛЬ АФИН.

Выбор Афин в качестве современной столицы Греции подвергался многочисленной критике. Времена, без сомнения, изменились, и в результате миграции народов естественные центры торговли сместились. Коринф, расположенный на перешейке, соединяющем континентальную Грецию с Пелопоннесом и контролирующий два моря, несомненно, заслуживал предпочтения. Его возможности для связи с Константинополем и греческими морскими районами, все еще находящимися под властью Османской империи, с одной стороны, и с западным миром, откуда сейчас исходят все цивилизационные импульсы, с другой, безусловно, больше, чем у Афин. Если бы Греция вместо небольшого централизованного королевства стала федеративной республикой, что больше соответствовало бы ее духу и традициям, то, без сомнения, другие города Греции, более благоприятно расположенные, чем Афины, для установления быстрых связей с остальной Европой, вскоре превзошли бы этот город по численности населения и торговому богатству. Однако Афины выросли на своей равнине, а благодаря строительству железной дороги стали даже морским городом, как в древние времена, когда их тройные стены соединяли их с портами Пирея и Фалера.

Рис. 16. АФИНЫ И ИХ ДЛИННЫЕ СТЕНЫ.
По данным Киперта и Шмидта. Масштаб 1:114 000.

Но как велика разница между памятниками древнего города и современного! Парфенон, хотя и разрушенный снарядами венецианца Морозини и лишенный своих лучших скульптур, все еще сохраняет свою чистую и простую красоту, которая так хорошо сочетается с трезвостью окружающего ландшафта, — все еще остается лучшим архитектурным произведением в мире. Рядом с этими величественными руинами, на том же плато Акрополя, где моряк в заливе Эгины видел, как блестит на солнце позолоченное острие копья Афины Промехос, возвышаются другие памятники, Эрехтейон и Пропилеи, почти не уступающие ему и также относящиеся к великому периоду искусства. За пределами города, на мысе, возвышается храм Тесея, наиболее хорошо сохранившийся памятник греческой древности. В другом месте, на берегу Илисса, группа колонн отмечает место великолепного храма Зевса Олимпийского, на строительство которого у афинян ушло семьсот лет, а их развращенные потомки использовали его в качестве карьера. Замечательные руины были обнаружены во многих других частях древнего города, и даже самые незначительные из них представляют интерес, поскольку напоминают о прославленных людях. На такой скале заседал Ареопаг, который осудил Сократа; с этой каменной трибуны Демосфен обращался к народу; и здесь гулял Платон со своими учениками!

Подобный исторический интерес вызывает почти каждая часть Аттики, будь то город Элевсин, где праздновались мистерии Цереры, город Мегара с его двойным Акрополем или поле Марафона и берега острова Саламин. Даже за пределами Аттики воспоминания о прошлом привлекают путешественника в Платею, Леуктру, Херонею, Фивы Эдипа и Орхомен в Минии, хотя по сравнению с тем, чем были эти районы в другие времена, сейчас они представляют собой пустыни. Помимо Афин и Фив, в восточной части континентальной

Греции сейчас есть только два города, имеющих какое-либо значение. Это Ламия, расположенная посреди низких равнин Сперхия, и Ливадия в Беотии, когда-то прославленная пещерой Трофония, которую археологи пока не смогли идентифицировать. Остров Эгина, принадлежащий Аттике, представляет собой такое же зрелище упадка и обезлюдения, как и материк. В древности на нем проживало более двухсот тысяч жителей, а в настоящее время их число едва достигает шести тысяч. Но на острове все еще сохранились живописные руины храма Минервы, а вид, открывающийся с него на амфитеатр холмов в Арголиде и Аттике, по-прежнему великолепен.

Рис. 17. — ДРЕВНИЕ АФИНЫ.
По данным Киперта и Шмидта. Масштаб 1:30 000.

III. МОРЕА, ИЛИ ПЕЛОПОННЕС.

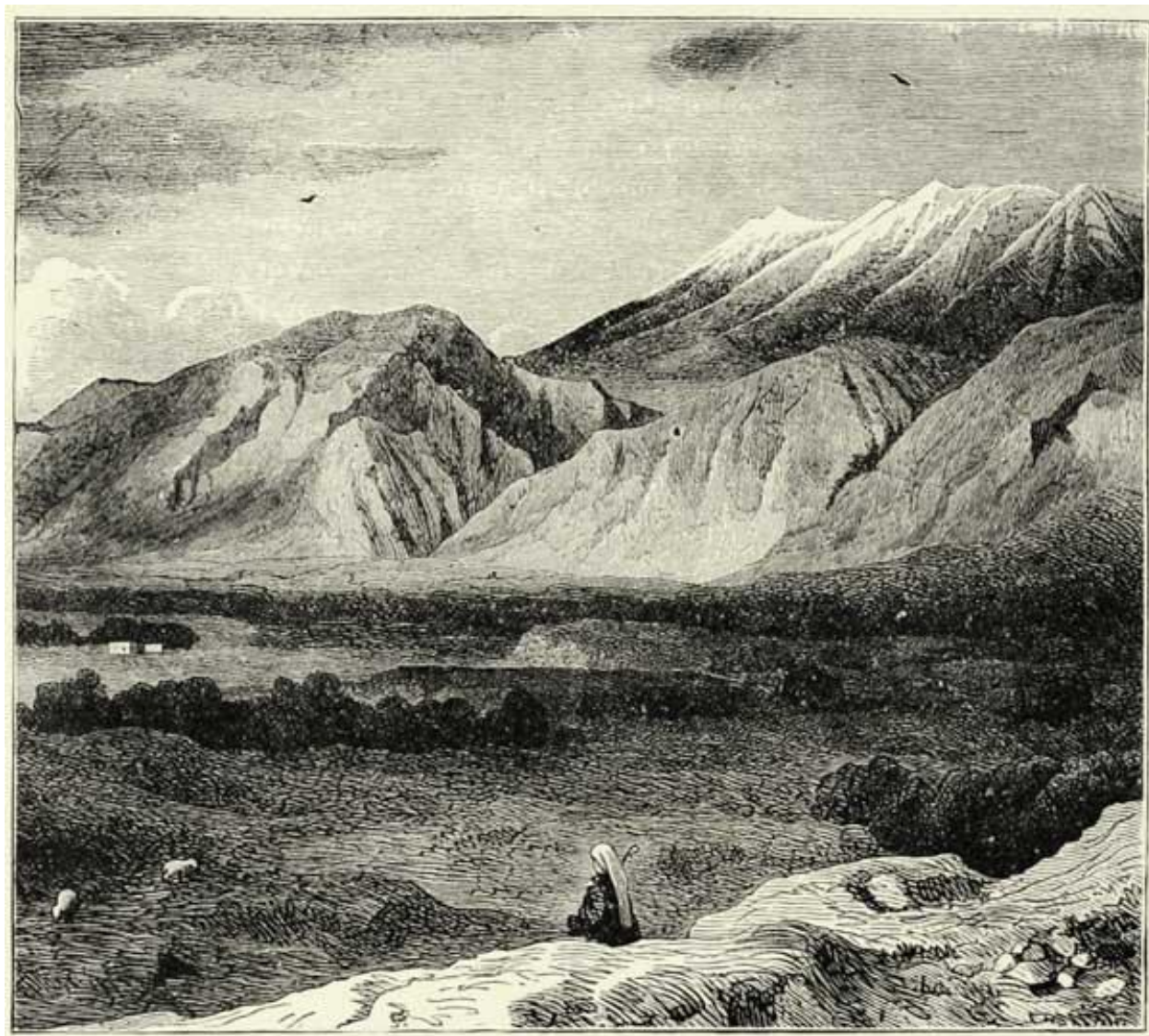
Географически Пелопоннес вполне заслуживает название острова, которое ему дали древние. Низкий Коринфский перешеек полностью отделяет его от гористого полуострова Греции. Это целый мир сам по себе, достаточно маленький с точки зрения площади, которую он занимает на карте, но великий с точки зрения той роли, которую он сыграл в истории человечества.

Входя на Пелопоннес с Коринфского перешейка, мы видим перед собой горный вал Онейона, который защищал вход на полуостров и на одном из мысов которого была построена почти неприступная цитадель Коринфа. Эти горы являются частью общей горной системы всего острова, и, укрывшись за ними, его жители могли жить в безопасности. Основной горный массив, от которого все другие цепи расходятся к входам на полуостров, расположен в глубине страны, примерно в сорока милях к западу от Коринфа. Там возвышается гора Киллена древних греков, или Зирия, склоны которой покрыты темными соснами; а еще дальше, Келмос, или Аронийская гора, достигает еще более значительной высоты, ее снега спускаются в долину на северном склоне, где дают начало реке Стикс, холодные воды которой оказываются смертельными для клятвопреступников и исчезают в узкой расщелине, одном из входов в Аид. Цепь лесистых вершин к западу от Хельмоса соединяет эту гору с Олоносом (гора Эриманф), прославленной как место обитания дикого вепря, убитого Гераклом. Все эти горы, от Коринфа до Патры, образуют вал, идущий параллельно южному берегу залива, в направлении которого они отбрасывают отроги, окружающие крутые долины. В одной из них — Бураикос — мы встречаем величественные пещеры Мега-Спилеон, которые используются как монастырь и где на каждой выгодной площадке, предлагаемой скалами, можно увидеть самые любопытные сооружения, напоминающие ячейки огромного осинового гнезда.

Таким образом, плоскогорье Пелопоннеса ограничено с севера возвышенной прибрежной грядой. Другая гряда того же типа ограничивает его с востока. Она также начинается от горы Киллен и простирается на юг, ее различные части известны как Гаурия, Малево (гора Артемизиум) и Парфенион. Затем она прерывается обширной впадиной, но снова поднимается дальше на юг в виде хребта Агиос Петрос, или Парнон, к востоку от Спарты. Постепенно понижаясь, она заканчивается мысом Малеа, напротив острова Кериги. Согласно преданию, именно этот мыс был последним убежищем кентавров, то есть варварских предков современных цаконгов. Ни один мыс не вызывал у греческих мореплавателей такого страха, как мыс Малеа, из-за внезапных порывов ветра, и древняя пословица гласит: «Когда ты обогнал мыс, забудь имя своей родины».

Горы Западной Мореи не имеют такой регулярности, как восточная цепь. Они пересечены реками, а к югу от Ароанских гор и Эримантуса разветвляются на множество небольших цепей, которые то и дело объединяются в горные группы и придают этой части плато самый разнообразный облик. Везде в долинах мы неожиданно натываемся на пейзажи, которым неописуемый шарм придают группа деревьев, родник, стадо овец или пастух, сидящий на грудке руин. Мы находимся в прекрасной Аркадии, воспетой поэтами. Хотя она в значительной степени лишена лесов, это по-прежнему красивая страна; но еще более очаровательны восточные склоны плато, спускающиеся к Ионическому морю. Там роскошные леса и сверкающие ручьи добавляют элемент красоты голубым волнам, далеким островам и прозрачному небу, чего не хватает почти во всех других частях приморской Греции.

Рис. 18. — ГОРА ТАЙГЕТ.

Плато Аркадии с запада окружено покрытым соснами Меналом, а с юга ограничено несколькими горными группами, которые дают начало отдельным горным цепям. Одна из этих горных массивов — Котилион, или Палеокастро — дает начало горам Мессении, среди которых возвышается знаменитая Итома, и горам Эгалея, которые простираются по полуострову к западу от залива Корона и появляются в море в виде скалистых островков Сапиенца, Кабрера и Венетикон. Другой горный массив, Ликей или Диафорти — аркадский Олимп, который пеласги считают своей колыбелью и который возвышается почти в центре Пелопоннеса, продолжается к западу от Лаконии протяженной горной цепью, самой высокой и самой характерной из всех Мореи. Самый высокий гребень этих гор — знаменитый Тайгет, известный также как Пентедактилум (пять пальцев) из-за пяти вершин, которые его увенчивают, или как Святой Илия, без сомнения, в честь Гелиоса, дорийского бога солнца. Часть нижних склонов этой горы покрыта лесами каштанов и грецких орехов, перемежающимися кипарисами и дубами, но ее гребень голый, и снег остается на нем в течение трех четвертей года. Снега Тайгета направляют далеких моряков к берегам Греции. Приближаясь к побережью, он видит, как над голубыми водами возвышаются отроги и отдаленные хребты Какавуни, или «плохой горы». Вскоре после этого он видит мыс Тайнарон с двумя мысами Матапан и Грассо — огромными блоками

белого мрамора высотой более шестисот футов, на которых после утомительного путешествия через море селятся миллионы перепелов. В пещеры у его подножия с глухим шумом устремляются воды, который древние принимали за лай Цербера. Мыс Матапан, как и Малея, вызывает страх у моряков как великий «уничтожитель людей».

Таким образом, три южные оконечности Пелопоннеса заняты высокими горами и скалистыми склонами. Полуостров Арголида на востоке также пересечен горными хребтами, которые начинаются от горы Киллен, подобно Гауриям и горам Аркадии. Таким образом, весь Пелопоннес представляет собой страну плато и горных хребтов. Если не считать равнин Элиды, которые были сформированы аллювиальными отложениями, принесенными реками Аркадии, и озерных бассейнов внутренних районов, которые были заполнены в течение веков, мы не встретим ничего, кроме гор.¹⁶ Основные горные массивы — Киллен, Тайгет и Парнон — состоят из кристаллических сланцев и метаморфических мраморов, как и в континентальной Греции. Слои юрского периода и пласты мелового известняка встречаются здесь и там у подножия этих более древних пород. Вблизи побережья, в Арголиде и на склонах Тайгета, произошли извержения серпентинов и порфиров, в то время как на северо-восточном побережье Арголиды, и особенно на небольшом полуострове Метоне, существуют недавние вулканы, среди которых Кайменипетра, который М. Фуке отождествляет с извергающими огонь жерлами Страбона и который последний раз извергался двадцать один век назад. Эти вулканы, без сомнения, являются жерлами подводной зоны возмущения, которая простирается через Милос, Санторини и Нисирос к югу от Эгейского моря.

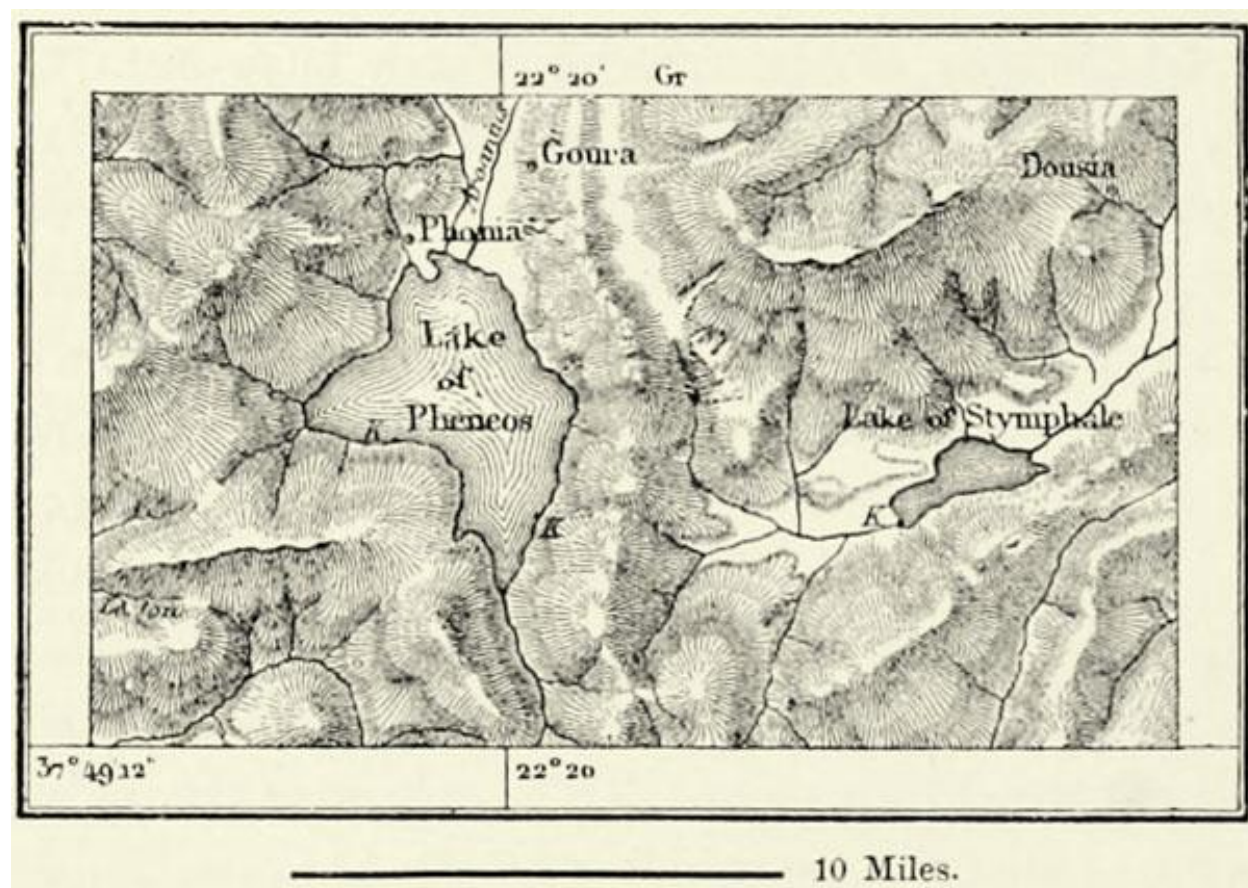
Серные источники, которые в изобилии встречаются на западном побережье Пелопоннеса, возможно, также являются свидетельством реакции внутренних слоев Земли.

По мнению ряда геологов, побережье Западной Греции незаметно поднимается. Во многих местах, и особенно в Коринфе, мы встречаем древние пещеры и морские пляжи на высоте нескольких футов над уровнем моря. Именно это поднятие, а не просто аллювиальные отложения, принесенные реками, объясняет вторжение суши в море в устье Ахелоса и на побережье Элиды, где четыре скалистых островка соединились с сушей. В других местах наблюдается оседание земли, например, в заливе Марафониси и на восточном побережье Греции, где древний полуостров Элафониси превратился в остров. Но даже там речные отложения захватили часть моря. Город Каламата сейчас находится в два раза дальше от побережья, чем во времена Страбона, а следы древней гавани Гелос на побережье Лаконии теперь находятся далеко вглубь суши.

Известняковые скалы внутренней части Пелопоннеса так же богаты расщелинами, поглощающими реки, как и Беотия и западная часть всего Балканского полуострова. Некоторые из этих катавотр — просто сита, скрытые под травой и галькой, но другие — широкие расщелины и пещеры, через которые легко проследить течение подземных вод. Зимой дикие птицы устраиваются у входов в эти пещеры в ожидании добычи, которую река обязательно принесет им; летом, после того как воды отступают, лисы и шакалы снова занимают свои привычные норы. Вода, поглощенная этими ущельями на плато Эвбеи (), вновь появляется на другой стороне гор в виде родников, или *кефаларии* (*kephalovrysis*). Вода этих источников очищается при прохождении через землю, и ее температура соответствует температуре почвы. Иногда она вырывается из трещин в скалах, иногда на аллювиальной равнине, а иногда даже со дна моря. Подземная география Греции еще

недостаточно изучена, чтобы мы могли проследить каждый из этих кефаларий до катавотр, которые их питают.

Рис. 19. ОЗЕРА ФЕНЕА И СТИМФАЛ.
Из французской карты штаба. Масштаб 1:500 000.

Древние очень тщательно следили за тем, чтобы эти естественные воронки оставались открытыми, поскольку, облегчая прохождение воды, они предотвращали образование болот. Однако эти меры предосторожности были заброшены в течение веков варварства, охвативших Грецию, и вода начала скапливаться во многих местах, ухудшая санитарные условия в стране. Равнина Фенея, или Фония, обширная пропасть между горами Ароания и Киллена, таким образом, неоднократно превращалась в озеро. В середине прошлого века вся эта котловина была заполнена водой на глубину более 300 футов. В 1828 году, когда этот водоем уже значительно уменьшился, он все еще имел длину 6 миль и глубину 150 футов. Наконец, через несколько лет подземные шлюзы открылись, вода исчезла, и остались только два небольших болота возле мест выхода. Но в 1850 году озеро снова достигло глубины 200 футов. Геркулес, как нам рассказывают, построил канал для осушения этой долины и очистки ее подземных выходов, но жители теперь довольствуются установкой решетки над «воронками», чтобы предотвратить попадание туда стволов деревьев и других крупных предметов, уносимых наводнениями.

К востоку от долины Фенея и у южного подножия горы Киллен находится еще одно озерное понижение, прославленное в древности благодаря обитавшим в нем людоедским птицам, которые были истреблены Гераклом. Это Стимфальский озеро, попеременно

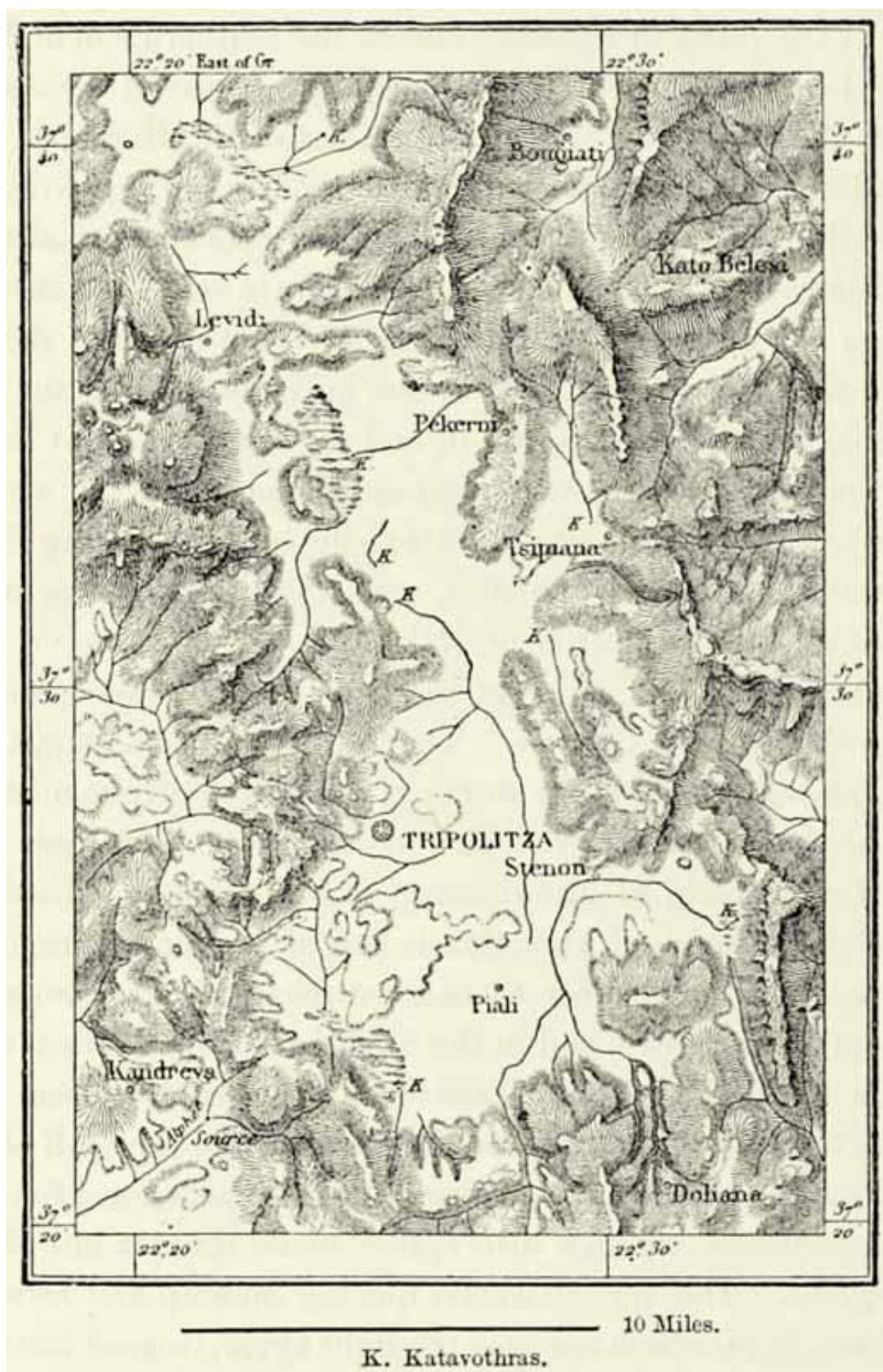
являющееся озером и возделываемой землей. Зимой вода покрывает около трети бассейна, но иногда, после сильных дождей, озеро восстанавливает свои прежние размеры. Есть только одна катавотра, через которую может уходить вода, и она, вместо того чтобы находиться у берега, как обычно, расположена на дне озера. Она поглощает не только воду озера, но и растительные остатки, попадающие в нее, и ил, образующийся на дне; эти отложения проходят через нее в подземную полость, где медленно разлагаются, о чем можно судить по зловонным испарениям, исходящим из катавофры. Однако вода очищается, и когда она вновь появляется на поверхности, близко к берегу моря, она становится прозрачной, как кристалл.

Между горами Аркадии и цепью Гаурийских гор есть много других озерных бассейнов такого же типа. Все они имеют свои болота или временные озера, но катавофры в каждом случае достаточно многочисленны, чтобы предотвратить затопление всей долины. Самый важный из этих озерных бассейнов образован знаменитой равниной Мантинея, на которой было сражено много битв. С гидрологической точки зрения это одно из самых любопытных мест в мире, поскольку воды, которые собираются здесь, стекают в два противоположных моря — в залив Нафплио на востоке и в направлении Альфея и Ионического моря на западе. Возможно, существует даже какой-то подземный ручей, который впадает на юге в Евротас и Лаконский залив.

Исчезновение вод под землей привело к опустошению нескольких частей Пелопоннеса, которые при наличии небольшого количества воды могли бы превратиться в самые плодородные регионы земного шара. Поверхностные воды быстро впитываются и образуют подземные реки, скрытые от глаз, которые в большинстве случаев вновь выходят на поверхность только у берега моря, когда их уже невозможно использовать. Равнина Аргоса, хотя и окружена величественным амфитеатром хорошо увлажненных холмов, более бесплодна и засушлива, чем Мегара и Аттика. Ее почва всегда сухая и впитывает воду как сито, что, возможно, дало повод для создания мифа о Данаидах. Но к югу от этой равнины, где между горами и побережьем находится лишь узкая полоса пригодной для возделывания земли, из скал вырывается великая река. Это Эразин.

Другие источники бьют на южной оконечности равнины, недалеко от ущелья Лерна, которые, как и источники Эразина, предположительно питаются из озера Стимфал. Рядом с ними находится заполненная водой пропасть, которая, как говорят, неизучима. Она изобилует черепахами, а в прилегающем болоте обитают ядовитые змеи. Это *кефаларии*, или «головы», древней гидры Лерны, которую Геракл с таким трудом смог поймать. Еще южнее есть другой источник, который бьет из дна моря, более чем в трехстах ярдах от берега. Этот источник — Доина древних и Анавула современных греческих моряков — на самом деле является устьем одной из рек, поглощенных катавотрами Мантинеи. Когда море спокойно, он выбрасывает струю высотой до пятидесяти футов.

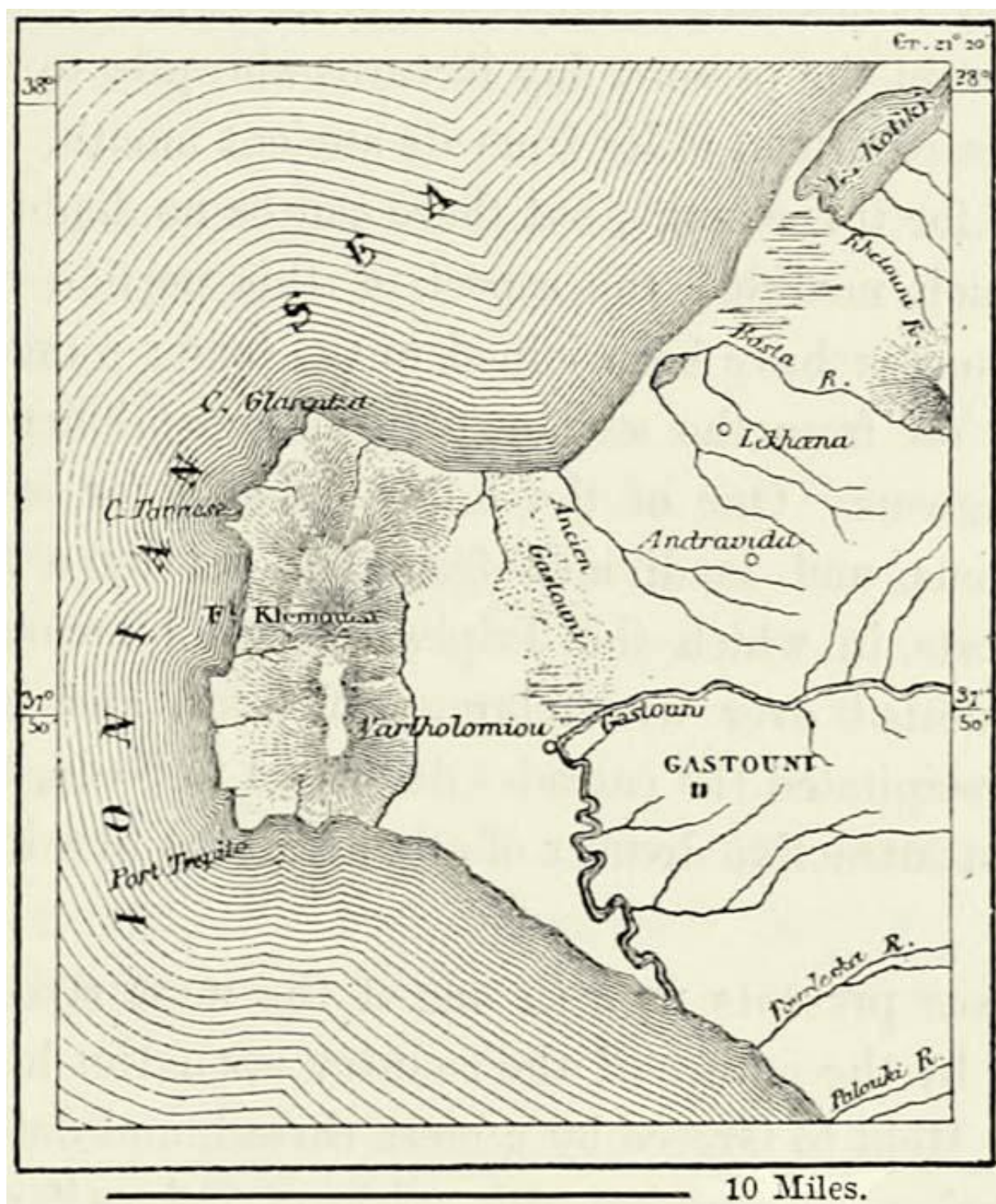
Рис. 20. — ПЛАТО МАНТИНЕИ.
Из французской карты штаба. Масштаб 1:400 000.

Аналогичные явления можно наблюдать в двух южных долинах полуострова — Спарты и Мессении. Ири, или Евротас, на самом деле является лишь крупным ручьем, впадающим в залив Марафониси в конце ущелья, через которое воды озера Спарта пробились во время

древнего потопа; но лишь в редких случаях его объем воды достаточен, чтобы устранить преграду, заслоняющую его устье. Васили-Потамо («королевская река»), с другой стороны, которая вытекает у подножия скалы недалеко от Евротаса, хотя ее полное течение не превышает пяти миль, в течение всего года несет значительный объем воды, и ее устье всегда открыто. Что касается реки Мессении, древней Памисус, ныне называемой Пирнатца, то она является единственной рекой Греции, помимо Альфея, которая образует гавань у своего устья, и по ней могут подниматься небольшие суда на расстояние восемь миль; но этим преимуществом она обязана исключительно мощным источникам Агиос Флорос, которые питаются горами на востоке. Эти источники, которые образуют большое болото там, где выходят на поверхность, являются настоящей рекой, если решать по объему воды, и орошаемая и удобряемая ими местность называлась древними «Счастливой» из-за ее плодородия.

Рис. 21. — РАЗВЕТВЛЕНИЕ ГАСТУНИ.
Из французской карты штаба. Масштаб 1:400 000.

Западные районы Пелопоннеса получают больше осадков, и в них также протекает самая значительная река, Альфей, ныне называемая Руфия, по имени одного из ее притоков. Последний, древний Ладон, несет к морю большой объем воды, чем Альфей. Она была так же известна среди греков, как и Пенеус в Фессалии, благодаря прозрачности своих вод и улыбающимся пейзажам вдоль ее берегов. Она частично питается снегами горы Эриманф, и, как и большинство рек Мореи, получает часть своих вод из подземных притоков, берущих начало на центральном плато. Таким образом, Ладон получает воды озера Фенея, в то время как сам Алфей питается в своем верхнем течении из катавотр на берегах древних озер Орхомен и Мантинея. Пройдя через бассейн Мегалополиса, в древности бывшего озером, он

проходит через ряд живописных ущелий и достигает своей нижней долины. Очаровательная легенда, иллюстрирующая дружеские узы, существовавшие между Элидой и Сиракузами, гласит, что эта река погружается под землю и вновь появляется на Сицилии, недалеко от источника его возлюбленной Аретузы. Древние греки, которые были свидетелями исчезновения стольких рек, вряд ли считали бы подводное течение Альфея чем-то удивительным.

Алфей и все другие реки Элиды несут к морю огромные массы наносов, которые они распределяют по равнинам, простирающимся от подножия гор до побережья. Руины Олимпии исчезли таким образом под аллювиальными отложениями. Все они часто меняли свое русло, и ни одна из них не делала этого чаще, чем Пенеус, или река Гастуни. В древности она впадала в море к северу от скалистого мыса Хелонатас, а в настоящее время она резко поворачивает на юг и впадает в море на расстоянии пятнадцати миль от своего древнего устья. Ирригационные работы могут частично объяснить это изменение, но нет сомнений в том, что сама природа постепенно значительно изменила облик этой части Греции. Острова, первоначально находившиеся далеко в море, соединились с сушей; многочисленные открытые бухты постепенно были отрезаны от моря естественными насыпями и превратились в болота или лагуны. Одна из последних простирается на несколько лиг к югу от Альфея и отделена от моря прекрасным сосновым лесом. Эти величественные леса, в которых трифилы почитали своих умерших, окружающие холмы, усеянные группами деревьев, и гора Ликей, с склонов которой низвергаются водопады, посвященные Неде, кормилице Юпитера, делают этот район самым привлекательным во всей Морее для любителей природы.

Пелопоннес представляет собой один из самых ярких примеров влияния природы страны на историческое развитие ее жителей. Соединенный с Грецией лишь тонкой нитью и защищенный у входа двойным бастионом гор, этот «остров Пелопа» естественным образом стал местом проживания независимых племен в то время, когда армии еще отступали перед природными препятствиями. Перешеек был открыт для торговых путей, но закрыт для захватчиков.

Рельеф полуострова удовлетворительно объясняет распределение проживающих на нем племен и ту роль, которую они сыграли в истории. Вся внутренняя котловина, не имеющая видимых выходов к морю, естественным образом стала домом для племени, которое, как и аркадцы, не поддерживало никаких отношений со своими соседями и почти не общалось между собой. Коринф, Сикион и Ахайя занимали побережье на северных склонах гор, но были разделены высокими поперечными цепями. Жители этих изолированных долин долгое время оставались чужими друг для друга, и когда они наконец объединились, чтобы противостоять захватчику, было уже слишком поздно. Элида на западе с ее широкими долинами и нездоровыми равнинами, простирающимися вдоль побережья, не имеющего гаваней, естественно, играла лишь второстепенную роль в истории полуострова. Ее жители, подверженные вторжениям из-за отсутствия естественных укреплений, вскоре были бы поработены, если бы не поставили себя под защиту всей остальной Греции, превратив равнину Олимпии в место встречи, где эллины из Европы и Азии, с континента и с островов, собирались на несколько дней, чтобы забыть о своих соперничествах и вражде. Бассейн Аргос () и горный полуостров Аргонида (Argolis) на восточной стороне Пелопоннеса, с другой стороны, являются районами с естественными границами, которые легко защищать.

Поэтому арголиды смогли сохранить свою автономию на протяжении веков и даже в гомеровскую эпоху осуществляли своего рода гегемонию над остальной Грецией. Их преемниками стали спартанцы. Страна, в которой они обосновались, обладала двойным преимуществом: она была защищена от любых нападений и обеспечивала все необходимое. Прочно обосновавшись в красивой долине Евроты, они без труда распространили свою власть на побережье и несчастный Гелос. Позже они пересекли высоты Тайгета и спустились на равнины Мессении. Эта часть Греции также представляла собой естественную котловину, защищенную высокими горными валами, и мессенцы, которые были родственниками спартанцев и равны им по храбрости, смогли сопротивляться в течение столетия. В конце концов они пали, и весь южный Пелопоннес признал верховенство Спарты, которая теперь была в состоянии утвердить свою власть над всей Грецией. Именно тогда горное плато на пути из Лакедемонии в Коринф, на котором стояли города Тегея и Мантиней и которое было создано природой для поля Марса, стало ареной борьбы.

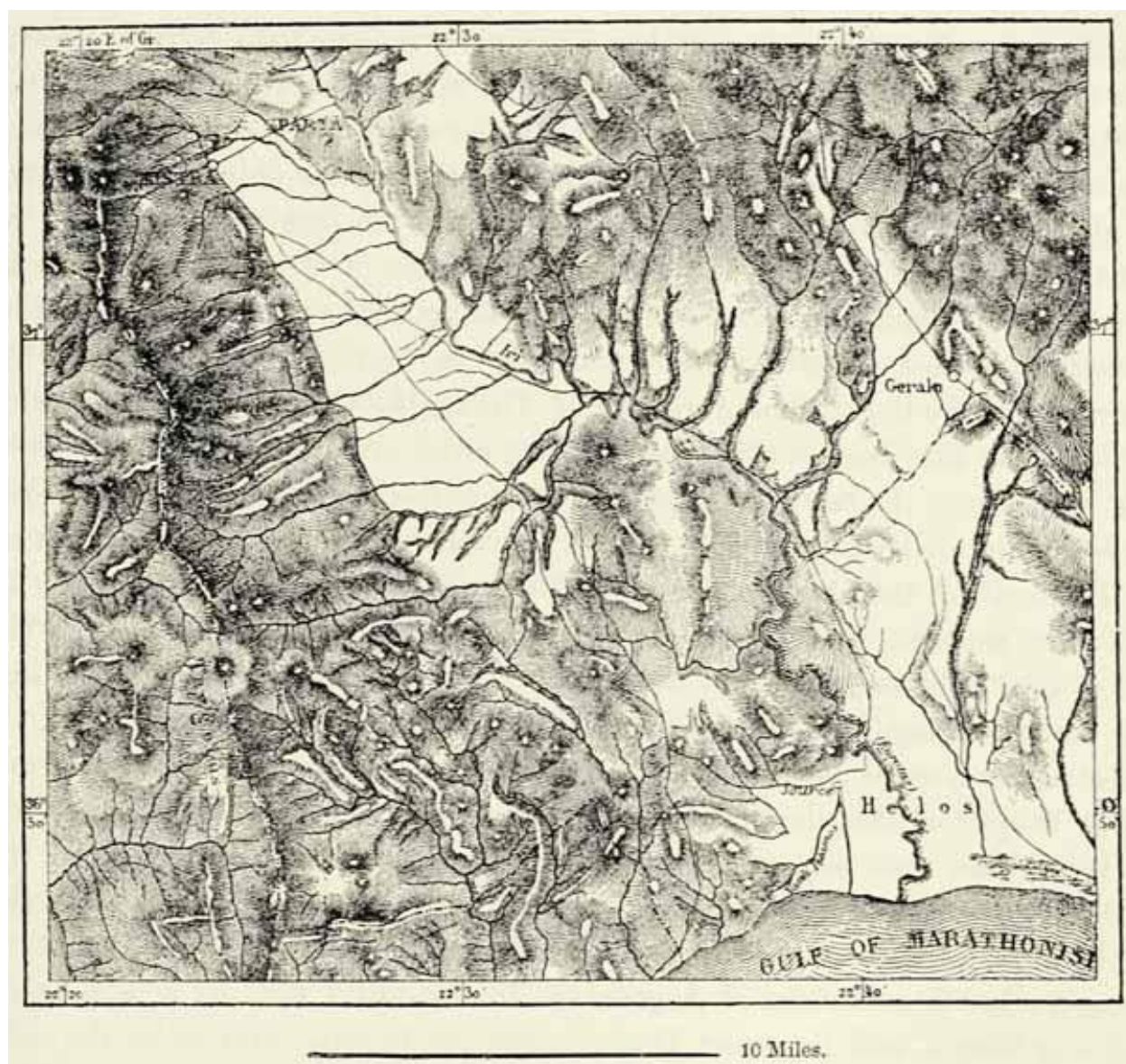
Пелопоннес с его извилистыми берегами образует замечательный контраст с Аттикой. Его характеристики в основном соответствуют характеристикам континента, и в древности пелопоннесцы были скорее горцами, чем моряками. За исключением Коринфа, где два моря почти соединяются, и нескольких городов Арголиды, которая является другой Аттикой, у жителей не было никаких стимулов заниматься морской торговлей; в своих горных долинах и на возвышенностях они полностью зависели от скотоводства и земледелия. Аркадия, расположенная в центре полуострова, была заселена только пастухами и земледельцами; ее название, которое первоначально означало «страна медведей», стало общим обозначением для страны, преимущественно занимающейся скотоводством. Лаконийцы, также отделенные от моря скалистыми горами, окружающими долину Евротаса в месте ее выхода, долгое время сохраняли обычаи воинов и земледельцев и с неохотой выходили в море. «Когда спартанцы поставили Евротас и Тайгету во главе своих героев, — говорит Эдгар Кине, — они явно связали особенности долины с судьбами народа, который ее заселял».

В самые ранние века финикийцы уже занимали важные фабрики на побережье Пелопоннеса. Они обосновались в Нафплионе, в заливе Аргос, а в Кранае, современном Марафониси или Гитионе, в Лаконии, они покупали раковины, необходимые для окрашивания своих пурпурных тканей. Сами греки владели несколькими оживленными портами, среди которых был «песчаный Пилос», столица Нестора, местоположение которого сейчас занимает Наварино, на другой стороне залива. Позже, когда Греция стала центром средиземноморской торговли, Коринф, благоприятно расположенный между двумя морями, приобрел большое значение не благодаря своему политическому влиянию, развитию искусств или любви к свободе, а благодаря количеству и богатству своих жителей. Говорят, что в его стенах проживало триста тысяч человек. Даже после того, как он был разрушен римлянами, он снова восстановил свое древнее превосходство. Но уязвимое положение города привело к тому, что он был разграблен столько раз, что вся торговля ушла из него. В 1858 году, когда землетрясение разрушило Коринф, этот некогда знаменитый город превратился в бедную деревню. Город был восстановлен примерно в пяти милях от своего древнего места, на берегу залива, названного в его честь, но мы сомневаемся, что он когда-нибудь вернет себе былое значение, если не будет прорыт канал, соединяющий два моря. Тогда магистральные дороги из Марселя и Триеста в Смирну и Константинополь будут проходить через Коринфский перешеек, и этот канал может привлечь такое количество судов, равное тому, которое часто курсирует по другим океанским каналам или каналам,

расположенным в аналогичном месте. Но в настоящее время перешеек почти пустынен, и его пересекают только пассажиры, которых греческие пароходы доставляют в небольшие порты на противоположных берегах. Древние, которые потерпели неудачу в строительстве канала и не предпринимали дальнейших попыток после эпохи Нерона, поскольку полагали, что одно из двух морей находится на более высоком уровне, чем другое, в любом случае создали своего рода трамвайную линию, с помощью которой их небольшие суда могли перевозиться из Коринфского залива в Эгейское море.¹⁷

После крестовых походов, когда могущественная Венецианская республика закрепилась на побережье Мореи, вдоль него возникли процветающие торговые колонии в Аркадии, на острове Продано (Проте), в Наварино, Модоне, Короне, Каламате, Мальвуази и Нафплионе в Арголиде. По призыву этих венецианских купцов Пелопоннес вновь стал центром торговли и в некоторой степени возобновил ту роль в морском деле, которой он пользовался во времена финикийцев. Но приход турок, обеднение почвы и вызванные этим гражданские войны вновь заставили жителей прервать всякие связи с внешним миром и запереться на своем острове, как в тюрьме. Триполис, или Триполица, расположенный в самом центре полуострова и названный так, как говорят, потому что он представляет три древних города — Мантинею, Тегею и Паллантий, — стал тогда самым густонаселенным местом. С тех пор как греки вновь обрели независимость, жизнь вновь переместилась к побережью, как бы в соответствии с естественным ходом вещей. Патры, расположенные у входа в Коринфский залив, недалеко от самых плодородных и хорошо возделанных равнин на восточном побережье, в настоящее время являются самым важным городом, и в ожидании его будущего расширения были проложены улицы нового города, в твердой уверенности, что однажды он сможет соперничать по размерам со Смирной и Триестом.

Рис. 22. ДОЛИНА ЕВРОТА.
Из французской карты штаба. Масштаб 1:370 000.

Другие города полуострова, даже те, которые проявляли наибольшую активность во время господства венецианцев, имеют лишь второстепенное значение, если сравнивать их с этим торговым центром Пелопоннеса. Эгион, или Востица, на Коринфском заливе, — бедный порт, известный не столько своей торговлей, сколько великолепным платаном, обхват которого превышает пятьдесят футов, а полый ствол которого в прежние времена использовался в качестве тюрьмы. Пиргос, расположенный недалеко от Альфея, не имеет порта вообще. Прекрасная рейд Наварино, защищенная от ветров и волн скалистым островком Сфактерия, мало посещается, и торговые суда, стоящие там на якоре, никогда не превосходят по численности турецкие военные корабли на дне, где они лежат с момента сражения 1828 года. Модон и Корон также пришли в упадок. Каламата, расположенная в устье плодородных долин Мессении, имеет только открытую рейду, и суда не всегда могут безопасно стоять на ней. Знаменитая Мальвуазия, ныне называемая Монеувасия, представляет собой не более чем груды руин, а виноградники в ее окрестностях, которые давали изысканное вино, названное в честь города, давно перестали существовать. Нафплион, который был столицей современного королевства Греция в первые годы его существования, обладает преимуществом хорошо защищенного порта, но его крепостные стены (), бастионы и форты придают ему скорее характер военного города, чем торгового.

Города в глубине страны, какими бы славными они ни были, сейчас представляют собой не более чем крупные деревни. Самый знаменитый из них, Спарта, благодаря плодородию своих окрестностей, обещает стать одним из самых процветающих городов внутренней части Пелопоннеса. Спарта, то есть «рассеянный город», была названа так потому, что ее дома были разбросаны по равнине и защищались только доблестью своих жителей, а не стенами. В средние века Спарта была вытеснена соседней Мистрой, чьи разрушенные готические здания и замки занимают крутой холм на западной стороне Евротаса; но теперь она восстановила свое господство среди городов Лаконии. Аргос, который даже древнее города Лакедемона, также возродился из руин, поскольку равнина, на которой он расположен, хотя и периодически высыхает, отличается большой природной плодородностью.

Однако иностранцы, которые исследуют страны Пелопоннеса, не ищут эти недавно возрожденные города, где лишь несколько камней напоминают им о славе прошлого, а привлекаются древними памятниками искусства. В этом отношении Аργοлида является одной из самых богатых провинций Греции. Недалеко от Аргоса в крутых склонах холма Лариса высечены ряды амфитеатра. Между Аргосом и Нафплионом посреди равнины возвышается небольшая скала, на вершине которой находится древний Акрополь Тиринфа, циклопические стены которого имеют толщину более пятидесяти футов. В нескольких милях к северу от Аргоса находятся руины Микен, города Агамемнона, где внимание посетителей привлекают знаменитые «Ворота львов», грубо высеченные в период зарождения греческого искусства, и огромные своды, известные как сокровищница Атридов. Эти своды являются одними из самых древних и лучше всего сохранившихся древностей Греции. Они демонстрируют самое прочное мастерство, и один из камней, который служит перемычкой над входными воротами, весит не менее ста шестидесяти девяти тонн. В Эпидавре, в Аργοлиде, на берегу залива Эгина, недалеко от самого известного храма Эскулапа, мы все еще встречаем театр, который меньше всего пострадал от времени по сравнению с другими театрами Греции. Его окружают кустарники, перемежающиеся с небольшими деревьями, но мы все еще можем разглядеть пятьдесят четыре ряда белых мраморных сидений, способных вместить двенадцать тысяч зрителей. Среди других известных руин Аργοлиды — прекрасные остатки храма Юпитера в Немее и семь дорических колонн Коринфа, которые считаются самыми старыми во всей Греции. Но самое красивое сооружение полуострова следует искать недалеко от Аркадской Фигалии, в очаровательной долине Неды. Это храм Бассы, воздвигнутый Иктином в честь Аполлона Эпикурийского, и его красота подчеркивается окружающими его дубами и скалами.

Однако чаще всего мы встречаем цитадели, и многие укрепленные места со стенами и акрополями сохранились до наших дней, как и в древней Греции. Стены Фигалии и Мессении до сих пор имеют свои древние башни, ворота и редуты. Другие укрепления использовались крестоносцами, венецианцами или турками, которые снабдили их зубчатыми стенами и донжонами, что добавляет еще одну живописную черту к ландшафту. Одна из этих древних крепостей, преобразованная в средние века, возвышается у самых ворот Пелопоннеса — это цитадель Коринфа, самая крепкая и внушительная из всех.

Некоторые острова Эгейского моря следует рассматривать как естественные придатки Пелопоннеса, к которому их примыкают подводные уступы или отмели.

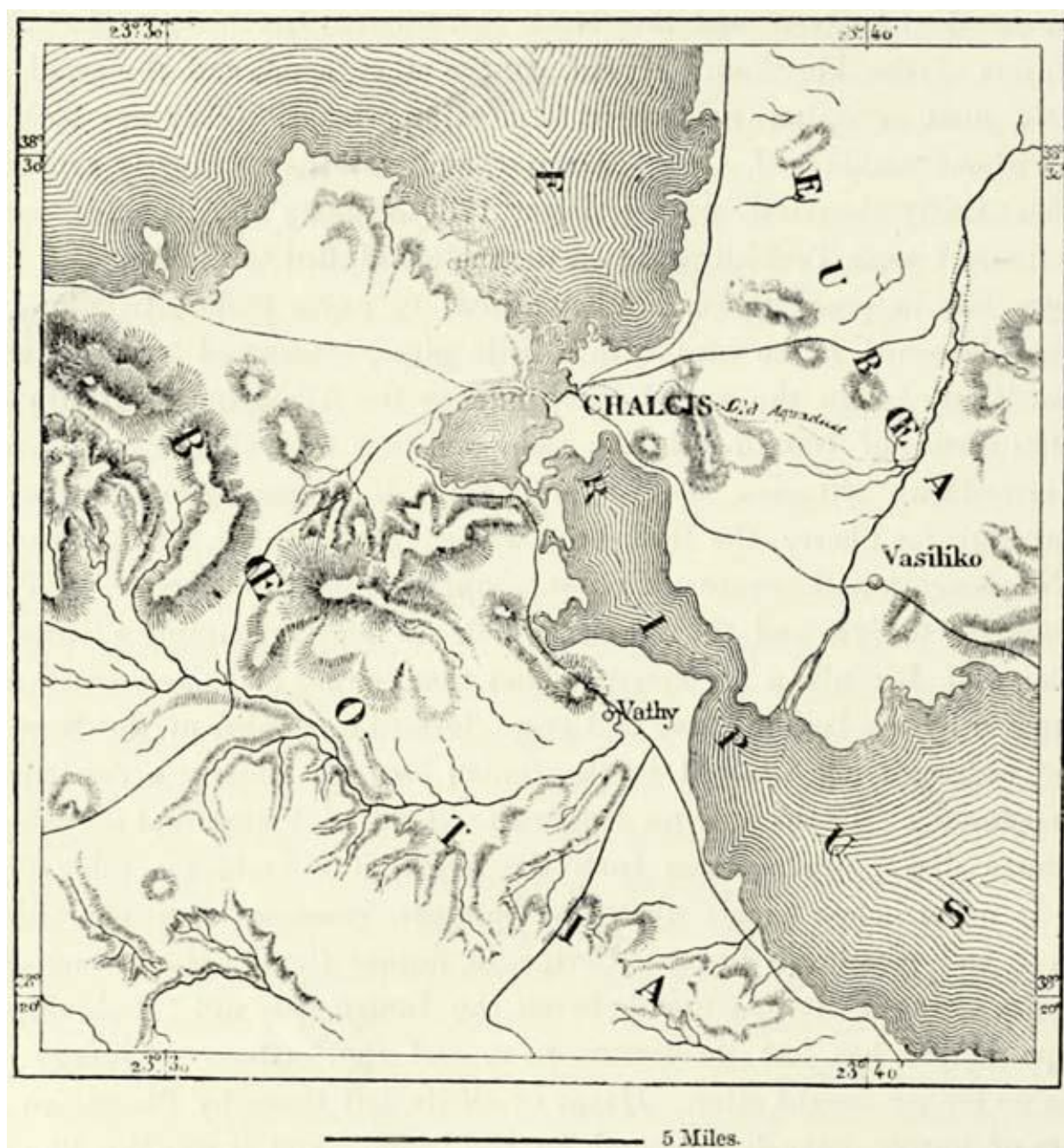
Острова вдоль побережья Арголиды, населенные албанскими моряками, которые были в числе первых, кто сражался с турками во время борьбы за независимость Греции, утратили большую часть своего прежнего торгового значения. Порос, небольшой албанский городок на одноименном вулканическом острове, который восставшие люди выбрали своей столицей, по-прежнему остается оживленным местом, поскольку имеет отличную гавань, и греческое правительство сделало его главной военно-морской базой королевства. Гидра, с другой стороны, и небольшой остров Специя, расположенный рядом с ней, утратили свое прежнее значение. Оба острова скалистые, без пахотной земли, деревьев и воды, и тем не менее раньше на них проживало пятьдесят тысяч человек. Около 1730 года колония албанцев, уставших от притеснений турецкого паши на материке, бежала на остров Гидра. Там их оставили в покое, поскольку они согласились платить незначительную дань. Их торговля, конечно, сопровождавшаяся небольшим пиратством, приобрела большие масштабы, и непосредственно перед войной за независимость албанцы Гидры владели почти 400 судами водоизмещением от 100 до 200 тонн каждое и смогли отправить против турок более 200 судов, вооруженных 200 пушками. С таким энтузиазмом участвуя в этой борьбе за свободу, гидрийцы, не подозревая об этом, привели себя к гибели. Как только дело Греции увенчалось успехом, торговля Гидры была перенесена в Сиру и Пирей, которые расположены в более выгодном месте.

Китера в Лаконии, остров, гораздо больший по размеру, чем оба упомянутых, и более известный под итальянским названием Кериги, входил в состав Семиостровной республики, хотя и не был расположен в Ионическом море и явно зависел от Пелопоннеса. Китера больше не является островом Венеры, и ее роскошные рощи исчезли. С севера он похож на грудку бесплодных скал. Тем не менее, он дает обильные урожаи, имеет прекрасные оливковые плантации и густонаселенные деревни. В прежние времена Кериги имел большое значение благодаря своему положению между Ионическим морем и архипелагом, но мыс Малера теперь утратил свою угрозу, и гавань на острове больше не является убежищем. На острове были найдены кучи ракушек, оставленные финикийскими производителями пурпуры, и именно финикийцы ввели поклонение Венере Астарте.

IV. ОСТРОВА ЭГЕЙСКОГО МОРЯ.

Острова и островки разбросаны по Эгейскому морю в кажущемся беспорядке, название которого, вероятно, означает «море коз», потому что эти острова издавна похожи на коз. В результате странного неправильного применения современный термин «архипелаг» вместо «море» теперь используется для обозначения этих групп островов. Спорады на севере образуют длинную цепь островов, простирающуюся в направлении горы Афон. Остров Скирос, расположенный южнее, место рождения Ахилла и место изгнания царя Тесея, занимает изолированное положение; большой остров Эвбея простирается вдоль побережья материка; а вдали возвышаются белые горы Киклад, которые древние греки сравнивали с кругом океанид, танцующих вокруг божества.

Рис. 23. — ЭВРИП И ХАЛКИДА.
Масштаб 1 : 220 000.

Все эти острова являются фрагментами материка. Это подтверждается их геологическим строением или отмелями, которые соединяют их с ближайшим побережьем. Северные Спорады являются ответвлением горы Пелион. Эвбея пересечена известняковыми горами значительной высоты, проходящими параллельно цепям Аттики, Арголиды, горы Олимп и горы Афон. Скирос представляет собой скалистый горный массив, ось которого проходит в том же направлении, что и центральная цепь Эвбеи. Вершины Кикладских островов продолжают хребты Эвбеи и Аттики в юго-восточном направлении, и в них встречаются те же слюдястые и глинистые сланцы, известняки и кристаллические мраморы. Они действительно являются «горами Греции, разбросанными по морю». Если Афины могут похвастаться карьерами горы Пентеликос, то Киклады производят сверкающий мрамор Наксоса и еще более красивый мрамор Пароса, из которого были высечены статуи героев и богов. В известняке островов, особенно на Антипаросе, встречаются любопытные пещеры, о существовании которых древние не знали (), а также пещера Силлака на острове Китнос,

или Термия, известная своими горячими источниками. Гранит встречается на некоторых островах, особенно на небольшом острове Делос, посвященном поклонению Аполлону и Диане. На юге, наконец, Киклады пересекает цепь вулканических островов, простирающаяся от полуострова Метана в Арголиде до Коса и берегов Малой Азии.

Эвбею можно считать почти частью материка, поскольку пролив, отделяющий ее от материка, напоминает затопленную продольную долину и нигде не имеет большой глубины или ширины. В самом узком месте его ширина не превышает 214 футов, и с древнейших времен Халкида, столица острова, соединяется с материком мостом. Неправильные приливные течения, протекающие через этот пролив, считались греками чудом, и, по преданию, Аристотель бросился в него, потому что не мог объяснить это явление. Итальянское название острова, Негропонте, образовано от искаженного названия Эврип, под которым древние знали пролив между островом и материком. Эвбея всегда разделяла превратности судьбы соседних провинций Аттики и Беотии. Когда города Греции были на пике своей славы, города Эвбеи — Халкида, Эретрия и Керинт — также пользовались высоким процветанием и отправляли колонии во все части Средиземноморья. Позже, когда Аттику опустошили завоеватели, Эвбея разделила ее судьбу, и в настоящее время она участвует во всех политических и социальных движениях соседнего континента.

В северной части Эвбеи растут леса из дубов, сосен, вязов и платанов; деревни утопают в фруктовых садах, а окружающая местность напоминает то, что мы видели в Элиде и Аркадии. Но на Кикладах мы тщетно ищем очаровательные пейзажи. Листва и проточная вода встречаются лишь в очень редких местах. Преобладают засушливые скалы, даже более засушливые, чем на побережье Греции, и только в нескольких избранных местах мы встречаем несколько оливковых деревьев, валонийских дубов, сосен и фиговых деревьев. Везде остальные холмы голые. И все же эти острова вызывают в нас чувства преданности, потому что их названия велики в истории. Наивысшие вершины большинства из них были названы в честь пророка Илии, библейского преемника Аполлона, бога солнца; и это справедливо, потому что солнце царит над этими суровыми скалами, и его палящие лучи уничтожают все следы растительности.

Антимилос, один из необитаемых островов этой группы, до сих пор служит убежищем для дикого козла (*Capra Caucasica*), который исчез из остальной части Европы и встречается только на Крите и, возможно, на Родосе. Дикие свиньи также обитают на скалах Антимилоса. Кролики были завезены с Запада и в изобилии обитают в пещерах некоторых Кикладских островов, особенно на Миконосе и Делосе. Древние авторы никогда не упоминают этих животных. Любопытно, что зайцы и кролики никогда не обитают на одном и том же острове, за единственным исключением Андроса, где зайцы занимают крайний север, а кролики имеют свои норы в южной части острова. В качестве курьеза можно также упомянуть, что на островах, но не на соседнем континенте, встречается крупный вид ящериц, называемый жителями крокодиллом, и из этого можно сделать вывод, что Киклады были отделены от Балканского полуострова в очень далеком прошлом.

Цепь вулканических островов ограничивает Киклады с юга, где они отделены от Крита глубокой океанской впадиной. Милос — самый важный из этих островов. Он имеет кратер неправильной формы, который был затоплен морем, и бухта Агио-Иоанни () образует там одну из самых безопасных и вместительных гаваней в Средиземном море. На Милосе не

было извержений в исторические времена, но наличие сольфатар и горячих источников доказывает, что его вулканическая активность еще не полностью угасла.

Рис. 24. — НЕА КАММЕНИ.
По данным Данфалика.

Фактический центр вулканической активности следует искать в небольшой группе островов, известных как Санторини, расположенных на полпути между Европой и Азией.

Эти острова состоят из мрамора и сланцев, подобных тем, что встречаются на других Кикладских островах, и окружают огромный кратер глубиной не менее 1280 футов. Остров Тера в форме полумесяца, расположенный на востоке, представляет собой крутые скалы, обращенные к кратеру, в то время как его пологие внешние склоны покрыты виноградниками, производящими изысканное вино. Терасия, расположенная на западе, возвышается как огромная стена, а остров Аспрониси, находящийся между ними, указывает на существование подводной перегородки, отделяющей кратер от открытого моря. Подводный вулкан занимает центр этой котловины. Он остается в состоянии покоя в течение длительных периодов, а затем внезапно пробуждается и извергает огромные массы шлака. Почти двадцать один век назад первый остров поднялся на поверхность в центре этой котловины. Этот остров сейчас известен как Палеа Каммени, или «старый вулкан». Три года извержений в XVI веке привели к появлению самого маленького из трех островов, Микра Каммени. Третий лавовый конус, Неа Каммени, поднялся в XVIII веке; и совсем недавно, между 1866 и 1870 годами, этот новый остров более чем удвоил свой размер, поглотив небольшую деревню Волкаррио и ее порт и простираясь до самого Микра Каммени. За эти пять лет произошло не менее полумиллиона частичных извержений, и пепел иногда выбрасывался на высоту четырех тысяч футов. Даже с Крита были видны облака пепла, висящие в воздухе, черные днем и освещенные ночью.

Тысячи зрителей со всех концов света устремились на Санторини, чтобы увидеть эти извержения, и среди них было несколько ученых — Фуке, Горсей, Рейсс, Штюбель и Шмидт, чьи наблюдения оказались очень полезными. Кратер Санторини, по-видимому, образовался в результате сильного взрыва, который разрушил центр древнего острова и покрыл его склоны огромными массами туфа.¹⁸

Южная Эвбея и окрестности Порт-Гавриона на острове Андрос заселены албанцами, но население остальной части архипелага — греческое. Семьи итальянского или французского происхождения на Скиросе, Сире, Наксосе и Санторине не достаточно многочисленны, чтобы составлять значительный элемент. Они утверждают, что являются французского происхождения, и известны в архипелаге как франки, а во время войны за независимость они просили защиты у французского правительства. В прежние времена почти вся земля принадлежала этим франкам, которые завладели ею в средние века, и эти большие поместья объясняют редкое население Наксоса, который раньше насчитывал сто тысяч жителей, а сейчас едва ли может прокормить одну седьмую часть этого числа.

Киклады находятся дальше от побережья Греции, чем Эвбея, и не всегда участвовали в исторических драмах, разыгрывавшихся на соседнем континенте. Их положение в центре архипелага естественным образом привлекало к ним все народы, плававшие по Средиземному морю, и их жители подвергались самым разнообразным влияниям. В древности моряки из Малой Азии и Финикии заглядывали на Киклады во время своих путешествий в Грецию; в средние века здесь поочередно господствовали византийцы, крестоносцы, венецианцы, генуэзцы, рыцари Родоса и османы; а в наши дни в архипелаге преобладают народы Западной Европы и сами греки.

Эти исторические перипетии привели к тому, что центр тяжести Кикладских островов сместился с одного острова на другой. Во времена древних греков остров Делос, остров Аполлона, считался «святой землей», куда съезжались купцы со всех концов света, вели торговлю в тени святилищ и устраивали работорговые рынки рядом с храмами. В конце концов, продажа человеческой плоти стала главной чертой торговли Делоса, и во времена римских императоров за один день там продавали до десяти тысяч рабов. Но рынки, храмы

и памятники Делоса исчезли, и его каменистая почва теперь поддерживает жизнь лишь нескольких овец. В средние века превосходство принадлежало Наксосу, а в настоящее время Тинос с его почитаемой церковью Панагия и тысячами паломников является «святой землей» архипелага, в то время как Гермополис на Сире, несмотря на отсутствие деревьев и воды, занимает положение торговой столицы Киклад. До войны за независимость последний был городом, не имеющим никакого значения, но он остался нейтральным во время этой борьбы и таким образом привлек многочисленных беженцев с других островов, а благодаря своему центральному положению с тех пор стал главным рынком, верфью и военно-морской базой Эгейского моря. Независимо от того, направляются ли путешественники в Салоники, Смирну, Константинополь или к Черному морю, они должны остановиться в Гермополисе. Раньше город занимал только возвышенности из-за страха перед пиратами, но теперь он спустился к подножию холма, а его пристани и склады простираются вдоль побережья.

Торговля заселила голые скалы Сиры, но пока не удалось развить ресурсы архипелага, как в древние времена. Эвбея больше не «богата скотом», как подразумевает ее название, и экспортирует только зерно, вино, фрукты и бурый уголь, добываемый в шахтах около Куми. Сады Наксоса дают апельсины, лимоны и цитрусы; Скопелос, Андрос и Тинос, последний из которых является одним из наиболее хорошо возделанных островов, экспортируют вина, которые, однако, уступают винам Санторина, Каллисте древнейших греков. Вулканические и другие острова Киклад экспортируют жернова, фарфоровую глину, лаву и цимолит, который используется для отбеливания. Наксос экспортирует наждак, и это все. Мрамор Пароса остается нетронутым, а в прекрасной гавани этого острова редко появляются корабли. Жители Кикладных островов ограничиваются возделыванием земли и разведением небольшого количества шелкопрядов, а избыточная часть населения Тиноса, Сифноса и других островов ежегодно эмигрирует в Константинополь, Смирну или Грецию, чтобы работать разнорабочими, поварами, гончарами, каменщиками или скульпторами. Но в то время как некоторые острова могут похвастаться избыточным населением, на других проживают лишь несколько пастухов. Большинство островов между Наксосом и Аморгосом представляют собой не более чем бесплодные скалы. Антимилос, как и Делос, представляет собой просто пастбище, усыпанное камнями. Серифос и Джура по-прежнему остаются унылыми пустынями, как и во времена римских императоров, когда они были отведены под места ссылки. Однако Серифос обладает железом отличного качества и, следовательно, может вновь приобрести некоторое значение. На Антипаросе есть свинцовые рудники.

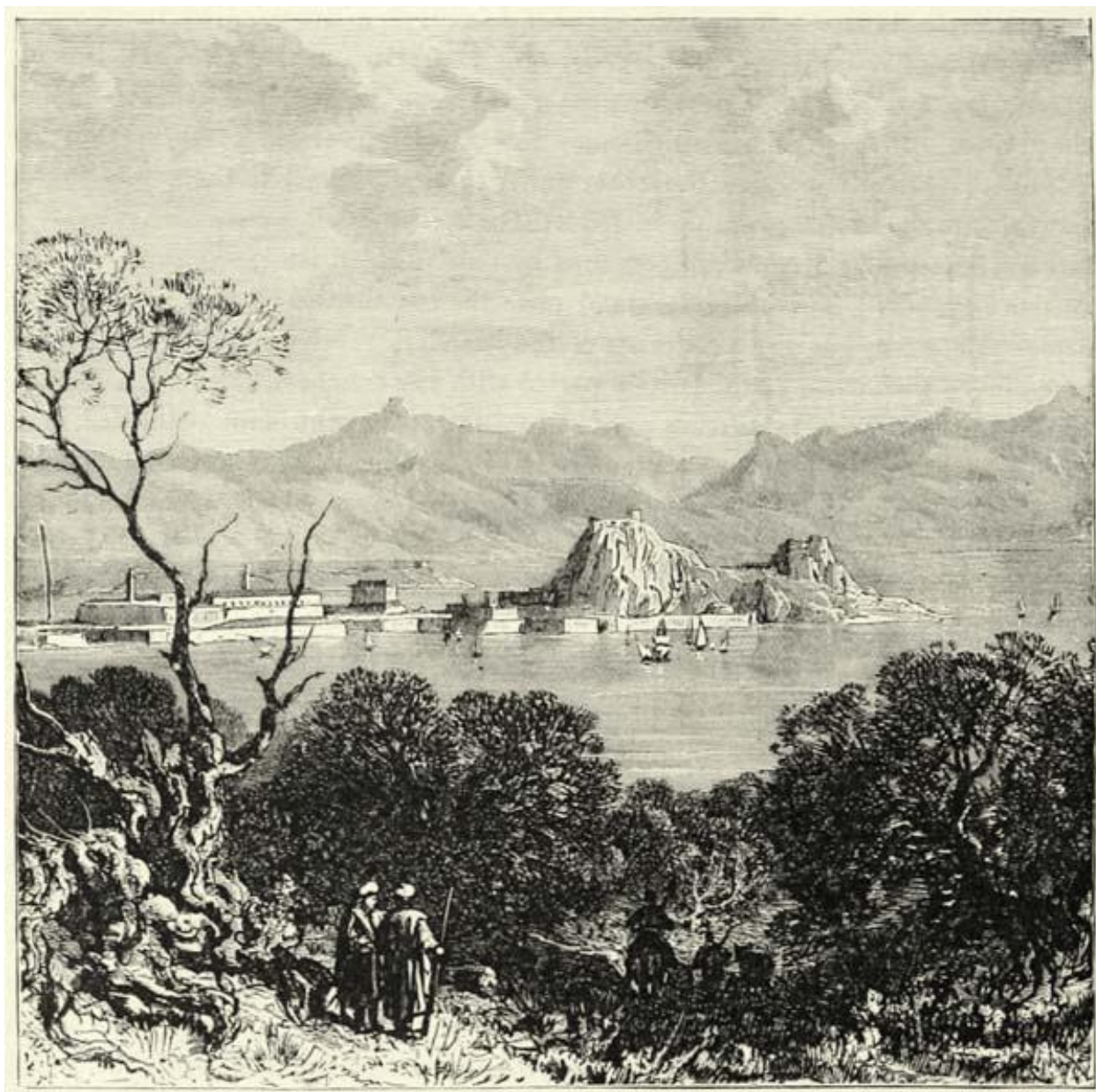
Остров Корфу, расположенный на побережье Эпира, и весь архипелаг к западу от материковой и полуостровной Греции, вплоть до острова Кitera, который разделяет воды Ионического моря от вод Эгейского, пережили самые необычные политические перипетии в течение последнего столетия. Корфу, благодаря защите, предоставленной ему Венецианской республикой, является единственной колонией Балканского полуострова, которая успешно сопротивлялась нападениям турок. Когда в 1797 году Бонапарт передал Венецию австрийцам, Корфу и Ионические острова были оккупированы французами. Через несколько лет русские стали фактическими хозяевами этих островов, которые они превратили в своего рода аристократическую республику под сюзеренитетом Порты. В 1807 году французы вновь завладели ими, но англичане захватили их одну за другой, пока у французов не остался только Корфу, и даже его пришлось сдать в 1814 году. Ионические острова были тогда преобразованы в «Семиостровную республику», управляемую земельной аристократией при поддержке британских штыков. Дважды Англия изменяла конституцию этой республики в демократическом смысле, но патриотизм островитян не позволял им подчиниться британскому сюзеренитету; и когда Великобритания рассталась со своими завоеваниями, Ионические острова присоединились к Греции и теперь составляют наиболее образованную, богатую и трудолюбивую часть этого королевства. Англия, без сомнения, руководствовалась своими интересами, когда освободила своих ионических подданных, но ее действия, тем не менее, заслуживают одобрения. Англия продемонстрировала свою веру в аксиому, что моральное влияние превосходит грубую силу, и с полной благодарностью уступила не только торговые порты островов, но и цитадель Корфу, которая давала ей контроль над Адриатическим морем. Эта великодушная политика до сих пор не нашла подражателей в других странах, но у самой Англии еще есть много возможностей применить ее в других частях мира.

Корфу, древний Коркира, всегда занимал первое место среди Ионических островов. Этим он обязан близости к Италии и торговым преимуществам, которые дают ему превосходный порт и обширная рейдовая зона, почти напоминающая внутреннее озеро. Жители любят ссылаться на Фукидида, чтобы доказать, что Корфу — это остров феаков Одиссея. Они даже утверждают, что обнаружили ручей, в котором прекрасная Навсикая стирала белье своего отца, а тенистые аллеи возле города они называют садами Алциноя. Корфу — единственный из островов, который может похвастаться небольшим круглогодичным ручьем Мессонги, по которому на небольшом расстоянии можно плавать на баржах. Холмы, расположенные как экран перед равнинами Эпира, подвержены полной силе юго-западных ветров, которые приносят много дождей; в результате растительность здесь богатая: апельсиновые и лимонные деревья образуют ароматные рощи вокруг города, виноградники и оливковые деревья скрывают бесплодную землю холмов, а колышущиеся поля кукурузы покрывают равнины. К сожалению, Корфу подвержен воздействию горячего юго-восточного ветра сирокко, что значительно ограничивает его преимущества как зимнего курорта для инвалидов.

Город занимает треугольный полуостров напротив побережья Эпира и является крупнейшим и наиболее важным с коммерческой точки зрения городом бывшей республики. Он сильно укреплен, и его последовательные владельцы — венецианцы, французы, русские и англичане — стремились сделать его неприступным. С его бастионов открывается прекрасный вид, но гораздо лучше вид с горы Пантократор, «командира»,

поскольку он простирается через пролив Отранто до Италии. Торговые отношения с последней, а также традиции венецианского господства превратили Корфу в город, почти наполовину итальянский, и многочисленные семьи, проживающие в нем, принадлежат к обеим нациям, греческой и итальянской, как по происхождению, так и по языку. Итальянский язык оставался официальным языком острова до 1830 года. Мальтийские носильщики и садовники составляют заметную часть космополитического населения города.

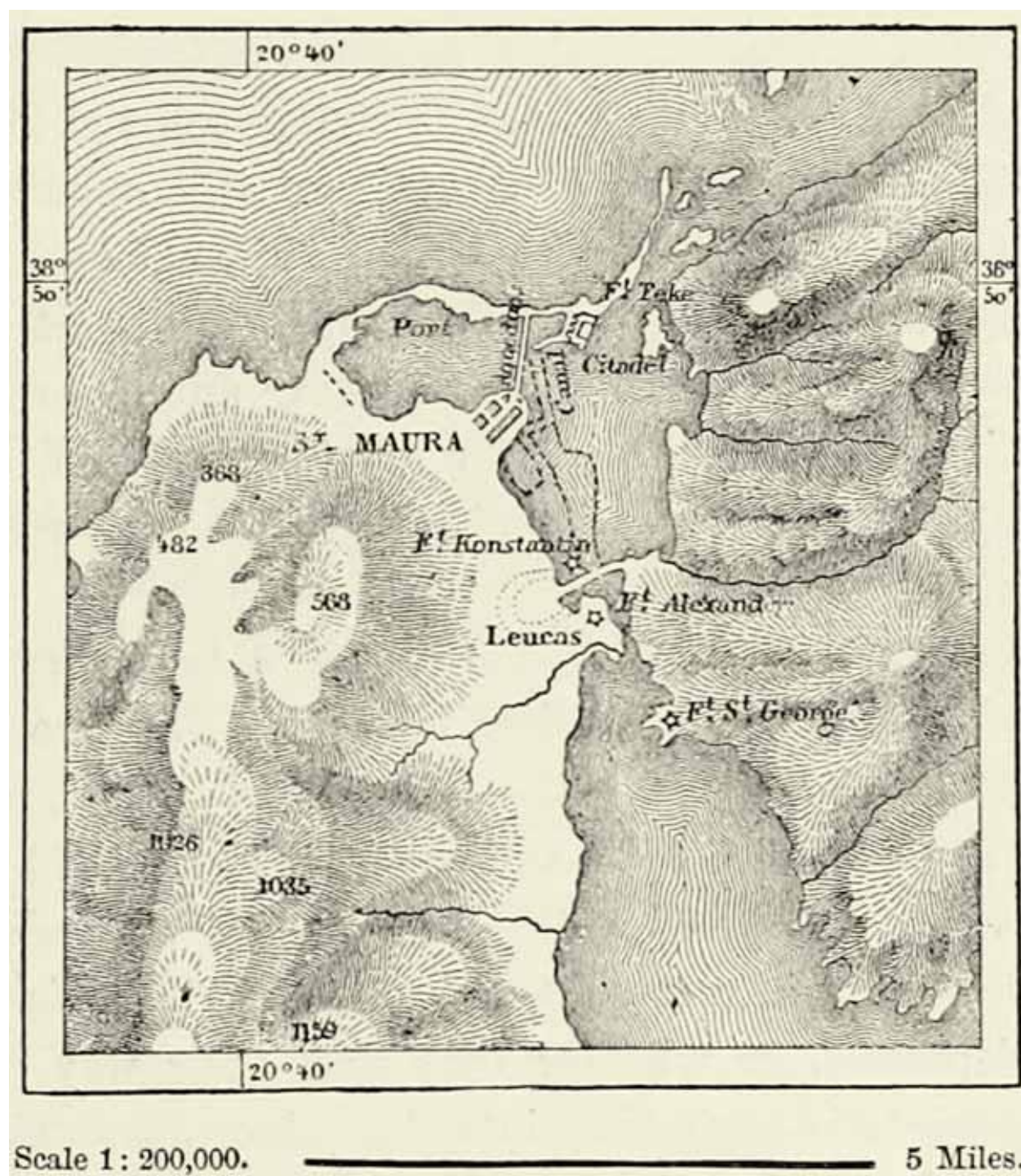
Рис. 25. — КОРФУ.

Раньше Корфу принадлежали город Бутринто и несколько деревень на материке, но английский губернатор счел целесообразным передать их ужасному Али-паше, и в настоящее время единственными владениями Корфу являются небольшие островки вблизи него, а именно: Отонус (Фано), Сальмастрачи и Эрикуса на севере; Паксос с его пещерами и Антипаксос, скалы которого источают асфальт, на юге. Говорят, что Паксос производит лучшее масло в Западной Греции.

Леукадия, Кефалония, Итака, Закинф и несколько небольших островов образуют полумесяцеобразный архипелаг у входа в Патрасский залив. Они являются вершинами полузатопленной цепи известковых гор, поочередно затопляемых дождями или выжигаемых солнцем. В их долинах, как и на Корфу, выращивают апельсины, лимоны, смородину («коринфскую»), вино и масло, которые являются предметом оживленной торговли. Жители очень похожи на жителей Корфу, с сильным итальянским влиянием, за исключением Итаки.

Рис. 26. — ПРОЛИВ САНТА-МАУРА.
Из французской карты штаба. Масштаб 1:200 000.

Леукадия, или «белый остров», названный так из-за своих сверкающих меловых утесов, явно является зависимой территорией материка. Древние считали его полуостровом, превращенным в остров коринфскими колонистами, которые прорыли канал через перешеек, соединявший его с материком; но эта легенда не подтверждается изучением местности. Вероятно, коринфяне просто прокопали судоходный канал через мелководную лагуну, которая отделяет остров от побережья и глубина которой не превышает 18 дюймов в . Фактически, если бы в Ионическом море были приливы, остров Леукадия дважды в день

превращался бы в полуостров. Мост, значительные остатки которого сохранились до наших дней, ранее соединял остров с материком вблизи южной оконечности лагуны, а остров, на котором располагалась цитадель Санта-Маура (название, которое иногда применяется ко всему острову), защищал его вход с севера. До недавнего времени это было единственное место в Западной Греции, где можно было увидеть рощу финиковых пальм. Великолепный акведук из двухсот шестидесяти арок, который также использовался в качестве виадука, соединял цитадель с Амаксики, главным городом и гаванью Леукадии. Этот памятник турецкого предпринимательства, построенный во время правления Баязета, сильно пострадал от землетрясений. Можно было бы предположить, что Амаксики страдает от лихорадки из-за окружающих его соленых болот и лагун, но это не так: напротив, это относительно здоровый город, а его женщины славятся свежим цветом лица и красотой. К югу от него возвышаются лесистые горы, заканчивающиеся мысом Леукате (Дукато), напротив Кефалонии. На вершине этого мыса стоял храм Аполлона, откуда во время ежегодного праздника в честь бога бросали осужденного преступника в качестве искупительной жертвы. Это место также было известно как «прыжок влюбленных», откуда влюбленные прыгали в море, чтобы утопить свою страсть.

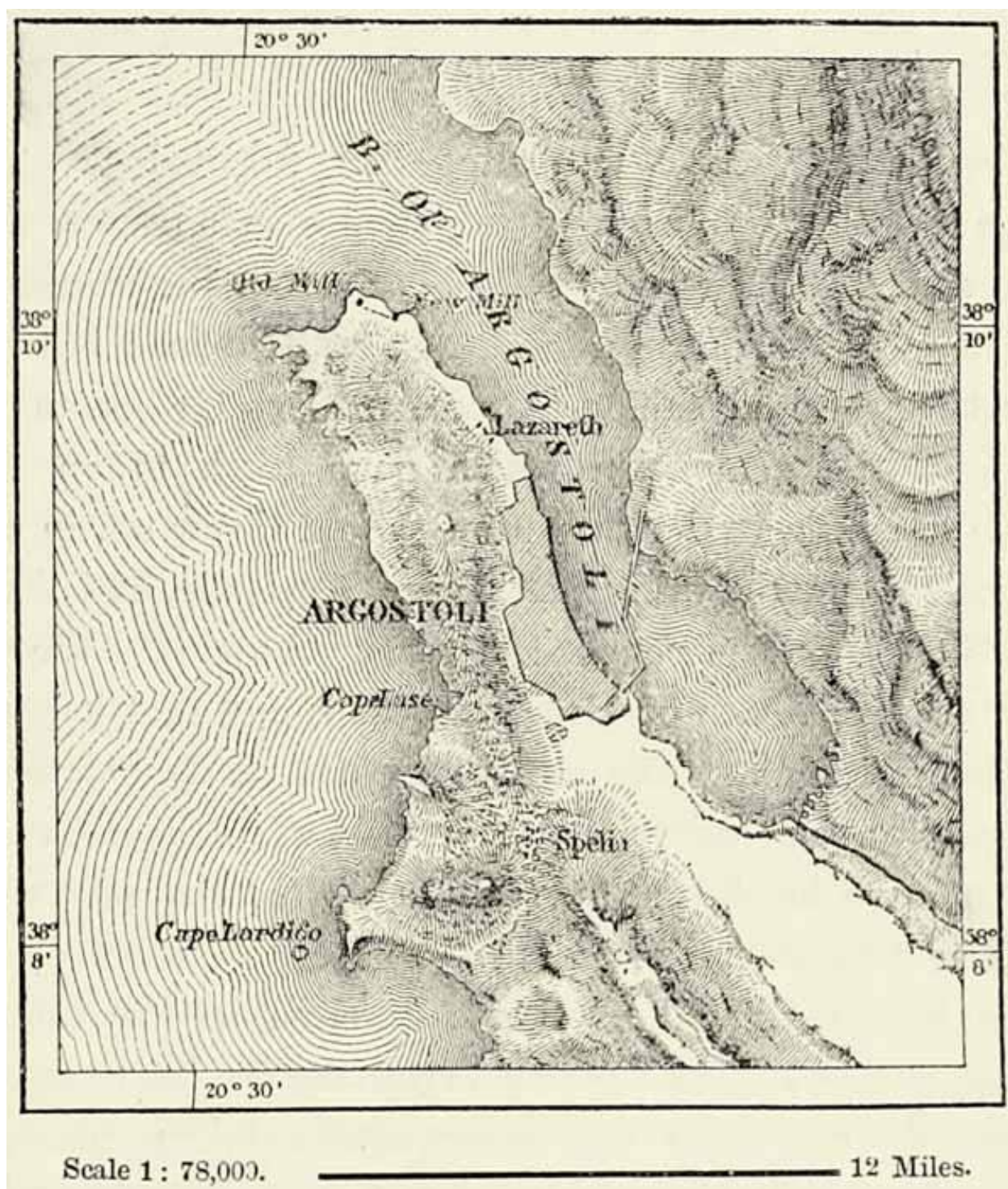
Кефалония, или, вернее, Кефалния, является самым большим из Ионических островов, а его самая высокая вершина — гора Энус, или Элато — является самой высокой точкой всего архипелага. Моряки из центра Ионического моря могут одновременно видеть гору Этна на Сицилии и эту гору Кефалонии. Хвойные леса, которым гора обязана своим итальянским названием Монтенеро, в основном были уничтожены пожаром, но все еще осталось несколько групп великолепных елей. На вершине горы можно увидеть руины храма Юпитера. Остров плодородный и густонаселенный, но сильно страдает от нехватки воды. Все его реки пересыхают летом, поскольку известковые почвы впитывают дождь, а большинство источников берут начало на дне моря, вдали от жаждущих воды полей. С другой стороны, два значительных потока морской воды проникают в недра острова.

Это любопытное явление наблюдается недалеко к северу от Аргостоли, оживленного города с безопасной, но мелкой гаванью. Эти две океанические реки достаточно мощны, чтобы приводить в движение огромные колеса двух мельниц, одна из которых работает без перерыва с 1835 года, а другая — с 1859 года. Их совокупный расход составляет 35 000 000 галлонов в день, и натуралисты еще не решили, образуют ли они огромное подземное озеро, в котором постоянно отлагаются солевые отложения, или же они проникают через многочисленные нити и, благодаря гидростатическому всасыванию, попадают в подземные реки острова, делая их воду солоноватой. Последнее мнение принадлежит геологу Вибелю, и поэтому мы можем с уверенностью предположить, что эти подземные воды и пещеры являются одной из главных причин сильных землетрясений, которые так часто посещают Кефалонию. Остров Астерис, расположенный между Кефалонией и Итакой, на котором стоял город Алакмоена, больше не существует и, вероятно, был разрушен одним из этих землетрясений.

Итака «божественного Одиссея», современная Теаки, отделена от Кефалонии узким проливом Вискардо, названным в честь Роберта Гвискара. Остров небольшой, и все места, упомянутые в «Одиссее», до сих пор отмечаются там, от источника Аретузы до акрополя Одиссея; но черные леса, покрывавшие склоны горы Неритус, исчезли. Жители чрезвычайно гордятся своим маленьким островом, прославленным поэзией Гомера, и в каждой семье мы встречаем Пенелопу, Одиссея, Эвмениду () и Телемаха. Но нынешние жители не имеют никакого права претендовать на то, что они являются потомками хитрого сына Лаэрта,

поскольку в средние века их предки были истреблены захватчиками, а в 1504 году заброшенные поля были переданы Сенатом Венеции колонистам, прибывшим с материка. Большинство этих иммигрантов прибыли из Эпира, и диалект, на котором говорят островитяне, сильно смешан с албанскими словами. В настоящее время остров хорошо возделан, а его главный порт Вафи ведет оживленную торговлю изюмом, смородиной, маслом и вином. Итака, как и во времена Гомера, является «кормилицей доблестных мужей». Жители острова высокие и сильные, и доктор Шлиман с восторгом отмечает высокий уровень нравственности и морали, царящий среди них. Здесь нет ни богатых, ни бедных, но все они большие путешественники, и уроженцев Итаки можно встретить в каждом густонаселенном городе Востока.

Рис. 27. — АРГОСТОЛИ.
По данным Вибела. Масштаб 1 : 78 000.

«Занте, фиор дель Леванте», — говорят итальянцы. И действительно, этот древний остров, Закинтос, богаче садами, полями и виллами, чем любой другой остров этого архипелага. Обширная равнина, ограниченная горными хребтами, занимает центр этого «золотого острова» — огромный сад, изобилующий виноградниками, дающими смородину высшего качества. Жители острова трудолюбивы и не довольствуются возделыванием своих полей, они также помогают в возделывании полей Акарнании, получая в награду заработную плату или долю урожая. Город Закинтос, расположенный на восточном побережье острова, напротив Элиды, является самым богатым и чистым городом архипелага. К сожалению, он часто страдает от землетрясений, которые, как полагают, имеют вулканическое происхождение. Это вполне вероятно, поскольку вблизи юго-

восточного мыса острова бьют битуминозные источники, которые, хотя и эксплуатируются со времен Геродота, до сих пор дают около ста бочек смолы в год. Нефтяные источники бьют близ берега и даже на дне моря, а вблизи мыса Скинари на севере на поверхности воды плавают своего рода жирная мазница.

Единственные островки, зависимые от Закинтоса, — это Стривали, или Строфады, куда улетели ужасные гарпии из древней мифологии.^{[19](#)}

VI. НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ГРЕЦИИ.

Греки, хотя и не оправдали полностью ожиданий филэллингов, тем не менее сделали большой шаг вперед с тех пор, как сбросили иго турок. Подвиги, совершенные во время войны за независимость, напомнили дни Марафона и Платеи; но было бы неправильно ожидать, что короткого времени будет достаточно, чтобы поднять современную Грецию на интеллектуальный и художественный уровень поколения, которое дало миру Аристотеля и Фидия. Нельзя также ожидать, что нация за одно поколение избавится от вредных привычек, сформированных в эпоху рабства, и сразу усвоит научные достижения, накопленные за двадцать веков. Следует также иметь в виду, что население Греции невелико и редко рассеяно по бесплодной горной местности. Многочисленные порты, без сомнения, создают благоприятные условия для торговли, и их жители не преминули воспользоваться ими; но вряд ли найдется в Европе страна, которая сталкивается с такими же препятствиями для развития своих сельскохозяйственных и промышленных ресурсов. Строительство дорог из-за гор повсюду сопряжено с трудностями, в то время как синее море манит своих зрителей в далекие края и к торговым экспедициям. В результате из соседних турецких провинций не происходит иммиграции, в то время как многие эллины, и особенно уроженцы Ионических островов и Киклад, ежегодно ищут счастья в Константинополе, Каире и даже в далекой Индии. Предприимчивые люди покидают страну, а остаются только толпы интриганов, которые рассматривают политику как прибыльный бизнес, и армия государственных чиновников, которые зависят от благосклонности министра для будущего продвижения по службе. Такое положение дел объясняет тот странный факт, что наиболее процветающие греческие общины существуют за пределами королевства Греция. Эти зарубежные общины управляются лучше и более либерально, чем общины на родине. Несмотря на пашу, который обладает правом надзора, управление самой маленькой греческой общиной в Фракии или Македонии могло бы служить образцом для независимого и суверенного королевства Греция. Там каждый заинтересован в процветании общины, но в Греции алчная бюрократия заботится только о собственном продвижении, избирателей подкупают, а незаконно понесенные расходы возмещаются незаконными поборами и грабежами, которые преобладают уже много лет.

Фактическое население Греции может составлять 1 500 000 душ, то есть около двух пятых всех греков, проживающих в Европе и Азии. Население менее плотное, чем в любой другой стране Европы, включая Турцию. Говорят, что в эпоху своего наибольшего процветания Греция поддерживала 6 000 000 или 7 000 000 жителей. Аттика в то время была в десять раз более густонаселенной, и многие острова, на которых сейчас проживает лишь несколько пастухов, тогда могли похвастаться многолюдными городами. Места древних городов в изобилии встречаются на бесплодных плато, на берегах самых маленьких ручьев и венчают каждый мыс на территории древних стран эллинов, от Кипра до Корфу и от Тасоса до Крита.

Однако страна постепенно заселяется заново. До войны за независимость население, включая Ионические острова, составляло, возможно, 1 000 000 человек, но сражения и массовые убийства значительно сократили его, и в 1832 году число жителей составляло не более 950 000 человек. С тех пор ежегодное прирост населения колеблется от 9 000 до 14 000 человек. Однако этот прирост распределяется по стране очень неравномерно. Города быстро растут, но несколько островов, в особенности Андрос, Санторини, Гидра, Закинтос и Леукадия, теряют больше жителей в результате эмиграции, чем приобретают за счет превышения рождаемости над смертностью. Болотные лихорадки, распространенные в

континентальной Греции, значительно замедляют рост населения. Климат, естественно, чрезвычайно здоровый, но во многих местностях вода скапливается в зараженных болотах, и их осушение и возделывание не только увеличили бы богатство страны, но и избавили бы ее от страшной чумы.²⁰

К сожалению, сельское хозяйство в Греции развивается очень медленно, и его продукция не хватает даже для пропитания населения, не говоря уже о поставках товаров на экспорт. И все же пахотные земли Греции прекрасно подходят для выращивания винограда, фруктов, хлопка, табака и марены. Инжир и апельсины здесь восхитительны; вина Санторини и Кикладских островов считаются одними из лучших в Средиземноморье; аттическое масло по-прежнему остается таким же превосходным, как и в те времена, когда Афина посадила священное оливковое дерево; однако, за исключением небольшого количества хлопка, выращиваемого в Фтиотиде, и изюма, известного как смородина или коринфский изюм, который экспортируется с Ионических островов и Патры на сумму около 1 500 000 фунтов стерлингов в год, сельское хозяйство вносит лишь незначительный вклад в экспорт. Одним из основных товаров является валония, вид желудей, собираемых в лесах и используемых кожевниками.

В стране, столь отсталой в сельском хозяйстве, нельзя ожидать процветания промышленности. Вследствие этого все промышленные товары приходится импортировать из-за границы, особенно из Англии. Греция не имеет даже инструментов для разработки своих знаменитых мраморных карьеров, хотя они богаче, чем карьеры Каррары. Во всем королевстве есть только одно металлургическое предприятие — в Лаврионе. Древние люди веками разрабатывали в этой части страны серебристые свинцовые рудники, и рядом с ними накопились огромные массы неисчерпаемого шлака. В настоящее время эти отходы научно обрабатываются на плавильном заводе в Эргастии, где ежегодно производится почти десять тысяч тонн свинца и значительное количество серебра. Рядом с заводом возник довольно оживленный маленький городок, а его гавань является одной из самых оживленных во всей Греции. Но основатели этого процветающего предприятия пришлось бороться с завистью, и «лаврионский вопрос» едва не привел к конфликту между правительствами Франции и Италии с Грецией.²¹

Греки не занимаются сельским хозяйством и не могут похвастаться промышленностью, и они были бы обречены на голод, если бы не содержали шесть тысяч судов, занимающихся прибыльным морским транспортом по всему Средиземноморью. Греческий торговый флот превосходит российский, почти равен австрийскому и в шесть раз превосходит бельгийский, и мы должны помнить, что многие суда, плавающие под турецким флагом, на самом деле принадлежат грекам. Древний инстинкт этой расы ярко проявляется в прибрежном судоходстве. Крупные флотилии быстрых океанских пароходов принадлежат могущественным компаниям Запада, а греки довольствуются плаванием на небольших судах, приспособленных к требованиям прибрежной торговли, которые почти никогда не выходят за пределы древнегреческого мира. Никто не может составить им конкуренцию в плане низких фрахтов, поскольку каждый моряк заинтересован в грузе и все они стремятся увеличить прибыль. Один может предоставить древесину, другой — такелаж, третий — часть груза, а их сограждане авансируют деньги на покупку товаров, не требуя никаких залогов, кроме слова чести. На многих из этих судов все являются партнерами, все работают одинаково и делят прибыль от предприятия.

Но, какими бы трезвыми и умными ни были эти греческие моряки, они не могут избежать судьбы, которая постигла мелких торговцев и ремесленников во всем мире. Дешевые суда

греков могут долгое время соперничать с пароходами мощных компаний, но в конце концов они должны уступить. Страна потеряет свое место среди торговых наций мира, если не будут быстро развиты ее сельскохозяйственные и промышленные ресурсы и не будут построены железные дороги для доставки продукции из внутренних районов к побережью. Даже сейчас в Греции есть лишь несколько автомобильных дорог, и не столько потому, что горы представляют собой непреодолимые препятствия, сколько потому, что ее беспечные жители довольствуются транспортными возможностями, которые предлагает море. В наши дни было бы невозможно путешествовать из Пилоса в Лакедемон на колеснице, как это делал Телемах, потому что дорога, соединяющая эти места, проходит вдоль обрывов и по опасным козьим тропам. Греция и Сербия — европейские государства, которые дольше всех оставались без железных дорог, и даже сейчас первая из них довольствуется короткой линией, соединяющей Афины с их гаванью. Конечно, было предложено построить несколько линий, имеющих первостепенное значение, но из-за банкротства греческой казны эти работы еще не начаты. Государственные доходы недостаточны для покрытия расходов, долг превышает 15 000 000 фунтов стерлингов, а проценты по займам остаются невыплаченными.²²

Бедность большинства жителей Греции равна бедности государства. Крестьяне обеднели из-за уплаты десятины и государственного налога, в два, а то и в три раза превышающего ее размер. Хотя они по природе очень умеренны, им с трудом удается прожить; они живут в нездоровых лачугах и часто не могут отложить достаточно средств для покупки одежды и других предметов первой необходимости. Молодые люди из беднейших районов Греции вынуждены массово эмигрировать, либо на сезон, либо на неопределенный срок. В этом отношении Аркадию можно сравнить с Овернью, Савойей и другими горными странами Центральной Европы. Однако этолийцы очень неохотно меняют свои прекрасные дикие долины на иностранные города, хотя и они страдают от тяжести налогов. В древние времена, до того как их дух был сломлен рабством, они сопротивлялись сборщикам налогов с оружием в руках. Теперь они довольствуются тем, что выходят из своих деревень, чтобы сложить кучу камней у дороги, как свидетельство несправедливости, с которой с ними обращаются. Эта куча камней — *проклятие*. Каждый крестьянин, проходя мимо, благочестиво добавляет камень к этому немоу памятнику проклятия, и земля, общая мать всех, таким образом, берет на себя задачу мести.

Невежество, обычное спутница бедности, широко распространено в сельских районах Греции, особенно в тех, которые труднодоступны. В Греции, как и в Албании и Черногории, верят в вероломных нимф, которые завоевывают любовь молодых людей, а затем утаскивают их под воду; верят в вампиров, сглаз и колдовство. Но греки — любознательный народ, жаждущий знаний, несмотря на свою бедность. Крестьянин с Итаки остановит на дороге образованного путешественника, чтобы тот прочитал ему стихи Гомера. Несмотря на бедность правительства, почти в каждой деревне открыты начальные школы. Если нет школьных зданий, уроки проводятся под открытым небом. Ученики, далекие от прогулов, едва поднимают глаза от книг, чтобы заметить проходящего мимо незнакомца или полет птицы. Ученики высших школ и Афинского университета столь же добросовестны и прилежны. Возможно, что некоторые из них просто стремятся стать ораторами, но они определенно не приезжают в город под предлогом учебы, а на самом деле предаются разврату. Среди студентов Афинского университета есть много тех, кто половину ночи работает каким-либо ремеслом, а другие нанимаются слугами или кучерами, чтобы иметь возможность продолжать учебу на юристов или врачей.

Эта любовь к учебе не может не обеспечить греческой нации интеллектуальное влияние, гораздо превосходящее то, чего можно было бы ожидать, учитывая ее небольшую численность. Кроме того, греки Востока считают Афины своим интеллектуальным центром, куда они посылают своих сыновей в поисках знаний. Они учреждают стипендии в связи со школами Афин и вносят значительный вклад в их поддержку. И не только богатые греческие купцы из Триеста, Салоник, Смирны, Марселя и Лондона заботятся о подлинных интересах своей родной страны, но и крестьяне Фракии и Македонии посвящают свои сбережения развитию общественного образования. Сами люди поддерживают свои школы и музеи и платят своим профессорам. Афинская академия, политехническая школа, университет и Arsakeion, превосходный женский колледж — все они обязаны своим существованием не правительству, а усердию греческих граждан. Из этого легко понять, насколько внимательно за этими учреждениями следит весь народ и насколько благотворным должно быть влияние молодых мужчин и женщин, возвращающихся в свои родные провинции после получения образования в них.

Таким образом, общий язык, общие традиции и общая надежда на будущее сделали греков нацией, несмотря на договоры. Греческий патриотизм не ограничивается узкими рамками, установленными дипломатией. Независимо от того, проживают ли они в самой Греции, в европейской или азиатской Турции, греки чувствуют себя одним народом и ведут общую национальную жизнь, независимую от правительств Константинополя и Афин. Более того, среди греков, проживающих в чужих странах, это чувство национальной принадлежности, пожалуй, наиболее сильно, поскольку они не подвержены развращающему влиянию бюрократии. Они более тщательно сохраняют традиции и обычаи муниципального самоуправления и практически пользуются большей индивидуальной свободой. Греческая нация в целом насчитывает около 4 000 000 душ. Ее сила, и без того значительная, растет с каждым днем и, несомненно, будет оказывать мощное влияние на судьбы средиземноморской Европы.

Иногда нам говорят, что общность религии может побудить греков поддержать российские амбиции и открыть этой державе путь в Константинополь. Ничто не может быть дальше от истины. Эллины никогда не пожертвуют своими интересами в пользу иностранцев. Между Грецией и Россией также не существует тех естественных связей, которые являются единственной основой для подлинных союзов. Климат, географическое положение, история, торговля и, прежде всего, общая цивилизация привязывают Грецию к той группе европейских наций, которая известна как греко-латинская. В трехчастной Европе греки никогда не встанут на сторону славян, а будут находиться среди латинских наций Италии, Франции и Испании.

VII. — ПРАВИТЕЛЬСТВО И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО.

Страны-покровители наделили Грецию парламентским и конституционным правительством, построенным по западноевропейскому образцу. Теоретически король Греции правит, но не управляет, а его министры подотчетны палатам, большинство в которых меняется в зависимости от колебаний общественного мнения. Однако в реальности власть короля ограничивается только дипломатией. Кроме того, эти западные институты не соответствуют традициям и духу греков, и хотя устав был трижды изменен с момента провозглашения независимости, он никогда не соблюдался строго.

В соответствии с конституцией 1864 года каждый греческий гражданин, владеющий какой-либо собственностью или осуществляющий профессиональную деятельность, имеет право голоса по достижении двадцати пяти лет и может быть избран депутатом в тридцать лет. Депутаты, число которых составляет сто восемьдесят семь, избираются на четыре года и получают вознаграждение за свою работу. Гражданский список короля, включая субсидию, предоставляемую защищающими державами, составляет 46 000 фунтов стерлингов в год.

Православная греческая церковь Эллады независима от Константинопольского патриарха. Ее управляет Священный Синод, заседающий в столице и возглавляемый архиепископом в качестве митрополита. Королевский комиссар присутствует на заседаниях Синода и скрепляет свою подпись под каждым принятым предложением. Решения, не имеющие этой официальной подписи, являются недействительными. С другой стороны, король может лишить епископа престола или отстранить его от должности только с согласия Синода и в соответствии с каноническим правом. Конституция гарантирует свободу вероисповедания, но официальная церковь, тем не менее, обладает значительной властью и часто прибегает к помощи гражданских властей для обеспечения исполнения своих постановлений. Синод тщательно следит за соблюдением религиозных догм; он указывает властям на еретических или неортодоксальных проповедников и писателей и требует их пресечения; осуществляет цензуру книг и религиозных изображений; и призывает гражданские суды наказывать правонарушителей.

В Греции больше нет мусульман, за исключением моряков и путешественников, а последний турок покинул Эвбею. Единственной церковью, помимо официальной, которая может похвастаться значительным количеством прихожан, является римско-католическая. Она преобладает среди среднего класса на Наксосе и на нескольких других островах Кикладского архипелага и управляется двумя архиепископами и четырьмя епископами.

Греция разделена на тринадцать номов, или номархий, которые, в свою очередь, делятся на пятьдесят девять епархий. Каждая епархия подразделяется на округа, или димархии, а последние — на приходы, управляемые паредрами, или помощниками димархов. Эти чиновники назначаются королем и получают небольшое вознаграждение. Число чиновников в Греции пропорционально больше, чем в любой другой части Европы. Они составляют шестидесятую часть, или, включая их семьи, двенадцатую часть населения, и, хотя их жалованье невелико, они поглощают между собой более половины государственных доходов.

Тринадцать номов и пятьдесят девять епархий Греции с их населением в 1870 году:

Епархии.	Население.
Мантинея	46 174
Кинурия	26 733
Гартия	41 408
Мегаполис	17 425
Аркадия	131 740
Лакдемон	46 423
Гитион	13 957
Итилос (Сетилос)	26 540
Эпидаврос Лимера	18 931
Лакония	105 851
Калама	25 029
Мессини	29 529
Пилия	20 946
Трифилия	29 041
Олимпия	25 872
Мессения	130 417
Нафплио	15 022
Аргос	22 138
Коринфия	42 803
Спецеры и Эрмионис	19 919
Гидра и Тризиния	17 301
Китры	10 637
Арголида и Коринфия	127 820
Сирос	30 643
Коа	8 687
Андрос	19 674
Тинос	11 022
Наксос	20 582
Тира (Тера, Санторини)	21 901
Милос	10 784
Киклады	123 293
Аттика	76 919

Эгина	6 103
Мегари	14 949
Фива (Фивы)	20 711
Ливадия	18 122
Аттика и Виотия (Беотия)	136 804
Халкис	29 013
Ксерохорион	11 215
Каристья	33 936
Скопелос	8 377
Эввия (Эвбея)	82 541
Фтиотида	26 747
Парнасис	20 368
Локрис	20 187
Дори	49 119
Фтиотида и Фокида	106 421
Месолонгион (Мисолонги)	18 997
Валтос	14 027
Трихония	14 453
Эвритания	33 018
Навпактия	22 219
Воница и Ксеромерос	18 979
Акарнания и Этолия	121 693
Патры	46 527
Эгиалия	12 764
Калаврита	39 204
Илия (Элида)	51 066
Ахайя и Илис (Элис)	149 561
Керкира (Корфу)	25 729
Меси	21 754
Орос	24 983
Пакси (Паксос)	3 582
Леукас (Санта-Маура)	20 892
Керкира (Корфу)	96 940

Крана	33 358
Пали	17 377
Сами	16 774
Итаки	9 873
Кефаллония	77 382
Закинф (Занте)	44 557

В приведенной выше таблице использована современная номенклатура.

ТУРЦИЯ В ЕВРОПЕ. [*](#)

I.—ОБЩИЕ АСПЕКТЫ.

Балканский полуостров, пожалуй, является самым благоприятным с точки зрения природных условий и географического положения из трех великих полуостровов Южной Европы. По своим очертаниям он гораздо менее громоздкий, чем Испания, и даже превосходит Италию по разнообразию рельефа. Его побережья омываются четырьмя морями, изобилуют заливами, гаванями и полуостровами и обрамлены многочисленными островами. Некоторые из его долин и равнин по плодородию не уступают берегам Гвадалквивира и равнинам Ломбардии. На его почве смешиваются флоры двух климатических зон, добавляя очарование ландшафту. Горы Турции не уступают горам двух других полуостровов по изящности очертаний или величию, и большинство из них до сих пор покрыты девственными лесами. Если они менее доступны, чем Апеннины в Италии или *Сьерры* в Испании, то это просто из-за отсутствия дорог, поскольку они, как правило, имеют умеренную высоту, а плато, с которых они поднимаются, более узкие и более сильно пересечены долинами, чем плоскогорье Кастилии. И Испания, и Италия закрыты на севере труднопроходимыми горными барьерами, в то время как Балканский полуостров соединяется с континентальным массивом почти незаметными переходами и нигде не отделен от него четко очерченными природными границами. Австрийские Альпы непрерывно простираются до Боснии, а Карпаты пересекают Дунай, чтобы соединиться с Балканской системой. К востоку от «Железных ворот» нет никаких гор, и Турция граничит там с широкой долиной Дуная.

Близость и параллельность побережий двух континентов дают Балканскому полуострову преимущество, которое, пожалуй, не имеет себе равных во всем мире. Он отделен от Азии лишь узким проливом, соединяющим Черное море с Эгейским: этот пролив является океанской магистралью, но не представляет серьезного препятствия для миграции народов с континента на континент. Если бы Черное море было больше, чем сейчас; если бы оно по-прежнему образовывало *одно* море с Каспийским и простиралось далеко в Азию, как в прошлом, то Константинополь непременно стал бы великим центром древнего мира. Это гордое положение он действительно занимал тысячу лет назад, и даже если он никогда не вернет его, одно только его географическое положение обеспечивает ему важность на все времена. Если бы город был разрушен сегодня, завтра он возродился бы в каком-нибудь другом месте поблизости. На заре истории могущественный Илион стоял на страже у входа

в Дарданеллы: он сохранился в городе на Босфоре; и если бы не было Византия, его мантия перешла бы к какому-нибудь другому городу в той же местности.

Мы знаем, какую роль сыграла древняя Греция в истории человеческой культуры. Македония и Фракия, две другие страны, граничащие с Эгейским морем, также сыграли свою роль. Именно в этих провинциях после вторжения персов зародилось движение реакции, которое привело армии Александра к Евфрату и Инду. Власть римлян просуществовала там тысячу лет после падения самого Рима, и там возвращались драгоценные зародыши цивилизации, которые в более поздний период возродили Западную Европу. Увы, правда, что турки положили конец всем начинаниям цивилизационного характера. Эти завоеватели туранской расы были занесены на Балканский полуостров в ходе общей миграции народов на запад, которая продолжалась три тысячи лет и сопровождалась постоянными беспорядками. Прошло уже пятьсот лет с тех пор, как турки закрепились на полуострове, и более четырехсот лет они были его хозяевами, и в течение этого долгого периода старая Римская империя Востока была как бы отрезана от остальной Европы. Нормальное развитие этих благоприятных стран было прервано непрекращающимися войнами между христианами и мусульманами, упадком народов, завоеванных или поработанных турками, и беззаботным фатализмом хозяев страны. Но приближается время, когда эта важная часть Европы вновь займет положени, которое ей по праву принадлежит среди стран мира.

Обширные территории Балканского полуострова нам известны не лучше, чем дикие земли Африки. Каниц обнаружил, что на наших картах изображены реки, холмы и горы, которых на самом деле не существует. Другой путешественник, Лежан, обнаружил, что мнимый низкий перевал через Балканы существовал только в воображении. Русские геодезисты, занимавшиеся измерением дуги меридиана, обнаружили, что София, один из крупнейших и наиболее известных городов Турции, был указан на лучших картах на расстоянии почти одного дня пути от его истинного положения. В результате исследований, проведенных в последние несколько лет, вся цепь Балканских гор пришлось значительно сдвинуть на юг. Ученые еще не рискнули исследовать плато Албании или гору Пиндус, и еще многое предстоит сделать, прежде чем наши знания о топографии Балканского полуострова можно будет назвать хотя бы умеренно полными. Однако путешествия и исследования множества путешественников ²⁴ позволили нам узнать об общих чертах и геологических образованиях этого региона. Их задача была отнюдь не легкой, поскольку горные массивы и горные цепи полуострова не образуют регулярной, четко очерченной системы. Здесь нет центрального хребта, от которого с обеих сторон отходят отроги, постепенно снижающиеся по высоте по мере приближения к равнинам. Центр полуострова также не является его самой возвышенной частью, поскольку вершины, достигающие наибольшей высоты, разбросаны по всей территории, по-видимому, без какого-либо порядка. Горные хребты простираются во всех направлениях, и мы можем только сказать в общем, что хребты западной Турции проходят параллельно побережью Адриатического и Ионического морей, а хребты на востоке под прямым углом пересекают побережье Черного и Эгейского морей. Рельеф местности и водоразделы создают впечатление, будто Турция отвернулась от континентальной Европы. Ее самые высокие горы, самые обширные плоскогорья и самые недоступные леса расположены на западе и северо-западе, как будто они призваны отрезать ее от берегов Адриатики и равнин Венгрии, в то время как все ее реки, независимо от того, текут ли они на север, восток или юг, в конечном итоге впадают в Черное море или Эгейское море, берега которых обращены к Азии.

Эта неравномерность в распределении гор имеет свой аналог в распределении различных рас, населяющих полуостров. Захватчики или мирные колонисты, независимо от того, пересекли ли они пролив из Малой Азии или пришли по долине Дуная из Скифии, вскоре оказались разбросаны по многочисленным долинам или заблокированы амфитеатрами, не имеющими выхода. Они не смогли найти выход из этого лабиринта гор, и представители самых разных рас поселились в непосредственной близости друг от друга и часто вступали в конфликты. Наиболее многочисленные, воинственные или трудолюбивые расы постепенно расширяли свою власть за счет соседей, а последние, потерпев поражение в борьбе за существование, рассеялись на бесчисленные фрагменты, между которыми больше нет никакой связи. Венгрия имеет однородное население, если сравнивать его с населением Турции, поскольку в последней стране есть районы, где в радиусе нескольких миль соседствуют восемь или десять разных национальностей.

Однако время принесло некоторую упорядоченность в этот хаос, а торговые связи во многом способствовали ассимиляции этих различных рас. В целом можно сказать, что Турция в Европе в настоящее время разделена на четыре большие этнологические зоны. Греки занимают Крит, острова архипелага, побережье Эгейского моря и восточные склоны гор Пиндус и Олимп; албанцы занимают территорию между Адриатическим морем и горой Пиндус; славяне, включая сербов, хорватов, боснийцев, герцеговинцев и черногорцев, занимают Иллирийские Альпы на северо-западе; а склоны Балкан, Деспото-Даг и равнины Восточной Турции принадлежат болгарам, которые, с точки зрения языка, также являются славянами. Что касается турок, хозяев этой земли, то их можно встретить почти везде, особенно в крупных городах и крепостях; но единственная часть страны, которую они занимают, исключая другие народы, — это северо-восточный угол полуострова, ограниченный Балканами, Дунаем и Черным морем.

Крит, после Кипра, является крупнейшим островом, населенным греками. Он является естественной колонией Греции, но договоры, заключенные без учета пожеланий народа, передали его туркам. Несмотря на это, он остается греческим, не только потому, что большинство его жителей считают его таковым, но и из-за его почвы, климата и географического положения. Со всех сторон он окружен глубокими морями, за исключением северо-запада, где подводное плато соединяет его с Китерой и Пелопоннесом.

В мире есть лишь несколько стран, которые природа так же благоволит. Климат здесь мягкий, хотя летом иногда бывает слишком сухо; почва плодородна, несмотря на то, что вода впитывается известняковыми скалами; гавани просторные и хорошо защищенные; а пейзажи отличаются величием и тихой красотой. Положение Крита у входа в архипелаг, между Европой, Азией и Африкой, как будто предназначало этому острову стать великим торговым центром этой части мира. Аристотель уже заметил это, и, если верить преданиям, Крит действительно занимал эту позицию более трех тысяч лет. В течение этого времени он «правил волнами»; Киклады признавали власть своего царя Миноса; критские колонисты поселились на Сицилии; а критские корабли добирались до всех уголков Средиземного моря. Но, к сожалению, остров разделился на бесчисленные мелкие республики, ревниво относящиеся друг к другу, и поэтому не смог сохранить свое торговое превосходство перед дорийцами и другими греками. Впоследствии остров был подчинен римлянами и больше никогда не восстановил свою независимость. Поочередно им владели византийцы, арабы, венецианцы и турки, и каждый из них опустошал и обеднял его.

Удлиненная форма острова и горный хребет, проходящий через него от одного края до другого, позволяют нам понять, как в то время, когда большинство греков рассматривали стены своих городов как синоним границ своей родины, Крит разделился на множество маленьких республик, и как каждая попытка создания федерации («синкретизм») терпела неудачу. Фактически, жители были более эффективно отделены друг от друга, чем если бы они населяли ряд небольших островов, образующих архипелаг. Большинство прибрежных долин окружены высокими горами, и единственный легкий доступ к ним — с моря, а связь между городами, расположенными в их центре, возможна только через трудные горные тропы, которые легко защитить. На всем Крите есть только одна равнина, достойная этого названия, а именно Мессара, к югу от центральной горной массива. Это житница острова, и Иеропотома, или «святая река», которая протекает по ней, имеет немного воды даже в середине лета.

Контур Крита удивительным образом соответствует высоте его гор. Там, где они высокие, остров широкий; там, где они опускаются, он узкий. В центре острова возвышается гора Ида (Псилорити), где Юпитер был воспитан корибанцами и где находилась его могила. Ее высокая вершина, покрытая снегом почти круглый год, гигантские контрфорсы и зеленые долины у ее подножия делают ее одной из самых впечатляющих гор в мире; но она была еще более величественной во времена древних греков, когда ее склоны покрывали леса, и она заслуживала своего названия гора Ида, или «лесистая». С вершины этой горы весь остров простирается у наших ног; горизонт на севере, от горы Тайгет до берегов Азии, усеян островами и полуостровами; а на юге широкая водная гладь простирается за бесплодным и негостеприимным островом Гаудо.

Рис. 28. ущелье Агио Румели.

Лейка-Ори, или «Белые горы», на западной оконечности острова, названы так из-за снега, покрывающего их вершины, или из-за их белых известняковых скал. Они чрезвычайно крутые и совершенно голые, даже в долинах у их подножия почти нет растительности. Они также известны как горы Сфакиотов, потомков древних дорийцев, которые укрылись в своих крепостях, где природа защищает их от любых нападений. До некоторых из их деревень можно добраться только по каменистому руслу горных потоков, низвергающихся с высоты небольшими каскадами. Во время дождей вода несется по этим ущельям мощными потоками. Тогда, как говорят, «ворота закрыты». Одними из таких ворот, или *фаринги*, являются ворота Хагио Румели на южном склоне Леука-Ори. Когда грозит дождь, входить в эти ущелья опасно, потому что вода несется вниз и уносит все на своем пути. Во время войны за независимость турки тщетно пытались прорвать эти «ворота» крепкой горной цитадели. Ровные участки земли на этих высотах достаточно обширны, чтобы прокормить значительное население, если бы не холод. Деревни Аскифо занимают одну из этих равнин, окруженную со всех сторон амфитеатром гор. В прежние времена эта впадина была занята

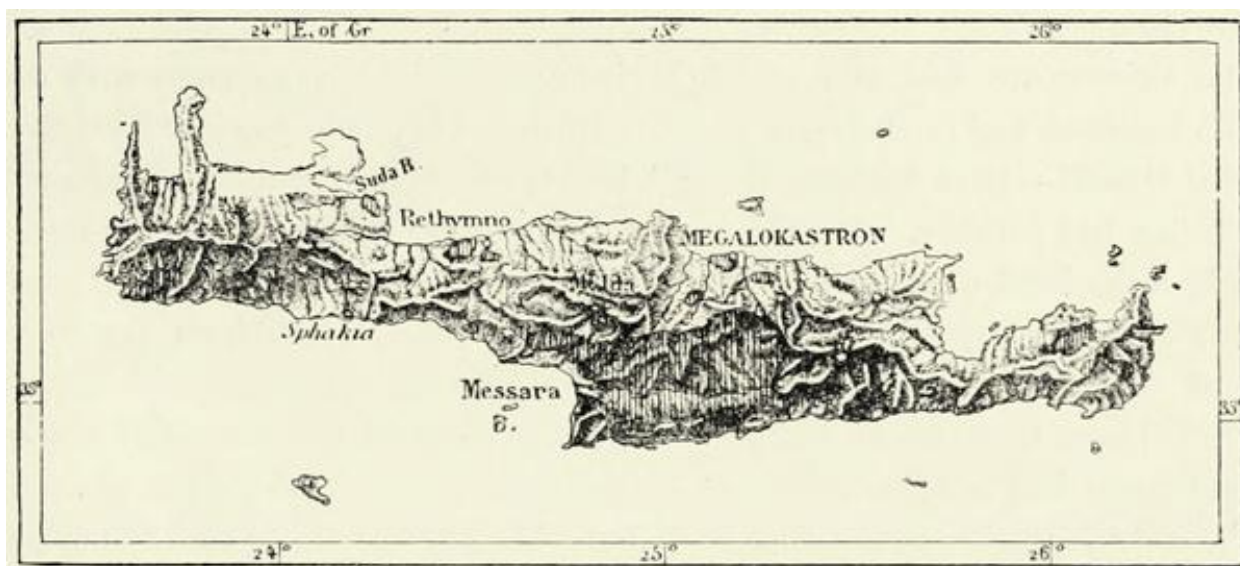
озером. Об этом свидетельствуют древние пляжи и другие доказательства. Но воды озера нашли выход через некоторые катавотры (*хонос*, «раковины») и стекали в море.

Остальные горы острова менее высокие и гораздо менее бесплодные, чем Белые горы. Наиболее примечательными из них являются Ласити и, еще дальше на запад, Дикте или Сития, своего рода продолжение гор Сфакиотес. Вдоль их северных склонов были обнаружены поднятые морские пляжи, покрытые раковинами живых видов, которые доказывают, что эта часть острова была поднята более чем на шестьдесят футов в течение недавней геологической эпохи. Северное побережье, между Белыми горами и горой Дикте, предлагает большее разнообразие рельефа, чем южное побережье. Его мысы, или *акротери*, далеко выступают в море, и оттуда начинаются заливы, бухты и безопасные якорные стоянки. По этим причинам большинство торговых городов были построены на той стороне острова, которая обращена к архипелагу и представляет собой картину жизни, в то время как южное побережье, обращенное к Африке, сравнительно пустынно. Все современные города на северном побережье были построены на месте древних. Мегалокастрон, более известный под итальянским названием Кандия, является древним Гераклеоном, знаменитой гаванью Кносса. Ретимно, на западном склоне горы Ида, легко отождествить с древней Ритминой, а Ханья (Канья), белые дома которой почти сливаются с засушливыми склонами Белых гор, представляет собой Кидонию греков, известную своими лесами айвы. Канья является фактической столицей и, хотя и не самым густонаселенным, тем не менее самым важным и оживленным городом острова. У него есть вторая гавань на востоке, Азизирге, в бухте Суда, одной из самых защищенных на острове, и она обещает стать одной из главных морских станций на Средиземном море.²⁵

Крит, безусловно, потерял многое в плане населения и богатства, и эпитет «остров ста городов», который ему дали древние греки, больше не применим к нему. На месте древних городов теперь стоят убогие деревни, дома в которых построены из материалов одной-единственной разрушенной стены, а для добычи строительных материалов, необходимых в прежние времена, пришлось открыть огромные карьеры. Знаменитый «лабиринт» — один из самых значительных из этих древних карьеров. Крит, несмотря на свою большую плодородность, экспортирует лишь несколько видов сельскохозяйственной продукции, и сейчас ничто не напоминает нам о плодородном острове, на котором Церера родила Плутона. Крестьяне считаются владельцами земли, но они мало заботятся о ее возделывании. Их оливки дают только масло низкого качества, и хотя вино, которое они производят, несмотря на них, хорошее, оно уже не является мальвузией, столь ценимой венецианцами. Выращивание хлопка, табака и всех видов фруктов заброшено. Единственный прогресс в сельском хозяйстве, который можно отметить в нынешнем столетии, заключается во введении апельсиновых деревьев, чьи восхитительные плоды высоко ценятся на всем Востоке. М. Жорж Перро обратил внимание на необычный факт, что, за исключением оливковых деревьев и виноградных лоз, культивируемые деревья на острове ограничены определенными местностями. Так, каштаны встречаются только на западной оконечности острова; крепкие дубы и кипарисы ограничены возвышенными долинами Сфакиот; дубы валония встречаются только в провинции Ретимо; только на горе Дикте растут сосны и рожковые деревья; а на мысе в юго-восточной части Крита, выступающем в сторону Африки, растет роща финиковых пальм — самая красивая во всем архипелаге.

Рис. 29. — КРИТ ИЛИ КАНДИЯ.

Масштаб 1 : 2 470 000.

Район, заселенный мусульманами, заштрихован вертикально.

Жители Крита и соседних островков по-прежнему являются греками, несмотря на последовательные вторжения, и по-прежнему говорят на греческом диалекте, признанном искаженным дорийским. Славяне, вторгшиеся на остров в средние века, не оставили после себя никаких следов, кроме названий нескольких деревень. Арабы и венецианцы также были ассимилированы коренными критянами, но до сих пор существует значительное количество албанцев, потомков солдат, которые сохранили свой язык и обычаи. Что касается мусульман или мнимых турок, которые составляют около одной пятой всего населения, то они в большинстве своем являются потомками критян, которые приняли ислам, чтобы избежать преследований. Они являются единственными эллинами на всем Востоке, которые единодушно приняли религию своих завоевателей, но с тех пор, как религиозные преследования утихли, некоторые из этих мусульман-греков вернулись к религии своих предков. Таким образом, греки Крита не только составляют подавляющее большинство, но и занимают первое место в промышленности, торговле и богатстве; именно они скупают землю, а мусульмане постепенно уступают им место. Все критяне, за исключением албанцев, говорят по-гречески, и только в столице и в части Мессары, где мусульмане живут плотными группами, турецкий язык добился какого-либо прогресса.

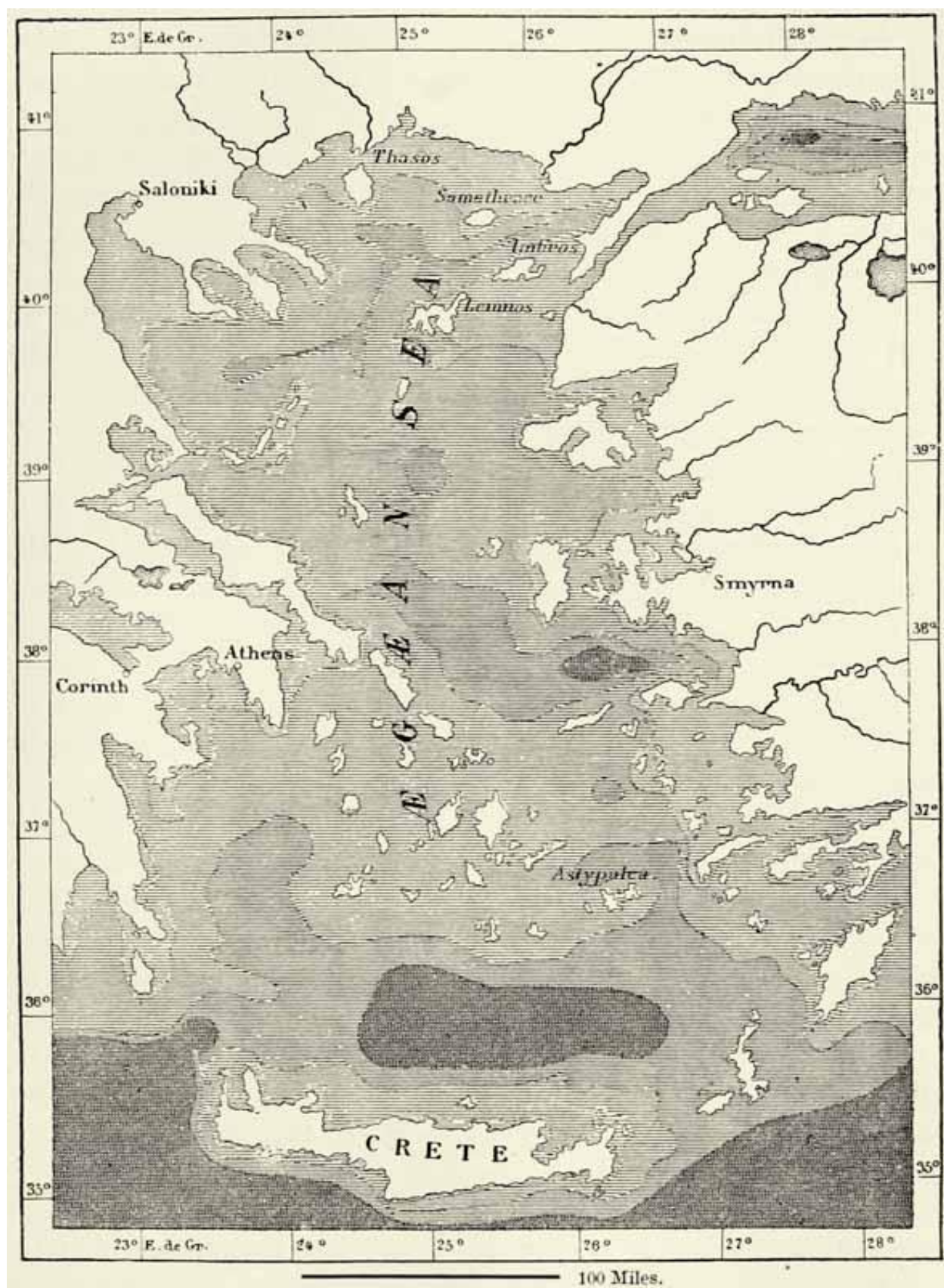
Поэтому не стоит удивляться, что греки претендуют на страну, в которой их превосходство столь очевидно. Но, несмотря на свою доблесть, они не смогли противостоять турецкой и египетской армиям, которые были направлены против них.

Говорят, что критяне похожи на своих предков в своем рвении к делам и пренебрежении правдой. Возможно, они и являются «греками среди греков — лжецами среди лжецов», но их точно нельзя упрекнуть в том, что они плохие патриоты. Напротив, они много страдали ради своей родины, и во время войны за независимость их кровь лилась рекой на многих полях сражений. Огромная пещера Мелидони на западном склоне горы Ида стала местом одного из ужасных событий этой войны. В 1822 году более трехсот эллинов, в основном женщины, дети и старики, укрылись в этой пещере. Турки развели огонь у входа, и дым, проникший в самую дальнюю часть пещеры, задушил несчастных, которые надеялись найти там убежище.

Глубокое «Море Миноса» к северу от Крита отделяет этот остров от архипелага. Все острова последнего были отнесены к королевству Греции, за исключением Астипалеи, в народе называемой Астропалея или Стампалия, которая по-прежнему принадлежит туркам. Древние называли этот остров «Столom богов», хотя он представляет собой лишь бесплодную скалу. С точки зрения геологического строения и конфигурации морского дна он явно принадлежит к восточной цепи Кикладских островов, но дипломаты позволили его полутора тысячам жителей остаться под властью Турции.

Среди других островов, населенных греками, но принадлежащих Турции, Тасос является ближайшим к побережью Европы. Пролив, отделяющий его от Македонии, имеет ширину всего четыре мили, а в его центре находится остров (Тасопуло), а также несколько песчаных отмелей, которые значительно затрудняют судоходство. Хотя этот остров является естественной зависимостью Македонии, он управляется мудиром вице-короля Египта, которому Порта подарила его. Когда Мухаммед II положил конец Византийской империи, Тасос и соседние острова образовали княжество, принадлежащее итальянской семье Гательуцци.

Рис. 30. — ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ.
По данным Робики. Масштаб 1:5 170 000.

Карта заштрихована для обозначения глубины моря. Самый светлый оттенок обозначает глубину менее 55 саженей; следующий оттенок — глубину от 55 до 275 саженей; следующий — глубину от 275 до 550 саженей; и самый темный оттенок — глубину более 550 саженей.

Тасос — одна из тех стран древнего мира, нынешнее состояние которой наиболее неблагоприятно контрастирует с прошлым. Тасос, древняя финикийская колония, когда-то был соперником, а впоследствии богатым и могущественным союзником Афин: его сто тысяч жителей работали в золотых и железных рудниках острова; они добывали прекрасный белый мрамор; возделывали виноградники, дававшие знаменитое вино; и расширяли свои торговые экспедиции на все части Эгейского моря. Но теперь на острове нет ни рудников, ни карьеров, виноградники дают только некачественный продукт, сельскохозяйственная продукция едва хватает для шести тысяч жителей острова, а древний порт Тасоса посещают только самые маленькие суда. Остров очень медленно восстанавливается после удара, нанесенного ему Магометом II, который увез почти всех его жителей в Константинополь. После этого Тасос стал пристанищем пиратов, и его жители укрылись в горах в глубине острова. Они являются эллинами, но их диалект сильно смешан с турецкими словами. В отличие от других эллинов, они не стремятся к самосовершенствованию. Они являются дегенеративными греками и знают об этом. «Мы овцы и вьючные животные», — неоднократно говорили они французскому путешественнику Перро.

Однако Тасос — единственный остров архипелага, где сохранились лесистые горы и зеленые ландшафты. Здесь много дождей, и растительность буйная. В каждой долине журчат ручьи; большие деревья бросают тень на склоны холмов; деревни у подножия гор скрыты кипарисами, ореховыми и оливковыми деревьями; долины, расходящиеся во всех направлениях от центра острова, изобилуют платанами, лаврами, вязами и крепкими дубами; а темные сосновые леса покрывают более высокие склоны холмов, над которыми возвышаются только сверкающие бесплодные вершины горы Св. Ильи и других высоких гор.

Самотраки, хотя и меньше Тасоса, гораздо более возвышенный остров. Его горы состоят из гранита, сланцев, известняков и трахита и образуют своего рода продолжение горы Афон, расположенной на другом берегу Эгейского моря. Если подходить к Самотраки с севера или юга, он выглядит как огромный гроб, плавающий на воде; с востока или запада его профиль напоминает пирамиду, возвышающуюся над волнами. С ее вершины Нептун наблюдал за сражением греков под Троей. В темных дубовых лесах Черных гор совершались мистерии Кибелы и ее корибантов, а также кабирское поклонение, которое было тесно связано с ними, и Самотраки была для древних греков тем, чем гора Афон для современных людей — священной землей. Многочисленные руины и надписи остались свидетельством усердия набожных путешественников со всех концов света. Но с падением языческих храмов исчезли и паломники. Сейчас на острове есть только одна деревня. Ее жители ведут уединенную жизнь, и единственные незнакомые лица, которые они видят, — это лица рыбаков-губколов, которые часто бывают на острове летом. Полное отсутствие гаваней и опасное течение, отделяющее Самофракию от Имброса, отпугивают моряков, и, хотя долины чрезвычайно плодородны, они до сих пор не привлекли ни одного иммигранта с соседнего континента.

Имбро и Лемнос отделены от Самофракии глубоким морем и, по-видимому, являются продолжением фракийского Херсонеса. Имбро, который находится ближе всего к континенту, является более возвышенным из двух островов, но его гора Святого Ильи не достигает и половины высоты гор Самофракии. На склонах этой горы нет лесов, долины покрыты камнями, и лишь восьмая часть поверхности острова пригодна для возделывания. Тем не менее, положение Имбро, близ устья Дарданелл и на международном морском пути,

всегда будет обеспечивать ему определенную степень важности. Большинство жителей проживает в небольшой долине в северо-восточной части острова, и хотя ручей, протекающий через эту долину, регулярно пересыхает летом, он тем не менее называется Мегалос Потамос, или «большая река».

Лемнос, или Лимни, — самый большой остров Фракии, а заодно и самый низкий и самый бесплодный. Здесь можно часами ходить, не увидев ни одного дерева. Даже оливковые деревья не встречаются в полях, а в деревенских садах можно найти лишь несколько фруктовых деревьев. Древесину приходится доставлять с острова Тасос или с материка. Несмотря на все это, Лемнос чрезвычайно плодороден; здесь в изобилии растут ячмень и другие зерновые культуры, а на пастбищах среди холмов пасутся 40 000 овец. Остров состоит из нескольких отдельных горных групп вулканического происхождения, высотой от 1200 до 1500 футов, разделенных низкими равнинами, покрытыми шлаком, или заливами, проникающими далеко вглубь суши. Во времена древних греков вулканы Лемноса еще не угасли, поскольку именно в одном из них Вулкан, изгнанный с небес, основал свою кузницу и с помощью циклопов выковал для Юпитера свои молнии. Примерно в начале нашей эры гора Мосихлос и мыс Хрисе были поглощены морем, и обширные отмели, простирающиеся от восточной части острова в направлении Имбро, вероятно, отмечают их местоположение. С момента исчезновения горы Мосихлос Лемнос больше не страдал от извержений вулканов или землетрясений. Большинство жителей острова — греки, а турки, поселившиеся среди них, вытесняются побежденной расой, превосходящей их по интеллекту и трудолюбию. Торговля полностью находится в руках греков. Ее главный центр — Кастро, древняя Мирхина, расположенная на мысе между двумя рейдами. Одним из экспортных товаров является уплотненная земля, добываемая в горах. В древности она высоко ценилась как вяжущее средство и до сих пор ценится на всем Востоке. Считается, что она обладает целебными свойствами только в том случае, если была собрана до восхода солнца в день Тела Христова.

Небольшой остров Стратио (Агиос Эустратиос) зависит от Лемноса в политическом и торговом отношении. Он также заселен греками. Что касается островов вдоль побережья Малой Азии, то с точки зрения политического управления они являются частью Турции в Европе, но географически принадлежат Азии.26

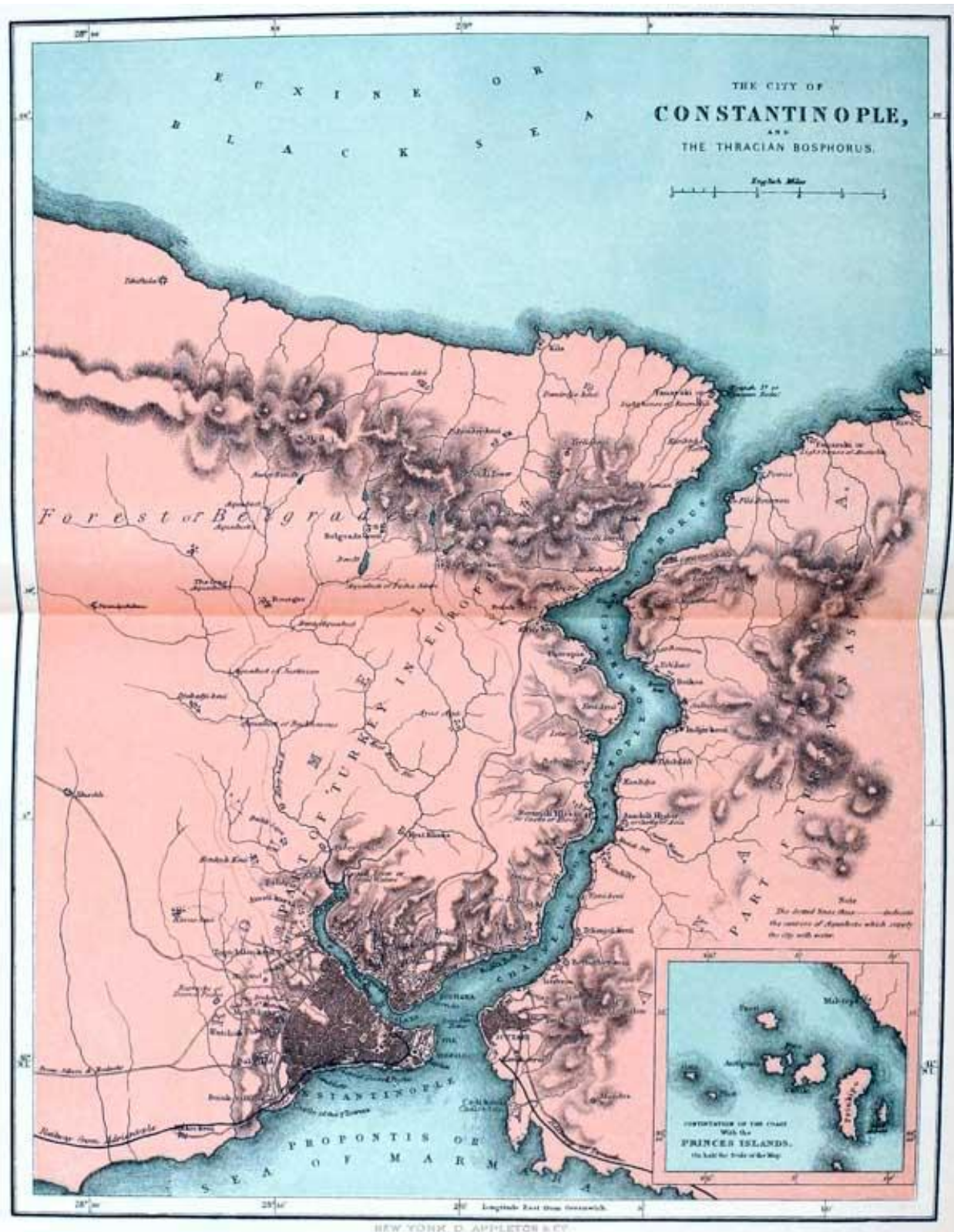
III. — ГРЕЧЕСКАЯ ТУРЦИЯ (ФРАКИЯ, МАКЕДОНИЯ И ФЕССАЛИЯ).

Все побережье Aegean европейской Турции занято греками, что доказывает огромное влияние, которое море оказало на миграцию народов Средиземноморья. Фессалия, Македония, Халкида и Фракия являются более или менее греческими странами, и даже Константинополь находится в пределах Греции, если определять ее по этнологическим границам. Географическое распределение рас в этой местности, по сути, не совпадает с физическими особенностями страны — ее горами, реками и климатом. Греческая Турция на самом деле не является географической единицей, и единственной связью, которая ее объединяет, являются воды архипелага, омывающие все ее берега.

Нигде больше на Балканском полуострове не встречается такого разнообразия ландшафтов, как на берегах Эгейского моря и прилегающего бассейна Мраморного моря. Утесы, холмы и горные массивы резко возвышаются над равниной; морские заливы проникают далеко вглубь суши, а разветвленные полуострова выступают в глубокие воды океана. Создается впечатление, что природа пытается создать архипелаг, подобный южному.

Коса, на которой построен Константинополь, представляет собой замечательный пример особенностей, характерных для прибрежных земель этой части Европы. С геологической точки зрения весь этот полуостров принадлежит Азии. Его вогнутые холмы отделены от гранитных гор Европы широкой равниной, покрытой недавними образованиями, а стена Афанасия, ныне находящаяся в руинах, которая была построена для защиты города, примерно обозначает истинную границу между Европой и Азией. Скалы по обе стороны Босфора относятся к девонской формации. Они содержат одни и те же окаменелости, имеют одинаковый внешний вид и датируются одной и той же эпохой. Участок вулканических скал у северного входа в Босфор также имеет одинаковые характеристики по обе стороны пролива, и нет ни малейшего сомнения в том, что в прежнюю эпоху этот европейский полуостров составлял часть Малой Азии, но был отделен от нее в результате вторжения вод.

ГОРОД КОНСТАНТИНОПОЛЬ И ФРАКИЙСКИЙ БОСФОР.

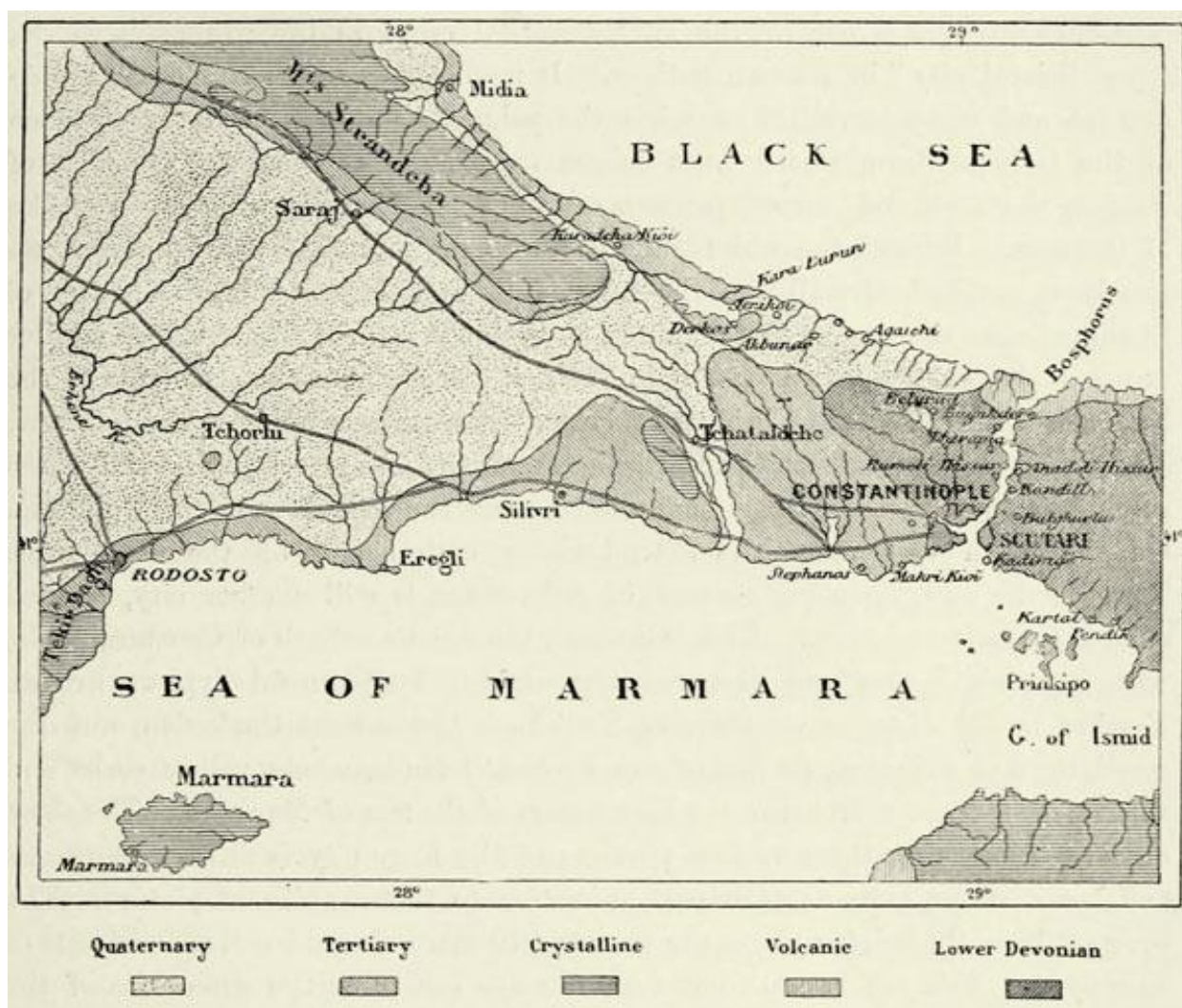

КОНСТАНТИНОПОЛЬ И ЗОЛОТОЙ РОГ, ВИД С ВЫСОТЫ ЭЮБ.

Говорят, что сам Аполлон указал место, где следует построить город, который сейчас известен как Константинополь, и лучшего места не найти. Действительно, город занимает самое выгодное место на Босфоре. Он расположен на полуострове с пологими холмами, ограниченном Мраморным морем и изгибающимся заливом, названным «Золотой рог» за его форму, красоту и ценные грузы, плавающие по его водам. Быстрое течение Босфора проникает в этот залив и очищает его от всех городских отходов. Затем оно выходит в открытое море в крайней точке полуострова, и парусные суда могут таким образом достичь своего якорного места, не борясь с противоположным течением. Эта гавань не только обеспечивает безопасное место для стоянки множества судов, но и богата рыбой, поскольку, несмотря на постоянное волнение ее вод веслами каиков и лопастями или винтами пароходов, ежегодно ее посещают стаи тунцов и других рыб. Гавань Константинополя, хотя и легкодоступна для мирных торговых судов, может быть легко закрыта в случае войны. Окружающие возвышенности контролируют все подходы к ней, и более одного раза, когда город был осажден, через узкий вход в его рейд протягивалась цепь. Последний также легко защищается, поскольку построен на холмах, ограниченных со стороны суши обширной равниной. Чтобы обеспечить успех, нападающая сторона должна располагать не только армией, но и мощным флотом. В дополнение ко всем этим природным преимуществам своего местоположения, Константинополь имеет климат, намного превосходящий климат городов Черного моря, поскольку он защищен холмами от холодных северных ветров.

Рис. 31. — ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ПОЛУОСТРОВА КОНСТАНТИНОПОЛЬ.
По данным Ф. фон Хохштеттера. Масштаб 1 : 1 370 000.

В заря истории, когда миграция и торговля развивались медленно, такое благоприятное место, как Византий, могло привлечь только жителей ближайших окрестностей. Но после развития торговли, по словам оракула Аполлона, только слепой мог не оценить огромные преимущества Золотого Рога. Действительно, Константинополь расположен не только на морском пути, соединяющем Средиземноморье с Черным морем, но и на главной дороге, ведущей из Азии в Европу. Географически его можно охарактеризовать как город, расположенный в устьях Дуная, Днестра, Днепра, Дона, Риона и Кызыл-Ирмака, общим выходом которых является Босфор. Когда Константин Великий сделал его столицей Римской империи, он быстро вырос в населении и богатстве; вскоре он стал городом городов; и его турецкое название, Стамбул, является ни чем иным, как искажением выражения *es tam polin*, используемого жителями для обозначения своего отправления в город. Среди далёких племен Азии он представляет Рим. Они знают его только под названием «Рум», а страну, столицей которой он является, называют «Румелия».

Константинополь — один из самых красивых городов в мире: это «райский город» восточных народов. Его можно сравнить с Неаполем или Рио-де-Жанейро, и многие путешественники отдают ему пальму первенства. Когда мы приближаемся к входу в Золотой Рог, сидя в кайке, более изящной, чем венецианские гондолы, обширная и разнообразная панорама вокруг нас меняется с каждым гребком весел. За белыми стенами Серали и его зелеными насаждениями на семи холмах полуострова возвышаются дома Стамбула — его башни, огромные купола мечетей с кольцами меньших куполов и

элегантные минареты с балконами. На другой стороне гавани, пересеченной мостами из лодок, виднеются еще мечети и башни, проступающие сквозь лес мачт и такелажа и покрывающие склон холма, вершина которого увенчана аккуратно построенными домами и дворцовыми резиденциями Перы. На севере обширные виллы-города простираются вдоль обоих берегов Босфора. К востоку, на мысе Азии, находится еще один город, уютно устроившийся среди садов и деревьев. Это Скутари, азиатский пригород Константинополя, с его розовыми домами и обширным кладбищем, затененным красивыми кипарисовыми рощами. Еще дальше мы видим Кадыкёй, древний Халкидон, и небольшой городок Принкипо на одном из Принцевых островов, чьи желтые скалы и зеленые рощи отражаются в голубых водах Мраморного моря. Водная гладь, соединяющая эти различные части огромного города, оживлена судами и лодками, чьи движения придают оживленность великолепной картине. Вид с высоты над городом еще более великолепен. Побережья Европы и Азии находятся у наших ног, взгляд может проследить извилины Босфора, а вдали виднеется заснеженная пирамидальная вершина горы Олимп в Вифинии.

Но это очарование исчезает, как только мы попадаем на улицы Константинополя. Во многих частях города улицы узкие и грязные, и посторонний человек не решается на них заходить. С санитарной точки зрения, возможно, это благо, что пожары так часто опустошают и уничтожают большие части города. Едва ли проходит ночь, чтобы сторож на башне Сераскиерате не поднимал тревогу о пожаре, и тысячи домов ежегодно пожираются этим стихией. Таким образом, город постепенно обновляется. Он восстает из пепла, очищенный пламенем. Но раньше, до того как турки построили свой каменный город на высотах Перы, кварталы, разрушенные пожаром, восстанавливались такими же убогими, как и раньше. Сейчас все по-другому. Использование камня стало более распространенным; деревянные постройки заменяются домами, построенными из белого известняка с окаменелостями, который добывают у самых ворот города; для украшения дворцов великих людей свободно используются голубой и серый мрамор из Мармары, а также мрамор телесного цвета из залива Кизика в Малой Азии.

Почти все следы памятников древней Византии были уничтожены пожарами или осадами. Сейчас сохранился только драгоценный бронзовый треножник с тремя змеями, который платейцы поместили в храме Дельф в память о своей победе над персами. Остатки эпохи византийских императоров ограничиваются колоннами, обелисками, арками акведуков, разрушенными стенами города, недавно обнаруженными руинами дворца Юстиниана и двумя церквями Святой Софии, которые были преобразованы в мечети. Величественный храм Святой Софии, расположенный недалеко от Сералья, уже не является самым великолепным сооружением в мире, как это было во времена Юстиниана, поскольку даже соседняя мечеть Султана Ахмеда значительно превосходит его по красоте и элегантности. Это неуклюжее здание, поддерживаемое контрфорсами, добавленными в разное время, чтобы предотвратить его обрушение. Внешний вид интерьера был изменен турками, которые добавили дополнительные колонны, а некогда яркие мозаики были покрыты; но купол по-прежнему поражает воображение: это чудо прочности и легкости.

Сераль, или Серай, недалеко от Гарден-Пойнта, может похвастаться прекрасными павильонами и тенистыми аллеями, но мрачные воспоминания о преступлениях всегда будут с ним связаны. Место, откуда мешки с телами живых султанш или одалисок бросали в темные воды Босфора, до сих пор показывают путешественникам. Гораздо более привлекательными, чем эта древняя резиденция султанов, являются чудесные сооружения

в арабском или персидском стиле, которые выстраиваются вдоль берегов Босфора и придают пригородам Константинополя вид восточного великолепия.

Базары являются одними из самых любопытных мест в городе, не столько из-за богатого ассортимента товаров, которые на них выставлены, сколько из-за того, что их посещают представители самых разных народов, которых не встретишь ни в одном другом городе мира. Столица Османской империи привлекает не только жителей Балканского полуострова, но и жителей Анатолии, Сирии, Аравии, Египта, Туниса и даже оазисов. Сюда съезжаются «франки» из всех стран Европы, привлеченные желанием получить долю прибыли от постоянно растущей торговли на Босфоре. Это смешение рас еще больше усиливается тайным ввозом рабов, поскольку, что бы ни утверждали дипломаты, нет сомнений в том, что «почетная гильдия работоторговцев» по-прежнему ведет процветающий бизнес, торгуя негритянками, черкесскими женщинами, а также белыми и черными евнухами. И ничего другого и не стоит ожидать от народа, который считает хорошо укомплектованный гарем признаком респектабельности. Доктор Миллинген оценивает число рабов в Константинополе в 30 000 человек, большинство из которых были привезены из Африки. С антропологической точки зрения, безусловно, очень примечательно, что негры не прижились в Константинополе. За последние четыре столетия было завезено по меньшей мере миллион негров, но из-за трудностей акклиматизации, плохого обращения и нужды они бы вымерли, если бы не новые поставки.

Наши статистические данные не позволяют классифицировать 600 000 жителей Константинополя и его пригородов по расовому признаку.²⁷ Один из основных источников ошибок в оценках такого рода заключается в том, что мы путаем мусульман с турками. В провинциях обычно можно избежать этой ошибки, поскольку боснийцы, болгары и албанцы признают друг друга членами одной расы, независимо от религиозных различий между ними. Но в суматохе большого города это различие больше не делается, и в конце концов все, кто часто посещает мечети, объединяются в одну группу, как будто они являются членами одной расы. Из предполагаемых османов Константинополя, пожалуй, треть составляют турки, а остальные две трети — арнауты, болгары, азиаты и африканцы разных рас. Среди лодочников много лезгин из Кавказа. Мусульмане, если еще не являются меньшинством, то очень скоро им станут, поскольку они почти на глазах теряют свои позиции. В старом Стамбуле, куда франк едва осмеливался заходить еще двадцать лет назад, они по-прежнему пользуются численным превосходством, но в «агломерации городов», известной как Константинополь и простирающейся от Принкипо до Терапии, их превосходят по численности греки, армяне и франки, а некоторые кварталы города были полностью отданы христианам.

Греки являются наиболее влиятельной и, возможно, самой многочисленной группой среди раев. Их штаб-квартира, как и у турок, находится в Стамбуле, где они занимают квартал города под названием Фанари, названный в честь старого маяка. Там проживают греческий патриарх и самые богатые греческие семьи. В прежние времена эти фанариоты практически монополизировали управление христианскими провинциями Турции, но после греческой войны за освобождение они попали в немилость. Религиозное влияние, которое они оказывали до недавнего времени, было уничтожено в результате отделения сербской, румынской и болгарской церковью от православной греческой церкви — отделения, вызванного почти исключительно алчностью греческого патриарха и его сателлитов. Если греки хотят и впредь сохранять свое превосходство среди народов Константинополя, они должны в будущем полагаться на свой высокий интеллект, свои торговые привычки,

образование, патриотизм и единство. Для турок члены православной церкви известны как «римский народ», и они пользуются определенной степенью самоуправления, осуществляемого через своих епископов, которое распространяется на браки, школы, больницы и некоторые другие вопросы.

«Нация» армян также очень сильна в Константинополе и, как и «римляне», управляет собой через выборный Исполнительный совет. Большая часть торговли Константинополя проходит через руки армян, которые, хотя и прибыли в этот город почти одновременно с турками, до сих пор сохранили свои особые нравы. Они холодны и сдержанны, полны самоуважения и сильно отличаются от своих соперников в торговле, евреев, которые скрытно прячутся в своем бедном пригороде Балата, на верхнем конце Золотого Рога. Армяне чрезвычайно клановые, они охотно помогают друг другу и, как парсы в Бомбее, любят проявлять щедрость. Но, в отличие от греков, их начинания не подкрепляются горячей верой в судьбу своей расы. Большинство из них даже не могут свободно говорить на своем родном языке и предпочитают общаться на турецком или греческом.

Франки значительно уступают по численности обоим вышеупомянутым расам, но их влияние, тем не менее, гораздо более решающее. Именно благодаря им Константинополь привязан к цивилизации Западной Европы, и их институты постепенно берут верх над фатализмом Востока. Именно они построили промышленные пригороды к западу от Константинополя и недалеко от Скутари, а также ввели железные дороги. Среди них представлены все цивилизованные народы мира, причем итальянцы и французы наиболее многочисленны; американцы заслужили признание за создание первого геологического музея в Турции в сотрудничестве с Робертом Коллегем.

Благодаря притоку иностранцев население Константинополя неуклонно растет, и одно за другим деревни в его окрестностях поглощаются городом. Весь Золотой Рог теперь окружен домами, которые простираются далеко в долины рек Кидарис и Барбизес, впадающих в него. Промышленные предприятия простираются вдоль берегов Мраморного моря, от древней крепости Семи Башен далеко на западе и от Халкидона на юго-востоке, в направлении залива Никомедии. Оба берега Босфора усыпаны виллами, дворцами, киосками, кафе и отелями. Этот замечательный пролив простирается на девятнадцать миль между берегами Европы и Азии.²⁸ Как огромная горная долина, он извивается между крутыми мысами, то сужаясь, то расширяясь, пока наконец не выходит в бескрайнюю гладь Черного моря. Когда северные ветры бросают бурные воды последнего на мрачные скалы, охраняющие вход в Босфор, контраст между этим диким морем и спокойными водами пролива и его очаровательными пейзажами действительно поразителен. На каждом повороте нас поражают неожиданные прелести. Скалы, дворцы, леса, суда всех видов и любопытные леса болгарских рыбаков сменяют друг друга в бесконечном разнообразии.

Среди бесчисленных загородных резиденций, расположенных на берегах Босфора, наиболее известны те, что находятся в Балта-Лимане, Терапии и Буюкдере, поскольку они были ареной исторических событий; но в этой морской долине нет ни одного места, которое не вызывало бы восхищения. К этим чудесам природы в скором времени добавится чудо человеческого гения. Ширина пролива между замками Румили и Анадолу составляет всего 600 ярдов. Именно здесь Мандрокл из Самоса построил мост из лодок, по которому Дарий провел свою армию из 700 000 человек, когда он вел войну со скифами, и именно на этом месте теперь предлагается построить железнодорожный мост, который соединит железные дороги Европы с железными дорогами Азии. Через Босфор протекает течение от Черного моря к Мраморному морю со скоростью от двух до шести миль в час; и хотя некоторые

географы делают из этого вывод, что уровень первого моря выше уровня второго, это ни в коем случае не следует рассматривать как установленный факт. Мы уже отмечали обмен между водами Средиземного моря и открытого Атлантического океана, который происходит через Гибралтарский пролив. Аналогичный обмен происходит и здесь, и отток поверхностного течения компенсируется притоком подводного течения.

Окраинные дома и виллы Константинополя простираются на север вдоль Босфора до двух гегуэзских замков Румили-Кавак и Анадоли-Кавак. Это расширение совпадает с геологическими особенностями местности, поскольку, как только мы поворачиваем спину к домам, мы оказываемся зажатыми между утесами из долерита и порфира, которые простираются до Черного моря, где заканчиваются обрывами Кианеи, или Симплегад, знаменитых скал, которые открывались и закрывались, раздавливая суда, осмелившиеся пройти через пролив, пока Минерва не закрепила их навсегда. Эти вулканические скалы бесплодны, но девонские слои к югу от них покрыты прекрасными лесами. Турки, в отличие от испанцев и других южных народов, любят и уважают природу; платаны, кипарисы и сосны по-прежнему затеняют берега Босфора, а обширный лес Белград покрывает холмы к востоку от Константинополя, откуда город черпает воду. Птицы тоже находятся под лучшей защитой, чем во многих христианских странах. Где бы мы ни поворачивались, слышно жалобное воркование голубей, стаи ласточек и водоплавающих птиц скользят по поверхности Босфора, и время от времени мы встречаем серьезного аиста, сидящего на верхушке дерева или минарета.

Внешний вид этого места типичен для южных стран, однако климат Константинополя суров. Холодные ветры с российских степей свободно проникают через пролив, и зимой температура может опускаться до четырех градусов ниже нуля. Близость моря делает климат более равномерным, чем он был бы в противном случае, но поскольку ветры, независимо от направления, не встречают препятствий, часто происходят резкие перепады температуры. Средняя температура значительно варьируется в разные годы. Иногда она опускается до уровня Пекина или Балтимора, а иногда поднимается до уровня Тулона или Ниццы. В исключительных случаях Босфор покрывается льдом, но оттепель всегда наступает быстро, и тогда можно наблюдать великолепное зрелище, когда глыбы льда ударяются о стены Серая и уплывают через Мраморное море. В 762 году н. э. эти ледяные массивы были настолько огромны, что застряли в Дарданеллах, и теплые воды Эгейского моря приобрели вид залива Северного Ледовитого океана.

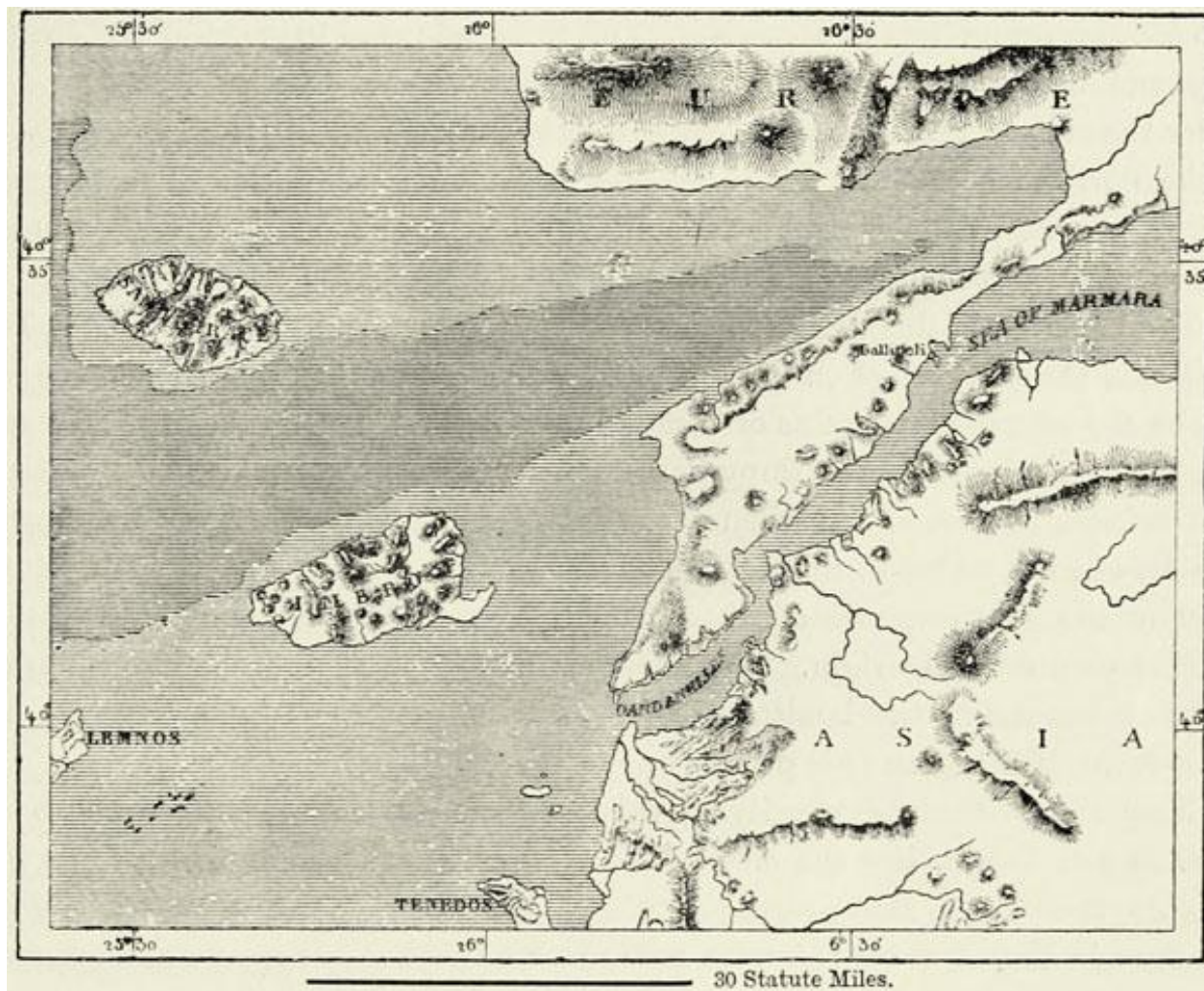
Геологические особенности прибрежной зоны Мраморного моря существенно отличаются от геологических особенностей остальной части Турции. Невысокие холмы поднимаются вблизи побережья, увеличиваясь в высоту к западу, пока не достигают высоты 2930 футов в Текир-Даге, или «священных горах», серые склоны которых, покрытые кое-где кустарником или пастбищами, видны издалика.

Узкая полоса суши соединяет полуостров Галлиполи — фракийский Херсонес древних — с этим прибрежным хребтом. Этот полуостров состоит из четвертичных пород, которые ничем не отличаются от тех, что встречаются на противоположном берегу Азии. В древности огромное пресноводное озеро покрывало часть Фракии и более половины территории, которую сейчас занимает Эгейское море. Когда земля впервые поднялась над

водой, Херсонес составлял неотъемлемую часть Азии. Впоследствии воды Черного моря, прорвавшиеся через Босфор, также нашли выход через Геллеспонт в Эгейское море. Геологическое строение страны и конфигурация морского дна подтверждают это, и это вторжение вод, вероятно, сопровождалось извержениями вулканов, следы которых до сих пор сохранились на островах Мраморного моря и у устья реки Марица, первый к востоку, второй к западу от полуострова.

Рис. 32. — ГЕЛЛЕСПОНТ, ИЛИ ДАРДАНЕЛЛЫ, И ЗАЛИВ САРОС.

Масштаб 1:1 220 000.

Темная штриховка обозначает глубину более 55 саженей.

Если верить утверждениям Плиния и Страбона, в древности Геллеспонт был гораздо уже, чем сейчас. В Абидосе — современном Нагаре — его ширина, по преданию, составляла в древности семь стадий, или менее мили, тогда как в настоящее время она составляет 6500 футов. Именно здесь Ксеркс построил свой двойной мост из лодок. В этом месте пролив глубокий, а течение сильное, но ни одно деревянное судно не могло бы пройти через него, если бы оно попало под обстрел из орудий, установленных на обоих берегах. Геллеспонт, как и Босфор, имеет два течения. Зимой, когда реки, впадающие в Черное море, замерзают, а Мраморное море больше не питается водами Босфора, высокосоленное подводное течение проникает из Эгейского моря в Дарданеллы, в то время как более слабое течение сравнительно пресной воды течет в противоположном направлении на поверхности.²⁹

Галлиполи, Константинополь Геллеспонта, стоит у западной оконечности Мраморного моря. Это первый город, который турки захватили на европейской земле; но хотя они

поселились здесь почти на сто лет раньше, чем в Константинополе, они не составляют здесь большинства, как и в столице. Галлиполи, как и Родосто и другие города на Мраморном море, населен мусульманами разных рас, греками, армянами и евреями, образующими отдельные общины, проживающие в пределах стен одного и того же города. Сельское население состоит почти исключительно из греков, которые являются владельцами и возделывателями земли; и в пределах видимости побережья Азии () и в той части Балканского полуострова, которая дольше всего находилась под властью турок, греки численно превосходят всех остальных к северу от горы Пиндус. Они не ограничиваются побережьем, и, если не считать нескольких болгарских деревень и крупных городов, вся Восточная Фракия принадлежит им.

Низменности этого региона образуют обширную треугольную равнину, ограниченную Текир-Дагом и прибрежным хребтом на юге, отрогами Родоп на западе и гранитными горами Странья на востоке. Это один из самых унылых районов всей Турции. Болотистые впадины и необработанные земли напоминают степи России, а летом, когда ветер поднимает облака пыли, можно представить себя посреди пустыни. Унылую монотонность этой равнины скрашивают лишь бледные очертания далеких гор и бесчисленные искусственные курганы неизвестного происхождения. Эти курганы настолько многочисленны, что составляют неотъемлемую черту ландшафта, и ни один художник не смог бы передать его истинный облик, не включив в свою картину один или несколько из них.

У северной оконечности этой непривлекательной равнины, на слиянии рек Марица и Тунжа, лежит город Адрианополь, окруженный деревьями, вид которых радует глаз уставшего путника. Адрианополь, по сути, состоит из нескольких деревень, отделенных друг от друга фруктовыми садами, тополями и кипарисами, над которыми выглядывают минареты около ста пятидесяти мечетей. Сверкающие воды Марицы и Тунджи, ручьев и акведуков оживляют картину и делают Адрианополь одним из самых восхитительных мест. Но это еще не все. Это крупный центр населения во внутренней части Турции, и его благоприятное географическое положение всегда обеспечивало городу определенную важность. На этом месте стоял древний город Орестис, столица царей Фракии, который был заменен римским Адрианополем, который турки переименовали в Эдирне и сделали своей столицей до тех пор, пока Константинополь не попал в их власть. Старый дворец султана, построенный в персидском стиле в конце XIV века, сохранился до наших дней, хотя и находится в полуразрушенном состоянии. Но и здесь османы находятся в меньшинстве. Греки равны им по численности и значительно превосходят их по интеллекту, а болгары также составляют значительную часть населения, и, как и в других городах Востока, мы встречаем здесь странную смесь рас, от персидских купцов до цыганских музыкантов. Евреи пропорционально более многочисленны в Адрианополе, чем в любом другом городе Турции, и, как ни странно, они отличаются от своих единоверцев во всех других частях мира отсутствием ловкости в деловых сделках. Местная пословица гласит, что «требуется *десять* евреев, чтобы противостоять одному греку»; и не только грекам, ведь валахи и даже болгары способны обманывать бедных израильтян в Адрианополе.

Связь между Адрианополем и Мидеей, древней греческой колонией, известной своими подземными храмами, а также с другими городами на Черном море, затруднена. Ее естественные выходы находятся на юге — с одной стороны, в Родосто, на Мраморном море, с другой — в долине Марицы, в заливе Сарос. Железная дорога следует по последнему, и Румелийская железнодорожная компания построила искусственную гавань в Деде Агаче,

позволяющую торговым судам причаливать к пирсу. Однако соблазны торговли до сих пор не побудили жителей Эноса променять свою укрепленную стенами и башнями акрополь на болотистую местность в нижней части Марицы с ее смертельной атмосферой.

Зона, занятая греками, сужается по мере продвижения на запад от Марицы, где Родопские горы образуют своего рода международный барьер. Только побережье занято там греческими моряками и рыбаками, в то время как холмы, виднеющиеся на горизонте, почти исключительно принадлежат турецким и болгарским крестьянам и пастухам. Болотистые прибрежные районы, небольшие долины на южных склонах гор и несколько изолированных холмов вулканического или кристаллического происхождения образуют узкую полосу, соединяющую греков Фракии с их соотечественниками из Халкидики и Фессалии. Юруки, или «скитальцы», турецкое племя, сохранившее свои кочевые привычки до наших дней, иногда даже простирают свои походы до морского побережья. Их главная резиденция находится в Пилав-Тепе, горном массиве к северо-западу от Тасоса, известном во времена македонских царей своими золотыми и серебряными рудниками. Широкая равнина простирается сразу к западу от этих гор, орошаемая рекой Стримон, или Карасу, и отличается удивительной плодородностью. В ее центре находится значительный город Серес, а вокруг него разбросаны сотни деревень, окруженных фруктовыми садами, рисовыми и хлопковыми полями. С высоты Родопских гор эта равнина выглядит как огромный город-сад. К сожалению, многие ее части очень нездоровы.

Тройной полуостров Халкидики не имеет никакой связи с Родопами и соединен с материком перешейком, покрытым озерами, болотами и аллювиальными равнинами. Он простирается далеко в море, как огромная рука, раскинувшаяся над водами. Халкидики — это Греция в миниатюре, с побережьями фантастических очертаний, глубокими бухтами, смелыми мысами и горами, возвышающимися посреди равнин, как острова в архипелаге. Один из этих горных массивов возвышается в центре полуострова и достигает своей высшей точки на горе Кортах, а каждое из трех его ответвлений имеет свою собственную систему крутых холмов. Этот любопытный придаток к континенту, похожий на Грецию по своему облику, является греческим и по своему населению; и, что редкость для Турции, все его жители принадлежат к одной расе, если не считать турок в городе Нисворо и славянских монахов на горе Афон.

Рис. 33. ПОЛУОСТРОВ АФОН.
Масштаб 1 : 1 020 000.

Самый восточный из трех языков суши Халкидики, которые далеко выступают в воды Эгейского моря, почти полностью отделен от материка. Только низкая и узкая перешейка соединяет его с материком, и именно через этот перешеек Ксеркс прокопал канал длиной 3950 футов, чтобы либо позволить своему флоту обойти опасный мыс горы Афон, либо продемонстрировать потрясенным жителям свою мощь. Это полуостров Хагион Орос, Монте Санто итальянцев. На его краю возвышается известняковая гора, одна из самых красивых в Восточном Средиземноморье. Это знаменитая гора Афон, которую древний скульптор предложил превратить в статую Александра, держащего в одной руке город, а в другой — источник, и которую восточные легенды называют «невероятно высокой горой», на которую дьявол отвел Иисуса, чтобы показать ему «все царства мира». Но что бы ни говорили старые легенды, панорама не так обширна, хотя под нашими ногами простираются берега Халкидики, Македонии и Фракии, а взгляд может охватить голубые воды Эгейского моря от горы Олимп в Фессалии до горы Ида в Малой Азии. Смелые очертания укрепленных монастырей, которые появляются то тут, то там, среди каштанов, дубов или сосен, на склоне горы, удачно контрастируют с неясными очертаниями побережья на далеком горизонте.³⁰

Этот полуостров, который один путешественник сравнил со сфинксом, притаившимся на груди моря, принадлежит республике монахов, которые управляют собой по своему усмотрению. В обмен на дань, которую они платят Порте, только они имеют право жить здесь, а посторонние должны получить их разрешение, прежде чем им будет позволено войти. На перешейке полуострова размещена рота христианских солдат, чтобы не допустить осквернения священной земли женскими ногами. Даже турецкий губернатор не может получить допуск, не оставив своего гарема. Как сообщается в хрониках горы Афон, на протяжении четырнадцати веков ни одна женщина не ступала на эту священную землю, и этот запрет распространяется как на людей, так и на животных. Даже присутствие домашней птицы осквернило бы монастыри, и яйца, которые едят монахи, привозятся из Лемноса. За исключением нескольких поставщиков, проживающих в деревне Кариес, 6000 жителей полуострова — это монахи или их слуги, и они живут в монастырях или в скитах, примыкающих к 935 церквям и часовенкам. Почти все монахи — греки, но среди двадцати крупных монастырей есть два, построенных древними правителями Сербии, и один, основанный Россией. Большинство этих зданий занимают мысы и, с их высокими стенами и крепкими башнями, выглядят чрезвычайно живописно. Один из них, Симопетра, кажется почти недоступным. Именно в этих уединенных местах добрые отцы ордена Святого Василия проводят свою жизнь в созерцательном бездействии. Они обязаны молиться восемь часов днем и два часа ночью, и в течение всего этого времени им не разрешается сидеть. Поэтому у них нет ни времени, ни сил для учебы или ручного труда. Книги в их библиотеках являются для них непостижимой тайной, и, несмотря на свою воздержанность, они могли бы умереть от голода, если бы не было мирян, работающих на них, и многочисленных ферм на материке, которые являются их собственностью. Все, что производит этот плодородный полуостров, — это несколько судов с орехами.

Древние города Олинф и Потидея, расположенные на перешейке западного полуострова Халкидики, превратились в незначительные деревни; но город Терма, позже названный Фессалоникой, а теперь известный как Салоники, все еще существует, поскольку его географическое положение наиболее благоприятно, и после каждой осады и каждого пожара он снова возникал из пепла. Здесь до сих пор можно увидеть следы всех эпох истории: циклопические и эллинские стены, триумфальные арки, остатки римских храмов, византийские сооружения и венецианские замки. Его гавань превосходна, рейд хорошо защищен, а от него по долинам Вардара и Индже Карасу ведут дороги в Верхнюю Македонию и Эпир. Эти благоприятные обстоятельства не остались без влияния, и Салоники, после Константинополя и Адрианополя, являются самым важным городом европейской Турции. Его население смешанное, как и в других городах Востока, и евреи составляют исключительно многочисленную группу. Большинство из них являются потомками испанских евреев, изгнанных инквизицией, и до сих пор говорят по-испански. Многие внешне приняли ислам, чтобы избежать преследований, но истинные мусульмане с презрением относятся к этим новообращенным. Их обычно называют «маминами».

Торговля Салоник даже сейчас имеет большое значение, но в будущем ожидается еще большее развитие. Как Марсель, Триест и Бриндизи, Салоники стремятся стать связующим звеном в торговле между Англией и Востоком. Они фактически находятся на самом прямом пути между Ла-Маншем и Суэцким каналом, и как только будут соединены железными дорогами с остальной Европой, они обязательно займут большую долю в мировой торговле. Этот торговый центр Македонии интересен и с этнологической точки зрения, поскольку, за исключением Бургаса на Черном море (), это единственное место, где болгары, самая

многочисленная народность европейской Турции, достигли побережья. Везде они отделены от него чуждыми народами, но Салоники позволяют им напрямую контактировать с остальной Европой. Однако Салоники страдают не только от плохого управления, но и от окружающих их болот, и летом многие их жители устремляются в более здоровый город Каламерия, расположенный к западу. К сожалению, миазматические болота занимают большую часть северного побережья Эгейского моря и отделяют внутреннюю часть Македонии от побережья более эффективно, чем горы. Практически нет никакой торговли, кроме как в Салониках.

Рис. 34. — ГОРА ОЛИМП.

На западном побережье залива Салоники, за постоянно меняющимися устьями Вардара и солеными водами Инже Карасу, или Халиакмона, земля постепенно поднимается. Холмы сменяются горами, пока к побережью не подступают крутые обрывы, а вершина поднимается за вершиной, вплоть до тройной вершины горы Олимп. Среди многих гор, носивших это имя, эта — самая высокая и самая красивая, и греки поместили на ней двор Юпитера и резиденцию богов. Именно на равнинах Фессалии, в тени этой знаменитой горы, греки жили в период расцвета своей истории, и их самые дорогие традиции связаны с этой прекрасной страной. Горы, которые укрывали колыбель их народа, навсегда остались для них местом обитания их защитных божеств. Но Юпитер, Вакх и другие великие боги древности теперь исчезли, а в лесах, которые были свидетелями веселья вакханок, построены монастыри.

Рис. 35. — ГОРА ОЛИМП И ДОЛИНА ТЕМПЕ.

До недавнего времени верхние долины горы Олимп были заселены только монахами и клефтами, или бандитами, которые искали там убежища от арнаутских солдат, посланных в погоню за ними. Гора, по сути, представляет собой отдельный мир, со всех сторон окруженный грозными обрывами. Сорок две вершины образуют зубцы этой горной цитадели, пятьдесят два источника бьют в ее пределах, и смелый клефт находится в безопасности от ненавистных турок в ее крепостях. Великолепные леса лавровых деревьев, платанов и дубов покрывают ее нижние морские склоны, и в бедственные времена они служили убежищем для целых народов. Но итальянские спекулянты купили эти леса, и, возможно, недалек тот день, когда гора Олимп, лишенная своей зелени, превратится в бесплодную скалистую массу, как и большинство гор архипелага. На нижних склонах Олимпа в изобилии водятся дикие кошки, на его скалистых вершинах все еще лазают серны, но медведей уже не встретишь: святой Денис, который жил на горе, нуждался в животных для езды и превратил их в лошадей!

Ксенагор, древний геометр, был первым, кто измерил высоту горы Олимп, но его результат, 6200 футов, далек от истины, поскольку самая высокая вершина достигает высоты 9750 футов по системе измерения высоты по методу Эрнста-Герберга ().[31](#)

Возможно, это самая высокая точка Балканского полуострова. Снег остается в некоторых из его расщелин в течение всего года, и, по-видимому, до сих пор никому из людей не удалось подняться на его самую высокую вершину. Согласно греческой легенде, даже Пелион, нагроможденный на Оссе, не позволил титанам достичь обители богов, и в действительности суммарная высота этих двух гор едва превышает высоту Олимпа. Но, несмотря на эту меньшую высоту, «острая» Осса и «длинная» Пелион, известные нам, современным людям, как Кисово и Загора, впечатляют зрителя своими дикими долинами, отвесными скалами и утесистыми мысами.

Эти горы продолжают на юг через крючкообразный полуостров Магnezия и заканчиваются напротив острова Эвбея. В древней Греции они составляли мощный оборонительный вал. Орды варваров останавливались перед этим непреодолимым барьером. Они были вынуждены искать проходимый путь к западу от него, через долину Пеня, которая по праву считается естественной границей Эллады. Отсюда большое стратегическое значение Фарсала в южной Фессалии, который защищает ущелья Отриса и единственный доступ к равнинам Сперхия. Перевал Петра на северной оконечности Олимпа тщательно охранялся по тем же причинам.

Большая часть территории, ограниченной кристаллическими скалами Олимпа и Осса, а также меловым хребтом Пинда, идущим параллельно первому, состоит из равнин, первоначально покрытых обширными озерами. Залив Воло подходит близко к усохшим остаткам одного из этих озер — Карла, или Бебея, — в которое впадают воды болотистой равнины Ларисы. Жители берегов этого озера говорят, что время от времени на его дне слышен глухой гул, который они приписывают реву какого-то невидимого животного, но который, скорее всего, является бульканьем воды, проникающей в карстовую воронку. Другие озерные бассейны встречаются у подножия Олимпа к западу и северо-западу, а некоторые долины верхних притоков Пеня покрыты аллювием, оставленным отступающими водами. Геркулес, по мнению одних, или Нептун, по мнению других, осушил все эти озера Фессалии, открыв узкое ущелье между Олимпом и Оссой, известное древним как долина Темпе. Эта узкая долина, без сомнения, образовалась в результате медленного эрозионного воздействия воды. Для эллинов она воплощала их идеалы освежающей прохлады и красоты, и раз в девять лет из Дельф прибывала посольская делегация, чтобы сорвать лавровые листья, предназначенные для победителей в пифийских играх. Долина Темпе действительно очень красива: прозрачные и быстрые воды Пеня, листва платанов, кустарники лавровых роз и красноватые скалы — все это часто сочетается и образует картины, которые радуют чувства и впечатляют ум. Но в целом эта узкая и мрачная долина вполне заслуживает своего современного названия Ликостомо, или «волчье ущелье». Даже в Фессалии, и прежде всего в Пинде, есть места, более улыбчивые и красивые, чем эта знаменитая долина Темпе.

Верхние долины Пеня, или Салембрии, богаты природными достопримечательностями, такими как ущелья, воронки и пещеры. К северо-западу от горы Олимп мутный Титарезий протекает через узкое ущелье Саранта-Порос, или Четырех бродов, которое в древности считалось одним из входов в ад.

К западу, на верхнем Пенее, находятся известняковые холмы Хассии, возвышающиеся на высоту 5000 футов, и возвышенные отроги горы Пиндус, которые прославились благодаря «делам богов», или *теоктиста*, которые возвышаются над ними. Эти «деяния» состоят из изолированных башен, скал и столбов, самые известные из которых находятся на берегах Пеня, недалеко от Трикалы. Ревностные последователи Симеона Столпника пришли к идее

построить свои монастыри на вершинах некоторых из самых больших из этих природных колонн или пьедесталов. Расположившись на этих высотах и обреченные никогда их не покидать, они получают провизию и принимают посетителей в корзине, прикрепленной к концу длинной веревки и поднимаемой с помощью лебедки. Чтобы таким образом добраться до монастыря Барлаама, необходимо совершить воздушное путешествие на высоту не менее 220 футов, и посетители могут совершить этот подъем с помощью лестниц, прикрепленных к скалистым обрывам. Однако религиозный фанатизм, который побудил монахов выбрать эти орлиные гнезда в качестве своего жилища, постепенно угасает. Из двадцати монастырей, которые существовали ранее, сейчас осталось только семь, и только один из них, Метеора, населен двадцатью монахами.

Из всех греческих земель, которые все еще остаются под властью турок, нет ни одной, которая бы так часто стремилась к восстановлению своей независимости, ни одной, на которую эллины с таким же рвением претендовали бы как на часть своей общей родины и колыбель своего народа. Фессалия, по сути, является частью Греции, насколько это возможно с точки зрения традиций прошлого, общего языка и общих черт страны. Но это более плодородная страна, ее растительность более пышная, ее пейзажи более улыбочивые и восхитительные. Мы не так часто встречаем глубокое голубое небо, которое вызывает наше восхищение в Южной Греции, поскольку пары, поднимающиеся с Эгейского моря, притягиваются Олимпом и другими горами; но эта влага придает очарование далеким видам и, защищая землю от палящих лучей солнца летом, в значительной степени способствует плодородию почвы.

Греческое население Фессалии сильно смешано с иностранными элементами, которые оно постепенно ассимилировало. Ни сербов, ни болгар сейчас не осталось в стране, хотя Верхний Титарезиус известен как Вургари, или «река болгар». Зинзаре, или македо-валахи, которые были так многочисленны в средние века, сейчас занимают лишь несколько деревень. Хотя они гордятся своим римским происхождением, они постепенно эллинизируются. Большинство слов, которыми они обозначают предметы цивилизованной жизни, являются греческими, их священники и учителя проповедуют или преподают на греческом языке, и они сами говорят на греческом в дополнение к своему родному языку. Кроме того, они теряют позиции из-за чрезмерной эмиграции. Даже земледельцы среди них не совсем отказались от своих кочевых привычек, и кочевой образ жизни пастуха или разносчика оказывает на них непреодолимое притяжение. Турки проживают плотными группами в низинах вокруг Ларисы, и сам этот город в значительной степени мусульманский. Холмистые районы на севере, между Инже Карасу и озерами Кастория и Острова, также заселены турками, которые отличаются от османов остальной части империи и известны как кониариды. Турки также занимают часть горы Осса. С расстояния легко определить, населена ли деревня турками или греками. М. Мезьер заметил, что «турки сажают деревья ради тени, а греки — ради прибыли». Рядом с деревнями первых мы видим кипарисы и платаны, а рядом со вторыми — фруктовые сады и виноградники. Некоторые авторы полагают, что кониариды прибыли в Фессалию и Македонию в качестве колонистов в XI веке по приглашению восточного императора. Они управляют собой через демократические представительные органы и пользуются всеобщим уважением благодаря своей честности, гостеприимству и деревенским добродетелям.

Греки морально уступают турецким крестьянам, но превосходят их в интеллекте и трудолюбии. В XVII веке среди них произошло даже некое возрождение (), подобное Ренессансу в Западной Европе, и любовь к искусству развилась настолько, что в деревнях

Олимпа возникла школа художников. Верные своим национальным традициям и инстинктам своей расы, греки Фессалии стремились организоваться в самоуправляемые содружества. В своих свободных городах, или *кефалохори*, им разрешается избирать городские советы, открывать школы и назначать учителей по своему усмотрению. Они знают, как заставить турецкого пашу не вмешиваться в их местные дела. Они платят налоги, требуемые турками, как их предки платили их Афинам или другим греческим городам, но во всех других отношениях они являются свободными гражданами, управляющими собой сами. Контраст между этими независимыми союзами и *чифликами* мусульманских землевладельцев, возделываемыми греческими фермерами, поражает. Земля свободных землевладельцев, как правило, гораздо менее плодородна, чем земля, входящая в состав этих чифликов, но она дает больше урожая, и ее возделыватели живут в относительном достатке.

Греки Фессалии уделяют большое внимание образованию подрастающего поколения. Даже самая бедная греческая деревня в Пиндусе может похвастаться школой, которую посещают молодые люди до пятнадцати лет. В качестве примера коммерческого духа фессалийцев можно упомянуть Кооперативную ассоциацию ткачей, образованную в прошлом веке в городе Амбелакия, расположенном в живописном месте среди фруктовых садов и виноградников на южных склонах долины Темпе. Эта влиятельная ассоциация мудро ограничила свои дивиденды шестью процентами и потратила излишки прибыли на расширение своего бизнеса. В течение многих лет она пользовалась большим процветанием, но войны империи, закрывшие для нее рынки Германии, привели к ее разорению. Кооперация также отчасти объясняет процветание производства тканей в двадцати четырех богатых греческих деревнях на полуострове Магнезия, к северу от залива Воло. Этот район, вместе с районом Веррия, к северу от Инже Карасу, является, вероятно, самым процветающим из всех греческих провинций Турции, и он, по крайней мере частично, обязан этим процветанием своему удачному географическому положению, находясь вдали от крупных стратегических магистралей.³²

IV. — АЛБАНИЯ И ЭПИР.

Название *шкипери*, которое албанцы дают стране, в которой они проживают, означает «земля скал», и более подходящего названия и придумать нельзя. Каменистые горы занимают всю территорию страны от границ Черногории до границ Греции. Единственная равнина значительных размеров — это равнина Шкодера (Скутари) к югу от Черногорского плато, которое образует естественную границу Албании на севере. Дно этой впадины занимает озеро Скутари, в которое впадает Дрин, единственная река на Балканском полуострове, судоходная на значительном расстоянии от моря. Дрин образуется в результате слияния Белой и Черной Дрин, и в прежние времена он временно сбрасывал только часть своих вод в реку Бояна, которая осушает озеро Скутари. Но в 1858 году она проложила себе новый канал напротив деревни Миет, примерно в двадцати милях выше устья, и с тех пор большая часть ее вод течет в направлении Скутари, часто затопляя нижние кварталы этого города. Болотистые участки на нижнем течении Дрина опасны для перехода в жаркое время года, а лихорадки Бояны являются самыми страшными на всем побережье.

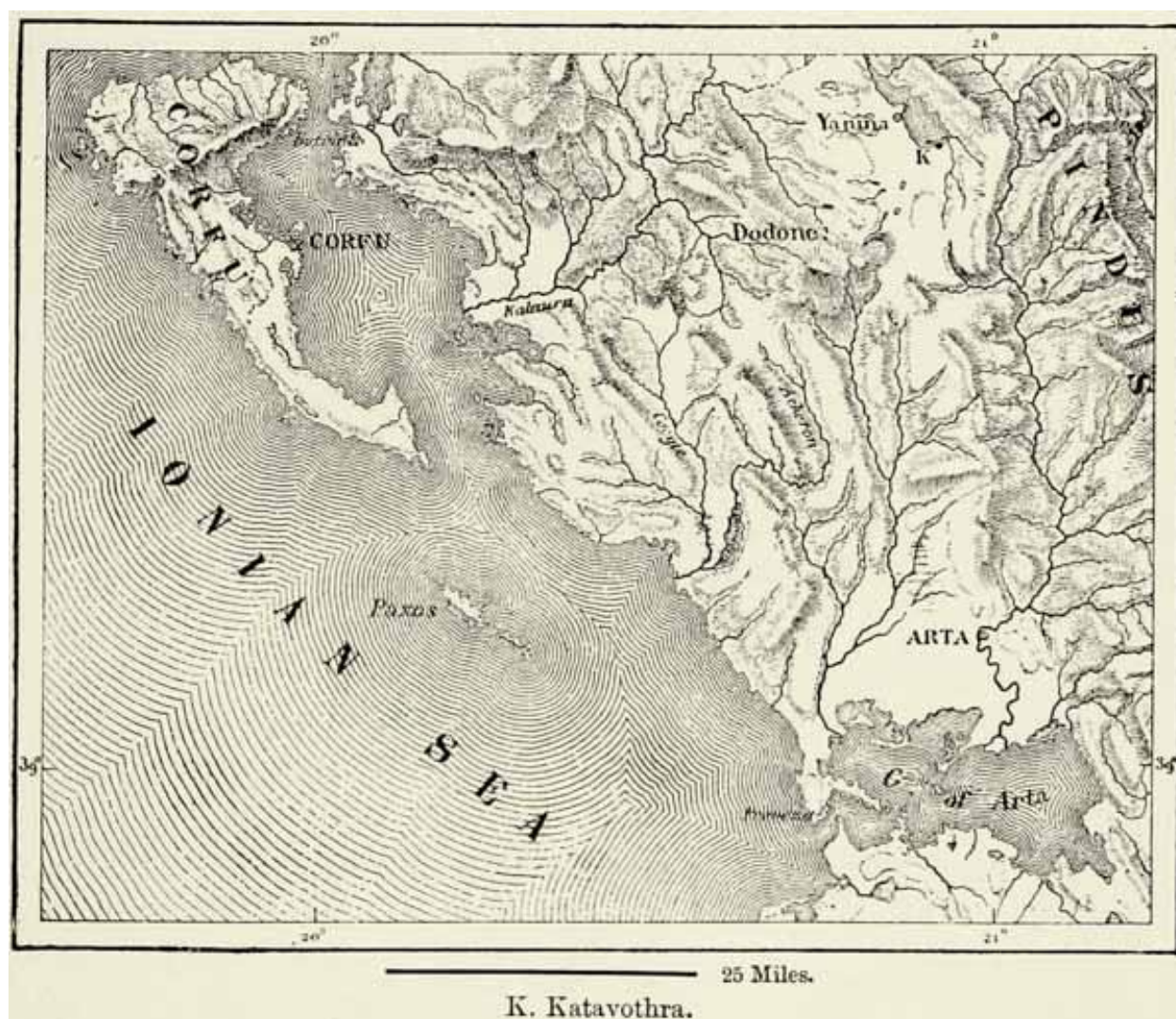
Большая часть южных отрогов Боснийских Альп заселена албанцами, но они отделены от своих соплеменников в собственно Албании глубокой долиной Дрина, своего рода *каньоном*, похожим на каньоны Скалистых гор, заключенным между отвесными стенами высотой в несколько тысяч футов и почти никогда не посещаемым путешественниками. Горные системы Боснии и Албании соединены лишь косвенно серией хребтов и плато, простирающихся от горы Глиб в юго-восточном направлении до Схар, или Скардуса древних. Гребень последней проходит под прямым углом к большинству хребтов Западной Турции, и хотя его высшая точка уступает по высоте вершинам Славянской Турции, она является точкой соединения Балканских гор с горными системами Боснии и Албании. Схар также имеет большое значение в гидрографии Турции, поскольку с его склонов спускаются две большие реки, болгарская Морава и Вардар, одна из которых впадает в Дунай, а другая — в Салоникский залив. В Схаре, как и в Пиндусе и Родопах, до сих пор встречаются серны и дикие козы, а М. Виет упоминает животное, известное мирдитам как *луцербал*, которое, по-видимому, является разновидностью леопарда.

К западу от Схара, по другую сторону Черного Дрина, возвышается горный регион, высота которого едва достигает 3000 футов, но который чрезвычайно труднодоступен: это цитадель Верхней Албании, страна мирдитов и дукаджинов. Огромные массивы серпентина прорвались здесь сквозь мел, долины окружены крутыми обрывами, а потоки быстро стекают по выдолбленным руслам на внешних склонах. Как правило, направление извилистых хребтов этой горной страны совпадает с направлением южных отрогов Схара. Они постепенно снижаются в высоте, окружая прекрасные высокогорные долины, где может скапливаться вода. Озеро Охрида, самое большое водоем в Верхней Албании, не без основания сравнивают с Женевским озером. Его воды еще более голубые, чем у его швейцарского соперника, и более прозрачные, и рыбы можно увидеть, гоняющиеся друг за другом на глубине шестидесяти футов под его поверхностью: отсюда и его древнегреческое название Лихнидос. Очаровательный маленький городок Охрида и гора Пиерия со старинной римской крепостью охраняют его берега, а белые дома многочисленных деревень выглядывают из каштановых лесов, покрывающих склоны окружающих холмов. Это озеро стекает на север через узкую долину Черной Дрины. Если верить утверждениям местных жителей (), воды двойного бассейна озера Пресба попадают в озеро Охрида через подземные каналы.

Изолированная вершина Томор возвышается над этим озерным регионом на западе. К югу от него начинается цепь Пиндус, известная местным жителям как Граммос. Сначала эти горы имеют умеренную высоту и пересекаются многочисленными горными дорогами, обеспечивающими легкое сообщение между Албанией и Македонией, но по мере продвижения на юг их высота постепенно увеличивается, и точно к востоку от Янины они образуют горный массив Мецово, с которого начинается собственно Пиндус. Этот горный массив уступает по высоте вершинам Боснии или Северной Албании, но он гораздо более живописен, чем они, поскольку его склоны покрыты лесами хвойных пород и буков, а равнины, простирающиеся у его подножия, имеют более южный облик. Гора Зигос, или Лахмон, возвышающаяся в центре этого горного массива, не предлагает очень обширной панорамы, но если мы поднимемся на скалистые вершины Перистера-Буна или Смолика, расположенные рядом с ней, то сможем одновременно полюбоваться водами Эгейского и Ионического морей, а за заливом Арта можно даже разглядеть берег Греции.

Знаменитое озеро занимает дно известнякового бассейна у западного подножия горного массива Мецово. Это озеро Янина, и нигде больше в Эпире мы не встретим столько же природных достопримечательностей, как на берегах этого озера. Его глубина незначительна, нигде не превышает сорока футов, и оно питается только многочисленными родниками, бьющими у подножия скал. Видимого выхода нет, но полковник Лик уверяет нас, что каждая из двух частей, на которые оно разделено, дренируется подземным каналом. Северная часть озера впадает в воронку, или *войникова*, и появляется снова на юго-западе в виде значительной реки, впадающей в Ионическое море. Это Тиамис древних, наш современный Каламас. Далее к югу древний Ахерон вырывается из скал и, приняв отвратительные воды не менее известного Коцита, впадает в «залив сладких вод», названный так из-за большого количества воды, сбрасываемой в него реками.

Рис. 36. — южный эпир.
По данным Киперта. Масштаб 1 : 1 400 000.

Когда уровень воды в южной и более крупной части бассейна озера Янина низкий, остается только один сток, который устремляется в бездну и при этом вращает колеса мельницы. Циклопические руины пеласгийского города Эллада возвышаются над этой огромной пропастью с ее ревущими водами. Подземная река вновь появляется далеко на юге и впадает в залив Арта. Но когда уровень озера высокий, четыре других водостока поглощают его избыточные воды и направляют их в главный канал, направление которого указывают несколько небольших озер. Важная роль, которую эти подземные водостоки, и в частности адские Ахерон и Коцит, играли в мифологии Древней Греции, ярко свидетельствует о влиянии пеласгов на цивилизацию эллинов. Мифы геллепонов стали общей собственностью всей Греции, и во всей Элладе не было храма, более почитаемого, чем их святилище в Додоне, где будущее можно было предсказать, прислушиваясь к шелесту листьев священных дубов. Эта священная роща, вероятно, существовала недалеко от одного из многочисленных в этой стране циклопических городов, если не на самом берегу озера. Некоторые, несомненно ошибочно, искали ее возле замка, в котором в начале этого века жил Али Тепелени, страшный паша Эпира, который хвастался тем, что он «зажженный факел, пожирающий людей».

Горы Сули, к западу от бассейна Янины, достигают высоты 3500 футов, но соседние холмы имеют умеренную высоту, хотя и являются крутыми и труднодоступными, и вблизи побережья они опускаются в небольшие скалистые мысы, скудно покрытые кустарником и

заселенные шакалами. Вблизи берега много болот, и летом их миазматический воздух распространяется на соседние деревни. Однако к северу от болот Бутринто и пролива Корфу и к западу от изолированной вершины Кундуси побережье снова поднимается, и вдоль него простирается суровая цепь Чимера Мала, или Акрокерауни. Древние боялись ее из-за бурь и потоков, которые стекали по ее склонам. Рядом с «Языком скал» (Linguetta), самым выдвинутым мысом этого побережья, у входа в Адриатическое море, часто возникают шквалы и перемены ветра. Это те самые «печально известные скалы», о которых упоминал римский поэт, на которых потерпело кораблекрушение не одно судно. Пролив, отделяющий в этом месте Турцию от Италии, имеет ширину всего 45 миль; его глубина составляет менее 100 сажень, и в какое-то время в прошлом эти две страны, возможно, были соединены перешейком.³³

Шкипетары, или албанцы, подразделяются на два основных племени или народа: тоски и геги, оба из которых, без сомнения, происходят от древних пеласгов, но во многих местах смешались со славянами, болгарами, румынами и, возможно, даже с другими народами; поскольку в то время как в некоторых племенах мы встречаем чистейшие эллинские типы, в других их члены отталкивающе уродливы. Геги являются самыми чистыми представителями своей расы и под различными племенными названиями занимают всю Северную Албанию вплоть до реки Шкумби. Территория тосков простирается от этой реки на юг. Диалекты этих двух народов сильно различаются, и жителю Акрокераунии нелегко понять мирдита или другого албанца с севера. Геги и тоски ненавидят друг друга. В турецкой армии их держат отдельно из-за опасений, что они могут подражаться, и когда среди них необходимо подавить восстание, турецкое правительство всегда использует эту племенную вражду и может быть уверено, что ему будут служить с рвением и яростью, которые вдохновляет ненависть.

АЛБАНЦЫ.

До периода миграции варваров вся западная Турция вплоть до Дуная была занята албанцами. Но затем они были оттеснены, и Албания была полностью оккупирована сербами и болгарами. Названия многочисленных населенных пунктов по всей стране

напоминают об этом периоде забвения, когда имя коренного народа даже не упоминалось историками. Но когда османы сломили силу сербов, албанцы вновь подняли голову и с тех пор продолжают посягать на своих славянских соседей. На севере они постепенно спустились в долину болгарской Моравы, а одна из их колоний даже проникла в независимую Сербию. Как воды поднимающегося океана, они захлестывают отдельные участки территории, все еще занятые сербами. Это продвижение албанцев в значительной степени объясняется добровольной эмиграцией сербов. Тысячи из них, во главе со своими патриархами, бежали в Венгрию, чтобы избежать господства турок, и албанцы заняли оставленные ими пустоши. Сербы по-прежнему удерживают свои позиции вблизи Акрокераунии, на берегах озера Охрида и на холмах, возвышающихся над роковой равниной Косово, где были убиты их предки, но постепенно они становятся албанцами по языку, религии и обычаям. Они называют себя турками, как и арнауты, и применяют название «сербы» только к христианам, проживающим за границей. С другой стороны, многие обычаи гегов удивительным образом совпадают с обычаями их славянских соседей, что доказывает, что произошло полное смешение двух рас.

Но в то время как албанцы завоевывают позиции на севере, они теряют их на юге. Большая часть жителей Южной Албании, хотя и несомненно пеласгического происхождения, являются греками по языку. Арта, Янина и Превеса — эллинизированные города, и только несколько мусульманских семей там все еще говорят на албанском языке. Почти вся территория между Пиндом и Адриатическим побережьем стала греческой с точки зрения языка, и во всей горной местности, простирающейся на запад до моря, жители являются «двуязычными», то есть говорят на двух языках. Например, знаменитые сулиоты, которые говорят на тоскском языке в кругу своей семьи, используют греческий язык в общении с посторонними. Везде, где две расы вступают в контакт, всегда албанцы берут на себя труд выучить греческий язык.

Это влияние эллинов тем сильнее, что оно встречает поддержку среди зинзаров, известных также как македо-валахи, «хромые» валахи или южные румыны, которые встречаются по всей стране. Эти зинзары являются родственниками румын Валахии и Молдавии и живут компактными группами только на двух склонах Пинда, к югу и востоку от озера Янина. Как и румыны Дуная, они, скорее всего, являются латинизированными даками. Они похожи на валахов по чертам лица, характеру и нраву и говорят на неолатинском языке, сильно смешанном с греческим. Зинзары в долинах Пинда в основном являются пастухами и иногда на месяцы уходят из своих деревень. Другие занимаются торговлей, демонстрируя высокую ручную ловкость и ум. Почти все каменщики Турции, за исключением тех, кто живет в крупных городах, являются зинзарами; один и тот же человек иногда возводит целый дом, выполняя по очереди работу архитектора, плотника, столяра и слесаря. Румыны из Пинда также считаются искусными ювелирами.

Они обладают большими деловыми способностями, и торговля во внутренних районах Турции почти полностью находится в их руках, как и торговля в приморских районах — в руках греков. Говорят, что валахи из Мецовой ранее находились под прямой защитой Порты, и каждый путешественник, будь то мусульманин или христианин, был обязан снимать подковы со своих лошадей перед тем, как покинуть их территорию, из опасения, что «он увезет с собой ком земли, который не принадлежит ему». Торговые дома, управляемые валахами из Пинда, встречаются в каждом городе Востока, и даже в Вене один из самых влиятельных банков был основан одним из них. За границей их обычно принимают за греков, и более состоятельные из них отправляют своих детей на обучение в Афины.

Окруженные мусульманами, зинзары из Пинда чувствуют необходимость примкнуть к какой-либо стране, благодаря которой они могли бы обрести свободу, и надеются на союз с Грецией. Только совсем недавно они научились рассматривать румын с севера и итальянцев как своих сородичей. Однако они не придают большого значения своей национальности и не стремятся к созданию отдельной расы. Нет сомнений, что на протяжении веков многие из этих македо-валахов стали эллинизированными. В средние века почти вся Фессалия была заселена зинзарами, и византийские авторы называют эту страну «Великой Валахией». Независимо от того, эмигрировали ли эти зинзары в Румынию, как полагают некоторые, или ассимилировались с греками, факт остается фактом: в настоящее время их не так много на восточных склонах Пинда. Тысячи румынских семей поселились в прибрежных городах Авона, Берат и Тирана, приняв ислам, но сохранив свой родной язык.

Если исключить этих зинзаров, греков Эпира, сербов и немногих османов, проживающих в крупных городах, остаются только полуварварские геге и тоски, социальное положение которых за три тысячи лет практически не изменилось. По своим манерам и образу мышления современные албанцы являются истинными наследниками древних пеласгов, и многие сцены, которые путешественник может увидеть среди них, переносят его в дни «Одиссеи». Г. фон Хан, который наиболее тщательно изучил шкипетаров, рассматривает их как настоящих дорийцев, чьи предки, возглавляемые Гераклидами, вырвались из лесов Эпира, чтобы завоевать Пелопоннес. Они так же мужественны, воинственны, любят господство и так же клановы, как и их предки. Их одежда также почти такая же, и белая туника (*фустанелла*), аккуратно застегнутая на талии, вполне напоминает древнюю *хламиду*. Геге, как и древние дорийцы, пристрастились к той таинственной страсти, которую историки древности, к сожалению, спутали с безымянным пороком и которая связывает мужчин с детьми чистой и идеальной любовью, в которой нет места чувствам.

Нет современного народа, о котором было бы записано больше поразительных актов храбрости, чем об албанцах. В XV веке у них был Скандербег, который, хотя арена его славы была более ограниченной, чем у его тезки из Македонии, едва ли уступал ему в гениальности и, безусловно, превосходил его в справедливости и доброте сердца. Или какой народ когда-либо превосходил в мужестве сулиотских горцев, среди которых не было ни одного старика, женщины или ребенка, просивших пощады у палачей Али-паши? Героизм этих сулиотских женщин, которые подожгли повозки с боеприпасами, а затем, взявшись за руки, бросились со скал или искали смерти в горных потоках, напевая свою похоронную песню, всегда будет выделяться в истории как поразительный факт.

К сожалению, эта доблесть у многих племен сопряжена с ужасающей жестокостью. Человеческая жизнь не ценится среди этих воинственных народов; кровь требует крови, а жертва — жертвы. Они верят в вампиров и призраков, и иногда стариков сжигают заживо по подозрению в том, что они могут убивать своим дыханием. Рабства не существует, но женщины находятся в состоянии подневольного труда; они считаются низшими существами, не имеющими ни прав, ни собственного мнения. Обычаи создают между полами более грозную преграду, чем стены и запертые двери в других местах. Девушке не разрешается разговаривать с молодым человеком; такой поступок считается преступлением, за которое ее отец или брат могут почувствовать себя обязанными наказать кровью. Родители иногда спрашивают мнение сына, когда собираются выдать его замуж, но никогда не спрашивают мнение дочери. Последнюю часто обручают еще в колыбели, а когда ей исполняется двенадцать лет, ее отдают молодому человеку, который приносит свадебное платье и сумму денег, установленную обычаем и составляющую в среднем двадцать

шиллингов. С этого момента он становится абсолютным хозяином своей невесты, хотя и не без предварительной инсценировки похищения, как это принято почти во всех древних народах. Бедная женщина, проданная таким образом как рабыня, обязана работать на своего мужа. Она является его экономкой и работницей, и народные поэты сравнивают ее с «вечно активной челночной», в то время как отец семьи сравнивается с «величественным бараном, идущим во главе стада». Однако женщина, несмотря на то, что ее презирают и она измучена тяжелым трудом, может путешествовать по всей стране, не опасаясь оскорблений, а жизнь несчастного, который поместился под ее защиту, считается священной.

Семейные узы очень сильны среди албанцев. Отец сохраняет права суверенного господина до глубокой старости, и пока он жив, заработки его детей и внуков принадлежат ему. Часто этот коммунизм продолжается и после его смерти, когда его место занимает старший сын. Потеря члена семьи, особенно молодого человека, вызывает страшные рыдания среди женщин, которые часто падают в обморок и даже теряют сознание. Но смерть людей, достигших естественного предела человеческой жизни, почти не оплакивается. Потомки одного предка никогда не теряют из виду свое происхождение. Они образуют кланы, называемые *фис* или *фарас*, которые прочно связаны между собой для целей обороны или нападения, или для достижения общих интересов. Братство по выбору известно среди албанцев, а также среди сербов и других древних народов, и его узы так же крепки, как и кровные. Молодые люди, желающие стать братьями, связывают себя торжественными клятвами в присутствии своих семей и, вскрыв вену, пьют кровь друг друга. Потребность в этих семейных узах ощущается в Албании настолько сильно, что молодые люди, выросшие вместе, часто остаются едиными на всю оставшуюся жизнь, образуя регулярное сообщество, имеющее свои дни собраний, свои праздники и общую казну.

Но, несмотря на эти семейные объединения и кланы, несмотря на восторженную любовь, которую албанцы испытывают к своей родине, между различными племенами нет политической сплоченности. Физические условия страны, не меньше, чем несчастная страсть к войне, рассеяли их силы и, следовательно, лишили их возможности сохранить свою независимость. Религиозная вражда между мусульманами и христианами, греками и римскими католиками, способствовала тому же результату.

Обычно считается, что большинство албанцев являются мусульманами. Когда турки стали хозяевами страны, самые отважные из них бежали в Италию, а большая часть оставшихся племен была вынуждена принять ислам. Кроме того, многие вожди приняли ислам, чтобы под предлогом ведения священной войны продолжать свою разбойничью жизнь. Это объясняет тот факт, что аристократия страны в большинстве своем является мусульманской и владеет землей. Христианский крестьянин, который ее возделывает, номинально является свободным человеком, но на самом деле он находится на милости своего господина, который держит его на грани голода. Однако эти албанские мусульмане скорее фанатичные воины, чем религиозные фанатики, и многие из их обрядов, особенно те, которые связаны с их родной землей, ничем не отличаются от обрядов их христианских соотечественников. Они были обращены в ислам, но не убеждены в нем, и цинично говорят о себе, что «их меч там, где их вера».

Во многих районах обращение в христианство было лишь номинальным, и ревностные христиане продолжали тайно отправлять свои богослужения. Многие мусульмане из этого класса вернулись к вере своих отцов, как только терпимость правительства позволила им это сделать. Что касается воинственных горных кланов, мирдитов, сулиотов и акрокераунов,

то им не было нужды подчиняться воле турок, и они остались греческими или римскими христианами. Граница между гегесами и тосками примерно совпадает с границей между этими двумя конфессиями: римские католики живут к северу от Шкумби, а православные греки — к югу от реки. Эллины и зинзары в Южной Албании являются православными греками. Ненависть между этими двумя конфессиями христиан очень сильна, и это является основной причиной, по которой албанцы не смогли восстановить свою независимость, как это сделали сербы.

Южная Албания и Эпир имели феодальные институты до конца прошлого века. Вожди кланов и полунезависимые турецкие паши жили в крепких замках, расположенных на скалах, откуда они время от времени спускались вниз, сопровождаемые группами слуг. Война велась постоянно, а собственность непрерывно переходила из рук в руки в зависимости от удачи в бою. Али Страшный из Янины положил конец этому положению дел. Он привел всех, высоких и низких, к одному уровню рабства, и теперь центральное правительство обладает властью, которую раньше осуществляли лорды и главы семей.

Если мы хотим познакомиться с социальными условиями, напоминающими средневековые, нам нужно отправиться к независимым племенам Северной Албании. Пересекая Матис, мы сразу замечаем изменения. Все ходят вооруженными; пастухи и рабочие носят карабины на плече; даже женщины и дети носят пистолеты за поясом. Семьи, кланы и племена имеют военную организацию и в любой момент готовы выйти на поле боя. Пропавшая овца в стаде, оскорбление, нанесенное в порыве страсти, могут привести к войне. Не так давно черногорцы были самыми частыми нарушителями мира, поскольку, запертые в своих бесплодных горах, они часто были вынуждены становиться разбойниками, чтобы прокормиться, и обкладывали налогами поля своих соседей. Турки всегда подпитывали эту вражду между албанцами и черногорцами. Они вознаграждают военные заслуги племен пограничных кланов, освобождая их от налогов и позволяя им управлять собой в соответствии со своими собственными законами. Если коснуться этих привилегий, они объединятся со своими извечными врагами из Черных гор.

Мирдиты являются типичным примером независимых племен Северной Албании. Они населяют высокогорные долины к югу от ущелья Дрина и, хотя их численность едва достигает 12 000 человек, благодаря своей воинственной доблести они оказывают огромное влияние на всю западную Турцию. Доступ к их стране возможен только через три труднопроходимых ущелья, и они контролируют дороги, по которым турецкие войска должны следовать, когда ведут операции против черногорцев. Высокая порта, хорошо понимая, как трудно будет подчинить этих грозных горцев, пытается привлечь их на свою сторону, осыпая их почестями и предоставляя им полное самоуправление. Мирдиты, со своей стороны, хотя и являются христианами, всегда сражались самым доблестным образом в рядах турецкой армии, в Греции и Морее, а также против своих соотечественников-христиан из Черногории. Они объединены в три «знамени» горных и два равнинных, а в военное время к ним присоединяются пять знамен Леша, или Алессио. Знамя знаменитого клана Орош имеет приоритет над всеми остальными.

Страна мирдитов управляется олигархией, наследственным главой которой является князь или паша Ороша. Однако его власть является лишь номинальной, поскольку на самом деле страной управляет совет, состоящий из старейшин (*vecchiardi*) деревень, делегатов знамен и глав кланов. Деятельность этого совета регулируется древними традициями. Женщин забирают силой у врага, поскольку члены пяти знамен считают друг друга родственниками, и мусульманские девушки из деревень в низинах без особого страха ждут,

когда их унесут воины мирдитов. *Вендетта* осуществляется неумолимо, и кровь требует крови. Нарушение гостеприимства наказывается смертью. Прелюбодейка закапывается под кучей камней, а ее ближайший родственник обязан доставить голову ее соучастника обиженному мужу. Не нужно говорить, что уровень образования среди этих дикарей очень низкий. Здесь нет школ, и в 1860 году едва ли пятьдесят христиан из страны мирдитов и района Леш умели читать. Тем не менее, сельское хозяйство находится в относительно развитом состоянии. Долины бесплодных гор возделываются с определенной тщательностью и дают более качественные урожаи, чем плодородные равнины, населенные ленивым населением.

Странным образом, эти прямые потомки древних пеласгов, которым мы обязаны зарождением цивилизации в Европе, по-прежнему входят в число самых диких народов нашего континента. Но и они со временем должны поддаться влиянию своего окружения. До недавнего времени эпироты и южные скипетары покидали свою страну только для того, чтобы вести легкую, но унижительную жизнь наемников. В прошлом веке молодые люди из Акрокераунии продавали себя королю Неаполя, чтобы войти в его полк «Королевских македонцев»; и даже в наши дни не только мусульмане, но и христиане-тоски поступают на службу к пашам и беям. Этих людей, известных как арнауты, можно встретить в самых отдаленных уголках империи — в Армении, Багдаде и Аравии. По истечении срока службы большинство этих ветеранов уходят на покой в поместья, предоставленные им правительством, что объясняет большое количество арнаутских деревень, встречающихся во всех частях империи.

Но сейчас войны стали менее частыми, жизнь наемника предлагает меньше преимуществ, и с каждым годом все больше албанцев покидают свою страну, чтобы зарабатывать на жизнь честным трудом за границей. Подобно швейцарцам из кантона Гризонс, многие скипетары в начале зимы спускаются с гор, чтобы работать за плату на равнинах. Большинство из них весной возвращаются в свои горные дома, обогатившись заработком, но есть и такие, которые остаются за границей на годы или никогда не возвращаются. Горцы Эпира и Южной Албании, по-видимому, хорошо понимают преимущества разделения труда, и каждая горная долина славится каким-то особым ремеслом. Одна долина дает мясников, другая — пекарей, третья — садовников. Деревня недалеко от Аргирокастро поставляет в Константинополь большинство своих колодезных мастеров. Район Загори, возможно, родина древних Асклепиадов, посылает своих врачей, или, вернее, «костоправ», во все города Турции. Многие из этих эмигрантов, когда становятся богатыми, возвращаются на родину, где строят себе красивые дома посреди бесплодных гор, и эти дома занимают место старых феодальных башен, которые были построены исключительно в оборонительных целях.

БОГАТЫЕ АРНАУТЫ.

Таким образом, албанцы увлекаются общим движением прогресса, и если они однажды войдут в общую жизнь Европы, мы можем ожидать, что они будут играть заметную роль, поскольку они обладают проницательным умом и сильным характером. Албанцы

пользуются преимуществом легкого доступа к морю, но до сих пор они извлекали из этого лишь небольшую выгоду, не только из-за нестабильной обстановки в стране и отсутствия дорог, но и из-за аллювиальных отложений, образованных реками, и малярии в болотах. Тем не менее, даже с учетом всех этих недостатков, они едва ли могут объяснить почти полное отсутствие морского судоходства. Трудно представить, что эти эпироты и геги принадлежат к той же расе, что и гидриотские корсары, которые во время войны за независимость Греции выводили целые флотилии на воды архипелага и до сих пор занимают первое место среди греческих моряков. Порты Албании — Антивари, Порто Медуа (один из самых безопасных на Адриатике), Дураццо, Авона, Парга (затерянная в лесу цитрусовых деревьев) и даже крепкая Превеса, окруженная более чем ста тысячами оливковых деревьев, — могут похвастаться лишь незначительной торговлей, и две трети ее осуществляется на австрийских судах из Триеста. За исключением акрокераунов и жителей Дульчиньо, который является портом Скутари, ни один мусульманин-албанец не отваживается выходить в море, даже в качестве рыбака. Несмотря на плодородие почвы, экспортных товаров практически нет. Рудники страны не разведаны, сельское хозяйство находится в крайне отсталом состоянии, а в Эпире практически не известно никакой промышленности, кроме разведения овец и коз.

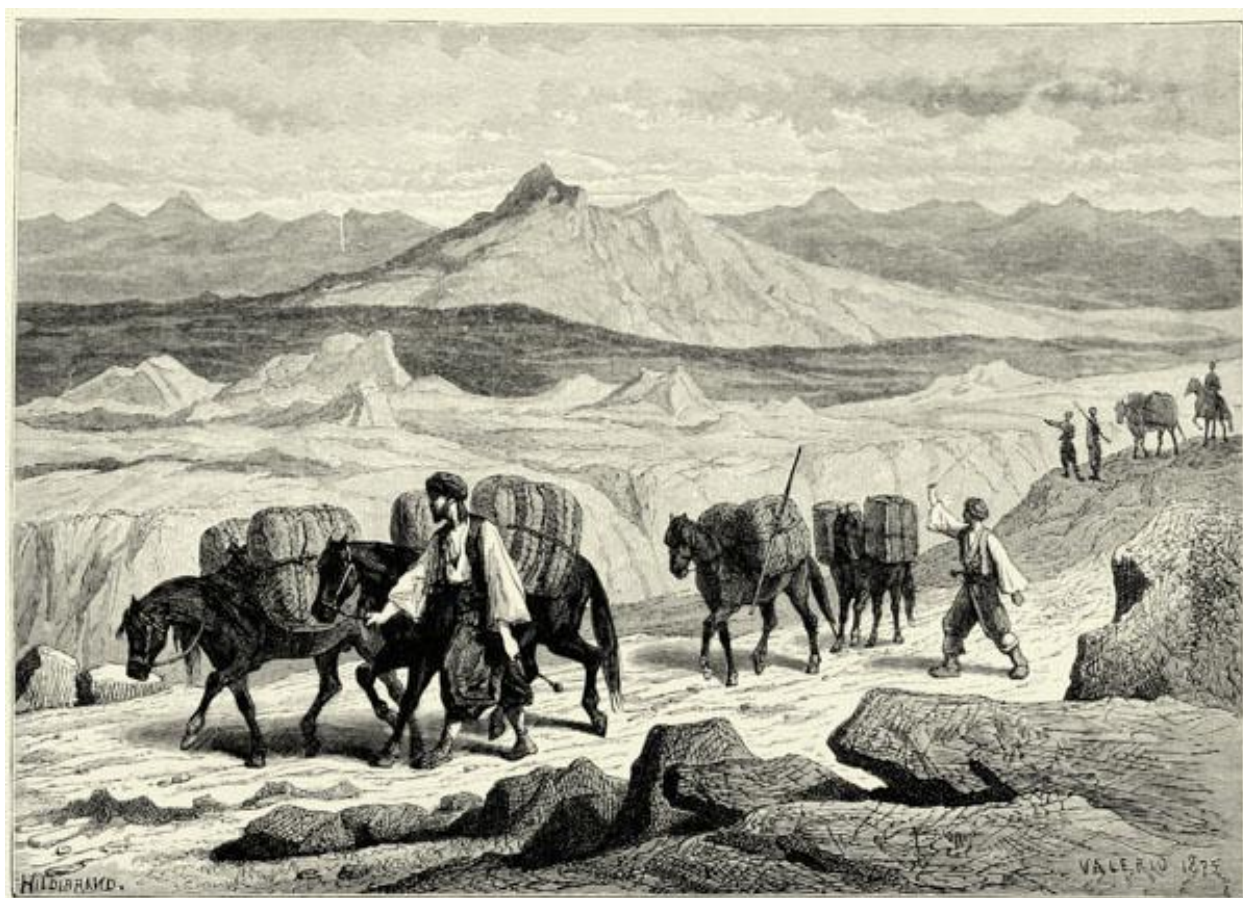
Во времена римлян эти земли были столь же заброшенными. Был один великолепный город, Никополис, построенный Августом на мысе к северу от современной Превесы в память о своей победе при Акциуме. Единственным другим важным городом был Диррахиум, называемый итальянцами Дураццо. Он был конечной точкой Виа Эгнатия, которая пересекала весь Балканский полуостров с запада на восток и составляла великую магистраль между Италией и Востоком. Авлона может однажды претендовать на место древнего Дуррахия. Ее географическое положение превосходит положение Дураццо, поскольку она находится ближе к Италии, а ее глубокая и безопасная гавань защищена островами Сусено и Лингетта-д'Акрокерауния.

В настоящее время вся торговля страны сосредоточена в Скутари и Янине, а также в некоторых других городах внутренних районов. Наиболее значительными из них являются Пришренд, расположенный у подножия Скара, чьи дворяне гордятся своими роскошными нарядами и прекрасным оружием; Ипек (Печ), Приштина, Яковица (Якова) в северо-восточной части страны, на дорогах, ведущих из Македонии в Боснию. Ближе к побережью находятся Тирана, Берат и Эльбасан, древний Албанон, чье название напоминает название всей страны. Гьорча (Корица), к югу от Охридского озера, также является местом активной торговли благодаря своему расположению на дороге, соединяющей Адриатическое и Эгейское моря. Скутари и Янина занимают места у подножия гор, чьи природные преимущества не могли не привлечь многочисленное население. Янина, столица Эпира, является более живописным из этих двух городов. Она расположена на берегу красивого озера, напротив нескольких тяжелых массивов Пинда, но в поле зрения гор Греции, которые имеют «светло-серый цвет, сверкающий, как шелковая ткань». Во времена Али-паши Янина стала столицей империи, и ее население тогда превышало население Скутария. Но сейчас последний вновь обрел свое превосходство. Он расположен в прекрасном месте, и дороги из Дуная и Эгейского моря, из Нижнего Дрина и Адриатики сходятся в нем. Скутари, или Шкодра, — первый восточный город, который встречает путешественник, прибывающий из Италии, и первое впечатление, производимое его многочисленными садами, окруженными высокими стенами, его пустынными улицами и неровными зданиями, достаточно любопытно. Даже спустя долгое время после входа в город путешественник будет

оставаться в неведении относительно его местонахождения. Но пусть он поднимется на вершину известняковой скалы, увенчанной старинным венецианским замком Росафа, и перед его глазами откроется великолепная панорама. Купола Скутари, его двадцать минаретов, изумрудная зелень равнины, окружающий амфитеатр гор фантастических форм, извилистые воды Бояны и Дрина и спокойная поверхность озера, сверкающая на солнце — все это вместе создает зрелище редкой великолепия. Для того, чтобы эта картина была идеальной, не хватает только моря, но, хотя оно и близко, его не видно.^{[34](#)}

Босния, расположенная в северо-западной части Турции, является Швейцарией европейского Востока, но это Швейцария, горы которой не достигают зоны вечных снегов и льдов. Во многих отношениях горные хребты Боснии и ее южной провинции Герцеговины напоминают Юрские горы. Они также состоят в основном из известняка и поднимаются параллельными хребтами, увенчанными местами острыми гребнями. Как и последовательные хребты Юры, они имеют неодинаковую высоту и в целом выглядят как плато, пересеченное параллельными бороздами и плавно наклоняющееся в одном направлении. Самая высокая цепь Северной Боснии — это та, которая отделяет ее от побережья Далмации, а менее высокие хребты, идущие параллельно ей, постепенно снижаются в высоте к северо-востоку, в направлении равнин Савы.

Породы, не принадлежащие к юрской системе, такие как кристаллические сланцы, доломиты, третичные отложения и серпентин, встречаются в различных местностях и придают некоторое разнообразие орографическим особенностям Боснии. Несколько кратерообразных впадин на востоке и юго-востоке отделяют горы Боснии от горных массивов Сербии. Наиболее примечательной из этих равнин является равнина Нови-Базар, в которую впадают многочисленные потоки и которая контролирует дороги, расходящиеся в разных направлениях. Это стратегический ключ страны, и по этой причине она предназначена стать важным железнодорожным узлом.

ТУРЕЦКИЕ ВОЛИНЦЫ В ГЕРЦЕГОВИНЕ.

Почти все горные хребты, проходящие от Карниолы и Австрийской Хорватии в Боснию, увеличиваются в высоте по мере продвижения к центру полуострова. Отбеленная пирамида Дурмитора, близ северной границы Черногории, достигает высоты почти 8000 футов, а окружающее ее плато изрезано глубокими впадинами, некоторые из которых, как желоба Герцеговины, открываются в одном направлении, а другие полностью закрыты склонами. Проклетья, или «проклятая» гора, еще дальше к юго-востоку, поднимается на еще более значительную высоту и составляет один из самых грозных горных массивов всей Турции. Ее центр занимает огромная впадина, дно которой покрыто озером Плава. Даже летом на некоторых горах, окружающих эту бездну, можно увидеть пятна снега. Но гора Ком, самая высокая из всех, никогда не сохраняет свою снежную шапку в течение всего года, так как она тает под воздействием горячих африканских ветров, которым она подвергается. Гора Ком, возможно, является самой высокой точкой Балканского полуострова. Она, безусловно, является одной из самых высоких вершин, и ее двойной пик, возвышающийся над плато Черногории, виден издали морякам, плавающим по Адриатике. На нее поднимались несколько путешественников, поскольку ее склоны пологие.³⁵

Реки Боснии, как и реки Юры, текут между параллельными горными хребтами в северо-восточном направлении, следуя бороздам, проложенным для них природой. Но эти известковые горные валы Боснии, как и валы Юры, разбиты узкими ущельями, или *клязами*, через которые скопившиеся воды находят путь из борозды в борозду. Вместо того чтобы течь извилистым курсом, как большинство рек, протекающих по равнине, эти реки Боснии переходят из долины в долину резкими изгибами. Поочередно пологие и бурные, они постепенно достигают нижних районов и в конце концов впадают в Саву. Только одна река, Нарента, впадает в Адриатическое море; все остальные, в соответствии с общим уклоном местности, текут в направлении Дуная. Эти речные долины с их резкими поворотами могли бы служить естественными дорогами для достижения плато, если бы большинство ущелий не было чрезвычайно труднодоступным; и до тех пор, пока не будут построены регулярные дороги, как в ущельях Юры, путешественники вынуждены преодолевать крутые подъемы, чтобы переходить из долины в долину. Именно отсутствие проходимых дорог делает военные операции в Боснии такими трудными и опасными.

Великие армии всегда оставались к востоку от упомянутых горных массивов, переходя из долины Вардара в долину Моравы, источники которых почти смешивают свои воды. В этой местности мы встречаем русло древнего озера, через которое протекает Ситница, один из верхних притоков сербской Моравы: это равнина Косово, «поле черных птиц», которое напоминает всем южным славянам о болезненных событиях. Именно там в 1389 году пали сербы, и, если верить древним героическим песням, более 100 000 человек погибли в один день. Прошло пятьсот лет с момента этой великой катастрофы, но славяне никогда не переставали надеяться на день мести и с нетерпением ждут того момента, когда на этом самом поле они смогут вернуть утраченную независимость.

Сходство между горами Боснии и Юры дополняется наличием гротов, карстовых воронок и подземных рек. Карстовые воронки диаметром от 60 до 100 футов, имеющие форму воронки, встречаются во многих местах. Несколько рек внезапно появляются у подножия холма и, протекая несколько миль, снова исчезают под каким-нибудь порталом в скалах. Особенно много явлений такого рода на плоскогорье Герцеговины. Земля там пронизана «воронками» или *понорами*, которые поглощают воду, полученную в результате осадков. «Слепые долины» и «корыта» повсюду представляют собой следы водных потоков и временных озер, а после сильных дождей подземные бассейны иногда поднимаются на

поверхность, и река тогда некоторое время течет по долине. Однако, как правило, жители вынуждены собирать необходимую им воду в цистернах или добывать ее с больших расстояний. В других местах гидрография страны подвержена ежегодным изменениям. Озера, которые все еще фигурируют на наших картах, осушаются через подземные проходы, открытые совсем недавно; другие озера образуются в результате того, что некоторые проходы, которые раньше отводили поверхностные воды, забились аллювием. В мире, вероятно, нет более любопытной реки, чем Требинишница в Западной Герцеговине. Она появляется и исчезает много раз. Одно из ее рукавов, то текущее по поверхности, то под землей, пересекает равнины Котеси, то засушливую равнину, то озеро, изобилующее рыбой, и впадает в Наренту. Другие рукава проходят под горами и вытекают у берегов Адриатического моря. Один из самых известных из этих источников — Омбра, который впадает в залив Гравоса, к северу от Рагузы.

Рис. 37. — ПОДЗЕМНЫЕ КОРОТЫ ПРИТОКОВ НАРЕНТЫ.
Масштаб 1 : 1 925 000.

«Там, где заканчиваются скалы и появляются деревья, начинается Босния». Так говорили далматинцы в прежние времена. Но многие части Боснии теперь утратили свою зеленую одежду. Настольные равнины Герцеговины и Черногории, не меньше, чем Далмация, были лишены своих лесов, но сама Босния по-прежнему остается страной лесов. Почти половина ее территории покрыта лесами. В долинах деревья почти исчезли, поскольку фермеры из « » могут беспрепятственно пользоваться топором, но в девственных лесах гор деревья по-

прежнему растут в изобилии. В этих великолепных лесах встречаются основные породы деревьев Европы: ореховые, каштановые, липы, клёны, дубы, буки, ясенники, березы, сосны, ели и лиственницы. К сожалению, австрийские спекулянты пользуются дорогами, которые начинают открывать внутренние районы страны, чтобы опустошать эти леса, которые следует сохранять с величайшей осторожностью. Пение птиц редко слышно в этих мрачных лесах, но в них в изобилии водятся дикие животные. Они дают приют медведям, кабанам и оленям, а количество волков настолько велико, что их шкуры являются одним из важнейших предметов боснийской торговли. В целом Босния входит в число самых плодородных стран Европы, и немногие регионы превосходят ее по красоте сельских пейзажей. В некоторых частях страны, особенно вблизи Савы, по дубовым лесам бродят большие стада почти диких свиней. Отсюда и происходит прозвище «страна свиней», которое турки насмешливо дали Боснии.

За исключением евреев, цыган и нескольких османских чиновников, солдат и купцов в крупных городах, все население страны принадлежит к славянской расе. Жители Краины, недалеко от австрийской границы, называют себя хорватами, но они почти не отличаются от боснийских сербов и райцев древней Рашии, ныне известной как санджак Нови-Базар. На классической почве Рашии зародилась большая часть тех любимых *ниес*, или народных песен, в которых южные славяне запечатлели свои национальные традиции. Герцеговинцы в некоторых отношениях отличаются от своих боснийских сородичей. Они являются потомками иммигрантов, прибывших с берегов Вислы в VII веке. Как и их соседи черногорцы, они более разговорчивы, чем собственно сербы, и используют многочисленные своеобразные обороты речи и несколько итальянских слов, которые проникли в их язык.

Хотя большинство боснийцев принадлежат к одной расе, они разделены религиозной враждой, которая и является причиной их политического рабства. На первый взгляд может удивлять, что славяне Боснии не смогли сбросить турецкое иго, как их соплеменники из Сербии. Их страна находится дальше от столицы и гораздо менее доступна, чем Сербия. Армия-завоеватель, идущая с юга, должна не только преодолеть многочисленные ущелья, но и бороться с климатом, который гораздо суровее, чем на остальной части Балканского полуострова. Но, несмотря на эти большие природные преимущества с точки зрения обороны, все восстания до сих пор заканчивались плачевно. Причину этого не нужно искать далеко: христиане и мусульмане Боснии находятся в состоянии вражды, а сами христиане разделены на греков, которых возглавляют их *папы*, и римлян, которые слепо следуют своим францисканским священникам. В своем разделенном состоянии они становятся легкой добычей для своих угнетателей, а рабство развратило их характер.

Мусульмане Боснии называют себя турками, но тем не менее они славяне, как и их христианские соотечественники, и, как и они, говорят на сербском языке с большим примесью турецких слов. Они являются потомками дворян, которые в XV и XVI веках приняли ислам, чтобы сохранить свои феодальные привилегии. В их рядах также есть потомки разбойников, которые сменили религию, чтобы иметь возможность продолжать свое ремесло, не опасаясь наказания. Это вероотступничество дало феодалам еще большую власть над своими несчастными подданными, чем они имели раньше. Ненависть к касте усилилась религиозной враждой, и вскоре они превзошли по фанатизму мусульманских турок и превратили христианское крестьянство в настоящее рабство. До сих пор рядом с одними из ворот Сараево показывают дикую грушу (), на которой знатные люди иногда вешали несчастных раев для своего развлечения. Будь то беи или спахи, эти мусульмане-боснийцы являются самым отсталым элементом старой Турции, и в нескольких случаях, как

в 1851 году, они даже поднимали восстания, чтобы сохранить свои древние феодальные привилегии. Сараево, как мусульманский город, находилось под особой защитой матери султана и обладало самыми экстравагантными привилегиями, что превратило его в государство в государстве, более враждебное христианству, чем сама Высокая Порты.

Даже в наши дни боснийские мусульмане владеют гораздо большей частью земли, чем им полагается. Страна разделена на *спахилики*, или мусульманские феодальные владения, которые, в соответствии со славянским обычаем, передаются неделимо всем членам семьи. Последние выбирают своим главой самого пожилого или самого доблестного из своих членов. Христианские крестьяне вынуждены работать на эти мусульманские общины; и, хотя они больше не являются крепостными, на них ложится основная тяжесть налогов и других расходов. При таких обстоятельствах естественно, что христиане Боснии избегают занятий сельским хозяйством, чтобы посвятить себя торговле, и почти вся торговля находится в руках христиан Герцеговины и их единоверцев из Славонской Австрии. Испанские евреи образуют общины в крупных городах, где они занимаются своей обычной коммерческой деятельностью и ссужают деньги под материальные залоги. Они по-прежнему разговаривают между собой на испанском языке и никогда не упоминают без эмоций название страны, которая отправила их в изгнание.

Число мусульман едва превышает одну треть от общей численности населения Боснии, и, как говорят, оно остается неизменным или даже уменьшается, в то время как более плодотворные христиане увеличиваются в численности.³⁶

В остальном боснийцы, несмотря на различия в религиозных верованиях, обладают теми же природными дарами, что и их сербские сородичи, и, какая бы судьба ни ждала их, в конце концов они поднимутся на тот же уровень интеллекта. Они откровенны и гостеприимны, храбры в бою, трудолюбивы, бережливы, склонны к поэзии, верны как друзья и верны как любовники. Брачные узы уважаются, и даже мусульмане отвергают полигамию, разрешенную Кораном. В Герцеговине женщины пользуются большой свободой, и во многих деревнях даже есть задние двери в дома, чтобы они могли болтать с соседями, не выходя на улицу. В Северной Боснии, однако, мусульманские женщины плотно закутываются в белые льняные простыни и едва могут видеть несколько шагов перед собой. Но, несмотря на эти хорошие качества, среди христиан и мусульман существует поразительное количество варварства, невежества, суеверий и фанатизма. Непрекращающиеся войны, тирания с одной стороны и рабство с другой, огрубил их нравы. Отсутствие дорог, обширные леса и крутые горы сделали их недоступными для цивилизационного влияния. Школ практически нет, а те немногие монастыри, которые заменяют их, мало чем помогают, поскольку сами монахи погрязли в невежестве, а их ученики в лучшем случае учатся петь несколько гимнов. Кроме того, огромное потребление *сливовицы* подрывает здоровье людей и деморализует их. По оценкам, каждый босниец — мужчина, женщина или ребенок — выпивает ежегодно не менее тридцати четырех пинт этого отвратительного сливового бренди.

Может вызвать удивление, что в такой суровой стране существуют оживленные города, но природные ресурсы Боснии настолько велики, что несомненно возникла определенная местная торговля. Будучи изолированными, боснийцы вынуждены полагаться на свои собственные ресурсы. Они сами мелют муку, производят оружие, ткани и железные орудия труда, а обмен этими товарами привел к развитию торговли в городах, наиболее благоприятно расположенных в качестве торговых центров, главными из которых являются Сараево, или Босна Серай, и Травник, древняя столица страны, живописно расположенная у подножия старинного замка. Банялука, соединенная с Австрией железной дорогой, ведет

некоторую торговлю с Хорватией; Тузла добывает соль из своих обильных соляных источников; Зворник, охраняющий границу Сербии, также ведет некоторую торговлю с этой страной; Нови-Базар имеет торговые отношения с Албанией; Мостар и Требинье импортируют некоторые товары из Далмации. Однако население этих городов привлекает не только торговля и промышленность, но и небезопасность страны. За исключением соседней Албании и полярных регионов Скандинавии и России, ни одна часть Европы не посещается иностранцами так редко, и эта изоляция прекратится только тогда, когда предлагаемая международная железная дорога соединит ее с Салониками и Константинополем.^{[37](#)}

VI. — БОЛГАРИЯ.

Центральное плато Турции по-прежнему остается одной из наименее известных стран Балканского полуострова, хотя оно пересекается крупными магистралями, соединяющими Фракию с Боснией и Македонию с Дунаем. Это плато, известное древним как Верхняя Мезия, представляет собой обширную гранитную плоскость, поднимающуюся на среднюю высоту 2000 футов. Его поверхность разнообразна благодаря нескольким *планин*, или горным цепям, относительно небольшой высоты, и куполам трахита, остаткам древних вулканов. Его многочисленные впадины раньше были заполнены водой, и контуры древних озер все еще можно проследить. Они были постепенно заполнены аллювием или осушены реками. Наиболее примечательные из этих древних озерных бассейнов в настоящее время представлены плодородными равнинами Ниша, Софии и Ихтимана.

Рис. 38. — ГОРА ВИТОШ И ЕЕ ОКРЕСТНОСТИ.
По данным Ф. фон Хоштеттера. Масштаб 1 : 1 058 000

Великолепная сиенитовая и порфировая горная группа Витош образует восточный бастион Моеского плато. Непосредственно к востоку от него глубокая долина Искера прорезает всю Балканскую гору и, пересекая Софийскую равнину, течет в направлении

Дуная. Верхняя долина этой реки и упомянутая равнина образуют истинный географический центр европейской Турции. От Софии расходятся некоторые из самых важных дорог полуострова: одна ведет через долину Искера к Нижней Дунаю, другая — по долине Моравы в Сербию, третья — через Марицу в Фракию, а четвертая — по Струме в Македонию. Говорят, что Константин Великий, пораженный этими важными природными преимуществами Софии, которая тогда называлась Сардикой, подумал о том, чтобы сделать ее столицей своей империи.

ТИРНОВА.

Турки применяют название «Балканы» ко всем горным хребтам полуострова, но географы ограничивают этот термин древним Эмусом. Этот горный вал начинается к востоку от бассейна Софии. Он не образует регулярную цепь, а скорее представляет собой возвышенную террасу, плавно спускающуюся в направлении Дуная, в то время как к югу он имеет крутой склон, создавая впечатление, будто плато на этой стороне внезапно опустилось на более низкий уровень. Следовательно, Балканы выглядят как цепь только при взгляде с юга. Но даже там их контуры лишь слегка волнистые; нет ни крутых выступов, ни скалистых пирамид, и преобладающим характером являются длинные горные хребты. Порфиновая горная группа Чатал, возвышающаяся к югу от главной цепи, является единственным исключением из этой мягкости контуров. Хотя она уступает по высоте вершинам Балкан, ее крутые обрывы, изрезанные гребни и хаотичные скальные массивы поражают взгляд, и контраст между этой массой изверженных пород и пологими склонами окружающих ее известняковых холмов очень велик.

Северные склоны Балкан настолько однообразны, что во многих местах путешественник может достичь гребня, не увидев гор. Когда леса исчезнут с Балкан, эти волнистые склоны лишатся своего главного очарования, но пока леса украшают их, как сейчас, эта местность

останется одной из самых прекрасных в Турции. По каждой долине текут ручьи, окаймленные пастбищами, столь же ярко-зелеными, как и альпийские; деревни построены в тени буков и дубов; и повсюду природа улыбается. Но равнины, простирающиеся до Дуная, бесплодны, и порой на них не видно ни одного дерева. Жители, лишенные древесины, используют в качестве топлива коровьи экскременты, высушенные на солнце, и роют себе ямы в земле, где ищут защиты от зимних холодов.

Ядро Балкан, между бассейнами Софии и Сливно, состоит из гранита, но террасы, спускающиеся к Дунаю, представляют все геологические формации, от метаморфических до самых молодых пород. Меловые отложения занимают самую большую площадь в Болгарии, и реки, берущие начало в горах, пересекая их, образуют живописные долины и ущелья. Каждую из этих долин защищают древние крепости, а города были построены там, где они выходят на равнину. Тирново, древняя столица болгарских царей, является самым замечательным из этих старинных оборонительных сооружений. Река Янта, выходя из гор, извивается здесь причудливым образом; крутые скалы образуют амфитеатр, в центре которого возвышаются две отвесные изолированные скалы, ранее увенчанные стенами и башнями. Дома города построены на склонах, а его пригороды простираются у подножия скал.

На северных склонах Балкан было замечено необычное совпадение. Возвышенные горные седловины, гребни второстепенных цепей, геологические образования, разломы, которые приводят к изгибам рек, и даже сама Дунай, все следуют в одном направлении, с запада на восток. В результате каждая из параллельных долин, спускающихся с Балкан, имеет схожие черты; население распределено одинаково, а города занимают аналогичные положения. Единственным исключением из этого правила является долина Лом, направленная на северо-запад. Она впадает в Дунай в Рустчуке, а ее зеленые сады и огороды окружены ослепительно белыми меловыми скалами высотой около 100 футов.

Симметрия Северной Турции была бы почти полной, если бы не отдельные засушливые холмы Добруджи, которые заставляют Дунай делать широкий обход на север. Возвышаясь над низкой и болотистой дельтой Дуная, эти холмы кажутся гораздо выше, чем они есть на самом деле. На самом деле их высота не превышает 1650 футов. Возможно, что в какой-то очень далекой геологической эпохе Дунай протекал к югу от этих холмов, через впадину, которая была использована для строительства первой турецкой железной дороги. Траян, опасавшийся, что готы могут закрепиться в этом отдаленном уголке Римской империи, построил здесь одну из тех линий укреплений, которые известны во всех странах Нижнего Дуная как стены Траяна. Остатки стен, рвов и фортов все еще можно увидеть вдоль берегов болот и на возвышенностях, возвышающихся над ними. Эта страна Добруджа — «дикая гиперборейская область», где Овидий, изгнанный из Рима, оплакивал величие столицы. Порт Томи, место его изгнания, — это современный Кустендже.

К северу от Бургасского залива, который является самой западной оконечностью Черного моря, возвышаются красивые порфиновые горы, заканчивающиеся великолепным мысом Эмине. Их иногда описывают как восточное продолжение Балкан (), но это ошибочно, поскольку древний озерный бассейн Карнабат, по которому теперь проходит железная дорога, отделяет их от системы Эмуса. Гранитные плато и горы Тунджа и Странджа, возвышающиеся над широкой равниной Фракии на севере, также являются отдельными горными хребтами. Южный Балканский хребет, по сути, не имеет ответвлений или островов, за исключением запада, где горы Ихтиман и Самаков, богатые железной рудой и термальными источниками, а также другие поперечные цепи соединяют его с горным

массивом Родопы. Верхняя часть бассейна реки Марица, заключенная между Балканами и Родопами, имеет форму удлинённого треугольника, вершина которого, направленная к равнине Софии, указывает на точку соединения двух систем. Вся эта треугольная впадина с ее боковыми ответвлениями ранее была занята озерами, которые теперь превратились в удивительно плодородные низины. Перевалы вблизи вершины этого треугольника являются, естественно, точками, имеющими наивысшее стратегическое и коммерческое значение. Через один из них, до сих пор отмеченный древними укреплениями и известный как Ворота Траяна, пролегла старая римская дорога, и там же, в настоящее время, строится железная дорога, которая будет пересекать вершину между двумя склонами полуострова. Это настоящие «ворота Константинополя», и с самых давних времен народы сражались за их владение. Многочисленные курганы, разбросанные по соседним равнинам, свидетельствуют о многих кровопролитных сражениях.

Отроги Родопских гор перемешиваются с отрогами Балканских гор, и самый низкий перевал, разделяющий их, все еще превышает 3000 футов в высоту. Рило-Даг, самый высокий горный массив Родопских гор, смело возвышается на их северной оконечности и, по выражению Барта, образует лопатку соединения. Его высота составляет 9580 футов. Она возвышается далеко за пределы лесного пояса, и ее зубчатые вершины, пирамиды и платформы резко контрастируют с округлыми очертаниями Балкан. Но более низкие вершины, окруженные этим внушительным амфитеатром величественных вершин, покрыты растительностью. Леса из сосен, лиственниц и буков, где обитают медведи и серны, чередуются с группами деревьев и возделанными полями, а деревни в долинах окружены лугами, виноградниками и дубами. Среди зелени выглядят живописные купола многочисленных монастырей: именно благодаря их существованию гора получила свое турецкое название Деспото Даг, *то есть* «гора священников». Рило-Даг, также известный своими монастырями, в целом напоминает Швейцарские Альпы. Влажные ветры Средиземноморья приносят сюда много снега зимой и весной, но летом облака выливают только потоки дождя, и снег быстро исчезает со склонов гор. Эти внезапные ливни — одно из самых замечательных зрелищ, которые можно увидеть. До полудня туман, скрывающий вершины гор, постепенно сгущается, и на склонах собираются тяжелые медные облака. Около трех часов дня начинает лить дождь, облака заметно уменьшаются, сначала одна, затем другая вершина становится видна сквозь разрывы в водяных парах, пока, наконец, воздух не очищается, и горы освещаются закатом.

К югу от Рило-Дага возвышается горный массив Перим, почти не уступающий ему по высоте. Это Орбелос древних греков, и кольца, к которым Ной привязал свой ковчег, когда воды после потопа спали, до сих пор показывают там, и даже мусульманские паломники поклоняются этому почитаемому месту. Это последняя высокая вершина Родоп. Горы на юге быстро снижаются в высоту, хотя гранитные образования, к которым они относятся, простираются на обширной территории от равнин Фракии до Албании. Площадь холмистой местности, связанной с Родопами, еще больше увеличивается благодаря многочисленным группам потухших вулканов, извергших огромные потоки трахитовой лавы. Реки, которые текут с центрального плато Турции в Эгейское море, прорезали себе глубокие проходы через эти граниты и лавы, самым известным из которых является «Железные ворота» Вардара, или Демир Капу, которые ранее фигурировали на наших картах Турции как большой город.

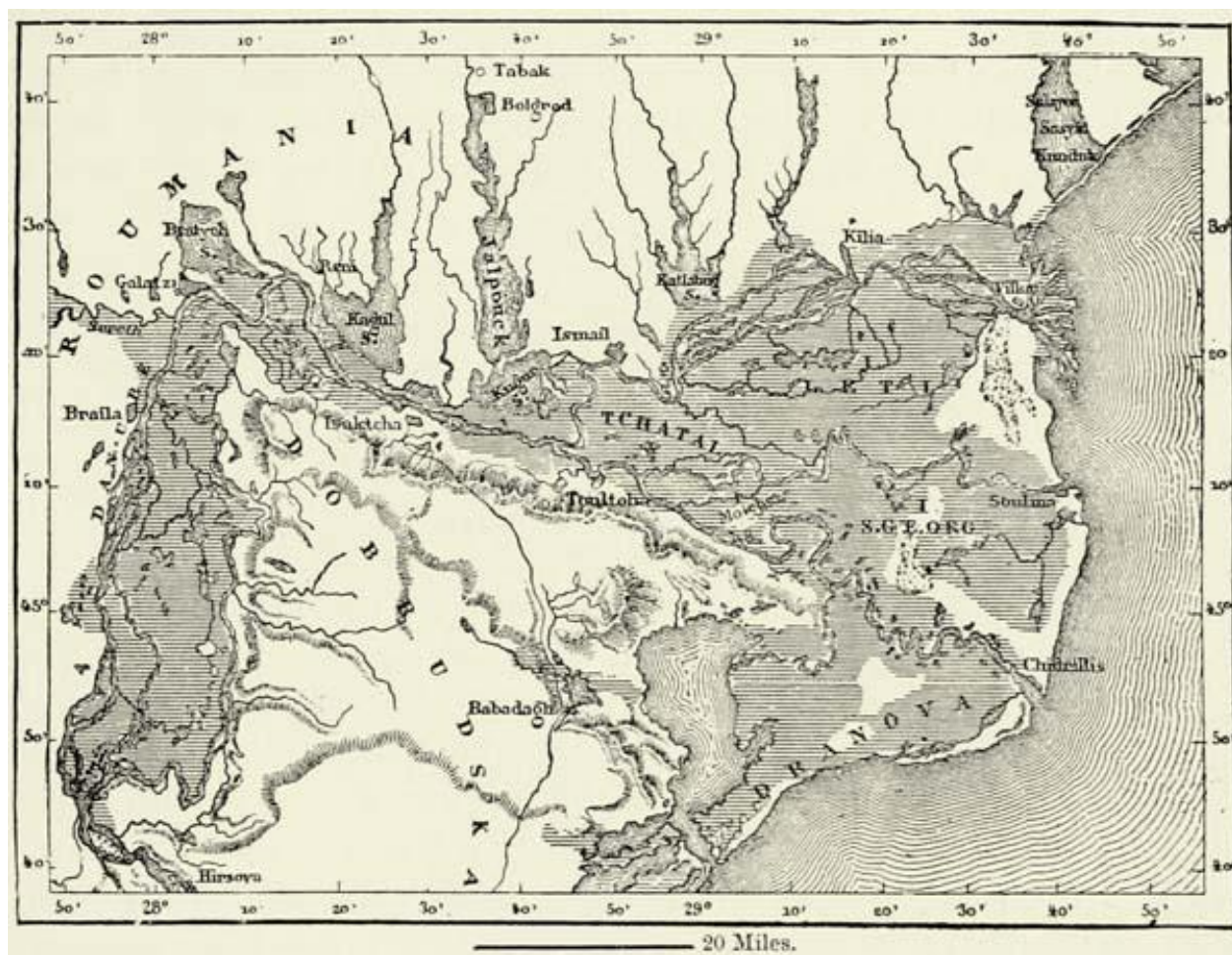
Кристаллические горные массивы к западу от Вардара имеют в целом альпийский характер, поскольку вершины не только достигают большой высоты, но и остаются

покрытыми снегом большую часть года. Горничова, или Ние, к северу от Фессалии, поднимается на высоту 6560 футов; а Перистерии, чьи тройные вершины и покрытые снегом склоны сравнивают с распростертыми крыльями птицы, и которая возвышается недалеко от города Битолия, или Монастир, еще выше. Горы древней Дардании окружают обширные круглые или эллиптические равнины, и самая замечательная из них, а именно равнина Монастира, была сравнена геологом Гризебахом с одним из тех огромных кратерных озер, которые телескоп открыл нам на поверхности Луны. На большинстве этих равнин мы встречаем болота или небольшие озера, единственные остатки водных просторов, которые когда-то покрывали их. Самым обширным из этих озер является Острово. Озеро Кастория напоминает засыпанный кратер вулкана. В его центре возвышается известняковый холм, соединенный с берегом перешейком, на котором построен живописный греческий город.

По мнению Викенеля и Хохштеттера, следы ледников не существуют ни в одной из этих древних озерных котловин, ни на склонах гор. Безусловно, примечательно, что в то время как другие европейские горы, например Вогезы и горы Оверни, пережили ледниковый период, гораздо более высокие Перистерии, Рило Даг и Балкан, расположенные примерно на той же широте, что и Пиренеи, никогда не были заполнены движущимися ледяными реками.³⁸

Все крупные реки европейской части Турции принадлежат к болгарским регионам Балкан или Хемуса. В Боснии есть только небольшие параллельные реки, впадающие в Саву; в Албании есть только бурные потоки, пробивающиеся через дикие ущелья, такие как Дрин; но Марица, Стримон или Карасу, Вардар и Индже Карасу, которые спускаются с южных склонов Балкан или берут начало в кристаллических горных массивах Родоп, являются крупными реками, которые можно сравнить с спокойными потоками Западной Европы. Пока что мы мало знаем об их режиме работы. Объем воды, выбрасываемый ими, никогда не измерялся, и они практически не используются для судоходства или орошения. Все они пересекают древние озерные бассейны, которые постепенно заполняли аллювием и превращали в плодородные равнины. Эта работа по заполнению все еще продолжается в нижних частях этих речных долин, где много обширных болот и даже постепенно сокращающихся озер. Одно из этих озер, Тахино, через которое протекает Стримон перед впадением в Эгейское море, считается Прасиасом Геродота, и его водные деревни, без сомнения, были похожи на дома на сваях, обнаруженные почти во всех озерах Центральной Европы.

Дунай, к северу от Добруджи, выполняет такой объем геологической работы, по сравнению с которым работа рек Марица, Стримон и Вардар теряет всякое значение. Эта могучая река ежегодно несет в Черное море объем воды, значительно превышающий объем воды, который несут все реки Франции, а твердые частицы, которые она удерживает в взвешенном состоянии, достаточны для покрытия площади в десять квадратных миль на глубину девять футов. Эта огромная масса песка и глины ежегодно отлагается в болотах и на берегах дельты, что вполне объясняет медленный, но неуклонный рост последней. Даже древние предвидели время, когда Черное море превратится в мелководный пруд, изобилующий песчаными отмелями, и поэтому для наших моряков должно быть некоторым утешением услышать, что пройдет шесть миллионов лет, прежде чем аллювий, уносимый рекой, заполнит все Черное море.

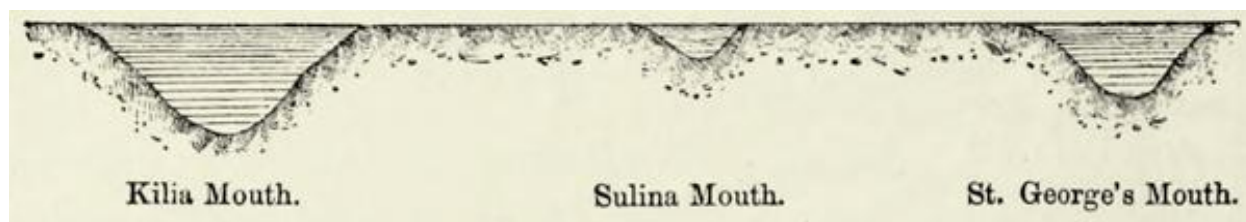
Большая треугольная равнина, которую Дунай отвоевал у моря, еще не полностью вышла из-под воды. Озера, остатки древних заливов, полузабытые рукава Дуная и постоянно меняющиеся русла ручьев превратили эту дельту в область, наполовину сушу, наполовину море. Более возвышенные участки, укрепленные ударами волн, возвышаются здесь и там над унылым болотом и камышом и покрыты густой растительностью из дубов, оливок и буков. Ивы обрамляют большинство рукавов реки, которые извиваются по дельте. Двадцать лет назад Дунай имел шесть устьев, а сейчас только три.

После Крымской войны западные державы постановили, что Килийское русло, которое несет в Черное море более половины объема воды Дуная, отныне будет составлять границу между Румынией и Турцией. Таким образом, султан владеет не только всей дельтой, площадь которой составляет около 4000 квадратных миль, но и единственным устьем реки Дунай (), которое делает владение этой территорией ценным для него. Устье Килии закрыто песчаной косой, которая не позволяет даже небольшим судам входить в него.

Южное устье, устье Хидриллис или Св. Георгия, также недоступно. Только в центральное русло, Сулина, которое с незапамятных времен служит для торговли, могут входить суда. Но даже этот канал был бы непригоден для крупных судов, если бы наши инженеры не улучшили его доступность. Раньше глубина воды на отмели едва превышала сажень в апреле, июне и июле, а даже во время паводков составляла не более двух-трех саженей. Но благодаря строительству сходящихся волнорезов, которые направляют воды реки в глубокое море, глубина воды была увеличена до десяти футов, и теперь в него могут заходить суда с осадкой двадцать футов. Сулина в настоящее время является одним из

важнейших торговых портов Европы и высоко ценится как убежище на Черном море, которое так боятся моряки из-за шквальных ветров. Мы обязаны этим великим общественным сооружением международной комиссии, которая обладает почти суверенными правами на Дунае вплоть до Исакчи.³⁹

Рис. 40. — СРАВНИТЕЛЬНЫЙ РАСХОД ВОДЫ В УСТИИ ДУНАЯ.

Болгары населяют территорию к югу от Дуная вплоть до склонов горы Пиндус, за исключением некоторых отдельных территорий, оккупированных турками, валахами, зинзарами или греками. В средние века их королевство было еще более обширным, поскольку включало всю Албанию, а его столицей была Охрида.

Происхождение болгар было предметом частых дискуссий. Болгары византийцев, которые опустошили равнины Фракии в конце V века и чье имя стало ругательным, вероятно, были угорской расой, как и гунны, и говорили на языке, родственном языку самоедов. Название этих диких завоевателей иногда производят от Волги, на берегах которой они когда-то жили, но их нравы и внешний вид претерпели необычные изменения, и сейчас ничто не указывает на их происхождение. Первоначально туранцы, они превратились в славян, как и их соседи сербы и русские.

БОЛГАРЫ.

Христианин из Виддина. Христианские дамы из Скундара. Мусульмане из Виддина. Уроженец Коютепе.

Это быстрое обращение болгар в славян является одним из самых замечательных этнологических явлений средневековья. Еще в IX веке болгары переняли сербский язык и вскоре перестали говорить на своем родном языке. Их диалект менее отточен, чем сербский, и, не имея литературы, не стал устойчивым. Говорят, что самый чистый болгарский язык можно услышать в районе Калофера, к югу от Балкан. Постепенное превращение болгар в славян некоторые авторы объясняют удивительной способностью этого народа к подражанию, но проще предположить, что со временем завоеватели-болгары и завоеванные сербы смешались, и что первые дали название новой нации, а вторые привнесли свой язык, нравы и физические черты. Одно можно сказать наверняка: жителей Болгарии теперь следует рассматривать как членов славянской семьи народов. Вместе с сербами, хорватами и герцеговинцами они являются самым многочисленным народом европейской Турции, и если преобладающая владычества турок будет определяться только численностью, то она принадлежит сербо-болгарам, а не грекам.

Болгары, как правило, не так высоки, как их соседи сербы; они коренастые, крепко сложенные, с большой головой на широких плечах. Лежан, сам бретонец, и другие считают, что они удивительно похожи на крестьян Бретани. В нескольких районах, и в частности в окрестностях Филиппополя, они бреют голову, оставляя только пучок волос, который они ухаживают и укладывают в хвост так же тщательно, как китайцы. Греки и валахи высмеивают их, и многие пословицы относятся к их недостатку интеллекта и утонченности. Однако они вряд ли заслуживают такого насмешливого отношения. Булгары менее живые, чем валахи, и менее гибкие, чем греки, но они определенно не лишены интеллекта. Но рабство тяжело отразилось на нем; на юге, где он угнетается турками и обдирается греками, он выглядит несчастным и печальным; но на равнинах севера и в уединенных горных деревнях, где он подвергается меньшим страданиям, он весел, любит удовольствия, свободно говорит и быстро отвечает. Жители северных склонов Балкан, возможно, благодаря большему примешиванию сербской крови, также более красивы, чем другие болгары, и одеваются с большим вкусом. Еще более прекрасная раса людей — это помаки, живущие в высоких долинах Родоп, к югу от Филиппополя. Они говорят на болгарском языке, но в остальном не похожи на своих соотечественников. Это прекрасная раса людей с каштановыми волосами, полных энергии и поэтического темперамента. Мы почти склонны считать их прямыми потомками древних фракийцев, особенно если окажется правдой, что в своих песнях они воспевают Орфея, божественного музыканта.

Болгары, особенно те, кто живет на равнинах, являются мирным народом, ни в чем не напоминающим жестокие орды, опустошавшие Византийскую империю. Они не воинственны, как их соседи сербы, и не хранят в своей национальной поэзии память о былых сражениях. Их песни рассказывают о событиях повседневной жизни или о страданиях угнетенных, а «добрый жандарм», как представитель власти, является одним из наиболее часто встречающихся в них персонажей. Средний болгарин — тихий, трудолюбивый крестьянин, хороший муж и отец; он любит домашний уют и практикует все домашние добродетели. Почти вся сельскохозяйственная продукция, экспортируемая из Турции, является результатом труда болгарских земледельцев. Именно они превратили некоторые участки равнины к югу от Дуная в огромные поля кукурузы и пшеницы, соперничающие с румынскими. Именно они в Эски-Зааре, к югу от Балкан, производят лучший шелк и лучшую пшеницу во всей Турции, из которой готовят хлеб и пирожные, подаваемые на стол султана. Другие болгары превратили благородную равнину Кезанлик, у подножия Балкан, в лучший сельскохозяйственный район Турции, а сам город окружен

великолепными ореховыми деревьями и розариями, которые дают знаменитый розовый аромат, являющийся столь важным предметом торговли на всем Востоке. Среди болгар между Пиротом и Турновой (Тирнова), на северном склоне Балкан, существуют процветающие мануфактуры. Каждая деревня там известна какой-то особой отраслью промышленности. В одной делают ножи, в другой — металлические украшения, в третьей — глиняную посуду, в других — ткани или ковры; и даже простые рабочие демонстрируют большую ловкость рук и чистоту вкуса. Не менее замечательный дух предпринимательства проявляется среди болгар и зинзаров в районе Битолии или Монастира. Сам город, а также Куршова, Флорина и другие близлежащие населенные пункты являются промышленными центрами.

Болгары, миролюбивые, терпеливые и трудолюбивые, как они есть, начинают уставать от подчинения, в котором они находятся. Конечно, они пока не мечтают о национальном восстании, поскольку отдельные бунты, которые имели место среди них, были ограничены несколькими горцами или были вызваны молодыми людьми, которых проживание в Сербии или Румынии наполнило энтузиазмом к свободе. Но, хотя болгары по-прежнему остаются покорными подданными, они начинают поднимать головы. Они научились смотреть друг на друга как на членов одной нации и организуются для защиты своей национальности. Первый шаг в этом направлении был сделан в вопросе религии. Когда турки завоевали страну, некоторые из них приняли ислам, чтобы избежать угнетения, но, хотя они и посещают мечети, они все же продолжают придерживаться веры своих предков, почитают те же источники и доверяют тем же талисманам. Некоторые присоединились к римской церкви, но подавляющее большинство осталось греко-католиками. Не так давно греческие монахи и священники пользовались огромным влиянием, поскольку на протяжении веков угнетения они поддерживали древнюю веру. Их присутствие смутно напоминало времена независимости, а их церкви были единственными убежищами, открытыми для преследуемых крестьян. Но в конце концов болгары стали недовольны священниками, которые даже не удосужились выучить язык своих прихожан и открыто стремились подчинить их чужому народу, такому как греки. Ничто не было дальше от их мыслей, чем религиозный раскол. Они просто хотели выйти из-под власти Константинопольского патриарха и основать свою собственную национальную церковь, как это сделали сербы и даже греки нового Эллинского царства. Ватикан в Константинополе протестовал, турецкое правительство оказалось далеко не благосклонным к этому движению за освобождение, но в конце концов греческие священники были вынуждены уйти в отставку — в некоторых случаях поспешно — и была создана новая национальная церковь.

Эта мирная революция, хотя и направленная против греков, не может не повлиять на отношения между болгарами и турками. Первые впервые за много веков объединились для достижения общей национальной цели, и это пробуждение чувства национальной принадлежности не может не оказать пагубного влияния на власть Османской империи. Последние не очень многочисленны в сельских районах Западной Болгарии, где они встречаются в основном в городах, особенно в тех, которые имеют стратегическое значение. Восточная Болгария, однако, в основном заселена турками или, во всяком случае, болгарами, которые приняли язык, одежду, манеры и образ мышления своих завоевателей. В этой крепости турецкой власти нет ни одного христианского монастыря, хотя есть несколько мусульманских мест паломничества, пользующихся высоким авторитетом благодаря своей святости.

Греки, после турок, являются наиболее важной частью населения Болгарии. Они не очень многочисленны к северу от Балкан, где их влияние едва превышает влияние немцев и армян, поселившихся в городах. К югу от Балкан, хотя и не многочисленные относительно, они гораздо более широко распространены. В каждой деревне можно встретить одного-двух греков, занимающихся торговлей или ремеслом. Они делают себя незаменимыми для местности, все обращаются к ним за советом, и они передают свой дух всему населению. Когда два-три таких грека встречаются, они сразу же образуют своего рода общину и по всей стране образуют своего рода масонское братство. Таким образом, их влияние гораздо больше, чем можно было бы ожидать, учитывая их численность. Среди болгар есть несколько важных греческих колоний, например, в Филиппополе и Базаржике, а в долине Родоп они занимают густонаселенный город Станимако, исключая турок и болгар. Руины древних зданий, а также диалект жителей, который содержит более двухсот греческих слов, неизвестных современному греческому языку, доказывают, что Станимако существовал как греческий город более двадцати веков, и М. Дюмон считает, что это одна из старых колоний Эвбеи.

Инициативную роль, которую играют греки в южной Болгарии, на севере играют румыны. Правый берег Дуная, от Чернаводы до Черного моря, в основном заселен валахами, которые постепенно вытесняют турок. Других колонистов привлекает плодородие равнин у северного подножия Балкан. Болгары сами являются заботливыми земледельцами, но румыны, тем не менее, завоевывают позиции среди них, как и среди сербов, венгров и немцев. Они более активны и умны, чем болгары, их семьи более многочисленны, и в течение одного поколения им обычно удается «румынизировать» деревню, в которой они поселились.

Болгары и турки, греки и валахи, изолированные колонии сербов и албанцев, общины армян и испанских евреев, колонии зинзаров и кочующие племена мусульманских цыган превратили страны Балкан в настоящий этнологический хаос; но еще большее смешение наблюдается в небольшом районе Добруджа, между Нижним Дунаем и Черным морем. В дополнение к перечисленным расам, мы встречаем там ногайских татар, которые имеют более чистую кровь, чем их соплеменники османы, и демонстрируют более чистый азиатский тип. Хотя они возделывают землю, они не совсем отказались от своих кочевых привычек, поскольку они кочуют со своими стадами по холмам и долинам. Ими правит наследственный хан, как и в те времена, когда они жили в палатках.

После Крымской войны несколько тысяч ногайских татар, скомпрометировавших себя помощью, оказанной союзникам, присоединились к своим соотечественникам в Добрудже. С другой стороны, около 10 000 болгар, испуганных приближением этих сильно очерненных иммигрантов, бежали из Добруджи и искали убежища в России, где им были выделены земли, покинутые крымскими татарами. Этот обмен оказался катастрофическим для обеих наций, поскольку болезни и горе унесли много жизней. Еще более плачевной была судьба черкесов и других кавказских племен, которые в 1864 году в количестве 400 000 человек искали убежища в Турции. Обеспечить жильем столь многочисленное множество людей было отнюдь не легко. Паша, которому было поручено размещение этих иммигрантов, отправил многих из них в Западно-скую Болгарию в тщетной надежде, что они прервут все контакты между сербами и болгарам. Раи были вынуждены отдать им свои лучшие земли, построить для них дома и снабдить их скотом и семенным зерном. Этот гостеприимный прием, хотя и был принудительным, дал бы этим иммигрантам возможность начать жизнь в новой стране с неплохими шансами на успех, если бы они только согласились работать.

Однако они отказались. Голод, болезни и климат, сильно отличавшийся от климата их гор, привели к гибели тысяч людей, и менее чем за год погибло около трети этих беженцев. Молодые девушки и дети продавались, чтобы добыть хлеб, и эта позорная торговля стала источником богатства для некоторых пашей. Гаремы заполнились молодыми черкесцами, которые в то время были дефицитом на рынке, а человеческий товар, который не продавался в Константинополе, экспортировался в Сирию и Египет. Эти черкесы, после того как пострадали от болезней и своей собственной недальновидной лени, теперь приспособились к условиям своих новых домов. Хотя они исповедуют ту же религию, что и османы, они легко ассимилируются с болгарами, среди которых живут, и принимают их язык.

Другие беженцы, к которым судьба отнеслась более благосклонно, нашли убежище в Добрудже. Это русские казаки, русины и москвичи «старой веры», которые в конце прошлого века покинули свои степи, спасаясь от преследований. Падишах, более терпимый, чем христианская императрица России, великодушно принял их и предоставил им земли в различных частях своих владений. Русские колонии в Добрудже и в дельте Дуная процветают, и одно из их поселений на ветке реки Святого Георгия известно как «казанский рай». Большинство этих русских занимаются ловлей осетра и производством икры. Они доказали свою благодарность за оказанное им гостеприимство и всегда доблестно сражались в защиту своей новой родины. Они сохранили свою национальную одежду, язык и религию и не смешиваются с окружающим населением.

В дополнение к вышесказанному, в Добрудже мы встречаем колонии немцев, арабов и поляков, а в новом порту Сулина — представителей многих народов Европы и Азии.

Есть лишь несколько стран, где великие международные магистрали так же четко проложены природой, как в Болгарии. Первая из этих магистралей проходит по Дунаю. Турецкие города на его берегах — Виддин, Шиштова, Рустчук и Силистрия — занимают все более важное место в европейской торговле. Эта магистраль продолжается вдоль побережья Черного моря, где находится несколько торговых портов, наиболее важным из которых является Бургас, крупный зерновой порт. Однако эта естественная магистраль стала слишком извилистой для целей торговли. Поэтому через перешеек Добруджа от Чернаводы до Кустенъе была построена железная дорога, а вторая линия соединяет Рустчук на Дунае с Варной на Черном море, причем последняя линия пересекает всю Восточную Болгарию и затрагивает города Разград и Шумна. Третья линия, которая сейчас находится в стадии строительства, будет пересекать Балканы через впадину к югу от Шумны и, пересекая равнину, на которой построены города Ямболы и Адрианополь, соединит Нижний Дунай с Эгейским морем. Третий маршрут, еще дальше на запад, проходит через Турнов, или Тирново — древнюю столицу болгарских царей — Кезанлик и Эски-Заара.

Эти железные дороги, уже открытые для движения или близки к завершению, безусловно, сокращают путь между Западной Европой и Константинополем; но сейчас предлагается полностью избежать обходного плавания по нижнему течению Дуная, соединив железнодорожную систему Европы с железнодорожной системой Турции. Одна из этих предлагаемых железных дорог будет проходить через Боснию и вниз по долине Вардара до Салоник; другая будет следовать по древней римской дороге, которая соединяла Паннонию с Византием и которая была вымощена в XVI веке до Белграда. Основными городами вдоль этой великой магистрали являются Ниш, расположенный на притоке Моравы, недалеко от

границы с Сербией; София, древняя Сардика, на Искере, притоке Дуная; Базаржик, или «рынок»; и прекрасный город Филиппополис с его тройной горой, возвышающейся над проходом Марицы. После завершения строительства железной дороги эти города несомненно приобретут большое коммерческое значение. Ужасный памятник недалеко от Ниша, возможно, будет показан туристам, привлеченным сюда открытием железной дороги. Он был воздвигнут, чтобы напомнить будущим поколениям о «славном» деянии. Этот трофей Келе-Калеси представляет собой башню, построенную из черепов сербов, которые, не желая попасть живыми в руки врагов, взорвали себя вместе с редутом, который они защищали. Губернатор Ниша, более гуманный, чем его предшественники, хотел убрать это отвратительное сооружение, мимо которого ни один рая не проходит без дрожи, но мусульманский фанатизм запретил это.

Влияние торговли не может не изменить в значительной степени нравы и обычаи такого гибкого и податливого народа, как болгары. Война огрубела албанцев, а рабство унизило болгар. В городах, в частности, они опустили очень низко. Оскорбления, которые на них обрушивали мусульмане, и презрительное отношение к ним сделали их униженными и презренными в своих собственных глазах. Деморализованные рабством и нищетой, предоставленные на милость своих богатых соотечественников, *чорбаджи*, или «раздатчиков супа», они стали бесстыдными и низкими рабами. Болгарские женщины, особенно в городах, представляли собой зрелище самого постыдного разврата, и их отсутствие скромности, грубость и невежество полностью оправдывали презрение, с которым к ним относились их мусульманские сестры. Даже в области образования турки опережали их: не так давно их школы были относительно более многочисленными, а обучение в них было более высокого уровня. Кроме того, христианские деревни никогда не были такими чистыми и приятными, как турецкие.

Но, каким бы ни было положение в прошлом, сейчас ситуация уже начала улучшаться. Турки, как группа, по-прежнему могут превосходить болгар в честности и уважении к правде, но они меньше работают и постепенно беднеют. В сельской местности земля постепенно переходит в руки раев, в городах последние монополизируют почти всю торговлю. Кроме того, болгары научились ценить важность образования; они основали школы и колледжи, открыли типографии и отправляют своих молодых людей на обучение в университеты Европы. Молодые болгары в смешанных колледжах Константинополя неизменно достигают самых удовлетворительных успехов в учебе. Это возрождение образования является самым обнадеживающим признаком жизнеспособности. Если это будет продолжаться, болгарская нация, которая, так сказать, была мертва на протяжении многих веков, может снова сыграть свою роль в мировой истории. Зверства, которые недавно имели место в Болгарии, могут задержать это возрождение, но они определенно не могут его остановить.⁴⁰

VII. — НЫНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТУРЦИИ.

Пророчества о «больном человеке» еще не сбылись, и его наследие не было разделено между окружающими державами. В значительной степени он обязан своим продолжительным существованием ревности европейских держав и тому факту, что Россия полностью занята в Центральной Азии. Тем не менее, Турция в последнее время продемонстрировала удивительную жизнеспособность. К империи были присоединены новые провинции в Аравии, расположенные на расстоянии 1800 миль от столицы; а восстание в северо-западной части европейской Турции, вызванное плохим управлением страной, но поддержанное и поощренное Россией, было жестко подавлено. Турецкая империя не только остается нетронутой, но и фактически значительно увеличилась в размерах, если включить в нее территории хедива Египта, чьи войска продвинулись до Верхнего Нила и в Дарфур.

В то же время мы должны остерегаться предположения, что Турция вступила на путь нормального прогресса. Напротив, Турция по-прежнему является средневековой страной и должна будет пройти через многие внутренние революции, прежде чем сможет занять место среди цивилизованных государств Европы или Америки. Страна оккупирована враждебными народами, которые набросились бы друг на друга, если бы их не сдерживали силой. Сербь взяли бы в руки оружие против албанцев, болгары — против греков, а все подчиненные народы объединились бы против турок. Национальная ревность усугубляется религиозной враждой. Католики-боснийцы ненавидят других славян, а тоски презирают гегеев, хотя они говорят на одном языке. Османцы без зазрения совести угнетают эти различные народы, а их искусство управления заключается в том, чтобы натравливать их друг на друга.

Нельзя ожидать лучшего в империи, где царит произвол. Падишах — повелитель душ и тел своих подданных; он — главнокомандующий армией, верховный судья и верховный жрец. В прежние времена его власть была практически ограничена полунезависимыми феодалами, но после падения Али-паши и массового убийства янычар его сдерживают только обычаи, традиции и требования европейских правительств. Он является самым деспотичным правителем Европы, а его гражданский список — самым обременительным по отношению к доходам страны. Двор покойного султана и членов его семьи был чрезвычайно многочисленным. В Сералье проживала армия из 6000 слуг и рабов обоих полов, из которых 600 были поварами. Эти слуги, в свою очередь, были окружены армией прихлебателей, которых кормили из императорских кухонь, куда подрядчики ежедневно поставляли не менее 1200 овец.

Текущие расходы были достаточно высокими, но еще более значительными были чрезвычайные расходы на строительство дворцов и киосков, покупку предметов *роскоши* и раритетов, а также на всевозможные расточительства. Нынешний султан, вынужденный к этому нестабильным положением своей империи, ограничил свои расходы. Но продлится ли это?

Министры, вали и другие высокопоставленные чиновники империи верно следуют по стопам своего правителя, и их расходы всегда превышают их зарплату, хотя последняя установлена по самым щедрым меркам. Что касается низших чиновников, то их зарплаты невелики и выплачиваются нерегулярно, но подразумевается, что они могут компенсировать свои расходы за счет налогоплательщиков. В Турции можно купить все, и прежде всего — справедливость. Финансовое положение страны крайне плачевно; ссуды

берутся под ростовщические проценты; страна управляется настолько плохо, что было выдвинуто серьезное предложение передать управление ее финансами синдикату европейских держав!⁴¹

Сельское хозяйство и промышленность развиваются очень медленно в условиях такого бесправия. Огромные участки самой плодородной земли остаются под паром; они, по-видимому, никому не принадлежат, и любой может поселиться на них и возделывать их. Но горе тому, кто ведет свою деятельность с целью извлечения прибыли для себя, ибо, как только станет известно, что он разбогател, на его землю будут предъявлены права от имени духовенства или какого-нибудь паши, и он может считать себя счастливым, если избежит бастано. Крестьяне во многих районах стараются не производить больше, чем абсолютно необходимо для жизни, ибо обильный урожай обеднит их — приведет лишь к постоянному увеличению налогов. Торговцы в небольших городах столь же осторожны в сокрытии своего богатства, если оно у них есть.

Многие мусульманские семьи уступили мечетям свои права собственности. Таким образом, они пользуются лишь правом пользования своими землями, но, с другой стороны, освобождаются от уплаты налогов, и земля остается в собственности их семей до тех пор, пока они не вымрут. Эти земли известны как *вакуфы* и составляют около трети территории всей империи. Они фактически не вносят никакого вклада в доходы государства. В конечном итоге они увеличивают обширные владения мусульманского духовенства. Налогообложение ложится почти исключительно на земли, возделываемые несчастными христианами; и по мере увеличения вакуфов доходы от налогообложения уменьшаются. В конечном итоге это неизбежно приведет к секуляризации поместий духовенства; и даже сейчас, к большому ужасу старых турок, османское правительство робко протягивает руки к поместьям, принадлежащим мечетям Константинополя.

МУСУЛЬМАНИН ИЗ АДРИАНОПОЛИ И МУСУЛЬМАНСКАЯ ЛЕДИ ИЗ ПРИСРЕНДА.

Сербские, албанские и болгарские крестьяне фактически возделывают свою землю вопреки воле своих хозяев. Об этом свидетельствует один факт. Некоторые сборщики десятины, чтобы предотвратить мошенничество, настаивают на том, чтобы крестьяне оставляли весь урожай на полях до тех пор, пока они не заберут свою десятую часть. Кукуруза, рис и пшеница подвергаются там воздействию неблагоприятных погодных условий и других разрушительных факторов, и часто бывает, что урожай теряет до половины своей стоимости до того, как взимается государственный налог. Иногда крестьяне предпочитают дать сгнить виноград или фрукты, чем платить десятину. Но крестьяне могут жаловаться не только на поведение сборщиков налогов, поскольку они также подвергаются поборам со стороны посредников, с которыми они вступают в контакт при продаже своей продукции. «Болгарин работает, а грек держит плуг», — гласит древняя пословица, и это по-прежнему верно, по крайней мере, для стран к югу от Балкан, где болгарский крестьянин не всегда является владельцем земли, которую он возделывает. Но даже если он не работает непосредственно на греческого или мусульманского землевладельца, его урожай, еще до сбора, часто является собственностью ростовщика; но он продолжает работать день за днем, как несчастный раб, в тщетной надежде когда-нибудь стать свободным человеком.

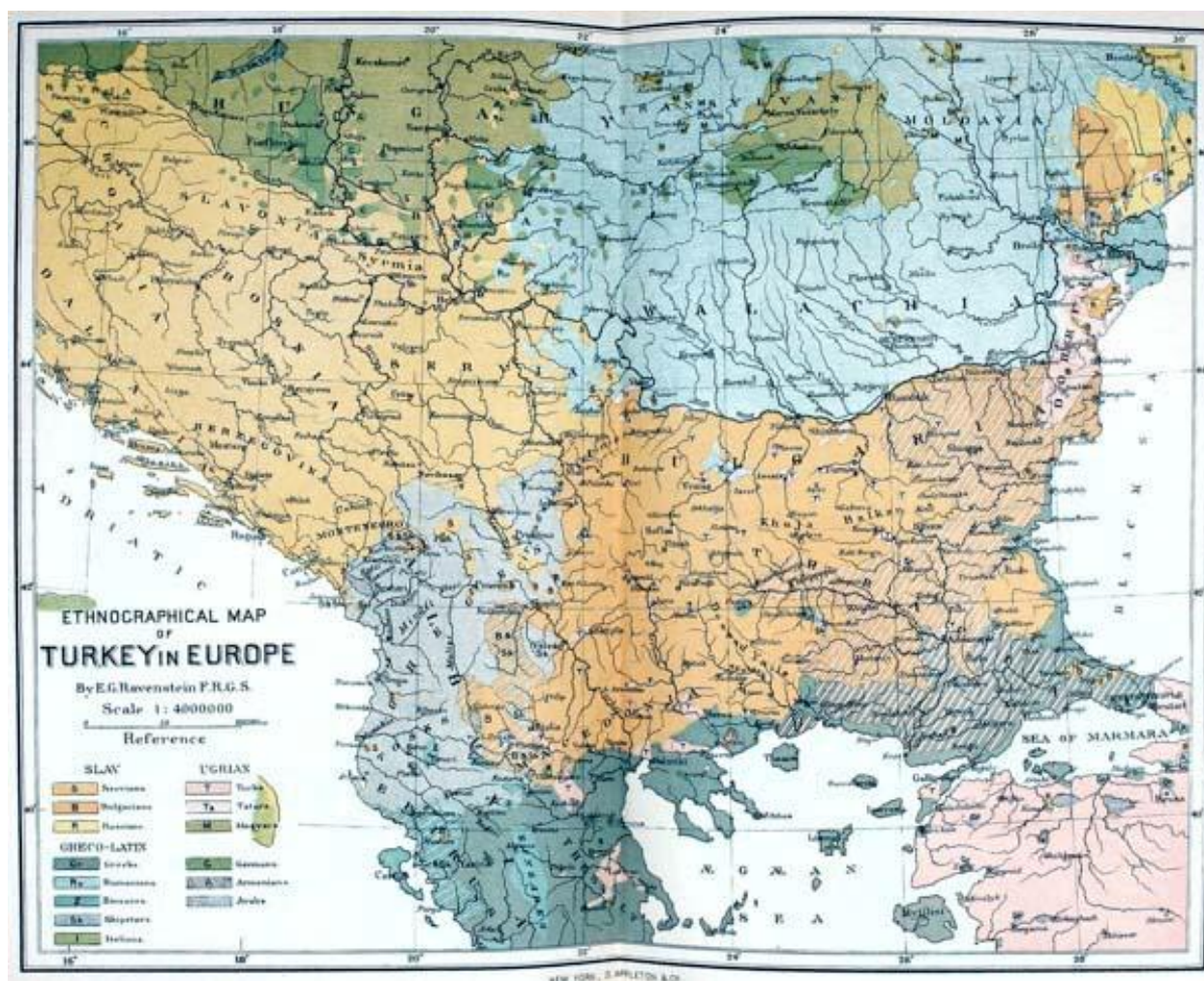
Однако плодородие почвы на обоих склонах Балкан, в Македонии и Фессалии таково, что, несмотря на мечети и сборщиков налогов, несмотря на ростовщиков и воров, сельское хозяйство поставляет торговле большое количество продукции. Кукуруза, или «турецкий кукуруз», и все зерновые культуры выращиваются в изобилии. В долинах Карасу и Вардар выращивают хлопок, табак и красящие вещества; в прибрежных районах и на островах производят вино и масло, качество которых не оставляло бы желать ничего лучшего, если бы их выращиванию уделялось немного больше внимания; в некоторых частях Фракии и Румелии встречаются леса шелковицы, и экспорт коконов в Италию и Францию с каждым годом увеличивается. Турция с ее плодородной почвой, несомненно, займет видное место среди европейских государств благодаря разнообразию и превосходству своих продуктов. Что касается ее промышленности, то она, без сомнения, будет постепенно вытесняться с открытием новых торговых путей. Производители оружия, тканей, ковров и ювелирных изделий в городах внутренних районов значительно пострадают от иностранной конкуренции, и многие из них не выдержат ее, если не перейдут в руки иностранцев. Крупные ярмарки, которые сейчас ежегодно проводятся в Сливно и других местах и на которых собираются купцы со всей империи для ведения торговли — иногда в одном месте собирается до ста тысяч приезжих — постепенно уступят место регулярным торговым отношениям.

Несомненно, что в последние годы торговля Турции увеличилась благодаря усилиям греков, армян и франков всех национальностей. Ежегодная стоимость экспорта и импорта всей Османской империи в Европе и Азии оценивается в 40 000 000 фунтов стерлингов — очень небольшая сумма, если иметь в виду ресурсы этих стран, их многочисленные прекрасные гавани и благоприятное географическое положение.

Сами турки выполняют лишь очень небольшую часть работы, которая делается в их империи. Различные причины делают их менее активными, чем другие народы. Они являются правящим классом, и их амбиции естественно стремятся к почестям и роскоши *кейфа*, то есть сладкого безделья. Презирая все, что не является мусульманским, и будучи, кроме того, невнимательными и ленивыми, они редко изучают иностранные языки и, таким образом, в определенной степени находятся в зависимости от других рас, большинство из

которых говорят на двух или более языках. Более того, фатализм, проповедуемый в Коране, лишил турок всякой предприимчивости, и, однажды выйдя из своей обычной рутины, они становятся беспомощными. Полигамия и рабство также являются двумя причинами деморализации. Правда, только богатые могут позволить себе роскошь гарема, но бедные учатся у своих начальников презирать женщин, они деградируют и участвуют в торговле живым товаром, которая является необходимым следствием полигамии. Однако, несмотря на бесчисленное количество рабов, привезенных в течение четырех веков из всех регионов, граничащих с Турецкой империей, несмотря на миллионы черкесских, греческих и других девушек, переселенных в гаремы, османы численно уступают другим расам полуострова. Эта доминирующая раса — если термин «раса» применим к продукту стольких смешений — едва ли составляет десять процентов населения европейской Турции. И это численное неравенство увеличивается, поскольку из-за полигамии количество детей, выживающих в мусульманских семьях, меньше, чем в христианских. Мы не располагаем точными цифрами, но нет сомнений, что число турок сокращается. Призыв на военную службу, которому подвергаются только они, способствует этому результату и с каждым годом становится все более сложным.

С момента Чатебриана часто повторяется, что турки лишь разбили лагерь в Европе и ожидают возвращения в степи, откуда они пришли. Таким образом, это предчувствие побуждает турок Стамбула искать захоронения на кладбище Скутари, надеясь таким образом спасти свои кости от осквернения ногами джаура, когда он вернется в Константинополь как хозяин. Во многих местах живые следуют примеру мертвых, и из Архипелага и прибрежных районов Фракии в сторону Азии устремляется слабый поток эмигрантов, унося с собой многих старых турок, недовольных суетой европейской жизни. Однако эта миграция имеет весьма незначительное значение и не затрагивает османов, проживающих в глубине страны. Ничто не может быть дальше от мыслей турок Болгарии, юруков Македонии или кониаридов, которые населяют горы Румелии с XI века, чем покинуть землю, ставшую их вторым домом. От турецкого элемента на Балканском полуострове можно избавиться только путем его истребления, то есть путем более жестокого обращения с турками, чем они обращались с коренным населением во время завоевания. В то же время мы не должны забывать, что турки, хотя и значительно уступают по численности другим народам, тем не менее могут рассчитывать на поддержку миллионов мусульман-албанцев, боснийцев, болгар, черкесов и ногайских татар. Мусульмане составляют более трети населения европейской Турции и, несмотря на расовые различия, они крепко держатся вместе. Не следует также забывать, что их поддерживают 150 миллионов единоверцев в других частях мира.⁴²

Будем надеяться, что будущее не принесет с собой борьбу на выживание между расами полуострова, а скорее создаст институты, позволяющие этим разнообразным и частично враждебным элементам развиваться в мире и свободе. Сами турки начинают понимать необходимость таких институтов и, по крайней мере в теории, отказались от своей политики насилия и угнетения. Все национальности империи, независимо от расы или религии, должны быть равны перед законом, а христиане допускаются на государственные должности на тех же условиях, что и мусульмане. Без сомнения, эти прекрасные законы до сих пор в основном оставались мертвой буквой, но тем не менее было бы несправедливо отрицать, что был достигнут значительный прогресс в деле уравнивания различных рас.

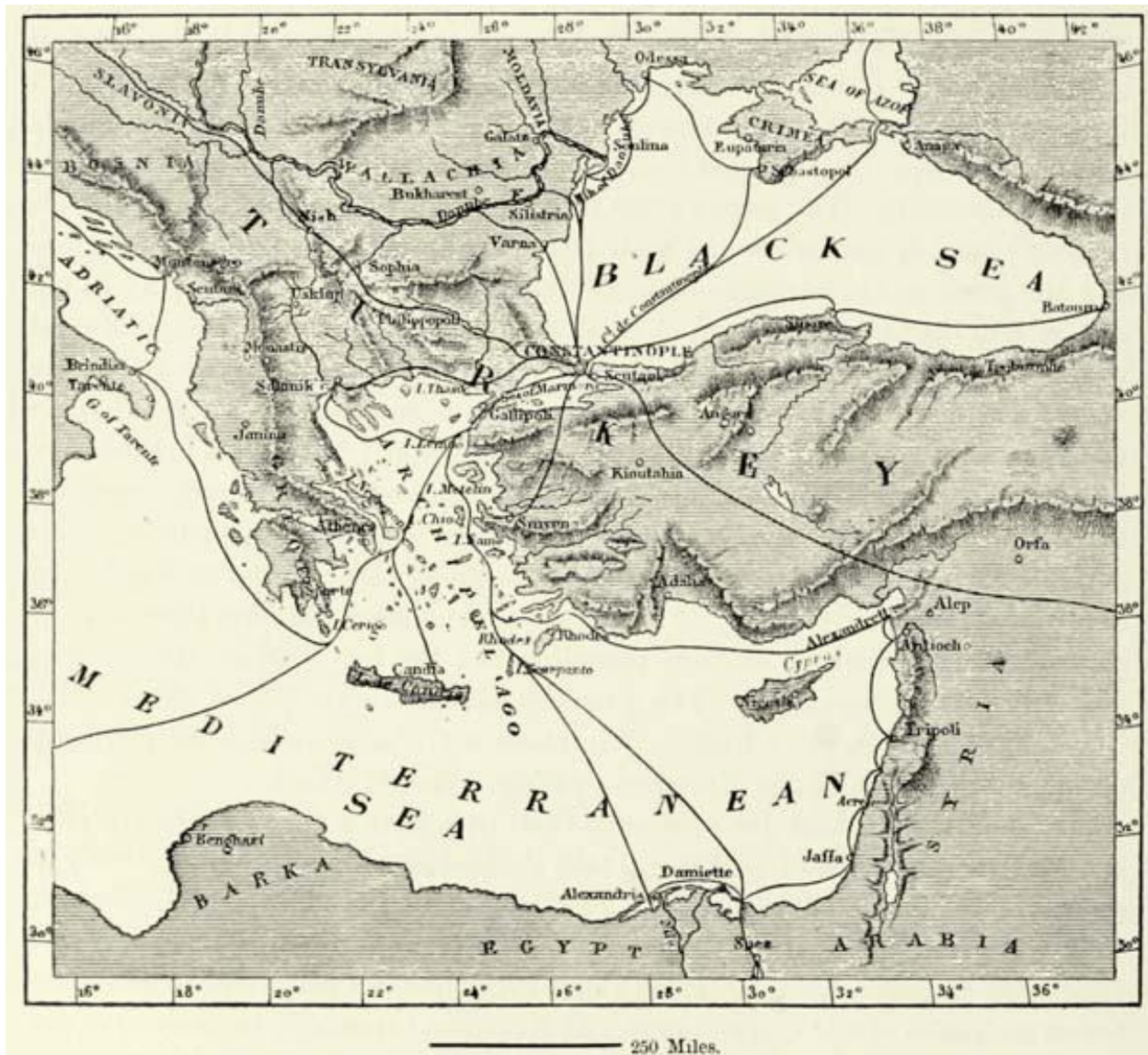
К счастью, деспотизм турок не является деспотизмом просвещения, основанным на знании человеческой природы и направленным на ее унижение. Османцы игнорируют искусство «мудрого угнетения», которое в прежние времена были вынуждены практиковать голландские губернаторы Сундаских островов и которое не совсем неизвестно в других странах. Паши позволяют всему идти своим чередом, пока они могут обогащать себя и своих фаворитов, продавать справедливость и свои милости по справедливой цене и время от времени избивать палками какого-нибудь несчастного. Они не интересуются частными делами своих подданных и не требуют конфиденциальных отчетов о семьях и отдельных лицах. Их правительство, без сомнения, часто бывает жестоким и деспотичным, но все это касается только внешних проявлений. Такое правительство, возможно, не способствует развитию общественного духа, но оно не мешает индивидуальной инициативе (), и мощные

национальные институты, такие как греческая коммуна, племя мирдитов и славянская община, смогли выжить при таком правительстве. Самоуправление, по сути, более широко практикуется в Турции, чем в самых развитых странах Западной Европы. Было бы трудно подчинить эти различные национальные элементы единой дисциплине, и ленивые турецкие чиновники, как правило, не вмешиваются в дела. Франкские чиновники, получающие зарплату от турецкого правительства, на самом деле чаще вмешиваются в предрассудки и привилегии управляемых, чем мусульманские паши старой школы.

Несомненно, что в недалеком будущем немусульманские народы Турции займут лидирующие позиции в политике, как они уже занимают их в торговле, промышленности и образовании. Османы старой школы, которые все еще носят зеленые тюрбаны своих предков, с отчаянием смотрят на этот неизбежный результат. Они борются против всех мер, направленных на ускорение эмансипации презираемых раев, и европейские изобретения, по их мнению, приводят к большим социальным преобразованиям, наносящим им ущерб; и действительно, именно раи получают наибольшую выгоду от дорог, железных дорог, портов, сельскохозяйственных и других машин. Боснийцы, болгары и сербы научились смотреть друг на друга как на братьев; албанцы и румыны тяготеют к грекам; все они одинаково чувствуют себя европейцами; и таким образом прокладывается путь к будущей Дунайской конфедерации.

Приближающееся завершение строительства железной дороги из Вены в Константинополь не может не вызвать коммерческую революцию в торговле значительной части Восточной Европы. Она станет звеном в прямой линии между Англией и Индией и обеспечит путешественникам и грузам кратчайший маршрут из центра Европы к Босфору. После ее открытия Константинополь сможет в полной мере воспользоваться сходящимися к нему торговыми путями. Еще более значительными будут политические последствия открытия этой линии, поскольку она обеспечит более прямой и активный контакт населения Балканского полуострова с населением Австро-Венгрии и остальной Европы.

Рис. 41. — ТОРГОВЫЕ МАГИСТРАЛИ, СХОДЯЩИЕСЯ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ.
Масштаб 1:17 100 000.

VIII. — ПРАВИТЕЛЬСТВО И АДМИНИСТРАЦИЯ.

Турецкая империя занимает обширную территорию, большая часть которой управляется вассалами, практически независимыми от султана в Стамбуле. В таком положении находятся обширные территории Египта и Туниса. Внутренние районы Аравии принадлежат ваххабитам; побережье Хадрамаута частично заселено племенами, признающими верховную власть Англии; и даже между Сирией и Евфратом есть многочисленные районы, которые только номинально находятся под управлением турецких паш, но на самом деле принадлежат грабительским бедуинам. Османская империя, собственно говоря, включает в себя европейские провинции, Малую Азию, Сирию, Палестину, бассейны Тигра и Евфрата, Хиджаз и Йемен в Аравии, а также Триполи с Феццаном в Африке. Эти территории с зависимыми от них островами занимают площадь не менее 210 156 квадратных миль, но их население, гораздо менее плотное, чем в Западной Европе, едва достигает 47 000 000 душ.

Рис. 42. — ТУРЕЦКАЯ ИМПЕРИЯ.
Масштаб 1 : 55 000 000.

Площадь Турции в Европе, без учета Румынии, Сербии и Черногории, примерно равна площади Британских островов. Константинополь с прилегающими территориями образует округ, находящийся под непосредственным контролем Министерства полиции. Остальная часть страны разделена на восемь *вилайетов*, или провинций; вилайеты подразделяются на *мутесарифлики*, или *санджаки*; последние — на *казы*, или кантоны; а казы — на *рахии*, или приходы. Лемнос, Имброс, Самотраки и Астипалея, а также Родос и острова вдоль побережья Анатолии образуют отдельный вилайет. Однако эти политические подразделения подвержены частым изменениям.⁴³

Султан, или *падишах*, сосредоточает всю власть в своих руках. Он является *эмиром муминином*, или главой верующих, и его поведение руководствуется исключительно предписаниями Корана и традициями его предков. Двумя наиболее влиятельными лицами в империи, после него, являются *шейх-эль-ислам*, или великий муфтий, который курирует

общественное богослужение и отправление правосудия, и *садразам*, или великий визирь, который возглавляет общее управление и которому помогает совет из десяти министров, или *муширов*. *Кисляр Агаси*, или глава черных евнухов, которому доверено управление императорским гаремом, также является одним из великих сановников империи и часто пользуется самым высоким влиянием. Юридические советники различных министерств известны как *муфтии*. *Эфенди*, *бей* и *ага* — это почетные титулы, присваиваемые некоторым правительственным чиновникам и уважаемым лицам. Титул *паша*, означающий «великий вождь», присваивается некоторым высокопоставленным гражданским или военным чиновникам. Этот титул символизируется одним, двумя или тремя конскими хвостами, прикрепленными к верхушке копья, что напоминает о временах, когда кочевые турки бродили по степям Центральной Азии.

Работа различных министерств осуществляется советами, и поэтому существуют государственный совет, или *шурай-делят*, советы по счетам, по войне, по флоту, по народному образованию, по полиции и т. д. Все эти советы в совокупности составляют *диван*, или правительственную канцелярию. Существует также верховный суд с отделениями по гражданским и уголовным делам. Члены этих различных официальных органов назначаются правительством. Каждая из подчиненных «наций» представлена в Государственном совете двумя членами, тщательно отобранными *садразамом*.

Вилайет управляется *вали*, санджак — *мутесарифом*, каза — *каймаканом*, приход — *мудиром*. Каждый из них должен действовать по совету совета, состоящего из ведущих религиозных и гражданских чиновников, мусульман и немусульман. Однако на самом деле вали назначает все эти советы, и они широко известны как «советы «за»».

Правила, установленные верховным правительством для собственного руководства, закреплены в *хатти-шерифе* Гулхане, обнародованном в 1839 году, и в *хатти-хумаюме* 1856 года. Эти хатты обещают равные права всем жителям империи, но до сих пор выполняются лишь частично. В декабре 1876 года, после собрания Европейской конференции в Константинополе, была обнародована «конституция». Она предусматривает представительные учреждения, местное самоуправление и различные улучшения, но, скорее всего, останется мертвой буквой.

Религиозная и судебная организация страны находится под пристальным контролем шейх-эль-ислама и священников и не может быть изменена. *Имамы* специально уполномочены проводить публичные богослужения. К ним относятся *шейхи*, или проповедники; *хатибы*, которые читают официальные молитвы; и *имамы* в собственном смысле этого слова, которые совершают бракосочетания и проводят похороны. Судьи и имамы образуют орган, известный как *улемы*, во главе которого стоит *кази-аскер*, или главный судья, и который иерархически делится на *мулл*, *кази* (кади) и *найбов*.

Греческий патриарх Константинополя, как глава Церкви в Турции и гражданский руководитель греческих общин, обладает значительным влиянием. Он избирается синодом из восемнадцати членов, который управляет религиозным бюджетом и чьи решения в вопросах веры являются окончательными. Главами латинского обряда являются патриарх в Константинополе и два архиепископа Антивари и Дураццо. Две армянские церкви имеют по одному патриарху в Константинополе.

Следует отметить, что предыдущее описание Турции в Европе и последующие рассказы о Румынии, Сербии и Черногории отражают условия, существовавшие непосредственно перед недавней войной с Россией, в которой турки были полностью разгромлены за несколько месяцев. Конгресс европейских держав, состоявшийся в Берлине летом 1878 года для рассмотрения предварительного договора Сан-Стефано (2 марта) между Россией и Турцией, существенно изменил его положения в совместном договоре, подписанном 13 июля, распорядившись европейской частью Турции следующим образом: 1. Создается вассальное княжество Болгария (с территорией, меньшей чем половина территории, отведенной ей по договору Сан-Стефано), которое будет управляться князем (не являющимся членом какой-либо правящей династии), избранным народом в течение девяти месяцев и утвержденным Портой и другими державами, а в промежуточный период — российскими комиссарами при содействии уполномоченных европейских консулов. 2. К югу от Балкан создается автономная провинция Восточная Румелия под управлением христианского генерал-губернатора, назначаемого на пять лет Портой с согласия держав, которые в течение трех месяцев должны определить административные требования провинции. 3. Босния и Герцеговина должны быть оккупированы и управляться Австро-Венгрией, за исключением Нови-Базара и небольшого окружающего района. Это положение, не ограниченное по времени, фактически присоединяет эти провинции к Австро-Венгерской империи и уже (в октябре 1878 г.) было выполнено после серьезного вооруженного сопротивления со стороны их мусульманского населения. 4. Румыния, Сербия и Черногория становятся независимыми, с расширенными границами, показанными на прилагаемой карте. Румыния получает от России Добруджу, которая была уступлена ей по договору Сан-Стефано, при том понимании, что она будет обменена на полосу Бессарабии, переданную от России Румынии по Парижскому договору 1856 года, которая, соответственно, была возвращена. К Черногории присоединяется порт Антивари, который закрыт для военных кораблей всех стран; Черногория не будет иметь национального флага и военных кораблей, а ее торговый флаг будет защищаться австрийскими консулами. 5. Австрийская Далмация получает от Албании небольшой порт Спица. 6. Великие державы предлагают свои услуги для урегулирования северной границы Греции. 7. На всех территориях, на которые распространяется договор, обеспечивается полная религиозная свобода и политическое равенство.

КАРТА, ПОКАЗЫВАЮЩАЯ ИЗМЕНЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ ТУРЦИИ И АРМЕНИИ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ СОГЛАСНО ДОГОВОРУ САН-СТЕФАНО И УТВЕРЖДЕННЫЕ ДОГОВОРОМ БЕРЛИНА.

РУМЫНИЯ.*

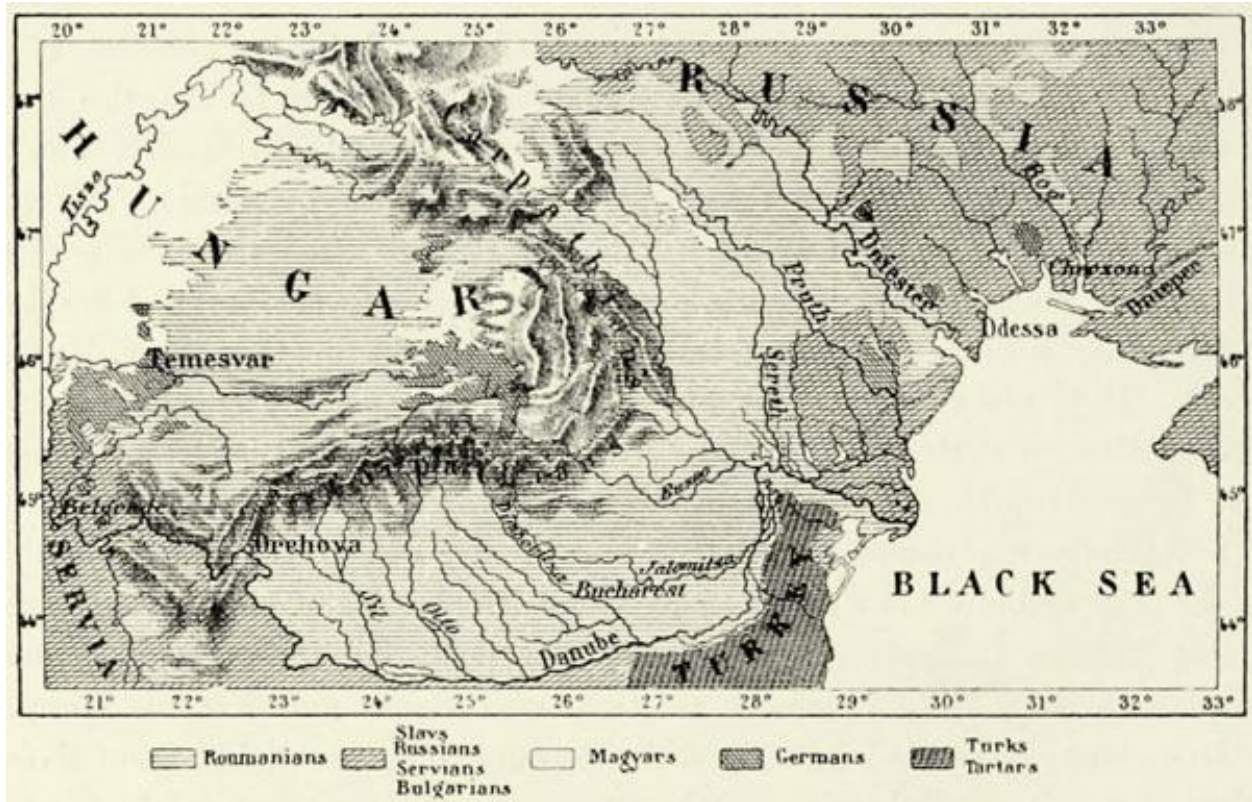
Румыны, безусловно, являются одной из самых любопытных европейских наций. Потомки завоевателей древнего мира, они живут вдали от других народов греко-латинской семьи, на северо-востоке, и еще несколько лет назад о них почти ничего не было известно. Серьезные события, которые происходили в нижнем течении Дуная с середины этого века, выдвинули румын на первый план, и теперь мы знаем, что они существенно отличаются от своих соседей, будь то славяне, турки или мадьяры. Фактически, они составляют одну из самых важных групп населения Восточной Европы, а по численности являются самой сильной нацией в нижнем течении Дуная, за исключением болгар.

Этнологические границы Румынии гораздо шире политических, поскольку они охватывают не только Валахию и Молдавию за Карпатами, но и русскую Бессарабию, часть Буковины, большую часть Трансильвании, а также обширные территории в Банате и Восточной Венгрии. Румыны также пересекли Дунай и поселились в некоторых частях Сербии и Болгарии; а поселения их сородичей, зинзаров, спорадически простираются далеко на юг, до холмов Фессалии и Греции. Площадь собственно Румынии составляет всего 46 709 квадратных миль, но страны румын занимают как минимум вдвое большую площадь, а их численность превышает 8 000 000 человек, большинство из которых проживает в плотной массе на Нижнем Дунае и прилегающих частях Венгрии и России.⁴⁵

Римские территории на Нижнем Дунае почти окружают горные массивы Восточных Карпат, как видно из нашей карты, но только около половины этой территории была преобразована в автономное государство, а остальная часть принадлежит Венгрии и России. Если бы национальные амбиции румын были реализованы, естественный центр их страны находился бы не в пределах нынешней территории, а в Германштадте (называемом валахами Сибиу) или в другом месте на северном склоне Карпат. Расположенные за Карпатами и простирающиеся от Железных Ворот до верхних притоков Прута, независимые румыны занимают страну самой нерегулярной формы, разделенную на две отдельные части рекой Серет и одним из ее притоков, которые соединяют самый выдвинутый отрог Восточных Карпат с большим изгибом Нижнего Дуная. К северу от этой границы лежит Молдавия, названная в честь притока Серета; к юго-западу и западу — Валахия, или «равнина валлийцев», *то есть* латинян. Эта равнина, *tzara Rumaneasca*, или собственно Римская земля, пересечена многочисленными параллельными водотоками, образующими столько же вторичных границ, а река Олто разделяет ее на Великую Валахию на востоке и Малую Валахию на западе. Дунай образует политическую границу вплоть до своего устья.

Это широкая и извилистая река; ниже Железных ворот озера, леса и болота делают доступ к ее берегам практически невозможным во многих местах; и кочевые народы и завоеватели, вместо того чтобы пересекать ее, как они могли бы легко сделать в Австрии и Баварии, скорее стремились обойти ее, ища проход через горы на севере. Резкий изгиб Нижнего Дуная и его обширная болотистая дельта еще больше защищали равнины Валахии, и захватчики, не имевшие судов, были таким образом отправлены на север, в направлении Карпат. Низменности Молдавии были защищены, хотя и в меньшей степени, реками Днепр, Буг, Днестр и Прут, протекающими параллельно друг другу.

Рис. 43. — румыны.

Но, несмотря на эти природные барьеры, удивительным остается тот факт, что румыны сохранили свои традиции, язык и национальность, несмотря на многочисленные нападения захватчиков всех рас, которым они подвергались, что свидетельствует об их необычайной стойкости. С момента ухода римских легионов мирные земледельцы этих равнин так часто подвергались набегам готов, гуннов, печенегов, славян, болгар и турок, что их исчезновение как народа казалось неизбежным. Но они вышли из каждого потопа, который угрожал их уничтожить, несомненно, благодаря превосходной культуре, которую они унаследовали от своих предков, и вновь заняли место среди независимых народов. Они полностью оправдали свою старую пословицу, которая гласит: *Romun no pere!* — «Румын не погибает».

Трансильванские Альпы находятся на территории румын, которые занимают оба склона. Однако их верхние долины мало заселены, и мы можем путешествовать днями, не встречая никаких жилищ, кроме грубых хижин пастухов. Политическая граница, проходящая по гребню гор, — это всего лишь воображаемая линия, проходящая через обширные лесные пустыни. За исключением единственной магистрали и троп, соединяющих Трансильванию с равнинами Валахии, эти горы остаются в естественном состоянии. Здесь до сих пор охотятся на серн, а не так давно здесь встречались даже бизоны. Цыгане проникают в эти горы в поисках бурых или черных медведей, которых они выставляют в деревнях. Они ставят кувшин, наполненный бренди и медом, рядом с логовом зверя, и, как только медведь и его семья беспомощно опьянеют, их ловят и заковывают в цепи.

Физическая конфигурация Румынии чрезвычайно проста. В Молдавии низкие хребты, идущие параллельно высокой горной цепи, простираются с северо-запада на юго-восток,

отделены друг от друга долинами Бистрицы, Молдавы и Серета и постепенно опускаются в равнины Дуная. В Валахии южные отроги Трансильванских Альп разветвляются с удивительной регулярностью, и все спускающиеся с них потоки текут в одном направлении. Реки, независимо от того, берут ли они начало у подножия холмов или пересекают всю ширину гор, такие как Сил, Шил или Джул, Олто или Алута и Бусео, поворачивают на восток, прежде чем их воды смешиваются с водами Дуная.

Склоны холмов довольно равномерны от гребня гор до равнины Дуная, а зоны температуры и растительности сменяют друг друга с удивительной регулярностью. Вершины, покрытые лесами хвойных пород и берез, а зимой — снегом, возвышаются у границ Трансильвании. За ними следуют горы меньшей высоты, где преобладают буки и каштаны, и где можно встретить всю живописную красоту европейских лесных пейзажей. Еще ниже мы попадаем на пологие холмы с рощами дубов и кленов, а их солнечные склоны покрыты виноградниками. Наконец, мы попадаем на широкие равнины Дуная с их фруктовыми деревьями, тополями и ивами. Зона, лежащая между высокими горами и равниной, изобилует местами, которые очаровательны благодаря живописным скалам, пышной и разнообразной зелени и прозрачным ручьям. В этой «счастливой Аркадии» мы встречаем большинство крупных монастырей, великолепных замков с куполами и башнями, стоящих посреди парков и садов. Что касается равнин, то они, без сомнения, во многих местах бесплодны и однообразны, но жители деревень, хотя их жилища наполовину зарыты в землю, наслаждаются великолепным видом на голубые горы, ограничивающие горизонт. Наиболее характерными объектами в этих низинах являются огромные стога сена, уже изображенные на колонне Траяна в Риме.

Рис. 44. — РЕКИ ШИЛ И ОЛТО.
Масштаб 1 : 1 400 000.

Румынская кампания — это вторая Ломбардия, но не из-за высокого уровня развития сельского хозяйства, а из-за плодородия почвы, красоты неба и дальних видов. К сожалению, здесь нет горных барьеров, которые защищали бы ее от холодных северо-восточных ветров, преобладающих в течение всего года. Здесь можно встретить как сильные морозы, так и сильную жару. ⁴⁶ Виноградные лозы приходится укрывать землей,

чтобы защитить их от зимних холодов, а в юго-восточной Валахии, которая наиболее подвержена сильным ветрам, иногда случается, что стада крупного рогатого скота и лошадей, спасаясь от снежной бури, бросаются в воды Дуная. Некоторые районы страдают от недостатка дождей и представляют собой настоящие степи. Среди них — равнины Барагана между Дунаем и Яломицей, где в изобилии водятся дрофы, а деревья не встречаются на многие километры.

С геологической точки зрения мы встречаем регулярную смену формаций, от гранита на вершинах гор до аллювиальных отложений вдоль берегов Дуная. Скалы, встречающиеся на южных склонах Карпат, такого же типа, как и те, что встречаются в Галиции на их северных склонах, и дают те же минеральные продукты, такие как каменная соль, гипс, литографические камни и нефть. На равнинах преобладают третичные отложения, но к востоку от Плоешти и Бухареста встречаются только четвертичные отложения глины и гальки, в которых находят кости мамонтов, слонов и мастодонтов. Грязные реки, пересекающие эти равнины, вымыли себе извилистые русла и напоминают большие канавы.

Равнина Румынии, как и равнина Ломбардии, является древним морским заливом, заполненным обломками, смытыми с горных склонов. Но хотя море отступило, Дунай остался, выливая огромные объемы воды и предоставляя большие преимущества для судоходства. В знаменитом ущелье Железные ворота, где эта река впадает в равнину, ее русло имеет глубину 155 футов, ее поверхность находится на 66 футов выше уровня Черного моря, а ее объем превышает объем всех рек Западной Европы, от Роны до Рейна, вместе взятых. Несмотря на это, римляне построили мост через реку, сразу ниже Железных ворот, который по праву считался одним из чудес света. Это архитектурное сооружение, возведенное Аполлодором Дамасским в честь Траяна, было снесено по приказу императора Адриана, который стремился сэкономить на расходах на гарнизон, необходимый для его защиты. Сейчас остались только две опоры, а когда вода спадает, все еще можно увидеть фундаменты шестнадцати из двадцати опор, которые поддерживали мост. Римская башня, давшая название маленькому городку Турну-Северин, отмечает место, где римляне впервые ступили на землю Дакии. Проход из Сербии в Румынию так же важен, как и в древности, но современная промышленность еще не заменила мост Траяна.

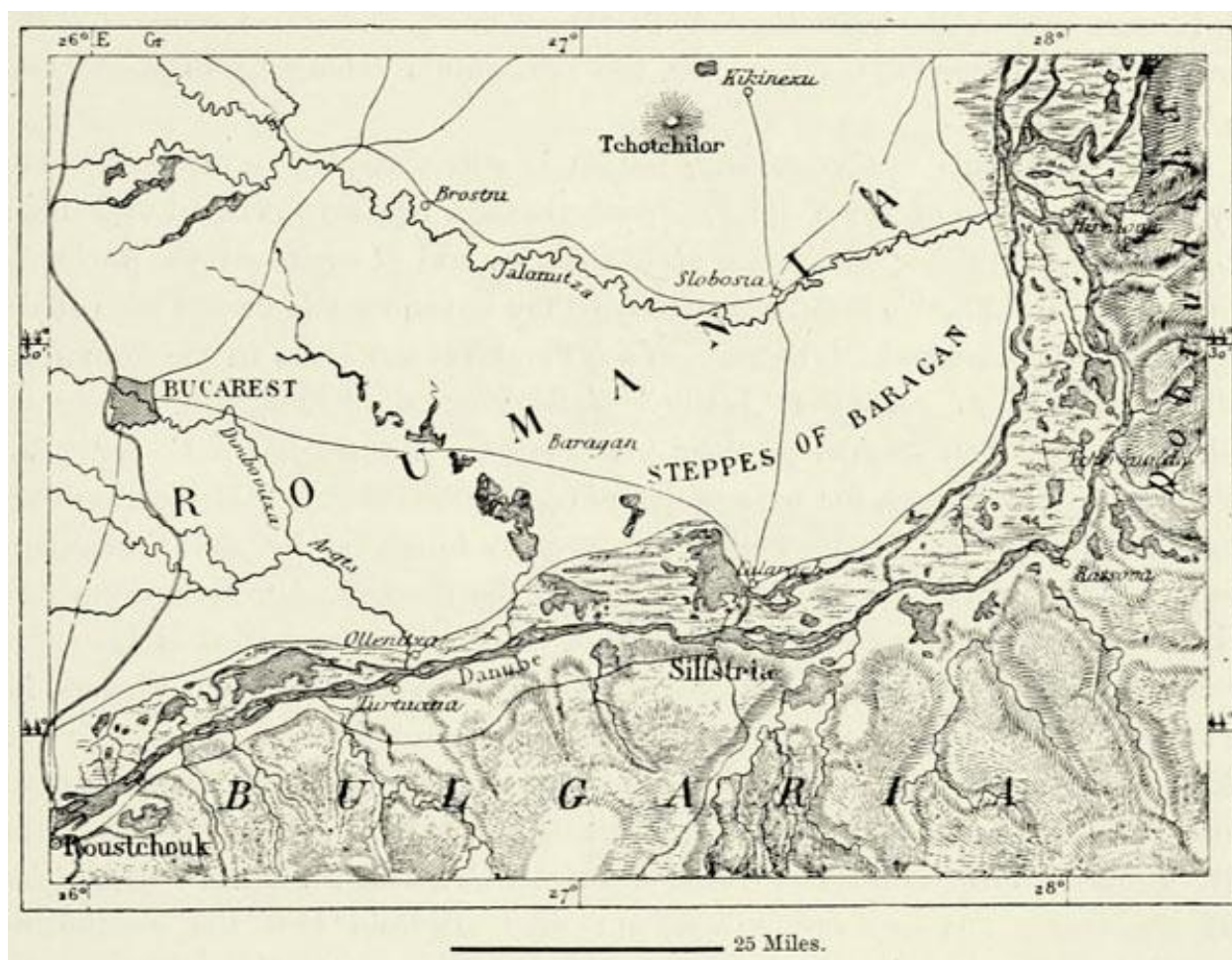
Дунай, как и большинство рек нашего северного полушария, давит на свой правый берег, что объясняет разницу между его валашским и болгарским берегами. Последний, размытый наводнениями, круто поднимается в виде небольших холмов и террас, в то время как первый поднимается пологим склоном и почти незаметно сливается с равнинами Валахии. Болота, озера, ручьи и остатки древних русел рек образуют речную сеть, окружающую многочисленные острова и песчаные отмели. Эти каналы подвержены постоянным изменениям, и к югу от Яломицы все еще можно увидеть линию болот и лагун, которая обозначает русло древней реки, которая больше не существует. Низменности на валашской стороне Дуная постоянно увеличиваются в размерах, в то время как Болгария непрерывно теряет территории. Однако последнее с лихвой компенсируется благоприятными для здоровья почвами и прекрасными местами для торговых центров, которые она предлагает. Говорят, что бобры, которые были истреблены почти во всех других частях Европы, все еще распространены в этих полузатопленных землях Валахии.

На расстоянии тридцати восьми миль от моря по прямой линии Дунай упирается в гранитные высоты Добруджи и резко поворачивает на север, а затем, в месте под названием « », разветвляется на дельту. В ходе этого поворота он принимает свои последние

значительные притоки, а именно молдавские реки Серет и Прут. В тридцати милях ниже устья последнего Дунай раздваивается. Его главная ветвь, известная как Килия, несет около двух третей всего объема своих вод в Черное море и образует границу между Румынией и турецкой Болгарией. Южная ветвь, или Тулча, протекает полностью по турецкой территории. Она разделяется на две ветви, из которых Сулина является главной артерией судоходства.

Главная ветвь реки имеет огромное значение, если рассматривать изменения, происходящие на поверхности земли под воздействием водных сил. Ниже Исмаила она разветвляется на множество каналов, которые постоянно меняются: новые каналы выкапываются, а другие засыпаются наносами, приносимыми наводнениями. Дважды воды реки вновь объединяются в один канал, прежде чем окончательно распределяются по вторичной дельте, выступающей в Черное море. Внешнее развитие этой новой земли составляет около двенадцати миль, и, предполагая, что море имеет равномерную глубину тридцать три фута, оно будет продвигаться ежегодно со скоростью 660 футов. Однако, несмотря на это быстрое увеличение, побережье у устья Килии выступает гораздо меньше на восток, чем в южной части дельты, и из этого можно сделать вывод, что древний морской залив, теперь заполненный аллювиальными отложениями, принесенными ветвью Килии, был гораздо больше и глубже, чем те, что находятся на юге.⁴⁷ При изучении карты дельты Дуная можно заметить, что, продлив береговую линию Бессарабии на юг, она пересекает дельту. Это древнее побережье. Оно возвышается над полузатопленными равнинами, как насыпь, через которую ветви реки проложили себе путь к морю. Аллювий, принесенный устьями Сулины и Святого Георгия, распределился по обширной равнине, лежащей за этой насыпью, в то время как аллювий, принесенный через то, что в настоящее время является главным рукавом, образует лишь небольшой архипелаг нечетко очерченных островов за ней. Из этого можно сделать вывод, что последний имеет более позднее происхождение, чем другие рукава.

В процессе постепенного вторжения в море река отрезала несколько озер значительных размеров. На побережье между устьем Днестра и дельтой Дуная находится несколько лагун, или *лиманов*, незначительной глубины, вода в которых испаряется в жару лета, оставляя тонкий слой соли. По своей общей конфигурации, характеру окружающей местности и параллельности впадающих в них рек эти водоемы очень похожи на озера, встречающиеся дальше на запад, вплоть до устья Прута. Однако последние наполнены пресной водой, а песчаные барьеры в их нижней части отделяют их не от Черного моря, а от Дуная. Нет сомнений, что в древности эти озера были морскими заливами, во всех отношениях похожими на лагуны, которые до сих пор существуют вдоль побережья. Дунай, превратив свой древний залив в дельту, отделил их от моря, и их соленая вода была заменена пресной водой, приносимой реками. Существующие соленые лагуны претерпят ту же метаморфозу по мере того, как дельта Дуная будет завоевывать территорию моря.

Равнины Валахии ранее защищались древней линией укреплений, проходящей к северу от этих дунайских озер и лагун и известной как «Вал Траяна», подобно рвам, стенам и укрепленным лагерям в Южной Добрудже. Жители приписывают их строительство Цезарю, хотя они были возведены гораздо позднее, Траяном, для защиты от вестготов. Эта древняя оборонительная линия почти совпадала с политической границей между русской и румынской Бессарабией и, вероятно, простиралась к западу от Прута, через всю Молдавию и Валахию. Ее остатки, которые все еще можно увидеть, известны как «Дорога аварцев». Вторая стена, следы которой все еще можно увидеть между Леовой и Бендером, защищала подступы к долине Дуная.

Несмотря на разнообразные народы, которые захватывали, завоевывали или опустошали их территорию, жители Румынии, более удачливые, чем их соседи, сохранили единство своей расы и языка. Валахи и молдаване составляют один народ и не только сохранили свою национальную территорию, но и фактически посягали на территории своих соседей. На всей территории Румынии, за исключением той части Бессарабии, которая была уступлена западными державами после Крымской войны, жители, принадлежащие к чуждым расам, составляют меньшинство.

Происхождение этой латиноязычной нации до сих пор остается загадкой. Являются ли они потомками геттов и латинизированных даков, или же среди них преобладает кровь итальянских колонистов, привезенных туда Траяном, легионеров и римских солдат? В какой степени они смешались со своими соседями, славянами и иллирийцами? Какую роль

сыграли кельты в формировании их национальности? Являются ли «маленькие» валахи, «люди с восьмьюдесятью зубами» — так называемые из-за своей храбрости — потомками кельтов? Мы не можем сказать это с уверенностью, поскольку такие ученые, как Шафарик и Миклошич, расходятся во мнениях по всем этим вопросам. Обширные равнины, в настоящее время заселенные румынами, стали пустыней в III веке, когда император Аврелиан заставил их жителей переселиться на правый берег Дуная. Если верно, что потомки этих эмигрантов когда-либо возвращались на места своих предков, в то время занятые славянами, мадьярами и печенегами, то когда они это сделали? Миклошич предполагает, что они сделали это в конце V века; Рёслер считает, что в XIV веке, хотя древние летописцы XI века упоминают румын как проживающих в Карпатах. Другие авторитетные источники отрицают наличие какой-либо реэмиграции; они утверждают, что остатки латинизированного населения были достаточны для восстановления национальности. Одно можно сказать наверняка: этот небольшой народ удивительно разросся и стал теперь преобладающей расой в Нижнем Дунае и Трансильвании.

ВАЛАХИ (ВАЛАХИ).

Еще в XVII веке язык, на котором говорили румыны, считался сельским диалектом, а в церквях и судах использовался славянский язык. В настоящее время, напротив, румынские патриоты стремятся очистить свой язык от всех сербских слов, а также от греческих и турецких выражений, введенных во время господства Османской империи. «Римляне» Дуная стремятся отполировать свой язык, чтобы он мог сравниться с итальянским и французским. Они отказались от русского алфавита, а их словарный запас постоянно пополняется новыми словами, заимствованными из латыни. Идиома, на которой говорят в городах, которая раньше была самой нечистой из-за притока иностранцев, теперь стала более латинской, чем та, на которой говорят в деревнях. Однако есть около двухсот слов, которые не имеют связи

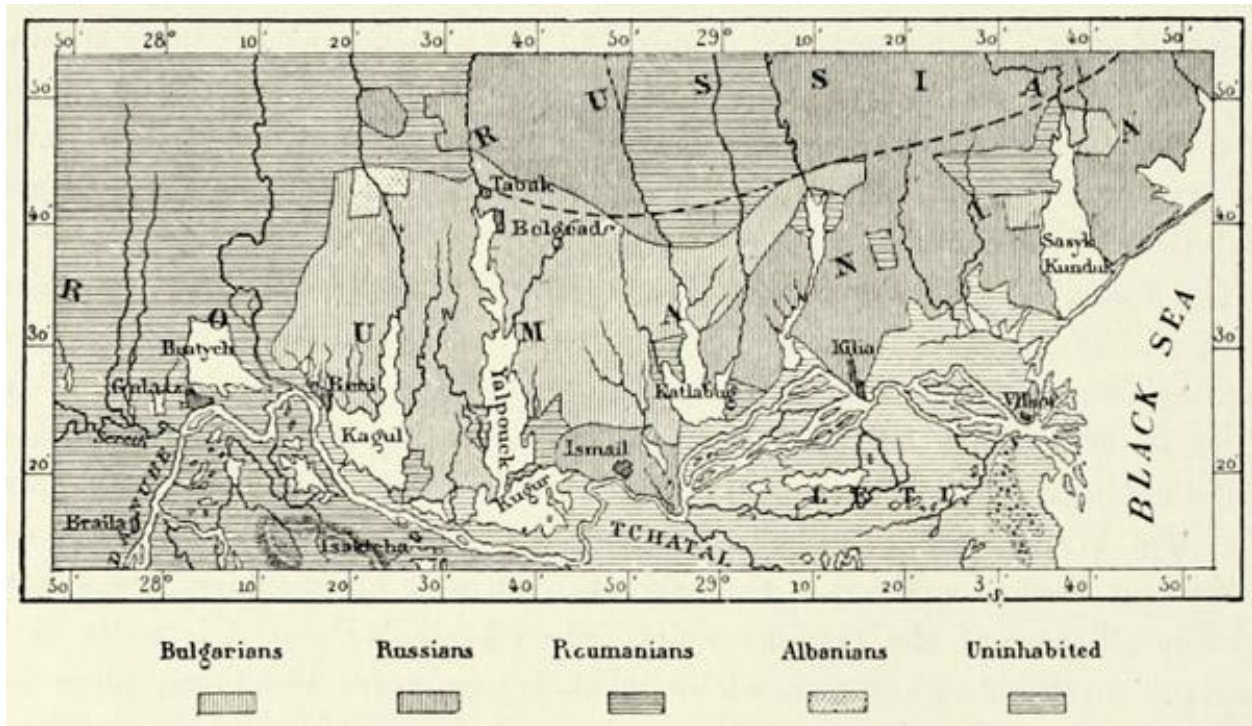
с каким-либо известным языком, и считается, что они являются остатками древнего дакийского языка, на котором говорили в период римского вторжения. Кроме того, валашский язык отличается от латинских языков Западной Европы тем, что артикль и указательное местоимение всегда стоят после существительного. То же правило действует в албанском и болгарском языках, и Миклошич, вероятно, прав, когда считает это особенностью древнего языка аборигенов.

Однако эти тонкости совершенно не замечаются широкими массами населения. Румынский крестьянин гордится древними завоевателями своей страны и считает себя потомком римских патрициев. Некоторые из его обычаев, связанных с рождением детей, помолвкой или похоронами, напоминают обычаи римлян, а танец *калушаров*, как говорят, восходит к самым первым итальянским поселенцам. Валахи любят говорить об отце Траяне, которому они приписывают все те подвиги, которые в других странах ассоциируются с Гераклом, Фингалом или Оссианом. Многие горные долины были разорваны могучей рукой Траяна, а лавины, спускающиеся с холмов, называют громом Траяна. Румыны совершенно не знают о гетах, даках или готах, хотя в горах мы все еще встречаем высоких мужчин с голубыми глазами и длинными льняными волосами, которые, вероятно, являются потомками коренных жителей этой страны.

Румыны, как правило, имеют красивые загорелые черты лица, светлые волосы, выразительные глаза, красивый рот и красивые зубы. Они позволяют своим волосам расти длинными и иногда даже предпочитают эмигрировать, чем пожертвовать ими ради военной службы. Они демонстрируют грацию во всех своих движениях, неутомимы в походах и выдерживают тяжелейший труд без жалоб. Даже валашский пастух с его овечьей шапкой, или *кашулой*, широким кожаным поясом, используемым в качестве кармана, овечьей шкурой, накинутой на плечи, и кальсонами, напоминающими те, что носили даки, изображенные на колонне Траяна, выглядит благородно. В крупных городах, где произошло значительное смешение с греками, южными русскими и мадьярами, преобладает смуглый цвет кожи. Румынские женщины — это сама грация. Они всегда очаровывают нас своим вкусом и аккуратностью, независимо от того, носят ли они современную одежду или по-прежнему предпочитают национальный костюм, состоящий из вышитой рубашки, летящего жилета, разноцветного фартука, золотой сетки и золотых пайеток, вплетенных в волосы. Эти внешние достоинства сочетаются у румынок с быстротой ума, веселым нравом и даром остроумия, что дает им право называться парижанками Востока.

Среди этого однородного румынского населения мы встречаем болгарских колонистов, число которых в последнее время увеличилось в результате преследований со стороны турок и греков. Характер болгар, родившихся в этой стране, претерпел значительные изменения. В настоящее время они являются самыми трудолюбивыми земледельцами, а в окрестностях крупных городов занимаются в основном садоводством. Многие из этих болгар живут в той части Бессарабии, которая была уступлена Россией в 1855 году. Они поселились там в 1829 году, в частности в *Буджаке*, или южном «углу» Бессарабии, и их поля возделываются лучше, а дороги находятся в лучшем состоянии, чем у их молдавских соседей. Их деревни до сих пор носят татарские названия, оставшиеся со времен, когда их страна была оккупирована ногайскими татарами, и они выгодно контрастируют с деревнями окружающих народов. Болград, столица этой колонии, — небольшой оживленный город, чьи школы « » пользуются высокой репутацией. Эти болгары, отличающиеся трудолюбием, трезвостью и бережливостью, более или менее смешались с русскими, греками и цыганами и говорят почти на всех языках Востока.

Рис. 46. ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА МОЛДАВСКОЙ БЕССАРАБИИ.

Русские Молдавской Бессарабии поселились на берегах Дуная, к востоку от этих болгарских колоний. Они тоже являются хорошими земледельцами. Русские, которых можно встретить в городах, в основном занимаются торговлей и пользуются высокой репутацией благодаря своей честности. Большинство из них принадлежат к старой секте *липованцев* и около века назад бежали из России, спасаясь от религиозных преследований. Почти все они говорят на румынском языке. Деревня Вилкоф, расположенная у устья Дуная, почти полностью заселена этими липованцами, которые являются опытными рыбаками и делят между собой плоды своего труда. Другие русские принадлежат к секте *скопцев*, или «калеков», которая, как говорят, пополняет свои ряды путем похищения детей. Этим скопцев можно узнать по их полноте и гладким лицам, а в Бухаресте они считаются отличными кучерами.

Мадьярские секеи из Трансильвании, известные в стране как *чангеи*, являются единственным другим иностранным элементом населения, занимающим отдельные поселения. Эти чангеи, которые впервые прибыли в страну, когда короли Венгрии были хозяевами долины Сереты, постепенно становятся румынами по одежде и языку и стали бы таковыми уже давно, если бы не были католиками, в то время как люди, среди которых они живут, являются греками. Ежегодно к ним присоединяются несколько соотечественников из Трансильвании, привлеченных мягким климатом и плодородием почвы. Весной и осенью большие группы венгерских жнецов и рабочих спускаются на равнины Молдавии.

Греческий элемент был сильно представлен в прошлом веке, когда правительство страны было передано султаном греческим купцам из Константинополя. В настоящее время греки не многочисленны — их число, возможно, не превышает 10 000 душ, даже если включить в их число эллинизированных зинзаров, — но они занимают влиятельные позиции в качестве управляющих поместьями или купцов, и экспорт зерна почти исключительно находится в

их руках. Следы древнего правления этих фанариотов до сих пор сохранились в языке страны и в отношениях, сложившихся в результате смешанных браков между феодальными семьями. Гораздо более многочисленными, чем эти греки, и более значимыми являются представители тех бездомных народов — евреи и цыгане (или гитцы). В крупных городах встречается несколько испанских евреев, но большинство составляют «немецкие» евреи, прибывшие сюда из Польши, Малой Руси, Галиции и Венгрии. Как таможенники и посредники, они вступают в тесный контакт с бедными людьми и вызывают всеобщее отвращение не из-за своей религии, а из-за удивительного мастерства, с которым им удается завладеть сбережениями народа. Им приписывают всевозможные вымышленные преступления, и они неоднократно подвергались жестокому обращению по надуманному обвинению в том, что они едят маленьких детей во время Пасхи. Однако румыны вряд ли могут обойтись без этих ненавистных евреев, и их законы, запрещающие евреям приобретать землю, укрепляют их коммерческую монополию. Если верить некоторым оценкам, евреи составляют пятую часть всего населения Молдавии. Армяне, другой великий торговый народ Востока, представлены несколькими процветающими колониями, особенно в Молдавии. Эти хайканы являются потомками иммигрантов, поселившихся в стране в разные эпохи между XI и XVII веками. Они живут среди себя и, хотя не пользуются особой симпатией у народа, умеют избегать ненависти. Некоторые армяне из Константинополя, говорящие по-турецки, встречаются в нижнем течении Дуная.

Цыгане, или гитцы, которые раньше были так презираемы, постепенно ассимилировались с остальным населением. Не так давно они были рабами, собственностью государства, бояр или монастырей. Они вели кочевой образ жизни — работали, торговали или воровали в интересах своих хозяев. Они были разделены на касты, главными из которых были *лингурари*, или изготовители ложек; *урсари*, или дрессировщики медведей; *фerrари*, или кузнецы; *аурари*, или сборщики золотого песка; и *лаутари*, или музыканты. Последние были самыми утонченными из всех и нанимались для прославления славы и добродетелей бояр. Сейчас они являются менестрелями в деревнях и музыкантами в городах. Очень малочисленны *нетоци*, низшая каста, которая живет в лесах или палатках, питается самой гнилой пищей и не хоронит своих мертвецов. Цыгане были ассимилированы в 1837 году с крестьянством, и с момента их освобождения почти все они ведут оседлый образ жизни, тщательно возделывая землю или занимаясь каким-либо ремеслом. Слияние цыган и румын проходит быстрыми темпами, поскольку обе расы исповедуют одну религию и говорят на одном языке. Межрасовые браки между ними являются частым явлением, и в недалеком будущем цыгане Румынии уйдут в прошлое. Их численность по-прежнему оценивается в 100 000–300 000 человек.⁴⁸

Румынский народ все еще находится в переходном состоянии от феодальной к современной эпохе. Революция 1848 года пошатнула древнюю систему до основания, но не разрушила ее. Еще в 1856 году крестьяне были привязаны к земле. Они не имели никаких прав, были во власти бояр и монастырей, на земле которых были обречены пахать, и жили в убогих лачугах. Вся страна и ее жители принадлежали пяти или шести тысячам бояр, которые были либо потомками древних «храбрецов», либо купили свои дворянские титулы. Большинство этих бояр были лишь мелкими землевладельцами, и почти вся земля принадлежала семидесяти феодалам в Валахии и тремстам в Молдавии.

Такое положение дел привело к ужасающей деморализации господ и крепостных, и даже хорошие качества румын — их энергия, щедрость и дружелюбие — превратились в зло. Аристократы жили вдали от своих поместий, тратя доходы, поступавшие от их греческих

управляющих, на разврат и азартные игры. Крестьяне работали мало, поскольку не имели доли в урожае; они были недоверчивы и лживы, как и все рабы; они были невежественны и суеверны, поскольку их образование зависело от неграмотных и фанатичных священников. Их *папы* были волшебниками и лечили болезни заклинаниями и священными зельями. Что касается монахов, то некоторые из них были богатыми землевладельцами, столь же алчными, как и светские господа; другие жили на подаяния, променяв жизнь рабства на нищенство.

Не так давно румыны, лишенные всякого образования, кроме того, которое давали им *доины*, или древние песни, были почти погружены в средневековую тьму. Даже сейчас в сельских районах сохранились некоторые древние обычаи их предков. На похороны приглашают наемных плакальщиц, чьи вопли сопровождают прощание родственников. В гроб кладут палку, на которую можно опереться при переходе через Иордан, кусок ткани, который послужит одеждой, и монету в качестве взятки святому Петру за открытие врат рая. Не забывают и о вине и хлебе для путешествия. Рыжеволосых людей подозревают в том, что они возвращаются на землю в образе собаки, лягушки или блохи и проникают в дома, чтобы высасывать кровь из красивых молодых девушек. В их случае лучше плотно закрыть крышку гроба или, что еще лучше, проткнуть горло покойника палкой.

Крестьяне, несомненно, больше не будут преследоваться этими галлюцинациями, поскольку моральный и интеллектуальный прогресс нации идет в ногу с ее материальным процветанием с тех пор, как крестьяне стали возделывать свою землю. Официально освобожденные в 1856 году, но в течение нескольких последующих лет удерживаемые в своего рода ограниченном рабстве, крестьяне теперь владеют по крайней мере частью земли. Согласно закону, принятому в 1862 году, каждый глава семьи имеет право на участок земли площадью от семи до шестидесяти семи акров, и с тех пор крестьяне значительно укрепили свое самоуважение. Его земля, хотя и по-прежнему возделывается древнеримским плугом и лишена удобрений, дает огромные урожаи зерновых, продажа которых приносит богатство стране и способствует прогрессу. Румыния сейчас является одной из крупнейших стран-экспортеров зерна в Европе, и в благоприятные годы, когда урожай не съедают саранча и не уничтожают морозы, ее экспорт превышает экспорт Венгрии. Менее чем за десять лет экспорт пшеницы, кукурузы, ячменя и овса удвоился, а ежегодная сумма реализации колеблется от 4 000 000 до 8 000 000 фунтов стерлингов.

К сожалению, крестьяне едят лишь небольшую часть выращенного ими зерна. Они довольствуются кукурузой, из которой готовят *мамалигу* и отвратительные спиртные напитки, которые поднимают им настроение в сто девяносто четыре праздничных дня в году. Виноградарство, которое раньше было полностью заброшено, также прогрессирует, и продукция предгорий Карпат по праву ценится. Прошло то время, когда «валашский» и «пастух» были синонимами на всем Востоке. Тем не менее, почти четверть территории страны остается не возделанной, и почва оставляется под паром каждый третий год. Молдавия в целом возделывается лучше, чем Валахия, и это в основном связано с тем, что молдавские бояре проживают в своих поместьях и гордятся своим хозяйством. Тем не менее, прогресс заметен по всей стране, и едва ли найдется крупное поместье, где не было бы паровой молотилки. Даже мелкие землевладельцы постепенно внедряют усовершенствованные методы возделывания земли (), а во многих деревнях они создали кооперативы для возделывания обширных участков земли ([1.49](#)).

Румыния — преимущественно сельскохозяйственная страна. Руды Карпат не используются, поскольку к ним не ведут дороги. Нефтяные скважины в 1873 году дали

только 3 810 000 галлонов. Четыре из основных солеварни принадлежат государству, частично работают с помощью труда заключенных и дают ежегодно 80 000 тонн соли. Рыболовство имеет некоторое значение. Жители Нижнего Дуная солят рыбу, которая в изобилии водится в реке и соседних озерах, и готовят икру из осетра. За исключением крупных городов, в стране нет фабрик, и она известна только своими коврами, вышитыми тканями и кожей, а также керамикой. Хозяйки славятся своими кондитерскими изделиями.

Торговля ежегодно растет.⁵⁰ В прежние времена единственным выходом на море был Дунай. Почти вся продукция страны перевозилась в Галац, расположенный на изгибе реки, где сходятся основные транспортные пути страны. Еще много лет Дунай будет оставаться главной торговой артерией страны; река Прут также судоходна для небольших пароходов до Скулени, к северу от Ясс, а многочисленные реки, стекающие с Карпат, всегда будут полезны для перевозки леса. Строительство железных дорог открыло новые рынки сбыта. Румыния теперь соединена с железнодорожными системами Австрии и Венгрии, а предлагаемый мост через Дунай обеспечит ей прямое сообщение с Варной на Черном море. Равнинный рельеф страны облегчает строительство железных дорог, но ее жители смотрят на их расширение с опаской, поскольку полагают, что за коммерческим вторжением может последовать военное.⁵¹

Румыны много жалуются на то, что левый берег Сулинского рукава Дуная не был уступлен им по Парижскому договору. В прежние времена вся дельта Дуная принадлежала Молдавии, о чем свидетельствуют руины города, построенного румынами на южном берегу реки, напротив Килии. До конца прошлого века юрисдикция молдавского губернатора Измаила распространялась на порт Сулина, и он был обязан поддерживать устье реки в свободном от препятствий состоянии. Несмотря на это, западные державы позволили Турции оккупировать всю дельту, в то время как румыны ограничили левым берегом Килийского рукава. В результате страна не имеет прямого выхода к Черному морю, за исключением небольших судов, поскольку устье Килийского рукава заблокировано песчаной косой. М. Дежарден и другие инженеры, уделившие внимание этому вопросу, предлагают построить судоходный канал длиной около восьми миль, который соединит Дунай с заливом Сибриани. В то же время Румыния может свободно пользоваться устьем Сулины, которое поддерживается в открытом состоянии за счет западных держав, и поэтому строительство канала вряд ли представляется необходимым.

Бухарест (или Букурешти, произносится Букурешти), столица Валахии и всей Румынии, уже входит в число великих городов Европы. После Константинополя и Будапешта он является самым густонаселенным городом Юго-Восточной Европы, и его жители с любовью называют его «Парижем Востока». Не так давно город представлял собой не более чем скопление деревень, очень живописных издавна благодаря многочисленным башням и сверкающим куполам, возвышающимся над окружающей зеленью, но очень неприятных внутри. Но Бухарест быстро преобразился с ростом благосостояния его жителей. Теперь он может похвастаться широкими и чистыми улицами, окаймленными красивыми домами, оживленными общественными площадями и ухоженными парками, и вполне заслуживает свое прозвище «веселый город».

Яссы (Jasi или Yashi), ставшие столицей Молдавии после аннексии Сучавы Австрией, занимают гораздо менее центральное положение, чем Бухарест, но плодородие окружающей местности, близость судоходной реки Прут и России, с которой они поддерживают

оживленную торговлю, а также их расположение на главной дороге, соединяющей Балтийское и Черное моря, привели к быстрому росту населения. Сейчас это процветающий город, хотя и не являющийся более резиденцией независимого правительства. Построенный у подножия Карпат, город великолепно выглядит издали, и его внешний вид не противоречит его лучшим кварталам. Евреи, армяне, русские, цыгане, татары и мадьяры широко представлены среди его населения, которое по типу является полувосточным. Мы почти можем представить себе, что стоим на пороге Азии. Церковь Трех Святых отличается своей оригинальностью и является шедевром орнаментации в мавританском стиле.

Рис. 47. — ВИД БУХАРЕСТА.

Все остальные города Румынии обязаны своим значением расположению на важных торговых путях. Ботошани в Северной Молдавии лежит на пути в Галицию и Польшу, то же самое можно сказать и о Фалтиченье, международные ярмарки которого всегда собирают много посетителей. Торговля способствует процветанию городов на Дунае. Вилкоф — крупный рынок рыбы и икры; Килия — древняя Ахиллея, или город Ахилла; Измаил, где проживает много русских липован; Рени; Галац, который, как говорят, был древней колонией галатов, а сейчас является важнейшим торговым центром на Нижнем Дунае и резиденцией европейских комиссаров по его регулированию; Браила, бедная деревня, пока ее удерживали турки, но теперь важная благодаря торговле зерном и литературный центр болгар. Все эти города, хотя и расположены на берегах Дуная, можно считать почти портами Черного моря, через которые продукция страны, и особенно ее зерно, попадает на зарубежные рынки. Джурджу (Юрьево) — порт Бухареста на Дунае; Турну-Северин — ворота Валахии, расположенные ниже большого сужения реки; Крайова, Питешчи, Плоешти, Бузеу и Фокшаны образуют конечные точки дорог, спускающихся из высоких долин Трансильвании. Александрия, недавно построенный город в центре равнины, простирающейся от Бухареста до Олто, стала складом сельскохозяйственной продукции.

Раньше, когда непрекращающиеся войны придавали стратегическому положению большее значение, чем торговые преимущества, столица страны была основана в самом

сердце Карпат. В XIII веке она находилась в Кампу-Лунгу, посреди гор, а затем была перенесена в Куртя-д'Аргеша, основанную князем Негозе Бессараба в начале XVI века. От этой древней столицы сейчас остались только монастырь и прекрасная церковь: стены, карнизы и башни покрыты скульптурами, похожими на работы ювелира. Таргу-Вестья, или Тырговиште, на Яломице, была третьей столицей, но от прекрасного дворца, построенного там *домни*, сейчас остались только почерневшие стены.⁵²

Румыния включает в себя два древних княжества — Валахию и Молдавию — и образует полунезависимое государство под покровительством великих держав, выплачивающее ежегодную дань в размере около 40 000 фунтов стерлингов Порте. Страна поставила во главе государства члена семьи Гогенцоллернов. Конституция 1866 года наделяет этого князя правом назначать всех государственных чиновников и офицеров армии, чеканить монету и помиловать преступников. Все законы должны быть подписаны им, прежде чем они могут вступить в силу. Он получает гражданскую стипендию в размере 48 000 фунтов стерлингов.

Законодательная власть принадлежит двум палатам, члены которых избираются по процедуре, разработанной в интересах богатых. Все румыны старше 21 года, за исключением наемных слуг, внесены в избирательные списки. Они разделены на четыре «коллегии» или классы, имеющие совершенно разные привилегии. Первый колледж включает всех избирателей округа, чей доход от земельной собственности составляет 132 фунта стерлингов в год; избиратели с доходом от 44 до 132 фунтов стерлингов образуют второй колледж; купцы и торговцы городов, уплачивающие налог в размере 23 *шиллингов* в год, государственные пенсионеры, офицеры, получающие половину жалованья, профессора и выпускники университетов образуют третий колледж; остальные избиратели принадлежат к четвертому колледжу. Первые два колледжа избирают по одному депутату от своего округа; третий колледж избирает от одного до шести депутатов от каждого города в зависимости от его размера; четвертый колледж избирает делегатов, которые выбирают представителей.

Сенат представляет в первую очередь крупных землевладельцев. Сенаторы должны иметь доход в размере 352 фунтов стерлингов и избираются землевладельцами, чей доход составляет не менее 132 фунтов стерлингов в год. Университеты Бухареста и Яссы представлены по одному сенатору, избираемому профессорами, а наследный принц, митрополит и епархиальные епископы являются членами Сената *по должности*. Сенаторы избираются на восемь лет, а депутаты — на четыре года.

Румынская конституция предоставляет все права и привилегии, обычно закрепленные в документах такого рода. Гарантируется право на собрания; существует свобода печати; муниципальные чиновники и мэры избираются, но князь может вмешиваться в дела городов, в которых проживает более тысячи семей; смертная казнь отменена, за исключением военного времени; образование бесплатное и обязательное «везде, где есть школы». Существует свобода вероисповедания, хотя есть государственная церковь, и только христиане могут быть натурализованы. Брак считается законным только в том случае, если он освящен священником. Румынская церковь, что касается догм, является греческой, но она полностью независима от греческого патриарха, проживающего в Константинополе, и управляется собственным Синодом. Большинство монастырей были секуляризированы.

Страна разделена на четыре судебных округа, каждый из которых имеет апелляционный суд, а верховный суд находится в Бухаресте. Французские кодексы, с небольшими изменениями, были введены в 1865 году.

Армия частично построена по образцу прусской. Все граждане призываются на шестнадцатилетнюю службу, восемь лет из которых проходят в действующей армии или ее резерве, а восемь — в ополчении. Национальная гвардия включает всех мужчин до пятидесяти лет, не принадлежащих ни к одной из других категорий. Призвав всех своих мужчин, Румыния может легко выставить на поле боя армию в 100 000 человек. На Дунае также имеется несколько канонерских лодок.

Финансы Румынии находятся в более удовлетворительном состоянии, чем у большинства других государств Европы. Правительство, безусловно, живет за счет займов, по которым приходится платить восемь процентов, и почти весь годовой доход тратится на выплату процентов, армию и налоговые службы. Однако кредитная способность Румынии хорошая, поскольку займы обеспечены обширными владениями, принадлежащими секуляризованным монастырям, из которых ежегодно продается несколько тысяч акров. Продажа соли и производство табака являются монополией правительства.⁵³

Румыния разделена на административные цели на 33 департамента и 164 округа, или *пласи*. В стране 62 города и 3020 сельских коммун.

СЕРБИЯ И ЧЕРНОГОРИЯ.*

СЕРБИЯ.

СЕРБИЯ, как и Румыния, до недавнего времени была полунезависимым государством, выплачивавшим 25 000 фунтов стерлингов в год в качестве дани Порте и подчинявшимся турецкому гарнизону в Мали-Зворнике на боснийской границе. Но даже эти пережитки древнего угнетения раздражали национальную гордость до немыслимой степени, и момент, когда можно было нанести удар от имени Сербии и соседних стран, населенных славянами, все еще стонущими под турецким игом, ожидался с нетерпением. Удар был нанесен, и если бы не поддержка со стороны великих держав, Сербия уже перестала бы существовать как полунезависимое государство.

Сербия в своих нынешних границах включает в себя лишь небольшую часть северного склона гор, возвышающихся в центре Балканского полуострова. Она отделена от Австро-Венгрии реками Сава и Дунай, но никакая естественная граница не отделяет ее от Турции; а долины Моравы, Дрины и Тимока, первая из которых находится в центре, а другие — на восточной и западной границах страны, обеспечивают легкий доступ иностранному захватчику. Трудности, которые пришлось бы преодолеть последнему, начались бы только после того, как он вошел бы в обширные леса, узкие долины и непостижимые *клизуры* среди гор.

Единственные равнины, имеющие какое-либо значение, находятся на берегах Савы. Везде остальная часть страны холмистая, каменистая или гористая. Наиболее заметная горная цепь простирается от «Железных ворот» и ущелья Касан на Дунае через Восточную Сербию и образует заметную продолжение Трансильванских Альп, с которыми она совпадает по геологическому строению. В северной части этих сербских Карпат, в углу, образованном слиянием Дуная и Моравы, где массивы порфира прорвались сквозь известняки и сланцы, мы попадаем в большой минеральный регион Сербии. Здесь добывают медную, железную и свинцовую руду, особенно в Майданпек и Кучайне, но старые цинковые и серебряные рудники были заброшены. Долина Тимока, в южной части этого горного хребта, также богата полезными ископаемыми, а из песка реки добывают золотой песок. Немногие долины могут сравниться с Тимоком по красоте и плодородию, а бассейн Княшеваца, где сливаются верховья реки, особенно отличается своей сельской красотой, сверкающими ручьями, протекающими по лугам, виноградникам, покрывающими холмы, и лесами,

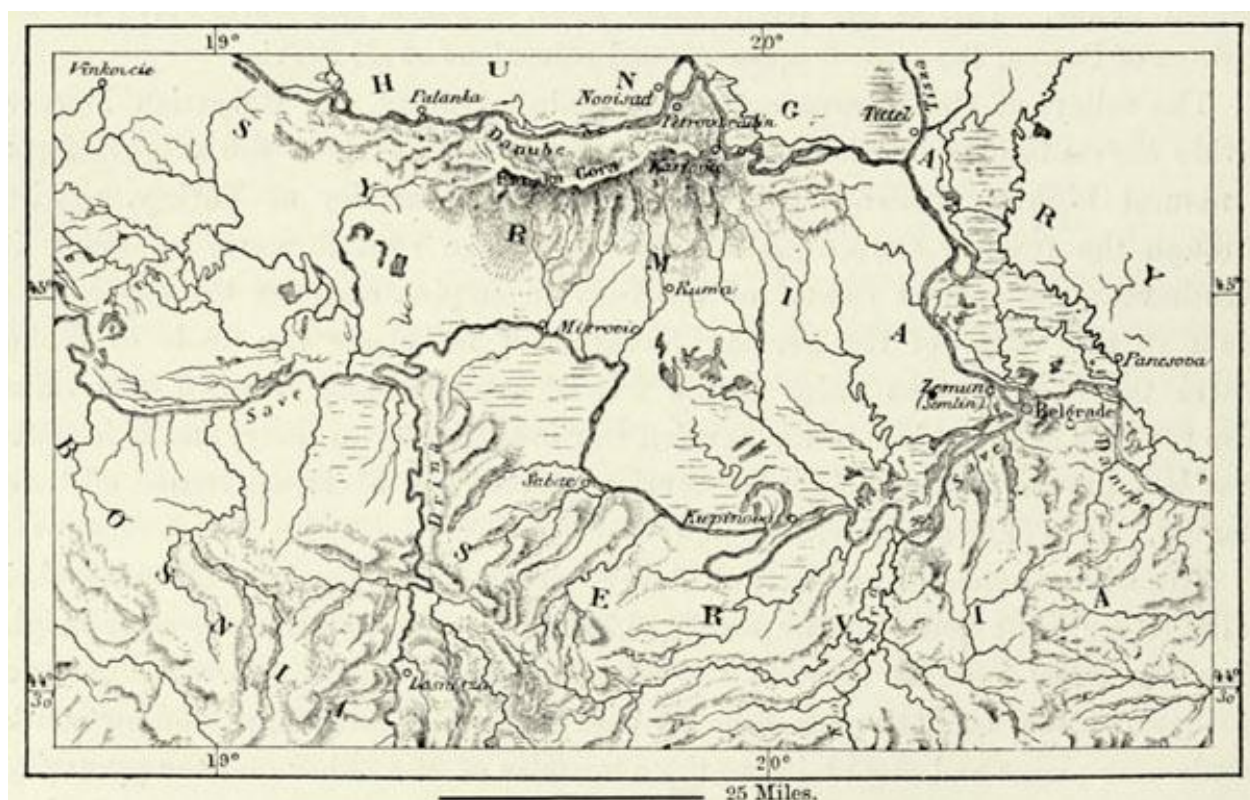
окружающими горы. Узкий проход, расположенный непосредственно под этой котловиной, ведет в долину Зайчар, недалеко от которой, в Гамзиграде, до сих пор сохранились руины римской крепости, стены и башни которой из порфира находятся в отличном состоянии. Глядя на север от этого места, мы видим гору Стол (3638 футов), а на юго-западе возвышается огромная пирамида из мела, которую можно было бы принять за произведение рук человеческих. Это гора Ртан (4943 фута), у подножия которой бьют горячие источники Баня, самые посещаемые и эффективные во всей Сербии.

Долины Моравы и ее главного притока, Болгарской Моравы, делят Сербию на две неравные части. Долина Моравы образует естественную магистраль между Дунаем и внутренними районами Турции, проходя через пограничный город Алексинац. Раньше по ней пролегла римская дорога. Крушевац, древняя столица Сербской империи, занимает центр равнины в долине Сербской Моравы, недалеко от ущелья Сталай, где две Моравы сливаются у подножия мыса, увенчанного руинами. Здесь до сих пор можно увидеть руины дворца сербского царя, и утверждается, что Крушевац в период расцвета сербской власти имел окружность в три лиги. Сейчас это всего лишь бедная деревня.

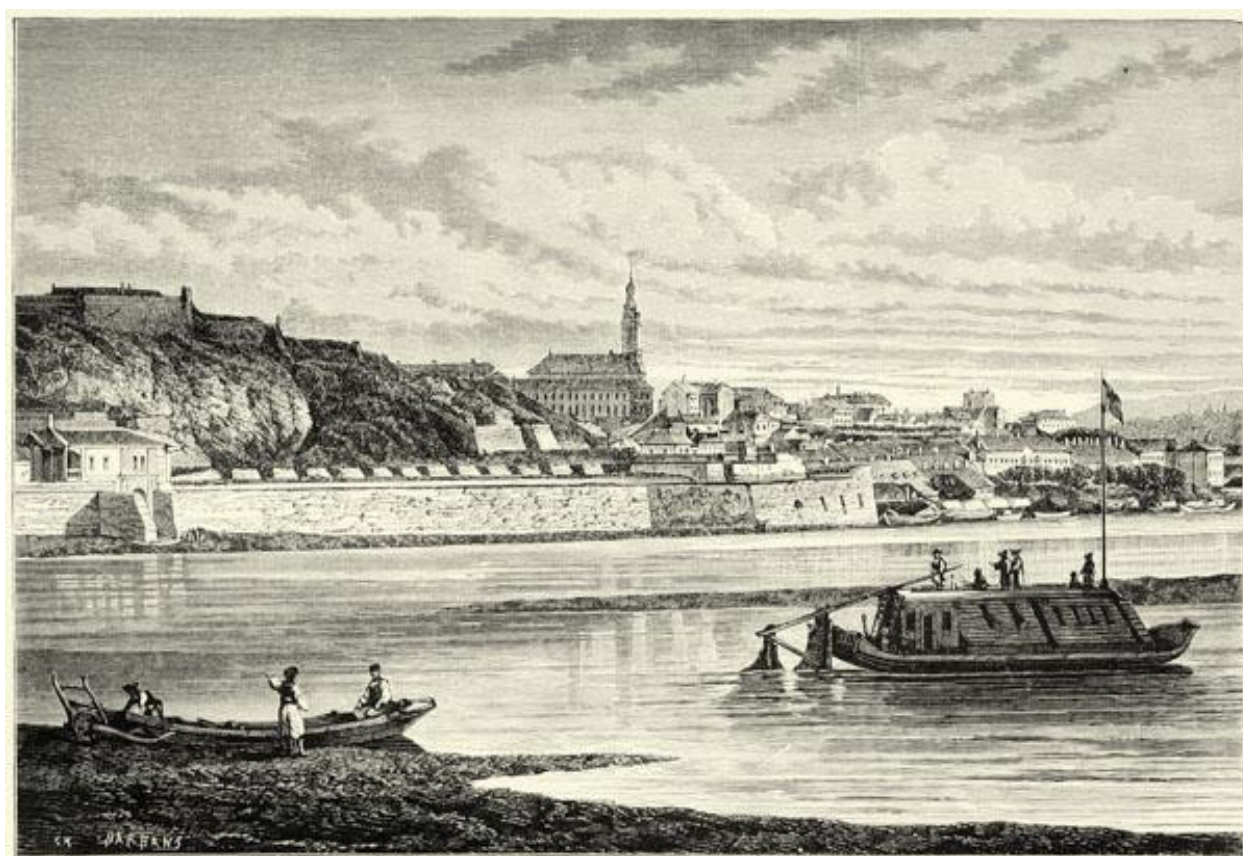
Между двумя Моравами возвышаются самые дикие горные массивы Сербии, кульминацией которых является Копаоник (6710 футов), превосходящий по высоте все другие вершины между Савой и Балканами. С его подножия и скалистой вершины открывается широкий вид несравненной красоты, простирающийся на юг над равнинами и горами до вершин Схар и пирамидального Дормитора. Однако сам по себе Копаоник совершенно лишен красоты, и там, где его склоны лишились лесов, которые когда-то покрывали их, голые скалы из серпентина представляют собой картину полного опустошения. Его долины далеко не плодородны, их жители угрюмы и бедны, и многие из них страдают от зоба.

Горы, простирающиеся к северу от Копаоника, вдоль обоих берегов Ибара, по-прежнему в основном покрыты дубами, буками и хвойными деревьями. Широкая долина сербской Моравы, соперничающая по плодородию с равнинами Ломбардии, проникает в эти горные массивы. Но они снова поднимаются к северу от этой реки, достигая высоты 3622 футов в горном массиве Рудник. Преобладают меловые породы, часто увенчанные гранитными вершинами. Долины узкие и извилистые. Это знаменитая Сумадия, или «лесная область» Сербии, которая во время правления турок служила убежищем для преследуемых раев, а в войне за независимость стала цитаделью сербской свободы. Небольшой городок Крагуевац, расположенный в одной из узких долин, был выбран в качестве столицы, и до сих пор в нем сохранился литейный завод, снабжаемый углем из бассейна Чуприя. Такая уединенная столица, возможно, подходила народу, постоянно вовлеченному в войны, но когда Сербия вступила на путь прогресса, столица была перенесена в Белград. Этот город — Београд, или «белый город» сербов, *Сингидунум* римлян и *Альба Грека* средневековья — прекрасно расположен на холме у слияния Дуная и Савы и возвышается над болотистыми равнинами Сирмии. Благодаря своему выгодному географическому положению Белград стал центром торговли и важным стратегическим пунктом.

Рис. 48. — СЛИЯНИЕ ДУНАЯ И САВЫ.
Масштаб 1 : 1 420 000.

К западу от Белграда мы видим только холмы и плодородные равнины, орошаемые рекой Колубара. Только к юго-западу, приближаясь к Дрине, мы снова оказываемся среди известковых гор, достигающих высоты 3630 футов и соединенных с отрогами Копаоника на юге. Это одна из самых живописных частей страны. Здесь много руин домов и крепостей, среди которых наиболее обширны руины Ушицы. Однако эти крепости не смогли защитить страну, и ни одна часть Сербии не подвергалась столь частым разрушениям со стороны безжалостных захватчиков.

БЕЛГРАД.

В прежние времена Сербия могла похвастаться одними из самых обширных дубовых лесов в Европе. «Убить дерево — значит убить серба», — гласит древняя пословица, вероятно, относящаяся к временам, когда леса давали убежище угнетенным раясам. К сожалению, эта пословица больше не действует. Во многих частях страны леса исчезли, и обнаженные скалы высятся, как в Далмации и Карниоле. Крестьянин, которому нужна ветка, срубает целое дерево, а пастухи не довольствуются сухими прутьями для костров, им нужен дуб. Самыми большими врагами лесов, после пастухов, являются козы и свиньи: первые обгрызают мелкие деревья и листья, вторые обнажают корни. Старое дерево, поваленное бурей или пожертвованное топором лесоруба, не заменяется. Законы о защите лесов, конечно, были приняты, но они не соблюдаются, и древесина, необходимая для топлива, во многих случаях приходится ввозить из Боснии. Уничтожение лесов, естественно, сопровождалось ухудшением климата. Эдвард Браун, путешествовавший по Сербии в XVII веке, рассказывает, что в то время река Морава была судоходной на большей части своего течения, но в настоящее время из-за нерегулярности течения она больше не может использоваться в качестве судоходного канала.

Сербия, лишив горы больших лесов, избавилась от диких животных, которые ранее их населяли. Волки, медведи, дикие кабаны, ранее столь многочисленные, почти исчезли, и те, которых все еще можно встретить, предположительно приходят из лесов Сирмии, пересекая зимой замерзшую Саву. Фауна и флора Сербии постепенно теряют свои первоначальные черты. Введение домашних животных и культурных растений из Австрии придало Сербии южногерманский облик. Климат также не сильно отличается от некоторых частей южной Германии. Сербия, хотя и находится на той же широте, что и Тоскана, ни в коем случае не может похвастаться итальянским климатом. Далматинские или боснийские горные бастионы () перекрывают оживляющие юго-западные ветры, в то время как сухие и

холодные ветры из степей России имеют свободный доступ к равнинам Валахии. Чужаки не могут легко акклиматизироваться из-за резких перепадов температуры.⁵⁵

Сербия включает в свои границы лишь небольшую часть всех сербов Восточной Европы, но ее жители, вероятно, не ошибаются, когда считают себя чистейшими представителями своей расы. Как правило, они высокие, энергичные, с широкими плечами и прямой головой. Их черты лица выразительны, нос прямой и часто орлиный, скулы слегка выступающие; волосы густые и редко черные, глаза пронзительные и холодные, а ухоженные усы придают мужчинам военный вид. Женщины, не будучи красивыми, обладают благородной внешностью, а их полувосточный костюм отличается восхитительной гармонией цветов. Даже в городах, где преобладает французская мода, сербские дамы иногда носят национальную одежду, состоящую из красного жилета, пояса и рубашки, вышитой жемчугом, нитями пайеток, и небольшого феска, кокетливо надетого на голову.

К сожалению, по обычаю этой страны сербская женщина должна иметь густые черные волосы и ослепительно белую кожу. Краски, красители и накладные волосы широко распространены как в городах, так и в деревнях. Даже в самых отдаленных деревнях крестьянки красят волосы и раскрашивают щеки, губы и брови, часто используя ядовитые вещества, вредные для здоровья. Богатые сельские жители, кроме того, имеют обыкновение демонстрировать свое богатство с помощью одежды, которую они перегружают золотыми и серебряными украшениями и всякого рода безделушками. В некоторых районах невесты и молодые женщины носят самые необычные головные уборы, состоящие из огромного полумесяца из картона, к которому прикреплены букеты, листья, павлиньи перья и искусственные розы с серебряными лепестками. Этот тяжелый головной убор, возможно, символизирует «бремя брака»; он, безусловно, доставляет его владелице большие неудобства.

Сербы заслуженно выделяются среди народов Востока благородством своего характера, достоинством поведения и, несмотря на недавние события, неоспоримой храбростью. На протяжении веков они сопротивлялись угнетению и, несмотря на свою изолированность и бедность, в начале этого века завоевали независимость. Говорят, что они ленивы и подозрительны — качества, которые объясняются их прежним рабством, — но в то же время честны и правдивы. Их трудно обмануть, но они сами никогда не обманывают. Будучи равными под властью турок, они остаются равными и по сей день. «Среди нас нет дворян, — говорят они, — потому что мы все дворяне». На своем ясном и звучном языке, так хорошо подходящем для ораторского искусства, они братски обращаются друг к другу во втором лице единственного числа. Даже заключенных считают братьями, и принято разрешать осужденному преступнику навестить свою семью, если он дает слово чести вернуться в тюрьму.

Семейные и дружеские узы имеют огромную силу в Сербии. Часто бывает, что молодые люди, которые полюбили друг друга, дают клятву братской дружбы, по примеру братьев по оружию в Скифии, и это братство сердца для них священнее, чем кровное. Примечательным фактом, который говорит в пользу высокого морального уровня сербов, является то, что их глубокие семейные и дружеские чувства не приводят к непрекращающимся актам мести и возмездия, как это происходит у их соседей-албанцев. Серб храбр; он всегда вооружен, но он также миролюбив и не требует крови за кровь. Тем не менее, как и другие люди, он не идеален. Как земледелец, он следует более устаревшим традициям. Он невежествен и суеверен. Крестьяне твердо верят в вампиров, колдунов и волшебников, и, чтобы защититься от их злого влияния, в канун Рождества они натирают себя чесноком.

Земля принадлежит семьям на правах общей собственности, как и у других славян юга. Древняя *задаруга*, существовавшая в средние века, сохранилась до сих пор и никогда не подвергалась вмешательству со стороны римских или германских законов, как в Далмации или Славонии. Напротив, закон Сербии защищает эту древнюю форму владения землей, и в случае спора о завещании родственники по усыновлению имеют преимущество перед родственниками по крови. Сербские патриоты стремятся к тому, чтобы эти древние обычаи уважались, и члены *Скупштины*, или парламента, никогда не нападали на эту общую собственность на землю, поскольку считают ее одной из самых надежных гарантий против нищеты. Сербия предлагает лучшую возможность для изучения сельскохозяйственных общин такого рода. Нигде больше особенности семейной жизни не являются столь же восхитительными. За тяжелым днем работы следует вечер, посвященный удовольствиям. Дети собираются вокруг родителей, чтобы послушать старинные воинственные легенды, а молодые люди поют, аккомпанируя себе на *гузле*. Все члены общины считаются членами семьи. *Старейшина*, или глава общины, отвечает за образование детей, которых он должен воспитать как «добрых и честных граждан, полезных своей родине». Однако, несмотря на все эти преимущества, число *задруг* с каждым годом уменьшается. Требования торговли и промышленности мешают их привычному укладу жизни, и вряд ли они смогут просуществовать в своей нынешней форме еще долго.

Большая часть Восточной Сербии была заселена валахами, которых пригласили в страну после войны за независимость, когда обширные районы были обезлюдены. Эти новые поселенцы, будучи более плодовитыми, чем их соседи, постепенно вытесняют сербов, и уже некоторые из их колоний встречаются на западном берегу Моравы. Многие сербские деревни стали валашскими в том смысле, что там говорят на валашском языке. Странно, что эти румынские колонисты процветают в Сербии, в то время как сербские колонисты из Венгрии и Славонии — нет.

Зинзары, или южные валахи, встречаются в большинстве городов, где они работают каменщиками, плотниками и кладчиками.

Болгары поселились в долинах Тимока и Моравы, на юго-востоке. Они высоко ценятся за свою трудолюбие и быстро ассимилируются с сербами. Недалеко от Алексинаца есть небольшая колония албанцев, а цыгане встречаются во всех частях страны. Они исповедуют христианство, и одним из их основных занятий является производство кирпичей. Испанские евреи, которые раньше были так многочисленны в Белграде, в большинстве своем уехали в Семлин, а их места заняли немецкие и венгерские евреи.⁵⁶

В целом Сербия была процветающей страной до недавней войны. После провозглашения независимости население быстро росло, но все еще не было таким густым, как в соседних равнинах Венгрии или Валахии. Лишь одна восьмая часть территории используется под пашню, и сельскохозяйственные работы в основном ведут самым примитивным способом. За исключением самых плодородных долин, таких как Нижний Тимок, поля оставляют под паром каждый второй год. Экспорт Сербии явно свидетельствует о примитивном состоянии ее сельского хозяйства, поскольку он состоит в основном из постных свиней, которые тысячами поступают на рынки Германии, и крупного рогатого скота. Большую часть своего дохода сербские крестьяне получают от продажи этих животных. В последние несколько лет они также экспортируют некоторое количество пшеницы на рынки Западной Европы. Если бы не болгарские рабочие, которые ежегодно стекаются в страну в поисках полевой работы, Сербия не производила бы достаточно зерна для собственного потребления. 57

Промышленность по всей стране все еще находится в зачаточном состоянии. Сербь презируют любой ручной труд, за исключением сельского хозяйства, и именно по этой причине они смотрят свысока на немецких механиков в городах. Молодые люди с минимальным образованием стремятся к государственной службе, и таким образом развивается бюрократическая чума, которая нанесла такой ущерб соседней Австро-Венгерской империи. Однако есть и другие, которые учились в зарубежных университетах и посвящают свои силы распространению образования на родине. За последние несколько лет в этом отношении был достигнут огромный прогресс. В 1839 году правитель страны не умел ни читать, ни писать, в то время как в настоящее время Сербия с ее многочисленными школами и колледжами становится интеллектуальным центром Балканского полуострова.⁵⁸

Сербь приложили все усилия, чтобы удалить из своей страны все, что напоминает им о древнем господстве мусульман, и они почти достигли этой цели. Белград, который принадлежал туркам, был преобразован ими в западный город, подобный Вене или Будапешту; на месте мечетей и минаретов возвышаются дворцы в европейском стиле; великолепные бульвары пересекают старые кварталы города; а эспланада, где турки выставляли на всеобщее обозрение головы своих жертв, насаженные на колья, была преобразована в парк. Шабац на Саве стал «маленьким Парижем»; Семендрия (Смедерево) на Дунае, которая дала сигнал к восстанию в 1806 году, возродилась из пепла, как феникс; Пошаревац, известный в истории договоров как Пассаровиц, также преобразился. Прогресс в глубинке идет медленнее, но хорошие дороги теперь проложены до самых отдаленных уголков страны.

Сербия — наследственная конституционная монархия. Князь правит с помощью ответственных министров и сената; он провозглашает законы, назначает всех государственных чиновников, командует армией и подписывает договоры. Он получает 20 000 фунтов стерлингов в качестве гражданского содержания. В случае отсутствия наследника мужского пола его преемник избирается всеобщим голосованием. *Скупштина*, или национальный парламент, восходит своими корнями к самым ранним временам сербской монархии. В его состав входят 134 члена, четверть из которых назначается князем, а остальные избираются всеми налогоплательщиками-мужчинами. Этот парламент осуществляет законодательные функции совместно с князем. В дополнение к нему в каждой из 1063 *общин*, или приходов, существуют сельские парламенты, которые обладают расширенными правами местного самоуправления. Конституция предусматривает избрание *Скупштины* из 536 членов путем всеобщего голосования, если чрезвычайные события делают такое собрание желательным. Дела страны до сих пор велись удовлетворительно. Доходов в размере 554 000 фунтов стерлингов было достаточно для нужд государства, и до начала войны государственный долг отсутствовал.

Существует религиозная свобода, но греческая церковь объявлена государственной. С 1376 года она независима от Константинопольского патриарха и управляется синодом, состоящим из архиепископа Белграда и епископов Ушицы, Неготина и Шабаца. Первый назначается князем. Высшие сановники церкви получают зарплату, но обычные священники зависят от пожертвований и подарков. Монастыри были упразднены недавним решением *Скупштины*, а их доходы будут направлены на образовательные цели.

Вооруженные силы страны состоят из постоянной армии численностью около 4000 человек и ополчения, в которое входят все мужчины в возрасте до пятидесяти лет, способные носить оружие. Первая часть этого ополчения ежегодно призывается на учения, вторая — только в случае войны. Таким образом, Сербия () способна выставить на поле боя

армию численностью 150 000 человек, но эффективность этих плохо обученных войск оставляет желать лучшего, как показали недавние события.

Страна разделена на семнадцать *округов*, или районов, а именно: Алексинац, Белград, Чачак, Чуприя, Княшевац, Крагуевац, Крайна (столица Неготин), Крушевац, Подринье (Лозница), Пошаревац, Рудник (Милановиц), Шабац, Смедерево, Церна-Река (Заичар), Ушица, Валеево и Ягодина. Единственными значительными городами являются Белград (27 000 жителей), Пошаревац (7000 жителей), Шабац (6700 жителей) и Крагуевац (6000 жителей).

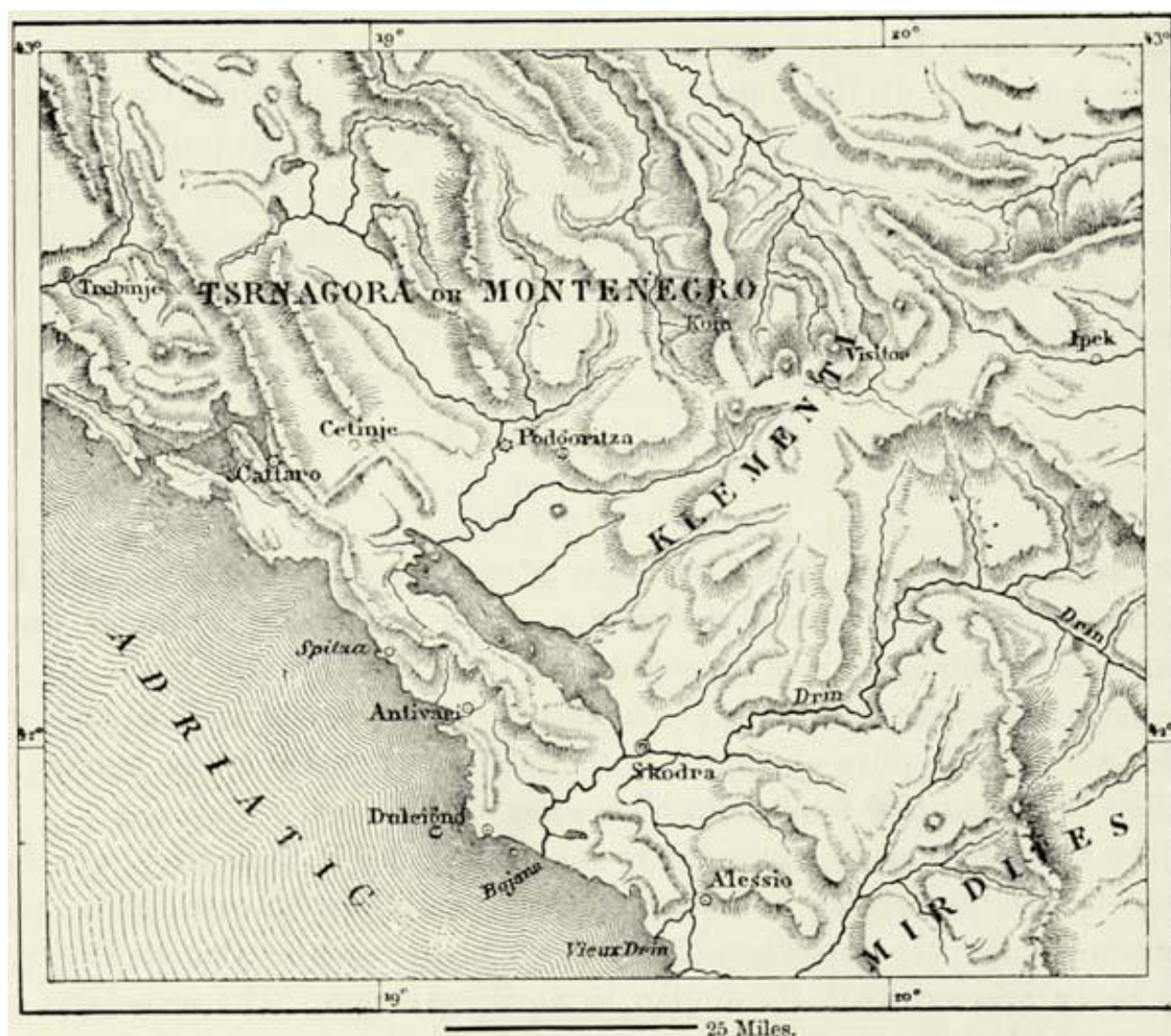
ЧЕРНОГОРИЯ.

Название Черногория является переводом сербского слова «Црнагора», что означает «черные горы». Это любопытное название для страны с белыми или сероватыми известковыми горами, цвет которых бросается в глаза даже путешественнику по Адриатике. По мнению некоторых, название следует понимать в переносном смысле и рассматривать как обозначение страны «плохих» или «черных» людей; другие считают, что оно относится к древним сосновым лесам, которые сейчас исчезли.

Турки так и не смогли покорить черногорцев, которые нашли убежище в своих горных крепостях. Иногда черногорцы ставили себя под защиту иностранных держав, таких как Венеция, но никогда не признавали султана своим правителем. Однако горы, которым они обязаны своей независимостью, одновременно являются их слабостью, поскольку изолируют их от остального мира. Высокий горный хребет, а также полоса турецкой территории отделяют их от сербских сородичей; другой хребет, удерживаемый австрийцами, отсекает их от залива Каттаро и Адриатического моря. Небольшое озеро Скутари (Скодра) является их морем; реки Зета и Морача, питающие его, являются их национальными реками. Если бы черногорцам было позволено спуститься в равнины, не жертвуя своей независимостью, засушливые плато, которые они сейчас населяют, вскоре были бы заброшены всеми, кроме пастухов.

Восточная часть Черногории, известная как Берда и орошаемая Морачей и ее притоками, сравнительно легкодоступна. Мощные доломитовые пирамиды Дормитора (8550 футов) возвышаются над ее долинами на севере, а округлые вершины Кома (9000 футов) ограничивают ее на востоке. Берда ничем не отличается от большинства других горных стран. Только в западной части страны, в самой Черногории, мы встречаем совершенно отличные особенности. Там мы попадаем в лабиринт углублений, долин и впадин, разделенных скалистыми известковыми хребтами, изобилующими узкими расщелинами, в которых прячутся гадюки. Только альпинисты способны найти путь в этом неразрешимом лабиринте. «Когда Бог создавал мир, — говорят они, смеясь, — он держал в руке мешок, полный гор. Прямо над Черногорией мешок лопнул, и отсюда тот страшный хаос скал, который вы видите перед собой».

Рис. 49. — ЧЕРНАЯ ГОРА И ОЗЕРО СКОДРА.
Масштаб 1 : 1 590 000.

С огромной высоты Черногория напоминает огромный сот с тысячами ячеек, и этот вид обусловлен воздействием воды. В одном месте вода вымыла широкие долины, а в другом ее длительное воздействие привело лишь к образованию узких *рудин*, или карстовых воронок. После сильных дождей вода скапливается в озерах, покрывая поля и пастбища, но обычно она быстро стекает через карстовые воронки, скрытые кустарником, и вновь появляется у побережья в виде обильных источников голубоватой воды. Зета, главная река Черногории, питается ручьями, которые поглощаются в долине Никшича на севере и попадают в нее через подземные каналы. Подобные явления уже были замечены в связи с Боснией (с. [127](#)). Столица Черногории, Цетине (Cetinje), расположена в самом центре гор, в центре древнего озерного бассейна. Раньше до нее можно было добраться только по очень труднопроходимой горной тропе, поскольку черногорцы старались не строить дорог, которые открывали бы их страну для орудий врагов. Однако в последнее время требования торговли заставили их соединить ее с Каттаро с помощью автомобильной дороги.

Черногорцы являются родственниками сербов Дуная, но их жизнь, полная почти непрерывных войн, высокогорье и бесплодность их страны, а также близость албанцев сформировали у них особые черты. Спокойная жизнь равнин неизвестна черногорцам; они жестоки и всегда готовы взяться за оружие; в поясе они носят целый арсенал пистолетов и ножей, и даже когда работают в поле, у них под рукой всегда есть карабин. До недавнего времени еще действовал закон кровной мести, и даже за царапину приходилось платить. Эта

кровная месть передавалась из поколения в поколение, пока число жертв не становилось равным с обеих сторон или не принималась денежная компенсация, обычно в размере десяти секвин. Сейчас случаи наследственной мести редки, но древний «обычай» удалось искоренить только с помощью закона ужасающей строгости, который карает смертью убийц, предателей, мятежников, дважды осужденных воров, поджигателей и насмешников над религией. По сравнению с сербами Дуная черногорцы — варвары. И их внешний вид не столь привлекателен. Однако женщины имеют правильные черты лица и, хотя и менее величественны в своей осанке, чем их сородичи из Сербии, как правило, обладают большей грацией и гибкостью движений. Они очень плодовиты, и если семья растет слишком быстро, то по обычаю друг принимает одного или нескольких детей.

До вторжения османов верхние долины Черногории были домом только для пастухов и разбойников. Но жители нижних долин были вынуждены уйти в эти суровые высоты, чтобы избежать рабства. Они возделывали землю, разводили крупный рогатый скот и овец, а иногда грабили своих соседей. Но бесплодная почва давала скудный урожай, и голод был явлением отнюдь не редким. Боснийские ускочи, бежавшие в горы, чтобы избежать мусульманского гнета, только усугубляли бедственное положение, сокращая до минимума долю пахотной земли, выпадавшую на долю каждой семьи. Пастбища по-прежнему находятся в общем пользовании, в соответствии с древними обычаями сербов. Согласно недавней переписи, население Черногории составляет почти 200 000 человек. Возможно, эта цифра преувеличена, но страна не в состоянии прокормить даже 120 000 жителей без привлечения ресурсов извне, и поэтому вооруженные вторжения в соседние районы можно оправдать как «экономическую необходимость». Смерть от голода или на поле боя часто была единственной альтернативой. Черногорцы всегда предпочитают последнее, поскольку не боятся смерти, и «Да не умрешь ты в постели!» — это пожелание, которое все обычно произносят у колыбели новорожденного. Если человеку не повезло умереть от болезни или старости, его друзья оправдывают его эвфемистически, обвиняя в его смерти «Старого Убийцу».

Военные вторжения прошлых дней теперь прекратились, поскольку границы Черногории были определены международной комиссией, и горцы установили дружеские отношения со своими соседями, у которых теперь могут покупать все необходимое. Летом они разрешают жителям побережья выпасать свой скот в горах, а зимой сами спускаются к морю, где теперь уверены в дружеском приеме.

Черногорцы всегда стремились обладать портом на Адриатическом море, который позволил бы им свободно, без вмешательства купцов из Каттаро, импортировать порох, соль и другие необходимые им товары, а также экспортировать свою продукцию. Их торговля даже сейчас имеет некоторое значение. Они экспортируют копченую баранину, овец и коз, шкуры, жир, соленую рыбу, сыр, мед, сумах, порошок из насекомых и т. д. на сумму около 40 000 фунтов стерлингов в год.

Черногорцы, как и их соседи албанцы, часто на время покидают свою страну, чтобы искать работу в больших городах Востока. Тысячи из них можно встретить в Константинополе (), где им удается жить в дружеских отношениях с турками, своими «наследственными врагами». Их можно встретить даже в Египте.

Цыгане — единственные чужаки, которых можно встретить в этой стране. Они похожи на сербов по языку, одежде, религии и обычаям и отличаются от них только тем, что занимаются полезным ремеслом — кузнечным делом. Однако их трудолюбие вызывает к ним презрение, и им не разрешается вступать в брак с сербами.

Правительство Черногории представляет собой любопытную смесь демократических, феодальных и деспотических институтов. Граждане воображают, что они равны, но это не так, поскольку некоторые семьи обладают огромным влиянием. Суверен, который присваивает около половины доходов страны и дополнительно получает от России 8000 дукатов в год, назначает членов Сената, или *Совета*. В состав *Скупштины* входят *главари*, или вожди, тридцати девяти племен (*племена*), но до сих пор она ограничивалась аплодисментами «тронной речи». Существует охрана из ста человек, и все мужское население обязано выходить на поле боя под руководством сердаров. Страна разделена на восемь *нахией*, или округов, из которых четыре (Белопавличка, Ускочка, Морачка и Васоевичка, вместе с страной Кучи) составляют Берду, а четыре (Катуньска, Лесаньска, Речка и Цермничка) принадлежат собственно Черногории. Каждый из этих округов находится под управлением князя. Семьи и объединения семей (*брасво*) управляются *хозяевами* и *старейшинами*, подчиняющимися вождям племен, или *главарям*.

ИТАЛИЯ

ИТАЛИЯ.*

I.—ОБЩИЕ АСПЕКТЫ.

Границы Итальянского полуострова были четко обозначены самой природой. Альпы, ограничивающие его с севера, от мысов Лигурии до горного полуострова Истрия, представляют собой огромную стену, единственные проломы в которой образованы перевалами, расположенными высоко в зонах сосен, пастбищ или вечных снегов. Италия, как и два ее полуострова-соседа в Южной Европе, таким образом, представляет собой отдельный мир, которому природа суждено стать ареной особой эволюции человечества. Ее восхитительный климат, прекрасное небо и плодородные поля явно отличают ее от стран, лежащих за Альпами; и житель последних, спускающийся по солнечному южному склону этой водораздельной гряды, не может не заметить, что все вокруг него изменилось и что он попал в «новый мир».

Защитный барьер Альп и омывающее его море придали Италии ярко выраженную индивидуальность. Все ее страны, от равнин Ломбардии до берегов Сицилии, в некоторых отношениях похожи друг на друга. В них есть некое семейное сходство, но при этом мы встречаем такие восхитительные контрасты, такое живописное разнообразие! Большинство этих контрастов обусловлено Апеннинскими горами, которые ответвляются от южной оконечности французских Альп. Сначала они проходят близко к побережью, как огромная стена, поддерживаемая через определенные промежутки мощными контрфорсами; затем они пересекают весь полуостров. Иногда они сужаются до узкого хребта, иногда распростираются в обширные массивы, поднимаясь в виде плато или разветвляясь в цепи и мысы. Речные долины и равнины пересекают их во всех направлениях; озера и засыпанные озерные бассейны раскинулись у подножия их утесов; а многочисленные вулканы, возвышающиеся над общим уровнем, контрастируют своей правильной формой с изрезанными склонами Апеннин. Море, следуя этим изгибам рельефа земли, образует ряд бухт, расположенных с определенной степенью симметрии. На севере эти заливы не сильно вторгаются в сушу, но на юге они глубоко проникают вглубь и почти образуют настоящие заливы. Когда-то существовала Италия из гранитных скал, но теперь ее нет, потому что скалы Апеннин и равнин учат нас, что современная Италия имеет недавнее происхождение и что многие острова, из которых она состояла ранее, были объединены в один полуостров еще в эпоху эоцена.

По сравнению с Грецией Италия демонстрирует гораздо большую сдержанность в своей конфигурации. Ее горы расположены более регулярными хребтами, ее побережья менее изрезанные, ее небольшие архипелаги не идут ни в какое сравнение с Кикладскими островами (), а три ее больших зависимых острова, Сицилия, Сардиния и Корсика, имеют регулярные очертания. Действительно, ее очертания обозначают ее промежуточное положение между веселой Грецией и суровой Иберией. Таким образом, существует соответствие между географическим положением и очертаниями.

Италия в целом замечательно контрастирует с Балканским полуостровом. Первая обращена к Эгейскому морю и смотрит на восток, в то время как в действительно полуостровной части Италии, к югу от равнин Ломбардии, западные склоны предлагают больше жизни. Наиболее многочисленны безопасные гавани на берегах Тирренского моря, и самые большие и плодородные равнины спускаются к этому морю. В результате западные склоны Апеннин дали жизнь наиболее предприимчивому и умному населению, которое заняло лидирующие позиции в политической истории своей страны. Запад олицетворяет свет, в то время как восток, ограниченный Адриатическим морем, которое является почти внутренним морем, простым заливом, олицетворяет ночь. Правда, равнины Апулии, хотя и находятся на востоке, богаче и гуще заселены, чем горные районы Калабрии, но близость Сицилии, тем не менее, даже там обеспечивает превосходство западного побережья. В то время как Греция была на пике своей славы, когда все инициативы исходили из Афин, городов Малой Азии и островов Эгейского моря, республики, обращенные к востоку, такие как Тарент, Локри, Сибарис, Сиракузы и Катания, пользовались превосходством над городами западного побережья. Таким образом, физическая конфигурация Италии способствовала продвижению цивилизации с юго-востока на северо-запад, от Ионии до Галлии. Тарантский залив и восточные побережья Великой Греции и Сицилии были свободно подвержены греческому влиянию, в то время как дальше на север полуостров как бы обращен к западу. Нет сомнений, что эти особенности в значительной степени способствовали распространению идей в направлении Западной Европы, и что в противном случае цивилизация пошла бы в другом направлении.

В течение почти двух тысяч лет, с падения Карфагена до открытия Америки, Италия оставалась центром цивилизованного мира. Она сохраняла свою гегемонию либо за счет завоеваний и организации, как в случае с «Вечным городом», либо за счет силы своего гения, относительной свободы своих институтов, наук, искусств и торговли, как во времена Флоренции, Генуи и Венеции. Два из величайших событий в истории, политическое объединение средиземноморского мира под властью Рима и, в более позднюю эпоху, возрождение человеческого духа, так удачно названное «Ренессансом», произошли в Италии. Поэтому нам следует изучить географические условия, которые могут объяснить это превосходство в течение этих двух эпох в жизни человечества.

Моммзен и другие ученые отмечали выгодное положение Рима как торгового центра. С самого начала этот город стал коммерческим центром соседних народов. Построенный в центре круга холмов, на берегу судоходной реки, недалеко от моря, он также обладал преимуществом расположения на границе трех народов — латинян, сабинов и этрусков. Когда Рим завоевал соседние территории, он, несомненно, приобрел важное значение как место торговли. Однако местный торговый оборот никогда не превратил бы Рим в великий город. Его положение нельзя сравнивать с такими местами, как Александрия, Константинополь или Бомбей, к которым естественным образом сходится мировая торговля. Напротив, его положение едва ли благоприятствует торговле. Апеннины,

окружающие территорию Рима огромным полукругом, до недавнего времени представляли собой грозное препятствие и обходились торговцами; море у Рима опасно, и даже небольшие галеры древних не могли без риска заходить в неэффективную гавань Остии.

Таким образом, могущество Рима лишь в небольшой степени зависело от коммерческих преимуществ, обусловленных его географическим положением. Своим величием город в основном обязан своему центральному положению, которое позволило ему объединить весь древний мир в одно политическое целое. Три концентрических круга, начерченных вокруг города, соответствуют трем этапам его развития. Во время своих первых борьбы за существование римляне пользовались преимуществом, занимая ограниченную по площади котловину, со всех сторон защищенную горами. Когда Рим истребил жителей этих гор, остальная часть Италии естественным образом присоединилась к нему. Равнины Кис- и Транспадана на севере не представляли никаких препятствий, а сопротивление нецивилизованных племен горных районов юга было вскоре сломлено, поскольку они не нашли поддержки среди греческих колоний, разбросанных по обширному побережью. Население Сицилии, Сардинии и Корсики также не было достаточно единым, чтобы оказать эффективное сопротивление организованным силам римлян, которые таким образом смогли распространить свою власть на все страны, входящие во второй упомянутый концентрический круг.

Так сложилось, что равнины Северной Италии и Сицилии были богатыми житницами, что позволило римлянам продвигать свои завоевания. Весь мир Средиземноморья тяготел к Риму и Италии: Иллирия, Греция и Египет на востоке, Ливия и Мавритания на юге, Иберия на западе, Галлия на северо-западе и трансальпийские страны на севере.

Рис. 50. — РИМ И РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ.

Рим сохранял свою мощь и влияние до тех пор, пока Средиземноморье составляло весь мир; но по мере расширения границ известного мира Рим терял преимущества, которые давало ему центральное положение. Еще в последние дни Римской империи Милан и Равенна узурпировали положение, которое когда-то занимал Рим, и последний стал столицей королевства остготов, а впоследствии — резиденцией византийских экзархов. Рим, город цезарей, пал навсегда! Правда, императоров сменили папы, но настоящие хозяева «Священной Римской империи» проживали за Альпами и приезжали в Италию только для того, чтобы освятить свою власть. Даже в самой Италии Рим перестал быть ведущим городом, его место заняли Павия, Флоренция, Генуя, Милан, Венеция, Болонья и даже Турин.

Единство Италии было реализовано в течение этого столетия, и, за исключением нескольких альпийских долин, ее политические границы совпадают с ее естественными границами. Нас может удивлять, что это единство не было установлено давно, но географическая конфигурация Италии благоприятствует созданию небольших государств. Ее острова, окруженные горами равнины и прибрежные районы, отрезанные от внутренних районов страны крутыми горами, образовали множество центров, где население различного происхождения могло вести жизнь независимо от своих соседей. Время от времени вся Италия признавала единого правителя, но делала это только под принуждением. Дух национальности, который породил объединенную Италию, воодушевлял лишь очень немногих граждан средневековых республик. Они могли объединяться, чтобы противостоять общей опасности, но как только она проходила, они расходились по своим путям или, что еще хуже, сражались между собой из-за какой-нибудь мелочи.

Кола ди Рьенци, трибун Рима, обратился к городам Италии в середине XIV века; он призвал их «сбросить иго тирана и образовать святое национальное братство, целью которого должно быть освобождение Рима и всей Италии». Его посланцы, неся серебряный жезл, посещали каждый город с приветствиями дружбы и просили прислать депутатов на будущий парламент Вечного города. Риенци, полный воспоминаний о прошлом, заявлял, что Рим не перестал быть «господином мира» и имеет естественное право управлять всеми народами. Его целью было воскресить прошлое, а не создать новую жизнь, и его дело исчезло, как сон. Флоренция и Венеция, самые активные города того периода, считали его мечтателем. «*Siamo Veneziani, poi Cristiani*» («Мы венецианцы, а потом христиане»), — говорили гордые жители Венеции в XV веке. Они, чьи сыновья так доблестно сражались за независимость Италии, никогда не думали называть себя итальянцами. В то же время мы должны помнить, что импульс, который объединил Италию, не исходил от масс, поскольку до сих пор миллионы сицилийцев, сардинцев, калабрийцев и даже ломбардов не ценят произошедшие огромные изменения.

Если Италия больше не остается «географическим выражением», то в значительной степени это происходит из-за частых иностранных вторжений. Испанцы, французы и немцы поочередно захватывали плодородные равнины Италии, и их жестокое угнетение научило итальянцев смотреть друг на друга как на братьев. Можно было бы предположить, что Альпы обеспечивают эффективную защиту от таких вторжений, но это не так. Они наиболее круты с итальянской стороны, в то время как их внешний склон, обращенный к Франции, Швейцарии и немецкой Австрии, сравнительно пологий. Захватчики, соблазненные прекрасным климатом и богатством Италии, могли легко достичь альпийских перевалов, откуда они устремлялись вниз, на равнины; таким образом, «барьер Альп» является барьером только для итальянцев и всегда уважался ими, за исключением периода Римской империи. Кроме того, у них нет никаких причин пересекать его, поскольку за ним нет

страны, равной их собственной. Французы, швейцарцы и немцы, с другой стороны, всегда рассматривали Италию как своего рода рай. Это была страна их мечтаний; они часто поддавались своему желанию завладеть ею и окрашивали ее желанные равнины кровью.

Италия, подверженная нападениям извне и больше не находящаяся в центре известного мира, окончательно утратила свое *primato*, или первенство среди наций, которое некоторые из ее сыновей, увлеченные исключительным патриотизмом, хотели бы ей вернуть. Но хотя она больше не является самой могущественной нацией и уступает в промышленности, торговле и даже литературе и науке, она по-прежнему остается непревзойденной в своих сокровищах искусства. Нет другой страны в мире, которая могла бы похвастаться таким же количеством городов, примечательных своими зданиями, статуями, картинами и украшениями всех видов. Есть провинции, где каждая деревня, даже каждая группа домов, радует глаз фресками или работами скульптора, смелыми лестницами или живописными балконами. Инстинкт к искусству проник в кровь народа, и неудивительно, что итальянский крестьянин строит свой дом и сажает деревья так, чтобы они гармонировали с окружающим ландшафтом. В этом заключается величайшее очарование Италии: везде искусство идет рука об руку с природой. Сколько художников в Ломбардии, Венеции или Тоскане, которые стали бы знаменитыми в любой другой стране, но чьи имена никогда не будут запомнены из-за их огромного количества или потому, что их судьба была предрешена в какой-нибудь отдаленной деревне!

Италия обязана своим положением, которое она занимает уже более двух тысяч лет, не только своим памятникам и произведениям искусства, которые привлекают студентов со всех концов земли, но и своим историческим ассоциациям. В стране, которая на протяжении веков была заселена цивилизованным народом, не может быть города, происхождение которого не теряется в мраке традиций. Современные города заменили римские города, а последние возвысились на руинах греческих, этрусских или галльских поселений. Каждая крепость, каждый загородный дом отмечает место древней цитадели или виллы римского патриция; церкви заменили древние храмы, и хотя религиозные обряды изменились, алтари богов и святых вновь возникают на освященных древностью местах. Изучение этих реликвий всех веков полно интереса, и только самые тупые могут противостоять влиянию окружающих их исторических воспоминаний.

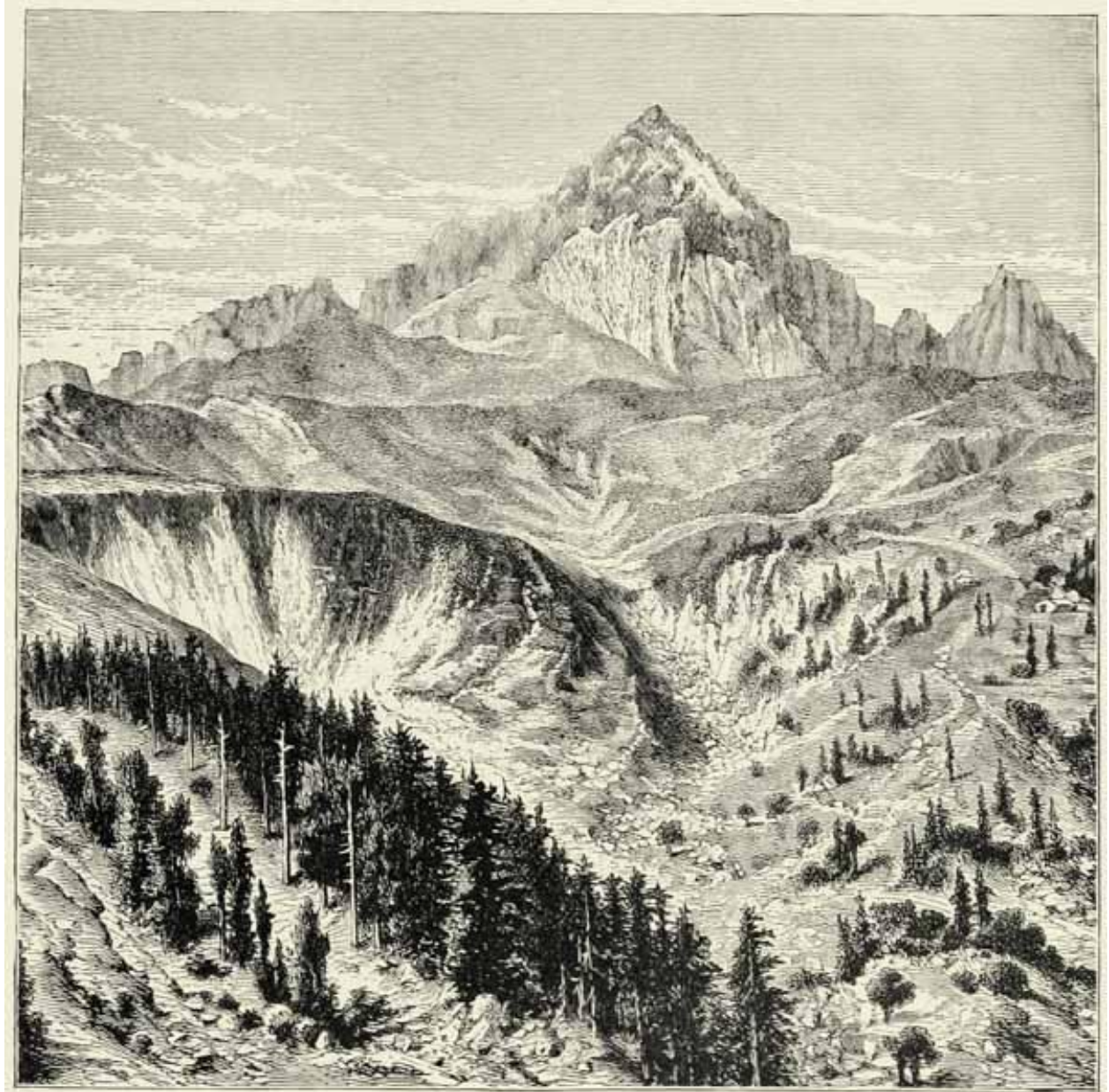
Италия, после долгого периода упадка и иностранного господства, вновь заняла свое место среди ведущих современных наций. Внешний вид полуострова претерпел много изменений с тех пор, как он получил название Виталия, или Италия, от стад скота, которые бродили по нему. Его хорошо возделанные равнины, тщательно ухоженные сады и оживленные города дают ему право на другое название. Альпийские перевалы и центральное положение Италии дают ей контроль над всеми путями, которые сходятся из Франции, Германии и Австрии к заливам Генуи и Венеции. Ее карьеры, серные и железные рудники, вина и сельскохозяйственная продукция всех видов, а также ее промышленность обеспечивают постоянно растущие ресурсы. Ее ученые и изобретатели могут по праву считаться на одном уровне с учеными и изобретателями других стран. Население страны быстро растет. Оно не только более плотное, чем во Франции, но и поставляет значительный контингент эмигрантов в пустынные районы Южной Америки. 60

II. — БАСЕЙН ПО.

ПЬЕМОНТ, * ЛОМБАРДИЯ, ВЕНЕЦИЯ И ЭМИЛИЯ.

Долина реки По часто называют Верхней Италией, поскольку она занимает северную часть полуострова, но более уместно было бы называть ее Итальянскими Нидерландами, поскольку ее высота над уровнем моря меньше, чем у любой другой группы провинций. Сейчас это речная долина, но в плиоцене она еще составляла морской залив. Этот залив постепенно заполнялся аллювием, приносимым реками, и поднимался подземными силами над поверхностью воды, при этом эрозионное воздействие горных потоков продолжалось все время; и таким образом, в течение веков бассейн По приобрел свой пологий и равномерный уклон к морю. До тех пор, пока воды Адриатического моря проникали в долины между Монте-Роза и Монте-Визо, Италия была соединена с Альпами континентальной Европы только узкой полосой земли, образованной Лигурийскими Апеннинскими.

Рис. 51. — МОНТЕ ВИЗО, КАК ОН ВИДИМ С ЧИАФФРЕДО.

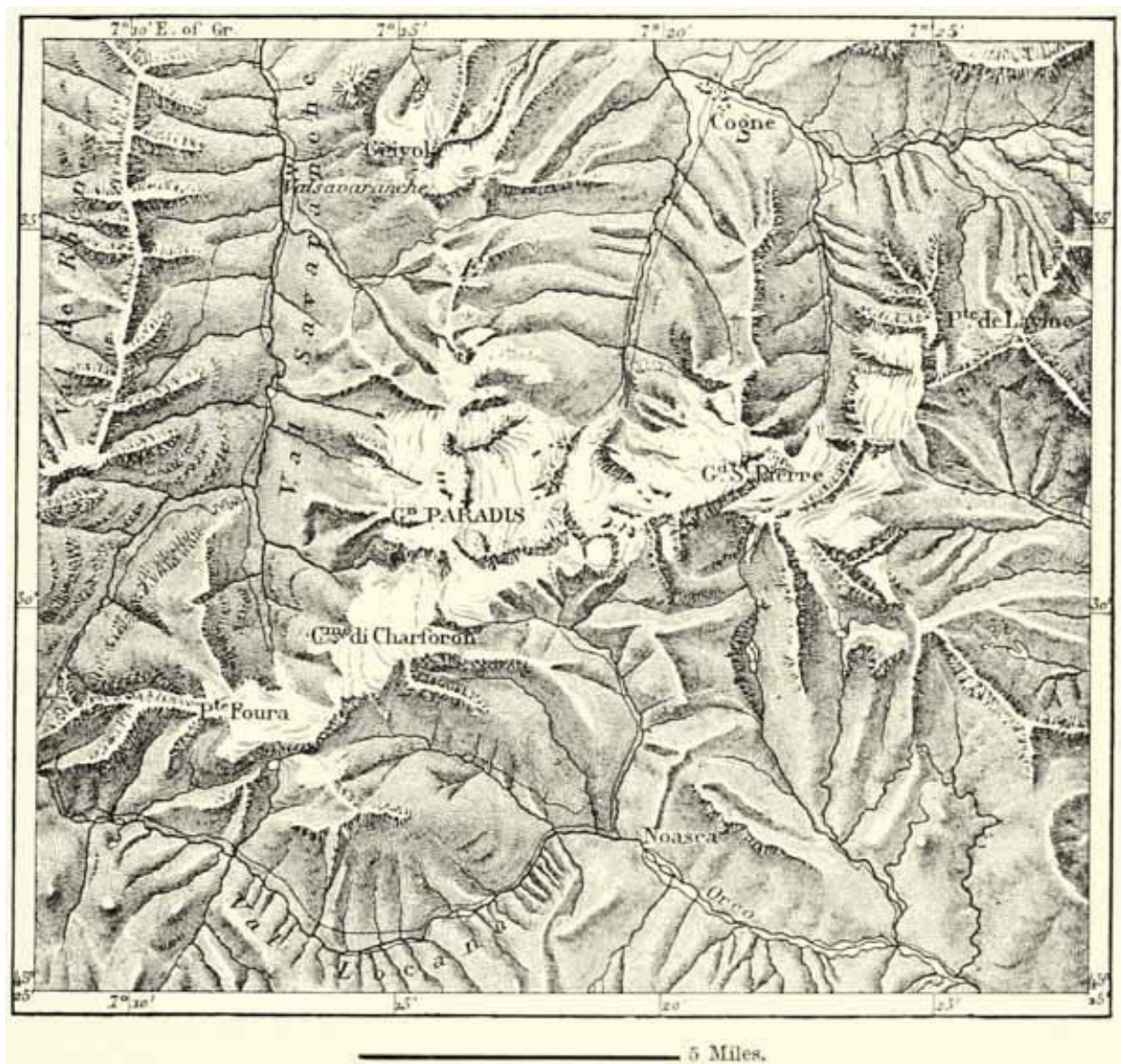
Ни один другой регион Европы не может сравниться с долиной По по великолепию ее далеких перспектив. Апеннины на юге возвышаются над лесным поясом, их скалы, леса и пастбища контрастируют с однообразной равниной, простирающейся у их подножия, а заснеженные Альпы возвышаются во всем своем величии от Коль-ди-Тенда на западе до перевалов Истрии на востоке. Изолированная пирамида Монте-Визо (названная так из-за прекрасного вида, который открывается с ее вершины) возвышается над полями Салуццо, а небольшие озера в ее пастбищной зоне питают бурный ручей, который впоследствии принимает название По. Огромные контрфорсы к северо-западу от Турина поддерживают покрытый льдом Гранд-Парадис, рядом с которым выглядывает Гривола, пожалуй, самая очаровательная и изящная из всех альпийских вершин. Прямо в изгибе альпийской цепи возвышается купол Монблана, словно остров над морем гор. Монте-Роза, увенчанный семиконечной диадемой, простирается далеко вглубь Италии. Затем следуют Сплуген, Ортлер, Адамелло, Мармолада и многие другие вершины, отличающиеся особой красотой. Когда с вершины купола Милана мы видим вокруг себя этот великолепный амфитеатр гор,

возвышающихся над зеленой равниной, мы можем радоваться тому, что нам посчастливилось увидеть столь грандиозную картину.

Географически Альпы принадлежат странам, окружающим Италию. С юга мы видим весь склон гор, от виноградников и плантаций шелковицы до лесов бука и лиственницы, пастбищ, голых скал и ослепительных ледяных полей. Но земледельцы отваживались заселять эту труднодоступную местность только из-за нищеты. Северный склон имеет совершенно иные черты. Здесь земля поднимается постепенно, а долины менее плодородны, но жители могут легко добраться до вершин перевалов, откуда они смотрят вниз на привлекательные равнины Италии. Именно такая структура Альп объясняет преобладание германских и галльских элементов на всей их территории, и в то время как итальянский язык используется только в нескольких изолированных местностях за этим горным барьером, французские и немецкие элементы широко представлены на их внутренних склонах.

Италия может претендовать только на несколько альпийских горных массивов в бассейне рек По, Адидже и Венеции. Наиболее важным из них, как по высоте, так и по ледникам и источникам, является Гранд-Парадис, возвышающийся к югу от Доры Балтеи, между массивами Монблана и равнинами Пьемонта. Англичанин г-н Мэтьюз может претендовать на звание первого первооткрывателя этого горного гиганта, который даже на недавно опубликованной карте Сардинии путают с Мон-Изераном, гораздо менее величественной вершиной, расположенной в 25 милях к западу от него.

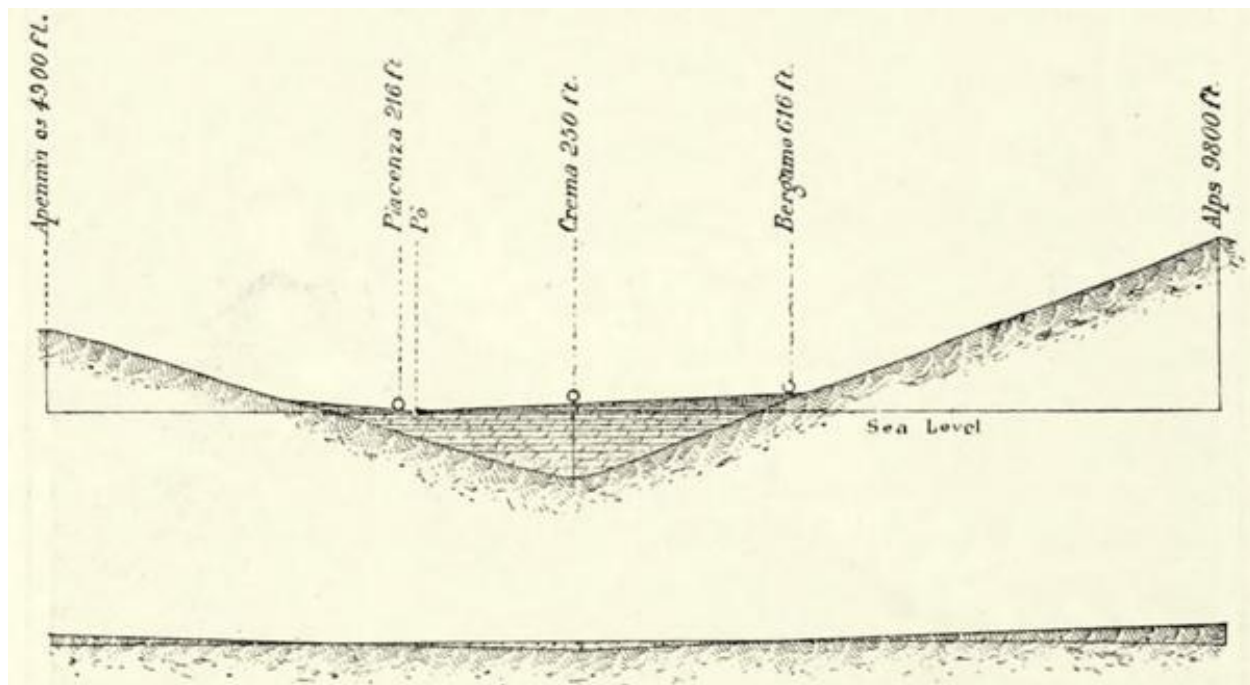
Ни одна из других альпийских вершин на территории Италии не может сравниться по высоте с Гранд-Парадисом, поскольку, хотя итальянский язык в многочисленных случаях распространяется на центральную цепь Альп, политические границы Италии этого не делают. Швейцария владеет долиной Верхнего Тичино, а Австрия по-прежнему владеет Верхним Адидже. Единственными реками, берущими начало на южном склоне Альп и принадлежащими полностью или почти полностью Италии, являются Тальяменто и Пьяве. В результате этого нарушения естественных границ существует много заснеженных альпийских вершин, которые, хотя географически и принадлежат Италии, расположены на границах нынешнего королевства или даже на территории Швейцарии или Австрии. Среди них гигантские вершины Ортлер, Мармолада и обрывистый Чимон-делла-Пала. Однако Монте-делла-Дисграция, к югу от Бернины, является итальянской горой; таковым же является, по большей части, горный массив Камоника, ограниченный на севере перевалом Тонале, который играет столь заметную роль в легендарной истории, и возвышается над ним Адамо, или Адамелло, ледники которого стекают в Верхний Адидже. Далее на восток, в долине Пьяве, обелиск, возвышающийся над огромной пирамидой Антелло, пронзает линию вечных снегов, и есть другие вершины, по высоте едва ли уступающие ему.

Большинство альпийских групп, расположенных на территории Италии между главной цепью и равнинами, не превышают по высоте Апеннины, и лишь некоторые из них покрыты вечными снегами. Но именно поэтому виды, открывающиеся с них, тем более очаровательны, ведь мы оказываемся между двумя зонами: у наших ног лежат возделанные долины, города и деревни, а на севере вид ограничивает панорама голых и заснеженных вершин. Некоторые из этих гор заслуженно привлекают большое количество туристов. Наиболее популярны холмы, возвышающиеся над голубыми озерами Ломбардии, такие как Моттероне на озере Маджоре, пирамидальный Дженерозо, возвышающийся посреди зеленых полей на озере Лугано, великолепные холмы между двумя рукавами озера Комо и плодородными равнинами Брианцы, а также Монте Бальдо, устремляющий свои уступы, подобные львиным когтям, в воды озера Гарда. Горы Валь-Теллина или хребет Оробия к югу от долины Верхней Адды, удаленные от городов и обычных автомагистралей, посещаются реже, чем они того заслуживают. Стоя у их подножия, можно почти вообразить, что ты находишься в Пиренеях. Что касается Доломитовых Альп на границе Венеции и Тироля, то они уникальны. Их скалы фантастических форм, нежно окрашенные в розовый и другие цвета, чудесно контрастируют с зеленью буков и елей или голубыми водами озер.

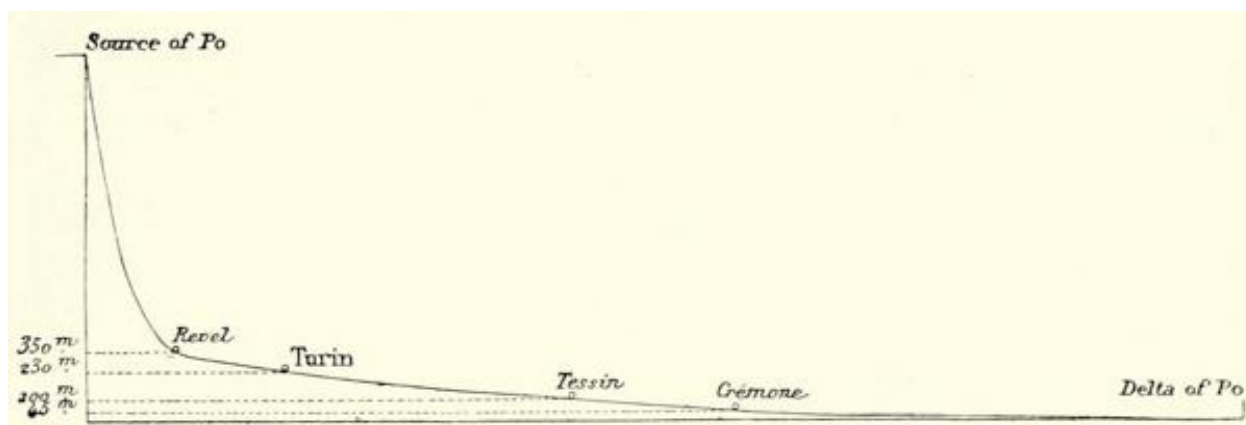
Рихтгофен и другие считают эти изолированные горные массивы древними коралловыми островами или *атоллами*, поднятыми на высоту от 6500 до 10 400 футов; и каким бы ни было их геологическое происхождение, они, безусловно, вносят большой вклад в красоту альпийских регионов.

Рис. 53. — РАВНИНА ДЕБРИС МЕЖДУ АЛЬПАМИ И АПЕННИНАМИ.
По данным Золикофера.

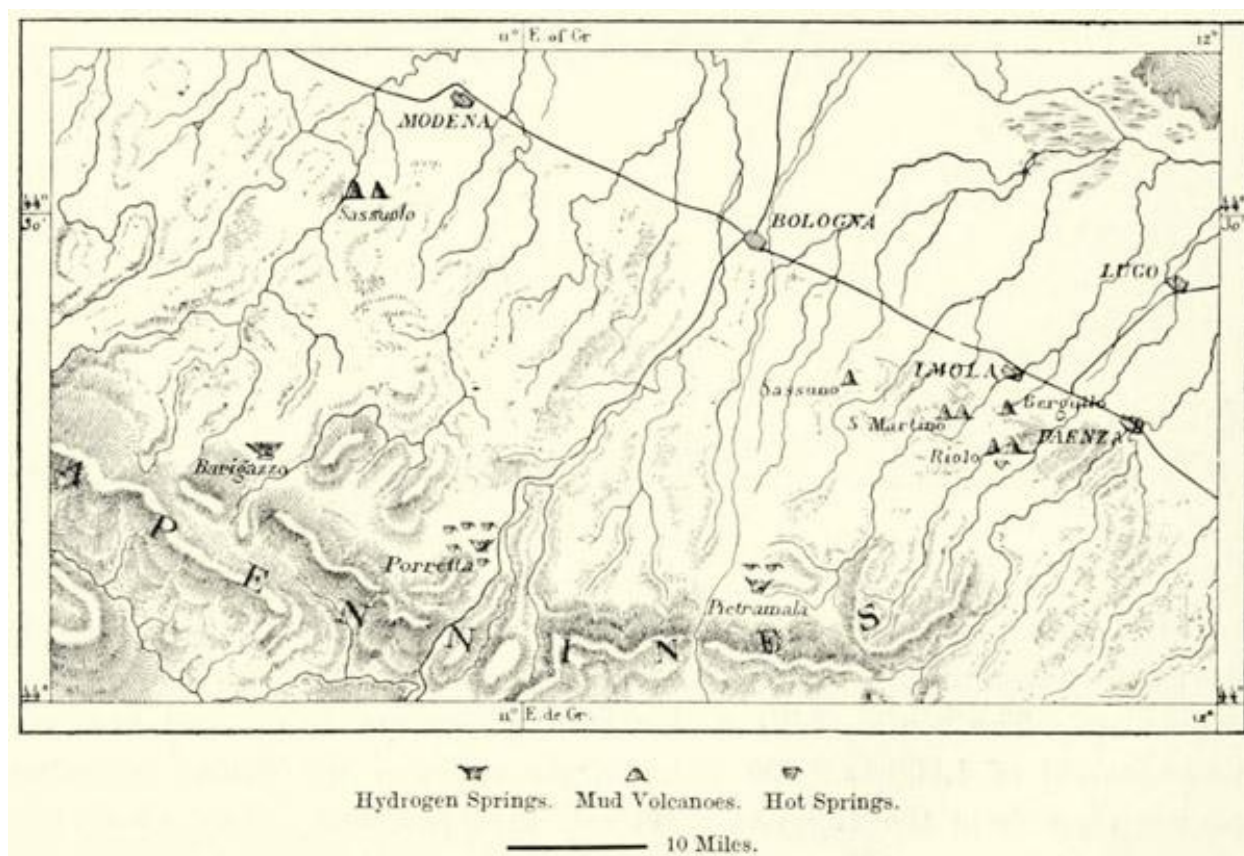
Спускаясь по итальянскому склону Альп, мы постепенно переходим от более древних к более поздним геологическим формациям, пока наконец не достигаем аллювиальной равнины. Метаморфические породы, *веррукано*, доломиты и другие породы перекрывают граниты, гнейсы и сланцы более высоких горных массивов. За ними следуют слои триасового и юрского периода. Еще ниже мы встречаем террасы и холмы, состоящие из третичных мергелей, глин и конгломератов. Монте Болка, столь известный среди геологов благодаря своим окаменелостям, принадлежит к этой формации.⁶² Вся равнина Ломбардии и Пьемонта, за исключением изолированных холмов, возвышающихся на ней, и нескольких морских отложений у ее края, состоит из обломков, принесенных реками. Глубина этого накопления пока неизвестна, поскольку до сих пор не было пробурено ни одной скважины, но если предположить, что склоны Альп и Апеннин продолжают равномерно, то она составит не менее 4130 футов. Две диаграммы (рис. 53) призваны проиллюстрировать эту особенность. На верхней из них высоты преувеличены в десять раз; на нижней горизонтальная и вертикальная шкалы одинаковы. Один взгляд на эту диаграмму показывает поразительный факт: объем этих обломков почти равен объему существующих горных систем.

Рис. 54. — СКЛОН ДОЛИНЫ ПО.
Вертикальный масштаб в десять раз больше горизонтального.

Обширная равнина, простирающаяся от Адриатического моря до подножия Монте-Роза и Визо, может похвастаться своими полуостровами, островами и даже архипелагами, как если бы она была морем. Третичные холмы Северного Монферрато, к востоку от Турина, достигают высоты от 1600 до 2000 футов, а долина Танаро полностью отделяет их от Лигурийских Альп и Апеннин. Даже у самого подножия Альп, как в Кавуре и в других местах, среди равнины, спускающейся к По, возвышаются изолированные гранитные или порфиновые пирамиды и купола.⁶³ Горбатый Боско Монтелло, к югу от Пьяве, является еще одним изолированным холмом; а на берегах По можно увидеть холм из гальки и морского песка, богатый окаменелостями, на котором расположена деревня Сан-Коломбано с ее виноградниками. Несколько вулканических вершин, окруженных меловыми образованиями, возвышаются посреди равнин к востоку от озера Гарда. Кратеры Беричи, недалеко от Виченцы, и Эуганских холмов, недалеко от Падуи, не извергали пламя в историческую эпоху, но горячие и газовые источники, которые выходят из трещин в трахитовых и базальтовых породах, достаточно доказывают, что вулканические силы еще не совсем угасли в этой части Италии. Землетрясения часто происходят в соседних Альпах, особенно недалеко от Беллуно и Бассано.

Рис. 55. Грязевые вулканы и горячие источники северных Апеннин.
Масштаб 1 : 1 160 000.

Подобная вулканическая зона простирается вдоль северного склона Апеннин, которые ограничивают долину По на юге. Водородный газ выходит из трещин в скалах к югу от Модены и Болоньи и используется в нескольких случаях для производства извести и для других целей. Эти газовые источники в Пьетра-Мала, Порретта и Баригаццо были известны еще в древности и в средние века как «огненные источники» и освещали путь путешественникам, которых застала ночь. Ниже по склону, почти на границе равнин, мы встречаем ряд грязевых вулканов, или *бомби*, самые известные из которых находятся в Сассуоло, недалеко от Модены. Самый большой из них, Мирано, имеет не менее сорока кратеров. Древний морской залив, ныне превратившийся в равнину, таким образом, окружен вулканическими конусами, грязевыми вулканами, горячими источниками и отложениями серы. На высоте Пьемонта, и в частности в Акки, мы встречаем горячие источники, свидетельствующие о том, что вулканическая деятельность еще не полностью угасла.

Ла Дент Бланш, 14 319
футов.

Шато-де-Дам, 11 998
футов.

Гора Червин, 14 705
футов.

Мишавель Хорнер, 14 942
фута.

Брейтхорн, 13 680
футов.

Монте-Роза (Дюфур-Шпиц, 4637
м).

ПЕННИНСКИЕ АЛЬПЫ, ВИД С БЕККА-ДИ-НОНА (ПИК КАРРЕЛ), 3160 М.

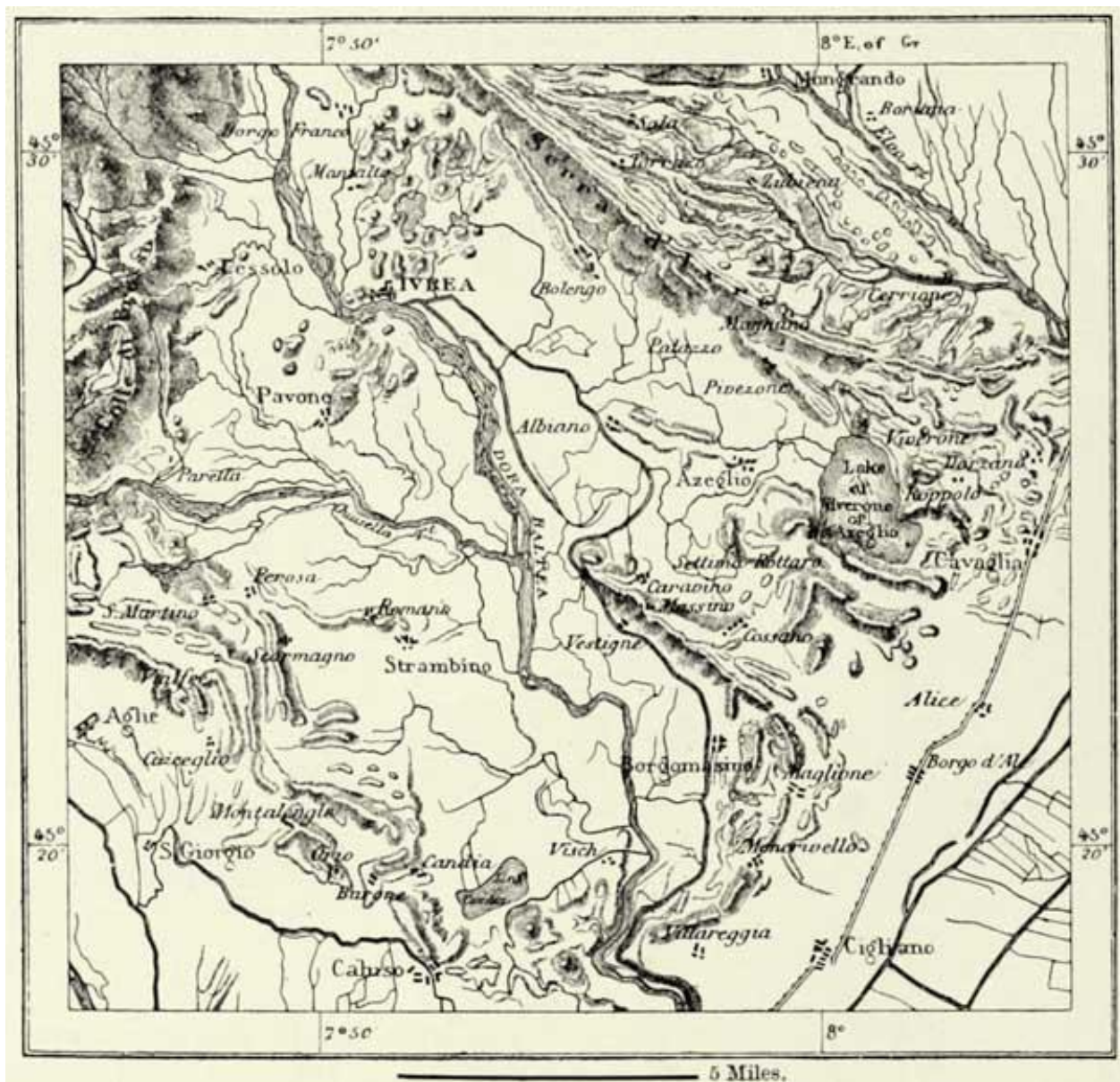
Долины Альп и равнины, простирающиеся у их подножия, в прежнюю геологическую эпоху были заполнены огромными ледниками, спускавшимися с того, что в древности было обширной ледниковой областью Центральной Европы. Между долиной Танаро на западе и долиной Изонцо, спускающейся с гор Каринтии, нет ни одной долины, которая не содержала бы накоплений обломков, снесенных ледниками и теперь покрытых растительностью. Большинство этих древних ледников превосходили по площади ледники Монте-Роза и Финстераархорн, а некоторые из них соперничали с существующими ледниками Гималаев. Чтобы получить представление о том, как выглядели Альпы в эту ледниковую эпоху, нужно отправиться в Гренландию или в Антарктику.

Рис. 56. — ДРЕВНИЕ ЛЕДНИКИ АЛЬП.
Масштаб 1 : 4 800 000.

Один из самых маленьких ледниковых потоков, спускавшийся с гор Тенда в направлении Кунео, имел длину тридцать миль. Поток, спускавшийся с Мон-Женевр, Мон-Табор и Мон-Сенис, был в два раза длиннее, а его морены образовывали настоящий амфитеатр холмов, известный местным жителям как *regione alla pietre*, или каменистая область. Далее на север потоки льда, спускающиеся с Пеннинских Альп между Гранд-Парадисом и Монбланом, объединялись в один поток длиной восемьдесят миль и распространялись по равнине далеко за Ивреей. Аллювиальные отложения этого древнего ледника поднимаются на 1100 и даже 2130 футов над долиной, по которой сейчас течет Дора Балтеа. Одна из его боковых морейн, известная как *Серра-ди-Ивреа*, образует регулярный вал к востоку от реки, протяженностью 18 миль. Ее склоны теперь покрыты каштанами. Западное ущелье (Колле ди Бросса) менее заметны, поскольку они ниже по высоте, но фронтальное ущелье, образующее полный полукруг, все еще легко прослеживается. В обломках, накопившихся у подножия этого древнего ледника, скалы, происходящие из Монблана, смешаны с другими, принесенными с Мон-Сервина. И все же он был лишь карликом по сравнению с древним двойным ледником Тичино и Адды, который простирался от Симплон до Стельвио, заполнял полости, ныне занятые озерами Маджоре и Комо, посылал боковую ветвь к извилистому руслу озера Лугано и, наконец, пройдя 100-120 миль, выходил на равнину Ломбардии. Ледник Ольо был небольшим по сравнению с ним, но его превосходил ледник Адидже, самый значительный из всех на южном склоне Альп. Эта ледяная река, от гор Оетцталь, где она зарождалась, до конечной морены к северу от Мантуи, имела длину 175 миль. Одна из ее ветвей спускалась на восток, по долине Дравы, до места, где сейчас находится город Клагенфурт. Ее основное русло заполняло впадину озера Гарда, проталкивая вдоль себя грозный вал возвышенных морен.

Рис. 57. — СЕРРА ИВРЕА И ДРЕВНИЕ ЛЕДНИКОВЫЕ ОЗЕРА ДОРЫ.
Из карты штаба Сардинии. Масштаб 1:250 000

Рука человека едва ли способна оставить след на огромных накоплениях, образованных действием ледников. Холмы Сольферино, Кавриана и Сомма Кампанья, так часто упоминаемые в связи с сражениями, являются ничем иным, как обломками, снесенными со склонов Альп, и раньше они были гораздо выше, чем сейчас.

Некоторые из валунов были величиной с дом, но, поскольку их использовали в качестве карьеров, они быстро исчезают. Один из них в Пьянице, у устья долины Суза, имеет длину 80 футов, ширину 40 футов и высоту 46 футов, и на нем построена часовня. Огромные валуны на холмах между двумя рукавами озера Комо послужили материалом для монолитных колонн церквей и дворцов в окрестностях. Склоны холмов Турина, обращенные к Альпам, также покрыты валунами.

Когда ледники отступили в верхние долины Альп, почва, которую они покрывали, осталась обнаженной, и открылись впадины, которые теперь занимают прекрасные озера

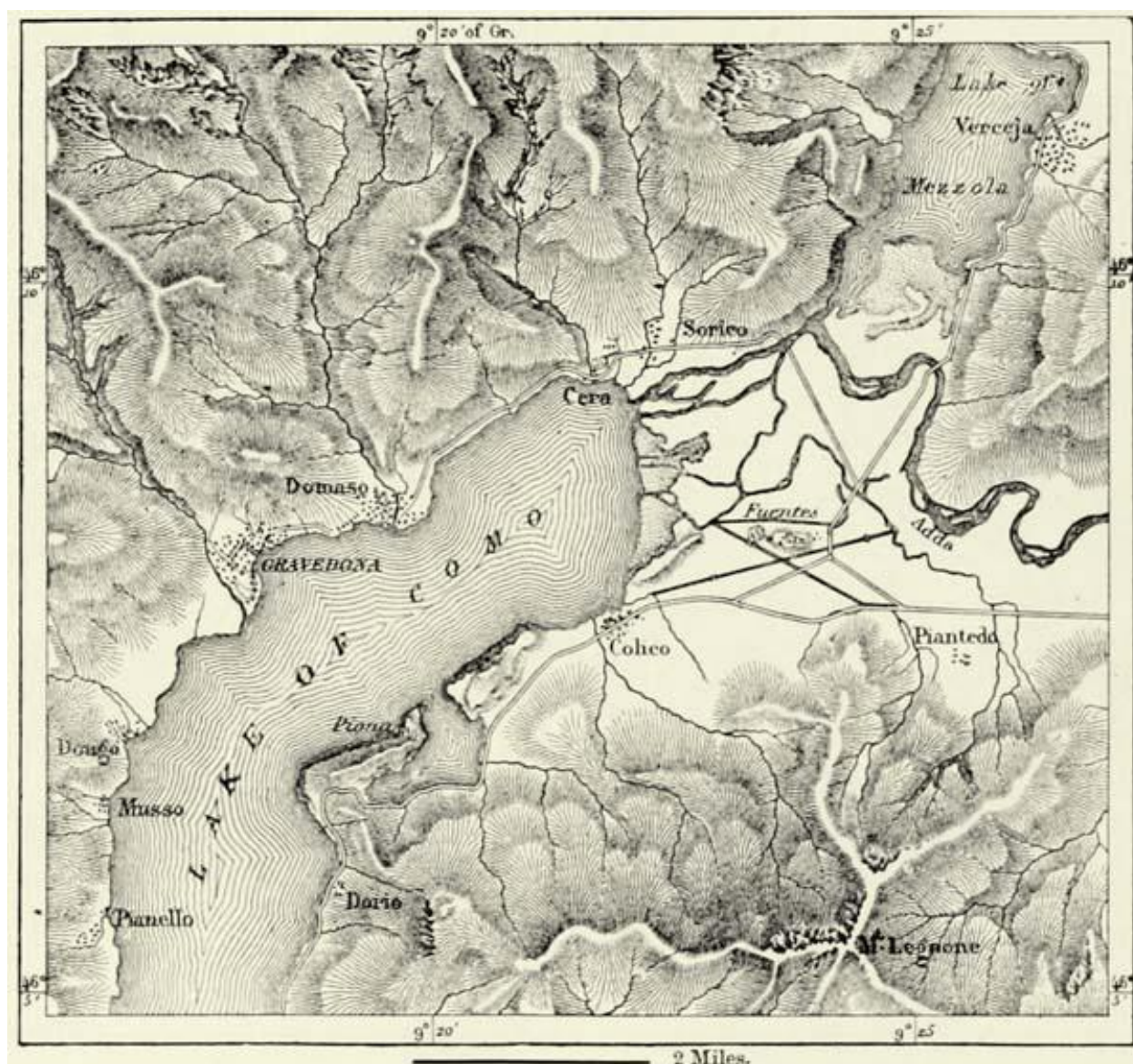
Ломбардии. Эти впадины, дно которых даже сейчас опускается ниже уровня океана, раньше были морскими заливами, по своему характеру очень похожими на фьорды Норвегии. Это подтверждается наличием в каждом из ломбардских озер сардины (*азоне*), которую натуралисты считают морской рыбой. Кроме того, в озере Гарда до сих пор обитают две морские рыбы, которые приспособились к новым условиям жизни, а также небольшие морские моллюски.

Рис. 58. — ДРЕВНИЕ ОЗЕРА ВЕРБАНО.

Раньше количество этих альпийских озер было гораздо больше, а те, что сохранились до наших дней, с каждым годом становятся все меньше. В Верхнем Пьемонте аллювиальные отложения давно засыпали озера, и теперь осталось лишь несколько водоемов, указывающих на их местонахождение. Первые водоемы, к которым можно справедливо применить термин «озеро», встречаются на обоих берегах Доры Балтеи (см. рис. 57). Небольшая котловина Кандия и мелкое озеро Азельо, расположенные к западу и востоку от реки, являются единственными остатками *озера Лакус Клизиус*, которое занимало площадь в несколько сотен квадратных миль, пока его воды не прорвали полукруглую конечную морену, ограничивавшую его с юга. Река Дора Балтеа ранее вытекала из этого озера на юго-востоке, а ее нынешнее русло сформировалось только в XIV веке.

Рис. 59. — ВЕРХНЯЯ ЧАСТЬ ОЗЕРА КОМО.
Масштаб 1:148 000.

С тех пор как это водохранилище было осушено, первым по значимости озером на западе является озеро Вербано, которое очень неудачно называют Лаго Маджоре, или «главным озером», поскольку озеро Гарда превосходит его по площади. Древние пляжи на высоте 1300 футов над уровнем моря свидетельствуют о том, что воды озера значительно понизились и что раньше его площадь была гораздо больше; оно было любопытно разветвлено с соседними озерными бассейнами, которые теперь соединяются с ним только реками. Древняя морена у подножия этого озера, через которую проложила себе путь река Тичино, все еще возвышается на высоту 980 футов.

Прошли века, прежде чем произошли изменения, которые мы сейчас наблюдаем. Тем не менее, они происходили достаточно быстро. Даже сейчас аллювий, приносимый реками Тичино и Маггия, постоянно засыпает озеро Маджоре. Семьсот лет назад деревня Гордола стояла на берегу озера, а сейчас она находится почти в миле от него. Причалы Магадино, расположенные в устье Тичино, приходится постоянно переносить, поскольку озеро неуклонно отступает. Всего шестьдесят лет назад баржи могли принимать грузы на причале, расположенном почти на полмили выше нынешнего. Залив Локарно постепенно отделяется от основной части водоема аллювиальными отложениями, приносимыми рекой Маггия.

Рис. 60. — РЕЗЕРВУАР СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ОЗЕРА КОМО.
Масштаб 1:25 000.

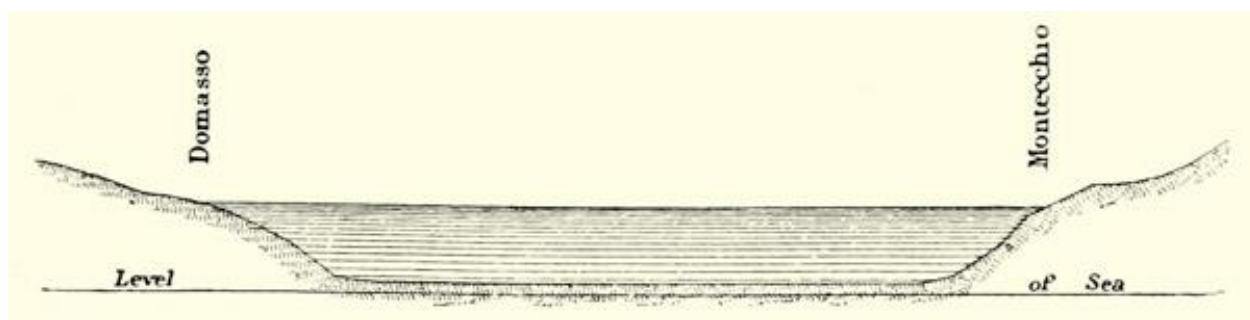

Рис. 61. — РАЗРЕЗ ОЗЕРА ЛЕККО, В БЛИЗИ РАЗВЕРТЫ.
Масштаб 1:25 000.

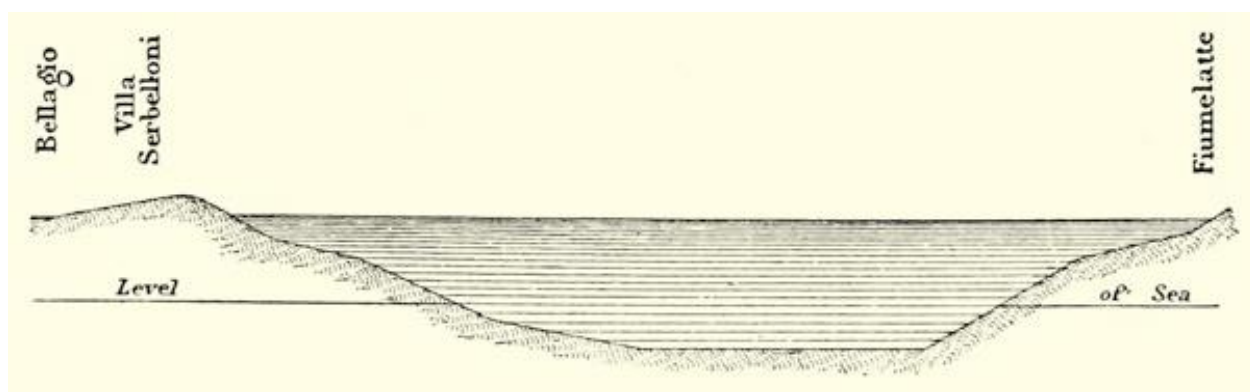
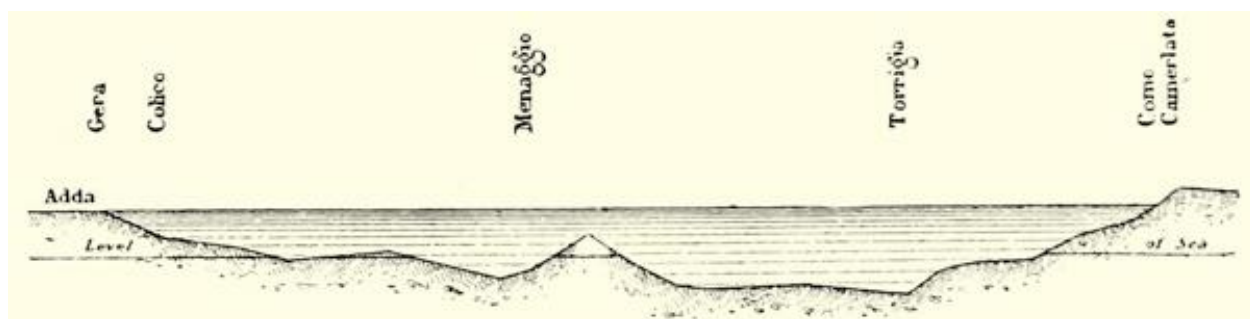

Рис. 62. — ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ ОЗЕРА КОМО.
Горизонтальный масштаб 1 : 50 000. Вертикальный масштаб 1 : 500 000.

Озеро Ларио, или озеро Комо, которое по своей красоте не уступает озеру Маджоре, также постепенно заиляется. Во времена римлян судоходство простиралось до Суммолакуса (верховья озера), современного Самолако. Но поток Меры постепенно превратил большую часть верхней части озера в аллювиальную равнину, а аллювиальные отложения, снесенные Аддой, отрезали остальную часть от основной части водоема. Сейчас осталось только *озеро Димидиат*, или озеро Меццола, которое с каждым годом уменьшается и в конце концов исчезнет совсем. Миазмы, поднимающиеся из болот в устье Адды, часто приводили к обезлюдению окрестностей, а разрушенная крепость Фуэнтес в устье реки, построенная для защиты Валь-Теллина, практически всегда была не более чем больницей для ее пораженного лихорадкой гарнизона.

Юго-восточная часть озера, часть Лекко, через которую Адда уходит на юг, также была разделена на ряд отдельных бассейнов. Природа, которая в недалеком будущем превратит эти озера в низины, здесь получает помощь от рук человека. Барьер, препятствовавший

свободному выходу Адды, был устранен, сооружения рыбаков были снесены, и в результате этих и других инженерных мер когда-то страшные подъемы уровня озера были сведены к минимуму, а самый южный из бассейнов озера, Бривлио, был превращен в сушу. Большое озеро Брианца, которое раньше простиралось далеко на юго-запад, также было частично осушено, и теперь осталось только несколько небольших озер.

Мы достаточно хорошо знаем дно озера Комо, чтобы судить о том, как оно постепенно засыпается аллювием. Ил, отложившийся в его северной части, заполнил все первоначальные неровности почвы, и даже в центре озера и в его юго-восточном рукаве дно почти идеально ровное. Однако в Комо-рукаве, который не принимает никаких значительных притоков, дно по-прежнему полно неровностей. Эти различия убедительно доказывают нам геологическое воздействие рек, которое должно привести к тому, что озеро превратится в низину с рекой, протекающей по его центру. Третья из наших диаграмм (рис. 62) показывает, что максимальная глубина в настоящее время едва превышает 1300 футов, в то время как, если судить по склонам окружающих холмов, глубина в прежние времена не могла быть менее 2300 футов.

Озеро Себино, или озеро Изео, и озерце Идро, которые питаются ледниковыми потоками Адамелло, имеют те же особенности, что и озера, расположенные дальше на запад. Однако озеро Бенако, или озеро Гарда, самое обширное из этих альпийских озер, очень стабильно с точки зрения его очертаний и конфигурации дна, что вполне объяснимо небольшим размером его притоков по сравнению с его огромной площадью. Старые альпийские озера Венецианских Альп исчезли давно, и осталось лишь несколько прудов, заполняющих полости в доломитовых скалах и торфяных болотах, которые указывают на их древнее местонахождение.⁶⁴

Рис. 63. — ВИЛЛА СЕРБЕЛЛОНИ, НА ПОЛУОСТРОВЕ БЕЛЛАДЖО, ОЗЕРО КОМО.

Эти озерные бассейны, как и все другие водоемы такого же типа, регулируют сток ручьев, впадающих в них. Во время паводков они накапливают избыточные воды и выпускают их только в сухой сезон, а от разницы их уровней в разные сезоны зависят колебания уровня вытекающих из них рек. В случае озера Гарда, которое осушает лишь небольшую площадь по сравнению с его размерами, эта разница невелика, и в течение всего года прозрачные воды Минчо спокойно текут под почерневшими валами Пескьеры. Это не относится ни к озеру Маджоре, ни к озеру Комо, поскольку объем воды, поступающий в них, настолько велик, что их уровень летом и зимой колеблется на несколько метров, и соответствующие различия можно наблюдать в реках, вытекающих из них. Озеро Комо поднимается не менее чем на 12 футов и увеличивается в площади на 70 квадратных миль, в то время как озеро Маджоре иногда поднимается на 22 фута и увеличивается на одну пятую. Объем Тичино в момент максимального подъема почти равен среднему объему Нила, и если бы не регулирующее влияние озера, из которого он вытекает, он бы поочередно превращал равнины Ломбардии в водную гладь и оставлял их засушливой землей.⁶⁵

Таким образом, альпийские озера Италии играют важную роль в экономике страны. Они делают климат более равномерным, служат важными торговыми путями и, будучи центрами животного мира, привлекают плотное население. Но не это сделало эти озера знаменитыми, привлекло тысячи путешественников со времен римлян и привело к появлению вилл и дворцов на их берегах: это их несравненная красота. И действительно, в Европе есть лишь несколько мест, которые можно сравнить с восхитительным заливом Палланца, над которым разбросаны Боромейские острова, или с полуостровом Белладжо, который можно сравнить с висячим садом, подвешенным на виду у заснеженных Альп и открывающим вид на скалистые берега озера Комо, возделанные поля и многочисленные виллы. Возможно, еще более восхитительным является полуостров Сермионе, выступающий в лазурные воды озера Гарда, как нежный стебель цветка, превращающийся в разноцветный лепесток.

Большинство озер на равнине были осушены и слиты в соседние реки. Озеро Джерондо, упоминаемое в средневековых записях, сократилось до небольшого болота, или *моси*, а его густонаселенный остров Фульчерия слился с равниной Ломбардии. Озера на южном берегу По, выше Гуасталлы, также были осушены; и если два мелких озера Мантуи все еще существуют, то это исключительно благодаря дамбам, возведенным в XII веке. Было бы гораздо лучше, и это избавило бы город от ужасов многочисленных осад, если бы эти озера также исчезли.

На протяжении веков лагуны вдоль побережья Адриатического моря уменьшились в размерах, и в то время как образуются новые лагуны, старые постепенно превращаются в сушу. Старые карты венецианского побережья существенно отличаются от наших современных, и все же все огромные изменения, которые они отражают, произошли в течение нескольких столетий. Болота Каорле, расположенные между рекой Пьяве и Триестским заливом, изменились настолько, что мы не можем восстановить древнюю топографию этой местности; и если лагуны Венеции и Кьоджии демонстрируют некоторую постоянство контуров, то это только благодаря непрекращающемуся вмешательству человека. Древняя лагуна Брондоло является сушей с середины XVI века. Большая лагуна Комаккьо, к югу от По, была разделена на отдельные части аллювиальными насыпями, образованными реками и потоками. В настоящее время она в основном состоит из *валли*, или аллювиальных отложений, но все еще остается несколько глубоких полостей, или *чиари*, которые реки еще не успели заполнить. Раньше эти лагуны простирались далеко на юг в направлении Равенны, и, согласно Страбону и другим древним писателям, этот древний город когда-то занимал место, очень похожее на Венецию или Кьоджу в наши дни.

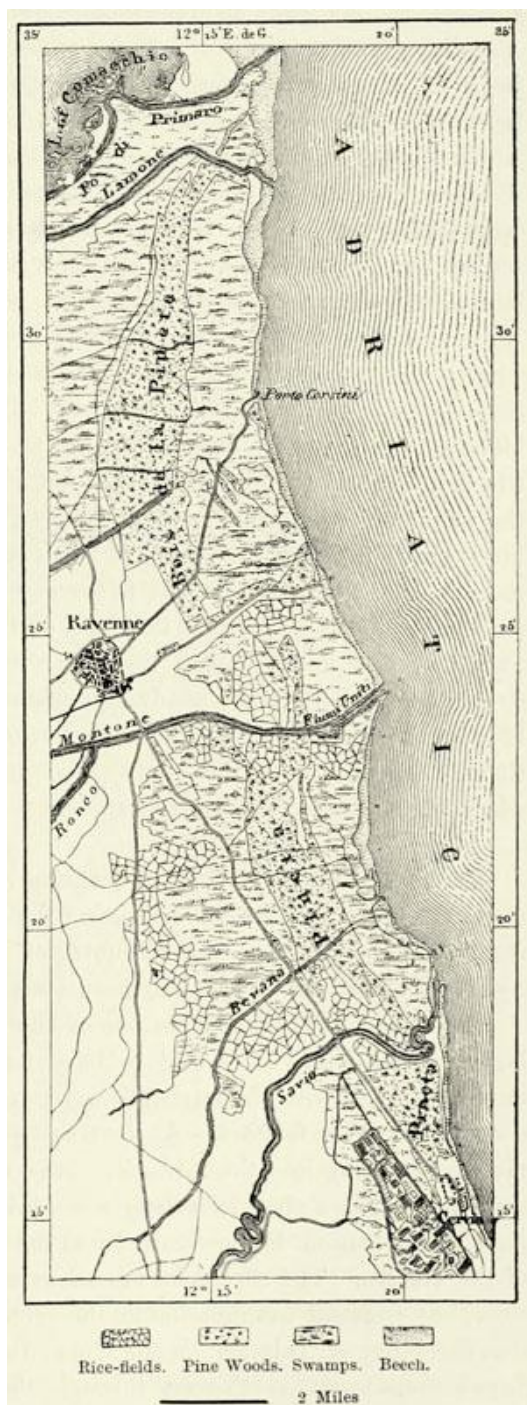

Рис. 64. — БУКОВЫЕ И СОСНОВЫЕ ЛЕСА РАВЕННЫ.
Масштаб 1 : 2 470 000.

Нет сомнений в том, что в древности эти лагуны были отделены от Адриатического моря узкой полосой суши длиной более 120 миль, подобной той, которую мы до сих пор встречаем на побережьях Каролины и Бразилии. Этот древний барьер до сих пор существует в виде *лиди* Венеции и Комаккьо, которые прорезаны промежутками, пропускающими оживленные потоки открытого моря. В других местах следы этого древнего пляжа нужно искать на материке. Низкая дельта По пересекается с севера на юг цепью дюн, составляющих продолжение лиди Венеции и простирающихся до болот Комаккьо, где они образуют естественную дамбу, идущую параллельно побережью. Эти дюны, расположенные между Адидже и Червией, покрыты мрачными сосновыми лесами, местами сменяющимися дубовыми. Подлесок состоит в основном из боярышника и можжевельника, и до сих пор здесь обитают дикие кабаны.

Как только лагуны, защищенные этими барьерами, превращаются в сушу, море захватывает песок и формирует из него новые криволинейные барьеры, похожие на прежние. Основная гряда дюн к востоку от Равенны, протяженностью около 20 миль и шириной от 50 до 3300 ярдов, имеет таким образом две другие гряды дюн, идущие параллельно ей, одна из которых все еще находится в процессе формирования. Синьор Парето оценил годовое продвижение суши в 7½ футов, а вблизи устьев рек — гораздо больше.

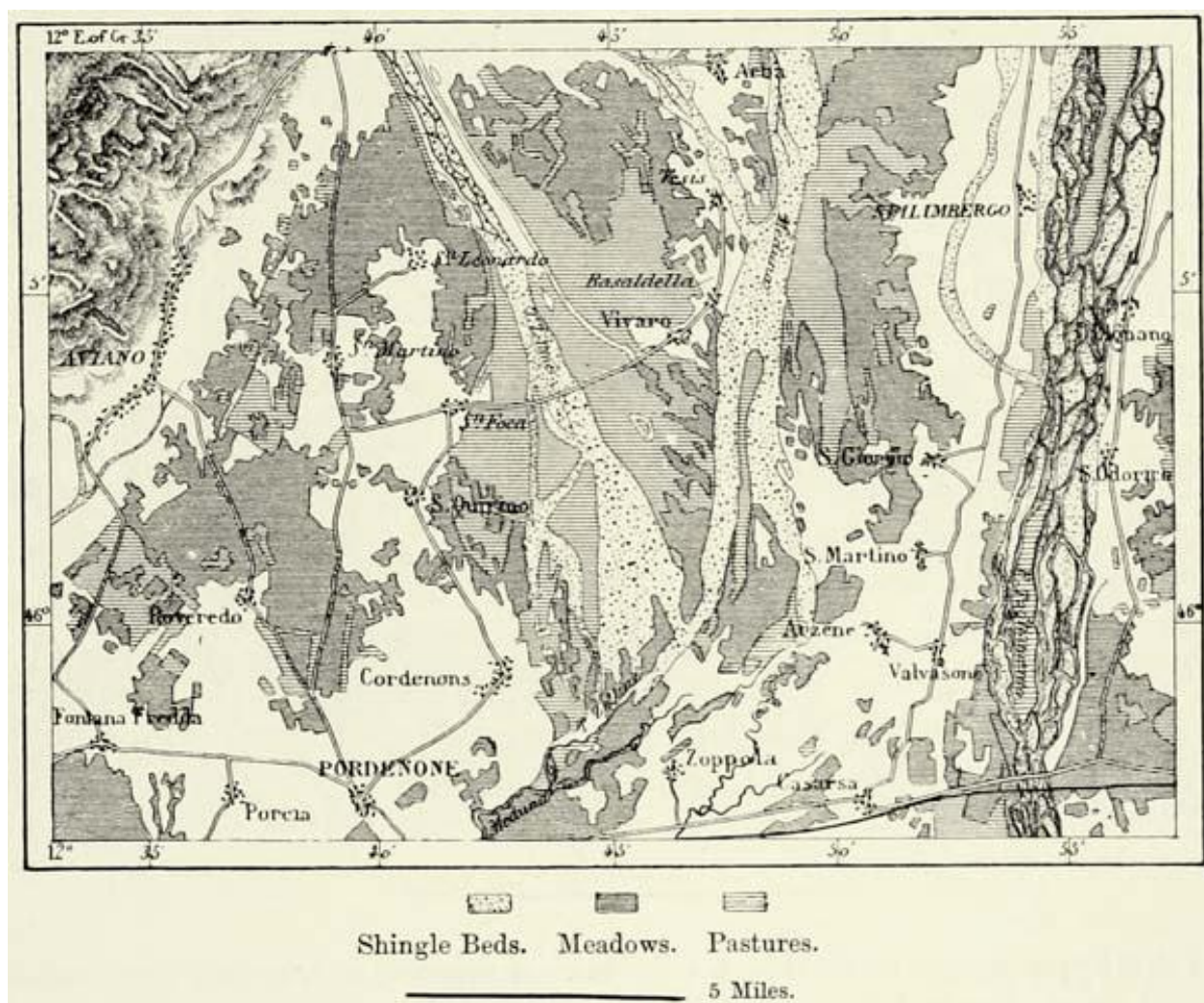
Таким образом, море отмечает серией барьеров свои последовательные отступления. Иногда, однако, море завоевывает землю в результате постепенного оседания венецианского побережья, причина которого еще не выяснена. Так, гравийный берег Кортеллаццо, расположенный напротив болот Каорле, по-видимому, в древности был *лидо*, которое опустилось почти на 70 футов ниже уровня моря. Острова, которые в средние века окаймляли побережье Аквилеи, почти полностью исчезли. Во времена римлян эти острова были густонаселенными; на них были леса и поля, а жители строили корабли. Хроники средневековья рассказывают нам, что дож Венеции и патриарх Аквилеи охотились на них на оленей и кабанов, что вызывало возмущение жителей. В настоящее время дюны, которые когда-то защищали эти острова, почти полностью исчезли, леса были вытеснены камышом, и Градо — единственное место на побережье, которое все еще может похвастаться определенным количеством жителей. Пирсы, стены, мозаичные тротуары и даже камни с надписями, которые иногда находят на дне моря или болот, доказывают, что раньше материк был там более обширным. Далее на запад побережье Венеции свидетельствует о подобном оседании. Артезианские скважины, пробуренные в городе лагун, привели к обнаружению четырех слоев дерна, самый глубокий из которых находится на глубине не менее 420 футов ниже уровня моря. Подземная церковь Святого Марка в исторические времена превратилась в подводную церковь, а улицы и здания постепенно погружаются под воды лагун. Если бы не аллювий, приносимый реками, море постоянно бы забирало землю. Равенна также участвует в этом оседании, которое, по оценкам синьора Парето, составляет 0,60 дюйма за столетие.

Среди геологических факторов, постоянно влияющих на изменение поверхности земли, наиболее активными являются реки и потоки, орошающие равнину у подножия Альп, и ни одна другая страна Европы, за исключением Голландии, не может сравниться в этом отношении с Северной Италией.

Поток Изонцо представляет собой один из самых ярких примеров этих геологических революций. Говорят, что раньше он соединялся через подземные каналы с истрийским Тимаво, и что его существование как отдельной реки не имеет давней истории. Древние писатели не упоминают Изонцо среди рек, впадающих в Адриатическое море. Впервые он упоминается в документе VI века как река, орошающая какую-то внутреннюю долину. На карте Пейтингера мы встречаем станцию Ponte Sonti, расположенную далеко к востоку от Аквилеи, недалеко от истоков Тимаво. Хроники молчат о перипатетике этой реки, но тщательное изучение окружающих холмов подтверждает предположение, что долина Толмейн на верхнем Изонцо ранее была озером, которое переливалось на северо-запад через узкую часть Капоретто, и что его запруженные воды находили выход через Натизоне в Адриатическое море. Впоследствии они сами проложили себе проход на юг, и на слиянии Изонцо и Виппахы образовалось еще одно озеро. Это озеро сообщалось подземными

каналами с Тимаво, но сейчас оно исчезло, и Изонцо впадает прямо в море, его русло постоянно смещается на восток. Наносы, уносимые этой рекой, образовали полуостров Сдобба и соединили несколько старых островов с материком.

Рис. 65. — ГРАВЕЙНЫЕ ОТЛОЖЕНИЯ РЕК ТАЛЬЯМЕНТО, МЕДУНА И ЦЕЛЛИНЕ.
Из австрийской штабной карты. Масштаб 1 : 290 000

Тальяменто является даже более активным геологическим агентом, чем его сосед, расположенный сразу за границей. Обломки, отложившиеся в устье узкого ущелья, в котором он берет начало, покрывают многие квадратные мили некогда плодородной равнины. Летом его воды струятся через эти скопления гальки, но после сильных дождей река превращается в мощный поток шириной в несколько миль, который становится еще более грозным, поскольку его русло лежит выше, чем многие части окружающей местности. Реки Медуна и Целлине, к западу от Тальяменто, столь же разрушительны, и обширный участок у их слияния покрыт галькой. Ниже, в лагунах, эти потоки нагромодили огромные насыпи песка по обе стороны от своих древних русел. Аллювий, приносимый этими потоками в море, в каждом случае отлагается на западе (), что объясняется направлением прибрежного течения.

Пьяве, самая значительная река к востоку от Адидже, также является наиболее активным геологическим агентом, превращая плодородные поля в бесплодные галечные участки,

засыпая болота и унося большие количества веществ в море. В устье реки земля быстро завоевывает территорию у моря, и Гераклея Венетов, ныне известная как Читтанова, которая когда-то была морским портом, в настоящее время находится далеко в глубине суши.

Раньше считалось, что Пьяве изменила свое русло так же, как Изонцо. Ниже Капо-ди-Понте, дикого ущелья в Доломитовых Альпах, Пьяве течет на юго-запад, мимо Беллуно, и ниже впадает в Кордеволе. Однако предполагалось, что первоначально река текла через долину Рай, непосредственно к югу от Капо-ди-Понте, а Мескио и Ливенцо составляли ее нижнее течение. Предполагалось, что землетрясения или оползни создали барьер через эту долину, и небольшие озера, которые все еще можно увидеть там, считались остатками древнего русла реки. Но М. де Мортилле показал, что эта гипотеза несостоятельна, поскольку упомянутый барьер является лишь мореной древнего ледника, и никаких следов оползней не существует.

Рис. 66. — ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ ДРЕВНЕЕ КОРОТЬЕ РЕКИ ПЬЯВЕ.
Из австрийской карты штаба. Масштаб 1 : 550 000.

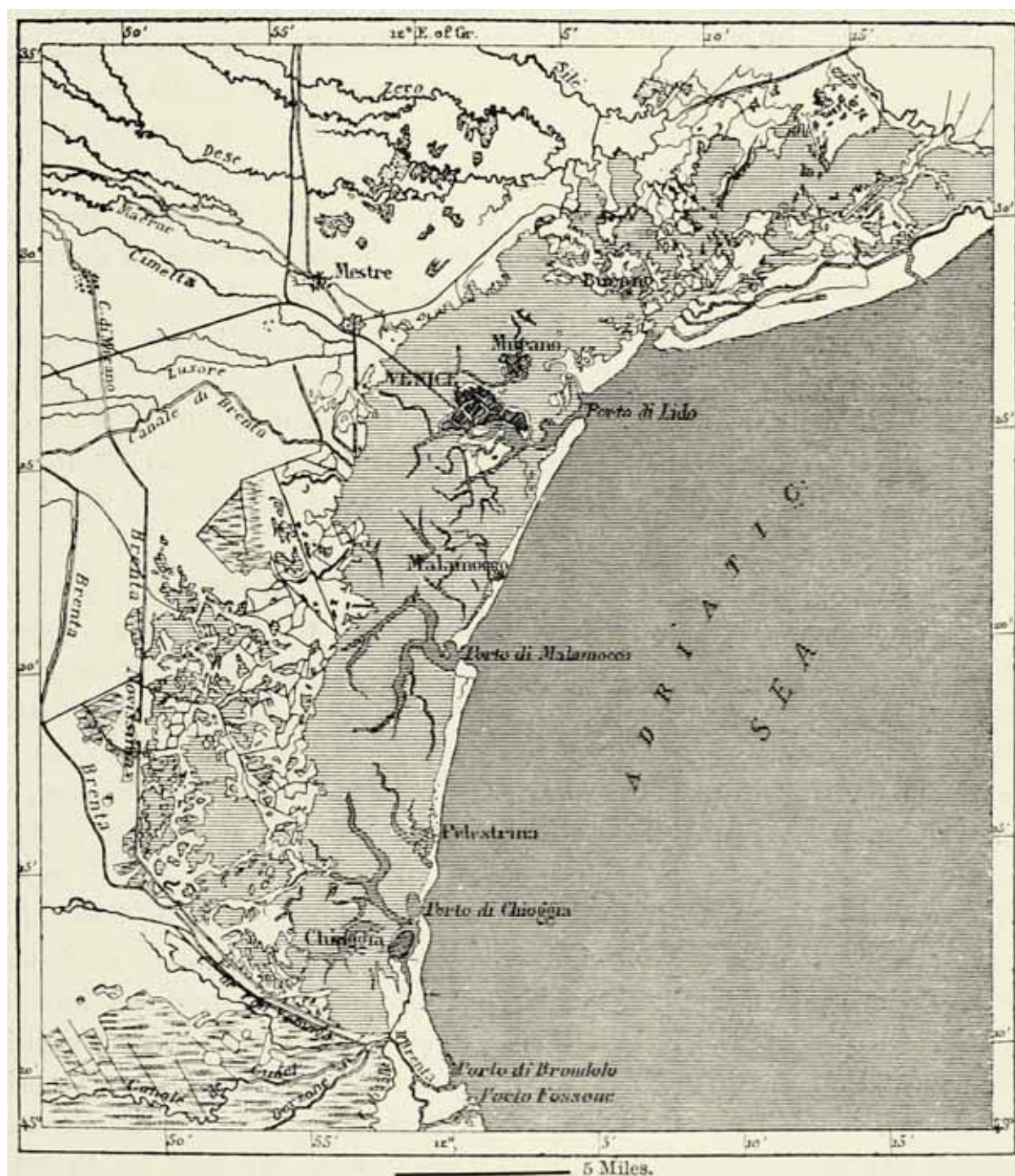

В то же время не вызывает сомнений, что в бассейне Пьяве произошли значительные изменения. Так, в 1771 году течение Кордеволе, его самого важного притока, было на время преграждено оползнем, который снес зеленые террасы Пеццы в долину. Две деревни были разрушены, а две другие затоплены поднимающимися водами реки.

ВЕНЕЦИЯ.

Рис. 67. ЛАГУНЫ ВЕНЕЦИИ.
Масштаб 1 : 394 000.

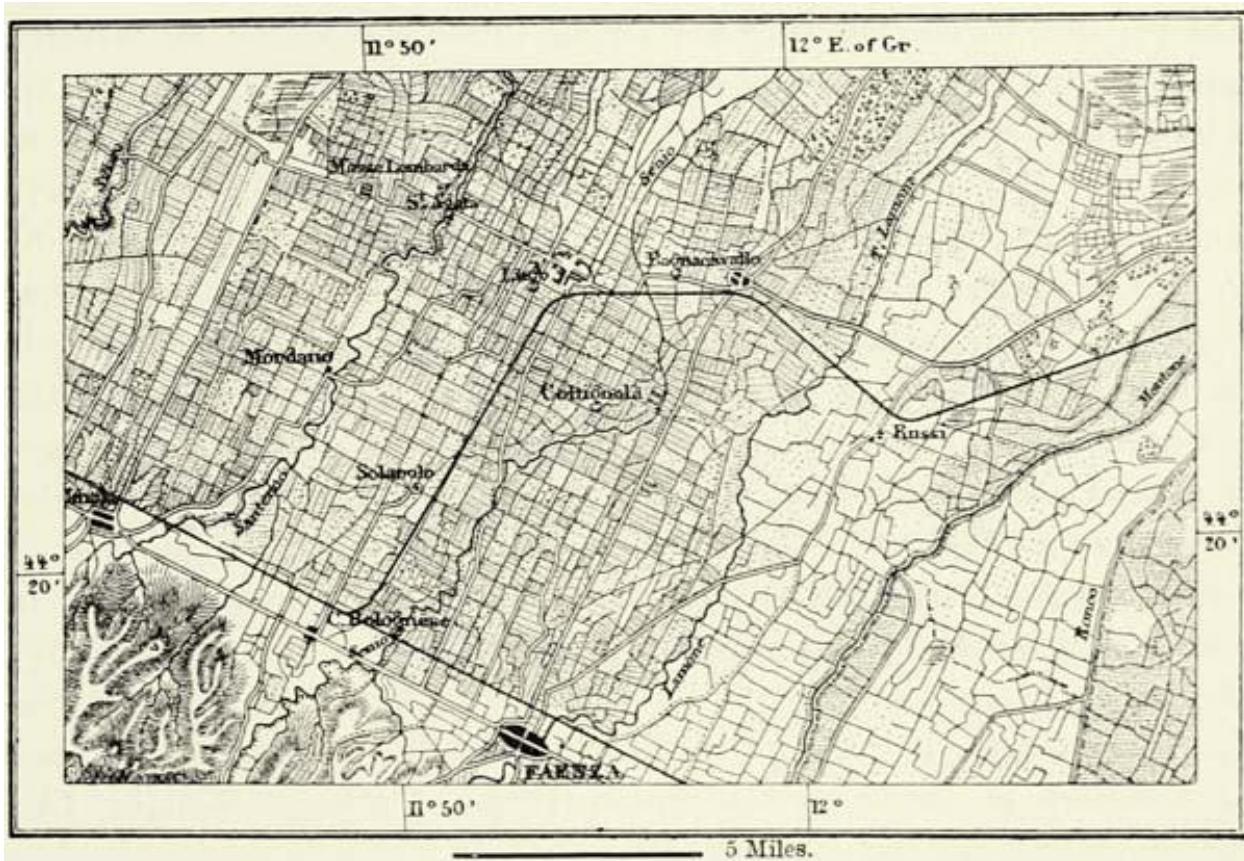
Река Брента, берущая начало в красивой долине Сугана в Тироле, всегда была источником беспокойства для венецианцев из-за своей непредсказуемости. Раньше она впадала в лагуны у Фузины, а ее наносы засыпали каналы и загрязняли воздух. Жители Падуи и другие обитатели низменностей стремились отвести его по наиболее прямому пути в лагуны, чтобы избежать наводнений, в то время как венецианцы хотели избавиться от реки, которая угрожала засыпать их лагуны и сделать их нездоровыми. Эти противоречивые интересы привели к многочисленным войнам. Владение побережьем стало для венецианцев вопросом выживания, и как только они его получили, они приступили к «регулированию» нижней части реки Брента. С помощью двух каналов, Брента Нуова (Brentone) и Брента Нуовиссима (Brenta Nuovissima), река была направлена вокруг лагун к порту Брондоло, в

нескольких милях к северу от Адидже. Но река, русло которой таким образом значительно удлинилось, постепенно засыпала свое русло в верхнем течении, и оказалось невозможным удержать ее в пределах боковых дамб. С 1811 по 1859 год они прорывались наводнениями не менее двадцати раз, и, поскольку русло реки все больше и больше забивалось, естественно, ожидалось более частое повторение таких бедствий. Тогда было решено сократить русло реки на десять миль, отклонив его в часть лагуны Кьоджа. Таким образом, опасность наводнений была на время предотвращена, но рыбные хозяйства Кьоджи были полностью уничтожены, а лихорадка стала частым гостем в прибрежных городах.

Нет сомнений, что без усилий венецианских инженеров лагуны Лидо, Маламокко и Кьоджа давно превратились бы в сушу. Венеция всегда осознавала необходимость сохранения своего драгоценного внутреннего моря. Венецианские инженеры не довольствовались тем, что отвели потоки, которые раньше вливались в лагуны; они также с помощью каналов перенесли устья рек Силе и Пьяве на восток, тем самым защитив порты Лидо от страшного наноса рек. Они даже разработали гигантский проект огромного окружающего канала для перехвата всех альпийских потоков между Брентой и Изонцо. Однако этот проект так и не был реализован. Обломки, уносимые на юг прибрежным течением, заилили порт Лидо, который был заброшен в конце XV века, когда в восьми милях южнее, у канала Маламокко, был построен новый военный порт, который теперь защищен пирсом, уходящим в море на 7200 футов.

Ручьи, спускающиеся с склонов Апеннин к югу от дельты Адидже и По, столь же непредсказуемы в своем течении, как и ручьи Венеции. Треббия, Таро и другие реки, орошающие районы Пьяченцы и Пармы, пересекают лишь узкую равнину между горами и По и не сильно изменяют топографию местности. Но этого нельзя сказать о реках, протекающих по обширным равнинам Модены, Болоньи, Феррары и Имолы. Они постоянно меняют свое русло, и остатки набережных, встречающиеся по всей стране, доказывают, что все попытки ограничить их на постоянной основе оказались тщетными. Сама Модена когда-то была разрушена наводнениями реки Секкья. Реки Танаро, Рено и другие, текущие на северо-запад, либо в канал, окружающий лагуны Комаккьо, либо прямо в море, имеют свою историю; они благословлены за свои плодородные наносы, но прокляты за разрушительные наводнения. Одна из них, вероятно, Фьюмичино, является знаменитым Рубиконом, который ограничивал Италию римлян и который пересек Цезарь, произнеся роковые слова: «*Alea jacta est*».

Рено — самая непредсказуемая и опасная из всех этих апеннинских рек. Дно, засыпанное ею на равнине, имеет ширину 20 миль с востока на запад. Ее объем колеблется от 35 до 49 500 кубических футов в секунду в зависимости от сезона, а ее дно местами находится не менее чем на 30 футов выше прилегающей местности. Уничтожение лесов усугубило опасность ее наводнений. Инженеры, озадаченные ее нерегулярными наводнениями, предложили самые противоположные планы по устранению этого страшного бедствия. Реку направили в По, затем на восток, прямо в море. Недавно было предложено отвести ее в лагуны Комаккьо. Но все эти отводы сопровождаются недостатками, и в то время как жители одного района поздравляют себя с тем, что избавились от такого неприятного соседа (), жители другого жалуются на его наводнения, разрушение рыбных хозяйств и затруднение судоходства.

Ломбардини, известный инженер-гидротехник, показал, как можно обнаружить места, куда потоки воды перенесли почву низменностей Эмилии, и проследить древние берега Падуанской лагуны, которые теперь превратились в сушу. Путешественник, следующий по эмилийской дамбе от Чезена до Болоньи, не может не заметить прямоугольные поля справа от себя, все одинакового размера. Если смотреть с отрогов Апеннин, равнина напоминает огромную шахматную доску, квадраты которой поочередно покрыты зеленью и созревающими урожаями. Из топографических карт мы узнаем, что эти поля имеют одинаковый размер, и нет сомнений, что перед нами поля, которые, согласно Ливию, были отняты у галлов и распределены между римскими военными поселенцами. Извилистая линия обозначает в направлении По берег древнего озера. Прямоугольные поля, разбитые кадастровыми геодезистами древнего Рима, заканчиваются здесь, и мы снова оказываемся среди обычного лабиринта канав и извилистых дорог. Это озеро давно засыпано обломками, принесенными потоками.

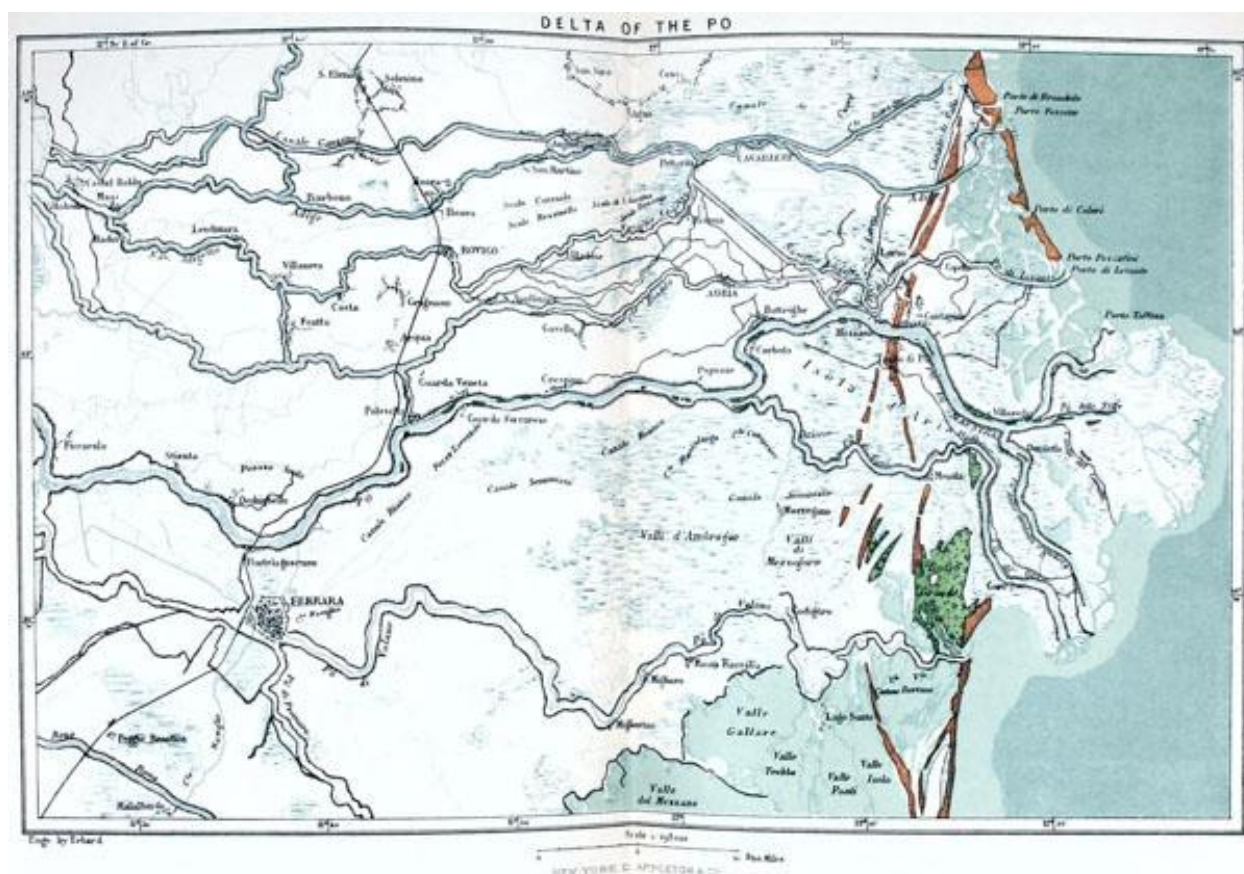
По сравнению с площадью, которую он орошает, и своей длиной, По претерпел меньше изменений, чем Пьяве или Рено, но, учитывая густонаселенные города, расположенные на его берегах, и плодородие его полей, даже малейшее из этих изменений имеет определенное значение.

Ручей, питаемый снегами Монте-Визо, обычно считается истоком реки По, как древние римляне называли эту реку; но Маистра, Варайта и Клузоне по объему не уступают ему и питают столько же оросительных каналов. Действительно, эти каналы быстро осушили бы По, если бы не обильное снабжение снежной водой, приносимой Дора Рипария, Стура, Орка и Дора Балтеа из ледников Альп. Ниже по течению По принимает Сесию с севера и Танаро, который питается ручьями, берущими начало в Апеннинах и Альпах. Затем следует Тичино,

безусловно самый важный приток По, «без которого», как говорят рыбаки, «il Po non sarebbe Po» (По не был бы По).

После слияния с Тичино По уже не имеет черт горного потока; галька измельчилась в мелкую пыль, и вдоль его берегов не встречается нагромождений обломков. Если бы не дамбы, или *аргини*, она могла бы свободно растекаться по равнине. Эти искусственные насыпи соперничают с дамбами Нидерландов и восходят к самым древним временам. Лукиан упоминает о них, как будто они существовали с незапамятных времен. Во время великого переселения народов их оставили разрушаться, и только в IX веке были приняты меры по их восстановлению. В 1480 году эта великая работа была завершена. О ее важности можно судить по тому факту, что эти дамбы защищают 3 000 000 акров самых плодородных земель, ежегодно дающих сельскохозяйственную продукцию на сумму более 8 000 000 фунтов стерлингов. Большинство городов построено на искусственных платформах или террасах, и до начала этого века они никогда не страдали от наводнений; но вследствие вырубки лесов или устранения всех прорывов в дамбах, наводнения теперь становятся более сильными, чем раньше, и возникла необходимость возвести дамбы вокруг Ревере, Сермиде, Остилья, Говерноло, Боргофорте и других мест.

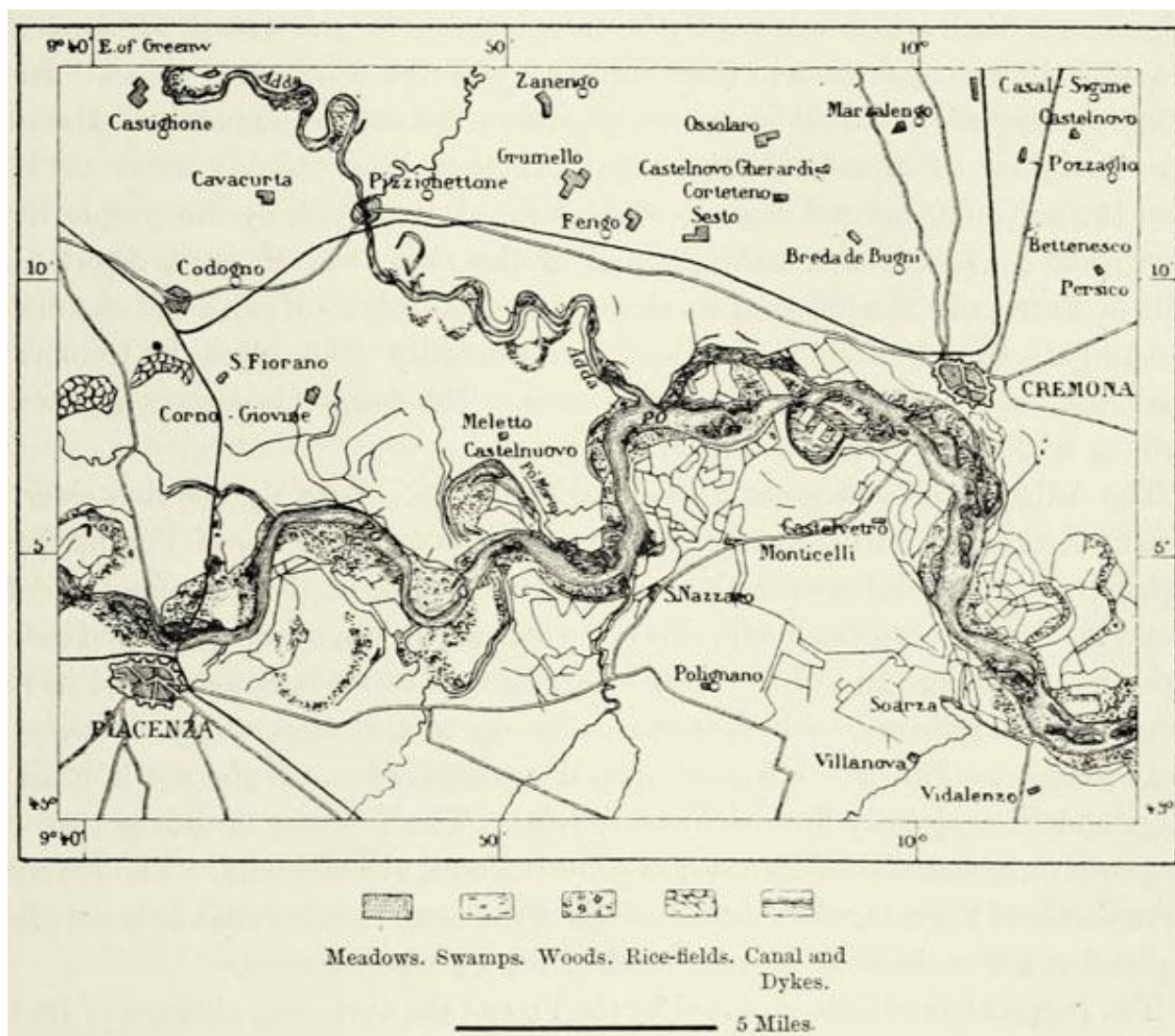
ДЕЛЬТА ПО

Непрерывные дамбы начинаются в Кремоне и простираются не только вдоль обоих берегов По, но и вдоль нижнего течения его притоков. Основные дамбы имеют длину почти 650 миль. В дополнение к ним есть более мелкие дамбы, пересекающие пространство между этими *froldi*, или основными дамбами, во всех направлениях и окружающие ивовые

плантации, поля и даже виноградники. Фактически, река доходит до подножия главных дамб только в нескольких местах. Обычно ее ширина составляет всего от 650 до 1600 футов, в то время как дамбы расположены на расстоянии нескольких миль друг от друга, чтобы река могла разливаться во время наводнений. Земля, расположенная между дамбами, была разделена жителями деревень на *голены* и защищена более мелкими дамбами от обычных наводнений. Правила, установленные для строительства дамб, были разработаны в общественных интересах и являются достаточно точными, но они не всегда соблюдаются. Старая система, воплощенная в страшной пословице «*Vita mia, morte tua*» («Моя жизнь, твоя смерть»), еще не совсем исчезла. Раньше крестьяне имели обыкновение переходить на другой берег и намеренно прорезать там дамбы, спасая таким образом свои урожаи за счет уничтожения урожаев соседей.

Рис. 69. — РЕКА ПО МЕЖДУ ПЬАЧЕНЦЕЙ И КРЕМОНОЙ.
Из австрийской штабной карты. Масштаб 1:325 000.

Ширина русла, ограниченного этими дамбами, уменьшается по мере спуска вниз по течению реки и в случае рукавов дельты не превышает 900–1600 футов. Этого недостаточно, чтобы вода могла стекать во время чрезвычайных наводнений, когда ее

уровень иногда поднимается на 25 и даже 30 футов. Кроме того, часто бывает, что жители деревень не ухаживают за дамбами должным образом, и иногда целые районы разрушаются из-за того, что не были засыпаны кротовые ходы. Прорыв в дамбе, если его не засыпать быстро, приводит к невыразимым страданиям. Урожай уничтожается, деревни сравниваются с землей, почва разрывается и уносится, а жители гибнут от голода и его страшного спутника — тифа. Эти великие наводнения на По и землетрясения в Калабрии — две бедствия Италии. В 1872 году 1200 квадратных миль между Секкья и морем превратились в озеро. Два года спустя там все еще оставались лужи воды.

В этих великих бедствиях жители получают возможность проявить свою доблесть, и всегда самые энергичные из них успевают защитить свою собственность от смыва наводнениями. Во время только что упомянутого наводнения жители маленького городка Остилья успешно боролись с поднимающимися водами, в то время как многие из их соседей потерпели поражение. Город стоит близко к *фрольдо*, и нет второй линии дамб, которая могла бы его защитить. Дамба грозила прорваться. Жители сразу же приступили к работе (), воздвигнув вторую защитную линию. Все трудоспособные мужчины города, а их было 4000, вышли на работу во главе со своим мэром. Они работали день и ночь, и, когда наводнение унесло старую дамбу, новая поднялась на ее месте. Победа была одержана; наводнение отступило, и их дома были в безопасности.

Некоторые из этих прорывов в дамбах привели к постоянным изменениям в русле реки, и эти отклонения были наиболее заметны в дельте. Во времена римлян и вплоть до XIII века По ди Волано был главным рукавом реки, а сейчас он превратился в незначительный ров, который с трудом можно проследить через болота Комаккьо. Два других рукава, расположенные дальше к югу, в настоящее время используются в качестве автомобильных дорог. В VIII веке По ди Примаро, впадающий в море к северу от Равенны, занял место этих старых русел. Еще одно раздвоение произошло в 1152 году, когда дамба в Фиккароло была разрушена, как говорят, жителями, проживавшими выше этого города, и главный канал реки, Маэстра, покинул стены Феррары посреди болот и соединился с каналами Адидже. Прорывы дамб обычно происходят в октябре или ноябре и, как правило, в одних и тех же местах. Наибольшая опасность всегда возникает в Корболе, где разветвляется По ди Маэстра.

Адидже — такой же блуждающий река, как и По. Едва эта река покидает ущелье, или *чиуза*, из известковых гор и укреплений Вероны, как она начинает свой непредсказуемый путь по равнине. Во времена римлян Адидже текла гораздо дальше на север, вдоль подножия Эуганских холмов, и впадала в море у Брондоло. В 587 году река прорвала свои дамбы, и ее основное русло приняло направление, которое сохраняется до наших дней, впадая в море у Фоссоне. Но новые русла неоднократно открывались в южном направлении, пока Адидже и По вместе не образовали одну дельту. Полезина Ровиго, расположенная между двумя реками, и полезина Феррары представляют собой низменные участки аллювиальных земель. Двор замка Феррары, занимающий одно из самых возвышенных мест на этих равнинах, находится на девять футов ниже самого высокого уровня По во время паводка.

Частые наводнения, вызванные По, и многочисленные изменения его русла, распространяя аллювий по всей стране, подняли всю равнину примерно до одного уровня. Но теперь, когда все рукава По ограничены дамбами, большая часть аллювия, принесенного

наводнениями, отлагается на побережье Адриатического моря. Таким образом, земля завоевывает у моря гораздо более быстрыми темпами, чем раньше. Ряд дюн, обозначающих древнее побережье, теперь находится в пятнадцати милях от берега, а площадь новой земли, образующейся ежегодно, оценивается в 280 акров. В исключительные годы количество твердых веществ, выносимых рекой в море, достигает 3 531 000 000 кубических футов; в среднем оно составляет 1 623 000 000 кубических футов, что достаточно для образования острова площадью десять квадратных миль на глубине десяти футов. По, после Дуная, является самым активным геологическим агентом среди всех рек, впадающих в Средиземное море.⁶⁶ Рона уступает ему, как и Нил. При нынешних темпах развития По в течение тысячи лет вынесет язык суши шириной шесть миль через Адриатическое море, превратив Триестский залив во внутреннее море.

Северная Италия, в дополнение к этим многочисленным рекам, обладает одной из самых обширных систем каналов в мире, которая послужила образцом для всей остальной Европы. Ломбардия, части Пьемонта, Кампанья Турина, Ломеллина на Тичино и Полезина Феррары и Ровиго обладают замечательной разветвленной системой орошения, которая доставляет плодородный аллювий на истощенные поля. В средние века, когда остальная часть Европы еще была погружена в мрак, ломбардские республики уже практиковали искусство орошения в самых широких масштабах и осушали свои низменные равнины. Милан, сбросив иго немецких угнетателей, в конце XII века построил *Навильо-Гранде*, судоходный канал, берущий начало в Тичино, в тридцати милях от города, — вероятно, первое крупное инженерное сооружение такого рода в Европе. В начале XIII века () избыточные воды реки Адды были использованы для наполнения канала Муцца. Позднее эта же река стала питать другой канал, Мартесана, построенный великим Леонардо да Винчи. Искусство преодолевать перепады высот с помощью шлюзов было открыто миланскими инженерами примерно за столетие до этого и применялось при строительстве второстепенных каналов. Среди более поздних сооружений можно назвать *Навильо* от Милана до Павии, канал Кавур, питаемый рекой По ниже Турина, и канал Вероны, питаемый рекой Адидже.⁶⁷

Не только реки Северной Италии, но и родники, или *фонтанелле*, какими бы маленькими они ни были, которые бьют у подножия Альп, используются для орошения. Вергилий упоминает эти родники в своих «Буколиках», где он говорит: «Дети, остановите воду; луга уже достаточно напились». Ломбардия обязана этим родникам своими прекрасными прериями, или *марчите*, которые иногда дают восемь урожаев в год. Великая Адриатическая равнина действительно претерпела огромные изменения благодаря труду человека. Первоначально она была болотом, окруженным лесами и вересковыми пустошами, но теперь является одной из наиболее хорошо возделанных земель Европы. Одной из ее главных особенностей являются плантации шелковицы, однообразие которых во многих районах, особенно в Брианце Комо, этом саду Италии, сглаживается группами высоких деревьев, небольшими озерами и извилистыми долинами. До сих пор остаются обширные вересковые пустоши, покрывающие морены древних ледников, которые с каждым годом становятся все более бесплодными, но инженеры рассматривают планы их орошения с помощью удобрительных вод альпийских озер.

Орошаемая площадь в долине По составляет почти 5000 квадратных миль, а количество воды, которое она поглощает каждую секунду, оценивается в 35 000 000 кубических футов, что равно примерно одной трети объема По. Если предложенные ирригационные работы будут осуществлены, По, который сейчас играет столь важную роль в экономике страны

благодаря своим наводнениям и аллювиальным отложениям, сократится до размеров небольшой реки.

Испарение из многочисленных рек и каналов страны насыщает воздух влагой. Дожди идут реже, чем на атлантическом побережье Англии и Франции, но облака, гонимые южными ветрами к прохладным склонам Альп, разряжаются проливными дождями. Количество осадков, выпадающих в верхних альпийских долинах, равно количеству осадков в самых влажных районах Португалии, Гебридских островов и Норвегии, а количество осадков на равнинах Ломбардии равно количеству осадков в Ирландии. Годовое количество осадков в бассейне реки Пьяве оценивается в пять футов, не считая того, что может испариться или быть поглощено растениями. Эти дожди не ограничиваются определенными сезонами, хотя было замечено, что они наиболее обильные в мае и октябре, а наименее обильные — в феврале и июле.⁶⁸

Что касается направления ветров, то большая равнина, ограниченная Апеннинскими Альпами, напоминает альпийскую долину: ветры дуют по ней либо с востока на запад, либо в обратном направлении. Ветры, спускающиеся с Альп, редко приносят дождь, поскольку они оставляют влагу на западных склонах, но ветры, дующие с Адриатики, обычно насыщены влагой. Тем не менее, из-за большой протяженности равнин и многочисленных разрывов в горных цепях это правило часто нарушается. В альпийских долинах восходящие и нисходящие потоки гораздо более регулярны, и мореплаватели на озерах в полной мере пользуются этим обстоятельством.

Сорок пятая параллель северной широты пересекает долину По, но климат, тем не менее, не так мягок, как можно было бы ожидать, и диапазон температур велик. В Валь-Теллине температура иногда поднимается выше 90°, а часто опускается ниже точки замерзания. На равнине климат менее суровый, но, несмотря на это, он имеет континентальный характер (), и Турин, Милан и Болонья по этой причине являются наименее приятными для проживания городами Италии. Несколько благоприятных мест на альпийских озерах, таких как Борромейские острова, являются исключением из этого правила и имеют равномерный климат благодаря смягчающему влиянию обширных водных просторов. В заливе Палланца температура никогда не опускается ниже 40 °F, и нам нужно добираться до Неаполя, чтобы встретить климат, столь же благоприятный для растительности. Венеция также является привилегированным местом благодаря близости Адриатического моря и, несмотря на окружающие ее лагуны, является здоровым городом. Примечательно, что эти солоноватые озера и болота Северной Италии не вызывают страшной малярии. Венеция, несомненно, обязана своей здоровой атмосфере приливам, которые здесь выше, чем в Тирренском море, и, возможно, также холодным ветрам, спускающимся с Альп. Комакьо также является здоровым местом, и молодых жителей Полезины, страдающих туберкулезом, отправляют туда для восстановления здоровья. Везде, где инженеры перекрыли соединение между лагунами и открытым морем, появилась болотная лихорадка. Болота Равенны и Червии являются источником злокачественных лихорадок, особенно там, где алчные землевладельцы вырубili защитные ряды сосен и дубов. Тяжелый миазматический воздух висит также над окрестностями Феррары и Малальберго, у истоков дельты Падуи.

Альпийские долины являются самыми нездоровыми местами Северной Италии, поскольку они лишены солнечного света. Здесь часто встречаются зоб и идиотизм, а в долине Аоста почти все женщины страдают от первого, возможно, из-за воды, которая течет по магнезиальным породам. Жители районов, пересеченных многочисленными каналами, страдают от болезней, связанных с миазматическими испарениями. Пища крестьян не

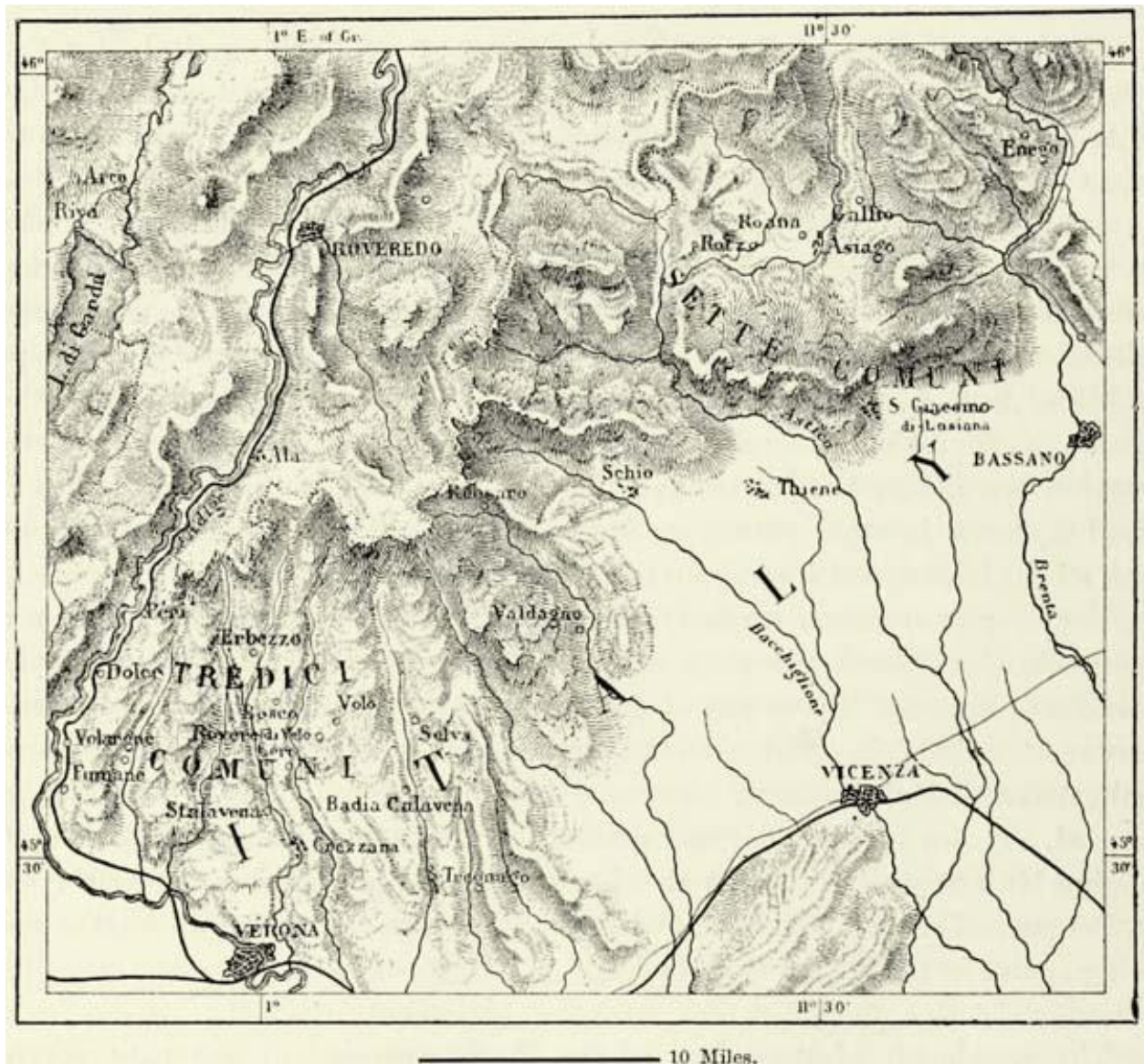
является достаточно питательной и разнообразной, чтобы противодействовать этим вредным воздействиям, и многие умирают от *пеллагры*, неизлечимой кожной болезни, известной только в странах, где мука из кукурузы в разбавленной форме *поленты* является основным продуктом питания. В провинции Кремона каждый двадцать четвертый житель страдает от этой болезни. Санитарные условия жизни людей еще хуже на рисовых полях Милана и Полезины. Женщины там часто часами стоят в теплой гнилой воде и вынуждены время от времени снимать с ног пиявок, ползущих по ним.⁶⁹

Но, несмотря на болезни, нищету и голод, которые всегда следуют за наводнениями, плодородная равнина По является одной из самых густонаселенных частей Европы. Здесь используется каждый участок земли. Леса, значительно сократившиеся в размерах, не являются местом обитания дичи, за исключением, возможно, альпийских склонов, и даже мелкие птицы здесь встречаются редко. Охотятся не только на бекасов, перепелов и дроздов, но и на соловьев и ласточек. Цуди оценивает количество певчих птиц, ежегодно убиваемых на берегах озера Маджоре, в 60 000; а в Бергамо, Вероне, Кьявенне и Брешии их убивают миллионами, расставляя сети в живых изгородях на каждом холме.

Население долины По состоит из самых разнообразных элементов. Среди его предков были лигуры, вероятно, родственники наших басков; этруски, известные своими ирригационными работами; галльские племена, чья своеобразная интонация до сих пор прослеживается в сельском латыни, на котором говорят в Северной Италии; и кельтские омбры, самые отдаленные из всех, которых историки считают коренными жителями этой страны.

Германские вторжения в первые века нашей эры оставили неизгладимый след в населении Северной Италии. Множество высоких людей, встречающихся в долине По, являются свидетельством этого трансальпийского влияния. Готы и вандалы, герулы и лангобарды, или лонбарды, вскоре слились с латинизированными массами, но их положение завоевателей и феодалов давало им влияние, которое их численность сама по себе не могла бы обеспечить. Древняя история Ломбардии — это непрерывная борьба между городами и этими феодалами, и как только последние были побеждены, то есть примерно в начале X века, немецкий язык повсеместно был вытеснен итальянским.

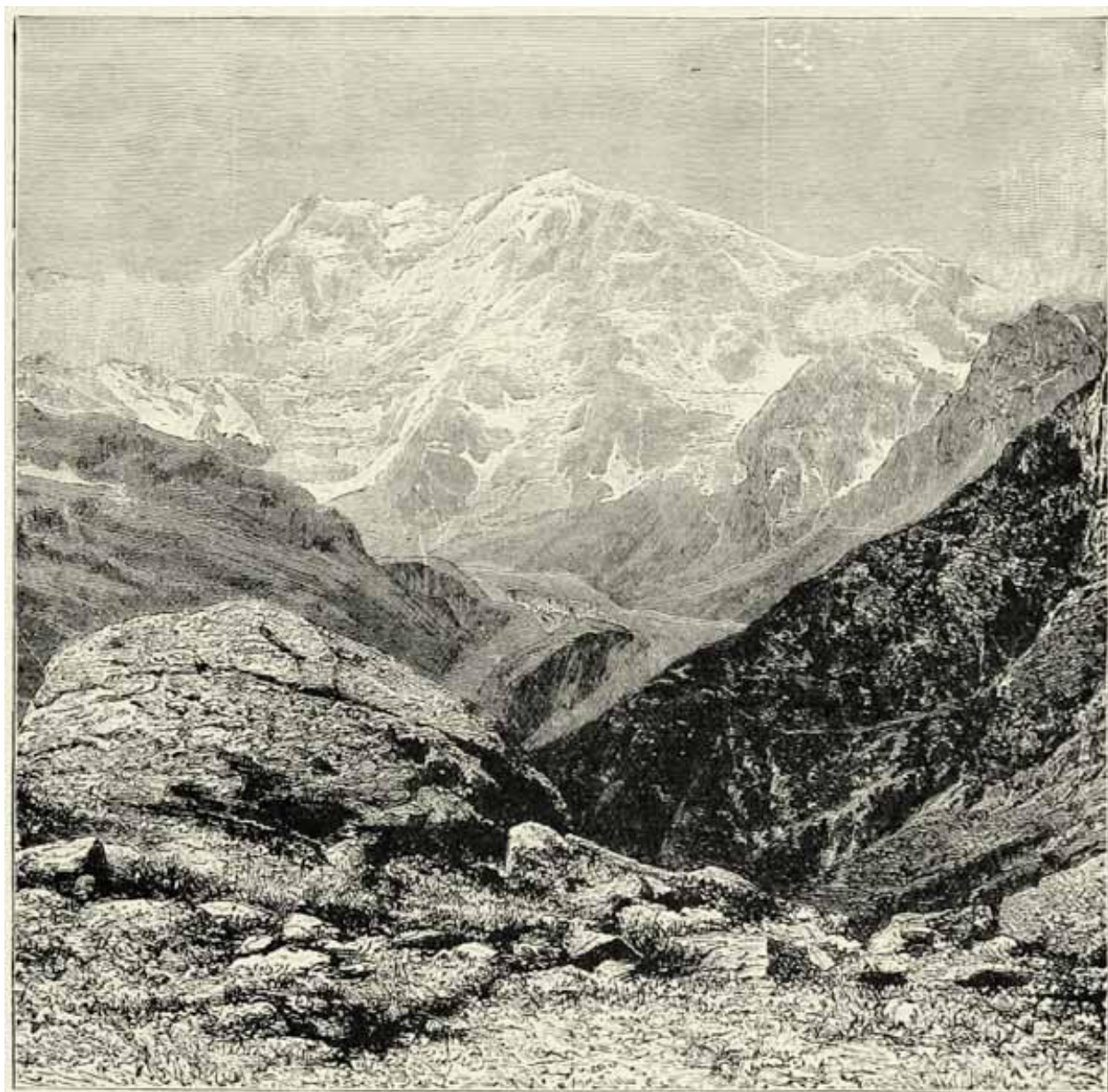
Рис. 70. — НЕМЕЦКИЕ КОММУНЫ СЕВЕРНОЙ ИТАЛИИ.
Масштаб 1 : 650 000.

Фамилии и топонимики ломбардского происхождения очень распространены на левом берегу По и вплоть до подножия Апеннин. Например, Маренго — это искаженная форма немецкого Mehring.

Это немецкое влияние на нравы и язык наиболее прочно сохранилось во Фриули, или Фурланеи, районе, ограниченном Адриатическим морем, Карниольскими Альпами и плато Карст, или Карсо. Фриульцы даже считались отдельной расой, хотя их предки, как и предки большинства итальянцев севера, были латинизированными кельтами. Частые смешанные браки со словенскими соседями в некоторой степени способствовали появлению типа, отличного от венецианского или тревизского. Число фриульцев, все еще говорящих на своем диалекте, в настоящее время не превышает 50 000 человек.

Рис. 71. — МОНТЕ-РОЗА, ВИД С ГАЛКОРО.

Среди многочисленных немецких колоний, следы которых были найдены на равнинах Северной Италии и на южных склонах Альп, наиболее значительными являются «Тринадцать коммун» к северу от Вероны и «Семь коммун» в глубоких долинах к северо-западу от Бассано. Предполагается, что *homines Teutonici* этих двух районов являются потомками кимбров, побежденных Марием, и среди них до сих пор преобладают голубые глаза и светлые волосы, но во всех других отношениях они похожи на итальянцев равнин, и только несколько старух среди них до сих пор говорят на языке своих предков, который, как говорят, похож на диалект, на котором говорят на озере Тегерн в Баварии. Они также не были защитниками немецкой власти на итальянской земле. Напротив, они были уполномочены Венецианской республикой защищать северную границу и всегда доблестно выполняли эту обязанность. Взамен им было предоставлено самоуправление и освобождение от военной службы. Но ни Венецианская республика, ни Австрия не смогли защитить эти германские колонии от вторжения «валлийцев» или итальянцев (), и в настоящее время к востоку от великих озер не существует никаких неитальянских общин.

Однако к северу от Пьемонта, в долинах, спускающихся с Монте-Роза, и в долине Помат, где река Точе образует один из самых красивых водопадов, немецкие колонии по-прежнему сохраняют свои позиции. Они тоже давно утратили бы свой язык, если бы не поддержка, которую они получают от немцев, занимающих швейцарские долины на северных склонах Альп. Аланья, или Олен, одна из этих немецких деревень, до недавнего времени сохраняла свои древние обычаи. На протяжении веков там не было судебных процессов; договоры, завещания и другие юридические документы были неизвестны; все регулировалось «обычаем», то есть абсолютной властью глав семейств.

Французский элемент гораздо более многочисленен на итальянском склоне Альп, чем немецкий. Жители долины Аоста, расположенной между Гранд-Парадис и Монте-Роза, верхних долин Дора-Рипария, Клузон, Пеличе и Варайта, говорят по-французски и имеют то же происхождение, что и савойцы и дофинцы на западном склоне Альп. Рельеф местности способствовал этому мирному вторжению западных кельтов, численность которых составляет около 120 000 человек. Они спустились с перевалов и заняли всю лесную и пастбищную местность вплоть до подножия холмов, причем в многих случаях последний горный перевал составлял их границу. Но французский язык неуклонно теряет свои позиции, поскольку официальным языком является итальянский, и каждая деревня уже имеет два названия, из которых предпочтение отдается современному итальянскому. Вальдои, или вальденсы, в долинах Пеличе (Пеллис) и Клузон, выше Пинероло (Пиньероль), единственные сопротивляются этой итальянизации с определенным успехом, поскольку у них есть литература и история, и их объединяют сильные религиозные узы. Их секта подвергалась преследованиям еще в XIII веке, задолго до Реформации, и с тех пор, вплоть до окончательной эмансипации в 1848 году, они боролись с невзгодами. Много раз считалось, что они были истреблены, но они всегда возрождались, и в истории занимают место, несоразмерное их небольшой численности.

Большая часть населения занимается сельским хозяйством, что неудивительно, если учесть плодородие почвы, обилие воды и улучшения, осуществленные в прошлые века. Труды, вложенные в все виды сельскохозяйственных улучшений, таких как каналы, набережные, террасы или *рончи*, построенные как ступени на склоне каждого холма, были огромны и не поддаются подсчету. Кроме того, способ возделывания земли требует огромного труда, поскольку крестьяне не знают железного плуга, а возделывают свои поля лопатами: они скорее садоводы, чем земледельцы. Сельскохозяйственная продукция огромна; ее годовая стоимость оценивается в 80 000 000 фунтов стерлингов, и она поставляется в больших количествах на экспорт. Основными продуктами являются зерновые, корм для скота, листья шелковицы и коконы, овощи и фрукты, а также сыр, в том числе знаменитый пармезан. Ломбардия и Пьемонт занимают первое место в мире по производству некоторых видов сельскохозяйственной продукции и являются практически единственными странами в Европе, где широко выращивается рис, завезенный в начале XVI века. С другой стороны, виноградники не ухаживают так тщательно, как могли бы, и вина, за исключением вин Асти, Монферрато, Сан-Коломбано и Удине (*пиколито*), не пользуются большой репутацией.

Долина реки По делится на несколько хорошо разграниченных сельскохозяйственных провинций. В альпийских долинах, между Коль-ди-Тенда и Монте-Трикорно, большая часть лесов и пастбищ находится в общей собственности, но почти каждый горный житель является также свободным владельцем небольшого участка луга или земли, который он своим трудом превратил в огород. Таким образом, социальное положение этих горцев

напоминает положение французских крестьян, поскольку они также пользуются преимуществами мелкого разделения земли между свободными собственниками (). Холмистые участки у подножия гор разделены на фермы умеренного размера. Крестьянин больше не владеет землей, но, в соответствии со старыми феодальными обычаями, он участвует в ее доходах. На равнине, где необходимо поддерживать сложную систему каналов, почти вся земля принадлежит богатым капиталистам, которые разделили ее на многочисленные небольшие фермы и в большинстве своем проживают в городах. Эти мелкие фермеры не имеют собственных ресурсов и едва ли превосходят по статусу сельскохозяйственных рабочих. Хотя они возделывают самые плодородные земли Северной Италии, они питаются скудно, часто гибнут от болезней и меньше всего осознают преимущества образования. Контраст между этими несчастными крестьянами и горцами из Водуа и Валь-Теллина действительно огромен.

Периодически многие горцы мигрируют в города и соседние страны в поисках работы, и пословица гласит, что в мире нет страны «без воробьев или бергамоцев». Но хотя жители холмов Бергамо составляют значительную часть этих мигрантов, их превосходят по численности фриульцы, жители побережья озера Маджоре и пьемонтцы. Последние в большом количестве пересекают перевалы Западных Альп в поисках работы в Марселе и других городах южной Франции, и, поскольку их скромных потребностей хватает на небольшую заработную плату, они не особенно нравятся своим французским товарищам по работе.

Металлические богатства Северной Италии невелики. Единственные значительные рудники — это те, которые раньше снабжали железом знаменитых оружейников Брешии, и золотые прииски Анзаска у подножия Монте-Роза, где римляне держали на работе 5000 рабов и которые еще не совсем исчерпаны. Однако мрамор, гнейс, гранит, гончарная глина и каолин встречаются в изобилии. В прежние времена шелка, бархаты, ковры, стекло, фарфор, изделия из металла и другие произведения искусства мастеров Венеции и Ломбардии пользовались очень высокой репутацией. Эти древние отрасли промышленности пришли в упадок с падением старых республик, но сейчас есть признаки их возрождения. Нехватка угля или другого топлива для приведения в действие механизмов современных фабрик в некоторой степени компенсируется обильной водной энергией, и это объясняет, почему почти все важные мануфактуры расположены у выходов из альпийских долин.

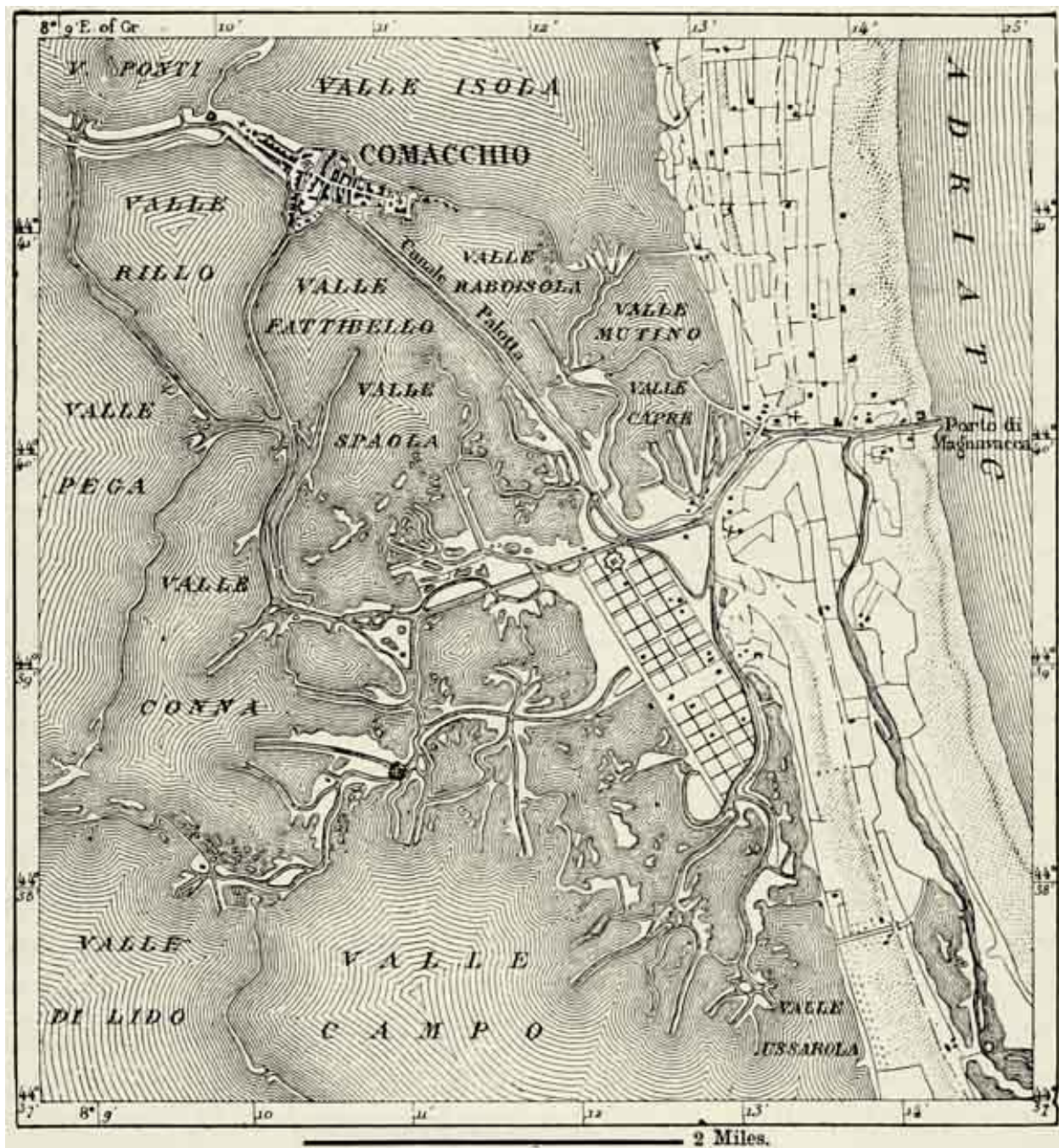
Рис. 72. — ЛАГУНЫ КОМАККИО.
Масштаб 1:290 000.

Среди древних отраслей промышленности страны, которые еще не исчезли, рыболовство в лагунах Комаккио занимает одно из первых мест. Канал Магнавакка, который сейчас практически несудоходен, впускает морскую воду в канал Палотта, который можно охарактеризовать как главную артерию этих лагун. Он был построен в 1631–1634 годах и благодаря искусно спроектированной системе разветвленных каналов доставляет живительные воды в самые отдаленные части лагун. Таким образом, различные бассейны, или *валли*, лагун наполняются морской водой и образуют множество нерестилищ, где рыба, приплывающая из моря, размножается в изобилии. Лабиринт каналов, снабженных шлюзами, перекрывает им путь к морю, и когда наступает сезон рыбной ловли, их ловят в огромных количествах. Спалланцани видел, как за час в одном водоеме, или *валли*, вылавливалось 60 000 фунтов рыбы, но иногда улов бывает еще более значительным, и рыбу фактически используют в качестве удобрения. Рыбацкое население Комаккио насчитывает около 5000 человек, большинство из которых отличаются высоким ростом, большой силой и гибкостью. Косте, рыбовод, упоминает как любопытный факт, что эта уединенная колония рыбаков сохранила эти характерные черты на протяжении веков, хотя

и жила исключительно за счет рыболовства и питалась кефалью, угрями и *акваделле*. К сожалению, эти рыбаки не являются владельцами прудов, поскольку они принадлежат государству или богатым частным лицам. Рабочие живут в больших бараках вдали от города, куда они возвращаются только через определенные промежутки времени, и даже их женам и родственникам не разрешается навещать их в местах их изгнания.

Рис. 73. РЫБОЛОВСТВО В КОМАККИО.
Масштаб 1:78 000.

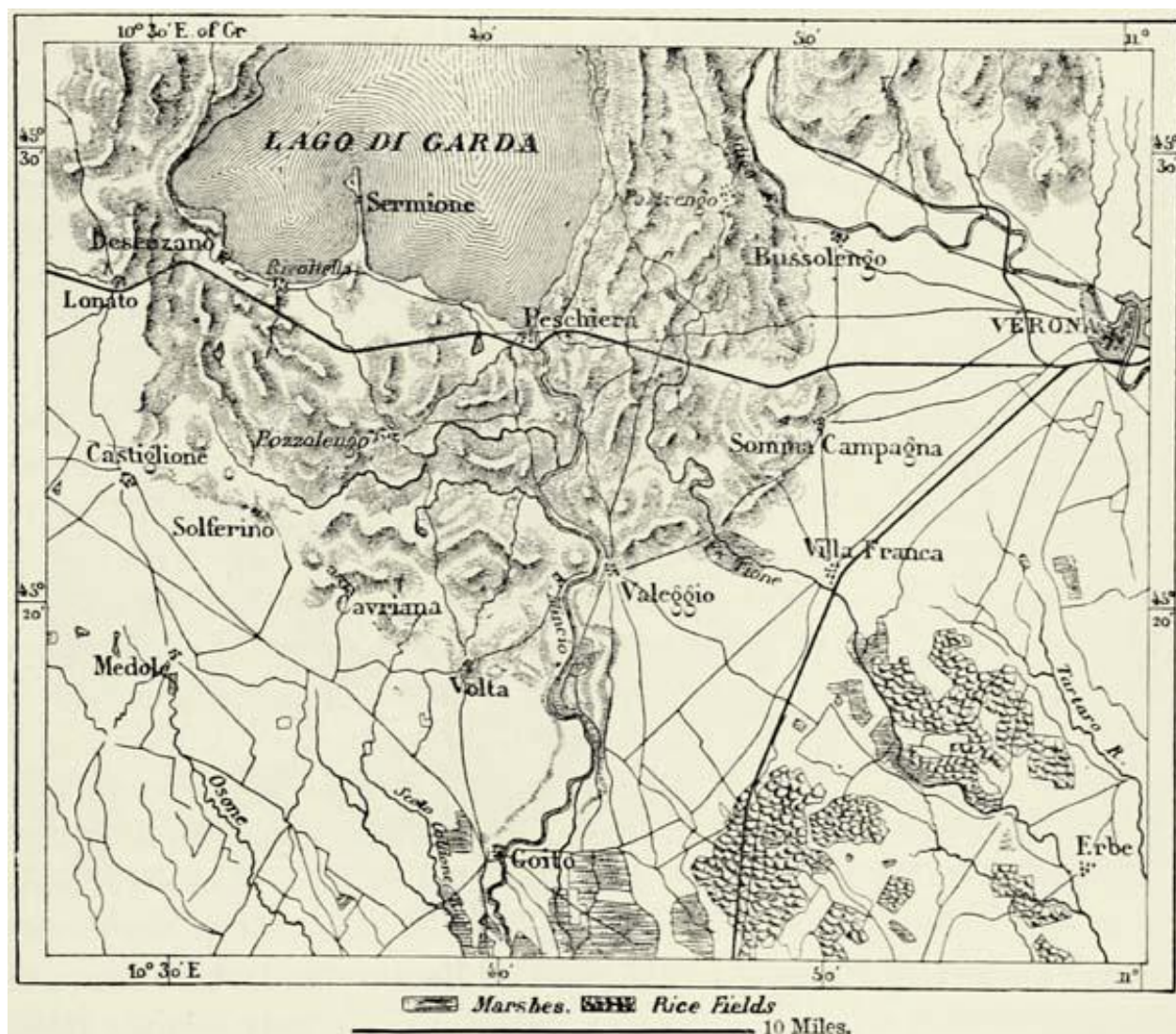
Огромное население долины По, которое почти равно населению остальной части континентальной Италии, распределено очень неравномерно; но, за исключением высоких и холодных альпийских долин, жители живут в городах, десятки которых можно увидеть среди зелени, если подняться на высокую башню. Деревень и хуторов почти нет. В сельской местности живут только фермеры, полностью изолированные друг от друга, в то время как многочисленные землевладельцы толпятся в городах, придавая им вид богатства, которым не могут похвастаться подобные места в других частях Европы. Ни одна другая страна в

мире не имеет такой плотности населения, а в Ломбардии количество городов относительно больше, чем где-либо еще.⁷⁰

Крупных городов тоже много, и многие из них пользуются заслуженной репутацией среди городов мира благодаря своим памятникам, художественным сокровищам и историческим ассоциациям. Их количество частично объясняется плотностью населения и тем, что жители могли легко менять место жительства в зависимости от опасностей войны или перемен в событиях. Это также объясняет большое количество городов, которые прославились как столицы республик или как королевские и герцогские резиденции.

Некоторые из городов у подножия Альп занимают места, выделенные для них природой. Таковы города у устья долин или ущелий, которые были местами обороны, а также центрами торговли. Ариминум, современный Римини, на южной оконечности великой равнины По, был одним из них, поскольку во время правления римлян он защищал узкий прибрежный проход между Адриатическим морем и Апеннинскими горами. Фламинийская дорога доходила до моря, а Эмилийская дорога оттуда уходила на северо-запад, как и прибрежная дорога Равенны. Когда Рим перестал быть столицей мира, а Италия разделилась на мелкие враждующие государства, города в южной части равнины или вблизи перевалов через По, такие как Феррара и Болонья, сохранили свое стратегическое значение. Пьяченца, защищающая перевал через По между Пьемонтом и Эмилией, остается первоклассной крепостью и по сей день; Алессандрия, расположенная у слияния рек Танаро и Бормида, на равнине, известной многими кровопролитными сражениями, также была обречена стать грозной крепостью, хотя и насмешливо называлась «городом из соломы». Каждая долина, выходящая из Франции или Австрии, была заблокирована у своего устья крепкой крепостью; но большинство из этих мест, таких как Винадио, Пинероло, Фенестрелла и Суза, стали неудерживаемыми из-за дальности современной артиллерии.

С момента падения Римской империи оборона дороги через Бреннер требовала особого внимания, поскольку равнина между Минчо и Адидже, к югу от озера Гарда, с военной точки зрения является наименее защищенной частью Италии. История доказала это. Мирные жители равнины вполне могли посвятить эту альпийскую дорогу богам и поручить ее оборону соседним племенам. Но северных варваров не могли остановить алтари, и они не раз спускались по ней, как лавина, грабя города и убивая жителей. Ни одно место на земле не было так часто пропитано человеческой кровью. Большинство сражений за владение Италией, вплоть до наших дней, велось вблизи устья верхней долины Адидже. Едва ли найдется город или деревня в этом небольшом районе, которые не приобрели бы печальную известность на мрачных страницах истории человечества. Именно там мы должны искать поля сражений Кастильоне, Лонато, Риволи, Сольферино и Кустоцца. Когда австрийцы удерживали Ломбардию и Венецию, они позаботились о защите этого района с помощью четырех крепостей, известных как Четырехугольник (Верона, Пескьера, Мантуя и Легнаго), и других сооружений. Они составляли «ключ от дома», который Италия теперь вернула себе.

Конфигурация местности, которая придавала этим альпийским ущельям стратегическое значение, также обеспечивала их коммерческую важность. Крепости были построены там для защиты перевалов, а торговые склады — для перехвата товаров. Статус этих торговых центров в основном зависит от количества и важности дорог, которые к ним сходятся. Турин, к которому сходятся все альпийские дороги от Монблана до Апеннин, естественно стал одним из важнейших центров европейской торговли. Милан, к которому ведут семь великих альпийских маршрутов: Симплон, Готтард, Бернардино, Сплуген, Юлиер, Малоя и Стельвио, был обозначен природой как торговый центр. Болонья, отделенная от альпийских перевалов болотами По, также приобрела важное значение с тех пор, как железные дороги соединили ее с Венецией, Парижем, Марселем и Неаполем.

Долина По никогда бы не приобрела такого значения в истории Европы, если бы не были построены дороги для преодоления препятствующих гор, окружающих ее со всех сторон, кроме востока, где она выходит к Адриатическому морю. Ни один другой район Европы не окружен столь полными природными препятствиями, как этот, но строительство автомобильных дорог и железных дорог превратило Северную Италию в один из великих центров европейской торговли. Венеция дает ей контроль над Адриатическим морем, апеннинские железные дороги соединяют ее с Генуей, Савоной, заливом Специи и Тирренским морем (), и таким образом она контролирует два моря, омывающих берега Италии. Другие железные дороги пересекают Альпы и связывают ее с Францией и

Германией. Это центральное положение в сочетании с природной плодородностью страны превратило Северную Италию в одну из самых процветающих частей Европы. Человеческие руки преодолели первоначальные географические недостатки, и истинный центр Италии находится в древней Цизальпийской Галлии, а не в Риме. Если бы итальянцы руководствовались при выборе своей столицы фактической важностью, а не исторической традицией, они бы выбрали один из великих городов своей северной равнины.

Рис. 75. — ПРОХОДЫ ЧЕРЕЗ АЛЬПЫ.
Масштаб 1 : 6 000 000.

Турин, хотя и является старинным городом, поскольку был сожжен Ганнибалом, тем не менее, по сравнению с другими городами Италии, является современным городом. Его прямые и широкие улицы придают ему вид города Нового Света. До того, как Турин стал резиденцией герцога, он был лишь небольшим провинциальным городком. Во времена римлян и даже в средние века великая дорога между Италией и Галлией пролегла вдоль побережья Генуэзского залива. Путешественники с ужасом смотрели на переход через Альпы. Тем не менее, даже в те далекие времена движение продолжалось, и у подножия каждого альпийского перевала возникали небольшие города. Среди них были Мондови, город, построенный на трех холмах; Кунео, удачно расположенный на террасе между Стурой и Джессо, где бьют горячие серные источники Вальдиера; Салуццо, на пологом склоне предгорий Монте-Визо; Пинероло с его древним замком, который так часто превращался в государственную тюрьму; Суза, итальянский ключ к Мон-Сени; Аоста, до сих пор богатая римскими древностями; Ивреа, построенная на месте, ранее занятом ледником, спускавшимся с Монте-Роза; и Риелла с ее процветающей шерстяной промышленностью (). Города, расположенные ниже на равнине, к которым сходились несколько из этих

альпийских дорог, также приобрели некоторое местное значение. В Верхнем Пьемонте находятся Фоссано, расположенный на куче гальки на пересечении дорог Мондови и Кунео; Савильяно, расположенный ниже, где сходятся дороги долин По и Майра; и Карманьола, которая контролирует одну из главных дорог через Апеннины. Новара, торговый центр озера Маджоре, расположенный в центре одного из самых плодородных сельскохозяйственных районов, является самым густонаселенным городом Восточного Пьемонта. Верчелли, расположенный на реке Сезия, ниже слияния ручьев, спускающихся с Монте-Роза, обладает природными преимуществами, схожими с преимуществами Новары. Казале, древняя столица Монферрато, защищает один из главных проходов через По.

Но Турин, благодаря своему выгодному положению, стал крупным торговым центром долины Верхнего По. Его торговля значительно выросла, поскольку город больше не имеет опасной чести быть столицей королевства, а места, освободившиеся после ухода двора и правительственных чиновников, были быстро заполнены иммигрантами, привезенными сюда железными дорогами. Его библиотеки, прекрасный музей и различные научные общества позволяют ему считаться одним из интеллектуальных центров полуострова, а его производство шелка и шерсти, бумаги и других товаров имеет большое значение. Окрестности Турина восхитительны. С холма Суперга, расположенного в нескольких милях к востоку от города и увенчанного роскошной церковью, можно насладиться одной из самых прекрасных панорам итальянских Альп. Многочисленные небольшие города в его окрестностях, такие как Монкальери, Кьери и Кариньяно, изобилуют виллами и участвуют в процветании столицы. Что касается городов в долине Танаро на юге, то они образуют отдельную группу и являются естественными посредниками между долиной По и портом Генуи. Алессандрия, крепкая крепость с уродливой регулярностью, заменившая старые крепости Тортонна и Нови, является конечной станцией восьми железных дорог и одним из самых оживленных мест Италии. Соседние города Асти, известный своими игристыми винами, и Акки, прославившийся со времен римлян своими горячими источниками, также важны для торговли.²¹

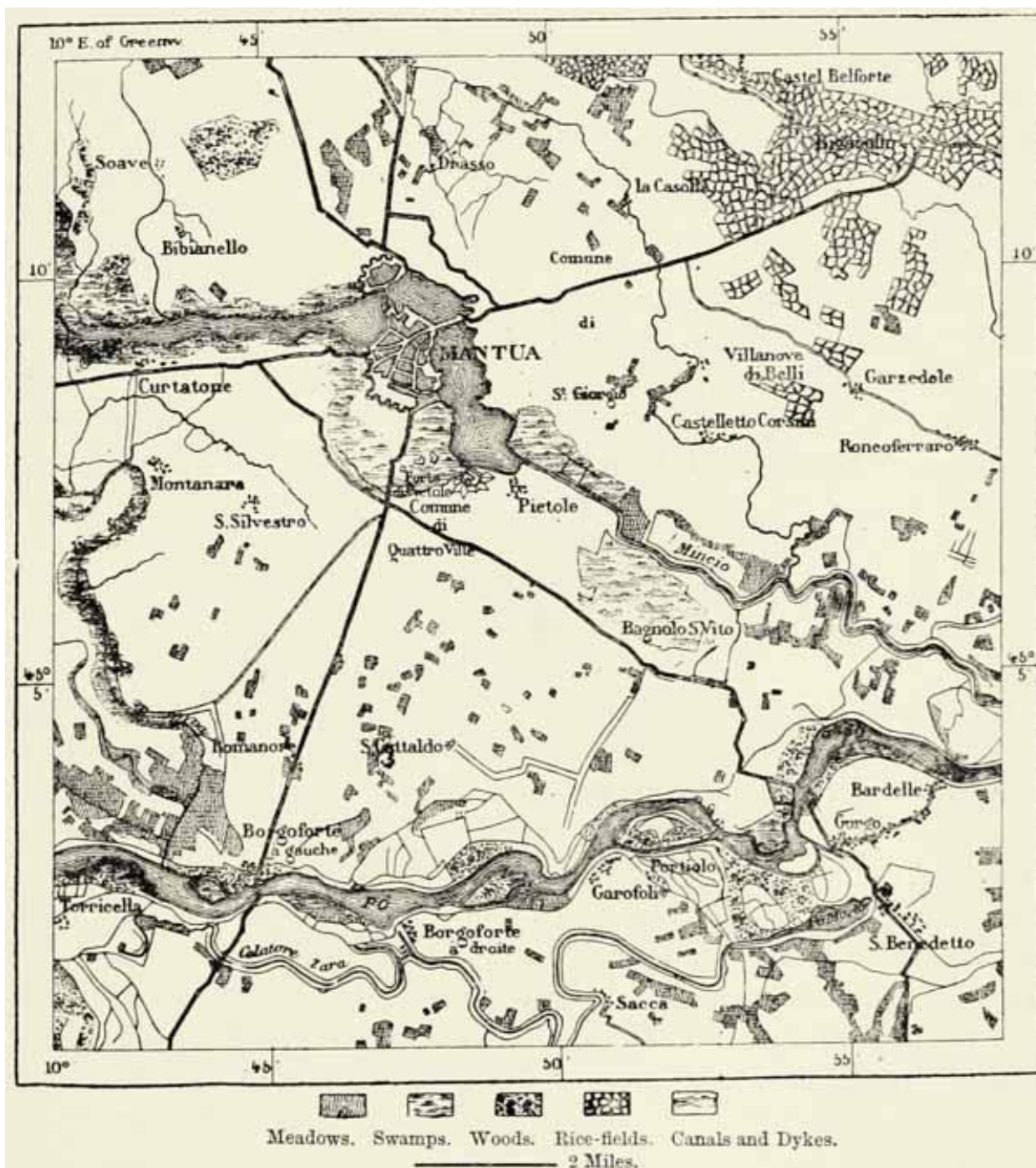
Милан, столица Ломбардии, является во всех отношениях одним из ведущих городов Италии. По численности населения он уступает Неаполю, по торговле — только Генуе, но по промышленности он равен обоим. Его научная и литературная жизнь, вероятно, дает ему право на первое место среди городов между Альпами и Сицилией. В самые далекие времена Милан был важным городом кельтов, и с тех пор преимущества его положения обеспечили ему превосходство над всеми другими городами Северной Италии. Его мощь в средние века принесла ему прозвище «Второй Рим». В конце XIII века в нем проживало 200 000 жителей, в то время как в Лондоне их было не больше шестой части этого числа. Милан испытывал нехватку воды, поскольку зависел от слабого потока реки Олона, и его жители создали Навильо Гранде и Мартесана, настоящие реки, которые летом дают в два раза больше воды, чем Сена в Париже. Они также воздвигли великолепные памятники, но большинство из них погибли во время бесчисленных войн, и сейчас Милан выглядит как современный город Западной Европы. Его самое известное здание, «Дuomo», с его огромным количеством статуй, тонко высеченным мрамором и гранитом, следует рассматривать как чудо архитектуры, хотя с художественной точки зрения оно едва ли больше, чем искусно вырезанная без пропорций безделушка. Камни для этого здания добывались на озере Маджоре, недалеко от устья реки Точе.

Столица Ломбардии, гордящаяся своим прошлым и уверенная в будущем, может похвастаться тем, что никогда не подчиняется посторонним влияниям. У нее есть свои

мнения, нравы и мода, и все, что принимается из-за рубежа, приспосабливается к местным традициям. Другие города Ломбардии также сохраняют свой местный колорит, гордятся своими традициями и славятся своими историческими достижениями. Комо, расположенный на берегу красивого озера, названного в его честь, древний соперник Милана, наживается на производстве шелка и экспорте сельскохозяйственной продукции из Брианцы. Монца, окруженная парками и виллами, является коронационным городом. Павия с ее 525 башнями, ныне лежащими в руинах, помнит времена, когда она была резиденцией лангобардских королей, и с гордостью указывает на университет, один из старейших в Европе, и на Чертозу (Chartreuse), один из самых роскошных монастырей Италии. Виджевано, на другом берегу Тичино, радуется прекрасным замком. Лоди в XI веке был самым могущественным городом Италии после Милана и вел с ним войну на уничтожение; он по-прежнему остается оживленным местом. Кремона, старинная республика, гордится своим *торраццо*, или башней, высотой 393 фута, самой высокой в Европе до появления готических соборов. Бергамо, расположенный на холме, возвышающемся над богатыми равнинами Брембо и Серио, дал миру больше великих людей, чем любой другой город, за исключением Флоренции; а Брешиа, город оружейников, еще более гордая, провозглашает себя матерью героев.

Мантуя, расположенная на реке Минчо, является одной из крепостей Четырехугольника и вряд ли может считаться частью Ломбардии, хотя и входит в ее политические границы. Это, по сути, военный город. Он утратил большую часть своей прежней торговли, хотя евреев здесь больше, чем в любом другом внутреннем городе Италии. Его болота, леса, рисовые поля, каналы и укрепленные каналы создают уровень влажности, исключительный даже для Ломбардии, и поэтому жители избегают этого древнего места рождения Вергилия. Поразительно отличается характер городов, расположенных в самом сердце гор, таких как Сондрио, столица Валь-Теллина, или очаровательный Сало на озере Гарда с его группой вилл, разбросанных среди апельсиновых рощ.⁷²

Рис. 76. ОЗЕРА И КАНАЛЫ МАНТУИ.
Из австрийской штабной карты. Масштаб 1 : 198 000.

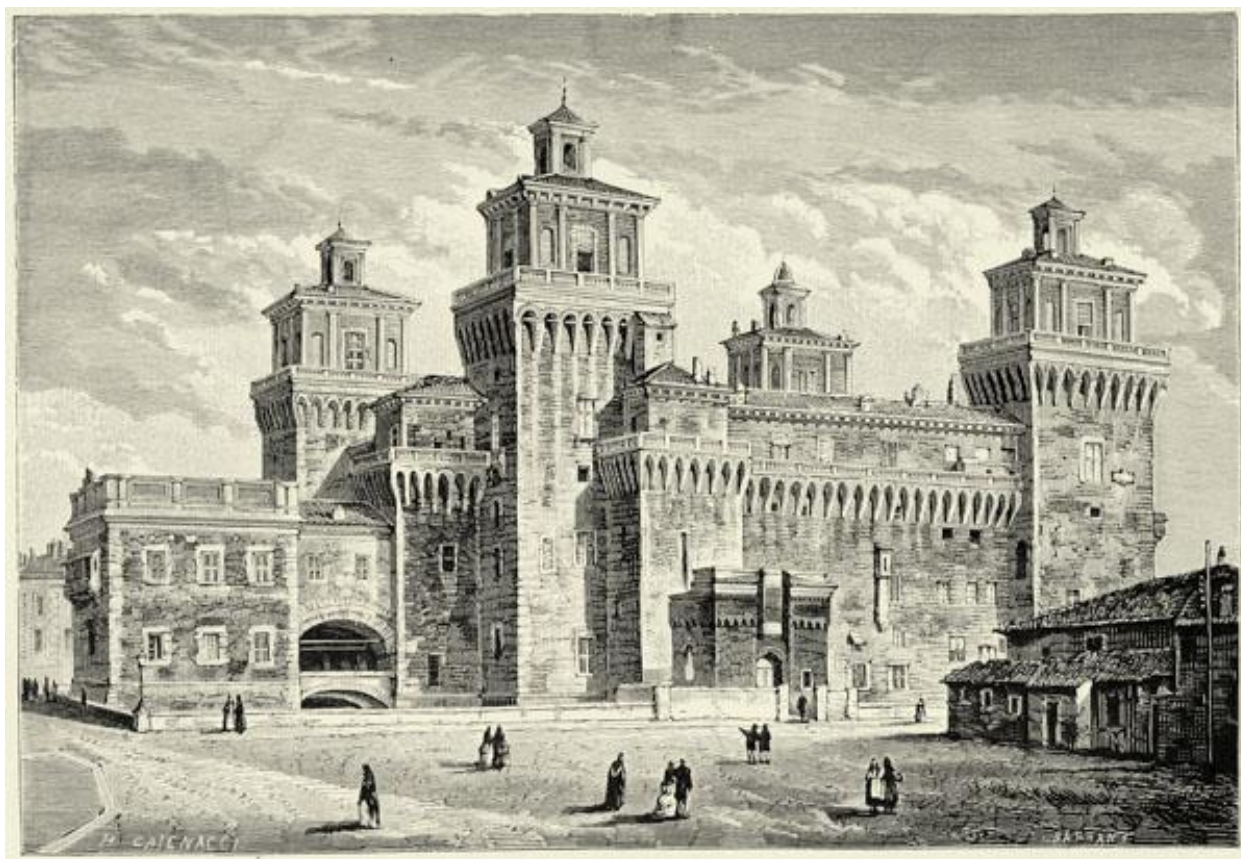

Физиономия крупных городов Эмилии, расположенных за По, гораздо менее своеобразна, поскольку большинство из них находятся вдоль большой эмилийской магистрали и на протяжении веков подвергались уравнивающему влиянию путешествующих купцов и солдат. Пьяченца, неудачное место для крепости, ведет важную торговлю. Парма, старая герцогская резиденция, имеет богатую библиотеку, музей и замечательные фрески Корреджо в своих церквях. Реджо, еще один важный пункт на эмилианской магистрали, известен как место рождения Ариосто. Модена имеет свой музей и ценную коллекцию книг и рукописей, известную как *Biblioteca Estense*. Болонья, «Ученая», взявшая за девиз слово «*Libertas*», по-прежнему остается одним из самых интересных итальянских городов. Здесь находятся этруское кладбище, дворцы и средневековые здания, а также две наклонные башни Пьяцца-Норма (), которые, скорее всего, в конце концов рухнут. Болонья является

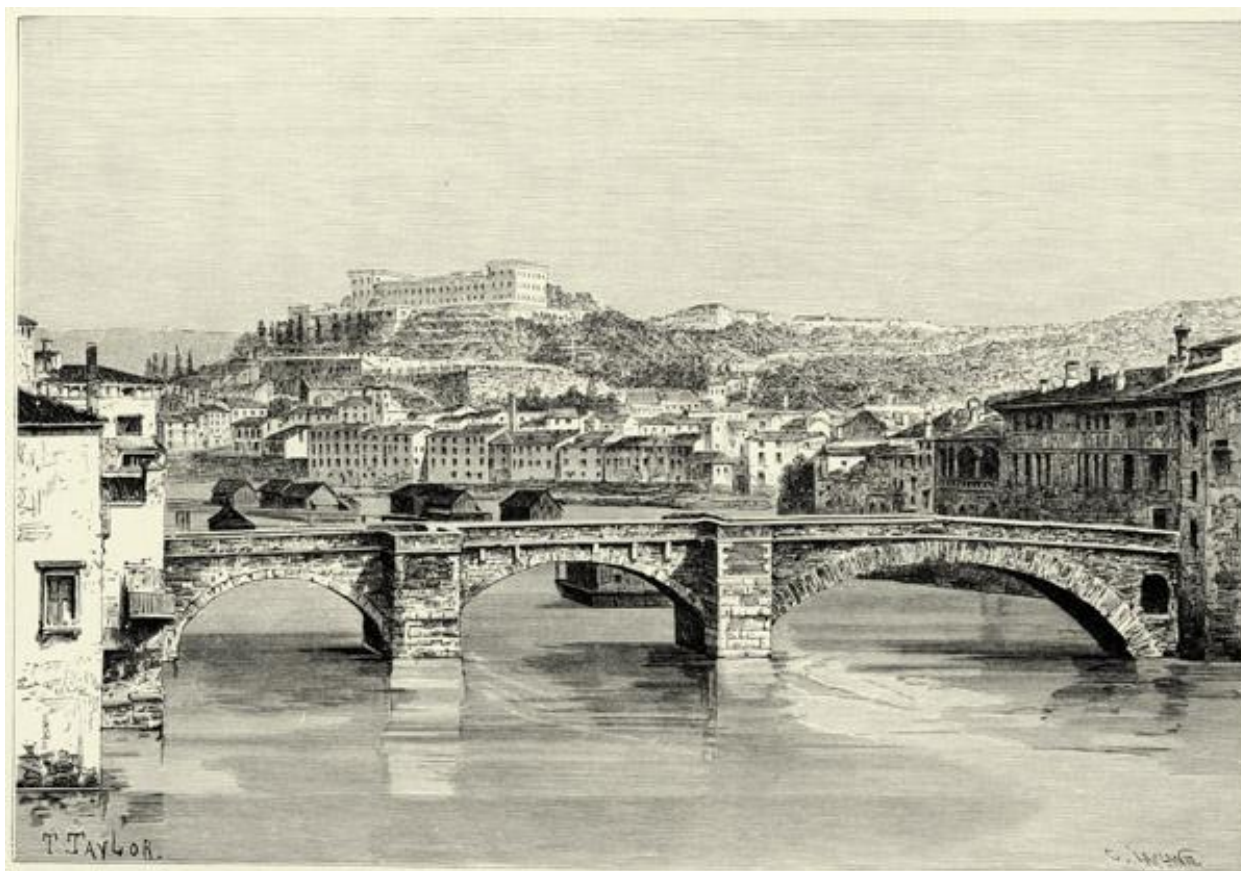
одним из крупных железнодорожных центров, ведет активную торговлю и быстро растет по численности населения. Она была бы гораздо лучшей столицей, чем Рим. В последние годы окрестности города часто затоплялись рекой Рено, и эти бедствия стоили Болонье ее древнего прозвища «Толстая».

Рядом с этим оживленным местом есть и другие, теперь застоявшиеся, которые могут только указывать на здания в доказательство того, что они тоже когда-то процветали. Феррара, древняя столица Эсте, утратила свое высокое положение с тех пор, как По покинул ее, но все еще остается местом, имеющим некоторое значение. Равенна была заброшена не рекой По, а морем, с которым она теперь соединяется каналом длиной семь миль, судоходным для кораблей с осадкой тринадцать футов. Город стал столицей Гонория и Теодориха Готского благодаря защите, которую ему обеспечивали окружающие болота. Экзархам он обязан своими любопытными византийскими зданиями, богатыми мозаикой. Что касается древнего этрусского города Адриа, расположенного на венецианской земле к северу от По, то он вряд ли мог претендовать в какой-либо период за последние две тысячи лет на то, чтобы дать название соседнему морю. Сейчас он находится на расстоянии четырнадцати миль от него, и даже во времена римлян он, должно быть, был окружен лагунами или болотами, иначе как еще можно объяснить его прозвище «Город семи морей»? Порто, расположенный у подножия Эуганских холмов, возможно, обязан своим названием древнему озеру или реке.

Города, известные своей историей и по-прежнему густонаселенные, в основном сконцентрированы в южной части равнины, обычно известной как Романья. Башни и зубчатые стены Имолы возвышаются на берегах Сантерно. Луго, «город прекрасных романьезе», занимает центр района Равенна и имеет развитую торговлю. Фаэнца, расположенная на Эмилианской дороге, скорее большая деревня, чем город, хотя она дала название особому виду фарфора (фаянс). Форли — второй по численности населения город Романьи после Болоньи. Чезена известна превосходным качеством конопли, выращиваемой в окрестностях. В Римини, где Эмилианская дорога достигает моря, до сих пор сохранилось несколько римских руин, в том числе триумфальная арка. Жители Романьи отличаются большой энергией. Их страсти бурны и часто приводят их как к преступлениям, так и к героическим поступкам.⁷³

ДВОРЕЦ В ФЕРРАРЕ.

ВЕРОНА.

В Венеции есть несколько важных провинциальных городов. Падуя богата памятниками искусства, имеет университет и в прошлом была соперницей Венеции. Виченца украшена дворцами, построенными Палладио. Тревизо и Беллуно — города, имеющие некоторое значение, один на реке Силе, другой в верхней долине Пьяве. В Удине указывают на земляной холм, который, как говорят, был насыпан Аттилой, с которого он наблюдал за пожаром Аквилеи. Пальманова, на австрийской границе, представляет собой крепость правильной формы. Верона, на другом конце Венеции, сыграла важную роль в истории Италии, но ее торговля и промышленность пришли в упадок. Она едва заполняет пространство, окруженное стенами и бастиянами, и ее нынешнее население совершенно несоразмерно множеству ее общественных зданий, построенных в средние века, и размерам ее римского амфитеатра, способного вместить 50 000 зрителей. Среди всех городов Венето именно Венеция, «королева Адриатики», меньше всего пострадала на протяжении веков.

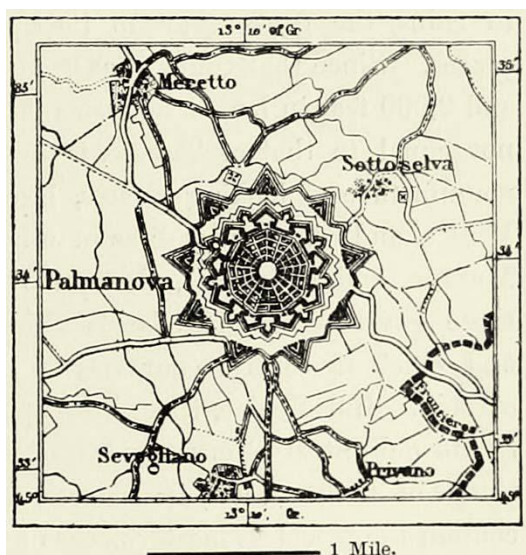

Рис. 77. — ПАЛМАНОВА.
Масштаб 1:86 400.

Венеция — очень древний город. Остатки римских зданий, обнаруженные на острове Сан-Джорджа, значительно ниже современного уровня моря, и поэтому упоминаемые в качестве доказательства медленного оседания венецианского побережья, свидетельствуют о том, что на илистых островах залива проживало население задолго до вторжения варваров. Эти полузатопленные земли, возможно, привлекали прибрежное население в раннем возрасте, поскольку обеспечивали безопасность от нападений и предлагали большие преимущества для ведения торговли. Тем не менее, Венеция нашего времени датируется только началом IX века, когда правительство этой морской республики было установлено на островах, отделенных от моря *лиди*, а от материка — эстуариями и болотами. Это уникальное положение делало Венецию практически неприступной; и в то время как остальная Европа была опустошена войной, Венеция отправляла свои торговые и военные экспедиции во все части Средиземноморья, открывала фабрики и строила крепости. Не без тяжелых борьбы она стала самой могущественной и богатой из торговых республик Италии. В значительной степени этот успех был обусловлен ее выгодным географическим положением, почти в центре средневекового мира. Торговля привела венецианцев в контакт почти со всеми народами, и они не имели предубеждений против иностранцев. Армяне были допущены в их город, и был заключен союз даже с турками. Во время крестовых походов Венецианская республика занимала ведущее положение среди государств Европы, и ее послы пользовались огромным влиянием. Это влияние поддерживалось огромными материальными силами. Венеция имела флот из 300 кораблей, укомплектованный 36 000 моряками, а богатства мира, полученные как законной торговлей, так и насилием, были накоплены в ее 2000 дворцах и 200 церквях. Даже *один* из островков, на которых построен город, мог бы купить королевство в Азии или Африке. Один из самых роскошных городов Запада возник на берегах грязи, где раньше жили только бедные рыбаки. Лиственничные леса Далмации были вырублены и превращены в сваи, на которых строились дворцы. Более 400 мраморных мостов соединяли острова, а великолепные гранитные набережные защищали этот чудесный город от вторжения моря. Великие достижения в области искусства внесли свой вклад в то, что *Венеция стала* городом, не имеющим себе равных.

Но географические открытия, в которых сама Венеция играла ведущую роль, подрывали мощь Итальянской республики. Когда Африка была обогнута и открыт Новый Свет, Средиземное море перестало быть великим торговым морем мира. Венеция была обречена на гибель. Она больше не монополизировала путь в Индию, а растущая мощь турок

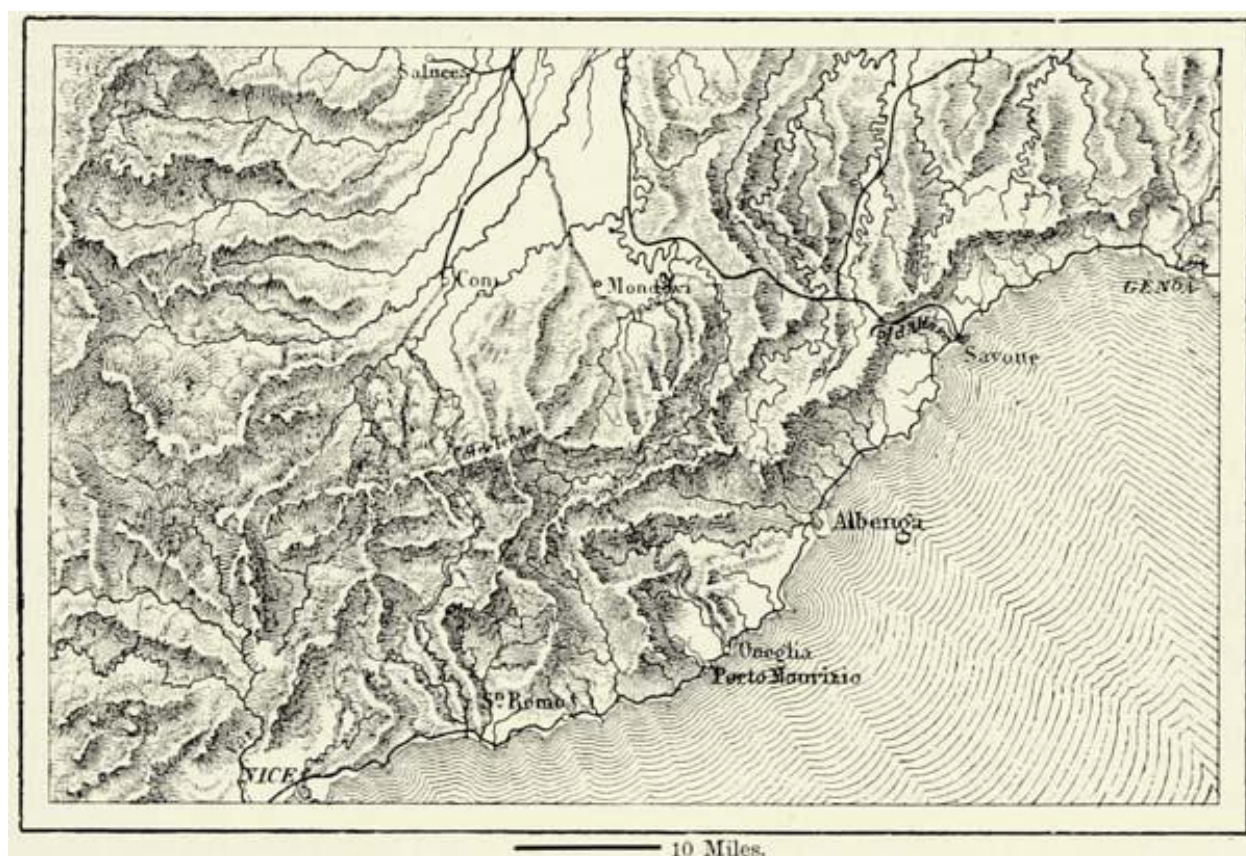
парализовала ее восточную торговлю. Тем не менее, ее ресурсы были настолько велики, что она сохраняла свою независимость более трехсот лет после потери своих фабрик и пала только после того, как ее постыдно бросил генерал Бонапарт, ее предполагаемый союзник.

Упадок Венеции был наиболее заметным во время господства Австрии. В 1840 году в городе проживало менее 100 000 жителей, сотни его дворцов были в руинах, на площадях росла трава, а причалы были завалены водорослями. С тех пор город постепенно восстанавливается. Мост с 222 арками и длиной 2000 футов соединяет его с материком, и его торговля, хотя и не равна торговле Триеста, тем не менее имеет значительное значение.

⁷⁴ Производство зеркал, кружева и других изделий придало Венеции новую жизнь, и там, как и в других городах лагуны (Маламокко, Бурано, Мурано и Кьоджа), тысячи рабочих заняты производством ярких стеклянных бус, которые попадают во все уголки мира и в некоторых странах Востока и Центральной Африки заменяют монеты. Но Венеция, хотя и менее густонаселенная и активная, чем в былые времена, по-прежнему радуется своим прекрасным климатом и ясным небом. Ее веселье и праздники еще не ушли в прошлое, а ее дворцы, построенные в стиле, наполовину итальянском, наполовину мавританском, по-прежнему хранят бесценные шедевры Тициана, Тинторетто и Паоло Веронезе.⁷⁵

Лигурия — это лишь узкая полоска земли, если сравнивать ее с широкой равниной По, но она является одним из наиболее четко очерченных районов Европы, и ее жители сохранили много оригинальных черт. Контраст между равнинами Подане и прибрежным регионом за бесплодными Апеннинами поразителен, но если мы путешествуем в направлении Прованса или Тосканы, ландшафт меняется лишь постепенно. Вал Апеннин окружает весь Генуэзский залив и не имеет ни одного разрыва. Эти горы по своему характеру сильно отличаются от Альп, хотя и соединены с ними, как ветвь дерева соединяется со стволом. Невозможно сказать, где заканчивается одна цепь и начинается другая. Если в качестве критерия взять основное направление гор, то можно сказать, что Лигурийские Апеннины начинаются на границе с Францией, недалеко от истоков рек Тинеа и Везубио; но если считать, что высота, пастбища и вечный снег являются достаточными признаками альпийского региона, то Апеннины начинаются только к востоку от Коль-ди-Тенда, поскольку прекрасные вершины Клапье, Фенетр и Гордалеск, расположенные к западу от этого перевала, достигают высоты 10 000 футов. Они имеют вполне альпийский характер и могут похвастаться даже небольшими ледниками, самыми южными в горах Центральной Европы. Геологи обычно проводят границу там, где меловые и третичные породы сменяют кристаллические породы Альп. Но и это лишь условное деление, поскольку эти кристаллические породы, составляющие гребень Альп на западе, простираются далеко на восток и иногда прорываются сквозь осадочные образования, которые их покрывают, и поднимаются в вершины, похожие на альпийские. Так, гранитные вершины гор Специи напоминают нам горный массив возле Коль-ди-Тенда.

Рис. 78. — СОЕДИНЕНИЕ АЛЬП И АПЕННИН.
Масштаб 1 : 1 500 000

Цепь Лигурийских Апеннин ни в коем случае не имеет одинаковой высоты, но, как и Альпы, состоит из горных массивов, разделенных перевалами. Самый низкий из этих перевалов находится к западу от Савоны и носит название одной из соседних деревень: Альтаре, Каркара или Кадибона. Этот перевал имеет высоту чуть более 1600 футов и в народе считается границей между Альпами и Апенниннами. Во время войны владение этим перевалом всегда считалось очень важным, поскольку он контролирует подступы к Генуе и верхним долинам Пьемонта, а реки Танаро и Бормидо, берущие начало неподалеку, часто окрашивались кровью.

Апеннины к востоку от этого перевала имеют среднюю высоту 3300 футов, а за перевалом Джови (1538 футов), через который проходит дорога из Генуи к северным равнинам, многие вершины достигают высоты 4500 футов. Несколько отрогов, изобилующих ущельями, простираются здесь на север. В то же время главная цепь отступает от побережья, и перевал Понтремоли, который отделяет Лигурийские Апеннины от Тосканских и через который ведет дорога из Пармы в Специю, находится не менее чем в тридцати милях от моря. В этой восточной части генуэзских Апеннин от главной цепи отходит отрог, заканчивающийся прекрасным мысом Порто-Венере, великолепной скалой из черного мрамора, на вершине которой когда-то стоял храм Венеры. Этот отрог, защищающий залив Специи от западных ветров, всегда был препятствием для общения между соседними народами, не столько из-за своей высоты, сколько из-за крутизны. В некоторых местах гребень Апеннин находится всего в четырех милях от моря. В таких местах склон чрезвычайно крутой, и дороги могут подниматься по нему только многочисленными изгибами.²⁷

Небольшая ширина морского склона Лигурийских Апеннин объясняет отсутствие постоянных рек. Наиболее значительные водотоки к востоку от Ройи, которая протекает в основном по территории Франции, такие как Таджа или Чента, приобретают вид рек только во время таяния снегов или после сильных дождей. Обычно это небольшие ручьи, устья которых закрыты галечными отмелями. Между Альбенгой и Специей на протяжении 160 миль есть только горные потоки, и чтобы снова встретить настоящую реку, нужно выйти за пределы залива Специи. Эта река — Магра, которая отделяет Лигурию от Этрурии и до эпохи Августа составляла границу Италии. Ее наносы превратили древнюю морскую бухту в озеро и образовали пляж шириной 1300 ярдов перед древним тирренским городом Луни, который раньше стоял на берегу моря.

Отсутствие крупных рек в Лигурии в некоторой степени компенсируется подземными водотоками. Несколько источников бьют из дна моря на некотором расстоянии от берега. Источники Ла-Полла в заливе Специи являются одними из самых обильных. Итальянское правительство изолировало их от окружающей соленой воды, и их вода поставляется на корабли.

Из-за отсутствия рек, бесплодности почвы и крутых уступов эта часть побережья Средиземного моря резко контрастирует с другими частями умеренной Европы. Достигнув вершины гор за великолепными каштановыми лесами у истоков рек Эллеро, Танаро и Бормида, мы смотрим вниз на пейзаж, по своему характеру почти африканский. Между Ниццей и Специей почти не видно ни одного стебля травы, и только газоны, которые с большими затратами поддерживаются в некоторых садах для прогулок, напоминают нам, что Пьемонт и Ломбардия находятся неподалеку. Сосны и ежевика остались бы единственной зеленью в этих лигурийских долинах и ущельях, если бы не преобразования, произведенные садовниками и земледельцами. Как ни странно, деревья на склонах Апеннин не достигают такой же высоты, как в Альпах, хотя средняя температура здесь гораздо выше, и на высоте, на которой в Швейцарии бук все еще достигает внушительных размеров, здесь он остается низкорослым. Лиственницы почти не встречаются.

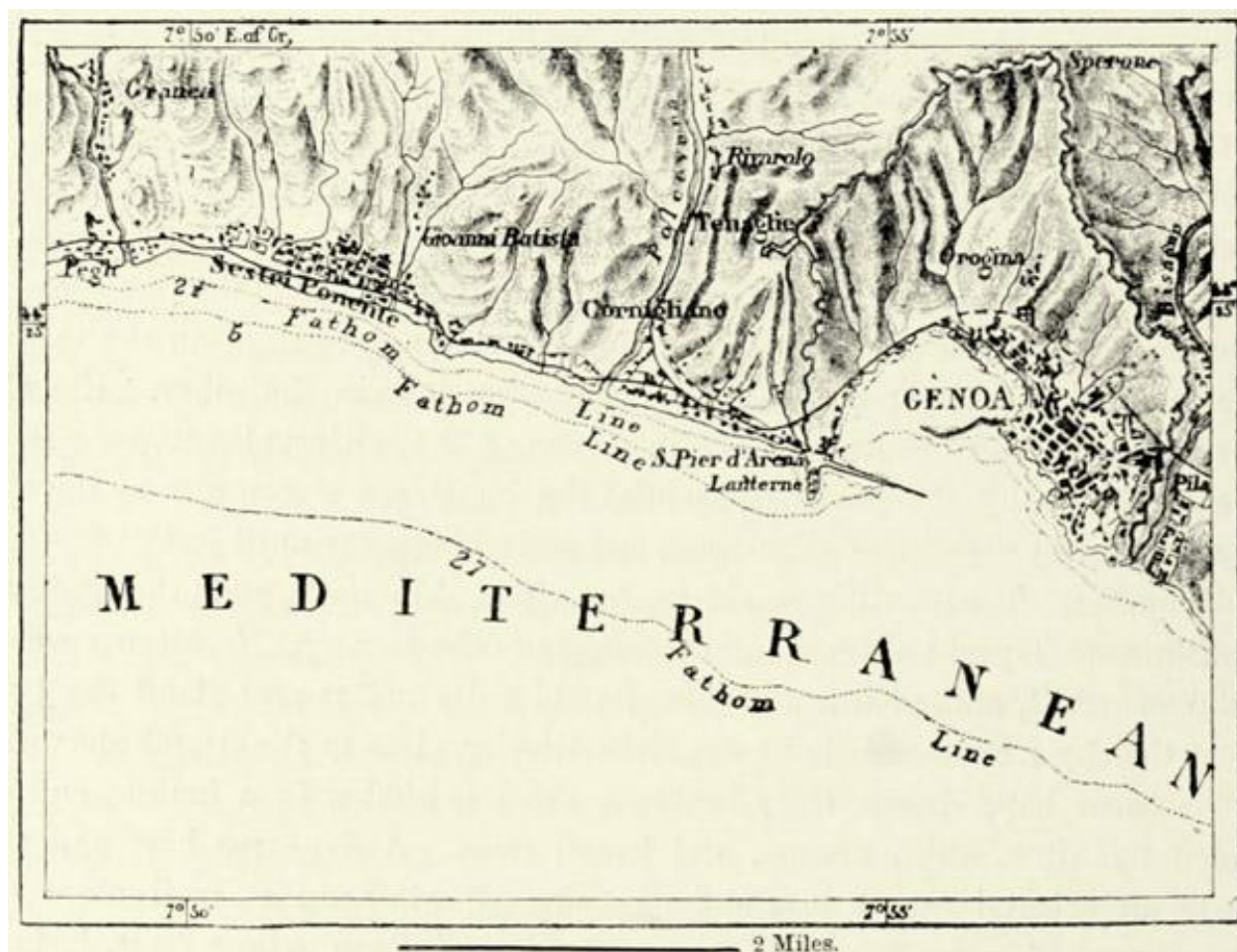
Море так же бесплодно, как и суша. Здесь нет ни отмелей, ни островов, ни водорослей, которые могли бы служить укрытием для рыб. Утесы круто обрываются в море, а узкие полоски пляжа, простирающиеся от мыса к мысу, состоят только из песка, в котором нет ни одной ракушки. Поэтому генуэзские рыбаки вынуждены уходить к дальним берегам: те, кто из «Поненте», или запада, отправляются в Сицилию, а те, кто из Камольи, на Ривьере ди Леванто, посещают побережье Тосканы. Эта бесплодность суши и моря объясняет большое количество генуэзцев, встречающихся в других частях мира.

Но, несмотря на бесплодность земли, Лигурия чрезвычайно живописна. Путешественник, воспользовавшийся железной дорогой между Ниццей и Генуей, которая следует изгибам побережья и проходит через мысы в многочисленных туннелях, попадает в зону досягаемости самых разнообразных пейзажей. В одном месте линия проходит близко к пляжу, и с одной стороны пена моря почти касается рельсов, а с другой — розовые цветы тамариска затевают их. В других местах мы поднимаемся по крутому склону и видим террасы, возведенные огромным трудом крестьян, а справа вдали, почти скрытое рощей оливковых деревьев, простирается голубоватое море, уходящее вдаль в направлении Корсики. Города, деревни, старые башни, виллы, верфи и другие промышленные объекты придают пейзажу почти бесконечное разнообразие. Один город занимает вершину холма, и, если смотреть снизу, его старые стены и башни смело выделяются на фоне неба; другой город () построен в форме амфитеатра, рядом с берегом, на который рыбаки вытащили свои

лодки; третий скрыт в ложбине и окружен виноградниками, оливковыми, апельсиновыми и лимонными деревьями. Кокосовые пальмы, растущие тут и там, придают пейзажу восточный колорит. Бордигера, небольшой городок недалеко от французской границы, полностью окружен пальмами, плоды которых, однако, редко созревают.

Климат Альбенги, Лоаны и некоторых других мест на генуэзском побережье далеко не благоприятен для здоровья из-за миазмов, испаряющихся из застоявшихся водоемов, оставшихся после паводков. Даже Генуя не может похвастаться приятным климатом, не потому, что рядом с ней находятся болота, а потому, что южные ветры, насыщенные влагой, задерживаются здесь полукругом гор и вынуждены сбрасывать свою избыточную влажность. Количество дождливых дней в Генуе составляет в среднем 121 в год. Однако вдоль этого побережья есть несколько городов, защищенных горами от севера и в то же время находящихся вне обычного пути влажных южных ветров, климат которых исключительно приятен.⁷⁸ Бордигера и Сан-Ремо, расположенные недалеко от французской границы, соперничают с Ментоном в отношении климата; а Нерви, к востоку от Генуи, также является излюбленным местом отдыха благодаря чистому небу и чистой атмосфере. Виллы и замки возвышаются на каждом мысе и в каждой долине этих благоприятных районов. На протяжении двенадцати миль по обе стороны от Генуи побережье усыпано виллами. Население города вышло за пределы стен, которые когда-то его ограничивали, и селится в густонаселенных пригородах. Длинная улица, которая извивается между фабриками и садами, поднимается на мысы и спускается в долины, будет продолжать расти в длину, пока не простирается вдоль всего побережья Лигурии, потому что очарование этой страны привлекает людей со всего Европы.

Рис. 79. — ГЕНУЯ И ЕЕ ПРИГОРОДЫ.
Из карты штаба Сардинии. Масштаб 1:100 000.

На историческое развитие древних лигуров, которые, вероятно, были иберийской расы, в значительной степени повлияла природа страны, в которой они жили. Поскольку пахотные земли были небольшими, избыточное население было вынуждено искать средства к существованию в море и заниматься мореплаванием и торговлей. Антиум, современный Генуя, был «эмпориумом» лигуров со времен римлян, и его корабли часто посещали все уголки Тирренского моря. В средние века генуэзский флаг был представлен во всех частях известного мира, и именно Генуя дала миру Христофора Колумба, чье имя вписано на первой странице современной истории как первооткрывателя Америки. Именно генуэзец Джованни Габотто, или Кабот, заново открыл побережье Северной Америки через пять веков после его первоначального открытия норманами. Таким образом, отважные моряки из Генуи бороздили моря с самых давних времен. Даже сейчас они практически монополизировали судоходство по великим рекам Аргентинской Республики. Генуэзцы также пользуются высокой репутацией как садоводы и встречаются в каждом крупном городе Средиземноморья.

Рис. 80. — вид ГЕНУИ.

До тех пор, пока Апеннины не были пересечены проходимыми для экипажей дорогами, Генуя не имела никаких преимуществ перед другими портами Лигурии, но с тех пор, как она получила удобное сообщение с плодородными равнинами Ломбардии и Пьемонта, огромные преимущества ее географического положения сказались на ее развитии. Пиза была единственной республикой на западном побережье Италии, которая оспаривала это превосходство Генуи, но была побеждена после кровопролитной борьбы. Генуэзцы захватили Корсику, жителей которой они обращали с особой жестокостью; они отняли у мавров Менорку и даже захватили несколько городов в Испании, которые вернули только после того, как им были предоставлены важные торговые привилегии. В Эгейском море генуэзская знать стала владельцами Хиоса, Лесбоса, Лемноса и других островов. В Константинополе генуэзские купцы были почти так же влиятельны, как император. Кафа в Крыму была одной из их богатых колоний. Их фактории и башни встречались вдоль всех торговых путей в Малой Азии и даже в глубине Кавказа. Владение Черным морем давало им контроль над торговлей с Центральной Азией. Эти отдаленные колонии объясняют использование генуэзцами нескольких арабских, турецких и греческих терминов, и хотя диалект, на котором они говорят, является явно итальянским, интонация — французская.

Тем не менее Генуя, хотя и была более могущественной, чем Пиза, не смогла отнять господство на море у венецианцев, которые пользовались огромными преимуществами

благодаря своим связям с Германией. Ее политическое влияние никогда не равнялось влиянию Венеции, и она не дала столько выдающихся деятелей литературы и искусства, как ее адриатический соперник. В прежние времена генуэзцы имели репутацию жестоких и лживых, любящих роскошь и власть и равнодушных ко всему, что не приносило им богатства. «Море без рыбы, горы без лесов, мужчины без веры, женщины без скромности — такова Генуя», — гласила пословица, которая всегда была на устах врагов лигурийского города. Раздоры между знатными семьями Генуи были непрекращающимися, но Банк Святого Георгия никогда не позволял гражданским распрям мешать бизнесу. Богатство непрерывно стекалось в город и позволяло его жителям строить дворцы, мраморные аркады и висячие сады, которые принесли ему прозвище «*ла Суперба*» (*гордая*). В конце концов, однако, банк потерпел крах, и это было справедливо, поскольку он снабжал князей деньгами, позволявшими им вести войны, и его банкротство в середине XVIII века сделало Геную политически бессильной.

Столица Лигурии, несмотря на свои небольшие размеры, извилистые улочки, крепостные стены, лестницы и грязные узкие набережные, может по праву гордиться дворцами, которые поражают своим величием и оригинальностью архитектуры. Многие из этих величественных зданий, казалось, были обречены на разрушение во время упадка города, но с наступлением более благополучных времен жители вновь посвятили себя благоустройству своего города. Генуя — самый оживленный порт Италии.⁷⁹ Ее судовладельцы владеют почти половиной итальянского торгового флота, а три четверти судов, ежегодно строящихся в Италии, поставляются с ее верфей. Гавань, хотя и занимает площадь в 320 акров, уже не вмещает сотни парусных и паровых судов, которые скучиваются в ней. Кроме того, она недостаточно защищена от ветров, поэтому было предложено построить огромный волнолом далеко за пределами ее нынешних границ. Генуя считает, что центральное правительство не уделяет достаточного внимания ее интересам. Срочно требуется вторая железная дорога через Апеннины, чтобы справиться с транспортным потоком, который возникнет после открытия прямой железнодорожной линии через Швейцарию, которая обеспечит Генуе прямое сообщение с Западной Германией.

Рис. 81. — ЗАЛИВ СПЕЦИЯ.
Из карты штаба Сардинии. Масштаб 1:80 000.

Тем временем Генуя расширяется во всех направлениях. Ее фабрики по производству макарон, бумаги, шелка и бархата, мыла, масла, ювелирных изделий, металлоизделий, керамики, декоративных цветов и других предметов постоянно растут; и *ovrar del Genoes* —

генуэзская промышленность — является чудом и сейчас, как и в средние века. Сан-Пьер-д'Арена (Sampierdarena) на западе стал настоящим промышленным городом. Корнильяно, Ривароло, Сестри-ди-Поненте с его большими верфями, Пегли и Вольтри — густонаселенные города, в которых есть прядильные фабрики и литейные заводы. Савона, порт которой был засыпан ревнивыми генуэзцами, занимает дно обширной бухты. В ней есть стекольные заводы и гончарные мастерские, а также железнодорожное сообщение с Туринном. В других местах Ривьеры ди Поненте города расположены очень близко друг к другу. Так, например, города-близнецы Онелья и Порто Маурицио, один из которых построен на пляже, а другой — на крутом холме поблизости, известны как «Фонтаны масла» из-за обширных оливковых плантаций. Однако в Сан-Ремо оливок еще больше.⁸⁰

На Ривьере-ди-Леванте города соединяются друг с другом, как жемчужины в ожерелье. Альбаро с его очаровательным особняком, Кварто, откуда отправлялась экспедиция, захватившая Сицилию у Бурбонов, и Нерви, курорт для людей, страдающих легочными заболеваниями, составляют длинный пригород Генуи, простирающийся в направлении Рекко и Камогли, двух городов, богатых судоходством. Скалистый мыс Порто-Фино, названный так в честь дельфинов, которые раньше часто его посещали, представляет собой непреодолимое препятствие для дальнейшего расширения Генуи в этом направлении. Проехав через туннель, проходящий через этот мыс, мы попадаем в другую группу городов, а именно: Рапалло, промышленный город; Кьявари, крупный торговый центр; Лаванья с ее знаменитыми карьерами серого сланца; и Сестри-ди-Леванте, рыбацкий городок.

Побережье за Сестри мало заселено, так как к морю подступают крутые скалы, но, обогнув великолепный мыс Порто-Венере, мы попадаем в прекрасный залив Специи,⁸¹ с его многочисленными фортами, верфями, арсеналами и другими зданиями. С 1861 года итальянское правительство занимается преобразованием этого залива в первоклассный военно-морской арсенал, но едва часть работ завершена, как прогресс в области военного дела вынуждает инженеров переделывать его, что является очень затратной задачей. Каким бы ни было будущее Специи как военного порта, у нее нет будущего как торгового порта, поскольку, хотя она и обеспечивает отличное укрытие для судов, никакая железная дорога не соединяет ее с плодородными землями за Апеннинскими горами, а ее экспорт ограничивается продукцией долин, расположенных в непосредственной близости. Специя обязана своим высоким положением среди городов Италии своему прекрасному заливу, сопернику Неаполитанского залива и рейде Палермо. С вершины мраморного холма над разрушенным городом Порто-Венере мы смотрим вниз на чудесную череду бухт и мысов, а вдали над голубыми водами нечетко возвышаются горы Корсики. Глядя на восток, мы видим живописные города на противоположной стороне залива, утопающие в рощах оливковых деревьев и кипарисов, а на горизонте возвышаются Апуанские Альпы и Апеннины. Прямо напротив находится очаровательный город Леричи, а к югу от него — берег, на котором Байрон кремировал тело своего друга Шелли: нет места, более подходящего для этого печального жертвоприношения.

IV. — ТОСКАНА.

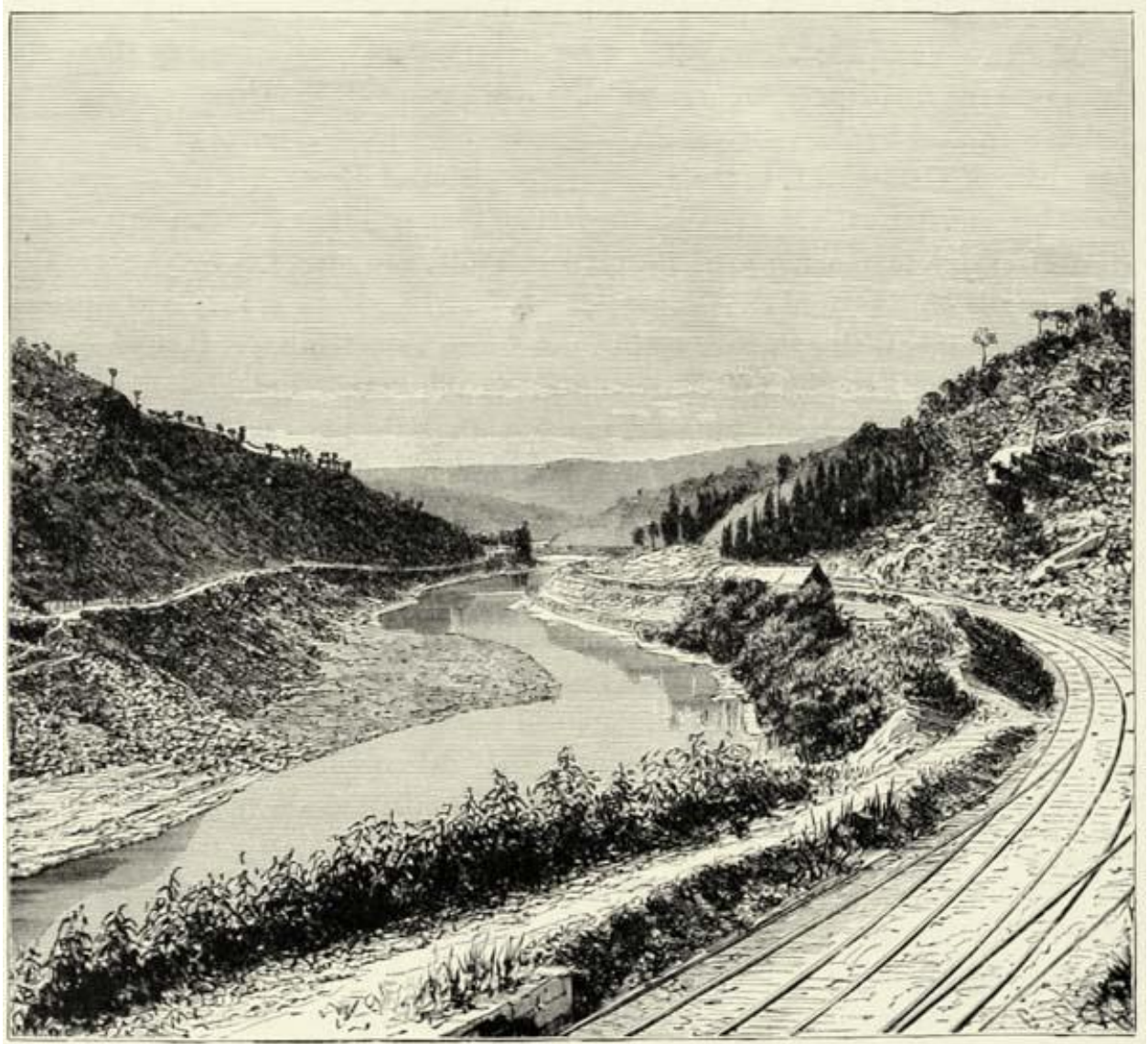
Тоскана, как и Лигурия, лежит на южном склоне Апеннин, но имеет гораздо большую ширину, поскольку этот хребет Италии отступает от Генуэзского залива и простирается через самую широкую часть полуострова до Адриатического моря. Кроме того, к югу от долины Арно есть несколько отдельных плато и горных хребтов.⁸²

Апеннины Тосканы имеют очень неодинаковую высоту и пересекаются многочисленными низкими перевалами, которые легко можно превратить в автомобильные дороги. В целом они состоят из ряда удлиненных и параллельных горных массивов, отделенных друг от друга долинами, по которым протекают верховья рек Серкьо и Арно. Первый важный горный массив главной цепи у границ Лигурии, который возвышается над Орсаджо и Суччизо, отделен долиной Магра от параллельного хребта Лумиджана. Цепь Гарфоньяна, к северу от равнин Лукки, имеет своим продолжением Альпы Апуана. Монте Чимоне, расположенный дальше на восток, и другие вершины *Альп Апеннины* к северу от Пистойи и Прато сопровождаются параллельными хребтами Монти Катини и Монте Альбано, на склоне которых находится знаменитый грот Монсуммано с термальным источником. Четвертый горный массив, который пересекает прямая дорога из Флоренции в Болонью в перевале Фута, также имеет свои боковые цепи, а именно: Монте Муджелло, к югу от Сиве; Прато Маньо, окруженный Верхним Арно; и Альпы Катенаджа, между Арно и Тибром.⁸³

Апеннины Тосканы во многих местах достигают высоты 5000 футов и по своему виду напоминают Альпы, а верхние склоны более половины года покрыты снегом. Они во многом обязаны своим великолепием крутым склонам и причудливым очертаниям известняковых скал, которые составляют большую часть их состава. Леса из каштанов, елей и буков, которые раньше покрывали весь хребет, еще не были полностью уничтожены. Красивые леса, покрывающие склоны Прато-Маньо, произвели впечатление на многих поэтов; и с тех пор, как Милтон воспел прелести Валломброзы, «тенистая долина» стала proverbial name для всего сладкого и трогательного в поэзии природы. Далее на запад монастырь Кампо-ди-Мальдуло (Камальдоли) занимает одно из самых красивых мест во всей Италии, леса и луга которого воспевал Ариосто. С вершины над монастырем, как рассказывает нам поэт, можно увидеть и «Тосканское, и Славонское море».

Бесплодные утесы и леса Апеннин образуют очаровательный контраст с долинами и округлыми холмами Нижней Тосканы, где почти на каждой возвышенности возвышаются руины средневекового замка; изящные виллы разбросаны по зеленым склонам, фермерские дома стоят посреди виноградников и остроконечных кипарисов, и каждый пригодный для возделывания участок дает богатый урожай. Исторические ассоциации, вкусы ее жителей, плодородие почвы, обилие проточной воды и мягкий климат — все это делает Центральную Тоскану одним из самых привилегированных регионов Италии. Защищенный от холодных северных ветров валом Апеннин, этот регион выходит на Тирренское море, откуда дуют теплые и влажные ветры тропического происхождения. Дожди, которые они приносят, не являются чрезмерными благодаря экрану, образованному горами Корсики и Сардинии, а также благоприятному расположению отдельных холмов у побережья. Климат Тосканы в основном умеренный, и тосканцы, несомненно, во многом обязаны своей веселостью, добродушием, изысканным вкусом, поэтическим чувством и живым воображением именно его равномерности, а не только природной красоте своего обиталища.

Рис. 82. — ГОЛФОЛИНО АРНО, НЕДАЛЕКО ОТ СИГНЫ.

Долина Арно полностью отделяет холмы южной Тосканы, обычно известные как «Субапеннины», от основной горной цепи. Эту долину с ее ущельями и древними озерными бассейнами можно сравнить с рвом, ограничивающим стену Апеннин. Долина Кьяна, первоначально являвшаяся морским заливом, а затем озером, образует верхнюю часть зоны, отделяющей Апеннины от холмов южной Тосканы. Далее следует Кампанья Флоренции, древняя озерная котловина, которую легко было бы снова затопить, построив плотину через ущелье Гольфолина, через которое протекает река и которое было разорвано «египетским Гераклом». Каструччо, знаменитый полководец из Лукки, в XIV веке действительно предложил затопить равнины Флоренции, построив дамбу через это ущелье, но, к счастью, его инженеры признали этот план невыполнимым, поскольку они предполагали, что перепад высот составляет 288 футов, тогда как на самом деле он составляет всего пятьдесят.

Рис. 83. УЗКИЕ ПРОХОДЫ АРНО.
Из австрийской штабной карты. Масштаб 1:285 000.

Холмы Субапеннин к югу от Арно имеют округлые очертания, мрачный серый цвет и лишены всякой зелени. В то время как Апеннины состоят исключительно из юрских и меловых пород, Субапеннины имеют третичное происхождение, их песчаники, глины, мергели и пудинговые камни местами пронизаны серпентином. О четко очерченных хребтах говорить не приходится. Южную Тоскану можно охарактеризовать как плоскогорье, пересеченное реками во всех направлениях, увенчанное нерегулярными группами холмов и пронизанное «воронками», которые поглощают некоторые реки. Углубления Инголлы образуют одну из таких воронок, в которой теряются несколько ручьев, чтобы вновь появиться ниже как исток Эльса-Вива, одного из главных притоков Арно. Самые высокие холмы этого суб-апеннинского региона образуют водораздел между Арно, Чечиной и Омброне, а в Поджо-ди-Монтъери, горе, богатой медью, они достигают высоты 3323 футов. Лаббро (3815 футов), Четона (3650 футов) и Монте-Амиата (5450 футов) к югу от долины Омброне поднимаются на большую высоту, но геологически они уже принадлежат к Центральной Италии. Четона — это юрский выступ, окруженный более поздними образованиями. Монте-Амиата, трахитовый конус, является самым высоким вулканом континентальной Италии. Он больше не извергает лаву, но многочисленные горячие источники и сольфатары доказывают, что вулканические силы еще не совсем угасли. Радикофани (2950 футов) — также потухший вулкан, лава которого напоминает окаменевшую пену и может быть разрезана топором.

Подземные силы, должно быть, очень активны в Тоскане, поскольку металлические жилы разветвляются во всех направлениях, а количество минеральных источников всех видов превышает их количество в любой другой части Италии. Среди этих источников есть несколько, известных во всем мире, например, источники Монте-Катини, Сан-Джулиано и Баньи-ди-Лукка. Соляные источники Тосканы очень продуктивны, но самые любопытные и в то же время самые полезные из всех — это знаменитые *лагони*, расположенные в боковой долине Чечины и у северного подножия Поджо-ди-Монтъери. Издалека видны густые облака белого пара, катящиеся по равнине, и слышен булькающий шум газов, выходящих из прудов, или *лагони*. Эти пруды содержат различные соли, кремнезем и борную кислоту, которая имеет большую ценность в производстве фарфора и стекла и приносит Тоскане значительный доход. Нигде больше в Европе, за исключением, возможно, кратера Эолийского вулкана, борная кислота не встречается в количествах, достаточных для окупаемости труда по ее добыче. Однако в Тоскане есть несколько других мест, где ее можно добывать с выгодой, например, недалеко от Масса-Маритима, к югу от Монтъери.

Подземные процессы, происходящие в Тоскане, несомненно, в значительной степени обусловлены изменениями, произошедшими в соотношении суши и моря. Несколько изолированных холмов возвышаются у побережья, как острова из моря, и, очевидно, они были соединены с материком аллювиальными отложениями, принесенными реками. Монти Серра (3000 футов), к востоку от Пизы, между Арно и Серкио, даже сейчас почти изолированы, поскольку окружены болотами, а уровень озера Бьентина, у их восточного подножия, едва превышает уровень Средиземного моря на тридцать футов. Высоты вдоль побережья к югу от Ливорно не столь изолированы, но низменность, соединяющая их с плоскогорьем внутренних районов, имеет небольшую высоту. Однако мыс, на краях которого расположены города Популония и Пьомбино (653 фута), соединен с материком только низкой песчаной равниной. Самый совершенный тип этих древних островов представлен нам в великолепном Монте-Аргентаро, на южной оконечности тосканского побережья, который смело возвышается над морем на высоту 2085 футов и соединен с материком двумя узкими полосками земли, покрытыми соснами, окружающими озеро правильной формы: посреди которого, на фрагменте древнего пляжа, построен город Орбетелло. Это озеро, которое выглядит почти как творение поколения гигантов, было преобразовано в угревой пруд, и каждый год в нем вылавливают миллионы рыб. К западу от этой горы, в направлении Корсики, лежат острова Джильо и Монте-Кристо (2062 фута) и скала Формика. Остров Эльба, расположенный дальше на север, образует свой собственный маленький мир.

Реки Тосканы внесли большие изменения в равнины, по которым они протекают, и вдоль морского побережья. Их работе способствовала природа почвы, по которой они протекают. Малейшее количество дождя превращает бесплодные склоны холмов в полужидкую массу, которую реки уносят в море. Таким образом, за несколько столетий устье Арно продвинулось на семь миль. В прежние времена Серкио и Арно сходились перед впадением в море, но пизанцы отвели первую реку на север, чтобы избавиться от ее нежелательных отложений. Во времена Страбона Пиза находилась всего в двадцати олимпийских стадиях от Тирренского моря, а когда в конце XI века была построена *кашина* Сан-Россоре, ее стены находились рядом с пляжем, который сейчас находится на расстоянии трех миль. В течение веков к суше прибавились обширные равнины, пересеченные дюнами, или *томболи*, и частично покрытые сосновыми лесами. Эти песчаные пустоши стали домом для больших стад лошадей и полудиких коров, а верблюды, как говорят, акклиматизировались здесь со времен крестовых походов. Однако эти изменения береговой линии, возможно, не являются исключительно результатом воздействия рек, поскольку существуют свидетельства поднятия суши. Строительный камень, известный в Ливорно как *panchina*, явно имеет морское происхождение, а ракушки, входящие в его состав, до сих пор встречаются в Тирренском море.

Рис. 84. — МОНТЕ АРДЖЕНТАРО.
Из французской карты. Масштаб 1:168 000.

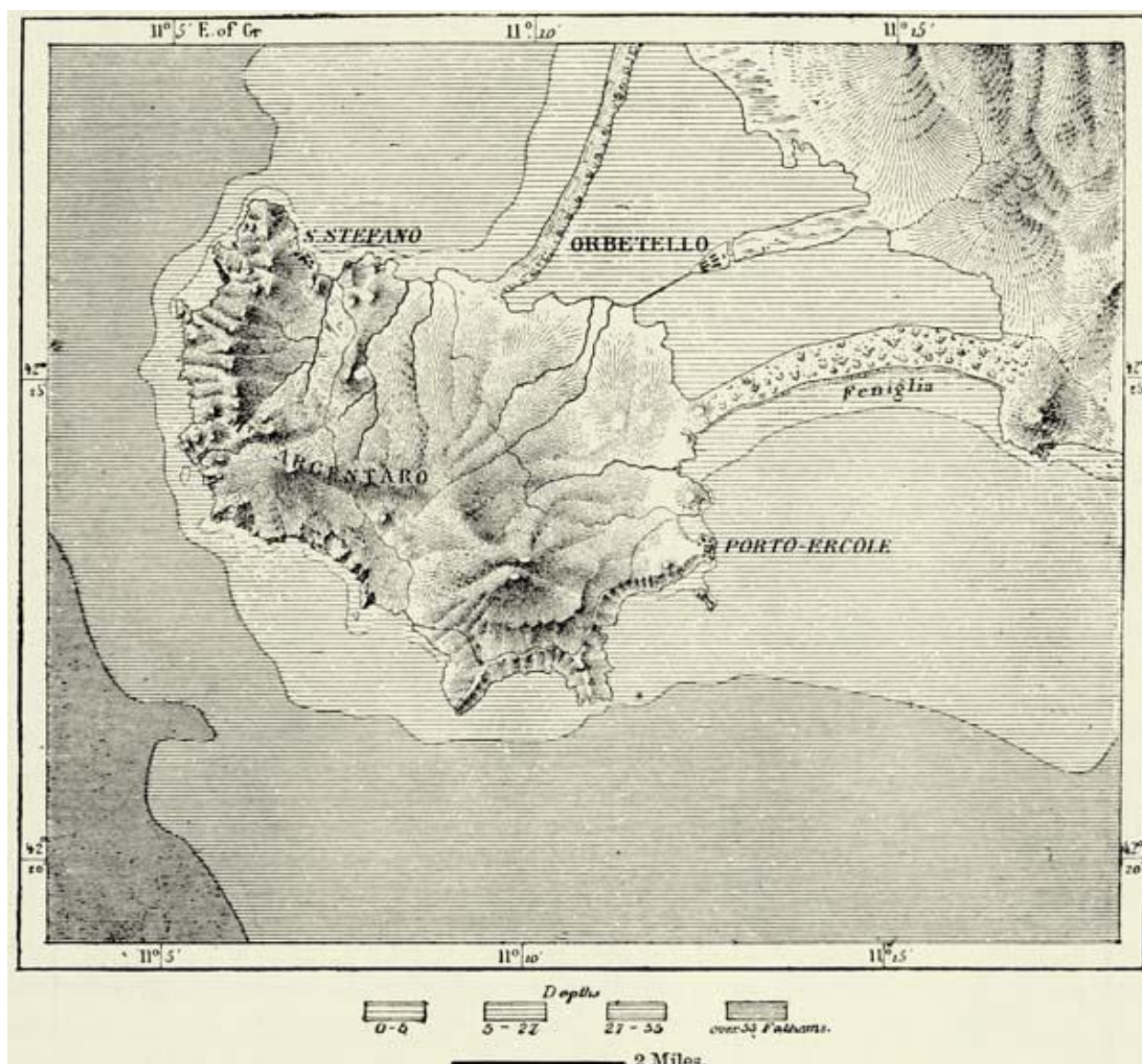
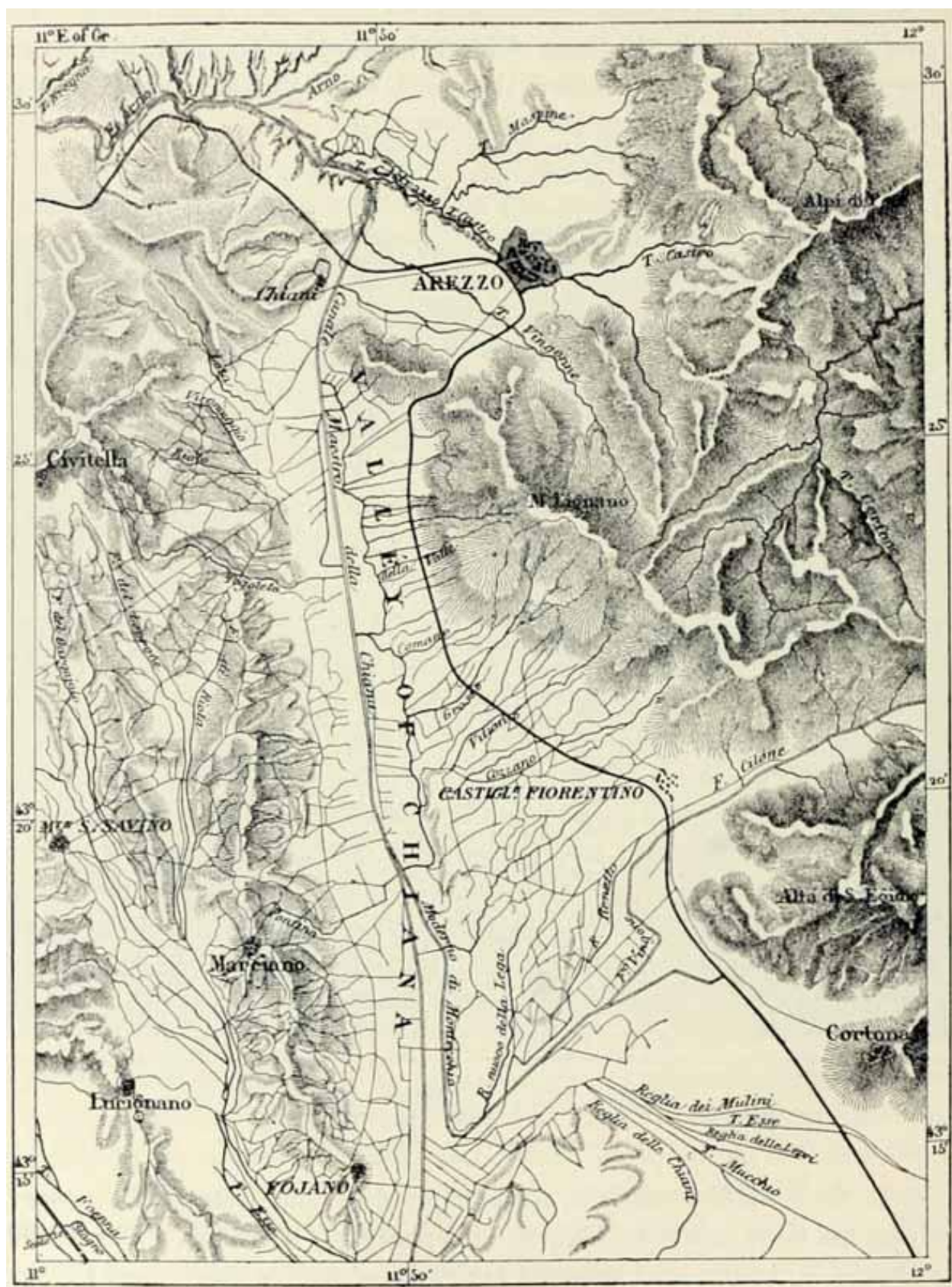

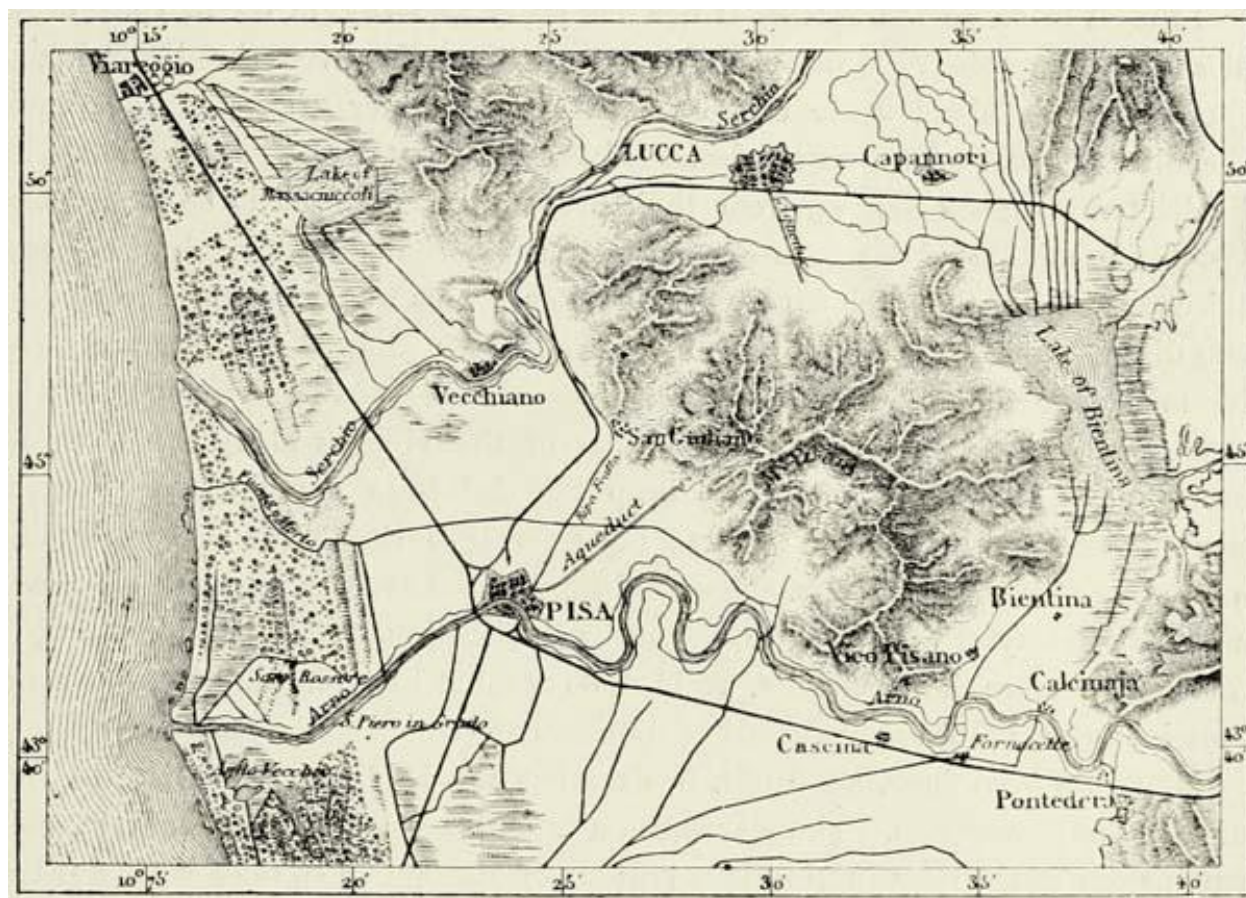
Рис. 85. — ВАЛ ДИ КЬЯНА.
Из карты австрийского штаба. Масштаб 1:218 000.

Среди изменений, произведенных человеком в бассейне Арно, наиболее важными, пожалуй, являются те, которые касаются Валь-ди-Кьяна. Эта впадина соединяет бассейны Арно и Тибра и, возможно, служила выходом для первой реки до того, как она проложила себе путь через ущелье ниже Флоренции (). Раньше водораздел между двумя реками

находился близко к Арно. Небольшая часть стоков уходила в тосканскую реку, но большая часть долины была занята стоячими водоемами, простиравшимися на юг до широты Монтепульчано, на расстояние в двадцать миль. Вся эта область была рассадником лихорадки. Данте и другие итальянские писатели говорили о ней как о проклятом месте. Жители предпринимали тщетные попытки осушить эту местность. Когда прославленный Галилео был спрошен об этом, он заявил, что ничего нельзя сделать, чтобы исправить это зло, и хотя Торричелли полагал, что осушить долину возможно, он не предпринял никаких шагов, чтобы воплотить свои теории в жизнь.

Рис. 86. ОЗЕРО БЬЕНТИНА.
Из австрийской штабной карты. Масштаб 1 : 328 000.

Примерно в середине XVIII века работы по осушению наконец были серьезно взяты на вооружение под руководством знаменитого инженера Фоссомброни. На выходе каждого бокового ущелья были возведены «варпы», или *кольматы*, между которыми откладывались обломки, снесенные со склонов гор. Болота постепенно заполнялись, и почва становилась твердой. Путем сооружения дамбы (*аргине*) через долину в месте, выбранном для нового водораздела, был создан водоспуск, и линия застоявшихся болот была таким образом преобразована в чистый ручей. Долина, когда-то бывшая рассадником лихорадки, теперь стала одним из самых здоровых районов Италии. Вновь завоеванные земли сразу же были заняты земледельцами, и таким образом продуктивная площадь Тосканы увеличилась на 500 квадратных миль. Деревни, ранее населенные страдающими лихорадкой несчастными, превратились в богатые города, и успех этой *мелиорации*, или рекультивации, был полным.

Сейчас потоки находятся под контролем и уже отложили 17 650 миллионов кубических футов аллювия на площади 50 000 акров, как будто они были умными рабочими. Та же система дренажа была успешно применена в других частях Италии, в частности, недалеко от Гроссето, на правом берегу Омброне.

Среди великих дренажных работ, которые навсегда внесут вклад в славу тосканских инженеров, заслуживают внимания бесчисленные каналы, осушающие равнины Фучеккьо, Понтедера, Пизы, Лукки, Ливорно и Виареджо, каждая из которых ранее была занята озером. Одним из самых сложных из этих озер является озеро Бьентина, или Сесто, к востоку от холмов Пизы, которое, как предполагается, образовалось в результате переполнения реки Серкио. В прежние времена это озеро имело два стока: один текла на север к Серкио, другой — на юг к Арно. В обычное время сток не вызывал никаких нареканий, но после сильных дождей оба стока превращались в притоки, и если бы шлюзы не были закрыты, Арно и Серкио соединились бы в этом внутреннем море. Во время таких паводков Биентина покрывала в шесть раз большую площадь, чем обычно, и для спасения плодородных полей Тосканы стало абсолютно необходимым создать третий сток. Инженеры придумали удачную идею проложить этот новый сток через туннель шириной три фута под Арно в древнее русло этой реки, которое теперь заменено Коломброне.

В большинстве этих предприятий приходилось бороться с миазматической атмосферой, которая особенно висела над прибрежной зоной, где пресная внутренняя вода смешивается с соленой водой Средиземного моря. Смешивание двух вод уничтожало пресноводные растения и животных, а вредные газы, возникающие при их разложении, отравляли атмосферу. Примерно в середине прошлого века инженер Зендрини предложил построить шлюзы, отделяющие пресную воду от соленой. Это было сделано, и лихорадки сразу исчезли. В 1768 году, когда шлюзы пришли в негодность, миазматическая чума сразу же вновь появилась, и только после их ремонта санитарные условия в деревнях вдоль побережья улучшились. Дважды за небрежное отношение к поддержанию шлюзов в надлежащем состоянии были наказаны с одинаковыми результатами; но с 1821 года они поддерживаются в полном порядке, и с тех пор санитарные условия в стране являются наиболее удовлетворительными. Виареджо, расположенный в центре этого малярийного района, до 1740 года был едва ли больше, чем деревушкой, которую избегали из-за ее нездорового климата, но теперь это приморский город, излюбленное место отдыха множества туристов.

Несомненно, многое было сделано для осушения земель, но еще есть место для многих улучшений. Маремма, полоса между Пьомбино и Орбетелло, остается одним из самых нездоровых регионов Европы, несмотря на то, что было сделано инженерами-санитарами. Жители никогда не доживают до преклонного возраста, и хотя они спускаются на равнину только тогда, когда это абсолютно необходимо для возделывания своих полей, они часто уносят с собой микробы болезней. За два лета 1840 и 1841 годов не менее 36 000 человек из общей численности населения в 80 000 душ, большинство из которых проживают в деревнях, построенных на холмах, и только изредка посещают зараженную равнину, страдали от лихорадки. Чтобы избежать пагубного воздействия ядовитого воздуха, необходимо постоянно проживать на высоте 325 футов над уровнем моря, и даже это не всегда достаточно, поскольку епископский город Сована, несмотря на то что построен на такой высоте, известен своей нездоровой атмосферой. Лихорадка часто возникает на расстоянии от болот, и Сальваньйоли Маркетти считает, что она вызвана « » природой почвы. Говорят, что малярия проникает в глинистые холмы, пропитанные

эмфирематическими веществами; она также отравляет воздух в районах, богатых солеными источниками, и еще больше — вблизи отложений квасцов. Южные ветры также являются наиболее вредными, и лихорадка достигает наибольшей интенсивности в долинах, подверженных их воздействию. С другой стороны, места, полностью открытые для морского бриза, полностью свободны от малярии, даже если поблизости находятся болота, как в Орбетелло и Пьомбино.

Рис. 87. — МАЛЯРИЙНЫЕ РЕГИОНЫ.
Из австрийской штабной карты. Масштаб 1 : 2 700 000.

Общепризнанно, что побережья Этрурии не страдали от малярии, пока процветали древние тирренские города. Недавние раскопки, проведенные в связи со строительством железных дорог, обнаружили целую систему подземных каналов, которые в прошлом

осушали всю Маремму. Популония и другие крупные города, от которых сейчас остались лишь руины, наверняка не могли бы существовать, если бы климат был таким же нездоровым, как в настоящее время. Древние этруски славились как инженеры-гидротехники. Они насыпали дамбы на потоках, осушали болота и делали землю пригодной для возделывания, но их инженерные сооружения пришли в упадок вскоре после того, как они были подчинены, и страна вернулась к своему первобытному дикому состоянию. С другой стороны, есть много городов, которые считались здоровыми в средние века, но сейчас опустошены лихорадкой. Масса-Маритима, расположенная к юго-западу от горы Мутьеры, была богатой и густонаселенной, пока сохраняла свои республиканские свободы, но как только она была поработана пизанцами и сиенцами, ее дренажные сооружения пришли в упадок, и в конце концов она превратилась в «тень города». Недавно проведенные санитарные работы вернули ей часть ее бывшего процветания.

Среди причин, которые наиболее существенно повлияли на ухудшение климата, можно упомянуть уничтожение горных лесов и быстрое увеличение площади аллювиальных земель, вызванное этим уничтожением. Монастыри Тосканы, которые до недавнего времени были владельцами рыбных прудов в Маремме, энергично протестовали против строительства дамб и других дренажных сооружений, которые, по их мнению, помешали бы им получать их любимую пищу на Великий пост. Некоторые внутренние города радовались обладанию нездоровыми болотистыми угодьями, куда можно было сослать неприятных людей с уверенностью, что они там умрут. Даже короли Испании основали исправительное учреждение в одном из самых смертоносных мест на этом побережье, и ссылка в Таламоне, когда-то процветающий порт Республики Сиена, была равносильна смертному приговору.

Было предпринято много попыток освоить эти земли. Макиавелли и другие государственные деятели Тосканы считали, что прежнюю благоприятность климата можно восстановить, просто заселив эту местность. Колонистов привозили из других частей Италии и даже из Греции и Германии, но они вскоре погибали от климата. С тех пор был достигнут значительный прогресс в деле оздоровления этих болотистых районов. Были посажены деревья, и в сочетании с надлежащим дренажом они сделали пригодными для проживания многие районы, которые раньше таковыми не были. Популония является типичным примером. Фоллоника, где находятся печи, в которых плавят железную руду с острова Эльба, также преобразилась, хотя ее жители по-прежнему покидают это место с приближением сезона лихорадки.

Этруски, или тирренцы, были предками тосканцев и задолго до господства римлян были доминирующей расой во всей Италии. Они занимали не только весь южный склон Апеннин до Тибра, но и основали конфедерацию из двенадцати городов в Кампанье, главой которой была Капуя, и как торговцы и пираты владели Тирренским морем, которое до сих пор носит их имя. Остров Капри был одним из их самых передовых форпостов на юге. Адриатика также принадлежала им, поскольку Адриа, Болонья (называемая ими Фельсина), Равенна и Мантуя были этрусскими колониями, а реты в альпийских долинах были их союзниками и, возможно, родственниками. Но кто были этруски? Их относили к арийцам, уграм и семитам; к грекам, германцам, скифам, египтянам и туркам. Этруские надписи на древних памятниках, хотя и очень разборчивые, до сих пор не были удовлетворительно расшифрованы. Если принять интерпретацию Корссена, их язык напоминал латинские

языки; но этот филолог, в конце концов, не может быть назван «Эдипом этрусского сфинкса».

Наиболее распространенный тип этрусков, как он передается нам на урнах для праха, — это приземистые мужчины, часто склонные к ожирению, с широкими плечами, выпуклым лицом, изогнутым носом, широким отступающим лбом, смуглым цветом кожи, долихоцефальным черепом и вьющимися волосами. Этот тип не является ни эллинским, ни итальянским. Среди их памятников нет ни одного из тех любопытных сооружений, известных как *нураги*, которые в изобилии встречаются на Мальте, Сардинии и Пантелларии, но многочисленны дольмены. Погребальные памятники, которых уже обнаружено несколько тысяч, доказывают, что искусство в древней Этрурии достигло высокой степени развития. Росписи внутри склепов, барельефы на саркофагах, вазы, канделябры, керамика и бронзовые изделия напоминают аналогичные произведения, созданные гениальными греческими художниками. Планировка их жилых домов, хотя и не лишенная оригинальности, свидетельствует о тесной связи между цивилизациями этрусков и древних греков. Именно этруски привили Риму любовь к искусству. *Клоака Максима*, древнейший памятник Вечного города, стена, названная в честь Сервия Туллия, Мамертинская тюрьма и, по сути, все остатки Рима царей были их делом. Именно они воздвигли храмы, поставили статуи божеств, построили жилые дома и обставили их предметами декора. Даже бронзовая волчица, ныне хранящаяся в Капитолийском музее и являющаяся символом римского народа, по-видимому, является произведением этрусского мастерства.

Однако современные тосканцы во многом отличаются от своих этрусских предков. Судя по росписям в их погребальных городах, последние были суровым народом. По-видимому, они также были народом поваров и обжор. Ни одно из этих качеств нельзя приписать их потомкам. Современный тосканец имеет приветливый и добрый характер, он обладает остроумием и художественными вкусами, легко поддается влиянию и, возможно, имеет немного слишком покладистый характер. Тосканцы равнины, но не те, что из Мареммы, являются самыми мягкими из итальянцев; они «живут и дают жить другим» и чрезвычайно добродушны. Они отличаются от остальных итальянцев одной особенностью: хотя они храбры, когда их уносит страсть, они с ужасом отворачиваются от мертвого тела. В этом мы можем проследить сохранение древних суеверий, потому что, хотя тирренцы скрывали свои могилы, почитание мертвых было самым важным из их религиозных обрядов.

Современные тосканцы, как и их предки, знали время, когда они занимали лидирующие позиции среди народов Италии, и даже сейчас они в некоторых отношениях стоят во главе нации. После упадка Рима, когда цивилизация сместилась на север, долина Арно стала одним из великих центров мировой деятельности. В то время переход через Альпы был еще затруднительным, но между Тосканой, Францией и Испанией были установлены морские связи. Апеннины не только защищали плодородные долины, выходящие на Тирренское море, от холодных северных ветров, но и от полчищ варварских завоевателей. Тоскана была действительно благоприятным регионом, и ее умные жители максимально использовали природные преимущества, которыми они обладали. «Работа» была главным законом флорентийцев, и все без исключения должны были заниматься ею. В то время как Пиза боролась за господство на море с Генуей и Венецией, Флоренция стала центром торговли, а ее банкиры распространили свою деятельность на все части Европы.

Но Тоскана была не только торговой и промышленной страной. То, чем Афины были для мира две тысячи лет назад, республиканская Флоренция стала в период своего процветания

(), и во второй раз в истории человечества возник один из тех центров света, отраженные лучи которого до сих пор освещают наше время. Искусство, литература, науки и политическая экономия — все, что есть благородного в этом мире, культивировалось с энергией, которая долгое время была чуждой другим народам. Гибкий гений тосканцев прославлялся во всех видах творчества, и среди великих имен в истории Флоренция может по праву претендовать на некоторые из величайших. Где найти людей, оказавших большее влияние на мир искусства и интеллекта, чем Джотто, Органья, Мазаччо, Микеланджело, Леонардо да Винчи, Андреа дель Сарто, Брунеллески, Савонарола, Галилео или Макиавелли? Именно флорентинец Америго Веспуччи дал свое имя Новому Свету, и это было справедливо, поскольку именно благодаря Веспуччи открытия испанцев впервые стали известны, и именно он в 1501 году дал название *Novus Mundus* вновь открытым странам, в то время как Колумб умер, полагая, что достиг восточного побережья Азии.

Флорентийский диалект стал изысканным языком всей Италии, и любопытно, что этой чести не удостоился Рим. Но в то время как Флоренция культивировала искусства и науки и благодаря своим великим писателям оказывала огромное влияние, город пап предавался поклонению прошлому, а его литература писалась на мертвом языке, более или менее успешно имитирующем язык Цицерона. Диалект Рима никогда не стал языком, подобным флорентийскому, но итальянский язык, тем не менее, обязан Риму своим музыкальным произношением, в то время как произношение тосканцев было резким и гортанным. Отсюда и старая поговорка: «*Lingua Toscana in bocca Romana*» (тосканский язык в римской речи). Изящная, чистая поэзия, дышащая в *риторнелли*, которые тосканские крестьяне поют по вечерам, высоко ценится всеми поклонниками итальянского языка, и влияние, которое прекрасный диалект флорентийцев оказал на объединение Италии, трудно переоценить. Поклонники Данте почти правы, когда говорят, что итальянское единство началось с того дня, когда великий поэт впервые выразил себя на твердом и звучном языке, который он создал из различных диалектов, распространенных по всей полуострове.

Географическое положение Тосканы объясняет ее влияние на Италию и остальной мир, а ее топография дает нам ключ к пониманию местной истории страны. Апеннины и горы к югу от Арно делят ее на ряд отдельных бассейнов, каждый из которых породил небольшое государство или республику. Во времена тирренцев Этрурия образовала конфедерацию городов, а в средние века была разделена на многочисленные небольшие республики, часто воевавшие друг с другом. С тех пор произошло много изменений в относительной важности различных городов, но даже сейчас большинство свободных городов средневековья, и даже некоторые, основанные древними этрусками, занимают высокое место среди провинциальных городов Италии.

Флоренция (Firenze) не является одним из этих древних городов тирренцев; она является лишь римской колонией сравнительно недавнего происхождения. Во времена Империи она имела небольшое значение, поскольку Фиезоле, расположенный на холме к северу, оставался ведущим городом страны до тех пор, пока не был разрушен флорентийцами, которые перенесли его колонны и статуи в свой город. Быстрый рост Флоренции в средние века объясняется ее расположением на шоссе, соединяющем Германию, Ломбардию и даже Болонью с южной Италией. До тех пор, пока Рим был столицей Италии, путешественники, выезжая из долины Тибра, пересекали Апеннины в направлении Анконы и Ариминума. Но после падения Рима, когда варварские орды наводнили страну с севера, большое значение

приобрели магистрали, соединявшие равнины Ломбардии с долиной Арно. Эта великая военная магистраль одновременно стала важной торговой дорогой, и было вполне естественно, что на месте, занимаемом Флоренцией, возник большой торговый центр. «Город цветов» процветал и стал чудом, которым мы восхищаемся до сих пор. Но богатство растущего государства привело к его гибели. Богатые банкиры захватили политическую власть, Медичи приняли титул князей, и хотя искусство продолжало процветать еще некоторое время, общественные добродетели пришли в упадок, граждане стали подданными, а интеллектуальная жизнь прекратилась.

Флоренция, как и в дни республиканской свободы, во многом обязана своим богатством трудолюбию своих жителей. Здесь есть мануфактуры по производству шелка и шерстяных изделий, соломенных шляп, мозаики, фарфора, резных камней (*pierra dura*) и других предметов, все из которых требуют мастеров, обладающих вкусом и ловкостью рук. Но ни эти отрасли промышленности, ни торговля, которой занимается город, не подняли бы Флоренцию выше уровня других густонаселенных итальянских городов. Ее выдающееся положение обусловлено исключительно красотой ее памятников, которые привлекают сюда любителей искусства со всех концов света. Даже Венеция не может похвастаться таким богатством архитектурных шедевров средневековья и эпохи Возрождения. Музеи Флоренции «la Bella», такие как Уффици, Галереи Питти и Академия искусств, являются одними из самых богатых в Европе и содержат некоторые из самых ценных сокровищ искусства; ее библиотеки изобилуют любопытными рукописями и редкими старинными книгами. Более того, сами улицы и площади города с их дворцами, башнями, церквями и статуями можно сравнить с огромным музеем. Дуомо Брунеллески; Кампанилла Джотто, которая должна была «превзойти по красоте все, что только можно вообразить»; Баптистерий с его несравненными медными дверями; Пьяцца делла Синьория; монастырь Сан-Марко, ныне музей; мрачный дворец Строцци и множество других зданий, представляющих особую ценность, делают Флоренцию таким восхитительным местом. Ее очарование усиливается красотой окружающей местности, и путешественник всегда с удовольствием будет вспоминать прогулки вдоль Арно, холмы Сан-Миниато и Белле-Сгуардо, а также живописный отрог, на котором расположены виллы и руины этрусского Фиезоле. К сожалению, климат Флоренции оставляет желать лучшего; ветер резко меняется, а летом жара невыносима. *Il caldo di Firenze* стал пословицей во всей Италии. Узкие улицы и, в некоторой степени, пренебрежение законами гигиены приводят к тому, что смертность здесь превышает смертность почти во всех других городах континента. В средние века чума была частым гостем, и Боккаччо рассказывает нам, что за один сезон она унесла жизни почти 100 000 жителей, или двух третей всего населения. Тарджони Тозетти сравнивает Эмполи, небольшой городок к западу от Флоренции, с Флоренцией и сожалеет, что проект по переносу Флоренции туда, предложенный в 1260 году, не был реализован.

Рис. 88. ФЛОРЕНЦИЯ: ДУОМО И ПАЛАЦЦО ВЕЧЧО.

Единственным значительным городом в верхней части долины Арно является Ареццо, древний город этрусков, который в свое время был столицей одной из самых процветающих республик средневековья. Жители приписывают «тонкость своего духа тонкости воздуха, которым они дышат», и действительно, список известных людей, связанных с этим городом, очень длинный. Однако современный Ареццо — это пришедший в упадок город, который живет воспоминаниями и памятниками прошлого. Кортена, расположенная южнее, недалеко от озера Тразимено, претендует на звание самого древнего города Италии, но все следы его бывшего величия исчезли. Сиена, которая ранее управляла всей холмистой местностью между Арно и Омброне, утратила свое высокое положение, не без вины своих собственных граждан, которые постоянно ссорились между собой. Сиена больше не соперничает с Флоренцией по численности населения, могуществу или промышленности, но все еще может сравниться с городом на Арно по своим общественным зданиям — многие из которых построены в готическом стиле — своим произведениям искусства, своим причудливым улочкам и площадям, а также своим великолепным расположением на склонах трех холмов. Кьюза, один из самых могущественных городов древней Этрурии, сейчас не имеет никакого значения и привлекает только антикваров, ищущих древние

гробницы. Виноградники Монтепульчано, расположенные на той же стороне долины Кьяни, производят «короля вин». Вольтерра сейчас — лишь небольшой городок, однако он интересен своими циклопическими стенами и музеем, богатым этрусскими древностями. Окрестности чрезвычайно унылы. В окрестностях находятся солеварни, дающие от 7000 до 8000 тонн в год, карьеры алебастра, медные рудники в Монте-Катини, серные источники и знаменитые *лагони ди Монти Черболи* (см. стр. [242](#)).

Города у подножия Апеннин, на другом берегу Арно, сохранили свое значение, поскольку они выгодно расположены для торговли. Прато, где долина Арно наиболее широкая, является центром богатого сельскохозяйственного района. Карьеры серпентина в окрестностях снабжают строительным камнем многие из самых красивых зданий Тосканы, в том числе собор Прато, прославившийся благодаря чудесному скульптурному амвону Донателло. Пистойя, где железная дорога спускается с Апеннин, является оживленным промышленным городом. Другими городами, имеющими некоторое значение, являются Пеша, Капаннори, расположенный в «саду Италии», и трудолюбивая Лукка с ее знаменитыми картинами Фра Бартоломео.

Бассейн реки Серкьо имеет несравненную плодородность, поскольку его болотистые земли были обращены под возделывание. С крепостных валов Лукки открывается один из самых очаровательных видов. С одной стороны мы видим башни и купола города, с другой — плодородные поля и сады, белые дома, выглядывающие из зелени, и далекие холмы, увенчанные старыми башнями. Этот вид производит впечатление совершенного покоя. В такой плодородной и красивой стране, казалось бы, люди должны быть счастливы, и, если верить восторженным писателям, так и есть на самом деле: крестьяне Лукки и Нижней Тосканы в целом пользуются преимуществами, недоступными для их сословия в других частях Италии. В большинстве своем они являются фермерами, но владеют землей на условиях долгосрочной аренды, а их доля в урожае регулируется древними обычаями. Однако земли не хватает для удовлетворения их потребностей, и они тысячами эмигрируют в поисках работы. Многие из этих эмигрантов работают шлифовальщиками.

Жители верхней долины Серкьо, известной как Гарфаньяна, так же трудолюбивы, как и жители окрестностей Лукки, которая является естественным рынком сбыта для их продукции. Склоны и отроги, спускающиеся с Апеннин и Апуанских Альп, возделываются террасами. Кастельнуово, главный город этой долины, занимает одно из самых живописных мест этого живописного района. Говорят, что простые люди, живущие поблизости, говорят на лучшем итальянском языке, превосходящем даже сиенский.

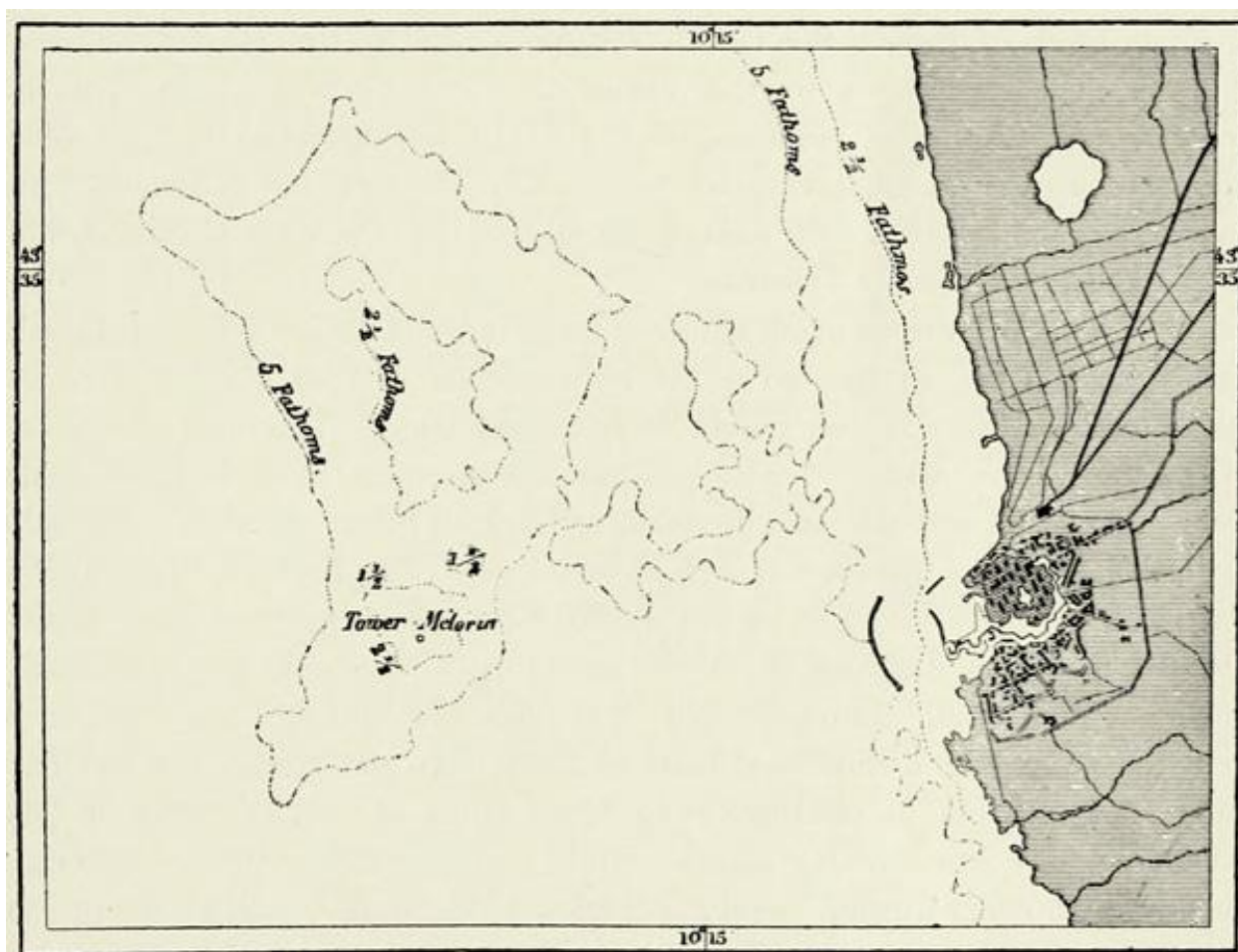
Долина Магра гораздо более посещаемая, чем Гарфаньяна, поскольку через нее проходит главная дорога из Пармы к заливу Специи. В ее верхней части, в самом сердце Апеннин, стоит небольшой городок Понтремоли. Нижняя часть, известная как Луниджана, от древнего города Луни, так же красива, как и параллельная долина Серкио. В Сазане она выходит к морю, а к югу от этого очаровательного городка, где Апуанские Альпы подходят близко к морю, оставляя лишь узкий проход, имеющий некоторое историческое значение, расположены города Каррара и Масса. Каррара, «карьер», заменила Луни как место, откуда экспортируется белый мрамор, так высоко ценимый скульпторами, и отборные блоки которого иногда достигают цены 80 фунтов за кубический ярд. Не менее 720 карьеров пронизывают соседние холмы, и около 300 из них работают в настоящее время. Город можно сравнить с скоплением мастерских скульпторов, а его Академия подготовила

художников с высокой репутацией. Масса имеет лучший климат, чем Каррара, но ее мрамор ценится меньше. Что касается мрамора из Серравеццы, который добывается в Альтиссимо и других горах Апуанских Альп недалеко от города Пьетра-Санта, то во многих случаях он не уступает по красоте мрамору из Каррары. Микеланджело высоко ценил его и построил дорогу, чтобы облегчить доступ к нему. Карьеры и шахты в окрестностях также дают сланец, железо, свинец и серебро.⁸⁴

Эти города у подножия Апуанских Альп были обречены на процветание по мере роста богатства страны, в то время как Пиза, великая торговая республика средневековой Тосканы, была обречена на упадок из-за заиления ее гавани. Этот Порто-Пизано был расположен примерно в десяти милях к югу от того, что тогда было устьем Арно. В 1442 году его глубина сократилась до пяти футов, а столетие спустя в него могли входить только гребные лодки, и вскоре после этого он был окончательно заброшен. Сейчас от него не осталось никаких следов, и даже его местонахождение является предметом споров. Но хотя Пиза мертва — *Pisa morta* — город по-прежнему обладает замечательными памятниками своего бывшего величия. В нем есть чудесный собор, элегантный баптистерий, Кампо Санта с знаменитыми фресками Органьи и Гоццоли, а также наклонная башня, с которой открывается вид на пизанские холмы и аллювиальные равнины Арно и Серкьо. Ее торговля сошла на нет, но она по-прежнему остается столицей богатого сельскохозяйственного района, а ее университет — одним из лучших в Италии. Кроме того, она обладает тем, чего не может лишиться никакая перемена в торговых путях, — мягким климатом, и зимой привлекает многочисленных посетителей с севера.

Ливорно унаследовало торговлю Пизы. Это естественный выход к плодородным районам Тосканы, и его торговля гораздо важнее, чем можно было бы предположить, учитывая неблагоприятную конфигурацию побережья, и уступает только Генуе и Неаполю.⁸⁵ Тысячи испанских и португальских евреев, которые нашли здесь убежище, внесли немалый вклад в развитие ресурсов города. С архитектурной точки зрения Ливорно — один из наименее интересных городов Италии, но с точки зрения результатов человеческого труда — один из самых любопытных. Прежде чем город мог быть построен, необходимо было осушить болота, занимавшие его место, и выкопать искусственную гавань для защиты судов. Многочисленные каналы пересекают северо-западную часть города, известную как Новая Венеция. Огромный волнолом отмечает вход в гавань, а на песчаной отмели в открытом море возвышается башня Мелория, напоминающая о морском сражении, в котором флот пизанцев был уничтожен генуэзцами.

Рис. 89. — ГАВАНЬ ЛИВОРНО.
Масштаб 1 : 112 000

Островная Тоскана состоит из Эльбы и нескольких более мелких островов, которые обозначают место перешейка, ранее соединявшего материк с Корсикой, и в значительной степени способствуют красоте тосканского побережья.

Остров Эльба, некогда миниатюрное королевство Наполеона, больше всех остальных островов вместе взятых. ⁸⁶ Эльба, древняя колония этрусского города Популония, возвышается над голубыми водами Тирренского моря живописной группой гор. Узкий и опасный пролив отделяет ее крутые берега от мыса Пьомбино, где проходящие суда в прошлом были обязаны платить пошлину.

Гранитные вершины Монте-Капанне, восточной оконечности острова, достигают высоты 3303 футов; куполообразные холмы из серпентина на другом конце имеют высоту 1600 футов, а центр острова занимают холмы различной формы, покрытые кустарником. Учитывая небольшую площадь острова, здесь встречается очень большое разнообразие пород. Наряду с гранитом и серпентином здесь встречаются пласты каолина и мрамора, похожего на каррарский. Здесь в изобилии встречаются замечательные кристаллы и драгоценные камни, благодаря чему Эльба сравнивают с «минералогическим кабинетом» огромных размеров.

Раньше, когда море было заражено пиратами, жители укрывались в глубине острова или на вершинах крутых мысов, где до сих пор можно увидеть живописные руины древних укреплений. Несколько старых деревень в глубине острова по-прежнему заселены, в том числе Каполибери, «Гора свободных», которая считается своего рода акрополем. После подавления пиратства островитяне спустились к побережью () и поселились в городах Порто-Ферраджо, Порто-Лонгоне, Марчиана и Рио. Ресурсы острова значительны и

обеспечивают занятость рыбакам, солеварам, виноградарям и садоводам. Жители гостеприимны и, хотя они соседи с жестокими корсиканцами, обладают всей мягкостью тосканцев.

Однако Эльба известна не столько своим рыболовством, виноградниками, солеварнями или торговлей, сколько богатыми месторождениями железной руды. Рыжеватые утесы из железной руды видны с материка. Огромные выемки, сделанные шахтерами, многие из которых являются заключенными, напоминают кратеры потухших вулканов, а красновато-коричневый, фиолетовый или черноватый цвет скал усиливает эту иллюзию. Мы с трудом можем представить себе количество руды, вывезенной отсюда за двадцать пять или тридцать веков. Железная руда залегает слоями, различающимися по цвету в зависимости от состава земли, и поднимается в холмы высотой 600 и более футов, склоны которых покрыты кустарником (*макки*). Лопаты и совки — единственные горные инструменты, необходимые для расчистки этих куч руды, которых осталось не менее 100 000 000 тонн. При регулярных горных работах в течение двадцати веков можно было бы добывать 500 000 тонн в год. В настоящее время годовая добыча едва превышает 100 000 тонн. Руда особенно подходит для производства стали. Вблизи Капо Каламита в изобилии встречаются магнитные камни. Моряки Средиземноморья в древности использовали их для изготовления примитивных судовых компасов, помещая их в кусок пробки, который они опускали в бассейн с водой.

Меньшие острова Тосканского архипелага — Джильо с карьерами гранита; Монте-Кристо, пирамидальная скала, возвышающаяся на 2130 футов над уровнем моря; Пьяноза с сельскохозяйственной колонией для заключенных; Капраджа с небольшим городком, построенным в амфитеатре из розового гранита; и Горгона (987 футов).⁸⁷

Часть Итальянского полуострова, центром которой является Рим, можно сравнить с туловищем человека, поскольку именно здесь Апеннины достигают своей максимальной высоты, а к югу от По нигде больше нет рек такого же размера.⁸⁸

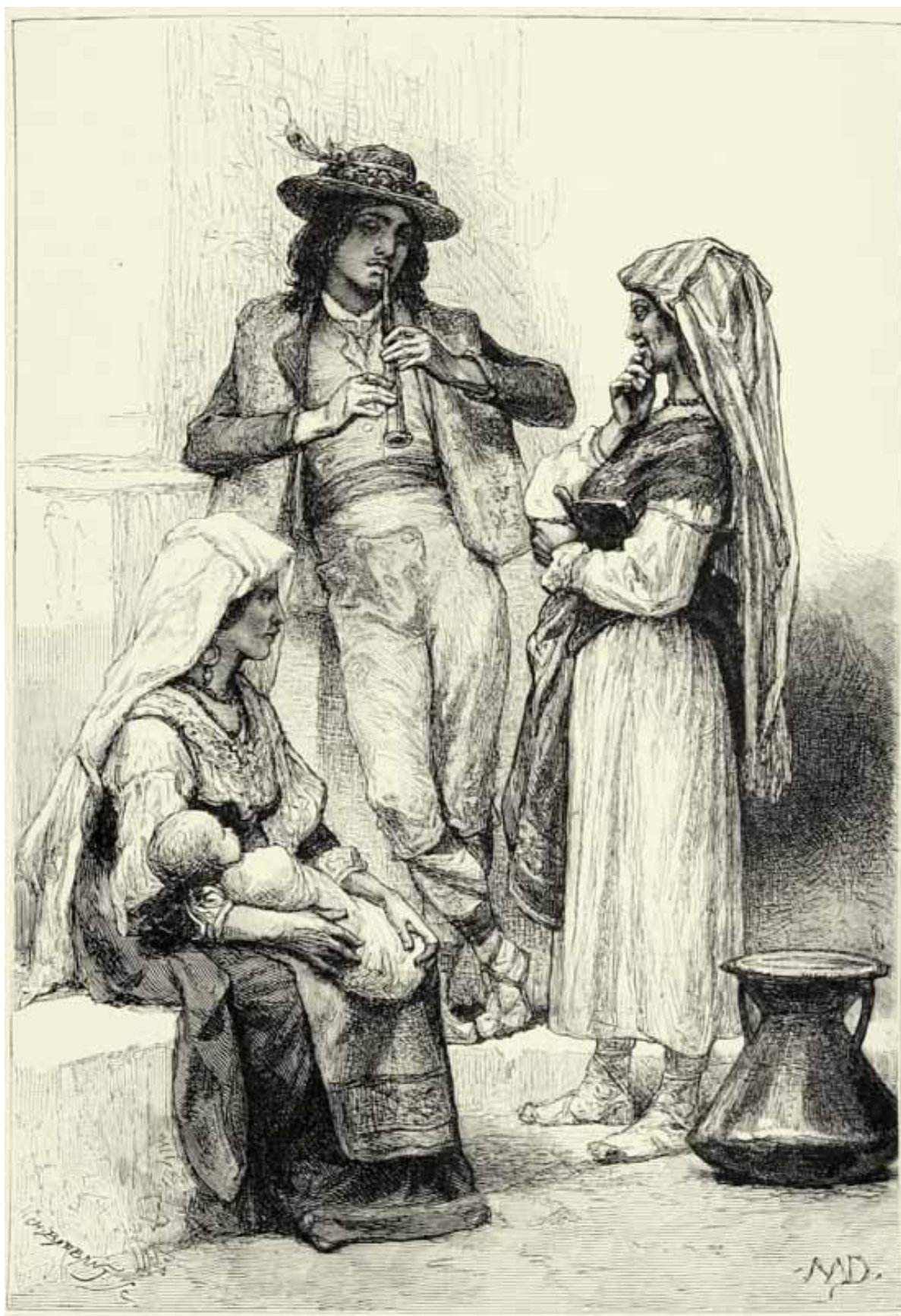
Главный хребет Апеннин проходит параллельно побережью Адриатического моря. Для моряка, который видит эти горы, возвышающиеся над зеленью прибрежной области, они выглядят очень правильными. Вершина поднимается над вершиной, одна боковая цепь сменяет другую, и каждая из многочисленных долин спускается перпендикулярно к побережью. Склоны повсюду крутые, а геологические слои, будь то юрского, мелового или третичного периода, регулярно сменяют друг друга от заснеженных вершин до мысов побережья. Единственная неровность состоит в отдельной группе холмов (1880 футов) к югу от Анконы, над которой ось Апеннин меняет свое направление. Этот регион Италии является естественным аналогом Лигурии. Положение Анконы соответствует положению Генуи, а побережье, простирающееся с одной стороны до Эмилии, а с другой — до полуострова Монте-Гаргано, можно сравнить с «Ривьерой» Генуи, за исключением того, что его направление обратное. Территория между горами и побережьем узкая, прибрежная дорога часто огибает мысы, а города раскинулись на склонах холмов. Тем не менее, эта часть Италии не так сильно защищена природой, как Лигурия. На севере она расширяется на равнине По, а террасы у подножия главного хребта Апеннин обеспечивают легкий доступ с запада. На протяжении всего средневековья и до наших дней соседние государства боролись за владение этой территорией, которая из-за этого обстоятельства стала известна как «Марки», то есть спорные пограничные районы, где каждый город представляет собой крепость, расположенную на вершине холма.

Апеннины, образующие границу между Марками и Лацио, или Римом, как и Этрурия, сгруппированы в отдельные горные массивы. Первый из них возвышается над долиной Тибра на востоке; он простирается на севере до Монте-Комеро (3828 футов) и Фумаджоло, или истока Тибра, а на юге — до Монте-Вероне (5006 футов). Хотя эти горы уступают по высоте другим частям Апеннин, они известны как *Альпе-делла-Луна*. Проход, через который проходит дорога из Перуджи в Фано, отделяет их от Монте-Катриа (5585 футов). В этом месте Апеннины раздваиваются, и оттуда можно проследить две параллельные цепи на расстояние 120 миль, вплоть до поперечной цепи Маджелла (9158 футов), которая вновь соединяет их и от которой расходятся горы Южной Италии. Эти параллельные цепи относятся к юрским и меловым образованиям, и ни одна из них не образует водораздела, поскольку в то время как Нера и другие притоки Тибра пробивают себе проход через западную цепь, восточная цепь разбита многочисленными ущельями, через которые реки и потоки находят свой путь в Адриатическое море. Самая значительная из этих рек — Пескара, которая берет начало на плато Аbruццо, где она известна как Атерно, и пересекает восточную гряду, где она достигает наибольшей высоты. Ущелье, вырытое этой рекой, достаточно широко, чтобы обеспечить место для железной дороги, соединяющей Адриатику с бассейном Тибра.

Плато Аbruццо, окруженное этими параллельными хребтами, можно рассматривать как естественную цитадель Центральной Италии. На его западной стороне возвышаются двойные пирамиды Монте-Велино (8157 футов); на севере Монте-Ветторе (8131 фут) образует конец хребта Сибиллини; на востоке возвышается вершина Апеннин, гора, покрытая снегом большую часть года и по праву называемая «Великой скалой Италии» —

«Гран-Сассо-д'Италия» (9518 футов). Тот факт, что эта величественная гора является самой высокой во всей Италии, известен с незапамятных времен. Римляне полагали, что они обнаружили «пупок Италии» в небольшом озере рядом с ней, на котором плавал остров, покрытый густой растительностью. Марси и их союзники, когда они взяли в руки оружие против своих римских угнетателей, выбрали Корфиниум, расположенный поблизости, в качестве столицы своего империи и назвали его Италикой; там же произошли первые движения, которые привели к возрождению современной Италии. Гран-Сассо, видный с Адриатики, представляет собой великолепное зрелище. Его известняковые массивы не могут похвастаться особой красотой профиля, но это компенсируется прекрасным альпийским регионом, простирающимся под его вершиной, который остается пристанищем медведей и серн, а редкие растения на лугах напоминают нам о Швейцарии. В нескольких местах еще встречаются буковые и сосновые леса, которые ценятся тем более, что в низменных районах лесов больше не существует. Это всеобщее уничтожение лесов является одним из величайших несчастий Италии. Во многих частях римских Апеннин даже почва была смыта, и только в нескольких расщелинах мы встречаем кустарники и терновник.

Долины на западном склоне Апеннин заключены между известковыми отрогами главного хребта, некоторые из которых достигают значительной высоты. Сам Тибр протекает между двумя высокими горами, возвышающимися на нижнем конце двух из этих суб-апеннинских отрогов и образующими своего рода триумфальные ворота. Это Сораче (2270 футов) и Дженнаро (4162 фута). Эти прекрасные горы, вместе с Сабинскими холмами и вулканическими группами, расположенными рядом с ними, образуют горизонт римской Кампаньи, а их природная красота усиливается воспоминаниями об искусстве и истории, связанными с ними.

КРЕСТЬЯНЕ АБРУЦЦО.

Несколько горных хребтов и отдельных горных групп известкового происхождения, подобных Субапеннинам, граничат с побережьем Тирренского моря и болотами, которые простираются вдоль него. Таковы холмы, богатые квасцами, которые группируются вокруг

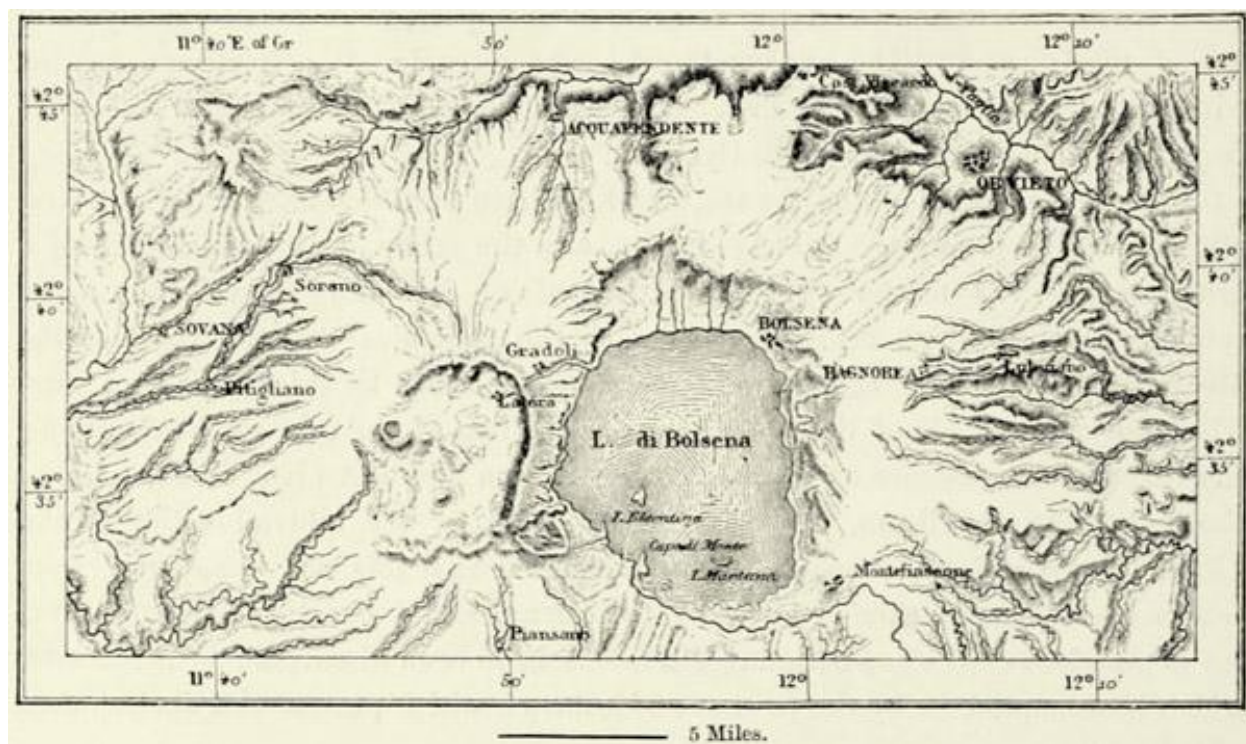
древнего трахитового конуса Толфа. Таковы и Монте Лепини (4845 футов), голый гребень которых сравнивают с ослиной *спиной* — *schiena d'asino* — и который ограничивает Понтийские болота на востоке. В некоторых углублениях этих холмов до сих пор существуют леса из каштанов и буков, где потомки древних волсков могут пасти своих свиней; но почти везде в остальных местах склоны холмов лишены растительности, а палящие лучи солнца раскололи скалы на бесчисленные угловатые осколки. К востоку от болот возвышается вершина с десятью пиками, покрытая густым кустарником со стороны суши, но бесплодная со стороны моря, за исключением нескольких чахлах пальм, растущих в трещинах скал. Этот изолированный холм, аналог Арджентаро в Тоскане, — это Чирчелло (1729 футов), известный как резиденция волшебницы Цирцеи. Грот, где она превращала людей в животных, до сих пор показывают любопытным, а остатки циклопических стен напоминают о мифической эпохе Одиссея. Древние греки, которые были плохо знакомы с Италией, считали этот страшный мыс Цирцеи одним из самых важных островов Западных Киклад.

Во время ледникового периода море, в котором отложились мел и другие породы, составляющие Субапеннины, было ареной крупномасштабной вулканической деятельности. Выброшенное вещество накопилось в виде ряда вулканических конусов, простирающихся почти параллельно Апеннинам и побережью Средиземного моря. Эти конусы соединены между собой толстыми слоями туфа, которые покрывают всю равнину до подножия известковых гор и простираются на расстояние почти 120 миль от Монте-Амиата в Тоскане до гор Альбано, прерываясь только аллювиальной долиной Тибра. Понци и другие геологи считают, что этот туф был выброшен подводными вулканами, унесен течениями и равномерно распределен по впадинам морского дна. До сих пор в нем не было обнаружено никаких окаменелостей, что объясняется наличием айсбергов, которые препятствовали развитию животной жизни.

Этот вулканический регион примечателен своими многочисленными озерами. Самое большое из них, озеро Больсена, раньше считалось древним кратером. Этот кратер значительно превосходил бы по размерам самые большие вулканические жерла, встречающиеся в Андах или на Яве, поскольку его окружность составляет 25 миль, а площадь — 44 квадратных мили. Однако современные геологи считают это кратерообразное озеро бассейном эрозии, и хотя оно занимает центр плато, образованного пеплом, шлаком и лавой, эти породы не образуют крутого края по направлению к озеру, как в случае с настоящими кратерами в том же районе. Одним из самых замечательных из последних является кратер Латера, расположенный к западу от озера, в центре которого возвышается конус извержения Монте Спиньяно, диаметр которого составляет почти пять миль.

Район Больсена также примечателен своими вертикальными обрывами из туфа и лавы. Его живописные города и деревни расположены на смелых мысах, возвышающихся над долинами. Старый город Баньореа занимает край огромного мола и соединен с новым городом головокружительной тропой, ограниченной крутыми обрывами, на которую робкие путешественники не решаются ступить. Орвието стоит на изолированной скале, напоминающей крепость. Питтильяно окружено обрывами: если отрезать несколько метров узкого перешейка, соединяющего его с остальной частью плато, доступ к нему будет невозможен никому, кроме птиц. В средние века, когда дворяне и города постоянно воевали, захват одного из этих гнезд считался великим достижением.

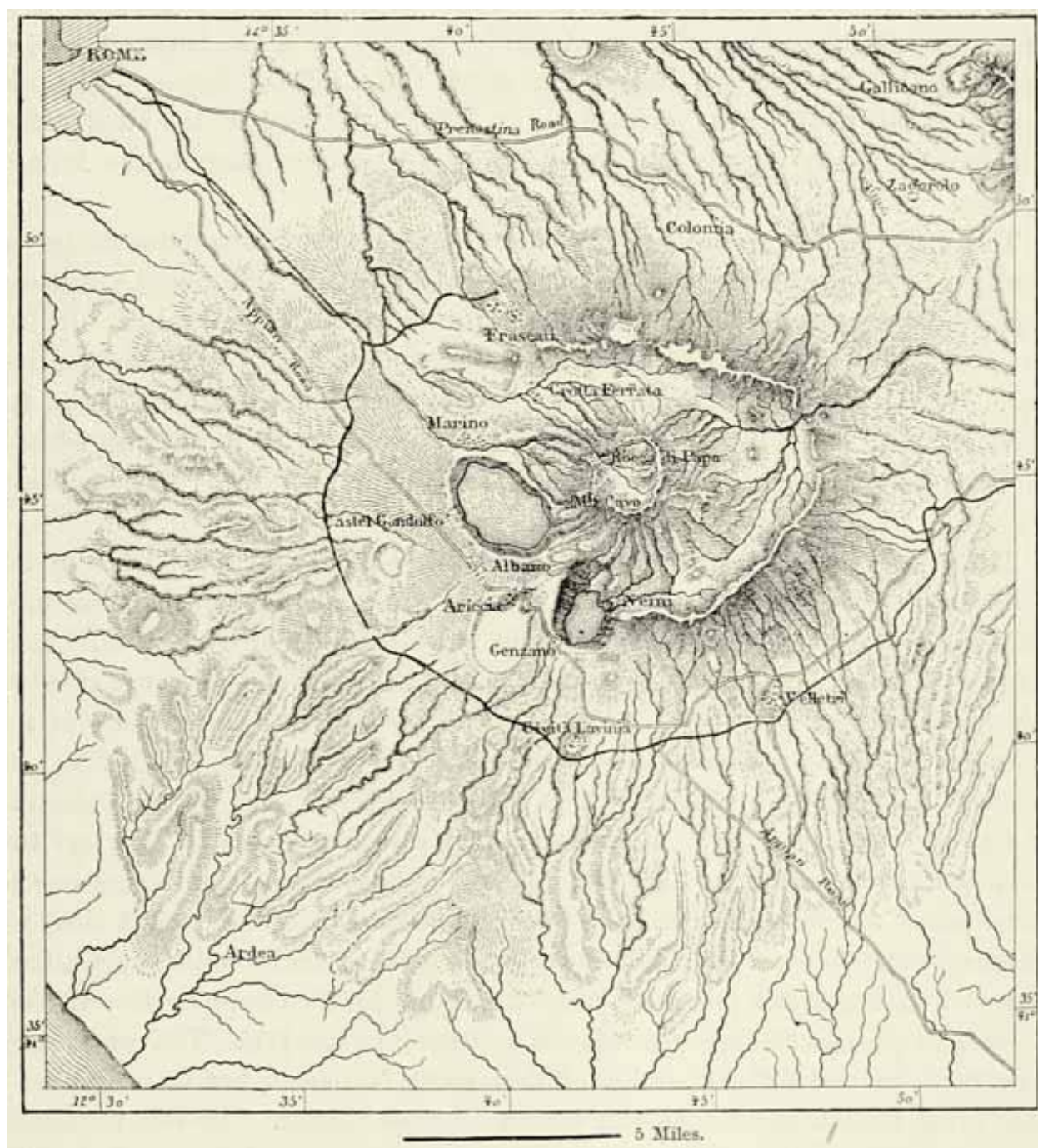
Рис. 90. — ОЗЕРО БОЛСЕНА.
Масштаб 1 : 457 000.

Озеро Больсена сбрасывает излишки воды через реку Марта в Средиземное море. Красивое озеро Браччано, расположенное к югу от него, дает начало реке Арроне. Оно тоже, по-видимому, является бассейном, образованным оседанием земли или эрозией, а не кратером. Озеро Вико, с другой стороны, явно занимает древний вулкан, хотя его вал был разрушен в восточной части. Рядом с озером, в пределах окружающего вала, возвышается Монте-Венере, идеальный конус, пологие склоны которого покрыты густым лесом. Раньше озеро окружало этот конус, но пролом, через который его эмиссар уходит в Тибр, постепенно углубился, и воды озера опустились. По преданию, на его дне лежит древний город.

Пересекая Тибр, мы попадаем в красивую вулканическую группу Альбано, в большом кратере которой еще можно увидеть остатки нескольких вторичных кратеров, некоторые из которых заняты озерами. Главный из них, Монте Каво (2790 футов), возвышается в самом центре внешнего вала. По преданию, это одно из мест, где располагался лагерь Ганнибала. Внешние склоны горы состоят из поццуоланы, мелких камней и пепла, через которые потоки вымыли борозды в разных направлениях. Разнообразие этих вулканических продуктов позволяет проследить фазы активности этого римского Везувия, который был активен в гораздо более позднюю эпоху, чем вулканы, расположенные дальше на север, и посылал потоки лавы к самым воротам Рима.

Рис. 91. ВУЛКАНЫ ЛАТИУМА.
Из австрийской штабной карты. Масштаб 1 : 294 000.

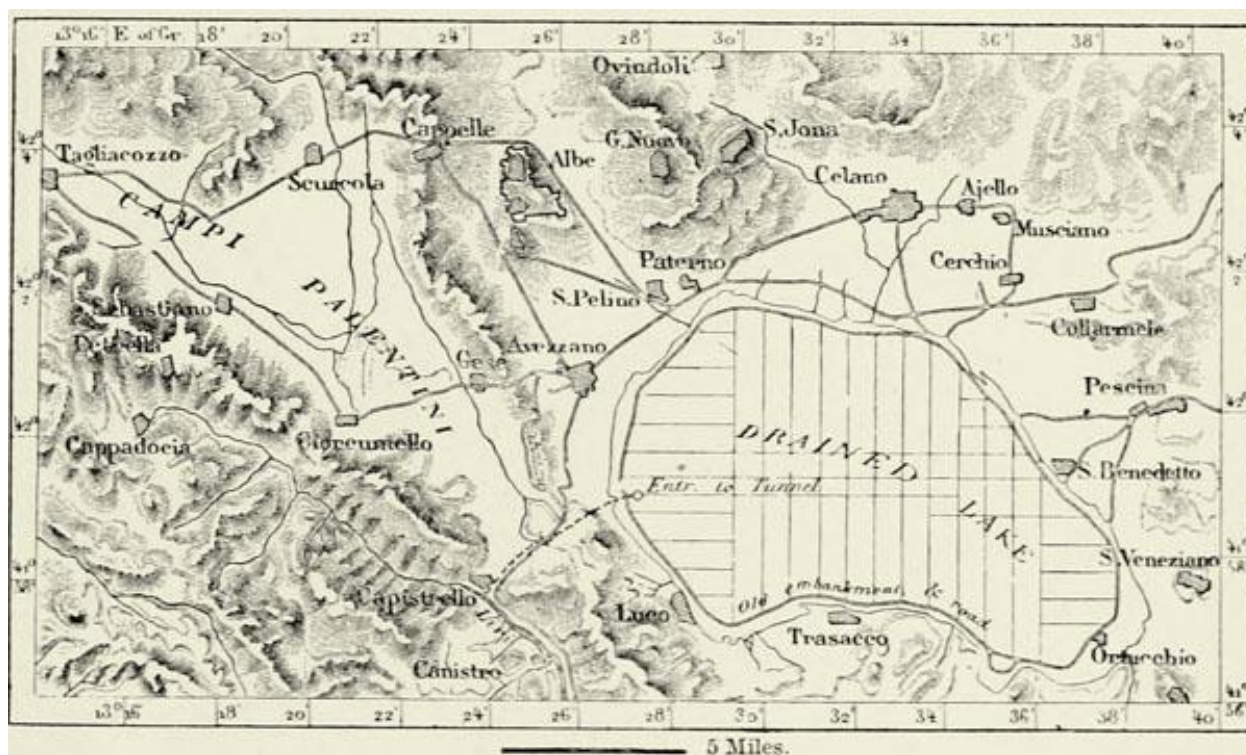

Озеро Альбано сбрасывает избыток воды через туннель длиной 7665 футов, который существует уже более двадцати двух веков. Озеро известно благодаря небольшому крабу, большое количество которого отправляется в Рим во время Великого поста. Это единственный вид этого животного, обнаруженный до сих пор в пресной воде, и зоологи делают из этого вывод, что кратер, который сейчас занимает озеро, ранее сообщался с морем, но был отделен от него медленными поднятиями и выбросами вулканических продуктов. Кремневые орудия и вазы из обожженной глины, обнаруженные в толстых слоях вулканического пеперина, доказывают, что в период самых ранних извержений эта страна уже была заселена цивилизованным населением. Некоторые из упомянутых ваз имеют двойную ценность, поскольку на них изображены дома той доисторической эпохи. Римские монеты и бронзовые застёжки, обнаруженные в верхних слоях лавы, доказывают, что они относительно недавнего происхождения. Фактически, самые разнообразные проявления

цивилизации оставили свои следы в этих древних кратерах. Альба Лонга и другие города латинян были заменены римскими городами; затем появились замки пап и других высокопоставленных церковных сановников; и в настоящее время эти холмы являются одним из главных мест отдыха толп иностранцев, стекающихся в Рим со всех концов света. На вершине Монте-Каво стоял знаменитый храм Юпитера Латиалиса, где латины праздновали свои федеральные праздники. Последние остатки этого храма были снесены в 1783 году для использования в строительстве церкви. С этого места открывается вид, простирающийся до холмов Сардинии.

Озеро Неми больше не отражает в своих голубоватых водах листву пышных деревьев или стены того страшного храма Дианы, священник которого мог вступить в должность только после того, как убивал своего предшественника в дуэли. У него тоже есть подземный приток, как у озера Альбано. Что касается озера Региллус, прославленного поражением латинян римлянами, то оно высохло, а озера Тартари и Сольфатара с их плавучими островами являются более мелкими водоемами, которые обязаны своей славой почти исключительно близостью к Тиволи.

Все эти вулканические озера имеют значительную глубину, в то время как озера в известковых регионах мелкие.⁸⁹ Одно из них, Фучино, было недавно осушено, и та же участь ждет озеро Тразимено. Озеро Фучино первоначально занимало площадь 104 квадратных миль, и его избыточные воды стекали на северо-запад в Сальто, приток Тибра. В неизвестную нам эпоху размеры озера уменьшились. Оно больше не сбрасывало сточные воды, но его уровень поднимался и опускался в зависимости от того, были ли сезоны влажными или сухими. Иногда он поднимался на 50 футов, и, как говорят, два города, Маррувиум и Пинна, были поглощены во время одного из таких наводнений. В другие времена оно превращалось в болото. Древние римляне, желая уничтожить очаг лихорадки и получить плодородную почву для сельского хозяйства, пытались осушить это озеро. Клавдий нанял 30 000 рабов, которые в течение одиннадцати лет прокладывали проход через горы от озера до Лири. Эта великая работа велась под руководством алчного Нарцисса, но оказалась неудачной, поскольку через короткое время туннель засыпало. В XIII веке была предпринята попытка вновь открыть этот туннель, но осушение озера было осуществлено только совсем недавно, в соответствии с планами, разработанными М. де Монтришером и реализованными за счет принца Торлония. В период с 1855 по 1869 год на месте древнего туннеля был прорыт новый, и через него в Лири, а оттуда в море было переброшено почти 150 000 000 кубических ярдов воды. Все дно древнего озера было преобразовано в улыбающиеся поля, пересеченные во всех направлениях дорогами для экипажей; на местах, ранее покрытых водой, были построены дома; были посажены фруктовые и декоративные деревья; и теперь здоровье этой местности не оставляет желать ничего лучшего. Некоторое представление о прогрессе, достигнутом в инженерном искусстве со времен римлян, можно получить, сравнив этот новый туннель со старым. Последний имел длину 18 500 футов, средний разрез 12 квадратных ярдов и стоил (по данным М. Ротру) 9 840 000 фунтов стерлингов. Новый туннель имеет длину 20 680 футов, разрез 24 квадратных ярда и стоил 1 200 000 фунтов стерлингов.

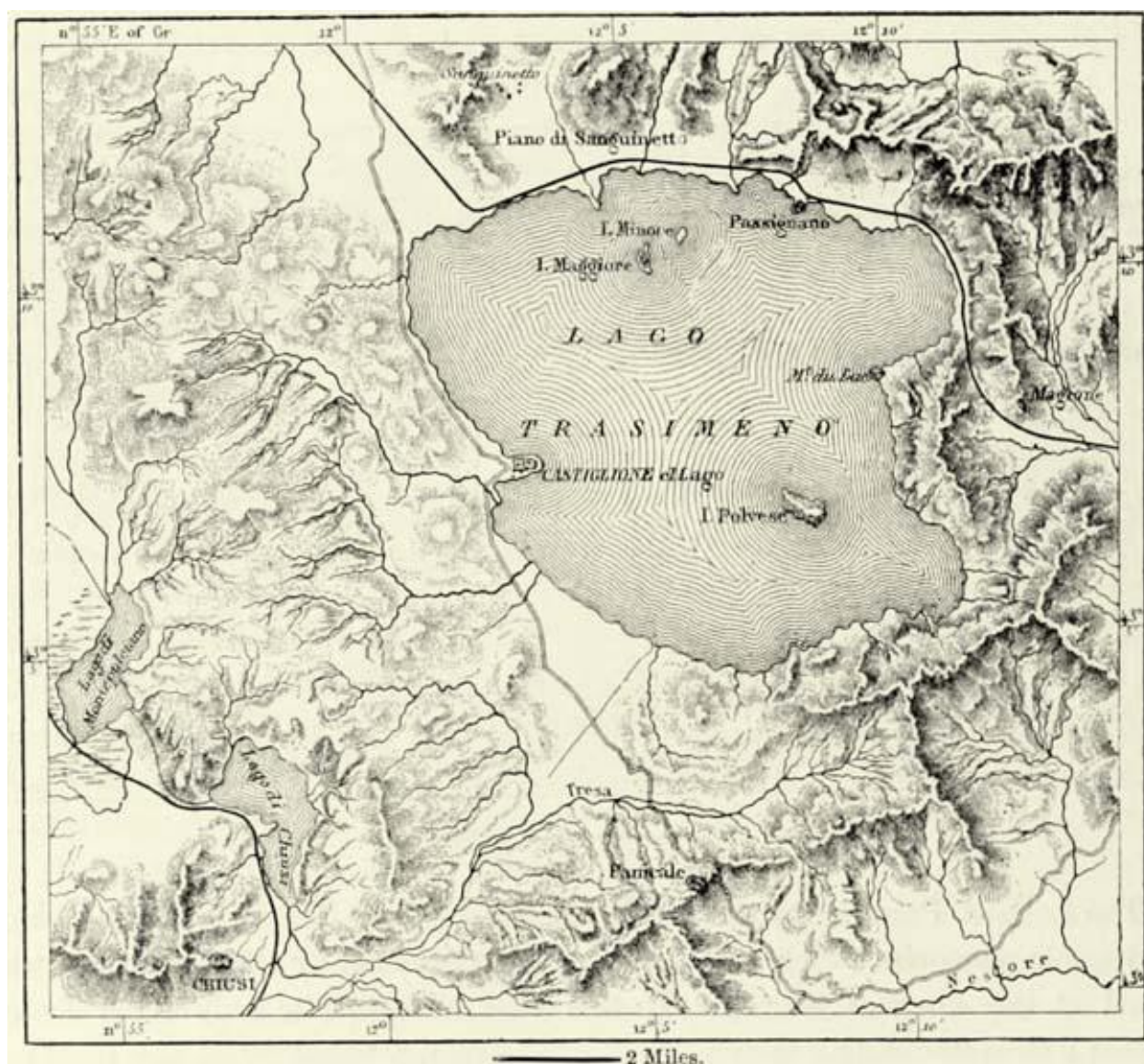

Озеро Перуджа, более известное как озеро Тразимено из-за связанных с ним страшных воспоминаний, до сих пор сохраняет почти те же размеры, что и в начале истории. Если бы уровень этого озера поднялся всего на несколько футов, его избыточные воды попали бы в Трезу, приток Тибра, но его бассейн мелкий, и испарения достаточно, чтобы унести воду, поступающую в него по приточным ручьям. Среди них находится знаменитая Сангинетто, на берегах которой сражались армии Ганнибала и Фламиния, когда

«под шумом сражения незаметно прошло землетрясение».

Озеро с его островами и очаровательными очертаниями прекрасно на вид, но окружающие его невысокие холмы бесплодны, климат нездоровый, в его водах обитает лишь немного рыбы, и жители его берегов с нетерпением ждут того момента, когда инженеры выполнят свое обещание отвоевать для сельского хозяйства 30 000 акров плодородной земли, сейчас покрытой водами озера.

Рис. 93. ОЗЕРО ТРАЗИМЕНО.
Из австрийской карты штаба. Масштаб 1:250 000.

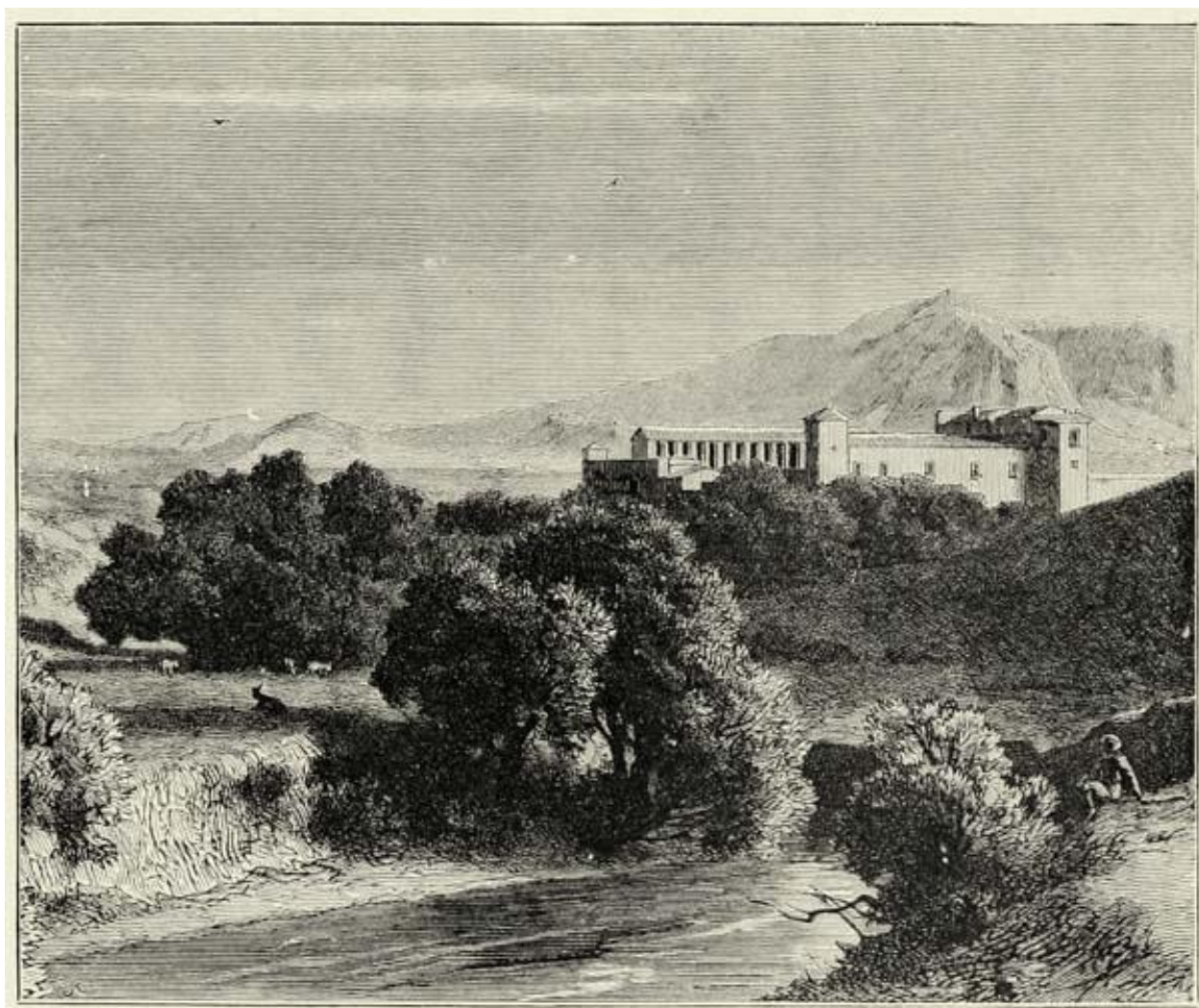

Но гораздо более насущными с санитарной и экономической точек зрения являются требования римской Кампаньи, то есть региона, расположенного между Тольфой Чивита-Веккья, Монте-Соракте, Сабинскими холмами и вулканами Лацио. Рабство и неэффективное управление превратили плодородный регион в пустыню, простирающуюся до самых ворот Рима. Художники в восторге от этой римской Кампаньи; они восхищаются ее меланхоличным видом, живописными руинами, скрытыми под кустарником, одинокими соснами, прудами, в которых отражаются пурпурные облака и к которым приходят на водопой жаждущие буйволы. Действительно, этот регион, окруженный холмами с резкими очертаниями, полон величия и печали; но воздух, витающий над ним, смертелен, почва и климат этого *Агро Романо* ухудшились, и теперь там царит лихорадка.

Две тысячи лет назад римская Кампанья, занимающая площадь в 600 000 акров к северу от Тибра и простирающаяся от моря до гор, была плодородной и тщательно возделанной землей. Затем ее жители были обращены в крепостных, римские патриции присвоили себе землю и застроили ее виллами и парками. Когда эти великолепные резиденции были преданы грабежу и огню, земледельцы рассеялись, и страна сразу же превратилась в пустыню. С тех пор большая часть Агро находится в собственности церковных корпораций или княжеских семей, и в то время как вся остальная Европа прогрессировала (), Кампанья

стала еще более бесплодной и нездоровой. Болота постоянно завоевывают низменности, а атмосфера, насыщенная миазмами, висит даже над холмами. Малярия уже постучалась в ворота Рима, и вызываемая ею лихорадка уничтожает население его пригородов.

Рис. 94. — РИМСКАЯ КАМПАНИЯ.

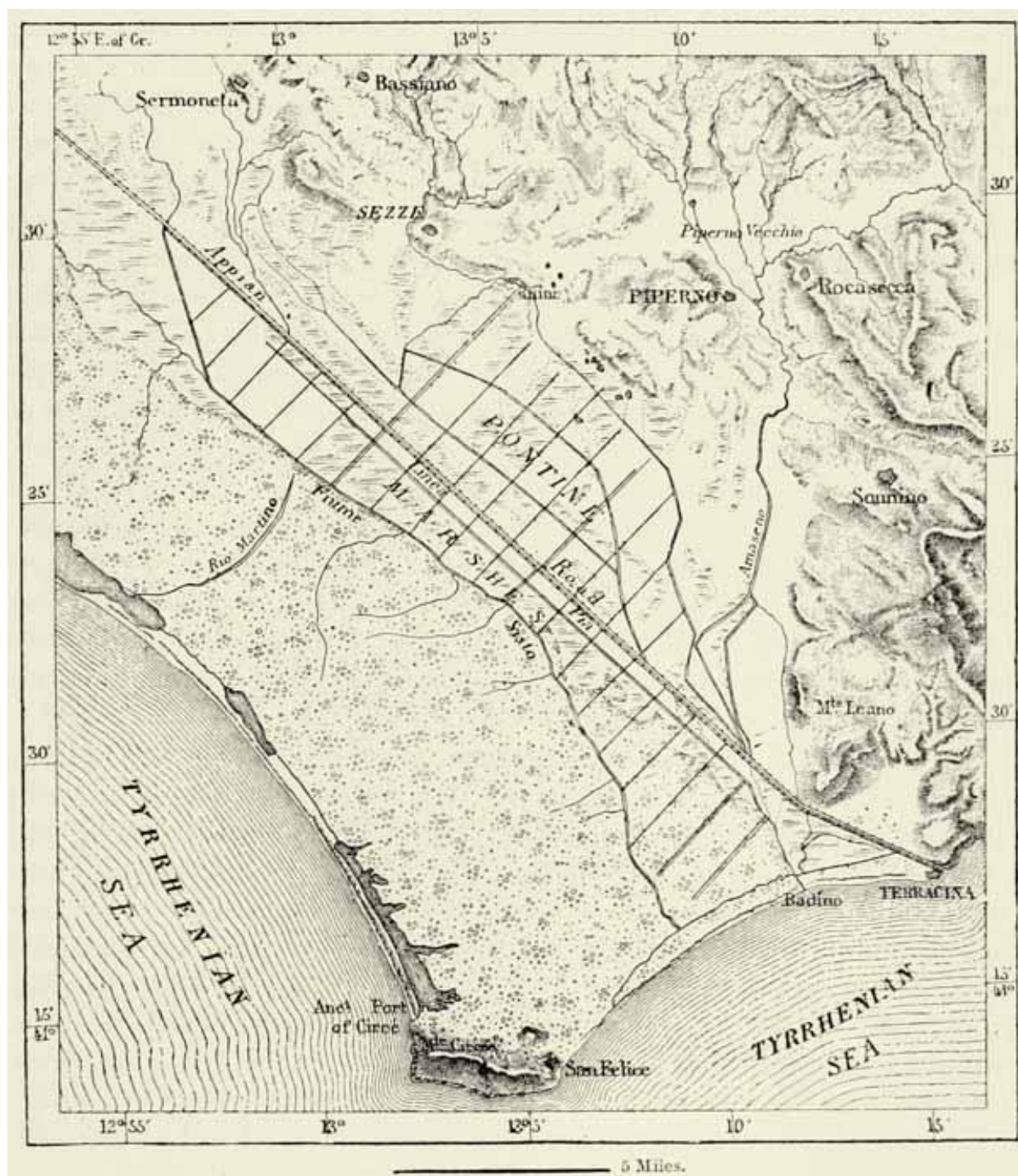

В этой страдающей области нет ни одной деревни, ни даже хутора. Единственные постройки — это убогие склады землевладельцев, по обширным владениям которых бродят стада полудиких серых коров, которые, как говорят, были завезены в Италию гуннами и отличаются огромными рогами, часто подвешенными в хижинах крестьян, которые верят, что они отгоняют «сглаз». Почва этих заброшенных пастбищ состоит из аллювия, смешанного с вулканическими отложениями и мергелем, но возделываются лишь несколько участков. Фермеры и рабочие, занимающиеся этой работой, рискуют своей жизнью и часто умирают от лихорадки, не успев вернуться в свои деревни на холмах. Что можно сделать, чтобы восстановить плодородие, здоровье и население этого региона? Несомненно, необходимо осушить болота и посадить деревья, способные, как эвкалипты, поглощать ядовитые испарения; это было сделано с значительным успехом с 1870 года вблизи аббатства Тре Фонтане. Но, прежде всего, необходимо заинтересовать земледельцев в плодородии почвы. Даже в самых здоровых районах древних папских владений население уничтожается нищетой и сопутствующими ей болезнями. В долине Сакко, к юго-востоку от Рима, где в изобилии растут зерновые, виноград и фруктовые деревья, земледельцы

вынуждены питаться только кукурузой, поскольку остальную часть урожая съедают землевладельцы и ростовщики.

Необработанная и нездоровая местность простирается также вдоль моря к югу от Тибра. Ядовитые пары поднимаются из застоявшихся вод, отделенных от моря дюнами, и чтобы избежать их, необходимо искать убежище в холмах внутренних районов или даже на причалах, построенных в море, как в Порто д'Анцио. Дворцы, которые когда-то выстраивались вдоль побережья от Остии до Неттуно и из руин которых были извлечены некоторые из наших самых ценных художественных сокровищ, такие как Гладиатор и Аполлон Бельведер, давно погребены под дюнами или в болотах. Самый страшный из этих малярийных районов лежит у подножия Монти Лепини и простирается от Порто д'Анцио до Террачины. Он известен как Понтийские болота, от Пометии, города, который, как говорят, погиб еще до исторических времен. Не менее двадцати трех городов процветали в том, что сейчас является пустынной и смертоносной страной, но когда-то было самым процветающим районом, принадлежавшим конфедерации волсков. Римские завоеватели одновременно создали «мир и одиночество». Через четыреста сорок лет после основания Рима, когда Аппий построил свою знаменитую дорогу в Террачину, эта страна была лишь болотом. С тех пор были предприняты различные попытки освоить эту область, но она по-прежнему остается пристанищем кабанов, оленей и полудиких буйволов, предки которых были завезены из Африки в VII веке. Каналы, прорытые во время правления Августа, по-видимому, оказались малополезными; работы, предпринятые Теодорихом Готским, были более эффективными, но в конце концов застойные воды и малярия вновь взяли верх. Инженеры, нанятые Пием VI в конце XVIII века, также потерпели неудачу, и этот район площадью 290 квадратных миль остается дикой местностью по сей день. Если в нем укрывается разбойник, преследование прекращается, и ему позволяют умереть в покое.

Рис. 95. — ПОНТИНСКИЕ БОЛОТА.
Масштаб 1:280 000.

Чтобы осушить эти болота, необходимо преодолеть целый ряд трудностей. С запада болота ограничивает цепь лесистых дюн. Пересекая их, мы попадаем во вторую зону болот, которые отделены от моря второй цепью дюн, простирающейся на север от Монте-Чирчелло и также густо заросшей лесом. Чтобы осушить болота в западном направлении, необходимо преодолеть эти два грозных барьера. Перспективы в направлении Террацины также не более обнадеживающие, поскольку и там все выходы перекрыты дюнами. Кроме того, ручьи и каналы, пересекающие болота, заросли густой растительностью, которая препятствует циркуляции воды, пусть даже и слабой. Стада буйволов иногда загоняют в эти ручьи (), чтобы вытоптать растительность, но ни эта варварская процедура, ни более регулярный процесс кошения не помогают бороться с ее быстрым и буйным ростом, и вода

остается стоячей. Дожди в этой части Италии не только сильные, но и избыточные воды соседних речных бассейнов фактически проникают через подземные каналы в котловину, занимаемую Понтийскими болотами. Это происходит после сильных дождей в случае с рекой Сакко, притоком Гариальяно, и Тевероне, притоком Тибра, и именно этому обстоятельству следует приписать любопытный факт, впервые установленный М. де Прони, а именно, что объем воды, ежегодно сбрасываемый Бадино, который осушает болота, превышает на половину весь объем дождя, который ежегодно выпадает на них. Когда это происходит, вся местность оказывается под водой. Еще одна опасность возникает в засушливую погоду. Иногда из-за небрежности пастухов высушенная растительность воспламеняется; огонь переходит на дерновую почву, которая тлеет до тех пор, пока не достигнет грунтовых вод. Таким образом, участки земли, которые считались защищенными от любого наводнения, превращаются в болота. Большую часть года Понтийские болота представляют собой равнину, покрытую травой и цветами, и удивительно, что такая плодородная земля не заселена. Город Нинфа, построенный в XI веке у северной оконечности равнины, был заброшен, но его стены, дома и дворцы, покрытые плющом и другими ползучими растениями, сохранились до наших дней.

Нет сомнений, что наши инженеры смогли бы освоить эту пустынную местность. Система, примененная в случае долины Кьяна, может оказаться непрактичной, но можно разработать другие, пусть и более дорогостоящие, способы. Какими бы ни были затраты, они обязательно окупятся, ведь даже сейчас болота дают богатые урожаи пшеницы и кукурузы.

Тибр, или Тевере, великая река римлян, до наших дней сопротивляется всем попыткам ее исправления, и ее внезапные наводнения, как говорят, сейчас еще более грозны, чем в дни Республики. Со времен Анка Мартия ведется борьба с наносами, приносимыми рекой, и для решения этой сложной проблемы потребуются все навыки итальянских инженеров.

Тибр — самая важная река полуострова Италия, а его бассейн — самый обширный.⁹⁰ Это также единственная река, судоходная в своем нижнем течении, от Остии до Фидены. Тибр берет начало на западном склоне Альпе-делла-Луна, на широте Флоренции. Долина, по которой он течет, находясь в самом сердце Апеннин, отличается непревзойденной красотой; то она расширяется в широкие и плодородные бассейны, то сужается, окруженная отвесными скалами. Ниже очаровательной котловины Перуджи Тибр принимает Топино, образованный слиянием нескольких ручьев в старой озерной котловине Фолиньо, одном из самых прекрасных районов всей Италии, расположенном у подножия Великих Апеннин и Коль Фиорито, который ведет через них. Клитуну (Clitumnus) впадает в эту равнину, известную своими прозрачными водами:

«Самый живой кристалл, который когда-либо
Пристанище речной нимфы, чтобы любоваться и омыwać
свои члены».

Руины прекрасного храма до сих пор сохранились у истоков этой реки, но чудесная сила последней, превращавшая в блестящую белизну шерсть овец, пасшихся на ее священных берегах, ушла навсегда.

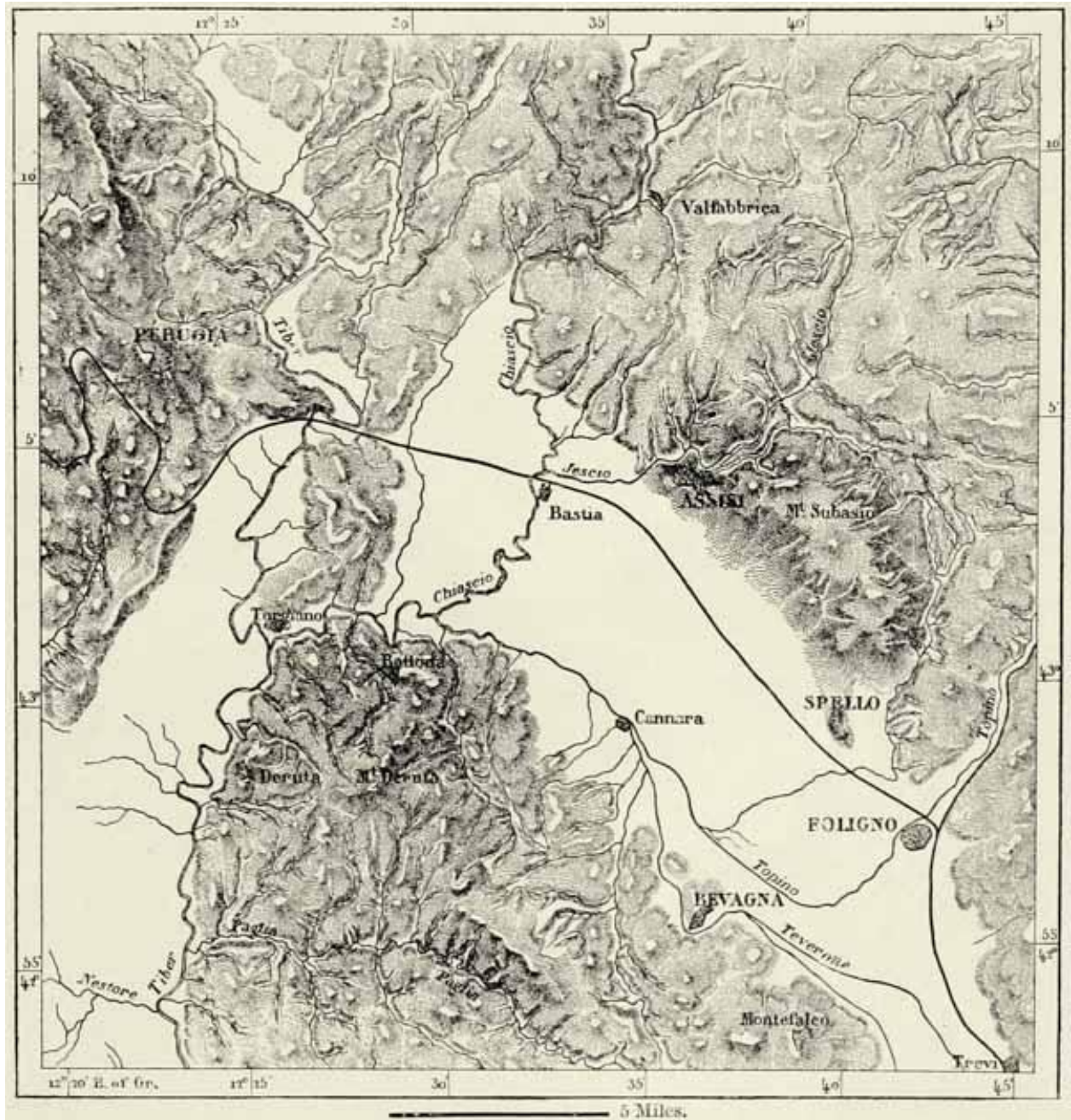

Рис. 97. — КАСКАДЫ ТЕРНИ.

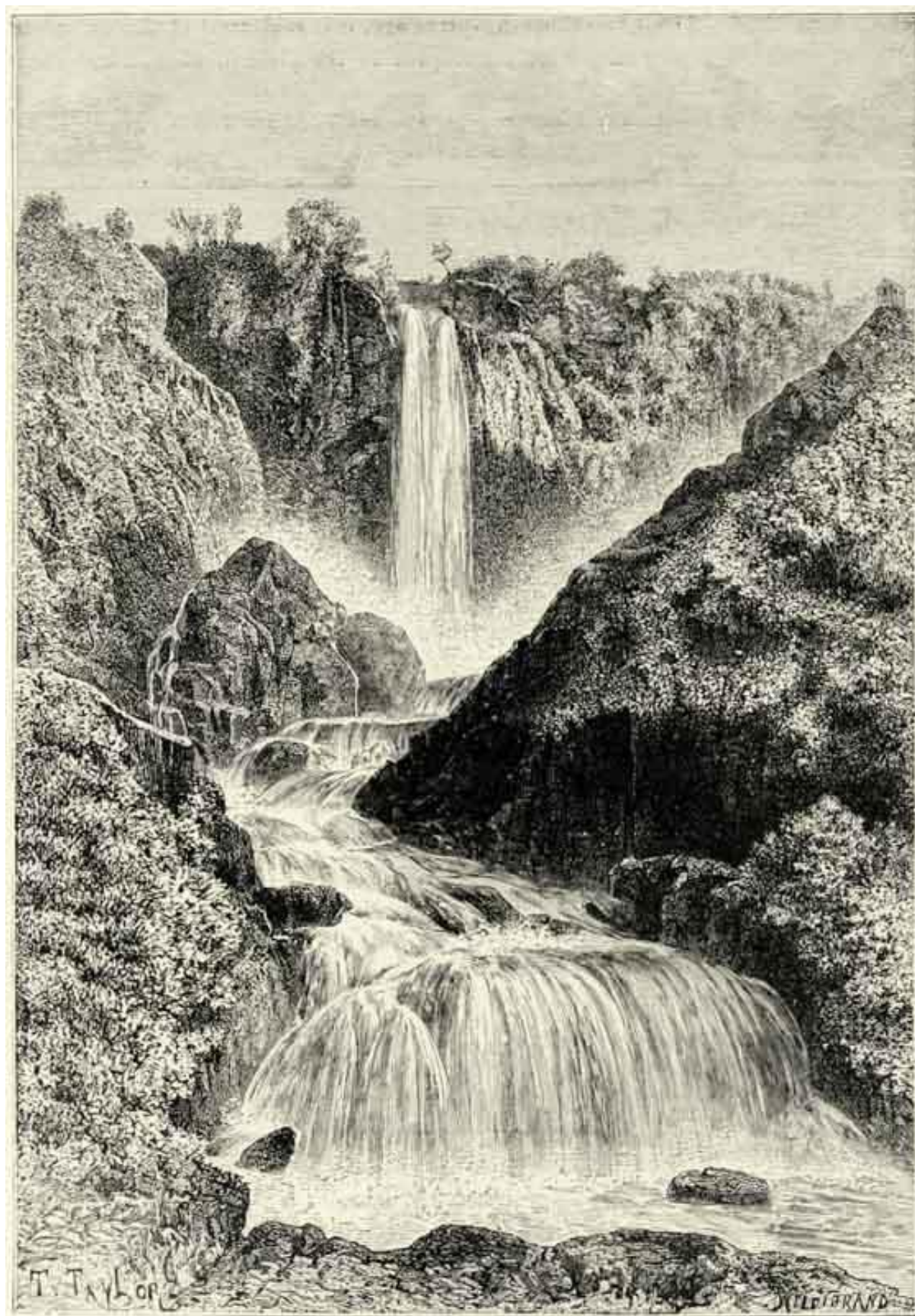
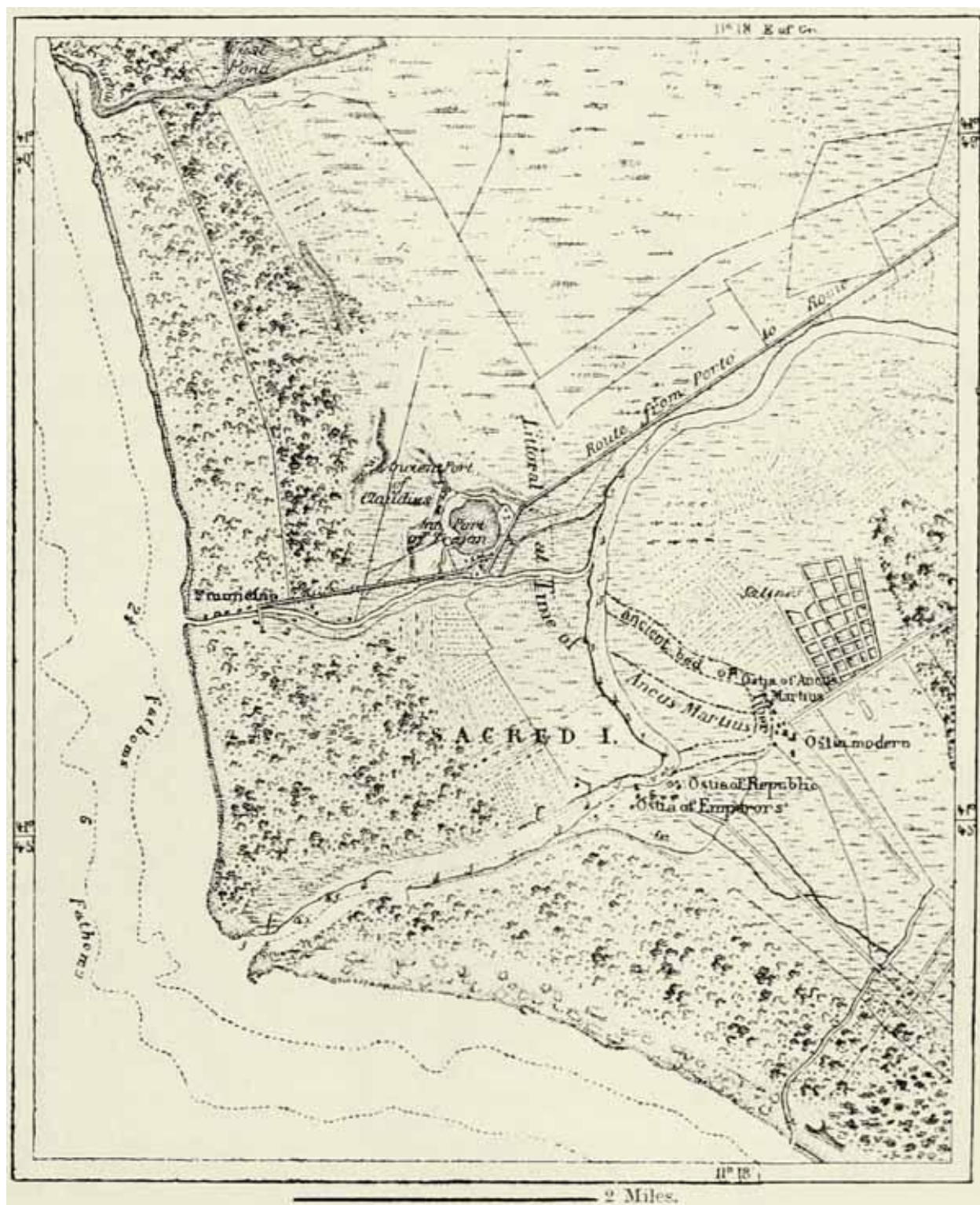

Рис. 98. — ДЕЛЬТА ТИБРА.
По данным Дарондо (1861) и Дежардена.

Нера — самый важный приток Тибра; «она дает ему пить», как гласит итальянская пословица, и соперничает с ним по объему. Она образуется в результате слияния нескольких ручьев, спускающихся с Сивиллиновых гор, Монте-Велино и Сабинских холмов. Говорят, что около двух тысяч лет назад большинство этих ручьев не достигало Тибра; они пересекались на равнине Риети, где образовывали озеро Велинус, которое в настоящее время представлено несколькими прудами и болотами, разбросанными по плодородным полям «Сада роз Амбровово» (). Пролом в известняковых скалах, который впоследствии несколько раз расширился, позволил запруженным водам Велино стекать в Нера, образуя при этом

прекрасные каскады Мармора над Терни, очарование которых воспевали поэты и художники. Река падает с вертикальной высоты 542 фута одним потоком, а затем стремительно несется вниз, по нагроможденным глыбам скал, пока не впадает в более спокойные воды Неры. Гораздо менее грандиозны, но, возможно, более очаровательны многочисленные каскады Анио или Тевероне, последнего значительного притока Тибра выше Рима. Стоя на зеленом холме, на котором построен живописный город Тиволи, можно увидеть серебристые каскады, устремляющиеся во всех направлениях. Некоторые из них скользят по отполированным скалам, другие вырываются из мрачных арок, на мгновение зависают в воздухе, а затем снова исчезают под листвой; но каждый из них, будь то мощная струя или просто ниточка воды, обладает своим собственным очарованием, и в целом они образуют одно из самых восхитительных зрелищ, которые можно увидеть в Италии. Именно эти каскады сделали Тиволи известным во всем мире, и, несмотря на популярную поговорку...

«Тиволи ди мал комфорто,
O piove, o tira vento, o suona a morto !» —

современные резиденции заняли место вилл древних римлян, среди которых наиболее роскошной была вилла Адриана. Ее руины, расположенные к западу от Тиволи, занимают площадь в три квадратных мили. Недавно было предложено использовать огромную энергию воды реки Анио гораздо более широко, чем это делалось до сих пор. Древние довольствовались добычей конкреционного известняка, или травертина, отложенного известковыми водами реки, иногда на глубину до ста футов. Они использовали этот камень для строительства своих общественных зданий. Травертин, когда его только добывают, белый; через некоторое время он желтеет, а затем приобретает красивый розовый оттенок, который придает величественный характер построенным из него зданиям.

Рис. 99. КРЕСТЬЯНЕ РИМСКОЙ КАМПАНИИ.

Ниже места слияния с Анио желтые воды Тибра, окрашенные глиной, принесенной с равнин Умбрии, несутся под мостами Рима. Вскоре река огибает последние холмы, которые когда-то ограничивали древний морской залив, теперь заиленный. Здесь ощущается влияние приливов и отливов. У истоков Священного острова, ранее посвященного Венере и славившегося своими розами, а теперь превратившегося в унылое болото, покрытое камышом и асфоделами, река разделяется на две ветви. Главная ветвь, старый Тибр, проходит к югу от этого острова. Остия, которая в ранние дни Рима была портом реки, теперь погребена под полями зерновых культур и чертополоха, в пяти милях от моря. Раскопки, проводимые там с 1855 года, обнажили несколько храмов, гробниц и складов. Две тысячи лет назад римские купцы были вынуждены покинуть этот город из-за бара, образовавшегося в устье реки.

Римские императоры, стремясь иметь выход к морю, приказали прокопать судоходный канал к северу от Остии. Это Фьюмичино, который эрозионное воздействие Тибра превратило в небольшую реку. Клавдий прокопал огромные доки к северу от этого канала, и рядом с ними возникла новая Остия. Траян открыл еще один порт к юго-востоку от него, который на протяжении нескольких столетий оставался портом Рима. Но и он заился примерно тысячу лет назад, и аллювий, приносимый Тибром, постоянно вторгается в море со скоростью около трех футов в год в устье Фьюмичино и десяти футов в устье старого Тибра. Вблизи древнего порта Траяна находятся обширные руины дворцов, бань и складов, и недавно там были обнаружены несколько произведений искусства.

Таким образом, устье Тибра закрыто баром, как и устья всех других рек, впадающих в Средиземное море, и римляне, вместо того чтобы использовать свою реку для связи с морем, вынуждены прибегать к более отдаленным гаваням. В прежние времена они поддерживали эту связь с Сицилией, Грецией и Востоком через Антиум, Анксур (Террацина) и даже Путеولي, но с тех пор, как страны Севера приобрели политическое и торговое значение, Чивита-Векья стала крупным морским перевалочным пунктом долины Тибра. Хорошо известно, что Гарибальди задумал грандиозный проект превращения Рима в большой морской город. Застоявшиеся воды Кампаньи должны быть отведены с помощью огромного санитарного канала, русло Тибра должно быть углублено, а вдали от побережья Средиземного моря должен быть построен искусственный порт, способный принимать самые большие суда.

Реализация этого грандиозного плана, несомненно, сопряжена с огромными трудностями, не последней из которых являются ежегодные наводнения Тибра. Древние писатели рассказывают нам, что эти наводнения вызывали страх не только из-за непосредственного ущерба, но и из-за большого количества животных и растительных отложений, которые оставались на полях после спада воды. Характер этих наводнений остался прежним и по сей день. В Риме, хотя он находится всего в двадцати двух милях от моря, уровень реки часто поднимается на сорок или пятьдесят футов, а в декабре 1598 года он поднялся на шестьдесят пять футов! Как утилизировать этот огромный объем воды после того, как он пройдет под мостами Рима? Если уничтожение лесов в Апеннинах является одной из основных причин этих наводнений, будет ли достаточно их пересадить? Или было бы предпочтительнее восстановить некоторые из тех древних озер, в которые впадали многочисленные реки, которые теперь текут в море? Трудности действительно велики, поскольку западный склон Апеннин подвержен воздействию дождливых западных и юго-западных ветров, а наводнения всех многочисленных притоков Тибра происходят одновременно и объединяются, образуя одно огромное наводнение.

Ничего сложного нет в том, чтобы объяснить большие наводнения Тибра, которые происходят зимой, но состояние реки летом долгое время ставило исследователей в тупик. Уровень реки в сухой сезон намного выше, чем можно было бы объяснить небольшим количеством осадков, выпадающих в ее бассейне. Ее объем летом никогда не бывает меньше половины среднего объема, что до сих пор не наблюдалось ни в одной другой реке. Бассейн Сены в пять раз больше бассейна Тибра, а ее средний объем почти в два раза больше; однако после продолжительной засушливой погоды ее объем составляет лишь треть или четверть объема итальянской реки. Такую постоянность Тибра можно объяснить только тем, что в сухой сезон она питается из подземных резервуаров, в которых вода накапливается зимой. Этих резервуаров должно быть очень много, если судить по многочисленным «воронкам» или «пропастищам», встречающимся на известковых плато Апеннин. Одна из этих воронок, известная как «Фонтан Италии», находится недалеко от Алатри, близ неаполитанской границы, и имеет вид огромной ямы глубиной 160 футов и диаметром 300 футов. Ее дно занято лесом, а многочисленные родники дают жизнь пышной растительности, которой с жадностью питаются овцы, спущенные на веревках. Именно из таких воронок питаются реки страны, Тибр и Сакко. Инженеры Вентуроли и Ломбардини подсчитали, что около трех четвертей жидкой массы Тибра в зимний период происходит из подземных озер, скрытых в глубинах Апеннин. Объем воды, ежегодно поступающий из этого источника в Тибр, мог бы заполнить бассейн площадью 100 квадратных миль и глубиной 80 футов!⁹¹

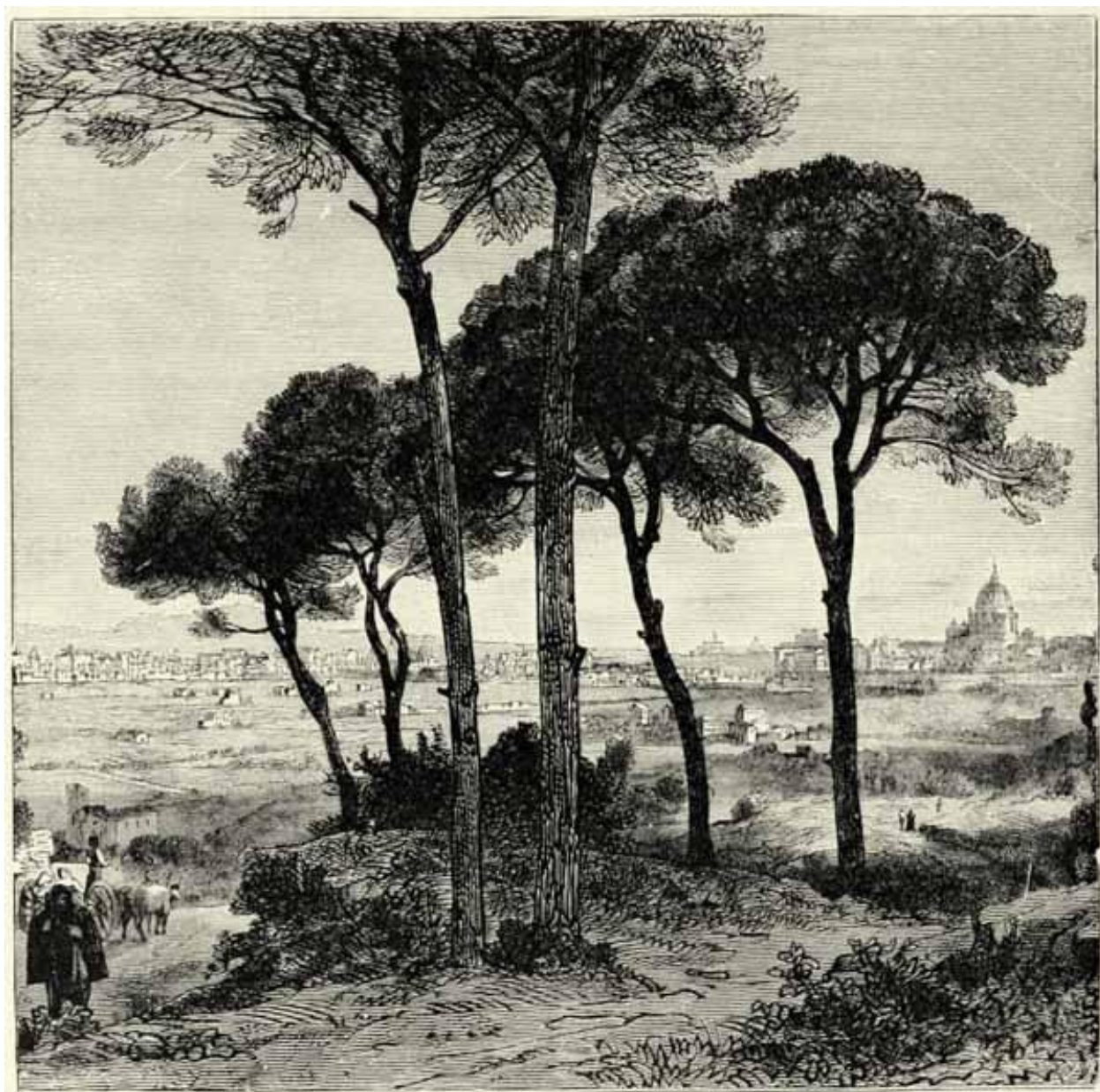
Первобытный Рим в значительной степени обязан своей мощью Тибру, не потому, что эта река судоходна, а потому, что она протекает через центр обширного бассейна, естественной столицей которого является Рим. Кроме того, Рим занимал центральное положение по отношению ко всей Италии и миру древних; но, как уже было отмечено, Рим больше не лежит на каких-либо великих дорогах народов. Этот город, безусловно, занимает не только центр Италии, но и всех стран, окружающих Тирренское море; и его климат не оставлял бы желать ничего лучшего, если бы не нездоровый климат Кампаньи. Тем не менее Рим, хотя и является резиденцией двух монархов, короля Италии и папы, не является даже главным городом полуострова и тем более столицей латинской расы. Говорят, что в средние века, когда папы проживали в Авиньоне, население Рима сократилось до 17 000 душ. Грегорович, который лучше всех знаком с этой эпохой в истории Рима, сомневается в этом, но нет никаких сомнений в том, что после разграбления, устроенного констеблем Бурбоном, его население сократилось до 30 000 душ. В последнее время Рим быстро растет, но все еще значительно уступает Неаполю и даже Милану.

С самого начала римляне были смешанной расой. Миф о Ромуле и Реме, похищение сабинских женщин и непрекращающиеся внутренние конфликты свидетельствуют об этом факте. Остатки древних городов, циклопические стены, кладбища, урны, вазы и украшения доказывают, что на правом берегу Тибра этруски были по крайней мере так же сильны, как и итальянцы. В других местах преобладали галлы, и из смешения всех этих различных народов возникли первобытные римляне.

Когда Рим достиг зенита своей мощи, ситуация изменилась, и тысячи иностранцев смешались с латинянами, галлами, иберами, мавританцами, греками, сирийцами и восточными народами всех рас и климатических зон; рабы, свободные люди и граждане стекались в столицу мира и изменили характер ее жителей. К концу существования империи в стенах Рима было больше иностранцев, чем римлян, и когда империя Запада развалилась, а императорский город был неоднократно разграблен варварскими ордами, итальянцы уже смешались с самыми разнообразными элементами. Это бесконечное смешение разных рас,

победителей и побежденных, хозяев и рабов, возможно, более удовлетворительно объясняет великие изменения, которые произошли за две тысячи лет в характере и духе римлян. Тем не менее римляне на правом берегу Тибра, так называемые трастеверины, сохранили старый римский тип, переданный нам в статуях и на медалях.

Рис. 100. — рим.

Рим велик благодаря своему прошлому, и его руины привлекательнее, чем современные здания; это скорее гробница, чем живой город. Эти памятники, воздвигнутые бывшими хозяевами мира, производят сильное впечатление на воображение. Вид Колизея вызывает восхищение, сродни ужасу, если только мы не смотрим на это грозное сооружение как на простой кучу камней. Мысль о том, что эта огромная арена была переполнена людьми, стремившимися убить друг друга, что окружающие ее ступени были заняты 80 000 человеческих существ, которые наслаждались этой бойней и подбадривали ее своими криками, вызывает в воображении картину низкости, жестокости и безумия, существование которых не могло не подорвать основы римской цивилизации и сделать ее легкой добычей для варваров. Форум пробуждает воспоминания совсем иного характера. Здесь тоже творились ужасные вещи, но в целом его история показывает его как истинный центр римского мира. Именно отсюда был дан первый импульс народам Запада; именно здесь приносили плоды идеи, привезенные со всех концов света. Стены, колонны, храмы и церкви, окружающие Форум, безмолвным языком рассказывают о главных событиях в истории

Рима; и если мы заглянем под существующие здания, то встретим более древние сооружения, которые перенесут нас в еще более далекий период, потому что на этом месте, где пульсировала жизнь римского народа, одно здание сменяло другое. И так во всем Риме. Каждый древний памятник, аркада или сломанная колонна, каждый камень свидетельствует о каком-то историческом событии, и хотя иногда бывает трудно интерпретировать эти свидетельства прошлого, правда постепенно выясняется.

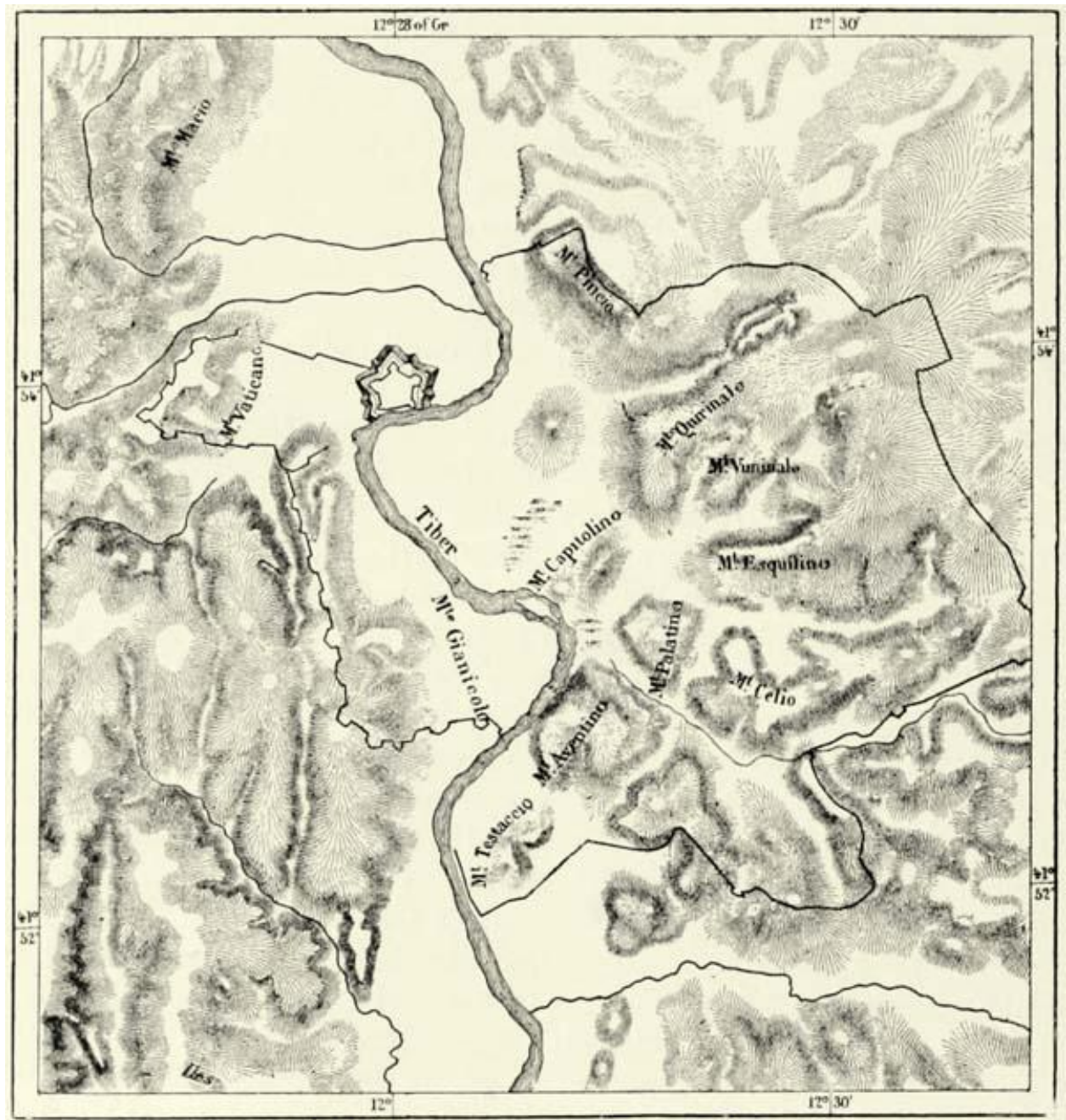
Несмотря на грабежи и массовые разрушения, до сих пор сохранилось множество древних памятников, одним из самых замечательных из которых является Пантеон Агриппы. Вандалы, которых обычно обвиняют в разрушениях, действительно грабили город, но ничего не разрушали. Систематическое разрушение началось задолго до их времени, когда материалы для строительства первой церкви Святого Петра были взяты из цирка Калигулы и других памятников, расположенных рядом с ним. Тот же план был реализован при строительстве бесчисленных других церквей и зданий всех видов. Статуи были разбиты на куски и использованы для производства извести, и в начале XV века во всем Риме осталось только шесть из них, пять мраморных и одна бронзовая. Вторжение норманнов в 1084 году и многочисленные войны средневековья, которые часто сопровождались грабежами и пожарами, принесли еще больше разрушений, но количество общественных зданий и памятников было настолько велико, что к возрождению искусства в XVI веке многие из них все еще оставались для изучения и подражания. С тех пор архитектурная коллекция, заключенная в стенах Рима, охраняется с особой тщательностью и по-прежнему пополняется шедеврами Микеланджело, Браманте и других мастеров.

На Палатинском холме недавно были обнаружены самые интересные остатки древнего Рима, в том числе фундаменты дворцов цезарей и стены *Roma Quadrata*. Именно на этом холме, таком богатом драгоценными реликвиями, первые римляне построили свой город, чтобы обеспечить ему защиту крутых откосов и болот на Тибре и Велабро. Когда Рим стал более густонаселенным, возникла необходимость спуститься с этого холма. Город распространился по долине Велабро, которая была осушена этрусским царем Тарквинием, а затем поднялся на окружающие холмы. В центре города находился небольшой остров на Тибре. Римляне считали его священным местом. Они окружили его каменной набережной в форме корабля, воздвигли в центре обелиск, символизирующий мачту, и храм Эскулапа на корме. Этот остров сравнивали с кораблем, несущим судьбу Рима.

Есть еще один Рим, подземный, который стоит изучить, потому что из него мы узнаем о раннем христианстве больше, чем из всех написанных книг. Крипты христианских кладбищ занимают зону вокруг города шириной в пару миль и включают в себя около пятидесяти отдельных катакомб. Синьор Росси оценивает длину подземных ходов в 360 миль. Они вырыты в туфе и имеют в среднем один ярд в ширину, но включают в себя камеры, которые служили молельнями, и многочисленные ярусы ниш для тел. Надписи, барельефы и росписи этих городов мертвых всегда уважались язычниками, и, к счастью, входы в них были закрыты во время вторжения варваров в Рим. Это спасло их содержимое от разрушения, и все было найдено в целостности и сохранности, когда они были вновь открыты в конце XVI века. Эти гробницы доказывают, что народные верования христиан того времени сильно отличались от того, как их представляли современные писатели, принадлежавшие к другому классу общества, чем большинство верующих. Повсюду царит безмятежная веселость, и мрачные символы здесь не находят себе места. Мы не встречаем ни изображений мученичества, ни скелетов, ни образов Смерти; даже крест, который в более позднюю эпоху стал великим символом христианства, здесь не встречается. Наиболее

распространенными символами являются Добрый Пастырь, несущий ягненка на плечах, и виноградная лоза, усыпанная листьями. В самых древних катакомбах, которые датируются II и III веками, фигуры имеют греческий характер и изобилуют языческими сюжетами. Одна из них изображает Доброго Пастыря в окружении трех граций. Есть две еврейские катакомбы, также высеченные в туфе, которые позволяют нам сравнить религиозные представления, бытовавшие в то время среди последователей двух религий.

Рис. 101. — Холмы Рима.

Из-за абсурдного пристрастия к мистическим числам Рим и по сей день называют «городом семи холмов», хотя он утратил право на такое название после того, как вырос за пределы стен, построенных Сервием Туллеем. Не считая Монте Тестаччо, который представляет собой просто кучу черепков, в пределах стен современного Рима находится по крайней мере девять холмов, а именно: Авентин, на который уходили плебеи во время своих слабых попыток борьбы за независимость; Палатин, древняя резиденция цезарей; Капитолий, увенчанный храмом Юпитера; Монте Челио (Целий); Эсквилин; Виминале; Квиринале; Читорио; и Пинчо с его общественными садами. Кроме того, на противоположном берегу Тибра есть два холма, а именно Монте Джаниколо (Яникул),

самый высокий из всех, и Ватикан, который получил свое название от латинского слова *vates*, «гадатель», поскольку когда-то был резиденцией этрусских гадателей.

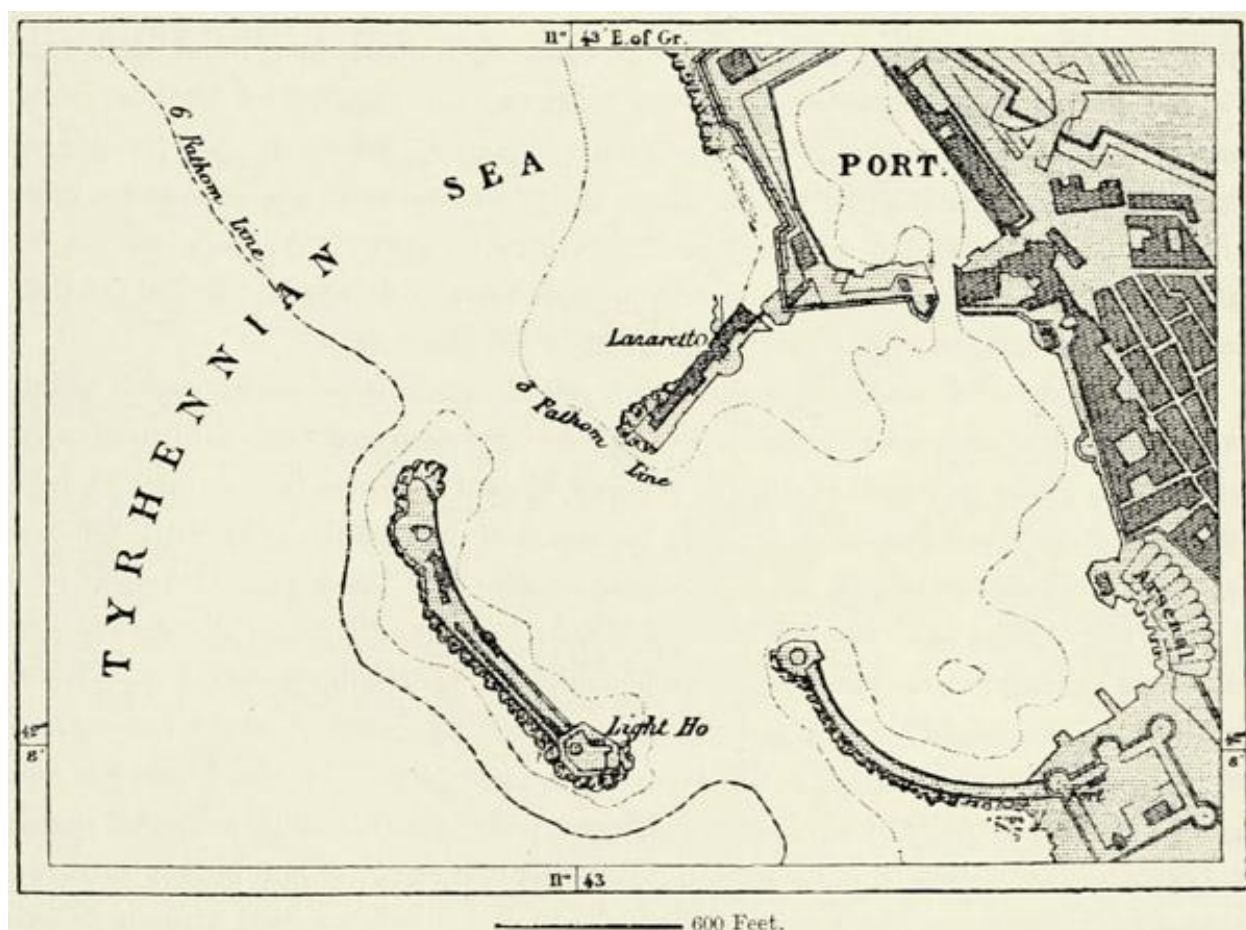
Верный своим традициям, последний холм с тех пор остается местом предсказаний. Когда христианские священники покинули темные катакомбы, они поселились на нем и оттуда правили Римом и западным миром. На нем был построен папский дворец, изобилующий сокровищами искусства, а рядом с ним стоит великолепная базилика Святого Петра, центр католического христианства. Длинная аркада соединяет дворец с замком Сант-Анджело, древним мавзолеем Адриана. Пушки этой крепости больше не защищают Ватикан, поскольку светская власть понтификов ушла в прошлое, но их роскошная церковь Святого Петра с куполом, возвышающимся высоко в небо и видимым даже с моря, с ее статуями, мрамором и мозаикой свидетельствует о том, что богатства всего христианского мира в прошлом находили свой путь в Рим. Один только собор Святого Петра стоил почти 20 000 000 фунтов стерлингов и является лишь одной из 365 церквей города пап. В то же время восхищение, которое вызывает их роскошное сооружение, не лишено и негативных моментов. Множество украшений затмевает пропорции этого колоссального здания, и, что еще более серьезно, вместо того, чтобы быть воплощением целой эпохи веры и идей, оно представляет собой лишь переходный этап в местной истории католицизма, эпоху противоречий, когда язычество Возрождения и христианство Средневековья объединились, чтобы породить помпезный и чувственный неокатолицизм, соответствующий вкусам и прихотям века. Как отличается впечатление, которое производит на нас это здание, от того, которое производит на нас мрачный неф готического собора! Примечательно, что квартал Рима, в котором построена церковь Святого Петра, является единственной частью города, которая была разорена мусульманами в 846 году, которые таким образом могут похвастаться тем, что разграбили папский Рим и завладели Иерусалимом, в то время как гробница Мухаммеда всегда оставалась в руках верующих. Что же касается евреев, то они не пришли в Рим как завоеватели. Запертые в своем грязном гетто у болотистых берегов Тибра, недалеко от арки Тита, напоминавшей им о разрушении их храма, они были объектом ненависти и преследований на протяжении девятнадцати веков. Они выжили благодаря силе своего золота, и с момента освобождения от рабства они вносят еще больший вклад в украшение итальянской столицы, чем их сограждане-христиане.

Наш девятнадцатый век не благоприятен для создания зданий, способных соперничать с Колизеем или собором Святого Петра, но есть работы другого характера, не менее заслуживающие внимания, которые могут отличить эту третью эпоху в истории Рима. Прежде всего, необходимо будет защитить город от наводнений Тибра и улучшить его санитарные условия. Необходимо будет углубить русло реки, построить дамбы и создать систему дренажа.

Хорошо известно, что количество воды, поставляемое в древний Рим, было огромным. Во времена Траяна девять великих акведуков общей протяженностью 262 мили поставляли около 4400 галлонов воды в секунду, и это количество было увеличено на четверть за счет построенных впоследствии каналов. Даже сейчас, хотя большинство этих древних акведуков находятся в руинах, водоснабжение столицы Италии превосходит водоснабжение большинства других городов.⁹² Но если когда-нибудь наступит время, когда Рим займет все пространство, ограниченное его стенами, если когда-нибудь Форум снова станет центром города, то нехватка воды будет ощущаться там так же сильно, как и в большинстве других крупных городов Европы.

Помимо нездоровых условий в окрестностях, есть еще одна причина, по которой современный Рим не может сравниться с древним городом. Его улицы больше не расходятся от центра во всех направлениях, как это было в древности. Аппиева дорога, которая при выезде из города проходит через любопытную аллею гробниц, является типичным примером старых дорог, построенных по прямой линии и сокращающих расстояния. Правда, эти древние магистрали были заменены железными дорогами, но их все еще немного, и Рим не расположен на магистральной линии. В других странах железные дороги строились от столицы к периферии; в Италии, напротив, Флоренция, Болонья и Неаполь построили линии, сходящиеся в Риме.

Рим – один из тех крупных городов, которые в наименьшей степени способны существовать за счет собственных ресурсов. Не имея порта и находясь в непосредственной близости от непригодных для проживания миазматических мест, он присоединил к себе отдаленные территории и занимает положение, сходное с положением паука в центре своей паутины. Ее сады, загородные усадьбы и промышленные предприятия находятся в горных городах Тиволи, Фраскати (недалеко от которого на хребте находятся руины Тускулума), Марино (недалеко от которого проводили свои собрания союзные народы Лация), Альбано (соединенное великолепным виадуком с Ариччей), Веллетри (старинный город вольсков) и Палестрина (более древний, чем Альба-Лонга или Рим, и занимающий место знаменитого храма Фортуны, гордости древнего Пренесте). Его курорты — Пало, Фьюмичино и Порто-д'Анцио, примыкающий к маленькому городку Неттуно, столь известному благодаря высокомерной красоте своих женщин. Единственный морской порт — Чивита-Веккья, унылый городок на Тирренском море с великолепной гаванью.⁹³ Древние гавани к югу от Тибра в наши дни почти не используются. Террачина, скрытая среди зелени у подножия белых скал, используется только путешественниками, направляющимися в Рим по прибрежной дороге с юга.⁹⁴ Почти все другие города Лация построены на одной из двух больших дорог, одна из которых ведет на север во Флоренцию, а другая проникает в долину Сакко на юго-восток и, наконец, выходит на кампанию Неаполя. Витербо, «город красивых фонтанов и милых девушек», является главным городом на севере. Алатри, расположенный на склоне Гарильяно и окруженный великолепным некрополем, обнесенным циклопическими стенами, занимает аналогичное положение на юге. На востоке, в одной из самых очаровательных долин Сабины, пересеченной вечно прохладными водами Анио, лежит Субиако, древний Сублакеум, названный так в честь трех водохранилищ, построенных Нероном, который ловил в них форель золотой сетью. Именно в святой пещере (*sacro specu*) недалеко от Субьяко святой Бенедикт основал свой знаменитый монастырь, который предшествовал еще более известному монастырю Монте-Казино и вместе с монастырем Лерин в Провансе стал колыбелью монашества на Западе.⁹⁵

Перуджа, столица Умбрии, расположенная на дороге из Рима в Анкону, является одним из древних городов этрусков, и раскопки, проведенные в ее окрестностях, обнаружили гробницы, представляющие большой интерес. После каждой войны и катастрофы этот город возрождался из руин, поскольку его расположение посреди плодородной равнины и на пересечении нескольких естественных магистралей является наиболее благоприятным. Это и римский, и тосканский город, и в эпоху Возрождения он стал родиной одной из величайших школ живописи. В Перудже до сих пор сохранилось множество памятников, относящихся к этой знаменитой эпохе, и хотя город больше не является одним из художественных центров Италии, он по-прежнему является резиденцией университета; здесь активно развивается торговля, особенно сырым шелком; чистые дома и улицы, чистый воздух и очаровательные жители ежегодно привлекают сюда большое количество иностранцев, которые проводят зиму в Риме. Перуджа значительно опередила своего соперника, Фолиньо, который ранее был крупным торговым центром Центральной Италии и до сих пор занимается несколькими видами промышленности, в том числе дублением кожи. Что касается Ассизи, то он по праву славится своим храмом Минервы и великолепными монастырями, украшенными фресками Чимабуэ и его преемника Джотто, последнего из греческих и первого из итальянских художников. Ассизи сейчас — всего лишь небольшой городок, но его окрестности плодородны и густо заселены. Здесь родился Франческо д'Ассизи, основатель ордена Святого Франциска.

Другие города Умбрии, хотя и не имеющие сейчас большого значения, могут похвастаться тем, что когда-то играли важную роль в истории или обладают прекрасными памятниками. Сполето, ворота которого Ганнибал тщетно пытался взять штурмом, имеет великолепную

базилику, римский виадук, перекинутый через глубокий овраг, и горы, покрытые соснами и каштанами. Терни гордится своим знаменитым водопадом (см. стр. [270](#)). Орвието, к северу от Тибра, недалеко от границы с Тосканой, высокомерно и грязно, но справедливо славится своим чудесным собором, одним из самых дорогих и изысканных зданий в мире. Читта-ди-Кастелло на верхнем Тибре и Губбио в самом сердце гор — два главных города в Апеннинах Умбрии. Оба города расположены в прекрасном месте и обладают целебными минеральными источниками. В Губбио хранятся знаменитые «Эгубские таблицы» — семь бронзовых пластин с надписями на умбрийском языке, единственные известные реликвии такого рода. Небольшой городок Фратта, ныне известный как Умбертиде, расположенный на полпути между Перуджей и Читта-ди-Кастелло, имеет лишь местное значение.⁹⁶

Анкона — адриатический порт римских земель. Это древний город дорийцев, который до сих пор сохраняет название, данное ему его основателями, поскольку он расположен в «углу», образованном побережьем между Венецианским заливом и южной частью Адриатического моря. Красивая триумфальная арка возле мола свидетельствует о том, какое значение Траян придавал владению этим портом. Благодаря своему выгодному положению и работам по улучшению гавани, Анкона является одним из трех крупнейших торговых центров Адриатики; она занимает второе место после Венеции и почти равна Бриндизи, хотя и не является одним из пунктов на пути в Индию. Ее торговля питается Римом, Марке и Ломбардией; среди экспортных товаров — фрукты, масло, асфальт из Аbruццо, сера из Апеннин и шелк, «самый лучший в мире», если верить оценке его качества местными жителями.⁹⁷ Другие порты вдоль этого побережья предлагают лишь небольшую защиту, и их торговля незначительна. Пезаро, родной город Россини, посещают только суда водоизмещением 20–30 тонн. Фано принимает только баржи. Небольшой речной порт Синигалья (Senigallia) раньше был очень оживленным во время ярмарки, на которой товары на сумму 1 000 000 фунтов стерлингов переходили из рук в руки, но после ее отмены в 1870 году он опустел.

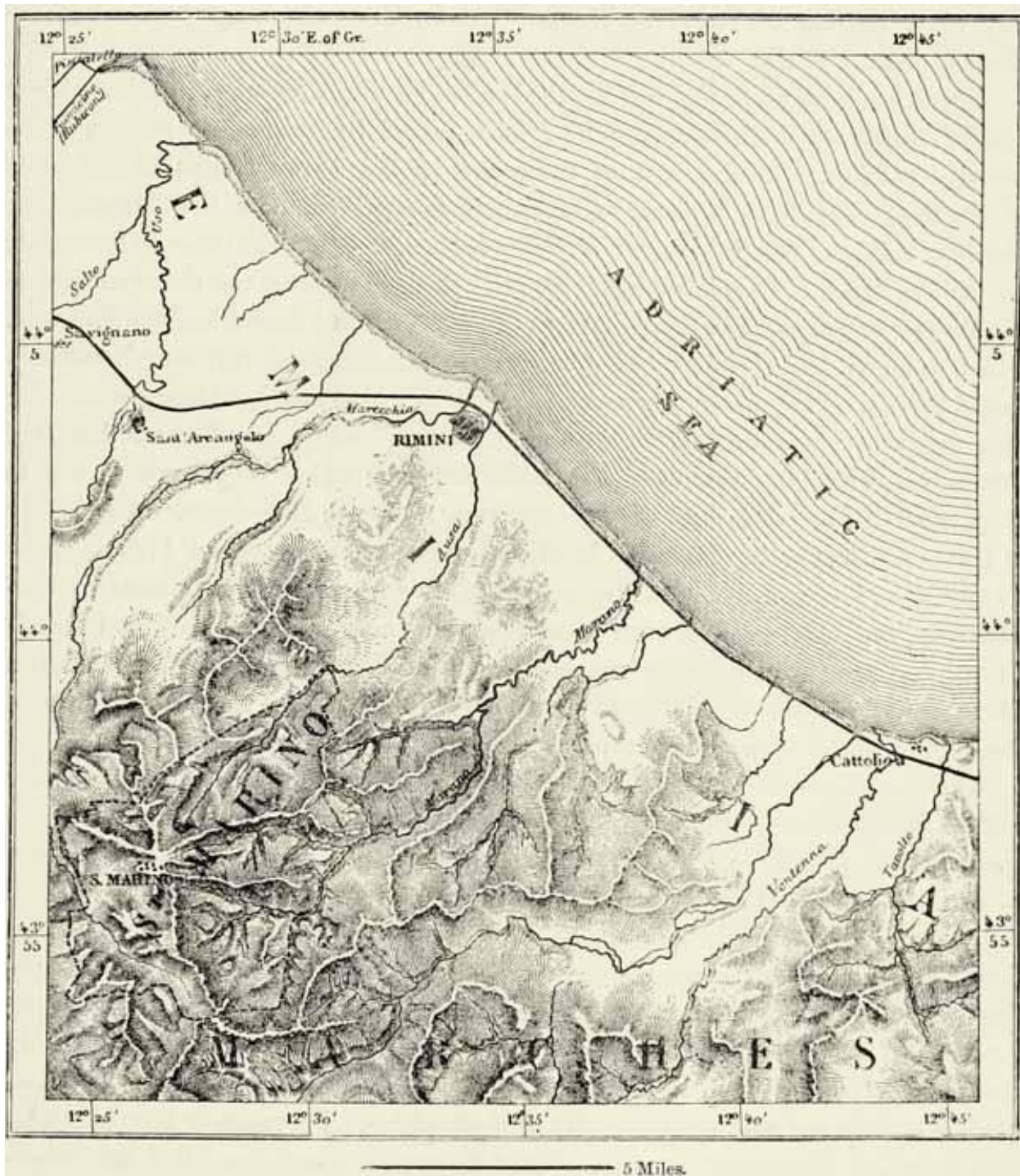
За исключением Фаббриано, расположенного в живописной долине Апеннин, и Асколи-Пичено на реке Тронто, внутренние города Марке построены на вершинах холмов, но простираются через пригороды до возделываемых равнин. Главными из них являются Урбино, чья величайшая слава заключается в том, что он был родиной Рафаэля и, как и соседний Пезаро, ранее производил фаянс, высоко ценимый знатоками; Джези; Озимо; Максерата; Реканати, родной город Леопарди; и Фермо. Одним из самых известных из этих горных городов является Лорето, ранее самое посещаемое место паломничества в христианском мире. До Реформации, когда путешествовать было гораздо сложнее, чем сейчас, ежегодно святыни Лорето посещали до 200 000 паломников. Им показывали настоящий дом, в котором родилась Дева Мария и который был перенесен ангелами на то место, где он находится сейчас, под великолепно украшенным куполом. В Кастельфидардо, неподалеку от Лорето, произошла битва, которая стоила папе большую часть «наследия Святого Петра».

В высокогорных районах Абруццо находится всего несколько городов. Главный из них — Аквила, основанный в XIII веке императором Фридрихом II. До других городов трудно добраться, и они не только не привлекают жителей из других регионов, но и отправляют своих сильных сыновей в низины, где они известны как *аквиланцы* и высоко ценятся как садоводы-террасисты. Наиболее густонаселенные места находятся в нижней части долины Атерно или контролируют дорогу, ведущую к побережью и плодородным полям

Адриатического склона. Сольмона расположена в огромном саду, который в древности был озером, а с юга возвышаются крутые склоны горы Маджелла. Пополи, расположенный в устье ущелья, где Атерно принимает название Пескара, является одним из самых оживленных мест между морем и высокогорьем. Кьети, расположенный ниже по течению той же реки, считается первым городом в старой неаполитанской провинции, который ввел паровую энергию на своих прядильных фабриках и других заводах. Терамо и Ланчано также являются довольно важными городами, но единственные порты на побережье, Ортона и Васто, посещаются лишь небольшими прибрежными судами.⁹⁸

Небольшой район в Марке, соединенный с побережьем единственной дорогой, на протяжении веков сохранял свою независимость. Монте-Титано, возвышающийся в одной из самых красивых частей Апеннин, основание которого с незапамятных времен использовалось как карьер, на своей вершине несет старинный и знаменитый город Сан-Марино. С его башенных стен жители могут видеть восход солнца над Иллирийскими Альпами. Сан-Марино вместе с несколькими соседними деревнями составляет «самую прославленную» республику и в настоящее время является единственным независимым муниципалитетом Италии. Названный в честь далматинского каменщика, который жил отшельником на горе Титано, Сан-Марино существует как суверенное государство с IV века, и его жители всегда умели извлекать выгоду из ревности своих соседей. Однако конституция этой республики отнюдь не является демократической. Граждане, даже если они являются землевладельцами, не имеют права голоса и могут, в лучшем случае, выражать протест. Высшая власть принадлежит Совету из шестидесяти членов, состоящему из дворян, граждан и землевладельцев. Титул советника является наследственным в семье, и когда семья вымирает, остальные пятьдесят девять выбирают другого. Совет назначает различных должностных лиц, в том числе капитана города и капитана страны. Сан-Марино имеет свою небольшую армию, свой бюджет и свои монополии. Часть его доходов поступает от продажи титулов и орденов, а за 1400 фунтов стерлингов он даже создал герцогов, которые занимают место среди высшей знати королевства. Налогообложение является добровольным. Когда казна пуста, по городу ходит барабанщик, призывая к пожертвованиям. Несмотря на свою полную независимость, эта республика принимает субсидии от Италии и претендует на особую защиту короля. Ее преступники заключаются в итальянские тюрьмы, ее официальные документы печатаются в Италии, а итальянский судья занимает место в республиканском претории. В этом маленьком государстве нет типографии, поскольку Совет опасается, что из нее могут быть изданы книги, нежелательные для окружающего королевства.⁹⁹

Рис. 104. — РИМИНИ И САН-МАРИНО.
Масштаб 1 : 250 000.

VI. — ЮЖНАЯ ИТАЛИЯ, НЕАПОЛЬ.

Среди различных государств, которые были объединены в современное королевство Италия, Неаполь, хотя и уступает другим по численности населения и промышленности, занимает самую большую площадь.¹⁰⁰ Он охватывает всю южную половину полуострова, а его побережье имеет протяженность 995 миль. Раньше эта страна была более известна, чем любая другая часть Италии, как Магна Греция, но сейчас многие ее части практически неизвестны.

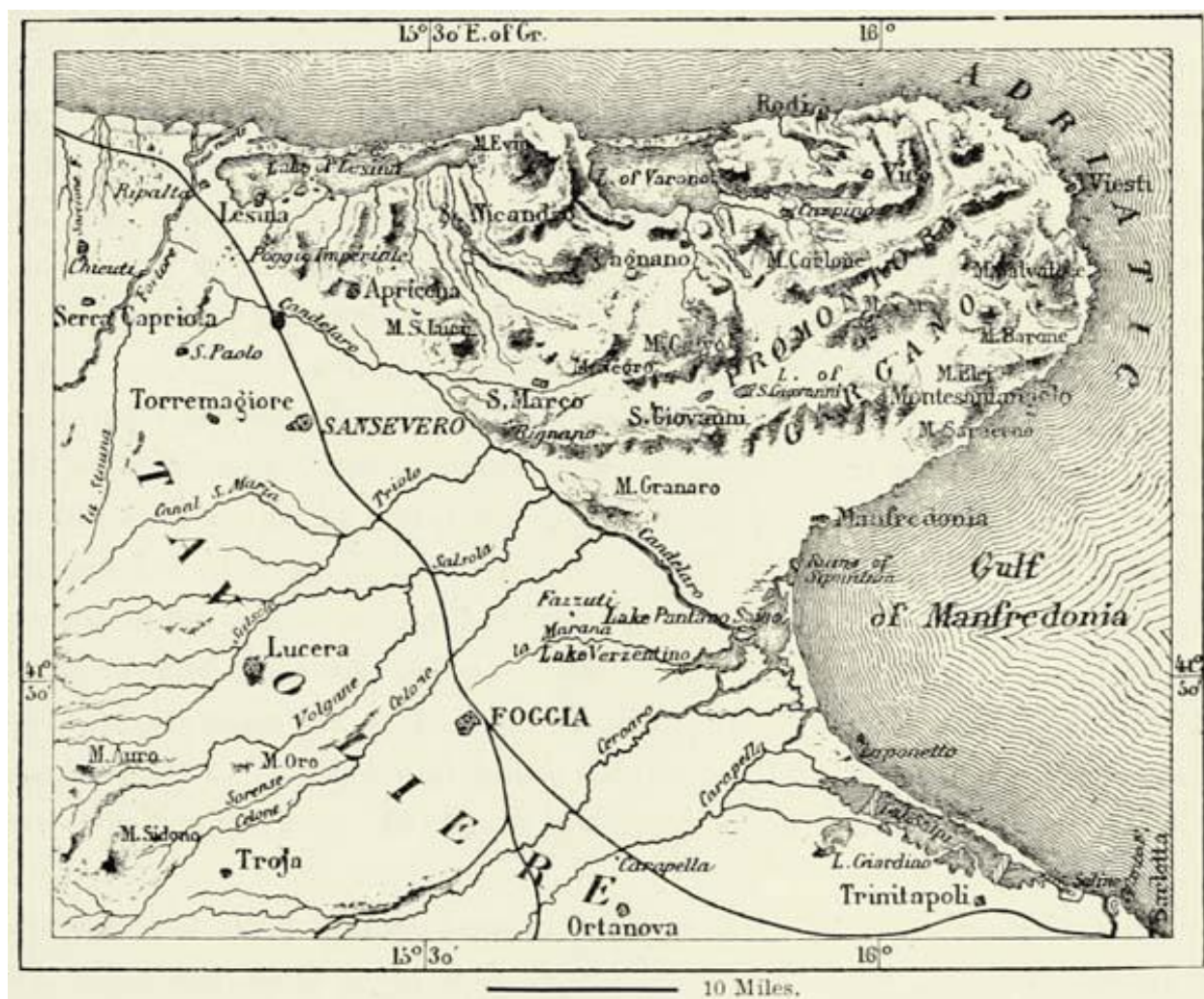
Апеннины Неаполя трудно назвать горной цепью. Они состоят скорее из отдельных горных групп, соединенных поперечными хребтами или возвышенными седловинами. В первой из этих групп зубчатый гребень Мета (7364 фута) возвышается над зоной деревьев и отделен от Абруццо глубокой долиной Сангро, которая впадает в Адриатическое море. Далее на юг, за долиной Изерния, где берет начало река Вольтурно, возвышаются горы Матезе, кульминацией которых является Милетто (6717 футов), последний оплот самнитов. Другие вершины, менее высокие, но столь же крутые и внушительные, возвышаются недалеко от Беневенто и Авеллино. Они изобилуют дикими ущельями, в которых было сражено много кровавых битв. Долина «Фурка Каудина», где римляне смирились перед самнитами и дали обещания, которые никогда не собирались выполнять, до сих пор можно увидеть на дороге из Неаполя в Беневенто. Память об этом событии жива в дороге Каударола и деревне Форкья д'Арпайя. Этот горный регион, который можно было бы назвать в честь его древних обитателей, соединен на юге с поперечной цепью, проходящей с востока на запад и заканчивающейся у мыса Кампанелло, к югу от Неаполитанского залива. Красивый остров Капри с его белыми скалами и пещерами, залитыми лазурными водами Средиземного моря, лежит у этого мыса.

Восточный склон меловых гор Неаполя полог и постепенно переходит в глинистые *тавольере*, или плоскогорья, образовавшиеся в плиоцене. *Тавольере де ла Апулья* — это, пожалуй, самая бесплодная и унылая часть Италии. Он изрезан террасами глубоких оврагов, по которым незначительные ручьи текут к Адриатическому морю, а населенные пункты нужно искать у устьев долин или вдоль магистральных дорог. Сама страна представляет собой обширную пустыню, покинутую всеми, кроме кочевых пастухов. Здесь нет кустарников, и самое большое растение, которое можно увидеть, — это вид фенхеля, образующий изгороди, разделяющие пастбища. Посреди этих равнин то тут, то там возвышаются хижины, похожие на гробницы или кучи камней. К счастью, старые феодальные обычаи, которые мешали возделыванию этих равнин и заставляли горцев прокладывать через свои поля широкие тропы, или *траттури*, для прохода овец, были отменены, и с каждым годом вид тавольере улучшается.

Эти тавольере полностью отделяют горы полуострова Гаргано — «шпоры» итальянского «сапога» — от Апеннин. Северные склоны этих скалистых гор по-прежнему покрыты лесами буков и сосен, которые дают лучшую смолу в Италии, а также зарослями рожковых деревьев и других растений, цветы которых пчелы превращают в восхитительный мед; но само название самой высокой вершины — Монте Кальво (5150 футов), или «лысая гора», — доказывает, что здесь, как и на остальной части полуострова, происходит прискорбное уничтожение лесов. В прежние времена ущелья Монте-Гаргано были заняты сарацинскими пиратами, которые долгое время сопротивлялись христианам, несмотря на множество святилищ, заменивших древние языческие храмы. Самым известным из них была церковь

на Монте-Сант-Анджело, в тылу Манфредонии, куда часто прибегали мореплаватели, собиравшиеся покинуть укрытие бухты и отправиться к опасным берегам Далмации или в открытое море.

Рис. 105. — МОНТЕ-ГАРГАНО.
Масштаб 1:950 000.

Неаполитанские Апеннины заканчиваются на юге древним вулканом Монте-Вультур (4356 футов). Дальше на юг местность постепенно понижается, превращаясь в плоскогорье, пересеченное глубокими ущельями, которые сбрасывают свои воды в трех направлениях — к заливу Салерно, заливу Таранто и Адриатическому морю. Апеннины, в отличие от того, что показано на старых картах, не раздвояются, а разделены на две части низким седлом Потенца, и на полуострове, образующем «каблук» Италии, встречаются только невысокие хребты и террасы.

Полуостров Калабрия, однако, является гористым и скалистым. Апеннины, недалеко от Лагонегро, снова поднимаются над лесной зоной. Монте Полино (7656 футов) является самой высокой вершиной в Неаполе. Группа гор, центром которой он является, занимает всю ширину полуострова, а вдоль его западного побережья образует стену утесов, еще менее доступных, чем утесы Лигурии. На юге она открывается в лесистые долины, где жители собирают манну, ценное лекарственное средство. Глубокая долина Крати отделяет эти горы

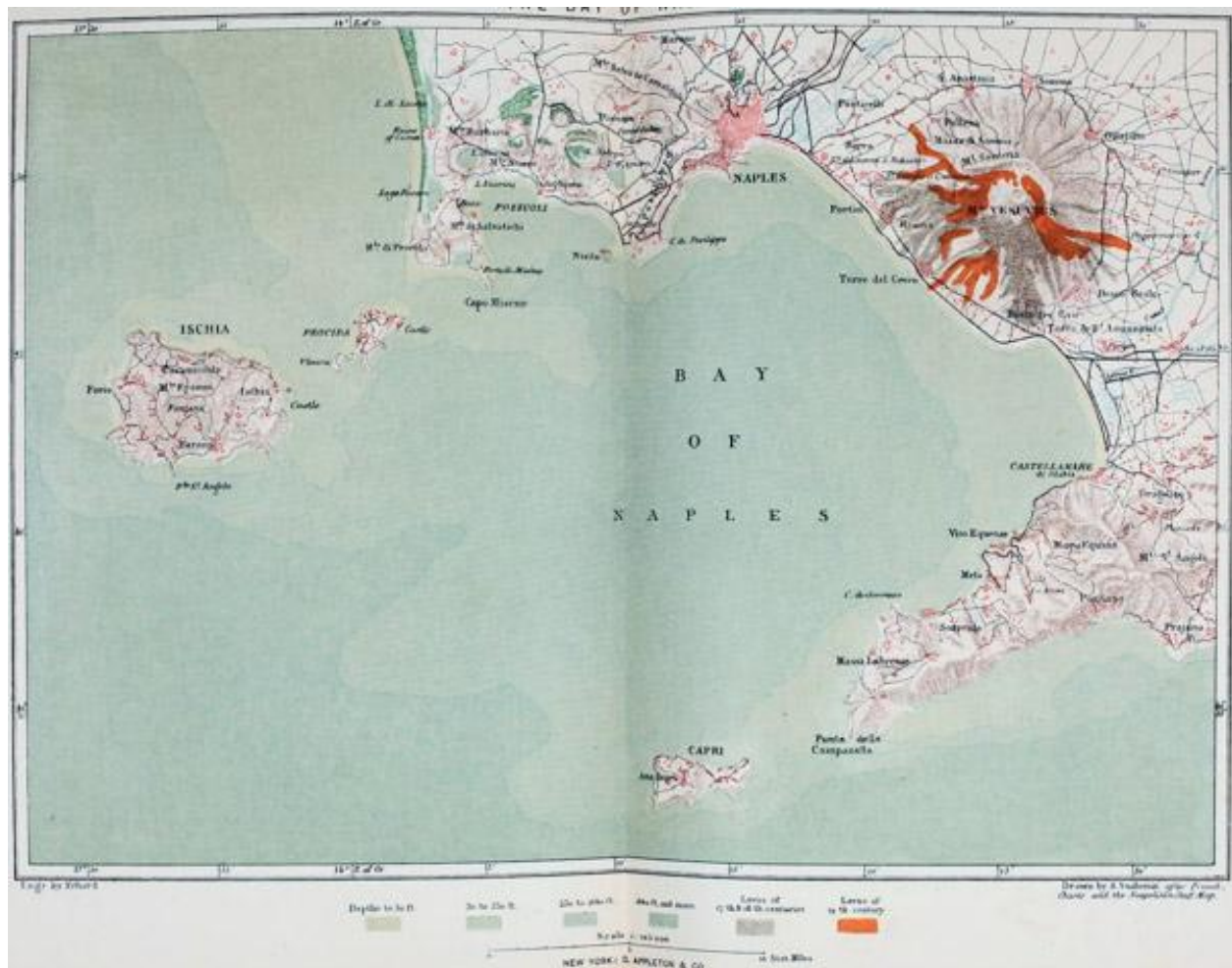
от Силы (5863 фута), которая состоит из гранитов и сланцев и до сих пор сохраняет свои древние леса, населенные разбойниками. Пастухи, которые пасут свои стада на полянах этих лесов, считаются потомками сарацин, которые ранее занимали эту «Страну Розина», под этим названием она была известна грекам.

К югу от изолированной Силы полуостров сужается до небольшой возвышенности, где приподнятые пляжи свидетельствуют о последовательных отступлениях моря. Третий горный массив кристаллического происхождения возвышается к югу от этой впадины, его изрезанные склоны покрыты лесами. Это Аспромонте (6263 фута), или «суровая гора». Один из его отрогов образует покрытый пальмами мыс Спартивенто, или «разделение ветров».

Неаполь, как и Лацио, имеет свои вулканические горы, которые образуют две нерегулярные цепи, одну на континенте, другую в Тирренском море, и, возможно, соединены под водой с вулканическими горами Липарских островов и горой Этна. Одной из них является Везувий, самый известный вулкан в мире, не из-за своей высоты или ужасающих извержений, а потому, что его история — это история целого народа, который сделал его лаву своим домом.

Едва мы покинули ущелье Гаэта и вошли в райскую Терра-ди-Лаворо, как наткнулись на первый вулкан, Рокка Монфина (3300 футов), возвышающийся между двумя известковыми горами, одна из которых — Массико, вина которой воспевал Гораций. Ни одно из извержений этого вулкана не зафиксировано, и сейчас на месте его разрушенного кратера расположена деревня. Судя по потокам лавы, окружающим его трахитовый конус, его извержения должны были быть грозными. Вся Кампания покрыта пеплом, выброшенным из него, на неизвестную глубину, а найденные в нем морские раковины доказывают, что весь этот регион, должно быть, был поднят в относительно недавнюю эпоху.

ЗАЛИВ НЕАПОЛЬ

Холмы, возвышающиеся к югу от Кампании, не могут похвастаться величию Рокка Монфина, но с древнейших времен они считаются одной из величайших достопримечательностей нашей земли. С высоты Камальдоли (518 футов) перед нами простираются Флегрейские поля. Зная о гораздо более грозных вулканах Явы и Анд, мы, возможно, не воспринимаем эту зеленую приморскую страну как регион ужасов. Но наши греко-римские предки смотрели на нее совсем другими глазами и, не в силах объяснить явления, свидетелями которых они были, приписывали их богам. Дрожащая земля, пламя, вырывающееся из скрытых печей, зияющие воронки, соединяющиеся с неизведанными пещерами, озера, исчезающие через нерегулярные промежутки времени, и другие, испускающие смертельные газы — все это оставило свой отпечаток в древней мифологии и поэзии. Во времена Страбона берега залива Бая стали излюбленным местом отдыха сластолюбивых людей, и на каждом мысе возвышались роскошные виллы; но ужас, внушаемый скрытыми пламенами и таинственными пещерами, еще не исчез. Говорили, что там находилось страшное оракуло, охраняемое киммерийцами, к которым должны были обращаться чужестранцы, желающие посоветоваться с богами. Эти троглодиты были обречены никогда не видеть солнца и покидали свои пещеры только ночью. Флегрейские поля также считались полем битвы гигантов, сражавшихся за владение плодородными

равнинами Кампании. В средние века Поццуоли считалось местом, откуда Христос спустился в ад.

Рис. 106. — ПЕПЕЛ КАМПАНИИ.
По данным Карла Фогта. Масштаб 1 : 835 400.

Число кратеров, которые еще можно различить, составляет двадцать. Если бы мы предположили, что эта местность лишена растительности, ее вид напоминал бы поверхность Луны. Даже город Неаполь занимает древний кратер, контуры которого почти стерлись. К западу от него еще можно проследить несколько старых кратеров, один из которых занимает туфовый мыс, увенчанный так называемой гробницей Вергилия. Пройдя через знаменитый грот Позилиппо, мы попадаем в Флегрейские поля. Слева от нас возвышается небольшой конический остров Нисита, древний кратер которого затоплен морем. Дальше мы доходим до кратера, известного как Сольфатара, Форум Вулкани древних. Его последнее извержение произошло в 1198 году, но он все еще выделяет сероводород. На севере находится парк Астрони. Внутренний склон его ограждающей стены чрезвычайно крутой, что делает невозможным побег оленей и кабанов, которых держат внутри. Единственный доступ к нему — через искусственный пролом. Другой кратер, менее правильной формы, теперь заполнен бурлящими водами озера Аньяно. Рядом с ним находится знаменитый Грот собак с источником углекислого газа. В окрестностях есть и другие источники газа и сернистой воды, которым Поццуоли обязан своим названием, которое, как говорят, означает «город зловоний». В свою очередь, город дал название земле, известной как поццуолана, которая является отличным материалом для производства цемента.

Уровень побережья залива Поццуоли неоднократно менялся, о чем свидетельствуют три колонны храма Сераписа. В доримскую эпоху этот храм вместе с пляжем, на котором он стоит, погрузился под воду, и его колонны, вероятно, были подвержены воздействию морской воды в течение многих лет, а может быть, и веков, поскольку на высоте до шести метров они покрыты трубками серпул и пронизаны бесчисленными отверстиями, просверленными фоларидами. Со временем он снова медленно поднялся над водой. Это произошло, возможно, в 1538 году, когда возник Монте Нуово. За короткий период в четыре дня этот новый вулкан высотой 490 футов поднялся над окружающей равниной и погреб под пеплом деревню Трипергола. У подножия утесов образовался пляж, ныне известный как Ла Старца, а два водоема к западу от Монте Нуово оказались отрезанными от моря. Один из них, Лаго Лукрино, славится своими устрицами; другой — Лаго д'Аверно, который Вергилий, в соответствии с античными легендами, описал как вход в подземный мир. Он занимает древний кратер, и его прозрачные воды изобилуют рыбой. Сейчас ядовитые газы не выделяются, и птицы безнаказанно летают над озером. Тем не менее, его окрестности по-прежнему преследуют воспоминания о старой языческой мифологии. Озеро Фусаро цицероны называют Ахероном; рядом с ним они указывают на логово Цербера; медленный поток Аква Морта отождествляется с Коцитом; озеро Лукрино, а точнее, источник рядом с ним, — со Стиксом; а остатки подземного прохода, соединявшего Аверно с морем, указываются как некогда существовавший грот Сивиллы. Жители Кум, основанных колонистами из Халкиды, руины которых до сих пор сохранились на побережье Средиземного моря, к востоку от Поццуоли, принесли с собой мифы Эллады, а греческая поэзия, которая овладела ими, сохранила их память.

Вполне уместно, что этот регион Тартара имеет свой контраст в Элизийских полях, и это название действительно было дано части полуострова Байи, который был главной достопримечательностью для сладострастных римлян и где Марий, Помпей, Цезарь, Август, Тиберий, Клавдий, Агриппина, Нерон и другие имели свои дворцы. В этих роскошных зданиях разыгралось немало страшных трагедий. Но сейчас от них почти не осталось и следа; природа вновь овладела этой землей, и единственной достопримечательностью

полуострова являются холмы из туфа и вулканы. Мыс Мисено — один из этих старых вулканов, и с его вершины открывается один из самых восхитительных видов в мире. Вся Неаполитанская бухта — «кусочек рая, упавший на нашу землю» — простирается под нами, а веселая Искья, грозный Капри, мыс Сорренто, Везувий, дома и виллы Неаполя заполняют пространство, ограниченное морем и далекими Апенниннами.

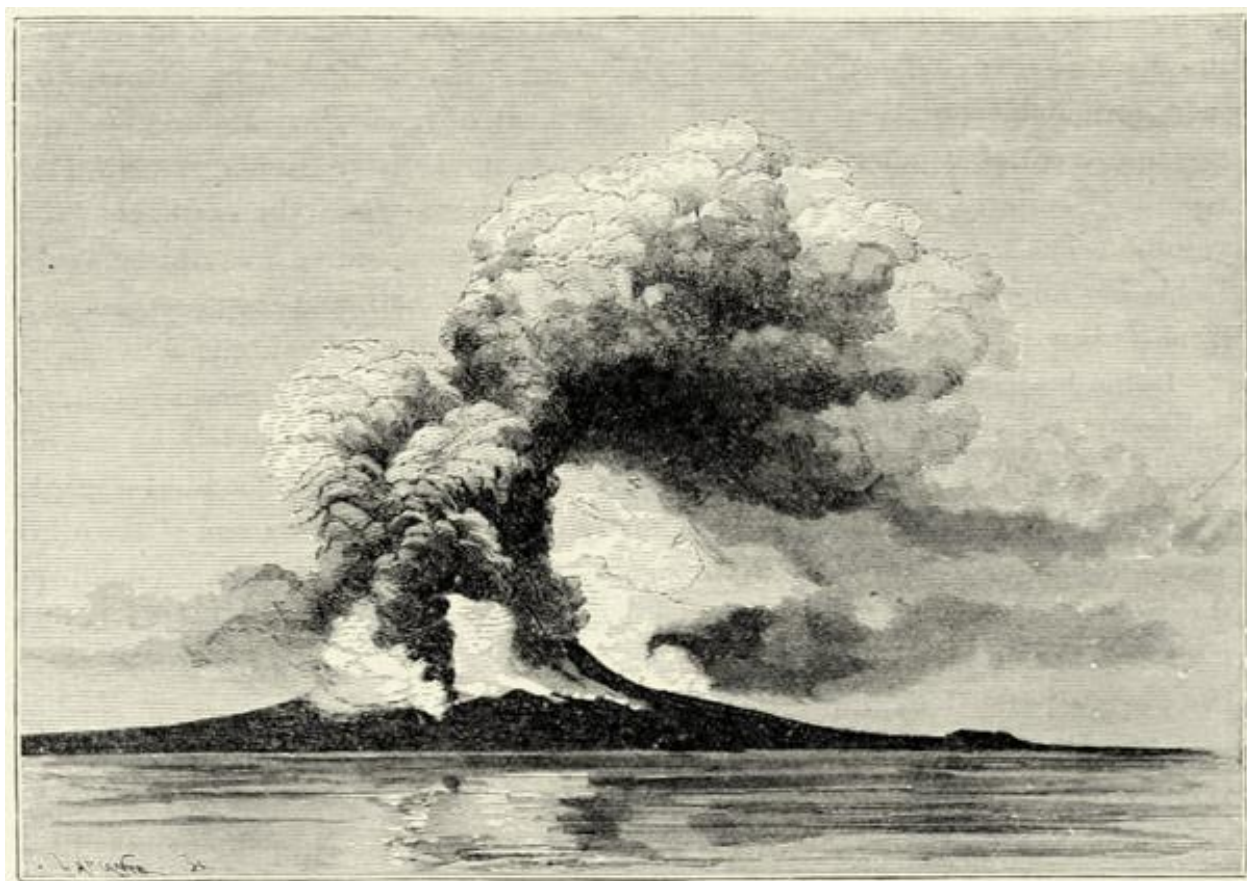
Остров Прочида соединяет Флегрейские поля с цепью островных вулканов, лежащих у залива Гаэта. Искья — самый важный из них, а его вулкан Эпомео (2520 футов) по высоте почти не уступает Везувия. Одно из самых страшных извержений произошло в 1302 году, в то время, когда Везувий был в состоянии покоя, но после того, как последний возобновил свою деятельность, Искья оставалась в состоянии покоя. Точно так же, когда Монте Нуово был извергнут из земли, огромный вулкан уснул на целых сто тридцать лет. Искья не знала извержений в течение пяти с половиной веков, и газы, выделяющиеся из ее тридцати или сорока горячих источников, являются сейчас единственными признаками вулканической активности.

Искья, безусловно, поднялась в относительно недавнюю эпоху, поскольку ее трахитовые лавы во многих местах лежат на глинах и мергелях, содержащих морские раковины живых средиземноморских видов. Некоторые из них были найдены на высоте почти 2000 футов. В настоящее время туфовые породы Искьи и других вулканических островов к западу от нее смываются морем. Вентотене, древняя Пандатария, куда были сосланы римские принцессы, сейчас представляет собой не более чем кучу шлака. Понца, также место ссылки римлян, в результате эрозионного воздействия моря разделилась на несколько небольших островов. Ее лавы лежат на юрских породах, во всех отношениях схожих с породами Монте-Чирчелло на ближайшем к ней побережье.

Везувий (4100 футов), гордость и страх неаполитанцев, в доисторические времена также был островом. Об этом свидетельствуют морские раковины, найденные в туфе Монте-Сомма, а на востоке вулкан по-прежнему окружен равнинами, лишь немного возвышающимися над уровнем моря. Раньше гора была покрыта зеленью вплоть до самой вершины, но взрыв 79 года н. э. разрушил ее конус, а выброшенный в воздух пепел окутал всю страну тьмой. Даже в Риме солнце было скрыто, и люди поверили, что наступила эпоха тьмы. Когда наконец свет снова появился, оказалось, что облик страны претерпел удивительные изменения. Гора потеряла свою форму, плодородные поля были скрыты под массой обломков, а целые города оказались погребены под пеплом.

С тех пор Везувий много раз извергал лаву и пепел. Периодичность этих извержений не была установлена, и перерывы между ними обычно были достаточно длительными, чтобы растительность могла восстановить свое господство. Но с XVII века эти извержения стали более частыми, и почти не проходит и десятилетия без одного или нескольких из них. Каждое из них изменяет контуры горы, центральный жерл которой претерпел много изменений. Полумесяцеобразная масса обломков, окружающая старый кратер, известная как Атрио-дель-Кавалло, несомненно, была выше до великого извержения 79 года, чем сейчас. Близость Неаполя облегчила изучение явлений, сопровождающих вулканические извержения, и рядом с конусом извержения была построена постоянно действующая обсерватория.

Рис. 107. ИЗВЕРЖЕНИЕ ВУЛКАНА ВЕЗУВ, 26 АПРЕЛЯ 1872 ГОДА.

Окрестности Везувия, как и всех других вулканов, богаты горячими и газовыми источниками, но здесь нет вспомогательных кратеров. Ближайший вулкан — Монте-Вультур (4356 футов), правильный конус на восточном склоне полуострова. Его размеры превосходят размеры Везувия, но извержений не зафиксировано, хотя из двух озер, занимающих дно его огромного кратера, по-прежнему происходит небольшой выброс углекислого газа. На линии, соединяющей Искью, Везувий и Монте-Вультур, примерно на полпути между двумя последними, мы встречаем самый обильный источник углекислого газа в Италии. Газ выходит с шипением из пруда Ансанто, а земля вокруг источника покрыта остатками насекомых, погибших мириадами под воздействием ядовитого воздуха. Рядом с ним римляне воздвигли храм в честь Юноны Мефитической.

Бедствия, вызванные извержениями вулканов, несомненно, велики, но они превосходят по масштабам бедствия, вызванные землетрясениями. Некоторые из них, несомненно, вызваны подземным смещением лавы, и поэтому, когда Везувий начинает пробуждаться, Торре-дель-Греко и другие города у его подножия подвергаются риску быть погребенными под пеплом или разрушенными землетрясениями. Но Базиликата и Калабрия, то есть две провинции, расположенные между вулканическими очагами Везувия и Этны, много раз подвергались землетрясениям, происхождение которых не может быть связано с вулканической деятельностью. Из тысячи землетрясений, зарегистрированных в Южной Италии за последние три столетия, почти все произошли в названных провинциях и иногда сопровождались самыми катастрофическими последствиями. Землетрясение 1857 года унесло жизни 10 000 человек в Потенце и ее окрестностях, но самое катастрофическое из этих событий произошло в 1785 году в южной Калабрии. Первый толчок, который исходил из очага под городом Оппидо в горах Аспромонте, длился всего сто секунд, но за это

короткое время 109 городов и деревень были разрушены, а 32 000 их жителей оказались погребены под руинами. В земле образовались трещины; реки исчезли, чтобы вновь появиться ниже в виде озер; жидкая глина стекала по склонам холмов, как лава, превращая плодородные поля в бесплодные пустоши. К этим ужасам добавилось волнение моря. Многие жители Сциллы, боясь оставаться на дрожащей земле, бежали к своим лодкам, когда огромная масса камней откололась от соседней горы и, упав в море, вызвала волну, которая опрокинула лодки и выбросила их обломки на берег. Нехватка продовольствия привела к голоду, а за ним, как обычно, последовал тиф.

Мы пока не умеем предсказывать землетрясения и можем защититься от них только с помощью соответствующей конструкции наших жилищ. Однако существует еще одна причина бедствий и депопуляции, с которой неаполитанцы могли бы успешно бороться, как это делали их предки. Во времена греков болота вдоль побережья были, безусловно, менее обширными, чем сейчас. Войны и возврат к варварству привели к запустению рек и ухудшению климата. Байя, когда-то славившаяся своим здоровым климатом, стала очагом малярии. Сибарис, город роскоши и удовольствий, был вытеснен лихорадочной равниной, «пожирающей больше людей, чем она способна прокормить». Эти болотные миазмы, бедность и невежество уничтожают население Апулии, Базиликаты и Калабрии. Даже некоторые азиатские болезни, такие как слоновая болезнь и проказа, опустошают страну, которая, благодаря своей редкой плодородности и прекрасному климату, должна была бы наслаждаться величайшим процветанием.

Континентальная Сицилия действительно является благоприятным регионом, и ее восточные склоны, в особенности, могли бы быть превращены в один огромный сад, поскольку там выпадает обильное количество осадков. Неаполь имеет полутропический климат, и его зимняя температура едва ли уступает среднегодовой температуре Лондона. Снег выпадает очень редко и остается на вершинах холмов всего на несколько недель.¹⁰¹ Растительность вдоль побережья отличается тропической пышностью. Апельсины и лимоны дают отличные плоды; финиковые пальмы поднимают свои веерообразные листья и иногда плодоносят; американская агава протягивает свои ветви, похожие на канделябры; сахарный тростник, хлопок и другие промышленные растения, которые в других частях Европы почти никогда не встречаются за пределами теплиц, растут на полях. В лесах Калабрии оливковое дерево дает столько же тени, сколько у нас бук. Даже на голых скалах побережья растут отличные виноград и садовые фрукты. Неаполь, Сицилия, Андалусия и некоторые районы Греции и Малой Азии воплощают наш идеал субтропической зоны, и только вересковые пустоши на склонах Адриатики и в верхних долинах Апеннин напоминают нам, что мы все еще находимся в Центральной Европе.

Эта восхитительная страна населена людьми самого разнообразного происхождения. Прошло уже 2300 лет с тех пор, как самниты заняли всю ее территорию от моря до моря. Они были более многочисленны, чем римляне, и могли бы завоевать всю Италию, если бы между ними была большая сплоченность и часть того организаторского таланта, который составлял силу их противников. Но они были разделены на пять племен, каждое из которых говорило на своем диалекте; и пока самниты из гор ссорились со своими соплеменниками из равнин, последние враждовали с эллинизированными самнитами, которые жили рядом с греческими городами на побережье.

Все побережье южной Италии, от Кумы, основанной более тысячи лет до нашей эры, до Сипунта, руины которого сохранились недалеко от современной Манфредонии, было усеяно греческими колониями. В этих районах Южной Италии большая часть населения имеет совсем другое происхождение, чем в других частях полуострова. К северу от Монте-Гаргано преобладают кельтские, этрусские и латинские элементы, в то время как на юге доминируют эллины, пеласги и родственные народы. Не только цивилизованные греки основали там свои колонии, но и коренное население, иапиги, говорило на диалекте, родственном греческому, и Моммзен, возможно, прав, когда предполагает, что эти иапиги были того же происхождения, что и современные албанцы.

Позже эти южные итальянцы были вынуждены подчиниться римлянам, которые основали среди них военные колонии, но так и не смогли полностью латинизировать их. Когда Римская империя распалась, византийские цезари еще долгое время удерживали свои позиции в южной Италии, и греческий язык вновь стал преобладающим, но постепенно верх взяли романские диалекты. Жители вернулись к состоянию варварства, но в значительной степени сохранили свой язык и обычаи, и даже сейчас на юге есть районы, которые скорее выглядят итальянскими, чем являются таковыми на самом деле, а в восьми деревнях Терра-д'Отранто до сих пор говорят на эллинском диалекте Пелопоннеса. Такие города, как Неаполь, Никастро, Таранто, Галлиполи, Монополи и другие, сохранив свои звучные греческие названия, также сохранили многие черты, напоминающие о временах Великой Греции.

Реджо, то есть «город пролива», по-видимому, сохранил использование греческого языка гораздо дольше, чем любой другой город, и его патриции, которые хвастались тем, что были чистыми ионийцами, еще в конце XIII века говорили на языке своих предков. В нескольких отдаленных городах внутренних районов греческий язык ранее был в общем употреблении. Старые народные песни Бовы, небольшого городка на южной оконечности Италии, написаны на ионийском диалекте, который больше похож на язык Ксенофонта, чем на современный греческий. До недавнего времени крестьяне в окрестностях Роккафорте-дель-Греко, Кондофури и Кардето говорили по-гречески, и когда они появлялись перед магистратом, им требовался переводчик. В настоящее время все молодые люди говорят по-итальянски; старый язык забыт, но греческий тип остался. Мужчины и женщины Кардето славятся своей красотой, особенно последние. «Они — Минервы», — говорит нам местный историк. Их основной заработок — кормление грудью детей жителей Реджо. Женщины Баньяры, между Сциллой и Пальми, также удивительно красивы, но их черты лица суровы, выдавая арабскую кровь, и им не хватает благородного спокойствия греков.

Говорят, что женщины греческих деревень Калабрии до сих пор имеют обыкновение исполнять священный танец, который длится часами и напоминает изображения, которые мы видим на древних вазах, только они танцуют перед церковью, а не перед храмом, и их церемонии благословляются христианскими священниками. Похороны сопровождаются плачущими женщинами, которые собирают свои слезы в лакриматории. В других местах, например в окрестностях Таренто, дети посвящают свои волосы манам своих предков. Старые нравы, не менее старых обычаев, сохранились. Женщина по-прежнему считается низшим существом, и даже в Реджо жены граждан или дворян, уважающих древние традиции, ограничивают себя гинекеем. Они не ходят в театр, редко выходят из дома, а когда гуляют за границей, их сопровождают босоногие слуги, а не их мужья.

Помимо самнитов, иапигов и греков, которые составляют основную часть населения южной Италии, мы встречаем этрусков в Кампании; сарацин на полуострове Гаргано () в

Кампании, в приморских районах Реджо, Баньяра и других прибрежных городах; лангобардов в Беневенто, которые сохранили свой язык до XI века; норманами, от которых, как полагают, произошли пастухи на холмах; и испанцами в нескольких прибрежных городах, особенно в Барлетте, в Апулии. Албанцы, вероятно, составляют самую многочисленную группу среди всех иностранцев, проживающих в настоящее время в Южной Италии. Они многочисленны на всем восточном склоне полуострова, от мыса Гаргано до самой южной точки Калабрии. Один из их кланов прибыл в Италию в 1440 году, но основная часть прибыла только во второй половине XV века, после того как героическое сопротивление Скандербегу было сломлено турками. Победенные скипетары были вынуждены эмигрировать, чтобы избежать ига турок, и были с распростертыми объятиями приняты королями Неаполя, которые предоставили им несколько заброшенных деревень, которые сейчас являются одними из самых процветающих в Южной Италии. Потомки этих скипетаров, проживающие в основном в Базиликате и Калабрии, относятся к числу самых полезных граждан страны. Они играют ведущую роль в интеллектуальном возрождении старого королевства Неаполь и были первыми, кто присоединился к освободительной армии Гарибальди. Многие из них итальянизировались, но все еще остается более 80 000 человек, которые не забыли ни своего происхождения, ни своего языка.

Неаполитанцы, без сомнения, являются одной из самых прекрасных рас Европы. Калабрийцы, горцы Молизе и крестьяне Базиликаты настолько пропорциональны, стройны, гибки и ловки, что их невысокий рост по сравнению с народами Севера едва ли может быть предметом упреков; а благородство и выразительность лиц неаполитанских женщин с лихвой компенсируют неровности, с которыми мы часто сталкиваемся. Лица детей с их большими черными глазами и красивыми губами сияют интеллектом, но жалкое существование, к которому обречены слишком многие из них, быстро уродует их физиономию. Несмотря на свою крайнюю невежественность, неаполитанцы, тем не менее, обладают замечательными природными дарами. Страна, которая с дней Пифагора дала миру столько великих людей, ни в чем не уступает другим; ее философы, историки и юристы оказали мощное влияние на развитие человеческой мысли; и число великих музыкантов, которых она дала миру, пропорционально велико.

Тем не менее, во многих отношениях жители Южной Италии занимают самое низкое место среди народов Европы. Со времени уничтожения греческих республиканских городов страна подвергалась иностранному господству, которое либо опустошало ее, либо систематически угнетало ее жителей. За исключением Амальфи, ни одному другому городу не было предоставлено право самоуправления на длительный срок. Само положение страны подвергало ее опасностям. Расположенная в центре Средиземного моря, она находилась на пути всех пиратов и захватчиков, будь то сарацины или норманны, испанцы или французы, а отсутствие какой-либо естественной связи между ее различными районами не позволяло ее населению организовать единое сопротивление нападениям иностранных захватчиков. В южной Италии нет речных бассейнов Ломбардии, Тосканы, Умбрии или Рима; здесь нет, так сказать, центра тяжести, и страна разбита на отдельные части, не имеющие ничего общего.

Правительство, под властью которого жили неаполитанцы до недавнего времени, было крайне унижительным. «Я не требую от своего народа думать», — говорил король Неаполя Фердинанд II. Идеи, которые не нравились властям, наказывались как преступления, и процветать могли только нищета и моральная развращенность. Наука была вынуждена жить в уединении; история искала убежища в катакомбах археологии; а литература была коррумпированной или легкомысленной. Из неаполитанцев, которые не эмигрировали,

лишь очень немногие стали известными. Школы были практически неизвестны за пределами крупных городов, а там, где они существовали, находились под надзором полиции. На людей, умеющих читать и писать, смотрели с подозрением, и, чтобы не быть обвиненными в принадлежности к какому-либо тайному обществу, они были вынуждены притворяться лицемерами. Старые суеверия существуют в полной силе, а языческие галлюцинации греков и иапигийцев все еще сохраняются. Идолопоклонник-неаполитанец падает ниц перед статуей святого Януария, но обрушивает проклятия на голову своего святого, если его чудодейственная кровь не разжижается быстро. Подобные суеверия существуют почти в каждом городе Неаполя. У каждого из них есть свой покровитель или божество, которое, если оно не защищает свой народ, рассматривается как общий враг. Еще в 1858 году жители Калабрии, раздраженные засухой, посадили своих почитаемых святых в тюрьму; а Барлетта примерно в то же время удостоилась печальной чести стать последним городом в Европе, где протестантов сжигали заживо. Таков фанатизм, с которым все еще сталкиваются во второй половине XIX века!^{[102](#)}

Рис. 108. — ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КАРТА ИТАЛИИ.

Одно из величайших суеверий неаполитанцев связано с «сглазом». Несчастный человек, у которого нос похож на боевой топор, а глаза большие и круглые, считается *jettatore* и избегается как роковое существо. Если по несчастной случайности его взгляд падает на какого-нибудь несчастного человека, считается необходимым нейтрализовать его влияние с помощью амулета, напоминающего древнее «*фасциум*», или каким-либо другим не менее мощным средством. Коралловые амулеты считаются наиболее эффективными, и многие, кто притворяется, что не верит в их силу, первыми же начинают ими пользоваться. Крестьяне Калабрии носят на груди изображение своего святого покровителя и защищают свой скот и дома с помощью изображений святых или домашних богов. В Реджо у двери или на балконе каждого дома можно увидеть кактус, который был помещен там, чтобы отгонять злые влияния, и который повсеместно известен как *l'albero del mal'occhio* (дерево злого глаза).

Помимо суеверий, большим бедствием южной Италии является разбойничество. Само название Калабрия вызывает в нашем воображении образы живописных разбойников, вооруженных карабинами. К сожалению, калабрийский разбойник — это не миф, придуманный для нужд сцены. Он действительно существует, и ни суровость законов, принятых против него, ни политические изменения не привели к его истреблению. Во многих случаях, после успешной охоты на разбойников, власти поздравляли себя с тем, что избавили страну от этого бедствия, но оно регулярно возрождалось.

На Сардинии и Корсике крестьяне берут в руки оружие из желания мести, а в Калабрии — из-за бедности. Феодализм, хотя и отмененный номинально, все еще процветает в этой стране. Почти вся земля принадлежит нескольким крупным землевладельцам, а крестьяне, или *кафоре*, обречены на жизнь в тяжелом труде за мизерную плату. В годы изобилия, когда ржи, каштанов и вина хватает на нужды его семьи, он работает без ропота, но в годы нехватки процветает разбойничество. Разбойник, или *gualano*, считает феодала общим врагом, крадет его скот, поджигает его дом и даже берет его в плен, освобождая только после уплаты большого выкупа. Некоторые из этих бандитов становятся настоящими дикими зверями, жаждущими крови; но пока они ограничиваются мстью за обиды, они могут рассчитывать на соучастие всех других крестьян. Пастухи из гор снабжают их молоком и едой, предоставляют им информацию и вводят в заблуждение карабинеров, посланных за ними. Все бедняки объединяются в их пользу и отказываются давать против них показания. Более того, большинство этих неаполитанских бандитов, по-своему добросовестных, чрезвычайно набожны. Они клянутся Девой Марией или каким-нибудь святым покровителем, которому обещают часть своей добычи, и религиозно кладут обещанную долю на алтарь. Не довольствуясь ношением амулетов по всему телу, чтобы отклонять пули, они, как говорят, иногда помещают освященную облатку в надрез, который делают на руке, веря, что это сделает их собственные пули смертоносными.

Страшная бедность южноитальянского крестьянства привела к другой практике, еще худшей, чем разбойничество. Иностранные спекулянты, как христиане, так и евреи, путешествуют по стране, и особенно по Базиликате, с целью покупки детей, с которыми их бедные родители готовы расстаться за гроши. Чем умнее и красивее ребенок, тем больше вероятность того, что он попадет в руки этих торговцев человеческим мясом. Последним грозит наказание по закону, но обычаи и подлые пособники позволяют им уклоняться от него и перевозить свой живой товар во Францию, Англию, Германию и даже Америку, где дети превращаются в акробатов, уличных музыкантов или простых нищих. Шансы этой

постыдной торговли были тщательно просчитаны, и потери, связанные со смертностью и расходами на поездки, более чем покрываются доходами от детей (). Виджано, небольшой городок в Базиликате, особенно страдает от этих торговцев, поскольку его жители обладают природным даром к музыке.

Добровольная эмиграция растет, и если бы не препятствия, создаваемые молодым людям, подлежащим призыву в армию, некоторые районы быстро опустели бы в пользу Южной Америки. Остаются только самые бедные крестьяне. Эта эмиграция в значительной степени влияет на обычаи страны и, вместе с железными дорогами и фабриками, несомненно, приведет к ассимиляции южной Италии с остальной частью полуострова. Разбойничество и торговля детьми, несомненно, исчезнут, но на их место, вероятно, придет пролетариат промышленных городов.

В настоящее время Неаполь является почти исключительно сельскохозяйственной страной. Тавольери Апулии и холмы, которые их окружают, по-прежнему остаются в основном пастбищными землями, но большая часть продуктивных земель Неаполя находится под пашней. Как и во времена римлян, основными продуктами являются зерновые, масло и вино, но в дополнение к ним выращиваются табак, хлопок, марена и несколько других растений, используемых в производстве. При должном уходе эти продукты могут достичь редкой степени совершенства. Даже сейчас масло из Апулии успешно конкурирует с маслом из Ниццы, а вина, выращенные на шлаках Везувия, пользуются своей древней славой: фалернское вино Горация, выращенное в Флегрейских полях, соперничает за первенство с *Lachrymæ Christi* из Везувия и белым вином из Капри.

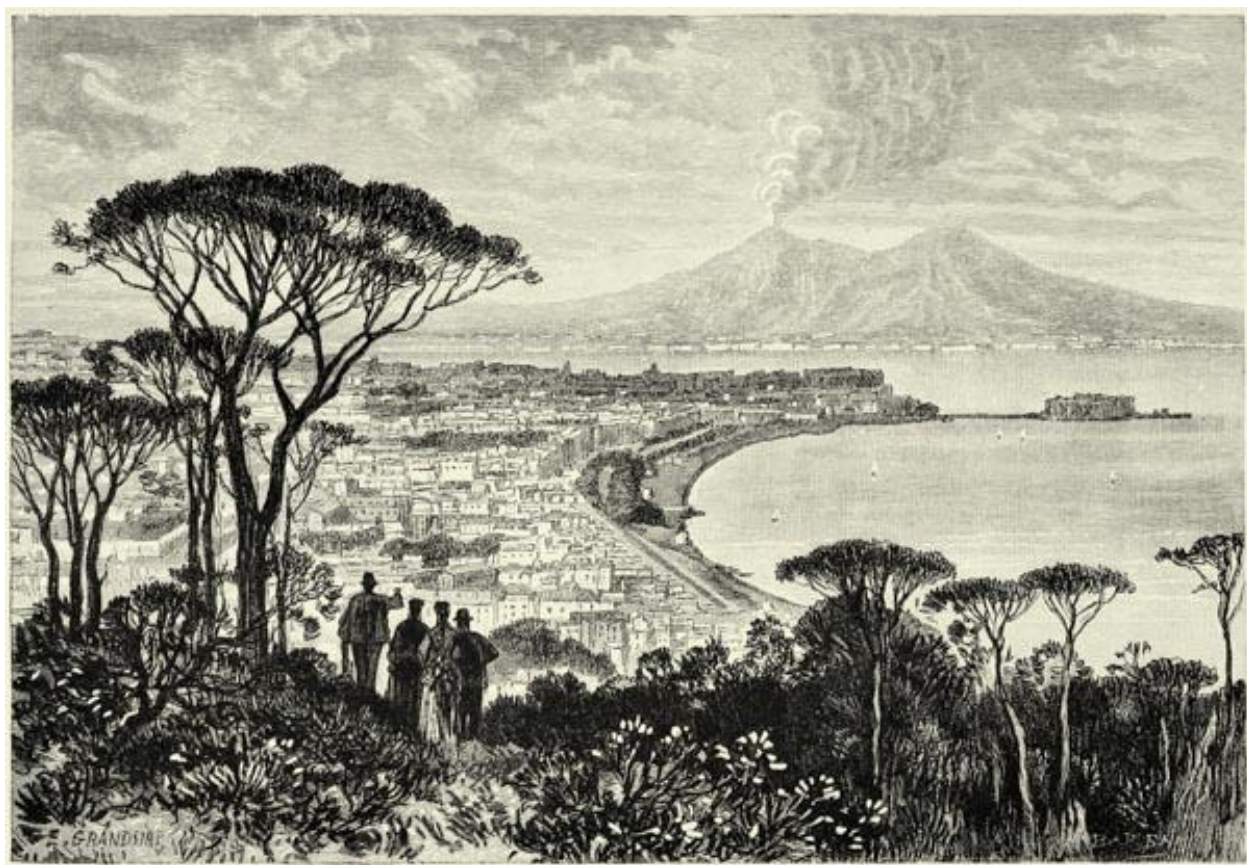
Сельскохозяйственная продукция Неаполя почти исключительно поступает из прибрежных районов, а торговля в основном осуществляется на прибрежных судах. Внутренние районы в значительной степени бесплодны, и там нет металлоносных жил, которые могли бы привлечь население.

Южная Италия не имеет естественного центра, и, поскольку ее жизнь всегда была эксцентричной и морской, вполне естественно, что все крупные города возникли на побережье. Две тысячи лет назад, когда Греция была цивилизованной страной, а Западная Европа погрузилась в варварство, самые важные города располагались на Ионическом море, обращенном к востоку. Но когда Рим стал господствовать над миром, Магна Греция была вынуждена изменить свое положение, и Неаполь стал преемником Сибариса и Тарента. Это выгодное положение он сохранил до наших дней, когда Западная Европа стала центром цивилизации. Волна истории пронеслась над Тарентом и Сибарисом, и в то время как прекрасный порт первого города теперь заброшен, второй, когда-то самый большой город Италии, полностью исчез.

Неаполь, «новый город» кумаев, на протяжении веков был самым густонаселенным городом Италии, и даже сейчас число его жителей в два раза превышает число жителей Рима. Во времена Страбона Неаполь был большим городом. Греки, которые заработали деньги, преподавая или занимаясь другими делами, и которые хотели закончить свои дни в мирном покое, уезжали на покой в этот красивый город, где преобладали греческие нравы, а климат напоминал климат их родной страны. Многие римляне последовали их примеру, и Неаполь, вместе с многочисленными небольшими городами, разбросанными по берегам его великолепной бухты, стал таким образом местом отдыха и удовольствий. В настоящее время он привлекает людей со всего мира, которые наслаждаются его красотами и шумной веселостью его жителей — «мастеров искусства кричать», как называл их Альфиери. Вид с высоты Каподимонте и других холмов, окружающих огромный город, полон красоты: мысы

выступают в голубые воды, острова самых разных цветов разбросаны по заливу, сияющие города тянутся у подножия зеленых холмов, а корабли плывут по волнам. Глядя вглубь суши, мы видим серую вершину Везувия, которая, зловеще светясь ночью и всегда угрожая, придает этой сладострастной картине некоторую долю опасности.

Неаполитанцы — действительно счастливый народ, если такое определение можно применить к какой-либо части человечества. Они умеют наслаждаться дарами природы и, при необходимости, довольствуются очень малым. Обладая природной интеллигентностью, они способны на любые предприятия, но, поскольку ненавидят работу, быстро бросают начатое и оправдывают свою неудачу. Путешественники раньше любили описывать тот любопытный тип, *лаццароне*, праздношатающегося человека, который, закутавшись в лохмотья, спал на пляже или в притворе церкви и презирал работу, заработав мизерную сумму, достаточную для его скромных нужд. Еще осталось несколько представителей этого типа, но материальные потребности нашего времени поглотили большинство этих праздношатающихся оборванцев и превратили их в рабочих. Другие пали жертвой болезней, поскольку не знали ничего о санитарных законах и жили в сырых подвалах, или *басси*, под дворцами богачей. Неаполь вносит свой вклад в промышленное производство полуострова. Основными производимыми товарами являются макароны и другие мучные изделия, ткани, шелка, известные как *gros de Naples*, стекло, фарфор, музыкальные инструменты, искусственные цветы, украшения и все, что входит в повседневное потребление большого города. Его мастера по обработке кораллов славятся своим мастерством, а Сорренто, недалеко от Неаполя, поставляет высоко ценимые шкатулки для рукоделия, шкатулки для драгоценностей и другие изделия, вырезанные из пальмового дерева. Верфи Кастелламаре-ди-Стабия являются самыми загруженными в Италии, за исключением верфей Генуи и Специи. Моряки залива не уступают лигурийцам в мореходстве и превосходят их в рыболовстве. Жители Торре-дель-Греко, занимающиеся ловлей кораллов, хорошо знакомы с подводной топографией побережья Сардинии, Сицилии и Барбарии, и малейшее движение воздуха или воды открывает им явления, которые остаются скрытыми для всех остальных. Они владеют около 400 рыбацкими лодками, которые отправляются в море все вместе, и их возвращение после успешного сезона представляет собой зрелище, которое даже в Италии можно увидеть редко.^{[103](#)}

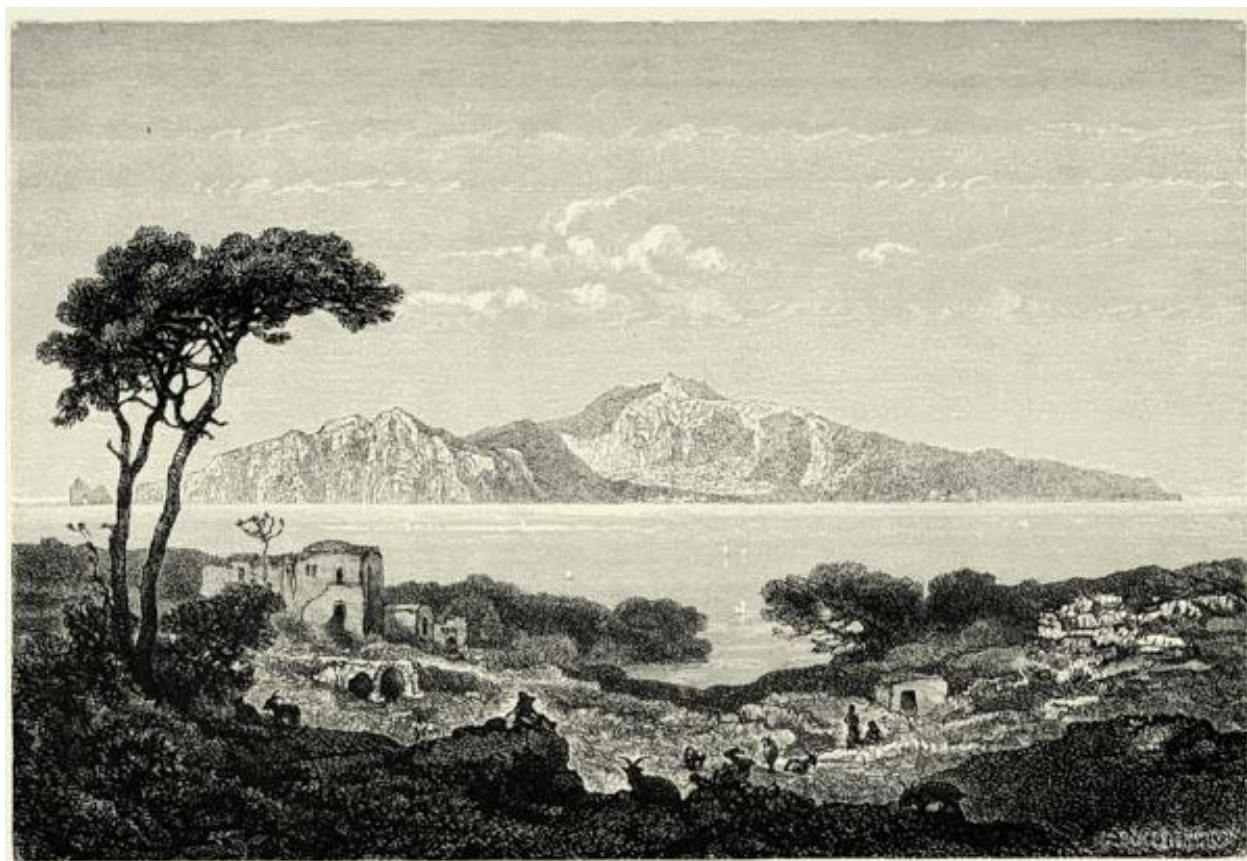
НЕАПОЛЬ.

Неаполь с его великолепной бухтой и плодородными землями Кампании и Терра-ди-Лаворо, расположенными поблизости, не мог не стать великим торговым городом, и если он уступает в этом отношении Генуе, то только потому, что не находится на главной магистрали международной торговли. Страна, зависящая от него, имеет сравнительно небольшую площадь; только одна железнодорожная линия пересекает Апеннины; и путешественники, следующие по горной дороге в Таранто, даже сейчас не вполне защищены от разбойников. Внешняя торговля города ведется в основном с Англией и Францией, а каботажная торговля имеет сравнительно большое значение. [104](#)

Рис. 109. — ПОМПЕИ.

Из карты штаба Неаполя. Масштаб 1:35 000.

чем римские; и, прежде всего, римским городом Помпеи, который был раскопан из пепла Везувия, под которым он пролежал погребенным в течение семнадцати веков. Эти раскопки не просто восстановили перед нами город мертвых с его улицами и гробницами, храмами, рынками и амфитеатрами, но и дали нам представление о жизни провинциального римского города. Когда мы смотрим на надписи на стенах и восковых табличках, на прерванную работу, на мумифицированные тела в позе бегства, нам почти кажется, что мы были свидетелями катастрофы, поразившей город. Ни один другой погребенный город не давал нам столь поразительного контраста между бурной жизнью и тишиной смерти. Несмотря на сто лет раскопок, нам открыта лишь половина города. Геркуланум погребен под слоем лавы толщиной шестьдесят футов, на котором были построены дома Резины, Портичи и других пригородов Неаполя, и лишь немногие из его тайн были раскрыты нам. О Стабиях, которые лежат под городом Кастелламаре, недалеко от пляжа, мы почти ничего не знаем.

КАПРИ, ВИД ИЗ МАССА-ЛУБРЕНСЕ.

Вокруг Неаполя расположено множество густонаселенных городов, соперничающих с ним по красоте. На юге, на берегу залива, находятся Портичи, Резина, Торре-дель-Греко, Торре-дель-Аннунциата, Кастелламаре и милый Сорренто с его восхитительным климатом, очаровательными виллами и оливковыми рощами. У мыса Кампанелла, напротив вулканических островов Искья и Прочида, на другом конце залива, возвышаются крутые скалы Капри, полные воспоминаний об отвратительном Тиберии, *Тимберлио* для местных жителей. Еще один залив открывается к югу от этой бесплодной массы известняка, вход в который охраняют островки Сирен, которые тщетно пытались околдовать мудрого Одиссея. Эта бухта по красоте почти не уступает неаполитанской; ее берега столь же плодородны, но ни один из трех городов, Паэстум, Амальфи и Салерно, которые поочередно давали ей название, не сохранил своего значения надолго. Амальфи, могущественная торговая республика средневековья, чей кодекс был принят всеми морскими нациями, сейчас почти опустела и укрывает в своей скалистой бухте лишь несколько рыбацких лодок. В прекрасной долине рядом с ним стоит старинный мавританский город Равелло, почти такой же богатый архитектурными памятниками, как Палермо. Салерно расположен гораздо выгоднее, чем Амальфи, поскольку к нему ведет дорога из Кампании. Говорят, что город был основан сыном Ноя, и когда норманны заняли эту страну в XI веке, они сделали его своей столицей. Но его бывшее величие ушло в прошлое. Его университет, когда-то представлявший арабскую науку и самый известный в Европе благодаря своему медицинскому факультету, уже много веков не дает о себе знать, и теперь Салерно не может претендовать на звание «города Гиппократы». Однако он стремится повысить свою значимость за счет торговли и промышленности, а волнолом и пирсы могут превратить его в грозного конкурента Неаполя. Жители любят повторять местную пословицу:

«Когда Салерно получит порт
то Неапольский станет бессмысленным».

Paestum, или Посидония, древняя госпожа залива, стояла к юго-востоку от Салерно. Она была основана сибаритами на руинах более древнего города тирренцев. Римские поэты воспевали этот «город роз» за его прохладные источники, тенистые аллеи и мягкий климат. Он был разрушен сарацинами в 915 году, и его руины, хотя и являются одними из самых интересных во всей Италии, поскольку относятся к периоду, предшествующему Риму, до середины прошлого века были известны только пастухам и разбойникам. Его три храма, самый важный из которых был посвящен Нептуну, или Посейдону, являются одними из самых впечатляющих в континентальной Италии, а их эффект усиливается окружающей их одиночеством и волнами, омывающими их фундаменты. Однако путешественник не может позволить себе оставаться в их окрестностях в течение длительного времени, поскольку место руин окружено болотами, испарения из которых, к сожалению, мешают проводимым раскопкам.

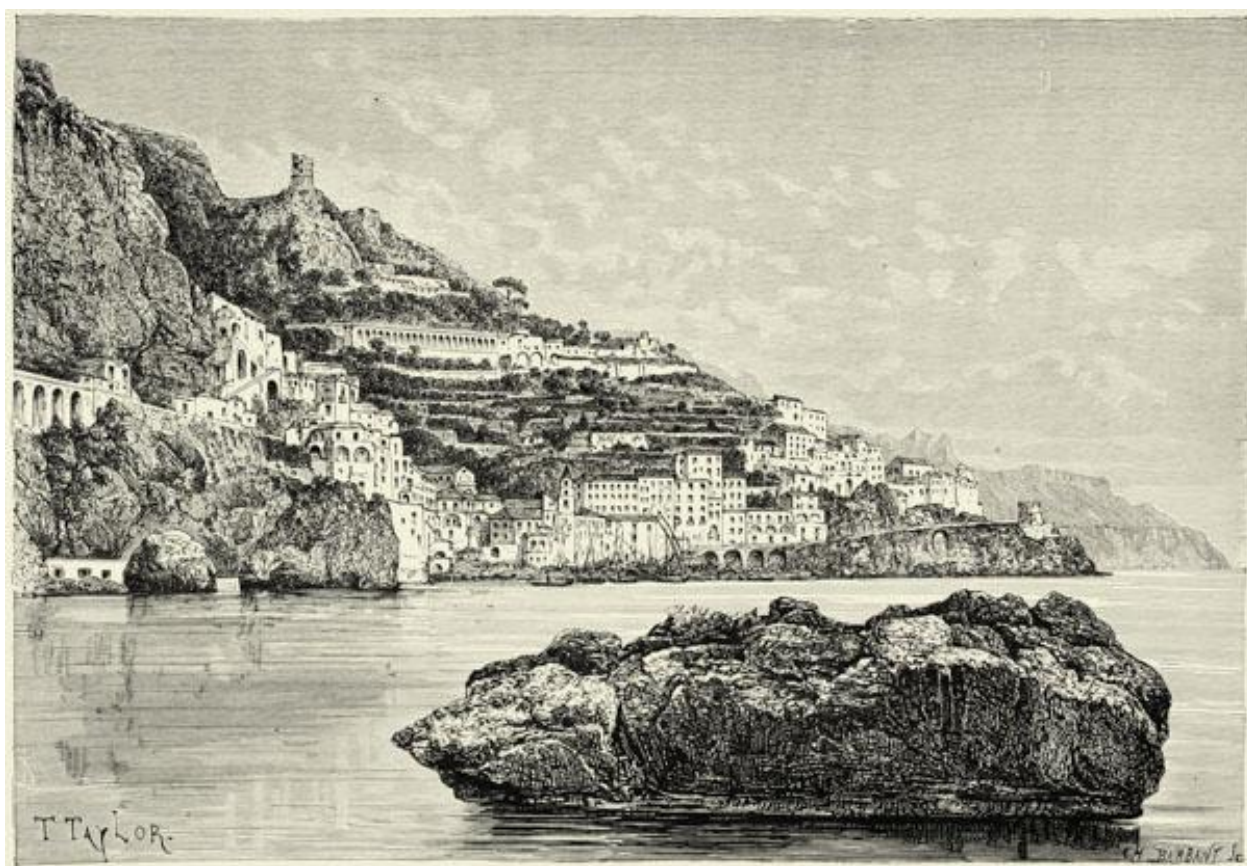
Многочисленные города и деревни разбросаны по равнинной местности, отделяющей Везувий от предгорий Апеннин. Начиная с Виетри, пригорода Салерно на берегу узкого ущелья, мы поднимаемся в Кару, излюбленное место летнего отдыха, изобилующее тенистыми деревьями. Рядом с ним находится монастырь, известный среди антикваров благодаря своим древним пергаментам и дипломам. Спускаясь на равнину Сарно, мы проезжаем Ночеру, загородную резиденцию древних римлян; Пагани, все еще расположенную в лесной местности; Ангри, где производят пряжу из хлопка, выращенного в окрестностях; и Скафати, еще более промышленный город. Рядом с ним можно увидеть руины Помпеи, город Торре-дель-Аннунциата и, на южном склоне Везувия, дома Боско-Тре-Казе и Боско-Реале. Есть ученые, которые считают, что в жилах жителей Ночеры и окрестностей течет арабская и берберская кровь 20 000 сарацин, поселенных здесь императором Фридрихом II.

Долина Сарно, выше Ночеры, густо заселена вплоть до подножия Апеннин, а другая цепь деревень простирается на север до города Авеллино, поля которого окружены живыми изгородями из ореховых деревьев (*avellana* по-итальянски) и который важен благодаря своему промежуточному положению между горами и равниной. Однако наиболее густонаселенной является та часть Кампании, которая известна как «Счастливая» (*Felice*) и простирается между Везувием и Монте-Верджине. Сарно, названный в честь реки, хотя и находится далеко от нее, богат зерновыми, виноградом, фруктами и овощами, а также производит хлопчатобумажные ткани и сырой шелк. Пальма стоит посреди плодородных полей; Оттаджано, город Октавия, на нижнем склоне Соммы Везувия, славится своими винами; Нола, где умер Август и где родился Джордано Бруно, имеет плодородные поля, но более известна благодаря прекрасным греческим вазам, найденным в ее руинах, а также остаткам амфитеатра, построенного из мрамора и превосходящего по размерам амфитеатр Капуи.

Знаменитая Капуя, древняя столица Кампании, когда-то соперничавшая с Римом, с полумиллионным населением, живущим в ее стенах, полностью лишилась своего бывшего величия. Ее название теперь относится к мрачной крепости на Волтурно, *Казилинуму* римлян; а Санта-Мария, которая является представителем настоящей Капуи, не предлагает никаких «удовольствий», кроме тех, что можно найти в большой деревне. Однако в ее окрестностях все еще можно увидеть руины прекрасного амфитеатра, триумфальной арки и

другие остатки огромного города. Казерта, «город удовольствий» современной Кампании, лежит дальше на юг. Она может похвастаться большим дворцом, тенистыми парками и обширными садами, украшенными статуями и фонтанами в стиле « », и была Версалем неаполитанских Бурбонов. Акведук снабжает его водой с расстояния в двадцать пять миль и пересекает долину около Маддалони с помощью великолепного моста, построенного в середине прошлого века Ванвителли и являющегося одним из шедевров современной архитектуры.

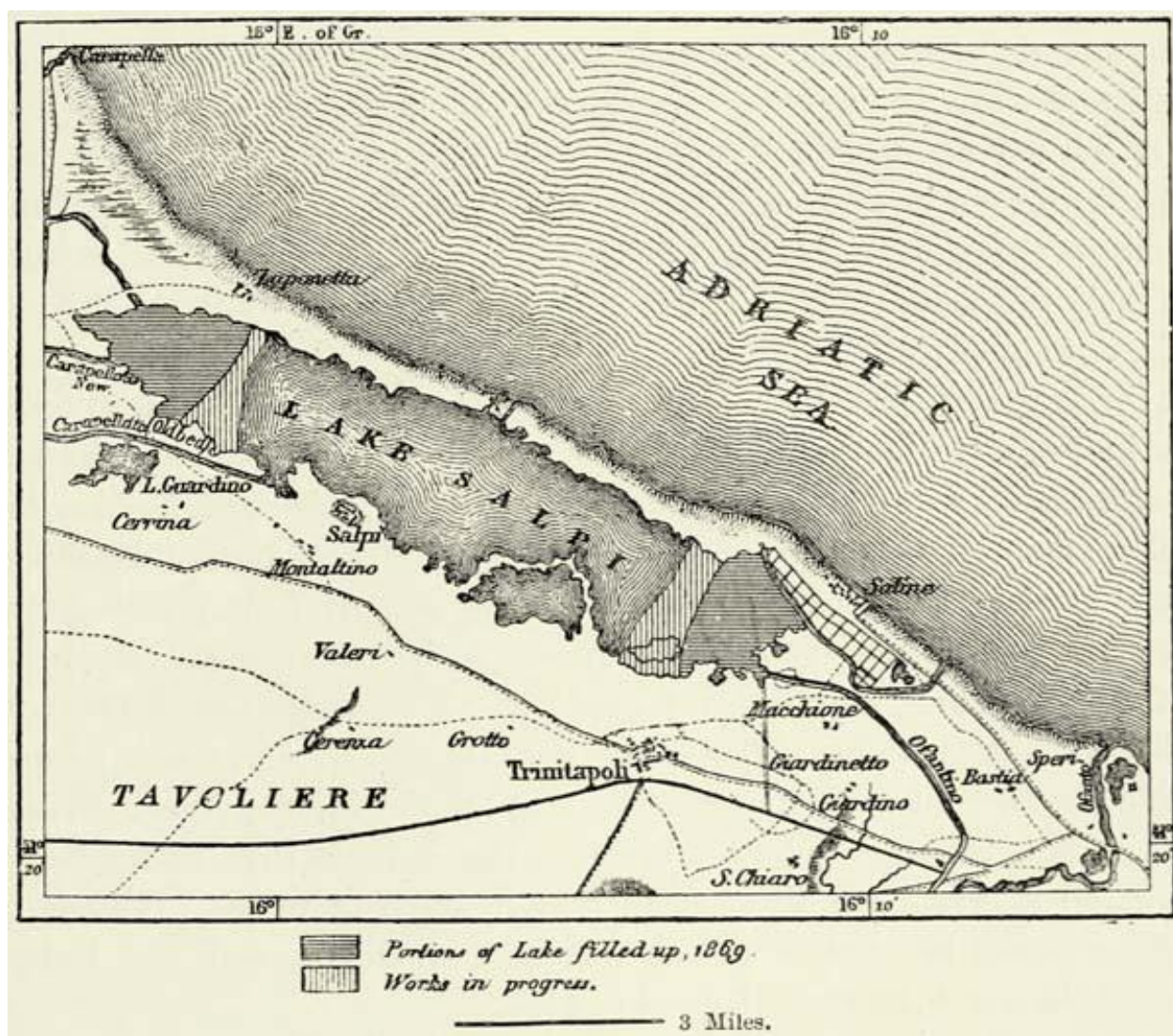
Великая римская магистраль разветвляется к северу от Капуи и Вольтурно. Одна ветвь поворачивает к побережью, другая, вдоль которой проложена железная дорога, огибает вулкан Рокка Монфина, следует по долине Гарильяно и его притока Сакко до восточного подножия вулкана Лацио, а затем спускается в Кампанию Рима. Исторически более известной из двух является прибрежная дорога. Сначала она проходит рядом с Сессой, древним городом аурунков, акрополь которого стоял в кратере Рокка Монфина. Затем она поворачивает к побережью и, пересекая Гарильяно у его устья, где он ограничен нездоровыми болотами, проникает в ущелье Мола-ди-Гаэта, официально называемое Формия в память о древней Формии, где жил и умер Цицерон. Путешественники, прибывающие из Рима, сначала смотрят с этого места на красоты Кампании и видят перед собой залив Гаэта с вулканическими островами Понца, Вентотене и Искья вдали. Гаэта, крепость, охраняющая эти ворота в неаполитанский рай, построена на вершине Монте-Орландо и занимает небольшой полуостров, соединенный с материком перешейком шириной всего 300 ярдов. Порт Гаэты хорошо защищен от западных и северных ветров и часто посещается прибрежными судами и рыболовецкими шхунами, но сама Гаэта более известна как крепость. Именно здесь в 1861 году королевство Обеих Сицилий прекратило свое существование в результате капитуляции Франциска II.

АМАЛЬФИ.

Города, имеющие некоторое значение, также встречаются на восточной дороге из Неаполя в Рим. Наиболее значительным из них является Сан-Джермано, название которого недавно было изменено на Казино в честь знаменитого монастыря с таким же названием, занимающего террасу к западу от города и открывающего великолепный вид на холмы и долины. Этот монастырь был основан в VI веке святым Бенедиктом, или Беннетом, и его правила были приняты во всей Восточной Церкви. Ни одна группа людей не оказала большего влияния на историю католицизма, чем эти бенедиктинские монахи из Монте-Казино. На пике своей мощи орден владел обширными поместьями по всей Италии, и из его рядов вышло много пап и тысяч церковных сановников. Библиотека Монте-Казино является одной из самых ценных в Европе, и услуги, ранее оказанные науке бенедиктинцами, спасли этот монастырь от упразднения, такая же милость была оказана монастырю Ла-Кава и Чертозе Павии.

Рис. 110. БОЛОТА САЛПИ.
Масштаб 1:225 000.

В горном регионе Неаполя есть лишь несколько значительных городов. Арпино, древний Арпинум, место рождения Цицерона и Мария, с циклопическими стенами, построенными

Сатурно, является самым густонаселенным местом в верхней долине Лири, к югу от гор Мантезе. Беневенто занимает центральное положение на Калоре, главном притоке Вольтурно, и от него расходятся несколько дорог. Древнее название этого места было *Малевентум*, но, несмотря на смену названия, город часто страдал от осад и землетрясений, и из всех великих сооружений его прошлого сейчас осталась только прекрасная триумфальная арка, воздвигнутая в честь Траяна. Городские стены, протяженностью почти четыре мили, в основном были построены из фрагментов древних памятников.

Ариано, к востоку от Беневенто, также в бассейне Волтурно, построен на трех холмах, откуда открывается великолепный вид, простирающийся от часто покрытых снегом гор Матезе до конуса Вультура. Он расположен на железной дороге, соединяющей Неаполь с Фоджией и Адриатическим морем, и ведет значительную торговлю. Кампобассо, столица Молизе, также является важным торговым центром, хотя и не имеет железной дороги.

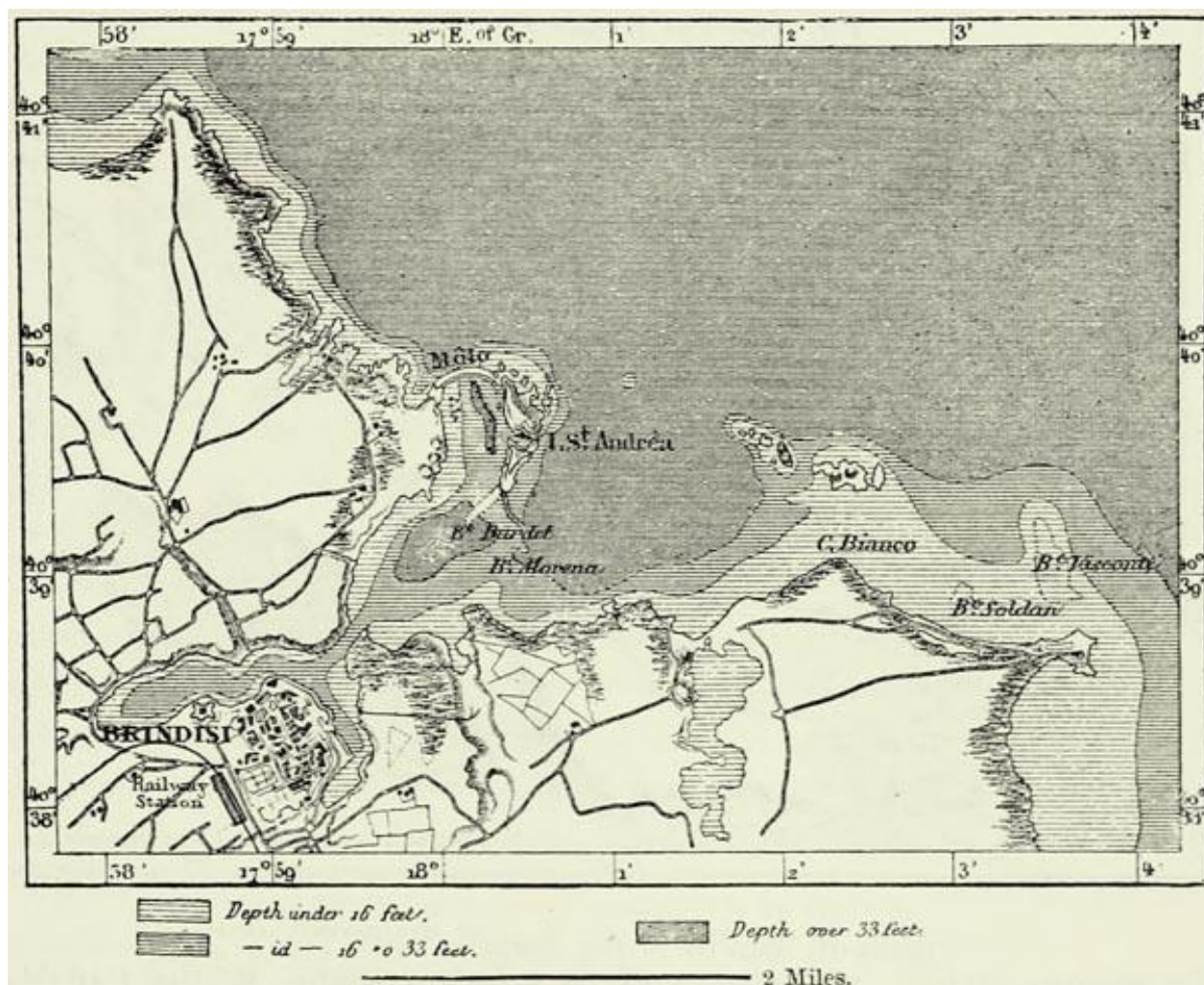
Торговые города на адриатическом склоне Апеннин имеют большее значение, чем города на востоке. Фоджа, расположенная на Тавольери-ди-Пулья, где сходятся четыре железные дороги и несколько магистралей, является крупным центром торговли продовольствием и по своему значению и богатству, хотя и не по численности населения, является вторым городом после Неаполя. Несколько небольших городов окружают его, как спутники, например, Сан-Северо, Чериньола и Лучера, которые разбогатели в XIII веке, когда сарацины, изгнанные из Сицилии Фридрихом II, поселились здесь. Однако Фоджа и ее города-побратимы, несмотря на близость залива Манфредония, не имеют прямого выхода к морю, поскольку побережье на протяжении тридцати миль от Манфредонии до устья Отранто окаймлено нездоровыми лагунами и болотами. Их мелиорация абсолютно необходима, чтобы южная Италия могла развивать свои огромные природные ресурсы. Самая большая из этих лагун или болот, лагуна Сальпи, была уменьшена наполовину за счет наносов, принесенных в нее реками Карапелла и Офанто, но пока новая земля остается не возделанной, смертоносные миазмы не исчезнут. На восточной оконечности этого болота стоял древний город Салапия.

На оконечности полуострова Гаргано, к северу от этих болот, находятся гавани Манфредония и Виесте, очень удобно расположенные для парусных судов, вынужденных из-за погодных условий заходить в порт. Первая гавань к югу от болот — Барлетта, рядом с которой находится «Поле крови», напоминающее о битве при Каннах. Барлетта экспортирует зерно, вино, масло и фрукты, частично выращенные на старых феодальных поместьях недалеко от внутренних городов Андрия, Кората и Руйо. Последний, древний *Руби*, дал богатый урожай всевозможных древностей. Другие прибрежные города к юго-востоку от Барлетты — Трани, который в конце средневековья вел значительную торговлю с Левантом; Бишелья; Мольфетта; Бари, самый густонаселенный город на адриатическом побережье Неаполя; и Монополи, все из которых часто посещаются прибрежными судами. Тасано, недалеко от Монополи, занимает место древнего порта Гнатия и, как и Руби, оправдал поиски археологических останков.

Бриндизи, расположенный на северной оконечности полуострова Отранто, во времена римлян и во время крестовых походов был одной из крупнейших станций на пути из Западной Европы на Восток и, вероятно, снова займет эту позицию. Он находится у самого входа в Адриатическое море. Его рейд превосходен, а гавань — одна из лучших на Средиземном море. Вход в гавань узкий и раньше был завален обломками кораблей и илом, но теперь он пригоден для пароходов самого большого размера. Два рукава гавани имеют некоторое сходство с рогами оленя, и именно этому обстоятельству город обязан своим

названием, которое имеет мессапское происхождение и означает «в форме рогов». Недавно Бриндизи стал европейской конечной точкой сухопутного маршрута в Индию, и в честь этого события, которое, как ожидалось, превратит город в центр восточной торговли, было построено много новых зданий. Эти ожидания не оправдались. Ежегодно этим путем проходят несколько тысяч спешащих путешественников, но Марсель, Генуя и Триест не утратили своего значения как торговые порты. Более того, когда будут построены турецкие железные дороги, положение, которое сейчас занимает Бриндизи, скорее всего, перейдет к Салоникам или Константинополю.¹⁰⁵

Рис. 111. — ГАВАНЬ БРИНДИЗИ В 1871 ГОДУ.
Масштаб 1 : 86 000.

Таранто, расположенный в одноименном заливе, подобно соседнему Бриндизи, предпринимает попытки возродить свою древнюю торговую деятельность. Его гавань, *Пикколо Маре*, или «маленькое море», глубокая и прекрасно защищенная, а его рейд, или *Маре Гранде*, достаточно хорошо защищен от волн двумя отдаленными островами. Как и в Специи, источники пресной воды, известные как Citro и Citrello, берут начало на дне гавани, а также на рейде. Географическое положение Таранто () позволяет ему успешно конкурировать с Бари и другими портами Адриатики за торговлю с внутренними городами, такими как Матера, Гравина и Альтамура, и, по-видимому, ему суждено стать крупным

торговым центром Ионического моря. Ни один другой город Италии не предлагает равных возможностей для строительства порта, но два канала, один естественный, а другой искусственный, соединяющие два «моря», заилились, и теперь в гавань могут заходить только небольшие суда. Современный Таранто — небольшой город с узкими улочками, построенный к востоку от греческого города Тарент, на известняковой скале, ограниченной двумя каналами. С момента открытия железной дороги его торговля постепенно растет, а промышленность ограничивается рыболовством, добычей устриц и производством морской соли; жители Таранто славятся как самые ленивые люди в Италии. Кучи ракушек на пляже больше не дают пурпура, которым город был известен в прошлом, но жители по-прежнему используют биссус двустворчатых моллюсков для изготовления очень прочных перчаток.

Единственными городами, имеющими какое-либо значение на полуострове, простирающемся к югу от Бриндизи и Таранто, являются Лекко и Галлиполи. Первый окружен хлопковыми плантациями, а второй — Каллиполис, или «красивый город» по-гречески — живописно расположен на островке, соединенном мостом с материком. Окружающая местность из-за недостатка влаги сравнительно бесплодна.

Рис. 112. — ГАВАНЬ ТАРАНТО.
Масштаб 1 : 208 000.

Западный полуостров Неаполя гораздо лучше орошается, чем полуостров Отранто, но это преимущество в значительной степени нивелируется гористым рельефом местности, и частыми землетрясениями. Потенца, город на самом узком месте этого полуострова, на полпути между заливом Таранто и бухтой Салерно, имеющий очень удачное расположение для торговли, неоднократно разрушался землетрясениями, и его жители осмеливались восстанавливать его только временно.

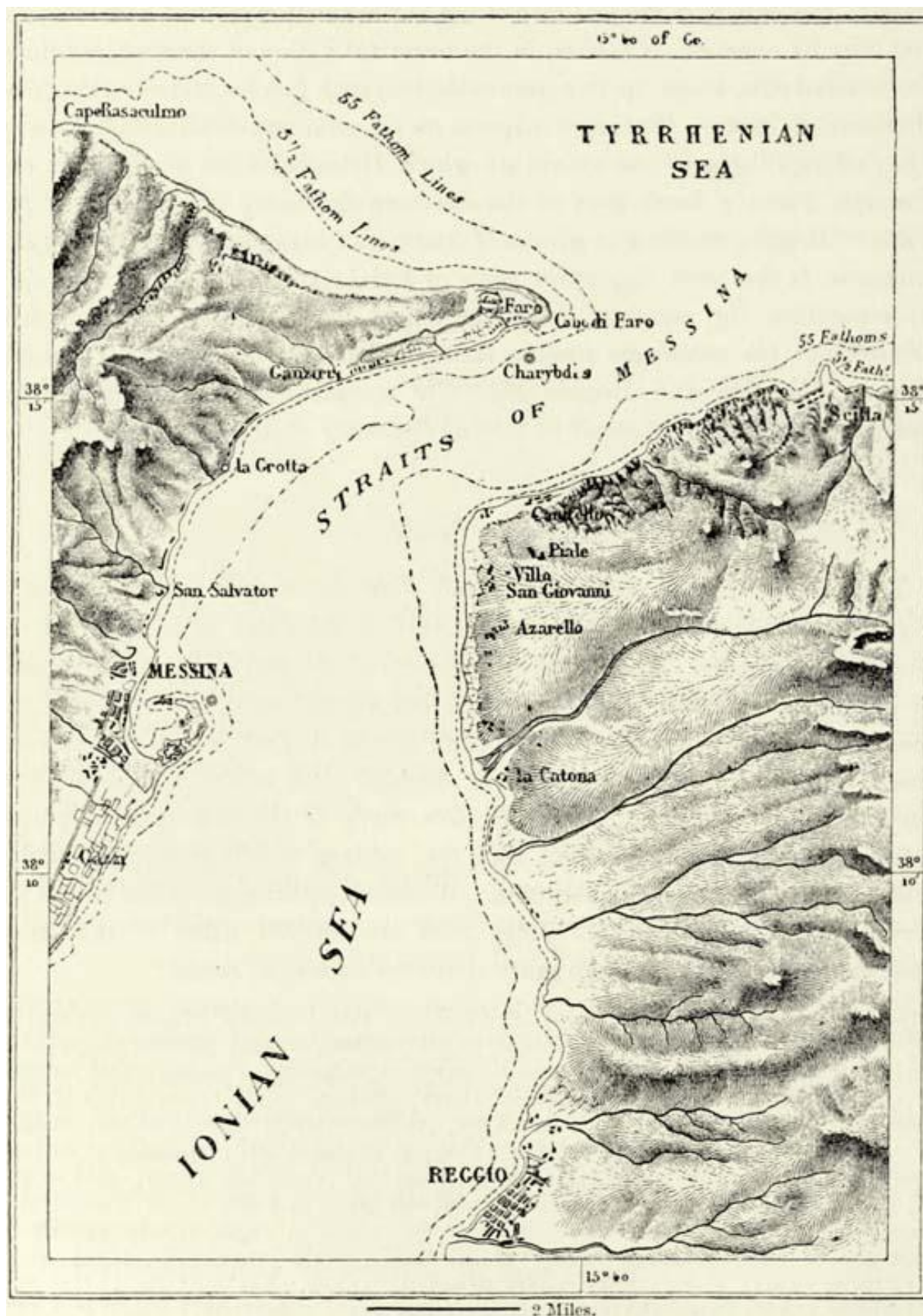
Знаменитые древние города Калабрии, такие как Метапонт и Гераклея, перестали существовать. Могущественный Сибарис с стенами длиной шесть миль по окружности и пригородами, простиравшимися на восемь миль вдоль реки Крати, теперь покрыт наносами и кустарником — «его руины исчезли». Город Локри, к югу от Гераче, который существовал до X века, когда был разрушен сарацинами, по крайней мере сохранил руины своих стен, храмов и других зданий. Единственный из этих древних городов, который все еще существует, — это Котроне, древний Кротона, «ворота в житницу Калабрии». Путешествуя по побережью Великой Греции, мы удивляемся тому, как мало осталось руин прошлого, которое оказало столь сильное влияние на историю человечества.

Существующие города Калабрии не могут сравниться по значимости с городами прошлого. Россано, расположенный недалеко от места, где когда-то находился Сибарис, является небольшой столицей района и посещается только прибрежными судами. Козенца, расположенная в красивой долине Крати, у подножия лесистой Силы, поддерживает связь с Неаполем и Мессиной через порт Паола. Катандзаро экспортирует свое масло, шелк и фрукты либо через залив Сквилаче, на берегу которого когда-то разбил свой лагерь Ганнибал, либо через Пиццо, небольшой порт на южной оконечности залива Санта-Эуфемия. Реджо, уютно устроившийся среди лимонных и апельсиновых рощ у подножия Аспромонте, является самым важным городом Калабрии. Он расположен на узком проливе, отделяющем материк от острова Сицилия, и не мог не принять на себя часть торговли, проходящей через этот центральный ворота Средиземноморья. Мессина и Реджо взаимно дополняют друг друга, и процветание одного из них обязательно приводит к процветанию другого.^{[106](#)}

VII. — сицилия.

Тринакрия древних, остров с «тремя мысами», явно является зависимой территорией Итальянского полуострова, от которого он отделен узким проливом. Мессинский пролив в самом узком месте имеет ширину менее двух миль. Его легко пересечь на баржах, и с имеющимися в нашем распоряжении ресурсами можно было бы легко построить через него мост, подобные предприятия уже были успешно реализованы в других местах. Вряд ли можно сомневаться, что до конца этого века Сицилия будет соединена с материком либо туннелем, либо мостом, и таким образом человеческая промышленность в некотором роде восстановит перешеек, который ранее соединял мыс Фаро с итальянским Аспромонте. Мы ничего не знаем о периоде, когда произошло это разрыв, но, судя по древнему названию пролива — Гептастадион — в прежние времена он, должно быть, был гораздо уже.¹⁰⁷

Рис. 113. ПРОЛИВ МЕССИНА.
Масштаб 1 : 156 000.

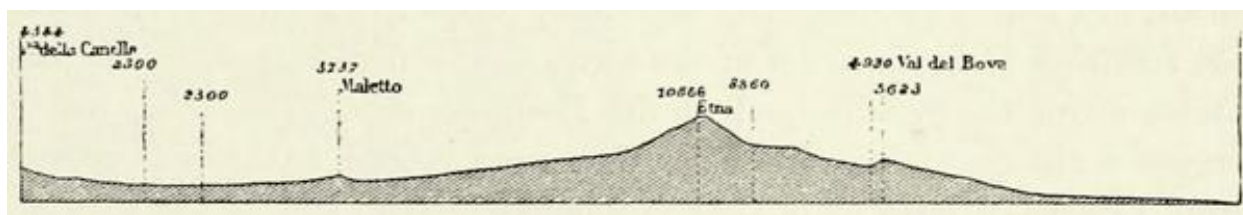
С исторической точки зрения Сицилия по-прежнему может рассматриваться как часть материка, поскольку пролив можно пересечь почти так же легко, как широкую реку. С другой стороны, она обладает всеми преимуществами морского положения. Расположенная

в самом центре Средиземного моря, между Тирренским и Восточным бассейнами, она контролирует все торговые пути, ведущие от Атлантики на Восток. Ее превосходные гавани привлекают мореплавателей останавливаться у ее берегов; ее почва чрезвычайно плодородна; самые разнообразные природные ресурсы обеспечивают существование ее жителей; а мягкий климат способствует развитию жизни. Едва ли какой-либо район Европы находится в более благоприятном положении для комфортного проживания плотного населения. Сицилия действительно более густонаселена и богаче соседнего острова Сардиния или любой из неаполитанских провинций, за исключением Кампании, и по своей значимости соперничает с провинциями Северной Италии.¹⁰⁸

Сицилия, когда ей позволяли радоваться миру и свободе, всегда восстанавливалась с удивительной быстротой; и она, несомненно, была бы сейчас одной из самых процветающих стран, если бы войны не опустошали ее так часто, а иго иностранных угнетателей не давило на нее так тяжело.

Треугольный остров Сицилия имел бы очень правильную форму, если бы не возвышающаяся над берегами Ионического моря у входа в Мессинский пролив массивная гора Этна. От основания до вершины кратера этот огромный выступ образует отдельный регион, отличающийся от остальной Сицилии не только геологически, но и по своим продуктам, земледелию и жителям.

Рис. 114. — ПРОФИЛЬ ВУЛКАНА ЭТНА.

Древние мореплаватели в основном считали сицилийский вулкан самой высокой горой в мире; и они не сильно ошибались в отношении известного им мира, поскольку только на двух крайних точках Средиземноморья, в Испании и Сирии, мы встречаем горы, превосходящие эту по высоте; а гора Этна примечательна не только своим изолированным положением, но и красотой своих очертаний, зловещим блеском раскаленной лавы и столбом дыма, поднимающимся с ее вершины. С какой бы стороны мы ни приближались к Сицилии, ее снежная вершина возвышается над всеми окружающими горами. Ее положение в самом центре Средиземного моря в немалой степени способствовало тому, что она заняла лидирующее положение среди гор. Ее считали «столпом небес», а в более позднюю эпоху арабы называли ее только «эль-Джебель», «гора», что было искажено жителями, проживающими поблизости, до «Монгибелло».

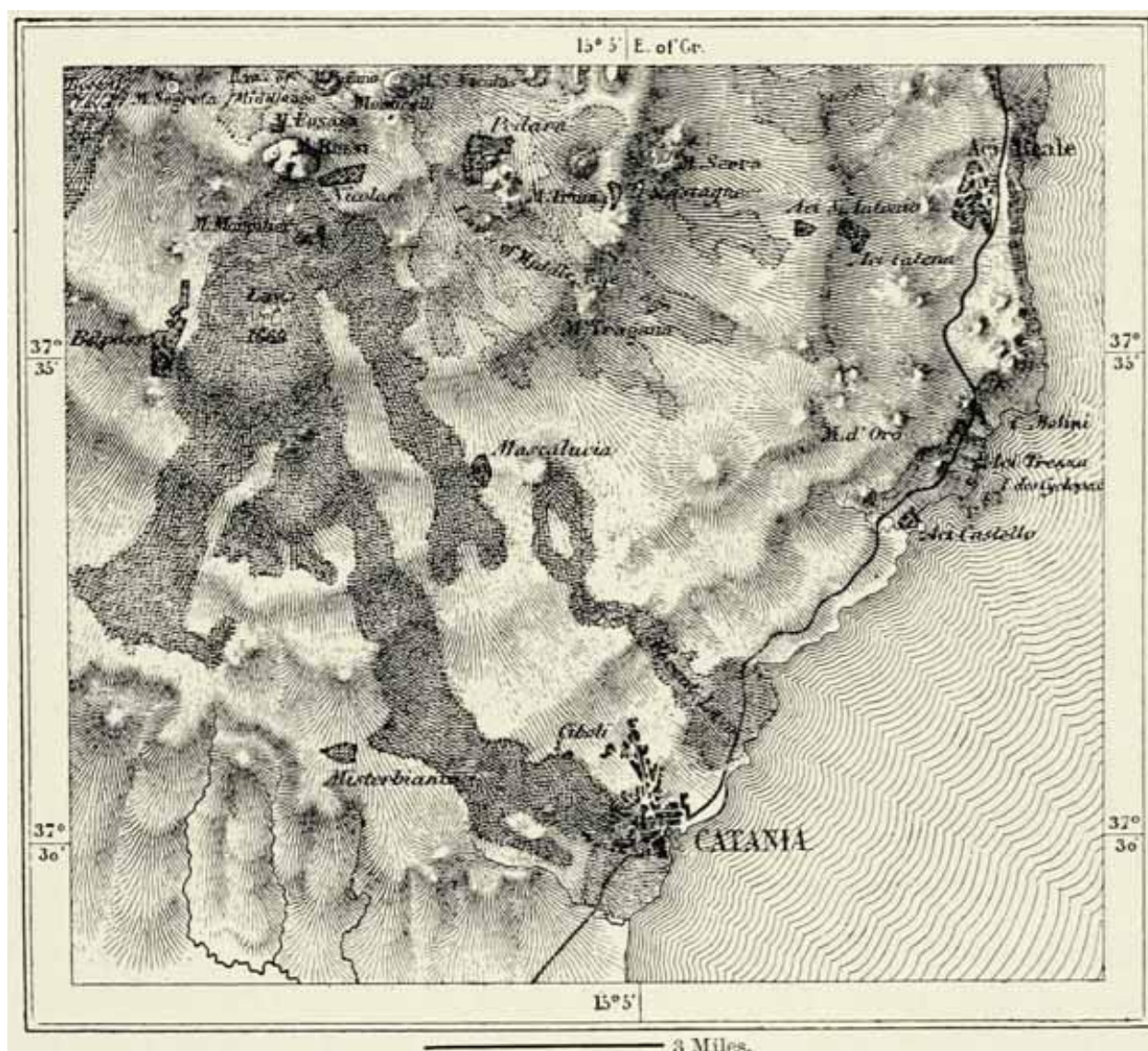
Средние склоны горы Этна, удлиненные потоками лавы, распространяющимися во всех направлениях, очень пологие, и, глядя на профиль этой горы, трудно поверить, что она выглядит так величественно. Фактически она занимает площадь не менее 460 квадратных миль, а ее основание имеет протяженность около 80 миль. Вся эта территория ограничена морем и долинами Алькантара и Симето. Седловина высотой всего 2820 футов соединяет его на северо-западе с горной системой остальной части Италии (). Небольшие вулканические конусы встречаются за массивом вулкана к северу от Алкантары, а потоки

лавы, заполнившие древнюю долину Симето, заставили реку проложить себе другое русло через базальтовые скалы, и теперь она спускается к морю по порогам и каскадам.

Огромная впадина, занимающая площадь в десять квадратных миль и имеющая глубину более 3000 футов, занимает часть западного склона вулкана. Это Валь-ди-Бове, огромный амфитеатр взрыва, дно которого усеяно второстепенными кратерами и которое поднимается гигантскими ступенями, по которым, когда гора находится в состоянии извержения, льются огненные каскады лавы. Лайелл показал, что этот Валь-ди-Бове является древним кратером горы Этна, но в какой-то неизвестный нам период существующий конечный жерл открылся на пару миль дальше к западу. Крутые склоны Валь-ди-Бове позволяют нам получить значительное представление об истории вулкана, поскольку там можно неторопливо изучать различные слои лавы. Скалы, на которых стоит город Ачи-Реале, дают аналогичную возможность охватить одним взглядом долгий период его истории. Эти скалы, высотой более 300 футов, состоят из семи отдельных слоев лавы, последовательно извергавшейся из недр Этны. Каждый слой почти полностью состоит из плотной массы, не дающей опоры корням растений, но их поверхности неизменно превратились в туф или даже плесень под воздействием атмосферных факторов, действовавших в течение веков после каждого извержения. Также было доказано, что эти скалы не только увеличились в высоту в результате последовательных извержений, но и неоднократно поднимались снизу. Линии эрозии, образовавшиеся в результате воздействия волн, можно отчетливо проследить на различных высотах над нынешним уровнем Средиземного моря. Лавы также претерпели изменение структуры с момента их извержения, о чем свидетельствуют красивые пещеры, окруженные призматическими базальтовыми колоннами, и остров Киклоп, расположенный недалеко от Ачи-Трецца.

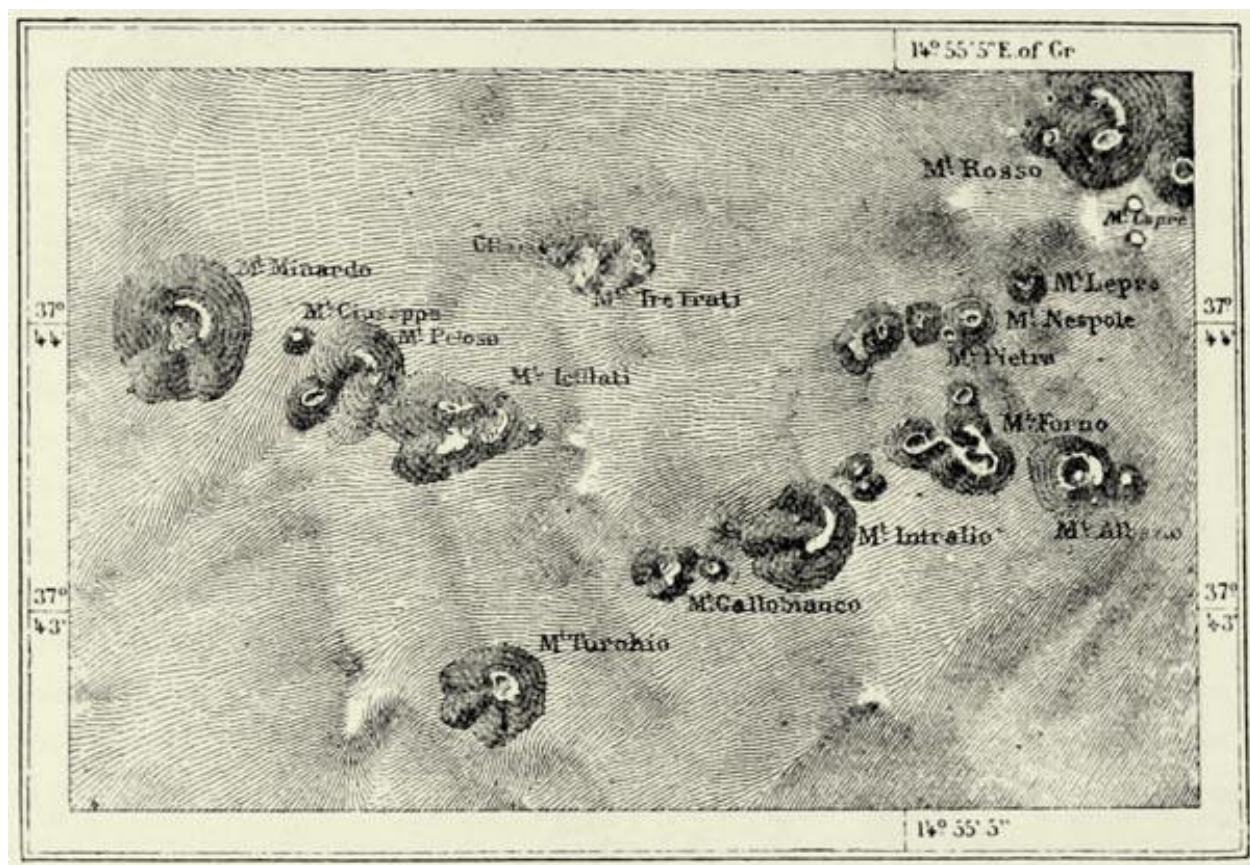
За последние две тысячи лет гора Этна извергалась более ста раз, причем некоторые извержения продолжались в течение нескольких лет. До сих пор не удалось обнаружить какой-либо закономерности в этих извержениях. Они, по-видимому, происходят через нерегулярные промежутки времени, а количество лавы, извергаемой из главного или любого вспомогательного конуса, чрезвычайно варьируется. Самый значительный поток лавы, о котором у нас есть записи, был тот, который накрыл город Катания в 1669 году. Сначала он превратил поля Николози в огненное озеро, затем охватил часть холма Монпилъери, который на время остановил его продвижение, и, наконец, разделился на три отдельных потока, главный из которых обрушился на Катанию. Он смел часть города, засыпал его порт и образовал на его месте мыс. Количество лавы, извергнутой в тот раз, оценивается в 3532 миллиона кубических футов; почти 40 квадратных миль плодородной земли, на которой проживало 20 000 человек, превратились в каменистую пустошь. Двойной конус Монти-Росси с его красивым кратером, теперь покрытым золотистыми цветами дрока, был сформирован пеплом, выброшенным во время этого великого извержения. Более 700 вспомогательных конусов, похожих на Монти-Росси, разбросаны по внешним склонам горы Этна и свидетельствуют о стольких же извержениях. Самые древние из них были почти полностью уничтожены в течение веков или погребены под потоками лавы, но другие все еще сохраняют свою коническую форму и возвышаются на высоту в несколько сотен футов. Некоторые из них теперь покрыты лесами, а кратеры других превратились в сады — восхитительные чашеобразные впадины, где виллы сияют, как драгоценные камни, вставленные в зелень.

Рис. 115. — ЛАВОВЫЙ ПОТОК КАТАНИИ.
Масштаб 1:200 000.

Большинство этих вспомогательных конусов расположены на высоте от 3300 до 6500 футов над уровнем моря, и именно там внутренние силы проявляются наиболее сильно. Как правило, подземная активность менее интенсивна вблизи вершины, и во время большинства извержений большой конечный кратер служит лишь вентиляционным отверстием, через которое выходят водяной пар и газы. Окружающие его фумаролы превращают почву в своего рода кашу, а выделяющиеся из них вещества окрашивают шлаки в яркие цвета — алый, желтый и изумрудно-зеленый. Внутреннее тепло ощущается на многих участках внешних склонов. Оно превращает рыхлые породы в плотную массу, по которой гораздо легче подниматься, чем по рыхлому пеплу Везувия. Путешественники, поднимающиеся на гору, не должны бояться вулканических бомб. Иногда из главного жерла выбрасываются каменные дожди, но это довольно редкое явление. Если бы это было не так, небольшое сооружение над обрывами Валь-ди-Бове, которое датируется временем римлян и известно как «Башня философа», давно было бы погребено под обломками. Поэтому на вершине этой горы можно было бы безопасно установить метеорологическую обсерваторию, и лучшего места для предупреждения о приближающихся штормах не найти.

Рис. 116. — ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ КОНУСЫ ВУЛКАНА ЭТНА.

Вершина горы Этна, высотой 10 866 футов, не проникает в зону вечных снегов, и тепло, исходящее из подземного очага, быстро тает зарождающиеся ледники, которые накапливаются в углублениях. Тем не менее, верхняя половина горы большую часть года покрыта белым покровом. Можно было бы предположить, что снег и обильные дожди приводят к образованию многочисленных ручьев, стекающих с склонов вулкана, но мелкие камни и пепел, покрывающие твердое лавовое дно, быстро впитывают всю влагу, и родники встречаются только в нескольких благоприятных местах. Они в изобилии на нижних склонах или в непосредственной близости от моря. Один из них — фонтан Ацис, который бьет из хаоса скал, которые, по преданию, Полифем бросил в корабли мудрого Одиссея. Другой дает начало реке Аменано, которая берет начало в городе Катания и стремительно течет серебристыми каскадами к его порту. Глядя на эти чистые источники посреди черного песка и обожженных скал, мы можем понять фантазию древних греков, которые считали их божественными существами и в честь которых чеканили медали и воздвигали статуи.

Хотя на склонах Этны почти не встречается проточных ручьев, ее пепел сохраняет достаточное количество влаги, чтобы поддерживать буйную растительность. Гора покрыта зеленью, за исключением тех мест, где поверхность лавы слишком плотная, чтобы в нее могли проникнуть корни растений. Только самые высокие районы, которые большую часть года покрыты снегом, бесплодны. Примечательно, что флора Альп не встречается на Этне, хотя температура там ей вполне подходит.

Раньше вулкан был окружен поясом лесов, занимавшим зону между возделываемыми землями и районом снега и пепла. Сейчас это уже не так. На южном склоне Этны (), по которому обычно поднимаются туристы, лесов нет вовсе, и только изредка встречаются стволы древних дубов. На других склонах рощи деревьев встречаются чаще, особенно на севере, где осталось несколько высоких деревьев, придающих пейзажу альпийский характер. Но лесорубы безжалостно продолжают свою работу по уничтожению лесов, и есть опасения, что недалек тот день, когда исчезнут даже последние остатки древних лесов. Великолепные каштаны на западных склонах, среди которых до недавнего времени можно было полюбоваться «деревом ста лошадей», свидетельствуют об удивительной плодородности лавы. Если бы земледельцы только захотели, то нескольких лет было бы достаточно, чтобы восстановить древнее покрытие Этны листвой.

Во многих местах возделанная зона, занимающая нижние склоны гор, выглядит как прекрасный сад. Здесь растут рощи оливковых, апельсиновых, лимонных и других фруктовых деревьев, среди которых возвышаются группы пальм, а из этой зелени выглядывают виллы, церкви и монастыри. Плодородие почвы настолько велико, что она обеспечивает пропитание населению, в три-четыре раза превышающему по численности население любой другой части Италии. Более 300 000 жителей обитают на склонах горы, которая, как можно было бы предположить, должна внушать страх, и которая действительно периодически извергается, засыпая плодородные поля огненным потоком. Города следуют один за другим у подножия горы, как жемчужины в ожерелье, и когда поток лавы прорывает эту цепь человеческих жилищ, она снова закрывается, как только лава успевает остыть. С края кратера альпинист с удивлением смотрит вниз на эти человеческие муравейники. Концентрические зоны домов и зелени странно контрастируют со снегом и пеплом, занимающими центр картины, и с бесплодными известняковыми скалами за Симето. И это лишь небольшая часть обширного и чудесного пейзажа, охватывающего радиус в 124 мили. Зритель может быть очарован непревзойденным зрелищем трех морей, более глубокого синего цвета, чем небо, омывающих берега Сицилии, Калабрии и Липарских островов.

Гора Пелорус, которая является продолжением цепи Аспромонте в Калабрии, значительно ниже по высоте, чем гора Этна, но она существовала уже много веков назад, когда место, которое сейчас занимает вулкан, было лишь морской бухтой. Раньше считалось, что на самой высокой вершине Пелоруса, посвященной Нептуну, а теперь «Божьей матери» или *Динна Маре* (3600 футов), находится кратер, но это не так. Эти горы состоят из первичных и переходных пород, с пластами известняка и мрамора на их склонах. Сначала они следуют по побережью Ионического моря, где образуют многочисленные крутые мысы, а затем, резко поворачивая на запад, идут параллельно побережью Эолийского моря. Их высшая точка, расположенная примерно в центре, известна как Мадония (6336 футов), и великолепные леса, которые до сих пор покрывают ее, придают этой части острова довольно северный облик, и мы почти можем вообразить себя в Апеннинах или Приморских Альпах. Известняковые мысы самого разнообразного профиля углубляются в голубые воды моря и делают это побережье одним из самых красивых в Средиземноморье. Мы охвачены восхищением, когда видим огромный четырехугольный блок Чефалу, более волнистый холм Термини, вертикальные массивы Колтафано и, прежде всего, недалеко от Палермо, естественную крепость Монте-Пеллегриньо (1970 футов), почти недоступную скалу, на которой Гамилькар Барка в течение трех лет сопротивлялся попыткам римской армии

изгнать его. Монте Сан-Джулиано (2300 футов), почти изолированная известняковая вершина, заканчивает эту цепь на западе. Это Эрикс древних, которые посвятили его Венере.

Горы, которые ответвляются от этой главной цепи на юг, постепенно снижаются по высоте по мере приближения к морю. Основные склоны острова спускаются к Ионическому и Сицилийскому морям, и все его вечные реки — Платани, Сальсо и Симето — текут в этих направлениях. Реки на северном склоне — это просто *фьюмаре*, грозные после сильных дождей, но теряющиеся в галечных руслах в сухой сезон. Озера и болота острова также ограничены южным склоном гор. Среди них — *пантани* и озеро, или *бивиере*, Лентини, которое является самым обширным водоемом на Сицилии; озеро Пергуза, или Энна, ранее окруженное цветущими лугами, на которых Прозерпина была похищена Плутоном; *бивиере* Терранова; и несколько болотистых участков, остатки древних морских бухт. Южное побережье острова выгодно контрастирует с северным, поскольку вместо живописных мысов самых разнообразных очертаний здесь мы видим однообразный песчаный берег, лишенный всякой тени. Естественные гавани здесь редки, и во время зимних штормов суда, заходящие в них, подвергаются большой опасности.

Южный склон Сицилии, к югу от Мадонии, состоит из третичных и более поздних пород, богатых окаменелыми раковинами, в основном принадлежащими видам, все еще обитающим в соседнем море. В холмах к югу от Катании эти третичные породы чередуются со слоями вулканического происхождения, которые, очевидно, образовались в результате подводных извержений. Этот процесс продолжается между Гиргенти и островом Пантеллария, где подводный вулкан Джулия или Фердинанда время от времени поднимается над поверхностью моря. Он был замечен в 1801 году, а тридцать лет спустя произошло еще одно извержение, в результате которого образовался остров окружностью четыре мили, который был исследован Жюссье и Констаном Прево. В 1863 году он появился в третий раз. Но волны моря всегда смывали пепел и золу, выбрасываемые при этих случаях, распределяя их ровными слоями по дну моря и создавая таким образом чередование слоев, подобное тому, которое наблюдается в Катании. В 1840 году вершина этого подводного вулкана была покрыта всего шестью футами воды, но недавно на глубине пятидесяти сажен не было получено никаких измерений.

Рис. 117. — МАККАЛУБАС И ДЖИРДЖЕНТИ.
Масштаб 1:100 000.

Этот подводный вулкан — не единственный свидетель деятельности подземных сил в Южной Италии. Здесь мы встречаем минеральные источники, выделяющие углекислый газ и другие газы, которые оказываются смертельными для мелких животных, осмелившихся приблизиться к ним, а также нефтяное озеро недалеко от Палагонии, из которого также выделяются не пригодные для дыхания газы. Подобное явление () можно наблюдать в

озере Пергуза, которое занимает древний кратер окружностью около четырех миль и обычно изобилует линиями и угрями. Однако время от времени со дна озера, по-видимому, выделяются ядовитые газы, которые убивают рыбу, чьи туши всплывают на поверхность. Еще одна из этих *сальс* появилась дальше на запад, недалеко от Палаццо Адриано, и, по-видимому, вся подземная Сицилия находится в состоянии химического брожения.

Рядом с горой Этна крупный центр вулканической активности на Сицилии, по-видимому, находится недалеко от Гиргенти, в месте, известном как *Маккалубас*. Внешний вид этого места меняется в зависимости от сезона. Летом пузырьки газа выходят из небольших кратеров, заполненных жидким илом, который иногда переливается и стекает по внешним склонам. Зимние дожди почти полностью уничтожают эти миниатюрные вулканы, и равнина превращается в одну большую грязевую массу, из которой выделяются газы. В начале этого века почва время от времени сотрясалась землетрясениями, и в эти моменты струи грязи и камней выбрасывались на высоту десяти или двадцати ярдов. Сейчас Маккалубы, похоже, находятся в состоянии покоя, так как эти грязевые вулканы, по-видимому, также имеют свои регулярные периоды покоя и активности.

Отложения серы, которые составляют одно из богатств Сицилии, несомненно, обязаны своим существованием этим подземным озерам кипящей лавы. Эти серные пласты встречаются в третичных отложениях, простирающихся от Ченторби до Каттолики, в провинции Гиргенти. Они датируются эпохой верхнего миоцена и отложены на слоях ископаемых инфузорий, источающих битумный запах. Геологи еще не пришли к единому мнению о происхождении этих серных отложений, но наиболее вероятно, что они образовались из сульфата извести, вынесенного на поверхность горячими источниками. В той же формации встречаются отложения гипса и каменной соли, причем последнюю часто можно обнаружить по соленому шипению, известному как *occhi di sale* («глаза соли»).

Сицилия, как и Греция, имеет один из самых благоприятных климатов. Летняя жара смягчается морскими бризами, которые регулярно дуют в самое жаркое время дня. Холод зимой не ощущался бы вовсе, если бы не полное отсутствие всяких удобств в домах, ведь лед здесь неизвестен, а снег выпадает крайне редко. Осенние дожди обильные, но даже в это время года бывает много прекрасных дней. Преобладающие ветры с севера и запада благотворны, но *сирокко*, который обычно дует в юго-восточном направлении, смертельно опасен, особенно когда достигает северного побережья. Обычно он дует три-четыре дня, и в это время никто не думает о том, чтобы очищать вино, солить мясо или красить дома и мебель. Этот ветер — большой недостаток климата. В некоторых частях Сицилии испарения из болот опасны, но это полностью вина человека. Именно из-за его халатности Агоста и Сиракузы страдают от лихорадок, а смерть запрещает чужакам приближаться к руинам древней Химеры.¹⁰⁹

Температура и влажность придают растительности равнин и нижних долин полутропический вид. Многие растения Азии и Африки акклиматизировались на Сицилии. Группы финиковых пальм можно увидеть в садах, а равнины вокруг Шакки, почти африканские по своему виду, изобилуют рощами карликовых пальм, или *giummare*, которым древний Селинус обязан своим прозвищем *Palmosa*. Хлопок растет на склонах холмов на высоте до 600 футов над уровнем моря; бананы, сахарный тростник и бамбук не требуют укрытия в теплицах; *Виктория регия* покрывает пруды своими огромными листьями и цветами; папирус Нила, который не встречается больше нигде в Европе, зарастает русло Анапо, недалеко от Сиракуз: раньше он рос также в Орето, недалеко от Палермо, но теперь его там нет. Кактус Барбари (*Cactus opuntia*) стал самым характерным растением

прибрежных районов Сицилии () и быстро покрывает самые безнадежные лавовые поля. Эти и другие растения наиболее пышно растут на южных склонах горы Этна, где апельсиновые деревья плодоносят на высоте 1700 футов, а лиственницы поднимаются даже до 7400 футов. Эти склоны, обращенные к африканскому солнцу, являются самыми жаркими местами в Европе, поскольку вулкан защищает их от северных ветров, а его темные шлаки и пепел поглощают лучи полуденного солнца.

Те части Сицилии, которые покрыты деревьями или кустарниками, всегда зеленые, поскольку апельсиновые деревья, оливковые деревья, рожковые деревья, лавры, мастиковые деревья, тамариски, кипарисы и сосны сохраняют свою зелень даже зимой, когда природа в наших широтах выглядит уныло. Здесь нет, так сказать, «сезона», потому что при небольшом уходе все виды овощей можно выращивать в течение всего года. Сады вокруг Сиракуз славятся больше всех других, потому что они ярко контрастируют с окружающими их голыми скалами. Самый восхитительный из них — *Интальятелла*, или *Латомия де Гречи*, который занимает старый карьер, где греческие рабы обрабатывали камни, использовавшиеся для строительства дворцов Сиракуз. Растительность здесь очень пышная; стволы деревьев возвышаются над кустами, их ветви покрыты вьющимися растениями, цветы и созревающие плоды покрывают тропинки, а в листве поют бесчисленные птицы. Этот земной рай окружен отвесными скалами, покрытыми плющом или голыми и белыми, как в те дни, когда здесь работали афинские рабы.

Сицилия лежит на пути всех народов, которые когда-либо боролись за господство в Средиземноморье, и поэтому ее население состоит из смеси самых разнородных элементов. Независимо от сиканов, сикулов и других коренных народов, чье положение среди европейских народов неопределенно, но которые, вероятно, говорили на языке, родственном латинскому, мы знаем, что финикийцы и карфагеняне последовательно поселились на ее берегах, и что греки были там почти так же многочисленны, как и в своей родной стране. Прошло двадцать пять веков с тех пор, как греки основали свою первую колонию, Наксос, у подножия горы Этна. Вскоре после этого появились Сиракузы, Леонтини, Катания, Мегара Гиблея, Мессина и другие колонии, пока вся прибрежная область не оказалась в руках греков, а коренное население не было вытеснено вглубь острова. На Сицилии греки встретили тот же климат и скалы и горы, похожие на те, что были в их родной стране. Не напоминают ли «Марморейский» порт и широкая бухта Сиракуз, акрополь и гора Гибла Аттику или Пелопоннес? Фонтан Аретузы на острове Ортигия, питаемый подземными каналами, напоминает фонтан Эразиноса и многие другие в Элладе, которые пробиваются через трещины в известняковых скалах к берегу моря. Сиракузцы говорили, что река Альфей, влюбившись в нимфу Аретузу, не смешивала свои воды с водами Ионического моря, а пробивала себе путь через подземные каналы к побережью Сицилии, где вновь выходила на поверхность рядом с источником, посвященным объекту его обожания, принося с собой цветы и плоды любимой Греции. Эта легенда свидетельствует о великой любви греков к своей родине, чьи источники и растения, как полагали, следовали за ними в их новый дом.

Если судить по количеству жителей, которые, по оценкам, проживали в основных городах того времени, население Сицилии должно было составлять несколько миллионов греков. С другой стороны, карфагенские купцы и солдаты, хотя и были хозяевами значительной части острова в течение двух или трех веков, никогда не селились на нем, и только несколько стен,

монет и надписей свидетельствуют о том, что они когда-то здесь были. М. Деннис очень метко заметил, что наиболее ярким свидетельством их правления являются заброшенные города Химера и Селинус. В то же время мы не должны забывать, что карфагеняне, смешавшись с существующим населением, существенно повлияли на дальнейшую судьбу острова. Римляне, которые владели Сицилией в течение почти семи веков, сделали это в еще большей степени. Вандалы и готы также оставили после себя следы. Сарацины, сами являвшиеся смешанной расой, привили сицилийцам свою южную стремительность, а их завоеватели, норманны, наделили их смелостью и неукротимым мужеством, которые в тот период одушевляли этих сыновей Севера. В 1071 году, когда норманны осадили Палермо, на острове говорили не менее чем на пяти языках, а именно: арабском, иврите, греческом, латинском и сицилийском диалекте. Но арабский был языком цивилизованных жителей, и даже во время господства норманнов надписи на дворцах и церквях были написаны на нем. Именно при дворе короля Роджера Эдриси написал свою «Географию», одно из величайших достижений науки. В 1223 году последние арабы были вынуждены эмигрировать в Неаполь, но к тому времени в жилах жителей уже текла арабская кровь.

Позже характер населения еще больше изменился под влиянием французов, немцев, испанцев и арагонцев, и все это способствовало тому, что они стали народом, отличающимся по внешнему виду, манерам, привычкам и чувствам от своих итальянских соседей. Эти островитяне считают каждого жителя материка иностранцем. Отсутствие дорог на острове позволило различным группам его населения сохранить свои особые диалекты и характер в течение очень долгого времени. Ломбарды, которых римляне переселили в Беневенто и Палермо, говорили на своем родном диалекте еще долго после того, как он исчез в Ломбардии. Даже сейчас около 50 000 сицилийцев говорят на этом древнем ломбардском языке. В Сан-Фрателло, на крутом холме на северном побережье, этот диалект используется в самой чистой форме. Итальянский язык также не полностью вытеснил вульгарный сицилийский диалект во внутренних районах острова. Мы встречаем много греческих и арабских слов. Одно из самых любопытных слов — *val*, которое применяется к различным районам Сицилии и, как полагают, происходит от *vali*, арабского термина, означающего «губернатор». Сицилийский диалект менее звучный, чем итальянский. Гласные, стоящие между согласными, часто опускаются, а о, и даже а и и (*ui*) превращаются в уу, что делает речь жесткой и нечеткой. Однако этот язык прекрасно подходит для поэзии, и сицилийские народные песни ничем не уступают по своей естественной грации и утонченности столь восхваляемым *риспекти* Тосканы.

Из всех эмигрантов, поселившихся на острове, только албанцы не смешались с общим населением. Местные жители называют их *Greci*, и они по-прежнему образуют отдельные общины, говорят на своем языке и соблюдают особые религиозные обряды в нескольких городах внутренних районов, и особенно в Пьяна-де-Гречи, расположенном на возвышенности к югу от Палермо. Слияние других рас также не так полно, как кажется на первый взгляд. Население вокруг горы Этна, которое, возможно, имеет более чистую греческую кровь, чем сами греки, отличается изяществом, весельем и мягким нравом. Это самая интеллигентная часть населения Сицилии. Говорят, что жители Трапани и Сан-Джулиани являются самыми красивыми, а их женщины восхищают приезжих регулярностью и красотой черт лица. С другой стороны, палермитанцы, в жилах которых течет много арабской крови, в большинстве своем непривлекательны внешне. Они редко открывают свои дома для чужаков и ревниво запирают своих женщин в самых укромных частях дома.

Самые жестокие обычаи войны, пиратства и разбоя дольше всего сохранялись в Палермо и его окрестностях, чем где-либо еще. Законы *омерты*, или «людей сердца», делают месть долгом. *A chi ti toglie il pane, e tu togli la vita !* («Забей того, кто отнял твой хлеб!») — вот ее основной принцип; но на практике палермитанская месть далека от простоты корсиканской вендетты, поскольку она осложнена самыми жестокими зверствами. Говорят, что не менее четырех-пяти тысяч палермитанцев входят в тайное братство *мафии*, члены которого живут за счет всевозможных мошенничеств. До 1865 года разбойники были хозяевами в окрестностях этого города. Они фактически осаждали город, отрезая его от более отдаленных пригородов. Пришельцы боялись покидать город, опасаясь быть убитыми или захваченными бандитами; и ни один фермер не мог собирать урожай кукурузы или оливок, стричь овец, не заплатив пошлину этим разбойникам. С тех пор прошло более десяти лет, но, несмотря на меры исключительной строгости, мафия все еще существует.

История этого объединения, которое берет свое начало со времен норманнских королей, еще не написана. Оно всегда процветало в периоды политических беспорядков и связанной с ними нищеты. Несомненно, за последние двадцать лет ситуация ухудшилась: были повышены налоги, введена воинская повинность и произошло много резких изменений, неотъемлемых от нового политического режима. Народ, привыкший мириться с давними злоупотреблениями, еще не научился нести бремя, наложенное в связи с присоединением острова к королевству Италия. Тем не менее сицилийцы с каждым днем становятся все более итальянскими. Общность языка и интересов связывает остров с полуостровом, и недалек тот день, когда обе страны будут вращаться в одной орбите. Италия крайне заинтересована в установлении дружеских отношений с жителями острова и в развитии его ресурсов. Быстрый рост населения, которое, как говорят, с 1734 года утроилось, свидетельствует о больших природных богатствах страны; и чего нельзя было бы достичь, если бы варварские методы, применяемые там в настоящее время, были заменены научными методами нашего времени?

Сицилия была излюбленным местом Цереры, и на равнине Катании эта благодетельная богиня научила человека искусству возделывания земли. Сицилийцы не забыли этого учения, поскольку почти половина территории покрыта кукурузными полями, но с тех легендарных времен они не усовершенствовали свою систему возделывания земли, и улучшения вряд ли могут быть осуществлены, пока существуют ограничения, наложенные феодальной системой землевладения, введенной норманнами. Сельскохозяйственные орудия примитивны, удобрения практически не используются, и судьба урожая полностью зависит от природы. Путешествуя по сельским районам Сицилии, мы удивляемся, что не встречаем отдельных домов. Здесь нет деревень, потому что все земледельцы живут в городах и довольствуются ежедневными поездками на свои поля, которые иногда находятся на расстоянии шести миль. Иногда они ночуют там, в пещере или канаве, укрывшись ветвями, а во время сбора урожая рабочие спят в импровизированных навесах. Отсутствие человеческих жилищ придает торжественную печаль обширным кукурузным полям, покрывающим долины и склоны, и нам почти кажется, что мы блуждаем по пустынной стране, и мы задаемся вопросом, для кого созревают урожаи.

Кукурузные поля занимают большую площадь, чем земли, отведенные под выращивание всех других культур вместе взятых; тем не менее, последние представляют более высокую денежную ценность. Сады, виноградники и огороды в окрестностях городов () являются гораздо более значительным источником богатства, чем отдаленные кукурузные поля. В прежние времена пшеница была основным экспортным товаром; теперь Сицилия больше не

является житницей, но обещает стать огромным центром торговли фруктами. Уже сейчас урожай апельсинов, выращиваемых здесь, который состоит из семи видов, подразделяющихся на четыреста сортов, представляет собой стоимость 2 000 000 фунтов стерлингов в год. Чудесные сады, окружающие Палермо, неуклонно расширяются за счет древних плантаций ясеня и поднимаются на холмы на высоту 1150 футов. Сотни миллионов апельсинов ежегодно экспортируются в континентальную Европу, Англию и Америку, а менее качественные сорта перерабатываются в эфирные масла, лимонную кислоту или лимонную кислоту. Последнее используется в полиграфии, и Сицилия имеет монополию на его производство.

Сицилия также занимает ведущее место как винодельческая страна и поставляет более четверти всего вина, производимого в Италии. Выращивание винограда, которым в значительной степени занимаются иностранцы, здесь понимают гораздо лучше, чем на соседнем полуострове, и вина, экспортируемые из Марсалы, Сиракуз, Алькамо и Милаццо, по праву пользуются высокой репутацией. Превосходное вино также выращивается на южных и западных склонах горы Этна, где жаркое солнце придает ему особую силу. Англия и неитальянская Европа являются крупными потребителями сицилийских вин, а также масла, миндаля, хлопка, шафрана, сумаха и манны, добываемой, как и в Калабрии, из одного из видов ясеня. Сырой шелк, который Сицилия была первой в Европе, кто начал производить, также экспортируется в значительных количествах.

Сера является основным минеральным продуктом острова. Месторождения сильно различаются по богатству, но даже там, где они содержат только пять или шесть процентов, свет, направленный на стены шахты, заставляет серу кипеть, как смола. Блоки, добытые из шахты, складываются под открытым небом, где они подвергаются разрушительному воздействию атмосферы. Затем фрагменты складываются над пламенем печи, что приводит к расколу камней, а расплавленная сера стекает в формы, расположенные под ними. С помощью этого примитивного процесса извлекается только две трети серы, содержащейся в породе, но, тем не менее, он оказывается наиболее прибыльным. Около 200 000 тонн серы, или более двух третей серы, необходимой для производственных целей во всей Европе, ежегодно экспортируется из Сицилии, а известные месторождения острова, по подсчетам, содержат от 40 000 000 до 50 000 000 тонн. К северу от Гиргенти и в других частях Сицилии сернистый гипс используется в строительстве домов, и атмосфера там всегда пропитана запахом серы.

Каменная соль встречается в тех же образованиях, что и сера, и в почти неисчерпаемых количествах, но соль не является редким товаром, и даже сицилийцы предпочитают добывать ее из соляных болот, простирающихся вдоль побережья, наиболее продуктивные из которых находятся недалеко от Трапани, на западной оконечности острова. В том же месте море дает лучший коралл Сицилии. Рыбный промысел тунца ведется в основном в больших бухтах между Трапани и Палермо, а меченосцы в основном вылавливаются в Мессинском проливе. Моря Сицилии богаты рыбой, и островитяне гордятся тем, что являются самыми опытными рыбаками Западного Средиземноморья.

До недавнего времени связь на Сицилии осуществлялась почти исключительно по морю. В 1866 году единственная автомобильная дорога на острове, соединяющая Мессину с Палермо, практически не использовалась путешественниками, и даже сейчас самые важные шахты серы и соли сообщаются с побережьем только по мультяжным тропам; а жители фактически выступают против строительства дорог, опасаясь, что они помешают существующим видам транспорта. Дорога, соединяющая гавань Терранова с

Кальтаниссеттой, строится уже двадцать лет, хотя это единственная дорога, соединяющая внутренние районы страны с морским побережьем. Железные дороги в некоторой степени восполняют этот недостаток дорог, но строятся очень медленно, и в настоящее время для движения открыто не более 250 миль.

Палермо, «счастливый», столица Сицилии, является одним из величайших городов Италии. Во времена арабов он превосходил по численности населения все города полуострова, но в настоящее время, несмотря на быстрый рост, уступает Неаполю, Милану и Риму. Ни один другой город Европы не может похвастаться столь же прекрасным климатом, ни один другой не выглядит столь же красиво с расстояния. Смелые бесплодные горы окружают чудесный сад, знаменитую «золотую раковину» (*conca d'oro*), из середины которой возвышаются башни и купола, пальмы с веерообразными листьями и сосны, а на юге возвышаются огромные церковные здания Монреале. Термини — единственный город Сицилии, который может соперничать с Палермо по красоте своего расположения, и он по праву заслуживает своего эпитета *splendissime*.

Рис. 118. — ПАЛЕРМО И МОНТЕ-ПЕЛЛЕГРИНО.

Но красота этой страны резко контрастирует с нищетой и грязью, царящими в большинстве кварталов столицы. В Палермо есть роскошные здания. Он может похвастаться богато украшенным собором; его королевский дворец и палатинская капелла, покрытые мозаикой и гармонично сочетающие в себе красоту византийского, мавританского и римского искусства, являются уникальными в своем роде; церковь Монреале, расположенная в одном из пригородов, может соперничать с Равенной по количеству мозаик. Есть мавританские дворцы, несколько современных памятников и две широкие улицы, которые испанский губернатор проложил в форме креста. Но, кроме этого, мы видим только темные и узкие улочки и убогие дома, окна которых забиты тряпками. До недавнего времени Палермо не заслуживал своего греческого названия «Порт всех наций». Окруженный горами и не имея связи с внутренними районами, его торговля была чисто местной, а экспорт ограничивался продукцией рыболовства и садоводства. Хотя Палермо намного более густонаселен, чем Генуя, его торговля составляет лишь половину от объема лигурийского города, но она быстро растет.

Трапани, колония карфагенян, как и Палермо, и Марсала, столь известная своими винами, на западной оконечности острова, пропорционально гораздо оживленнее столицы. Трапани, построенный на мысе в форме серпа, ведет оживленную торговлю. Соляные болота в его окрестностях являются одними из самых продуктивных во всей Италии; ¹¹⁰ ведется промысел тунца, кораллов и губок; а ремесленники города являются опытными ткачами, каменщиками и ювелирами. Гавань является одной из лучших в Италии; рейд хорошо защищен отдаленными Эгадскими островами; и амбиции жителей, которые с нетерпением ждут того времени, когда Трапани станет главным торговым центром для торговли с Тунисом, вероятно, будут реализованы после завершения строительства железной дороги до Мессины. Гавань Маццара, через которую вывозятся продукты из внутренних городов Кастельветрано и Салеми, находится ближе к Тунису, но ее защита от ветров оставляет желать лучшего. Что касается Марсалы — «Марс эд-Аллах», или «Божья гавань», как ее называли арабы, — ее порт был засыпан Карлом V и только недавно был восстановлен. Однако он не имеет достаточной глубины для крупных судов, и из него во Францию и Англию экспортируются только соль и вино. Марсала занимает место древнего города Лилибей, население которого составляло 900 000 душ, когда Диодор Сицилийский писал свою «Географию». Недавно он прославился благодаря высадке там Гарибальди и его тысячи последователей в 1860 году, а также тем, что именно отсюда они начали свой триумфальный поход, который закончился битвой при Вольтурно и захватом Гаэты.

Мессина, «благородная», является крупным торговым центром Сицилии и единственным портом этого острова, где встречаются суда всех стран. Мессина — это станция на морских магистралях, соединяющих Западную Европу и Левант. Ее рейд — один из самых безопасных, и суда, попавшие в бедствие, обязательно найдут там убежище. Кроме того, суда, идущие из Тирренского моря и опасющиеся столкнуться с опасными течениями пролива во время шторма, могут легко найти убежище в Милаццо, к северу от него. Порт Мессины образован серповидным языком суши, образующим естественный волнолом. ¹¹¹ В Европе есть лишь несколько городов, которые в большей степени подвержены разрушительному воздействию землетрясений, чем Мессина, и следы великого землетрясения 1783 года, которое затопило суда в гавани, разрушило дворцы вдоль побережья и привело к гибели более тысячи человек, еще не исчезли полностью.

Катания, расположенная у подножия Этны, как следует из ее греческого названия, подвергается угрозе не только землетрясений, но и извержений вулкана. Она также

пользуется высоким уровнем коммерческого процветания и экспортирует излишки продукции городов, расположенных у подножия вулкана, среди которых Ачиреале с его апельсиновыми рощами; Джарре с его пыльными улицами; Патерно, изобилующее термальными источниками; Адерно, расположенное на вершине лавовой скалы; Бронте, на стыке двух потоков шлака; и Рандацца, над которой возвышается древний норманнский замок. Катания также монополизирует экспорт продукции внутренних районов восточной Сицилии; она является крупным железнодорожным центром острова, и к ней сходятся несколько автомобильных дорог. Ее порт стал слишком мал для ведения бизнеса, и предлагается расширить его за счет причалов и волнорезов.

Рис. 119. — ТРАПАНИ И МАРСАЛА.
Масштаб 1:270 000.

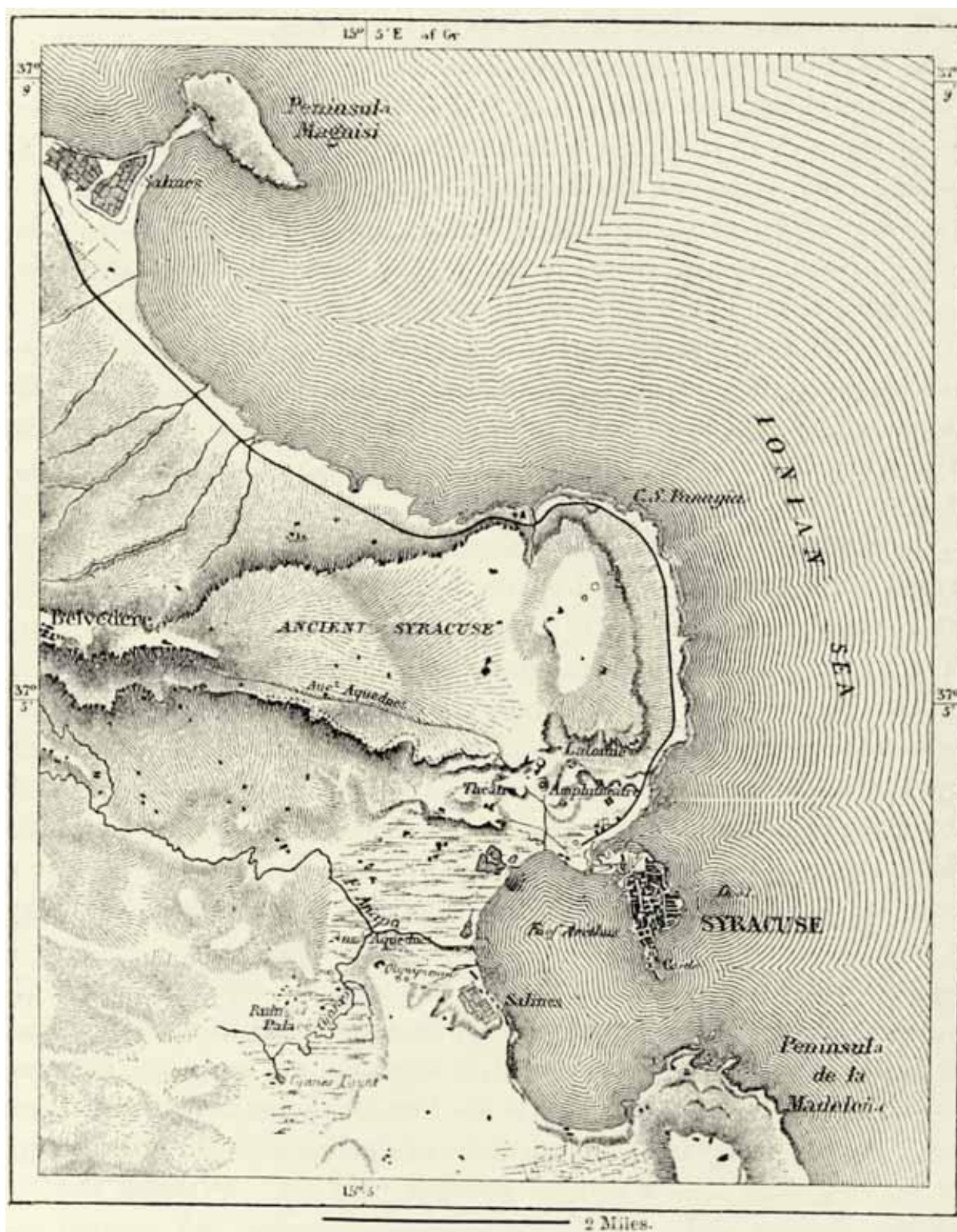

Вполне естественно, что на острове, ни один населенный пункт которого не находится дальше чем в сорока милях от моря, все крупные города расположены на побережье, где есть больше возможностей для торговли. Тем не менее, несколько населенных пунктов возникли во внутренних районах, либо в самых плодородных районах, либо на пересечении наиболее оживленных путей сообщения. Никозия, город Ломбардии, является естественным переходным пунктом между Катанией и северным побережьем острова. Корлеоне занимает аналогичное положение по отношению к Палермо и африканскому склону острова. Кастро Джованни, древняя Энна, также занимает привилегированное положение, поскольку находится на возвышенном плато в самом центре острова: большой камень рядом с ним, по словам жителей, является древним алтарем Цереры. *Piazza Armerina l'opulentissime* и *Caltagirone*, прозванный *la gratissima* из-за плодородия своих полей, являются густонаселенными городами, которые ведут значительную торговлю через Терранову, в строительстве которой были использованы камни старых храмов Гелы. *Caltanissetta*, расположенный дальше на запад, и его сосед *Canicatti* экспортируют свою продукцию через порт Ликата.

В юго-восточной части Сицилии также есть несколько важных внутренних городов, среди которых наиболее значительными являются Рагуза и Модика. Комизо, промышленный город, расположен дальше на запад и окружен хлопковыми плантациями. Долина Гиппарис, воспетая Пиндаром, отделяет его от Виттории, соляные равнины которой поставляют большую часть соды, экспортируемой в Марсель. Ното, как и большинство городов в этой части Сицилии, находится на некотором расстоянии от побережья, но его город-побратим, Авола, расположен на берегу Ионического моря. Ното и Авола были разрушены землетрясением 1693 года и были восстановлены с геометрической регулярностью недалеко от своих прежних мест. Поля Аволы, хотя и не очень плодородные по своей природе, являются одними из самых хорошо возделанных на острове, и только там производство сахарного тростника достигло какого-либо значения.

На северном склоне холмов, образующих хребет острова, расположены несколько других городов, населенных сельскохозяйственным населением. Лентини, древний Леонтина, который гордится тем, что является старейшим городом на острове, в настоящее время является лишь бедным местом, полностью перестроенным после землетрясения 1693 года. Милителло был восстановлен после той же эпохи, а Граммичели был основан в XVIII веке, чтобы предоставить убежище жителям Оккьяла, который был разрушен землетрясением. Виццини и Ликодия-ди-Виццини примечательны благодаря расположенным рядом с ними лавовым пластам, которые чередуются со слоями морских окаменелостей, а Минео находится рядом с небольшим кратером болота Паличи. Народные песни Минео известны по всей Сицилии. Рядом с ним находится чудесный «камень поэзии», и все, кто его поцелует, становятся поэтами.

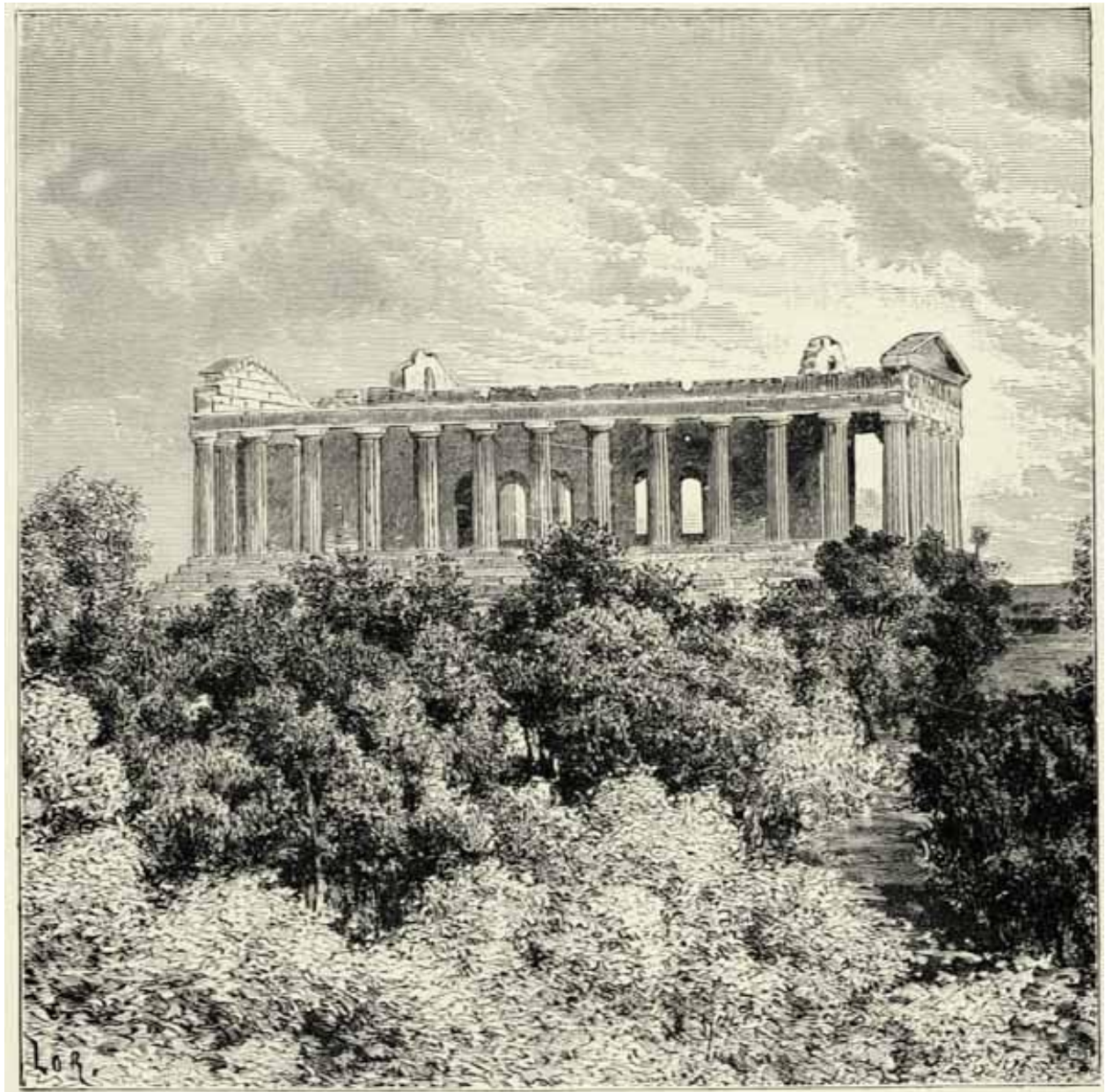
Рис. 120. — СИРАКУЗЫ.
Масштаб 1:100 000.

Южная Сицилия бедна естественными гаванями, и раньше вдоль всей той части побережья, которая обращена к Африке, были только открытые рейде и пляжи. Однако на

ионическом побережье есть две прекрасные гавани, а именно Агоста и Сиракузы, которые очень похожи друг на друга по очертаниям и общим чертам. Агоста, или Аугуста, преемник греческого города Мегара Гиблея, теперь представляет собой не более чем крепость, осажденную лихорадкой. Сиракузы, древний город дорийцев, когда-то самый густонаселенный и богатый город Средиземноморья, превратились в простую провинциальную столицу. Этот город, жители которого еще в прошлом веке праздновали свою великую победу над афинянами, теперь представляет собой не более чем груды руин. Его «мраморный порт», ранее окруженный статуями, теперь посещают только небольшие лодки, а его великая гавань, достаточно большая для соперничающих эскадр, лежит в запустении. Все, что от него осталось, находится на небольшом острове Ортигия, отделенном от материка укреплениями, рвом и болотами Сираки. Обширный известняковый полуостров, ранее занятый городом, в настоящее время заселен лишь несколькими фермерами, чьи дома стоят рядом с оросительными каналами. Величественные здания, возведенные жителями древних Сиракуз, теперь представлены руинами колонн на берегах Анапо, возвышающимися над «лазурным» фонтаном Киане; укреплениями Эпипола и Эврилума, возведенными Архимедом и ныне известными как Бельведер; остатками бань, огромным алтарем, достаточно большим для гекатомбных жертвоприношений, амфитеатром и замечательным театром на 25 000 зрителей, которые могли с своих мест одним взглядом охватить весь древний город с его храмами и флотом торговых судов. Однако ничто не может лучше передать представление о древнем величии города, чем обширные карьеры или *лаутумии* и подземные катакомбы, более обширные, чем в Неаполе, и до сих пор не полностью исследованные. В прежние времена вершина острова Ортигия была занята акрополем, на котором стоял храм Минервы, соперничавший с Парфеноном в Афинах. Моряки, покидая порт, были обязаны смотреть в сторону этого храма, держа в руках вазу с горящим углем, взятым с алтаря Юноны, которую они бросали в море, когда теряли его из виду. Части храма сохранились до наших дней, но его красивые колонны были покрыты штукатуркой и встроены в уродливую церковь.

Рис. 121. — ХРАМ СОГЛАСИЯ В ГИРГЕНТИ.

На Сицилии есть и другие греческие руины, которые, по мнению художников, делают этот остров достойным соперником самой Греции. Гиргенти, древний Акрагас или Агригент, который насчитывал сотни тысяч жителей, но сейчас является бедным местом, как Сиракузы, обладает руинами по крайней мере десяти храмов или религиозных сооружений, из которых храм, посвященный Олимпийскому Юпитеру, был самым большим во всей Италии и был использован при строительстве нынешнего мола. Другой храм, посвященный Конкордии, находится в лучшем состоянии, чем любой другой греческий храм за пределами Эллады. Современный город занимает лишь место древнего акрополя и построен на слое ракушечного песчаника, который ступенчато спускается к морю. Собор был построен из материалов, взятых из храма Юпитера Атабириоса, а его купель для крещения представляет собой древний саркофаг, на котором изображены любовные утехы Федры и Ипполита. В прежние времена Агригент простирался до нескольких миль от моря. Современный порт, названный в честь одного из самых известных сыновей города, расположен к западу от древнего эллинского *Эмпория*, на расстоянии четырех миль от города. Это самый

оживленный порт на южном побережье, откуда экспортируются большие количества серы (см. рис. [117](#), стр. 317).

Скьякка, другой приморский город, расположенный дальше на запад, в одном из самых подверженных землетрясениям районов острова, гордится тем, что является современным представителем Селинуса, хотя этот греческий город был расположен примерно на четырнадцать миль дальше на запад, к югу от Кастельветрано. Его семь храмов были разрушены землетрясениями, но они все еще представляют собой остатки чистейшего дорического стиля. Метопы трех из них были перевезены в Палермо, где они составляют самые ценные украшения музея.

Сегеста на северном побережье больше не существует, но там все еще остаются руины великолепного храма. Другие остатки греческого искусства в изобилии встречаются во всех частях острова, а также есть памятники, воздвигнутые римлянами. Если мы сравним эти древние сооружения с теми, что были построены позже византийцами, маврами, норманнами, испанцами и неаполитанцами, то мы вынуждены признать, что последние демонстрируют не прогресс, а упадок. Увы! Насколько же уступают жители современных Сиракуз своим согражданам времен Архимеда!

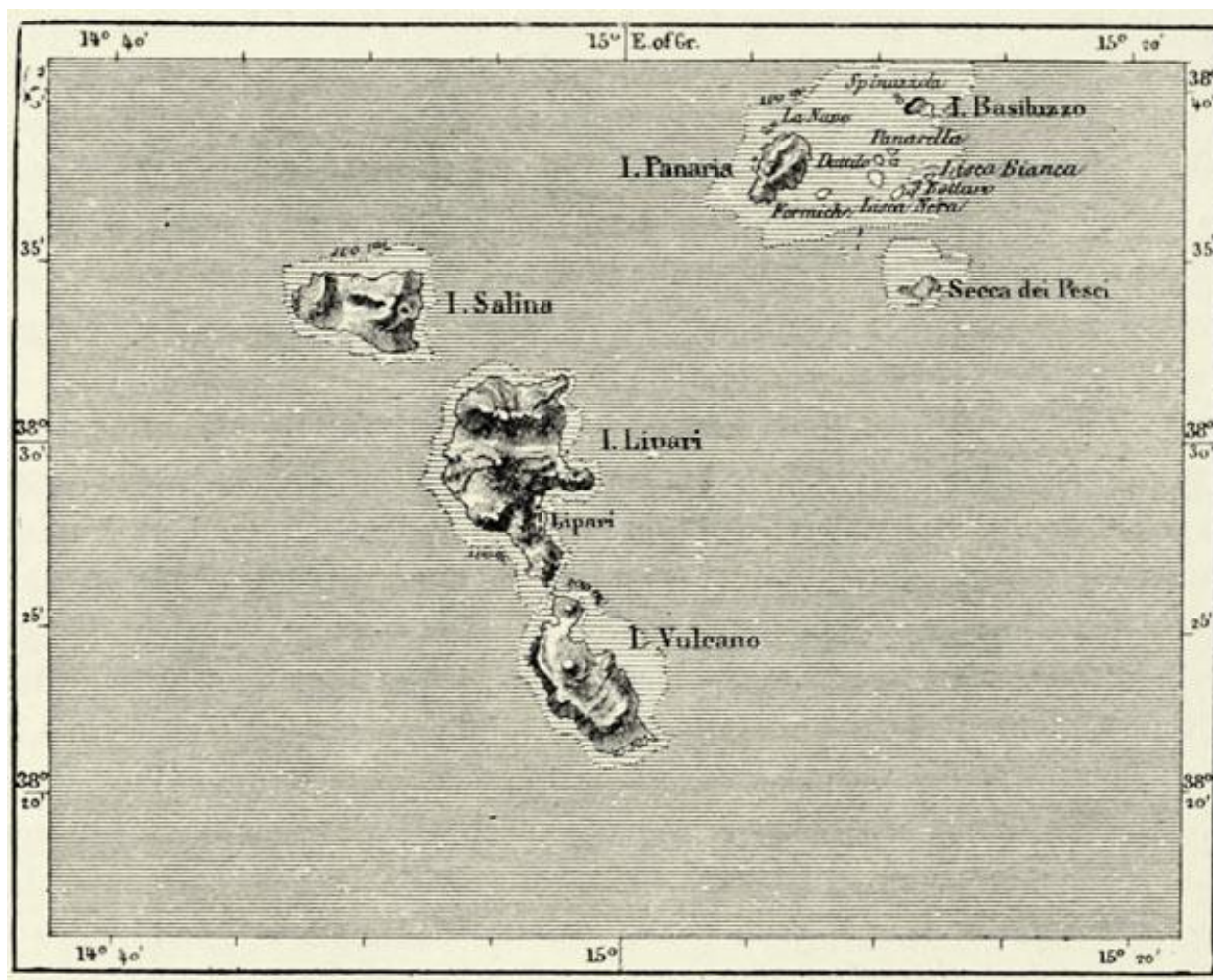
Сицилия предлагает наиболее яркие примеры городов, изменивших свое положение в результате политических потрясений. Когда древнегреческие города были на пике своей мощи, они смело спускались к самому побережью; но когда война и грабежи взяли верх — когда мавританские пираты рыскали по морю, а в глубине страны царило разбойничество — тогда большинство городов Сицилии укрылись на вершинах холмов, оставив свои низкорасположенные пригороды на произвол судьбы и позволив им в конце концов исчезнуть. Гиргенти — типичный пример. Некоторые города занимают места, обладающие большой природной защищенностью, и практически недоступны. Таковы Центурипе, или Центорби, который простирается вдоль края скалы к западу от Симето, и Сан-Джулиано, город Астарте, который стоит на вершине пирамидальной скалы высотой 1200 футов над Трапани. Но с возвращением мира жители покинули свои гнезда и вернулись на равнину или побережье. Вдоль всего северного побережья, от Палермо до Мессины, города на *побережье* или пляже продолжали расти за счет *борго*, занимавших вершины гор, и во многих случаях последние были полностью заброшены. Чефалу является ярким примером этой перемены. Современный город уютно расположился у подножия крутого мыса, на вершине которого до сих пор можно увидеть зубчатые стены старого города, внутри которого сейчас не осталось ничего, кроме небольшого циклопического храма, самого почитаемого руины всей Сицилии, которая противостояла разрушениям тридцати веков. [112](#)

ЭОЛЬСКИЕ ИЛИ ЛИПАРИЙСКИЕ ОСТРОВА.

Эолийские или Липарские острова, хотя и отделены от Сицилии проливом глубиной более 300 саженей, тем не менее могут рассматриваться как принадлежащие к более крупному острову. Некоторые из этих вулканических островов, «рожденных в тени Этны», лежат на линии, соединяющей этот вулкан с Везувием, и, вероятно, возникли в результате одного и того же природного катаклизма. Все они состоят из лавы, пепла или пемзы, извергнутых вулканами. Два из них, Вулкано и Стромболи, до сих пор являются действующими вулканами, и пламя и волнистые столбы дыма, поднимающиеся из них, позволяют морякам и рыбакам предсказывать изменения температуры или ветра. Вероятно, именно эта разумная интерпретация вулканических явлений была причиной того, что эти острова были посвящены Эолу, богу ветров, который там являлся морякам.

Липари, самый большой и центральный из этих островов, является одновременно и самым густонаселенным. Значительный город, возвышающийся над древним замком, поднимается как амфитеатр на его северном берегу. Хорошо возделанная равнина, изобилующая оливковыми деревьями, апельсиновыми деревьями и виноградниками, окружает город, а склоны холмов возделываются почти до самых вершин. Население, как и на Сицилии, сформировалось из самых разных элементов с тех пор, как греческие колонисты из Родоса, Книда и Селинуса заключили союз с коренными жителями. Это смешение рас продолжается и сейчас, как и раньше, поскольку торговля постоянно привносит свежую кровь, и многие калабрийские разбойники были перевезены на остров, где стали мирными гражданами. Население теперь может мирно размножаться, поскольку вулканы Липари находятся в состоянии покоя уже несколько столетий. У жителей Липари есть легенда, согласно которой святой Калоджеро изгнал дьяволов с островов и запер их в печах Вулкано, и из этого можно сделать вывод, что последнее извержение вулкана произошло вскоре после введения христианства, то есть примерно в VI веке. Существование подземных сил проявляется сейчас только в термальных источниках и паровых струях, которые с древнейших времен посещают для лечения болезней. Однако землетрясения происходят часто, и землетрясение 1780 года настолько напугало жителей, что они единодушно посвятили себя Деве Марии. Доломье, посетивший Липари в следующем году, обнаружил, что они носят на руке небольшую цепочку, с помощью которой они хотели показать, что стали рабами «Освободительницы».

Рис. 122. — ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ЗОЛИЙСКИХ ОСТРОВОВ.

Липари — земля обетованная для геологов благодаря большому разнообразию лав. Монте-делла-Кастанья полностью состоит из обсидиана. Другой холм, Монте-Бьянко, состоит из пемзы и, если смотреть на него издалека, выглядит как покрытый снегом. Потоки пемзы, заполняющие каждое ущелье, доходят до моря, и вода покрыта этим плавучим камнем, который иногда дрейфует вплоть до Корсики. Липари поставляет пемзу почти всей Европе.¹¹³

Вулкано, расположенный к югу от Липари, от которого его отделяет пролив шириной менее мили, странно контрастирует со своим улыбчивым соседом. Вулкано, за исключением нескольких оливковых деревьев и виноградников, растущих на южных склонах, полностью состоит из голой шлаковой породы, и это обстоятельство, вероятно, привело к тому, что он был посвящен Вулкану. Большинство его скал черного или красноватого цвета, как железо, но есть и другие, которые имеют алый, желтый или белый цвет. На северной оконечности острова возвышается Вулканелло, небольшой конус, который появился над поверхностью моря неизвестно когда и который в середине XIII века соединился с главным вулканом острова перешейком из красноватой золы. Эта центральная гора острова имеет кратер окружностью около 1800 ярдов, из которого постоянно выходит пар. Атмосфера насыщена серными парами, которые трудно дышать. Из сотен маленьких отверстий струи пара

выходят с пульсирующим и шипящим шумом. Некоторые из этих фумарол имеют температуру 610 °F. Струи более низкой температуры встречаются в других частях острова и даже на дне бухты. Сильные извержения редки, и в XVIII веке произошло только три. Последнее извержение произошло в 1873 году, после столетнего перерыва. До недавнего времени единственными обитателями Вулкано были несколько заключенных, которые добывали серу и борную кислоту и производили небольшое количество квасцов. Но теперь эта великолепная химическая лаборатория перешла во владение предприимчивого шотландца. Он построил большую фабрику недалеко от порта, а несколько деревьев, посаженных вокруг его мавританской резиденции, несколько улучшили отталкивающий вид этой местности.

Стромболи, хотя и меньше Липари или Вулкано, тем не менее более известен благодаря своим частым извержениям. На протяжении веков практически ни один моряк не проплывал мимо этого острова, не увидев его вершину в состоянии свечения. С интервалом в пять минут или меньше кипящая лава, заполняющая его котёл, вскипает, происходят взрывы, выбрасываются пар и камни. Эти ритмичные извержения представляют собой весьма приятное зрелище, поскольку не представляют никакой опасности, а оливковые роции Стромболиотов никогда не пострадали от потоков лавы. Однако у вулкана бывают моменты раздражения, и его пепел часто доносится до побережья Калабрии, которое находится более чем в тридцати милях от острова.

Панария и окружающая группа островов между Стромболи и Липари претерпели много изменений, если Доломье и Спалланцани правы в том, что изначально они составляли один остров, который был разорван на фрагменты извержением, центр которого находился вблизи нынешнего острова Даттило. Горячий источник и периодическое бурление морской воды доказывают, что вулканические силы еще не совсем угасли.

Что касается небольших восточных островов архипелага, Салина, Феликуди и Аликуди, последний из которых напоминает палатку, установленную на поверхности воды, то история не содержит никаких упоминаний о том, что они когда-либо находились в каком-либо другом состоянии, кроме спокойного. Остров Устика, расположенный примерно в тридцати милях к северу от Палермо, также имеет вулканическое происхождение, но, насколько известно, на нем никогда не было извержений. Это одно из самых страшных мест ссылки в Италии. Рядом с ним находится необитаемый остров Медико, древний Остеодес, где наемники, брошенные карфагенянами, были оставлены умирать от голода.

ЭГАДСКИЕ ОСТРОВА.

У западной оконечности Сицилии лежат отмели, песчаные банки и известняковые острова того же состава, что и прилегающий материк. Это Эгадские острова, или Козьи острова, названные в честь животных, которые лазают по их крутым откосам. Фавиньяна, возле которой римляне одержали морскую победу, положившую конец Первой Пунической войне, является самым большим из этих островов. Его крутые скалы изобилуют пещерами, в которых были найдены кучи ракушек, обглоданные кости и каменные орудия, относящиеся к эпохе мамонтов и допотопных медведей. В этом лабиринте скал и отмелей часто возникают конфликты между противоположными ветрами, а сила волн вызывает большой страх. Приливы и отливы здесь очень нерегулярны и вызывают опасные водовороты. Внезапный отлив, известный местным жителям как *marubia*, или «пьяное море» (*mare ubbriaco?*), стал причиной многих кораблекрушений.

Рис. 123. — СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ К ЮГУ ОТ СИЦИЛИИ.
Масштаб 1 : 4 000 000.

ПАНТЕЛЛАРИЯ.

Пантеллария возвышается в самом центре пролива, соединяющего западную и восточную части Средиземного моря. Остров вулканического происхождения, богат термальными источниками и, прежде всего, паровыми струями. Расположенный на важной морской трассе, Пантеллария мог бы приобрести большое значение, если бы имел хорошую гавань, подобную мальтийской. Судя по некоторым руинам, в прошлом население острова было более многочисленным, чем сейчас. Существует около тысячи странных сооружений, называемых жителями «сеси», которые, как полагают, являются древними жилищами. Как и *нураги* Сардинии, они имеют форму ульев и построены из огромных каменных блоков без использования раствора. Некоторые из них достигают двадцати пяти футов в высоту и сорока пяти футов в ширину; археолог Росси считает, что они относятся к каменному веку, поскольку в них были найдены куски обработанного обсидиана.

С вершины Пантелларии можно разглядеть мысы на тунисском побережье, но, хотя остров находится ближе к Африке, чем к Европе, он, тем не менее, принадлежит к последнему континенту, о чем свидетельствует конфигурация морского дна. Этого нельзя сказать о Линозе, острове с четырьмя вулканическими вершинами к западу от Мальты, и тем более о Пелагийских островах. Последние, состоящие из Лампедузы и соседней скалы под названием Лампион, обязаны своим названием (Лампоносец и Лампа) свету, который, согласно легенде, поддерживал в горении отшельник или ангел для помощи морякам. В наши дни эту легендарную лампу заменил небольшой маяк, обозначающий вход в порт Лампедузы, где находят безопасное убежище суда водоизмещением в три-четыре сотни тонн.

В конце XVIII века русские предложили создать на Лампедузе военную базу, которая могла бы соперничать с мальтийской, но этот проект так и не был реализован и не был поддержан итальянским правительством. Население состоит из солдат, политических изгнанников, преступников и нескольких поселенцев, которые говорят на мальтийском языке. [114](#)

МАЛЬТА И ГОЦЦО.

Мальта, хотя и является политической колонией Великобритании, географически принадлежит Италии, поскольку возвышается над тем же подводным плато, что и Сицилия. Примерно в пятидесяти милях к востоку от острова глубина моря превышает 1500 саженей, но на севере, в направлении Сицилии, она едва достигает восьмидесяти, и нет сомнений, что когда-то Мальту с материковой Европой соединял перешеек. Геологи сходятся во мнении, что земля, от которой сейчас остались только Мальта и Гоццо, в прошлом должна была быть очень обширной, поскольку среди окаменелостей в ее самых поздних известковых породах были найдены кости слонов и других животных, обитающих только на континентах. Даже сейчас остров постепенно разрушается, и его крутые скалы, пронизанные многочисленными гротами, известными местным населением как *ghar*, постепенно превращаются в пыль.

Расположенная в самом центре Средиземного моря и обладающая отличным портом, Мальта всегда была важным торговым центром. Она была оккупирована всеми народами, которые сменяли друг друга во владении Средиземным морем — финикийцами, карфагенянами, римлянами и греками. Но задолго до этого остров, должно быть, был заселен, поскольку мы встречаем высеченные в скалах гроты и любопытные сооружения, напоминающие *нураги* Сардинии, и вполне возможно, что потомки этих аборигенов по-прежнему составляют основную часть нынешнего населения, которое, в любом случае, очень смешанное и во время господства сарацин почти стало арабским. Здесь говорят на очень искаженном итальянском языке, содержащем много арабских слов.

Рис. 124. — ПОРТ МАЛЬТЫ.
Масштаб 1:49 000.

14°31'15" E. of Cr

14° 31' 15"

2 Miles.

ЛА-ВАЛЕТТА, МАЛЬТА.

Важная военная роль Мальты началась, когда рыцари Святого Иоанна, изгнанные с Родоса в 1522 году, поселились на острове и превратили его в оплот христианского мира. В начале этого века Мальта перешла во владение англичан, которые оттуда, как с наблюдательной башни, могут контролировать все Средиземноморье от Гибралтара до Смирны и Порт-Саида. Превосходный порт Ла-Валетта значительно облегчает выполнение Мальтой своей военной и торговой роли в Средиземноморье. Он достаточно просторен, чтобы принять два полных флота, а его подходы защищены укреплениями, которые стали неприступными благодаря трехвековой работе. Кроме того, здесь есть все необходимое для торговых судов, включая док для каренирования, который является крупнейшим в мире. Торговля острова быстро растет; он является одним из крупнейших центров паромов, а подводные телеграфы связывают его со всеми частями света.¹¹⁵

Город Ла-Валетта сохранил всю свою древнюю живописность, несмотря на прямые улицы и окружающие его стены. Его высокие белые дома, украшенные балконами и оранжереями, возвышаются амфитеатром на склоне холма; лестницы ведут от причала к причалу до вершины этого холма; и с каждой улицы мы видим синее море с его большими торговыми судами и множеством более мелких судов. Гондолы с двумя огромными глазами, нарисованными на носу, бесшумно скользят по воде, а странные транспортные средства тяжело катятся по набережным. Мальтийцы, английские солдаты и моряки всех национальностей толпятся на улицах. Время от времени по стенам быстро скользит женщина. Как и все христианские женщины Востока, она носит *фальдетту*, своего рода черный шелковый домино, который скрывает ее роскошное платье и кокетливо скрывает ее черты лица.

Мальта за стенами города — это унылое место. Местность постепенно поднимается к югу, в направлении Читта-Веккья и холмов Бен-Джемма. Здесь много серых скал, растительность

покрыта мелкой пылью, а белые стены деревни блестят на солнце. Здесь нет деревьев, за исключением нескольких одиноких садов, где растут знаменитые мандарины. Здесь также нет рек. Почва выжжена, и удивительно, что она дает такие обильные урожаи зерновых и клевера (*сулла*), вырастающего до высоты человека. В сезон цветения глаз радуют оттенки гвоздики. Мальтийские крестьяне, маленькие, жилистые и мускулистые, удивительно трудолюбивы. Они обрабатывают всю землю на острове, за исключением скал, а там, где нет плодородной почвы, они создают ее искусственно, измельчая камни. В прежние времена суда, прибывавшие из Сицилии, были обязаны привозить с собой определенное количество почвы в качестве балласта. Но, несмотря на тщательное возделывание земли, урожай жителей Мальты, Гоццо и Комино (названного так от слова «кумин», который, наряду с хлопком, является основной культурой острова) едва хватает на шесть месяцев, и островитяне в значительной степени зависят от Сицилии в плане продовольствия. Судоходство и рыболовство также вносят свой вклад в средства к существованию, но мальтийцы все равно погибли бы на своем острове, если бы избыточная часть населения не эмигрировала во все прибрежные страны Средиземноморья, и особенно в Алжир, где мальтийцы, как и везде, отличаются бережливостью и трудолюбием.

Зимой этот исход в некоторой степени компенсируется прибытием многих английских семей, которые посещают остров ради его сухого и мягкого климата. Февраль — самый прекрасный месяц, и остров тогда сияет зеленью, но палящая жара лета быстро высушивает растительность.

Губернатор, назначаемый короной, осуществляет исполнительные функции и обладает правом помилования. Ему помогает Совет из семи членов, который обсуждает и голосует за все законы. Лорд-лейтенант каждого округа выбирается из числа мальтийской знати, а депутаты, назначаемые губернатором, управляют делами деревень. Итальянский язык является языком судов, за исключением Верховного суда, в котором в 1823 году был введен английский язык.

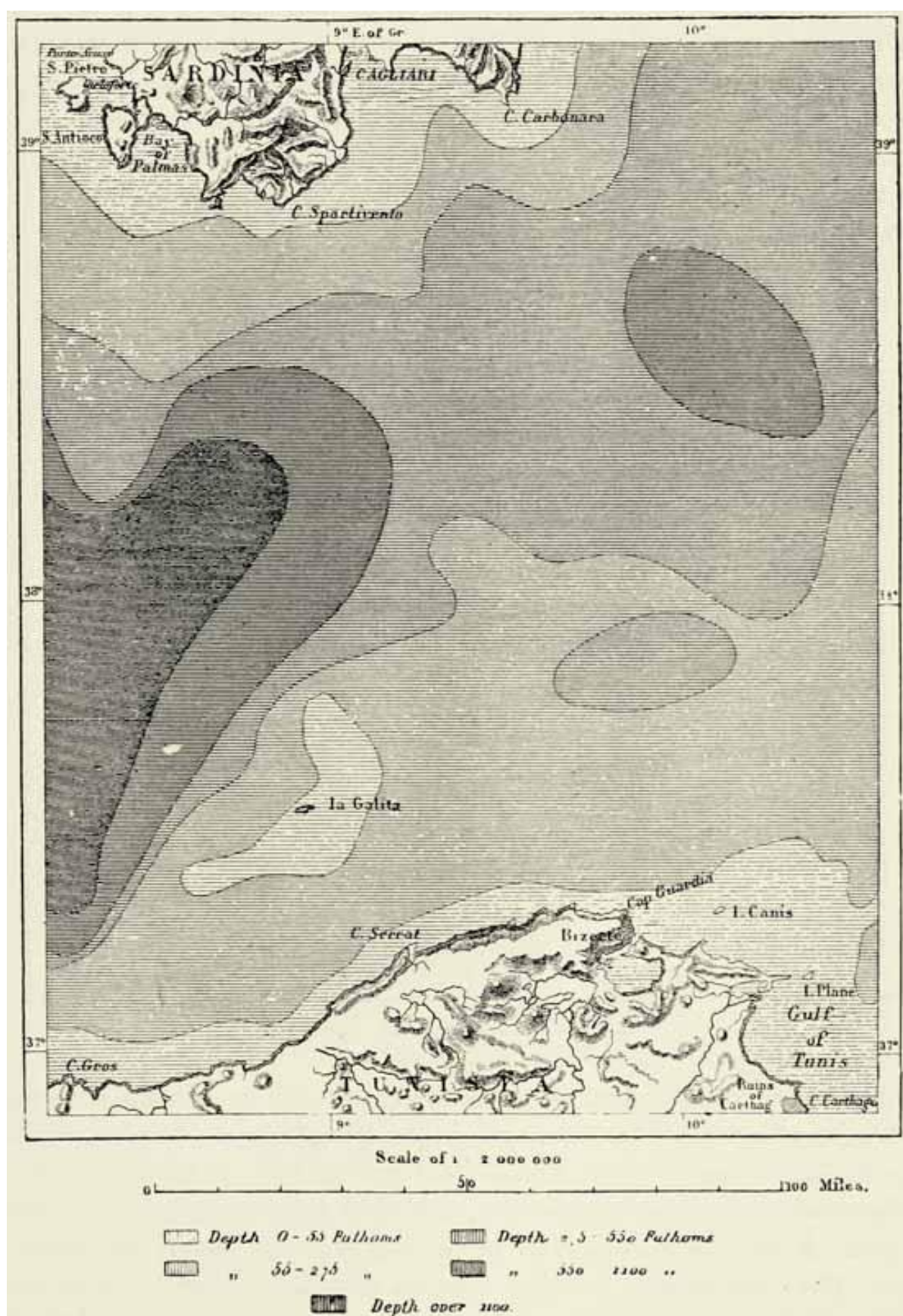
Доходы острова, составляющие около 170 000 фунтов стерлингов в год, недостаточны для покрытия военных расходов, и дефицит покрывается из имперской казны.

Большинство жителей являются католиками. Епископ назначается папой и имеет доход в размере 4000 фунтов стерлингов.^{[116](#)}

VIII. — САРДИНИЯ.

Любопытно, что такой плодородный остров, как Сардиния, богатый металлами и удачно расположенный в центре Тирренского моря, так отстал в гонке прогресса. Когда остров принадлежал карфагенянам, его население было, безусловно, более многочисленным, чем сейчас, и об этом свидетельствуют страшные массовые убийства, зафиксированные римскими историками. Его упадок был внезапным и полным. Отчасти это можно объяснить конфигурацией острова, который имеет крутые скалы в сторону Италии, откуда могли прибывать эмигранты, в то время как его западное побережье ограничено болотами и нездоровыми топиями. Но главная причина этого застоя, который длился веками, кроется в действиях человека. Завоеватели, сменившие римлян и византийцев во владении островом, будь то сарацины, пизанцы, генуэзцы или арагонцы, монополизировали его продукцию исключительно в целях собственной выгоды, а еще больше вреда нанесли пираты из Барбарии, которые часто нападали на его побережье. Еще в 1815 году тунисцы высадились на Сант-Антиоко, убивая жителей или уводя их в рабство. Прибрежные районы опустели, и жители ушли вглубь острова, где, угнетаемые феодалами, они вели жизнь в изоляции от остальной Европы. Прошло всего одно поколение с тех пор, как Сардиния начала участвовать в общем прогрессе, происходившем во всей Италии.

Рис. 125. МОРЕ К ЮГУ ОТ САРДИНИИ.
Масштаб 1 : 2 000 000.

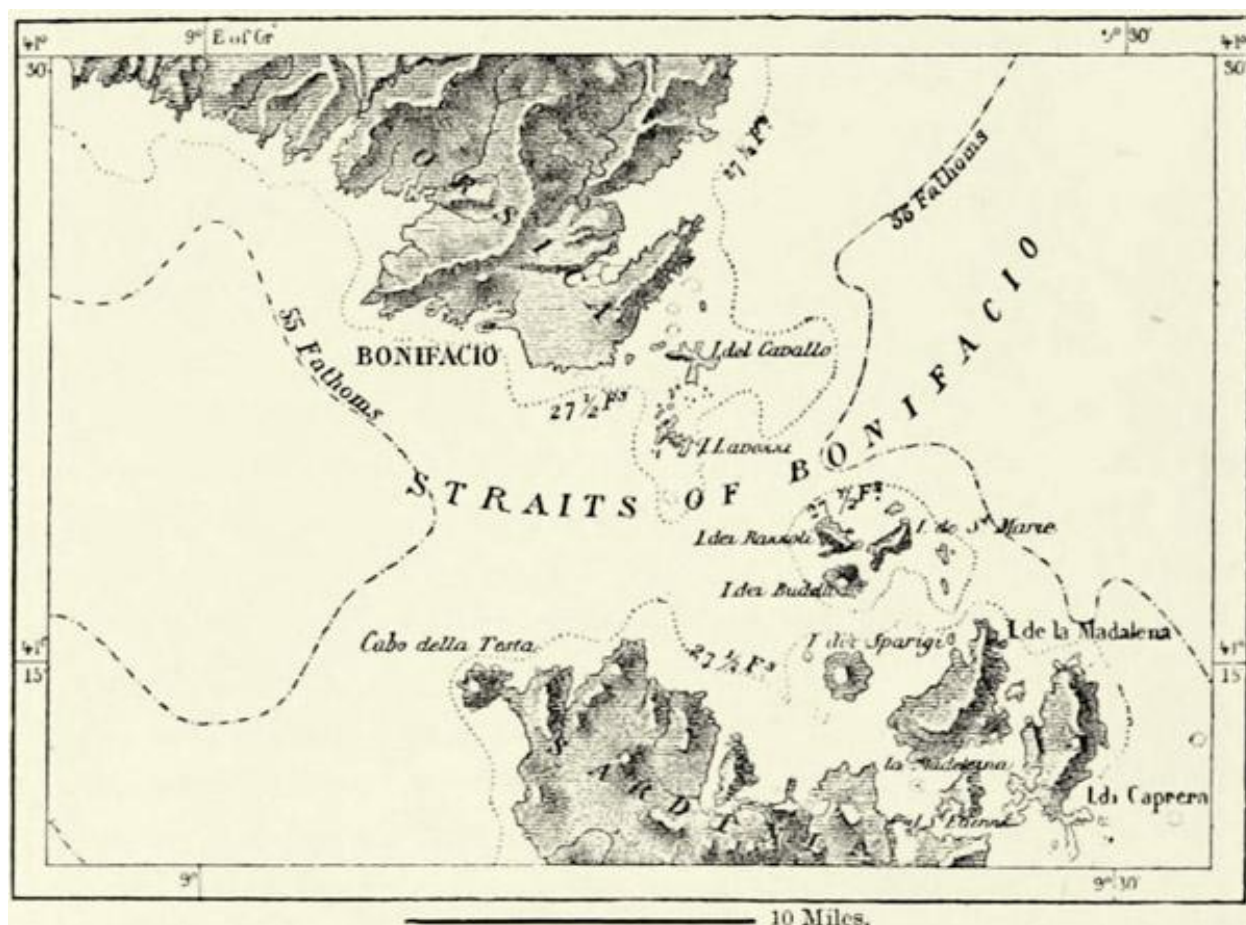

Сардиния почти такая же большая, как Сицилия, но имеет только четверть ее населения. [117](#) Географически она более независима от Италии, чем южный остров, и глубокое море, глубиной более 1000 саженей, отделяет ее от африканского континента. Сардиния вместе с

Корсикой образует группу близнецов-островов, отделенных от Тосканского архипелага узким проливом глубиной всего 170 саженей. Геологическое строение обоих островов одинаково, и нет сомнений, что острова и скалы в проливе Бонифачо являются остатками перешейка, разрушенного морем. С другой стороны, из исследования геологии Сардинии мы узнаем, что в недалеком прошлом этот остров, вероятно, состоял из нескольких отдельных островов. Главный остров составлял южное продолжение гор Корсики, а более мелкие острова лежали к западу. Аллювиальные отложения, извержения вулканов и, возможно, также поднятие почвы превратили мелкие проливы, которые их разделяли, в сушу.

Можно сказать, что горы Сардинии начинаются с островов Маддалена и Капрера в проливе Бонифачо, а в горном массиве Галлуря они уже достигают значительной высоты. Понижение отделяет их от южной части большой хребтовой гряды острова, которая простирается вдоль всего восточного побережья и резко заканчивается у мыса Карбонаро. Эти горы, как и горы Корсики, состоят из кристаллических пород и сланцев, но в то время как на Корсике склоны наиболее крутые в западном направлении, на Сардинии все наоборот, и можно сказать, что этот остров почти что отворачивается от Италии. Общий уклон острова направлен на запад, и поэтому его оккупация Испанией могла быть оправдана чисто географическими соображениями.

Рис. 126. ПРОЛИВ БОНИФАЧИО.
Масштаб 1:300 000.

Самые высокие вершины острова находятся в центральной части этой кристаллической цепи, где Геннаргенту, или «серебряная гора», поднимается на высоту 6116 футов.

Небольшое количество снега остается в расщелинах этой горы в течение всего лета. Жители северной Сардинии раньше полагали, что их собственный Гигантину, или «великан», в горах Лимбарра, является самой высокой точкой острова, но тщательные измерения показали, что этот великолепный пик достигает высоты всего 4297 футов.

Вторичные горные группы в западной части острова отделены от главной цепи недавними геологическими образованиями. Гранитный регион Ла-Нурра к западу от Сассари, почти незаселенный, несмотря на свои плодородные долины, и примыкающий к нему остров Асинара, богатый черепахами, относятся к этим изолированным горным регионам. Еще одна, пересеченная красивой долиной Домус-Новас, занимает юго-западную оконечность острова. Геологи считают ее самой древней частью острова, а равнина Кампидано, которая сейчас занимает место древнего морского рукава, является четвертичным образованием. Поперечный хребет Маргине занимает центр острова, и там мы также встречаем обширные известняковые плато, пронизанные вулканическими породами. Однако древние кратеры больше не извергают лаву и даже газы, и жители деревень спокойно построили свои хижины внутри них. Только термальные источники указывают на существование подземных сил. Вулканические конусы недавнего происхождения встречаются в северо-западной части острова, а также в долине Оросей на восточном побережье. Трахитовые породы островов Сан-Пьетро и Сант-Антиоко более древние. Иногда они имеют вид архитектурных конструкций, особенно на мысе Колонн, который, однако, быстро исчезает, поскольку камень добывается для использования в качестве тротуарной плитки. На Сант- 'Antioico, который соединен с материком мостом, есть глубокие пещеры, где обитают тысячи голубей, которых ловят, расставляя сети перед входом в пещеры.

В дополнение к изменениям, вызванным вулканической деятельностью, на Сардинии наблюдаются следы медленного поднятия или оседания в результате расширения или сжатия верхних слоев земли. Поднятые пляжи были обнаружены Ла Марморой недалеко от Кальяри, на высоте 243 и 322 фута над уровнем моря, где вместе с черепками и другими предметами были найдены раковины живых видов, что доказывает, что во время этого поднятия остров уже был заселен. В других местах существуют следы оседания, и старые финикийские города Нора, к юго-западу от Кальяри, и Таррос, на северном полуострове залива Ористано, оказались частично затопленными.

Среди рек острова только одна заслуживает этого названия. Это Тирсо, или Фиуме д'Ористано, питаемая снегами Геннаргенту и дождями, которые выпадают на западных склонах гор. Другие реки такой же длины — это едва ли не потоки, которые то наводняют прилегающие поля, то сжимаются до тонкой нити воды, извивающейся между зарослями лавровых деревьев. Большая часть русел рек сухая в течение восьми месяцев в году, и даже после дождя вода не попадает в море, а впитывается прибрежными болотами.

Все эти болота имеют солоноватую воду. Самые большие из них свободно сообщаются с морем, по крайней мере в сезон дождей, но другие отделены от него полосой песка. Однако и эти болота тоже солоноватые, поскольку морская вода просачивается через почву и поддерживает в них одинаковый уровень. Вода внутренних болот также насыщена солевыми веществами, поступающими из окружающей почвы. Обычно они высыхают летом, но солевой налет, который тогда появляется, едва ли достаточно сухой, чтобы оправдать трудозатраты на его сбор и очистку. Единственные соляные болота, которые действительно эксплуатируются, — это болота Кальяри и Карло-Форте на Сан-Пьетро. Они сданы в аренду французской компании и ежегодно дают около 120 000 тонн соли.

Болота и марши окружают почти весь остров зоной миазмов, которые переносятся ветром вглубь острова, вызывая лихорадку даже в более высокогорных районах. На острове есть места, воздух которых посторонний человек не может дышать безнаказанно. Прибрежные районы Сардинии с их стоячими водами являются, по сути, самыми нездоровыми в Италии, и почти четверть территории острова подвержена малярии, что вполне объясняет небольшую численность населения острова и его незначительный прогресс.

Даже когда Сардиния была на пике своего процветания и снабжала Рим большим количеством зерна, сыра, свинины, свинца, меди, железа и текстильных тканей, она славилась своей нездоровой атмосферой, и императоры изгоняли туда тех, от кого хотели избавиться. Тогда, как и сейчас, землевладельцы примерно в середине июня уезжали в города, стены которых обеспечивали некоторую защиту от ядовитого воздуха. Итальянские государственные чиновники отправляются на остров в качестве наказания и в большинстве своем считают себя приговоренными к смерти. Даже местные жители вынуждены соблюдать самые строгие меры предосторожности и носить одежду из кожи или кожи, непроницаемую для дождя, тумана и росы. В самое жаркое время года они одеваются очень тепло, чтобы защититься от климата, и в своих длинных *маструках* из овечьей кожи они почти похожи на валашских пастухов.

Древние географы, а также сами сардинцы, объясняют нездоровый климат редкостью северо-восточных ветров. Горы Лимбарра на севере острова, по общему мнению, действуют как своего рода экран, который отклоняет этот благотворный ветер, нанося большой ущерб Нижней Сардинии; и в этом народном представлении, по-видимому, есть доля правды. Юго-западные ветры, или *либеччо*, почти так же редки, и когда они дуют, то с бурной силой.

Регулярные ветры Сардинии дуют с северо-запада или юго-востока. Первый известен как *maestrale*, второй — как *levante* или *sirocco*, который жители южной Сардинии называют *maledetto levante*. Он насыщается влагой во время своего прохождения через Средиземное море, и его температура на самом деле намного ниже, чем можно было бы предположить, судя по вызываемой им вялости. Маестрале, напротив, приветствуется с радостью, поскольку это бодрящий ветер. Достигая побережья, он обычно теряет влагу, и к моменту прибытия в Кальяри становится совершенно сухим. Столица Сардинии обязана этому ветру и морским бризам своей низкой температурой (62,4 °F), которая намного ниже, чем в Генуе.

Ураганы сравнительно редки, а грады, которые наносят такой ущерб в других местах, практически не известны. Большая часть осадков выпадает осенью; в декабре дожди прекращаются, и наступает самое приятное время года. Это «золотые дни» древних поэтов, когда море успокаивается, чтобы священная птица могла построить свое гнездо. Но за этими приятными днями следует несчастная весна. Февраль, «двуликий месяц» сардинских моряков, приносит капризные морозы, за которыми в марте и апреле следуют резкие перепады температуры, ветры и дожди. В результате растительность развивается гораздо медленнее, чем можно было бы предположить, исходя из широты.

Растительность Сардинии похожа на растительность других островов Средиземного моря. Леса в высокогорных долинах внутренних районов и на бездорожных горных склонах состоят из сосен, дубов и каменных дубов, местами смешанных с вязами и кленами. Деревни окружены каштановыми деревьями и рощами великолепных ореховых деревьев. Вершины холмов, лишенные лесов, покрыты душистыми растениями и зарослями мирта, земляники и вереска. Именно там пчелы собирают горький мед, столь презируемый Горацием. Обширные участки некультивируемой земли у побережья покрыты дикими оливковыми деревьями, которые нужно только привить, чтобы они давали отличные плоды. Все

фруктовые деревья и полезные растения Средиземноморья процветают на Сардинии. Миндальные и апельсиновые деревья, завезенные маврами в конце XI века, растут очень хорошо. Апельсиновые рощи Миллиса, которые защищены потухшим вулканом Монте Ферру, являются, пожалуй, самыми продуктивными на побережье Средиземного моря и в хорошие сезоны дают 60 000 000 апельсинов. Сады Домус-Новас, Озьеры и Сассари удивляют своей плодородностью. В южной части острова, везде, где возделанные поля вытесняют земли, покрытые каменными розами, фенхелем и лилиями, они огорожены фиговыми деревьями. Веерообразные листья финиковой пальмы можно увидеть возле каждого города, и особенно в окрестностях Кальяри. Любопытно, что карликовая пальма не встречается в южных низменностях острова, хотя их климат почти африканский, но образует густые заросли в пустынях Альгеро, на севере острова. Жители едят корни этого дерева, как и мавры.

Хотя все растения соседних стран легко акклиматизируются на Сардинии, этот остров по природе беднее видами, чем континентальные регионы, расположенные на той же широте. В его флоре нет ничего особенного, поскольку остров, вероятно, является лишь остатком более обширной территории, которая ранее соединяла Европу с Африкой. Что касается знаменитого растения, упоминаемого древними писателями, которое, если его съесть по ошибке, вызывало приступы «сардонического смеха» () или даже смерть, то оно, по-видимому, не является особенностью острова. Мимо, основываясь на описаниях Плиния и Павсания, полагает, что речь идет о крупнолистной водяной петрушке (*Sium latifolium*).

Число видов животных, как и растений, на Сардинии меньше, чем на соседнем континенте. Здесь нет ни медведей, ни барсуков, ни хорьков, ни кротов. Змеи или ядовитые змеи любого вида не встречаются, и единственное животное, которого следует бояться, — это тарантул (*arza* или *argia*), укус которого можно вылечить только танцами до полного изнеможения или погружением в навоз. Обычная лягушка, хотя и распространенная на Корсике, здесь не встречается, но европейские бабочки многочисленны. Муфлон, который, возможно, является предком наших домашних овец и был истреблен почти на всех островах Средиземного моря, до сих пор обитает в горах Корсики и Сардинии. Еще в начале этого века по Сант-Антиоко бродили дикие лошади; на небольших островах, расположенных вдоль побережья, обитают мириады кроликов; а на известняковом острове Таволара в заливе Терранова живут дикие козы с длинными рогами и желтыми зубами. Эти козы являются потомками домашних животных, брошенных здесь в прежние времена. Капрера, резиденция Гарибальди, названа в честь коз, которые ранее обитали на ней, и животные этого вида, недавно завезенные туда, быстро вернулись к естественному состоянию.

Естествоиспытатели заметили, что млекопитающие Сардинии меньше, чем те же виды, обитающие на континенте. Единственным исключением из этого правила является коза. Олени, кабаны, лисы, дикие кошки, зайцы, кролики, куницы и ласки — все они меньше, чем их континентальные сородичи. То же правило применимо и к домашним животным, за исключением свиней, которые достигают больших размеров, особенно там, где им разрешается свободно бродить по дубовым лесам. Существует разновидность этого животного, копыта которого не раздвоены, и которое, следовательно, следует отнести к однокопытным. Лошади и ослы Сардинии — карлики. Но лошади отличаются большой выносливостью, уверенностью в ногах, энергичностью и выносливостью. Если бы в дополнение к этим преимуществам они обладали более привлекательной внешностью, они бы вошли в число самых ценимых лошадей Европы. Что касается ослов, то, хотя они едва ли больше мастифа, это храбрые маленькие животные, которые часто делят с хозяевами

единственную комнату их жилища. Старинные мельницы, во всех отношениях напоминающие римские барельефы, которые можно увидеть в Ватикане, приводятся в движение этими осликами, которые таким образом вносят существенный вклад в содержание своих владельцев.

Сардиния более чем любая другая страна Западной Европы богата доисторическими памятниками. Здесь есть мегалиты, известные как «камни гигантов», «алтари» или «длинные камни», как в Бретани, и почти ни на одном из них нет следов от долота. Однако дольмены встречаются редко, и подлинность всех из них вызывает сомнения. Среди этих памятников, возможно, есть некоторые, которые были связаны с поклонением какому-то восточному божеству, поскольку финикийцы и карфагеняне проживали на острове в течение значительного времени, где они основали Каралис, Нору, Таррос и другие города; и даже во времена римлян было принято размещать пунические надписи на надгробных камнях. В руинах Тарроса было найдено большое количество золотых идолов и других предметов, большинство из которых имеют египетское происхождение. Но главными свидетелями цивилизации древних сардов являются любопытные сооружения, известные как *нураги*. Они обычно занимают вершины холмов и, если смотреть на них издали, напоминают пирамиды. Известняковое плато Джаира, расположенное недалеко от центра острова, окружено каменными сооружениями такого типа, которые также в изобилии встречаются в других частях острова, а их число до сих пор составляет почти 4000. Наиболее многочисленны они в базальтовом регионе к югу от Макомера и в основном встречаются в плодородных районах, вдали от засушливых степей.

Происхождение и назначение этих нураги были предметом многочисленных дискуссий, но в настоящее время археологи почти единодушно поддерживают точку зрения синьора Спано, неутомимого исследователя древностей Сардинии. По его мнению, нураги были жилищами, а их финикийское название означает просто «круглый дом». Самые примитивные из них, построенные, вероятно, четыре тысячи лет назад, состоят из одной-единственной комнаты. Они были возведены в каменном веке, когда человек впервые отказался от пещерных жилищ. Более поздние постройки относятся к бронзовому и даже железному веку. Их конструкция отличается большим мастерством, хотя при их строительстве не использовался раствор, и они состоят из двух или более комнат, образующих столько же этажей, на которые можно подняться по каменным лестницам. Первый этаж некоторых из них достаточно велик, чтобы разместить сорок или пятьдесят человек, и оборудован прихожими и небольшими полукруглыми нишами. Нураги Су Дому или С'Орку, недалеко от Домус Новас, которые были недавно снесены, содержали десять комнат и четыре двора; это была как крепость, так и жилище, способное вместить сто человек и выдержать осаду. Жилища современных албанцев и сванетов на Кавказе до сих пор напоминают эти древние жилища.

Среди мусора, накопившегося в этих нурагах, было найдено множество предметов, которые проливают свет на повседневную жизнь жителей и свидетельствуют об их относительной цивилизованности. В нижних слоях содержатся только ручные орудия труда, каменное оружие и керамика, но в верхних и более поздних слоях было найдено много предметов из бронзы. Рядом с этими древними жилищами стоят другие памятники циклопической архитектуры. В народе их называют «гробницами гигантов», и синьор Сапи, который исследовал большое количество из них, во всех случаях обнаруживал прах человеческих останков.

Несмотря на свою суеверность, сардинцы не имеют легенд об этих жилищах аборигенов и в лучшем случае приписывают их дьяволу. Отсутствие традиций, несомненно, объясняется почти полным истреблением жителей последовательными завоевателями. Карфагеняне не проявляли пощады к аборигенам, а в первые века римского владычества массовые убийства и насильственная эмиграция были обычным явлением, и образовавшиеся таким образом пробелы заполнялись итальянскими колонистами и изгнанниками.

Древние сарды, скорее всего, были иберами. Они невысокого роста, и климат, который затормозил рост диких и домашних животных, по-видимому, повлиял и на человека; но они хорошо сложены и мускулисты, имеют густые черные волосы и сильные бороды и почти никогда не лысеют. Между сардами двух провинций есть небольшие различия. Те, кто живет на севере, обычно имеют овальные черты лица и орлиный нос, в то время как те, кто живет около Кальяри, которые, вероятно, более смешаны, имеют нерегулярные черты лица и выступающие скулы.

Жители внутренних районов острова, пожалуй, являются более чистой расой, чем любые другие европейцы. Их предки, без сомнения, были самого разнообразного происхождения, но большинство вторжений, произошедших после римской эпохи, остановились на побережье. Вандалы посетили Сардинию, но все другие германские племена, которые опустошили почти все другие страны Западной Европы, пощадили этот остров, и его жители смогли таким образом сохранить свои нравы и язык. Мавры, пизанцы, генуэзцы, каталонцы и испанцы, которые последовательно вторгались на остров, никогда не проникали дальше побережья. Есть только одно исключение из этого правила, а именно варварины, которые населяют горный район Барбаджа в самом центре острова и которые, как предполагается, являются потомками берберов, изгнанных из Африки вандалами. Когда они прибыли на остров, они все еще были язычниками и вступали в смешанные браки со своими соседями, илиенцами, коренным племенем, также язычниками. В VII веке они приняли христианство, и мрачная одежда, которую носят их женщины, напоминает нам о Барбарии.

Из всех языков, происходящих от латыни, язык, на котором говорят на Сардинии, наиболее похож на язык древних римлян. Более пятисот слов абсолютно идентичны. Есть также несколько греческих слов, которые не встречаются ни в одном другом латинском языке, а также два или три слова, которые не имеют родства с каким-либо другим европейским языком и, возможно, происходят от языка, на котором говорили аборигены. Два основных диалекта, логодуро на севере и калиарский, происходят непосредственно от латыни и, возможно, наиболее близки к испанскому языку. В Сассари и некоторых соседних прибрежных районах говорят на итальянском диалекте, который очень похож на диалект Корсики или Генуи. В Альгеро потомки каталонских иммигрантов, поселившихся там в середине XIV века, до сих пор говорят на старом провансальском языке. *Маурелли*, или *мауреддус*, в окрестностях Иглезиаса, которые, вероятно, являются берберами и которых можно узнать по узким черепам, используют несколько африканских слов. Мальцан считает жителей плодородного района Миллис самыми чистыми представителями африканских иммигрантов, и именно они ввели выращивание апельсинов на Сардинии.

Сардинцы, проживающие в глубине острова, сохранили не только свой древний язык, но и многие древние обычаи. Их танцы остались такими же, как и во времена Греции. На севере шаги регулируются человеческим голосом, а певцы занимают центр круга. На юге используется музыкальный инструмент *лаунедда*, который представляет собой древнюю флейту, сделанную из двух или трех тростников. Обычаи, соблюдаемые при крещении, свадьбах и похоронах, также имеют давнюю историю. Брак, как и у почти всех древних жителей Европы, предваряется инсценированным похищением невесты. После того как она вошла в дом своего мужа, она не должна сдвигаться с места в течение всего дня и не произносить ни слова. Безмолвная, как статуя, она больше не является живым существом, а «вещью», собственностью своего мужа. Ей не разрешается видаться с родственниками в течение трех дней, а на юге многие женщины частично скрывают свои черты лица.

Альпинисты также соблюдают мрачную церемонию поминок, называемую *titio* или *attito*. Женщины, которые являются либо подругами покойного, либо наняты для этой цели, проникают в погребальную комнату, рвут на себе волосы, воют и импровизируют траурные гимны. Эти старые языческие церемонии становятся поистине ужасающими, когда покойный стал жертвой убийства, поскольку в этом случае скорбящие клянутся лишить жизни убийцу. До начала этого века практика вендетты ежегодно уносила жизни сотен молодых людей. В настоящее время она ограничивается самыми уединенными частями острова, а в горных районах Нуоро и Ла-Галлура принято при крещении () класть несколько

пуль в пеленки младенцев, поскольку считается, что эти освященные пули никогда не промахиваются. Еще более варварский обычай перестал соблюдаться с начала прошлого века. Женщины, называемые «завершительницами» (*accabadure*), нанимались для того, чтобы ускорить смерть умирающих, что часто приводило к самым жестоким поступкам.

Крестьяне Сардинии, хотя и не являются владельцами земли, тем не менее имеют право пользоваться плодами своего труда. Феодальная система существовала до 1840 года, и многие ее следы сохранились до сих пор. Великие бароны, большинство из которых были испанского происхождения, были почти абсолютными хозяевами страны, и до 1836 года они управляли законом, имели свои тюрьмы и воздвигали виселицы как символ своей власти. Однако крестьяне не были привязаны к земле, а могли мигрировать по своему усмотрению, и обычай предоставлял им справедливую долю урожая. В силу *адемпривио* им было разрешено рубить лес, пасти овец на холмах и возделывать пустоши на равнинах. Сельское хозяйство велось самым примитивным образом, поскольку великие землевладельцы обычно проживали за границей, а управление их поместьями было возложено на бальи. В настоящее время правительство стало владельцем большей части незагороженных земель, 80 000 акров которых были уступлены Англо-итальянской компании, которая взяла на себя обязательство обеспечить остров сетью железных дорог.

Рис. 128. — ОКРУГ ИГЛЕСИАС.
Масштаб 1 : 420 800.

В более густонаселенных районах земля разделена на чрезвычайно мелкие участки, и этот процесс по-прежнему продолжается с катастрофической скоростью. Кочевые скотоводы, с другой стороны, не владеют собственной землей, хотя, если они того пожелают, могут огородить себе участок. Но такие неопределенные права собственности делают невозможным тщательное возделывание почвы. Было выдвинуто серьезное предложение экспроприировать всю землю и продать ее нескольким предприимчивым капиталистам, но это привело бы просто к восстановлению старых феодальных времен, и бедность, которая и сейчас велика, стала бы еще больше. В районе Ольястра есть деревни, где крестьяне едят хлеб из желудей *Quercus ilex*, тесто для которого замешивают с водой, содержащей жирную глину. Это, пожалуй, единственный случай поедания земли в Европе. Испанцы тоже едят хлеб из желудей, но они используют плоды *Quercus ballota*, которые действительно съедобны, и стараются не смешивать муку из них с землей.

Сардинцы, даже если они являются владельцами пастбищ или полей, никогда не живут в деревне. Как и сицилийцы, они сосредоточены в городах или крупных деревнях, и ни в деревнях, ни в изолированных фермерских домах их не встретишь. Даже пастухи в горах строят свои хижины группами, называемыми *stazzi*, и объединяются для взаимной защиты в *cussorgie*. Члены этих объединений, когда теряют свой скот из-за болезни или по любой другой причине, могут требовать одного или нескольких животных от каждого из своих товарищей, живущих в том же районе или кантоне (). В других частях острова, например,

недалеко от Иглезиаса, продукция садов считается общей собственностью. Горцы, хотя и бедные, практикуют древнюю добродетель гостеприимства, и, несмотря на то, что их жилища примитивны, они находят способы сделать пребывание незнакомца среди них комфортным.

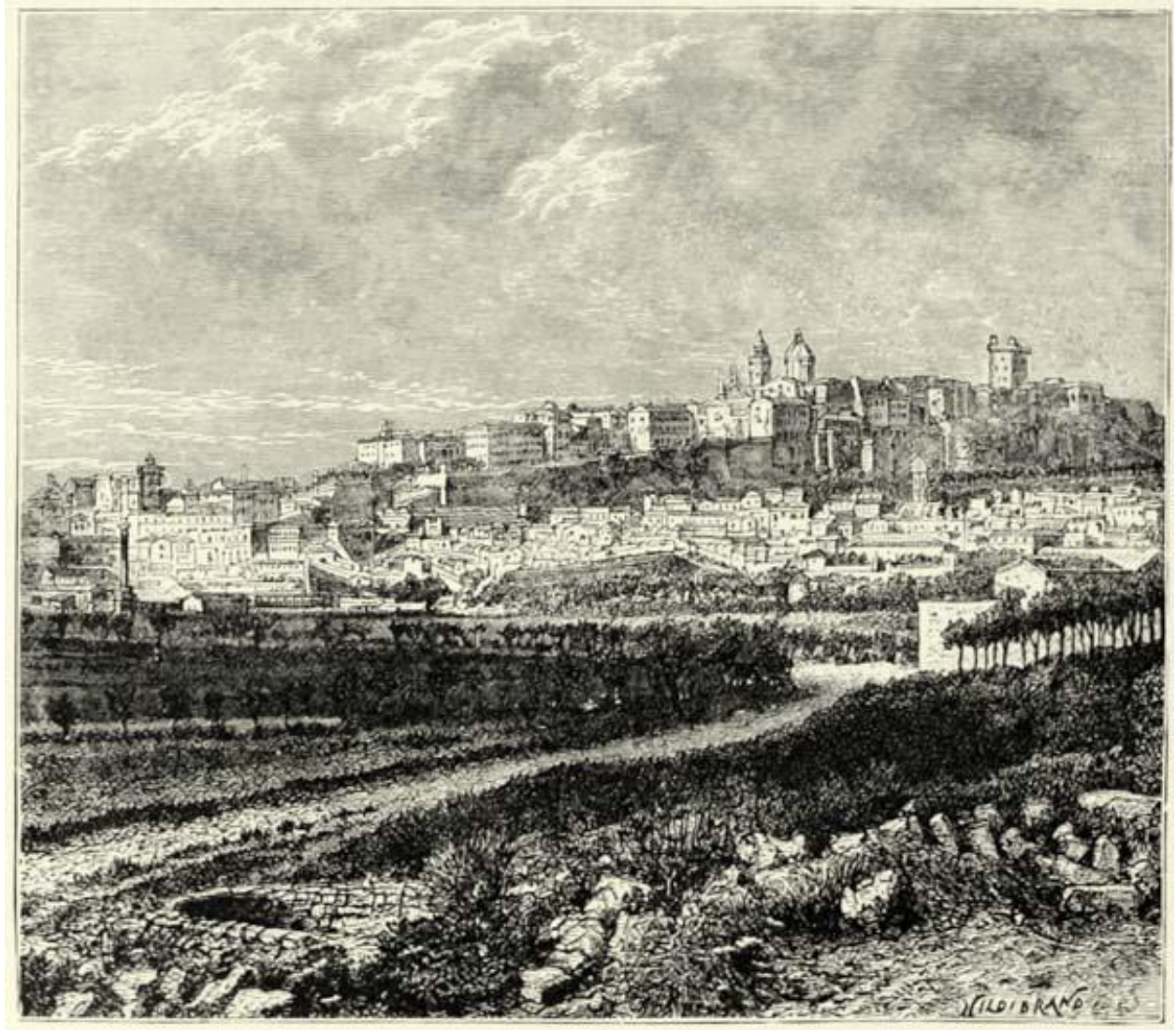
Продукция Сардинии составляет лишь небольшую часть от общей продукции Италии. Большинство крестьян работают только время от времени, и под возделывание отведено чуть более четверти площади острова. Иногда урожай уничтожается палящим солнцем или съедается саранчой, которая прилетает роями из Африки. За исключением окрестностей Сассари, никаких попыток улучшить урожай не предпринимается. Только оливковые деревья выращиваются с некоторой заботой, поскольку владелец определенного количества этих деревьев может претендовать на политические привилегии и даже на титул «графа», и тысячи землевладельцев превратили свои бесплодные степи в плодородные оливковые рощи. Миллионы апельсинов, выращенных в садах Миллиса и других мест, идут исключительно на внутреннее потребление. С коммерческой точки зрения эти апельсины имеют меньшее значение, чем солевые растения, собираемые в болотах прибрежных районов, зола которых экспортируется в Марсель для переработки в соду.

Добыча гранита и мрамора приносит некоторую прибыль, но шахты, которые имели такое большое значение во времена римлян, сейчас практически не используются. Есть только одна железная шахта, Сан-Леоне, где с 1822 года ведет серьезную работу французская компания. Ее годовая добыча составляет около 50 000 тонн руды, и старейшая железная дорога острова соединяет эту шахту с Кальяри. Район Иглезиас, где римляне основали Плумбеа и Металла, а пизанцы искали серебро, недавно вновь обрел часть своего бывшего значения благодаря свинцовым и цинковым рудникам. Отходы старых рудников также подвергаются научной обработке французскими, английскими и итальянскими компаниями, которым были переданы права на добычу полезных ископаемых, а любопытная сталактитовая пещера, проходящая через холм недалеко от Домус-Новас, используется для доступа к шлакам. Иглезиас быстро превращается в город с современным обликом, деревня Гонесса уже является уважаемым городом, а маленькая гавань Порто-Скузо, до недавнего времени почти заброшенная, теперь переполнена небольшими судами, которые ежегодно доставляют 900 000 тонн свинцовой и цинковой руды на рейд Карло-Форте. К сожалению, шахтеры, особенно те, кто приехал из-за границы, часто страдают от климата.

Рыболовство, которое в основном ведется в бухтах, открытых морскому бризу, не сопряжено с такими же опасностями. Некоторые участки побережья богаты рыбой, например, бухта Кальяри и узкие проливы в архипелаге Маддалена, где древние искали пурпурные раковины. Анчоусы и «сардины» периодически посещают побережье, и иногда за один сезон вылавливают до 50 000 тунцов. Болота и лагуны также дают рыбу, которую ловят сетями, расставленными у входов в каналы, соединяющиеся с морем. Болота Кальяри богаты сельдью, Ористано — кефалью и угрями, а Альгеро — щукой и золотой рыбой. Рыболовство на Сардинии, следовательно, имеет большое значение, но большую часть прибыли получают иностранцы. Корсиканцы ловят рыбу возле Ла-Маддалена, генуэзцы — вокруг Сан-Пьетро, а итальянцы монополизировали ловлю кораллов. Последние также собирают *Pinna nobilis*, раковину, шелковистый бисс из которой превращается в материал для одежды. Сардинцы также не выходят в море в качестве моряков, и торговля на острове

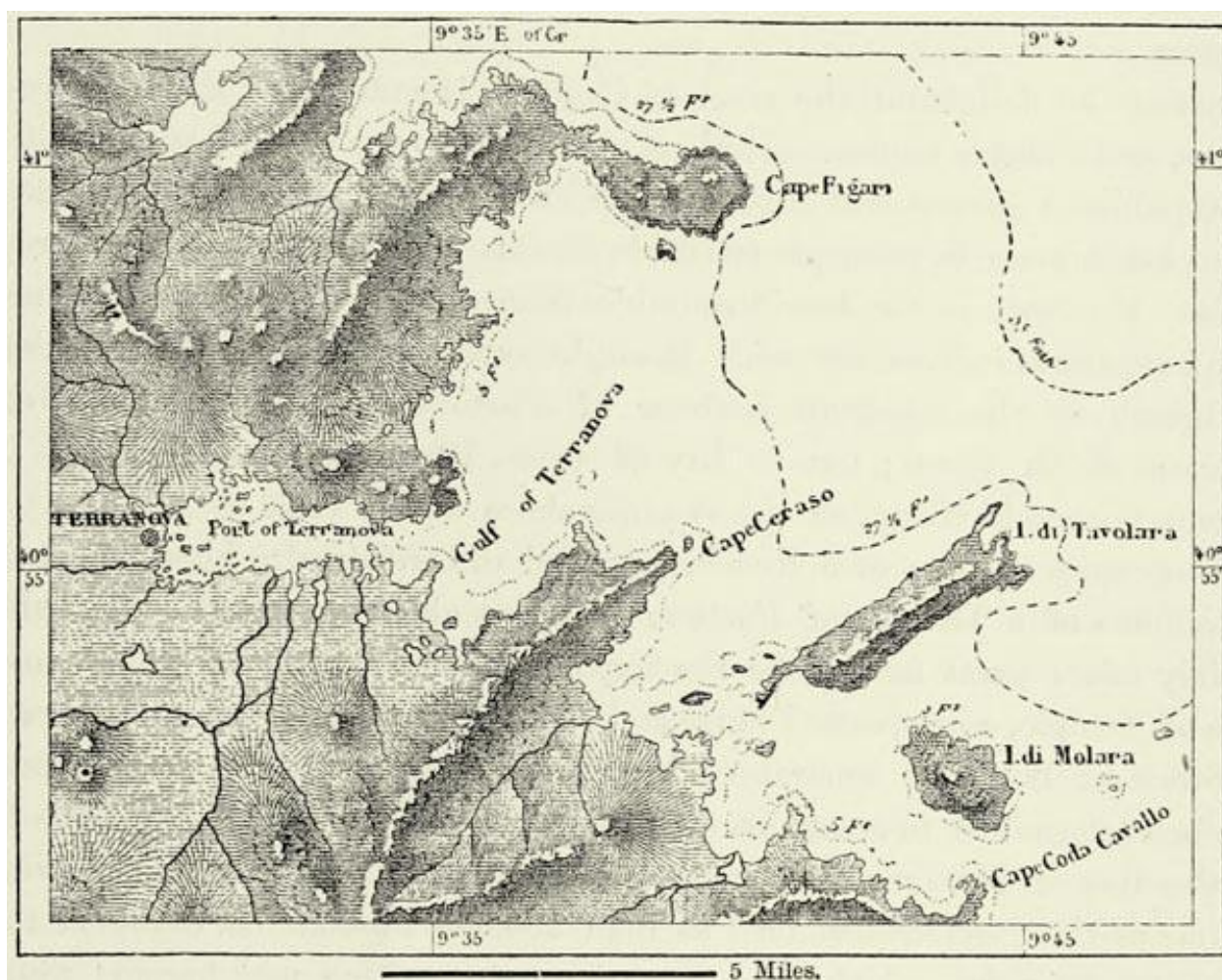
ведется почти исключительно на генуэзских и других итальянских судах. Из 2400 пословиц, собранных Спано, только три относятся к морю!^{[118](#)}

Рис. 129 — КАЛИАРИ, ВИД С ПЕРЕВА БОНЕРИЯ.

Жители северного «мыса» Сассари, или *ди Сопра*, считают себя более умными и цивилизованными, чем жители южного «мыса» Кальяри, или *ди Сотто*. Первые вообще не называют себя сардинами, а применяют это название, которое для них является синонимом варваров, к жителям внутренних районов и юга. В прежние времена эти две части населения ненавидели друг друга, и дух вендетты, который настраивал семьи против семей, деревни против деревень, оказывал влияние на всю остров. Эта давняя вражда еще не исчезла полностью, но жители Сассари больше не могут считать себя выше своих южных соседей. Они, безусловно, являются лучшими земледельцами и более трудолюбивыми, но южане владеют богатейшими рудниками, их часть острова является самой плодородной и является столицей.

Рис. 130. — ПОРТ ТЕРРАНОВА.
Масштаб 1:250 000.

Кальяри, древний *Каралис*, остается крупным торговым центром острова со времен Карфагена. Лишь несколько идолов, погребальные камеры, руины акведука и высеченный в скале амфитеатр напоминают о господстве карфагенян и римлян, но город не мог быть лишен своего превосходного гавани и великолепной рейде. Город находился под властью мавров лишь недолгое время, но его облик почти более восточный, чем у любого другого города в Европе, многие его дома имеют купола и балконы, нависающие над улицами. Его положение как торгового центра наиболее благоприятно, поскольку он расположен на морском пути, соединяющем Сицилию с Балеарскими островами, а побережье Африки находится в пределах одного дня плавания. Он обязательно будет процветать, особенно если будут предприняты серьезные усилия по осушению болот и превращению равнины Кампидано в плодородный сад. Последняя, древний морской залив, простирается на юго-восток в направлении Ористано, «города гончаров». В средние века последний был резиденцией самых могущественных лордов острова, и именно оттуда Элеонора обнародовала свою знаменитую *Carta de logu*, которая стала публичным законом всего острова. Ористано имеет отличную гавань, защищенную полуостровом Таррос, на котором финикийцы основали одно из своих поселений; его поля плодородны, и для восстановления его былого процветания необходимо лишь осушить болота, которые сейчас его окружают. В прежние времена в сезон малярии на стенах города зажигали костры, чтобы очистить атмосферу, но обширные леса, из которых добывали топливо для этих костров, исчезли, и эта часть Сардинии больше не имеет права на свое древнее прозвище «Арбореа». Говорят, что в болотах Нурачи-ди-Кальяри (Nurachi) к северо-востоку от Ористано время от времени

слышен шум, похожий на мычание быка. Вероятно, этот шум возникает при прохождении воздуха через подземные пещеры, и подобные явления наблюдались на побережье Далмации.

Очаровательный Сассари, соперник Кальяри, расположен среди оливковых деревьев, садов и загородных домов. Он единственный из всех городов острова мог похвастаться республиканским правительством в средние века, и общественный дух его нынешних жителей, возможно, объясняется именно этим обстоятельством. Однако его географическое положение гораздо менее благоприятно, чем у Кальяри, поскольку его отделяет от моря зона болот. Он мог бы экспортировать свою продукцию через порт Альгеро или отличную гавань Порто Конто, к югу от гор Ла Нурра, но удобство доступа диктовало выбор Порто Торрес, жалкой деревни на болотистом берегу залива Асинара. Порто-Торрес занимает место римского города, и арки огромного акведука и колонны храма Фортуны все еще возвышаются над камышами. Этот старый порт, безусловно, предлагает большие возможности для экспорта оливкового масла из Сассари и вин из Темпио во Францию и Геную, но сложная навигация в проливе Бонифачо отделяет его от ближайшего итальянского побережья. Поэтому Италия решила создать дополнительный порт на восточном побережье острова, и для этой цели был выбран залив Терранова. *Ольбия*, которая во времена римлян насчитывала не менее 150 000 жителей, занимала место нынешнего города, который, как с надеждой полагают итальянцы, может стать крупным торговым центром острова. Ее порт, безусловно, хорошо защищен, а рейде архипелага Ла-Маддалена, расположенные поблизости, предоставляют дополнительные возможности для размещения судов; но для серьезного улучшения положения Сардинии необходимо, прежде всего, осушить ее унылые болота и «превратить их ядовитые испарения в хлеб».^{[119](#)}

IX. НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ИТАЛИИ.

Ни один беспристрастный наблюдатель не может отрицать, что Италия, вновь занявшая свое место среди народов Европы, обещает большие свершения в будущем. Даже ее политическое возрождение выдвинуло на первый план людей, обладающих высочайшим интеллектом, мужеством, рвением и общественным духом. Среди них есть такие, которых потомки будут считать достоянием всего человечества. Возможно, этот период возбуждения и нервной активности сменится своего рода моральным коллапсом, который обычно наступает после каждого великого кризиса в жизни нации. Но это не должно вызывать у нас беспокойства за будущее, потому что поколения, измученные своими усилиями, сменяются другими, жаждущими продолжить дело, начатое их предшественниками.

В области науки и искусства родина Вольты, Чальди, Секки, Россини, Верди и Вела даже сейчас занимает равное положение с самыми передовыми странами Европы. Современный итальянец может без стыда ссылаться на два великих века Ренессанса, поскольку он вступил во второй период возрождения, и имена современников можно упоминать наряду с великими именами прошлого. Италия имеет своих искусных художников и скульпторов, своих прославленных архитекторов и непревзойденных музыкантов. Великие произведения, созданные ее инженерами, заслуживают изучения иностранцами. Среди ее физиков, геологов, астрономов и математиков есть некоторые из самых ярких представителей своей эпохи, а усердие, с которым посещаются университеты, гарантирует им достойных преемников. Недавно созданное географическое общество успешно продолжило работу по исследованию, которую так славно вели генуэзцы и венецианцы. Поэтому несправедливо иронично говорить, что «Италия создана, но итальянцы — нет». По отдельности итальянцы не уступают ни одной другой расе Европы, и реорганизация страны была бы невозможна, если бы в ней не хватало выдающихся людей.

Италия более густонаселена, чем любая другая из великих европейских держав, несмотря на обширные территории почти непригодных для проживания горных массивов и болот. Однако население растет менее быстро, чем в России, Англии или Германии. Оно удваивается примерно за столетие, в то время как население России удваивается за пятьдесят, а Франции — за двести лет. Таким образом, Италия занимает промежуточное положение. В Апулии и Калабрии, которые являются одними из беднейших провинций, рождаемость самая высокая, в то время как в богатых Марке и Умбрии она самая низкая. В среднем итальянец умирает в тридцать два года, и его жизнь, следовательно, намного короче, чем у среднего француза или англичанина.

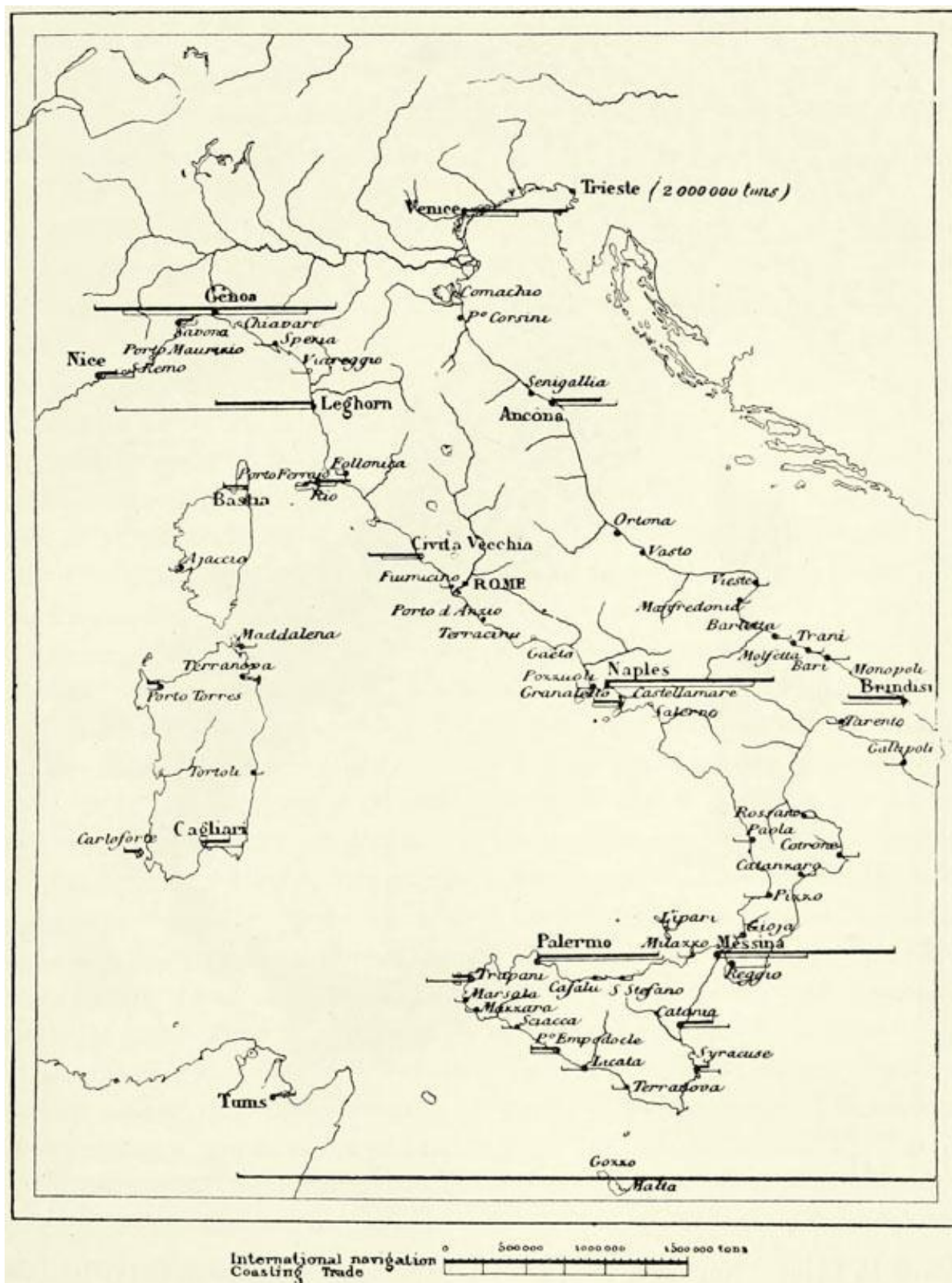
Сельское хозяйство и разработка природных ресурсов почвы и моря привлекают гораздо больше внимания, чем промышленность в собственном смысле этого слова. Почти пятьдесят процентов всей территории страны занимают возделываемые земли. Выращиваемых зерновых культур не хватает для удовлетворения потребностей населения, но другие продукты экспортируются в значительных количествах. По объемам производства масла Италия занимает первое место, но не всегда по качеству. Количество выращиваемых фруктов, таких как инжир, виноград, миндаль и апельсины, превышает показатели любой другой страны Европы. Каштановые леса в Апеннинах и Альпах дают богатый урожай. Площадь плантаций шелковицы в четыре раза превышает площадь плантаций во Франции, а в благоприятные годы объем производства сырого шелка превышает объем экспорта из Китая. Полуостров по-прежнему заслуживает своего древнего прозвища «Энотрия» (земля вина), но, за исключением некоторых районов

континентальной Италии и Сицилии, качество производимого вина из-за небрежности виноделов уступает французскому. Выращивание хлопка имеет сравнительно небольшое значение (). Животноводство приносит большие прибыли, и Италия известна во всей Европе качеством некоторых сортов сыра.^{[120](#)}

Добыча железа в шахтах Эльбы, добыча мрамора и гранита в Альпах и Апуанских Альпах, добыча буры и борной кислоты в Тосканских Субапеннинах, добыча свинца и цинка на Сардинии и серы на Сицилии^{[121](#)} привели к появлению промышленных занятий в полном смысле этого слова. Последние охватывают практически все, от производства булавок до строительства паровых двигателей и кораблей. Однако Италия известна только производством некоторых *предметов роскоши*, таких как соломенные шляпки, камеи, коралловые украшения, стекло, а также макаронными изделиями и другими мучными пастами. Однако в последние годы производство шелка быстро развивается, и Милан стал опасным конкурентом Лиона. В провинции Новара, и особенно в Бьелле, есть сотни шерстяных фабрик. Хлопковое производство не имеет большого значения, а ткачество льна в основном осуществляется как домашнее ремесло. Италия, по сути, еще не может называться промышленной страной. Число рабочих велико, но они в основном трудятся дома или в небольших мастерских,^{[122](#)} и разделение труда, как в Англии, Франции или Германии, практически неизвестно. Однако количество фабрик быстро растет, и экономические условия постепенно становятся такими, какими они уже являются в большинстве других стран Европы.

Италия обладает мощным торговым флотом, укомплектованным 150 000 моряков, но ее внешняя торговля гораздо меньше, чем можно было бы ожидать, учитывая ее тоннаж.^{[123](#)} Большинство судов занимаются прибрежной торговлей. Первое итальянское судно было замечено в Тихом океане в 1847 году, и даже сейчас итальянский флаг очень слабо представлен в судоходстве по большим океанам. Итальянские патриоты стремятся к расширению торговли страны в самые отдаленные регионы. В настоящее время Италия пользуется своего рода монополией в Средиземноморье, и любой рост населения или богатства в Северной Африке несомненно принесет ей немедленную выгоду. Но нет сомнений в том, что предлагаемая железная дорога из Антверпена или Кале в Салоники или Константинополь серьезно повлияет на транзитную торговлю итальянских портов. Итальянские судовладельцы также не могут конкурировать со своими соперниками из Марселя или Триеста, когда речь идет о скорости, поскольку количество их пароходов очень невелико.

Рис. 131. — СУДОХОДСТВО ИТАЛИИ.

Возможности для ведения прибрежной торговли в некоторой степени помешали развитию внутренней торговли страны. Однако строительство железных дорог постепенно приводит к изменениям. Уже пять железнодорожных линий пересекают Апеннины, другие находятся в стадии проектирования, а одна из итальянских железных дорог, а именно та, которая проходит через Альпы в туннеле Мон-Сени и далее следует по восточному побережью до Римини, стала частью великой европейской магистрали в Индию. Не следует также недооценивать политическое значение этих железных дорог, поскольку они связывают между собой самые отдаленные провинции Италии и делают страну действительно единой.¹²⁴

Рис. 132. — ТОРГОВЫЕ МАРШРУТЫ ИТАЛИИ.
Масштаб 1 : 6 000 000.

В последнее время торговля Италии быстро растет, но она все еще уступает не только Англии, Франции, Германии, Австрии и России, но и гораздо меньшим странам, таким как Бельгия и Нидерланды. В 1875 году импорт, включая транзит, оценивался в 48 614 280 фунтов стерлингов, а экспорт — в 42 301 800 фунтов стерлингов. Франция участвует в этой торговле в размере 31 процента, Англия — 23, Австрия — 20, а все остальные страны мира

— в оставшейся части. В последнее время торговля с Северной и Южной Америкой приобрела значительные масштабы, и предпринимаются усилия по завоеванию позиций в Восточной Азии.

Беликим бедствием Италии является бедность крестьян даже в самых плодородных провинциях, таких как Ломбардия и Базиликата. Эти крестьяне живут в грязных лачугах, и совокупный доход всей семьи едва хватает на хлеб. Основными продуктами питания являются каштаны, полента из кукурузы и макароны из поврежденной муки, и ничего не остается на роскошь или даже на удобную одежду. Рахит и другие заболевания, вызванные недостатком пищи, являются обычным явлением, и, по сути, смертность очень высока. В этих условиях эмиграция приносит стране огромную пользу, поскольку тысячи итальянцев, которые ищут работу или находят новый дом в Южной Америке, Соединенных Штатах, Франции, Турции, Египте и других странах, не только зарабатывают себе на хлеб, но и оказывают некоторую помощь своим родственникам, оставшимся на родине. Говорят, что из 500 000 итальянцев, проживающих за границей, не менее 100 000 занимаются искусством, будь то живопись, скульптура или музыка, причем последние часто являются просто уличными певцами или шарманщиками.

Невежество, обычный спутник бедности, по-прежнему очень распространено на всей полуострове. Мы могли бы ошибиться, осуждая итальянцев за их незнание искусства чтения и письма, поскольку, будучи наследниками древней цивилизации, они более утонченны в своих манерах, чем образованные крестьяне Севера. Тем не менее, это невежество весьма прискорбно, поскольку оно препятствует любому прогрессу. Почти две трети населения старше десяти лет не умеют читать, а пятьдесят девять мужчин и семьдесят восемь женщин из каждой сотни не могут подписать брачные регистрационные книги. Есть несколько тысяч приходов, где нет начальных школ, и число учеников, вместо того чтобы составлять нормальную пропорцию один на шесть или семь жителей, составляет только один на одиннадцать.¹²⁵ Однако образование делает заметные успехи, но его влияние на сокращение числа насильственных преступлений до сих пор было невелико. В 1874 году министр внутренних дел синьор Кантелли заявил, что ежегодно происходит 3000 убийств, 4000 случаев грабежей на дорогах и 30 000 насильственных нападений.

Постоянная неразбериха в финансах Италии, сопровождаемая тяжелыми и обременительными налогами, должна рассматриваться как одна из главных причин, сдерживающих развитие страны. Государственный долг может показаться незначительным, если сравнивать его с долгом Франции, но он был накоплен за одно поколение и увеличивается из года в год. Доходы растут, но расходы растут в той же мере, и дополнительные доходы, полученные от повышения налогов и продажи церковного имущества, не достаточны для покрытия дефицита. Тяжелые расходы на армию, отсутствие постоянных усилий по проведению общественных работ, растраты и мошенничество со стороны государственных служащих до сих пор не позволяют установить баланс между доходами и расходами, а бумажные деньги, выпущенные правительством, нигде не принимаются по номинальной стоимости.

Эта дезорганизация финансов ставит Италию в зависимость от иностранцев, и договоренности, которые время от времени приходится заключать с иностранными капиталистами, не всегда носят чисто финансовый характер. Кроме того, неэффективность ее военной и военно-морской организации вынуждает ее поддерживать иностранные союзы

в зависимости от целесообразности, и в значительной степени именно этим союзам Италия обязана своим политическим единством.^{[126](#)}

Даже сейчас это единство не так идеально, как хотелось бы. Папа лишен своей светской власти; он проживает в Ватикане как гость; а деньги, предлагаемые ему итальянским правительством, но никогда не принимавшиеся им, являются не данью, а подарком. Но, несмотря на это, Папа по-прежнему является реальной силой, и само его присутствие существенно мешает постоянному укреплению государства. Католики всего мира еще не смирились с его отстранением от власти и не упускают ни одной возможности для нападков на новый порядок вещей. В результате политическая Европа проявляет большой интерес к внутренним делам Италии и часто испытывает соблазн вмешаться. Даже самая опытная дипломатия может оказаться не в состоянии предотвратить эту опасность, и если произойдет конфликт, он определенно не ограничится полуостровом.

В конце концов Италия, без сомнения, избавится от аномального положения, когда ее столицей является город, являющийся резиденцией теократического правительства, требующего верности от всех католиков мира. Географические условия ни одной другой страны не являются столь благоприятными для развития национальных чувств и сохранения национальной индивидуальности. В то же время четко очерченные границы страны лишают ее всякой силы экспансии. Италия никогда не будет играть большой роли за пределами Средиземноморья, и хотя итальянский язык может получить определенное превосходство в Тунисе, Египте и Леванте, благородный язык Данте не имеет шансов на универсальность по сравнению с английским, французским, испанским, немецким или русским языками.

Устав, обнародованный в марте 1848 года, провозглашает старое королевство Сардиния наследственной конституционной монархией. Постепенно он был распространен на другие части полуострова. Как и большинство подобных документов, он гарантирует равенство перед законом, личную свободу и неприкосновенность жилища. Пресса свободна, «с учетом закона, пресекающего ее злоупотребления»; признается право на собрания, «но не в местах, открытых для широкой публики»; всем гражданам обещано равное гражданское и политическое право, «за исключением случаев, определенных законом».

Исполнительная власть принадлежит королю, но ни один закон или акт правительства не имеет силы, если он не подписан министром. Король, как таковой, является главнокомандующим военно-морскими и военными силами, он заключает все договоры, и согласие палат требуется только в том случае, если они касаются уступки территории или влекут за собой расходование государственных средств. Все государственные чиновники назначаются королем, он может распустить Палату депутатов, правосудие осуществляется от его имени, и он обладает правом помилования. Он пользуется плодами королевских земель и может распоряжаться своей частной собственностью без учета общих законов страны. Гражданский список короля и членов его семьи ежегодно превышает 800 000 фунтов стерлингов!

Сенаторы назначаются королем из числа церковных, военных и гражданских чиновников, богатых людей и лиц, заслуживших страну. Их число не ограничено, и они должны быть не моложе сорока лет. Депутаты избираются на пять лет. Они должны быть не моложе тридцати лет. Ни сенаторы, ни депутаты не получают вознаграждения, что может объяснить их небольшую активность в выполнении своих общественных обязанностей. Кворум, состоящий из половины членов каждой палаты *плюс* один, часто не может быть достигнут в течение нескольких недель.

Правом голоса обладают профессора университетов и колледжей, государственные служащие, рыцари рыцарских орденов, представители свободных профессий, купцы, лица, имеющие доход в размере 24 фунтов стерлингов от денег, вложенных в государственные ценные бумаги, и все остальные лица в возрасте от двадцати пяти лет, умеющие читать и писать и платящие 32 шиллинга в виде налогов. Число избирателей составляет около 400 000, но едва ли половина из них когда-либо участвует в голосовании.

Каждая провинция занимает положение «корпорации», которая может владеть имуществом и пользуется определенной степенью самоуправления. «Провинциальные советы» состоят из двадцати до шестидесяти членов, которые избираются муниципальными избирателями на пять лет. Эти советы обычно занимаются материальными интересами провинции, а когда не заседают, их представляет «депутация», которой поручено контролировать действия префекта.

Муниципальная организация очень похожа на организацию провинций. Советы избираются на пять лет: право голоса имеют все мужчины в возрасте от 21 года, платящие налоги от 4 до 20 шиллингов (в зависимости от значимости муниципалитета), профессора, государственные служащие, представители свободных профессий и солдаты, удостоенные наград. Совет собирается два раза в год, и его заседания проводятся публично, если этого требует большинство. Он назначает муниципальную *юнту* из двух-двенадцати членов, отвечающую за ведение текущих дел. Мэры, как и префекты провинций, назначаются правительством, но должны выбираться из числа членов муниципального совета.

Крупные территориальные единицы королевства (см. стр. [362](#)) состоят из 69 провинций и 284 округов (*circondarii*) или районов. Последние, в свою очередь, подразделяются на 1779 судебных округов () (*mandamenti*) и 8360 коммун. Центральное правительство представлено в провинциях префектом, в округах — субпрефектом, а в коммунах — мэром, или *синдиком*. Эта система управления очень похожа на существующую в современной Франции.

Система правосудия была организована в 1865 году. В каждой коммуне есть «миротворец», назначаемый правительством на три года по представлению муниципального совета. «Претор» осуществляет правосудие в столице каждого судебного округа: ему помогают один или несколько вице-преторов. Далее следуют 161 гражданский и исправительный суд, 92 суда присяжных, 24 апелляционных суда, 25 торговых трибуналов и 4 кассационных суда; последние находятся во Флоренции, Неаполе, Палермо и Турине. Свод законов является адаптацией Кодекса Наполеона и проникнут тем же духом.

В военных вопросах Пруссия служила образцом. Каждый итальянец по достижении двадцати одного года подлежит призыву на службу в армию или флот. Мужчины, зачисленные в первую категорию постоянной армии (*esercito permanente*), остаются на службе от трех до пяти лет, в зависимости от рода войск, к которому они принадлежат, и от шести до семи лет в отпуске. Мужчины второй категории, или резерв постоянной армии, проходят пятидесятидневную подготовку, а затем отправляются домой. «Мобилизованная милиция» включает всех мужчин до сорока лет, не принадлежащих к постоянной армии. Закон предусматривает «массовую мобилизацию» (*levy en masse*) или *Milizia stanziolate*, но до сих пор ничего не было сделано для ее реализации. Постоянная армия включает 90 пехотных полков, 20 кавалерийских полков, 14 артиллерийских полков и 1 инженерный полк и насчитывает 410 000 человек; резерв насчитывает 180 000 человек; мобилизованная милиция (247 батальонов, 24 альпийские роты, 60 батарей и 10 инженерных рот) — 277 000 человек, а под флагом служат 234 000 офицеров и солдат. Четыре великие крепости на севере — это Верона, Мантуя, Пескьера и Легнаго. Они образуют знаменитый «Четырехугольник». Венеция также является местом большой силы и героически защищалась в 1849 году. Пальманова защищает границу между Юлийскими Альпами и Триестским заливом. Рокка-д'Анфо, расположенная на изолированной скале к северу от озера Гарда, контролирует ущелья Адидже и Кьеze. Пиццигеттоне на Адде больше не имеет большого значения, теперь, когда Италия приобрела владение Четырехугольником; но Алессандрия, расположенная на слиянии Танаро и Бормиды, всегда будет сохранять свой статус великого стратегического центра Пьемонта и одного из самых крепких мест Европы. Казале можно считать одним из его фортов, который вместе с Генуей защищает проходы Апеннин. Пьяченца и Феррара контролируют важные проходы По. Другие крепости Италии — Анкона в центре; Порто-Ферраджо на Эльбе; Гаэта, Капуа и Таранто на юге; Мессина на Сицилии.

Военно-морской флот состоит из 21 броненосца (179 орудий, двигатели мощностью 11 310 лошадиных сил, 76 842 тонны) и 51 деревянного парохода, на которых служат 20 000 моряков. Крупные военно-морские арсеналы и базы находятся в Специи, Генуе, Неаполе, Кастелламаре-ди-Стаббия, Венеции, Анконе и Таранто.

Государством признается только римско-католическая церковь, но все другие религии допускаются. Конфликт между церковью и государством способствует распространению протестантизма, но, за исключением вальденсов и нескольких иностранцев в крупных

городах, в Италии нет протестантов. Однако многие из тех, кто номинально является католиками, относятся к числу врагов своей церкви или совершенно равнодушны к ней.

Италия занимает довольно особое положение в мире, поскольку является резиденцией папства. Рим является резиденцией двух правительств: короля и верховного понтифика. Последний, хотя и лишенный светской власти, в принципе является одним из самых абсолютных монархов. Однажды избранный кардиналами, собравшимися на конклаве, наместником Иисуса Христа, он не несет ответственности ни перед кем за свои действия, хотя по обычаю он прислушивается к советам Священного колледжа кардиналов, прежде чем принимать решения по важным вопросам. Только папа, из всех людей, непогрешим; он может стирать преступления других, «связывать и развязывать» и держит ключи от рая и ада, его власть простирается таким образом за пределы естественной жизни человека.

Кардиналы являются высокопоставленными должностными лицами этого духовного правительства. Они назначаются Папой. Их число ограничено 70, а именно: 6 кардиналов-епископов (проживающих в Риме), 50 кардиналов-священников и 14 кардиналов-диаконов. *Кардинал-камерленго* представляет светскую власть Святого Престола, и после смерти папы он берет на себя управление Ватиканом и ключом рыбака, который является символом власти, данной святому Петру и его преемникам. В особых случаях кардиналы трех орденов могут быть созваны на Вселенский собор. После смерти папы кардиналы избирают его преемника, который должен быть не моложе пятидесяти пяти лет и набрать две трети голосов. Однако его инвеститура с надеванием паллиума и тиары происходит только после получения согласия правительств Франции, Испании, Австрии и Неаполя (ныне представленного Италией).

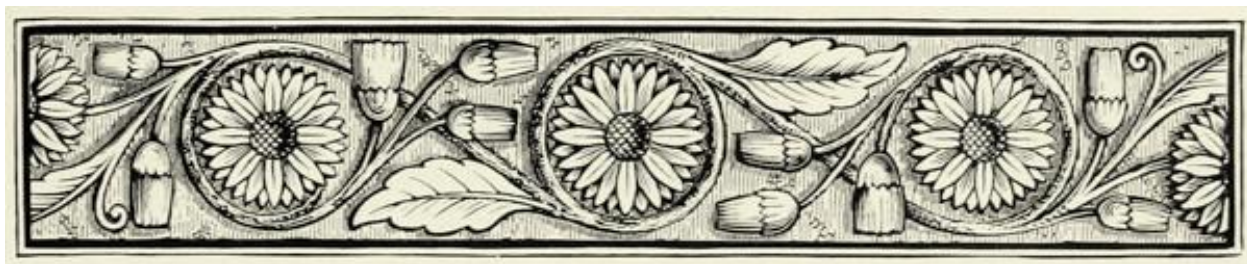
В силу формулы «свободная Церковь в свободном государстве», столь часто повторяемой со времен Кавура, папа имеет право пользоваться суверенными правами. Он созывает соборы и капитулы, назначает всех церковных чиновников, имеет собственную почту и телеграф, свою стражу из дворян и швейцарцев, не платит налогов и бессрочно пользуется дворцами Ватикана и Латерана, а также виллой Кастель-Гандольфо на озере Альбано. В дополнение к этому итальянский парламент утвердил для него ежегодную «дотацию» в размере 129 000 фунтов стерлингов. Однако до сих пор он не прикасался к этой субсидии, но «пенни Петра», собираемые верующими во всех частях мира, составляют более чем двойную сумму.

Италия разделена на 47 архиепископских и 206 епископских кафедр. В стране насчитывается более 100 000 светских священников, а в 1866 году, когда были упразднены монастыри и женские монастыри, их обитатели получали пенсии от правительства, насчитывалось 32 000 монахов и 44 000 монахинь. Таким образом, церковная армия насчитывает 176 000 душ и по численности почти не уступает вооруженным силам в мирное время.

В следующей таблице приведены площадь и население (по оценке на 1875 год) крупных территориальных единиц Италии:

	Площадь. Квадратные мили.	Население.
Пьемонт	11 301	2 995 213
Лигурия	2 056	865 254
Ломбардия	9 084	3 553 913
Венеция (Venezia)	9 060	2 733 406
Эмилия	7 921	2 153 381
Умбрия	3 720	563 582
Марке	3 748	930 712
Тоскана	9 287	2 172 832
Рим (Лацио)	4 601	839 074
Абруццо-Молизе	6 676	1 302 966
Кампания	6 941	2 807 450
Апулия (Пулья)	8 539	1 464 604
Базиликата	4 122	517 069
Калабрия	6 663	1 229 614
Сицилия	11 290	2 698 672
Сардиния	9 398	654 432
Всего	114 407	27 482 174

КОРСИКА. *

КОРСИКА вместе с Сардинией образуют отдельный мир. В далеком прошлом эти два острова были одним целым, и любопытно, что Корсика, которая сейчас политически входит в состав Франции, географически и исторически гораздо ближе к Италии, чем ее соседний остров. Достаточно одного взгляда на карту, чтобы убедиться, что Корсика зависит от Италии, поскольку, хотя ее от Прованса отделяет бездна глубиной более 500 саженей, она соединена с побережьем Тосканы подводным плато, горы которого возвышаются над поверхностью воды как острова. Климат и природные ресурсы острова такие же, как и в Италии, а язык его жителей — итальянский. Купленная у генуэзцев, а затем завоеванная силой, Корсика в конце концов добровольно объединила свою судьбу с судьбой Франции. Она связана с последней уже более трех поколений, и нет сомнений, что большинство ее жителей считают себя французами.

Хотя Корсика и составляет лишь половину размера Сардинии, она все же больше, чем средний французский департамент. Это четвертый по величине остров в Средиземном море после Кипра, но он гораздо важнее этого острова и уступает только Сицилии и Сардинии по богатству и численности населения.¹²⁸ Это страна с великолепной природой. Ее горы, достигающие высоты более 8000 футов, остаются покрытыми снегом в течение половины года, а с вершин открывается вид почти на весь остров, его бесплодные скалы, леса и возделанные поля. Большинство долин изобилуют проточной водой, и каскады сверкают во всех направлениях. Старые генуэзские башни, стоящие на мысах, когда-то защищали вход в каждую бухту, подверженную набегам сарацин, но в настоящее время они являются скорее украшением ландшафта.

Монте Чинто, самая высокая точка острова, не проникает в область постоянных снегов. Огромная цитадель из гранита, крепости которой служили убежищем для корсиканцев во время их войн за независимость, возвышается в северо-западной части острова. С ее вершины можно проследить все побережье от французских Альп до Апеннин Тосканы. К северу и югу от него есть другие вершины, которые почти не уступают ему по высоте.¹²⁹ Эта главная цепь острова состоит из кристаллических пород. Поперечные хребты соединяют ее с параллельным хребтом известняковых гор на востоке, которые простираются на север через весь полуостров Бастия и замыкают, дальше на юг, старую озерную котловину Корте, которая сейчас осушена реками Голо, Тавиньяно и другими. Всю внутреннюю часть Корсики можно охарактеризовать как лабиринт гор, и чтобы перейти из деревни в деревню, необходимо подниматься по крутым ступеням или *скалам* и подниматься из оливковой

зоны () в зону пастбищ. Шоссе, соединяющее Аяччо с Бастией, поднимается на перевал высотой 3793 фута (рис. 134), и даже дорога, следующая по густонаселенному западному побережью, непрерывно поднимается и опускается, чтобы обойти мысы, круто спускающиеся к морю. Эти физические препятствия вполне объясняют, почему железные дороги еще не построены.

Рис. 133. — подводное плато между корсикой и тосканой.
Масштаб 1:1 850 000.

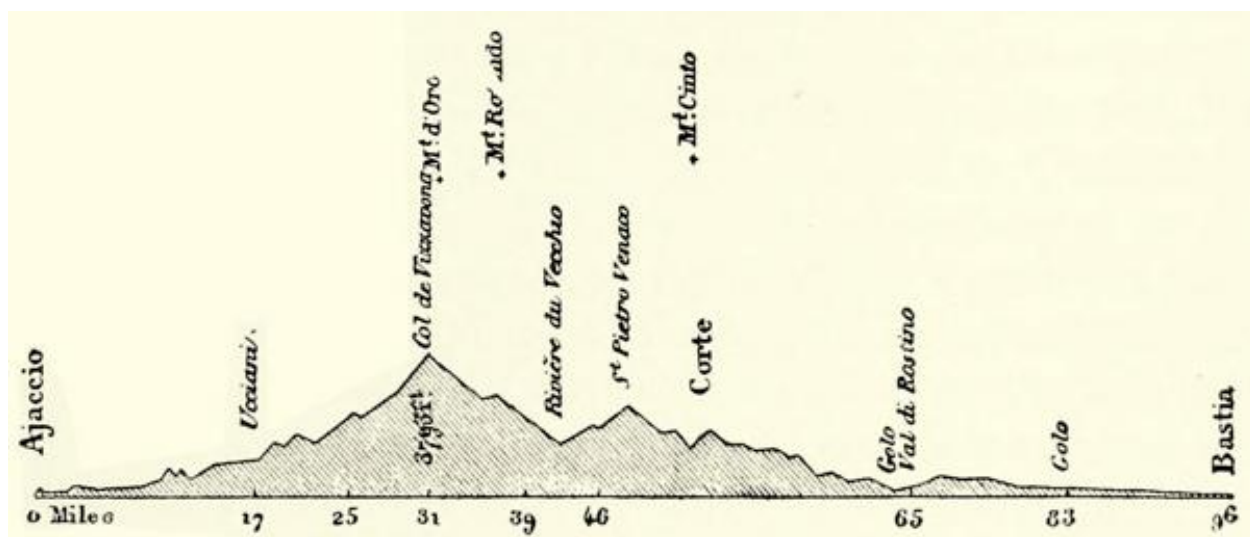

ИСПАНИЯ И ПОРТУГАЛИЯ

Западное побережье острова изрезано многочисленными заливами и бухтами, которые напоминают древние фьорды, частично заполненные аллювиальными отложениями. На восточном побережье, обращенном к Италии, склоны более пологие; реки больше и спокойнее, хотя ни одна из них не судоходна; а местность более ровная. Эта часть острова известна как *Банда-ди-Дентро*, или «внутренняя зона», в отличие от *Банда-ди-Фуори*, или «внешней (западной) зоны». Восточное побережье, по-видимому, было поднято в относительно недавнюю эпоху, и древние морские заливы превратились в лагуны и болота, столь же опасные из-за своих миазматических испарений, как и на соседнем острове. Если добавить к этому, что горы на западе преграждают проход оживляющего мистралья, что летом здесь очень жарко и часто бывают засухи, то это достаточно, чтобы объяснить нездоровый климат.¹³⁰ Морской бассейн между Корсикой и Италией почти полностью окружен горами, и очищающие бризы здесь редки. Между Бастией и Порто-Веккьо на побережье нет ни одного города или деревни, и в начале июля крестьяне уходят в горы, чтобы спастись от лихорадки. Остаются только несколько стражников и несчастные заключенные, запертые в тюрьме Касабьянка. Невозможно представить себе ничего более меланхоличного, чем эти плодородные поля, покинутые своими обитателями. Недавно были засажены плантации эвкалипта с целью улучшения климата.

Рис. 134. — ПРОФИЛЬ ДОРОГИ ОТ АЯЧЧО ДО БАСТИИ.

Благодаря большой высоте гор на Корсике можно выделить отдельные зоны растительности. До умеренной высоты растительность имеет субтропический характер и напоминает растительность Сицилии или южной Испании. Есть районы, которые можно отнести к самым плодородным в Средиземноморье. Одним из них является *Кампо дель Оро*, или «золотое поле», вокруг Аяччо, где живые изгороди из древовидных кактусов разделяют сады и фруктовые рощи; такой же характер имеет местность к северу от Бастии с ее ароматными цветами и сочными фруктами. Оливковые рощи обычно покрывают нижние холмы, их серебристая листва контрастирует с мрачной зеленью каштановых лесов выше. Баланья, недалеко от Кальви, на северо-западном побережье острова, славится своими оливками, в то время как другая долина, на противоположной стороне острова, недалеко от Бастии, может похвастаться самыми великолепными каштановыми деревьями. Каштаны в некоторых частях острова являются основным продуктом питания и позволяют жителям, которые ни в коем случае не отличаются своей трудолюбием, обходиться без выращивания зерновых культур. Некоторые политические экономисты даже предложили срубить эти деревья, чтобы заставить жителей работать.

Каштановые деревья вырастают до высоты 6250 футов. Девственные леса, которые раньше простирались за ними до пастбищной зоны, в основном исчезли. Однако в верхней части долины Баланья, Вальдониелло и Аитоне все еще можно увидеть великолепные леса, а лиственница (*Pinus altissimus*), самое прекрасное хвойное дерево во всей Европе, достигает там высоты 160 футов. К сожалению, эти великолепные деревья быстро исчезают. Их превращают в мачты или распиливают на доски и брусья.

Летом пастухи с овцами и козами часто бывают на пастбищах, расположенных над этими лесами. В некоторых скалистых углублениях все еще можно встретить проворного муфлона, а пастухи утверждают, что дикие кабаны, хотя и очень многочисленные на острове, тщательно избегают его обитания. Волки на острове не встречаются, а медведи исчезли более века назад. Крупные лисы и мелкие олени дополняют фауну лесной зоны Корсики. Паук *мальминьята*, укус которого иногда бывает смертельным, вероятно, принадлежит к тому же виду, что и паук Сардинии и Тосканы; *тарантул* такой же, как и в Неаполе, но ядовитый муравей, известный как *иннафантато*, по-видимому, является эндемиком острова.

Мы ничего не знаем о происхождении коренных жителей Корсики. Здесь нет ни нураги, как на Сардинии, ни других древностей, которые позволили бы нам составить мнение об их обычаях. Но вблизи Сартене и в других местах есть несколько дольменов, или *стационе*, менгиров, или *стантаре*, и даже аллеи из камней, которые во всех отношениях похожи на те, что есть в Бретани и Англии. Поэтому можно предположить, что эти страны в прошлом были заселены одной и той же расой.

Жители Кортэ, расположенного в глубине острова, и горцы Бастелики гордятся тем, что являются корсиканцами чистейшей крови. В Бастии тип населения полностью итальянский, но по мере продвижения вглубь острова мы встречаем людей с большими мясистыми лицами, маленькими носами, лишенными индивидуальности, светлой кожей и глазами скорее каштанового, чем черного цвета. Фокейцы, римляне и сарацины, которые проживали здесь до XI века, были сменены итальянцами и французами. Кальви и Бонифачо были генуэзскими поселениями, а в Каргезе, недалеко от Аяччо, мы даже встречаем колонию греков-майнотов, которые поселились там в XVII веке и чьи потомки сейчас говорят на греческом, итальянском и французском языках. Но, несмотря на эту иностранную иммиграцию, корсиканцы в значительной степени сохранили свою однородность. Паоли был довольно горд генуэзской пословицей, которая гласила, что «корсиканцы заслуживают повешения, но умеют это переносить». История действительно свидетельствует об их патриотизме, бесстрашии и уважении к правде, но она также рассказывает нам о глупых амбициях, ревности и яростном духе мести. Даже в середине прошлого века практика вендетты ежегодно уносила тысячи жизней. Целые деревни опустели, а во многих местах каждый крестьянский дом превратился в крепость, где мужчины постоянно находились на чеку, а женщины, защищенные обычаем от надругательств, выходили одни, чтобы возделывать поля. Церемонии, которые проводились, когда жертву вендетты приносили домой, были ужасны. Женщины собирались вокруг трупа, и одна из них, в большинстве случаев сестра покойного, яростно призывала месть на голову убийцы. *Вокери* смерти — одни из лучших национальных песен. Несомненно, виной частому совершению этих убийств является иностранное господство. Судьи, присланные в страну, не пользовались доверием жителей, и те вернулись к первобытному закону возмездия.

Хотя Корсика дала Франции господина, дух народа по сути своей республиканский. Римлянам едва удалось поработить его, и даже в X веке большая часть острова составляла конфедерацию независимых общин, известную как *Terra del Comune*. Жители каждой долины образовывали *pieve* (плебс), который избирал *podesta* и «отцов коммуны». Последние назначали «капрала», который отвечал за защиту прав народа. Подесты, в свою очередь, избирали Совет из двенадцати человек, который стоял во главе конфедерации. Эта конституция пережила завоевания и вторжения. В XVIII веке, героически сражаясь против Генуи и Франции, Корсика провозгласила равенство всех граждан. Именно такие институты заставили Руссо сказать, что «этот маленький остров однажды поразит Европу». С тех пор наполеоновская эпоха разжигала амбиции корсиканцев, и они, похоже, забыли свои традиции свободы.

Корсика — один из наименее населенных департаментов Франции.^{[131](#)} Восточный склон острова, хотя и более плодородный и обширный, чем западный, и ранее густонаселенный, сейчас почти опустел. Римская колония Мариана больше не существует, а фокейский торговый центр Алерия с XIII века превратился в изолированную усадьбу, расположенную рядом с зараженным болотом. В настоящее время крупные центры населения находятся на

западном побережье, которое обращено к Франции, имеет здоровый климат и обладает великолепными портами.

Корсиканцы, безусловно, заслуживают обвинения в лени, которое им предъявляют, поскольку они мало что сделали для развития огромных ресурсов своего острова. Лучше всего они разбираются в рыболовстве и скотоводстве. Во многих районах сельскохозяйственные работы ведут почти исключительно итальянские рабочие, известные как луккези, поскольку большинство из них ранее прибыли из Лукки. Однако благодаря импульсу, данному Францией, началось возделывание земли, и оливковое масло, не уступающее лучшим сортам Прованса, вино и сухофрукты уже являются важными статьями экспорта.¹³²

Корсика богата рудами, но они, по-видимому, не так богаты, как на Сардинии. Раньше добывали только железную руду, которую доставляли в печи около Бастии и Порто-Веккьо, но в последние годы были открыты медные рудники в Кастифао, недалеко от Корте, а серебристый свинец добывают из рудника около Аргентеллы, недалеко от Иль-Русс. Добываются красный и синий гранит, порфир, алебастр, серпентин и мрамор. На острове много минеральных источников, но единственный, пользующийся европейской репутацией, — это Ореццо, который берёт начало в живописном районе Кастаньичча. Его железистая вода содержит значительное количество углекислоты и рекомендуется как эффективное средство при лечении множества заболеваний.

Рис. 135. — вид на БАСТИЮ.

Самым важным городом Корсики, хотя и не ее столицей, является Бастия, названная так в честь генуэзского замка, построенного в конце XIV века на берегу холмистой деревни Кардо. Бастия находится примерно в миле к северу от двух бывших столиц острова, а именно Марианы и Бигуглии, от которых первая не оставила никаких следов, а вторая превратилась в жалкую деревушку. Географическое положение Бастии превосходно, так как она находится в непосредственной близости от Италии, и частые связи с этой страной оказали самое благотворное влияние на ее жителей, которые являются самыми цивилизованными и трудолюбивыми на всем острове. Ее гавань небольшая и далеко не безопасная, но она очень оживленная. Город возвышается амфитеатрально на холмах и окружен прекрасными садами и многочисленными виллами.

Сен-Флоран, расположенный всего в шести милях от Бастии, но на западном побережье острова, имеет отличную гавань, но атмосфера, висящая над его болотами, смертоносна. Иль-Русс, расположенный дальше на запад, является главным портом плодородного района Баланья. Он был основан Паоли в 1758 году с целью разрушить Кальви, который остался верным генуэзцам. Эта цель была достигнута. Иль-Русс экспортирует большие количества масла и фруктов, в то время как старый город Кальви, расположенный на белестой скале, является безжизненным местом, часто поражаемым малярией. Побережье к югу от Кальви, вплоть до залива Сагоне, хотя и чрезвычайно плодородное, является почти пустыней, и многие его части страдают от малярии. Однако Аяччо, когда-то бывший лишь морским пригородом Кастельвеккьо, расположенного недалеко от побережья, приобрел большое значение. Это самый приятный и лучше всего построенный город острова, и Наполеон, самый известный из его сыновей, осыпал его милостями. Жители занимаются рыболовством и возделывают свои плодородные сады. Они также извлекают большую выгоду из множества посетителей, которые приезжают сюда, чтобы насладиться прекрасным климатом и живописными пейзажами.

Другие города Корсики не имеют никакого значения. Сартен, хотя и является столицей округа, представляет собой всего лишь деревню, а деятельность района сосредоточена в маленьком порту Проприано, расположенном в заливе Валинко, одном из мест сбора неаполитанских рыбаков. Кортэ известен в истории острова как место рождения героев войн за независимость. Порто-Веккьо, хотя и обладает лучшей гаванью на острове, посещается лишь несколькими прибрежными судами, а Бонифачо, древний союзник генуэзцев, важен только благодаря своим укреплениям. Вид с изолированной известняковой скалы, на которой он построен, чрезвычайно живописен. Горы Лимбара четко выделяются на фоне неба, а впереди мы видим гранитные островки, усеивающие пролив Бонифачо, столь опасный для мореплавателей. Именно здесь в 1855 году затонул фрегат *La Sémillante* с почти тысячей человек на борту.¹³³

ИСПАНИЯ.*

I. ОБЩИЕ АСПЕКТЫ.

Иберийский полуостров, Испания и Португалия, с географической точки зрения должны рассматриваться как одно целое. Различия в почве, климате и языке, возможно, оправдывают его разделение на два государства, но в организме Европы эти два государства составляют единое целое, имея одинаковую геологическую историю и демонстрируя единство в своей физической конфигурации.¹³⁵

По сравнению с другими полуостровами Южной Европы, а именно Италией и Балканами, Иберия имеет наиболее островной характер. Перешеек, соединяющий ее с материком Европы, относительно узок и четко очерчен барьером Пиренеев. Контур полуострова отличается массивностью. Здесь есть извилистые бухты, но нет морских заливов, проникающих далеко вглубь суши, как в случае с Грецией.¹³⁶

Давно и справедливо было сказано, что Африка начинается у Пиренеев. Иберия действительно имеет некоторое сходство с Африкой. Ее очертания тяжелые, вдоль побережья почти нет островов, и лишь несколько равнин выходят к морю. Но это Африка в миниатюре, всего лишь одна пятидесятая часть континента, на котором она, по-видимому, была смоделирована. Кроме того, океанический склон полуострова вполне европейский по климату, растительности и обилию проточной воды; а некоторые особенности его флоры даже оправдывают предположение, что в какую-то далекую эпоху он был соединен с Британскими островами. Африканская Испания на самом деле начинается только с безлесных плато внутренних районов и, в особенности, со средиземноморского побережья. Там мы встречаемся с зоной перехода между двумя континентами. Ее общий вид, флора, фауна и даже население выделяют эту часть Испании как неотъемлемую часть Барбарии; Сьерра-Невада и Атлас, расположенные друг напротив друга, являются родственными горами, а пролив, который их разделяет, является лишь случайностью в рельефе поверхности нашей планеты.

Рис. 136. — ПЛАТО ИБЕРИЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА.
Масштаб 1 : 10 300 000.

Испания, хотя и почти со всех сторон окружена морем, тем не менее по своему характеру является в основном континентальной страной. Почти вся ее территория состоит из плоскогорий, и только равнины Тахо (Тежу) и Андалусии широко открываются к океану. Береговая линия в основном круто поднимается, и поэтому гавани труднодоступны для жителей внутренних районов, что крайне неблагоприятно сказывается на развитии крупной морской торговли.

С момента открытия морских путей в Америку и Индию атлантическое побережье Пиренейского полуострова заняло лидирующие позиции в торговле, что легко объясняется физическими особенностями страны. Испания, как и полуостров Италия, обращена спиной к востоку. Плато пологим склоном спускается к западу; основные реки, за исключением Эбро, текут в этом направлении; водораздел протекает близко к берегам Средиземного моря.

Испания либо должна была породить коренное население, либо была заселена через Пиренеи и эмигрантами, пересекавшими узкий пролив у Геркулесовых столбов. Иберийская раса () фактически составляет основу населения Испании. Баски, или баски, в настоящее время ограниченные несколькими горными долинами, ранее занимали большую часть

полуострова, о чем свидетельствует его географическая номенклатура. Впоследствии кельтские племена пересекли Пиренеи и поселились в различных частях страны, во многих случаях смешавшись с иберийцами и образовав так называемых кельтиберов. Эта смешанная раса встречается главным образом в двух Кастильях, в то время как Галисия и большая часть Португалии, по-видимому, заселены чистыми кельтами. Иберийцы первоначально проживали на юге; оттуда они продвинулись на север вдоль побережья Средиземного моря, проникнув вплоть до Альп и Апеннин.

К этим первоначальным элементам населения присоединились колонисты из великих торговых народов Средиземноморья. Кадис и Малага были основаны финикийцами, Картагена — карфагенянами, Сагунт — иммигрантами из Закинфа, Росас — родосской колонией, а руины Ампуриаса напоминают Эмпории масилианцев. Но именно римляне изменили характер иберийских и кельтских жителей полуострова, которых они подчинили после столетней войны. Итальянская культура постепенно проникла во все части страны, и использование латыни стало повсеместным, за исключением отдаленных долин, населенных басками.

После падения Римской империи Испания была последовательно завоевана свевами, аланами, вандалами и вестготами, но только последние оказали устойчивое влияние на язык и нравы испанцев, и помпезная торжественность кастильского языка, по-видимому, является частью их наследия.

За этими северными вторжениями последовало вторжение с соседнего африканского континента. Арабы и берберы из Мавритании в начале VIII века закрепились на скале Гибралтара, и вскоре почти вся Испания пала жертвой мусульман, которые удерживали здесь власть более семи веков. Мавританцы массово иммигрировали и существенно повлияли на характер населения, особенно на юге. Инквизиция изгнала или превратила в рабов сотни тысяч этих мавров, но ее действия распространялись только на мусульман или сомнительных новообращенных, в то время как арабская и берберская кровь уже проникла в жилы большей части населения. Кастильский язык свидетельствует о большом влиянии сарацин, поскольку он содержит гораздо больше слов арабского происхождения, чем вестготского, и эти слова обозначают предметы и идеи, свидетельствующие о прогрессивном состоянии цивилизации, которое существовало, когда арабы Кордовы и Гранады положили начало современной эре науки и промышленности в Европе.

Во время господства мавров евреи процветали на испанской земле, и их число на момент первых гонений, по некоторым данным, составляло 800 000 человек. Будучи гибкими, как и большинство представителей своей веры, они сумели закрепиться в обоих лагерях, христианском и мусульманском, и обогатились за счет каждого из них. Они снабжали обе стороны деньгами для ведения войны и, как сборщики налогов, угнетали жителей. В конце концов христианская вера одержала победу; короли, чтобы оплатить расходы на войны, объявили крестовый поход против евреев, и народ с яростью набросился на своих ненавистных угнетателей, не щадя ни железа, ни огня, ни пыток, ни костра. Несколько еврейских семей, возможно, избежали гибели, приняв католичество, но большая часть этого народа погибла или была изгнана в изгнание.

Гораздо счастливее была судьба цыган, или *гитанос*, которые в Испании достаточно многочисленны, чтобы придать особый облик нескольким крупным городам. Эти цыгане всегда внешне приспосабливались к национальной религии, и инквизиция, которая отправила на костер столько евреев, мавров и еретиков, никогда не вмешивалась в их дела. Цыгане во многих случаях поселились в городах, но все они имеют традиции кочевой жизни

и с большим уважением относятся к своим соплеменникам, которые по-прежнему бродят по лесам и равнинам. Последние гордятся своим титулом *viandantes*, или странников, и презируют жителей городов. Эти испанские цыгане, по-видимому, являются потомками племен, которые несколько поколений проживали на Балканах, поскольку их язык содержит несколько сотен слов славянского и греческого происхождения.

М. де Бургуа обратил внимание на большое разнообразие, существующее среди населения Испании. Например, галисиец больше похож на аверньца, чем на каталонца, а андалузец напоминает гасконца. Однако большинство жителей имеют определенные общие черты, унаследованные от общей национальной истории и предков.

Средний испанец небольшого роста, но сильный, мускулистый, удивительно ловкий, неутомимый путешественник и невосприимчивый к любым трудностям. Трезвость иберийцев известна всем. «Оливки, салат и редис — подходящая пища для дворянина». Физическая выносливость испанца необыкновенна и вполне объясняет легкость, с которой *конкистадоры* преодолевали усталость, которой они подвергались в страшном климате Нового Света. Эти качества делают испанца лучшим солдатом Европы, поскольку он обладает пламенным темпераментом юга в сочетании с физической силой севера, не нуждаясь при этом в обильном питании.

Нравственные качества испанца столь же замечательны. Хотя он небрежен в повседневных делах, он очень решительный, суровый, мужественный и очень упорный. Любую дело, за которое он берется, он защищает до последнего вздоха. Сыновья всегда принимают дело своих отцов и сражаются за него с той же решимостью. Отсюда и эта длинная череда иностранных и гражданских войн. Освобождение Испании от мавров заняло почти семь веков; завоевание Мексики, Перу и Южной Америки было одной непрерывной борьбой, длившейся целый век. Война за независимость, освободившая Испанию от ига Наполеона, была почти беспрецедентным проявлением патриотизма, и испанцы могут по праву гордиться тем, что французы не нашли среди них ни одного шпиона. Две карлистские войны также были бы возможны только в Испании.

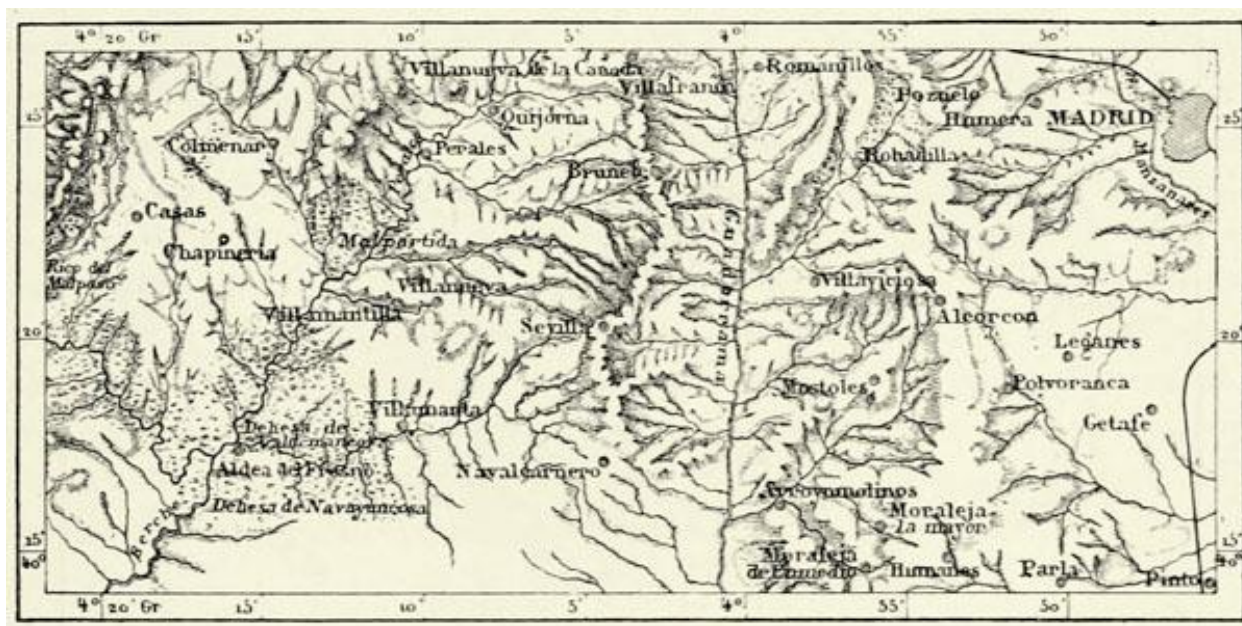
Кто может удивляться после этого, что даже самый скромный испанец говорит о себе с некоторой гордостью, которая у любого другого была бы признана самонадеянностью? «Испанец — это гасконец трагического типа», — так говорит французский путешественник. За его словами всегда следуют дела. Он хвастун, но не без причины. Он сочетает в себе качества, которые обычно исключают друг друга, потому что, несмотря на свою гордость, он добр в своих манерах; он очень высоко ценит себя, но учитывает чувства других; быстро замечая недостатки своих соседей, он редко делает их предметом упреков. Мелочи вызывают у него поток громких слов, но в важных вопросах ему достаточно одного слова или жеста. Испанец сочетает в себе торжественность и стойкость с значительной долей веселья. Ничто не беспокоит его; он философски принимает вещи такими, какие они есть; бедность не пугает его; он даже изобретательно умудряется извлекать из нее удовольствие и выгоду. Жизнь Гиль Бласа, в котором испанцы узнают себя, была более пестрой, чем жизнь любого другого героя романа, и все же он всегда был полон веселья, которого не смогла лишить его даже мрачная тень Инквизиции, лежавшая тогда на стране. «Жить на берегах Мансанареса, — гласит испанская пословица, — это совершенное блаженство; быть в раю Эль- — это вторая степень счастья, но только при условии, что можно смотреть на Мадрид через окно в небе».

Эти противоположности в характере испанцев создают впечатление непостоянства, которое иностранцы не могут понять, а сами испанцы самодовольно описывают как «*cosas*

de España». Как же нам объяснить столько слабости, связанной со столькими благородными качествами, столько суеверий, несмотря на здравый смысл и острое восприятие иронии, такую жестокость поведения у людей, по природе щедрых и великодушных? Испанец, несмотря на свои страсти, философски смиряется с тем, что считает неизбежным. *Lo que ha de ser no puede faltar*, «Что должно быть, то будет», — говорит он и, укутавшись в плащ, позволяет событиям идти своим чередом. Великий лорд Бэкон триста лет назад заметил, что «испанцы выглядят мудрее, чем они есть на самом деле»; и действительно, большинство из них страстно любят азартные игры, а их апатичный фатализм объясняет многие беды, от которых страдает их страна. Быстрое упадничество, которое произошло за три столетия, побудило некоторых историков отнести испанцев к числу падших народов. Здания, встречающиеся во многих городах и деревнях, свидетельствуют о былой величественности, а *деспобладос* и *деесас*, которые мы встречаем даже в окрестностях столицы, рассказывают о некогда плодородных полях, вернувшихся к естественному состоянию.

Бакл в своей «Истории цивилизации» объясняет этот упадок физическими особенностями Испании и длительной чередой религиозных войн. Вестготы защищали арианство от франков, а когда испанцы стали хорошими католиками, их страна была захвачена маврами, и более двадцати поколений боролись с ними. Так случилось, что патриотизм стал тождественным абсолютному повиновению велениям Церкви, поскольку каждый, от короля до самого скромного лучника, был защитником веры, а не своей родной земли. Результат можно было предсказать. Церковь не только завладела большей частью земель, отвоеванных у неверных, но и оказала пагубное влияние на правительство и, через свои страшные трибуналы Инквизиции, на все общество.

Рис. 137. — ДЕЕСЫ В ОКРЕСТНОСТЯХ МАДРИДА.
Масштаб 1:450 000.

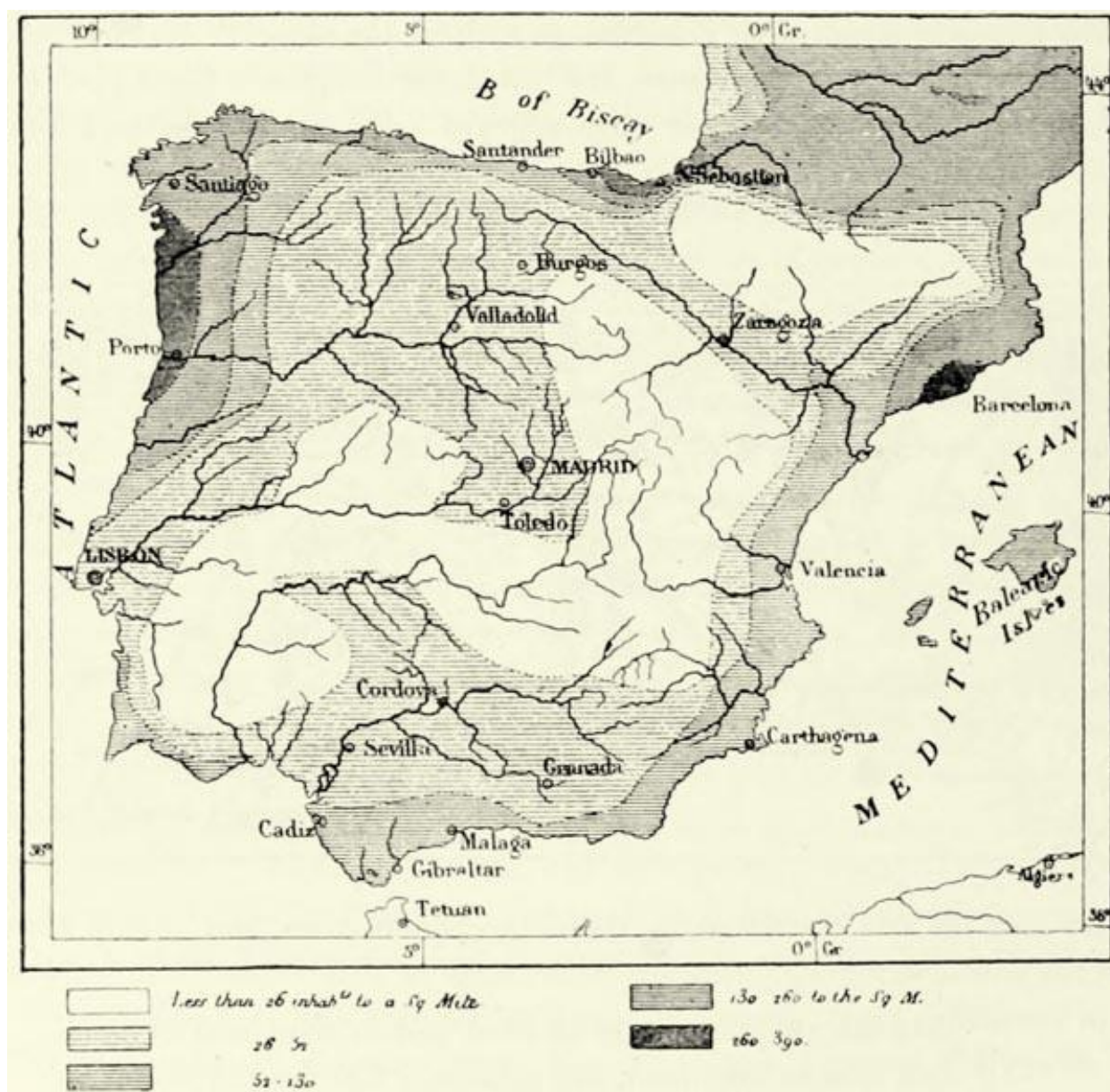
Но в то время как эти длительные религиозные борьбы приводили к моральному и интеллектуальному упадку испанцев, существовали и другие причины, которые действовали в обратном направлении, и Бакл, по-видимому, не оценил их должным образом. Короли, чтобы обеспечить поддержку народа в своих войнах против мусульман, были

вынуждены предоставить ему значительную свободу. Города управляли собой сами, и уже в XI веке их делегаты заседали вместе с дворянством и духовенством в Кортесах и голосовали за поставки. Местное самоуправление давало Испании преимущества, которыми тогда обладали лишь немногие части Европы. В этих процветающих городах процветали промышленность и искусство, и даже было положено конец посягательствам духовенства задолго до того, как Лютер поднял свой мощный голос в Германии.

В конце концов, борьба между сторонниками местного самоуправления и централизованной монархии стала неизбежной, и как только неверные были изгнаны, началась гражданская война. Она закончилась в пользу короля и церкви, поскольку *комунерос* Кастилии не нашли поддержки в других провинциях, а их города были разорены кровожадными генералами Карла V.

Открытие Нового Света, произошедшее примерно в этот период, оказалось катастрофой для Испании, поскольку молодые предприимчивые и смелые люди пересекли Атлантический океан и тем самым ослабили метрополию, которая была слишком мала, чтобы прокормить такие огромные колонии. Огромное количество сокровищ (более 2 000 000 000 фунтов стерлингов в период с 1500 по 1702 год), отправленных из колоний на родину, еще больше ускорило быстрый упадок Испании, поскольку развратило всю нацию. Поскольку деньги можно было получить без труда, вся честная работа прекратилась, и когда колонии перестали приносить свои металлические сокровища, страна оказалась в бедности, поскольку золото и серебро ушли в чужие страны, откуда Испания и получала свои поставки.

Рис. 138. ПЛОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ИБЕРИЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА.

В истории нет другого примера столь быстрого упадка, произошедшего без иностранной агрессии. Мастерские были закрыты, мирные искусства забыты, поля возделывались без особого усердия. Молодые люди устремлялись в 9000 монастырей, чтобы наслаждаться бездельем, а «наука была преступлением, невежество и глупость были главными добродетелями». Население сокращалось, и испанцы даже утратили свою древнюю славу храбрости. Если короли из династии Бурбонов назначали иностранцев на все высокие государственные должности, то делали они это потому, что испанцы стали неспособны вести государственные дела.

Но если мы сравним Испанию наших дней с Испанией эпохи Инквизиции, то не можем не быть поражены огромным прогрессом, достигнутым за это время. Испания больше не является «счастливым народом без истории», поскольку с начала века она ведет борьбу, и за этот период бурной жизни она сделала больше для искусства, науки и промышленности, чем за два века мира, последовавшие за мрачным правлением Филиппа II. Без сомнения, Испания могла бы сделать еще больше, если бы силы страны не были растрачены на внутренние борьбы. К сожалению, географическое положение полуострова неблагоприятно для консолидации нации. Прибрежные регионы сочетают в себе все преимущества климата,

плодородной почвы и доступности, в то время как ресурсы внутренних плато сравнительно невелики. Первые, естественно, привлекают население; в них много крупных и оживленных городов, и они более густонаселены, чем внутренние районы страны. Мадрид, занимающий господствующее положение почти в геометрическом центре страны, стал центром жизни, но его окрестности очень малонаселены.

Это неравномерное распределение населения не могло не оказать сильного влияния на историю страны. Каждая из приморских провинций чувствовала себя достаточно сильной, чтобы вести самостоятельное существование. Во время борьбы с маврами общие интересы побудили независимые королевства Иберии к сотрудничеству и способствовали установлению центральной монархии; но для поддержания этого единства впоследствии пришлось прибегнуть к системе террора и угнетения. Португалия, расположенная на берегу Атлантического океана, сбросила ненавистное иго Кастилии после менее чем столетия подчинения. В остальной части полуострова политическая консолидация продвигается вперед благодаря удобствам межрегионального сообщения и замене провинциальных диалектов кастильским языком; но было бы ошибкой полагать, что андалузцы и галисийцы, баски и каталонцы, арагонцы и мадридцы слились в одну нацию. Действительно, федеративная конституция, за которую выступают испанские республиканцы, кажется наиболее подходящей для географического строения страны и характера ее населения. Стремление к провинциальной автономии привело к большинству гражданских войн в Испании, будь то *каралисты* или *интрансигенты*. Поэтому в нашем описании Испании мы должны уважать границы, проведенные природой, имея в виду, что политические границы провинций не всегда совпадают с водоразделами или языковыми границами.

Большое центральное плато полуострова ограничено с севера, востока и юга горными хребтами, простирающимися от Кантабрийских Пиренеев до Сьерра-Морены, и с запада понижается в сторону Португалии и Атлантического океана. Высокогорья, по которым протекают Верхний Дуэро, Тахо (Тежу) и Гвадиана, таким образом, представляют собой отдельный регион, и если бы уровень океана поднялся на 2000 футов, они превратились бы в полуостров, соединенный узким перешейком баскских провинций с французскими Пиренеями. Обширная площадь этих плато — они составляют почти половину территории всей страны — объясняет ту роль, которую они сыграли в истории, а их выгодное положение позволило кастильцам завладеть соседними территориями.

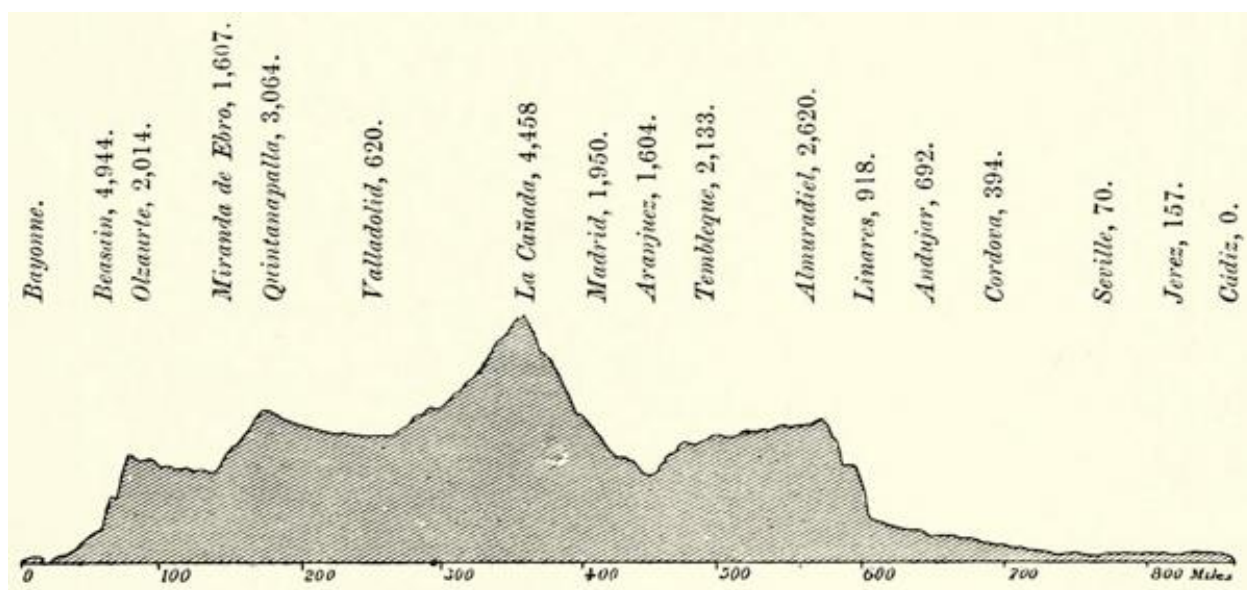
Кастилию трудно назвать красивой, или, скорее, ее торжественная красота не нравится большинству путешественников. Обширные районы, такие как Тьерра-де-Кампос к северу от Вальядолида, представляют собой древние озерные равнины, отличающиеся большой плодородностью, но чрезвычайно однообразные из-за отсутствия лесов. Другие районы покрыты небольшими каменистыми холмами, а третьи можно охарактеризовать как горные. Горные хребты, покрытые скудной растительностью, ограничивают горизонт, а мрачные ущелья, заключенные между отвесными скалами, ведут в них. В других местах, например в Нижней Эстремадуре, мы встречаем обширные пастбища, простирающиеся до самого подножия гор, и, как в некоторых частях американских прерий, ни одно дерево не привлекает внимания. Глядя на пугающую голоту этих равнин, трудно представить, что в середине прошлого века был принят закон, обязывающий каждого жителя посадить не менее пяти деревьев. Деревья, действительно, вырубались быстрее, чем сажались. Крестьяне предвзято относятся к ним; они говорят, что их листья дают укрытие птицам, которые охотятся на кукурузных полях. Мелкие птицы, за исключением соловьев, преследуются без пощады, и пословица гласит, что «ласточки, пересекающие Кастилию, должны нести с собой провизию». Деревья встречаются только в самых отдаленных местностях. Хижины крестьян, построенные из грязи или гальки, имеют тот же цвет, что и почва, города, окруженные стенами, легко спутать с расположенными рядом скалами, и даже посреди возделанных полей можно представить себя в пустыне. Многие районы страдают от нехватки воды, и деревни, которые радуются наличию источника, громко заявляют об этом как об одном из своих достоинств. Огромные мосты перекинуты через ущелья, хотя более половины года ни капли воды не проходит по их галечным руслам.

Сьерра-де-Гуадаррама и ее западное продолжение, Сьерра-де-Гредос, разделяют это центральное плато Испании на две части, расположенные на разной высоте. Старая Кастилия и Леон, расположенные на севере, в бассейне Дуэро, склоняются с востока на запад с 5600 до 2300 футов, в то время как Новая Кастилия и Ла-Манча, расположенные в бассейнах Тахо и Гвадианы, имеют среднюю высоту всего 2000 футов. В третичный период эти два плато были покрыты огромными озерами. Одно из них, очертания которого обозначены обломками, снесенными с окружающих холмов, первоначально сбрасывало свои воды в направлении долины Эбро, но впоследствии проложило себе проход через кристаллические горы Португалии, которые сейчас представлены ущельями Нижнего Дуэро. В другую эпоху это озеро Верхнее сообщалось с озером, которое покрывало то, что сейчас является равнинами Новой Кастилии и Ла-Манчи. Площадь, покрытая этими двумя озерами, составляла 30 000 квадратных миль, и Испания тогда представляла собой лишь скелет кристаллических гор, соединенных между собой седловинами триасового, юрского и

мелового периодов, окружавших эти два пресноводных озера и ограниченных снаружи океаном. Этот геологический период, должно быть, длился очень долго, поскольку озерные отложения иногда достигают почти тысячи футов в толщину. Миоценовые слои, образующие поверхностные отложения этих двух озерных бассейнов Кастилии, геологически относятся к одному и тому же возрасту, поскольку в обоих найдены окаменелые кости одних и тех же крупных животных — мегатериев, мамонтов и гиппарионов.

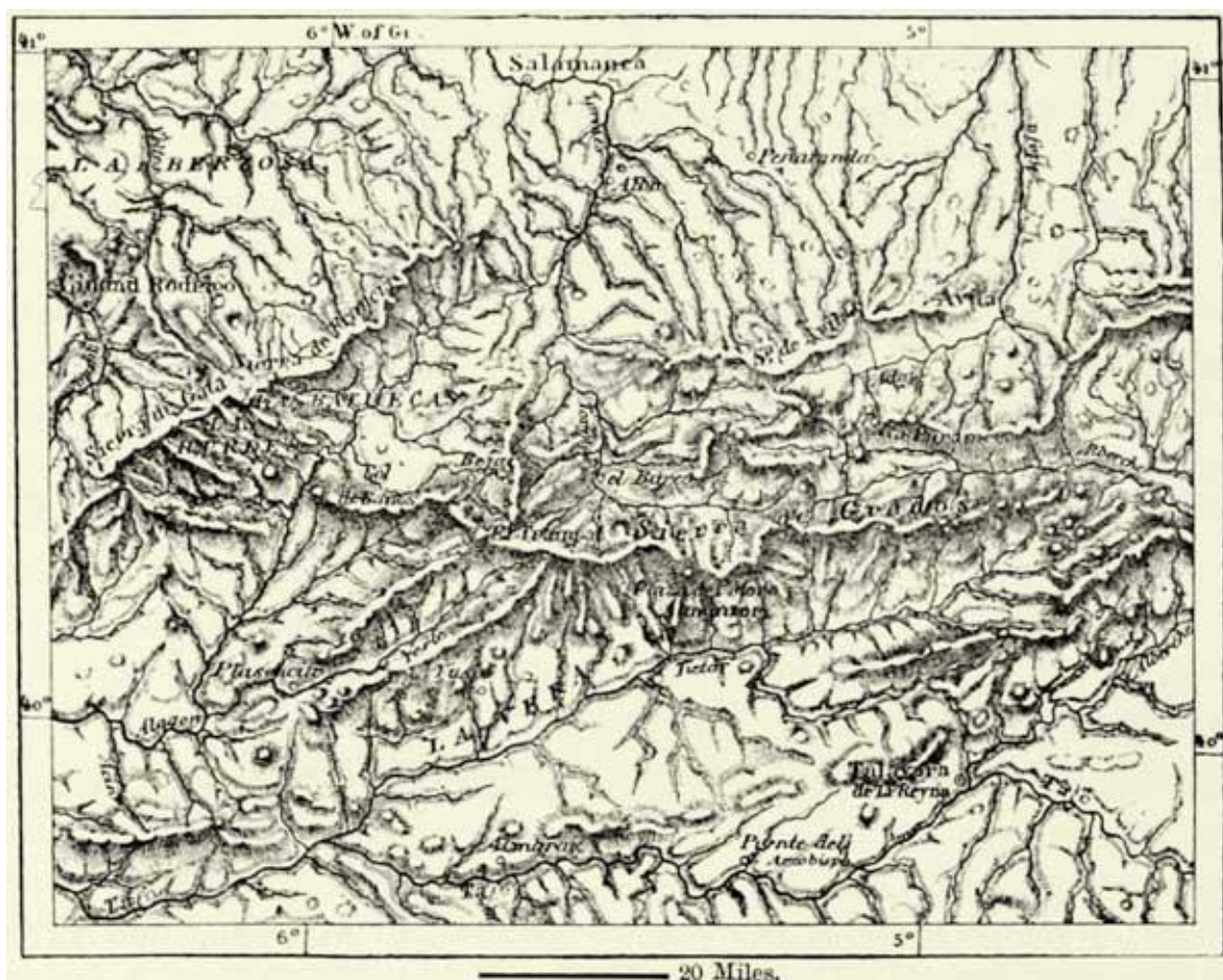
Кантабрийские горы ограничивают Леон и Старую Кастилию с северо-запада и севера, но широкие горные хребты простираются от них сразу к востоку от Пенья-Лабра и образуют водораздел между бассейном Дуэро и верховьем Эбро. Эти хребты известны под разными названиями. Сначала они образуют Парамос-де-Лора (3542 фута), которые пологим склоном спускаются к югу, но затем резко опускаются к Эбро, протекающему здесь в ущелье глубиной в несколько сотен футов. Водораздел к востоку от них продолжается до горного перевала Брухола, через который проходит дорога (3215 футов), соединяющая Бургос с морем. За этим перевалом так называемые Монтес-де-Ока постепенно увеличиваются в высоте и соединяются с кристаллической Сьерра-де-Деманда, достигая своей высшей точки в Пико-де-Сан-Лоренцо (7554 фута). Еще один горный массив лежит дальше к юго-востоку. Он поднимается в Пико-де-Урбион на высоту 7367 футов и дает начало реке Дуэро. Дальнейший водораздел образован Сьерра-Себольера (2140 м), которая постепенно понижается, а ее ответвления простираются в бассейны Эбро и Дуэро. Сьерра-де-ла-Монкайо (2410 м), кристаллический горный массив, похожий на Сан-Лоренцо, но превосходящий его по высоте, завершает эту часть очертаний центрального плато. Широкие хребты за ней не представляют препятствий для строительства дорог, но к югу от Себоллеры и Монкайо есть несколько изрезанных горных хребтов, которые заставляют Дуэро течь извилистым путем через ущелье Сория. Нумантия, героическая оборона которой с тех пор была подражаема многими другими городами полуострова, стояла недалеко от этого ущелья.

Рис. 139. — ПРОФИЛЬ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ЛИНИИ ОТ БАЙОННЫ ДО КАДИСА.
(Высота над уровнем моря в футах.)

Средняя высота гор, отделяющих бассейн Дуэро от бассейна Тахо, превышает высоту гор на северо-востоке Старой Кастилии. Горы постепенно увеличиваются в высоту к западу и юго-западу, пока не образуют знаменитую Сьерра-де- Guadarrama, гранитные скалы которой ограничивают горизонт Мадрида на севере. Она представляет собой настоящую стену между двумя Кастилиями, и строительство дорог, которые ведут зигзагом через ее перевалы Сомосьерра (4680 футов), Навасеррада (5834 фута) и Гуадаррама (5030 футов), сопровождалось такими значительными трудностями, что Фердинанд VI, гордясь этим достижением, установил статую льва на одной из самых высоких вершин, тем самым запечатлев, что «король покорил горы». Эта горная цепь образует естественный вал к северу от равнин Мадрида, и за проход через нее было проведено много кровопролитных сражений. Железная дорога в Мадрид обходит ее, но впадина Авила, через которую она проходит, все же выше вершины железной дороги Мон-Сенис.

Рис. 140. — СЬЕРРА-ДЕ-ГРЕДОС И СЬЕРРА-ДЕ-ГАТА.
Масштаб 1 : 800 000.

Горы к юго-западу от вершины Пеньялара (7870 футов), которая является самой высокой точкой Сьерры, быстро опускаются, и на высоте Альто-де-ла-Сьерва (6027 футов) цепь разделяется на две ветви, из которых северная образует водораздел между Дуэро и Тахо, а

более возвышенная южная цепь соединяет Сьерра-де-Гуадаррама с Сьерра-де-Гредос, но разделена на две части ущельем, прорытым рекой Альберче, которая берет начало к северу от нее.

Сьерра-де-Гредос является, после Пиренеев и Сьерра-Невады в Гранаде, самой высокой горной цепью Испании, поскольку на площади Пласа-дель-Моро-Альмансор она достигает высоты 8680 футов и, таким образом, простирается далеко за пределы зоны деревьев. Ее голые вершины из кристаллических пород остаются покрытыми снегом более половины года. Местность, простирающаяся вдоль южного склона этих гор, является одним из самых живописных районов всей Испании. Она изобилует ручьями с кристально чистой водой; группы деревьев разбросаны по склонам холмов и защищают деревни; и Карл V, выбрав монастырь Св. Юсте в качестве места, где он намеревался провести остаток своих дней, продемонстрировал неплохой вкус. В прежние времена подножие Сьерры было гораздо более посещаемым, поскольку римская дорога, известная как *Via Lata* (ныне *Camino de la Plata*), пересекала его сразу к западу от Пуэрто-де-Баньос и таким образом соединяла долину Дуэро с долиной Тахо.

Сьерра-де-Гата, которая лежит за этой старой дорогой, проходит параллельно Сьерра-де-Гредос, и этот параллелизм наблюдается также в отношении меньших цепей и основных русел рек этой части Испании. Сьерра-де-Гата поднимается на высоту 5690 футов в Пенья-де-Франсия, названной так в честь часовни, построенной франкским рыцарем. В ее углублениях находятся уединенные долины Лас-Батуэкас и Лас-Урдес.

В восточной части Новой Кастилии местность в основном холмистая, а не гористая, и если бы глубокие ущелья, вырытые реками, были засыпаны, она выглядела бы почти как равнина. Самая высокая точка этой части страны — Муэла-де-Сан-Хуан (5900 футов) в Монтес-Универсалес, названная так, возможно, потому, что Тахо, Хукар, Гуадалавиар и другие реки, текущие в противоположных направлениях, берут там свое начало.

Сьерра-дель-Тремендаль в районе Альбаррасин, расположенном дальше на север, как говорят, часто подвергается землетрясениям, и там, где оолитовые породы соприкасаются с черным порфиром и базальтом, выделяются сернистые газы. Несколько триасовых холмов в окрестностях Куэнки примечательны своими каменными солями, главные месторождения которых находятся в Мингланилье.

Южнее возвышенность, отделяющая реки, впадающие в Средиземное море, от притоков Тахо и Гвадианы, является холмистой, но не гористой. Настоящие горы мы снова встречаем только у истоков Гвадианы, Сегуры и Гуадалимара, где начинается Сьерра-Морена, образующая на протяжении 250 миль естественную границу между Ла-Манчей и Андалусией. С высоты плато эта горная цепь выглядит как холмы умеренной высоты, но путешественники, смотрящие на нее с юга, видят перед собой настоящую горную гряду с резким профилем, изобилующую долинами и дикими ущельями. Географически эта горная цепь принадлежит скорее Андалусии, чем плато Кастилии.

На западе, судя по течению рек Тахо и Гвадианы, местность, казалось бы, постепенно понижается к равнинам Португалии, но это не так. Большая часть Эстремадуры занята горным массивом, состоящим из гранита и других кристаллических пород. Осадочные слои региона, ограниченного на севере горными хребтами Гредос и Гата () и на юге горным хребтом Ароче (*Sierra de Aroche*), имеют небольшую толщину. В прежние времена эти гранитные горы Эстремадуры удерживали воды озер, которые тогда покрывали внутренние плато, пока непрерывное действие воды не пробило себе проход через них. Их самые высокие вершины образуют хребет между реками Гвадиана и Тахо, известный как Сьерра-

де-Толедо, и достигают высоты 5115 футов в Сьерра-де-Гуадалупе, известной в былые времена благодаря образу чудотворной Девы Марии, объекту поклонения эстремадурцев и христианизированных американских индейцев.

Рис. 141. — узкое место ТАХО в провинции ГУАДАЛАХАРА.

С геологической точки зрения, ряд вулканических холмов, известных как Кампо-де-Калатрава (2270 футов), образуют отдельную группу. Они занимают оба берега Гвадианы, а древнее внутреннее озеро, ныне превратившееся в равнину Ла-Манча, омывает их подножие. Из их кратеров выбрасывались трахитовые и базальтовые лавы, а также пепел, или *негрисалес*, но в настоящее время единственным свидетельством подземной активности являются кислые термальные источники.

Реки Кастилии имеют меньшее значение, чем можно было бы предположить, глядя на карту, поскольку из-за недостатка осадков они не судоходны. Влага, переносимая ветрами на восток, в основном выпадает в виде осадков на внешних склонах гор, и лишь небольшая ее часть достигает кастильских плато. Кроме того, испарение там происходит очень быстро,

и если бы не родники, питаемые зимними дождями, здесь не было бы ни одной реки с постоянным стоком.¹³⁸

Из трех параллельных рек — Дуэро, Тахо и Гвадианы — две последние являются самыми слабыми, поскольку дополнительные хребты Сьерра-де-Гредос и Сьерра-де-Гуадаррама закрывают их бассейны от влажных ветров Атлантики. Однако, несмотря на их небольшой объем, геологическая работа, сделанная ими в прошлые века, была потрясающей. Обе реки прокладывают себе путь через извилистые ущелья огромной глубины от края плато до равнин Лузитании. Ущелье Дуэро образует естественную границу между Испанией и Португалией, поскольку создает почти непреодолимые препятствия для межрегионального сообщения. Более значительные притоки Дуэро, такие как Тормес, питаемый снеговыми талыми водами Сьерра-де-Гредос, Йельтес и Агеда, также протекают через дикие ущелья, которые можно сравнить с каньонами Нового Света. Тахо имеет схожие особенности, и ниже своего слияния с Альберче он впадает в глубокое ущелье, окруженное отвесными гранитными стенами.

Гуадиана протекает через похожее ущелье, но только после того, как достигает территории Португалии. Гидрография его верховьев, Гигела и Занкара, которые берут начало в Серранио-де-Куэнка, имеет любопытные особенности; но, поскольку они в основном пересыхают летом, жители считают истинным истоком реки Гуадиана обильные родники, известные как «глаза» (*ojos*). Их три, и они дают около четырех кубических ярдов воды в секунду. По народному поверью, эти источники питаются водой из Руидеры, которая, пройдя через цепь живописных озер, исчезает под слоем гальки; однако Коэльо доказал, что после сильных дождей этот приток Гвадианы на самом деле достигает Занкары.

Климат кастильских плато носит вполне континентальный характер. Преобладающие ветры в Испании такие же, как и в остальной части Западной Европы, но времена года и резкие перепады температуры в верхних бассейнах Дуэро, Тахо и Гвадианы напоминают пустыни Африки и Азии. Зима здесь очень суровая, лето жаркое, а преобладающие ветры усугубляют эти особенности. Зимой *северный ветер*, проходящий через заснеженные Пиренеи и другие горные хребты, сметает равнины и проникает через все щели в убогих хижинах крестьян. Летом противоположный ветер, *солано*, проникает через проломы в Сьерра-Неваде и Сьерра-Морене, выжигает растительность и раздражает людей и животных. Климат Мадрида¹³⁹ типичен для большинства городов Кастилии. Воздух, хотя и чистый, чрезвычайно сухой и пронизывающий, и люди, страдающие заболеваниями горла, подвергаются значительному риску во время акклиматизации. «Воздух Мадрида не задувает свечу, но убивает человека», — гласит пословица, а климат этого города описывается как «три месяца зимы и девять месяцев ада». Правда, во времена Карла V Мадрид славился своим прекрасным климатом, и вполне возможно, что его ухудшение можно объяснить уничтожением лесов.

Рис. 142. — СТЕПИ НОВОЙ КАСТИЛИИ.
По данным Виллкома. Масштаб 1:1 500 000.

Наибольшее разнообразие растений встречается при подъеме с равнин к вершинам гор, но в целом растительность здесь необычайно однообразна, поскольку количество растений, способных выдерживать такие экстремальные температуры, естественно ограничено. Преобладают травы и кустарники. Заросли в верхней части бассейна Дуэро и на плато к востоку от Тахо и Гвадианы состоят из тимьяна, лаванды, розмарина, иссопа и других ароматических растений; на южных склонах Кантабрийских гор преобладают верески с маленькими розовыми цветами; обширные территории в горах Куэнки покрыты испанским дроком, или эспарто; а в окрестностях Альбасете в изобилии растут солелюбивые растения. Эти регионы обычно описывают как «степи Кастилии», хотя, возможно, более подходящим термином было бы «пустыни». На многие километры вокруг деревни Сан-Клементе нет ни ручья, ни родника, ни дерева, и вид этой местности повсюду чрезвычайно уныл. Бесконечные равнины Ла-Манчи — «высохшая страна» арабов — примыкают к этим степям на западе, и там кукурузные поля, виноградники и пастбища чередуются с участками чертополоха, а монотонность частично сглаживается ветряными мельницами, огромные

крылья которых медленно вращаются над головой. Эстремадура и склоны Сьерра-Морены в основном покрыты каменными розами, а с вершин некоторых холмов ковер из *жаралеса*, синевато-зеленого или коричневого цвета, в зависимости от сезона, простирается до самого горизонта, а весной покрывается обилием белых цветов, напоминающих свежавыпавший снег.

Леса встречаются только на склонах гор. Дубы различных пород и каштаны занимают нижнюю зону, а хвойные деревья простираются за ними до крайней границы леса. Последние также покрывают обширные участки перемещающихся песков, которые простираются вдоль северного подножия Сьерра-де-Гуадаррама и являются аналогом французских *ланд*.

Остатки древних лесов по-прежнему служат убежищем для диких животных. В начале этого века на южных склонах Кантабрийских гор было много медведей; в зарослях Гуадаррамы, Гредоса и Гаты по-прежнему обитают волки, рыси, дикие кошки, лисы и даже дикие козы. Обильно встречаются олени, зайцы и другая дичь. В дубовых лесах обитают дикие кабаны огромных размеров и силы. До падения ислама считалось почетным держать большие стада свиней, и путешественник, посетивший отдаленные деревни Леона, Вальядолида и Верхней Эстремадуры, обнаружит, что этот древний обычай сохранился до сих пор. Черные свиньи Трухильо и Монтанчеса славятся во всей Испании своим превосходным ветчиной.

Страна предлагает отличные условия для разведения овец и крупного рогатого скота; однако есть несколько районов, которые прекрасно подходят для производства зерновых культур. Один из них — *Tierra de Campos* в бассейне Дуэро. Он обязан своей плодородностью подземному водохранилищу, как и *плато* Оканья и другие районы в верхних бассейнах Тахо и Гвадианы, которые засушливы только на первый взгляд. Виноград процветает на каменистой почве и дает отличное вино, то же самое можно сказать и об оливковых деревьях, которые составляют богатство Кампо-де-Калатрава. Таким образом, занятие сельским хозяйством, по-видимому, дает большие преимущества; и если тысячи акров земли все еще остаются под паром, если кочевой образ жизни все еще преобладает, то это объясняется ленью, силой привычки, существованием феодальных обычаев, а иногда, возможно, и унынием, вызванным засушливыми сезонами.

Большинство стад *мериносов* вынуждены пересекать почти половину Испании в поисках необходимой им пищи. Каждое стадо из примерно 10 000 овец находится под присмотром *мэра*, которому помогают *рабаданы*, отвечающие за отряды из 1000–1200 животных. Пастухи и овцы из Балии в Леоне считаются лучшими. В начале апреля мериносы покидают свои пастбища в Андалусии, Ла-Манче и Эстремадуре и отправляются на север, где проводят лето, а в сентябре возвращаются на юг. Легко представить, что эти кочующие стада наносят большой ущерб полям, по которым они проходят, даже несмотря на то, что привилегии овцеводов были в значительной степени отменены в 1836 году. Однако Испания, несмотря на все преимущества, предоставленные природой, вынуждена теперь импортировать овец из-за границы, чтобы улучшить свои стада. Мулы, которые почти незаменимы в такой каменистой стране, также импортируются из Франции. Были завезены верблюды, ламы и кенгуру, но их количество никогда не было большим, и фауна, как и флора Кастилии, отличается однообразием.

Как и земля, так и ее жители. Мужчины Леона и Кастилии серьезны, лаконичны в речи, величественны в походке и ровны в характере. Даже в своих развлечениях они ведут себя с достоинством, а те из них, кто уважает традиции старых добрых времен, регулируют каждое свое движение в соответствии с самым утомительным этикетом. Кастильцы чрезвычайно высокомерны, и фраза «*Yo soy Castellano!*» (*Я кастилец!*) не допускает никаких дальнейших объяснений. Они не признают вышестоящих, но относятся к своим соотечественникам на основе полного равенства. Иностранец, впервые оказавшийся в толпе в Мадриде или где-либо еще в Кастилии, не может не быть поражен естественной свободой, с которой богатые и бедные общаются друг с другом.

Кастильцы, благодаря своему упорному мужеству и центральному положению, которое они занимают, стали хозяевами Испании, но вряд ли можно сказать, что они являются хозяевами в своей собственной столице. Мадрид является великим центром притяжения всего полуострова, и его улицы переполнены провинциалами со всех концов Испании. Это вторжение в столицу и в Кастилию в целом объясняется малонаселенностью плато, которая обусловлена не столько естественной бесплодностью земли, сколько политическими и социальными причинами. Нет сомнений, что в Кастилии раньше проживало гораздо больше населения, чем сейчас, но города в долинах рек Тахо и Гвадиана превратились в деревни, а река, которая раньше была судоходной до самого Толедо, теперь таковой не является, либо потому, что ее объем стал меньше, чем раньше, либо потому, что ее паводки больше не регулируются. Эстремадура, в настоящее время одна из беднейших провинций Испании, была густо заселена во времена римлян, которые основали там Колонию Августу Эмериту (Мерида), которая стала крупнейшим городом Иберии. Во время господства мавров Эстремадура также давала обильные урожаи, но старые города исчезли, а поля теперь покрыты вереском, дроком и каменными розами.

Изгнание мавров, несомненно, способствовало упадку этих некогда плодородных регионов, но главную причину следует искать в росте феодальных, военных и церковных институтов, которые лишали земледельцев плодов их труда. Впоследствии, когда Кортес, Писарро и другие *конкистадоры* совершили свои грандиозные подвиги в Новом Свете, они привлекли предприимчивую молодежь провинции. Мирное возделывание земли было презираемо, поля оставались непахаными, и 40 000 кочевых пастухов завладели страной. Так *эстремадурцы* стали тем, чем они являются сейчас, «индейцами» нации.

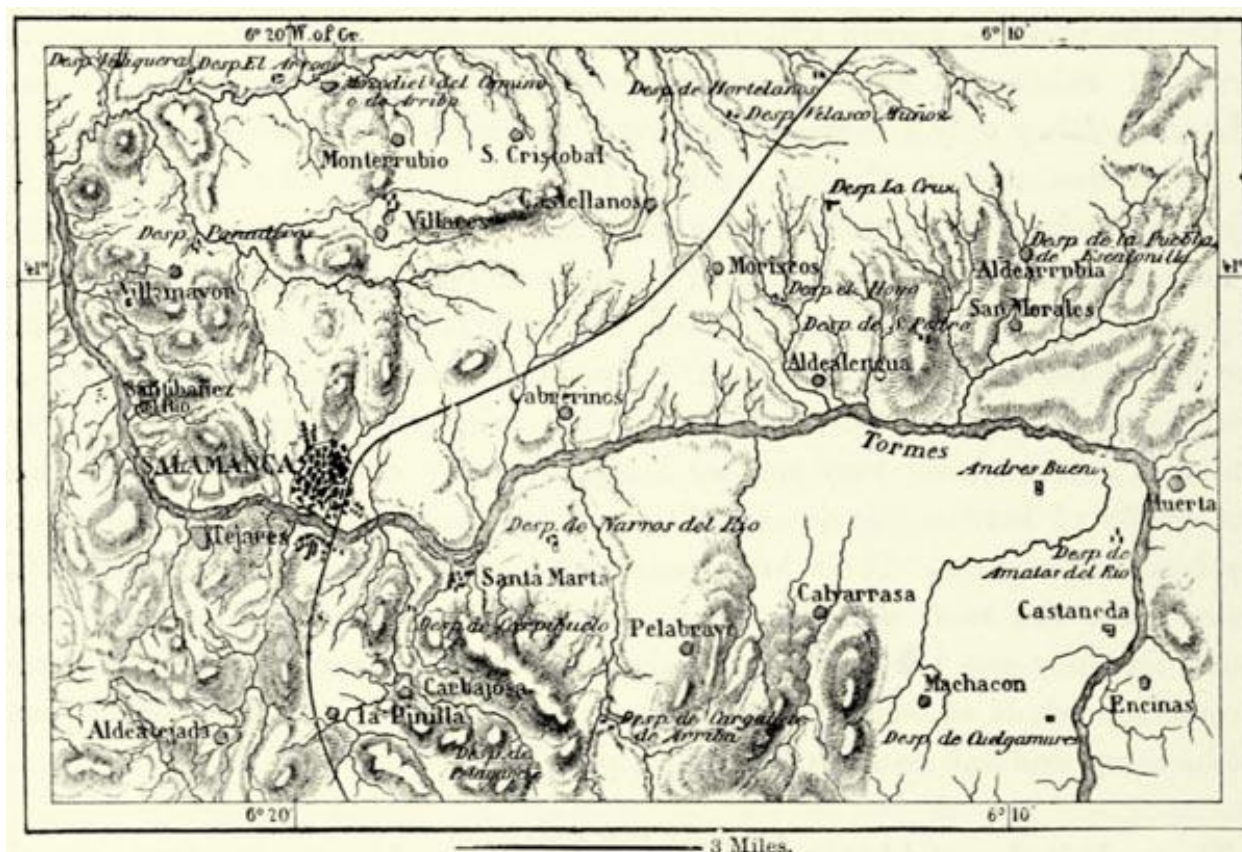
К сожалению, это сокращение населения сопровождалось возвратом к варварству. Триста лет назад регион на южных склонах Сьерра-де-Гуадаррама славился своей промышленностью. Льняные ткани и сукно из Авилы, Медина-дель-Кампо и Сеговии были известны во всей Европе; Бургос и Аранда-дель-Дуэро были центрами торговли и промышленности; а Медина-де-Рио-Секо была известна как «Маленькая Индия» из-за богатства, демонстрируемого на ее ярмарках. Но плохое управление привело к упадку этих отраслей промышленности, страна обезлюдела, а ее древняя культура ушла в прошлое. В конце прошлого века в знаменитом университете Саламанки великие открытия Ньютона и Харвея по-прежнему игнорировались как «противоречащие откровенной религии», а низшие классы пребывали в самых зверских суевериях.

В этой самой провинции Саламанка, недалеко от Пенья-де-Франсия, живут «варварские» батуэки, которых обвиняют в том, что они не умеют различать времена года. Жители других отдаленных горных районов Кастилии также не являются тем, что мы называем цивилизованными. Среди них можно отметить *чаррос* из Саламанки и знаменитых *марагатос* из Асторга, большинство из которых являются мултиками. Они вступают в брак

только между собой и считаются прямыми потомками какого-то древнего племени Иберии. Предположение о том, что они являются смешанной расой вестготов и мавров, не заслуживает внимания, поскольку ни их одежда, ни их манеры не напоминают нам мусульман. Они носят широкие брюки, тканевые гетры, застегивающиеся ниже колена, короткий и облегающий пиджак, кожаный пояс, воротник с оборками и фетровую шляпу с широкими полями. Они высокие и сильные, но жилистые и угловатые. Они чрезвычайно молчаливы и не смеются и не поют, когда гонят перед собой своих вьючных животных. Их трудно вывести из себя, но, однажды разгневавшись, они становятся свирепыми. Их честность выше всяких подозрений, и им можно смело доверять самые ценные товары, которые они будут защищать от любого нападения, поскольку они храбры и искусно владеют оружием. В то время как мужчины пересекают всю Испанию в качестве перевозчиков товаров, женщины возделывают землю, которая, будучи засушливой и каменистой, дает скудный урожай.

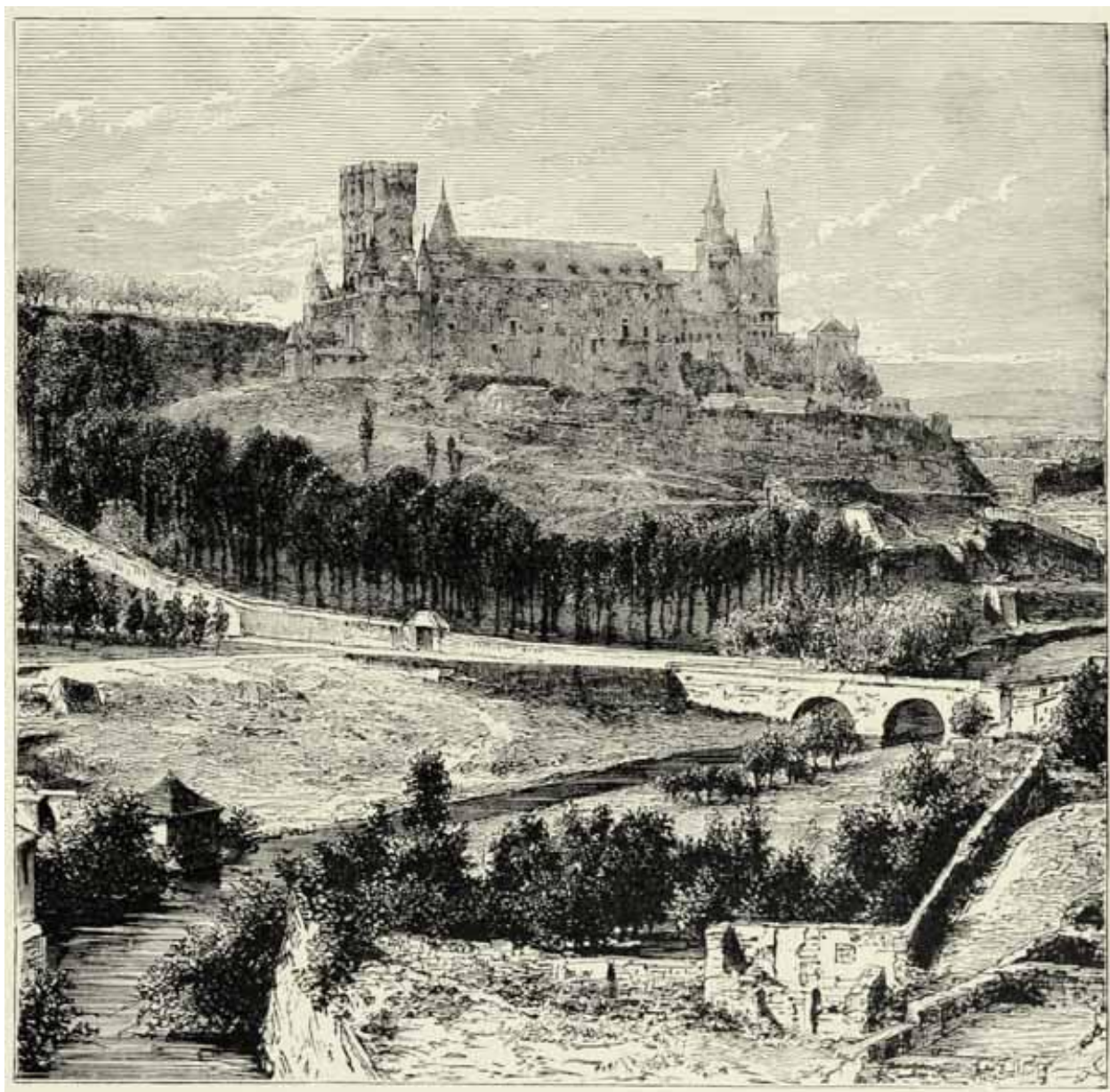
Перемены в истории объясняют существование многочисленных городов в Кастилии, которые могут похвастаться тем, что в то или иное время были столицами страны. Нумантия, самый древний из всех этих городов, больше не существует, и ученые до сих пор не пришли к единому мнению, являются ли руины, обнаруженные недалеко от разрушенного города Сория, остатками стен, разрушенных Сципионом Эмилианом. Но есть несколько городов древней истории, которые имеют некоторое значение даже в наши дни. Леон — один из них. Он был штаб-квартирой римского легиона (*septima gemina*), и его название, на самом деле искаженное от *legio*, как полагают, символизируется львами, изображенными на его гербе. Леон был одним из первых важных мест, отвоеванных у мавров. Его старые стены сейчас находятся в руинах, а красивый собор превратился в неуклюжий куб. Асторга, «великолепный город» Астурика Аугуста, упал еще ниже, чем Леон, в то время как Паленсия (древняя Паллантия) все еще пользуется определенным процветанием благодаря своему выгодному географическому положению на реке Писуэрга, что привело к тому, что она была выбрана в качестве одного из крупных железнодорожных центров полуострова.

Бургос, бывшая столица Старой Кастилии, гордо указывает на свой изящный собор и другие древние здания, но его улицы почти пусты, а толпы, которые иногда собираются в церквях, гостиницах или на вокзале, в основном состоят из нищих. В соборе хранятся многочисленные реликвии, а Сид, чье легендарное место рождения, Бивар, находится неподалеку, похоронен в нем.

Вальядолид, Белад-Валид мавров, когда-то столица всей Испании, имеет более выгодное географическое положение, чем Бургос. Он расположен на нижнем течении реки Писуэрга, где она впадает в широкую равнину Дуэро, на высоте менее 600 футов над уровнем моря. Здесь находится множество фабрик, которыми управляют каталонцы, и город, как и Бургос, может похвастаться множеством любопытных зданий и исторических памятников. До сих пор можно увидеть дома, в которых умер Колумб и родился Сервантес, а также красивый монастырь Сан-Пабло, в котором проживал монах Торквемада, приговоривший 8000 еретиков к смерти на костре. Недалеко от этого города находится замок Симанкас, где хранятся ценные архивы Испании.

Спускаясь по реке Дуэро, мы проплываем мимо Торо и достигаем Саморы, «великолепные стены» которой оказались таким препятствием для мавров. Самора, хотя и находится на прямой линии между Порту и континентальной Европой, в настоящее время является отдаленным местом, и то же самое можно сказать о знаменитом городе Саламанка, расположенном на реке Тормес, к югу от него.

Саламанка, Сальмантика римлян, сменила Паленсию в качестве места расположения университета, и в эпоху Возрождения ее называли «матерью добродетелей, наук и искусств» и «Римом Кастилии». Она по-прежнему заслуживает последнее прозвище благодаря великолепному мосту, построенному Траяном, и красивым зданиям XV и XVI веков. Однако ее интеллектуальное превосходство осталось в прошлом.

Аревало и знаменитый город Медина-дель-Кампо, расположенный к северо-востоку от Саламанки, ведут значительную торговлю зерном. Авила занимает изолированный холм на берегу реки Адаха, к северу от Сьерра-де-Гредос. Авила до сих пор сохраняет свои башенные стены XV века, а ее крепостной собор является чудом архитектуры. Здесь также есть любопытные скульптуры животных, которые приписывают коренным жителям этой страны. Подобные произведения примитивного искусства в окрестностях известны как «быки Гисандо», по названию деревни в Сьерра-де-Гредос.

«Осторожная» Сеговия, как и Авила, расположена на притоке Дуэро, в непосредственной близости от Сьерра-де-Гуадаррама. Ее башенные стены возвышаются на отвесной скале, которая, как полагают, напоминает корабль. На корме этого воображаемого корабля, высоко над слиянием рек Кламорес и Эресма, возвышаются руины мавританского Алькасара, а собор в центре города, как полагают, представляет собой грот-мачту. Красивый акведук снабжает Сеговию чистой водой из Гуадаррамы. Это лучшее римское сооружение такого рода на Пиренейском полуострове, намного превосходящее королевский дворец Сан-Ильдефонсо или Ла-Гранха, расположенные в окрестностях города.

КРЕСТЬЯНЕ ТОЛЕДО, КАСТИЛИЯ.

РИМСКИЙ МОСТ В АЛКАНТАРЕ.

Толедо — самый известный город к югу от великого вала, образованного горными хребтами Гуадаррама, Гредос и Гата. Это *Ciudad Imperial*, «мать городов», корона Испании и свет мира, как его назвал Хуан де Падилья, самый известный из его сыновей. Традиция гласит, что он существовал задолго до того, как Геракл основал Сеговию, и, как Рим, он стоит на семи холмах. Толедо с его воротами, башнями, мавританскими и средневековыми зданиями — действительно красивый город, а его собор поражает своим богатством. Но, несмотря на все это, Толедо — запустевший город, а его знаменитые оружейные мастерские были затоплены государственной фабрикой.

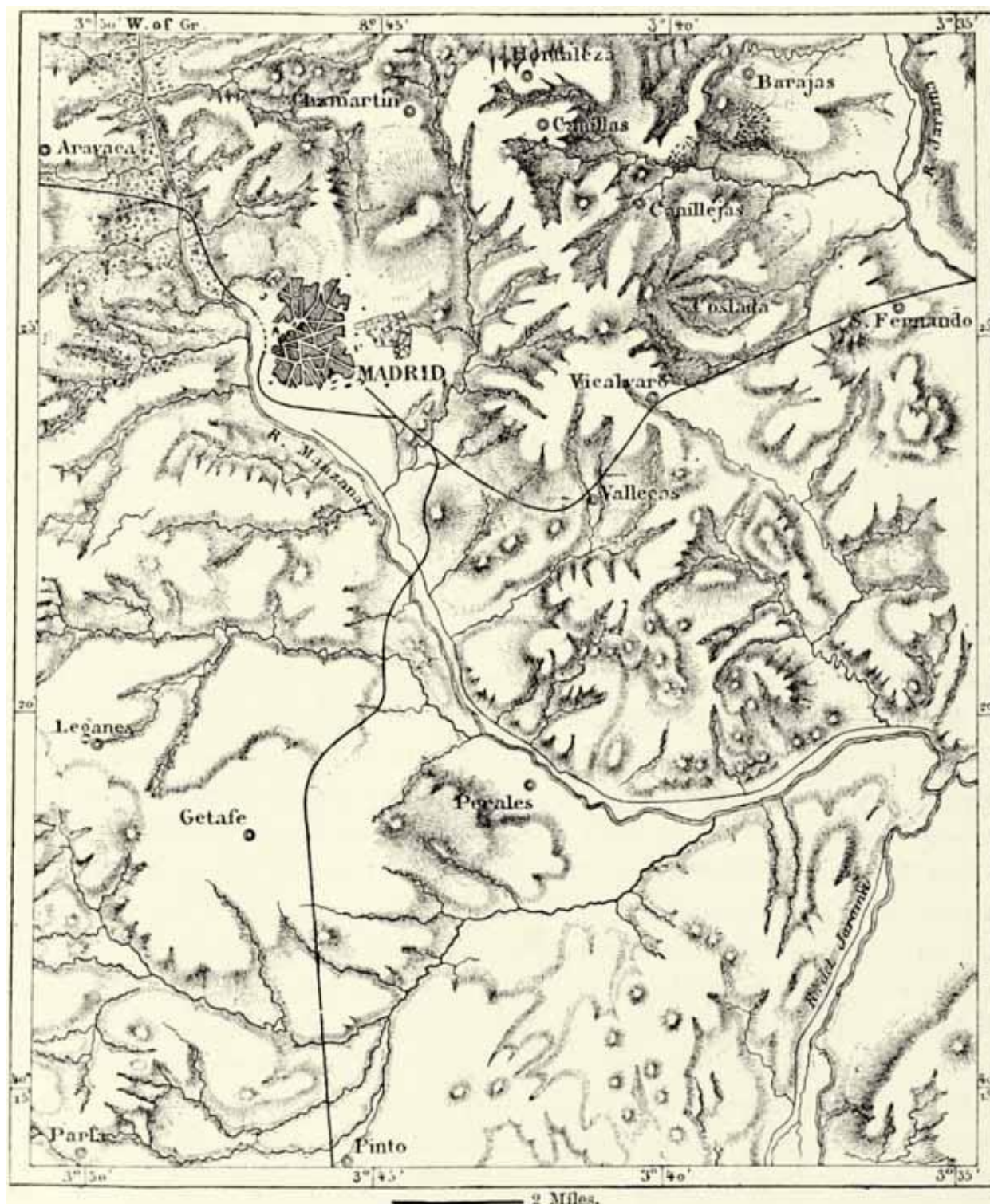
Талавера-де-ла-Рейна, расположенная ниже Толедо, на реке Тахо, до сих пор сохранила некоторые из своих древних мануфактур по производству шелка и фаянса. Пуэнте-дель-Арзобиспо и другие города на реке Тахо сейчас представляют собой не более чем крупные деревни. Мост Альмарас пересекает реку вдали от густонаселенных городов, а старый римский мост Альконетар больше не существует. Алькантара, то есть мост, недалеко от португальской границы, до сих пор остается памятником архитектурного мастерства римлян. Он был построен в 105 году, во время правления Траяна, и его архитектор, Ласер, по-видимому, был испанцем. Его центр находится на высоте 160 футов над средним уровнем Тахо, наводнения которого иногда поднимаются до ста футов.

Все крупные города Эстремадуры находятся на некотором расстоянии от Тахо, и его огромный объем воды до сих пор практически не использовался для орошения или судоходства. На плодородном холме почти в двадцати милях к северу от этой реки вдали виднеется старинный город Пласенсия, окруженный горами, часто покрытыми снегом. Касерес находится примерно на таком же расстоянии к югу, как и Трухильо, который получил огромное богатство от завоевателей Перу, но теперь зависит от своих свиней и стад крупного рогатого скота.

Более благоприятно расположение городов Эстремадуры, лежащих на берегах Гуадиуны. Бадахос, расположенный недалеко от испанской границы, утратил свое бывшее значение как крепость, поскольку стал торговым центром на единственной железной дороге, соединяющей Испанию с Португалией. Мерида, расположенная на той же железной дороге, богаче римских памятников, чем любой другой город Испании, поскольку там есть триумфальная арка, остатки акведука, амфитеатр, наумхания, бани и замечательный мост из восьмидесяти гранитных арок длиной 2600 футов; но по численности населения он значительно уступает Дон-Бенито, городу, о котором почти не упоминается в истории, расположенному выше по течению Гвадианы, на краю обширной равнины Ла-Серена. Он был основан в начале XVI века и, вместе со своим соседом, Вильянуэва-де-ла-Серена, черпает свое богатство из плодородия окружающей местности. Его фрукты, и особенно арбузы, очень ценятся. Равнины на правом берегу Гвадианы богаты фосфатом кальция, который экспортируется во Францию и Англию.

Города Ла-Манчи не имеют исторического значения, и провинция обязана своей известностью почти исключительно творению Сервантеса, несравненному «Дон Кихоту». Сьюдад-Реаль, ранее бывший промышленным центром; Альмагро, известный своими кружевами; Даймиэль, рядом с которым стоял главный замок военного ордена Калатрава; Мансанарес и другие города важны в основном благодаря торговле зерном и вином. Альмаден, то есть «шахта», расположенный в долине на северном склоне Сьерра-Морены, прославился своими киноварными рудниками, которые более трех веков снабжали Новый Свет ртутью и до сих пор дают около 1200 тонн в год.

Рис. 146. МАДРИД И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ.
Масштаб 1:200 000.

Восточная Кастилия, находящаяся на значительной высоте над уровнем моря и имеющая пересеченную поверхность, не может поддерживать более плотное население, чем Ла-Манча или Эстремадура. Здесь есть лишь несколько примечательных городов, и даже столица, Куэнка, едва ли больше, чем провинциальный город третьего сорта. Живописно расположенный на крутой скале, нависающей над глубокими ущельями Уэкар и Хукар, он

просто живет прошлым. Единственные другие города, заслуживающие внимания в этой части страны, — это Гвадалахара с римским акведуком и Алкала-де-Эль-Кес (), родной город Сервантеса и место расположения древнего университета, который в свое время насчитывал 10 000 студентов. Оба эти города расположены на реке Энарес, притоке Тахо, и любой из них мог бы стать столицей королевства.

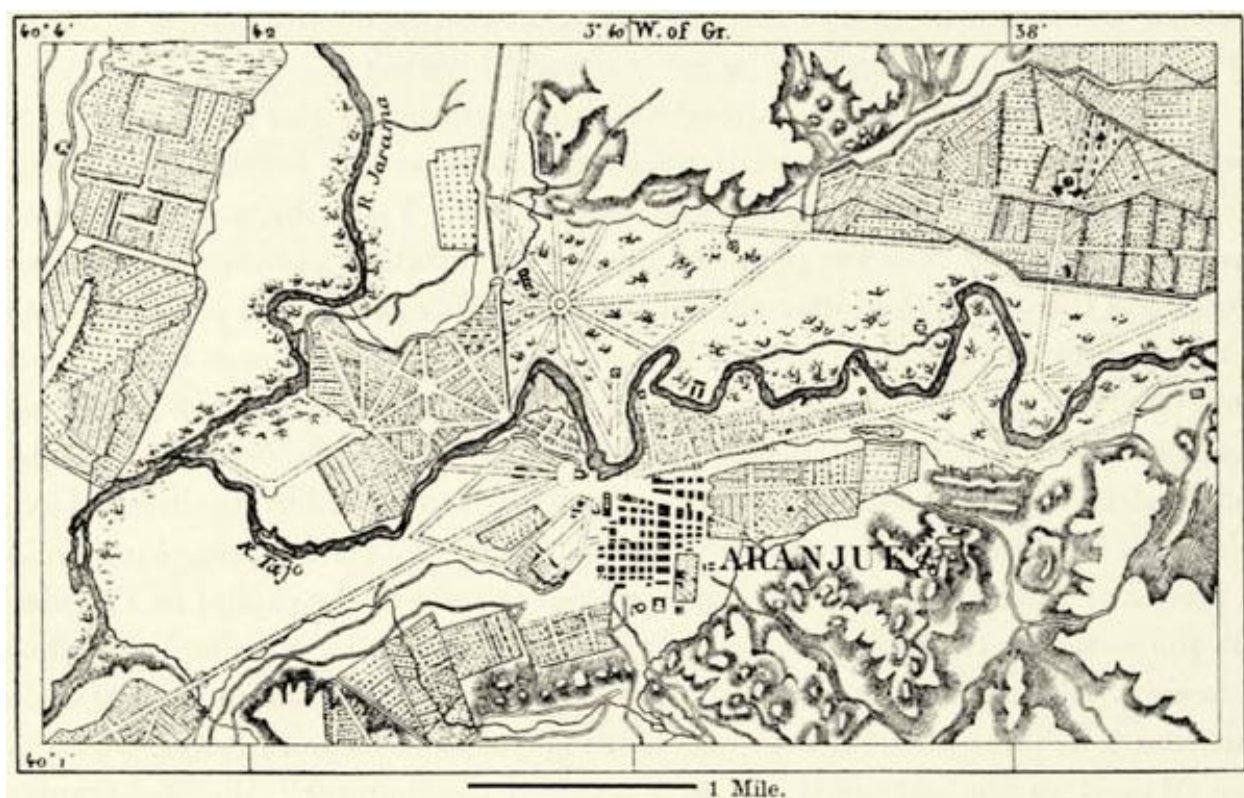
Действительно, на первый взгляд кажется, что Мадрид обязан своим существованием капризу короля. У него нет реки, поскольку Мансанарес — всего лишь горный поток, его климат отвратительный, а окрестности менее привлекательны, чем окрестности Толедо, древней столицы римлян и вестготов. Но, однажды выбранный столицей, Мадрид не мог не приобрести важное значение, поскольку он занимает центральное положение по отношению ко всем другим городам за пределами бассейна Верхнего Тахо. Пинто (*Punctum*), расположенный недалеко к югу от Мадрида, по общему мнению считается математическим центром полуострова; и поэтому можно с уверенностью сказать, что равнина, ограниченная на севере Сьерра-де-Гуадаррама, образует естественный центр страны и пересекается ее великими природными магистралями.

Толедо занимает почти столь же центральное положение. Он был столицей страны во время правления римлян, а впоследствии стал столицей церковных властей и королей вестготов и сохранял это положение до тех пор, пока не попал под власть мавров. Во время борьбы между маврами и христианами последние переносили свою столицу из одного места в другое в зависимости от переменчивой удачи в войне, но как только первые были изгнаны из Кордовы, христианские короли вновь обосновались на равнине к югу от Сьерра-де-Гуадаррама. Тогда им пришлось выбирать между Толедо и Мадридом. Толедо, без сомнения, предлагал более выгодные условия, но его жители присоединились к восстанию *комунерос* против Карла V, и император-король принял решение в пользу Мадрида. Филипп III пытался перенести столицу в Вальядолид, но природные прелести Мадрида оказались для него слишком сильным фактором, и школы, музеи, общественные здания и мануфактуры, которые с тех пор появились в Мадриде, навсегда обеспечили ему доминирующее положение. Железные дороги, которые теперь соединяют Мадрид с окраинами полуострова, компенсируют недостатки его непосредственного окружения; и хотя в Толедо говорят на чистейшем кастильском диалекте, именно Мадрид благодаря своей прессе обеспечил превосходство этого диалекта во всей Испании. Мадрид давно опередил все другие города полуострова в области политической деятельности, промышленности и торговли, но поскольку его рост происходил в период, лишенный искусства, он уступает другим городам по характеру своих общественных зданий. Однако его музеи являются одними из самых богатых в Европе и делают его второй Флоренцией. Сразу за общественными прогулочными зонами Прадо и Буэн-Ретиро мы попадаем в пустынную местность, покрытую кремнем, которую должен пересечь путешественник, желающий посетить восхитительные сады Аранхуэса, огромный Эскориал, построенный Филиппом II, или виллы в лесистых долинах Сьерра-де-Гуадаррама. Последние снабжают Мадрид водой, а соседние горы — льдом. Раньше одна из самых уединенных долин стала резиденцией мнимого королевства, номинально независимого от королей Кастилии. Во время мавританского вторжения жители равнины Харама укрылись в горах, и остальной мир забыл о них. Они называли себя Патонес и избрали наследственного короля. Примерно в середине XVII века последний из династии, по профессии перевозчик, сдал свой жезл власти в руки королевского чиновника, и долина была передана под юрисдикцию властей Уседы.¹⁴⁰

III.—АНДАЛУСИЯ.*

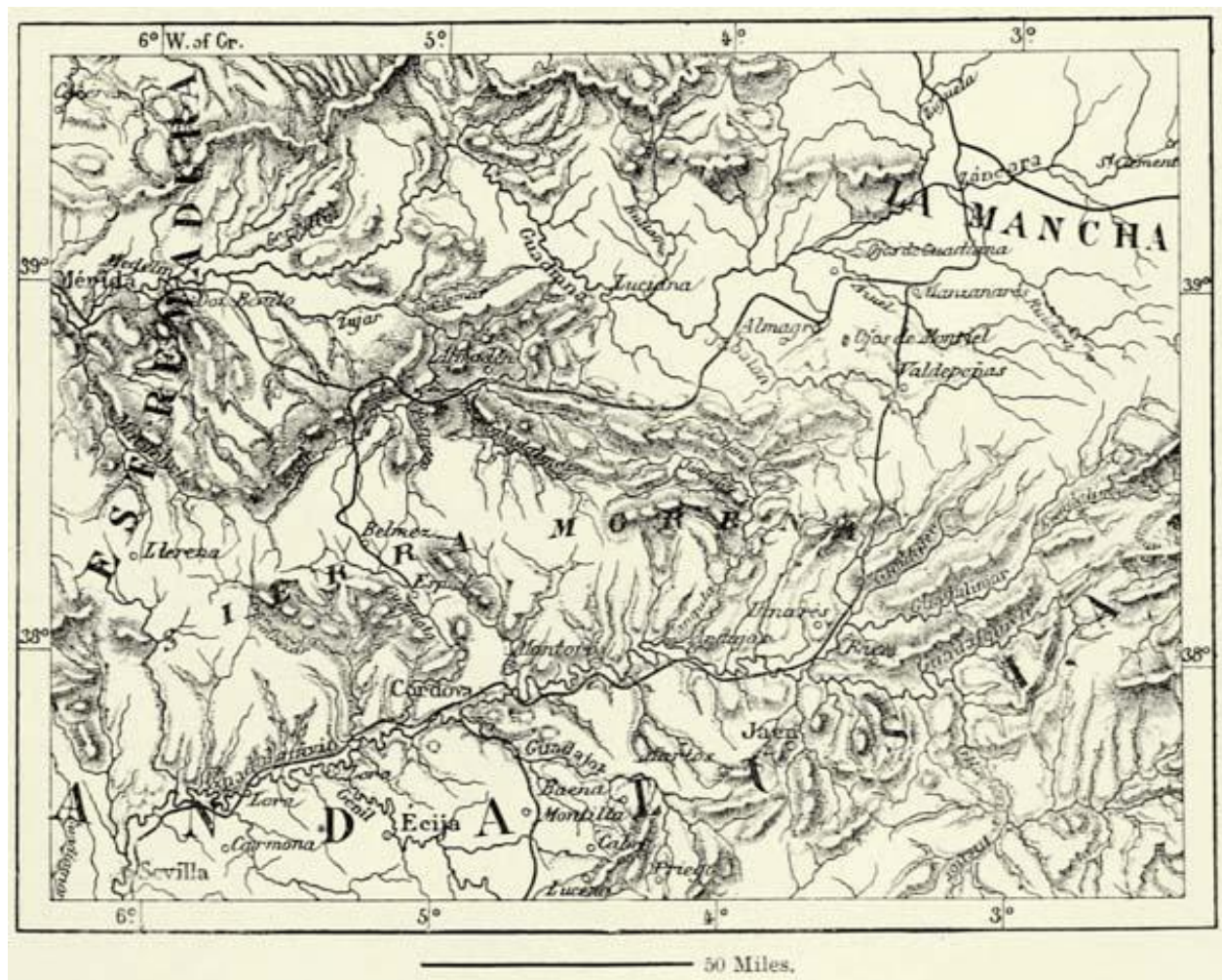
Андалусия охватывает всю бассейн Гвадалquivира, а также некоторые прилегающие районы. На севере она ограничена Сьерра-Мореной, которая в направлении Португалии превращается в изрезанный горный район кристаллического происхождения, пересеченный извилистыми ущельями и поднимающийся в Сьерра-де-Арасена, к северу от горнодобывающего района Рио-Тинто, на высоту 5500 футов. Далее на восток Сьерра-Морена поднимается террасами над долиной Гвадалquivира, а на ее обратном склоне мы встречаем районы, такие как Лос-Педрочес (1650 футов), по своему внешнему виду почти не уступающие равнинам Ла-Манчи. Пунта-де-Альменара (5920 футов) в Сьерра-де-Алкарас, на крайнем востоке, можно считать высшей точкой этой горной цепи, которая обязана своим названием «Черная гора» мрачным соснам, покрывающим ее склоны.

Рис. 147. — АРАНХУЭС.
Масштаб 1:75 000.

Линия водораздела не проходит через самые высокие вершины этого хребта. Большинство рек берут начало на плато и протекают через живописные ущелья прямо через сердце гор. Самым известным из этих ущелий является Деспеньяперрос (2444 фута), ведущее от унылых равнин Ла-Манчи к улыбающейся долине Андалусии. Этот перевал играл важную роль в каждой войне. У его подножия в 1212 году произошла страшная битва при Навас-де-Толоса, в которой, по некоторым данным, было убито более 200 000 мусульман.

Рис. 148. БАСЕЙНЫ РЕК ГУАДИАНА И ГУАДАЛЬКИВИР.
Масштаб 1 : 3 000 000.

Горы, окружающие бассейн Андалусии с востока, разрезаны глубокими речными ущельями на несколько отдельных массивов или цепей, из которых основными являются Калар-дель-Мундо (5437 футов), Йелмо-де-Сегура (5925 футов) и Сьерра-Сагра (7675 футов). Южные горные хребты равномерно простираются с востока на запад. С севера на юг мы последовательно пересекаем Сьерра-де-Мария (6690 футов), Сьерра-де-лас-Эстансиас и Сьерра-де-лос-Филабрес (6283 фута), столь известную своим мрамором. На западе две последние горные цепи соединяются с Сьерра-де-Баса (6236 футов), которая, в свою очередь, соединяется с великой горной цепью Иберии, Сьерра-Невадой, через седловину незначительной высоты (2950 футов).

Сьерра-Невада состоит в основном из сланцев, через которые произошли извержения серпентина и порфира. Площадь, которую она занимает, невелика, но с любой стороны, с которой мы к ней приближаемся, она поднимается отвесно, и взгляд может проследить последовательные зоны растительности вплоть до зоны вечных снегов, пронзенной вершинами Мулахасен (3552 м), Пикачо-де-ла-Велета (3476 м) и Алькасаба (2317 м). Виноградники и оливковые деревья покрывают подножия холмов; за ними следуют ореховые деревья, затем дубы и, наконец, бледный ковер из дерна, скрытый под снегом в течение шести месяцев. В защищенных впадинах скапливаются массивы снега, и эти *вентискерос*, *вентискас* или снежные заносы снабжают Гранаду льдом. В *Корраль-де-ла-Велета* даже существует настоящий ледник, который дает начало реке Хенил и является

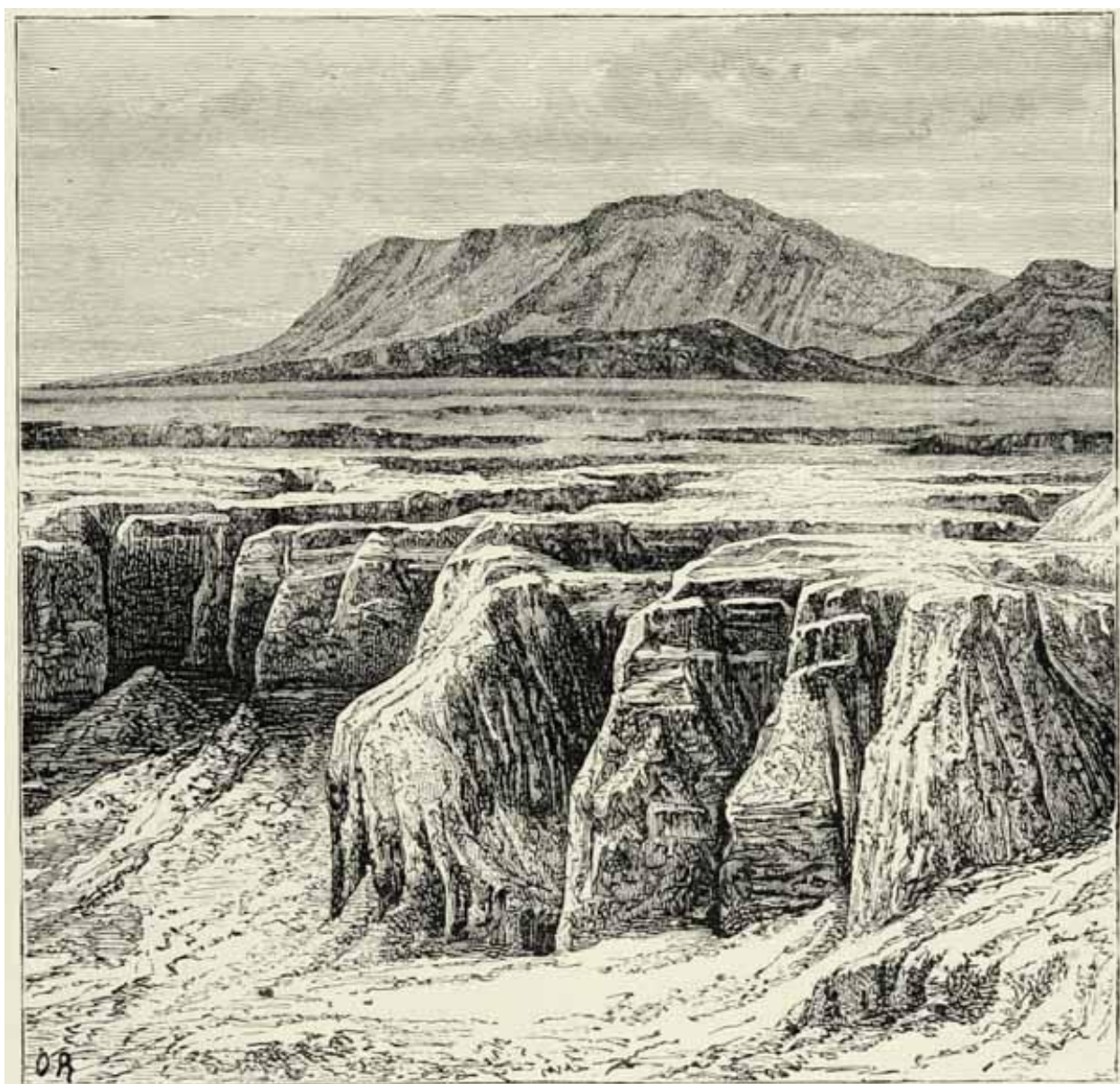
самым южным во всей Европе. Более обширные ледники прежней эпохи исчезли давно. Вега Гранады обязана своим богатым зеленым покрывалом, цветами и превосходными фруктами журчащим ручьям, питаемым снегами Сьерры, а восхитительная долина Лекрин — своим прозвищем «Рай Альпухаррас».

Рис. 149. — ПЕРЕВАЛ ДЕСПЕНЬЯПЕРРОС.

Ни один другой район Испании так ярко не напоминает нам о господстве мавров. Главная вершина названа в честь мавританского принца. На Пикачо они зажигали костры при приближении христианской армии, а в Альпухаррах, на южном склоне, пасли своих овец. Галисийские и астурийские крестьяне, которые сейчас заселяют этот район, ничем не превосходят обращенных в христианство мавров, которым было позволено остаться в Ухихаре, столице Альпухарры, когда их соотечественники были изгнаны. Природные богатства гор остаются неразработанными, и они окружены поясом *деспобласадос*.

Рис. 150. — СЬЕРРА-НЕВАДА, ВИД ИЗ БАЗЫ.

С перевала Альхедин (3300 футов) между Гранадой и Альпухаррой мы смотрим на одну из самых очаровательных панорам в мире. Именно здесь Боабдил, беглый мавританский король, в последний раз увидел улыбающиеся равнины своего королевства, и поэтому это место известно как «Последний вздох мавра» или «Холм слез». Однако с самых высоких вершин Сьерры вид открывается чрезвычайно величественный. Стоя на Пикачо-де-ла-Велета, мы видим, как юг Испании простирается у наших ног с его плодородными долинами, скалистыми утесами и рыжеватыми дикими землями. Глядя на юг, через голубые воды Средиземного моря, вдали виднеются горы Барбарии, и иногда мы даже слышим шум волн, разбивающихся о побережье.

Горы вокруг этих гигантов Гранады значительно уступают им по высоте. Северная часть страны, ограниченная долинами рек Хенил, Гуадиана-Менор и Гвадалкивир, занимает возвышенность, пересеченную глубокими ущельями и поднимающуюся то тут, то там в виде отдельных горных цепей, таких как Сьерра-Магина (2147 м) и Сьерра-де-Хабалкус, недалеко от Хаэна (550 м); цепь Альта-Колома (Alta Coloma) южнее, с ее диким перевалом Пуэрто-де-Аренас (Puerto de Arenas) между Хаэном и Гранадой; и Сьерра-Сусана (Sierra

Susana) недалеко от Гранады, которая простирается на запад до горного массива Парапанда (Parapanda), великого пророка земледельцев Веги:

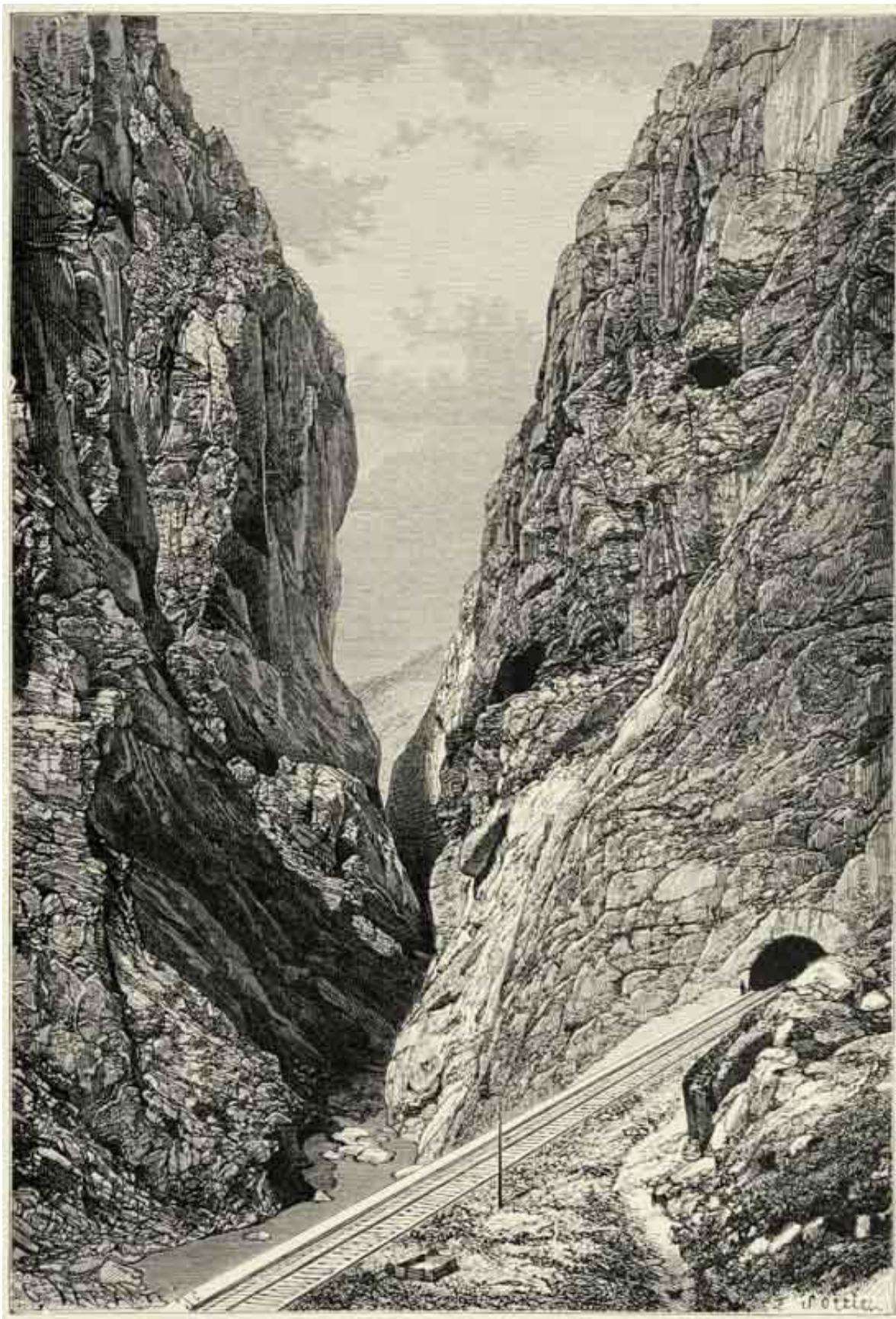
«Cuando Parapanda se pone la montera,
Llueve, aunque Dios no lo quisiera».

(«Когда Парапанда надевает свою шапку, идет дождь, хотя Бог этого и не хочет»).

Горы, простирающиеся вдоль побережья, разделены поперечными долинами на несколько отдельных массивов. Сьерра-де-Гата на юго-востоке представляет собой отдельный горный массив, пронизанный несколькими потухшими вулканами. Дальше на запад возвышается Сьерра-Альхамилья, потоки которой настолько богаты гранатами, что охотники используют их вместо дробы. Пересекая ручей, мы достигаем великолепной Сьерра-де-Гадор (7620 футов), состоящей из сланцев.

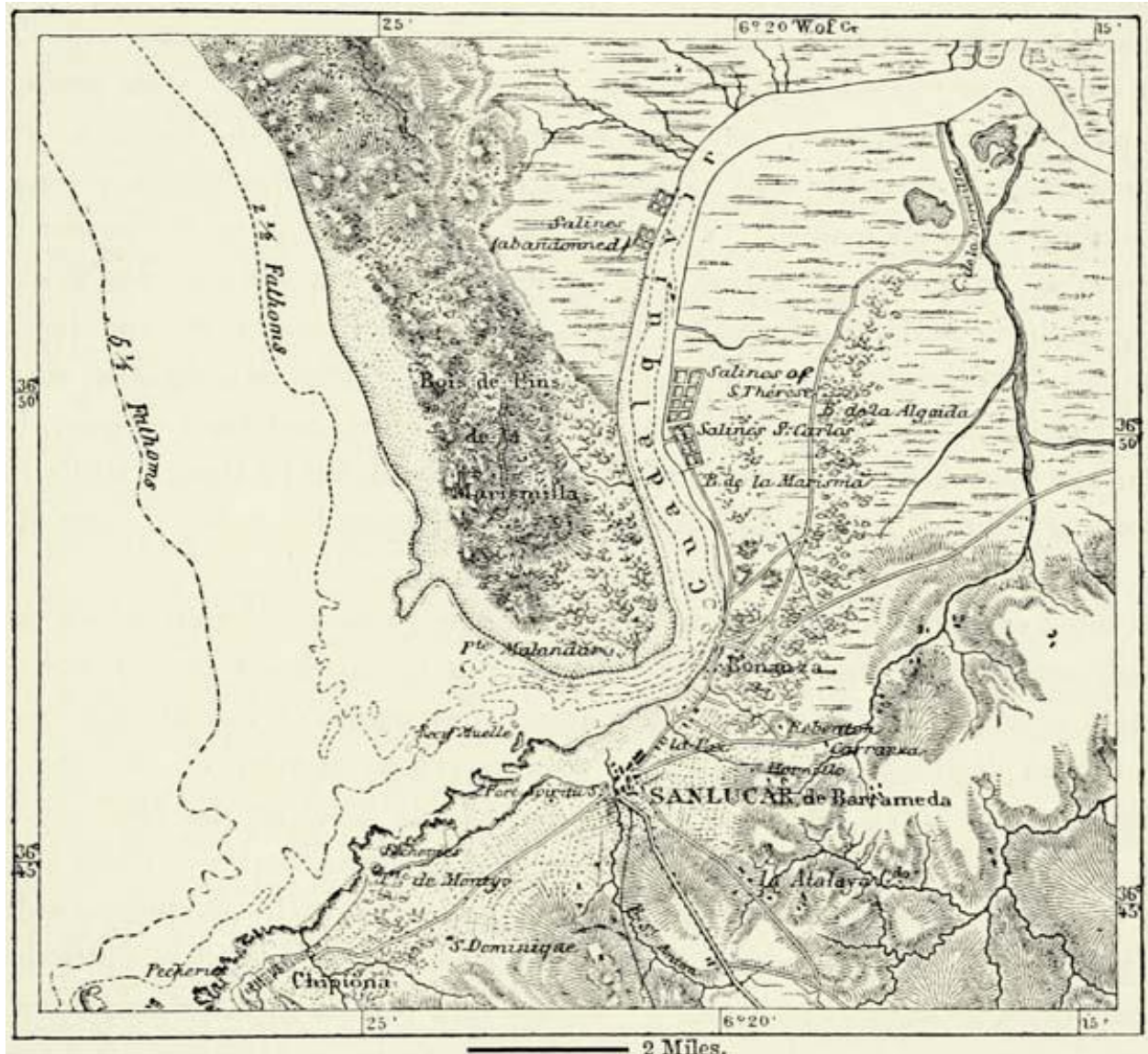
Контравьеса (6218 футов), отделяющая Альпухаррас от Средиземного моря, поднимается от побережья так круто, что даже овцы с трудом могут на нее взобраться. Сьерра-де-Альмихара, за узкой долиной Гуадалфео, и ее западное продолжение, Сьерра-де-Альхама (2130 м), имеют схожие особенности. Горы по другую сторону перевала Альфарнате или де лос Аласорес (830 м) составляют внешний вал древнего озерного дна, ограниченного на севере неровным возвышением земли, известным как Сьерра-де-Йегуас. Дорога из Малаги в Антекера пересекает этот вал в знаменитом перевале Эль-Торкаль (4213 футов), скалы которого имеют фантастическую форму и напоминают руины огромного города. Археологи обнаружили здесь одни из самых интересных доисторических останков Иберии.

К западу от бассейна Малаги, осушенного рекой Гуадалхорсе, эмиссаром древнего озера, упомянутого выше, горы снова увеличиваются в высоте и в Сьерра-де-Толокс достигают высоты 6430 футов. Здесь снег лежит всю зиму. От горной цепи Толокс ветвятся в всех направлениях. Сьерра-Бермеха (4756 футов) простирается на юго-запад, ее крутые мысы омываются волнами моря; дикая «Серрания» де Ронда (5085 футов) простирается на запад и продолжается горным массивом Сан-Кристобаль (5627 футов), который отходит на юг до мысов Трафальгар и Тарифа. Скала Гибралтара (1408 футов), которая так гордо возвышается у входа в Средиземное море, является геологическим выступом, соединенным с материком полосой песка, намытой волнами океана.

УЩЕЛЪЕ ЛОС-ГАИТАНЕС, УЩЕЛЪЕ ГУАДАЛЪХОРСЕ.

Рис. 151. УСТЬЕ РЕКИ ГВАДАЛКИВИР.

Эрозия сильно повлияла на горы, занимающие территорию между бассейном Гвадалквивира и побережьем. Среди многочисленных речных ущелий ущелье Гайтанос, через которое река Гвадалхорсе протекает от плато Антекера до апельсиновых рощ Алоры, является одним из самых диких и величественных во всей Испании. В Средиземное море впадают только горные потоки, и даже из рек, впадающих в Атлантический океан, только одна имеет какое-то значение благодаря своему большому объему и возможностям, которые она предоставляет для судоходства. Это Гвадалквивир, который берет свое начало в Сьерра-Сагра, на высоте 5900 футов над уровнем моря. Приняв Гуадалимар, его течение становится спокойным, и он течет по широкой и открытой долине, что существенно отличает его от рек Кастилии, которые на своем пути к морю пересекают узкие ущелья. Его объем вполне оправдывает его арабское название Вад-эль-Кебир, или «большая река». Геологическая работа, проделанная этой рекой и ее притоками, была огромной. Были прорваны горные валы, осушены озера, и огромные количества почвы распространились по

долине. Нигде эта работа не прослеживается так хорошо, как в долине реки Хенил в Гранаде, поскольку плодородный район Ла-Вега был покрыт озером, воды которого прорвались вблизи Лохи.

Устье реки постепенно засыпалось отложениями. Прилив поднимается почти до Севильи, где ширина реки составляет около 250 ярдов. Ниже этого города она протекает через аллювиальную полосу, известную как *марисмас*, обычно представляющую собой пыльную равнину, по которой бродят полудикие коровы, но при малейшем дожде превращающуюся в болото. Здесь нет ни деревень, ни усадеб, но пески дальше покрыты карликовыми пальмами, а ниже несколько холмов третичного периода подходят близко к реке, и их покрытые виноградниками склоны создают приятный контраст с окружающей пустыней.

Сужение аллювиальной долины обозначает внешнюю границу древнего устья, заиленного рекой Гвадалквивир. Санлукар-де-Баррамедас, город с восточным обликом, стоит на левом берегу, а между морем и равнинной местностью на правом берегу простирается цепь дюн. Устье реки закрыто баром, поэтому в него могут входить только суда с небольшой осадкой. Эти *Аренас-Гордас*, или «большие пески», в основном покрыты соснами и, за исключением их внешней стороны, остаются стабильными с исторической эпохи.

Гвадалквивир — единственная река Испании, судоходная на значительном расстоянии выше устья. Суда водоизмещением 200 тонн поднимаются по ней до Севильи, что составляет расстояние в шестьдесят миль. Санлукар ранее был крупным портом Испании, и его прибрежная торговля по-прежнему остается значительной. Ни одна из других рек Андалусии не является судоходной. Гуадалете, впадающая в Кадисскую бухту, — мелкая, медленная река; Одиэль и Рио-Тинто — быстрые потоки, и их устье, ниже Уэльвы, забито наносами, которые они приносят с собой; а Палос, столь известный как порт, из которого Колумб отправился в свое великое путешествие, превратился в бедную рыбацкую деревушку.

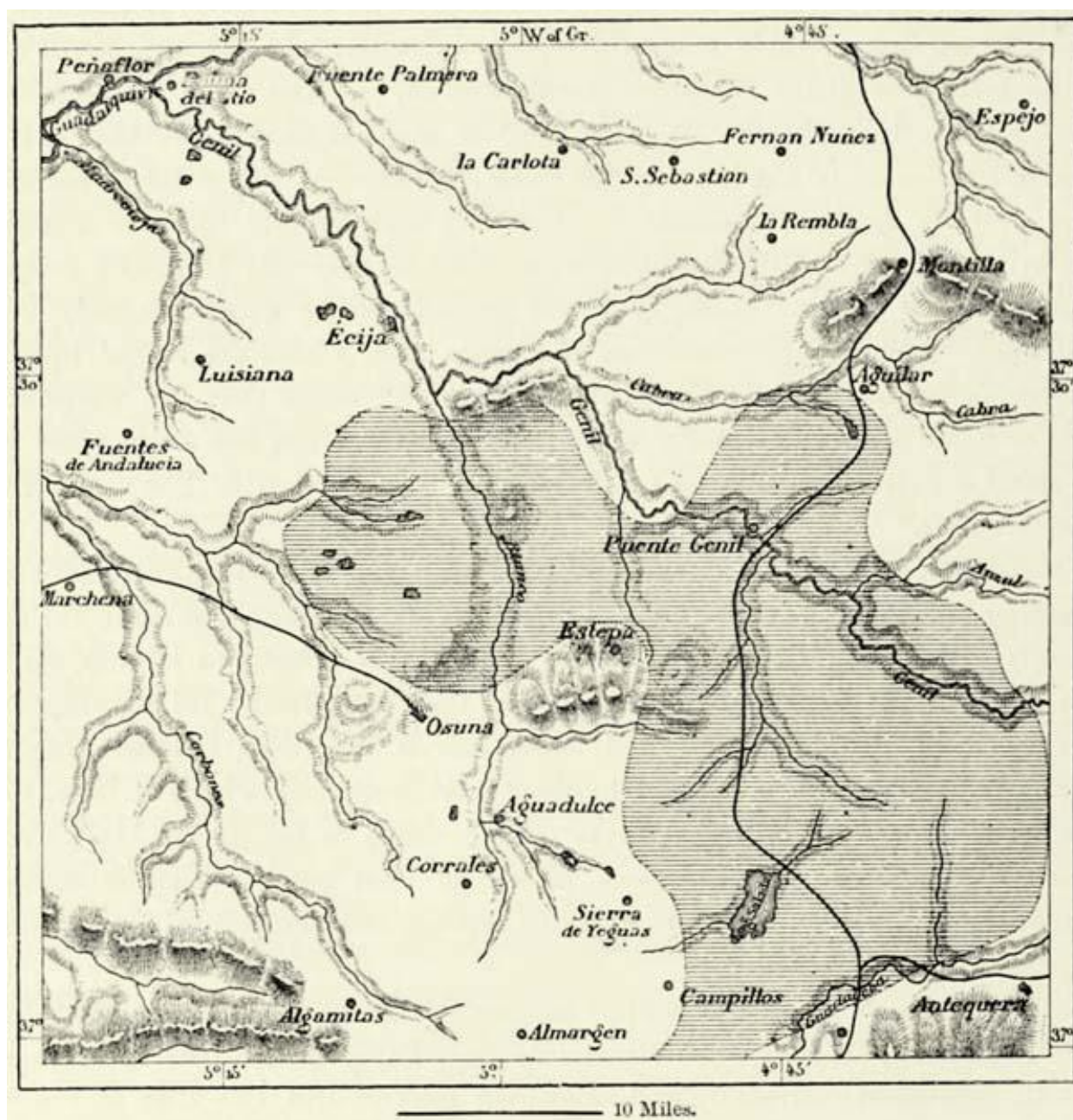
Но что значат эти изменения по сравнению с великой революцией, которая соединила Средиземное море с Атлантическим океаном? Нет сомнений, что эти два моря разделяла горная гряда. Разрушительное действие Атлантического океана, по-видимому, было облегчено не только пещерной природой скал по обе стороны пролива, но и тем фактом, что уровень Средиземного моря в то время был намного ниже, чем уровень Атлантического океана. Даже сейчас воды последнего иногда прорываются через пролив с поразительной скоростью (см. рис. 6, стр. 26). Мы не можем сказать, увеличилась ли ширина пролива в исторические времена, поскольку древние географы не были очень точны в своих измерениях. Однако можно с уверенностью сказать, что общие черты пролива не изменились, и два столба Геркулеса, Кальпе и Абила, все еще можно узнать в современных Гибралтаре и Сеуте.

Скала Гибралтара не образует самый южный мыс Иберии, но, будучи самым заметным объектом вдоль пролива, она дала ему свое название. Моряки считают ее настоящей границей между Средиземным морем и Атлантическим океаном, и ее не без основания сравнивают с притаившимся львом, охраняющим ворота между двумя морями. Она поднимается почти отвесно на востоке, а город с большинством батарей построен на западном склоне, который более доступен. Знаменитая скала, хотя и является естественной территорией Испании, по праву завоевания стала одной из великих крепостей Англии, и ее значение как фортецы, а также как места торговли неоспоримо. В ее пещерах были обнаружены каменные орудия и скелеты людей с удлинненными черепами.

Частые контакты между Андалусией и берберскими странами по другую сторону пролива объясняются близостью, а также сходством климата. Алгарве, Уэльва и нижняя долина Гвадалкивира, вплоть до Севильи и Эсихи, этой «кастрюли» или «печи» Испании, образуют один из самых жарких районов Европы, а побережье от Альхесираса и Гибралтара до Картахены, Аликанте и Кабо-де-ла-Нао едва ли уступает ему. Местность вокруг залива Кадис и холмистые районы на крайнем юге, которые свободно подвержены воздействию *виразона*, или морского бриза, имеют более умеренный климат. В двух вышеописанных жарких прибрежных регионах морозы практически не известны, а средняя температура самого прохладного месяца достигает 54 °F. Наибольшая жара наблюдается вокруг заливов, подверженных полному воздействию горячих африканских ветров, а наименьшая — на побережье Атлантического океана, где ее смягчают западные бризы. Противоположные атмосферные течения естественным образом встречаются в Гибралтарском проливе, где ветер обычно сильный, а зимой часто бывают штормы. Зимой преобладают западные ветры, летом — восточные. Два мыса Европы и Африки считаются моряками надежными предвестниками погоды: когда они окутаны облаками или туманом, можно ожидать дождя и восточных ветров, но когда их очертания четко выделяются на фоне голубого неба, это верный признак хорошей погоды и западных ветров.¹⁴²

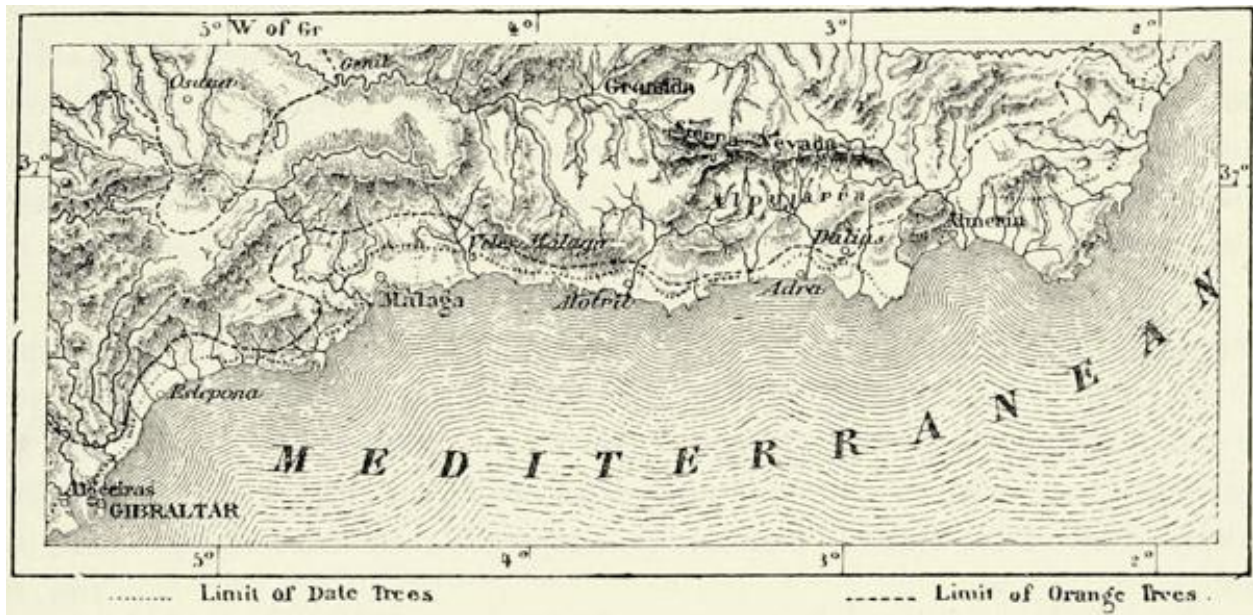
Сухой и полутропический климат Нижней Андалусии часто оказывает крайне угнетающее влияние на северных европейцев. На равнине и вдоль побережья летом почти никогда не бывает дождей, а жара иногда бывает удушающей, поскольку здесь нет пассатов, характерных для тропиков. В Кадисе сухопутный ветер, дующий со стороны Медина-Сидония и поэтому известный как «*медина*», является удушающим, и, как говорят, во время его дутья чаще всего происходят ссоры и даже убийства. Но самым страшным ветром является *солано* или *леванте*, который горяч, как поток из печи. Тогда на южном горизонте появляется странный пар, известный как *калина*, воздух наполняется пылью, листья увядают, а птицы иногда падают с высоты, как будто задыхаются.

В умеренных регионах Европы лето — это время цветов и листвы, но в Андалусии это время засухи и смерти. За исключением садов и орошаемых полей, вся растительность увядает и приобретает сероватый оттенок, как и почва. Но когда в низменностях идут осенние дожди, а в горах выпадает снег, растения быстро восстанавливаются, и наступает вторая весна. В феврале растительность наиболее пышная, но после марта снова наступают жара и засуха. Действительно, Андалусия страдает от недостатка влаги. Есть степи без воды, деревьев и человеческих жилищ, самая обширная из которых — находится в Нижнем Гениле, где впадины заняты солеными озерами, как в Алжире или Персии, и возделывание земли невозможно. Еще одна степь, занимающая значительную площадь, простирается к востоку от Хаэна и известна как Манча-Реаль. Бесплодные участки на средиземноморских склонах относительно даже больше, чем в бассейне Гвадалкивира. Вулканический регион Сьерра-де-Гата — это полная пустыня, где единственными постройками являются замки и башни, возведенные в оборонительных целях. В других местах побережье занимают солончаковые равнины, на которых растет растительность, состоящая в основном из сальсолацеев, плюмбагинеев и крестоцветных, 5 % видов которых являются африканскими. Здесь в изобилии растет барилла, зола которой используется в производстве соды.

Однако в народном сознании Андалусия всегда ассоциировалась с плодородием. Ее название напоминает об апельсинах Севильи, буйной растительности Веги Гранады, «Элизийских полях» и «Саде Гесперид», которые древние отождествляли с долиной Бетис. Местная флора дает Андалусии право на прозвище «Индия Испании», и в дополнение к тропическим растениям из Азии и Африки, которые растут здесь спонтанно, мы встречаем и другие, которые были успешно акклиматизированы. Финики, бананы и бамбук растут бок о бок с каучуковыми деревьями, драконовыми деревьями, магнолиями, чиримоями, эритринами, азедарахами; рицинус и страмониум вырастают в настоящие деревья; хорошо растут каннела из Канарских островов и арахис из Сенегала; успешно культивируются сладкий картофель, хлопок и кофе; а сахарный тростник растет в защищенных местах. Побережье между Мотрилем и Малагой, как предполагается, ежегодно дает сахар на сумму 20 000 фунтов стерлингов.

Рис. 153. Зоны растительности на побережье Андалусии.

Фауна Андалусии также имеет некоторые африканские черты. Моллюски, встречающиеся в Марокко, обитают и в Андалусии; ихуменон можно увидеть на правом берегу нижнего течения Гвадалкивира и в других местах; хамелеоны встречаются в большом количестве; а один из видов диких коз, как говорят, распространен как в горах Марокко, так и в Сьерра-Неваде. Не следует также забывать, что африканская обезьяна (*Inuus sylvanus*) до сих пор обитает на скале Гибралтара, но пока не установлено, была ли она завезена сюда.

На заре европейской истории Андалусия, вероятно, была заселена иберийской расой, родственной баскам. Бастулы, бастарны и бастесы, жившие на холмах, выходящих к Средиземному морю, а также турдетаны и турдулы из долины Бетис носили эускарийские имена, как и многие из их городов. Но даже в то время они, вероятно, были смешанной расой. Кельтские племена занимали холмы, простирающиеся к северо-западу от Бетиса, в направлении Лузитании; турдетаны, которые были относительно цивилизованными, поскольку обладали письменными законами, разрешили финикийцам, карфагенянам и грекам поселиться среди них и в конце концов стали полностью латинизированными. Муниципальные хартии, обнаруженные в Малаге, а в более позднее время в Осуне (*Colonia Julia Genitiva*), доказывают, что города этой провинции пользовались значительной степенью самоуправления.

Когда римский мир рухнул, южная Испания была завоевана вандалами, византийцами и вестготами, которых сменили арабы, берберы и евреи. Влияние, оказанное на страну маврами, то есть смешанной расой арабов и берберов, было более устойчивым, чем влияние их германских предшественников. Они продержались более семи веков, были многочисленны в городах и возделывали поля совместно с древними жителями страны. Когда был издан приказ об изгнании всей их расы, в жилах тех, кто был ответственен за исполнение этой жестокой меры, текла мавританская кровь. В некоторых частях Андалусии, и особенно в Альпухарре, где мавританцы сохраняли свою независимость до конца XVI века, смешение двух рас продвинулось настолько, что национальность определялась не цветом кожи, а религиозной принадлежностью. Многочисленные арабские слова и фразы проникли

в андалузский диалект, а географическая номенклатура многих районов является скорее арабской, чем иберийской или латинской. Большинство крупных зданий в городах — это *алькасары* или мечети, и даже стиль современных построек является арабским, в некоторой степени измененным под влиянием римской культуры. Дома, вместо того чтобы выходить на улицу, обращены к внутреннему двору, или *патио*, где члены семьи собираются у прохладного фонтана. С эпохи арабов к населению не добавилось никаких новых этнических элементов, поскольку немногие немецкие колонисты, поселившиеся в Каролине, Карлоте и других местах, не преуспели и либо вернулись на родину, либо ассимилировались с общим населением.

Андалусцев часто называют гасконцами Испании. Они, как правило, имеют изящное и гибкое телосложение, соблазнительные манеры и полны красноречия, но последнее слишком часто тратится на пустяки. Хотя андалусец не лишен храбрости, он большой хвастун, и его тщеславие часто заставляет его переступать границы правды. В то же время он доволен жизнью и не позволяет бедности повлиять на его дух. Горцы в некоторых отношениях отличаются от жителей равнин. Они более сдержанны в манерах, а *хаэтанос*, или горцы из Хаэна, известны как галисийцы Андалусии. Красота женщин из горных районов более строгая, и по сравнению с очаровательными гадитанками и очаровательными *махами* из Севильи, женщины из Гранады, Гуадикса и Базы отличаются высокомерной благородностью.

Без сомнения, в Бетике есть мужчины, которые работают, но, как правило, любовь к труду не входит в число добродетелей андалусцев. Страна могла бы стать великим тропическим складом Европы, но ее огромные ресурсы остаются неразработанными. В некоторой степени это объясняется тем, что почти вся страна принадлежит крупным землевладельцам. Многие поместья, которые раньше тщательно возделывались, были превращены в пастбища для овец, и на многие километры мы не встречаем ни домов, ни людей. Высокогорья также принадлежат крупным землевладельцам, но сдаются в аренду мелким фермерам, которые платят треть своего урожая вместо арендной платы.

Великолепные апельсиновые рощи Севильи, Санлукара и других городов, оливковые рощи, виноградники и фруктовые сады Малаги снабжают мир огромными количествами фруктов; плодородные кукурузные поля сделали Андалусию одним из крупнейших житниц мира; но в основном именно вина позволяют ей участвовать в международной торговле. Огромные количества вина, известного как херес, выращиваются на виноградниках Хереса, к востоку от Кадиса. Многие виноградники принадлежат англичанам, и купцы этой страны заняты купажированием и другими операциями, характерными для их торговли. Однако некоторые вина сохраняют свои превосходные качества и по сей день. К ним относятся сладкое *тинтилья* из Роты, *мансанилья* и *пахарате*, изготовленные из сушеных виноградин. Несмотря на многочисленные злоупотребления, эта отрасль промышленности оказала чрезвычайно благотворное влияние на характер населения. Санта-Мария, расположенная в бухте Кадиса, является одним из крупнейших винных портов мира, а Испания стала грозным соперником своего северного соседа.¹⁴³

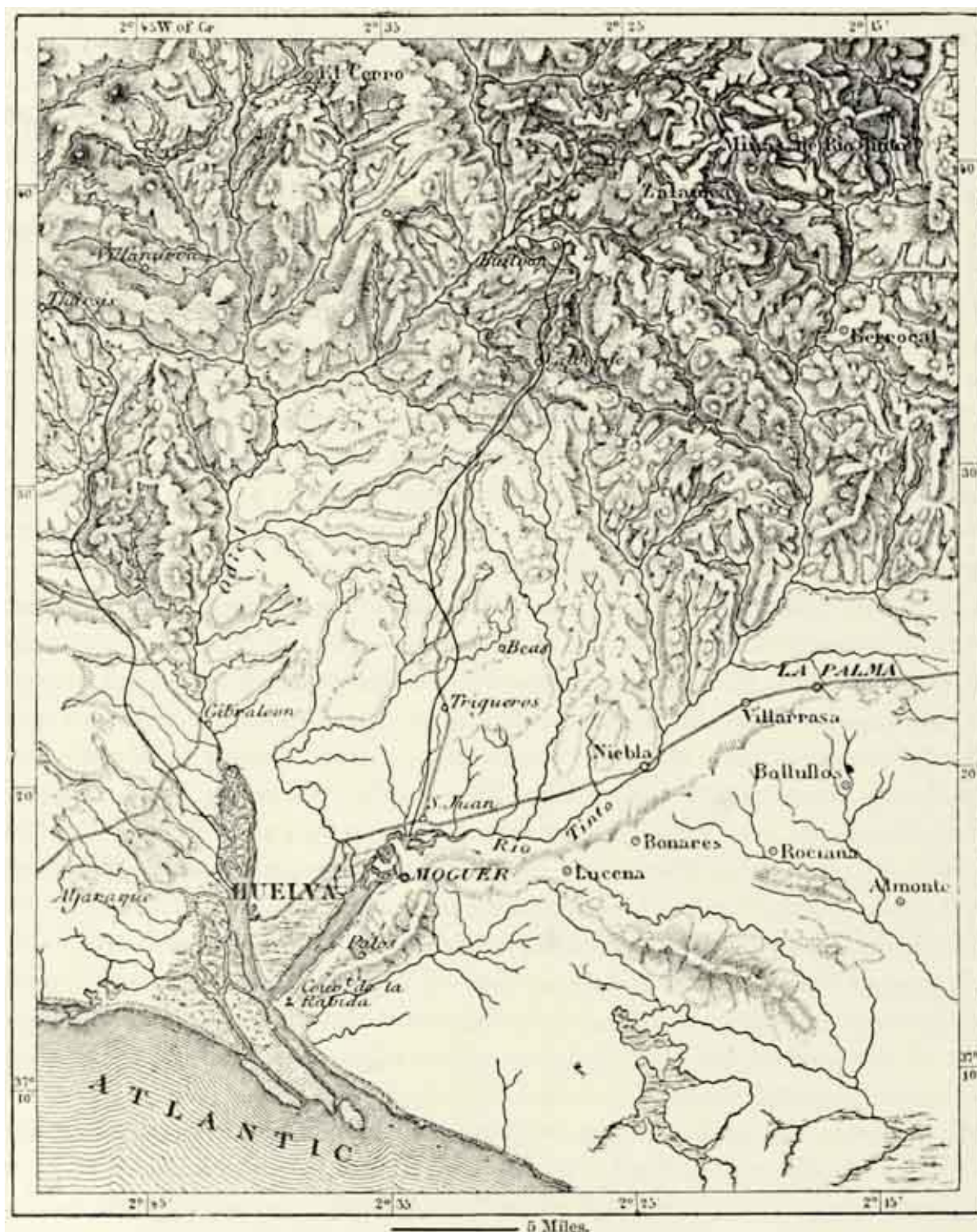
Древнюю обрабатывающую промышленность страны уже трудно назвать существующей, но добыча полезных ископаемых все еще ведется. Страбон преувеличивает богатство страны полезными ископаемыми, которое, тем не менее, очень велико. Почти все продуктивные горнодобывающие районы южной Испании находятся в горах. Говорят, что в Сьерра-де-Гадор «металла больше, чем камня». Там, а также в горах Гуадикс, Баса и Альмерия открыты сотни рудников, где добывают серебросодержащий свинец, медь и

железо. Недалеко от Линареса, на верхнем течении Гвадалкивира, находятся свинцовые рудники, дающие около 210 000 тонн в год. Серебряные рудники Константины и Гуадалканала в Сьерра-Морене работают только периодически. Угольные бассейны Бельмеса и Эспиеля к северу от Кордовы обещают стать очень важными, хотя в настоящее время их добыча едва превышает 200 000 тонн в год. Рядом с ними находятся месторождения железа и меди.

Но из всех рудников Испании наиболее продуктивными являются те, что расположены в провинции Уэльва. Силурийские породы там необычайно богаты пиритом меди. Рудники Рио-Тинто поражают своим огромным размером, а наличие древних галерей, зданий и надписей свидетельствует о том, что они эксплуатируются с самых давних времен. Вторжение вандалов временно остановило работу, которая возобновилась только в 1730 году. По подсчетам, два основных месторождения содержат не менее 300 000 000 тонн руды. Месторождения в Тарсисе гораздо менее обширны, но находятся в более легкой доступности от Уэльвы. Они содержат 14 000 000 тонн железной и медной пириты и разрабатываются как открытый карьер. Месторождение имеет толщину не менее 450 футов, а некоторые руды дают 20 % меди. Огромные кучи шлака накопились возле шахты, где они сложены в регулярные пласты, датируемые временем карфагенян. Сернистые пары, поднимающиеся из сотен печей, отравляют воздух и уничтожают растительность. Реки Одиэль и Рио-Тинто текут железистой водой, которая убивает рыбу; по их берегам выбрасывается желтая охра, а в их устьях оседает черноватый ил, состоящий из металла, смешанного с серой разложившихся морских животных.¹⁴⁴

Андалусия, хотя и является пустыней по сравнению с тем, чем она могла бы быть, соперничает с Италией по славе и красоте своих городов. Названия Гранада, Кордова, Севилья и Кадис пробуждают в нашем сознании самые приятные воспоминания, поскольку эти старинные мавританские города стали символом большого прогресса в искусстве и науке.

Рис. 154. — ШАХТЫ В УЭЛЬВЕ.
Масштаб 1 : 487 300.

КРЕСТЬЯНЕ КОРДОВЫ, АНДАЛУСИЯ.

Их благоприятное географическое положение объясняет их процветание в прошлом и настоящем. Кордова и Севилья господствуют над плодородной равниной Гвадалквивира, и дороги, пересекающие проходы соседних гор, сходятся в них; Гранада имеет обильные запасы воды и богатые поля; Уэльва, Кадис, Малага и Альмерия являются значительными морскими портами; а Гибралтар занимает господствующее положение между двумя морями. Есть и другие города, менее густонаселенные, но имеющие большое стратегическое значение, поскольку они контролируют дороги, соединяющие долины рек Хенил и Гвадалквивир с морем.

Среди небольших городов, сыгравших важную роль в истории, есть несколько к востоку от Гранады, таких как Велес-Рубио и Велес-Бланко на средиземноморском склоне; Кульяр-де-Баса с его подземными домами, вырытыми в гипсе, на западном склоне *Вертьентес*, или «водоразделе»; Уэскар, наследник древнего карфагенского города; и Баса, окруженная плодородной равниной, известной как *Хойя*, или «впадина».

Гранада, хотя и отмечает годовщину вступления Фердинанда и Изабеллы, является гораздо менее значимым местом, чем когда-то, когда она была столицей мавританского королевства, насчитывала 60 000 домов и 400 000 жителей и была самым оживленным и богатым городом полуострова. Она по-прежнему является шестым городом Испании, но тысячи ее оборванных жителей живут в отвратительных лачугах, а рядом с живописным пригородом Альбайсин толпа, в основном состоящая из цыган, поселилась в отвратительных пещерах. Остатки мавританских построек встречаются только в упомянутом пригороде, но на некотором расстоянии от города все еще существуют здания, свидетельствующие о славном правлении его древних хозяев. *Торрес Вермехас*, или «красные башни», занимают холм на юге; *Хенералифе* с его восхитительными садами венчает другой холм дальше на восток; а между ними возвышаются бастионы и башни

Альгамбры, или «красного дворца», который даже в своем нынешнем обветшалом состоянии остается одним из шедевров архитектуры, служившем образцом для поколений художников. С башен этого великолепного здания мы наслаждаемся видом, который неизгладимо запечатлевается в памяти. Гранада с ее башнями, парками и виллами лежит внизу. Среди листвы можно проследить течение двух рек, Хенил и Дарро, а голые холмы ограничивают зеленую равнину Ла-Вега, которую сравнивают с «изумрудом, вставленным в сапфир». Контраст между этими дикими горами и плодородной равниной, между красивым городом и отвесными скалами, поражал мавров восхищением, потому что они видели в них отражение своей собственной природы — внешнюю бесстрастность и скрытый огонь. Гранада для них была «королевой городов», «Дамаском Запада». Современные испанцы не отстают от них в своем восхищении Гранадой и ее окрестностями.

В бассейне реки Хенил есть и другие красивые города, но ни один из них не может сравниться с Гранадой, даже Лоха, «цветок среди терний», оазис, окруженный скалистыми утесами и дикими ущельями. Однако Хаэн почти не уступает Гранаде. Он тоже был резиденцией могущественного мавританского короля, окружающие его холмы до сих пор увенчаны руинами укреплений, погребенных под густой листвой, и облик города до сих пор остается восточным.

Верхняя долина Гвадалквивира богата городами. В эпоху мавров в Баесе проживало более 150 000 жителей, но войны привели к его обезлюдению, и многие жители переселились в Гранаду. Неподалеку находится Убеда, еще один мавританский город. Выше в горах находится горнодобывающий город Линарес, который едва ли может вместить 8000 жителей, но на самом деле в нем проживает 40 000 человек. Спускаясь по реке, мы проплываем мимо Андухара, известного своими *алькаразами*, и примерно в двадцати милях ниже города Монторо достигаем мраморного моста Альколеа, прославленного многими сражениями, которые велись за его владение.

Кордова восходит к зарождению цивилизации. Она всегда была известна и могущественна, и испанские дворяне гордятся тем, что их происхождение восходит к этому истоку «голубой крови» (*sangre azul*), которая, как считается, течет в жилах испанской знати. Именно под властью мавров Кордова достигла апогея своего величия: с IX по конец XII века в ней проживало почти миллион жителей, а ее двадцать четыре пригорода простирались далеко по равнине и вдоль боковых долин. Богатство ее мечетей, дворцов и частных домов было поразительным, но еще более славной Кордова могла похвастаться тем, что была «колыбелью науки», поскольку в ней находился величайший университет мира, изобилующий школами и библиотеками. Гражданские войны, иностранные вторжения и религиозный фанатизм привели к рассеянию ее библиотек, и Кордова больше не может похвастаться тем, что является первым городом Андалусии. Большинство старинных памятников погибло, но до сих пор сохранилась чудесная *месquita*, или мечеть, построенная в конце VIII века Абдеррахманом и его сыном. Интерьер был оформлен самым роскошным образом: полы были вымощены серебром, а стены покрыты золотом, драгоценными камнями, слоновой костью и эбеновым деревом, но значительная часть здания была снесена, чтобы освободить место для испанского собора.

Более плодородные районы провинции Кордова находятся на некотором расстоянии от Гвадалкивира, на холмах к югу. Монтилья, один из городов этой провинции, славится своими винами, как и Агилар, Баэна, Кабра и Лусена, которая также может похвастаться

некоторыми производствами. Между Кордовой и Севильей, на расстоянии более девяноста миль, следуя изгибам реки, мы не встречаем ни одного примечательного города, поскольку даже Пальма-дель-Рио, расположенная в устье реки Хенил, является лишь небольшим населенным пунктом, хотя и имеет некоторое значение как выход из Эсихи, крупного города, расположенного выше по течению Хенила.

Севилья, царица Андалусии, может похвастаться несколькими замечательными зданиями, в том числе Алькасаром, великолепным собором и дворцом, известным как «Дом Пилата», в котором ренессанс прекрасно сочетается с мавританским стилем. Но более известна, чем любое из этих сооружений, *башня Хиральда* с вращающейся статуей святого на вершине, похожей на флюгер. Однако ни эти здания, ни прекрасные картины Мурильо не принесли Севилье прозвище «Чародейка». Этим она обязана своей веселости и череде праздников, среди которых особое место занимают корриды. Севилья стала испанской примерно в середине XIII века. Ее жители отважно защищали свои муниципальные свободы от короля Кастилии, но были побеждены, и большинство из них бежали в Барбарю. Город был заселен христианскими эмигрантами. Однако Триана, пригород, соединенный с ним железным мостом, населен цыганами, у которых там находится их тайный трибунал. Недалеко к северу от Трианы находятся руины амфитеатра Италики, старого соперника Севильи и родного города Силия Италика, а также императоров Траяна, Адриана и Феодосия. Кория, другой римский город, который в средние века имел свой собственный монетный двор, расположен ниже Севильи.

В Севилье много гончарных мастерских, но ее шелка и ткани с золотой и серебряной нитью перестали доминировать на мировых рынках. Крупнейшая фабрика города, производящая табак и сигары, принадлежит государству и дает работу нескольким тысячам рабочих.

Алкала-де-Гуадаира, расположенная к юго-востоку от Севильи, снабжает последнюю хлебом, а ее восхитительные источники питают акведук, известный как Аркос-де-Кармона, названный так потому, что он проходит параллельно старой римской дороге, ведущей в Кармону (Кармо).

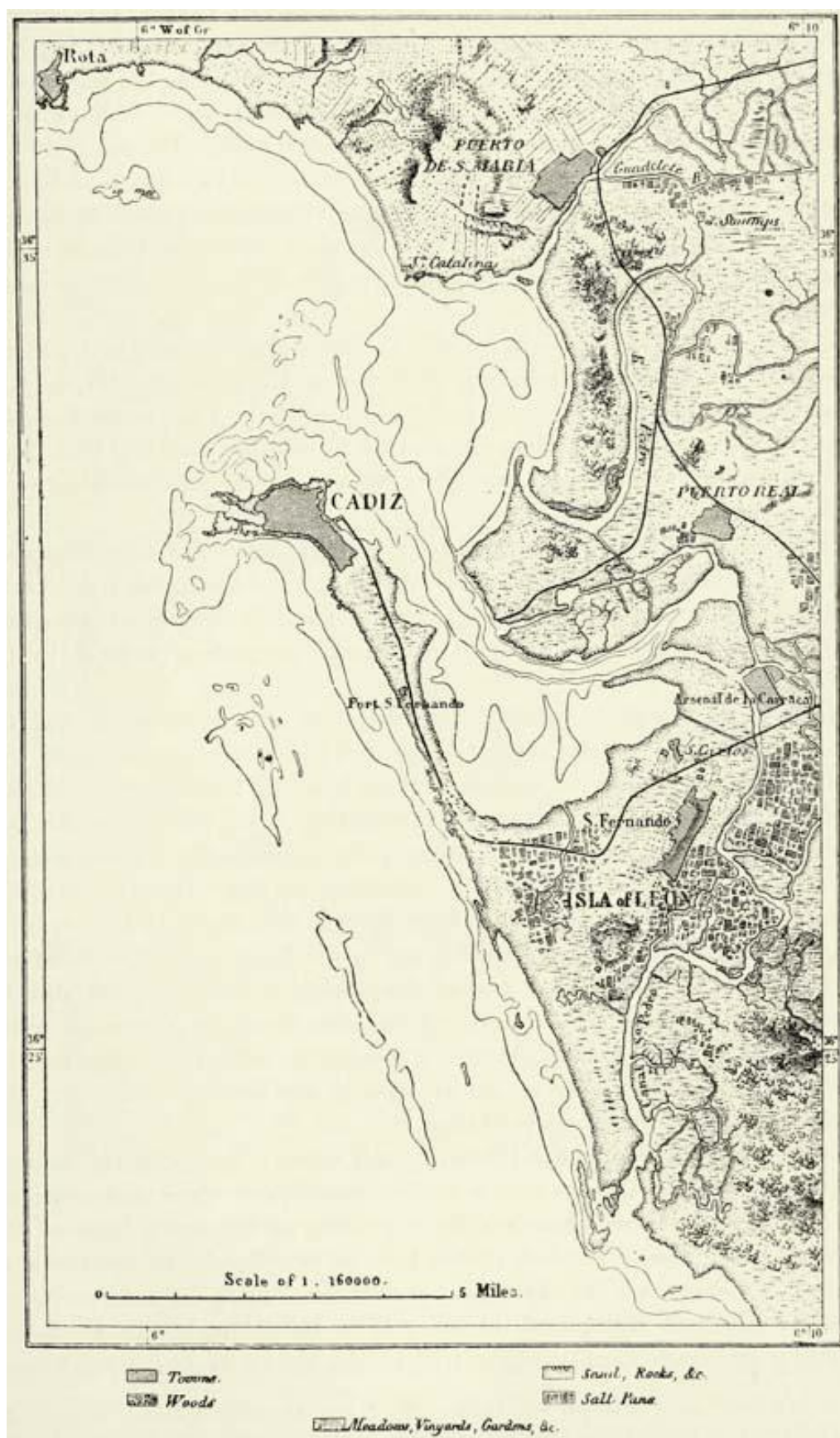
Города к югу от Севильи больше не имеют большого значения. Утрера, самый значительный из них, является крупным железнодорожным узлом, где от андалузской магистрали отходят линии к мраморным карьерам Морона и через плодородные районы Марчена и Осуна. Город хорошо известен любителям спорта благодаря диким быкам, которые пасутся в соседних *марсимас*. Лебриха с ее прекрасной башней, скопированной с башни Хиральда, находится еще ближе к этим болотам, которые простираются почти до устья Гвадалквивира.

Санлукар-де-Баррамедра, расположенный в устье реки Гвадалквивир, с его белыми и розовыми домами, затененными пальмами, сейчас уже не является тем великим портом, каким он был во времена арабов. Он может по праву гордиться тем, что в 1519 году отсюда отплыл первый корабль, совершивший кругосветное плавание, но сейчас это скорее курорт, чем торговый центр. Херес-де-ла-Фронтера, расположенный в бассейне реки Гвадалете, является самым оживленным городом между Севильей и Кадисом. Это аккуратный и эффектный город, окруженный огромными *погребами*, или винными погребами, в которых хранятся вина, выращенные в плодородной долине Гвадалете и известные как херес. Недалеко от Аркос-де-ла-Фронтера, в верхней части долины, находится место, где произошла знаменитая битва, в результате которой Испания была отвоевана у мусульман.

Залив Кадис, хорошо защищенный от ветров и волн языком суши, начинающимся на острове Леон, окружен многочисленными городами, образующими, по сути, единый город. Рота, на северном побережье залива, окружена стенами циклопического вида. Это курорт рыбаков, а его виноделы, хотя и считаются беотийцами, производят одно из лучших вин Испании. Южнее, в устье реки Гуадалете, находится Пуэрто-де-Санта-Мария с его винными погребами, всегда оживленное место. Пуэрто-Реаль, *Портус-Гадитанус*, лежит в лабиринте солоноватых каналов и в настоящее время является лишь пристанью. Соседний док, известный как *Трокадеро*, и арсенал Каррака часто заселены только галерными рабами и их тюремщиками. Соляные карьеры вблизи этого места являются самыми продуктивными.

Сан-Фернандо — самый важный город на острове Леон, к югу от Кадиса. Начальный меридиан испанских мореплавателей проходит через его обсерваторию. Глядя через судоходный канал Сан-Педро, который отделяет остров от материка, мы видим виллы Чикланы, известные как место обучения *тореадоров*, или бойцов с быками, Андалусии. Повернув на север, мы достигаем узкого хребта Арресифе, который можно сравнить со стеблем, а Кадис — с распустившимся цветком. Лодочники указывают на предполагаемые руины храма Геркулеса, теперь покрытые морем; и поэтому можно с уверенностью сказать, что земля в настоящее время оседает, хотя этому оседанию должно было предшествовать поднятие, так как полуостров, на котором построен Кадис, покоится на фундаменте из ракушек, устриц и моллюсков.

Рис. 156. — КАДИСЬ И ЕГО РЕЙД.

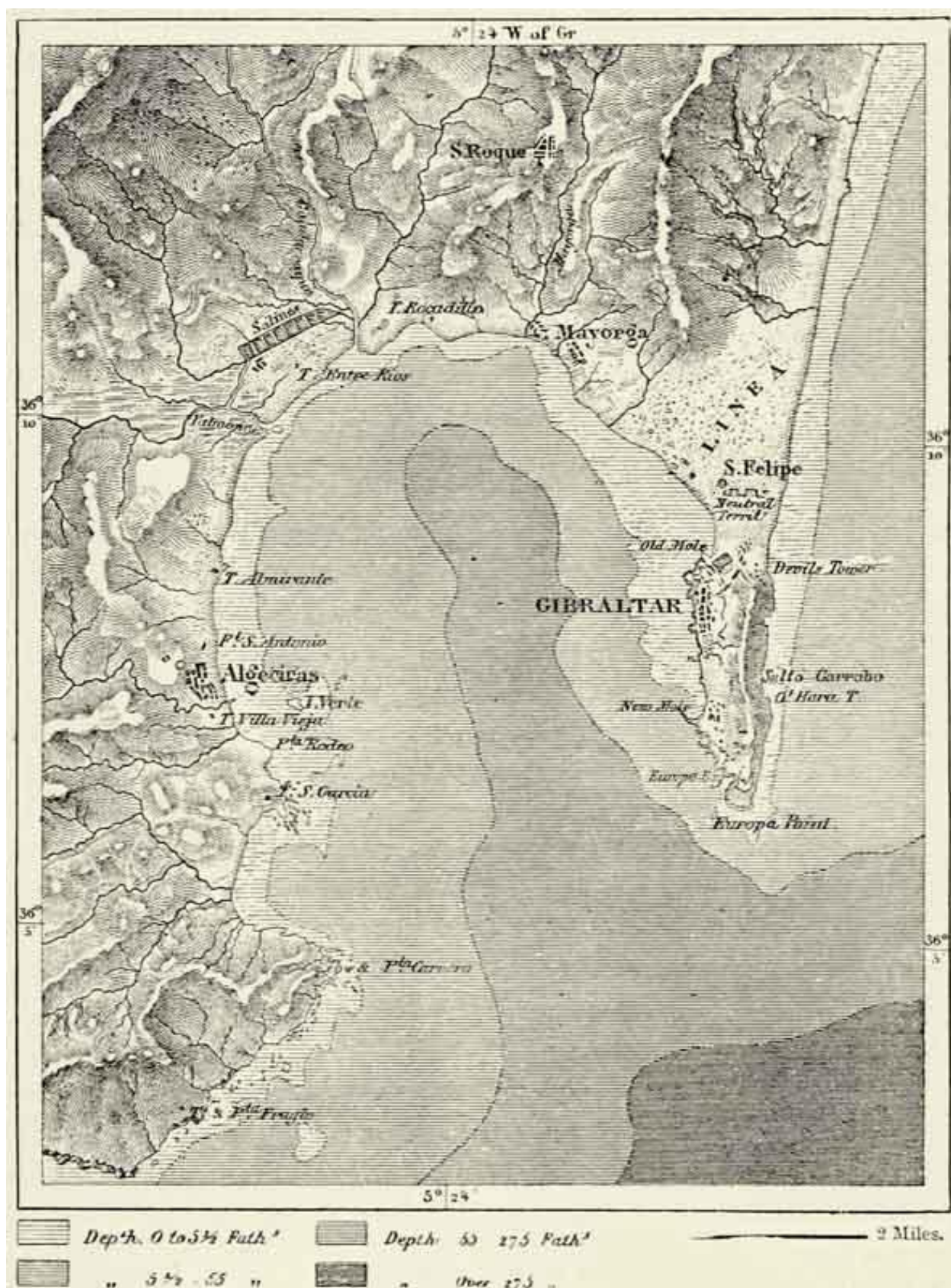
Мы проплываем мимо нескольких фортов, пересекаем валы Кортадуры, возведенные в 1811 году, и наконец попадаем в знаменитый город Кадис, наследник Гадир финикийцев, называемого Гадир греками и Гадес римлянами. Кадис был ведущим городом Иберии,

когда эта страна впервые стала известна. Как и другие города, он переживал периоды упадка, но его большие географические преимущества всегда позволяли ему быстро восстанавливаться. Он является естественным выходом к обширной и плодородной области, а его положение у края континента позволяет ему успешно конкурировать с Лиссабоном за торговлю с Новым Светом. Палос может похвастаться тем, что оттуда отправлялись *каравелы*, открывшие Вест-Индию, но именно Кадис пожинал все плоды этого открытия, особенно после того, как в 1720 году из Севильи в него был перенесен Трибунал Индий. В 1792 году Кадис экспортировал в Америку товары на сумму 2 500 000 фунтов стерлингов и получил в обмен драгоценные металлы и другие товары на сумму 7 000 000 фунтов стерлингов. Вскоре после этого Испания заплатила за торговую монополию, сохранявшуюся в течение трех веков, внезапной потерей своих колоний, и Кадис оказался зависимым от рыболовства и солеварни. Но в последнее время удача вновь улыбнулась городу, и его гавани переполнены торговыми судами.¹⁴⁵ Кадис и города, окружающие его бухту, имеют население 200 000 душ. Территория самого города ограничена природой, и его дома построены высотой в пять-шесть этажей. Жители города любят развлечения, они живые и остроумные. Они всегда проявляли себя как хорошие патриоты, и именно на острове Леон собрались кортесы, чтобы протестовать против оккупации страны французами.

Альмерия, расположенная на средиземноморском побережье Андалусии, соперничала с Кадисом по значимости, пока оставалась во владении мавров, но процветание покинуло это место сразу же после его захвата испанцами. Впоследствии город сильно страдал от пиратов Барбарии, о чем свидетельствует построенный в XVI веке собор, похожий на крепость. Внешний вид этого места с его узкими улочками и старой *касбой* вполне восточный.

Города к западу от Альмерии имеют тропический климат и тропические культуры. Дайлас, считающийся первым постоянным поселением арабов, славится своим изюмом; за ним следуют Адра, расположенная в устье реки Рио-Гранде-де-Альпухарра, Мотриль, Велес-Малага и Малага, окруженная садами, орошаемыми рекой Гуадалмедина.

Малага, как и большинство портов на этом побережье, имеет финикийское происхождение и является самым густонаселенным городом Андалусии. Менее богатый мавританскими памятниками, чем Гранада, Кордова и Севилья, или историческими традициями, чем Кадис, он обязан своим коммерческим превосходством порту и плодородной окружающей местности. Его экспортные товары, состоящие из изюма (*пасас*), миндаля, инжира, лимонов, апельсинов, вина, оливкового масла и т. д., являются продуктами ближайших окрестностей. Здесь есть литейные заводы, сахарные заводы и фабрики. С моря собор кажется почти таким же большим, как и весь город, но в последний следует включить не только дома, стоящие у подножия цитадели Гибральфаро, но и многочисленные виллы, разбросанные по окружающим холмам. Более того, даже живописные городки и курорты в соседних горах, такие как Алора, Альхаурин, Карратрака и Альхама, можно считать пригородами города, поскольку почти никто, кроме *жителей Малаги*, не посещает их.

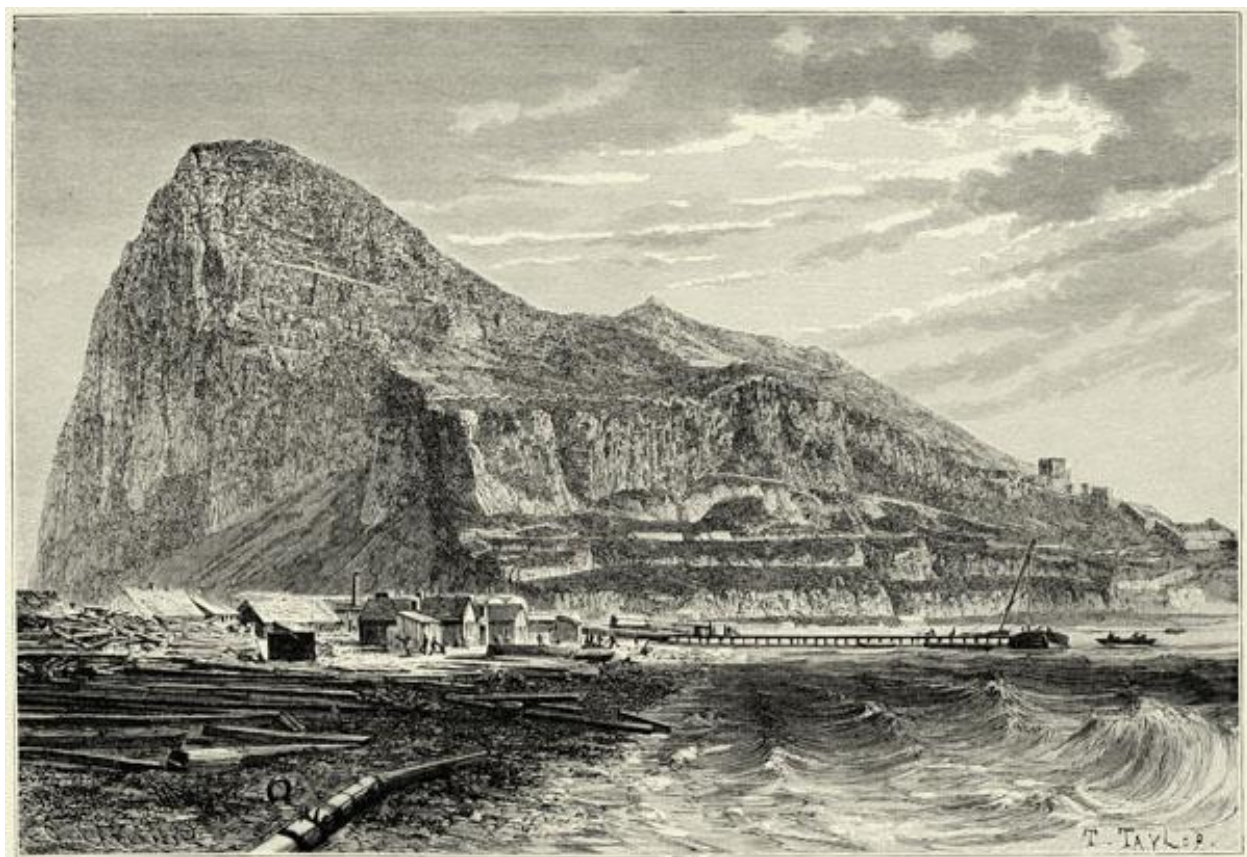

Антекера и Ронда, расположенные в глубине страны, относятся к бассейну Средиземного моря, поскольку одна из них стоит на реке Гуадальхорсе, впадающей в море недалеко от Малаги, а другая занимает положение в верхнем бассейне реки Гуадиаро, омывающей подножие холмов Сан-Роке, к северу от Гибралтара. Антекера — один из древнейших

городов Испании, он служит связующим звеном между Малагой и долиной Гвадалквивира. На холме рядом с ним стоит любопытный дольмен высотой двадцать футов, известный как *Куэва-дель-Менгал*. Живописный мавританский город Ронда с трех сторон окружен ущельем глубиной 600 футов и шириной от 120 до 300 футов, через которое перекинуты три моста: один римский, один арабский и последний (построенный в 1740–88 годах) испанский. Ронда по-прежнему имеет стратегическое значение, поскольку защищает дорогу, ведущую из долины Хенил в долину Гуадиаро. *Жители Ронды* славятся своим мастерством в дрессировке лошадей для путешествий по горам. Они известны как контрабандисты, как и многие жители небольших приморских городов Марбелья, Эстепона и Альхесирас, расположенных недалеко от Гибралтара.¹⁴⁶

Скала Гибралтар, которая перешла во владение англичан в 1704 году, не только была превращена в первоклассную крепость, но и стала оживленным торговым центром. Гибралтар не производит ничего, кроме небольшого количества фруктов, и большая часть продовольствия, включая мясо и зерно, импортируется из Танжера в Марокко. Жители города зависят в своем существовании от проходящих судов, английского гарнизона и оживленной контрабандной торговли с Испанией. Гибралтар предоставляет весьма посредственное укрытие, и только четверть судов, проходящих через пролив, заходят туда, и даже они, как правило, ограничиваются пополнением запасов угля. Проживание на этой живописной скале также не является очень приятным, поскольку здесь царит лихорадка, а военный характер места влечет за собой многочисленные ограничения. Во время летней жары многие английские жители — шутливо называемые «ящерицами со скалы» — ищут убежища в Сан-Роке, деревне к северу от бухты, окрестности которой предлагают отличные возможности для спорта.¹⁴⁷

За несколько часов мы можем переместиться из негостеприимных плато в жаркие долины и равнины Мурсии и Валенсии, выходящие к Средиземному морю.

ГИБРАЛТАР, ВИДИМЫЙ С «ЛИНИЙ».

Отроги Сьерра-Невады, которые подходят к побережью к северу от Кабо-де-Гата, разделены *рамблами*, или руслами ручьев, и по мере продвижения на север постепенно снижаются в высоте. Русло реки Альмансора отделяет Сьерра-де-лос-Филаброс от ее северного продолжения, Сьерра-де-Альменара, которая на значительном расстоянии проходит параллельно побережью. Она отправляет отрог в направлении Картахены, который заканчивается в Кабо-де-Палос. Внутренние хребты проходят почти параллельно этому побережью и разделены продольными долинами, открывающимися в большую поперечную долину Сегуры. Эти хребты — это Сьерра-де-Мария, «Эль-Гиганте» (4918 футов), Сьерра-де-Эспунья (5190 футов), Сьерра-де-Тайбиля, Калар-дель-Мундо (5440 футов) и Сьерра-де-Алькарас (5910 футов). Горные хребты к северу и востоку от Сегуры следует рассматривать как продолжение вышеупомянутых хребтов. Они достигают своей максимальной высоты в Монкабре (4543 фута), а их отроги образуют несколько заметных мысов, среди которых вулканический Пеньон-де-Ифач и Кабос-де-ла-Нао и Сан-Антонио. Рядом с последним возвышается гора Монго (2337 футов), которая стала известна как важная тригонометрическая станция.

Горы, возвышающиеся над долиной Хукар, представляют собой оголенное плато, над которым возвышаются несколько изолированных вершин. Бассейн Гуадалавиара гораздо более гористый. На западе он ограничен горными хребтами, ядро которых находится в Муэла-де-Сан-Хуан (5280 футов), а на востоке возвышаются внушительные горные массивы

Хаваламбре (6569 футов) и Пенья-Голоса (5942 фута). Вершины хребта, простирающегося от последнего до большого изгиба Нижнего Эбро, такие как Муэла-де-Арес (4332 фута), Тосаль-де-Энканадес (4565 футов) и Бош-де-ла-Эспина (3868 футов), носят каталонские названия. Параллельно ему вдоль побережья проходит горный хребет меньшей высоты, и пространство между ними образует долину. Этот прибрежный хребет резко заканчивается в Сьерра-де-Монсия (762 м), недалеко от дельты Эбро, и до того, как запруженные воды реки проложили себе путь к морю, он простирался прямо до Пиренеев.

Все эти горы в основном голые, и кустарники выглядят как черные пятна на их беловатых склонах. Они четко выделяются на фоне голубого и прозрачного неба, благодаря прозрачности которого Мурсия получила название «самого безмятежного королевства». Климат в долине Сегуры еще более африканский, чем в Андалусии. Здесь только два сезона: лето и зима, которая длится с октября по январь, но температура в течение всего года остается равномерной благодаря мистральному, дующему с прохладного плато, и морским бризам.

Флора, особенно вдоль побережья Мурсии, представляет собой смесь тропических и умеренных растений. Есть деревья, которые теряют листья зимой, другие, которые сохраняют листву в течение всего года, и рядом с пшеницей, рисом, кукурузой, оливками, апельсинами и виноградом выращивают хлопок, сахарный тростник, сладкий картофель, нопалы, агавы и финики. Тропические болезни нашли благоприятную почву в этой стране. Желтая лихорадка время от времени заносится из Америки. Гниющие вещества, остающиеся на полях после наводнений, отравляют воздух, а солоноватые воды лагун, или *альбуфер*, являются местами размножения лихорадки. Однако соленые озера к югу от Сегуры не оказывают вредного влияния на климат.

Нигде больше в Испании количество осадков не является столь незначительным. Между Альмерией и Картахеной в течение года выпадает всего 20 см осадков; в окрестностях Аликанте и Эльче дожди, возможно, немного более обильные; а в Мурсии и Валенсии, которые лежат у подножия гор, перехватывающих влажные ветры, они еще более обильные, хотя даже там они не превышают 45 см. Кроме того, большая часть осадков сразу впитывается жаждущим воздухом, и только очень небольшое количество попадает через *рамблы* в море. Этого количества совершенно недостаточно для сельскохозяйственных нужд, и если бы не реки, страна была бы пустыней. Земледелие ведется только вдоль рек и в нескольких других благоприятных местах. На обоих берегах Сегуры простираются настоящие степи. Поля между Альмерией и Вильяхойосой на протяжении 300 миль бесплодны и голые. Солевые и магниевые источники, которые берут начало у подножия солевых триасовых скал, наполняют небольшие озера, которые высыхают летом, а в августе лагуны около Ориуэлы покрываются толстой коркой соли.

Рис. 158. — СТЕПИ МУРСИИ.
Масштаб 1 : 992 000.

Благотворными реками, воды которых пьют *хуэртас*, или сады, расположенные у их берегов, являются Сегура, Виналапо, Хукар, Гуадалавиар (известная в нижнем течении как Турия), Михарос и несколько других. Все они похожи друг на друга по пересеченности своих верхних долин и дикости ущелий, через которые протекают. Сегура пробивает себе путь через несколько горных ущелий, прежде чем достигает равнины Мурсии. Хукар и Гуадалавиар (Вад-эль-Абиад, или «белая река») имеют меньше препятствий, но некоторые ущелья, через которые они протекают, тем не менее, отличаются непревзойденной красотой.

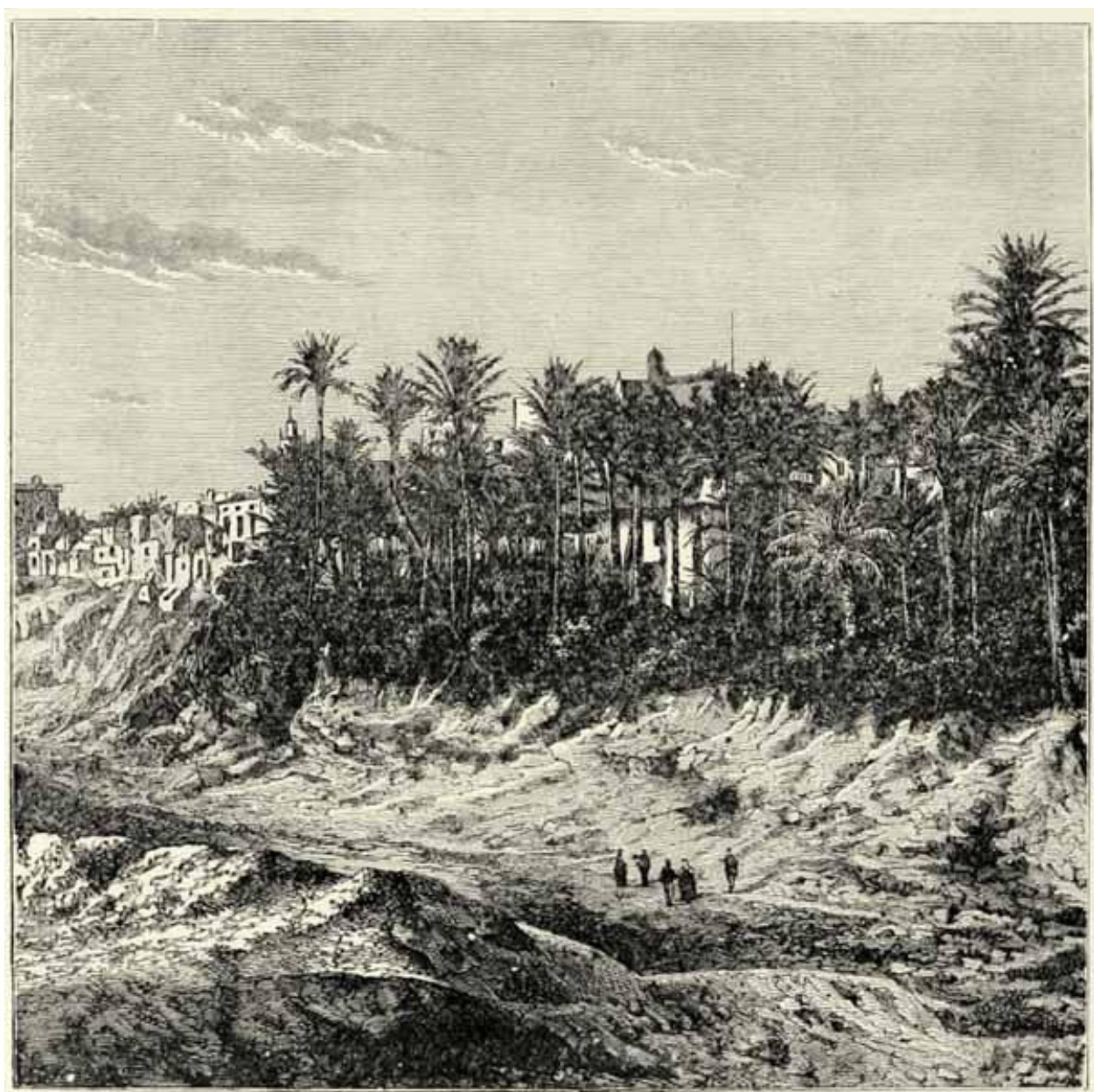
Объем этих рек сравнительно невелик, и земледельцы, живущие вдоль их берегов, экономят воду, насколько это возможно. В устье каждой долины построены водохранилища, или *пантанос*, откуда вода распределяется по полям с помощью бесчисленных оросительных каналов. Орошаемые *хуэртас* выгодно контрастируют с возделываемыми кампос в их окрестностях. Орошение, вероятно, практиковалось в Валенсии со времен римлян, но, по-видимому, мавры были первыми, кто построил регулярную систему каналов. Восемь из них, разветвляясь на бесчисленные *асекиас*, превратили окрестности Валенсии в райский сад. Эти поля тщательно удобряются и никогда не оставляются под паром. В садах можно увидеть стебли кукурузы высотой пятнадцать и даже двадцать пять футов, шелковичное дерево дает три или четыре урожая в год, с одного и того же поля собирают четыре или пять урожаев, а траву косят до девяти или десяти раз. Однако эта пышная растительность, как говорят, является водянистой, отсюда и пошло пословица: «В Валенсии мясо — это трава, трава — это вода, мужчины — это женщины, а женщины — ничто».

Уэртас в Хукаре, хотя и менее известные, чем в Валенсии, еще более продуктивны. Здесь преобладают апельсиновые деревья, и только в окрестностях Альсиры и Каркагенте ежегодно собирают 20 000 000 апельсинов, которые экспортируются в Марсель.

Оазисы в большой степи, простирающейся от Алькоя до Альмерии, менее плодородны, чем оазисы на реках Хукар и Гуадалавиар. Оазис Аликанте орошается рекой Касталья, воды которой собираются в водохранилище Тиби. Уэрта Эльче на Виналапо в основном занята пальмовым лесом, который является главным источником богатства жителей, экспортирующих финики во Францию, а листья — в Италию и внутренние районы Испании.

Хуэрта вокруг Ориуэлы, на нижнем течении Сегуры, не может похвастаться таким пальмовым лесом, как Эльче, но она более продуктивна. Жители Мурсии, расположенной выше по течению той же реки, хотя и пользуются аналогичными преимуществами, не смогли извлечь из них такую же выгоду. Их *хуэрта*, в которой проживает треть всего населения провинции, плодородна, но не может сравниться с *хуэртой* их соседей. Поля Лорки также не могут с ними сравниться. Они еще не оправились от прорыва водохранилища, воды из которого понесли разрушения вплоть до Мурсии и Ориуэлы.

Нравственный и физический характер жителей страны, демонстрирующей столь большие контрасты, не мог не отражать соответствующие различия, и действительно, мы видим, что жители плодородных садов и жители бесплодных степей и гор существенно отличаются друг от друга, несмотря на их общее происхождение.

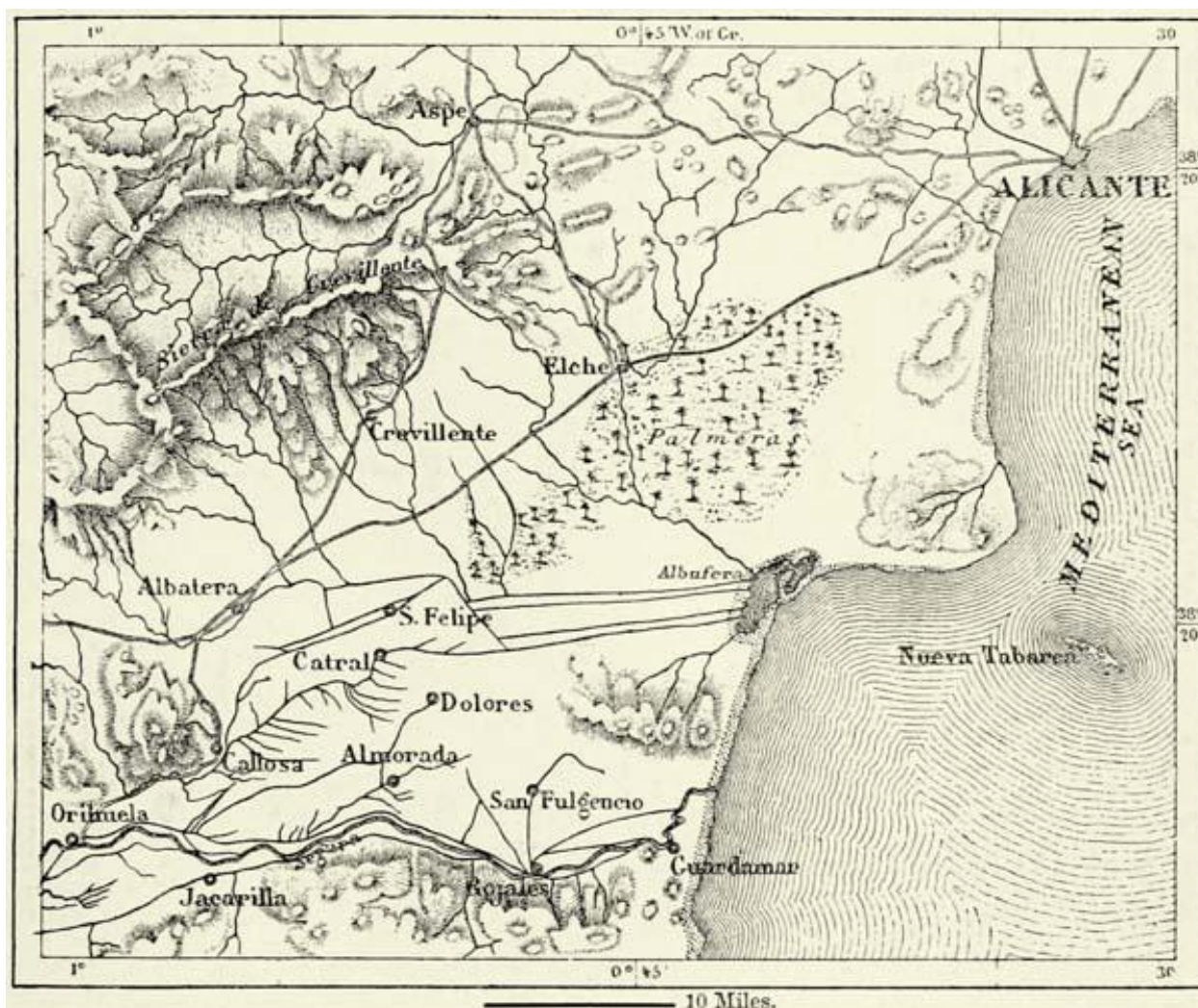

КРЕСТЬЯНЕ ЛА-УЭРТА И СИГАРЕРА ИЗ ВАЛЕНСИИ.

Нельзя сказать, что жители Мурсии вышли победителями из борьбы с бесплодными скалами, иссушающими ветрами и сухой атмосферой. Они предаются совершенно восточному фатализму и практически не прилагают никаких усилий для улучшения своего

положения. Ленивые по натуре, они проводят сиесту в любое время дня и даже когда не спят, сохраняют невозмутимый вид, как будто погруженные в мечтания. Они не склонны к веселью и, хотя являются соседями Андалусии и Ла-Манчи, не танцуют. Они полны злобы и дикой ненависти, когда их обижают, и оказали лишь небольшое влияние на судьбу Испании. Они не могут сравниться по трудолюбию с каталонцами, наваррцами и галисийцами, ни по интеллекту с жителями любой другой части Испании. Валенсийцы, с другой стороны, являются трудолюбивым народом. Они не только возделывают свои равнины, но и осваивают бесплодные склоны скал, устраивая на них террасированные сады. Это веселый народ, известный своими танцами. Говорят, что за этой внешней веселостью скрываются жестокие инстинкты, и пословица гласит, что «рай Ла-Уэрта населен демонами». В Валенсии человеческая жизнь ценится очень низко. Раньше этот город снабжал придворных Мадрида наемными убийцами, и многочисленные кресты в нем и вокруг него свидетельствуют о множестве убийств, совершенных в порыве страсти. Однако в Валенсии использование ножа является рыцарской традицией, как и дуэли в некоторых других частях Европы. Совесть убийцы совершенно спокойна; он вытирает окровавленный нож о пояс и сразу же режет им хлеб. Одежда валенсийцев состоит из свободных штанов, затянутых на талии красным или фиолетовым шарфом, бархатных жилетов с серебряными вставками, белых льняных гетр, оставляющих открытыми колени и лодыжки, яркого платка, обернутого вокруг бритой головы, и низкой шляпы с загнутыми вверх полями, украшенной лентами. Разноцветный плащ с широкой бахромой завершает этот костюм, и, укутавшись в него, даже самый ничтожный нищий приобретает вид знатного человека. По своим обычаям и образу мышления валенсийцы также отличаются от своих соседей. Они говорят на провансальском диалекте, смешанном со многими арабскими словами, но более близком к языку трубадуров, чем к диалекту каталонцев.

Рис. 160. ПАЛЬМОВАЯ ГАЙКА ЭЛЬЧЕ И ХУЭРТАС ОРИХУЭЛА.
Масштаб 1 : 400 000.

Сельское хозяйство является основным видом деятельности в Валенсии и Мурсии, а также развиты некоторые отрасли промышленности. Многие заняты производством белых вин в Аликанте и красных вин в Винаросе и Беникарло; виноград с виноградников Дении, Хавеи и Гандии, к северу от Кабо-де-ла-Нао, с помощью сложного процесса превращается в изюм; а *эспарто*, обильно растущее на солнечных склонах Альбасете и Мурсии, используется для изготовления матов, корзин, сандалий и множества других предметов.¹⁴⁹ Здесь сотни металлоносных жил, но только свинцовые рудники в горах Херрериас, к востоку от Картахены, разрабатываются в больших масштабах, причем иностранцами. Цинк добывается с 1861 года, а рудники меди, свинца, серебра, ртути и каменной соли в изобилии находятся на некотором расстоянии от побережья, но из-за отсутствия средств связи их эксплуатация не окупается.

Рис. 161. — руины дамбы водохранилища выше Лорки.

Валенсия — более промышленная провинция из этих двух. В Альбасете производят страшные *навахас*, или длинные ножи; в Мурсии — шелковые фабрики; в Картахене — веревочные фабрики и другие предприятия, связанные с судоходством; в Хативе — несколько бумажных фабрик; но Валенсия и Алькой в настоящее время являются крупными центрами промышленности. В первой производят клетчатые ткани, которые носят крестьяне, шелк и лен, глиняную посуду и глазурованную плитку. Алькой поставляет большую часть бумаги для производства испанских сигарет.

Рис. 162. КРЕСТЬЯНЕ МУРСИИ.

Города Альбасете и Альманса имеют важное значение, так как расположены на большой магистрали, соединяющей плато Ла-Манча с побережьем Средиземного моря. Но они не могут соперничать по богатству и численности населения с городами, расположенными на побережье или в пределах 25 миль от него. Лорка, самый южный из этих городов, живописно расположен на склонах и у подножия холма, увенчанного мавританской цитаделью. Старый город с узкими извилистыми улочками и остатками арабских дворцов был отдан гитанам, а новый город с широкими и прямыми улицами построен на плодородной равнине, орошаемой рекой Гуадалентин. Хорошая дорога соединяет Лорку с небольшой гаванью Агилас, расположенной в двадцати милях к югу.

Спускаясь по долине Гуадалентина, мы проезжаем Тотану, штаб-квартиру цыган этой страны, и Альхаму, известную своими горячими источниками, и, наконец, въезжаем в шелковичные и апельсиновые рощи, окружающие столицу провинции. Мурсия, хотя и является обширным городом, почти не похожа на него, так как ее улицы пустынные, дома некрасивы, и единственными объектами, представляющими интерес, являются собор, тенистые аллеи вдоль берегов Сегуры и каналы, орошающие террасы садов. Гораздо более интересна соседняя Картахена, которая была предназначена ее пуническими основателями стать вторым Карфагеном, и ее великолепная гавань, безусловно, дает большие преимущества для коммерческих и военных целей. Открытие богатых свинцовых и серебряных рудников вблизи города в значительной степени способствовало его процветанию. Сменявшие друг друга испанские правительства пытались восстановить бывшее стратегическое значение Картахены. Они построили доки и арсеналы, возвели неприступные укрепления, но, несмотря на это, население города составляет едва ли треть от того, что было в середине XVIII века. Несмотря на превосходный порт, торговля города носит почти исключительно местный характер, а основными статьями экспорта являются эспарто, маты, фрукты и руда.

Аликанте, хотя и гораздо менее благоприятный с точки зрения природных условий, является гораздо более оживленным местом благодаря плодородию уэрт Эльче, Ориуэла и Алькой, а также железной дороге, соединяющей его с Мадридом. К причалам и пирсам города, уютно расположенного у подножия крутой скалы, увенчанной разрушенной цитаделью, могут подходить только небольшие суда. Более крупные суда вынуждены стоять на якоре в открытой рейде. Другие прибрежные города Валенсии, такие как Дения и Кульера, предлагают еще меньше укрытий, но, тем не менее, часто посещаются каботажными судами. Раньше суда, заходящие в бухту Валенсии зимой, были вынуждены проявлять крайнюю осторожность из-за сильных восточных и северо-восточных ветров и туманов, поскольку там не было ни одного убежища. Эта потребность теперь удовлетворена благодаря строительству порта в устье реки Гуадалавиар, известного как Эль-Грао (пляж) де Валенсия.

Валенсия, четвертый по численности населения город Испании, является естественным центром самых плодородных хуэртас. «Город Сиды» до сих пор сохранил свои зубчатые стены, башни, ворота, узкие и извилистые улочки, дома с балконами, окна которых затенены жалюзи, и навесы, растянутые над улицами, чтобы защитить прохожих от солнечных лучей. Среди многочисленных зданий есть только одно, которое действительно привлекает внимание: это *Lonja de Seda*, или шелковая биржа, изящное сооружение XV века. Сады являются настоящим украшением Валенсии, а Аламеда, простирающаяся вдоль берегов Гуадалавиара, является, пожалуй, самой красивой городской набережной в Европе. Торговля Валенсии соперничает с торговлей Кадиса.¹⁵⁰

Рис. 163. — ГАВАНЬ КАРТАХЕНЫ.
Масштаб 1 : 54 000.

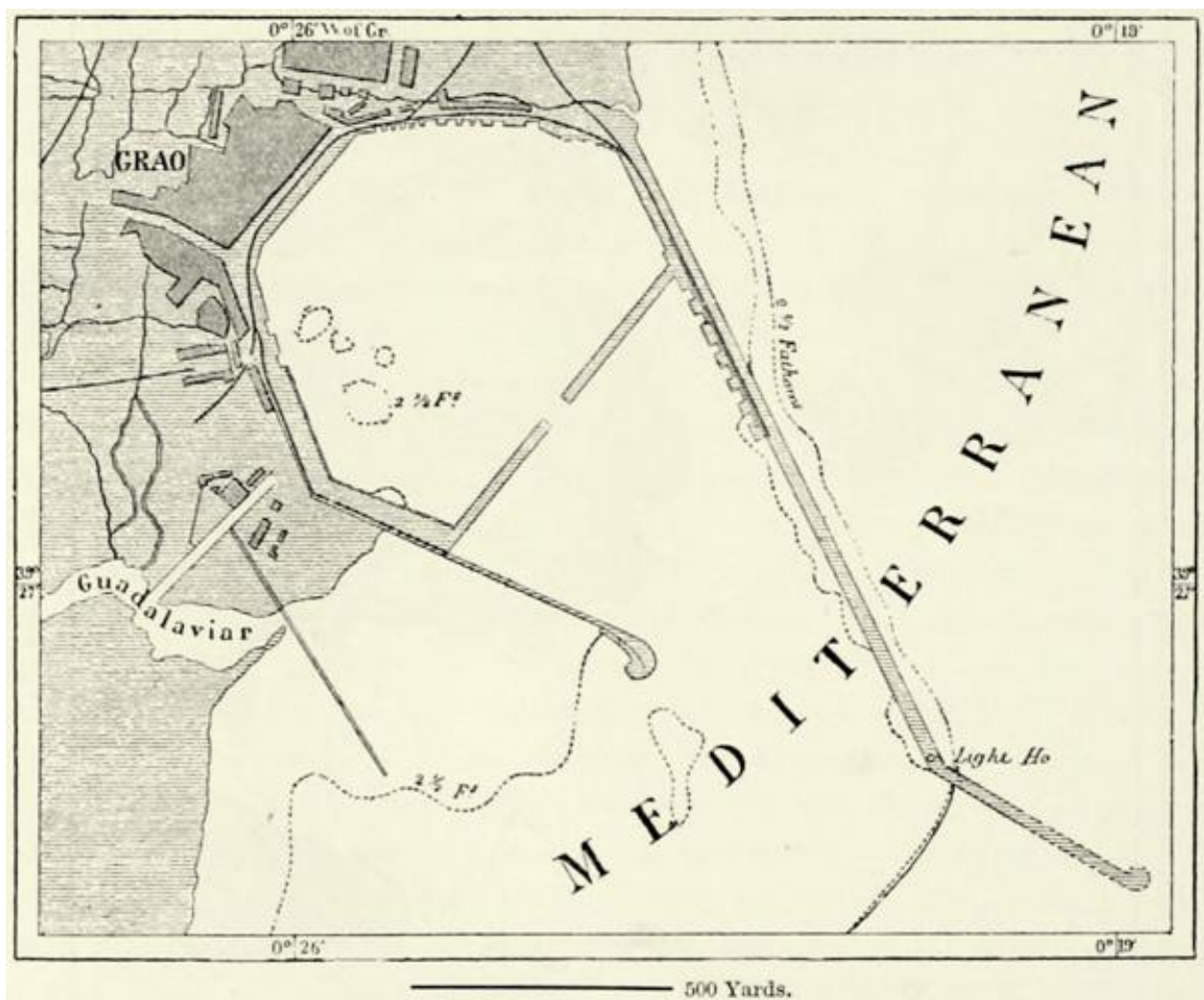

К северу от Валенсии пригодная для возделывания земля вдоль побережья узкая и не способна прокормить большие города. Кастильон-де-ла-Плана, расположенный в устье реки Михарос, приобрел определенное значение, но дальше на север мы встречаем только небольшие населенные пункты, где живут рыбаки и виноградари. Раньше побережье защищали замки, главным из которых был Сагунт, прославившийся своей героической обороной от Ганнибала. На его месте сейчас находится современный город Мурвьедро, что означает «старые стены», а его руины не выглядят особо внушительно.¹⁵¹

V. БАЛЕАРСКИЕ ОСТРОВА.

Балеарские острова соединены с материковой частью Испании подводным плато и как географически, так и исторически являются зависимыми от Валенсии и Каталонии. Горные хребты, пересекающие эти острова, имеют то же направление, что и хребты Мурсии и Валенсии. С другой стороны, полуостров Ла-Банья, расположенный в устье реки Эбро, простирается под водой в направлении Ибицы, и из этого подводного языка суши возвышается группа вулканических скал. Это Колумбретес, от латинского *colubraria*, что означает «змеиные островки».

Рис. 164. — ЭЛЬ-ГРАО-ДЕ-ВАЛЕНСИЯ.
Масштаб 1 : 18 000.

Балеарские острова небольшие по площади, но обладают благоприятным климатом, плодородием и природной красотой. Это «счастливые острова» древних, и по сравнению со многими прибрежными землями они действительно являются избранным регионом. Войны и эпидемии не обходили их стороной, но постоянные беспорядки не помешали их развитию.

Острова состоят из двух групп: Питиусы и собственно Балеарские острова. Считается, что название последних относится к мастерству местных жителей в метании пращ, и когда К. Метелл готовился высадиться на них, он позаботился о том, чтобы укрыть своих людей под

навесом из шкур. Климат здесь более влажный и ровный, чем в соседней Испании. Часто происходят сильные штормы.

ЖЕНЩИНЫ ИБИЦЫ, БАЛЕАРСКИЕ ОСТРОВА.

Сооружения, называемые *талайотами* (сторожевые башни), доказывают, что острова были заселены еще до исторической эпохи. Вероятно, они были построены той же расой,

которой обязаны своим существованием нураги Сардинии; но нынешнее население очень смешанное, поскольку остров последовательно завоевывали все древние народы. Здесь говорят на каталонском диалекте, похожем на лимузенский. Майоркинцы, как правило, невысокого роста, но хорошо сложенные, а женщины некоторых районов славятся своей красотой и выразительными чертами лица. Крестьяне подозрительны и бережливы, но честны и гостеприимны; их одежда, состоящая из широких штанов, пояса, яркого жилета и плаща из козьей кожи, очень колоритна. Их любимое развлечение — танцы под музыку гитары или флейты.

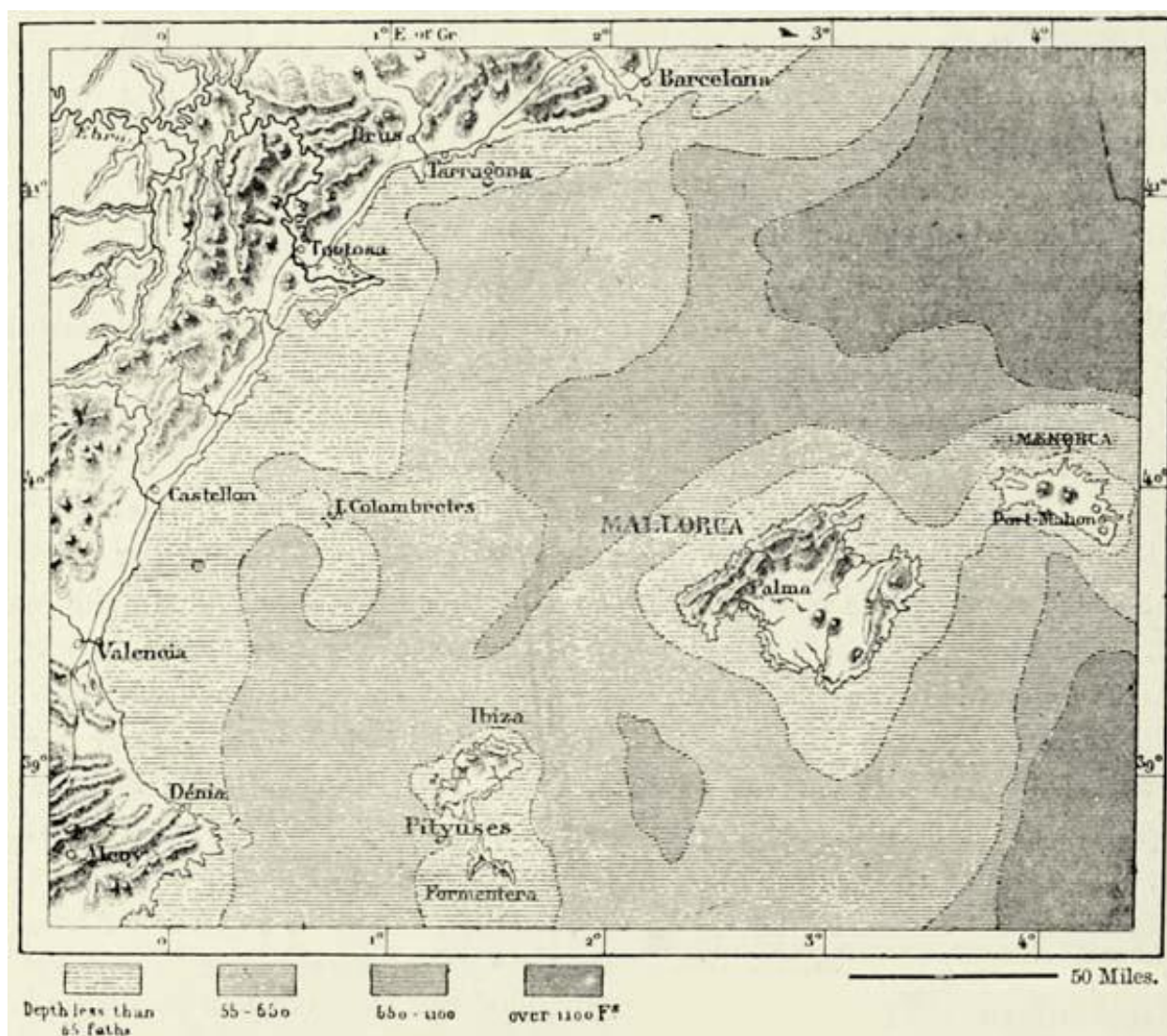
Ибица (Ивица), самый большой остров Питиуз, находится всего в пятидесяти милях от Кабо-де-ла-Нао. Его поверхность холмистая и пересечена многочисленными руслами горных потоков. Пуэрто-Маньо (Пормани, или Гранд-Порт) расположен на западной стороне, а аналогичная бухта, место сбора многочисленных рыбацких лодок, — на южной стороне. На его берегу стоит столица острова, древняя карфагенская колония. Цепь островков и скал, похожая на Адамов мост на Цейлоне, соединяет самый южный мыс Ибицы с островом Форментера. Климат здесь настолько здоровый, что ни змеи, ни другие ядовитые рептилии не могут здесь жить. Несмотря на плодородие острова, население его невелико. Сторожевые башни и крепости-убежища возле каждой деревни напоминают о временах, когда жители страдали от мавританских пиратов. Островитяне счастливы, потому что центральное правительство практически не вмешивается в их жизнь.

Майорка, или Майорка, самый большой из островной группы, единственный может похвастаться регулярным горным хребтом, возвышающимся над северо-западным побережьем и достигающим своей высшей точки в виде двух вершин Силья-де-Торрелья (4940 футов) и Пуч-Майор (4920 футов). Эти горы являются одними из самых живописных во всей Европе, и с их вершин открывается великолепный вид. Говорят, что муфлоны до сих пор обитают в сосновых лесах и укромных уголках. Большая часть острова состоит из равнины, расположенной на высоте 150 футов над уровнем моря и усеянной изолированными *пуигами*, или коническими вершинами, на многих из которых возвышаются старые церкви или замки. Восточная оконечность острова холмистая, а гора Бек-де-Фарруч (1863 фута) до сих пор носит свое старое арабское название. Рядом с ней находятся удивительные сталактитовые пещеры Арта, которые простираются под морем. Край самой низкой части острова открываются в сторону двух больших бухт, одна на северо-востоке, другая на юго-западе. Пальма, столица острова, расположена в первой из них, хотя вторая, известная как Пуэрто-де-Алькудия, была бы более выгодной, если бы не окружающие ее вредные болота. На северном побережье, окруженном скалами, нет гаваней, но прибрежные суда часто заходят в бухту Сольер, откуда они вывозят апельсины.

Крестьяне, или *пагесы*, Майорки имеют репутацию хороших земледельцев, но большая часть достигнутого прогресса принадлежит каталонским иммигрантам. На острове производят восхитительные вина (Бенисалем), оливковое масло, апельсины, овощи и свиней, которые находят сбыт в Барселоне или во Франции. Однако выращиваемого зерна недостаточно для пропитания населения, и майоркинские, а также «махонские» садовники встречаются в каждом городе Средиземноморья. В Кабо-Салинас производят морскую соль. Здесь производят обувь, хлопчатобумажные и льняные ткани, корзины и пористые вазы, но производство *майолики* прекратилось. Пальма — оживленный город с 40 000 жителей, и его бастионные стены, замок, собор и дома, построенные в форме амфитеатра, выглядят великолепно с моря. Жители гордятся своими общественными зданиями и утверждают, что их *лонжа* превосходит лонжу Валенсии. *Чуктас*, или обращенные в христианство евреи,

являются любопытным элементом населения. Они занимают отдельный квартал, женятся между собой и сохранили свои расовые особенности и торговый талант. Большая часть земельной собственности острова перешла в их руки. Железная дорога, проходящая через богатые районы Санта-Мария и Бенисалем, к югу от густонаселенных городов Манакор и Феланич, соединяет Пальму с Алькудией.¹⁵²

Рис. 165. БАЛЕАРСКИЕ ОСТРОВА.
Масштаб 1 : 3 700 000.

МЕНОРКА, или МИНОРКА, РАСПОЛОЖЕННАЯ в двадцати четырех милях к востоку от Майорки, в целом является равнинной, ее самая высокая точка, гора Монте-Торо, находится в центре острова и достигает высоты всего 1171 фут. Сильные северные ветры, которые проносятся над равнинами, заставляют деревья поворачивать свои ветви в сторону Африки, а апельсиновые деревья находят укрытие только в *баранках*, или ущельях, которые их пересекают. Климат здесь менее приятный, чем на соседнем острове, а почва менее плодородная, поскольку состоит в основном из известняка, который быстро впитывает дождь. На острове есть два порта и два города, по одному на каждом конце, которые с незапамятных времен претендуют на первенство. Сьюдадела (7500 жителей) имеет

преимущество в виде близости к Майорке, но ее гавань плохая. Порт-Маон (15 000 жителей), с другой стороны, имеет замечательный порт, и Андреас Дориа говорит о нем, что «Июнь, Июль и Маон — лучшие порты Средиземноморья». Англичане сделали Маон богатым городом, но его торговля сразу же упала, когда они покинули его в 1802 году.

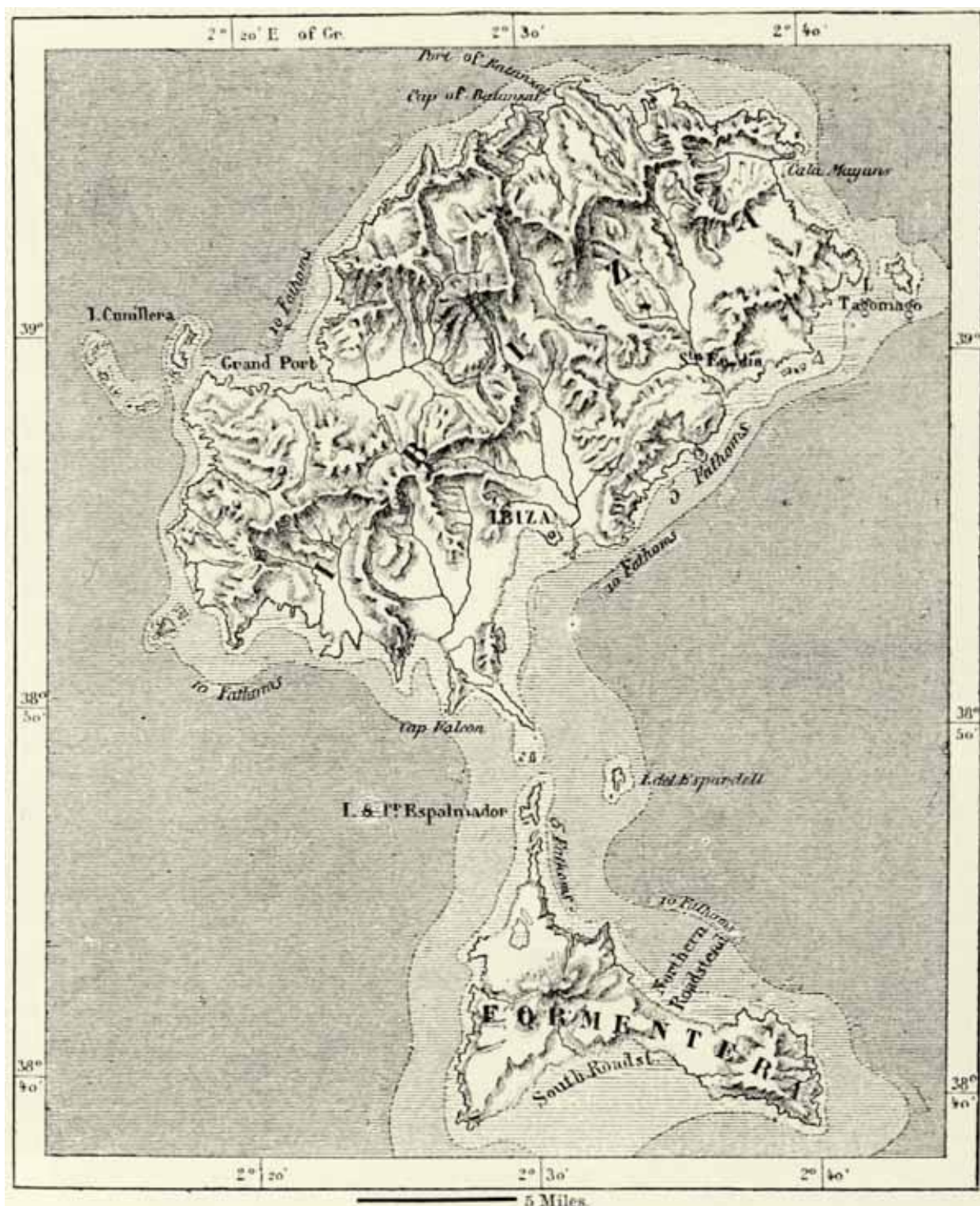
Рис. 166. — вид на ибицу.

VI. ДОЛИНА ЭБРО. АРАГОН И КАТАЛОНИЯ.

Центральная часть долины Эбро так же четко отделена от остальной части Испании, как и долина Гвадалкивира. Она образует обширную впадину, ограниченную центральным плато Испании и Пиренеями, и если бы воды Средиземного моря поднялись на 1000 футов, это древнее озеро, которое существовало до тех пор, пока его запруженные воды не пробili себе проход через горы Каталонии, превратилось бы в морской залив. Пиренеи на севере, бесплодные склоны плато на юге и юго-западе образуют четко очерченные границы, но на северо-западе равнина Эбро простирается за пределы Арагона, в страну, населенную людьми другой расы.

Рис. 167. — пидиусы.
Масштаб 1 : 400 000.

Исторически и географически Арагон и Каталония образуют одно из великих естественных разделений Испании, менее обширное, чем Кастилия, но едва ли менее важное и гораздо более густонаселенное. ¹⁵³ Политическая судьба Арагона и Каталонии была одинаковой на протяжении более семи веков, но, несмотря на это, между ними существуют большие контрасты, которые не могли не повлиять на характер населения. Арагон, страна равнин, окруженная горами, является внутренней провинцией, и ее жители в основном остаются скотоводами, земледельцами и солдатами. Каталония, с другой стороны, обладает прекрасным побережьем. Ее природные богатства в сочетании с благоприятным

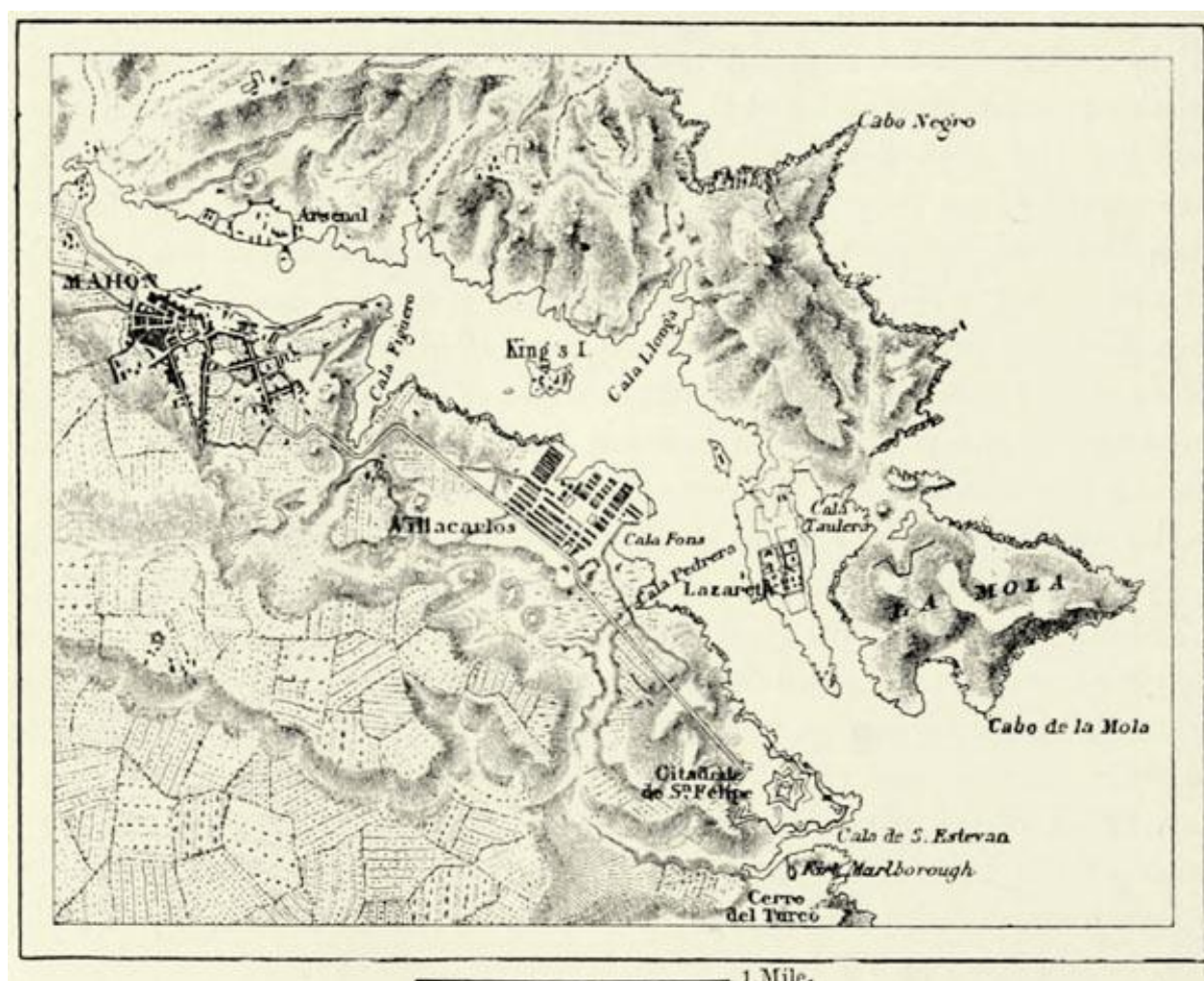
географическим положением способствовали развитию торговли с соседними странами, в особенности с Руссильоном и Лангедоком. Действительно, семь или восемь веков назад каталонцы были скорее провансальцами, чем испанцами, и по своему языку и обычаям они были тесно связаны с народами, проживавшими к северу от Пиренеев.

В ходе великой политической революции, самой ужасной чертой которой была война с альбигойцами, Каталония стала добычей кастильцев. До тех пор, пока провансальский мир сохранял свой естественный центр между Арлем и Тулузой, население побережья Средиземного моря, вплоть до Эбро, Валенсии и Балеарских островов, тяготело к нему как к своему общему центру. Те христианские народы, которые оказались между Провансом, с одной стороны, и арабскими королевствами, с другой, естественно тяготели к первому, с которым их связывала общность расы, религии и языка. Отсюда и широкое распространение диалекта, известного как лимузенский, и его процветающая литература. Но когда неумолимая война превратила несколько городов Альбигойцев в пустыни; когда варвары с севера уничтожили цивилизацию юга, а южные склоны Севенн были насильственно приведены в положение политической зависимости от долины Сены, Каталония была вынуждена искать естественных союзников в других местах. Центр тяжести сместился с севера на юг, с юга Франции на полуостров Пиренеев, и Кастилия получила то, что потеряла Прованс.

Плато к югу от Эбро было раздроблено эрозионным действием рек на удлиненные горные хребты и изолированные *муэлас* (моляры), а его край отмечен многочисленными выемками, через которые эти реки впадают в равнину. Сьерра-де-Сан-Хуст (4967 футов), теперь отделенная от Гудара верхней долиной Гуадалупе, является остатком этого древнего плато, как и Сьерра-де-Кукалон (4284 фута), де Викор и де ла Вирген, которые соединяют его с великолепным массивом Монкайо на северо-западе; то же самое относится и к Сьерра-де-Альменара (4687 футов), которая возвышается к западу от них.

Гранитный горный массив Монкайо (7705 футов) оказал большее сопротивление эрозионному воздействию вод, чем меловые породы плато к востоку от него. Монкайо является источником штормов на равнинах Арагона, и с его вершины кастильцы могут смотреть на широкую долину Эбро. Для арагонцев доступ к плато возможен только через долины Гуадалупе, Мартин и Хилока, и именно они позволили им завладеть возвышенностью Теруэль, которая имеет такое стратегическое значение благодаря своему выгодному положению между бассейнами рек Гуадалавиар, Хукар и Тахо.

К северу от Эбро возвышается покрытый снегом хребет Пиренеев, отделяющий Испанию от остальной Европы. Несколько отрогов спускаются с этого главного хребта в Арагон. Но есть и независимые хребты, один из которых, Барденас, возвышается сразу к северу от Эбро, прямо напротив гигантского Монкайо. Параллельные хребты Кастеллар и «района пяти городов» образуют продолжение этих холмов к востоку от Арбы, а затем, пересекая долину Гальего, мы достигаем бесплодных террас Монегрос, на которых возвышается островная Сьерра-де-Алькубьерра, в самом центре древнего озера Арагон. Седловина, возвышающаяся всего на 1247 футов над уровнем моря, соединяет последнюю с горами Уэски на севере.

Несколько горных массивов значительной высоты занимают центр страны и отделяют эти речные холмы от главного хребта Пиренеев. Они состоят в основном из мела, через который обильные реки, спускающиеся с Пиренеев, прорыли свои русла. Эти каналы с их обрывами, ущельями и каскадами образуют один из самых живописных горных районов Испании. Самым известным из этих предгорий Пиренеев является Сьерра-де-ла-Пенья, отделенная от Пиренеев глубокой долиной Арагона. На восточной оконечности этой цепи, высоко над древним городом Хака, возвышается пирамидальная песчаниковая гряда Пенья-де-Орозль (5804 фута), с которой открывается вид на бескрайний горизонт, простирающийся от Пиренеев до Монкайо. Дикий район, занимающий центр этой великолепной панорамы, — это знаменитая страна Собрарбе, которую патриотичные испанцы глубоко почитают, поскольку именно там они начали свою борьбу против мавров.

МОНСЕРРАТ, КАТАЛОНИЯ.

Высокое седло соединяет Сьерра-де-ла-Пенья с неровным горным массивом Сьерра-де-Санто-Доминго, расположенным к югу от него, отроги которого спускаются террасами к изрезанной равнине Пяти городов. Он отделен узкой расщелиной, через которую протекает река Гальего из Сьерра-де-Гуара, которая простирается до реки Синка на востоке, а несколько меньших цепей проходят параллельно ей. Этот параллелизм в горных хребтах прослеживается также до реки Сегре.

Монсеч, названный так из-за своих засушливых известковых ущелий, с юга представляет собой непрерывный вал, но пересекается под прямым углом ущельями двух Ногерас — Рибаторсана и Паллареса. Пенья-де-Сан-Гервас и Сьерра-де-Буморт, возвышающиеся к северу от него, имеют гораздо менее правильные очертания, но превосходят его по высоте.

Пиренеи заканчиваются гигантскими горами, окружающими долину Андорры, и вершиной Карлитте (9583 фута). Сьерра-дель-Кади (8322 фута) принадлежит к отдельной цепи, почти не уступающей им по высоте и достигающей на французской территории великолепной пирамиды Канигу (9140 футов). Многочисленные отроги простираются от этой сьерры к морю.

В этом суровом горном регионе мы встречаем геологические образования всех возрастов, от силурийского до мелового. Железо, медь и даже золото встречаются в изобилии и могли бы добываться с большой прибылью, если бы дороги и железные дороги проникали в верхние долины. Угольное месторождение на Верхнем Тере, недалеко от Сан-Хуан-де-лас-Абадесас, разрабатывается очень вяло, а другие месторождения на западном склоне Кади даже не тронуты. Знаменитые соляные скалы в Эль-Барбарине (), Сольсоне (Solsona) и Кардоне (Cardona) находятся у подножия Сьерра-дель-Кади, и только в Кардоне, несмотря

на то, что его разрабатывают уже несколько столетий, запасы оцениваются почти в 400 000 000 кубических ярдов.

Обилие минеральных жил, возможно, объясняется наличием подземных лавовых озер. Единственные вулканические холмы на севере Испании находятся недалеко от Олота и Санта-Пау, в верхней части бассейна Флувии. В третичный период из четырнадцати кратеров были выброшены огромные пласты базальтовой лавы, один из которых, на котором стоит старый город Кастельфолит, образует огромный вал живописного вида. Даже сейчас из многих трещин в скалах вырываются струи пара.

Горы вдоль побережья Каталонии во всех отношениях напоминают горы Валенсии, от которых их отделяет ущелье Эбро. Вблизи устья этой реки гористая и скалистая местность простирается на тридцать миль вглубь суши, до Льянос-дель-Ургель, но дальше на север она расширяется, пока наконец не сливается с отрогами, спускающимися с Пиренеев. Основные вершины — Монт-Сант (3513 футов), Пуч-де-Монтагут (2756 футов), Монсеррат (4057 футов) и Монсени (5276 футов). Наиболее известные перевалы находятся в верховьях Франколи, через которые проходит железная дорога из Таррагоны в Лериду, перевал в верховьях Нойи и перевал Калаф.

Из последних названных гор наиболее известна Монсеррат, на одном из склонов которой висят остатки знаменитого монастыря, в котором Лойола оставил свой меч. Монсеррат утратил свой престиж как святое место, но по-прежнему остается одним из самых интересных объектов для изучения геологами. Он состоит из конгломерата и под воздействием атмосферных факторов был изношен до бесчисленных столбов, шпилей и земляных пирамид, увенчанных огромными валунами. Здесь много отшельнических хижин и руин замков, а с самой высокой вершины открывается вид от Пиренеев до Балеарских островов.

Пересекая долины Льобрегат и Тер, мы достигаем болотистой равнины Ампурдан, старого морского залива, и вместе с ней северо-восточной оконечности Испании, отделенной от Франции горами Альберес. Окружающие холмы изобилуют руинами церковных зданий. Одно из них, расположенное недалеко от Кабо-де-Креус, самого восточного мыса Испании и Афродизиона древних, отмечает место, где когда-то стоял храм Венеры.

Бассейн Эбро образует огромный треугольник, основанием которого являются горы Каталонии, а вершиной — холмы Кантабрии, близ Атлантического океана. Окружающие холмы сильно различаются по высоте, но ядро всех них состоит из гранита, на котором отложились осадочные слои, молчаливые свидетели постепенного заполнения старого внутреннего озера. Сама река пересекает самый центр этого треугольника под прямым углом к Средиземному морю, и только когда она достигает горного барьера, отделяющего ее от моря, она извивается в поисках выхода.

Фонтибре, или «источник Эбро», сразу же дает начало значительному потоку, который, питаемый снегами Пенья-Лабра, стремительно несется мимо Рейносы (2687 футов), затем проходит через ряд ущелий и, наконец, приняв Эгу и Арагон с Арго с севера, выходит из Наварры великой рекой. Ниже Туделы (800 футов) она достаточно велика, чтобы питать два канала, а именно канал Таусте, который приносит плодородие в некогда бесплодные земли у подножия Барденас, и судоходный Имперский канал, который следует по долине до Сарагосы. Обычный объем последнего составляет не менее 494 кубических футов в секунду, но большая часть этой воды впитывается известковой почвой.

Притоки, впадающие в Эбро на равнинах Арагона, компенсируют потери, понесенные через ирригационные каналы. Халон, Уэрва, Мартин и Гуадалупе впадают в Эбро справа (), а

Арба, Гальего и Сегре — слева. Последний из них является самым важным, поскольку он осушает весь пиренейский склон от Мон-Перду до Карлитте.

После слияния с Сегре река Эбро сразу же устремляется к прибрежным хребтам Каталонии, и хотя перепад высоты оттуда до моря составляет 183 фута на 95 миль, на ее пути нет ни порогов, ни водопадов. Взвешенные вещества, принесенные рекой, отложились в виде дельты, которая выступает на пятнадцать миль в Средиземное море, занимает площадь 150 квадратных миль и изобилует солончаками, лагунами и мертвыми рукавами реки. Канал длиной 22 мили соединяет гавань Альфакес с Эбро, но он недоступен для судов с большой осадкой из-за бара, закрывающего его устье. Другие устья реки также закрыты барами.

Объем Эбро¹⁵⁴ ежегодно уменьшается из-за увеличения количества воды, которое необходимо для орошения, и рано или поздно он сократится до состояния рек Валенсии.

Плодородие орошаемых полей Арагона и Каталонии свидетельствует о плодородии почвы. Даже солончаки были превращены в сады. Тропические растения, агавы, кактусы и несколько перистых пальм на побережье к югу от Барселоны напоминают красивые пейзажи южной Испании. Долина Эбро занимает промежуточное положение между Мурсией и Валенсией и безжизненным плато и горами внутренних районов, но вода, за исключением непосредственной близости от рек, нигде не встречается в изобилии. На некоторых вершинах холмов можно увидеть дома, стены которых окрашены в красный цвет, потому что было признано более экономичным смешивать раствор с вином, чем доставлять туда воду для этой цели. Этот дефицит влаги является большим недостатком для некоторых районов в нижней части долины Эбро. Большая часть Барденас, Монегрос и террасы Каланды представляют собой безлесные степи. Холод и жара сменяют друг друга резко, независимо от сезона, и климат, несмотря на близость моря, носит вполне континентальный характер. Жаркие ветры, столь страшные для побережья Каталонии, дуют не из Африки, а с выжженных равнин Арагона.

Климат Каталонии, благодаря бризам, дующим со Средиземного моря, гораздо более равномерный, чем в Арагоне, и именно этому обстоятельству, а также различиям в расовом составе населения и более благоприятным условиям для торговли, эта провинция обязана своей ярко выраженной индивидуальностью.¹⁵⁵

Каталония, будучи открытой для вторжений как с моря, так и с суши, имеет гораздо более смешанное население, чем соседний Арагон. С другой стороны, завоеватель, однажды завладевший последним, не должен был бояться изгнания со стороны новоприбывших, и мавры удержались в Арагоне через триста лет после того, как были изгнаны из Барселоны.

Жители долины Эбро отличаются оскорбительной надменностью, медлительностью ума, приверженностью старым обычаям и суевериям, но в то же время они необычайно упорны, а их храбрость делает честь их кельтиберским предкам. Эти красивые широкоплечие мужчины, которые следуют за своими ослами по главным дорогам, с головой, укутанной шелковым платком, и талией, перевязанной фиолетовым поясом, всегда готовы к драке. До конца прошлого века было принято устраивать драки между деревнями просто из прихоти, и *рондассы*, термин, который сейчас используется для обозначения концертов под открытым небом, почти никогда не заканчивались без кровопролития. В мелочах арагонцы так же упрямы, как и в важных вопросах, и о них говорят, что они «забивают гвозди головой». На протяжении нескольких столетий арагонцы сражались с маврами, и короли, зависящие от поддержки народа « », были вынуждены подчиниться значительному

ограничению своей власти. Именно Филипп II Кастильский отменил эти древние провинциальные привилегии и обрек Арагон на жизнь в интеллектуальном застое.

Каталонцы так же самоуверенны, как и их соседи арагонцы; между ними часто возникают громкие ссоры, но они редко доходят до рукоприкладства. Говорят, что они менее тверды в характере, чем арагонцы, но им удалось сохранить провинциальную независимость гораздо дольше. Немногие города пережили больше осад, чем Барселона, и еще меньше городов оказали более доблестное сопротивление. Каталонцы, без сомнения, трудолюбивы. Они не только превратили орошаемые долины, выходящие к морю, в сады, но и взялись за засушливые горы, измельчив скалы и завезти туда почву с равнины, они заставили их давать виноград, оливки и зерно. Отсюда и пошло пословица: «Каталонец может превратить камни в хлеб». Однако сельское хозяйство не может полностью удовлетворить потребности столь густонаселенного региона, и Барселона с ее пригородами стала огромным промышленным центром, где производятся хлопчатобумажные, шерстяные и другие текстильные ткани, металлические изделия, химические препараты, стекло, бумага и различные другие товары. Провинция Барселона является главным центром хлопковой промышленности в Испании и вполне заслуживает того, чтобы ее называли испанским Ланкаширом.^{—156} Каталонцы — кочевой народ. Их можно встретить не только в каждой второй провинции Испании, но и во всех испанских колониях. Везде они славятся своей бережливостью, а на Кубе их ненавидят как соперников или хозяев креолы и негры.

Города Арагона и Каталонии представляют собой такой же контраст, как и жители этих двух провинций. Города первой провинции имеют торжественный и даже мрачный вид, в то время как живописные города приморской провинции полны суеты и веселья. Первые представляют собой средневековые, вторые — нашу современную эпоху.

Сарагоса (Zaragoza) удачно расположена в самом центре равнины Арагона. В ней есть мавританский алькасар (Aljaferia), который сейчас используется как казарма; любопытная наклонная башня, похожая на пизанскую; и прекрасные прогулочные аллеи, в том числе Сосо и тенистые дорожки. Но больше всего жители гордятся эпитетом «героический», который был присвоен их городу в результате доблестного сопротивления, оказанного им в 1808 и 1809 годах, когда они защищали не только свои дома, но и свою покровительницу, Деву Пилар.

В Сарагосе несколько широких проспектов были проложены через лабиринт извилистых улочек, но другие города провинции сохранили свой облик прежних дней. Хака, расположенная в верхней долине Арагона, между Пиренеями и Сьерра-де-ла-Пенья, с ее серыми домами, до сих пор сохраняет свои башенные стены и древнюю цитадель. Это старая столица королевства Собрарбе, но о ней вряд ли бы упоминали сейчас, если бы не ее расположение у подножия перевала Канфранк и соседний монастырь Ла-Пенья. Уэска, у подножия холмов, Оска римлян, напоминает о господстве аусков, или эускарианцев. Расположенный посреди орошаемой равнины, он по-прежнему имеет определенное значение. Он может похвастаться богато украшенным собором, заброшенными монастырями, старым королевским дворцом, в котором сейчас находится университет, и остатками башенной стены. Барбастро, расположенный недалеко от реки Синка, занимает положение, сходное с положением Уэски. Дорога через Сомпорт соединяет его с Францией.

Арабский город Калатаюд на реке Халон является вторым по значимости торговым городом Арагона и заменил Бильбилис иберийцев, который стоял на холме неподалеку. Один из его самых отвратительных пригородов полностью заселен нищими. Теруэль на реке Гуадалавиар, главный город Маестрасго, с его зубчатыми стенами и башнями,

напоминает средневековую крепость. Арабская башня церкви Санта-Мария-дель-Альбон () является одной из достопримечательностей «неизведанной» Испании, а акведук, пересекающий долину на 140 арках, является замечательным сооружением XVI века.

Несколько городов во внутренней части Каталонии выглядят столь же почтенно. «Гордая» Пучсерда (Puycerda), расположенная недалеко от французской границы, на верхнем течении реки Сегре, представляет собой не более чем скопление лачуг, окруженных валом. Сео-де-Ургель, расположенный в плодородной части той же долины, несомненно, имеет некоторое значение как крепость, но его улицы грязны, дома убоги, а глинобитные стены обветшали.

Рис. 169. — ДЕЛЬТА ЭБРО.
Масштаб 1 : 375 000.

Еще ниже по течению Сегре мы встречаем древний город Лерида, история которого восходит к доисторическим временам и который благодаря своему стратегическому положению всегда играл важную роль в военной истории. Сады Лерида поставляют много

продукции на экспорт, но город не сможет приобрести важное значение до тех пор, пока не будет построена франко-испанская прибрежная железная дорога.

Тортоса, живописный город чуть выше дельты Эбро, бывшая столица арабского королевства, контролирует один из проходов через Эбро, и его торговля могла бы увеличиться, если бы река предлагала больше возможностей для судоходства.

В римские времена Таррагона была крупным морским портом долины Эбро. Город имел тогда почти сорок миль в окружности, с аренами, амфитеатрами, дворцами, храмами и акведуками, а его население насчитывало сотни тысяч человек. Руины древнего Таррако были использованы при строительстве современного города с его неуклюжим собором, башнями, разрушенными валами и римским акведуком, пересекающим пригородные апельсиновые рощи. Промышленный город Реус можно считать его пригородом, и его население быстро растет. Рядом с ним находится монастырь Поблет, в котором хранятся останки королей Арагона.

Рис. 170. — СТЕПИ АРАГОНЫ.
По данным Виллкома. Масштаб 1 : 2 000 000.

БАРСЕЛОНА, ВИД С ЗАМКА МОНЖУЛЬ.

Между Таррагоной и Барселоной находится густонаселенная местность. Мы проезжаем через плодородный район Эль-Панадес, столь же плодородную долину, орошаемую красноватыми водами реки Льобрегат, с быстро сменяющимися друг друга городами и деревнями, пока не добираемся до пригородов Барселоны. Сам город расположен на берегу моря, у подножия укреплений, венчающих крутые высоты Монжуика. К востоку от города находится еще одна цитадель огромных размеров, однако последний спокойно покоемся под ее батареями, которые легко могут превратить его в пепел. Барселона гордится тем, что является великим городом развлечений Испании. Ее население меньше, чем в Мадриде, но здесь больше театров и концертных залов. Театральные представления здесь высшего класса, а вкусы людей более утонченные. Общественные променады, такие как Рамбла, занимающая русло древнего потока, морские дамбы и аллеи деревьев, отделяющие Барселону от цитадели и пригорода Барселонета, в хорошие вечера переполнены людьми. Барселона, без сомнения, является «единственным городом» Сервантеса и, возможно, «домом вежливости и доблестных людей», но мы сомневаемся, что она является «общим центром всех искренних дружеских отношений». Барселона превосходит все другие города Испании по объему торговли.—¹⁵⁷ Гавань подвержена южным ветрам и несколько труднодоступна. Барселона постоянно обновляется. Здесь есть широкие улицы с однотипными домами, а некоторые кварталы, такие как Барселонета, расположенные на языке суши к востоку от порта, построены с такой же регулярностью, как и американские города. Единственными примечательными архитектурными памятниками являются готический собор и старый дворец Инквизиции. Но вокруг города, за пригородами с их фабриками и жилищами рабочих, мы встречаем многочисленные виллы, занимающие очаровательные уголки в зеленых долинах или на крутых склонах холмов. В Испании нет более очаровательного района, чем тот, что находится к северу от Барселоны и Бадалоны и

простирается до Масноу, Матаро и реки Тордера. Мысы, покрытые виноградниками, соснами и пробковыми дубами (), а иногда увенчанные руинами замка, выступают в море; долины усажены садами, окруженными изгородями из алоэ; города и деревни следуют друг за другом; на пляжах видны лодки и сети рыбаков.

Большинство городов провинции Барселона подражают промышленности столицы. Игуалада, у подножия Монсеррата; Сабадель, в долине, полной фабрик; Тарраса, старинный римский город, рядом с которым находятся знаменитые термы Ла-Пуда; Манреса, на ручье Кардонер; Вич, старинный примациальный город Каталонии; и Матаро, на побережье, — все они славятся производством тканей, белья, шелка, хлопчатобумажных изделий, лент, кружева, кожи, шляп, фаянса, стекла или бумаги. Производственная промышленность также распространилась на соседнюю провинцию Жирона, в частности на город Олот, но близость французской границы, контрабанда и наличие крупных гарнизонов в крепостях Жирона и Фигераса помешали ее развитию. Жерона пережила много осад, а Фигерас, несмотря на свою огромную цитадель, неоднократно захватывался. Стены Росаса рушатся, а все следы греческого города Эмпорион были погребены под наносами реки Флувия, но он все еще живет в названии окружающего района Ампурдан.¹⁵⁸

Гребень Пиренеев в основном составляет политическую границу между Францией и Испанией, но из этого правила есть исключения. На западной оконечности горной цепи преимущество за Испанией, поскольку долина Бидассоа на французском склоне принадлежит ей; но Франция компенсирует это на востоке владением горой Канигу и долиной Верхней Сегре. Однако, как правило, Испания выигрывает в этой сделке, и это вполне естественно, поскольку Пиренеи наиболее доступны с юга, а население там более плотное. Пастухи Арагона и баскских провинций никогда не упускали возможности завладеть пастбищами на северных склонах гор, и эти посягательства впоследствии были ратифицированы международными договорами.

Долина Аран, расположенная в самом сердце Пиренеев, является одним из таких бескровных завоеваний Испании. Французская Гаронна берет начало в этой долине, но ущелье, через которое она выходит из нее, очень узкое и легко перекрывается. До XVIII века аранцы пользовались фактической независимостью; и поскольку они отрезаны от остального мира горами, покрытыми снегом большую часть года, эти 21 000 горцев, по-видимому, имеют больше прав на создание независимой республики, чем любой другой народ в Европе.

Далее на восток находится еще одна горная долина, которая, по крайней мере номинально, образует независимую республику. Это Андорра, территория площадью 230 квадратных миль с 6000 жителей. За исключением нескольких пастбищ на французском склоне, вся долина орошается красивой рекой Эмбалира, или Валира, которая впадает в Сегре на улыбающейся равнине Сео-де-Ургель. Большинство гор Андорры лишились своих деревьев, и уничтожение немногих оставшихся лесов продолжается. Растительный покров быстро смывается, а морены древних ледников постепенно сползают по горным склонам.

Говорят, что республика Андорра обязана своим существованием поражению сарацин Карлом Великим или Людовиком Дебонаром, но на самом деле до Французской революции долина не обладала никакими суверенными правами. Она была баронством графов Ургеля и

Арагона. В 1278 году было решено, что Андорра должна находиться в совместном владении епископов Ургеля и графов Фуа. В 1793 году Французская республика отказалась принимать традиционную дань, а в 1810 году испанские кортесы отменили феодальный режим. Таким образом, Андорра стала независимым государством. Однако жители продолжают управлять собой в соответствии со старыми феодальными обычаями, которые совершенно несовместимы с принципами современных республик. Земля принадлежит нескольким семьям. Существует закон о майорате, и младшие братья становятся слугами главы семьи, гостеприимством которого они пользуются только при условии, что будут работать на него. Десятина была отменена только в 1842 году. «Свобода» этих горцев заключается лишь в освобождении от испанской воинской повинности и безнаказанности за контрабанду; а для увеличения своих доходов они недавно открыли игорный стол. Их законный бизнес заключается в скотоводстве, а также есть несколько кузниц и шерстяная фабрика.

Республика Андорра признает двух сюзеренов, а именно епископа Ургеля, который получает ежегодную дань в размере 25 фунтов стерлингов, и французское правительство, которому выплачивается двойная сумма. Испания и Франция представлены двумя проректорами, а комендант Сео-де-Ургеля исполняет функции вице-короля. Провосты командуют милицией и назначают приставов, или судей. Они, вместе с судьей апелляционной инстанции, поочередно назначаемым Францией и Испанией, и двумя *рахонадорами*, или защитниками привилегий Андорры, образуют Кортесы. Каждая приходская община управляется консулом, вице-консулом и двенадцатью советниками, избираемыми главами семей. Генеральный совет, в который входят консулы и делегаты приходов, собирается в деревне Андорра. Но, несмотря на эти фикции, Андорра является неотъемлемой частью Испании, и карабинеры никогда не колеблются пересекать границы этой фиктивной республики. По языку, манерам и обычаям андоррцы являются каталонцами. Освобождение от войны позволило им стать относительно богатыми. Они умны и хитры и хорошо умеют притворяться удивленными, когда на карту поставлены их интересы. Притворяться дураком, чтобы кого-то обмануть или избежать ловушки, соседи называют «играть в андоррца». Андорра, аккуратная деревня, является столицей территории, но Сан-Хулия-де-Лория — самое важное место и штаб-квартира контрабандистов.

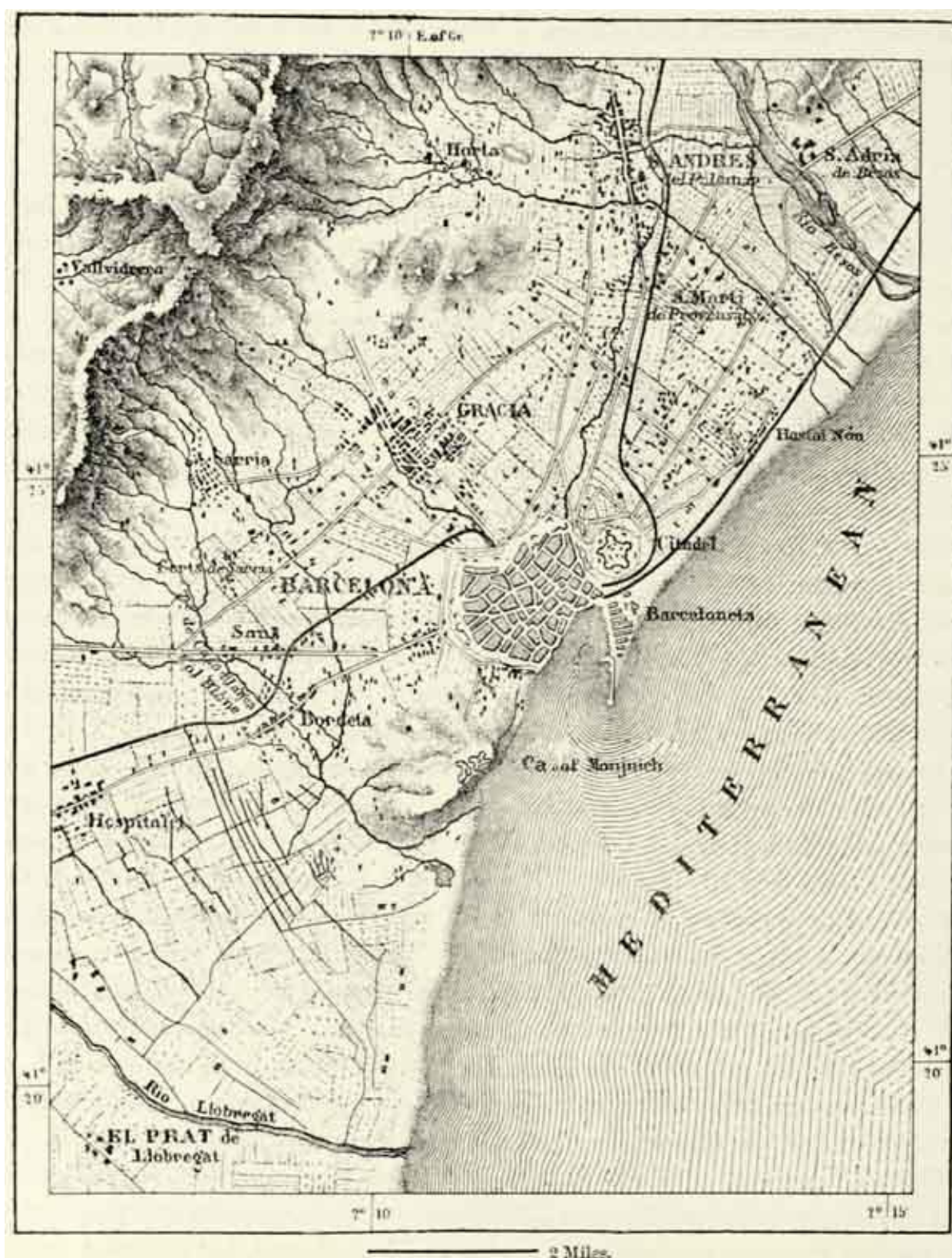
Баскские провинции (Vascongadas) и древнее королевство Наварра, хотя и составляют едва ли тридцатую часть Испании, образуют отдельный регион не только из-за своего географического положения, но и потому, что в основном заселены особой расой, имеющей свой язык, нравы и политические институты.

С высоты птичьего полета холмы, соединяющие Пиренеи с Кастильским плато, напоминают море, бушующее под воздействием противоположных ветров, поскольку здесь нет заметных горных хребтов. Даже Пиренеи опустились до средней высоты 3000 футов, а Лохихульц (3973 фута), где они перестают образовывать границу, едва ли заслуживает называться горой. Они простираются оттуда до перевала Аспироз (1860 футов), где заканчиваются. Неясная гряда за ним известна как Сьерра-де-Аралар (4330 футов), а еще дальше на запад — под различными местными названиями. Эти горы пересекают несколько невысоких перевалов, облегчающих сообщение с долиной Эбро, наиболее важным из которых является перевал Ордунья (2134 фута), через который проходит железная дорога из Бильбао в Миранду и над которым возвышаются гора Пенья Горбеа (5042 фута) и Сьерра Сальвада (4120 футов).

Отроги, спускающиеся с этих гор к Бискайскому заливу, также имеют очень неровные очертания. Большинство из них соединены поперечными цепями, через которые реки с трудом проложили себе выход к морю. Например, Бидассоа течет далеко на юг, через долину Бастан, прежде чем повернуть на север, в направлении своего устья в Фуэнтэррабии. Внутри своего огромного изгиба она охватывает отделенную часть Пиренеев, главной вершиной которой является знаменитая гора Мон-ла-Рун (2954 фута) на французской границе. Столь же изолированной является гора Жаизкибель (1912 футов), которая возвышается над равнинами Ируна, недалеко от устья Бидассоа, и с вершины которой открывается вид несравненной красоты. Она заканчивается мысом Игер, или Фигер, самой северной точкой Кантабрии.

Морской склон Страны Басков представляет собой большое разнообразие геологических образований, включая юрские известняки и мел, граниты и порфиры. Минеральные ресурсы огромны; медь и свинец встречаются в изобилии, но главное богатство — это железо. Шахты Мондрагона в Гипускоа давно известны, но самым продуктивным горнодобывающим районом является Соморростро, к западу от Бильбао.

Рис. 171. ОКРЕСТНОСТИ БАРСЕЛОНЫ.
Масштаб 1:100 000.

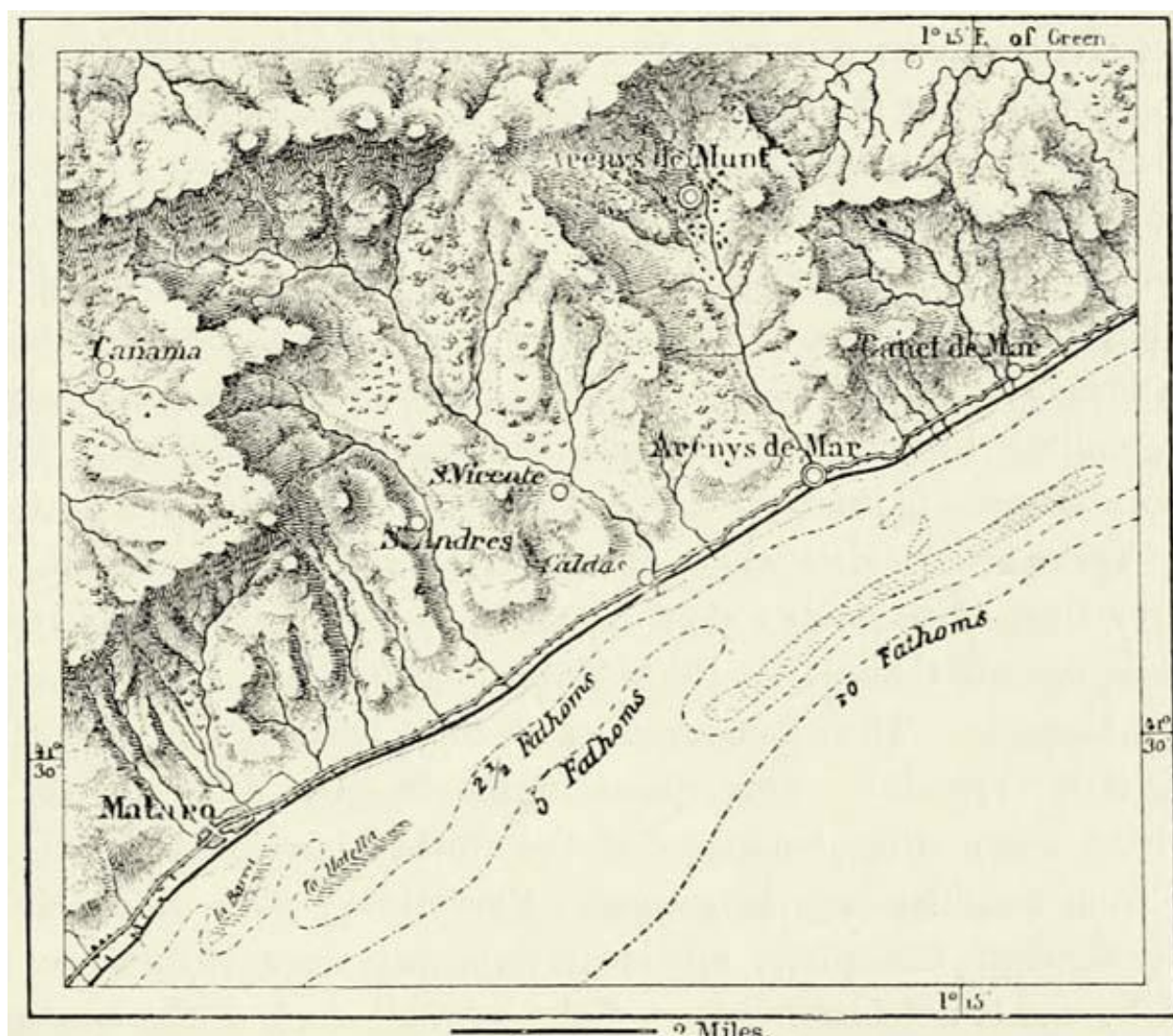

УЩЕЛЬЯ ПАНКОРБО.

Сьерры Арагона, проходящие параллельно Пиренеям, простираются также в Наварру и Страну Басков и часто соединяются с главным хребтом боковыми ответвлениями. К западу от Памплоны они распростерлись в виде изрезанного плато, увенчанного Сьерра-де-Андия (4769 футов), лабиринтообразные ответвления которого занимают район Амескуас, регион, предлагающий большие преимущества для партизанской войны. Южная цепь, не столь четко очерченная, ограничивает Карраскаль, или «страну вечнозеленых дубов», на юге. Этот регион также часто становился ареной гражданской войны. Дальше на запад знаменитый ущелье Панкорбо ведет через Монтес-Обаренес (4150 футов) к плато Кастилии. Седловина Альсасуа (1955 футов), через которую проходит железная дорога из Витории (1684 фута) в Памплону (1378 футов), соединяет Пиренеи с Сьерра-де-Андия, а горы провинции Логроньо они являются отрогами горных массивов, образующих северную границу этого плато, а именно: Сьерра-де-ла-Деманда на западе и Сьерра-де-Себольера на востоке, последняя из которых дает начало Сьерра-де-Камеро.

Некоторые горные районы довольно кастильские по своей суровости и голоте, так как леса были вырублены для питания железных печей. В южной Наварре мы встречаем настоящие пустыни. Но в Стране Басков и западной Наварре, где выпадает много осадков, холмы покрыты лесами, долины — дерном, а ручьи извиваются среди рощ бузины. Голые обрывы из песка или известняка хорошо контрастируют с этой зеленью, из которой выглядывают маленькие белые домики деревень, утопающих в садах и разбросанных по долинам и склонам холмов.

В Бискайском заливе часто дуют влажные северо-западные ветры, что объясняет равномерную температуру в стране. Дожди идут обильно и во все сезоны. Климат напоминает ирландский и, хотя и влажный, он здоров и очень благоприятен для роста растительности. Страна богата зерном, вином, маслом и скотом; северные склоны покрыты всевозможными фруктовыми деревьями, а *загардуа*, или сидр, является любимым напитком; а в более отдаленных долинах Пиренеев мы встречаем одни из самых великолепных лесов Испании. Лес Валь-Карлос (долина Карла Великого), расположенный недалеко от знаменитого перевала Ронсевальес, или Ронсесвальес, хотя и не является одним из самых больших, славится своей красотой и легендарными ассоциациями.

Кто такие баски, чья храбрость является традиционной? Каково их происхождение? Каковы их отношения с другими народами Европы? На все эти вопросы невозможно ответить. Баски — загадочная раса, которая не может претендовать на родство с каким-либо другим народом. Даже не известно наверняка, все ли, кто носит это имя, принадлежат к одной расе. Типичного баска не существует. Без сомнения, большинство жителей этой страны отличаются тонкими чертами лица, яркими и твердыми глазами и хорошо сложенными телами, но различия в росте, форме черепа и чертах лица очень значительны. Между басками и басками различия так же велики, как между испанцами, французами и итальянцами. Есть высокие и низкие, смуглые и светлокожие, с длинными и широкими черепами, и почти каждый район имеет свой особый тип. Решение этой проблемы с каждым

днем становится все более сложным, поскольку в результате постоянного смешения с соседями первоначальный тип, если он действительно существовал, постепенно стирается. Возможно, что в далеком прошлом остатки различных рас занимали эту страну и переняли язык наиболее цивилизованной из них. Примеры такого рода встречаются у всех народов.

Не принимая во внимание различия между басками Испании и басками французской Наварры, басков можно охарактеризовать как людей с широким лбом, прямым носом, красивой формой рта и подбородка и пропорциональной фигурой. Их черты лица чрезвычайно подвижны, и каждое чувство отражается на них в виде оживления глаз, движения бровей или дрожи губ. Женщины особенно отличаются чистотой черт лица; их большие глаза, улыбающиеся губы и тонкие талии вызывают всеобщее восхищение. Даже в городах, где раса менее чиста, большинство из них поразительно красивы и полны грации. Есть районы, где ожирение является настоящим явлением. Мужчины и женщины ведут себя благородно; они вежливы с незнакомцами, но всегда достойно.

Баски называют себя Euskaldunak, или Euskarians, а свой язык — Euskara, или Eskuara. Точное значение этих терминов неизвестно, но, по всей вероятности, это «речь». Эта речь басков отличается своими словами и структурой от всех других языков мира, но многие слова были заимствованы из соседних языков. Все, с чем они познакомились через иностранцев, все идеи, заимствованные с доисторических времен, обозначаются словами, не входящими в исходный запас языка. Даже названия домашних животных и металлов имеют иностранное происхождение. Этот язык, возможно, можно отнести к полисинтетическим языкам американских индейцев или к агглютинативным языкам Алтая и, следовательно, он относится к самому отдаленному периоду истории человечества. Что касается самих басков, то они заявляют, что их язык превосходит все другие, и, по мнению некоторых, именно на эускара человек впервые поприветствовал солнце.

На данный момент мы вынуждены рассматривать басков как последний остаток древней расы. Не хватает доказательств того, что эускалдунаки ранее занимали гораздо более обширную территорию. Ни памятники, ни надписи, ни даже легенды не дают нам подсказки об этом, но мы находим ее, спустя тысячи лет, в названиях гор, рек и городов. Названия на эускарском языке встречаются в пиренейских долинах Аран, Бастан, Андорра и Кероль, а также на равнине к северу от них.

Рис. 173. ДОЛИНА АНДОРРЫ.
Масштаб 1 : 375 000.

Большинство авторов, пишущих об Испании, отождествляют этих эускарцев с древними иберами и считают их авторами различных надписей на монетах, написанных неизвестными буквами (), которые были обнаружены в Испании и на юге Франции и

которые, как показал М. Будар, действительно являются эускарскими. Таким образом, они, должно быть, занимали всю полуостров и юг Франции, и даже в Африке были обнаружены следы их присутствия.

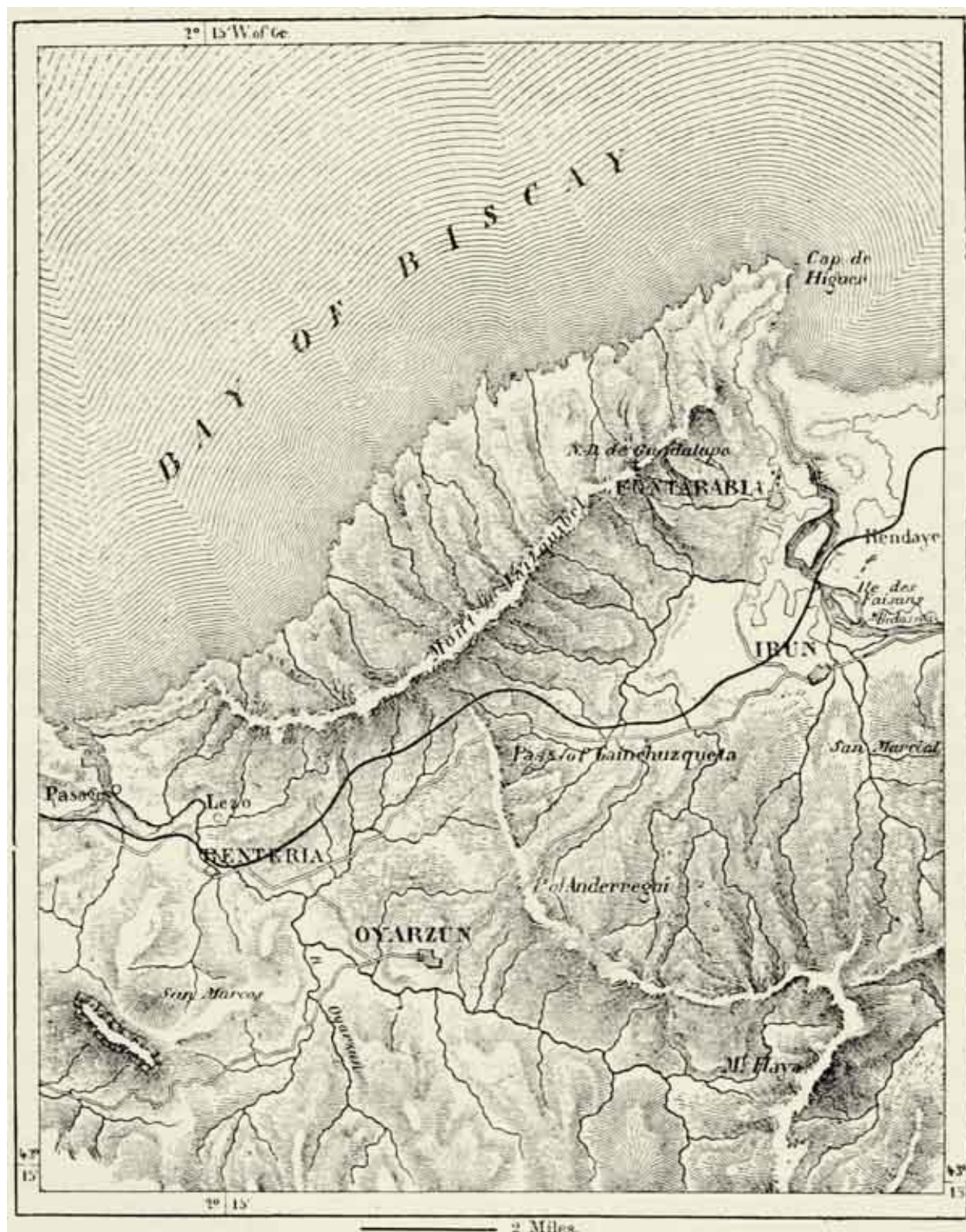
Площадь территории, занятой баскскоязычным населением во времена римлян, неизвестна, но, вероятно, она не была больше, чем сейчас, поскольку эускары с тех пор сохраняли свою независимость, и ничто не заставляло их принимать язык своих презируемых соседей. Бильбао почти стал испанским, как и города на равнине Алава. Пампелуна, Ирун иберийцев, является эускарской лишь по исторической традиции, в то время как дальше на восток на баскском языке говорят только в верхних долинах Ронсевала, Орбайсета, Очагавия и Ронкаля. Вершина Ание обозначает крайнюю границу баскского языка на обоих склонах Пиренеев. Из четырех эускарских провинций только в одной — Гипускоа — преобладает баскский язык, но даже в этой провинции жители городов Сан-Себастьян и Ирун говорят на кастильском. На юге Наварры и в так называемых баскских провинциях жители с незапамятных времен говорят на латинском диалекте. Испанский и французский языки медленно, но верно вытесняют баскский, и время, когда он уйдет в прошлое, не за горами.¹⁶⁰

Страбон говорит о кантабрийцах, прямых предках басков, с восхищением, граничащим с ужасом. Их храбрость, любовь к свободе и презрение к жизни он считал сверхчеловеческими качествами. В своих войнах против римлян они убивали друг друга, чтобы избежать плена, матери душили своих детей, чтобы избавить их от унижения рабства, а пригвожденные к кресту пленники раздавали победные крики. Баскам никогда не доставало мужества. История показывает, что они превосходили окружающие народы в честности, щедрости, любви к независимости и уважении к личной свободе. Крепостные соседних провинций считали их дворянами, поскольку в своем униженном положении они воображали, что личная свобода является привилегией дворянства. Однако это равенство существовало только в Гипускоа и Бискайе, в то время как в Алаве и Наварре, где мавры закрепились, а кастильское влияние проявилось позже, возникло феодальное дворянство с его обычным сопровождением вассалов и крепостных. Тем не менее, все провинции ревностно следили за своими местными привилегиями. В период, когда европейская история была одной непрерывной чередой войн, баски жили в мире. Их небольшие общины были объединены в братскую конфедерацию, что позволяло им сопротивляться захватчикам. Они были обязаны жертвовать жизнью и имуществом в защиту своей общей родины, а на их знаменах было изображено три соединенные руки и девиз «*Irurak bat*», то есть «Три (провинции) — это одно целое».

Ничто так ярко не демонстрирует сравнительную цивилизованность этих эускарийцев, как их уважение к личной свободе. Дом баска был неприкосновенным, и его нельзя было лишиться лошади или оружия. На национальных собраниях все имели право голоса, а в некоторых долинах даже женщинам разрешалось участвовать в обсуждениях. Однако женщинам не было принято садиться за один стол с *etchecho-jauna*, или хозяином дома, и его сыновьями; они принимали пищу отдельно, у камина. Этот старинный обычай до сих пор соблюдается в сельских районах; и сила традиции настолько велика, что жена почти считала бы за позор сидеть рядом с мужем в любой другой день, кроме дня своей свадьбы. В праздничные дни женщины держатся отдельно; они танцуют между собой, позволяя мужчинам заниматься более грубыми видами спорта. Если судить о народе по его развлечениям, то баски заслуживают высокого места в нашей оценке. Они любят

спортивные состязания, а мистерии и пасторальные пьесы до сих пор ставятся под открытым небом.

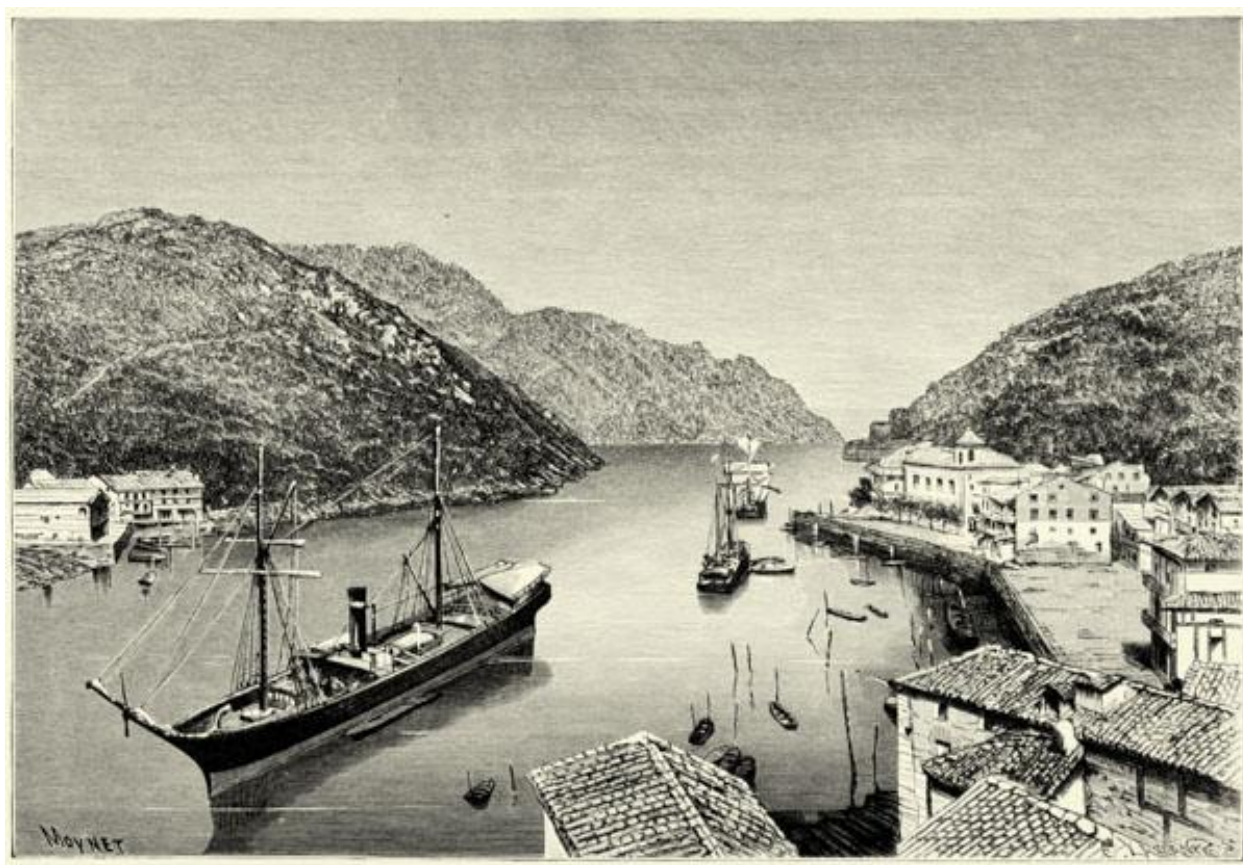
Рис. 174. — JAIZQUIBEL.
Масштаб 1:200 000.

Но у басков есть и свои недостатки. Стремясь сохранить свои древние привилегии, или *фуэрос*, они стали поборниками деспотизма. Эти фуэрос датируются 1332 годом, когда депутаты из провинций отправились в Бургос и предложили титул лорда Альфонсо Судье, королю Кастилии. В соответствии с заключенным тогда договором, монарху запрещается владеть какими-либо крепостями, деревнями или даже домами на территории эускарейцев. Баски освобождены от воинской повинности, а их ополченцы, или *микелеты*, остаются в пределах провинций, за исключением военного времени. Налоги могут взиматься только с согласия провинциальных хунт и должны расходоваться в пределах провинций, за исключением тех, которые могут быть предоставлены в качестве «подарка». Торговля не подвергается таким же ограничениям, как в остальной части Испании, и нет монополий. Муниципалитеты пользуются абсолютным самоуправлением, осуществляемым алькальдом, *аунтаменьто*, или городским советом, и *парентес майорес*, или старейшинами. На первый взгляд эта организация выглядит довольно демократичной, но на самом деле существует много феодальных обычаев. В некоторых местах городские советы избираются самостоятельно; в других они избираются лицами, уплачивающими определенную сумму налогов, или дворянами определенной категории; в третьих же они назначаются помещиком. Провинциальные хунты избираются самыми разными способами. Избирательное право, далеко не являясь всеобщим, является привилегией, и его осуществление сопровождается детскими формальностями. Законы старшинства строго соблюдаются.

Совершенно очевидно, что исключительное положение баскских провинций не может сохраняться. Наварра была ассимилирована с остальной Испанией в 1839 году, и этот процесс неудержимо продвигается в других провинциях. Если потомки эускаров отказываются делить свободные институты с остальной Испанией, они никогда не смогут сохранить их для себя. Уже дважды они потерпели поражение в вооруженной борьбе, но более сильным, чем война, является влияние, оказываемое промышленностью, торговлей и расширением возможностей для межобщинного общения. Это слияние ускоряется эмиграцией и миграцией, поскольку баски не только ищут работу зимой в более гостеприимных низменных районах, но и эмигрируют тысячами. Они очень клановые и в Мадриде и других местах основали «патриотические общества», но, несмотря на это, они скоро смешиваются с остальным населением. Немногие города в основном заселены пришельцами, поскольку баски предпочитают сельскую жизнь. Их усадьбы разбросаны по склонам холмов и долинам, и под дубами перед ними жители собираются после дневной работы, чтобы провести время за музыкой и танцами.

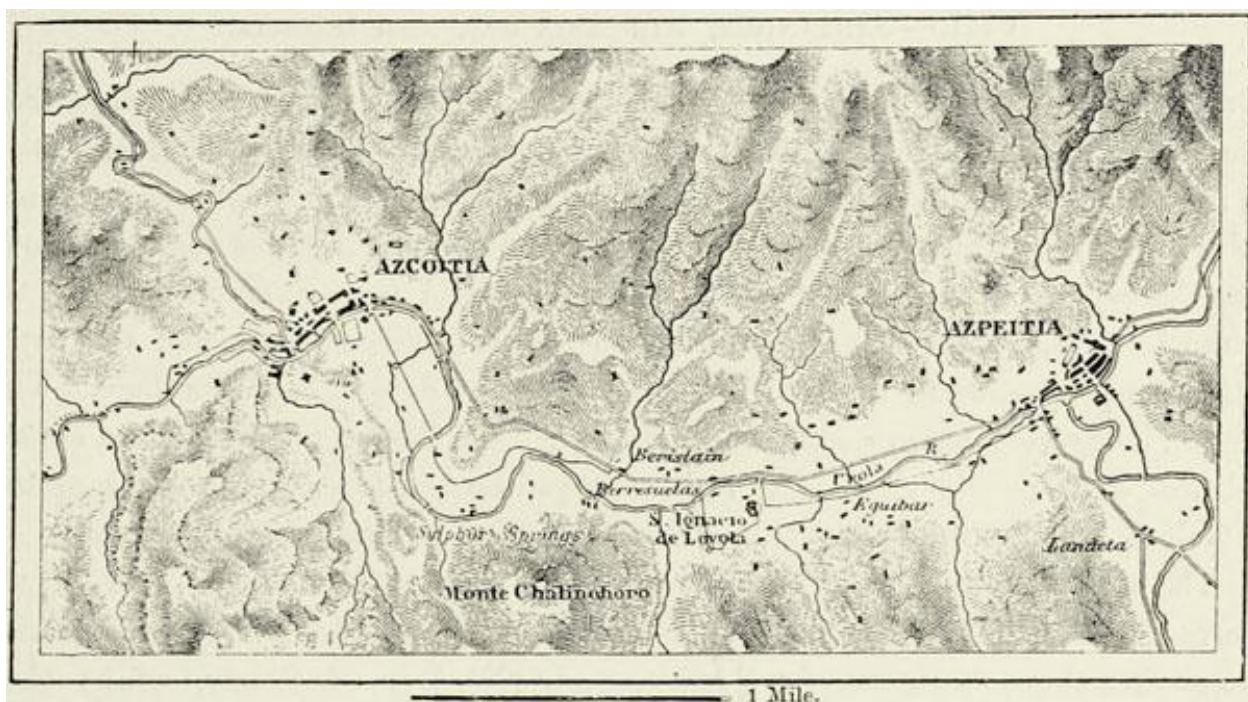
Бильбао, крупнейший город баскских провинций, всегда был конкурентом Валенсии, Сантандера и Кадиса. Его экспорт состоит в основном из железной руды из соседних рудников. Большинство его жителей — испанцы, и во время карлистских войн окрестности города часто окрашивались кровью. Именно под его стенами карлистский лидер Сумалакарреги получил смертельное ранение. Река Нервион соединяет Бильбао с его гаванью в Португалете.

ЛОС-ПАСАХЕС.

Сан-Себастьян, крупнейший город Гипускоа, также является испанским. Это морской порт и крепость, защищаемая кастильским гарнизоном, по своему облику и языку напоминающий города внутренних районов полуострова. Монте-Оргульо (475 футов), увенчанный замком де ла Мота и усыпанный укреплениями; красивая бухта Ла-Конча к западу от города с прекрасным пляжем; река Урумеа, протекающая к востоку от цитадели и впадающая в море, где она сражается с морской пеной; тенистые аллеи и амфитеатр зеленых холмов, усеянных деревьями, делают Сан-Себастьян восхитительным местом, излюбленным курортом измученных и праздных космополитов. Сам город не представляет интереса, так как после его разрушения англичанами в 1813 году он был восстановлен с монотонной регулярностью. Его гавань, хотя и посещается прибрежными судами, мелкая и небезопасная. Великолепная бухта Пасагес, к востоку от города, могла бы быть преобразована в великолепную гавань, но ее огромные преимущества так и не были оценены, и ее устье теперь закрыто отмеем, принесенной рекой Оясун.

Рис. 175. — АЗКОИТИЯ И АЗПЕЙТИЯ.
Масштаб 1:50 000.

Очаровательная Фуэнтеррабия (Фонтарабия) с ее домами, украшенными гербами, также отрезана от моря отмелью и обязана своим значением морским купальням и близости Франции, которую можно увидеть из-за ее разрушенных стен. Ирун, конечная станция испанских железных дорог, расположенная недалеко от французской границы, является важным стратегическим пунктом; а Толоса с ее фабриками — столица Гипускоа. Зарауз, Гуэтария (на перешейке полуострова) и Лекеитио — морские курорты. В Зумае, у устья долины Урولا, находятся карьеры гипса, из которого получают превосходный цемент. Недалеко от Вергары находятся железистые источники и знаменитый колледж, основанный в 1776 году Баскским обществом. Здесь был подписан договор, положивший конец первой карлистской войне в 1839 году. Дуранго также часто упоминается в связи с гражданскими войнами, происходившими на севере Испании. Герника в Бискайе может похвастаться дворцом правосудия и старым дубом, под которым обычно собирается законодательный орган, но, как и все другие баскские города, она едва ли больше, чем деревня.

На южном склоне Пиренеев населенных пунктов не больше. Витория, столица Алавы, расположенная на железнодорожной линии, соединяющей Мадрид с Парижем, является торговым и промышленным городом. Памплона, или Пампелуна, напоминает о Помпее, который ее перестроил. Это крепость, часто осаждаемая и захватываемая. Ее собор — один из самых красивых в Испании. Тафалья, «цветок Наварры», древняя столица королевства, имеет руины дворца, который Карлос Благородный, построивший его, хотел соединить крытой галереей с дворцом Олите, расположенным в трех милях ниже по той же долине. Пуэнте-ла-Рейна славится своими винами. Эстелья, один из самых очаровательных городов Наварры, контролирует несколько дорог, ведущих в Кастилию и Арагон, и поэтому имеет значительное стратегическое значение. Карлисты во время последней войны превратили его в грозную крепость.

Тудела, богатая винами, Калаорра и Логроньо, все расположенные в соседней провинции Логроньо, также имеют определенную ценность с военной точки зрения, поскольку контролируют переходы через Эбро. Калахорра с ее гордым девизом «Я победил Карфаген и Рим» была великим оплотом обороны, когда Серторий сражался с Помпеем, но за свой

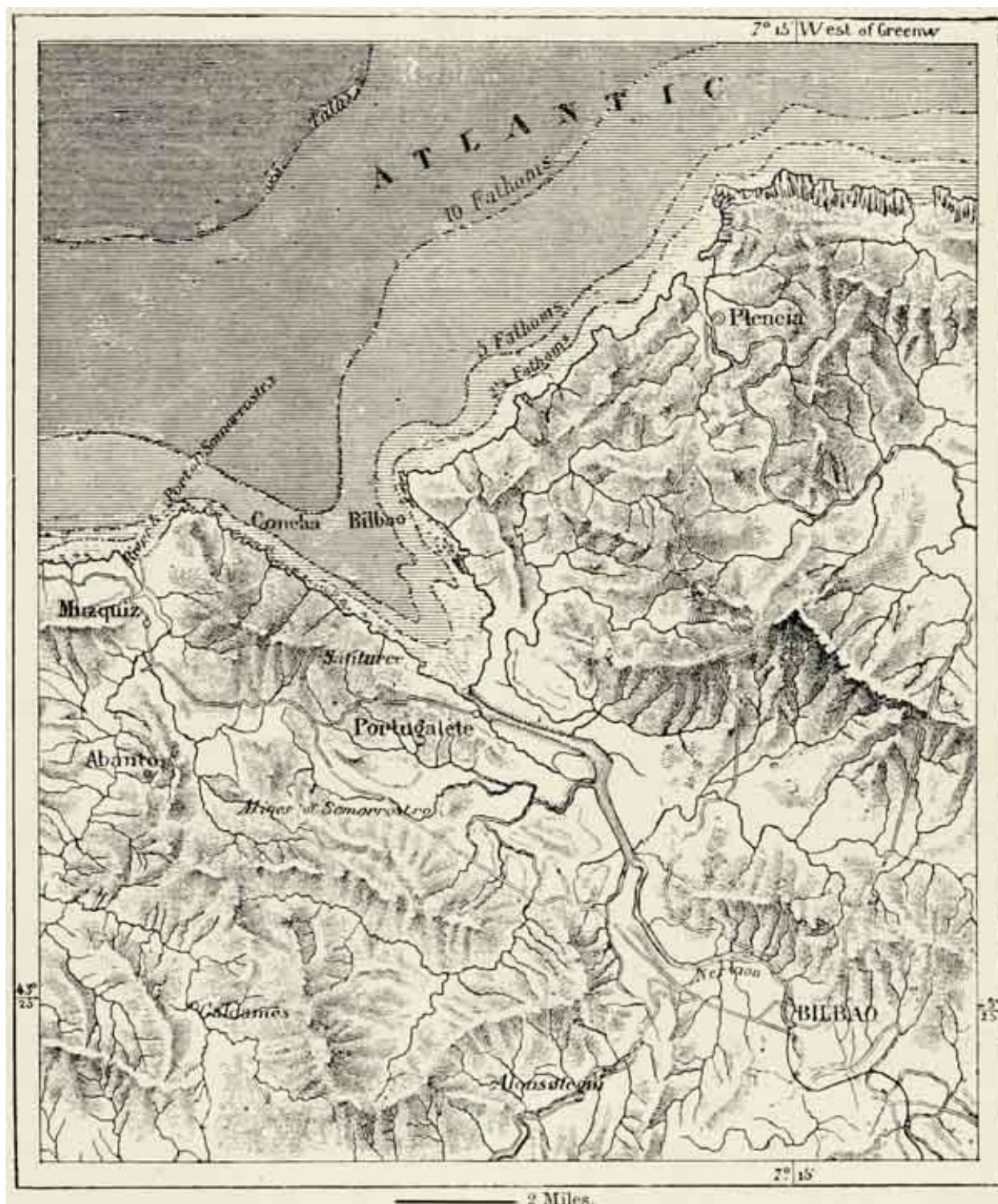
героизм она дорого заплатила. Осажденные римлянами, ее защитники, вынужденные голодом (), питались своими женами и детьми, и большинство из них погибли. Хотя Калахорра расположена в плодородном районе Риоха, за пределами границ эускарского языка, ее история тесно связана с историей баскских провинций, поскольку на ее древних законах были основанные фуэрос Алавы. [161](#)

VIII. — САНТАНДЕР, АСТУРИЯ И ГАЛИСИЯ.

Атлантический склон Кантабрийских Пиренеев — это регион, полностью отличающийся от остальной части Испании. Горы, холмы, долины и проточные воды сменяют друг друга в бесконечном разнообразии, а побережье на всем протяжении крутое, с отважными мысами и глубокими заливами, в которые впадают быстрые потоки. Климат влажный и здоровый. Кельто-иберийские жители этой страны в большинстве случаев избежали беспорядков, которые опустошили другие провинции полуострова, и население, пропорционально площади пахотных земель, здесь более плотное, чем где-либо еще. Этот регион, будучи очень узким по сравнению с его длиной, был разделен на несколько политических единиц, несмотря на сходство физических характеристик. Старое королевство Галисия занимает запад, Астурия — центр, а Сантандер — восток.¹⁶²

Горный регион Сантандера начинается сразу к востоку от Сьерра-Сальвада и впадины, известной как Валье-де-Мена. Кантабрийские горы круто спускаются к Бискайскому заливу, в то время как их высота над возвышенностью, через которую протекает Эбро, незначительна. Пуэрто-дель-Эскудо достигает высоты 3241 фут над Сантандером, а его южный спуск к долине Вирга едва превышает 500 футов. Еще более характерным является перевал Рейноса (2778 футов), расположенный дальше на запад, через который проходит железная дорога из Мадрида в Сантандер. Почти незаметная возвышенность отделяет плато от крутого склона, ведущего к побережью, и с помощью канала глубиной 60 футов и длиной в милю воды Эбро можно было бы отвести в реку Бесайя, которая впадает в Атлантический океан в Сан-Мартин-де-Суансес. Эта возвышенность образует естественный выход Кастилии к морю, и ее владение столь же важно для жителей плато, как владение устьем реки для народа, живущего на ее верхнем течении.

Рис. 176. ОКРЕСТНОСТИ БИЛЬБАО.
Масштаб 1:200 000.

Сразу к востоку от этого перевала вид гор меняется. Они поднимаются на большую высоту, пронзая зону вечных снегов, а их южные откосы очень крутые. Пенья Лабра (8295 футов) возвышается над первой из этих горных массивов. С него во всех направлениях спускаются реки: Эбро на востоке, Писуэрга на юге и Нанса, или Тинаменор, на северо-западе. Дальше на запад гора Пенья-Приета поднимается на высоту 8295 футов, ее снега питают реки Каррион и Эсла. На севере она соединяется с еще более значительным горным массивом, который носит любопытное название Пеньяс-де-Европа, или «скалы Европы», и достигает своей высшей точки в Торре-де-Серредо (8784 фута), покрытой снегом в течение всего года и даже имеющей несколько ледников из-за чрезмерного количества осадков.

Рис. 177. — САН-СЕБАСТЬЯН.
Масштаб 1 : 30 000.

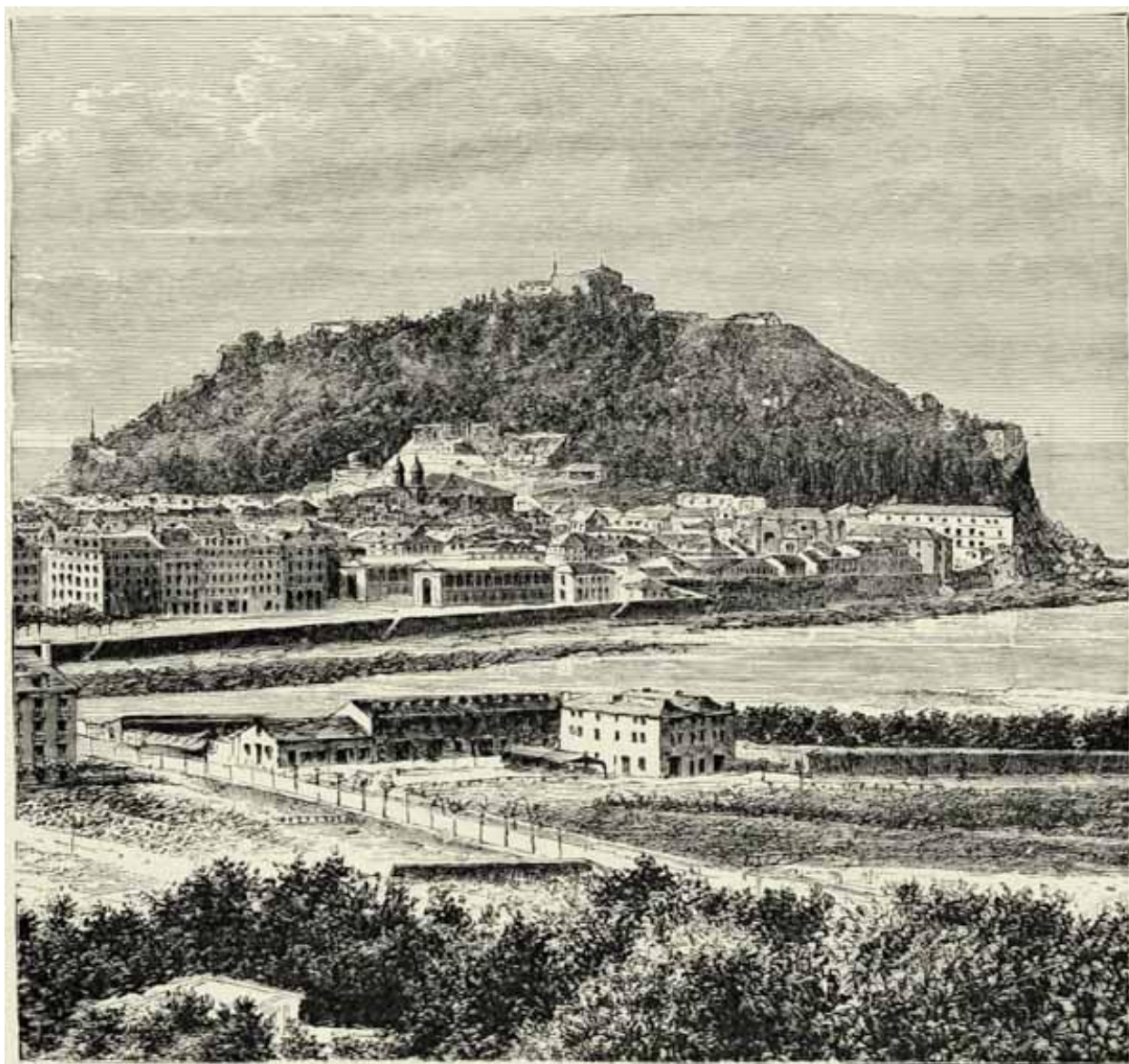

Долина Ла-Лиебана, расположенная у восточного подножия Пеньяс-де-Европа, напоминает огромный котел необычайной глубины. Закрытая с запада, юга и востока огромными обрывами, возвышающимися на высоту 6500 футов, она закрыта с севера поперечной цепью, через которую воды Лиебаны прорыли себе узкий проход. Деревня Потес, расположенная в центре этой долины, находится на высоте всего 981 фут над уровнем моря. В Сантандере и Астурии, даже чаще, чем в Стране Басков, мы встречаем вторичные цепи, идущие параллельно побережью. Они состоят из триасовых, юрских и меловых пород и возвышаются как передовые оборонительные стены перед главным горным хребтом, состоящим из силурийских сланцев, поднятых гранитом. В результате этого течение рек является весьма неравномерным. Покидая верхние долины, где они часто образуют каскады, их дальнейшее течение останавливается этими параллельными хребтами, и они извиваются на восток и запад, пока не находят выход, через который могут уйти.

Две воронкообразные долины Вальдеон (1529 футов) и Сахамбре заключены между отрогами Пеньяс-де-Европа. Их потоки впадают в Бискайский залив, но они наиболее легко доступны с плато. Далее на запад горы становятся ниже, и их главный хребт постепенно отступает от побережья. Здесь их пересекает перевал Пахарес (4471 фут), соединяющий Леон с Овьедо.

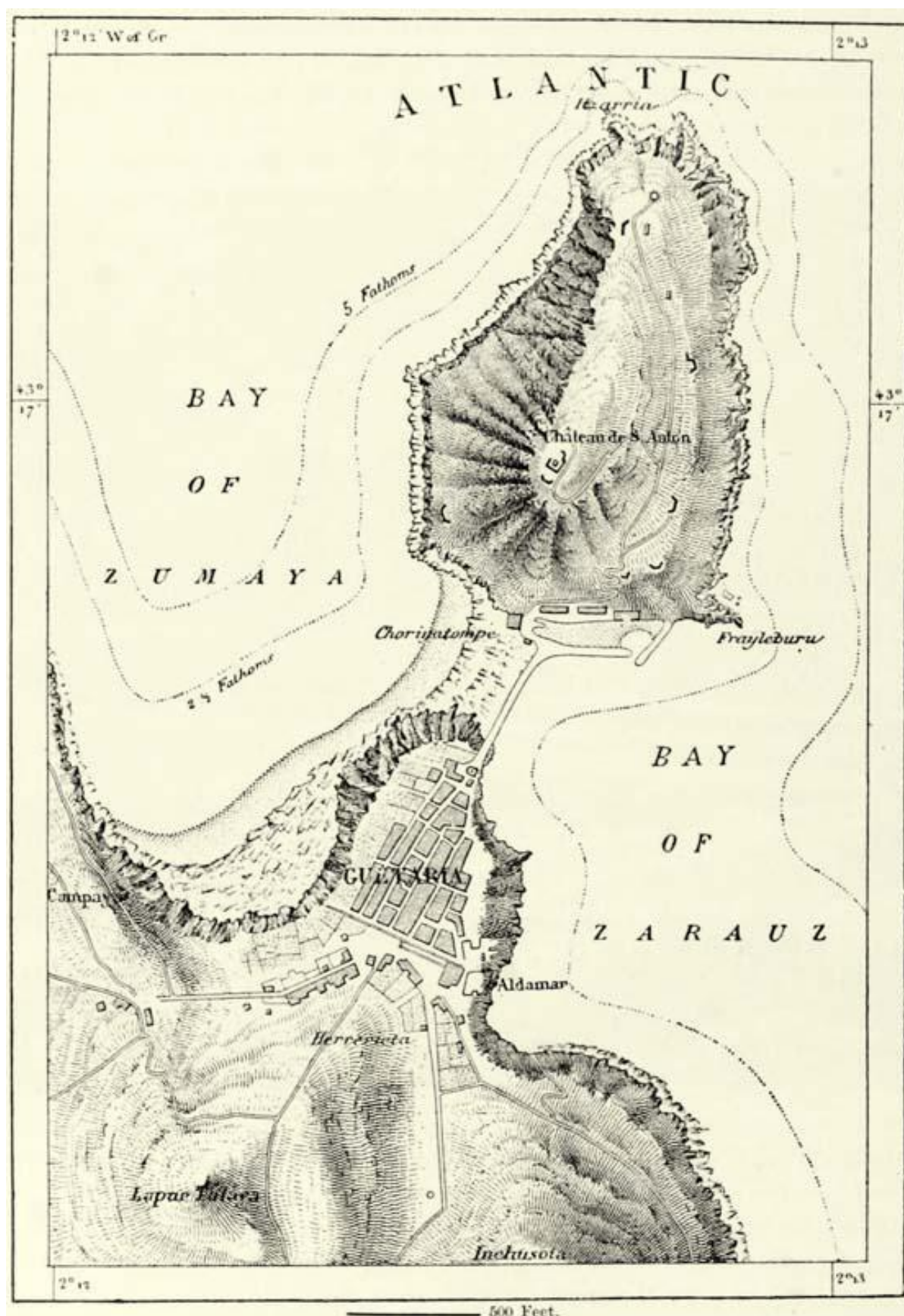
Астурийские горы являются объектом почитания для каждого патриотически настроенного испанца. Они прекрасны: их нижние склоны покрыты каштанами, ореховыми деревьями и дубами, а выше леса буков и орешников чередуются с лугами. Их красота усиливается тем фактом, что они служили убежищем для христиан, когда мавры удерживали остальную часть страны. Гора Ансена укрыла святого Пелагия и его паству, и в Ковадонге он построил себе аббатство. Однако эти «прославленные горы» могут похвастаться не только историческими ассоциациями, очаровательными деревнями, стадами и пастбищами; они скрывают в своих недрах богатые запасы угля, одного из главных источников богатства Астурии.

Рис. 178. — СВ. СЕБАСТЬЯН.

Галисия отделена от Кастильского плато продолжением Кантабрийских Пиренеев, которые здесь поворачивают на юг и через которые река Силь проложила свое русло. К северу от этой реки они достигают своей высшей точки в Пико-де-Миравальес (6362 фута) и пересекаются перевалом Предрафита (3600 футов), через который проходит главная дорога из Леона в Галисию.

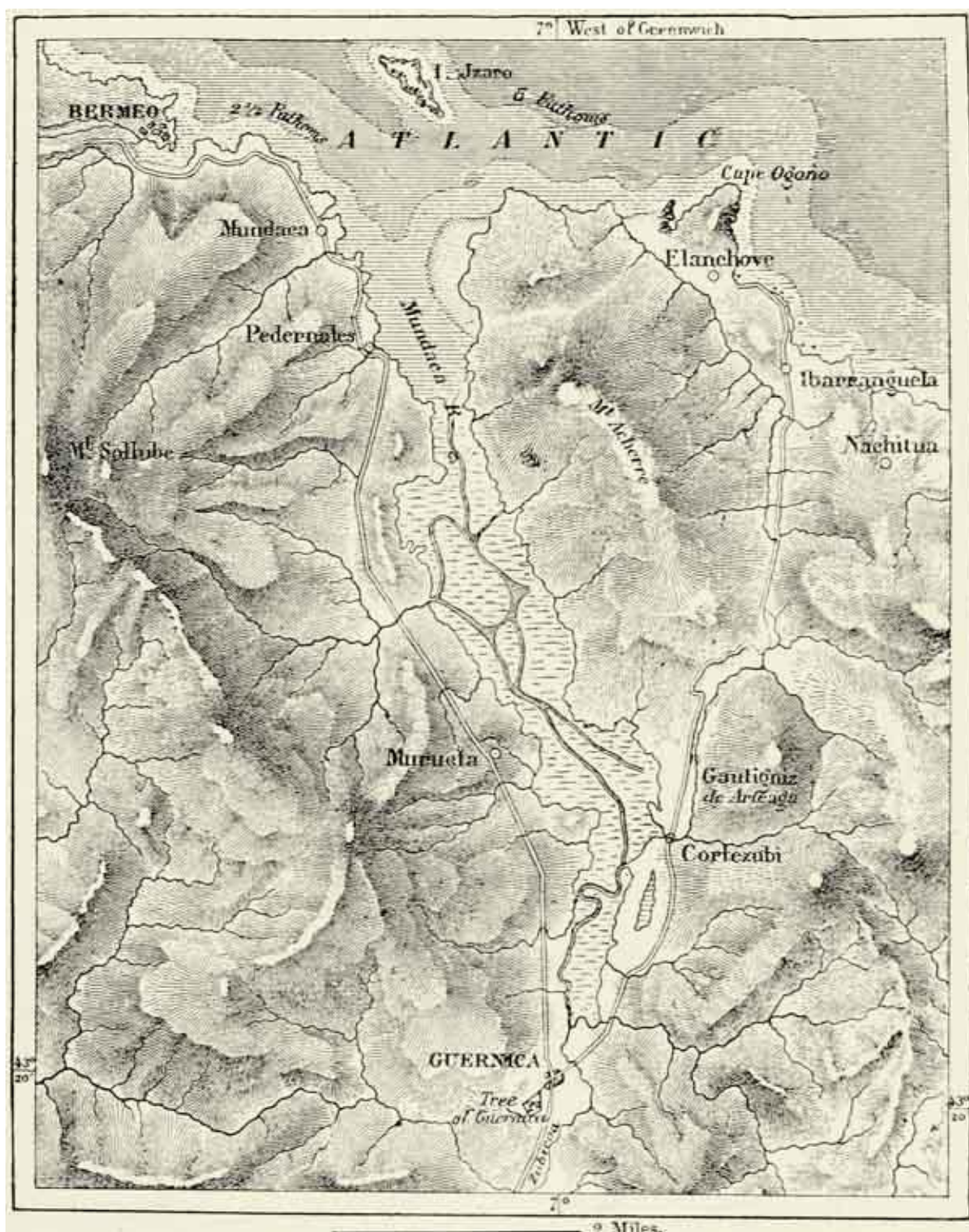
Рис. 179. — ГУЕТАРИЯ.
Масштаб 1:8000.

В Галисии холмы редко образуют четко очерченные цепи и в основном состоят из примитивных скал или небольших плоскогорий, с вершинами или пиками, возвышающимися на несколько сотен футов над общим уровнем местности. Расположение

небольших хребтов в целом соответствует расположению побережья. Сьерра-де-Раньядоиро (3612 футов), отрог Кантабрийских гор, образует естественную границу между Астурией и Галисией. К западу от нее Сьерра-де-Мейра (2982 фута) проходит в том же направлении, но цепи, заканчивающиеся мысами Эстака-де-Варес и Ортегал (т. е. Нортегал, «северный мыс»), проходят с востока на запад и доминируют над пирамидой Монте-Куадрамон (3342 фута). Холмы к западу от реки Миньо (Миньо) заканчиваются знаменитыми мысами Ториньяна и Финистерре, или «конец земли». Последний, крутой утес, возвышающийся над водами к западу от широкой бухты Коркубион, ранее был местом расположения храма древних богов, который впоследствии был заменен церковью, посвященной Деве Марии.

Рис. 180. — ГЕРНИКА.
Масштаб 1:100 000.

Побережье Астурии изобилует небольшими бухтами, или *риас*, ограниченными крутыми утесами. В Галисии эти риас достигают огромных размеров и имеют большую глубину. Их можно сравнить с фьордами Северной Европы, и их происхождение, по-видимому, одинаково. Морская фауна этих галисийских риас скорее британская, чем лузитанская, поскольку среди двухсот видов ракообразных, собранных г-ном МакЭндрю, только двадцать пять не были найдены также и на побережье Британии (). Кроме того, флора Астурийских

гор очень похожа на флору Ирландии, и эти факты в значительной степени подтверждают гипотезу, выдвинутую Форбсом, что Азорские острова, Ирландия и Галисия до ледникового периода были соединены сушей.

Рис. 181. — ПАСС РЕЙНОСА.
Масштаб 1 : 300 000.

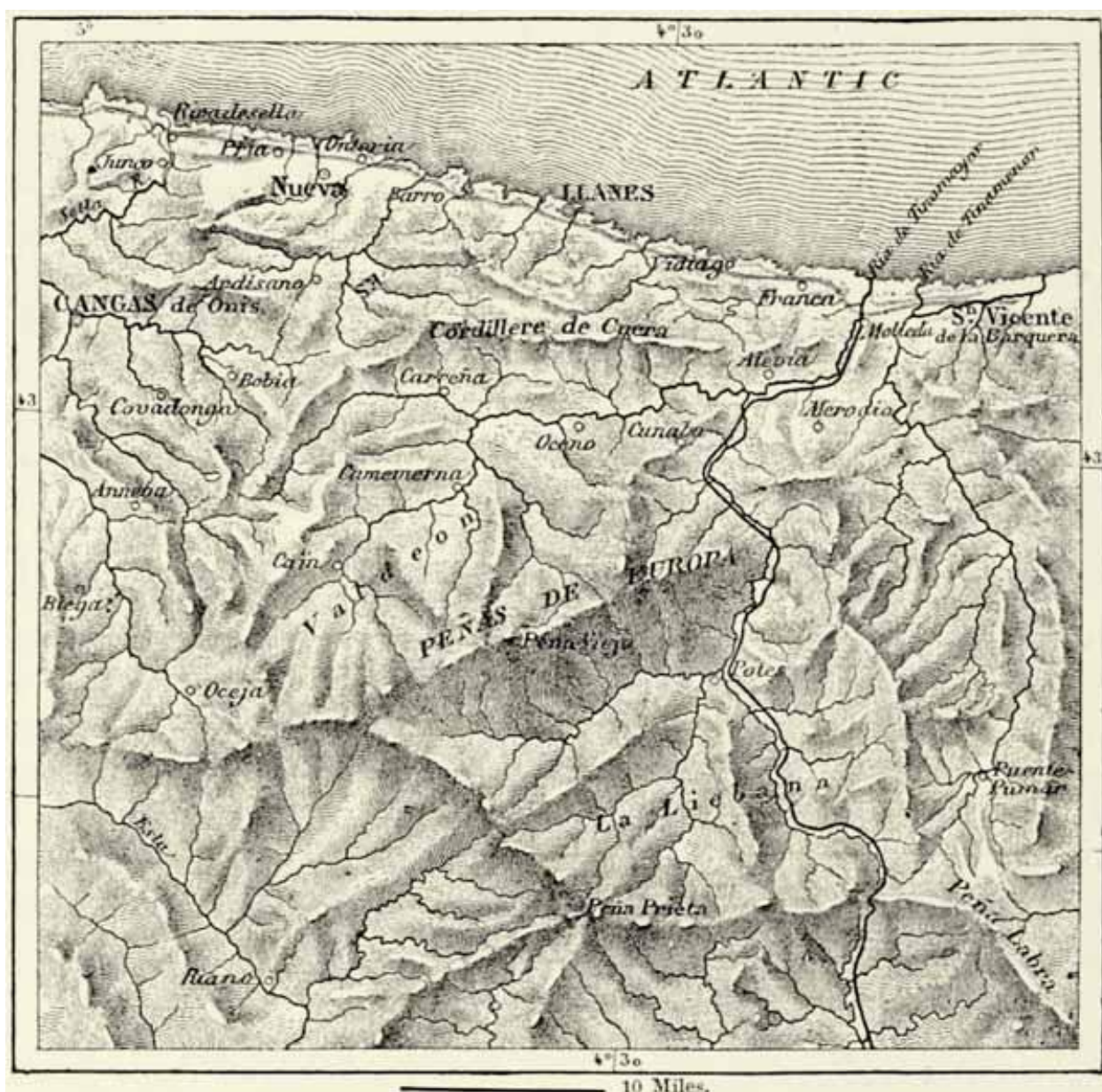

Климат тоже напоминает климат Великобритании. На внешних склонах гор выпадает много осадков, в то время как к югу от них, на засушливых равнинах Леона и Кастилии, дождей почти не бывает. В Астурии есть места, где годовая сумма осадков превышает шесть футов, что встречается только на западных склонах гор Шотландии и Норвегии, а также на южных склонах Швейцарских Альп. Здесь нет сезона без дождей, а засухи чрезвычайно редки. Осенью часто бывают равноденственные штормы, которые делают Бискайский залив

опасным для моряков. Температура воздуха ровная, а туманы, известные местным жителям как «*бретимас*», встречаются так же часто, как и на Британских островах. Эти туманы оказывают сильное влияние на суеверных галисийцев, которые воображают, что видят волшебников, или *нувейрос*, летящих на облаках, превращающихся в туманы и снова сжимающихся в облачка. Они также верят, что тела умерших переносятся туманами из кладбища в кладбище, и эти страшные ночные процессии известны им как *эстадеас*, или *эстадинас*.¹⁶³

Несмотря на обилие проточной воды, кантабрийские провинции не могут похвастаться ни одной судоходной рекой. В Астурии прибрежная зона слишком узка, а уклон слишком значителен, чтобы потоки могли превратиться в спокойные реки. Реки Тамбре и Улья в Галисии также не имеют большого значения; единственной настоящей рекой страны является Миньо, называемая португальцами Минхо в нижнем течении, где она образует границу между двумя государствами Иберии. Миньо питается с обоих склонов Кантабрийских гор, собственно Миньо берет начало на западном склоне, а Силь — из внутренних районов страны. Последняя является основным притоком. «Миньо имеет репутацию, — говорят испанцы, — но Силь имеет воду». Силь, прежде чем покинуть провинцию Леон, протекает через древнюю озерную котловину Вьерсо, которая сейчас превратилась в небольшой водоем, известный как Лаго-де-Карроседо. Затем он проходит через дикое ущелье, второй озерный бассейн, туннель Монте-Фурадо («пробитые горы»), прорытый римлянами для облегчения горных работ, и, наконец, мчитесь через ущелье, пересекающее Кантабрийские горы, одно из самых диких во всей Испании, с отвесными стенами высотой более 1000 футов. Сразу ниже слияния с Миньо необходимо пройти второе ущелье, но затем воды реки расширяются и впадают в море через широкий эстуарий. Ниже Туя, на протяжении около двадцати миль, река судоходна. Но, несмотря на небольшую пользу для судоходства, Миньо, тем не менее, является одной из восьми великих рек Иберийского полуострова, и пропорционально площади своего бассейна она является самой полноводной.¹⁶⁴

Вода этой и других рек не нужна для сельскохозяйственных целей, поскольку в Галисии и Астурии выпадает много осадков, и изумрудные луга этих провинций так же известны, как и луга Англии. Однако флора в целом более южная, чем в странах к северу от Бискайского залива. В садах выращивают не только яблоки, каштаны и грецкие орехи, но и апельсины, а в саду в Овьедо на открытом воздухе созревают финики. Однако высокая влажность не позволяет некоторым растениям достичь того коммерческого значения, которое они имели бы в других условиях. Шелковица процветает, но разведение шелкопрядов дает лишь посредственные результаты, и даже виноград, за исключением нескольких благоприятных местностей, дает только кислое вино с неприятным вкусом. С другой стороны, сидр пользуется высокой репутацией и даже экспортируется в Америку.

Астурийцы гордятся тем, что никогда не подчинялись иго мусульман. Некоторые горные районы сохранили свою независимость на протяжении всего времени, и нигде арабы не могли удержаться надолго. Овьедо называли «городом епископов» из-за большого числа прелатов, которые нашли там убежище. Галисийцы были столь же успешны в своем сопротивлении маврам, и кровь кельтских жителей этих отдаленных провинций, таким образом, чище, чем где-либо еще в Испании.

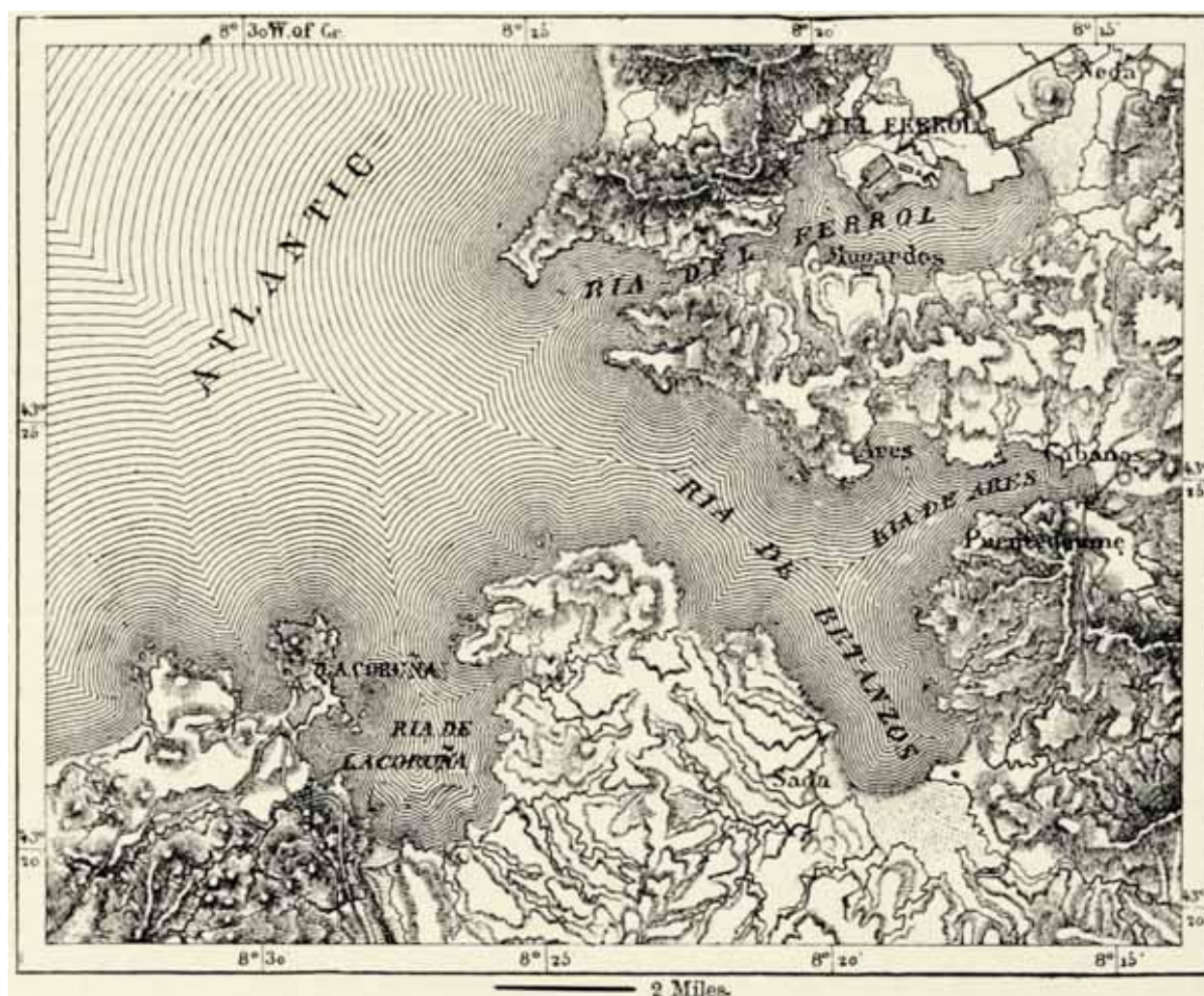
В некоторых районах обычаи, как говорят, остались неизменными со времен римлян. Пастухи, или *вакерос*, из Лейтариегос, на верхнем течении Нарсеи, образуют почти отдельное племя. Они держатся отдельно от остальных астурийцев и всегда женятся между собой. Старые диалекты сохраняют свои позиции. Крестьяне на побережье Кантабрии говорят на своем *бабле*, а в Галисии диалекты различаются даже от деревни к деревне. *Гальего*, особенно в том виде, в каком он используется вблизи Миньо, больше похож на португальский, чем на испанский, но лужитанец все равно не может понять галисийца из-за странной певучей интонации последнего.

Страна имеет плотное население, но в ней мало городов. Многие из них состоят лишь из церкви, ратуши и гостиницы. Усадьбы разбросаны по всей стране. Это может быть связано с врожденной любовью к природе или, возможно, как в баскских провинциях, с безопасностью, которой страна пользовалась на протяжении веков. Иностранные и гражданские войны практически не затрагивали эти отдаленные провинции Испании. Нравы здесь мягкие, а кровожадные корриды кастильцев неизвестны. Однако изоляция и мир, в которых жили кантабрийцы, не во всех отношениях оказались выгодными. В других частях Европы дворяне, священники, горожане и крестьяне, когда им угрожала опасность, чувствовали себя вынужденными идти на уступки друг другу. Но не в Астурии, где крестьяне были низведены до положения крепостных и продавались вместе с землей. В начале этого века почти вся земля в двух Астуриях находилась в руках двадцати четырех землевладельцев, и в соседней Галисии условия были не намного более благоприятными. С тех пор ситуация изменилась. Лорды обеднели, монастыри были упразднены, а трудолюбивые астурийцы и галисийцы вложили свои с трудом заработанные сбережения в землю. Раньше феодалы сдавали землю в аренду земледельцам, которые приносили им дань и платили ренту, причем аренда оставалась в силе в течение правления двух или трех королей, в течение ста лет или даже трехсот двадцати девяти лет, в зависимости от обычаев разных районов. Однако эти договоры аренды часто приводили к спорам; арендаторы по истечении срока аренды часто отказывались сдавать землю, и в многочисленных случаях суды поддерживали их в этом отказе.

Галисийцы, проживающие на побережье, делят свое время между возделыванием земли и рыболовством. В сезон не менее 20 000 человек на 3000–4000 лодках расставляют свои сети в заливах Ла-Корунья, Ароса, Понтеведра и Виго, где в изобилии водятся тунец и сардины. Местное потребление сардин огромно, и одна только Ла-Корунья ежегодно экспортирует около 17 000 тонн в Америку. Однако эти занятия не способны прокормить растущее население, и тысячи галисийцев ежегодно эмигрируют. Бережливые и склонные к клановому объединению, они обычно успевают накопить небольшой капитал, и те из них, кто возвращается, оказывают цивилизующее влияние на своих менее образованных соотечественников. Невежество и бедность со всеми сопутствующими им бедами широко распространены в Галисии, а проказа и слоновая болезнь являются распространенными заболеваниями.

Одним из главных препятствий для развития ресурсов страны является недостаток дорог и железных дорог. Начало уже положено, но, учитывая финансовое положение Испании, прогресс вряд ли будет быстрым.

Большинство городов Астурии расположены близко к побережью. Кастро-Урдиалес, Ларедо и Сантонья, расположенные непосредственно к западу от баскских провинций, часто служили военно-морскими базами. Рейде Сантоньи является одним из самых удобных и хорошо защищенных на полуострове, и когда Наполеон отдал Испанию своему брату Жозефу, он сохранил владение этим местом и начал строительство укреплений, которые превратили бы его во французский Гибралтар.

Крупнейшим торговым портом страны является Сантандер с его превосходной гаванью, причалами, доками и складами, построенными на земле, отвоеванной у моря. Сантандер является естественным выходом на море для Кастилии и экспортирует муку из Вальядолида и Паленсии, а также шерстяные ткани, известные как *сорианские* и *леонские*, из мест, где они производятся. Он снабжает внутренние районы колониальной продукцией Кубы и Пуэрто-Рико, а его купцы поддерживают регулярные связи с Францией, Англией, Гамбургом и Скандинавией.¹⁶⁵ Судостроительные верфи в устье залива утратили свое прежнее значение, и в настоящее время основной отраслью промышленности страны является производство сигар. Сардинеро, курорт к северу от города, и горячие источники Альседо, Онтанеда, Лас-Кальдас-де-Бесайя, расположенные в холмах к югу, являются любимыми местами отдыха.

Вдоль побережья к западу от Сантандера, вплоть до Хихона, мы встречаем только деревни, такие как Сан-Мартин-де-ла-Арена (порт запустевшего города Сантильяна), Сан-Висенте-де-ла-Баркера, Льянес, Ривадеселья и Ластрес. Гихон с его огромной табачной фабрикой также не является важным местом, хотя раньше он был столицей всей Астурии. Однако он экспортирует уголь, доставляемый по железной дороге из Сарны (Лангр), и вместе с Авилесом, расположенным на другой стороне возвышенности Кабо-де-Пеньяс, пользуется преимуществом, являясь портом Овьедо, расположенным в долине притока Налон, в пятнадцати милях от побережья. В Овьедо есть процветающие металлургические заводы, университет и прекрасный готический собор, который, как говорят, богаче

реликвий, чем любая другая церковь в мире. Гора Наронка защищает город от северных ветров, и его климат восхитителен. Окрестности изобилуют прекрасными местами. В Кангас-де-Онис, который был первой столицей королевства, основанной святым Пелагием, но теперь является просто деревней в очаровательной долине, находятся пещеры Ковадонга, в которых прах святого нашел свое последнее пристанище и которые, следовательно, являются объектами высшего почитания для патриотичных испанцев. Трубия, государственный завод по производству орудий и стрелкового оружия, находится в семи милях к западу от Овьедо.

Кудильеро, Луарка, Навия (место, которое, как говорят, было основано Хамом, сыном Ноя), Кастрополь и галисийский Ривадео — это просто рыбацкие деревни, и только когда мы добираемся до великолепных риа, выходящих в Атлантический океан, мы снова встречаем настоящие города. Первый из них — Ферроль, который до середины прошлого века был всего лишь деревушкой, но с тех пор превратился в крупную военно-морскую базу и крепость, усыпанную орудиями и содержащую верфи и арсеналы.

Ла-Корунья, «Гройн» английских моряков, зависит скорее от торговли, производства и рыболовства, чем от своих военных объектов и укреплений. Это один из самых живописных городов Испании, и его выгодное географическое положение позволит ему, после завершения строительства железной дороги, значительно расширить свою торговлю, которая в настоящее время почти полностью ограничивается Англией.¹⁶⁶ На небольшом острове рядом с ним стоит Башня Геркулеса, фундамент которой восходит к римлянам, если не к финикийцам. Именно из Риа-де-ла-Корунья «Непобедимая армада» отправилась в свою катастрофическую экспедицию.

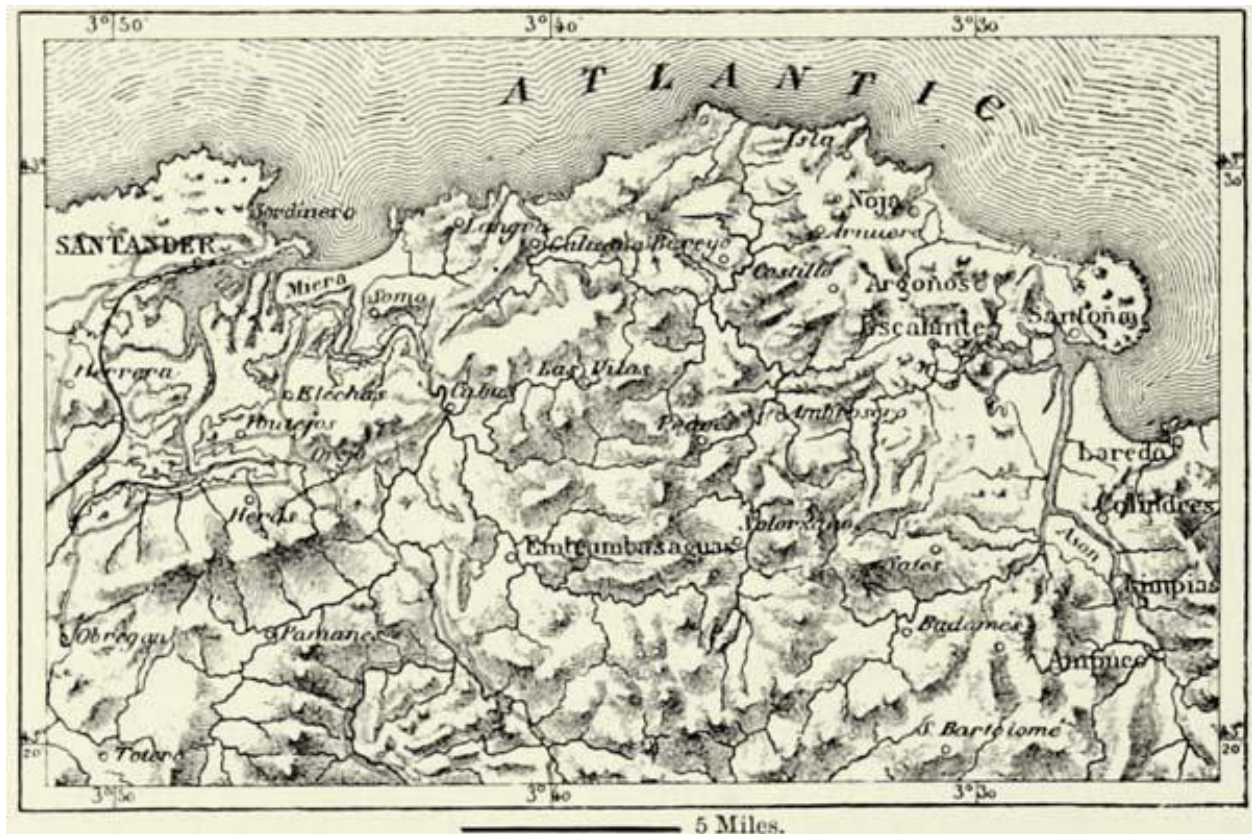
Каждая из риа южной Галисии имеет свой порт или порты. Риа Коркубион защищена мысом Финистерре; на риа Нойя находятся небольшие города Нойя и Мурос; риа Ароса часто посещают суда, которые доставляют эмигрантов из портов Падрон и Каррил в Ла-Плата; риа Понтеведры простирается до города, в честь которого она названа; а еще южнее, на берегу великолепной бухты, защищенной группой островов, известных древним как «Острова богов», возвышаются города Виго и Байона. Виго с его превосходной гаванью стал крупным торговым портом страны,¹⁶⁷ но, возможно, более известен благодаря галеонам, потопленным голландскими и английскими корсарами.

Три из главных внутренних городов Галисии — Луго, Оренсе и Туй — расположены на берегах реки Миньо. Старинный римский город Луго (Lucus Augusti) окружен средневековыми стенами и имеет теплые серные источники. Оренсе с его великолепным старинным мостом также славится своими горячими источниками, или *бургами*, которые, как говорят, значительно повышают температуру равнины зимой и снабжают весь город водой для бытовых нужд. Туй, расположенный напротив португальского города Валенса-ду-Минью, важен только как пограничная крепость. Сантьяго-де-Компостела, знаменитая старинная столица Галисии, расположенная на холме у извилистых берегов реки Сария, является самым густонаселенным городом северо-западной Испании. Именно здесь в IX веке была обнаружена могила апостола Иакова. Притягательная сила, которую он ранее оказывал на паломников, была огромна.¹⁶⁸

IX. НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ИСПАНИИ.

Современная Испания полна беспорядков. Политический, финансовый и социальный механизм вышел из строя, и почти в каждой провинции идет активная или скрытая гражданская война. Разрушения, причиненные этими непрекращающимися внутренними войнами, не поддаются исчислению.

Рис. 184. — САНТОНА И САНТАНДЕР.
Масштаб 1 : 360 000.

Сменявшие друг друга правительства прибегали к жалким уловкам, не в силах скрыть банкротство страны. Кредиторы государства, как и государственные чиновники, оставались без оплаты, и даже школы приходилось закрывать, потому что не хватало грошей на жалованье учителям.

Но, несмотря на эту кажущуюся разруху, был достигнут реальный прогресс. Чтобы справедливо судить об Испании, мы должны помнить, что период, когда инквизиция могла совершать свои судебные убийства, не так уж далек. В 1780 году женщина из Севильи была сожжена на костре за «колдовство и чародейство». В то время большая часть Испании находилась в руках церкви, а остальная часть возделывалась очень небрежно. Невежество было повсеместным, особенно в университетах, где наука подвергалась насмешкам.

Великие события начала XIX века вывели испанцев из их оцепенения, и страна, несмотря на временные сбои, увеличилась в численности населения и богатстве. Труд сейчас уважается больше, чем раньше, и в то время как монастыри и женские монастыри опустели, фабрики переполнены рабочими. Во многом Испания обязана этим прогрессом иностранцам. Иностранцы инвестировали миллионы, и, хотя ожидаемая прибыль почти

никогда не была получена, страна в целом постоянно извлекала выгоду из этого притока капитала. Англичане дали огромный импульс сельскому хозяйству, покупая вина Андалусии, кукурузу и муку кастильцев, а также скот галисийцев. Они также развивали горнодобывающую промышленность в Уэльве, Линаресе, Картахене и Соморростро. Французы оказали огромную помощь обрабатывающей промышленности. Иностранные капиталисты и инженеры создали пароводные линии и железные дороги. Небольшие города в глубине страны пробуждаются от летаргии, и современная жизнь начинает пульсировать в их жилах.¹⁶⁹

В интеллектуальной сфере Испания добила еще большего прогресса. Невежество по-прежнему является большой силой, особенно в Кастилии, где школьные учителя не пользуются большим уважением, в густонаселенных городах нет библиотек, а катехизисы и альманахи являются единственной литературой для крестьян. Но положение, которое Испания сейчас занимает в литературе и искусстве, достаточно ясно доказывает, что страна Сервантеса и Веласкеса собирается вновь занять свое место среди других стран Европы. Однако в науке Испания значительно отстает, и Михаил Сервет — единственный испанский христианин, чьи труды ознаменовали эпоху в прогрессе человеческого знания. Но дух исследования, когда-то живший среди мавров Андалусии, возможно, возродится среди их потомков.

Очень желательно, чтобы интеллектуальный прогресс смягчил нравы народа.¹⁷⁰ Скандально, что «благородная наука боя быков» по-прежнему пользуется такой большой поддержкой в Испании. Эти бои быков, как и столь популярные в Андалусии бои петухов, являются видом спорта, недостойным великой нации, и должны быть запрещены, так же как были запрещены *автодафе*.

Рис. 185. — ОВЬЕДО И ХИХОН.
Масштаб 1 : 300 000.

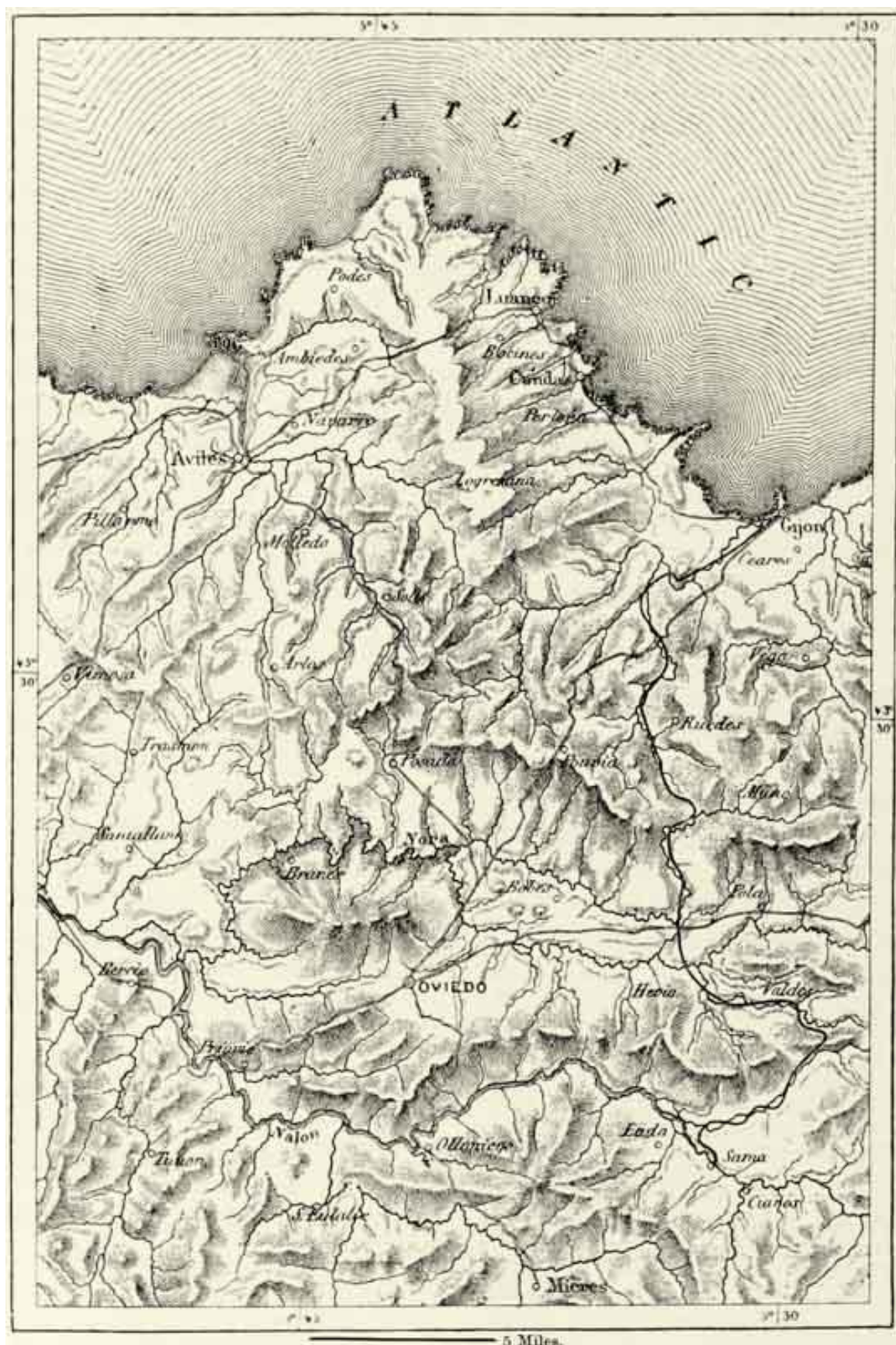

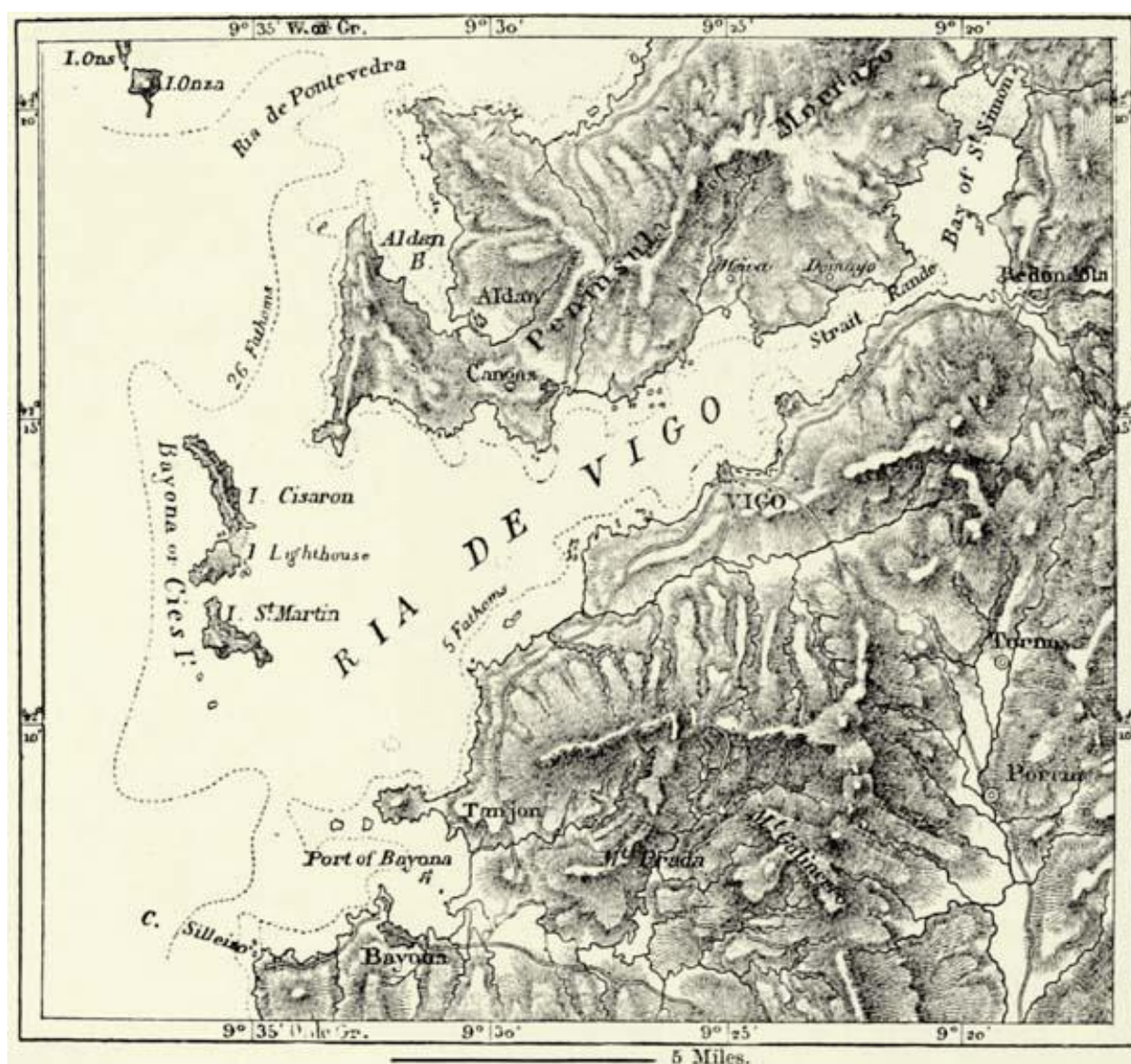
Рис. 186. — БАШНЯ ГЕРКУЛЕСА (МАЯК), КОРУНЯ.

За последние одно-два поколения Испания избавилась от большинства своих колоний, которые только мешали ее моральному и материальному прогрессу. Столица больше не призвана поддерживать рабство, инквизицию, торговые монополии и подобные институты,

«созданные для обеспечения счастливого правления этими колониями». Последние, безусловно, пережили свои революции и контрреволюции, но они добились определенного прогресса в области народонаселения и богатства. К сожалению, не вся колониальная империя была утрачена. Куба и Филиппинские острова часто представляются как источники богатства Испании, и, безусловно, они приносят в казну значительные суммы. Но эти результаты были достигнуты ценой страшных страданий и деморализации правителей и управляемых, и, если Испания не примет колониальную систему Англии, предоставив колониям самоуправление, она наверняка потеряет последние остатки своей колониальной империи, израсходовав свои силы на тщетные попытки ее сохранить.

Рис. 187. — РИЯ-ДЕ-ВИГО.
Масштаб 1:280 000.

Но даже если колонии будут утрачены, влияние Испании на остальной мир будет сохраняться на протяжении веков. Испания наложила свой отпечаток на каждую страну, которая в то или иное время подчинялась ее власти. Сицилия, Неаполь, Сардиния и даже Ломбардия до сих пор демонстрируют следы испанского влияния в своей архитектуре и

обычаях. В испанской Америке мы находим города, населенные индейцами, которые выглядят вполне испанскими и почти напоминают отдельные части Бадахоса и Вальядолида. Сами индейцы переняли кастильский язык, а вместе с ним и кастильские манеры и образ мышления. Огромная территория, в два раза превышающая по площади Европу и способная прокормить миллионы жителей, сейчас заселена испаноязычными народами.

Х. — ПРАВИТЕЛЬСТВО И АДМИНИСТРАЦИЯ.

С сентября 1868 года, когда революция свергла правительство Изабеллы II, Испания пережила серию революций и потрясений, завершившихся в декабре 1874 года вступлением на престол Альфонсо XII, сына Изабеллы. Вскоре после этого было подавлено восстание в баскских провинциях, поднятое доном Карлосом, «законным» королем страны, и можно было приступить к работе по внутренней организации. Законодательная власть принадлежит королю и Кортесам. Последние включают Сенат и Палату депутатов. Сенат состоит из наследственных членов (таких как королевские принцы и гранды), пожизненных членов, назначаемых королем, и сенаторов, избираемых корпорациями. Члены Палаты депутатов избираются на пять лет. Президент и вице-президент Сената назначаются королем, который имеет право распустить Кортесы при условии проведения новых выборов в течение трех месяцев.

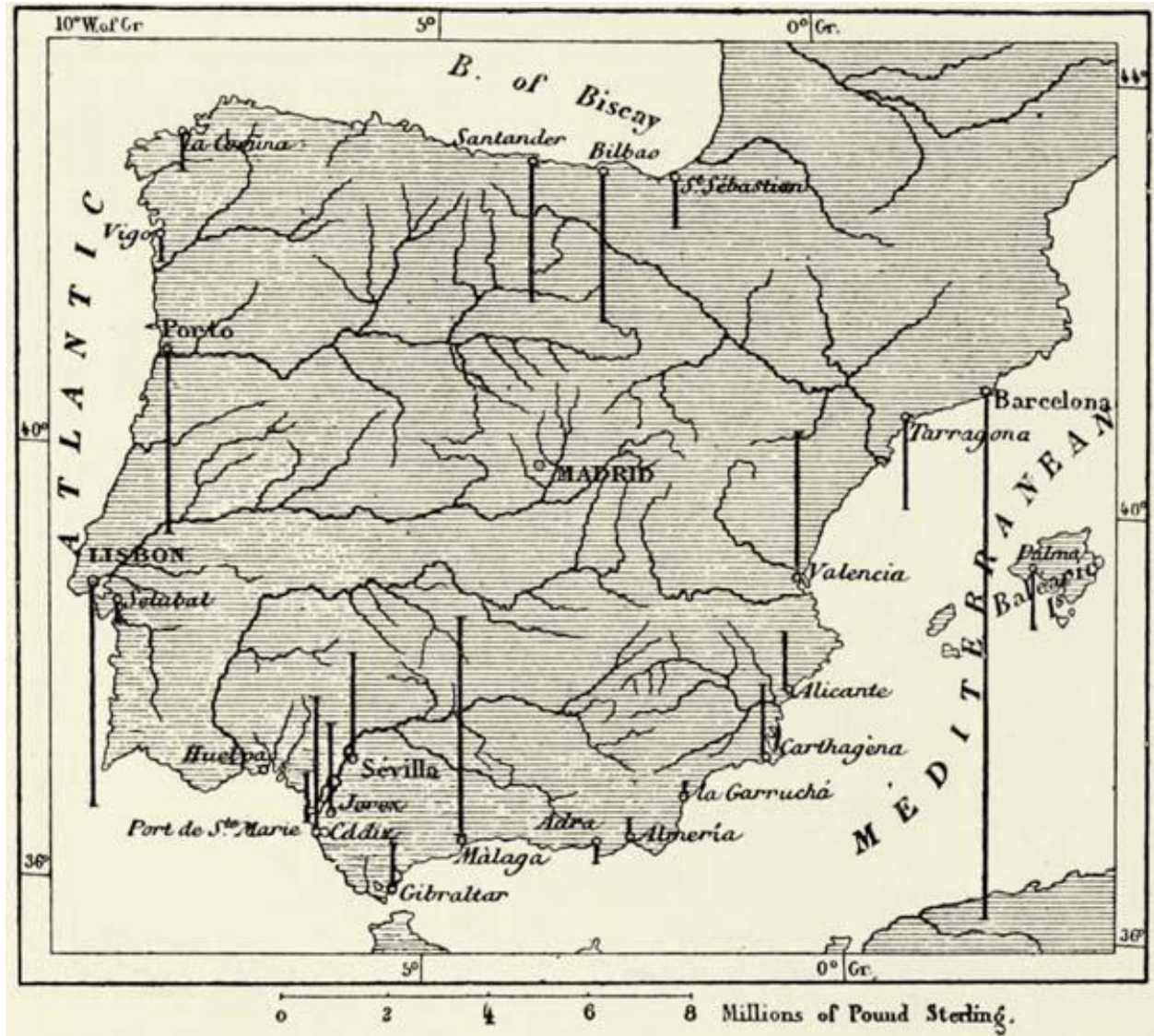
Рис. 188. — ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ ИБЕРИЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА.
Масштаб 1 : 10 300 000.

Эти правительственные революции практически не повлияли на управление страной. Казна всегда пуста, годовых поступлений не хватает для выплаты процентов по государственному долгу, налоги выросли, призыв в армию требует больше людей, чем когда-либо, а количество школ сокращается.¹⁷¹

Политическое и административное деление страны остается неизменным с 1841 года. Испания разделена на сорок девять провинций, включая Канарские острова. Каждая провинция подразделяется на округа и имеет своего гражданского губернатора. Коммуны управляются *алькальдом*, или мэром, которому помогает *аюнтамьенто*, или муниципальный совет, состоящий из четырех-двадцати восьми членов. Судебная система построена по образцу французской. В стране насчитывается 9400 мировых судей (по одному на каждую коммуну), около 500 судов низшей инстанции, 15 апелляционных судов и верховный суд, заседающий в Мадриде.

Рис. 189. — ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ИБЕРИЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА.

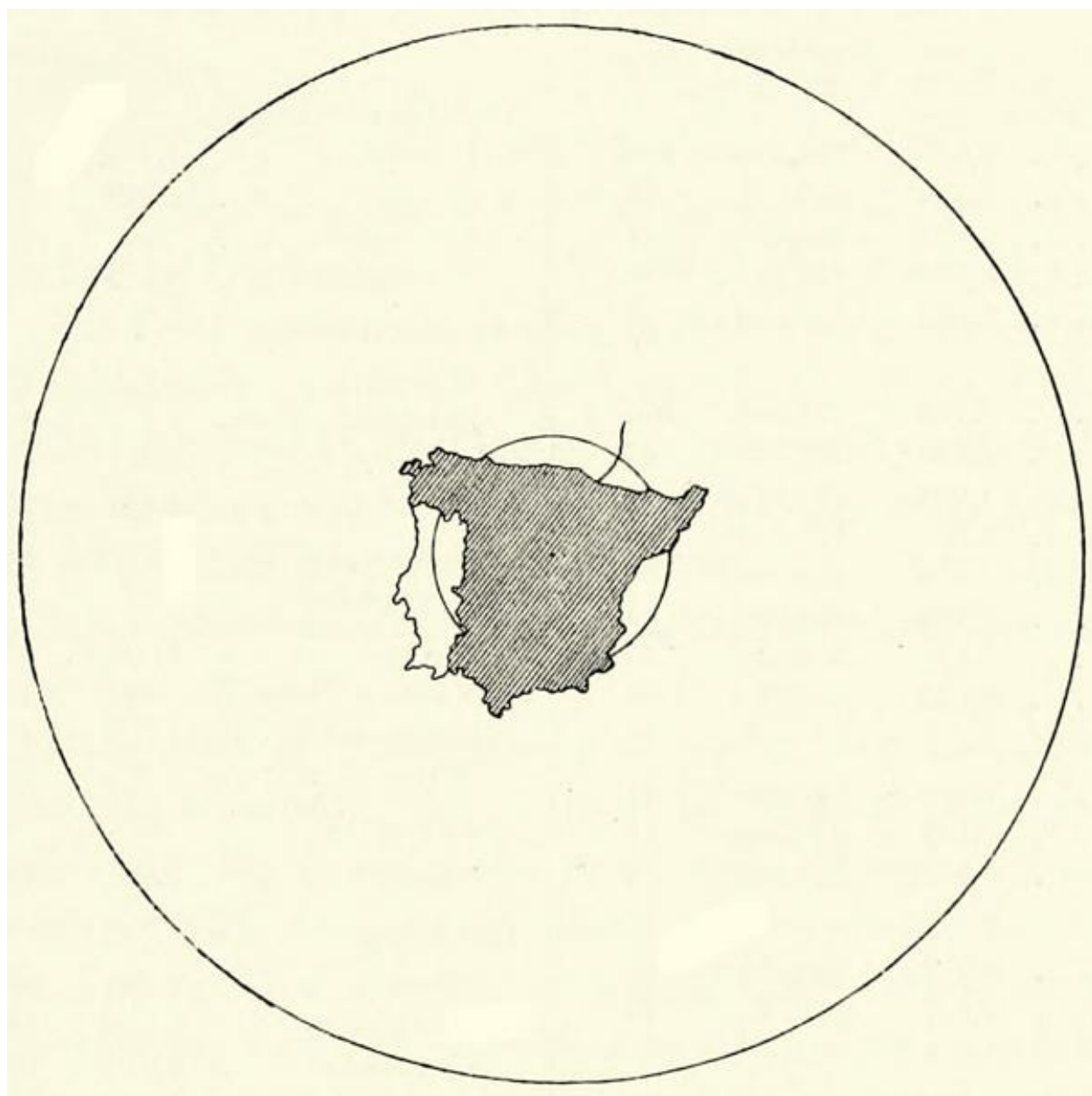

В военных целях континентальная Испания разделена на двенадцать округов, каждый из которых находится под управлением генерал-капитана. Это Новая Кастилия, Каталония, Арагон, Андалусия, Валенсия с Мурсией, Галисия, Гранада, Старая Кастилия, Эстремадура, Бургос, Наварра и баскские провинции. Балеарские острова, Канарские острова, Куба, Пуэрто-Рико и Филиппины составляют пять дополнительных округов. Военная служба является обязательной, но допускается замена за выплату значительного выкупа. Ежегодный набор значительно варьируется, и, по официальным данным, за один год было набрано до 80 000 человек, хотя 60 000, по-видимому, является максимальным количеством, которое может предоставить население. Срок службы составляет семь лет в кавалерии и артиллерии, восемь лет в пехоте, из которых три года проходят в «провинциальной милиции». Предполагается, что на полуострове фактически находится под ружьем около 100 000 человек, 130 000 находятся в отпуске, а 70 000 человек дислоцированы в колониях, в основном на Кубе, где ежегодно гибнет около четверти от общей численности.

Основные крепости — Сан-Себастьян, Сантонья и Сантандер в Бискайском заливе; Феррол, Ла-Корунья и Виго на риасах Галисии; Сьюдад-Родриго на португальской границе; Кадис и Тарифа у входа в Гибралтарский пролив; Малага, Картахена, Аликанте и Барселона на Средиземном море; Фигерас, Памплона и Сарагоса у подножия Пиренеев.

Военно-морской флот состоит из 123 пароходов, приводимых в движение двигателями мощностью 24 694 лошадиных силы, вооруженных 755 орудиями и укомплектованных 14 000 моряками и 5500 морскими пехотинцами. Шесть из этих кораблей являются броненосными фрегатами. Число старших офицеров чрезвычайно велико, и их жалованье ложится тяжелым бременем на казну.

Рис. 190. — ДИАГРАММА, ПОКАЗЫВАЮЩАЯ РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ КАСТИЛЬСКОГО ЯЗЫКА.
Масштаб 1 : 36 000 000.

Официально привилегии дворянства были отменены. Число «дворян» в Испании, пожалуй, больше, чем где-либо в Европе, поскольку население целых провинций, таких как Страна Басков и Астурия, утверждает, что в его жилах течет «голубая кровь». В 1787 году

было насчитано не менее 480 000 «джентльменов», не включая несовершеннолетних, и если пропорция осталась прежней, то в Испании должно быть не менее 3 000 000 человек, считающих себя *идальго*, или «сыновьями кого-то». Около 1500 грандов по обычаю имеют привилегию оставаться в головных уборах в присутствии короля, и около 200 из них принадлежат к высшему сословию. Однако не все они обязаны своим званием рождению, поскольку многие плебеи, воспользовавшись финансовыми бедствиями страны, сумели добиться дворянского звания. Орден Золотого руна, основанный в 1431 году Филиппом Добродетельным, является одним из самых желанных знаков отличия для принцев и дипломатов.

Государственной религией является католицизм, и его прелаты пользуются большими привилегиями, но все другие конфессии, как предполагается, терпимо относятся. Школы, к сожалению, по-прежнему остаются в руках духовенства, которое также осуществляет цензуру в отношении произведений, ставящихся на сцене. Раньше Испания была самой священнослужительской страной в Европе. В конце прошлого века в стране насчитывалось 144 000 священников, 71 000 монахов и 35 000 монахинь, но только 34 000 купцов. Войны и революции нанесли огромный ущерб монастырским учреждениям, но еще в 1835 году в них проживало 50 000 человек. Впоследствии все они были упразднены, и в 1869 году последний испанский монах ушел из картезианского монастыря в Гранаде, чтобы найти убежище в Бельгии. Однако с тех пор законы страны вновь были смягчены в пользу монахов и священников. В стране насчитывается 9 архиепископов и 54 епископа.

ПЛОЩАДЬ И НАСЕЛЕНИЕ ИСПАНИИ И ЕЕ КОЛОНИЙ.

	Площадь. Кв. м.	Население (1870).	Плотность.
НОВАЯ КАСТИЛИЯ (Castilla):—			
Мадрид	2 997	487 482	162
Толедо	5 586	342 272	61
Гвадалахара	4 870	208 638	41
Куэнка	6 725	238 731	35
Куидад-Реаль	7 840	264 649	34
СТАРАЯ КАСТИЛИЯ:			
Сантандер	2 113	241 581	114
Бургос	5 650	353 560	62
Логоньо	1 945	182 941	94
Авила	2 981	175 219	60
Сеговия	2 714	150 812	53
Сория	3 836	158 699	41
Паленсия	3 126	184 668	59
Вальядолид	3 043	242 384	80
ЛЕОН:—			
Саламанка	4 940	280 870	57
Самора	4 135	250 968	61
Леон	6 167	350 992	56
ЭСТРЕМАДУРА:—			
Касерес	8 013	302 455	34
Бадахос	8 687	431 922	49

АНДАЛУСИЯ:			
Альмерия	3 302	361 553	110
Кадис	2 809	426 499	152
Кордова	5 190	382 652	73
Гранада	4 937	485 346	98
Уэльва	4 122	196 469	48
Хаэн	5 184	392 100	75
Малага	2 824	505 010	180
Севилья	5 295	515 011	97
ВАЛЕНСИЯ:—			
Кастельон-де-ла-Плана	2 446	296 222	121
Валенсия	4 352	665 141	153
Аликанте	2 098	440 470	210
МУРСИЯ:			
Альбасете	5 972	220 973	37
Мурсия	4 478	439 067	98
БАЛЕАРСКИЕ ОСТРОВА:—			
Балеарские острова	1 860	289 225	155
КАТАЛОНИЯ (Cataluña):—			
Лерида	4 775	330 348	69
Жерона	2 272	325 110	143
Барселона	2 985	762 555	256
Таррагона	2 451	350 395	143
АРАГОН:—			
Уэска	5 878	274 623	47
Сарагоса (Сарагосса)	6 607	401 894	61

Теруэль	5 491	252 201	46
НАВАРРА И БАСКИ ПРОВИНЦИИ (Vascongadas):—			
Наварра	4 046	318 687	80
Бискайя (Бискайя)	849	187 926	221
Гипускоа	728	180 743	248
Алава	1 205	103 320	86
АСТУРИЯ:—			
Овьедо	4 091	610 883	152
ГАЛИСИЯ:—			
Оренсе	2 739	402 796	147
Понтеведра	1 739	480 145	282
Ла-Корунья	3 079	630 504	210
Луго	3 787	475 836	126
ИТОГО ИСПАНИЯ	192 959	16 835 506	87
АФРИКА:—			
Канарские острова	2 808	283 859	101
Западное побережье	850	35 000	41
АМЕРИКА:—			
Куба	45 983	1 400 000	30
Пуэрто-Рико	3 596	625 000	173
ОЦЕАНИЯ:			
Филиппины	65 870	6 000 000	91
Каролинские острова	534	18 800	35
Острова Пелеу	345	10 000	29
Марианские острова	417	8	19
ИТОГО КОЛОНИЙ	120 403	8 380 659	70

ИСПАНИЯ И КОЛОНИИ	313 362	25 216 165	80
-------------------	---------	------------	----

ПОРТУГАЛИЯ.*

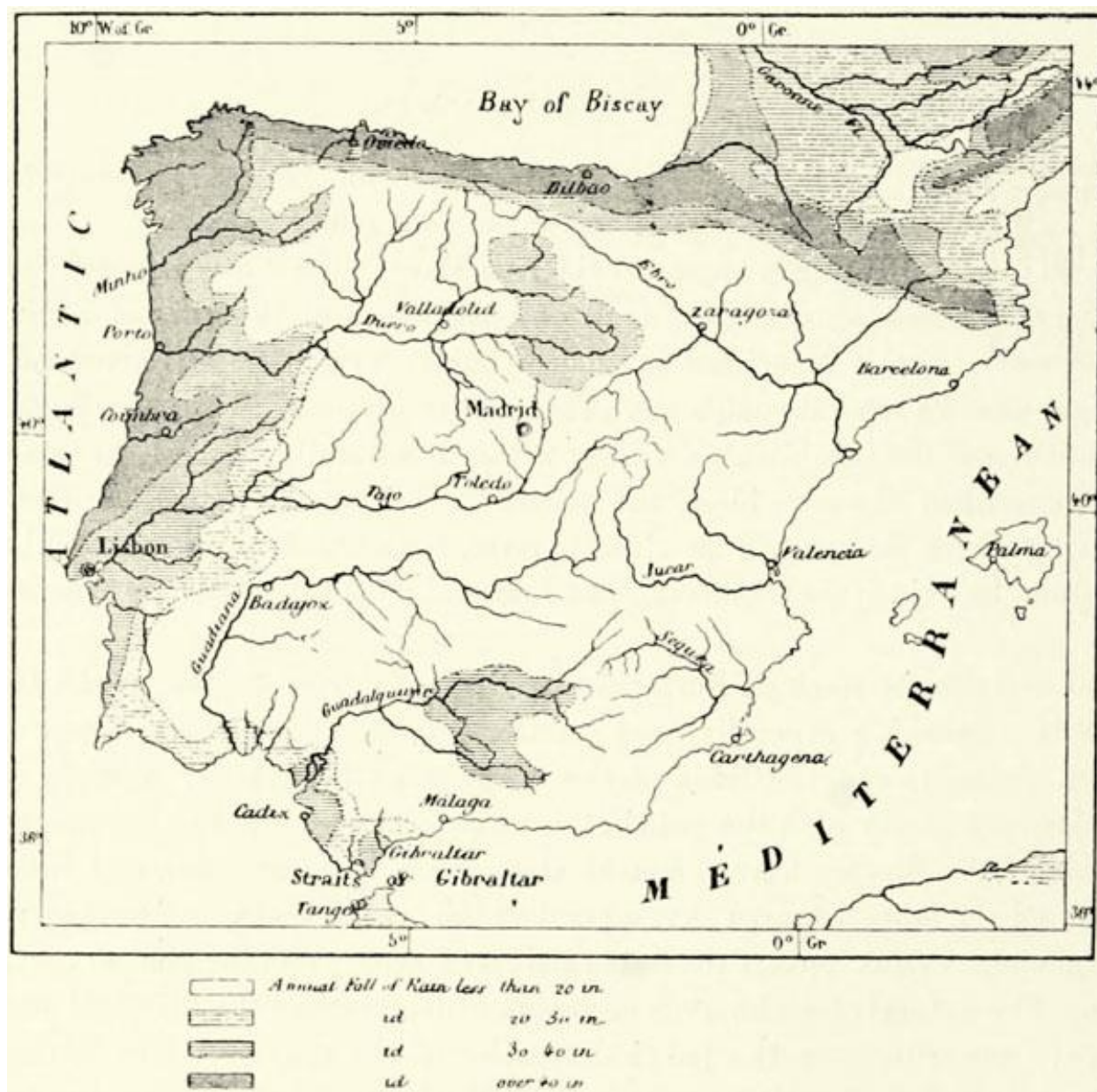
I.—ОБЩИЕ АСПЕКТЫ.

ПОРТУГАЛИЯ, одно из самых маленьких государств Европы, тем не менее в течение короткого периода времени была одной из самых могущественных стран.

На первый взгляд может показаться, что Португалия должна быть частью государства, включающего всю Пиренейский полуостров, но ее отдельное существование обусловлено не случайностью и не чисто историческими событиями. Страна единая по своему климату, фауне и растительности, и жители, проживающие на ее территории, естественно, вели одинаковый образ жизни, питали одинаковые идеи и объединились в одно политическое образование. Португалия стала независимым государством, продвигаясь вдоль побережья, от реки к реке, от Дору до Минью и Тежу, от Тежу до Гвадианы.

Почва и климат очень четко отличают Португалию от остальной части Иберийского полуострова. В целом, эта страна охватывает атлантические склоны испанского плато, и граница сильных дождей, приносимых западными ветрами, почти совпадает с политической границей между двумя странами. С одной стороны этой линии мы имеем влажный климат, частые дожди и густые леса; с другой — яркое небо, засушливую почву, голые скалы и безлесные равнины. Обильные дожди превращают слабые ручьи, стекающие с плато, в большие реки. Природные препятствия, такие как пороги, которые преграждают путь главным из них, встречаются вблизи политической границы страны. Гавань Лиссабона была, так сказать, ядром, вокруг которого кристаллизовалась остальная часть страны. Ее притягательная сила оказалась равной той, которая притягивала остальную часть полуострова к Мадриду и Толедо.

Как часто бывает, когда соседние народы подчиняются разным законам и вынуждены сражаться друг с другом по прихоти своих правителей, между испанцами и португальцами нет любви. Первые, будучи сильнее, насмехаются над «Portugueses pocos y locos» (маленькими и сумасшедшими). Португальцы гораздо более демонстративно выражают свою неприязнь. Раньше «Убийца кастильцев» был любимым вывеской развлекательных заведений, а национальная поэзия пронизана страстной ненавистью к испанцам. Эта вражда, безусловно, мешает иберийскому союзу, за который выступает лишь горстка людей.

Древняя Лузитания была заселена кельтскими и иберийскими племенами, которые в течение значительного времени сопротивлялись завоевательным войскам Рима. Те, кто жил вблизи побережья, подвергались влиянию греческих, финикийских и карфагенских колонистов, но гораздо более длительным было влияние римлян, которые навязали народу свой язык и форму правления. Свевы и вестготы оставили после себя лишь немногие следы своего присутствия. Мусульмане разных рас значительно изменили кровь и нравы жителей, особенно в Алгарве, где они продержались до середины XIII века. Многочисленные руины крепостей, сохранившиеся по всей стране, свидетельствуют о жестоких борьбах, которые велись между этими расами до установления единого правительства и религии.

Короли Португалии, следуя совету Инквизиции, изгнали всех еретиков. Преследование мавров было безжалостным, но евреям иногда давали передышку. Испанские евреи, поселившиеся недалеко от границы и внешне принявшие христианскую религию, получили

разрешение остаться; но более сознательные евреи остались верны своей вере и унесли свои знания в другие страны Европы и на Восток. Во время изгнания они занимались литературой, медициной и правом, а также торговлей; в Лиссабоне они основали академию с высокой репутацией; именно еврей привнес в Португалию искусство печати; а Спиноза, этот благородный и влиятельный мыслитель, был евреем португальского происхождения.

Но португальцы имеют в своих жилах не только кровь арабов, берберов и евреев, они также в значительной степени смешаны с неграми, особенно на юге и вдоль побережья. Рабский торговля существовала задолго до того, как негры из Гвинеи были вывезены на плантации Америки. Дамианус а Гоес оценил число негров, ввезенных только в Лиссабон в XVI веке, в 10 000 или 12 000 в год. Если верить современным очевидцам, число негров, встречавшихся на улицах Лиссабона, равнялось числу белых. В каждом доме были негритянские слуги, а богатые владели целыми бандами негров. Иммунитет португальских иммигрантов, сталкивающихся со смертельно опасным климатом тропиков, иногда приписывают примеси негритянской крови, но, на наш взгляд, это ошибочно. Большинство этих иммигрантов происходят из горных районов на севере, где раса почти чистая; и если португальцы акклиматизируются быстрее, чем представители других наций, то они обязаны этим своей трезвости.

В настоящее время наибольшее влияние на население Лузитании оказывают галисийцы. Они массово иммигрируют в Лиссабон и другие города, где зарабатывают на жизнь пекарями, носильщиками, швейцарами и домашней прислугой. Из-за своего грубого языка и деревенских манер они подвергаются насмешкам и мало общаются с остальным населением. Однако их число постоянно растет, а их бережливость и трудолюбие вскоре позволяют им обрести благополучное положение.

Смешение этих разнородных элементов не привело к появлению красивой расы. Португальцы редко обладают благородными чертами испанцев. Их черты лица, как правило, нерегулярны, нос вздернут, а губы толстые. Среди них редко встречаются калеки, но и высокие люди тоже. Приземистые и невысокие, они склонны к полноте. Женщины не могут похвастаться пламенной красотой испанок, но у них блестящие глаза, густые волосы, оживленные черты лица и любезные манеры.

Рис. 192. — ПОРТУГАЛЬСКИЕ ТИПЫ: КРЕСТЬЯНИН ИЗ ОВАРА; ЖЕНЩИНА ИЗ ЛЕСЫ; КРЕСТЬЯНКА ИЗ АФФИФЕ.

Путешественники высоко отзываются о манерах, вежливости и доброжелательности крестьян, еще не зараженных коммерцией. Жестокости, совершенные португальскими

завоевателями в Индии и Новом Свете, принесли нации дурную репутацию, хотя, как правило, португальцы сострадают всем страдающим. Он азартный игрок, но никогда не ссорится; он любит корриду, но заботится о том, чтобы рога быка были обернуты пробкой, чтобы животное можно было сохранить для будущих соревнований; и он чрезвычайно добр к домашним животным. В общении португальцы добродушны, услужливы и вежливы. Сказать лузитанцу, что он «плохо воспитан», значит серьезно его обидеть. Их речь элегантна, хотя и церемонна. Даже крестьяне выражают свои мысли с легкостью и владеют словами, что замечательно для народа с таким низким уровнем образования. Кляны и нецензурные выражения почти никогда не срываются с их губ, и, хотя они большие болтуны и даже хвастуны, в разговоре они очень осторожны. Португалия дала миру великих ораторов, а один из ее поэтов, Камознс, является одним из самых прославленных в истории. С другой стороны, Португалия не дала миру ни одного великого художника, поскольку Гран-Васко является мифическим персонажем. Сам Камознс признает это, когда говорит: «Наша нация является первой благодаря своим великим качествам. Наши мужчины более героичны, чем другие мужчины; наши женщины более красивы, чем другие женщины; и мы превосходим всех в искусствах мира и войны, за исключением искусства живописи».

Португальский язык очень похож на кастильский в том, что касается корней слов и общей конструкции, но гораздо менее объемный и звучный. В нем много носовых и шипящих звуков, которые иностранцу трудно произносить, но нет гортанных. Арабских слов в португальском языке меньше, чем в кастильском, но лузитанцы, как и испанцы, по-прежнему клянутся богом мусульман — *Оксала (Оджала)*, то есть «если Аллах того пожелает».

Португальцы не могут сравниться по численности с другими народами Европы, и, следовательно, их влияние на судьбы мира невелико. Однако в один период своей истории они превзошли все другие народы своими морскими предприятиями. Испанцы, безусловно, участвовали в великих открытиях XV века, но именно португальцы сделали их возможными, первыми отважившись на плавание по открытому океану. Именно португалец Магеллан предпринял первое кругосветное путешествие, которое завершилось только после его смерти. Подобного превосходства среди наций больше никогда не будет, поскольку развитие средств связи оказывает выравнивающее влияние на всех. Поэтому Португалия больше не может надеяться вернуть себе прежний национальный статус, но ее огромные природные ресурсы и выгодное географическое положение на краю континента всегда будут обеспечивать ей почетное место среди других стран.

Горы Лузитании являются частью большой орографической системы всего полуострова, но они не являются просто отрогами, постепенно опускающимися к морю, поскольку они поднимаются в виде независимых хребтов; и индивидуальность Португалии проявляется в рельефе ее почвы не меньше, чем в истории ее жителей.

Горы, возвышающиеся в северо-восточном углу Португалии, к югу от Минью, можно рассматривать как внешний барьер древнего озера, которое когда-то покрывало всю равнину Старой Кастилии. От Пиренеев до Сьерра-де-Гата этот барьер был непрерывным, а существующие сейчас проломы появились относительно недавно и являются результатом эрозионного воздействия потоков. Самый значительный из этих прорывов, прорыв Дору, мог быть осуществлен только путем преодоления самых грозных препятствий.

Самый северный горный массив Португалии, Пенедра-де-Гавьеро (4727 футов), возвышается над лесным поясом и доминирует над Сьерра-Пеньягаче (4065 футов) на испанской границе на востоке, а также над холмами Санта-Лузия (1814 футов) и другими холмами вблизи побережья. Еще один горный массив возвышается сразу к югу от ущелья, через которое протекает река Лимия после выхода из Испании. Это Серра-ду-Гереш (4815 футов), цепь извилистых гор гротескной формы, единственным аналогом которой на полуострове является знаменитая Серрания-де-Ронда. Эта цепь, вместе с Ларуко (5184 фута) к востоку от нее, должна рассматриваться как западная оконечность Кантабрийских Пиренеев и, как и они, состоит из гранитных пород.

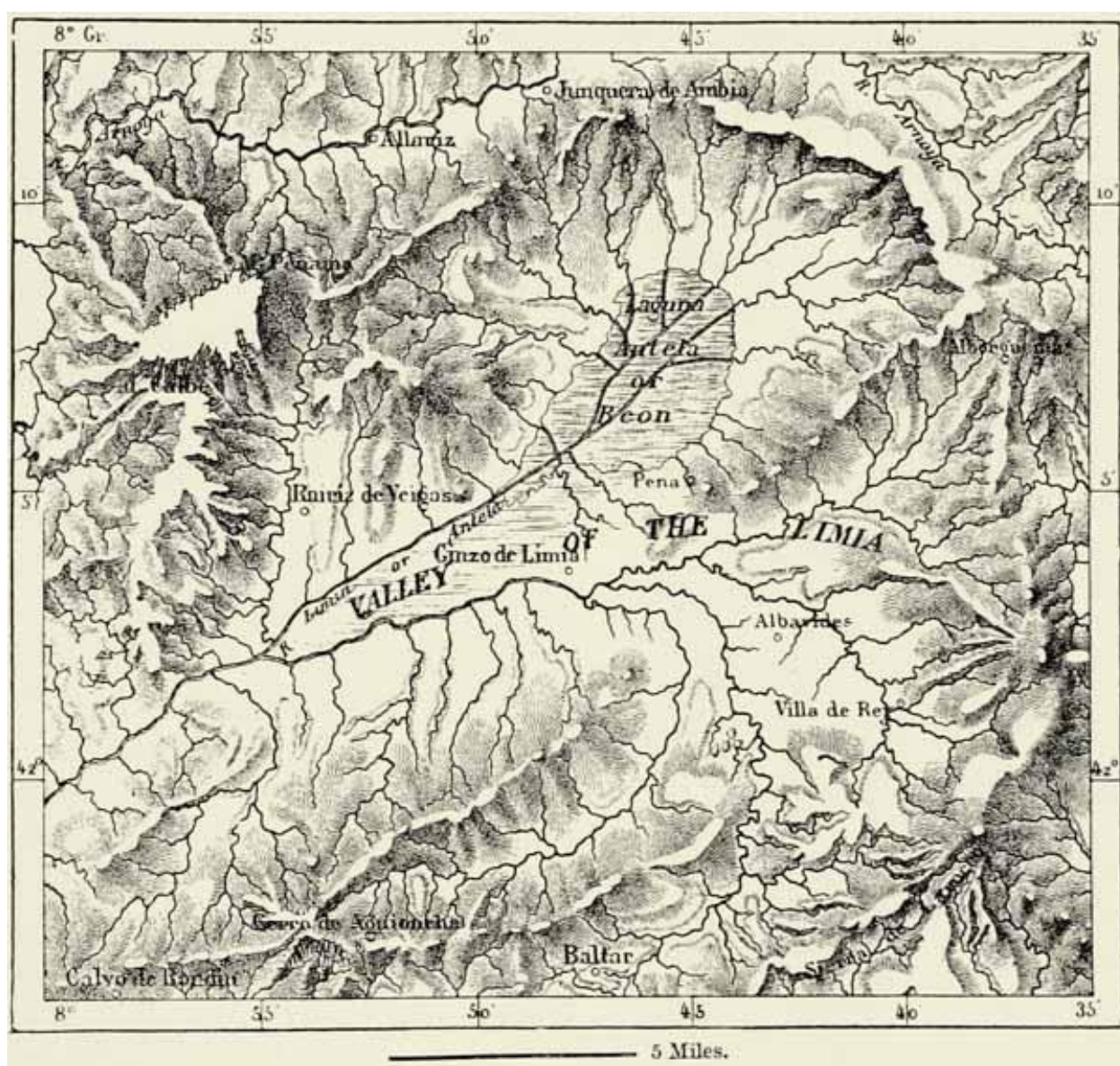
Флора этих северных пограничных гор Португалии очень похожа на флору Галисии, и на их склонах ботаник встречает любопытное смешение растительности Франции и даже Германии с растительностью Пиренеев, Бискайи и португальских низменностей. Однако на южных вершинах, и особенно на Серра-де-Марао (4665 футов), которая образует смелый мыс между Дору и его важным притоком Тамега и защищает винодельческие районы Порту от северо-западных ветров, возможности для изучения древесной флоры весьма ограничены, поскольку леса, которые когда-то покрывали их, исчезли. Сланцевые плато к востоку от них и к северу от Дору также были лишены лесов, чтобы освободить место для виноградников. Большинство диких животных исчезли вместе с лесами, но волки по-прежнему многочисленны и вызывают большой страх у пастухов. Горный козел (*Capra ægagrus*), который существовал до конца прошлого века в Серра-ду-Гереш, вымер. Серра-да-Кабрейра (4196 футов), к востоку от Браги, вероятно, обязана своим названием этим диким козлам.

Если Серра-ду-Жереш можно считать западной оконечностью Пиренейской системы, то величественная Серра-да-Эштрелла (6540 футов), возвышающаяся между Дору и Тежу, несомненно, является западным продолжением великой центральной гряды Испании, разделяющей плато двух Кастилий. Эти «Звездные горы» соединяются с горами Испании угрюмой плоскогорьем, или *мезой*, сравнительно небольшой высоты. Великая гранитная Серра-да-Эштрелла плавно поднимается над изрезанной местностью, где берет начало река Мондего. С этой стороны на нее легко подняться, поэтому она известна как *Серра-Манса*, «ручная гора». Однако на юге, над долиной Зезере, склоны крутые и труднодоступные, поэтому они известны как *Серра-Брава*, то есть «дикая гора». Возле самой высокой вершины хребта, Малхао-де-Серра (Malhão de Serra), встречаются очаровательные озерца, похожие на озера Пиренеев и Карпат. Вершины Серра-да-Эштрела () остаются покрытыми снегом в течение четырех месяцев в году и снабжают жителей Лиссабона льдом, необходимым для

приготовления их любимого щербета. Орографическая система Эштрела заканчивается Серра-де-Лузао (3940 футов), поскольку холмы Эстремадуры, которые заканчиваются в Кабо-да-Рока, хорошо известном морякам ориентире, принадлежат к другой геологической формации и состоят в основном из юрских слоев, лежащих над меловыми образованиями.

Горы Бейра и Энтре-Дору-э-Минью подвержены полному влиянию влажных юго-западных ветров, и количество осадков здесь значительно. Дождь не идет потоками, как в тропических странах, а льет непрерывно. Он более обильный зимой и весной, но не проходит ни одного месяца без дождя. Туманы часто возникают в устьях долин и вдоль побережья на юге до широты Коимбры. В этом месте за один год выпадает до шестнадцати футов осадков, что сопоставимо только с тропиками.

Рис. 193. долины лимии или лимы.
Масштаб 1:300 000.

Влажность воздуха объясняет большую равномерность климата Северной Португалии. В Коимбре разница между самым холодным и самым теплым месяцем составляет всего 20 °F.

Сильные морозы бывают только на плато, подверженных воздействию северо-восточных ветров, а жара становится невыносимой только в глубоких долинах, где воздух не может свободно циркулировать.¹⁷³ В Пенафиеле, где лучи солнца отражаются от скалистых обрывов, жара почти как в печи. Однако это исключение, и в целом климат можно охарактеризовать как умеренный.

Текущая вода здесь в изобилии. Камознс воспевал красоту полей Коимбры, орошаемых рекой Мондего, очарование каскадов, сверкающих среди листвы, и чистоту источников, бьющих из покрытых зеленью скал. Реки Воуга, притоки Дору, Аве, Кавадо и Лима также протекают извилистыми руслами через улыбающиеся ландшафты, красота которых подчеркивается скалами и горами. Лима, чьи прелести могли бы заставить римских солдат забыть о реках своей страны, является единственной рекой полуострова, которая все еще находится в состоянии геологического перехода. Все остальные реки осушили озера, которые их породили, но в случае с Лимой старая озерная котловина все еще занята болотом (), известным как Лагуна Беон или Антела, единственным остатком окруженного горами внутреннего озера, по величине сравнимого с Женевским.

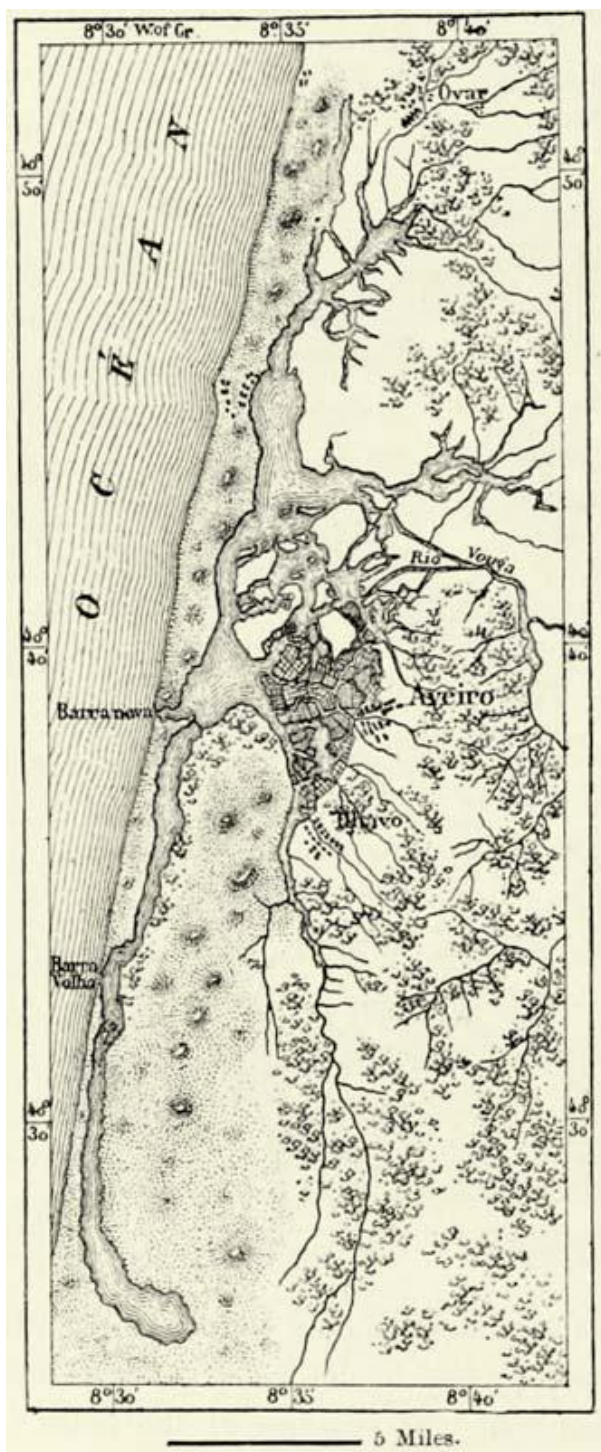

Рис. 194. — ДЮНЫ АВЕЙРО.
Масштаб 1 : 400 000.

Течение рек Северной Португалии слишком сильное, чтобы их можно было использовать в качестве магистральных торговых путей. У их устьев есть порты, но Дуро, который орошает почти шестую часть Иберийского полуострова, является единственной из них, которая облегчает доступ к внутренним районам. Моряки боятся приближаться к побережью, когда ветер дует на берег. Между Минью и Кабо-Карвоейро, на расстоянии 200 миль, побережье имеет черты, очень похожие на французские Ланды. Его первоначальные изгибы и неровности были сглажены песчаными барьерами. Нижняя долина реки Воуга ранее была морским заливом, простиравшимся далеко вглубь суши. Бассейн Авейру геологически напоминает бассейн Аркашона. Его воды богаты рыбой, но Дуро — самая южная река Европы, которую посещает лосось. Обилие жизни в некоторых его местах

образно выражено в испанской пословице, которая гласит: «Вода Дуро — это не вода, а бульон».

Прямой пляж Бейра-Мар в основном покрыт дюнами, за которыми старые заливы постепенно превращаются в нездоровые болота, окаймленные вереском, папоротником, земляничными деревьями и дроком, в то время как соседние леса состоят из дубов и сосен. Раньше эти дюны вторгались в возделываемые части страны, как это до сих пор происходит во Франции, где аналогичные геологические причины привели к аналогичным результатам. Но задолго до того, как во Франции задумали реализовать подобный план, эти португальские дюны были засажены соснами, и уже во времена правления короля Диниша «Труженника» в начале XIV века они перестали «продвигаться».

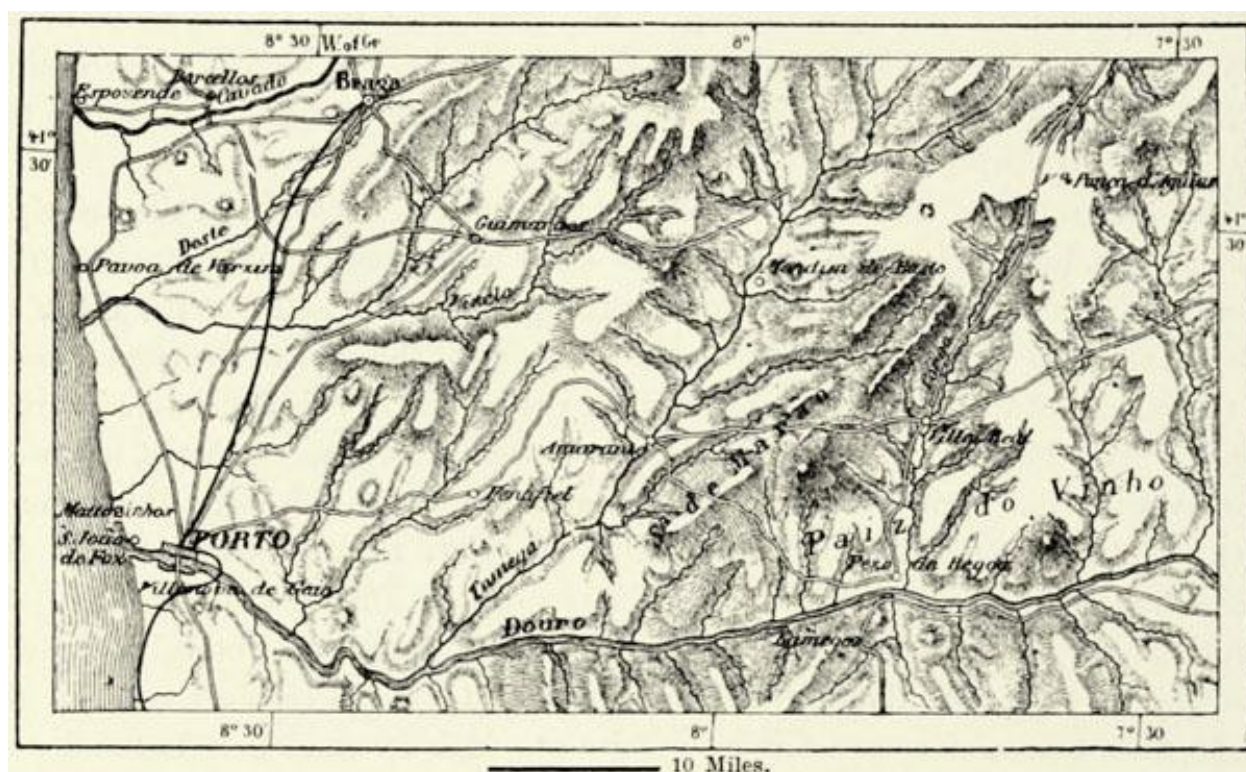
Население возделываемых участков бассейнов рек Минью и Дору очень плотное, и чтобы прокормиться, жители вынуждены усердно трудиться. Их земля — самая тщательно возделываемая на полуострове. В значительной степени эта трудолюбивость объясняется тем, что крестьяне являются владельцами земли, которую они возделывают, или, по крайней мере, аффарадос, то есть арендаторами, которые платят лишь несколько шиллингов в год помещикам. Многие крестьяне богаты, а женщины любят украшать себя драгоценностями, среди которых наиболее популярны ожерелья, изготовленные в мавританском стиле. Поля возделываются с особой тщательностью; для орошения верхних склонов холмов, которые часто разбиты на террасы, или *geios*, используются самые изобретательные методы. Эти северные португальцы отличаются не только трудолюбием, но и высокими моральными качествами. Их мягкий характер, веселье и доброжелательность являются предметом всеобщего восхищения, а их любовь к танцам и музыке делает их настоящими пастухами Теокрита. Соревнования в импровизированных стихах являются одним из развлечений молодых людей. Население не лишено и физической красоты. Женщины Авейру, хотя и часто ослабленные малярией, считаются самыми красивыми во всей Португалии.

Выращивание винограда и производство портвейна составляют основную отрасль промышленности страны. Главный виноградарский район, обычно известный как *Paiz do Vinho*, расположен к северу от Дору, между Серра-де-Марао и Туа, и подвержен полной силе лучей летнего солнца. В середине XVII века выращивание винограда в этом районе едва началось. Англичане тогда еще не научились ценить эти вина и довольствовались различными португальскими винами, поставляемыми из Лиссабона. Только после заключения договора лордом Метюзном в 1702 году выращивание винограда приобрело определенные масштабы в районе Дору, и с тех пор репутация портвейна только растет. Маркиз Помбал основал компанию по производству вина, и небольшой городок Пезо-да-Регоа на реке Корго стал известен своими винными ярмарками, на которых терялись и выигрывались целые состояния, а напротив города Порту, или Опорто, у устья реки Дору, возник город винных погребов и складов. Более ста лет портвейн и херес занимают почетное место на столах английских джентльменов, и почти все вино, произведенное на берегах Дору, поступает в Англию или британские колонии. Более того, до 1852 года вино самого высокого качества, известное как «фабричное вино», могло экспортироваться только в Англию. После англичан лучшими покупателями Опорто являются бразильцы: они получают почти 1 000 000 галлонов вина в год.¹⁷⁴

Значительную прибыль приносит разведение мулов и откорм испанского скота для лондонского рынка. Ранние овощи отправляются не только в Лондон, но и в Рио-де-Жанейро. Промышленность уже имела некоторое значение в средние века и в последнее

время получила значительное развитие благодаря предприимчивым английским капиталистам. В Порту есть хлопковые, льняные, шелковые и шерстяные фабрики, литейные заводы и сахарные рафинадные заводы, а его ювелиры и перчаточники пользуются хорошей репутацией. Однако сельское хозяйство, промышленность и легальная торговля, и даже контрабанда, осуществляемая в приграничном районе Браганса, не способны прокормить постоянно растущее население, и тысячи людей ежегодно эмигрируют в Лиссабон и Бразилию.

Рис. 195. — ОПОРТУ И ПАЙЗ-ДО-ВИНЬО.
Масштаб 1:1 000 000.

Северный Португалия можно охарактеризовать как колыбель существующего королевства, и именно Порту-Кале, расположенный на месте Вильянова-де-Гайя, южного пригорода Порту, дал название всей Лузитании. В Ламегу, к югу от Дору, согласно традиции, в 1143 году собрались кортесы и образовали новое королевство, столицей которого стал Порту. Когда страна восстановила свою независимость после короткого периода испанского господства, герцоги Браганса были наделены королевской властью. Хотя Лиссабон занимает более центральное положение, чем Порту, последний часто берет на себя инициативу в политических движениях, и успех любой революции, как говорят, зависит от того, на чью сторону встанет энергичное население севера. Если мы можем согласиться с оценкой *португальцев*, то они морально и физически превосходят *жителей Лиссабона*. Только они являются истинными сыновьями великого народа, чьи корабли бороздили океан в эпоху Великих географических открытий, и нет сомнений, что их походка более решительная, а речь и взгляд более открытые, чем у жителей столицы. В просторечии жители Порту и Лиссабона известны как *tripeiros* и *alfasinhos*, то есть «поедатели рубца» и «поедатели салата».

ОПОРТУ.

Порту, или О Порту, «Порт» *par excellence*, является естественной столицей Северной Лузитании, вторым городом Португалии по численности населения и объему торговли, первым по объему производства. С берегов реки Дору, ширина которой здесь составляет чуть более 200 ярдов и через которую проходит великолепный железнодорожный мост, город возвышается как двойной амфитеатр, вершины которого увенчаны собором и колокольной *дос Клеригуш*, а узкая долина, разделяющая их, покрыта домами. Нижний город имеет широкие улицы, пересекающиеся под прямым углом, но улицы, поднимающиеся по холмам, узкие и извилистые, и даже часто приходится подниматься по лестницам, чтобы добраться до более высоких кварталов города. Везде поддерживается чистота, и жители города очень заботятся об этом, чтобы заслужить похвалу многочисленных английских гостей. Гайя, длинный пригород, занимает противоположный берег реки. Он изобилует фабриками и складами, а его огромные погреба, по средним подсчетам, вмещают 80 000 бочек вина. Красивые прогулочные дорожки простираются вдоль берега реки и ее террас, а длинные участки реки покрыты судами и окаймлены садами и виллами. Холмы вдали увенчаны древними монастырями, укреплениями и деревнями, наполовину скрытыми среди зелени. Авинт, известный красотой своих женщин, которые ежедневно снабжают город *броа*, или кукурузным хлебом, является одним из них. Пригороды простираются вдоль обоих берегов реки в направлении моря. Река в устье имеет глубину всего две сажени во время отлива и опасна для судоходства, когда дует западный ветер. Даже в Порту суда водоизмещением 400 или 500 тонн подвергаются опасности из-за внезапных паводков, которые заставляют их срывать с якорей. Поэтому порт Дору сталкивается с большими трудностями в конкуренции с Лиссабоном.¹⁷⁵

Небольшой городок Сан-Жуан-да-Фош, расположенный в устье реки Дору, имеет маяк, но не ведет никакой торговли. Рядом с ним находятся Маттозиньюш и Леса, последняя из

которых может похвастаться древним монастырем, напоминающим крепость, и является очень популярным местом благодаря прекрасному пляжу и освежающему морскому бризу. Эспинью, к югу от Дору, является еще одним излюбленным морским курортом, несмотря на всепроникающий запах сардин. Небольшие порты к северу от Дору посещают только прибрежные суда или отдыхающие на море. Вход в Минью защищают замок Инсуа, расположенный на небольшом острове, как следует из его названия, и незначительная крепость Каминья. Река доступна только для судов с осадкой менее шести футов. Устье Лимы, хотя и более труднодоступное, тем не менее занято городом, имеющим некоторое значение — кокетливой Вианна-ду-Каштелу, красиво укрытой среди зелени плодородной равнины. Другие города — Эспозенде, расположенный в устье Кавадо, и Вилья-ду-Конде, расположенный в устье Аве. Раньше здесь строились большинство судов, занимавшихся работоторговлей, и судов, используемых в крупных морских предприятиях португальцев, и до сих пор здесь есть несколько верфей.

Среди внутренних городов Энтре-Дору-э-Минью находятся Понте-де-Лима, известный красотой окружающей местности; Барселуш, возвышающийся над тенистыми берегами Каваду; и Амаранте, славящийся своими винами и персиками и гордящийся прекрасным мостом через Тамегу. Но единственными городами, важными с точки зрения численности населения, являются Брага и Гимарайнш, оба расположенные на возвышенностях, откуда открывается вид на плодородную местность. Брага (*Bracara Augusta*), древняя римская колония, столица галисийцев, затем свевов, а позднее резиденция королей Португалии, стала главным городом всего полуострова, когда два королевства были временно объединены под властью одного правителя. Но Брага — это не только город прошлого, это даже сейчас оживленное место, где производят шляпы, белье, оружие и красивую филигрань на экспорт в остальные части Португалии и португальские колонии. Гимарайнш не менее интересен, чем Брага, благодаря своим памятникам и средневековым легендам. Посетителям до сих пор показывают священное оливковое дерево, которое выросло из семени, посаженного в землю королем Вамбой, когда он еще был простым рабочим; а Афонсу, основатель португальской монархии, родился в старом замке. Гимарайнш — оживленный промышленный город; здесь производят столовые приборы, металлические изделия и столовое белье, а английские туристы никогда не упускают возможности купить здесь любопытно украшенную коробку чернослива. Рядом с ним находятся популярные серные источники, известные римлянам как *Aquæ Levæ*. Но самые известные минеральные источники современной Португалии — это Калдаш-ду-Гереш, расположенные в долине притока Верхнего Кавадо.

Рис. 196. — САН-ЖУАН-ДА-ФОЗ И УСТЬЕ ДОУРО.

Города Траз-ос-Монтес и Бейра-Алта находятся слишком далеко от магистралей, чтобы привлекать значительное население. Вилла-Реал на реке Корго — самое оживленное место в Траз-ос-Монтес благодаря виноградникам в его окрестностях. Чавеш, старинная крепость у испанской границы, может похвастаться одним из тех римских мостов, которые прославили век Траяна: раньше он был известен своими минеральными источниками (*Aquæ Flaviæ*). Браганса, старинная провинциальная столица, имеет внушительную цитадель и, благодаря своему географическому положению, является важным местом для контрабандистов, поскольку законный экспорт регулярно колеблется в зависимости от таможенных тарифов. Это самое важное место в Португалии по производству сырого шелка. Ламегу, живописный город к югу от Дору, напротив Пайш-ду-Винью, славится своими ветчинами; Алмейда, которая сдерживает гарнизон испанского Сьюдад-Родриго, в древности была одной из самых крепких крепостей Португалии; а Визеу является важным пунктом между Дору и

Мондегу (). Его ярмарки посещают чаще, чем любые другие в Португалии, а в его соборе можно увидеть знаменитый шедевр, написанный мифическим Гран Васко. Пастухи вокруг Визеу славятся своей силой и красотой. Их непокрытые головы и обнаженные ноги придают им дикий вид, но их манеры так же изысканны и досточтимы, как и у остальных их соотечественников.

Коимбра (*Æminium*) в Бейра-Мар — самый густонаселенный город между Порту и Лиссабоном. Он известен прежде всего своим университетом, профессора и студенты которого придают ему вид средневекового центра образования. Здесь говорят на самом чистом португальском языке. Окрестности города восхитительны, а в ботаническом саду растения тропиков соседствуют с растениями умеренных зон. С берегов реки Мондего, на берегах которой построен город, посетители часто поднимаются к *Кинта-дас-Лагримос* («дому слез»), месту убийства прекрасной Инес де Кастро, смерть которой так жестоко отомстил ее муж, Питер Судья.

Немногие страны в мире могут сравниться с прекрасной долиной Мондегу, этой «рекой муз», дорогой всем лузитанцам, потому что она единственная принадлежит исключительно им. Кондейша, город недалеко от Коимбры, вполне заслуживает названия «корзина с фруктами», поскольку в его садах растут самые изысканные апельсины. На севере руины монастыря Буссако занимают горную террасу, покрытую густым лесом из кипарисов, кедров, дубов, вязов и экзотических деревьев. Это восхитительное место и горячие источники Лузо, расположенные неподалеку, являются излюбленным летним местом отдыха жителей Лиссабона и Коимбры.

Фигейра-да-Фоз, порт Коимбры, хорошо защищен, но, как и большинство других портов северной Португалии, заблокирован песчаной косой. Тем не менее, он часто посещается прибрежными судами, а среди его экспортных товаров — вина Барраида. Овар и Авейру, расположенные в «португальских Нидерландах», на берегах лагуны, отделенной от открытого моря цепью дюн, являются двумя другими портами этой части побережья. В средние века они были важными местами, но из-за смены песчаных отмелей, затрудняющих доступ к ним, их процветание прекратилось. Моряки этих двух мест славятся своей смелостью. Они занимаются ловлей сардин, добычей устриц и производством морской соли.

III. ДОЛИНА РЕКИ ТЕЖО (ТАЖО).

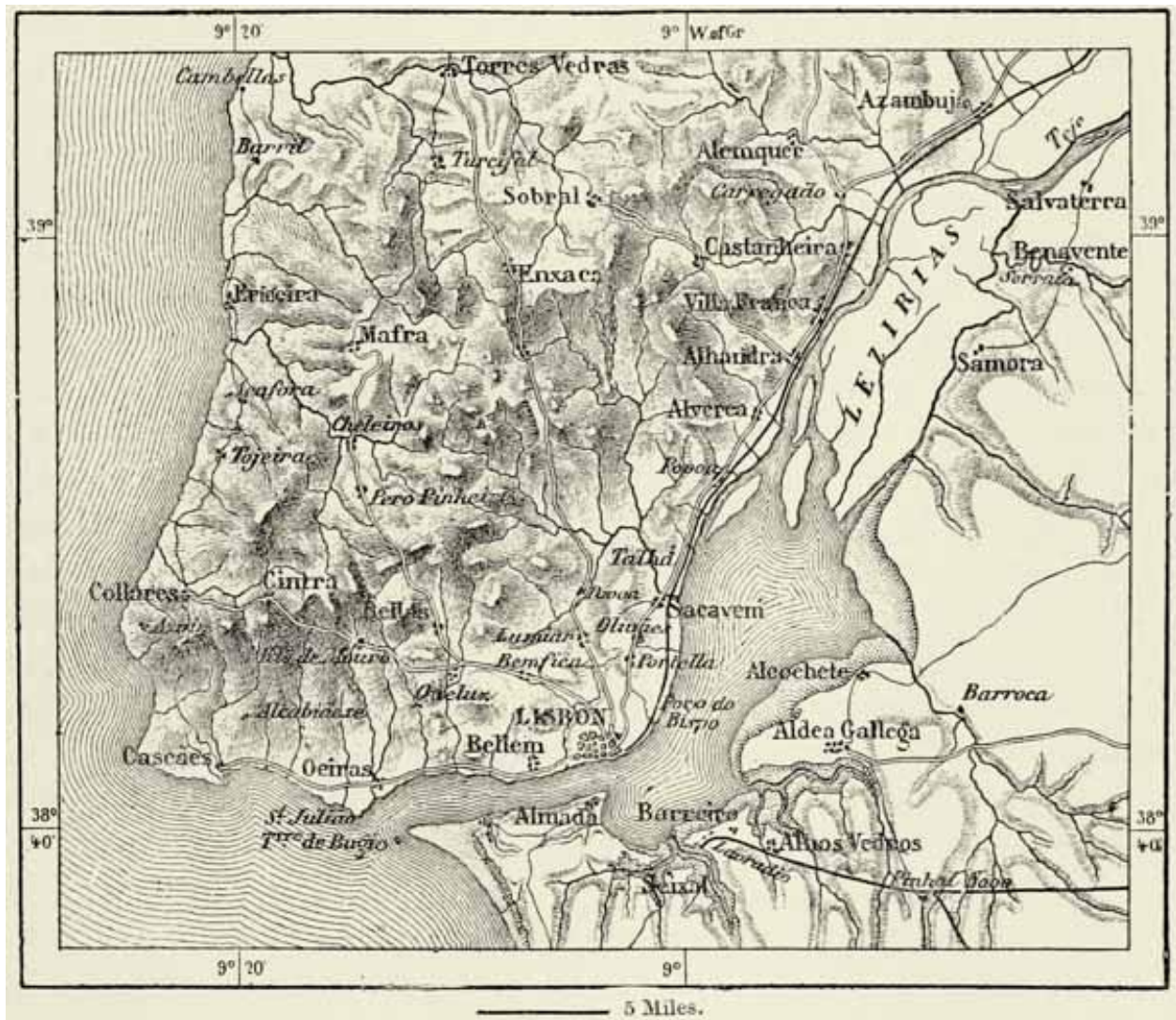
Нижнее течение реки Тежу, называемой в Испании Тахо, разделяет Португалию на две части, которые сильно различаются по своему общему виду, климату и почве. Сама долина является своего рода промежуточным звеном между севером и югом и обширным устьем, в которое впадает река.

Рис. 197. — КОИМБРА.

Там, где Тежу впадает в Португалию, ниже великолепного моста Алкантара, она все еще окружена крутыми берегами и не пригодна ни для судоходства, ни для орошения. Пройдя ущелье Вилья-Велья-ду-Родао, долина постепенно расширяется, и после впадения в нее самого значительного притока, Зезере, река становится спокойным потоком, изобилующим островами и песчаными отмелями, и пригодна для судоходства в течение всего года. Ниже Сальватерры река раздваивается, и ее два рукава окружают болотистый остров Лезириас. Обширное устье, которое начинается ниже этого острова, скорее похоже на морской залив, чем на реку; его воды соленые, и между Сакавемом и Алхандойра есть соляные карьеры. Тежу является одним из самых ярких примеров реки, вторгающейся на свой западный берег, который является крутым и холмистым, в то время как левый берег низкий.

Рис. 198. УСТЬЕ РЕКИ ТЕЖО (ТАГУС).
Масштаб 1:580 000.

Неровный хребет холмов, образующий основу полуострова, окруженного Нижним Тежу и океаном, соединяется с горой Эстрелла через изрезанное ущельями плато небольшой высоты, по которому проходит железная дорога, соединяющая Коимбру с Сантаремом. С вершины Серра-ду-Айре («ветренная гора», 2222 фута) мы смотрим вниз на зеленую долину Тежу и красноватые равнины Алемтежу за ней. Монте-Жунту (2185 футов), расположенная южнее, является еще одной впечатляющей вершиной. Скалистый мыс Карвоейру соединен с материком песчаным пляжем. На нем стоит маленькая крепость Пенише, жители которой ведут уединенный образ жизни и занимаются изготовлением кружева. Подводное плато соединяет этот мыс с островом Берлинга, на котором находится старинный замок, ныне используемый как тюрьма, и с Фарильянсом, вызывающим страх у моряков.

Холмы на узком полуострове к северу от Лиссабона невысокие, но из-за своего изрезанного рельефа они представляют собой большое препятствие для сообщения между населенными пунктами. Именно здесь Веллингтон построил знаменитые линии Торреш-Ведраш, которые превратили окрестности Лиссабона в огромный укрепленный лагерь. К югу от них возвышаются красивые холмы Синтра (), известные своими дворцами,

тенистыми долинами, прекрасным климатом и историческими ассоциациями. Базальтовые пласты, извергнутые древним вулканом, покрывают холмы между Лиссабоном и Сакавемом, а сильные землетрясения 1531 и 1755 годов доказывают, что подземные силы тогда еще не были полностью угасшими. Второе из этих землетрясений было, вероятно, самым сильным из когда-либо наблюдавшихся в Европе. Самый первый толчок разрушил 3850 домов в Лиссабоне, погребая под руинами 15 000 человек; через минуту огромная волна высотой почти сорок футов смела беженцев, которые толпились на набережной. Только одна четверть города, в древности заселенная маврами, избежала разрушения. Маркиз де Помбал воздвиг виселицу посреди руин, чтобы отпугнуть мародеров. От очага колебаний вибрации почвы распространились на огромную площадь, оцениваемую не менее чем в 1 000 000 квадратных миль. Порту был частично разрушен, гавань Алвор в Алгарве заилась, и, как говорят, почти все крупные города Марокко превратились в руины.

Овраг, соединяющий открытый океан с внутренним морем Лиссабона, через который Тежу сбрасывает свои воды, отделяет меловые холмы Синтра от изолированной Серра-да-Арабида (1537 футов) к западу от Сетубала, которые принадлежат к той же геологической формации. Эти две группы холмов, вероятно, были частями одного хребта в то время, когда река Тежу еще протекала через то, что сейчас является третичными равнинами Алемтежу, и достигала моря гораздо южнее, через устье реки Садо.

Лиссабон (Lisbõa), хотя число его жителей составляет менее половины от того, что было в XVI веке, не показывает никаких следов разрушений, причиненных в 1755 году. Даже центральные части города поднялись из руин, и огромные кварталы домов, впечатляющие своими размерами, если не архитектурой, заняли место старых построек. Нынешний город простирается на четыре мили вдоль реки Тежу, но с учетом пригородов, между Поко-ду-Биспо и Башней Белен, его протяженность составляет девять миль. Город простирается вглубь суши на расстояние в две-три мили и, как и Рим, считается построенным на семи холмах. Красивая набережная соединяет его с Белемом. Как видно с реки Тежу или с холмов на противоположном берегу, Лиссабон с его башнями, куполами и общественными прогулочными зонами, безусловно, представляет собой великолепное зрелище, и в пословице, гласящей: «Лиссабон — город на семи холмах», есть доля правды.

«Que não tem visto Lisbõa, Não tem visto cosa bõa !»

(«Кто не видел Лиссабона, тот не видел ничего прекрасного»).

К сожалению, внутренний вид этого великолепного мегаполиса не соответствует его впечатляющей внешней красоте. В Лиссабоне есть величественная площадь, называемая Ларго-ду-Комерсиу; здесь находятся все те здания, которые можно ожидать увидеть в столице королевства и важном морском городе, но, за исключением часовни Сан-Жуан-Баптиста, ни одно из них не отличается своей архитектурой. Единственным важным сооружением за пределами города является знаменитый акведук Os Arcos das Agoas, построенный Жуаном V, *Rei Edificador*, в начале XVIII века и не пострадавший во время землетрясения 1755 года. При приближении к городу он пересекает долину по великолепному мраморному мосту с тридцатью пятью арками, самая высокая из которых имеет высоту 246 футов.

ЛИССАБОН.

Лиссабон относительно беден интересными памятниками, но немногие города могут сравниться с ним по природным преимуществам почвы, климата и географического положения. Он расположен в самом центре; его гавань, устье судоходной реки, является одной из лучших в мире; и ее вход легко защитить, главными сооружениями, возведенными для этой цели, являются форт Сан-Жулиан и башня Бужию.

Рис. 199. — ПЕНИЧЕ И БЕРЛИНГАС.
Масштаб 1 : 142 860.

Лиссабон важен не только для Португалии, но и, благодаря своему положению, для всей Европы и даже всего мира. До тех пор, пока Средиземное море было ареной человеческой истории, он оставался в тени, но как только моряки осмелились выйти за пределы Геркулесовых столбов, прекрасная гавань у устья реки Тежу стала одним из главных пунктов отправления для судов, отправлявшихся в путешествия по открытию новых земель. Лиссабон стал самым передовым форпостом Европы на Атлантике, поскольку он предлагал больше возможностей, чем любой другой порт, для путешествий на Азорские острова, Мадейру, Канарские острова и западные побережья Африки. Достижения португальских мореплавателей вошли в историю. Обширные территории во всех частях земного шара стали вассалами маленькой Португалии, и потребовалась эпическая сила Камюэнса, чтобы прославить эти замечательные завоевания.

Эта эпоха славы длилась недолго, поскольку гордая Лиссабон, которая стала известна восточным народам как «город франков», как будто она была столицей Европы, к концу XVI века утратила свое превосходство. Португалия внезапно перевернулась, как небольшая баржа, перегруженная парусами. Раздавленная ужасным правлением Филиппа II, изнеженная роскошью и презирающая честный труд, как это всегда бывает с рабовладельцами, Лиссабон была вынуждена наблюдать, как большая часть ее торговли и

Регулярная смена сухопутных и морских бризов также является преимуществом, которым обладает окрестности Лиссабона. С начала мая и в течение всего теплого сезона ветер дует с суши утром, к полудню он сменяется южным, вечером дует с запада и северо-запада, а ночью — с севера. Отсюда и его название *viento roteiro*, то есть «вращающийся ветер». Что касается ветров, входящих в регулярную систему атмосферной циркуляции, то они дуют гораздо менее регулярно. Полярные ветры, останавливаемые поперечными горными хребтами страны, либо следуют в направлении побережья, либо отклоняются к плато Испании и появляются в Португалии в виде восточных ветров. Именно последние делают лето удушающе жарким. В Лиссабоне температура иногда поднимается до 100 °F, а в 1798 году была зафиксирована даже 104 °F. Опыт показывает, что, хотя в Рио-де-Жанейро жара превышает температуру в Лиссабоне, в последнем месте летняя жара более невыносима.¹⁷⁸

Растительность счастливого района, где смешиваются климаты Севера и Юга, имеет два аспекта. Финиковая пальма появляется в садах Нижней Эстремадуры; карликовая пальма растет под открытым небом вдоль побережья; агава поднимает свои ветви, похожие на канделябры, как на побережье Мексики; камелии здесь красивее, чем где-либо в Европе; а живые изгороди состоят из колючих кактусов (*нопал*), как на Сицилии и в Алжире. Плоды Средиземноморья созревают до совершенства; и даже манго с Антильских островов, завезенное сюда совсем недавно, нашло здесь подходящий климат. Апельсины известны как *portogalli* в нескольких странах вплоть до Египта, как будто жители Португалии были первыми, кто узнал эти золотые яблоки; и даже слово *chintarah* или *chantarah*, под которым апельсин известен в некоторых частях Индии, предположительно является искажением названия португальского города Cintra.

Белен (Вифлеем) — ближайший пригород Лиссабона, отделенный от него лишь ручьем под названием Алькантара, названным в честь старого мавританского моста. Это первое место, которое видит моряк, приближающийся к Лиссабону, а его квадратная башня, построенная королем Жуаном Совершенным, видна издали. Именно отсюда Васко да Гама начал свою памятную экспедицию, которая показала португальцам путь в Индию, и в память об этом славном событии был построен великолепный монастырь, ныне преобразованный в учебное заведение.

Оэйраш, расположенный в устье небольшой речки, спускающейся с высот Синтры, защищает вход в Тежу с помощью форта Сан-Жулиан; Каркавелуш, известный своими винами, лежит дальше; а Кашкаш, с небольшой гаванью, защищенной цитаделью, выводит нас к открытому океану. Побережье за ним защищено башнями, но там нет жителей. Однако холмы Синтры являются одним из самых густонаселенных районов страны и часто посещаются иностранцами. Независимо от того, следуем ли мы по автомобильной дороге или трамвайной линии из Лиссабона, мы проезжаем мимо замков и вилл Бомфики, королевского дворца Келуш и загородных резиденций Беллас, фонтан которых снабжает столицу водой. Сама Синтра окружена отелями и садами. На холме к югу от него стоит роскошный замок де ла Пенья, чьи эксцентричные архитектурные особенности смягчаются пышной растительностью. Иностранцы также посещают руины старого мавританского замка и пещеры «Монастыря пробки», названного так потому, что его стены покрыты пробкой для защиты от влаги. Вид со всех окружающих высот великолепен, а особенно с утесов, заканчивающихся знаменитым Кабо-да-Рока, самой западной точкой континентальной Европы ().

Рис. 201. — ЗОНЫ РАСТИТЕЛЬНОСТИ В ПОРТУГАЛИИ.
Масштаб 1 : 6 000 000.

Город Мафра занимает бесплодное плато недалеко от морского курорта Эрисейра. Как и Синтра, он может похвастаться огромным дворцом, Эскориалом королей дома Браганса, который сейчас используется как военная школа. Жуан V, построивший это сооружение с многочисленными церквями, часовенками и кельями, потратил на это все деньги, которыми располагал, и когда он умер, в казне не осталось достаточно денег, чтобы оплатить мессу за упокой его души. Гораздо более любопытным, чем этот огромный барак с 5200 окнами, является заброшенный монастырь Алкобаса, расположенный примерно в шестидесяти милях дальше на север, который был построен в XII веке в память о победах над маврами. Рядом с ним стоит монастырь Баталья, напоминающий о поражении кастильцев на равнине Альжубаррота в 1385 году. Порталы, монастырские дворы, часовня и зал капитула изобилуют скульптурами с великолепной отделкой, хотя и сомнительного вкуса.

Лейрия, город, ближайший к Баталье, занимает прекрасное место у слияния рек Лиз и Лена и находится под контролем мавританского замка, старой резиденции короля Диниша «Труженика», который посадил *сосновый* лес Лейрии, самый красивый лес в Португалии. После долгого периода упадка эта часть страны вступила в новую эпоху активности. В Маринья-Гранде, недалеко от нее, находятся крупные стекольные заводы, которые связаны железной дорогой с круговой гаванью Конча (ракушка) де Сан-Мартинью.

Томар, ранее известный благодаря своему монастырю, расположен на восточном склоне холмов, возвышающихся над равнинами Батальи и Алкобасы. Это столица рыцарей Христа, которым была предоставлена привилегия завоевать Индию и Новый Свет. Они совершили великие деяния, но в конце концов их алчность привела к упадку их родной страны. Сейчас Томар — город хлопкопрядильных фабрик, но торговля более активна в местах на реке Тежу, особенно в Сантареме, который со своего «чудесного» холма возвышается над зелеными островами реки и равнинами Алемтежу. Сантарем и соседняя крепость Абрантес (

) снабжают Лиссабон овощами и фруктами, а окрестности этих городов представляют собой настоящий лес оливковых деревьев.

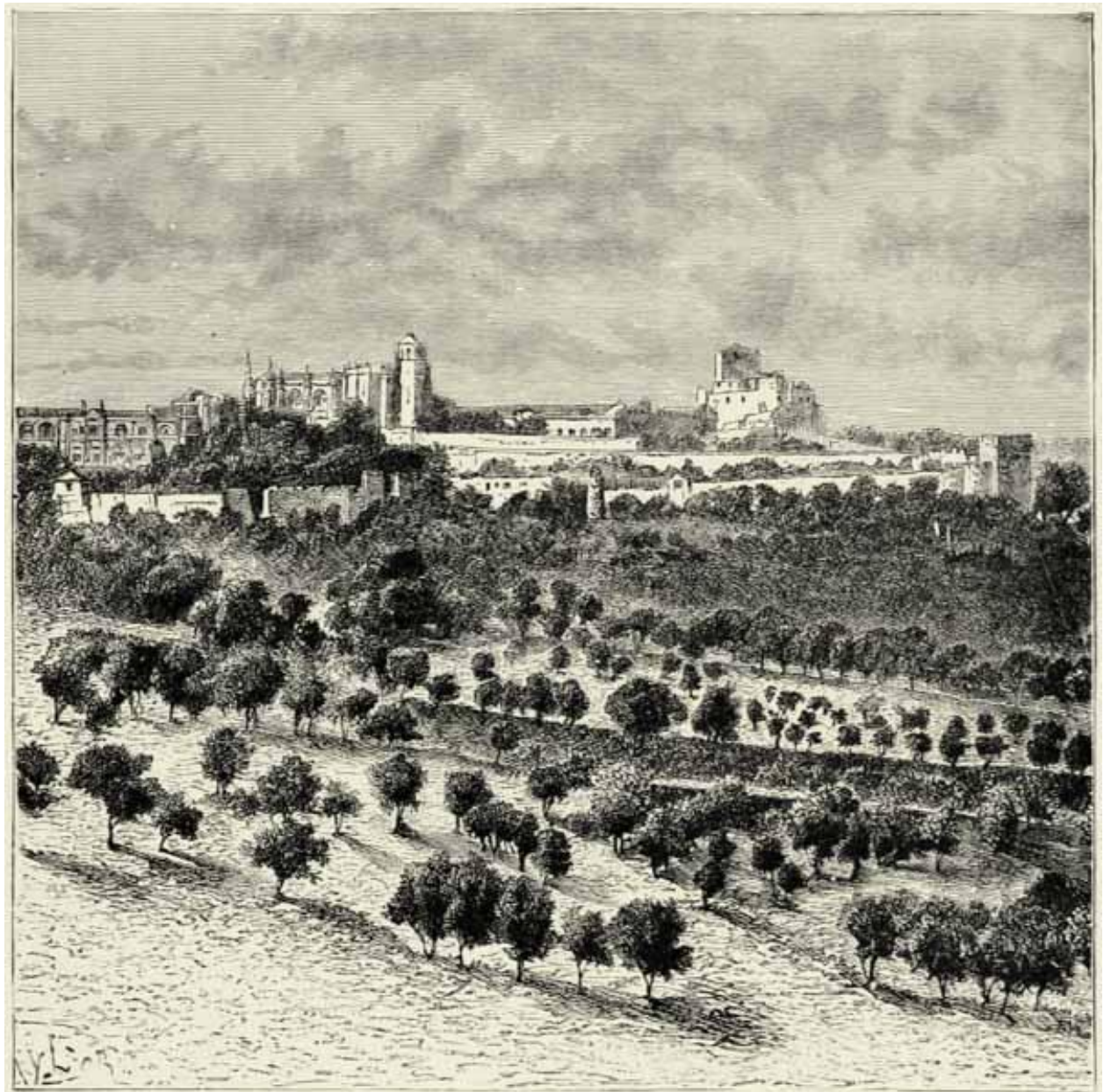
Песчаная почва и мелкие реки, ограниченные болотами на юге страны от реки Тежу, создают серьезные препятствия для основания крупных городов, и если бы не близость Лиссабона, эта местность, вероятно, была бы незаселенной. Альмада, расположенная напротив Лиссабона, Сейшал, Баррейру, Альдеа-Гальега и Алкошете являются лишь пригородами столицы и разделяют ее процветание или бедствия. Однако Сетубал, или Сент-Айвс, расположенный дальше к югу, на устье реки Садо, и имеющий отличную гавань, страдает от слишком близкого расположения к Лиссабону, поскольку Португалия не настолько богата, чтобы содержать два порта, расположенных так близко друг к другу. Сезимбра, расположенная на крутом побережье, заканчивающемся мысом Эспишел, к западу от Сетубала, также является запустевшим местом, а Троя, которая предшествовала Сетубалу как торговый центр Садо, теперь лежит погребенной под дюнами. Недавние раскопки на этом месте привели к обнаружению римских мозаик и улицы, проложенной, возможно, финикийцами; а ботаник Линк, посетивший это место в конце прошлого века, все еще находил там руины дворов мавританских домов.

Сетубал, хотя его торговая деятельность значительно уступает Лиссабону, все еще экспортирует мускатные вина, восхитительные апельсины и соль, добываемую из прудов в его окрестностях.¹⁷⁹ Море у Сетубала и Сезимбры богато рыбой и другими морскими животными, и по сравнению с ним Средиземное море и Бискайский залив можно почти назвать пустынями. Задолго до того, как ученые исследовали дно моря, рыбаки Сетубала вылавливали с глубины 300 сажен огромных акул. Обычная рыба ловится мириадами, а жители Сезимбры кормят своих свиней сардинами. Когда Португалия была на пике своего коммерческого процветания, она поставляла рыбу в значительную часть Европы и почти монопольно владела рыбным промыслом трески, которая экспортировалась даже в Норвегию.¹⁸⁰

IV. — ЮЖНАЯ ПОРТУГАЛИЯ. АЛЕМТЕЖО И АЛГАРВЕ.

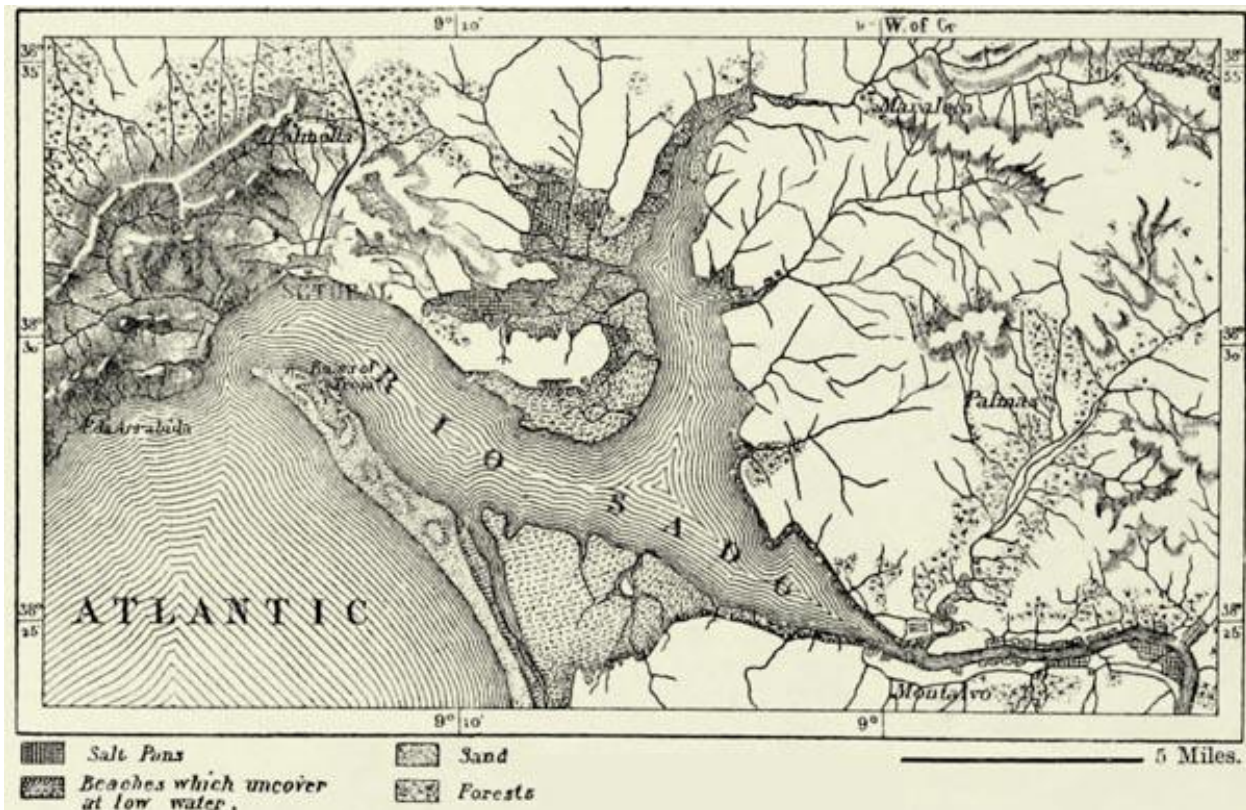
Горы за Тежу редко принимают вид цепей. В большинстве своем они лишь немного возвышаются над окружающим плато. Этот регион — наименее привлекательный из всех в Португалии, и между Тежу и горами Алгарве есть только равнины, однообразные холмы, леса и голые земли. Жилые поселения редки и находятся далеко друг от друга. Низменности вдоль Тежу и побережья покрыты толстым слоем мелкого песка, лежащего на глине, и до сих пор здесь растут группы морских сосен и каменных дубов, остатки древних лесов, которые когда-то покрывали всю страну. Дальше вглубь материка мы попадаем в большие пустоши, или *чарнекас*, покрытые бесконечным разнообразием растений. Здесь растут вереск, иногда достигающий шести футов в высоту, каменные розы, можжевельник, розмарин и ползучие дубы. Но общий вид страны уныл, несмотря на белые и желтые цветы, которые покрывают ее до середины зимы, поскольку здесь почти нет возделанных полей. Холмы в основном состоят из слюдистых сланцев и покрыты однообразной растительностью из ладанника, дающего ладан. Это западная окраина зоны *харалес*, которая занимает сотни квадратных миль Сьерра-Морены и других горных районов Испании.

Рис. 203. МОНАСТЫРЬ РЫЦАРЕЙ ХРИСТА В ТОМАРЕ.

Серра-де-Сан-Мамеде (3363 футов), на границе с Португалией, между долинами Тежу и Гвадианы, является самым высоким горным массивом южной Португалии, но его гранитные хребты, окружающие узкие долины, едва поднимаются на 1500 футов над общим уровнем плато. Вторая гранитная горная гряда возвышается к югу от впадины, пересекаемой железной дорогой из Лиссабона в Бадахос. Это Серра-де-Осса (2130 футов). Волнистая местность соединяет ее с другими горными грядами, образуя крутые откосы в сторону долин Гвадианы и Садао, а также монотонную равнину, известную как Кампо-де-Бежа (870 футов). Знаменитая Кампо-де-Оурике (700 футов), на которой в середине XII века португальцы разгромили 200 000 мавров под командованием пяти королей, образует южное продолжение этой равнины. Эта битва и последовавшие за ней массовые убийства превратили равнины к югу от Тежу в пустыни.

Рис. 204 — УСТЬЕ РЕКИ САДО.

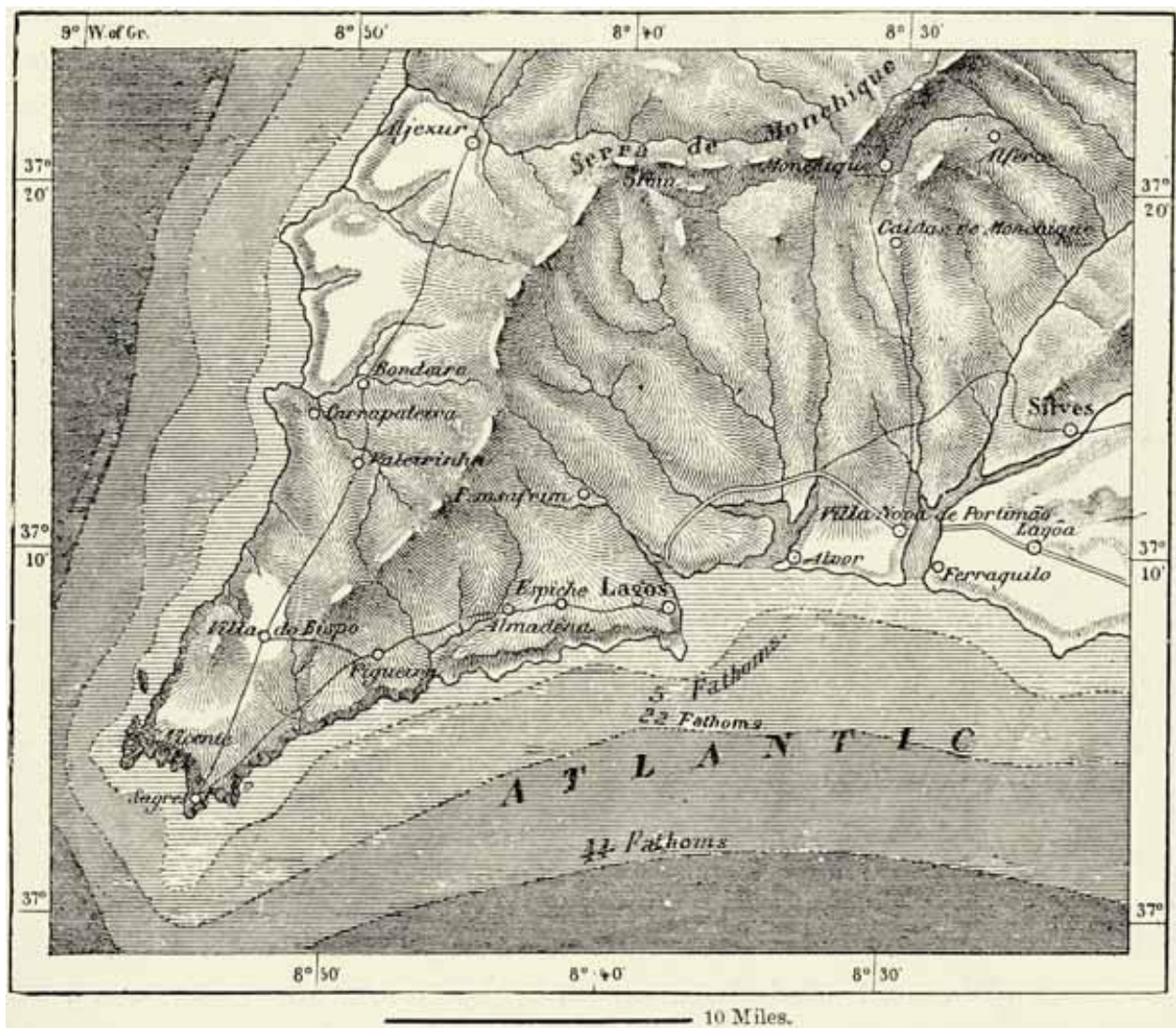

Холмы той части Алентежу, которая лежит к востоку от Гвадианы, принадлежат к системе Сьерра-Морена в Испании. Река, которая отделяет их от холмов и плато на западе, протекает по глубокому и узкому ущелью. В *Пуло-ду-Лобу* («волчий прыжок») она все еще спускается каскадом водопадов и становится судоходной только в Мертоле, в 37 милях выше ее устья.

Холмы южного Алентежу и Algarve, к западу от Гвадианы, сначала представляют собой просто возвышенности земли, известные как *кумеадас*, или «высоты земли», но в Серра-ду-Малхао (1886 футов) и Серра-да-Мескита они достигают некоторой высоты. Плато, пересекаемое верхними притоками Миры, соединяет последний упомянутый хребет с Серра-Кальдейран (1272 фута), который, как предполагается, назван в честь древнего кратера, или «котла», который заканчивается к северу от мыса Синеш, с Аталая, или Сентинел (1010 футов). Основная цепь продолжается на запад и достигает своей высшей точки в Серра-де-Моншике (2963 фута), горном массиве, занимающем юго-западный угол Португалии. Крутой хребет, известный как Эспиньясу-де-Као («собачья спина»), простирается от последнего в направлении мысов Святого Винсента и Сагреша.

Последний был выбран Генрихом Мореплавателем в качестве места для основанной им морской школы, и с его высот он наблюдал за возвращением кораблей, которые он отправлял в исследовательские экспедиции. Такие ассоциации гораздо более приятны, чем те, которые связаны с соседним мысом Святого Винсента, где в 1797 году адмирал Джервис уничтожил испанский флот.

Рис. 205. — СЕРРА-ДЕ-МОНЧИКЕ И МЫС САГРЕС.
Масштаб 1:500 000.

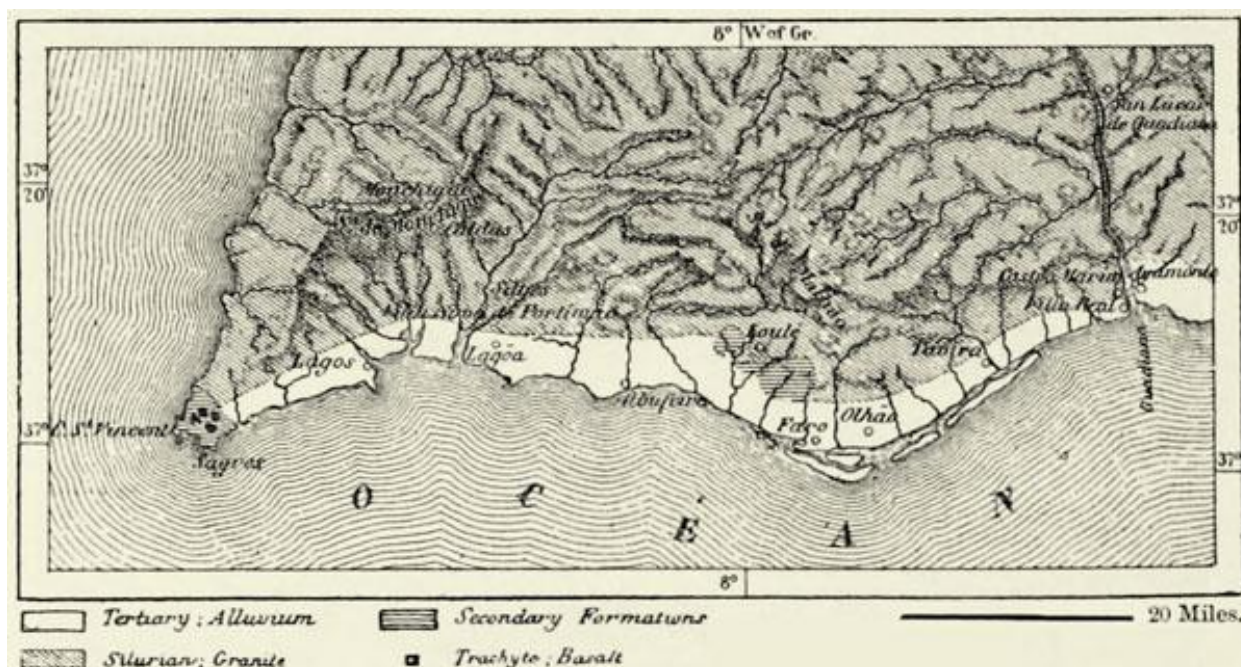

Холмы Сагреша имеют вулканическое происхождение, и оседание некоторых участков побережья Алгарве, по-видимому, свидетельствует о том, что подземные силы все еще активны. Везде, где наблюдается это оседание, побережье окаймлено песчаными отмелями, намытыми морскими волнами, а пролив, отделяющий их от материка, пригоден для плавания небольших судов.

Если путешественник поднимется на одну из вершин гор Алгарве, он не сможет не быть пораженным поразительным контрастом между районами к северу и югу от него. С одной стороны он видит обширные пустынные просторы, напоминающие пустыни, с другой — леса каштановых деревьев, многочисленные деревни, города, граничащие с побережьем, и флотилии рыбацких лодок, качающихся на голубых волнах. Контрасты между жителями этих двух районов едва ли менее поразительны. Жители Алемтежу — самые торжественные из португальцев, они даже не любят танцевать. Очень редко рассеянные по землям, которые они населяют, они либо занимаются сельским хозяйством, либо пасут свои стада свиней и овец в лесах каменных дубов и зарослях каменных роз. Летом они пересекают Тежу со своими свиньями и пасут их в горах Бейры. Население Алгарве, с другой стороны, в три раза более плотное, чем в Алемтежу, и не только поля, виноградники и фруктовые сады тщательно ухаживаются, но и море также дает часть своей пищи. Контраст между этими двумя провинциями отчасти объясняется тем, что большинство великих сражений происходило на холмистых равнинах Алемтежу. Когда римляне владели этой страной,

Алемтежу поддерживал многочисленное население, о чем свидетельствует большое количество найденных надписей.

Рис. 206. — ГЕОЛОГИЯ АЛГАРВЕ.
Масштаб 1:1 500 000.

Различия в высоте над уровнем моря и географическом положении в достаточной степени объясняют различия в климате между двумя провинциями. Алемтежу с его однообразными равнинами и низкорослым растительным покровом по своему внешнему виду напоминает Африку, в то время как Алгарве с его оливковыми рощами, пальмовыми рощами, агавами и колючими кактусами имеет тропические черты. Средняя температура вблизи побережья, вероятно, не ниже 68 °F. Серра-де-Моншике преграждает путь прохладным северным ветрам, а песчаные острова, окаймляющие часть побережья, не пропускают освежающие морские бризы. Самый жаркий ветер — это ветер, дующий с востока. Он часто насыщен вызывающими лихорадку миазмами, и, как гласит пословица, *De Espanha nem bom vento nem bom casamento*: «В Испании не бывает ни хороших ветров, ни хороших свадеб».

Вилланова-де-Портиман, к югу от Серра-де-Моншике, долгое время считалась самым жарким местом в Европе; однако есть несколько мест в Испании, которые могут соперничать с ней в этом отношении. Одно можно сказать наверняка: Алгарве, вместе с нижней долиной Гвадалквивира и южными побережьями Андалусии и Мурсии, составляет самую жаркую часть Европы. Арабы были совершенно правы, когда называли южную Лузитанию и противоположный берег Марокко одним и тем же именем «эль-Гарб», то есть двумя Алгарвами, или «восточными районами». Португальский Алгарве, несмотря на обращение его жителей в христианство, сохранил свое древнее мавританское название, и берберская и семитская кровь здесь очень заметны.

В Верхнем Алентежу есть лишь несколько городов, и они были бы совершенно незначительными, если бы не сухопутная торговля с Испанией. Крато, который является наиболее значительным пунктом на железной дороге, соединяющей Тежу с Гвадианой, и соседний Порталегре ранее были важными пунктами на великом сухопутном маршруте.

Эльвас, расположенный дальше к югу, окружен фруктовыми садами и защищен крепостями, которые в прошлом веке считались шедеврами военной архитектуры. Он находится напротив испанской крепости Бадахос, а также Оливенсы, которая была передана Португалии по Венскому договору, но никогда не была сдана Испанией. Эштремош, расположенный на отроге Серра-де-Осса, известен во всей Португалии своими букарос — изящно вылепленными глиняными кувшинами, источающими сладкий аромат. Монтемор возвышается на холме над обширными пустошами и однообразными лесами. Эвора, также построенная на холме, возвышается над обширной равниной. Она была густонаселенным местом во время господства римлян, а в средние века стала второй резиденцией королей Португалии. Сейчас от ее бывшего великолепия остались только римский акведук, руины храма Венеры, коринфские колонны и остатки средневековых замков.

Бежа, древняя *Rex Julia* или *Colonia Pacensis* римлян, также утратила свое прежнее значение, но Минас-де-Сан-Домингуш, расположенный на полуострове, образованном слиянием рек Гвадиана и Чанза, быстро развивается благодаря своим месторождениям пирита, меди и других полезных ископаемых, которые разрабатываются английской компанией. Руда доставляется по железной дороге в Помарао на реке Гвадиане, а оттуда на баржах в Вилья-Реал-де-Санту-Антониу, расположенный в устье реки, который раньше был просто рыбацкой деревушкой, а теперь является оживленным портом. Недалеко от него находится Кастро-Марим, где раньше готовились экспедиции против мавров.

Силвеш, древняя мавританская столица Алгарве, лежит в глубине страны, вдали от современных торговых путей. Фару, современная столица, имеет преимущество в том, что лежит на побережье и обладает безопасной гаванью, откуда небольшие каботажные суда могут экспортировать фрукты, тунца, сардины и устриц. Тавира обладает теми же преимуществами и экспортирует те же товары: ее считают самым красивым городом Алгарве. Лоле, расположенный в живописной долине в глубине страны, является прекрасным местом и, когда инвалиды узнают дорогу в Алгарве, может приобрести некоторое значение как зимний курорт. Кальдаш-де-Моншике (*Caldas de Monchique*) (600 футов) и сегодня пользуется всемирной известностью не только благодаря своей эффективности, но и благодаря прекрасному климату и очаровательным окрестностям. Говорят, что в этом районе производят лучшие апельсины в Португалии.¹⁸¹

V. НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ПОРТУГАЛИИ.

Маленькая Португалия больше не делит с соседней Испанией господство над миром, как в XV веке. Секретность, соблюдавшаяся с целью сохранения монополии на торговлю с вновь открытыми странами, в конечном итоге оказалась крайне вредной для Португалии. На арене, которую португальцы мечтали занимать вечно, появились другие нации, и хотя последние по-прежнему владеют колониями, значительно превосходящими по площади метрополию, это ничто по сравнению с тем, что было безвозвратно утрачено. Васко да Гама открыл морской путь в Индию, но те немногие поселения, которые Португалия все еще удерживает там, она обязана благосклонности Англии. В Малайском архипелаге Португалия была почти полностью вытеснена голландцами, а Макао, расположенный у входа в реку Кантон, до недавнего времени был не более чем работоторговым рынком, с которого китайские «эмигранты» вывозились в Перу. В Африке Португалия владеет обширными владениями, если верить официальным документам и картам, но на самом деле под властью португальцев находится лишь очень небольшой участок территории, а большая часть торговли осуществляется через голландские и другие иностранные дома. Что касается Бразилии, то она теперь превосходит метрополию по численности населения и богатству. Мадейра и Азорские острова, первые завоевания лиссабонских мореплавателей, считаются неотъемлемой частью Португалии; они пользуются теми же правами и вполне равны ей по богатству.^{[182](#)}

Рис. 208. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПОРТУГАЛЬСКОГО ЯЗЫКА.

Когда Португалия потеряла Бразилию, эта маленькая страна оказалась в плачевном состоянии. Исчерпавшая себя в результате внешних и внутренних войн, с полностью разрушенными финансами и без дорог, позволяющих экспортировать свою продукцию, она могла бы исчезнуть с наших карт, не затронув интересы никого, кроме нескольких английских виноделов и испанских контрабандистов. Даже в 1851 году в стране существовала только одна дорога для экипажей, а именно та, которая соединяла Лиссабон с королевским дворцом в Синтре. Образованию не уделялось никакого внимания, и примерно поколение назад девушка, умеющая читать, была явлением. В то же время мы не должны забывать, что эти неграмотные португальцы умели обсуждать тему без ссор, прекрасно владели своим языком и даже могли импровизировать стихи большой поэтической ценности, и во всех этих отношениях они выгодно контрастировали с крестьянством Северной Европы.

За последнее поколение образование в Португалии значительно продвинулось вперед;¹⁸³ и в других отношениях страна постепенно ассимилировалась с остальной Европой. Были построены дороги и железные дороги,¹⁸⁴ и последние соединяют Лиссабон не только с ведущими провинциальными городами, но и с Испанией. Торговля с последней страной регулярно увеличивается с началом гражданской войны, когда Португалия извлекает выгоду за счет испанских портов Средиземного моря. Большая часть обычной торговли с Испанией никогда не фигурирует в таможенных реестрах, поскольку она осуществляется

контрабандистами, которые гордятся тем, что ускользают от бдительности пограничной полиции.

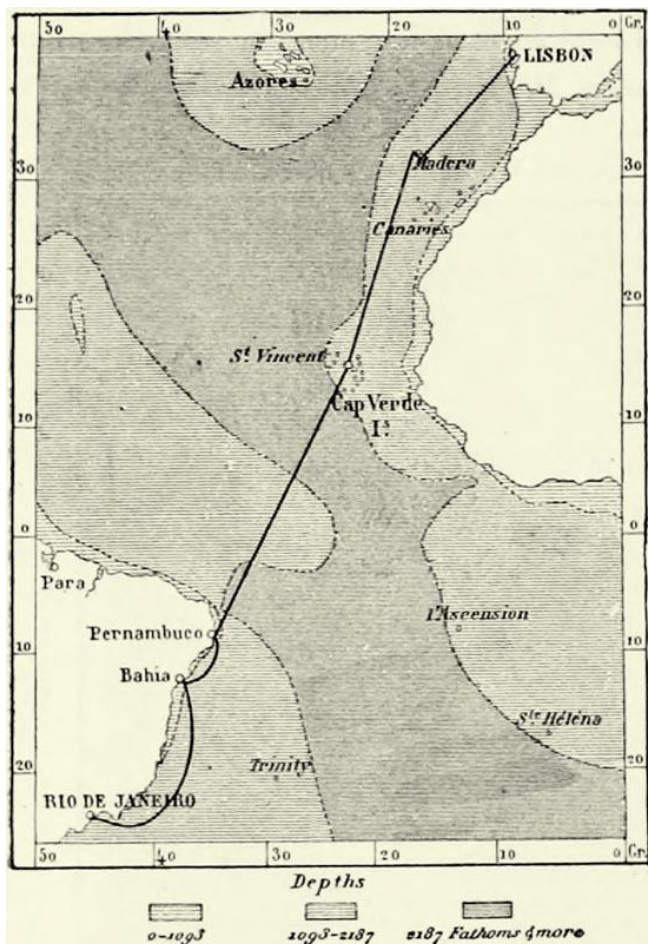

Рис. 209. — ТЕЛЕГРАФ ИЗ ЛИССАБОНА В РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО.

За последние тридцать лет торговля Португалии значительно выросла. Более половины ее приходится на долю Великобритании, что неудивительно, если учесть относительное географическое положение двух стран: поскольку Португалия находится на прямом пути английских пароходов, следующих в Средиземное море, Западную Африку или Бразилию. Помощь, оказанная Англией Португалии во время войны на полуострове, укрепила эти торговые связи.

Торговые отношения с Бразилией, которая теперь соединена с Лиссабоном подводным кабелем, также являются естественным результатом относительного положения двух стран и общего происхождения их населения. Португалия, по сути, участвует в каждом прогрессе своей бывшей колонии, и ее торговля приобретет огромные масштабы, когда в Бразилии будет отменено рабство, когда в пустынях Амазонки зазвучит шум трудолюбивого населения, а побережья Тихого океана соединятся с Атлантическим океаном с помощью железных дорог, пересекающих Анды.¹⁸⁵

Но, в конце концов, именно с Испанией должны быть установлены наиболее тесные торговые отношения, несмотря на национальные предрассудки и династические интересы. В конце концов, эти две нации станут одной, как арагонцы и кастильцы, андалузцы и манчегос стали одной. Это лишь вопрос времени, но кто может сомневаться, что общность промышленных и социальных отношений приведет к политическому союзу. Мы только надеемся, что этот союз будет создан без применения грубой силы и с должным учетом особых интересов.

VI. — ПРАВИТЕЛЬСТВО И АДМИНИСТРАЦИЯ.

Португалия является наследственной и конституционной монархией. В соответствии с *Carta de Ley* от 1826 года, пересмотренной в 1852 году, король наделен исполнительной властью и делит законодательную власть с двумя палатами. Он получает гражданский список в размере 144 000 фунтов стерлингов, пользуется доходами от определенных земель короны и владеет великолепными королевскими драгоценностями, среди которых самым известным является «бриллиант Браганса». В случае отсутствия наследников мужского пола корона переходит по женской линии. «Его вернейший величество» по-прежнему претендует на титул «короля двух Алгарве, лорда Гвинеи и завоеваний». Семь министров короны несут ответственность за действия короля; они могут быть подвергнуты импичменту Палатой депутатов и судимы Палатой пэров. Тайный совет, состоящий из неограниченного числа членов, назначаемых пожизненно, консультирует короля по всем вопросам управления. Претендент на престол принимает участие в его заседаниях по достижении восемнадцатилетнего возраста.

Палата пэров состоит из около ста членов, некоторые из которых являются наследственными, а другие назначаются королем. Ее заседания возглавляет патриарх Лиссабона. Палата депутатов является выборной, и обсуждение бюджета и предоставление средств специально зарезервированы для нее. Все мужчины старше двадцати пяти лет имеют право голоса, если они платят 4 шиллинга 6 пенсов прямых налогов или 22 шиллинга с недвижимости. Выпускники университетов, дипломированные учителя, офицеры и священники не обязаны иметь какое-либо имущественное цензусное право, и они, как и все женатые мужчины, получают право голоса по достижении двадцати одного года. Все избиратели имеют право быть депутатами, если они платят 18 шиллингов прямых налогов или 90 шиллингов с недвижимости. Каждые 25 000 жителей представлены одним депутатом. Председатель палаты избирается королем из пяти кандидатов, представленных депутатами. Последние имеют право на вознаграждение.

Для целей правосудия страна разделена на двадцать шесть округов, или *комарк*, с восьмьюдесятью пятью судами. В Лиссабоне и Порту находятся апелляционные суды, а в Лиссабоне — верховный суд. Судьи приходов (*juiz eleito*), избираемые народом, осуществляют низшую юрисдикцию. Присяжные выносят вердикт по вопросам факта как в гражданских, так и в уголовных делах. Основными кодексами, которые все еще действуют, являются «*Codigo Alfonsino*» XV века, «*Codigo Manoelino*» (1513) и «*Codigo Filippino*», введенный Филиппом IV Испанским. В 1833 году был опубликован Торговый кодекс.

Государственной религией является католицизм, но в морских портах допускается существование протестантских церквей. Иерархия включает патриарха, проживающего в Лиссабоне, двух архиепископов в Браге и Эворе и четырнадцать епископов. Инквизиция была упразднена в 1821 году, а 750 монастырей, а также большинство женских монастырей были закрыты в 1834 году, а их доходы конфискованы в пользу государства.

Армия насчитывает 1650 офицеров и 38 000 солдат, из которых около двух третей находятся на службе в мирное время. В военное время ее численность увеличивается до 2418 офицеров и 70 687 солдат. Все мужчины обязаны служить либо в армии, либо в резерве, и освобождение от этой обязанности больше нельзя купить. Крепостей много, но лишь немногие из них способны защитить от современной артиллерии. Наиболее важными являются Эльвас, Абрантес и Валенса, расположенные недалеко от испанской границы, форт Сан-Жулиан и цитадель Пенише на побережье. ВМС больше не насчитывают тысячу

кораблей, как это было, когда король Себастьян отправился на завоевание Марокко. Сейчас они состоят из двадцати семи пароходов, включая броненосный корвет, и одиннадцати парусных судов, укомплектованных 3000 человек и вооруженных 171 орудием.

Государственные доходы приближаются к 6 000 000 фунтов стерлингов, и с 1834 года ежегодно наблюдается дефицит, что привело к образованию государственного долга в размере более 80 000 000 фунтов стерлингов, что является почти непосильным бременем для такой маленькой страны, как Португалия. Однако доходы растут, в течение последних одного-двух лет был установлен баланс между доходами и расходами, и в 1875 году впервые удалось отказаться от жалкой меры, заключающейся в удержании от 5 до 30 процентов от заработной платы государственных служащих.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО, ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ.

Провинци и.	Округа.	Площадь, кв. мили.	Население, 1874 г.	Плотность.				
Между Дору и Минью	Вианна	864	221 049	256				
	Брага	1 054	346 429	329				
	Порту	903	451 212	500				
		Вилла-Реал	1 718	239 591	140			
		Браганса	2 573	177 170	—			
		Авейру	1 216	272 763	69			
		Визеу	1 922	398 477	207			
		Коимбра	1 500	305 237	203			
		Гуарда	2 148	234 912	109			
		Каштелу-Бранку	2 559	178 703	69			
	Траз-уш-Монтеш	Бейра-Альта	Бейра-Байша	Лейрия	1 348	194 944	14 5	
				Сантарем	2 651	217 316	82	
				Лиссабон	2 936	491 205	16 8	
				Эстремадура			10 9	
	Алентежу			Порталегре	2 497	2 19	2 44	
				Эвора	2 740	2 47	11 41	
				Бежа	4	15 7	37	

		198	4	
			32	
			7	
Алгарве	Фару	1	19	
		87	3	10
		5	87	4
			7	
			4	
Континентальная Европа		34	29	
		70	8	12
		2	88	4
			1	

КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ.

	Площадь, кв. миль.	Население.	Плотность.
Азорские острова	921	60 072	65
АФРИКА:			
Мадейра	310	118 609	383
Острова Зеленого Мыса	1 487	90 704	61
Сенегамбия	27	9 282	344
Сан-Томе и Принсипи	417	31 692	75
Форт Ажуда	13	700	54
Ангола, Бенгела и Моссамедес	312	2 000 000	6
Мозамбик и Софала	40 000	300 000	8
АЗИЯ:			
Гоа и др.	1 395	474 234	339
Дамао	30	40 980	1336
Диу	12	12 303	1025
Тимор и Камбинг	5 527	250 000	45
Макао	1½	71 834	47·223
Колонии	362 140	3 460 410	10
Всего, Португалия и колонии	396 842	7 759 291	20

ПРИМЕЧАНИЯ.

- [1](#) Houzeau, «Histoire du Sol de l'Europe» — Карл Риттер, «Europa» — Коль, «Die Geographische Lage der Hauptstadte Europa's».
- [2](#) Современное Азовское море и река Дон.
- [3](#) Latham, Benfey, Cuno, Spiegel и другие.
- [4](#) Население Европы, около 305 000 000 человек:

Греко-латинское.

Греки	2 600 000
Албанцы	1 250 000
Итальянцы	27 700 000
Французы	39 700 000
Испанцы и португальцы	20 210 000
Румыны	8 400 000
Реты («римляне»)	42 000
	99 902 000

Германцы.

Германцы	53 400
Голландцы и фламандцы	6 720 000
Скандинавы	5 640 000
Англосаксы	30 600 000
	96 360 000

Славяне.

Русские	59 000 000
Поляки	11 800 000
Чехи и др.	6 750 000
Сербы	5 750 000
Словенцы	1 200 000
Болгары	3 100 000
	87 600 000

Другие

Финны	4 700 000
Османы	1 300 000
Мадьяры	5 770 000
Татары	2 500 000
Калмыки	100 000
Кельты	1 600 000
Баски	700 000
Летты и др.	2 900 000
Армяне	280 000
Цыгане	590 000
Черкесы	400 000

В вышеуказанную цифру включено 4 500 000 евреев.

- [5](#) W. H. Smith, «The Me-di-ter-ra-nean» — Dureau de la Malle, «Géographie Physique de la Mer Noire et de la Méditerranée» — Böttger, «Das Mittelmeer».
- [6](#) Площадь бассейна Средиземного моря:

Сток	квадратных миль
Европа	683 500
Азия	232 000
Африка	1 737 500
Средиземное море	1 153 300
	3 806 300

7

	Западный бассейн.	Восточный бассейн.	Адриатическое море.	Архипелаг.	Черное море.	Средиземное море.
Площадь	355 200	502 000	50 200	60 600	185 300	1 153 300
Максимальная глубина, сажен	1 640	2 170	565	540	1 070	2170
Средняя глубина, фатомы	640	960	110	320	320	640

[8](#) Количество соли, содержащейся в растворе в Атлантическом океане, составляет 36 частей на 1000; в Средиземном море (в среднем) — 38 частей; в Черном море — 16 частей.

[9](#) В Средиземном море обитает 444 вида рыб (Гудвин Остин), 850 видов моллюсков (Джеффрис) и около 200 видов фораминифер.

[10](#) Таким образом, производство соли на побережье Средиземного моря распределяется между прибрежными странами следующим образом: Испания — 200 000 тонн; Франция — 250 000 тонн; Италия — 300 000 тонн; Австрия — 70 000 тонн; Россия — 120 000 тонн; другие страны — 200 000 тонн. Итого — 1 140 000 тонн на сумму 480 000 фунтов стерлингов.

[11](#) Годовой объем производства рыбной промышленности оценивается в 3 000 000 фунтов стерлингов, коралловой промышленности — в 640 000 фунтов стерлингов, губковой промышленности — в 40 000 фунтов стерлингов. Итого: 3 680 000 фунтов стерлингов.

[12](#) Судоходство и торговля в Средиземноморье (оценка):—

КОММЕРЧЕСКОЕ МОРСКОЕ СУДОХОДСТВО.			ВВЕЗЕННЫЕ И ВЫВЕЗЕННЫЕ ТОВАРЫ.	СТОИМОСТЬ ЭКСПОРТА И ИМПОРТА.	
Парусные суда.	Пароходы.	Тоннаж.	Тонны.	Фунты	
Испания (Средиземноморье)	2500	100	250 000	5 000 000	24 000 000
Франция (Средиземноморье)	4	230	300 000	6 000 000	80 000 000
Италия	18 800	140	1 030 000	21 000 000	104 000 000
Австрия	3 000	92	380 000	8 000 000	18 000 000
Греция	5 400	20	502	8 500 000	8 000 000
Турция в Европе и Азии	2 200	10	210	25	24 000
Румыния	—	—	—	1 300 000	8 000 000
Россия (Средиземноморье)	500	50	50 000	2 000 000	24 000
Египет (Средиземноморье)	100	25	15 000	4 000 000	20 000 000
Мальта и Гибралтар	200	13	39 000	12 000 000	23
Алжир	170	—	10 000	2 000 000	16 000 000
Тунис, Триполи и др.	500	—	10 000	500 000	4 000 000
	37 370	680	2 796 000	95 300 000	353 000 000

[13](#) Греция в пределах своих политических границ:—

	Площадь, кв. м.	Население (1870).	Плотность.
Континентальная Греция	7 558	466 918	62
Пелопоннес	8 288	545 389	66
Эгейские острова	2 500	205 840	82
Ионические острова	1 007	218 879	217
Армия, флот и моряки	—	20 868	—
Всего	19 353	1 457 894	75

[14](#) Высота гор в континентальной Греции (в футах):—

Геракавуни (Офрис)	5 673
Велухи (Тимфрестус)	7 610
Хония	8 186
Вардусия	8 242
Катавотра (Ќета)	6 560
Горы Акарнании	5 216
Варасова	3 010
Лиакюра (Парнас)	8 068
Палеовуни (Геликон)	5 738
Элатея (Китарон)	4 630
Парнес	4 645
Пентелик	3 693
Гиметий	3 400
Герания (Пера Хора)	4 482

[15](#) Орхомен, город на Кефиссе, столица Северной Беотии, разрушенный фиванцами в 371 г. до н. э.

[16](#) Высота основных гор Пелопоннеса (в английских футах):—

Киллен (Зирия)	8 940
Гора Арония (Хельмос)	7 726
Эримант (Олонос)	7 297
Артемизия (Малево)	5 814
Парнон (Агиос Петрос)	6 355
Ликеус (Диафорти)	4 660
Итоме	2 630
Тайгет	7 904
Арахнаус (Арголида)	3 935
Средняя высота полуострова	2 000

[17](#) Перешеек имеет ширину 6496 ярдов и поднимается на высоту 250 футов в самом узком месте, его средняя высота составляет 130 футов.

[18](#) Основные высоты островов Греции:

	Футы
Гора Дельфи, на Эвбее	5730
Гора Св. Илия, на Эвбее	4840
Гора Кохилас, на Скиросе	2565
Гора Ковари, на Андросе	3200
Гора Оксия, на острове Наксос	3290

Гора Св. Илия, на Сифносе 2280
Гора Св. Илия, на Ниосе 2410
Гора Св. Илия, на острове Санторини 1887

19 Ионические острова:—

	Площадь. Кв. м	Самая высокая горы.	Футов.	Жители. (1870 г.)
Корфу	224	Пантократор	3 280	72 450
Паксос и Антипаксос	27			3 600
Левкадия	183	Номали	3 870	21 000
Кефалония	292	Элато	5 310	67 500
Итака	42	Неритон	2 640	10 000
Занте	162	Скопос	1 300	44 500

20 Население крупнейших городов Греции (1870 г.):—

Города.	Население.
Афины и Пирей	59 000
Патры	26 000
Корфу	24 000
Гермополис, или Сира	21 000
Занте	20 500
Ликсури (Кефалония)	14 000
Пиргос или Летрини	13 600
Триполис или Триполица	11 500
Халкис, в Эвбее	11 000
Спарта	10 700
Аргос	10 600
Аргостоли (Кефалония)	9 500
Каламата	9 400
Хистиа, на Эвбее	8 900
Каристос, в Эвбее	8 800
Эгион, или Востица	8 800
Нафплион	8 500
Специя	8 400
Краниди, в Аργοлиде	8 400
Ламия	8 300
Месолонги	7 500
Андрос	9 300

21 Торговля Греции (1873): торговый флот: 6135 судов водоизмещением 419 350 тонн; зарегистрировано 112 814 судов водоизмещением 6 336 487 тонн; импорт — 4 166 239 фунтов стерлингов; экспорт — 2 721 877 фунтов стерлингов.

22 Государственные доходы (1875 г.): 1 404 053 фунта стерлингов; расходы: 1 409 288 фунтов стерлингов; долг: 15 232 202 фунта стерлингов.

23 Источники: — Р. Пашли, «Путешествия по Криту»; Раулин, «Физическое описание острова Крит»; Г. Перро, «Остров Крит»; Викенель, «Путешествие по европейской части Турции»; Ами Буэ, «Европейская часть Турции»; А. Дюмон, «Балканы и Адриатика»; Лежан, «Этнография европейской Турции»; фон Хаммер, «Константинополь и Босфор»; П. де Чихатшеф, «Босфор»; Хезей, «Археологическое путешествие по Македонии»; Фаншоу Тозер, «Исследования в высокогорьях Турции»; Барт, «Путешествия по европейской Турции»; фон Хан, «Албанские исследования»; Эккар, «История и описание Верхней Албании»; Дора д'Истрия, «Национальность албанская»; Ф. Маурер, «Путешествие по Боснии»; Ф. де Сент-Мари, «Герцеговина»; Каниц, «Дунайская Болгария и Балканский полуостров»; Х. Киперт, Карта Турции в Европе.

Изменения, внесенные Берлинским договором, см. на стр. [153](#).

[24](#) Мы упоминаем Пальму, Водонкура, Лапика, Буэ, Викенеля, Лежана, Каница, Барта, Хохштеттера и Абдуллу Бея.

[25](#) Высота основных гор: Аспра Вуна (Белая гора Леука-Ори), 8100 футов; Псилорити, или Ида, 8000 футов; Ласити, или Дикте, 7100 футов. Города: Канья, 12 000 жителей; Мегалокастрон, 12 000; Ретимно, 9000. Общая численность населения острова — 210 000 человек.

[26](#) Острова Фракии:

	Кв. м.	Жители.	Самые высокие горы.	Футы.
Тасос	74	10 000	Гора Ипсарио	3000
Самотраки	66	200	Гора Пенгари	5 240
Имбро	85	4000	Гора Св. Илия	1 950
Лемнос	170	22 000	Гора Скопия	1 410

[27](#) Консул Сакс (1873) оценивает население следующим образом: Стамбул — 210 000, Пера — 130 000, европейские пригороды, 150 000; азиатские пригороды, 110 000; всего 600 000 душ, включая 200 000 мусульман. С другой стороны, доктор Якшиты оценивает население Константинополя (без учета азиатских пригородов) в 358 000 душ, из которых 193 540 — мусульмане, 144 210 — восточные христиане и 30 000 — франки.

[28](#) Длина Босфора — 98 500 футов, или 18,6 миль; средняя ширина — 5250 футов; средняя глубина — 90 футов; максимальная глубина — 170 футов.

[29](#) Размеры Дарданелл: длина — 42,3 мили; средняя ширина — 2,7 мили, или 13 100 футов; минимальная ширина — 6400 футов; средняя глубина — 180 футов; максимальная глубина — 320 футов.

[30](#) Высоты: гора Пилав-Тепе, 6183 фута; Кортах, 3893 фута; Афон, 6786 футов.

[31](#) Гора Олимп, 9750 футов; гора Осса, 5250 футов; гора Пелион, 5130 футов.

[32](#) Ниже приведены основные города греческих провинций Турции с указанием числа их жителей:

Адрианополь (Эдирне)	110 000
Салоники (Салоника)	80 000
Серес	30 000
Лариса	25 000
Родосто	20 000
Галлиполи (Гелиболи)	20 000
Трикала (Тирхала)	11 000
Демотика	10 000
Веррия	10 000
Энос	7 000

[33](#) Высоты в Албании:

	Футов.
Схар	8 200
Томор	5 413
Зигос (Лахмон)	5 500
Смолика	5 970
Кундузи	6 270
Акрокераунийские горы	6 700
Озеро Охрида	2 270
Озеро Янина	1 700

[34](#) Население основных городов Албании: Пришренд — 35 000, Сутари (Шкодра) — 35 000, Янина — 25 000, Яковица (Якова) — 17 000, Ипек (Печ) — 16 000, Эльбасан — 12 000, Берат, 11 000; Приштина, 11 000; Тирана, 10 000; Корица, 10 000; Аргирокастро, 8000; Превеса, 7000 Дульчино, 7000; Дураццо, 5000.

[35](#) Высота над уровнем моря: гора Ком, 9350 футов; гора Дурмитор, 8860 футов; Глиб, 5775 футов.

[36](#) По данным Блау (1872), в Боснии, включая Герцеговину и Рашию, проживает 1 150 000 человек, в том числе 590 000 греко-католиков, 164 000 римских католиков, 378 000 мусульман, 12 300 цыган и 5700 евреев. Тот же автор утверждает, что в 1855 году население составляло 893 384 души, в том числе 286 000 мусульман. Согласно отчету английского консула (1873 г.), население составляет 1 084 162 души, в том числе 461 048 мусульман; а по данным профессора Якшиты, 1 357 984 души, в том числе 474 000 мусульман.

[37](#) Основные города Боснии: Сараево, 50 000 жителей; Баня-Лука, 18 000 жителей; Зворник, 14 000 жителей; Травник, 12 000 жителей; Нови-Базар, 9000 жителей; Требинье, 9 000 жителей; Мостар, 9 000 жителей; Тузла, 7 000 жителей.

[38](#) Высоты в Болгарии, по данным Хохштеттера, Викенеля, Буэ, Барта и других: Витош, 8080 футов; Балкан, средняя высота, 5600 футов; Чатал, 3600 футов; холмы Добруджи, 1650 футов; Ворота Траяна, 2625 футов; перевал Дубница, 3560 футов; Рило Даг, 9500 футов; Перим-Даг, 7875 футов; Горничова, или Ние, 6560 футов; Перистерия, 7700 футов; бассейн Софии, 1710 футов; бассейн Монастира, 1820 футов; озеро Острово, 1680 футов; озеро Кастория, 2050 футов.

[39](#) Вышло из Сулины (1873 г.) 1870 судов общим тоннажем 532 000 тонн. Стоимость экспортированных зерновых культур составила 6 000 000 фунтов стерлингов.

[40](#) Ниже приведены основные города Болгарии с указанием числа их жителей:

Шумна (Шумла)	50 000
Рустчук	50 000
Филиппополи (Фелибе)	40 000
Битолия (Монастир)	40 000
Скопье (Ускуб)	28 000
Калканделен	22 000
София	20 000
Видин	20 000
Силистрия	20 000
Шиштова	20 000
Варна	20 000
Эски-Заара	18 000
Базаржик	18 000
Ниш	16 000
Велезе (Коприли)	15 000
Разград	15 000
Турнов (Тирнова)	12 000
Сливен (Сливно)	12 000
Прилип	12 000
Кезанлик	10 000
Станимако	10 000
Флорина	10 000
Куршова	9 000
Сулина	5 000

[41](#) Доходы за 1874 год — 20 400 000 фунтов стерлингов; долги в 1875 году — 220 000 000 фунтов стерлингов.

[42](#) Расы и религии Турции в Европе (за исключением Сербии, Черногории и Румынии):—

	Всего.	Мусульмане.	Греко-католики.	Римские католики.	Другие христиане.					
Славяне										
Сербьы	1 114 000	442 000	492 000	180 000	—					
Болгарьы	2 861 000	790 000	2 051 000	20 000	—					
Россияне и др.	10 000	—	—	2	8					
Греки	1 176 000	38 000	1 138 000	—	—					
Греко-латиноамериканцы										
Румыны	50 000	—	50 000	—	—					
Зинзарес	150 000	—	150 000	—	—					
Албанцы										
Геги										
Турки										
Турки										
Османли						1 352 000	1 352 000	—	—	—
Татары						40 000	40 000	—	—	—
Семиты										
Арабы	1 031 000	773 000	178 000	80 000	—	3 000	3 000	—	—	—
Евреи						72 000	—	—	—	—
Армяне						100 000	—	—	10 000	—
Черкесы						144 000	144 000	—	—	—
Цыгане						104 000	52 000	52 000	—	—
Франки						60 000	—	—	50 000	10 000
Итого						8 267 000	3 584 000	4 111 000	342 000	108 000

43 Площадь и население Турецкой империи:

	Площадь, квадратных миль.	Население.	Мусульмане, проценты.
Константинополь (включая армию и т. д.)	1 040	531 000	55
Вилайеты:			
Эдирне, или Адрианополь (Фракия)	26 160	1 307 000	39
Туна (Дунай), или Болгария	34 120	2 303 000	40
Салоники (Македония)	12 950	499 000	50
Присренд (Верхняя Македония)	18 320	1 392 000	57
Шкодра, или Скутари (Верхняя Албания)	5 310	171 000	48
Босна-Серай, или Сераево (Босния)	17 900	940 000	42
Герцеговина	5 720	144 000	41
Янина (Эпир и Фессалия)	18 320	711 000	35
Крит, или Кандия	3 326	210 000	18
Европейские острова	400	60 000	7
Турция в Европе	143 566	8 267 000	44
Турция в Азии	745 000	13 176 000	86
Триполи и др.	344 000	1 150 000	99
Всего Османская империя	1 231 566	22 593 000	71
Вассальные государства.			
Румыния	46 710	5 180 000	—
Сербия	16 820	1 377 000	—
Египет	869 360	17 000 000	70
Тунис	45 700	2 000 000	99
Всего Турецкая империя	2 210 156	48 150 000	63

44 Официальное название — Румыния, часто пишется как Roumania: по-французски — Roumanie.

45

Валахия и Молдавия	4 460 000
Австро-Венгрия	2 896 000
Бессарабия и другие части России	600
Сербия	155 000
Турция	200 000
Греция	4 000
Всего	8 315 000

46 Средняя температура в Бухаресте, 46 °F; максимальная, 113 °F; минимальная, −22 °F; разница, 135 °F.

[47](#) Средний объем Дуная (по данным К. Хартли), 2 000 000 галлонов в секунду; максимальный объем, 6 160 000 галлонов; средний объем устья Килии, 1 276 000 галлонов; средний объем устья Св. Георгия, 572 000 галлонов; средний объем устья Сулины, 176 000 галлонов в секунду. Средний объем аллювиальных отложений Дуная, 2119 кубических футов в год.

[48](#) Приблизительная численность населения Румынии в 1875 году составляла 5 232 500 человек, из которых 3 260 000 проживали в Валахии и 1 972 500 — в Молдавии. Было 4 460 000 румын, 90 000 болгар, 40 000 русских и других славян, 50 000 венгров, 130 000 цыган, 400 000 евреев, 10 000 армян и 52 500 иностранцев (30 000 австрийцев, 10 000 греков, 5000 немцев, 1500 французов).

[49](#) Из общей площади Румынии 6 000 000 акров занимают кукурузные поля, 600 000 акров — виноградники, табачные плантации и т. д., 5 000 000 акров — леса, 9 000 000 акров — пастбища и луга, а 8 000 000 акров — не возделываемые земли. В 1874 году в стране насчитывалось 600 000 лошадей, 2 900 000 голов крупного рогатого скота, 100 000 буйволов, 5 000 000 овец, 1 200 000 свиней и 500 000 коз.

[50](#) Экспорт, в среднем за 1865–75 гг., 6 700 000 фунтов стерлингов; импорт, 4 300 000 фунтов стерлингов.

[51](#) Железные дороги, 1800 миль; шоссе, 2650 миль; телеграфы, 2500 миль; пароходы на Дунае, 29, грузоподъемностью 7620 тонн.

[52](#) Число жителей крупнейших городов Румынии (официальное написание; в скобках — народное или фонетическое написание):

Валахия — Букурешти (Бухарест), 221 800; Плоешти (Плоешти), 33 000; Брэила, 28 270; Крайова, 22 764; Джурджу (Юргево или Джургево), 20 866; Бузеу (Бушау), 11 100; Александрия, 11 000; Кампулунг, 9900; Питэшти (Питэшти), 8500; Каракалу, 8600.

Молдавия — Яссы, 90 000; Галац, 80 000; Ботошани, 39 900; Барладу, 26 600; Смеюл, 21 000; Фокшаны, 20 300; Петра, 20 000; Хуши, 18 500; Роман, 16 900; Фалтичень, 15 000; Бэкэу, 13 000; Дорохой, 10 000; Болграду, 9600; Килия, 8900; Рени, 7600.

[53](#) Среднегодовые расходы, 1871–76, 3 650 000 фунтов стерлингов; государственный долг, 19 500 000 фунтов стерлингов, включая 13 000 000 фунтов стерлингов, потраченных на железные дороги; оценочная стоимость владений, 20 000 000 фунтов стерлингов.

[54](#) Источники: Каниц, «Сербия»; Убичини, «Сербы Турции»; Сиприен Роберт, «Славяне Турции»; Луи Леже, «Славянский мир»; Лежан, «Визит в Черногорию».

[55](#) Средняя температура в Белграде — 48 °F; экстремальные значения — 106 °F и 3 °F; диапазон — 103 °F.

[56](#) Население Сербии в 1875 году составляло 1 377 068 человек, из которых около 1 110 000 были сербами, 160 000 — валахами, 20 000 — цыганами, 50 000 — болгарами, 30 000 — цыганами и т. д.

[57](#) Экспорт в 1874 году был оценен в 1 400 000 фунтов стерлингов и включал 34 104 голов крупного рогатого скота, 271 219 свиней, 1 172 571 овечью и козью шкуру, пшеницу, раки и т. д.

[58](#) Здесь есть университет, военная академия, семинария, сельскохозяйственная школа, 11 высших школ и 377 начальных школ с 567 учителями и около 20 000 учеников.

[59](#) Источники: — Зукканьи Орландини, «Corografia fisica, storica e statistica dell' Italia e delle sue Isole»; Мармокки, «Descrizione d'Italia»; Амато Амати, «L'Italia sotto l'aspetto fisico, storico, artistico e statistico»; Тейн, «Voyage en Italie»; Герперович, «Wanderjahre in Italien», «Geschichte der Stadt Rom»; Ann. di Saluzzo, «Le Alpi che cingono l'Italia»; Каттанео и Ломбардини, «Notizie naturali e civili su la Lombardia»; Ломбардини, «Pianura subapennina», «Condizione idraulica del Po»; Мартинс, Гастальди, «Поверхностные земли долины По»; Де Мортилле, «Древние ледники южного склона Альп», «Разные мемуары»; Бертолотти, «Приморская Лигурия»; Таргиони Тоццетти, «Путешествие по Тоскане»; Сальваньоли Маркетти, «Маремма Тоскана»; Ноэль де Верже, «Этрурия и этруски»; Бёле, «Раскопки и открытия»; Джордано, «Рим и его территория»; Понци, «Естественная история Лация»; Де Прони, «Понтийские болота»; Работы Д'Ампера и Стендаля и др.; Дэвис, «Паломничество по Тибру»; Фрэнсис Вей, «Рим»; Спалланцани, «Путешествие по Двум Сицилиям»; Смит, «Сицилия и ее острова»; Доломье, «Путешествие по островам Липари»; Де Катрефаж, «Воспоминания натуралиста»; Ла Мармора, «Путешествие по Сардинии, статистическое, физическое и политическое описание острова»; Мантегацца, «Профили и пейзажи Сардинии»; Фон Мальцан, «Путешествие по острову Сардиния»; Спано, «Маршрут по Сардинии»; Корренти и Маестри, «Статистика Италии».

[60](#) Площадь королевства Италия — 114 413 квадратных миль; население в 1875 году — 27 482 174 человека.

[61](#) Pié di Monte, Пьемонт, или Piemonte, *т. е.* подножие гор.

[62](#) Основные альпийские вершины Италии: Монте-Визо, 12 585 футов; Гранд-Парадис, 13 271 фут; Монте-делла-Дисграция, 11 840 футов; Адамелло, 11 677 футов; Антелло, 10 680 футов; Бруноне (хребет Оробия), 10 370 футов; Дженозеро, 5670 футов; Монте-Бальдо, 7310 футов; Монте-Болка, 3143 фута.

[63](#) Высоты над уровнем моря: — исток реки По, 6400 футов; Салуццо, 1200 футов; Турин, 755 футов; Павия (устье реки Тичино), 330 футов; Пьяченца, 217 футов; Кремона, 150 футов; Мантуя, 89 футов; Феррара, 20 футов.

[64](#) Итальянские альпийские озера площадью более пяти квадратных миль:

Название.	Средняя площадь. Кв. миль.	Средняя высота над уровнем моря. Футы.	Глубина, футы.		Вместимость. Миллионы галлонов.				
			Макс.	Средняя.					
			Озеро Орта	5,4		1122 820(?)	490(?)	462 000	
			Вербано, или Лаго Маджоре	81		646 1 230	690	9 680 000	
			Озеро Варезе	6·2		771	85	33 35 200	
			Черезио, или озеро Лугано	19		889	950	490 1 584 000	
			Ларио, или озеро Комо	60		663 1 352	810	7 700 000	
			Себино, или озеро Изео	23		646	980	490 1 980 000	
			Озеро Идро	5		¹ 240	400(?)	(?) (?)	
			Бенако, или озеро Гарда	115,8		226 960(?)	490	9 900 000	

[65](#) Объем рек Адда и Тичино в месте их выхода из альпийских озер, по данным Ломбардини:

Адда — средний 6600, минимальный 567, максимальный 29 000 кубических футов в секунду. Тичино — средний 11 400, минимальный 1770, максимальный 77 400 кубических футов в секунду.

[66](#) Основные реки Северной Италии:

Длина. Мили. Площадь бассейна. Кв. миль.	Объем в кубических футах в секунду.					
	Максимальный.	Минимальный.	Средний.			
Изонцо	80	1235	—	—	4 240?	
Тальяменто	105	800	—	—	5300?	
Ливенца	72	795	25 400	—	1 400?	

Пьяве	134	2 010	—	—	11 300
Силе	37	540	1 550	350	700?
Брента	105	1510	30 000	137	1 930
Бакильоне	74	187	320	—	1 270
Адиге	246	8 648	85 000	70	16 950
По	416	26 799	182 500	550	60 700
Рино	112	1 930	53 500	35	8 300

[67](#) Средний объем каналов долины По (кубических футов в секунду): Муцца — 2153, Навильо Гранде — 1800, Канал Кавур — 1482, Мартесана — 918 кубических футов.

[68](#) Влажность воздуха в Милане, 74,5%; годовое количество осадков в Милане, 38,8 дюйма; в Турине, 31,8 дюйма; в Тольмецце, на верхнем Тельямменто, 82,3 дюйма.

[69](#) Средняя годовая температура в Турине, 53,10 °F; самый жаркий месяц (апрель), 73,13 °; самый холодный месяц (январь), 33,10 °. Милан: средняя, 14,04 °; июль, 74,84 °; январь, 23,26 °. Венеция: средняя температура 55,52 °F; июль 25,06 °F; январь 35,28 °F.

[70](#)

	Площадь, квадратных миль. 31 декабря 1875 г.	Население.	Плотность.
Пьемонт	11 308	2 995 213	265
Ломбардия	9 084	3 553 913	391
Венеция	9 060	2 733 406	302
Эмилия	7 921	2 153 381	272
Всего	37 373	11 435 913	306

[71](#) Население основных городов Пьемонта (1871): Турин — 192 442, Алессандрия — 29 102, Новара — 24 185, Верчелли — 20 626, Казале-Монферрато, 20 436; Асти, 19 466; Нови-Лигуре, 12 162; Мондови, 11 958; Кунео, 11 859; Пинероло, 11 832; Бьелла, 11 814; Салуццо, 9 796; Савильяно, 9 544; Бра, 9 196; Альба, 9 147; Кьери, 8 986; Тортонна, 8 620; Акки, 8 332; Фоссано, 7 272; Карманьола, 3 830.

[72](#) Население городов Ломбардии (1871): Милан (Milano), 261 985; Брешия, 38 906; Бергамо, 34 555; Кремона, 30 919; Павия, 29 618; Мантуя (Mantova), 26 687; Комо, 24 350; Лоди, 19 088; Монца, 17 431; Виджевано, 14 096; Бусто-Арсицио, 12 909; Варезе, 12 605; Вогера, 11 903; Тревильо, 11 883.

[73](#) Население основных городов Эмилии (1871): Болонья, 89 104; Парма, 41 915; Пьяченца, 34 908; Феррара, 33 327; Модена, 30 854; Фаэнца, 23 752; Равенна, 21 774; Реджо, 19 131; Имола, 18 189; Чезена, 17 594; Форли, 15 324; Римини, 9 747; Луго, 8 664; Комакьо, 7 007.

[74](#) Тоннаж судов, заходящих в порт и выходящих из него (включая каботаж): 588 095 тонн в 1865 году; 1 070 600 тонн в 1875 году. Стоимость импорта по морю (1874): 5 960 200 фунтов стерлингов; экспорта — 2 848 040 фунтов стерлингов.

[75](#) Население основных городов Венеции (1871): Венеция (Venezia), 128 901; Верона, 65 876; Падуя (Padova), 52 011; Виченца, 26 994; Удине, 22 692; Кьоджа, 19 841; Тревизо, 18 547; Каварцере, 12 336; Виттория (ранее называвшаяся Ченедра), 10 533; Адрия, 9834; Ровиго, 7974; Фельтре, 6570; Беллуно, 5770; Эсте, 5743.

[76](#) Площадь — 2153 квадратных миль; население (1871 г.) — 843 250 человек; плотность — 391 человек.

[77](#) Основные высоты в Лигурии: Клапье-де-Пагарин, 10 073 фута; Коль-ди-Тенда, 6146 футов; Монте-Карсино, 8794 фута; Коль-д'Альтаре, 1600 футов; Коль-ди-Джови, 1538 футов; Монте-Пенна, 5709 футов.

[78](#) Средняя температура в Генуе, 60,8 °F; количество дней с осадками, 121; количество осадков, 45 дюймов. Средняя температура в Сан-Ремо, 62,6; количество дней с осадками, 45; количество осадков, 3,15 дюйма.

[79](#) Тоннаж судов, вошедших в порт и выходящих из него (включая каботажные суда): 1861 г. — 1 936 764; 1867 г. — 2 330 000; 1875 г. — 3 109 796 тонн. В последний из названных годов в прибрежную торговлю вошли 3144 парусных судна и 970 пароходов, 1462 парусных судна и 860 пароходов из-за границы.

[80](#) Годовое производство оливкового масла в провинции Порто-Маурицио, в которую входит Сан-Ремо, составляет 778 500 галлонов.

[81](#) Население основных городов Лигурии (1871): Генуя (Genova), 132 521; Савона, 24 851; Специя, 15 636; Сан-Пьер-д'Арена, 15 568; Сестри-Поненте, 9605; Сан-Ремо, 9017; Кьявари, 8414; Онелья, 7944.

[82](#) Площадь Тосканы, 9287 квадратных миль; население (1871), 1 983 810; плотность, 214.

[83](#) Высоты (в английских футах):—

Апеннины — Альпы Суччизо, 6625; Альпы Кампорагена (Гарфаньяна), 6565; Монте Чимоне, 7111; Монте Фальтероне, или Фальтерона, 5407.

Перевалы: перевал Понтремоли, или Ла-Чиза (из Сарцаны в Парму), 3410; перевал Фьюмальбо (из Лукки в Модену), 3940; перевал Фута, или Пьетрамала (из Флоренции в Болонью), 3002; перевал Камальдоли, 3290.

Антиапеннины — Пизанино (Альпе Апуана), 6608; Пьетра Марина (Монте Альбано), 1886; Прато Маньо, 5183; Альпе ди Катенаджа, 4595 футов.

[84](#) В 1873 году было добыто 134 000 тонн мрамора на сумму почти 500 000 фунтов стерлингов.

[85](#) В 1873 году вошло 5466 судов общим весом 920 626 тонн; вышло 5314 судов общим весом 901 533 тонн, включая каботажные суда.

[86](#) Площадь — 85 квадратных миль; население — 21 722 души.

[87](#) Население основных городов Тосканы (в 1871 году): Флоренция (Firenze), 167 093; Ливорно (Livorno), 89 462; Пиза, 41 796; Сиена, 22 965; Лукка, 21 286; Прато, 15 924; Каррара, 10 848; Пистойя, 12 966; Ареццо, 11 151; Виареджо, 9 983; Понтедера, 7 991; Сан-Кашано, 6 862; Фояно-делла-Кьяна, 6 127; Эмполи, 5 949; Вольтерра, 5 796; Масса-Маритима, 5 766; Порто-Феррайо, 5 779; Фучеккьо, 5 755; Фиглине-Вальдарно, 5 673; Монтальчино, 5 186; Понтассиве, 5 141; Понтелунго, 5 039; Бути, 5 029; Масса, 4 786; Орбетелло, 4 674; Понтремоли, 4 473.

[88](#)

	Площадь, квадратных миль.	Население (1871).	Плотность.
Рим	4 552	836 700	184
Умбрия	3 720	549 600	148
Марке	3 751	915 420	244
Абруццо	4 898	918 770	188
	16 921	3 220 490	190

[89](#) вулканические озера: *Болсена*: площадь, 42 кв. м; высота, 995 футов; глубина, 460 футов. *Браччано*: площадь, 22 кв. м; высота, 495 футов; глубина 820 футов. *Альбано*: площадь 2,3 кв. м; высота 1000 футов; глубина 466 футов. *Неми*: площадь 0,8 кв. м; высота 1108 футов; глубина 164 фута. МЕЛКИЕ ОЗЕРА:—*Тразимено*: площадь, 46 кв. м.; высота, 843 фута; глубина, 21 фут. *Фучино* (в 1860 г.): площадь, 61 кв. м.; высота, 2300 футов; глубина, 92 фута.

[90](#) Бассейн, 6475 квадратных миль; длина, 260 миль, из которых 60 судоходны.

[91](#) Годовое количество осадков в Риме, 30,7 дюйма; у подножия Апеннин, 43,3 дюйма; на вершинах, 94,5 дюйма. Объем Тибра: в среднем 10 180 кубических футов; максимальный, 60 400 кубических футов; минимальный, 4650 кубических футов в секунду.

[92](#) Водоснабжение некоторых крупных городов (в галлонах):—

	В секунду.	В день.	На одного жителя.
Рим (1869)	481	41 580 000	208
Париж (1875)	904	78 100 000	44
Лондон (1874)	1 262	110 000 000	27,5

Глазго (1874)	373 32 482 500	52
Вашингтон (1870)	741 66 000 000	660

[93](#) Стоимость экспорта и импорта: 1863 г. — 1 348 000 фунтов стерлингов; 1868 г. — 999 660 фунтов стерлингов.

[94](#) Тоннаж судов, зашедших в порты Лацио и покинувших их в 1873 году: Чивита-Веккья, 520 000 (1875, 600 351); Фьюмичино, 63 000; Порто-д'Анцио, 30 900; Тетрачина, 335 000 тонн.

[95](#) Города Лацио (1871):—Рим, 229 356 (1876, 264 280); Витербо, 16 326; Веллетри, 14 798; Чивита-Веккья, 10 484; Ферентино, 8360; Тиволи, 7730; Фрозиноне, 7714; Субиако, 6990; Сецце, 6659; Алатри, 6393 жителя.

[96](#) Население основных городов Умбрии (1871): Перуджа, 16 708; Риети, 12 905; Терни, 12 419; Фолиньо, 8471; Сполето, 7 490; Орвието, 7 423; Читта-ди-Кастелло, 6 588; Ассизи, 6 225; Губбио, 5 343.

[97](#) Тоннаж судов, заходящих в Анкону и выходящих из нее в рамках прибрежной и внешней торговли: 258 292 тонны в 1858 году, 372 877 тонн в 1867 году, 751 689 тонн в 1875 году.

[98](#) Города Марке с населением более 10 000 жителей: Анкона, 35 111; Йези, 13 472; Синигалья, 11 173; Асколи-Пичено, 11 373; Фермо, 15 862; Мачерата, 11 194; Пезаро, 12 375; Урбино, 10 194.

Абруццо: Ланчано, 15 432; Кьети, 14 321; Аквила, 13 513; Кампобуссо, 13 345; Сольмона, 12 583; Васто, 10 093.

[99](#) Площадь Сан-Марино, 24 квадратных мили; население (1874), 7816.

[100](#) Площадь, без учета Абруццо, 28 002 квадратных миль; население, 6 251 750.

[101](#) Средняя годовая температура в Неаполе, 62° F.; экстремальные значения, 23° и 104°; количество осадков, 37 дюймов.

[102](#) В 1868 году 69 % мужчин и 88 % женщин, вступивших в брак в Кампании, самой образованной провинции Неаполя, не умели писать свои имена. В Базиликате эти показатели составляли 85 % и 96 %!

[103](#) В 1873 году насчитывалось 363 рыболовецких судна, которые добыли 90 000 фунтов кораллов на сумму 92 000 фунтов стерлингов.

[104](#) В 1864 году 10 694 судна водоизмещением 1 496 500 тонн вошли в порт Неаполя и вышли из него; в 1875 году — 11 288 судов водоизмещением 2 923 922 тонны.

[105](#) В 1862 году в Бриндизи вошло и вышло 1100 судов водоизмещением 75 000 тонн; в 1875 году — 1342 судна, включая 396 пароходов, водоизмещением 771 096 тонн, занимавшихся внешней торговлей.

[106](#) Города Неаполя с населением более 10 000 жителей (в 1870 году): Неаполь (Napoli), 421 803; Бари, 49 423; Фоджа, 34 181; Андрия, 32 678; Реджо, 29 854; Барлетта, 27 444; Мольфетта, 26 516; Корато, 26 018; Трани, 24 026; Битонто, 23 087; Таранто, 22 858; Кастелламаре-ди-Стабия, 22 037; Чериньола, 21 739; Лечче, 21 081; Салерно, 20 611; Аверса, 19 734; Бишелья, 19 007; Торре-дель-Греко, 18 950; Катандзаро, 18 781; Потенца, 18 513; Гаэта, 18 385; Авеллино, 18 260; Джерлицци, 18 175; Маддалони, 17 578; Афрагола, 17 541; Франкавила-Фонтана, 17 457; Беневенто, 17 370; Альтамура, 17 004; Санта-Мария-ди-Капуа-Ветере, 16 785; Сан-Северо, 16 545; Торре-дель-Аннунциата, 15 321; Руво-ди-Пулья, 15 055; Монте-Сант-Анджело, 14 902; Россано, 14 818; Сан-Марко-ин-Ламис, 14 540; Козенца, 14 522; Казерта, 14 578; Каноза-ди-Пулья, 14 458; Остуни, 14 422; Ариано-ди-Пулья, 14 347; Матера, 14 262; Монополи, 13 800; Минервино-Мурдже, 13 630; Мартина-Франка, 13 440; Кампобассо, 13 345; Бриндизи, 13 194; Лучера, 13 064; Ачерра, 12 858; Челья Мессакапио, 12 582; Джоя-дель-Колла, 12 442; Пагани, 12 208; Фазано, 12 190; Капуа, 12 174; Читтанова, 12 137; Пало-ди-Колла, 11 887; Мола-ди-Бари, 11 775; Поццуоли, 11 751; Рионера-ин-Волтара, 11 520; Амальфи, 11 225; Резина, 11 132; Сарно, 10 933; Сан-Джованни-дель-Тедуччо, 10 898; Нола, 10 771; Джульяно-ин-Кампания, 10 751; Лаурия, 10 609; Фраттамаджоре, 10 486; Корильяно-Калабро, 10 481; Никастро, 10 418; Кайрано, 10 081; Монтекорво, 10 020; Конверсано, 10 012.

[107](#) Минимальная ширина Мессинского пролива, 10 330 футов; максимальная глубина, 1090 футов; средняя глубина, 246 футов.

[108](#) Площадь Сицилии, 11 290 квадратных миль; население в 1870 году, 2 565 300 душ; плотность, 227.

[109](#) Средняя годовая температура в Палермо и Мессине, 64° F.; в Катании и Гиргентии, 68° F.; количество осадков в Палермо, 26 дюймов.

[110](#) Соляные болота провинции Трапани занимают площадь 2100 акров и в 1865 году дали 55 000 тонн соли на сумму 24 200 фунтов стерлингов.

[111](#) В 1862 году 27 596 судов водоизмещением 1 825 232 тонн вошли в сицилийские порты и вышли из них; в 1869 году — 34 989 судов водоизмещением 2 869 327 тонн; в 1873 году — 70 974 судна водоизмещением 5 942 700 тонн. В 1875 году количество судов и тоннаж, которые вошли и вышли из портов, составили: в Мессине — 9213 судов, 2 335 144 тонны; в Палермо — 11 692 судна, 1 812 195 тонн; в Катании — 5137 судов, 529 539 тонн; и в Трапани — 5407 судов, 288 475 тонн.

[112](#) Города Сицилии с населением более 10 000 жителей (в 1871 году): Палермо — 186 406; Мессина — 71 921; Катания — 84 397; Марсала — 34 202; Модика — 33 169; Трапани — 28 052; Ачиреале, 26 692; Кальтаджироне, 25 978; Рагуза-Супериоре, 21 494; Кальтаниссетта, 21 464; Каникатти, 20 908; Алькамо, 20 890; Кастельветрано, 20 420; Партинико, 20 098; Сиракузы (Сиракуза), 20 035; Термини-Имерезе, 19 646; Джирдженти, 19 603; Шакка, 18 896; Пьяцца-Армерина, 18 252; Виттория, 17 528; Джарре, 17 414; Комизо, 16 694; Корлеоне, 16 150; Ликата, 15 966; Фавара, 15 233; Виццини, 14 942; Терранова-ди-Сицилия, 14 911; Патерно, 14 790; Ното, 14 767; Адерно, 14 673; Бронте, 14 589; Никозия, 14 544; Кастроджованни, 14 511; Барселона или Поццо-ди-Готто, 14 471; Салеми, 14 096; Пальма-ди-Монтекьяро, 13 497; Монреале, 13 496; Ганги, 13 057; Сан-Катальдо, 12 899; Бьянкавила, 12 631; Партана, 12 467; Маццара-дель-Валле, 12 155; Леонфорте, 12 010; Маццарино, 11 951; Авола, 11 912; Агира, 11 876; Багерия, 11 651; Риези, 11 548; Агоста, 11 382; Кастелламаре-дель-Гольфо, 11 280; Мистретта, 11 218; Ракальмута, 11 012; Нишеми, 10 750; Сьекли, 10 724; Лентини, 10 578; Чефалу, 10 194; Фроина, 10 193; Граммикели, 10 192; Пьетраперция, 10 149; Палаццоло-Акрейде, 10 132.

[113](#) Площадь и население Липарских островов: Липари, 12,4 квадратных миль, 14 000 жителей; Вулкано, 9,7 квадратных миль, 100 жителей; Панария и соседние островки, 7,7 квадратных миль, 200 жителей; Стромболи, 7,7 квадратных миль, 500 жителей; Салина, 10,8 квадратных миль, 4500 жителей; Феликуди, 5,9 квадратных миль, 800 жителей; Аликуди, 3 квадратных миль, 300 жителей. Всего: 57,2 квадратных миль, 18 400 жителей.

[114](#) Пантеллария, 39,7 квадратных миль, 6000 жителей; Линоза, 4,6 квадратных миль, 900 жителей; Лампедуза, 3 квадратных миль, 600 жителей.

[115](#) Тоннаж судов, которые ежегодно заходят в иностранные порты и выходят из них, составляет 4 300 000 тонн; стоимость импортируемых товаров, подлежащих обложению пошлиной, составляет почти 9 000 000 фунтов стерлингов, а стоимость экспорта примерно такая же.

[116](#) Площадь Мальты, Гоццо и Комино составляет 146 квадратных миль; население — 149 084 человека, включая 7309 военнослужащих и их семьи.

[117](#) Площадь 9440 квадратных миль; население (1871 г.) 636 500 человек.

[118](#) В 1873 году 11 256 судов общим тоннажем 1 080 000 тонн вошли в пять портов острова и покинули их. В 1875 году 2516 судов общим тоннажем 504 756 тонн вошли и покинули только Каляри, причем с 1861 года их число увеличилось почти на 100 процентов.

[119](#) Население основных городов Сардинии (1871 г.): Каляри — 31 950; Сассари — 30 542; Альгеро — 8769; Озеры — 7965; Иглезиас — 7191; Ористано — 6963; Терранова — 1976.

[120](#) Сельскохозяйственная статистика Италии, 1869 г. (по данным Маестри): *Распределение площадей*: поля, виноградники и сады — 27 267 360 акров; оливковые плантации — 1 371 400 акров; каштановые плантации, 1 445 000 акров; леса, 10 240 400 акров; луга, 2 900 000 акров; пастбища, 13 337 000 акров. *Годовой объем производства*: зерновые культуры — 206 300 000 бушелей (стоимостью 84 000 000 фунтов стерлингов); картофель — 27 500 000 бушелей (стоимостью 2 000 000 фунтов стерлингов); вина — 880 000 000 галлонов (стоимостью 44 000 000 фунтов стерлингов); сырой шелк, 6 889 437 фунтов в 1873 году, 6 305 214 фунтов в 1874 году; табак, 7 235 000 фунтов; масло, 3 747 850 фунтов (8 800 000 фунтов стерлингов); каштаны, 14 860 000 бушелей. *Домашние животные* (1868): 1 196 128 лошадей, 3 489 125 голов крупного рогатого скота, 8 674 527 овец и коз, 1 553 582 свиней.

[121](#) Годовой объем добычи полезных ископаемых в Италии (в тоннах): железо — 85 000; медь — 13 000; свинец — 32 250; цинк — 30 000; уголь — 110 750; сера — 285 611; соль — 388 000; кроме того, небольшие количества серебра, никеля, ртути и т. д.

[122](#) *Профессии*: на каждые 1000 жителей приходится 342 сельскохозяйственных рабочих; 163 шахтера и ремесленника; 29 коммерсантов; 23 художника и ученого; 7 священников; 6 чиновников; 1 солдат; 31 «собственник»; 21 домашний слуга; 13 нищих; и 382 безработных.

[123](#) В 1874 году насчитывалось 10 929 судов (включая 138 пароходов) дедвейтом 1 031 889 тонн; 37 560 судов дедвейтом 7 580 317 тонн вошли в иностранные порты или вышли из них; 197 896 судов водоизмещением 16 500 000 тонн вошли и вышли в рамках внутренней торговли. Из каждых 1000 тонн, задействованных в внешней торговле, 368 плавали под итальянским флагом, 266 — под английским и 173 — под французским. Торговля с Францией составляла 1 779 672 тонны, с Англией — 1 388 300 тонн, с Австрией — 998 740 тонн.

[124](#) В 1876 году было открыто для движения 4791 миль железных дорог, а 460 миль находились в стадии строительства. Также было 1858 миль каналов и судоходных рек и 77 140 миль общественных дорог.

[125](#) *Государственные школы* (1872): 58 322 начальные и вечерние школы, 2 274 999 учеников; 1082 высшие школы, 64 044 ученика; 21 университет, 10 000 студентов; 651 профессиональная, техническая и художественная школа, 33 311 студентов. Всего 60 076 школ и т. п. с 2 382 354 учениками и студентами.

[126](#)

	1861	1873	1875
Расходы	24 206 920	61 704 000	56 618 600
Доходы	18 332 880	52 384 000	55 499 800
Дефицит	5 874 040	9 340 000	1 118 800
Государственный долг	100 000 000	402 400 000	460 000 000

- [127](#) *Источники:* Мармокки, «География Корсики»; Грегорович, «Корсика»; П. Мериме, «Путешествие по Корсике».
- [128](#) Площадь Корсики — 3378 квадратных миль; протяженность с севера на юг — 114 миль; ширина — 52 мили; протяженность береговой линии — 300 миль.
- [129](#) С севера на юг: Монте Падро, 7846 футов; Монте Чинто, 8878 футов; Паглиа Орба, 8283 фута; Ротондо, 8607 футов; Монте д'Оро, 7890 футов; Инкудине, 6746 футов.
- [130](#) Среднегодовая температура в Бастии, 66,7 °F; количество осадков, 23 дюйма.
- [131](#) Площадь, 3378 квадратных миль; население в 1740 году, 120 380 человек; в 1872 году, 259 861 человек.
- [132](#) *Среднегодовой урожай:* зерновые — 2 613 000 бушелей; масло — 3 300 000 галлонов; вино — 6 600 000 галлонов.
- [133](#) Города Корсики (1872): Бастия, 17 950; Аяччо, 16 550; Корте, 5450; Сартен, 4150; Бонифачо, 3600; Бастелика, 2950; Каленцана, 2600; Кальви, 2175 жителей.
- [134](#) *Источники:* Коэльо, Ф. де Люксан и А. Паскуаль, «*Reseñas Geográfica, Geológica y Agrícola de España*»; барон Давилье и Гюст Доре, «*Voyage en Espagne*»; Де Лаборд, «*Itinéraire Descriptif de l'Espagne*»; Бори де Сен-Венсан, «*Résumé Géographique de la Péninsule Ibérique*»; Де Верней и Коломб, «*Mémoires Géologiques sur l'Espagne*»; Форд, «*Handbook for Travellers in Spain*»; Ферн. Гарридо, «*L'Espagne Contemporaine*»; Шербюлье, «*L'Espagne Politique*»; Эд. Кине, «*Мои каникулы в Испании*»; Т. Готье, «*За горами*», «*Путешествие по Испании*»; М. Виллом, «*Пиренейский полуостров*», «*Пляжные и степные районы Иберийского полуострова*»; Жорж Санд, «*Зима на Майорке*»; Людвиг Сальватор, «*Балеарские острова в слове и образе*»; Бладе, «*Географические исследования долины Андорры*»; В. фон Гумбольдт, «*Коренные жители Испании*»; Э. Кордые, «*Организация семьи у басков*»; Поль Брока, «*Мемуары по антропологии*».
- [135](#) Площадь Иберийского полуострова, без Балеарских островов, составляет 225 605 квадратных миль; площадь Испании — 191 104 квадратных миль; Португалии (без Азорских островов) — 34 501 квадратных миль. Средняя высота, по данным Лейпольдта, составляет 2300 футов.
- [136](#) Протяженность полуострова — 2015 миль, из которых 1301 миля — на Атлантическом побережье, а 714 миль — на побережье Средиземного моря. Ширина перешейка Пиренеев — 260 миль.
- [137](#)

	Площадь.	Население (1870).	Плотность.
Бассейн реки Дуэро (Леон и Старая Кастилия, за исключением Логроньо и Сантандера)	36 593 кв. м.	2 550 000	69
Бассейны рек Тахо и Гвадиана	44 719 кв. м.	2 276 000	51

- [138](#) Среднее количество осадков в Мадриде, 10,7 дюйма; испарение, 72,6 дюйма.
- [139](#) Средняя годовая температура, 57,9°; экстремальные значения, 104° и 14° F.
- [140](#) Население основных городов Кастилии (1870): *Старая Кастилия:* Вальядолид, 60 000; Бургос, 14 000; Саламанка, 13 500; Паленсия, 13 000; Самора, 9000; Сеговия, 7000; Леон, 7000; Авила, 6000. *Новая Кастилия:* Мадрид, 332 000; Толедо, 17 500; Альмагро, 14 000; Даймиэль, 13 000; Сьюдад-Реаль, 12 000; Валь-де-Пеньяс, 11 000; Альмаден, 9 000; Мансанарес, 9 000; Куэнка, 7 000; Талавера-де-ла-Рейна, 7 500; Гвадалахара, 6 000. *Эстремадура:* Бадахос, 22 000; Дон Бенито, 15 000; Касерес, 12 000; Вильянуэва-де-ла-Серена, 8 000; Пласенсия, 6 000; Мерида, 6 000.
- [141](#) Площадь бассейна Гвадалкивира, 21 000 квадратных миль; площадь Андалусии, 28 370 квадратных миль; население (1870), 2 749 629; плотность, 91.
- [142](#)

	Среднегодовая температура, °F.	Количество осадков. Год, дюймов	Количество осадков. Октябрь–март, дюймов	Количество осадков. Апрель–сентябрь, дюймов.
Гранада	66	48,5	40,3	8
Севилья	68	26,1	23,1	3-0

Гибралтар	70	28,9	20,3	8,6
-----------	----	------	------	-----

[143](#) Экспорт вина из Кадиса и Санта-Марии: 1858 г. — 3 597 000 галлонов; 1862 г. — 5 115 000 галлонов; 1873 г. — 10 446 480 галлонов на сумму 2 937 000 фунтов стерлингов.

[144](#) В 1873 году из района Уэльва было экспортировано 600 000 тонн пирита, из которых 340 000 тонн поступили из шахты Тарсис.

[145](#) В 1874 году вошло 3639 судов водоизмещением 616 060 тонн; импорт составил 633 700 фунтов стерлингов, экспорт (в основном вино) — 3 116 000 фунтов стерлингов.

[146](#) Приблизительная численность населения основных городов Андалусии:

Кадис, 62 000; Херес, 35 000; Чиклана, 22 000; Пуэрто-де-Санта-Мария, 18 000; Сан-Фернандо, 18 000; Санлукар-де-Баррамедра, 17 000; Пуэрто-Реаль, 14 000; Аркос-де-ла-Фронтера, 12 000; Альхесирас, 18 000; Медина-Сидония, 10 500.

Уэльва, 10 000.

Севиля (Sevilla), 80 000; Эсиха, 24 000; Кармона, 18 000; Осуна, 16 000; Утрера, 14 000; Лебриха, 12 000; Марчена, 12 000.

Кордова, 45 000; Лусена, 16 000; Монтилья, 15 500; Монторо, 12 000; Агилар, 12 000; Баэна, 14 500; Кабра, 11 500.

Хаэн, 18 000; Линарес, 40 000; Убеда, 15 000; Баеса, 15 000; Алкала-ла-Реаль, 11 500; Андухар, 9 500.

Гранада, 65 000; Лоха, 15 000; Мотриль, 13 500; Баса, 13 500.

Малага, 92 000; Антекера, 30 000; Велес-Малага, 15 000; Ронда, 14 000.

Альмерия, 27 000; Велес Рубио, 13 000.

[147](#) В 1871 году в Гибралтаре проживало 16 454 человека, не считая военных: его годовой доход превышает 40 000 фунтов стерлингов, а грузоподъемность судов, которые ежегодно заходят в порт и покидают его, составляет 3 500 000 тонн.

[148](#)

Мурсия 10 450 квадратных миль. 660 040 жителей, или 63 за кв. м.

Валенсия 8896 квадратных миль. 1 401 833 жителей, или 158 на квадратный метр.

[149](#) По оценкам, в 1873 году было собрано 82 000 тонн эспартовой травы, из которых 67 000 тонн было экспортировано в Англию.

[150](#) Стоимость экспорта и импорта в 1867 году составила 2 707 000 фунтов стерлингов.

[151](#) Население основных городов средиземноморского побережья между Кабо-де-Гата и Эбро: Валенсия — 108 000, Мурсия — 55 000, Лорка — 40 000, Аликанте — 31 000, Картахена, 25 000; Ориуэла, 21 000; Кастельон-де-ла-Плана, 20 000; Алькой, 16 000; Альбасете, 15 000; Хатива, 13 000; Альсира, 13 000; Альманса, 9 000.

[152](#) Города Майорки: — Пальма, 40 000; Манакор, 15 000; Феланиткс, 10 500; Лучмайор, 8800; Полленса, 8000; Инка, 8000; Сольер, 8000; Сантанья, 8000.

[153](#) Каталония, 12 483 квадратных миль, 1 778 408 жителей; Арагон, 17 676 квадратных миль, 928 718 жителей.

[154](#) Площадь бассейна реки Эбро, 25 100 квадратных миль; сток во время паводков, 175 000 кубических футов, в среднем, 7100 кубических футов; летом, 1750 кубических футов; годовое количество осадков, 18 дюймов; поверхностный сток, 1,4 дюйма; соотношение между ними, 13 : 1.

[155](#) *Сарагоса*: средняя температура 61 °F; экстремальные значения 106 °F и 21 °F; разница 85 °F; количество осадков 13,6 дюйма. *Барселона*: средняя температура 63 °F; экстремальные значения 88 °F и 32 °F; разница 56 °F; количество осадков 15,7 дюйма.

[156](#) В 1873 году насчитывалось 700 хлопкопрядильных фабрик с 104 000 рабочих и 1 400 000 веретен, потреблявших 67 200 000 фунтов хлопка.

[157](#) Стоимость экспорта и импорта в 1867 году составила 10 691 000 фунтов стерлингов.

[158](#) Население основных городов: *Арагон*: Сарагоса, 56 000; Калатаюд, 12 000; Уэска, 10 000; Теруэль, 7 000. *Каталония* (Cataluña): Барселона, 180 000; Реус, 25 000; Тортоса, 22 000; Матаро, 17 000; Сабадель, 15 000; Манреса, 14 000; Таррагона, 13 000; Лерида, 12 000; Вич, 12 000; Бадалона, 11 000; Игуалада, 10 500; Олот, 10 000; Тарраса, 9 000; Жирона, 8 000; Фигерас, 8 000.

[159](#) Наварра и баскские провинции, 6828 квадратных миль, 790 676 жителей; Логроньо, 1945 квадратных миль, 182 941 житель.

[160](#) В 1875 году на баскском языке говорили 556 000 человек, из них 116 000 во Франции, 340 000 в трех баскских провинциях Испании и 100 000 в Наварре.

[161](#) Население основных городов (приблизительно):—Бискайя (Vizcaya): Бильбао, 30 000. *Гипускоа*: Сан-Себастьян, 15 000; Толоса, 8000. *Алава*: Витория, 12 500. *Наварра*: Памплона, 22 000; Эстелья, 6000. *Логроньо*: Логроньо, 12 000; Калаорра, 7000.

[162](#)

Сантандер	2113	кв. м	241 581	жителей	114	на кв. м.
Астурия	4 091	кв. м.	610 883	жителей	152	на кв. м.
Галисия	11 344	кв. м.	1 989 281	жителей	176	на кв. м.

[163](#) Климат в 1858 году: *Овьедо*: 750 футов над уровнем моря, средняя температура 49,46 °F; экстремальные значения 23,9 ° и 82 °; количество осадков 81,3 дюйма. *Сантьяго*: 720 футов над уровнем моря, средняя температура 59,07 °F; экстремальные значения 28 °F и 95 °F; количество осадков 42,7 дюйма.

[164](#)

	Площадь водосборного бассейна. Кв. м в секунду.	Длина главной ветки. Миль.	Среднее осадков. Дюймов.	Средний Расход. Куб. футов.	Поверхностный дренаж в соотношении с количеством осадков. Процент.
Миньо (и Силь)	9 650	190	47	17 700	50
Дуэро	38 610	507	20	22 950	40
Тахо (Тежу)	28 960	556	16	11 600	33
Гуадиана (и Занкара)	23 170	553	14	5 680	25
Гвадалквивир	21 240	348	19	9 220	30
Сегура	8 500	217	12	710	10
Хукар	5800	318	13	880	15
Эбро	25 100	466	18	7 100	20
Итого	161 030		16	75 810	33

[165](#) Импорт (1873), 2 348 720 фунтов стерлингов; экспорт, 2 341 360 фунтов стерлингов.

[166](#) Импорт (1873), 310 227 фунтов стерлингов; экспорт, 210 532 фунта стерлингов.

[167](#) Импорт (1873), 873 286 фунтов стерлингов; экспорт, 381 636 фунтов стерлингов.

[168](#) Население городов: Сантандер — 21 000, Овьедо — 9 000, Хихон — 6 000, Сантьяго-де-Компостела — 29 000, Лакорунья — 20 000, Ферроль, 17 000; Луго, 8 000; Виго, 6 000; Оренсе, 5 000; Понтеведра, 4 200.

[169](#) Из общей площади 26,1 % составляют пахотные земли, 2,8 % — виноградники, 1,7 % — оливковые плантации, 13,7 % — луга и пастбища, 16,3 % — леса; 39,4 % — не возделываемые земли. Общая стоимость сельскохозяйственной продукции оценивается в 80 000 000 фунтов стерлингов.

В 1871 году добыча полезных ископаемых составила 6 271 000 фунтов стерлингов.

В 1865 году было насчитано 680 373 лошади, 1 020 512 мулов, 1 298 334 осла, 2 967 303 голов рогатого скота, 22 468 969 овец, 4 531 736 коз, 4 531 228 свиней и 3 104 верблюда.

Продукция мануфактур оценивается Гарридо в 63 480 000 фунтов стерлингов. Импорт (1871 г.) — 22 780 000 фунтов стерлингов, (1874 г.) — 15 280 000 фунтов стерлингов; экспорт (1871 г.) — 17 688 000 фунтов стерлингов, (1874 г.) — 16 120 000 фунтов стерлингов.

Торговый флот (1874 г.): 2836 морских судов (включая 212 пароходов) водоизмещением 625 184 тонн, помимо 6498 барж (26 000 тонн) и 12 000 рыболовецких судов.

Железные дороги, 3602 мили в 1876 году.

[170](#) Статистика образования (1870 г.):

	Мужчины.	Женщины.	Всего
Умеющие читать и писать	2 414 000	716 000	3 130 000
Умеют только читать	317 000	389 000	706 000
Неграмотные	5 035 000	6 803 000	11 838 000

[171](#) Доходы (1876–7), 26 300 069 фунтов стерлингов; расчетные расходы, 26 251 518 фунтов стерлингов, из которых более половины приходится на армию и флот; государственный долг, 420 322 000 фунтов стерлингов.

[172](#) Link und Hoffmannsegg, «Voyage en Portugal»; Minutoli, «Portugal und seine Kolonien»; Vogel, «Le Portugal et ses Colonies»; Lady Jackson, «Fair Lusitania»; Latouche, «Travels in Portugal».

[173](#) Температура в Коимбре (по данным Коэльо): в течение года — 61,1 °; зимой — 52,2; весной — 63; летом — 68,9; осенью — 62,3; самый холодный месяц (январь) — 50,2; самый жаркий месяц (июль) — 69,4; разница, 19,2 F. Температура в Порту (по данным Де Луиза, среднее значение за восемь лет): год, 60,2; зима, 51,1; весна, 58,6; лето, 69,8; осень, 61,2; самый холодный месяц (январь), 50,2; самый жаркий месяц (август), 70,3; разница, 20,1 °F.

[174](#) Производство вина в Португалии до появления оидиума в 1853 году составляло 105 600 000 галлонов. Среднегодовой урожай виноградников Альто-Дору (Порту) в 1848 году составлял 11 726 000 галлонов, в 1870 году — 11 374 000 галлонов. Экспорт в Англию — 3 718 000 галлонов; в Бразилию — 994 000 галлонов. В 1874 году только Опорто экспортировал 6 623 000 галлонов, что было больше, чем когда-либо прежде.

[175](#) Импорт и экспорт составляют около 4 000 000 фунтов стерлингов.

[176](#) Города с населением более 5000 человек в Северной Португалии (1864): —*Entre Douro e Minho*: Порту, 86 257; Брага, 19 512; Павоа-де-Варзим, 10 110; Гимарайнш, 7865; Вильянова-де-Гайя, 7517; Вианна-ду-Кашту, 6049; Маттузиньюш, 5089. *Трасу-ош-Монтеш*: Шавеш, 6382; Браганса, 5111; Вилья-Реал, 5097. *Бейра*: Коимбра, 18 147; Овар, 10 374; Ковильян, 9 022; Ламегу, 8 638; Ильяво, 8 215; Муртоза, 7 666; Визеу, 6 815; Каштелу-Бранку, 6 583; Авейру, 6 557; Мира, 6 014; Суре, 5 855; Лавуш, 5 837; Миранда-ду-Корву, 5 261; Пайау, 5 097.

[177](#) В 1874 году Лиссабон экспортировал 5900 тонн картофеля, 447 450 галлонов оливкового масла, 4 400 000 галлонов вина, 157 200 бушелей соли, 200 000 тонн медной руды, инжир, миндаль, апельсины и т. д. В гавань вошло 4092 судна.

[178](#) Средняя температура июля — 90,6 °F; экстремальные температуры — 27,5 °F и 102 °F; количество безоблачных дней — 150.

[179](#) В 1870 году Португалия произвела 320 000 тонн соли, из которых 184 000 тонн были из Сетубала.

[180](#) Города Эштремадуры с населением более 5000 человек (1864 г.): Лиссабон, 224 063; Сетубал, 13 134; Сантарем, 7820; Торреш-Новаш, 6878; Капарика, 6311; Пальмелла, 6260; Сезимбра, 5797; Абрантеш, 5590; Картакшу, 5218; Лоришал, 5182.

[181](#) Города южной Португалии с населением более 5000 человек (1864):—*Алентежу*: Эвора, 11 965; Эльвас, 11 086; Эстремоз, 7274; Бежа, 7060; Порталегре, 6731; Серпа, 5595; Моура, 5489; Кастелло-де-Видо, 5285; Кампо-Майор, 5277. *Алгарве*: Лоле, 12 156; Тавира, 10 903; Фару, 8 361; Лагуш, 7 771; Ольян, 7 025; Алпортель, 6 043; Вильянова-де-Портиман, 5 531; Сан-Бартоломеу-де-Мессирес, 5 318; Моншике, 5 251; Силвеш, 5 103.

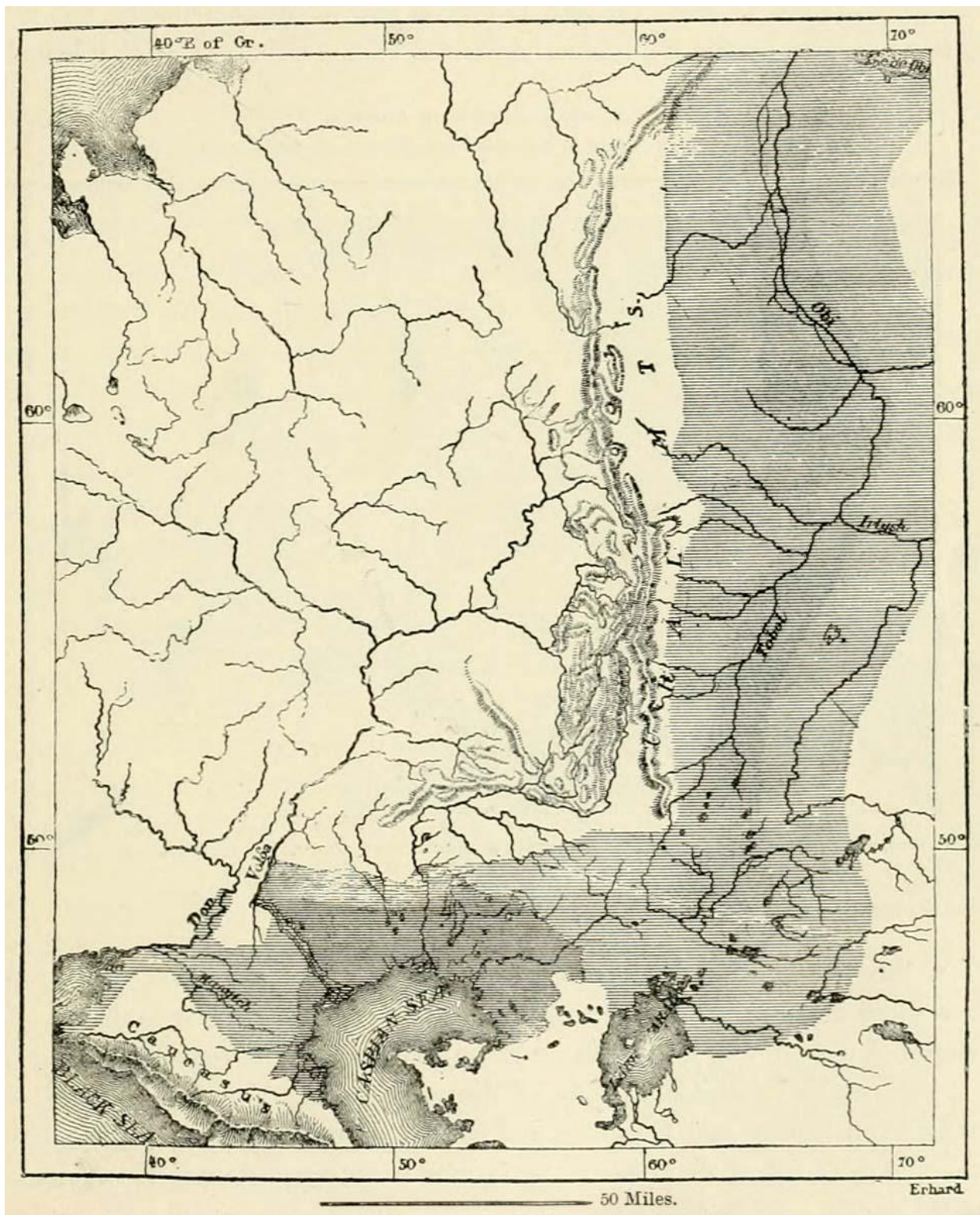
[182](#) Список португальских колоний см. на стр. [500](#).

[183](#) В 1874 году насчитывалось 2649 начальных и средних школ, которые посещали 122 004 ученика, помимо университета и девяти специальных школ, в которых учились 4300 студентов.

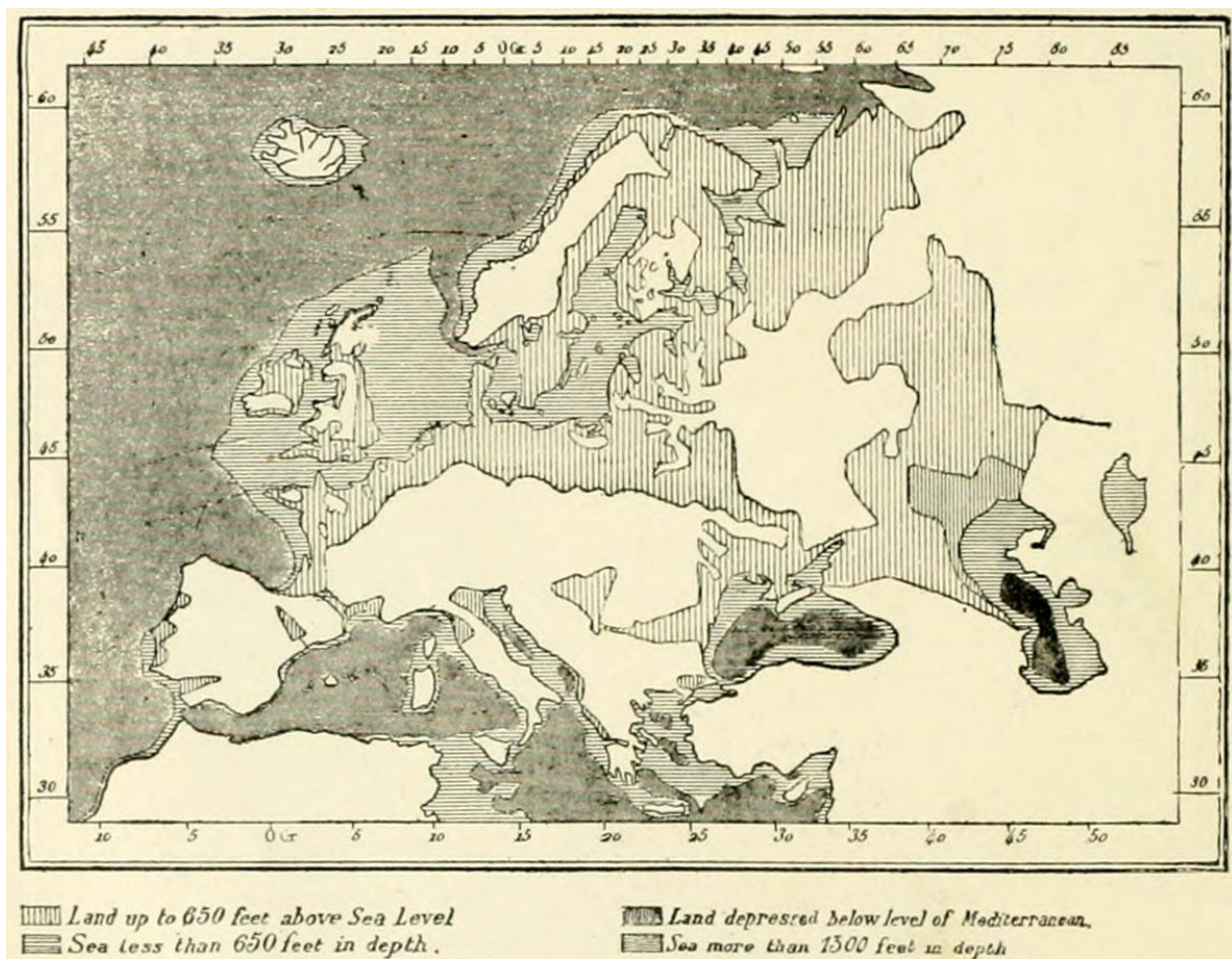
[184](#) В 1875 году было 2237 миль королевских шоссе и 600 миль железных дорог.

[185](#) Стоимость экспорта и импорта в 1840 году составляла 4 016 320 фунтов стерлингов, в 1856 году — 8 127 400 фунтов стерлингов, в 1875 году — 12 916 020 фунтов стерлингов. В 1875 году торговый флот состоял из 433 судов (включая 23 парохода) общим тоннажем 111 260 тонн.

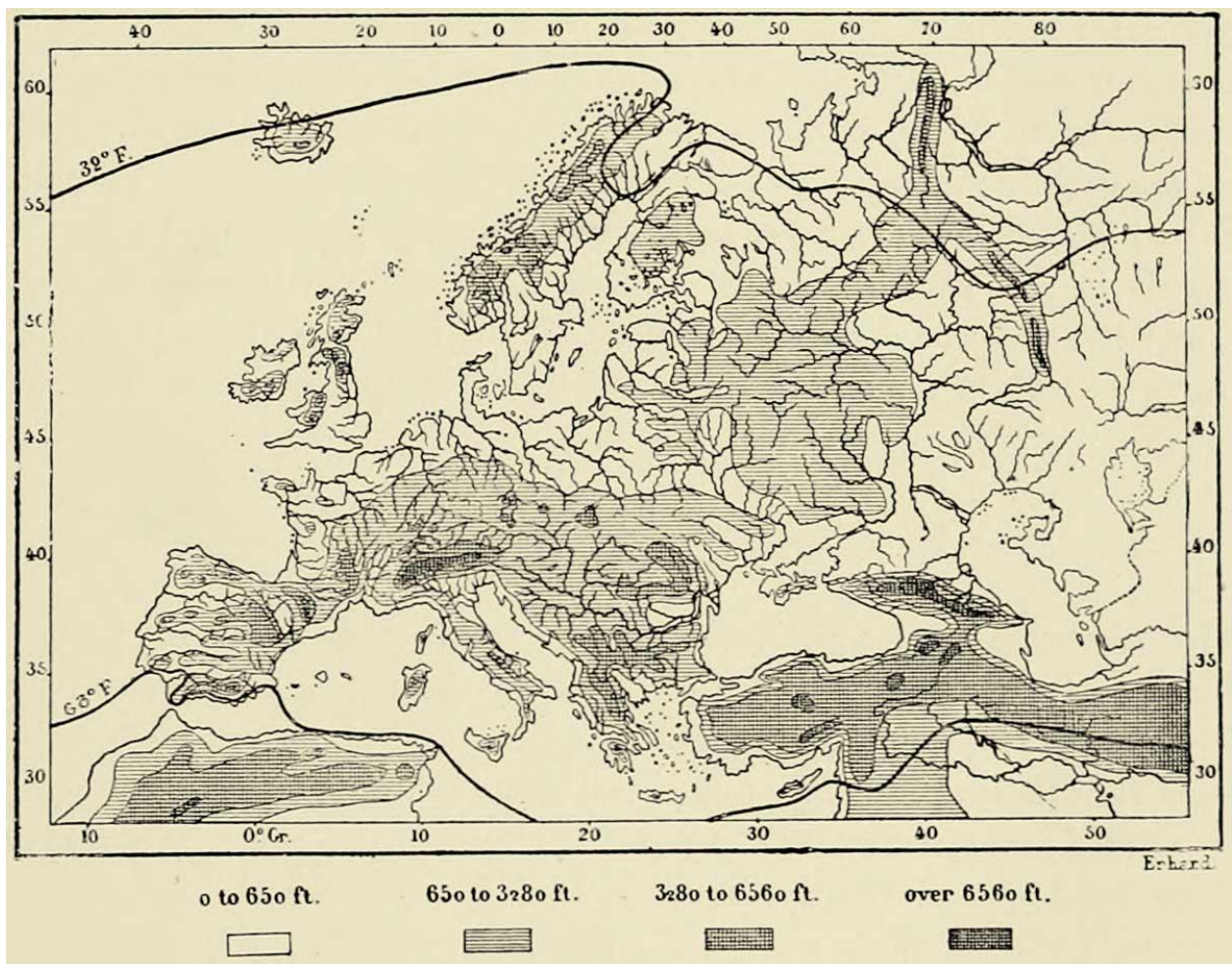

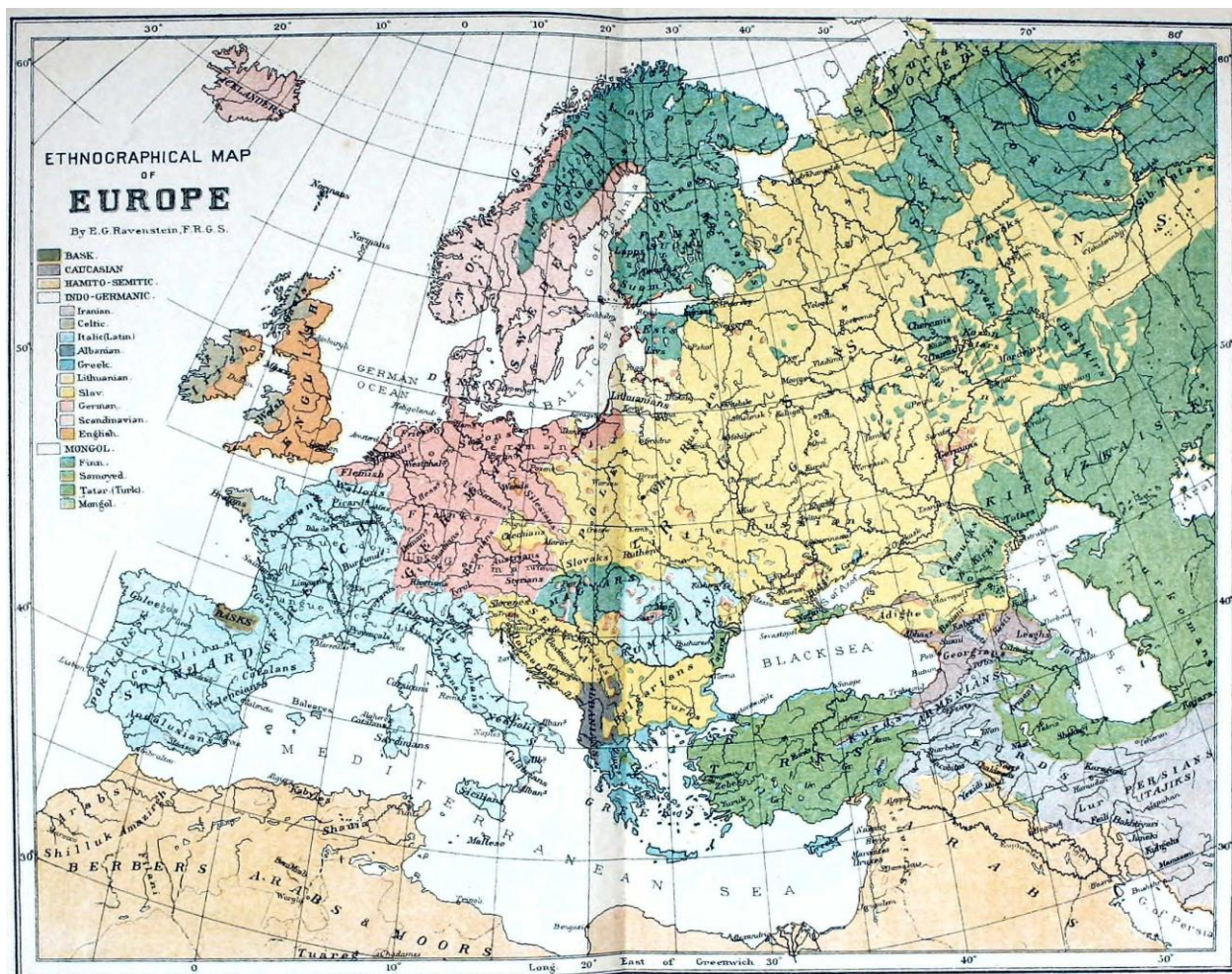
[back](#)

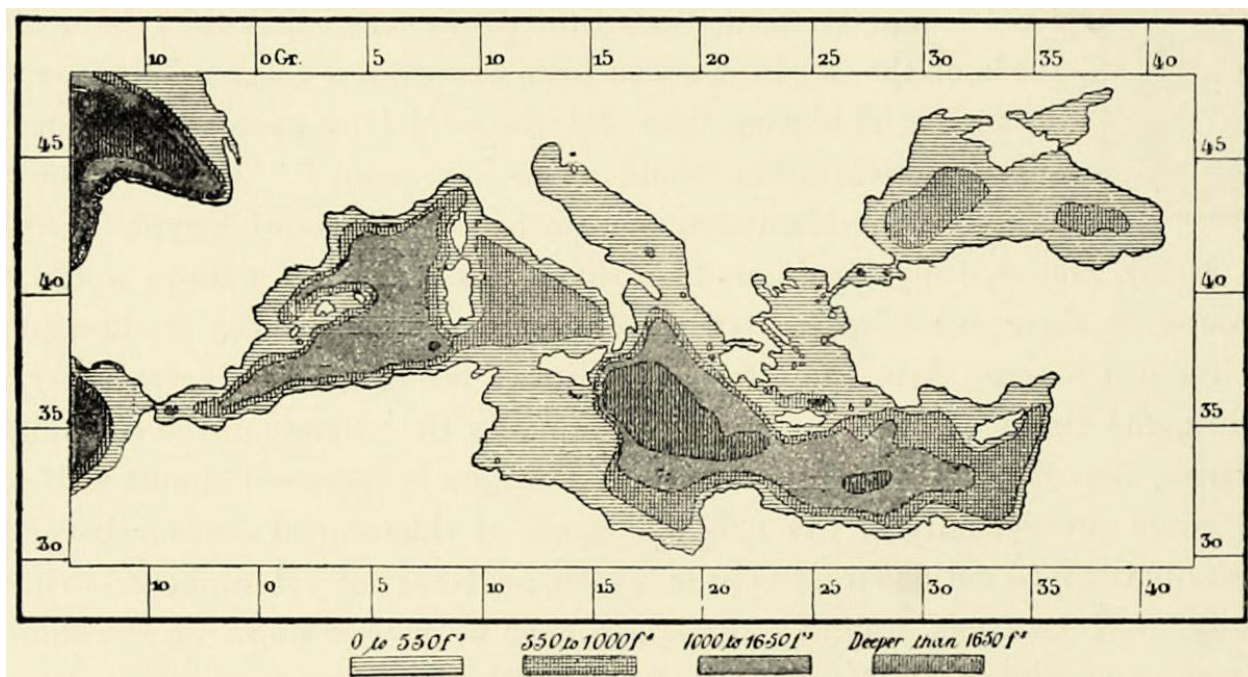
[back](#)

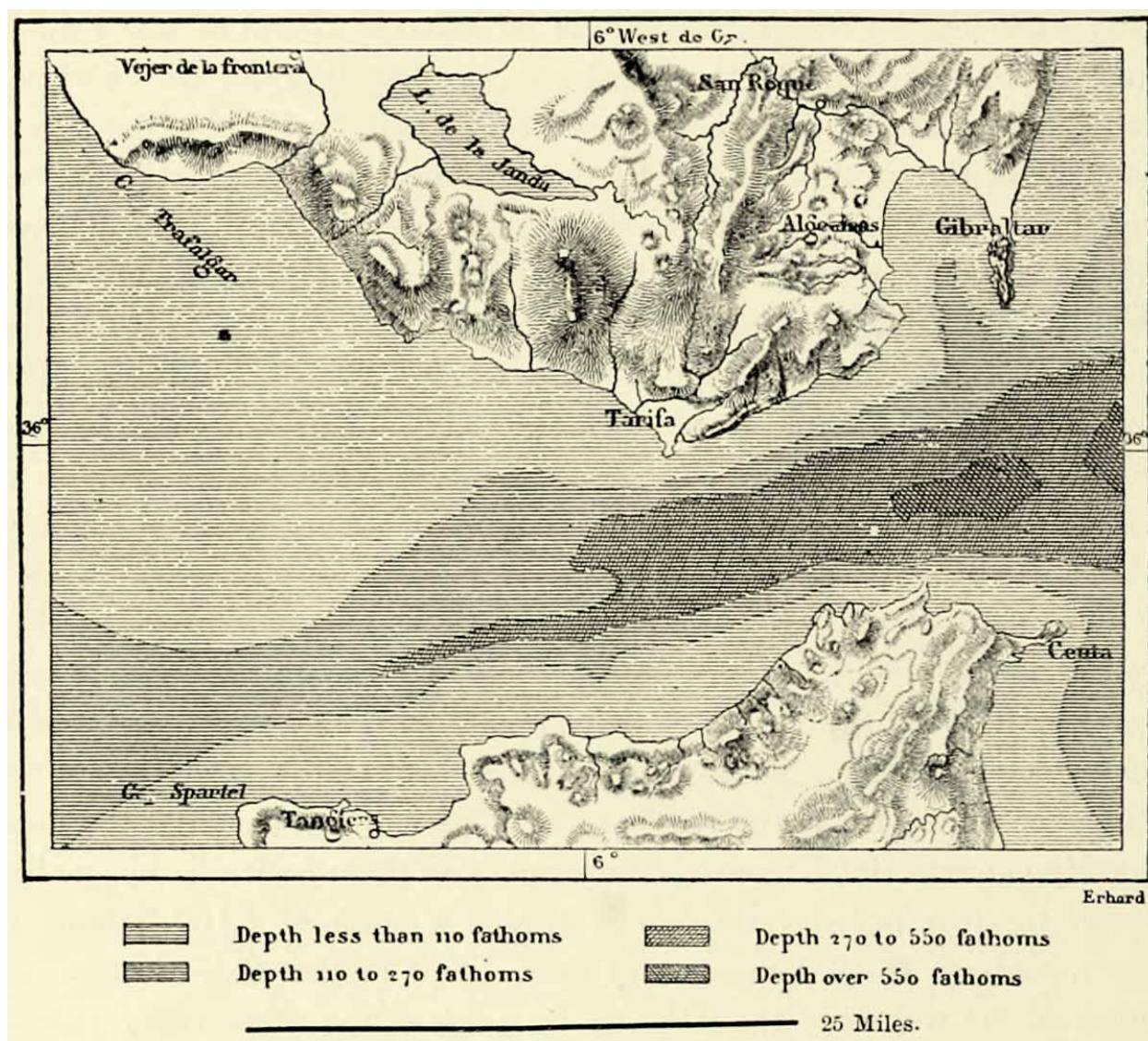
[back](#)

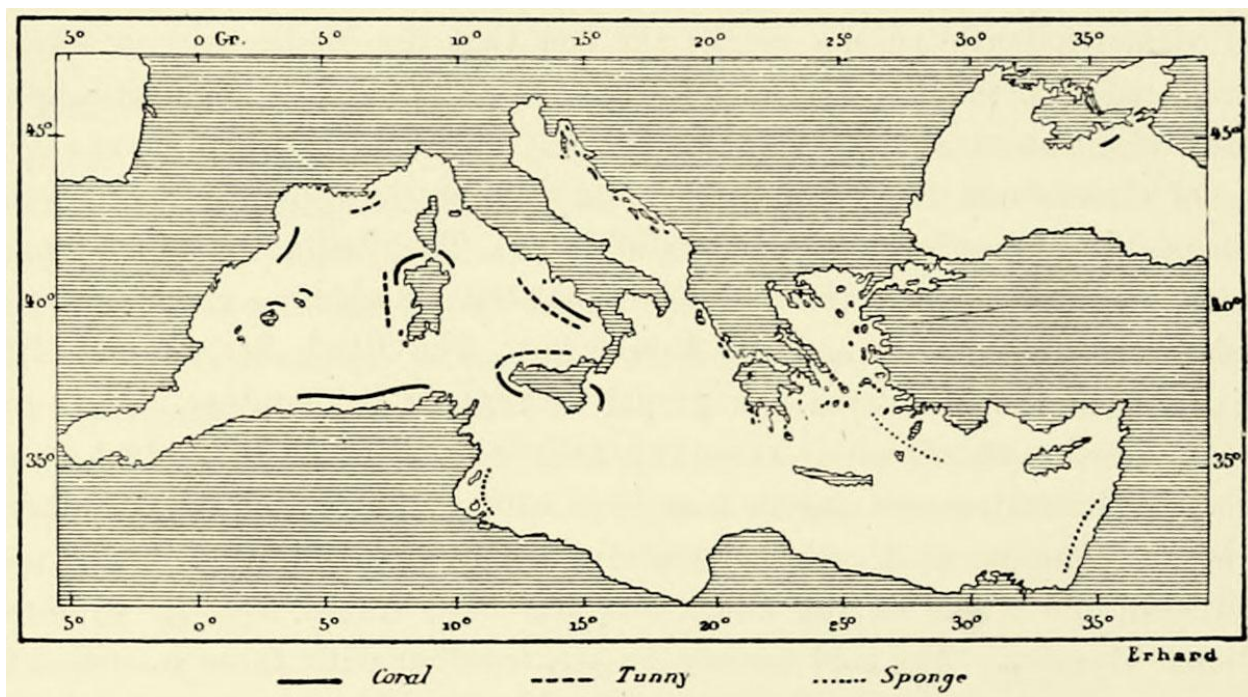
[back](#)

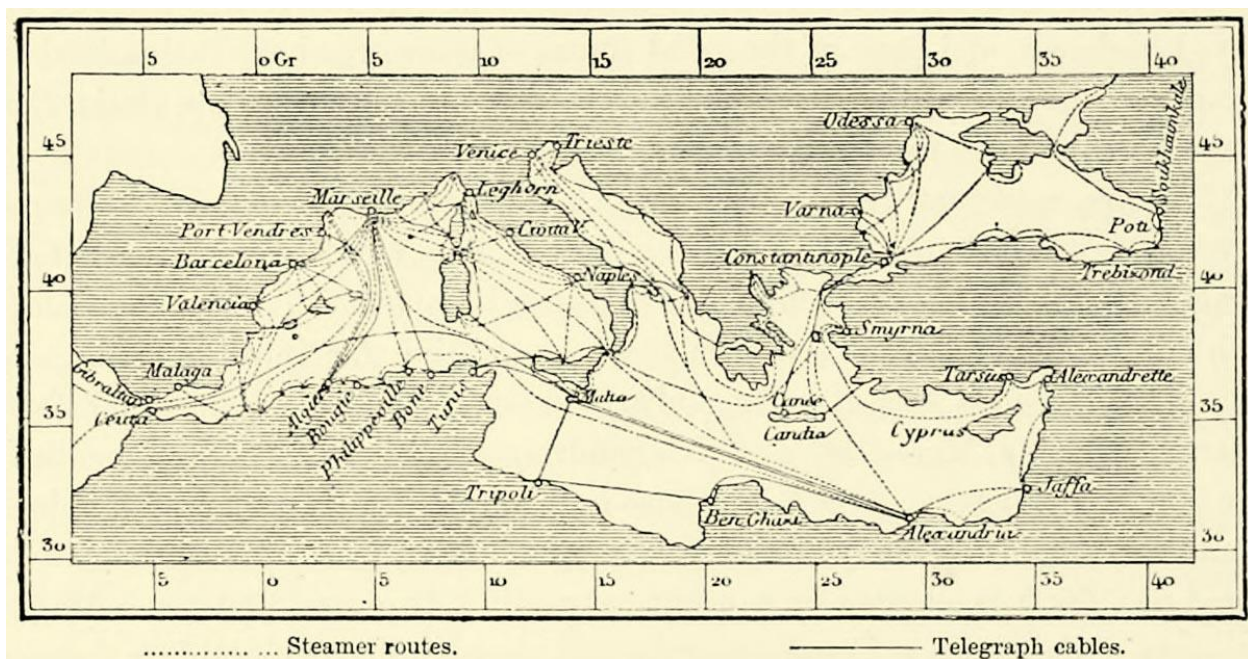
[back](#)

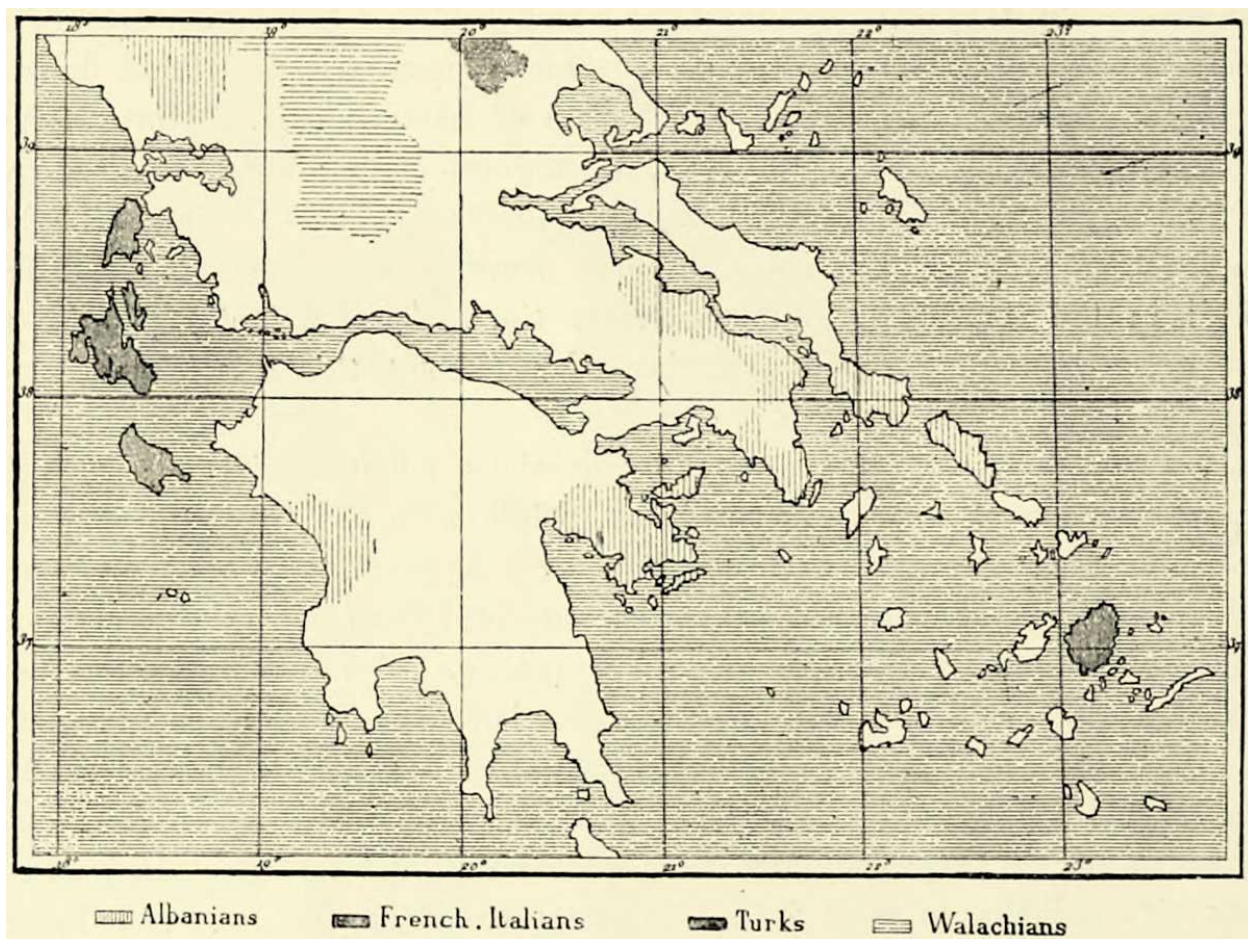
[back](#)

[back](#)

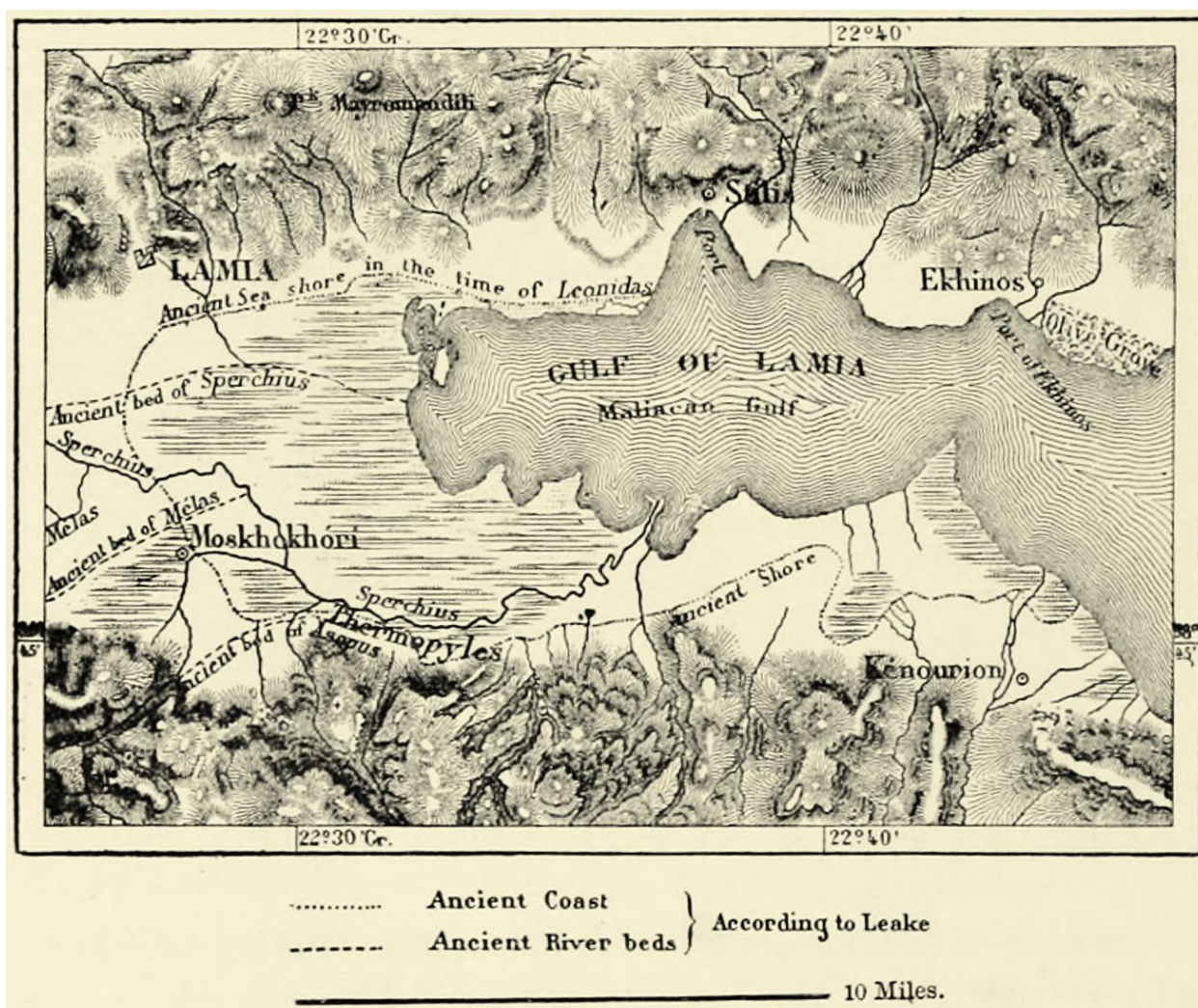
[back](#)

[back](#)

[back](#)

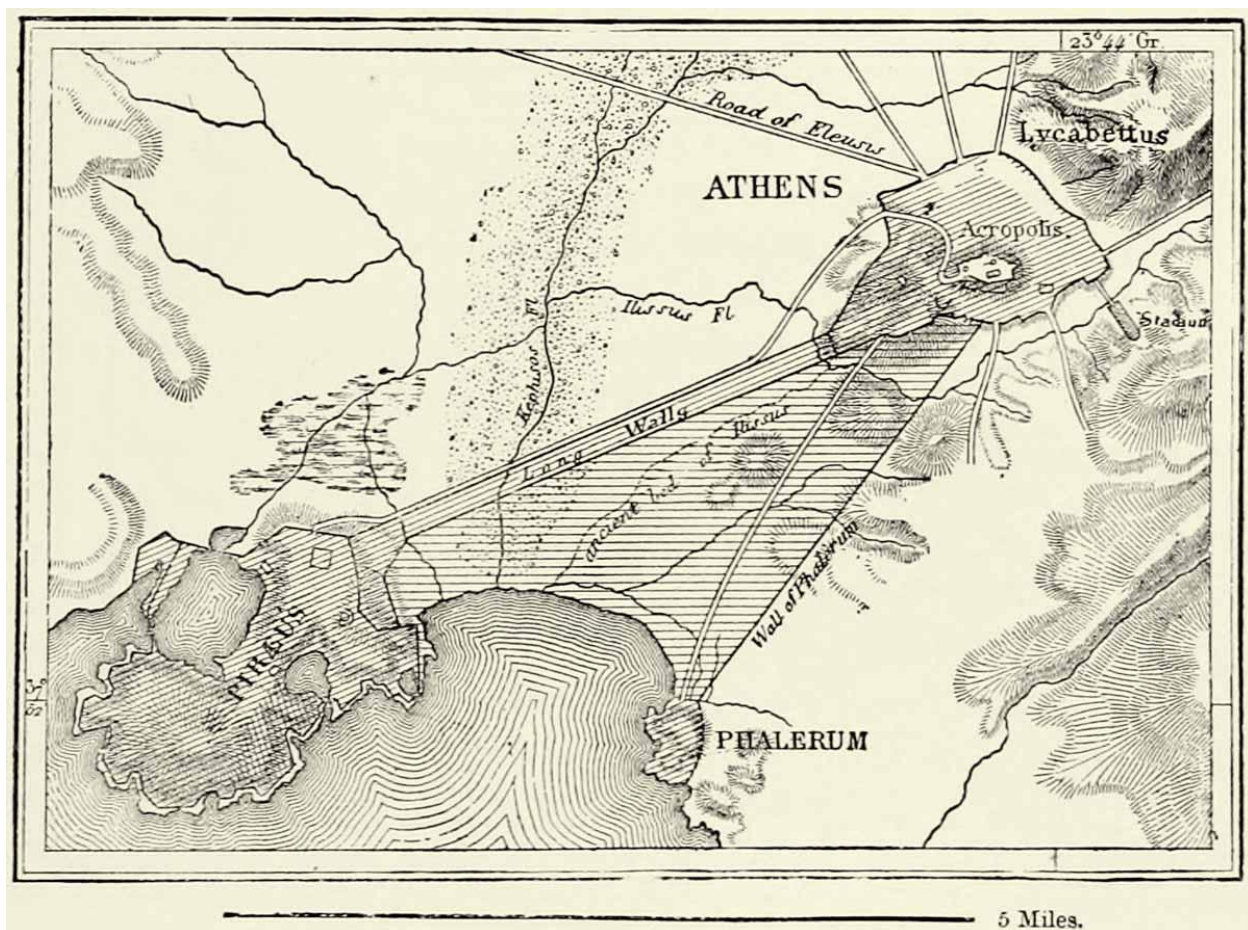
[back](#)

K. Katavothras.

10 Miles.

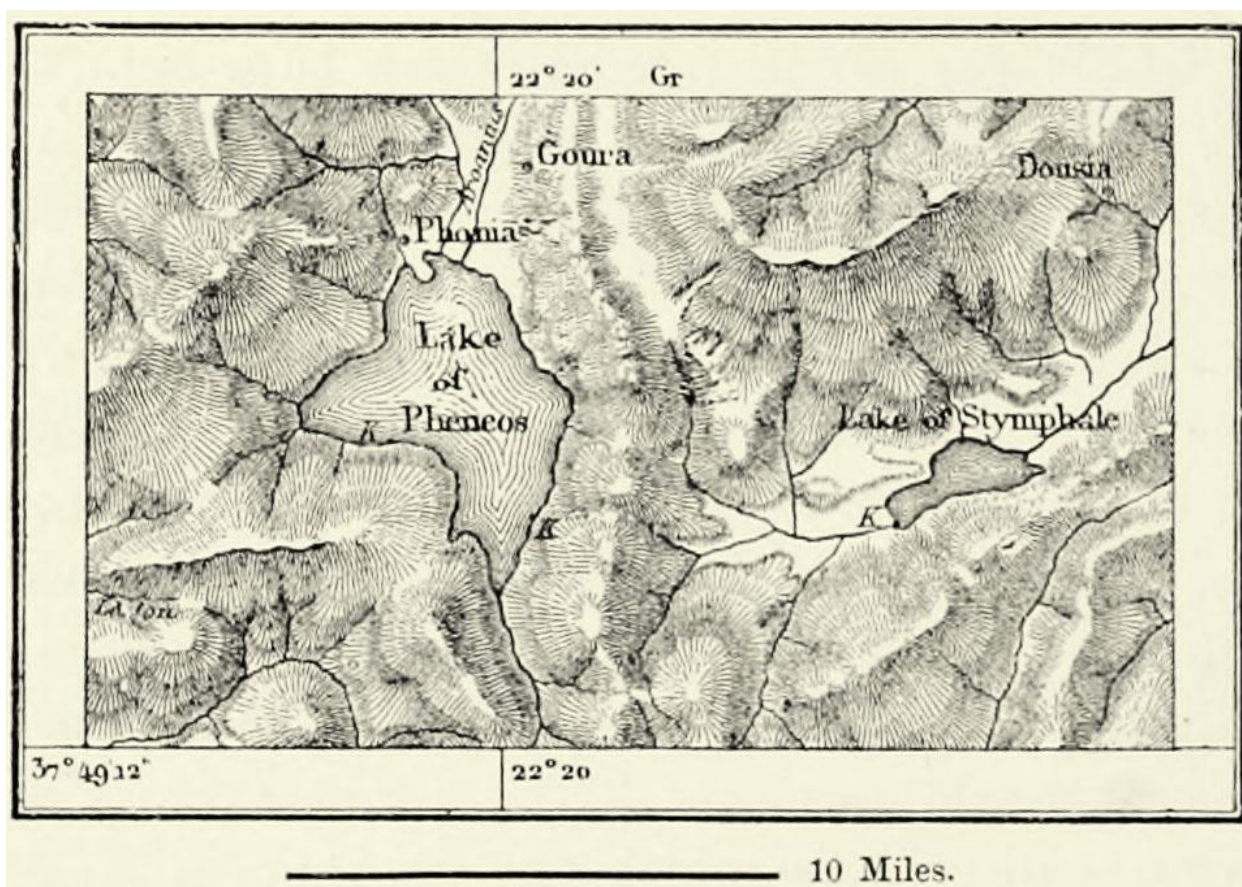
[back](#)

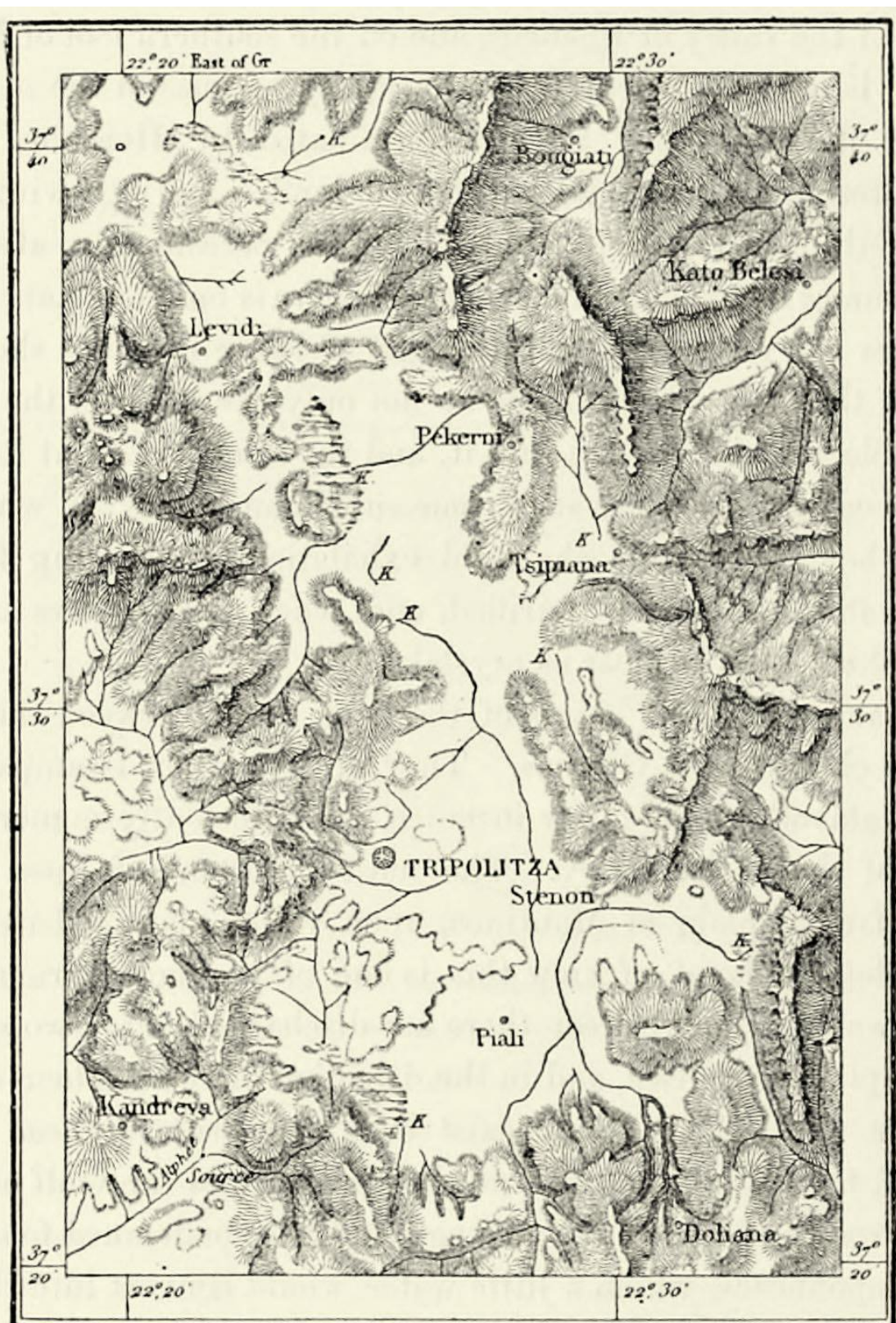
[back](#)

[back](#)

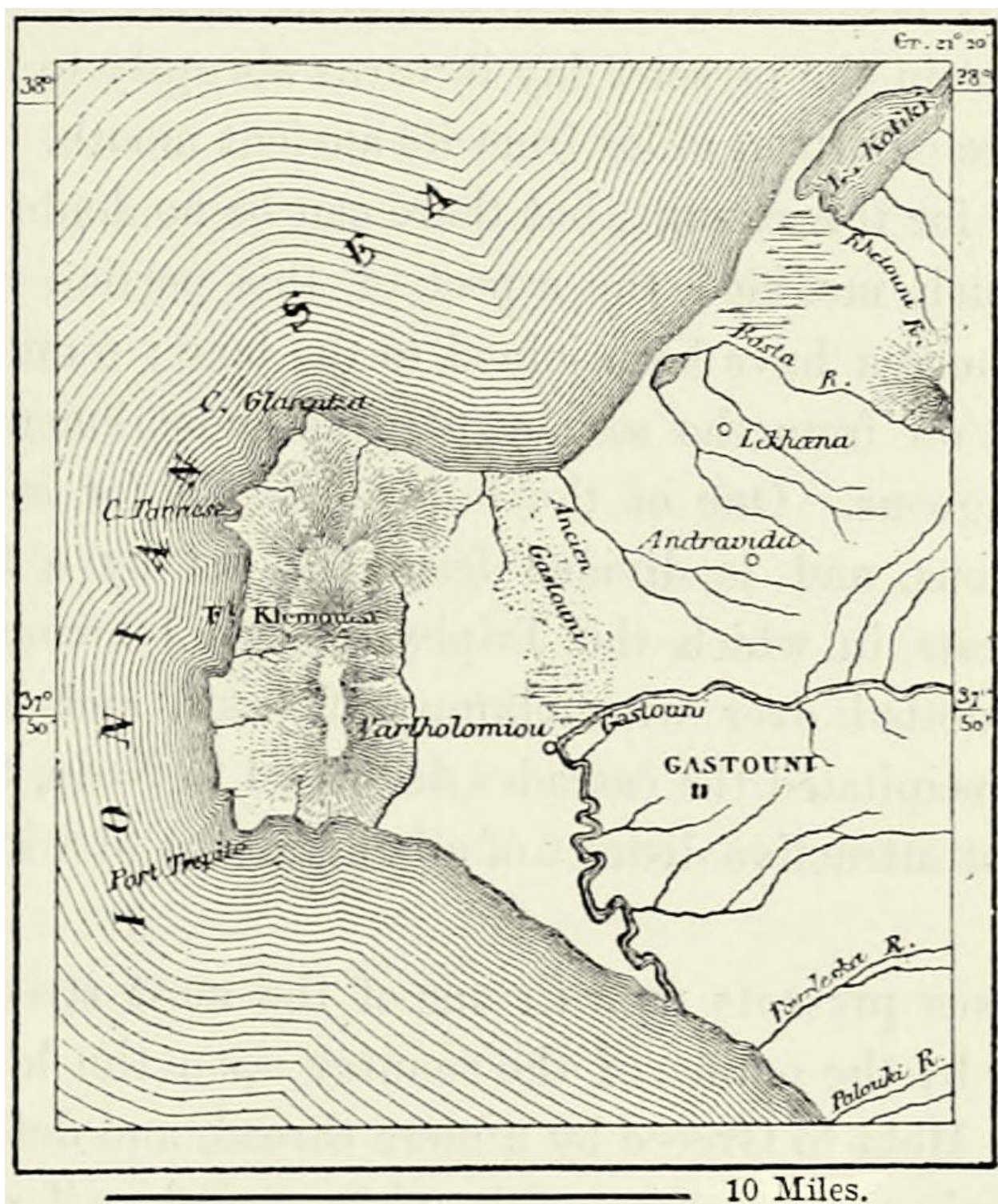

[back](#)

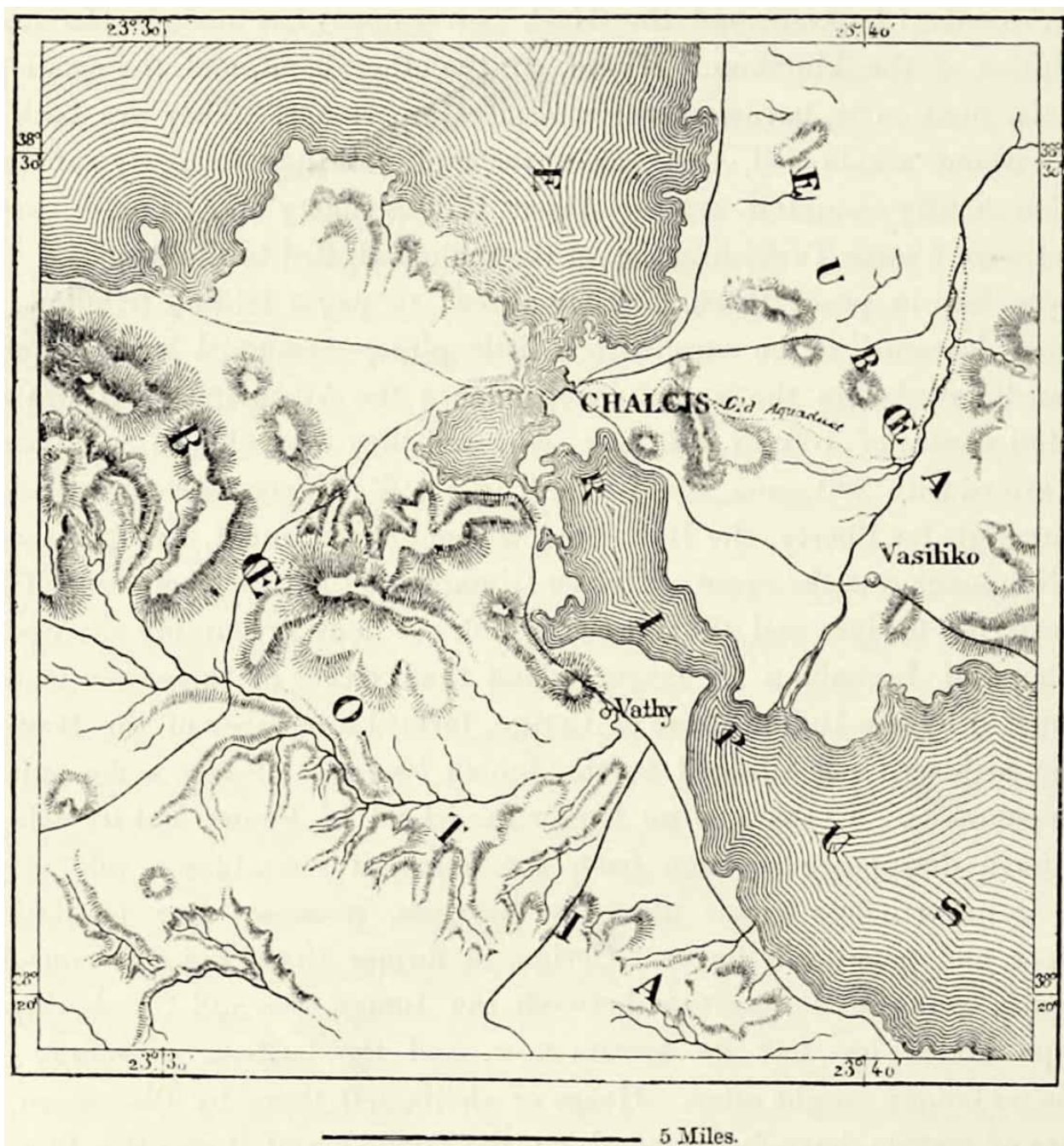

K. Katavothras.

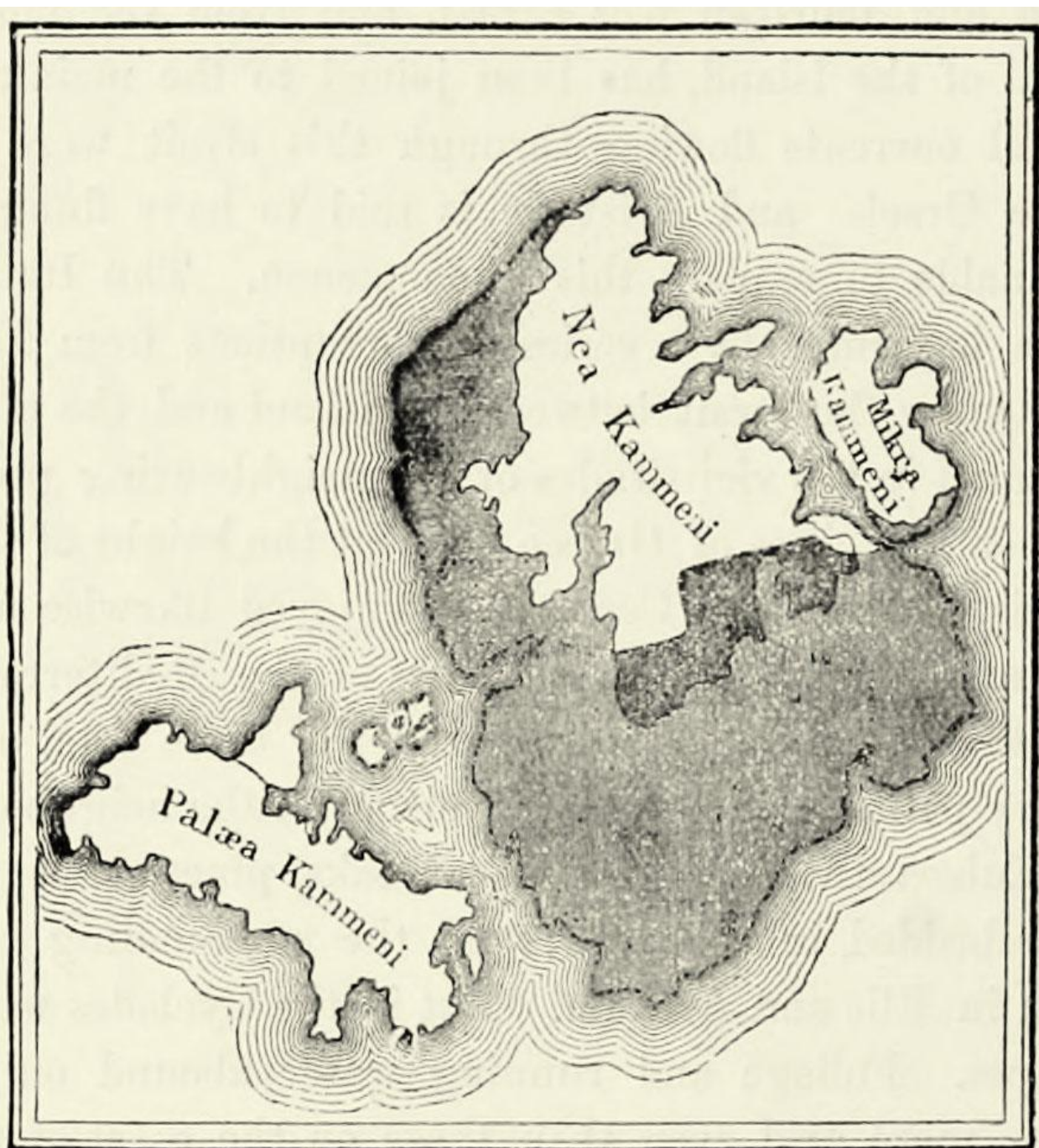
[back](#)

[back](#)

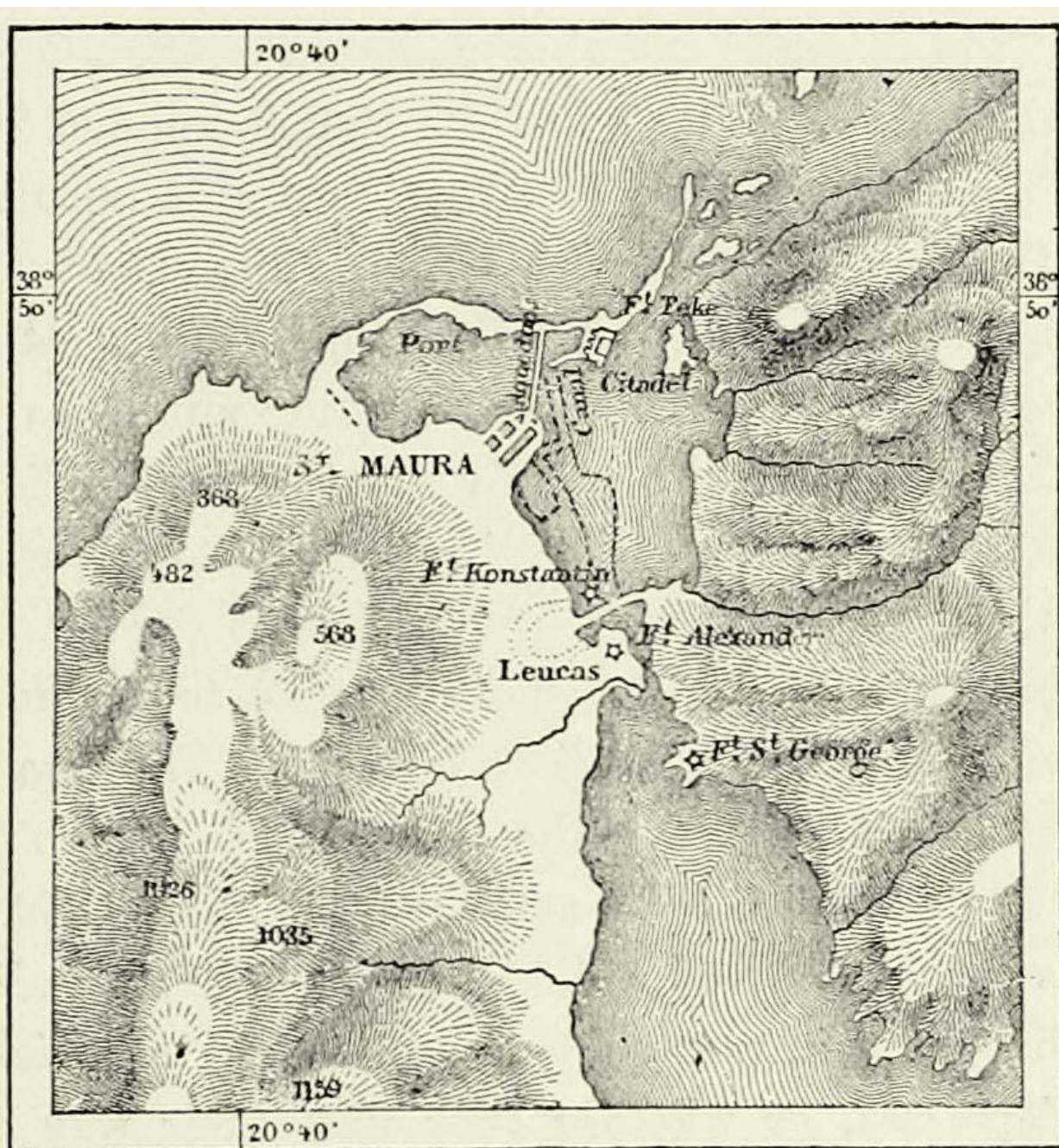

[back](#)

- Upheaved, without volcanic phenomena.
- Upheaved, attended by fumaroles and eruptions.
- Ancient Coast (Mount George, 400 feet).

[back](#)

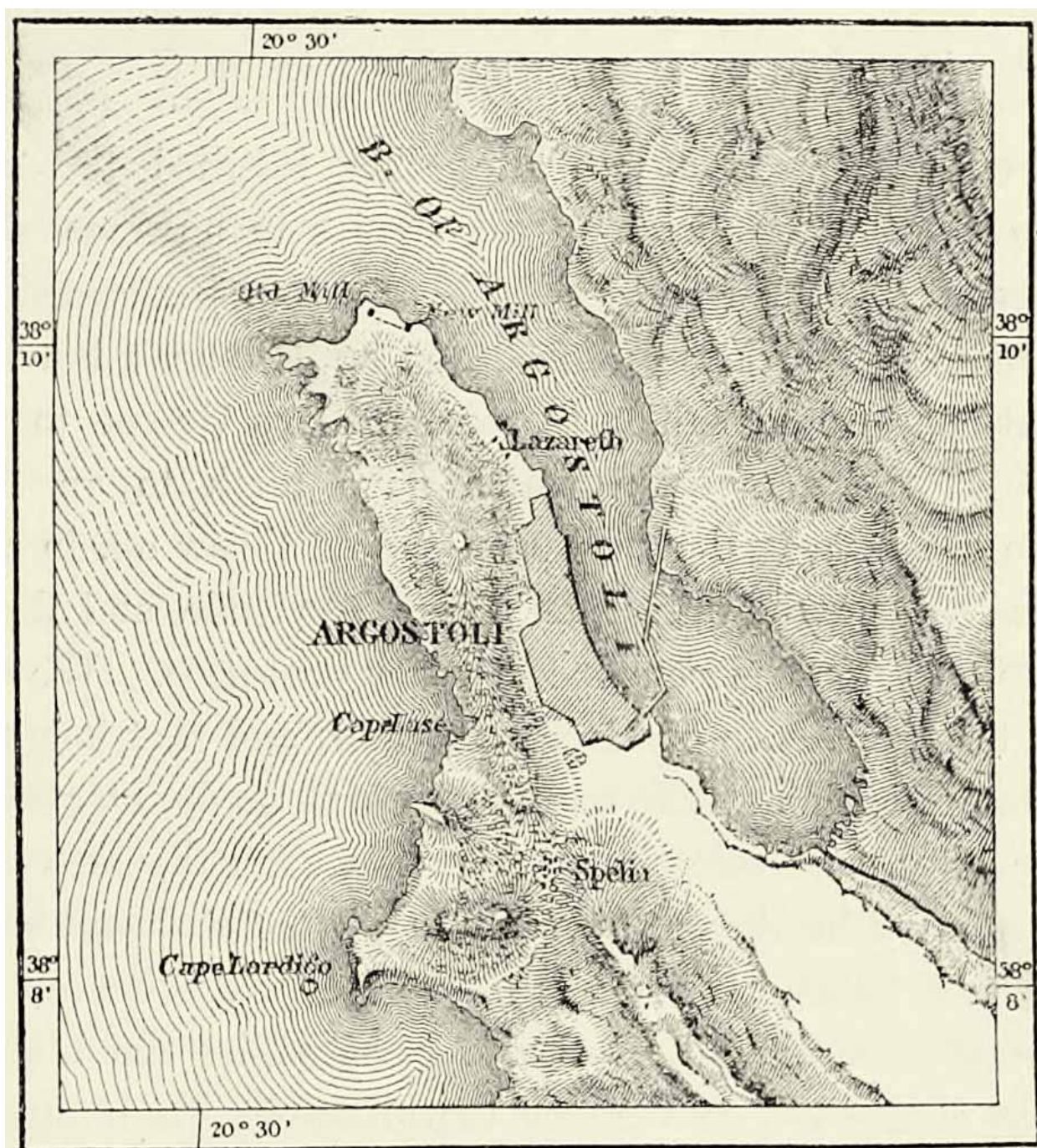

Scale 1 : 200,000.

5 Miles.

[back](#)

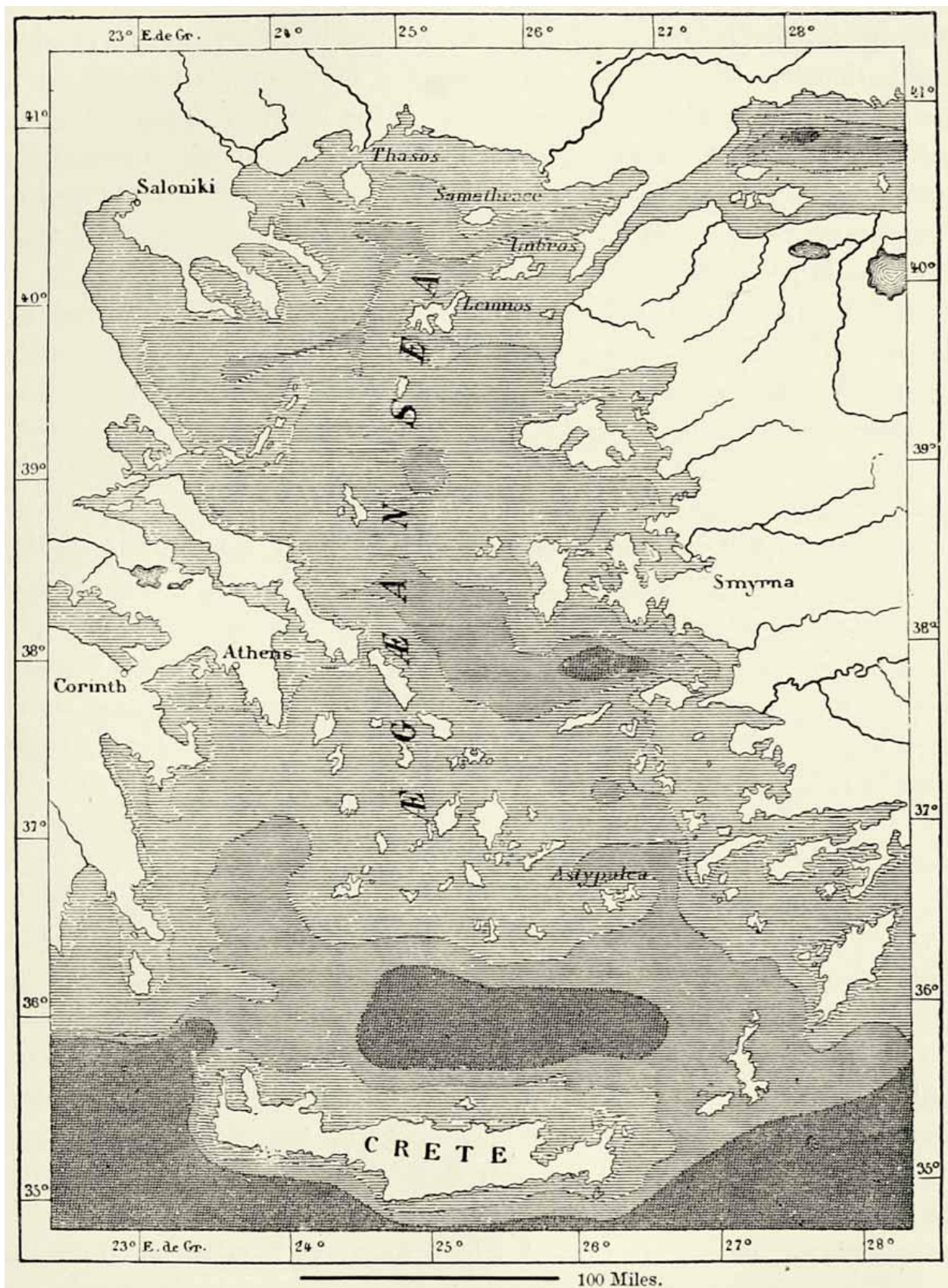
Scale 1 : 78,000.

12 Miles.

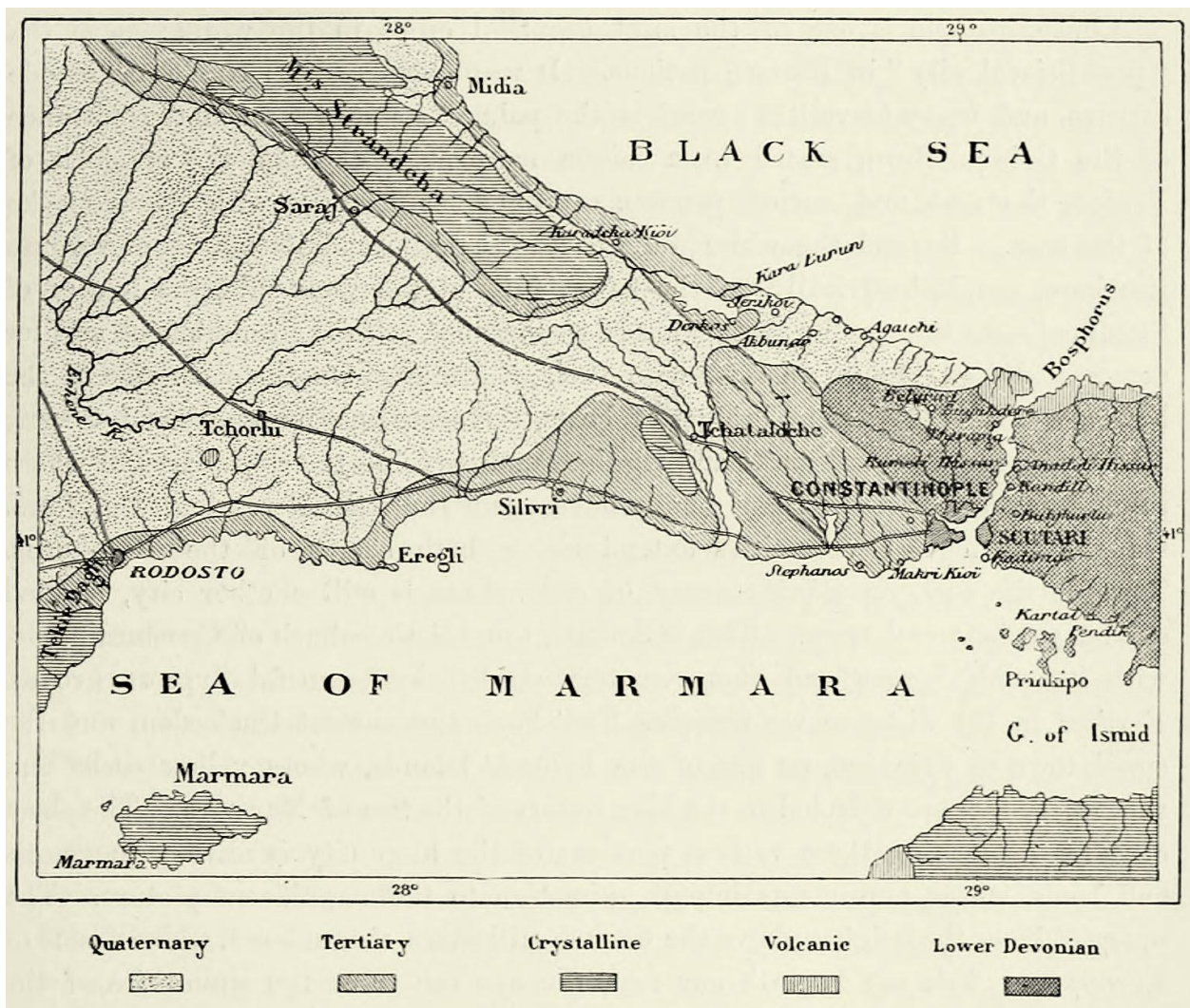
[back](#)

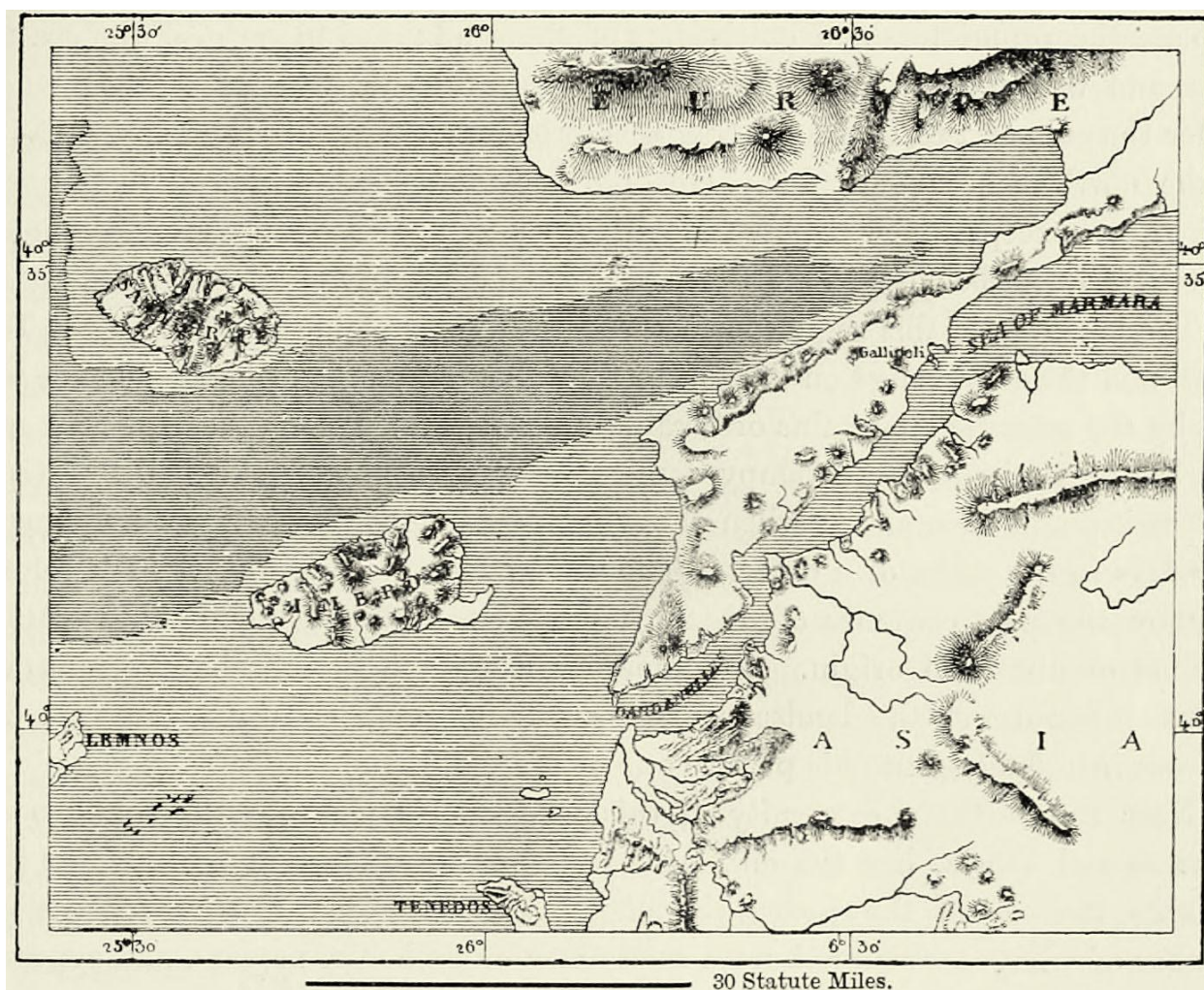
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

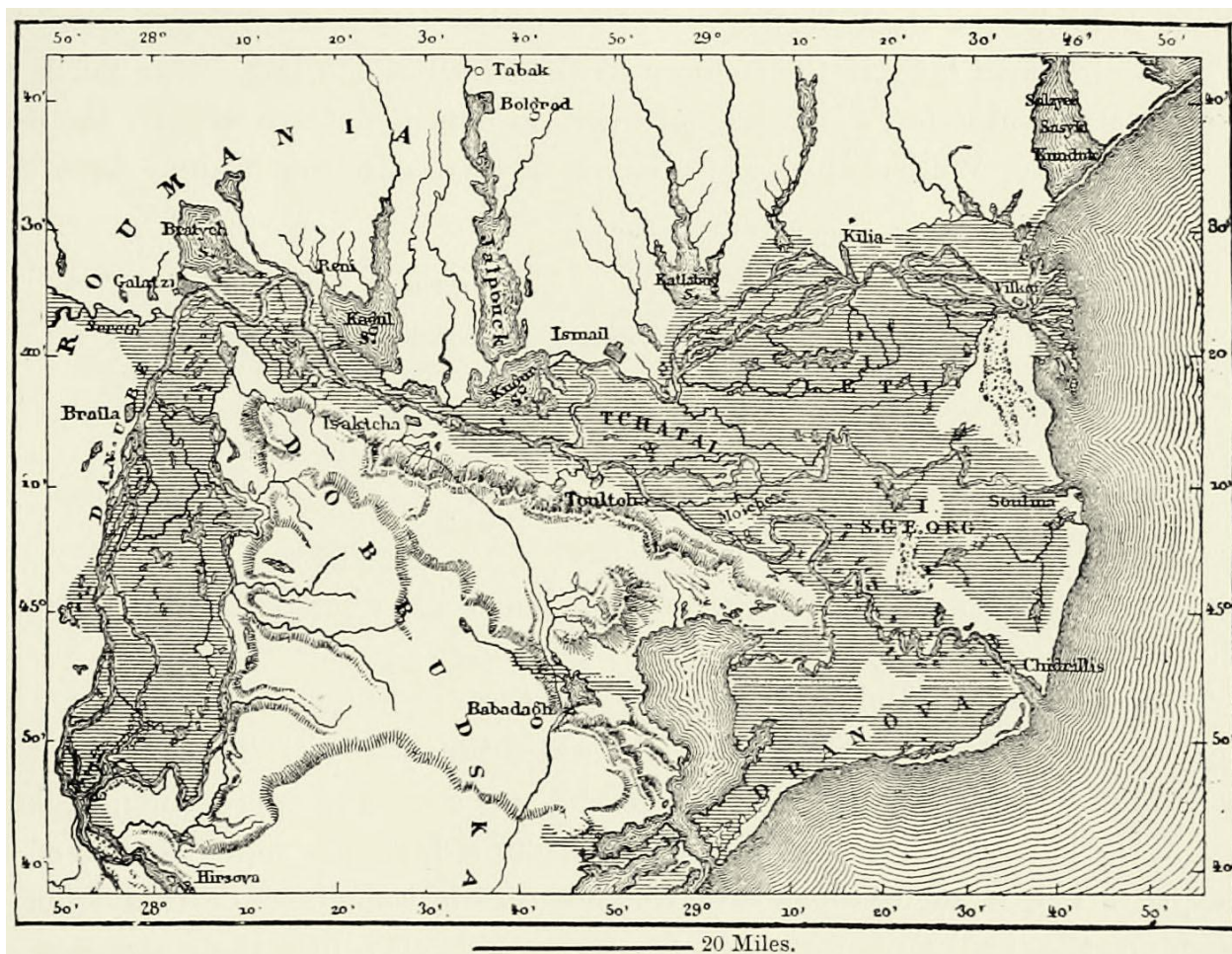
[back](#)

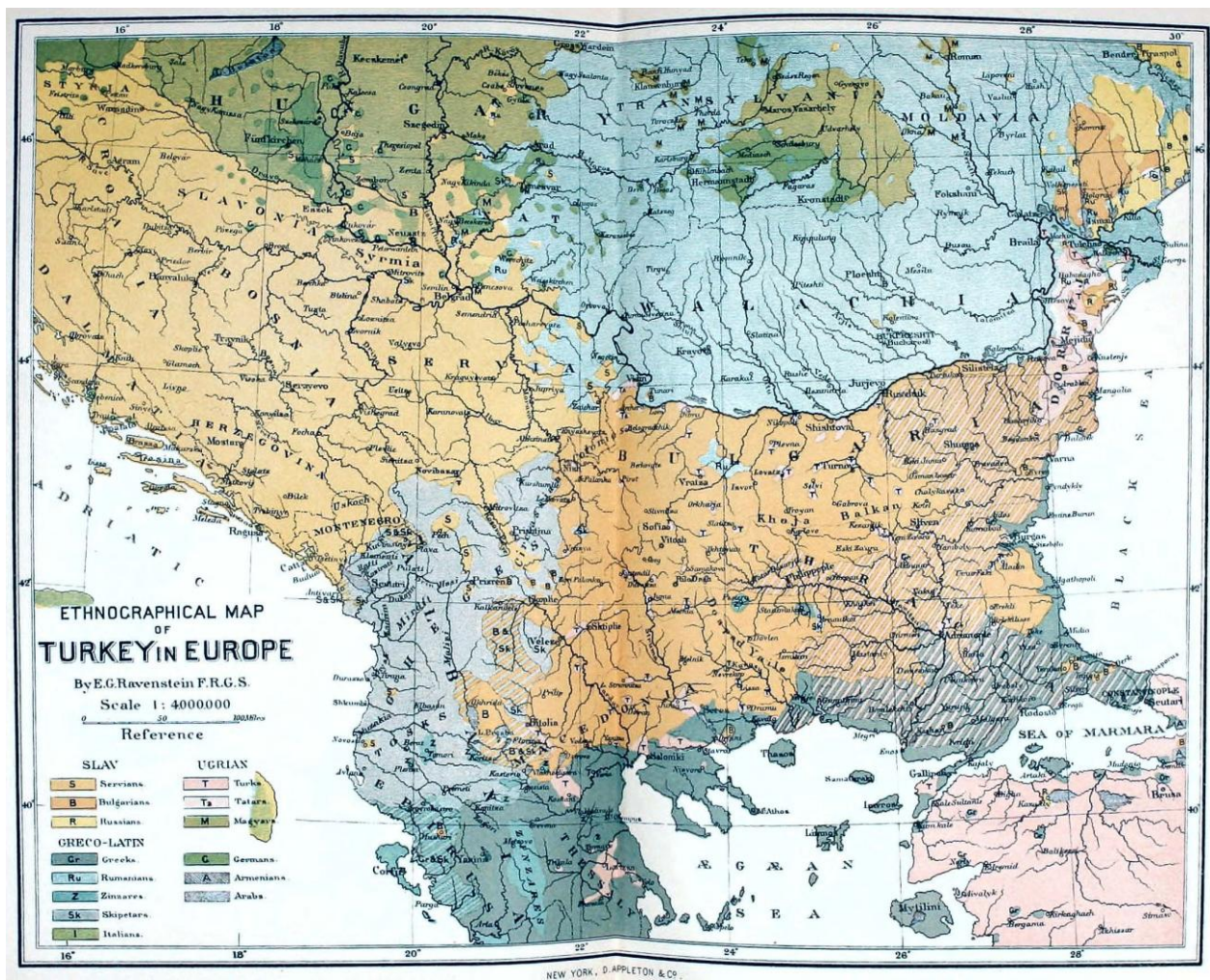
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

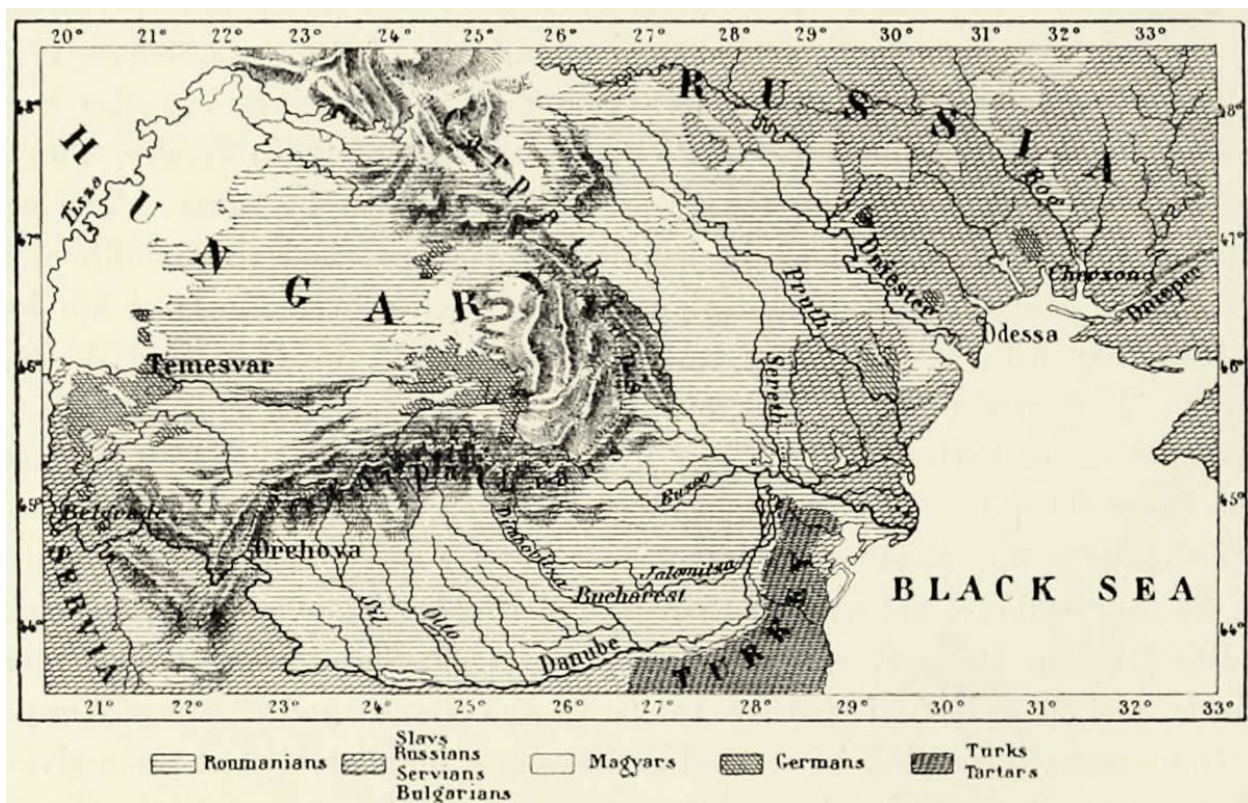
[back](#)

[back](#)

[back](#)

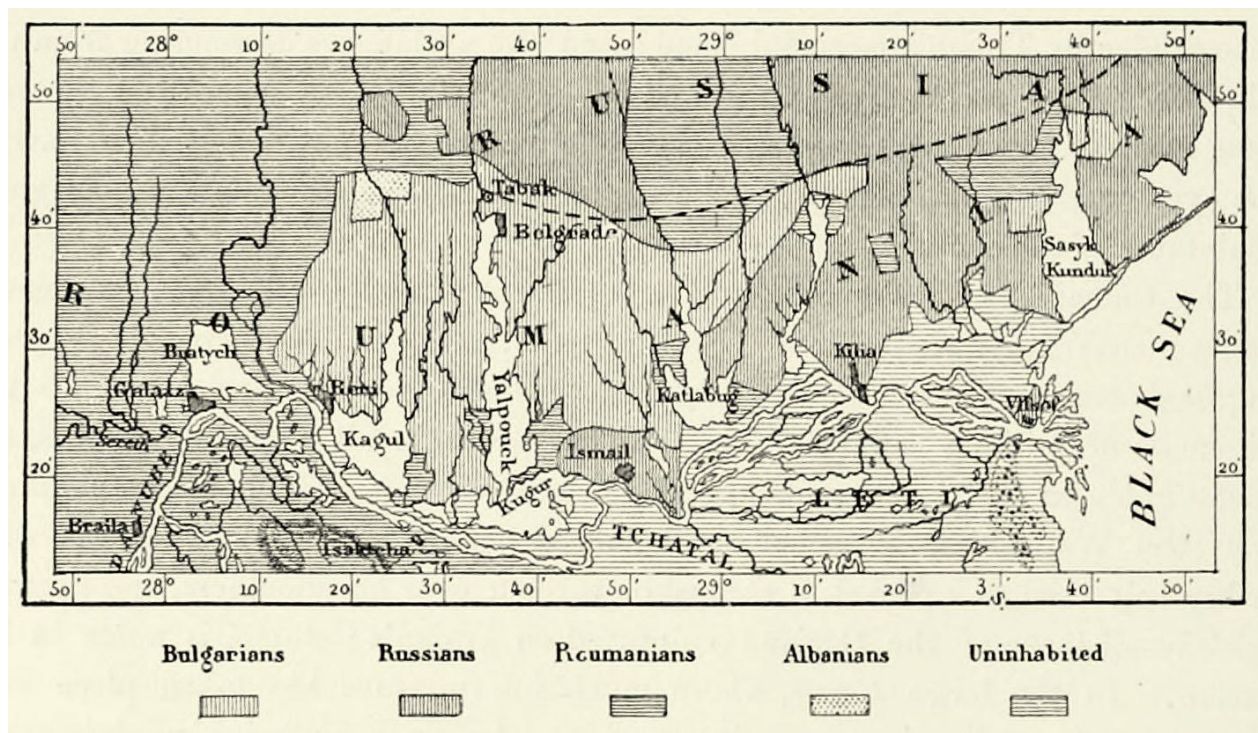
[back](#)

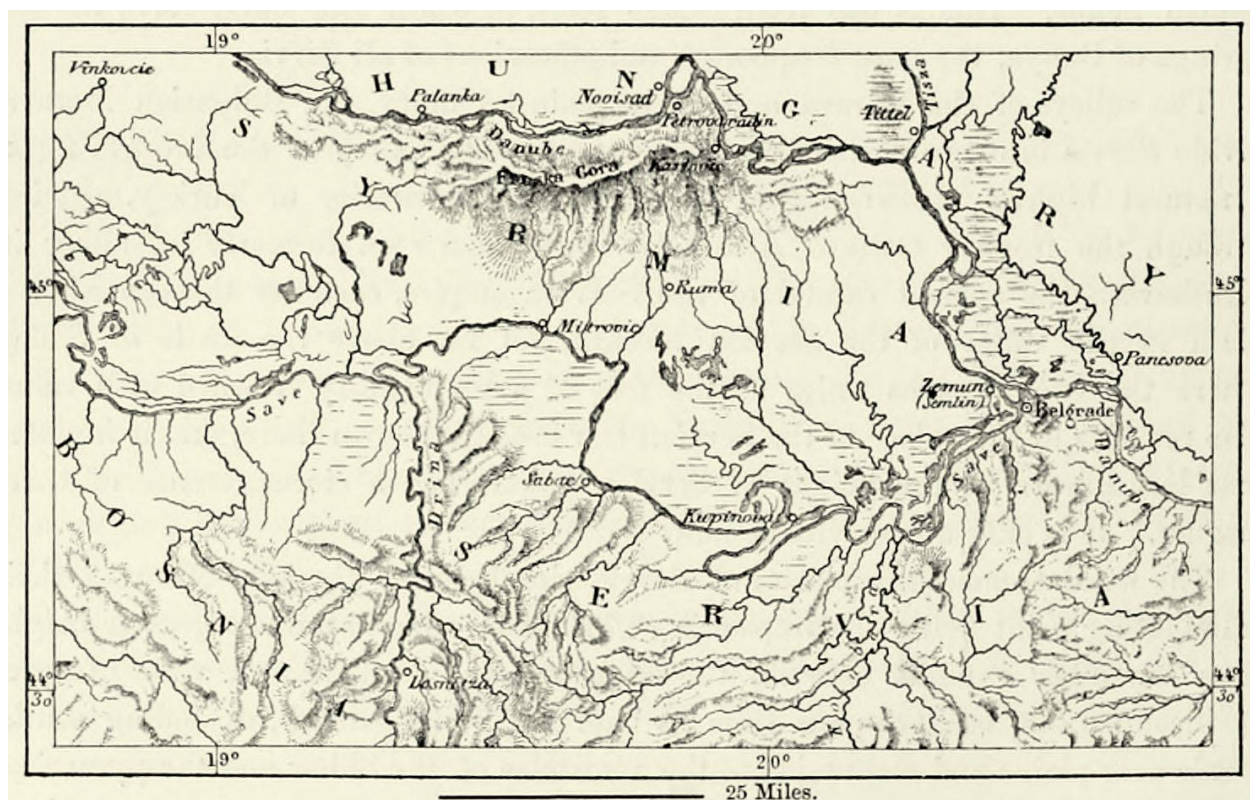
[back](#)

[back](#)

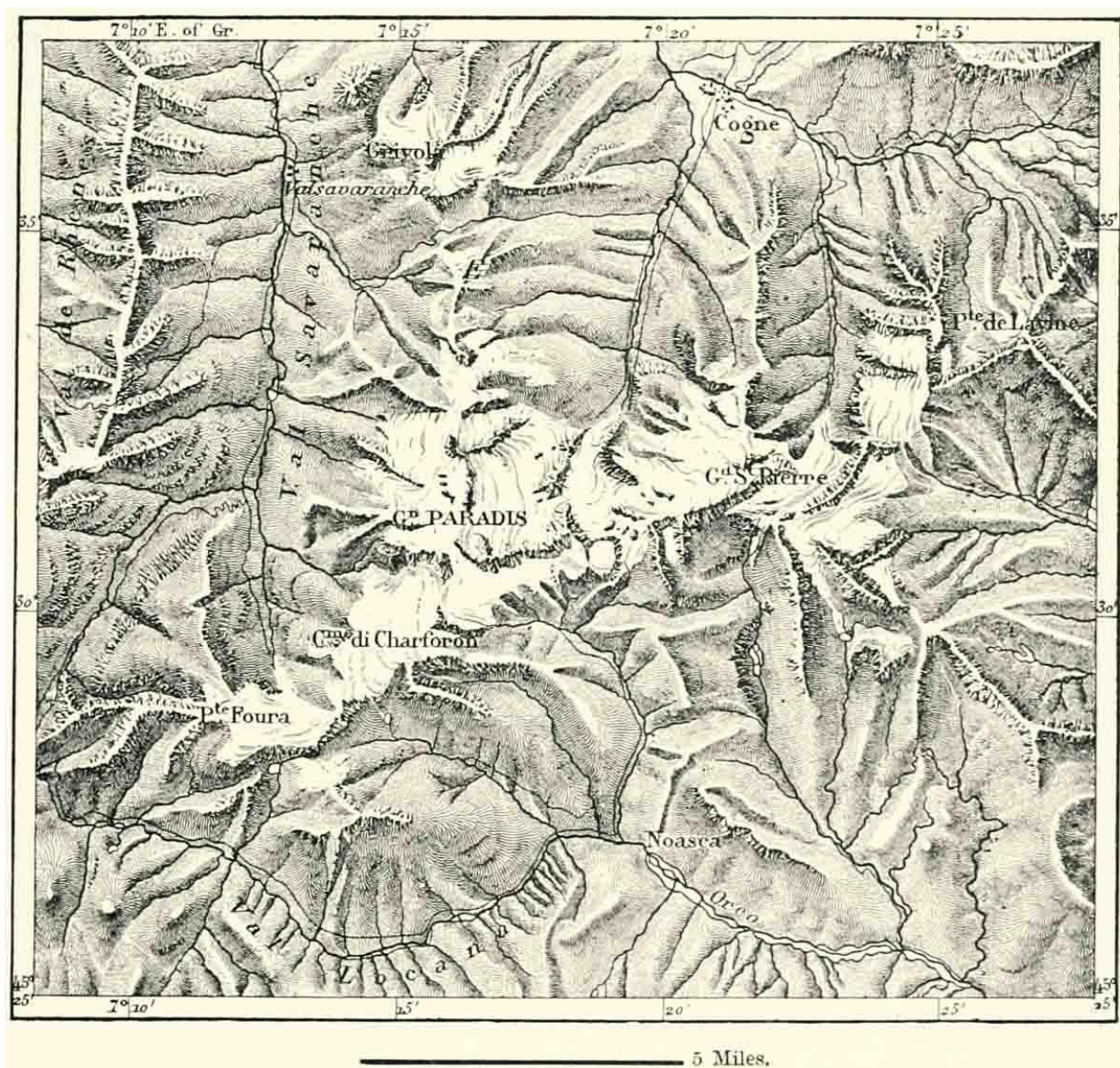
[back](#)

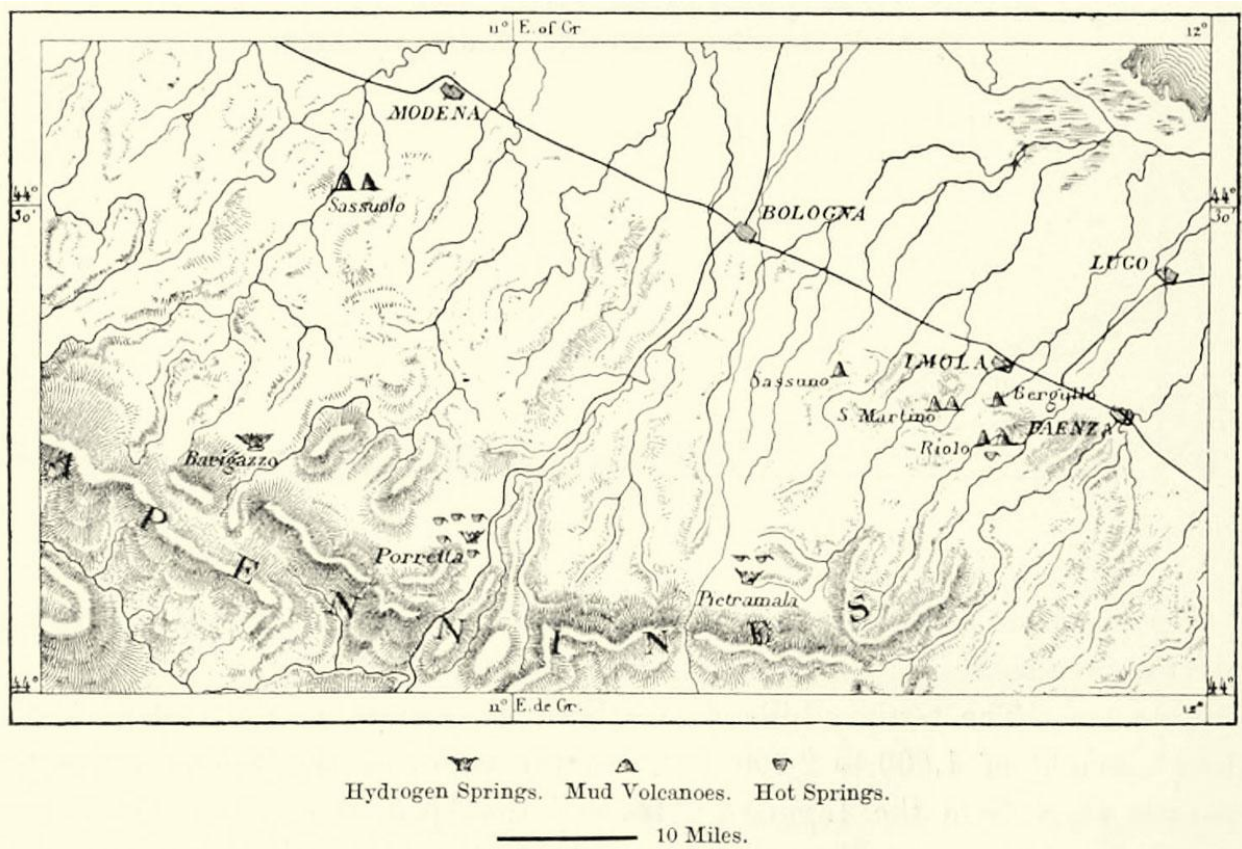
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

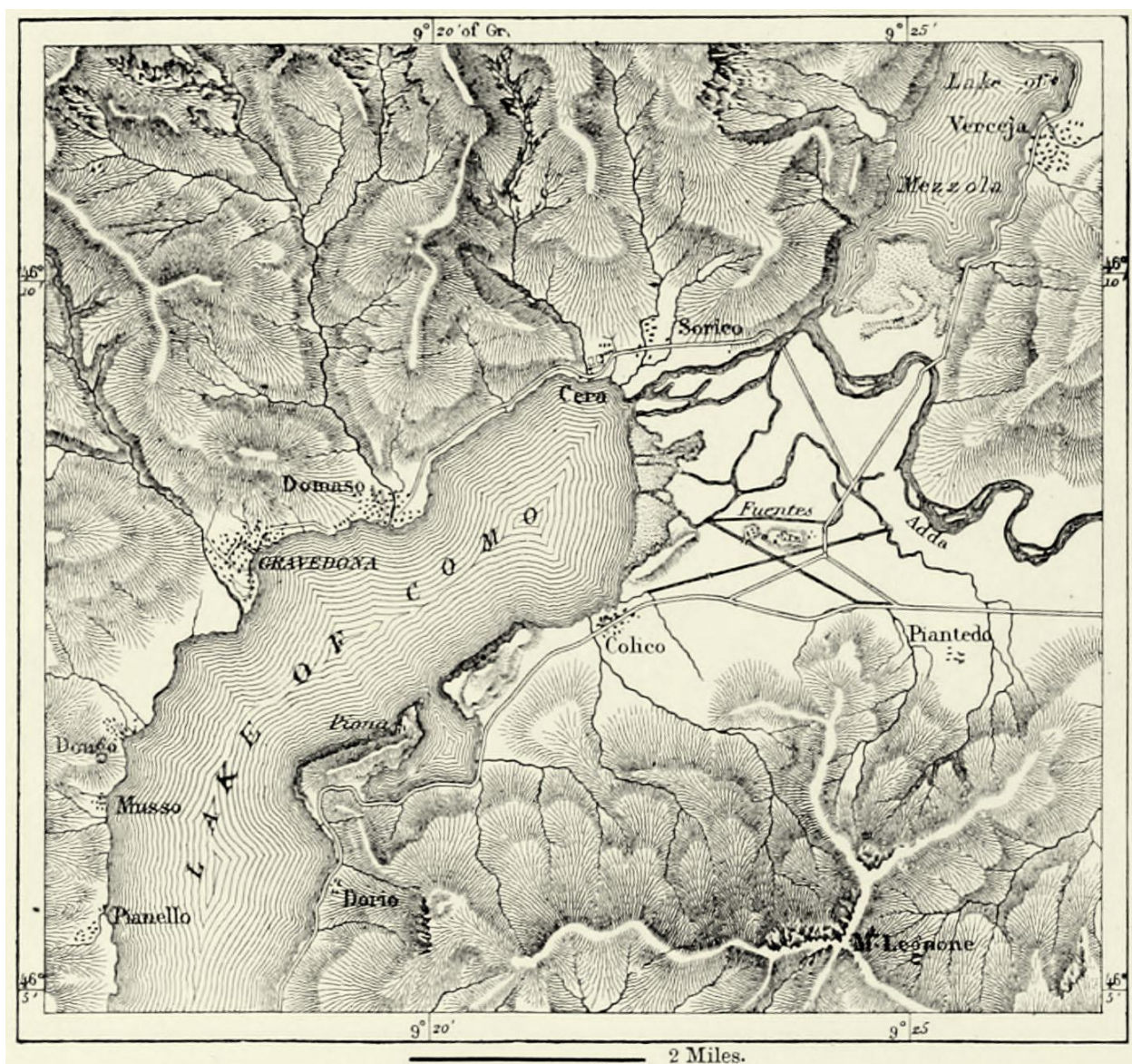
[back](#)

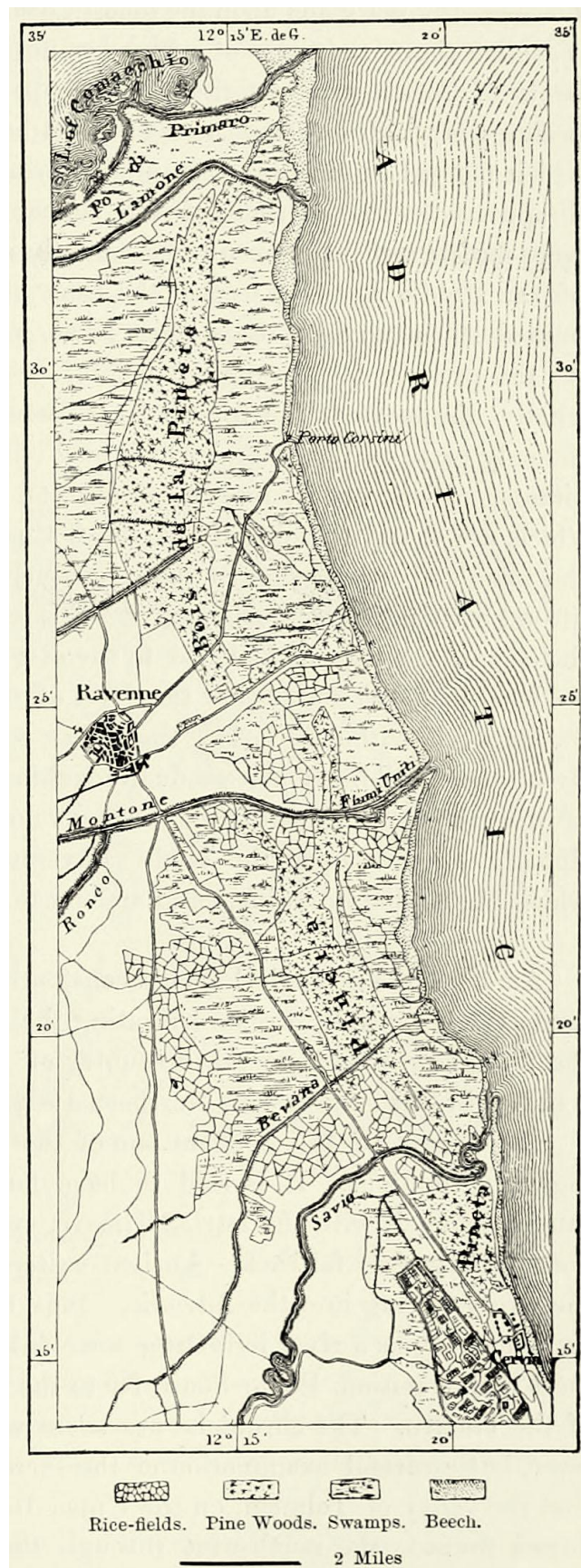
[back](#)

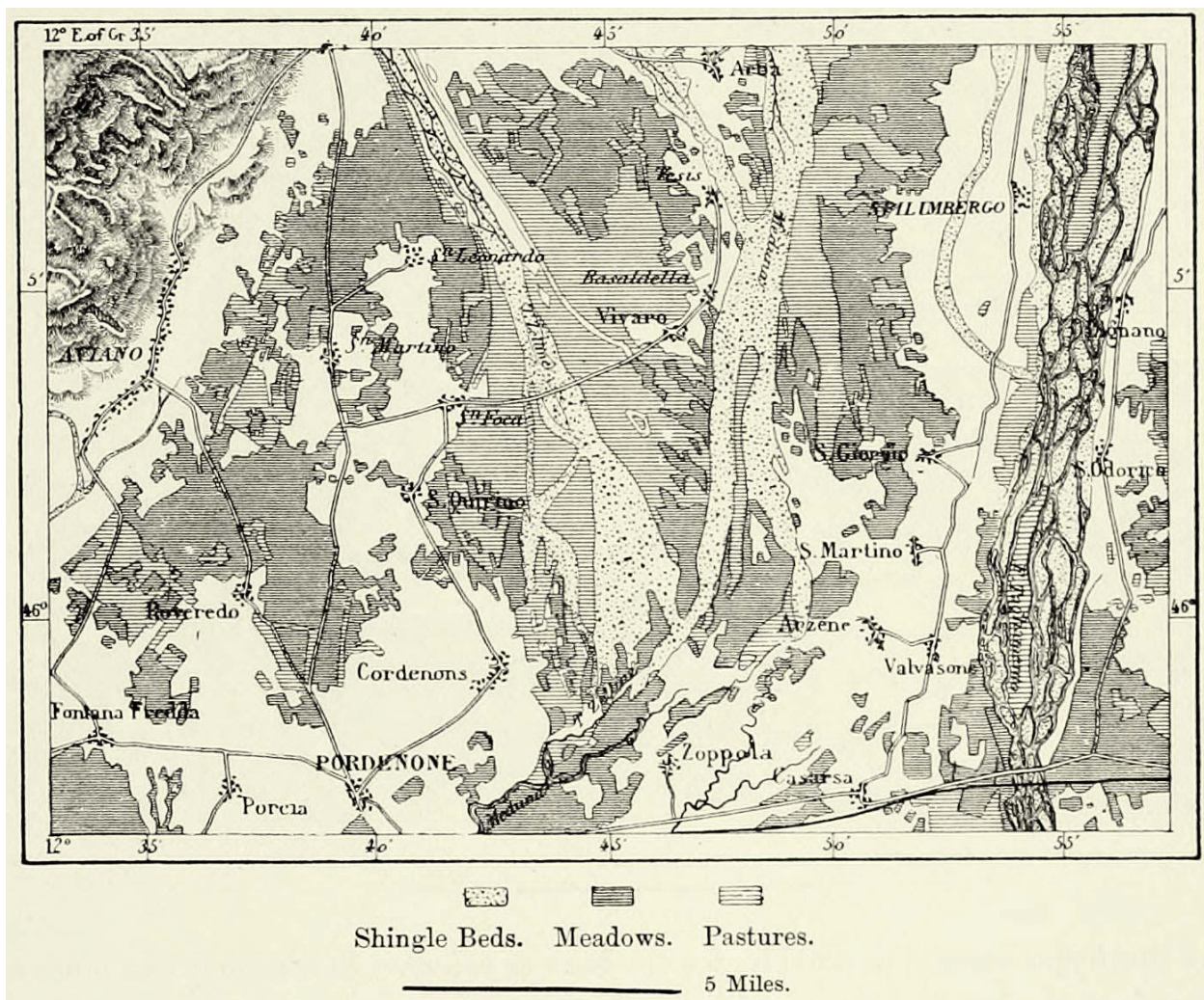
[back](#)

[back](#)

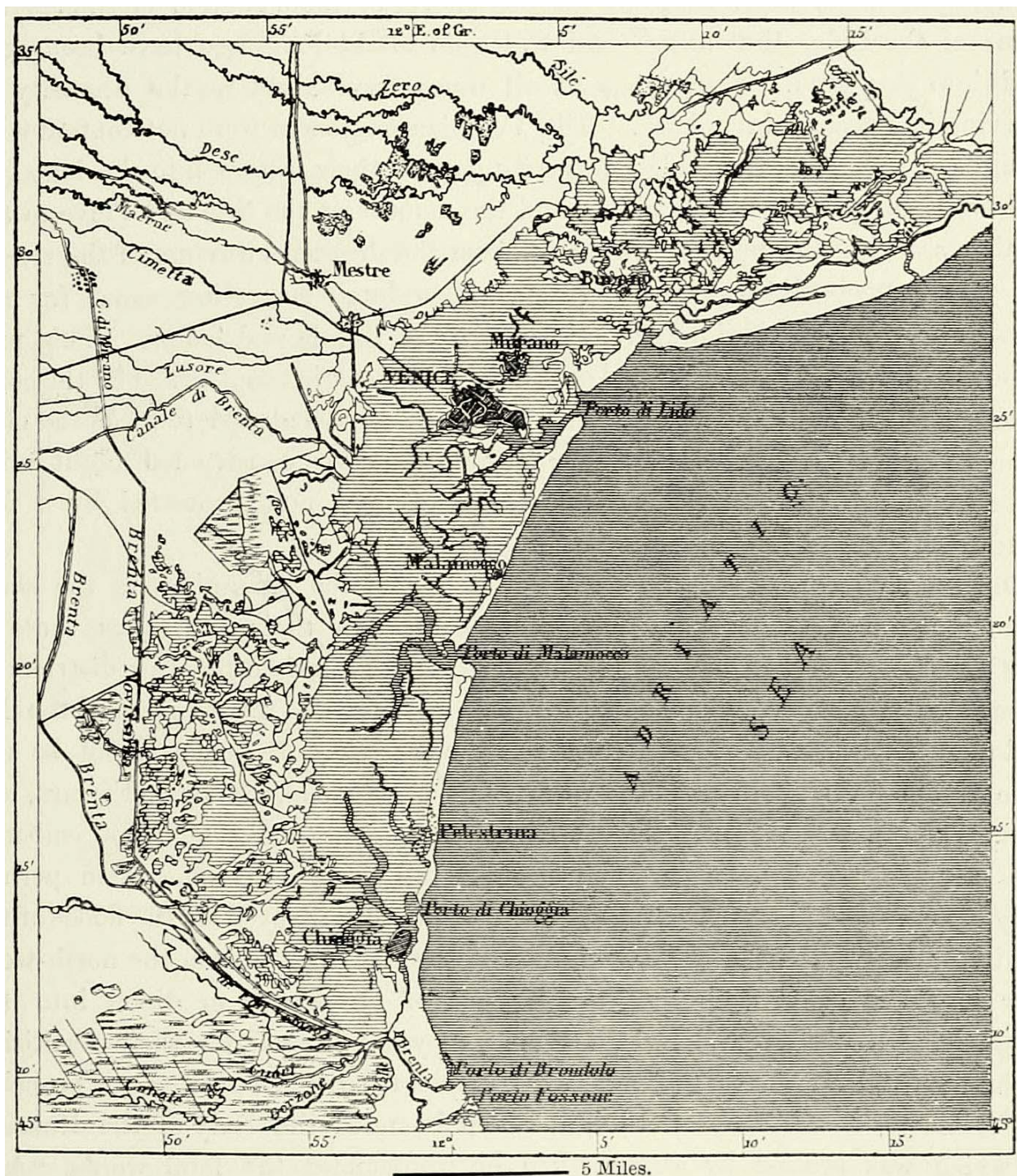
[back](#)

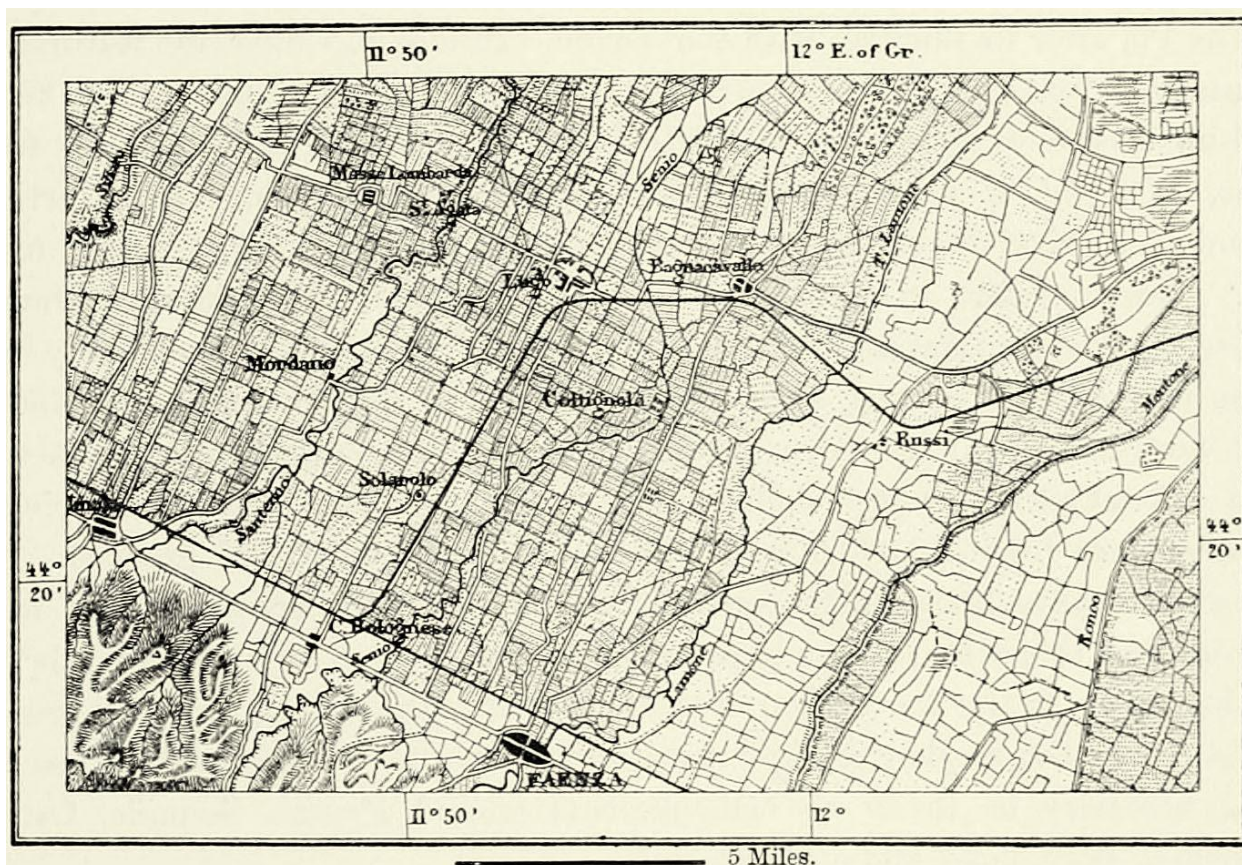
[back](#)

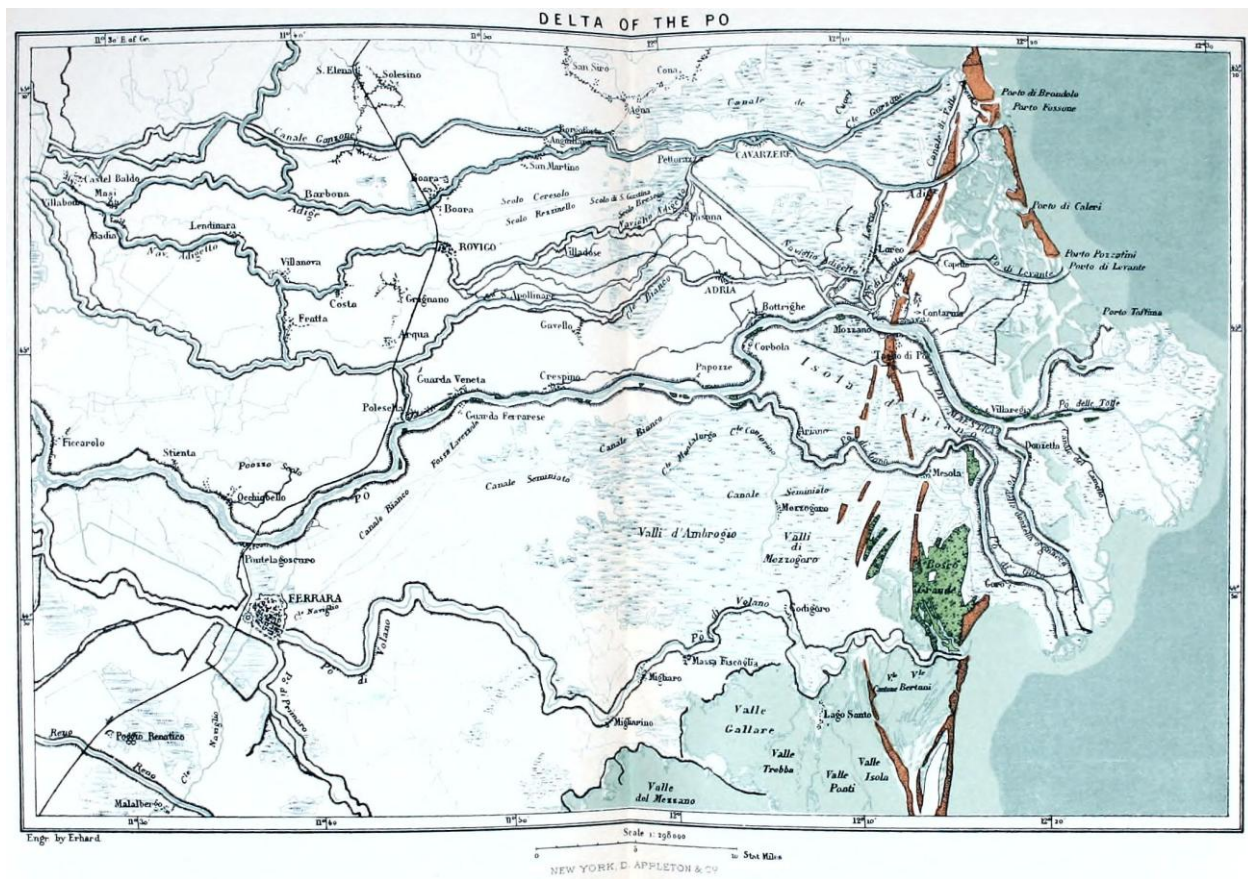
[back](#)

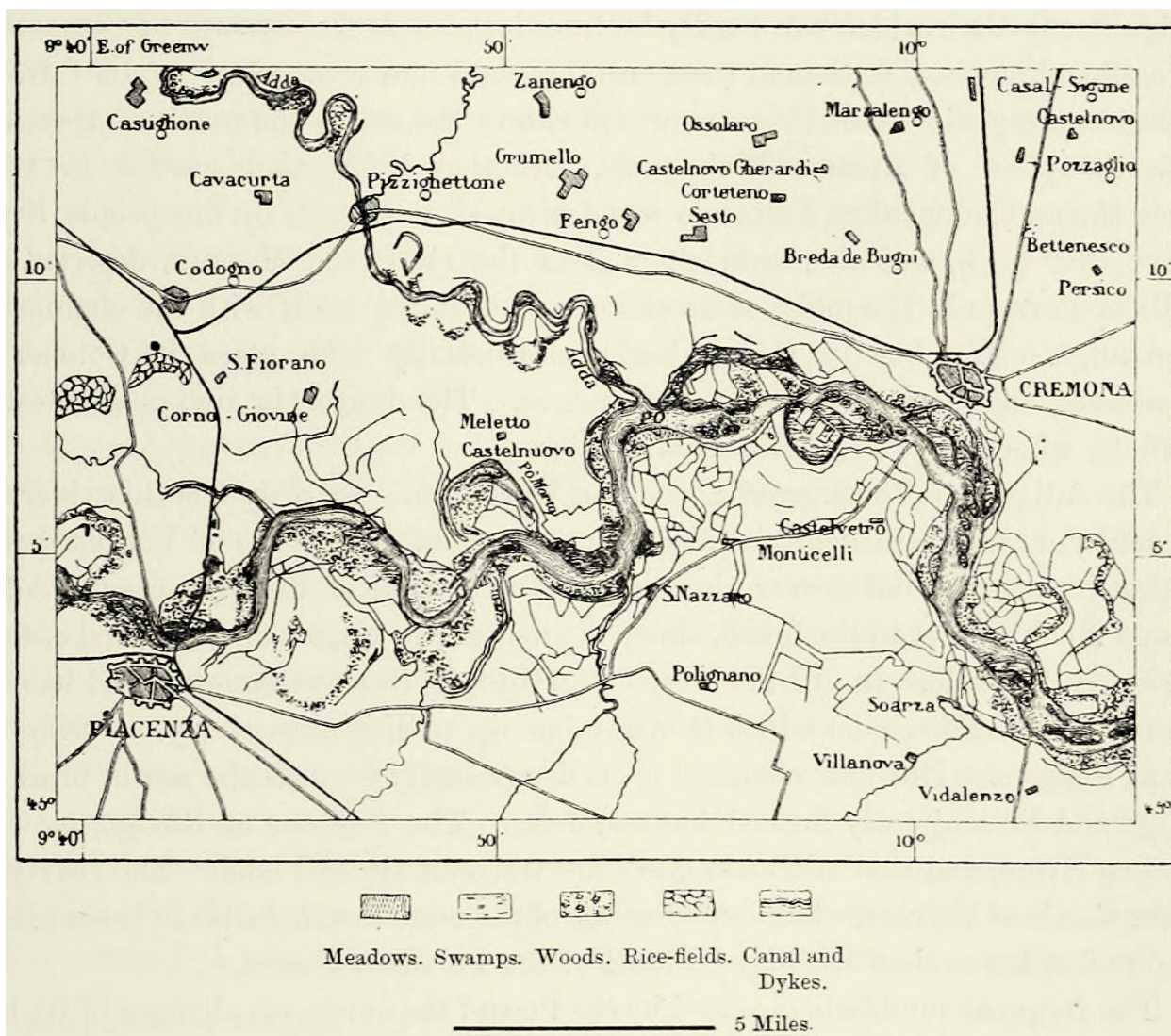
[back](#)

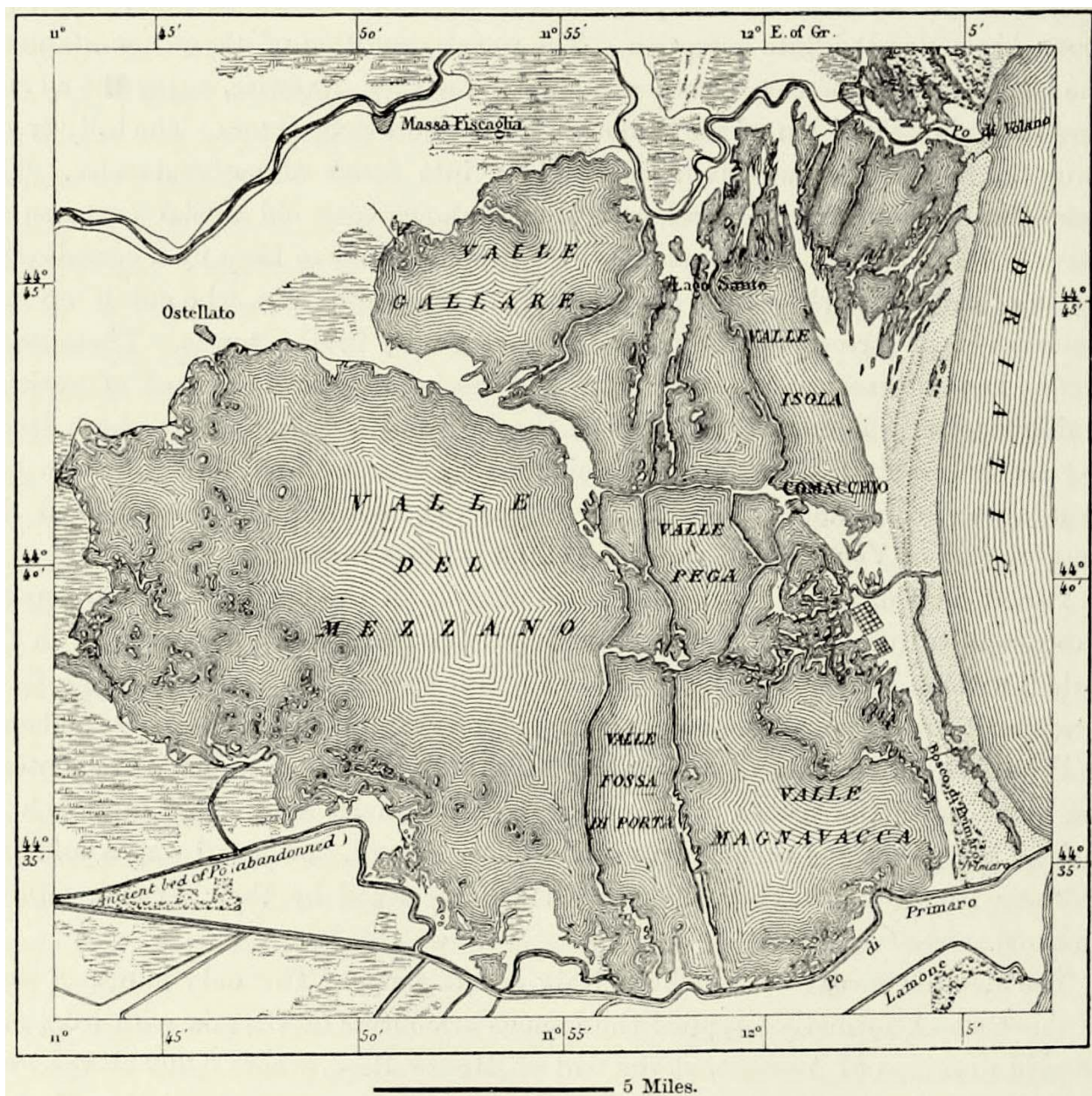
[back](#)

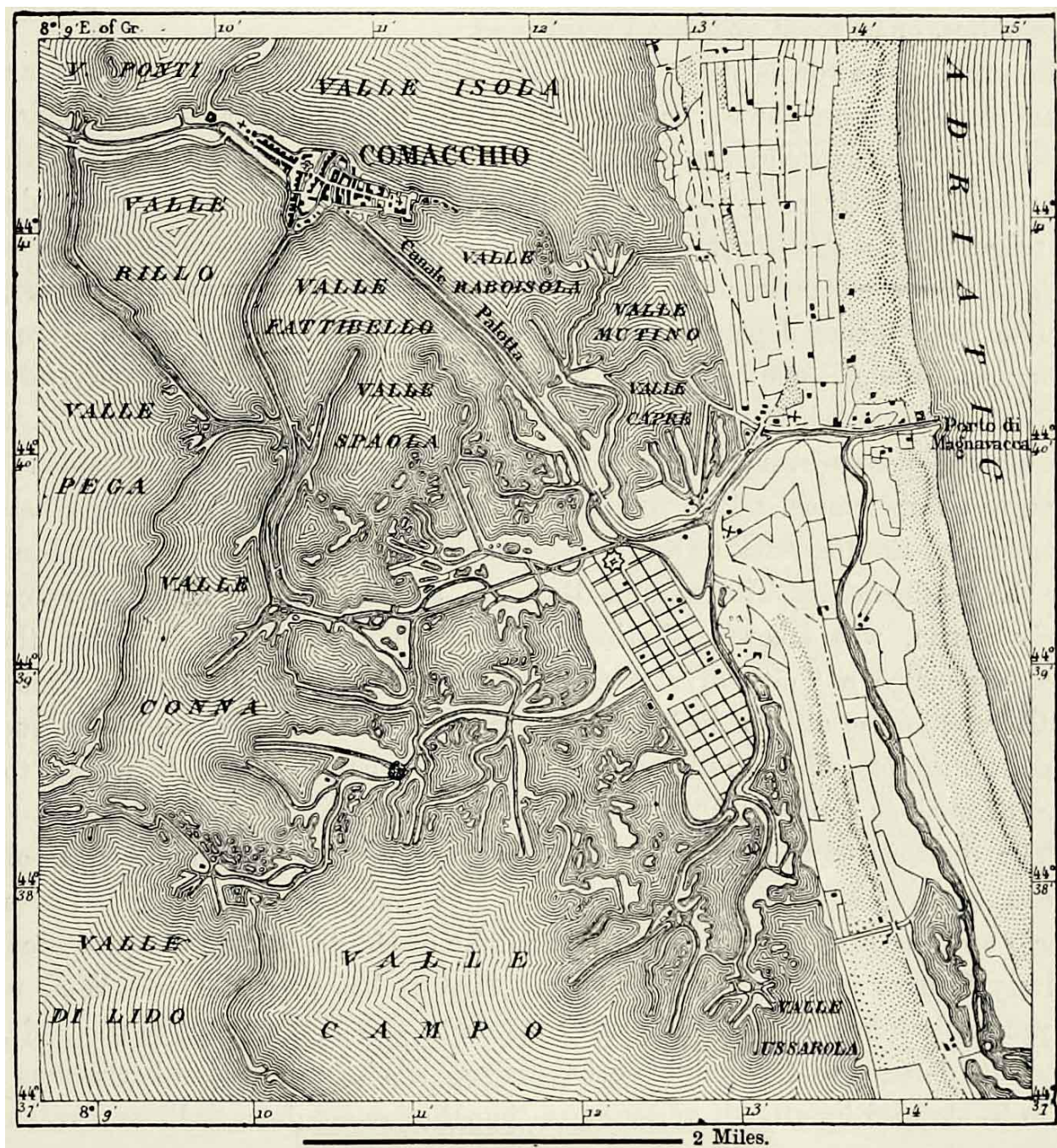
[back](#)

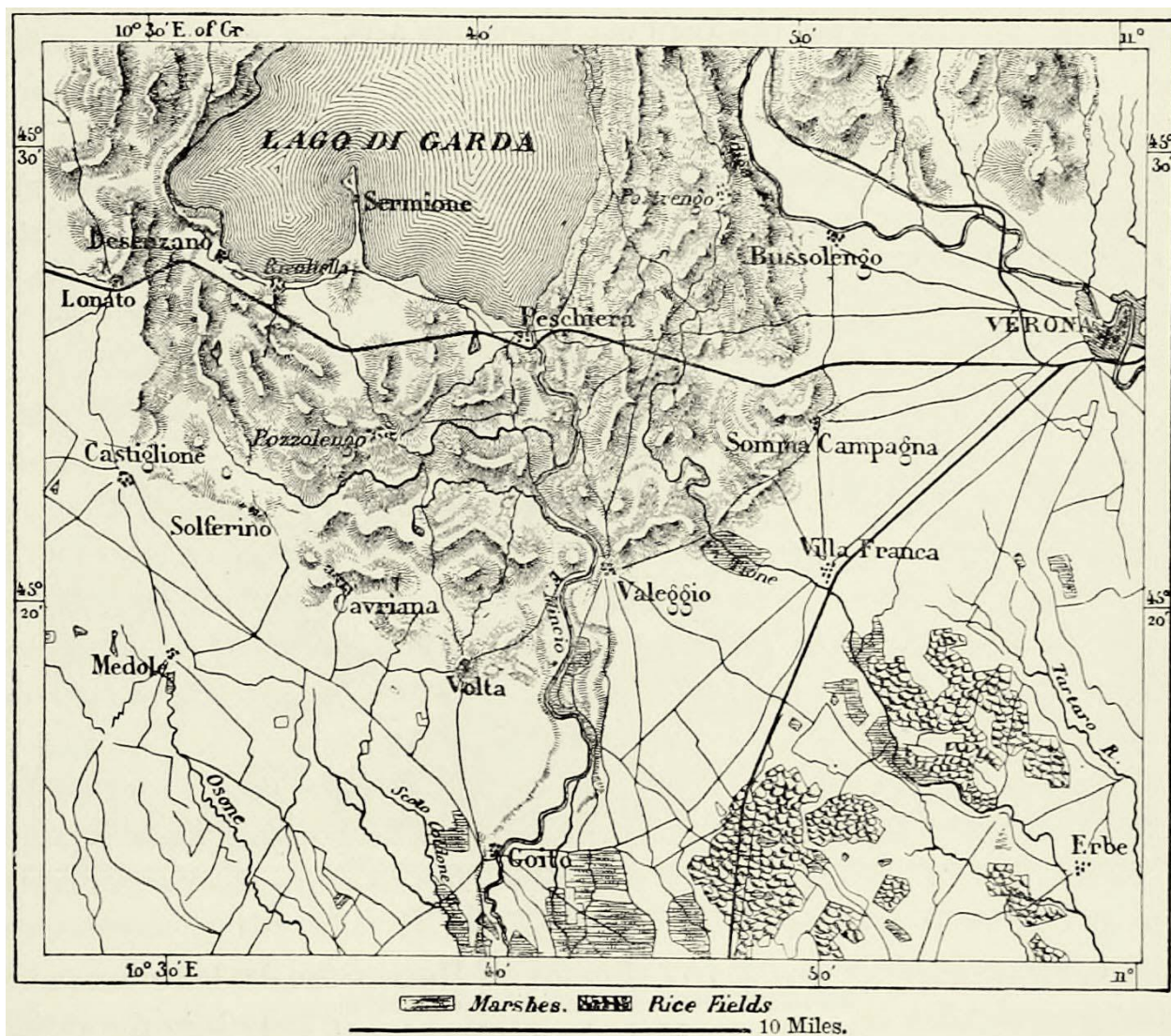
[back](#)

[back](#)

[back](#)

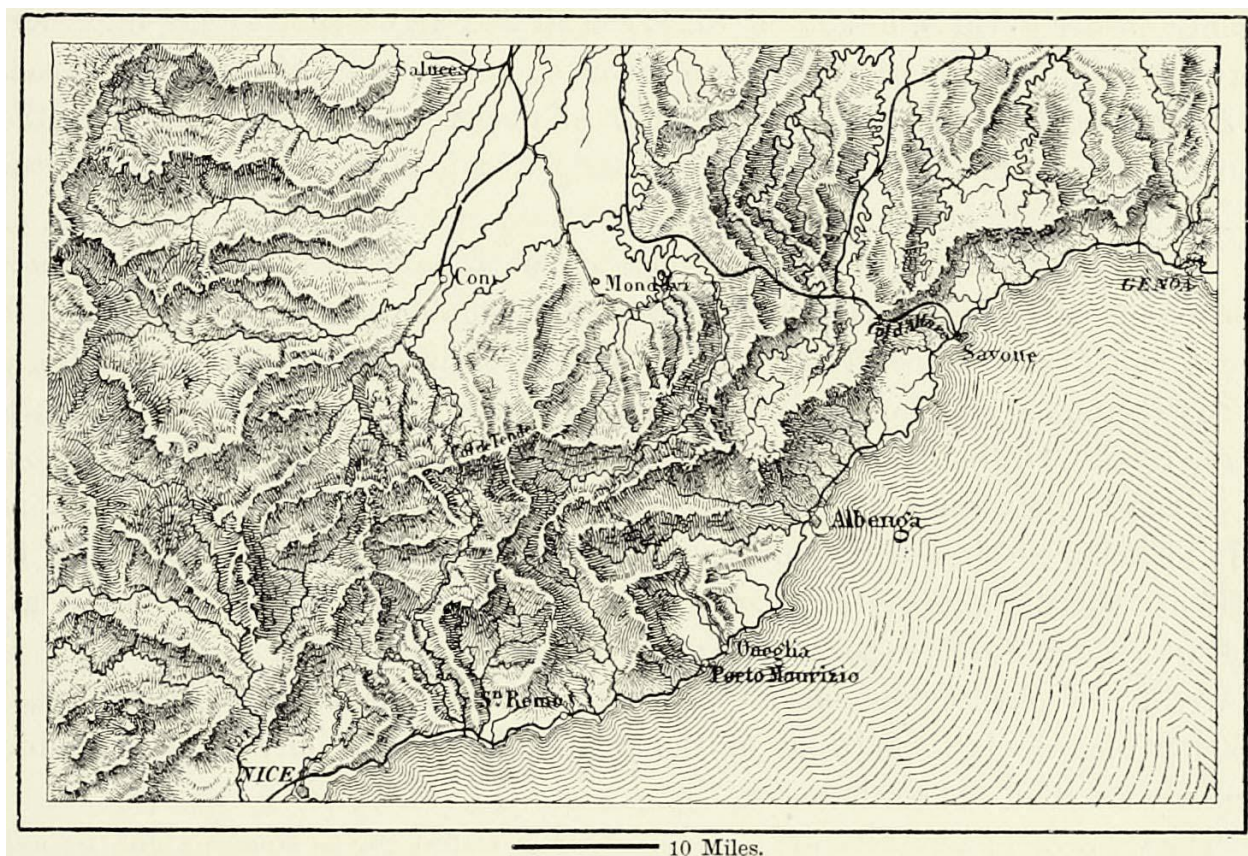
[back](#)

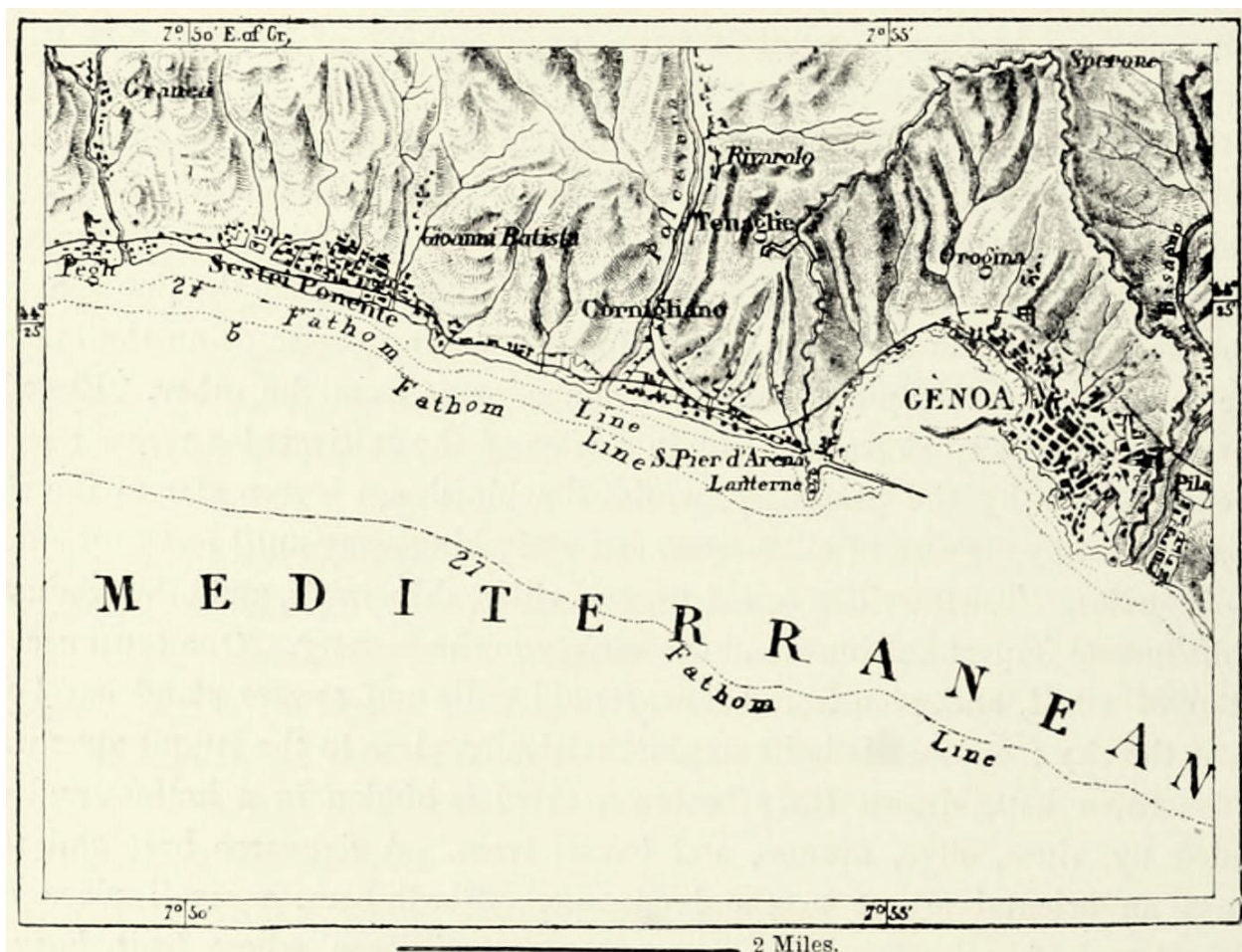
[back](#)

[back](#)

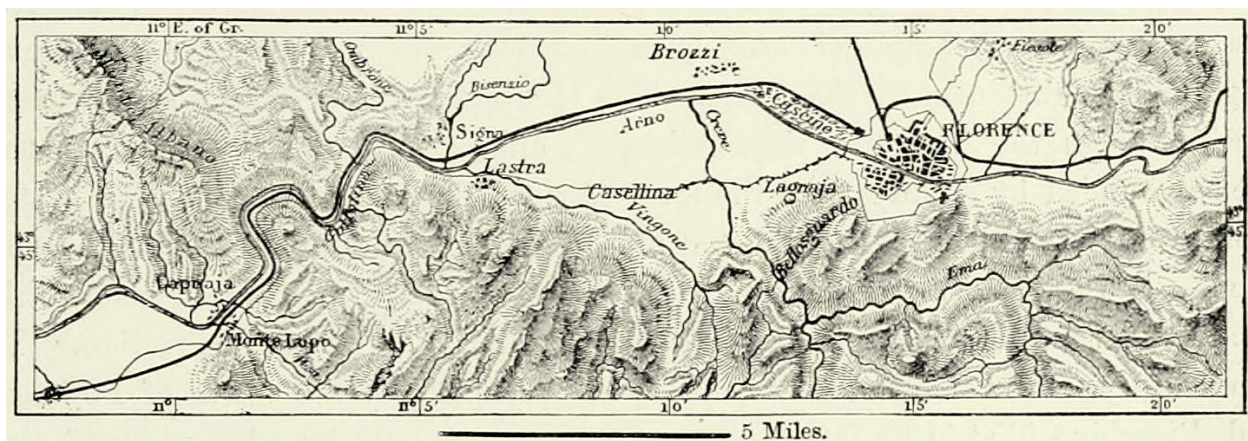
[back](#)

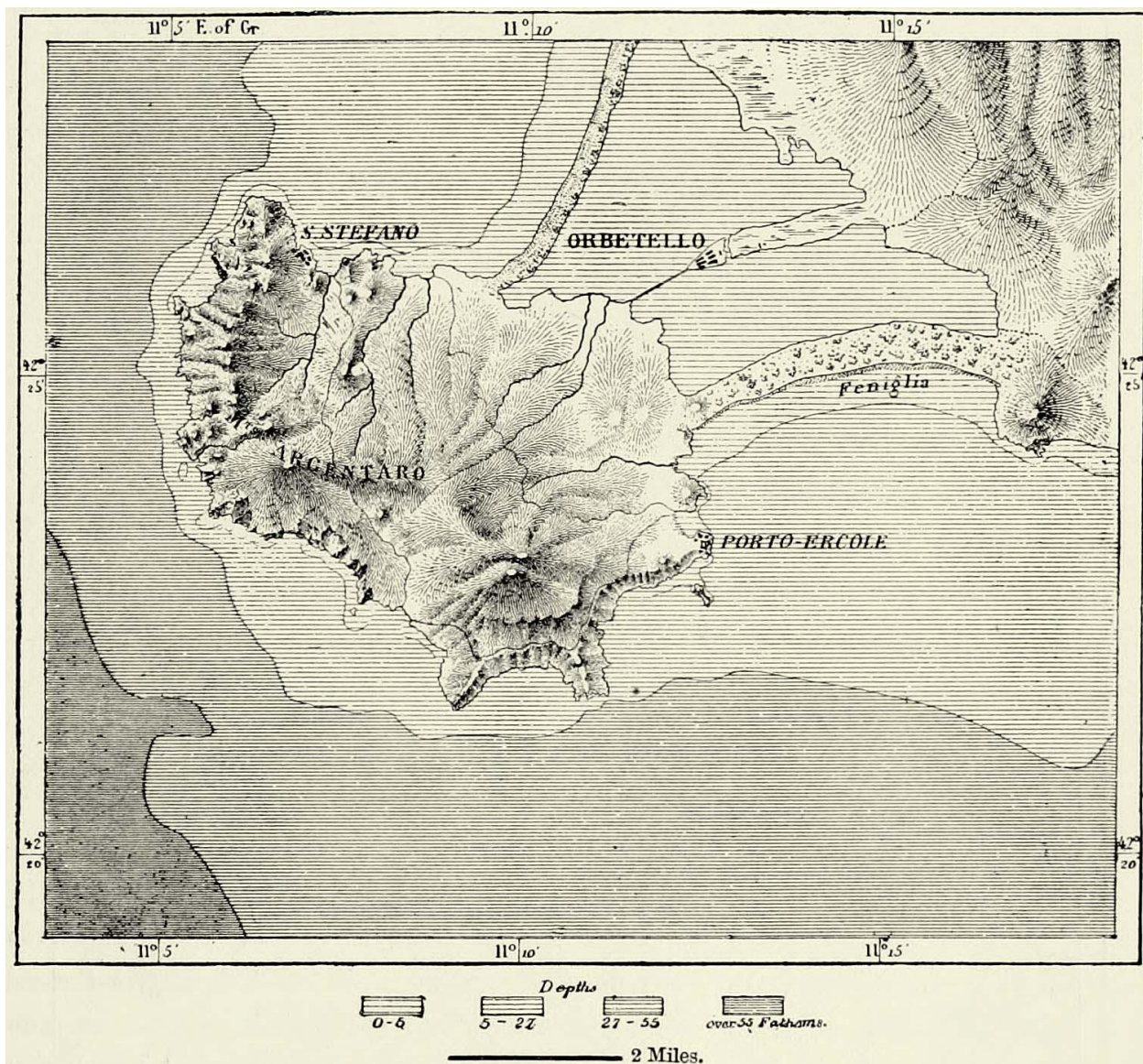
[back](#)

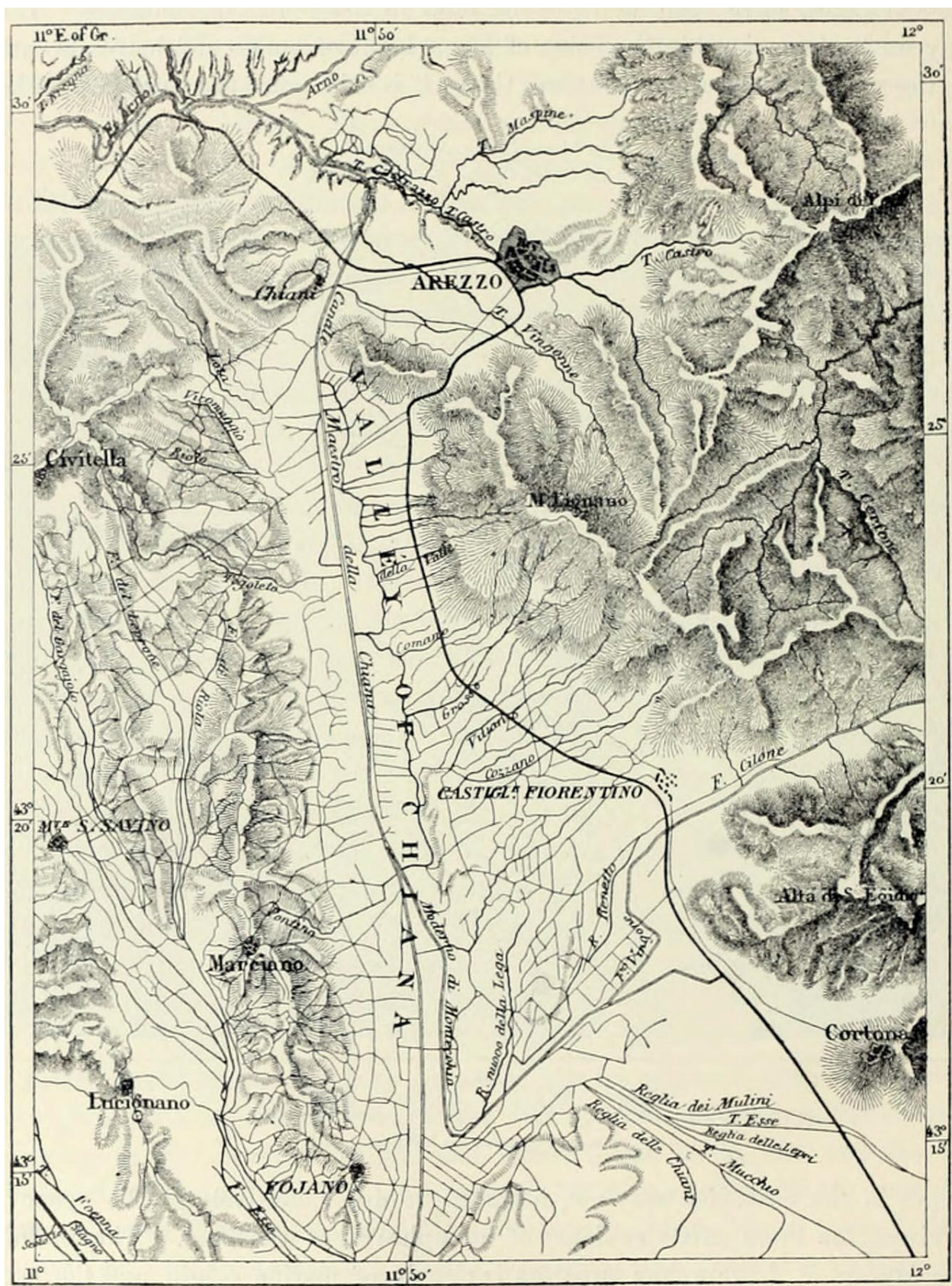
[back](#)

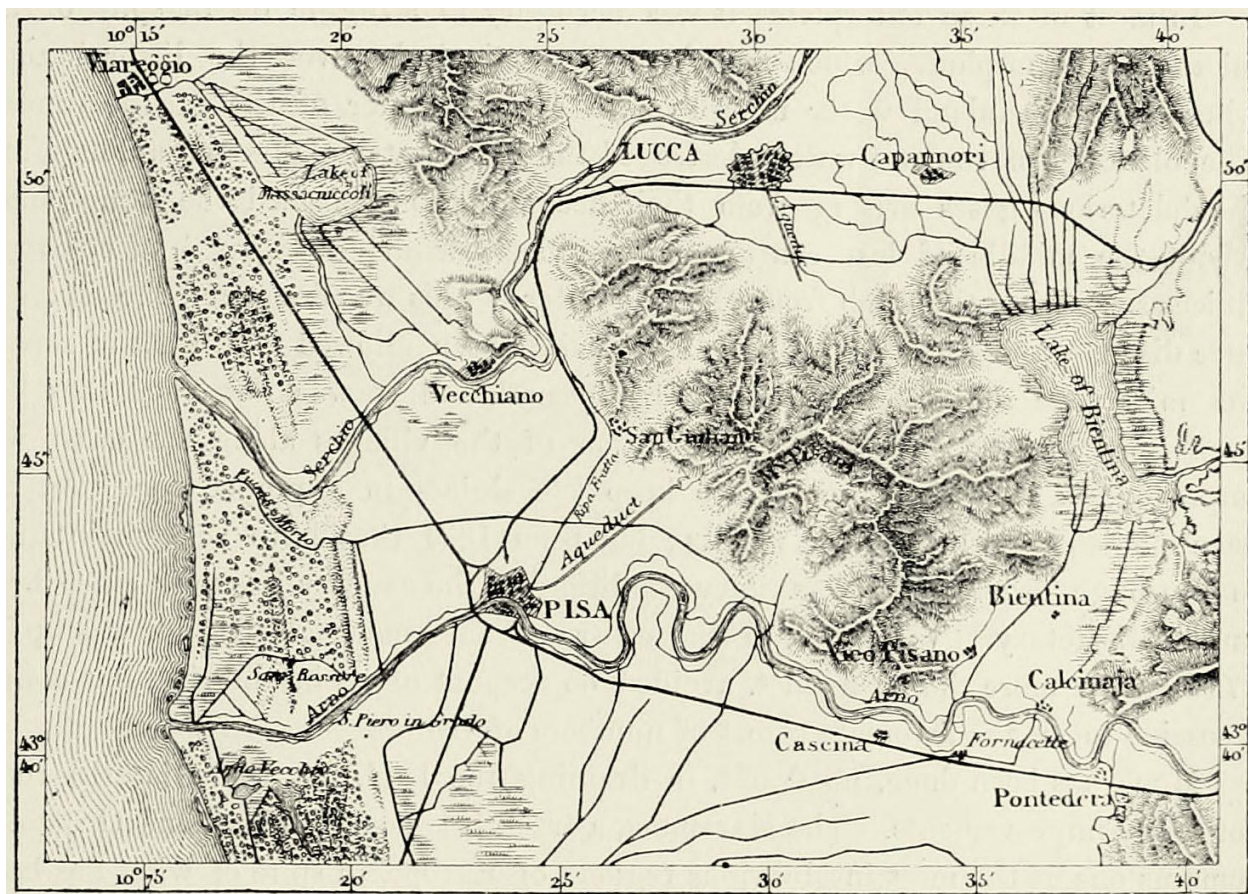
[back](#)

[back](#)

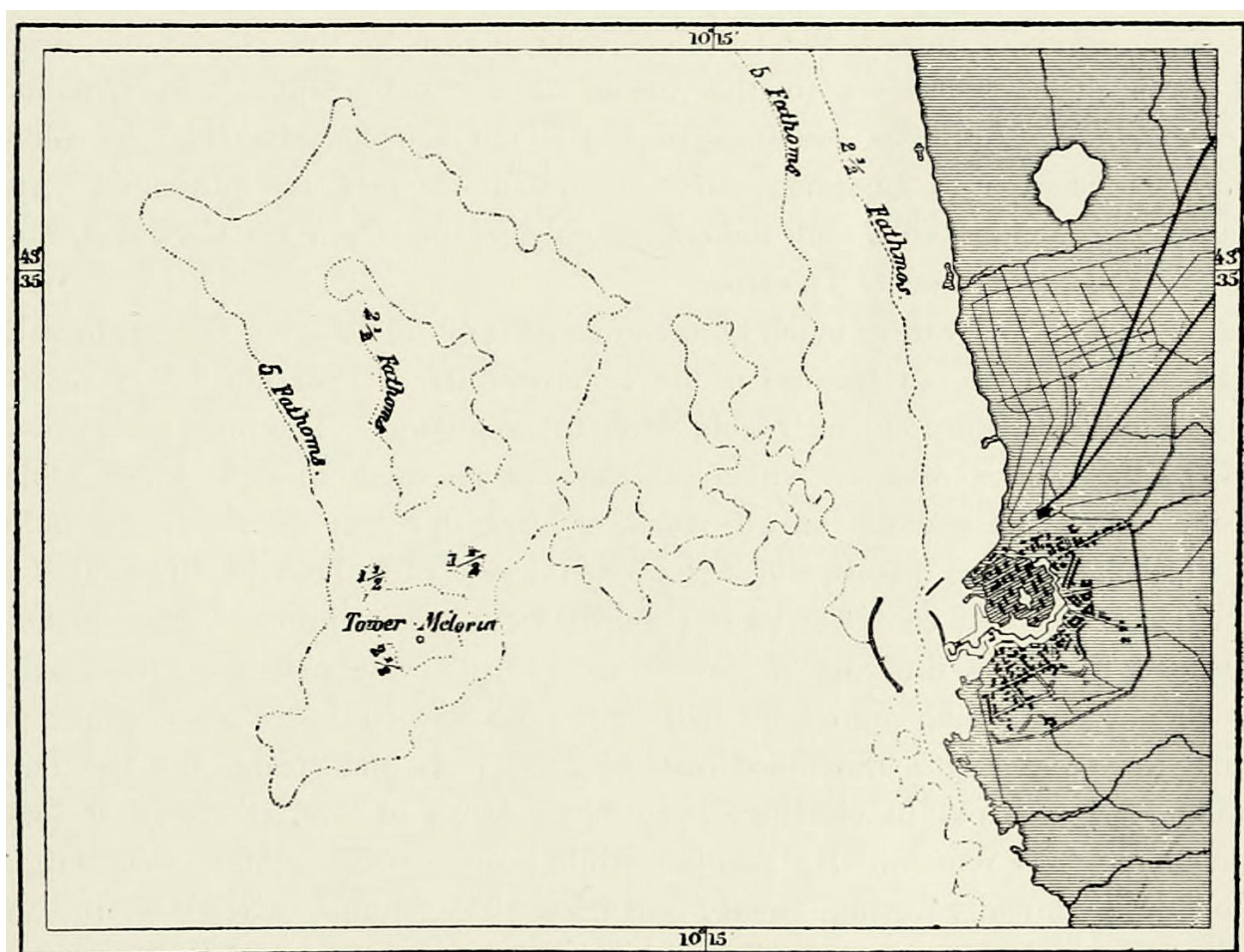
[back](#)

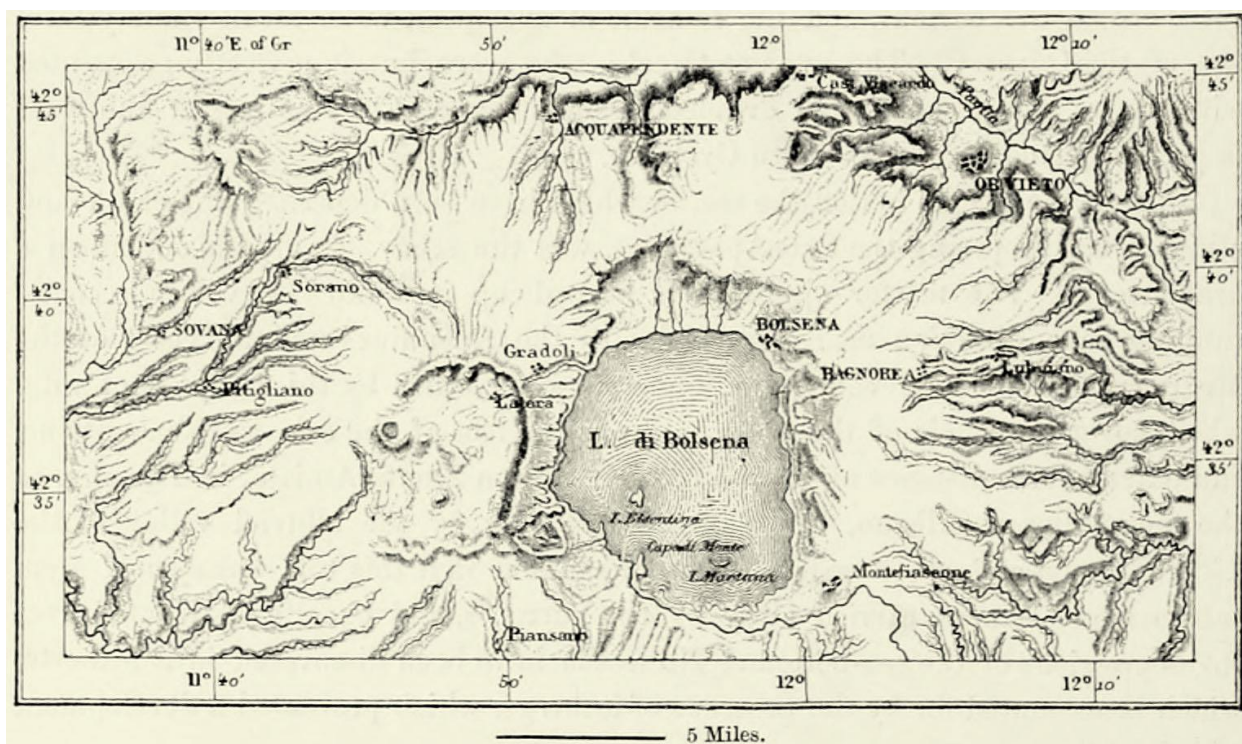
[back](#)

[back](#)

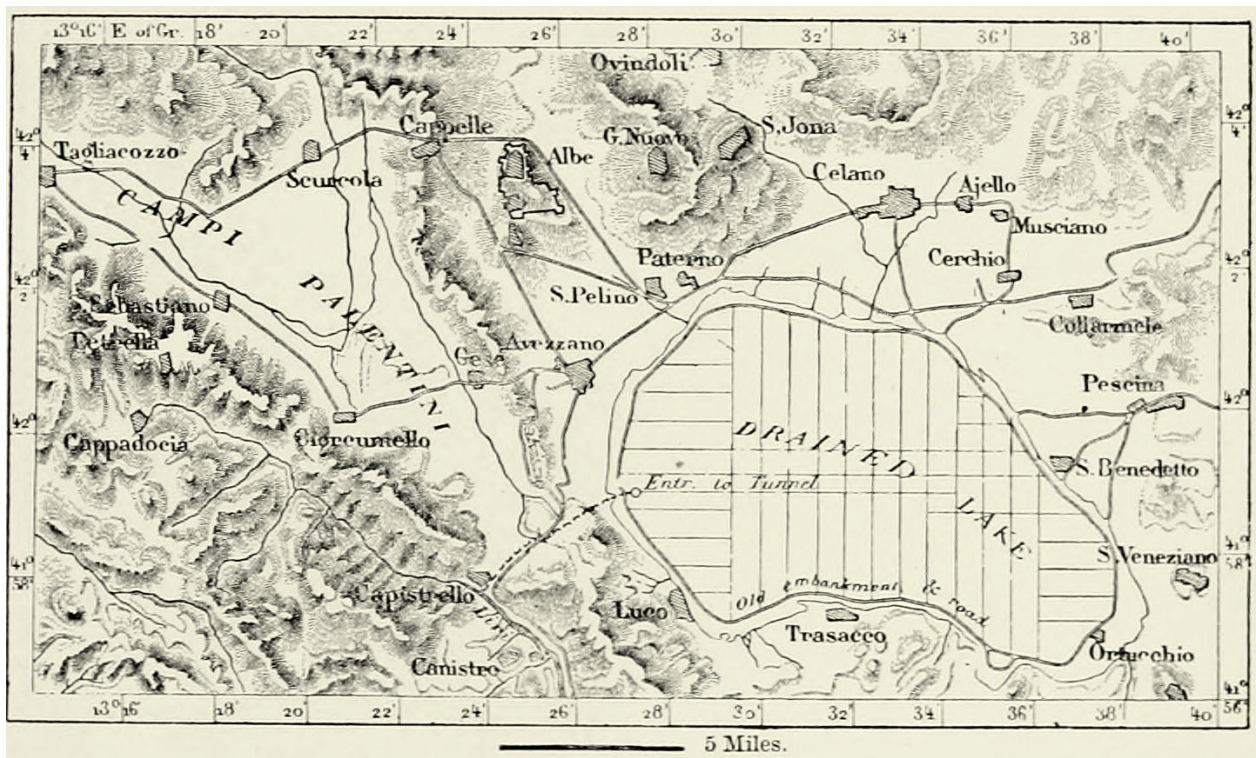
[back](#)

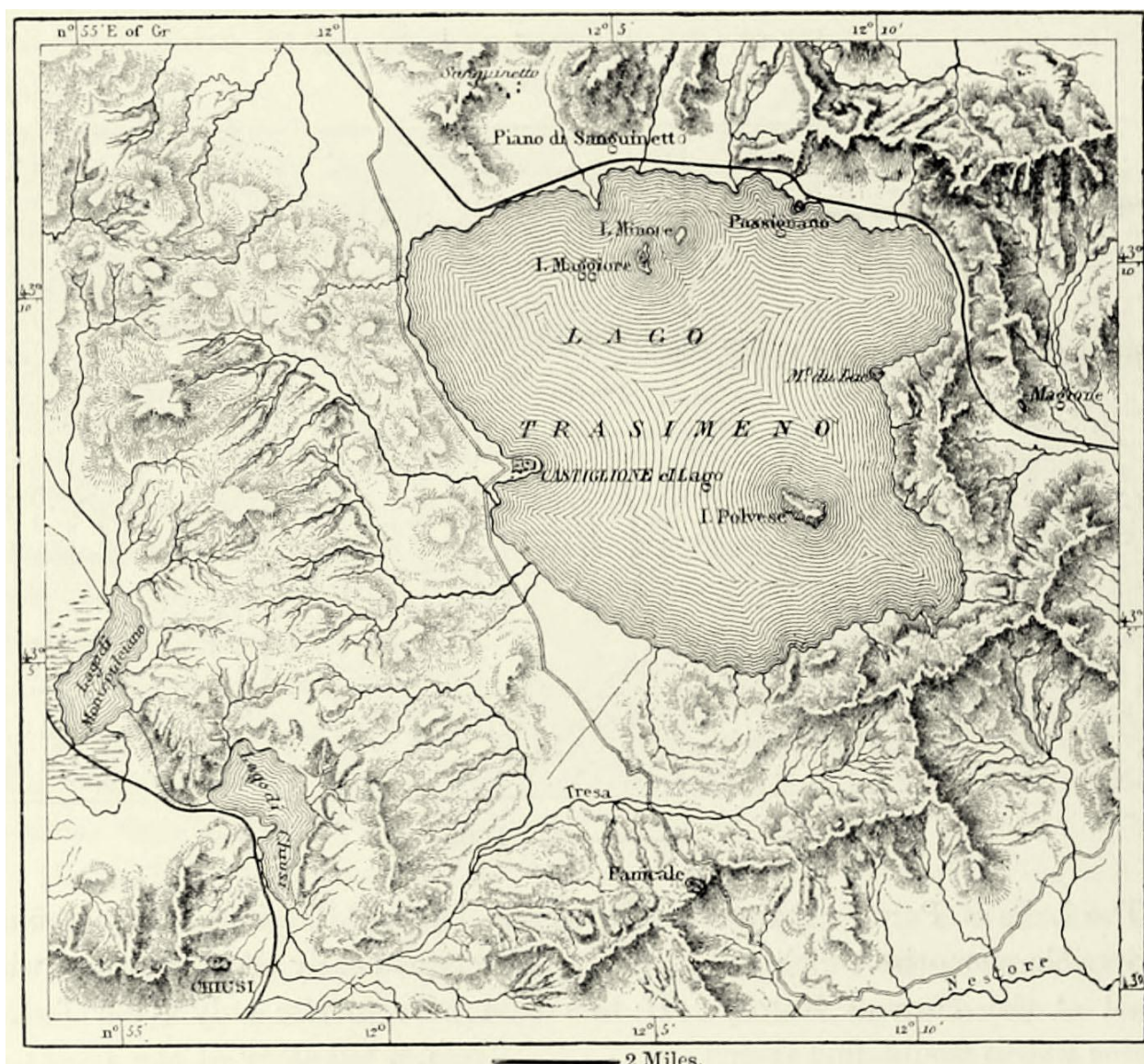
[back](#)

[back](#)

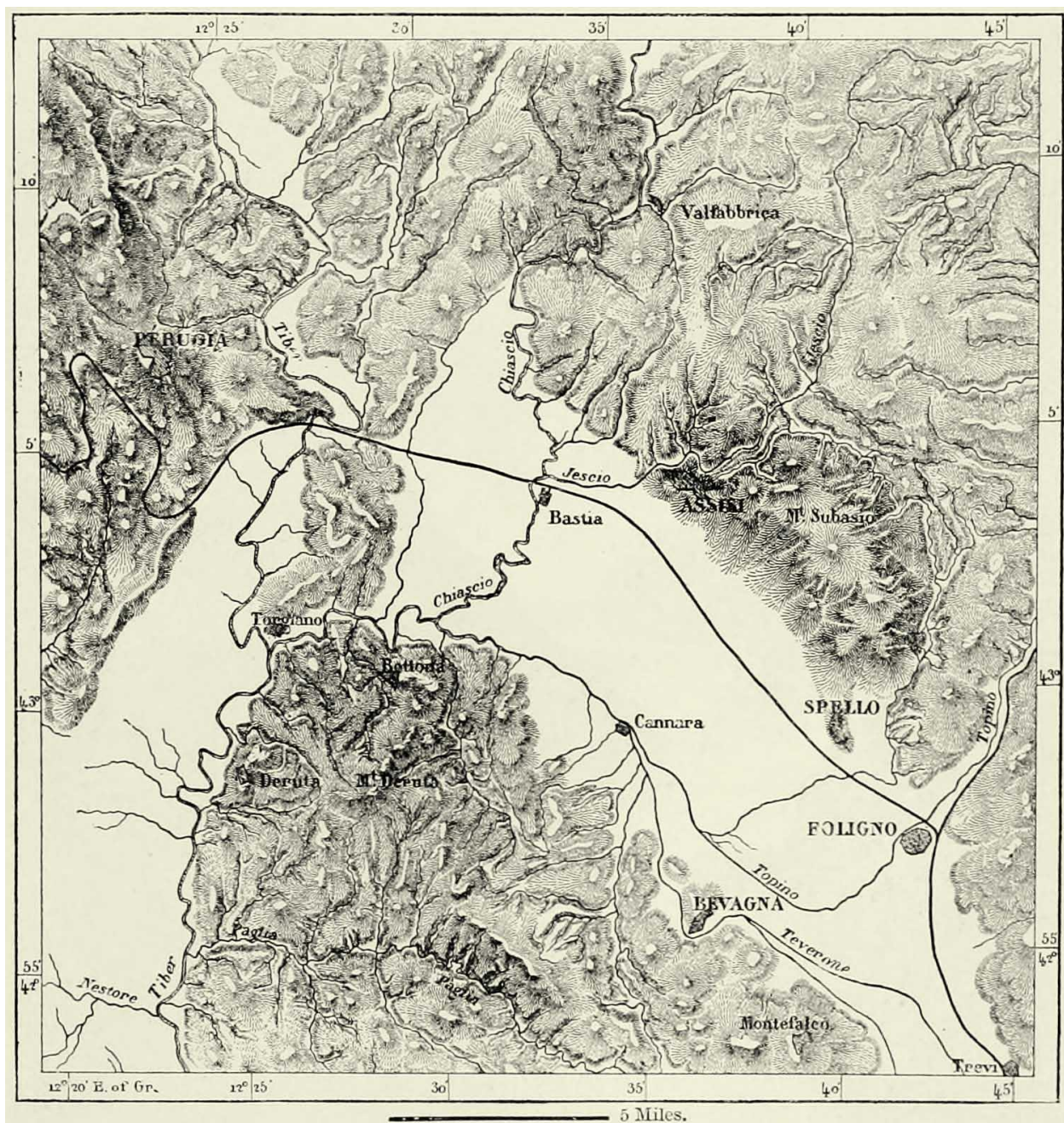
[back](#)

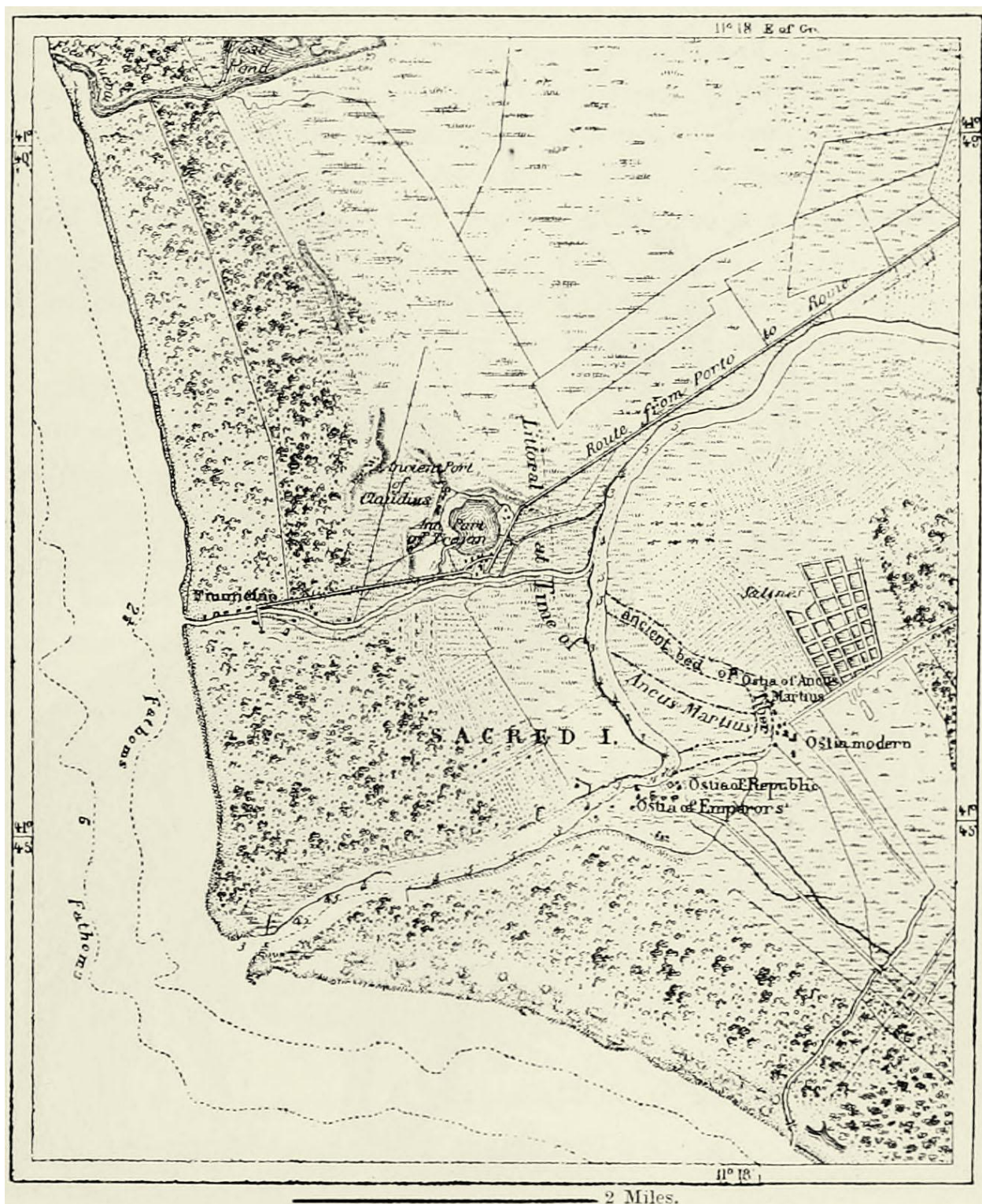
[back](#)

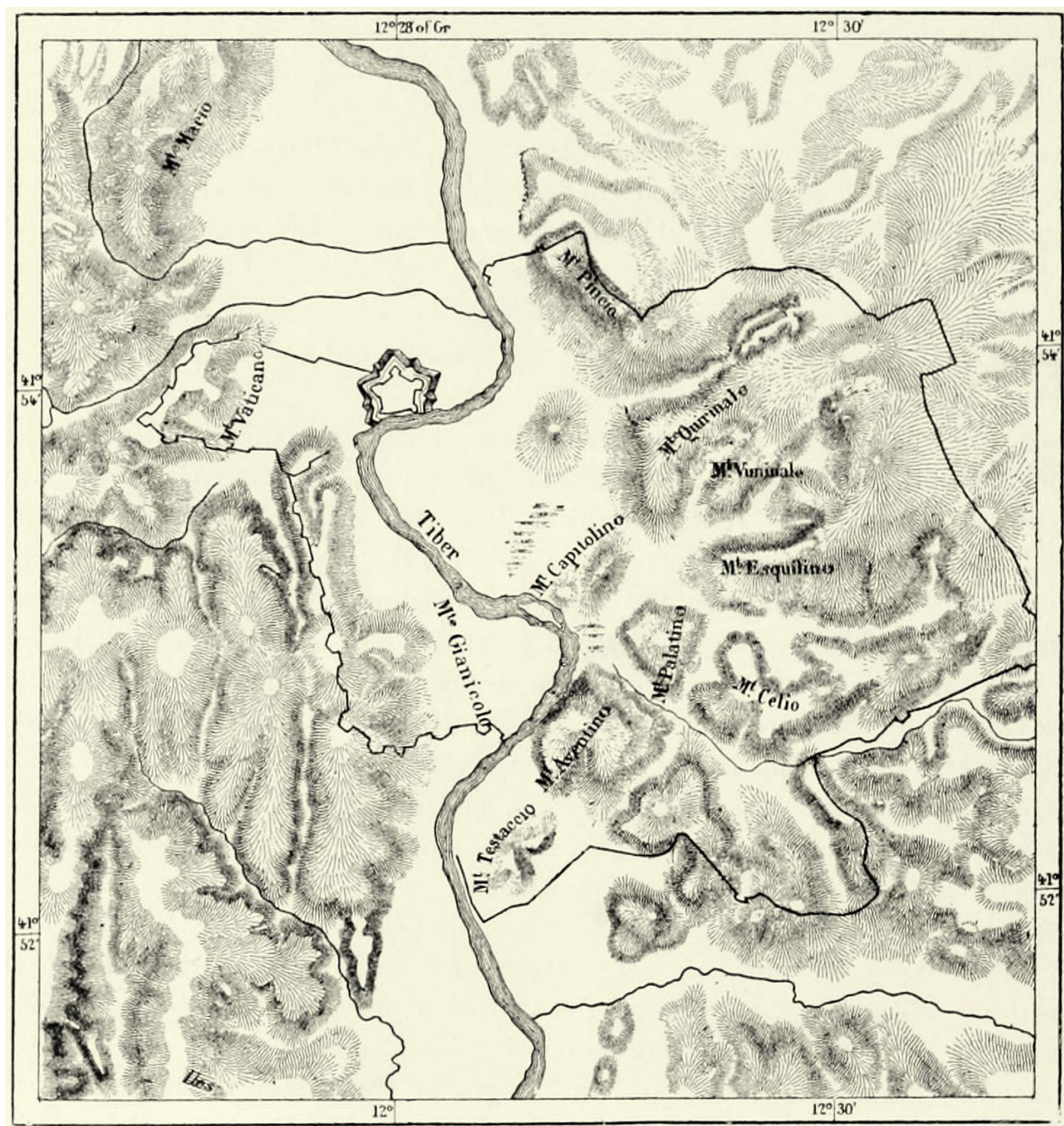
[back](#)

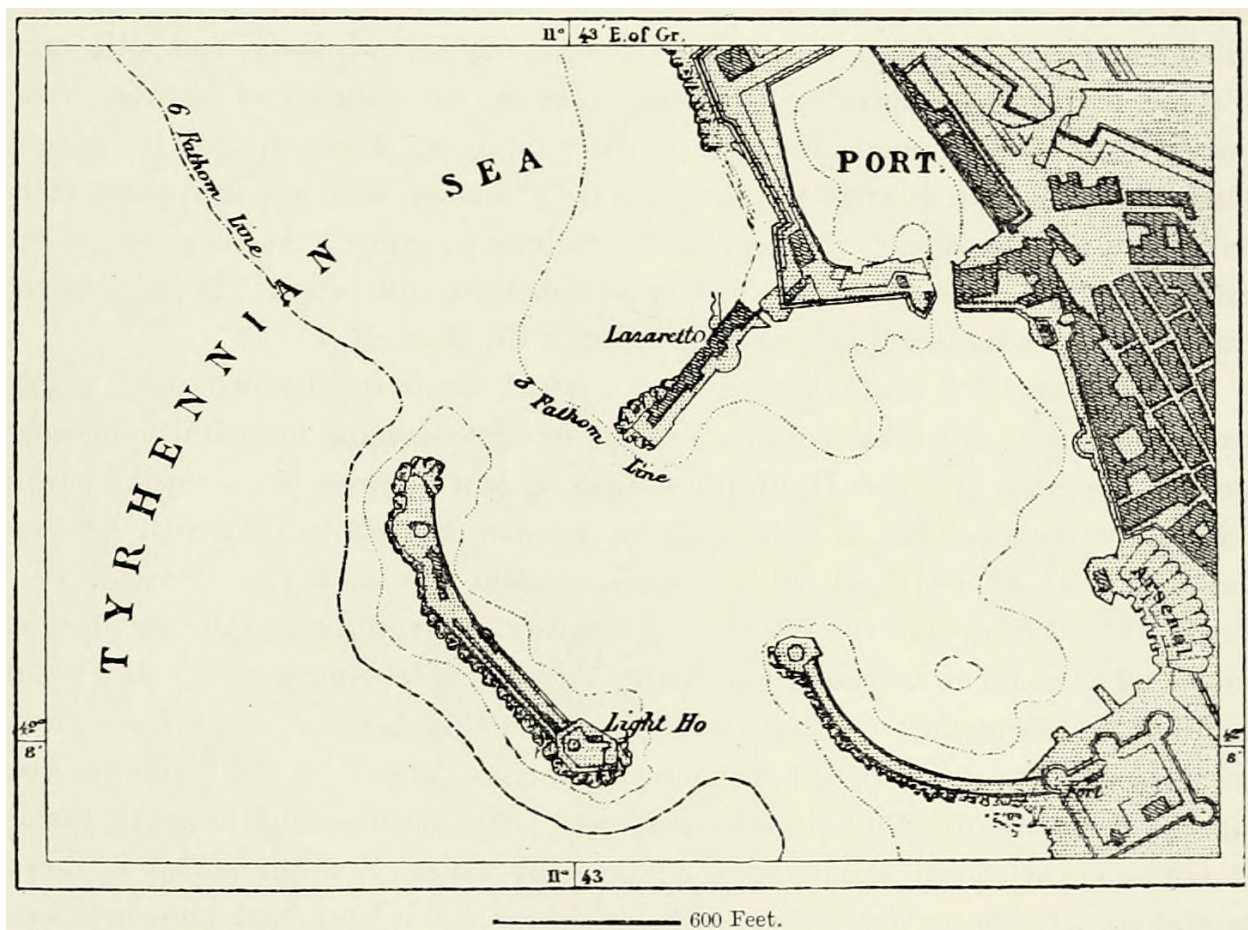
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

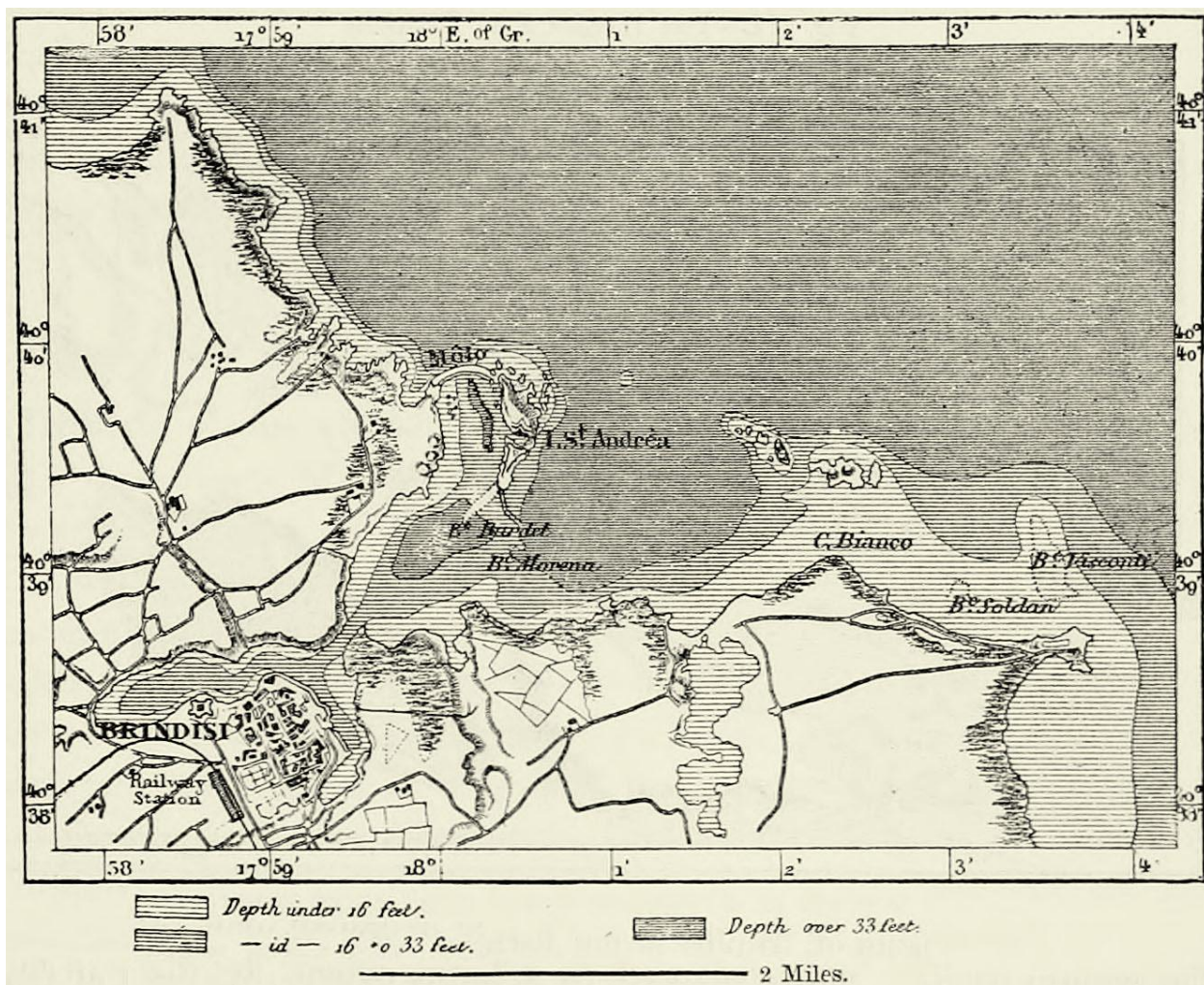
[back](#)

[back](#)

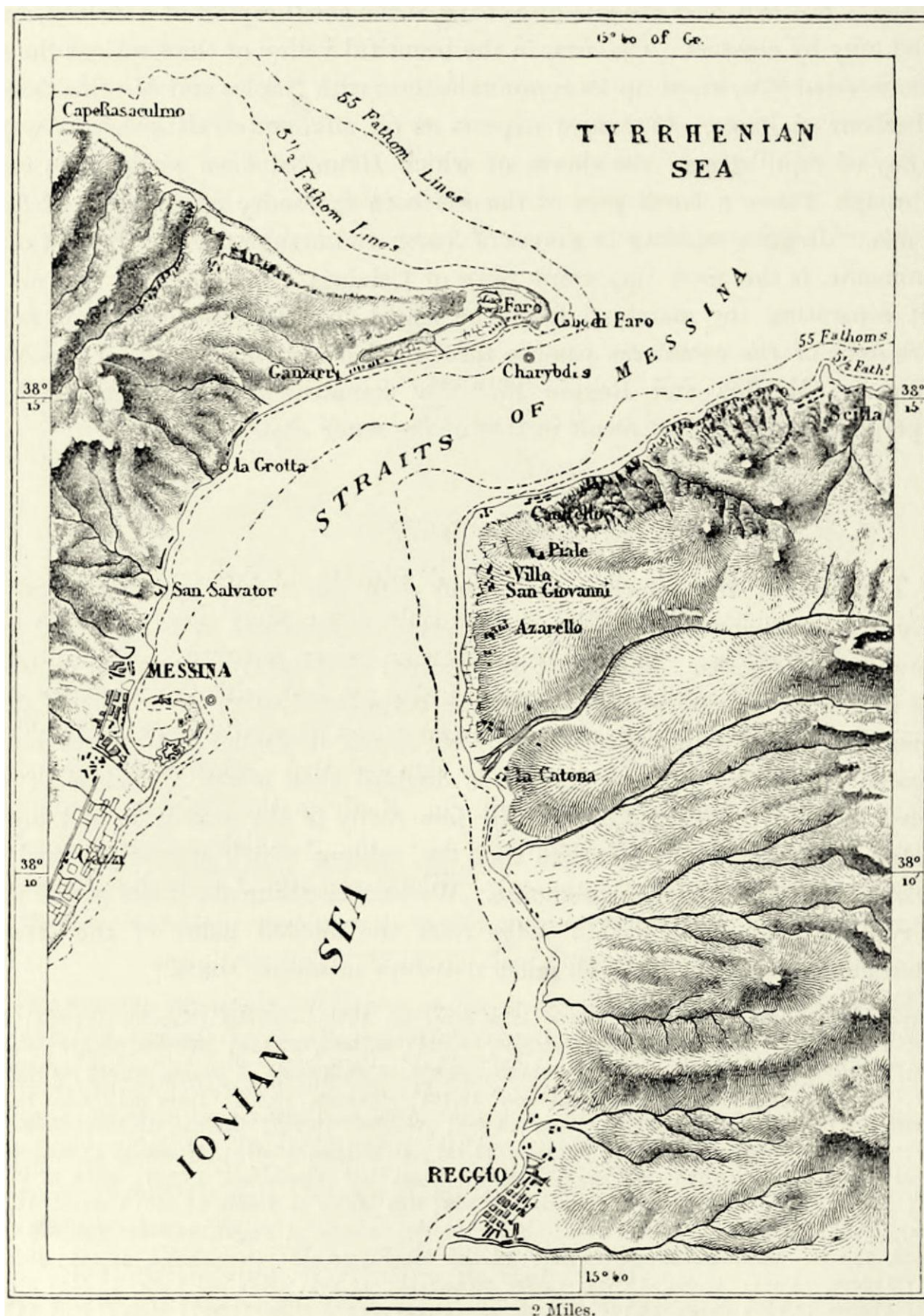
[back](#)

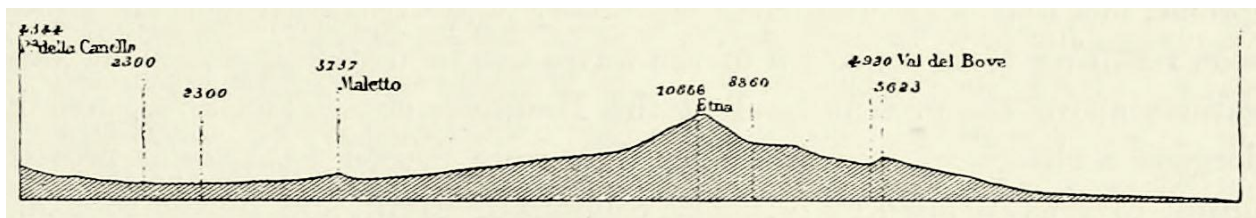
[back](#)

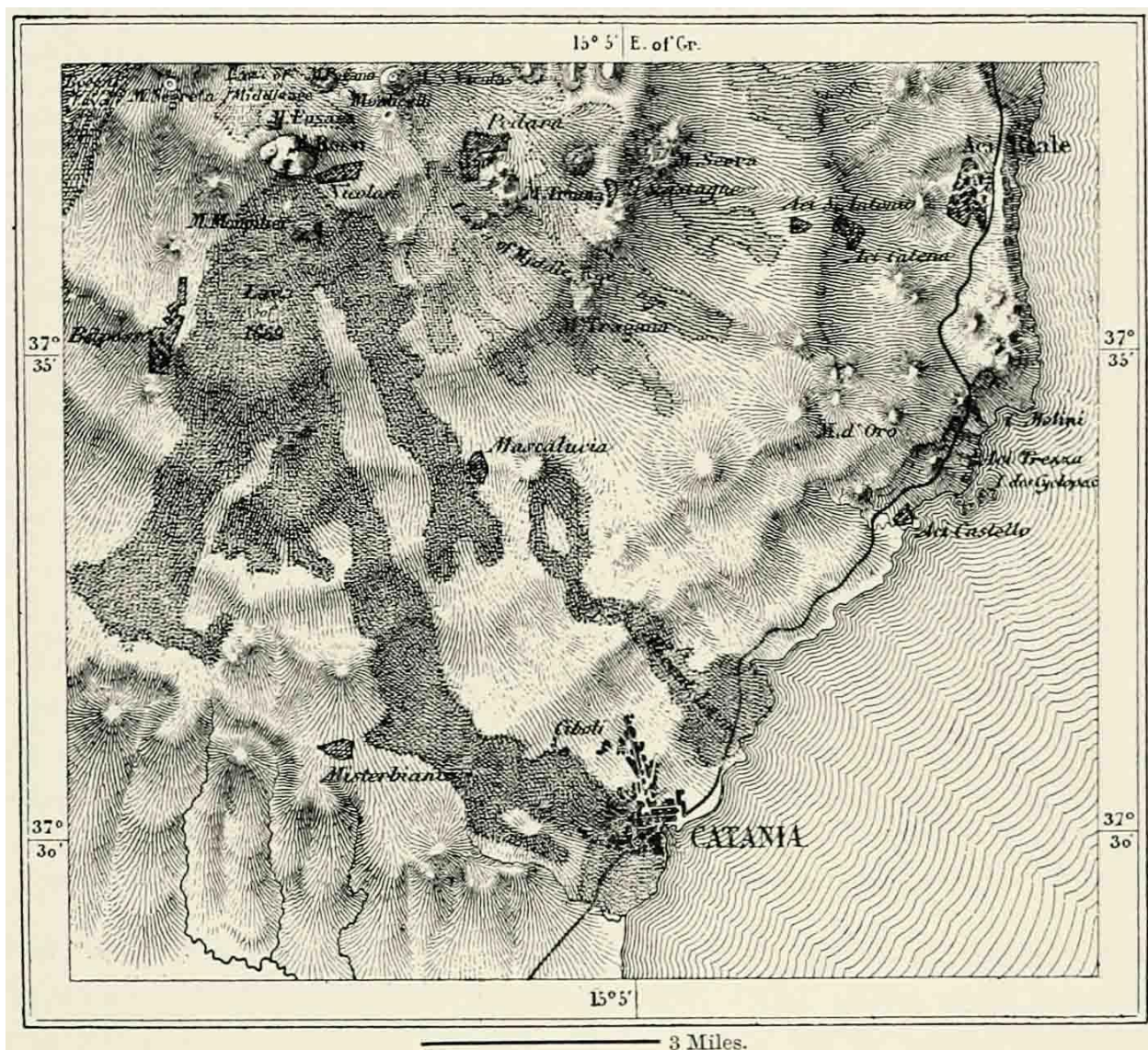
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

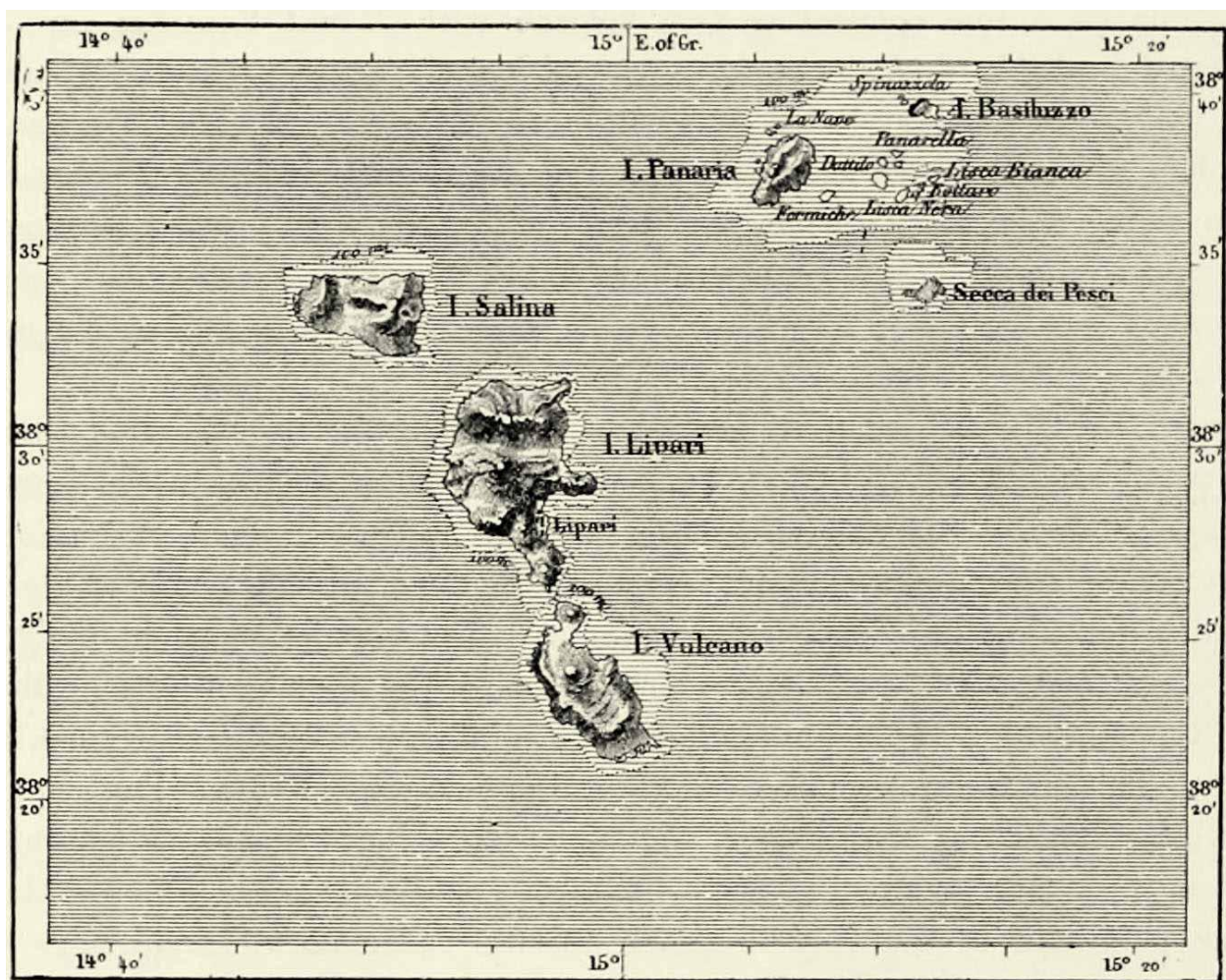

[back](#)

[back](#)

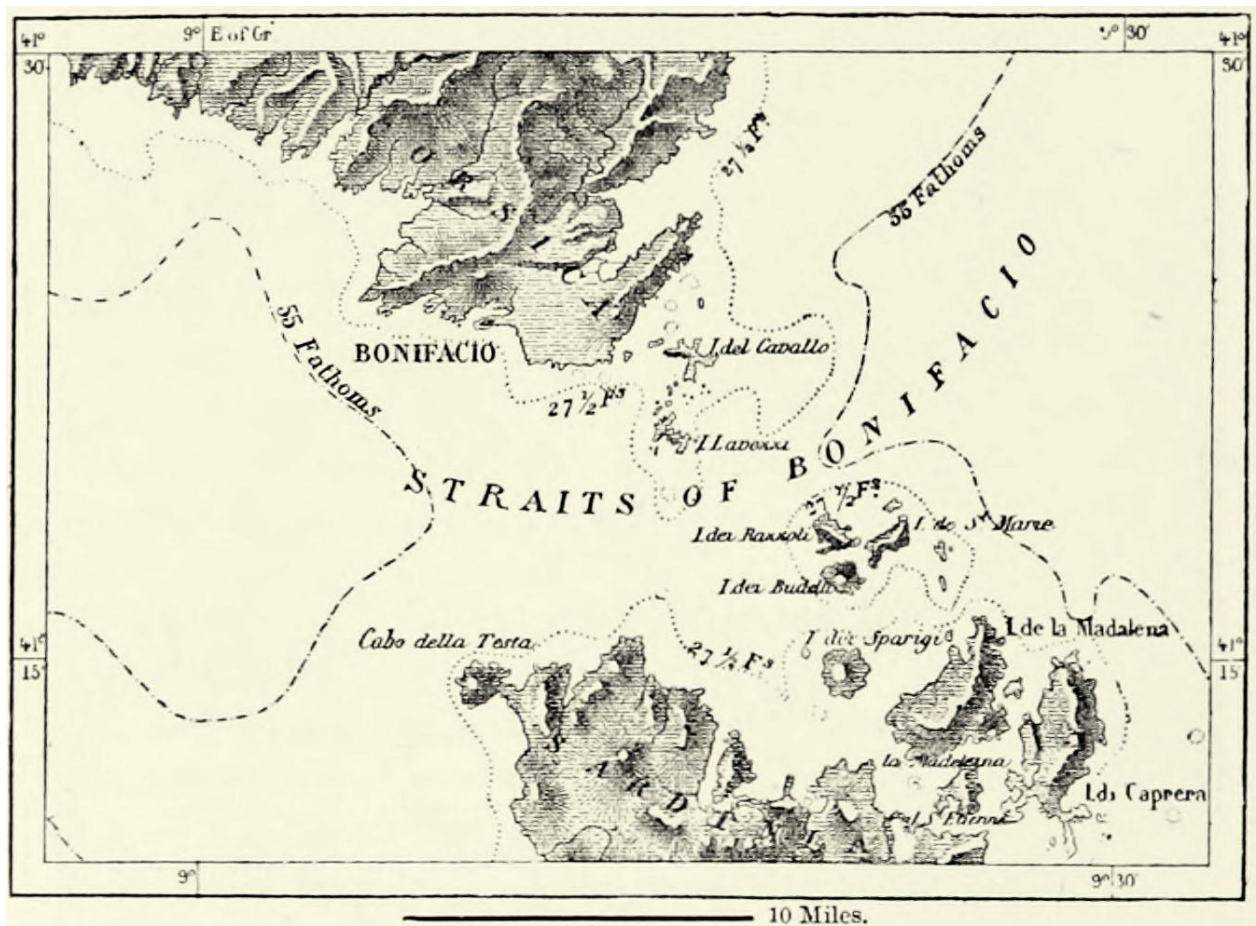
[back](#)

[back](#)

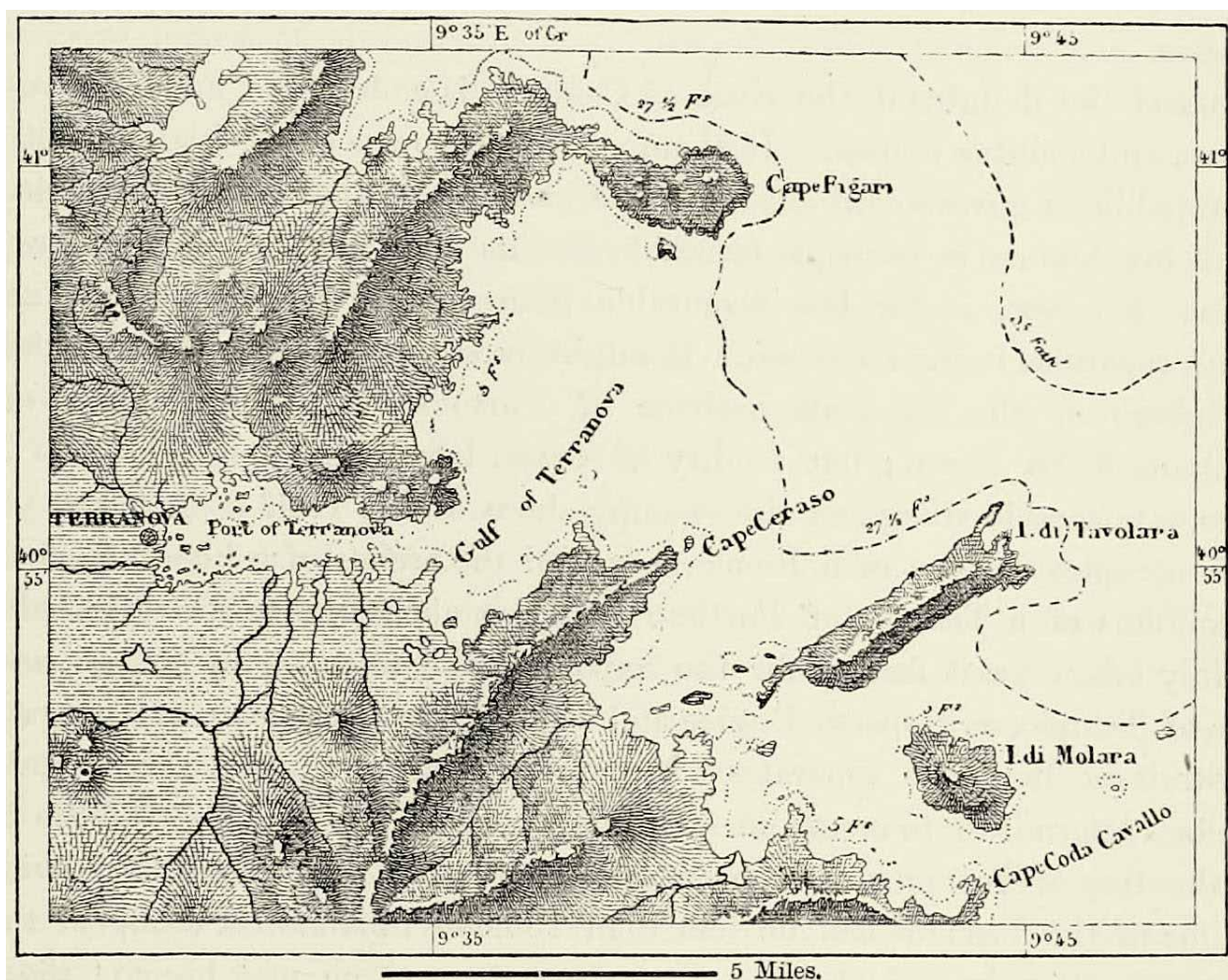
[back](#)

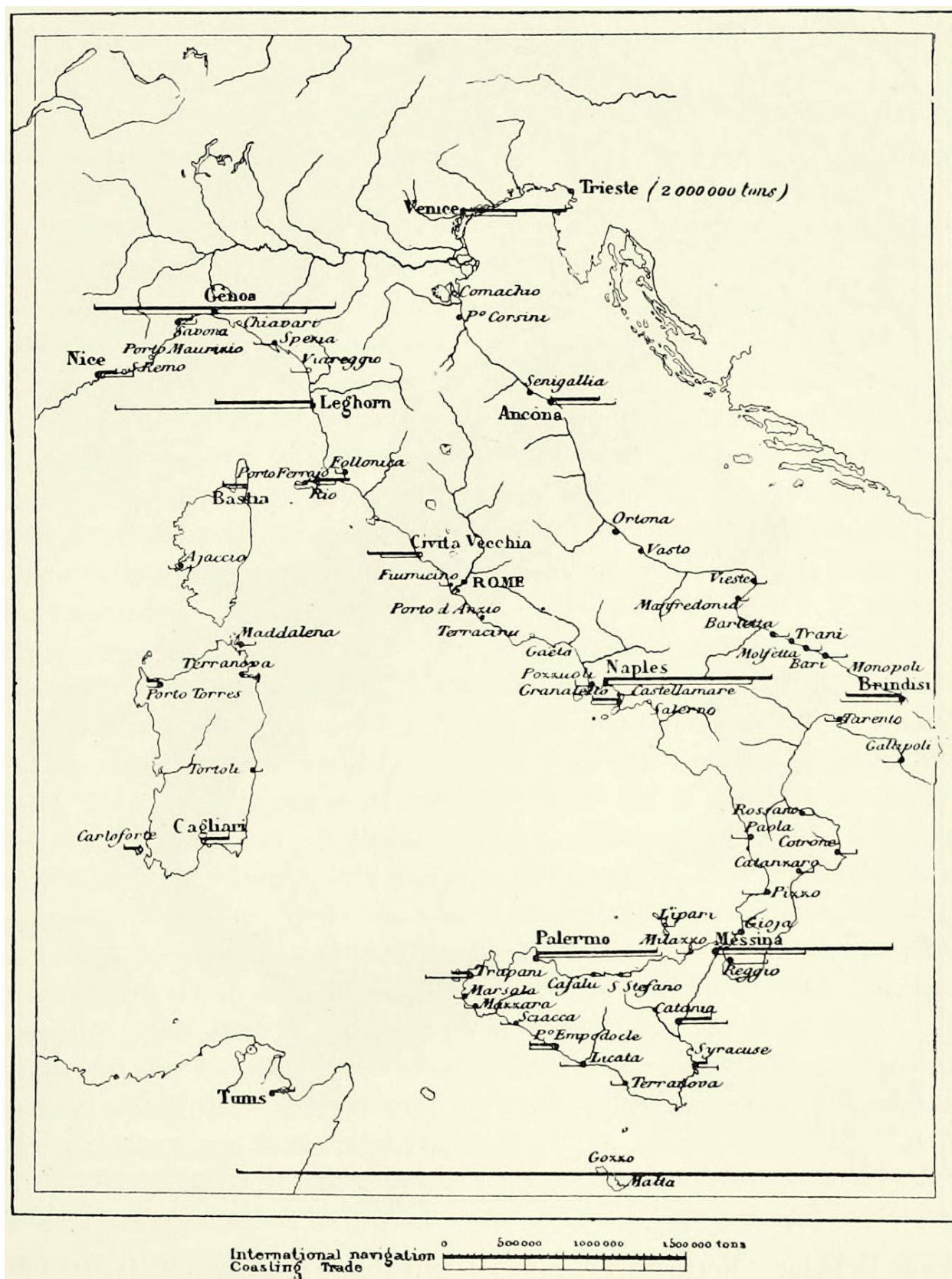
[back](#)

[back](#)

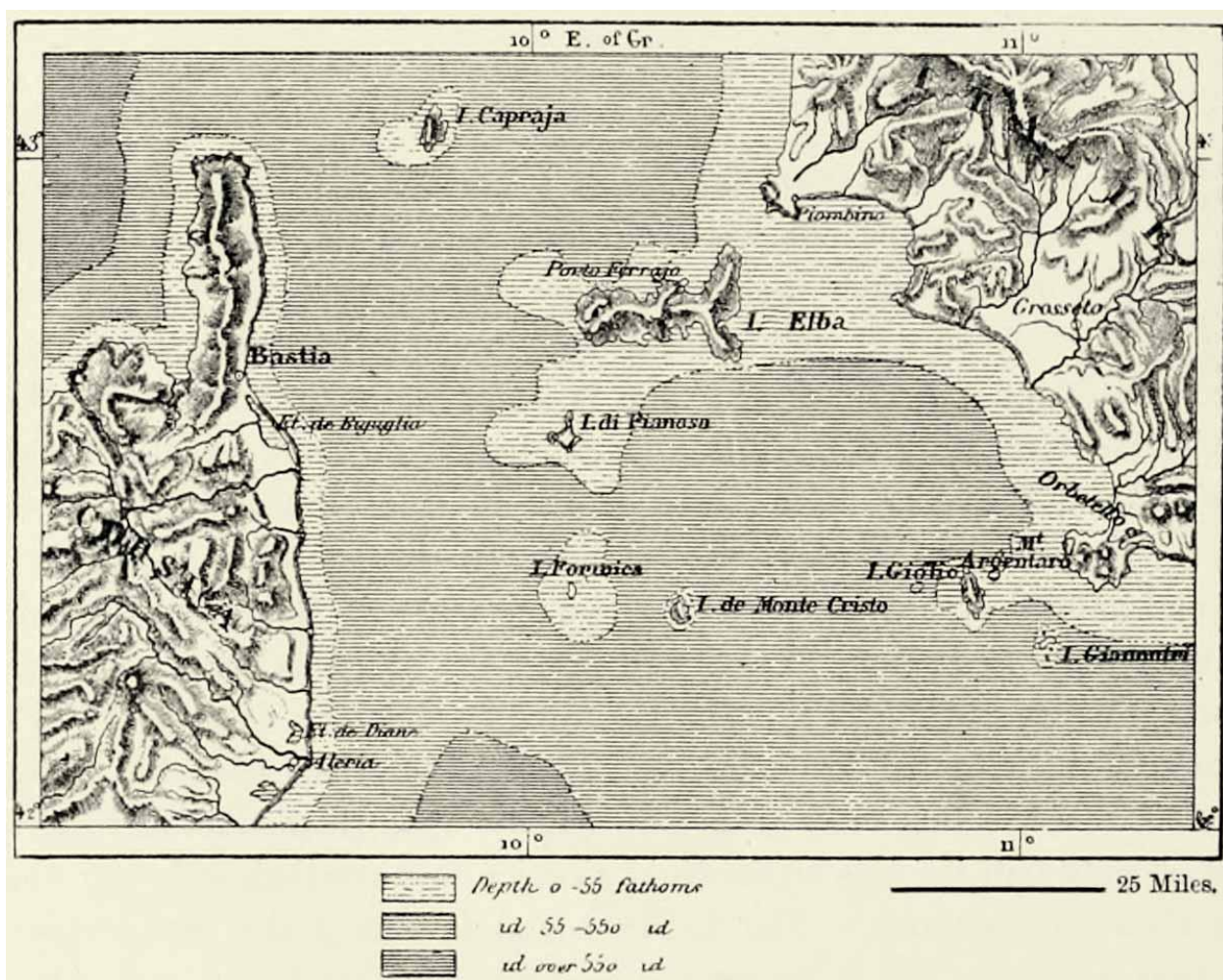
[back](#)

[back](#)

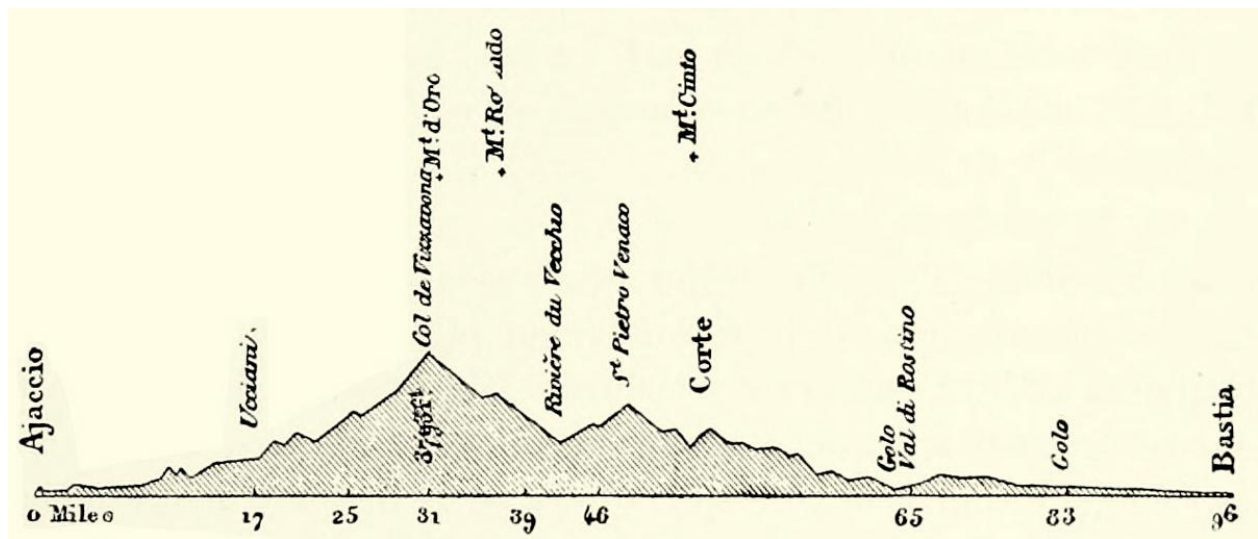
[back](#)

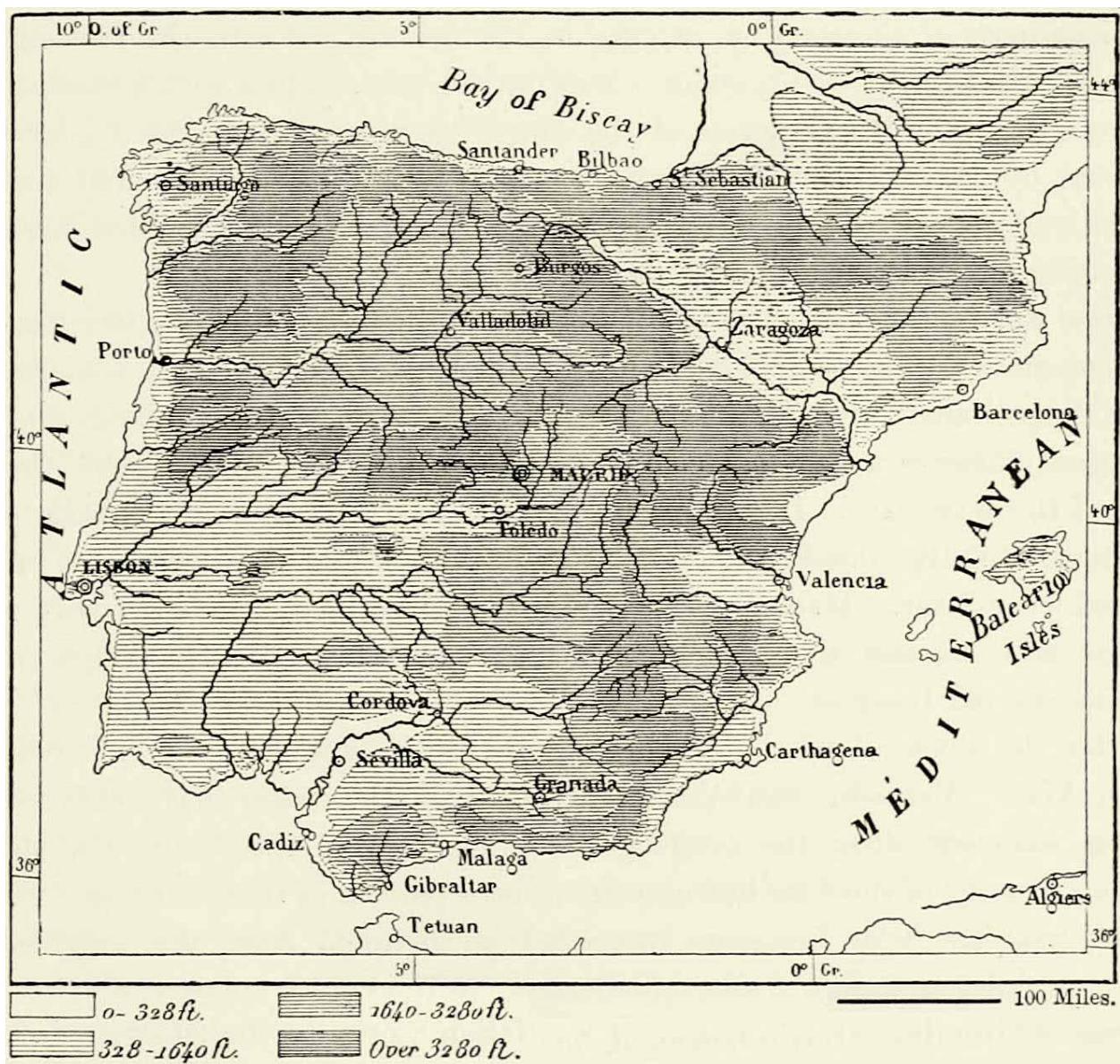
[back](#)

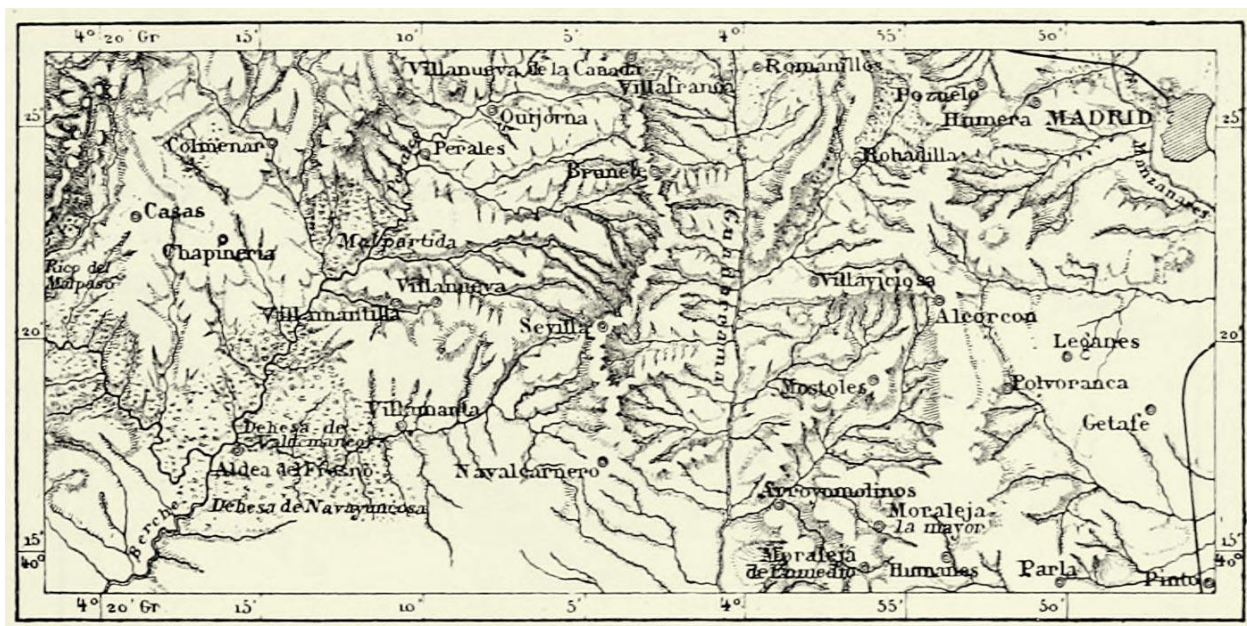
[back](#)

[back](#)

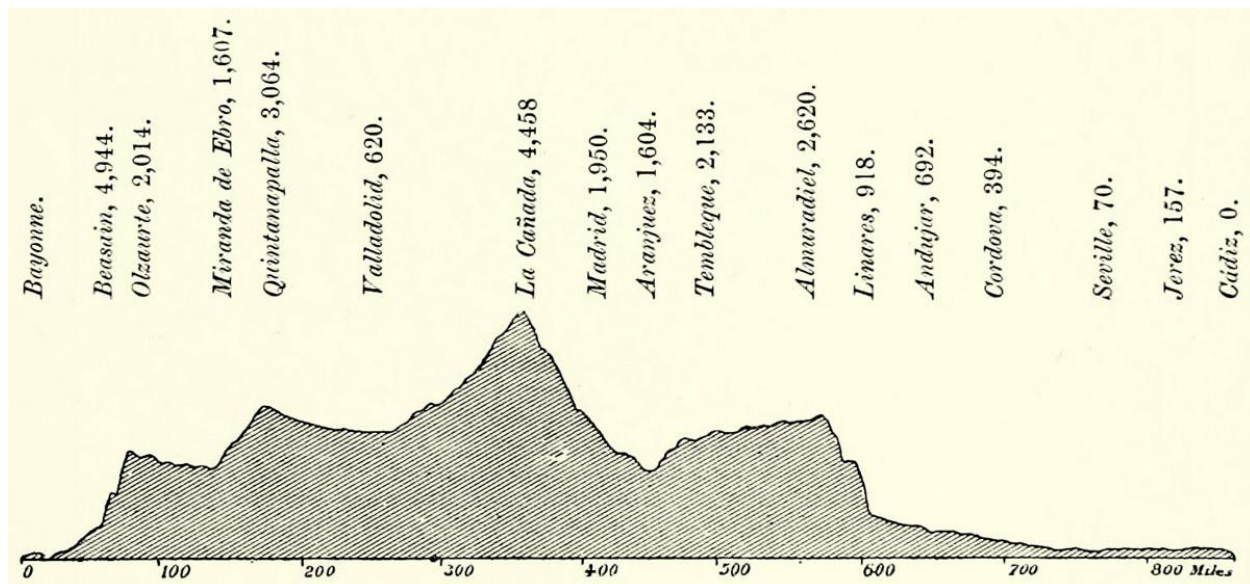
[back](#)

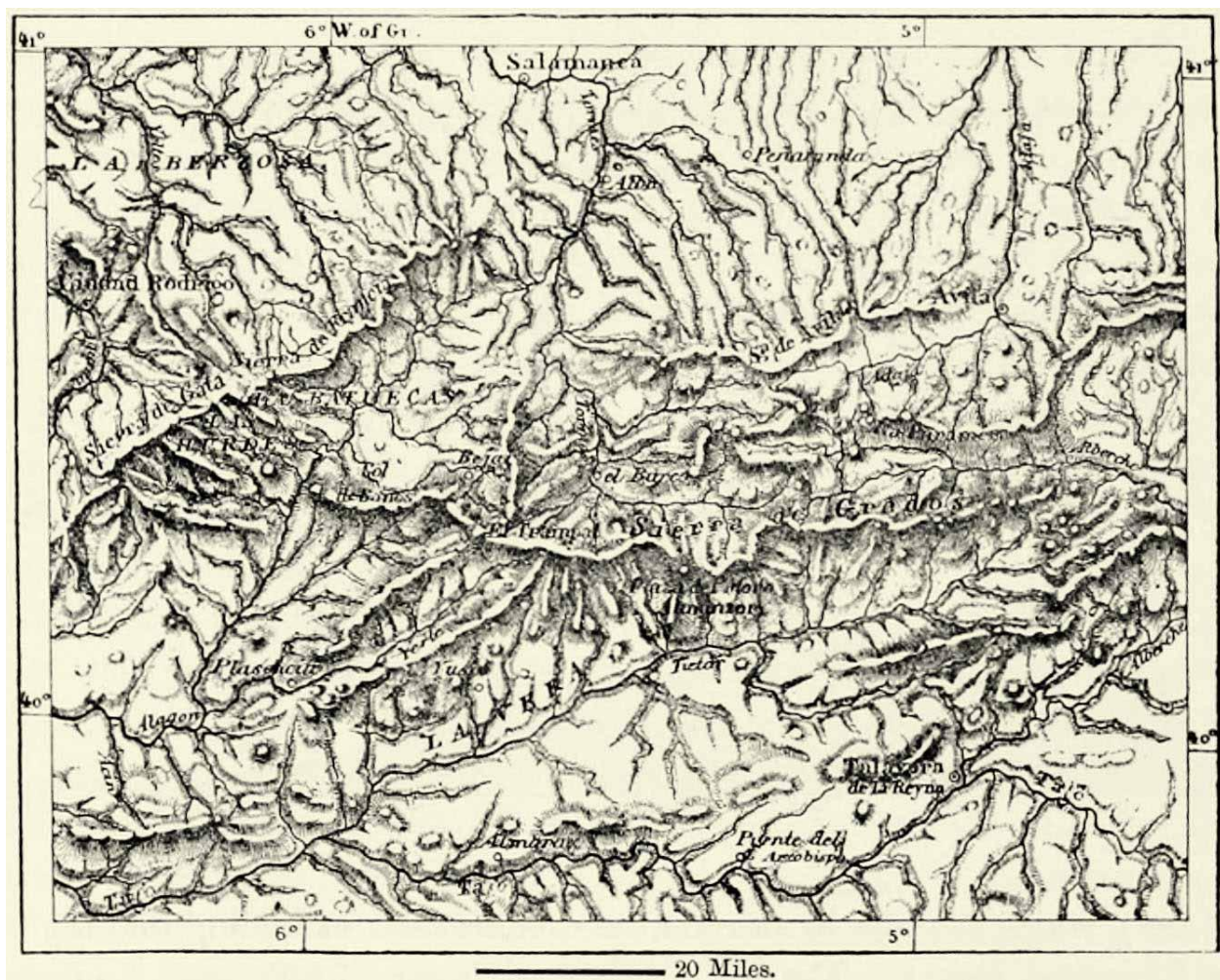
[back](#)

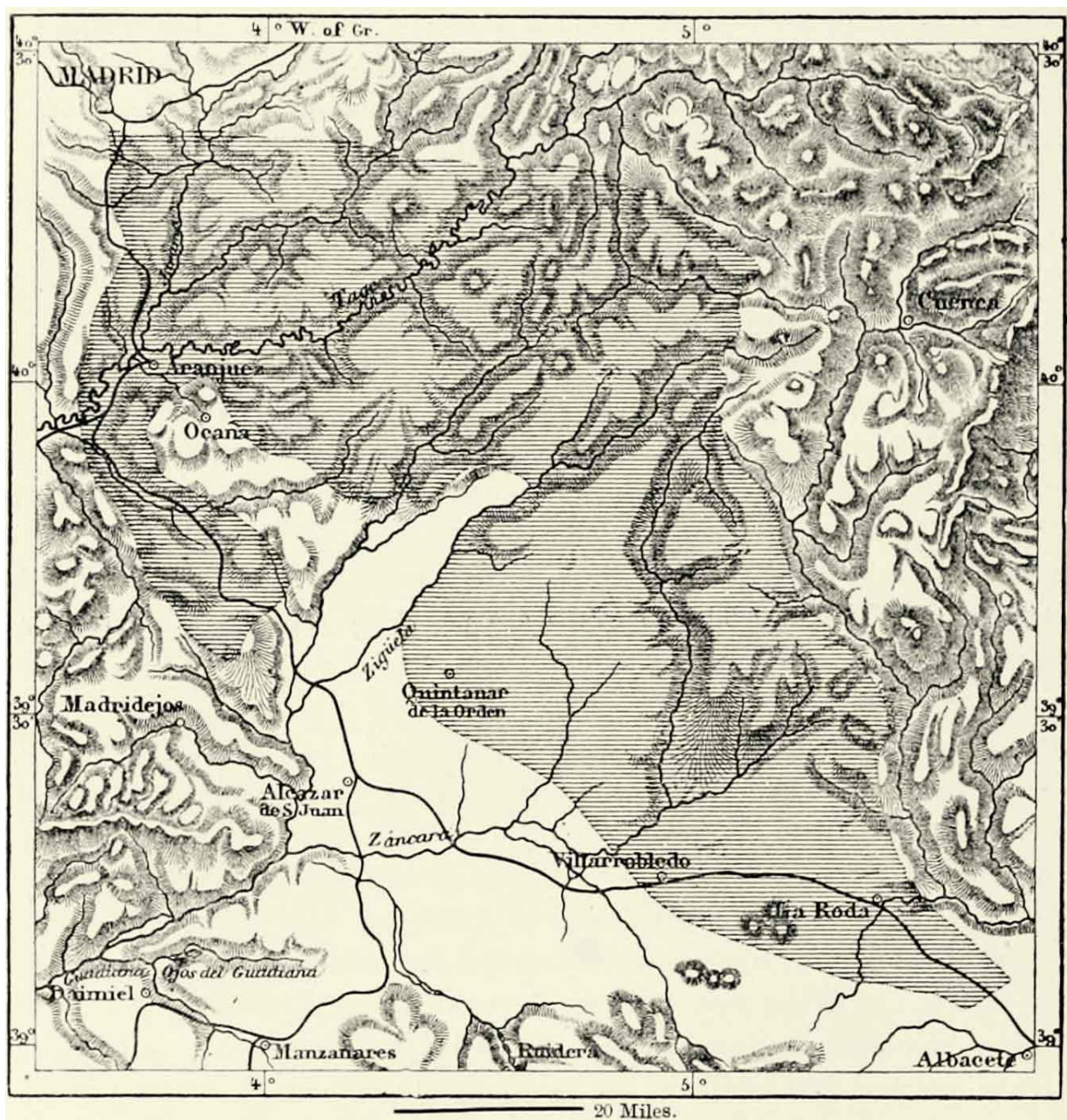
[back](#)

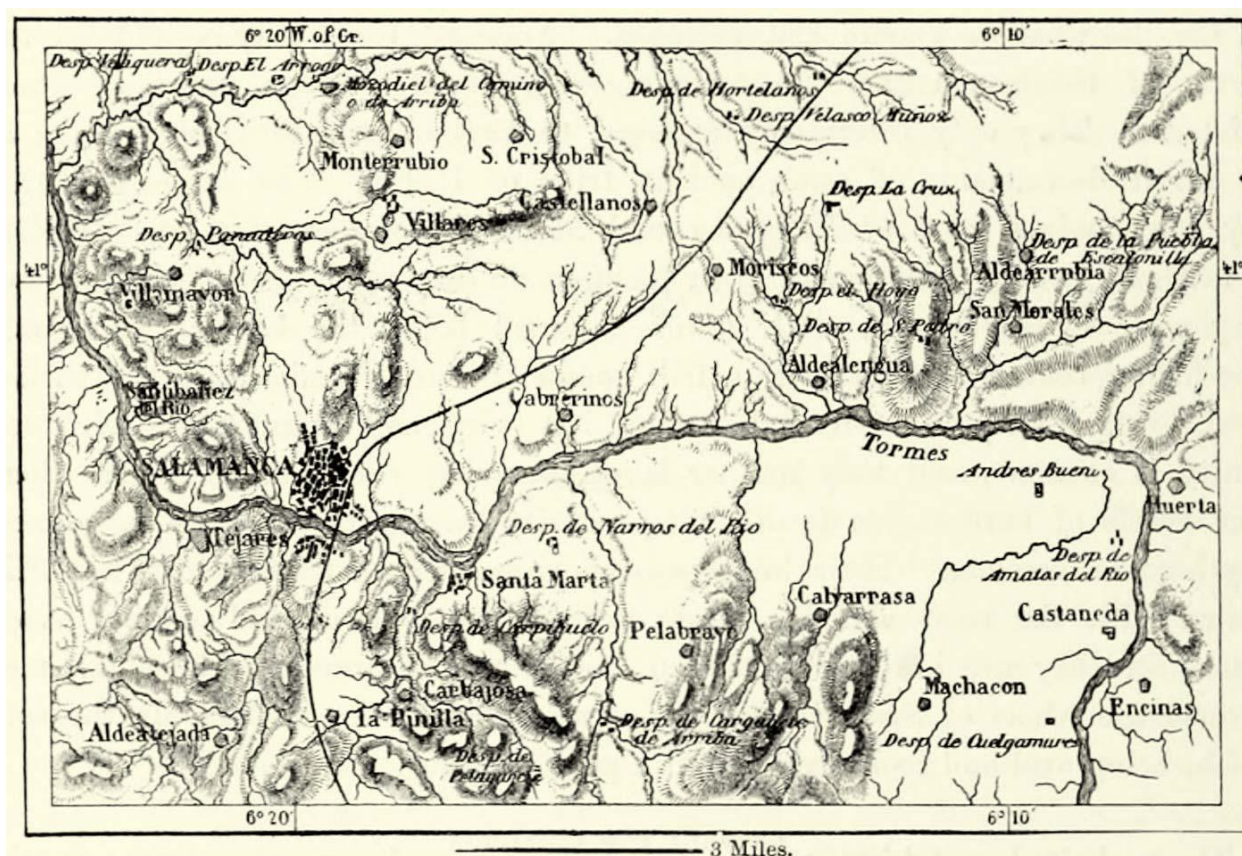
[back](#)

[back](#)

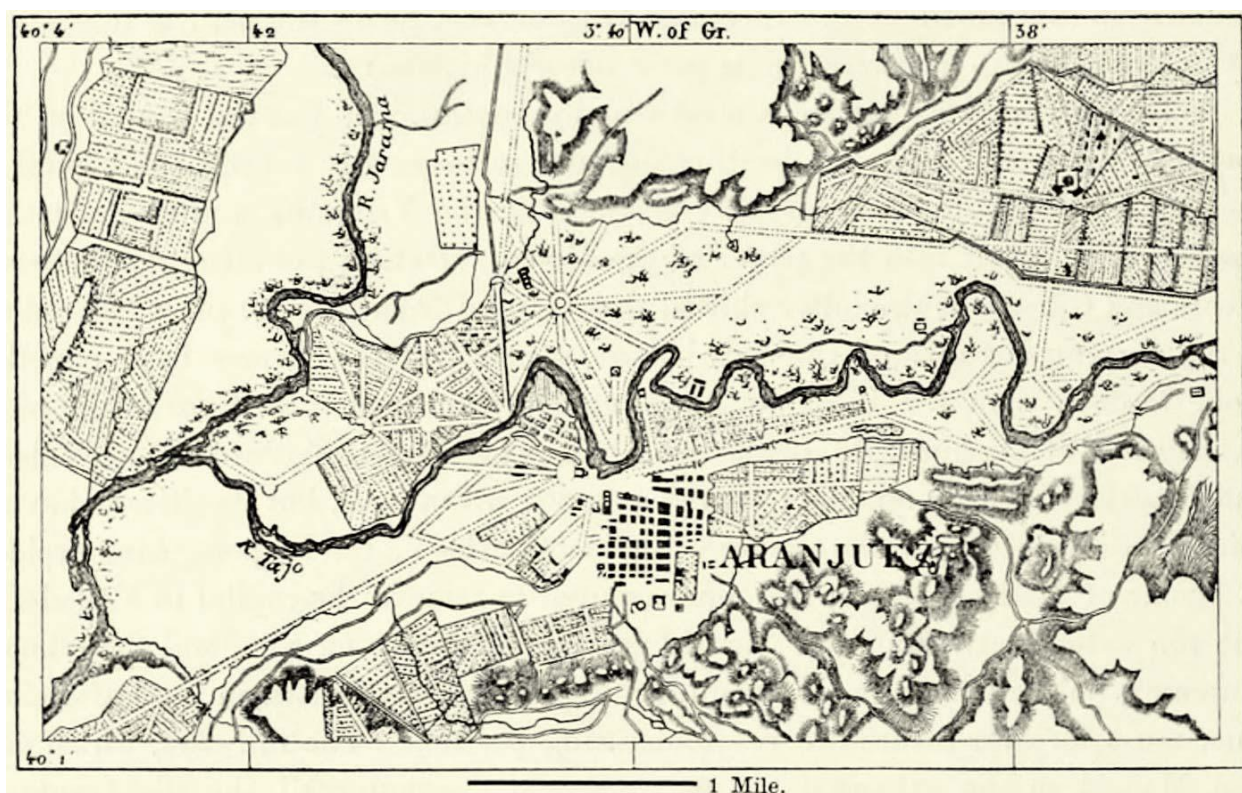
[back](#)

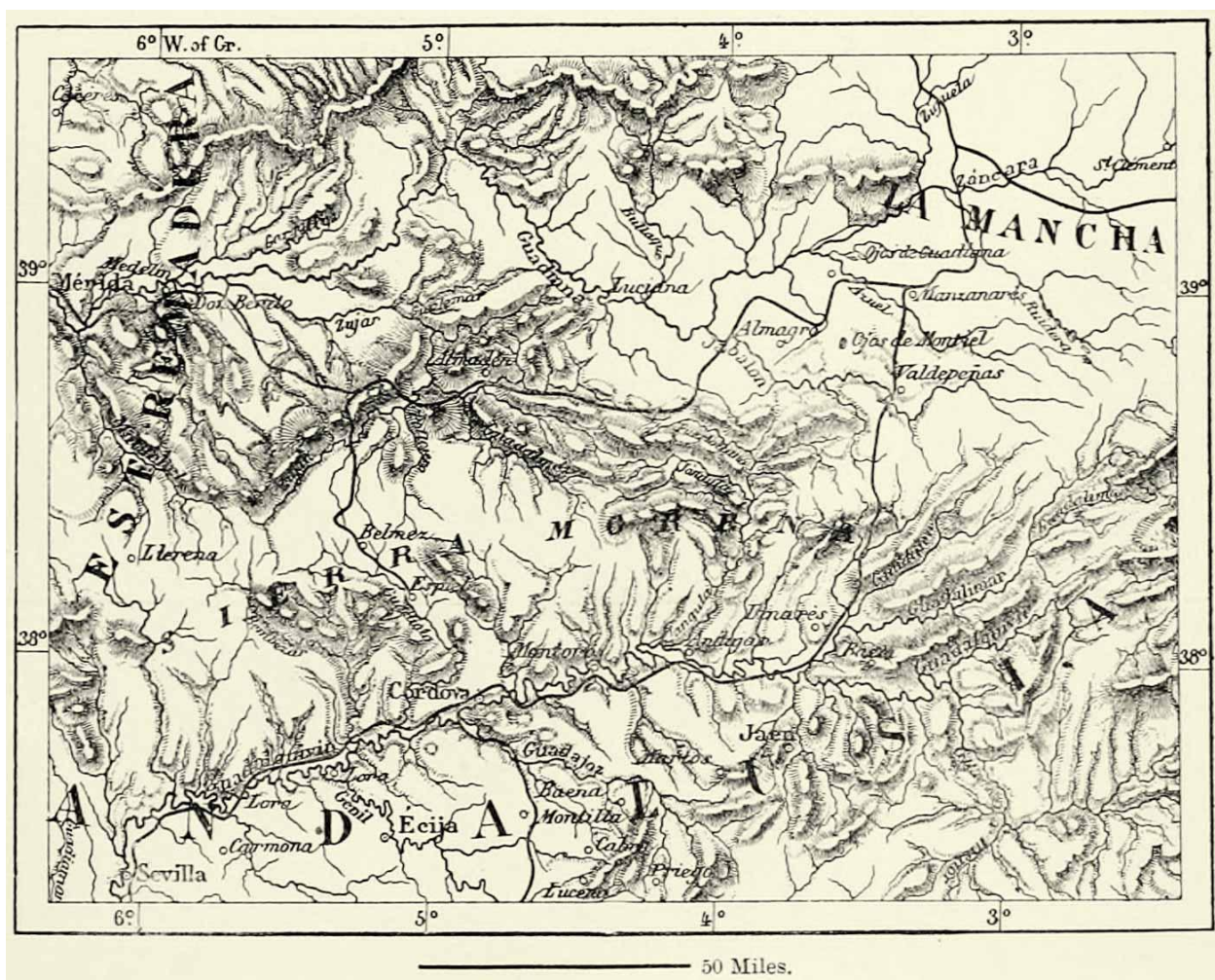
[back](#)

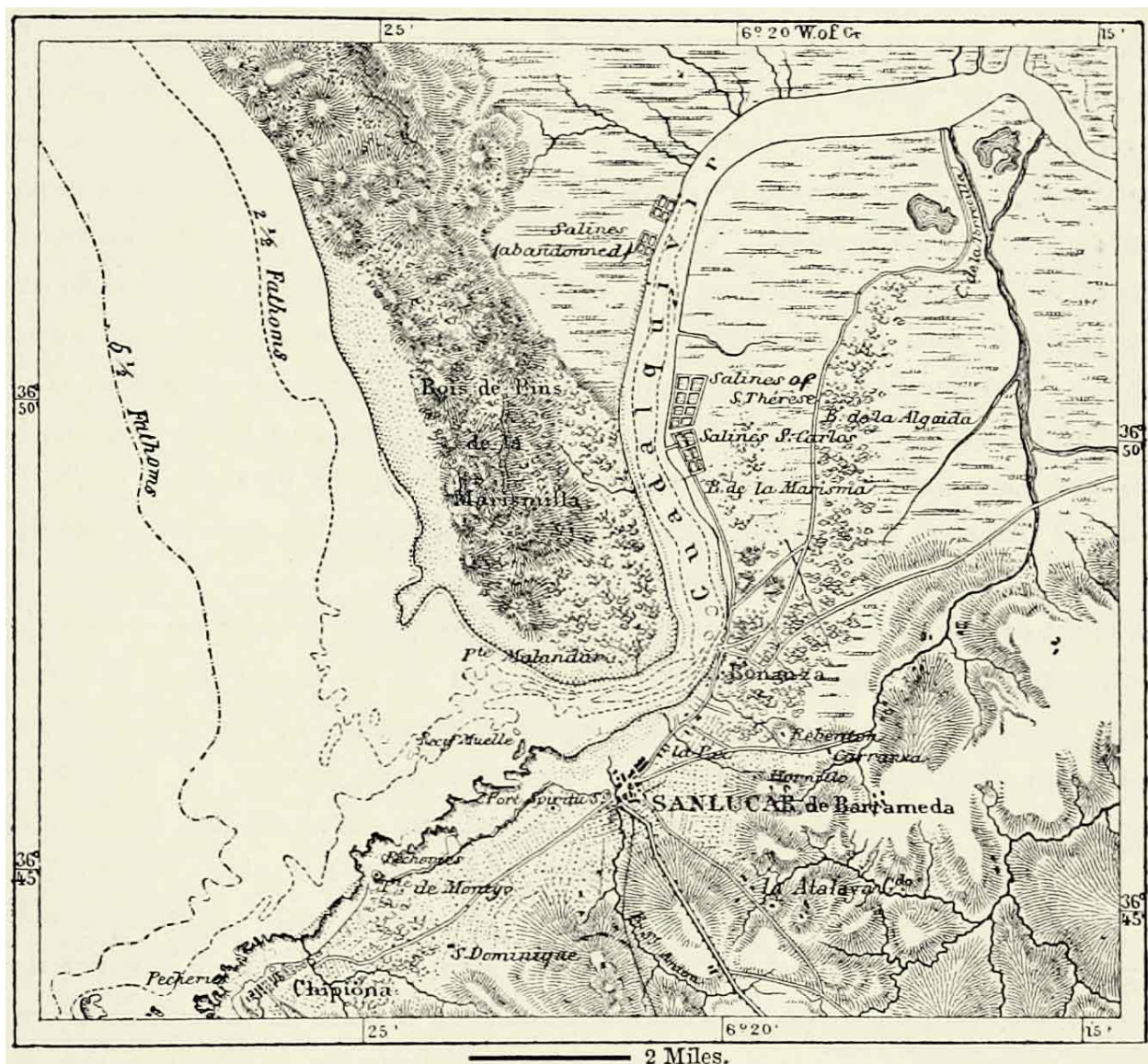
[back](#)

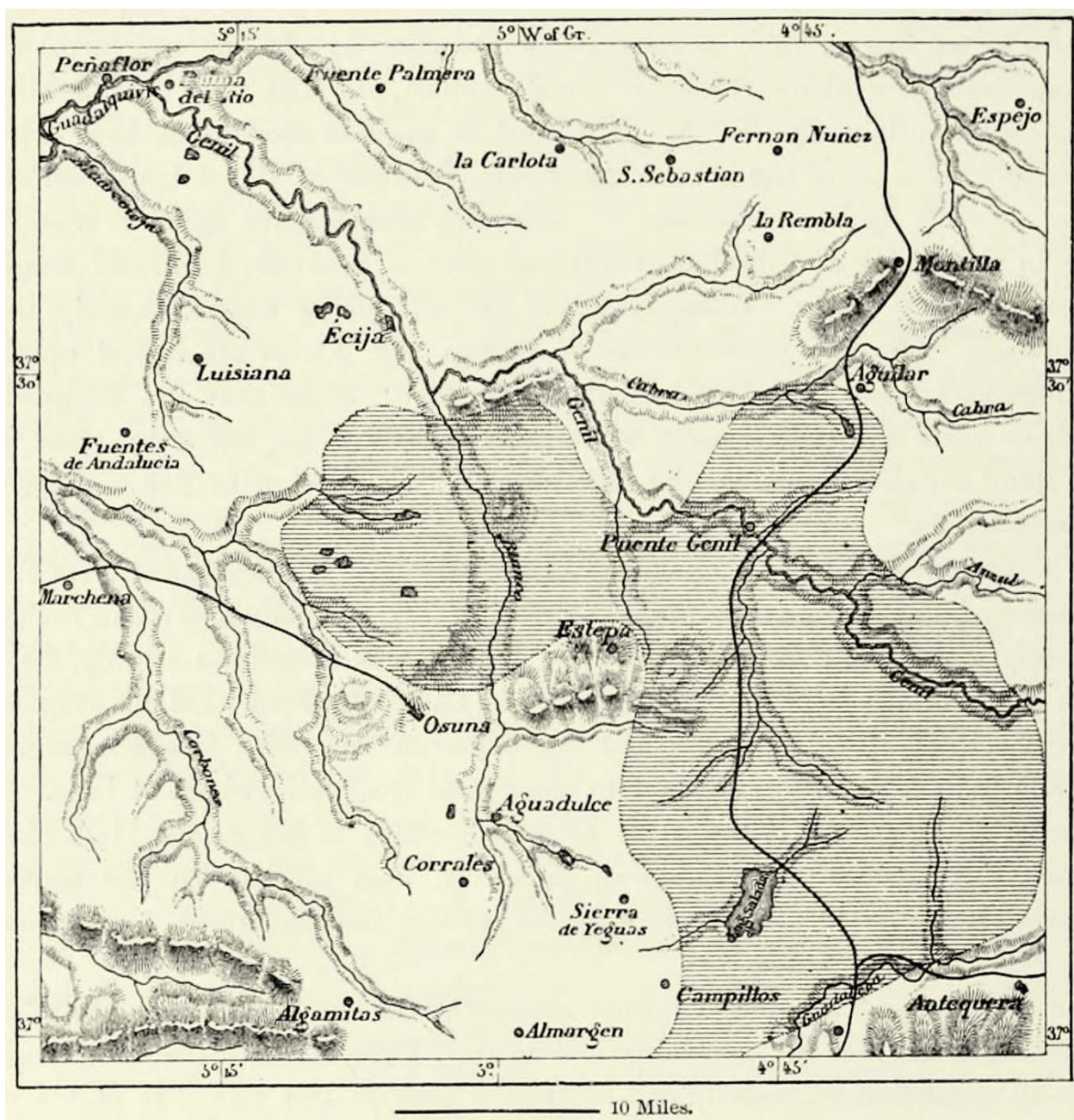
[back](#)

[back](#)

[back](#)

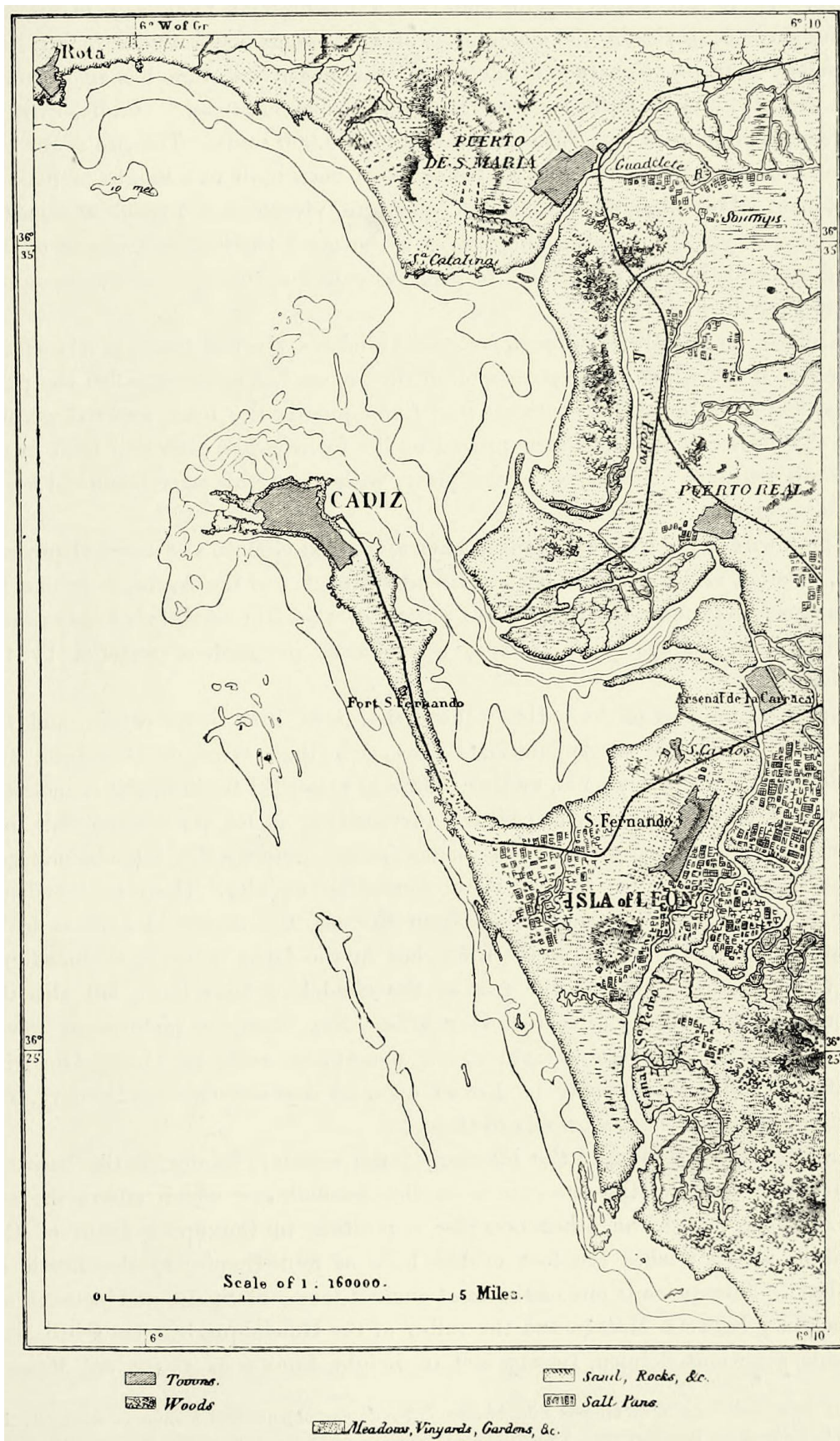
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

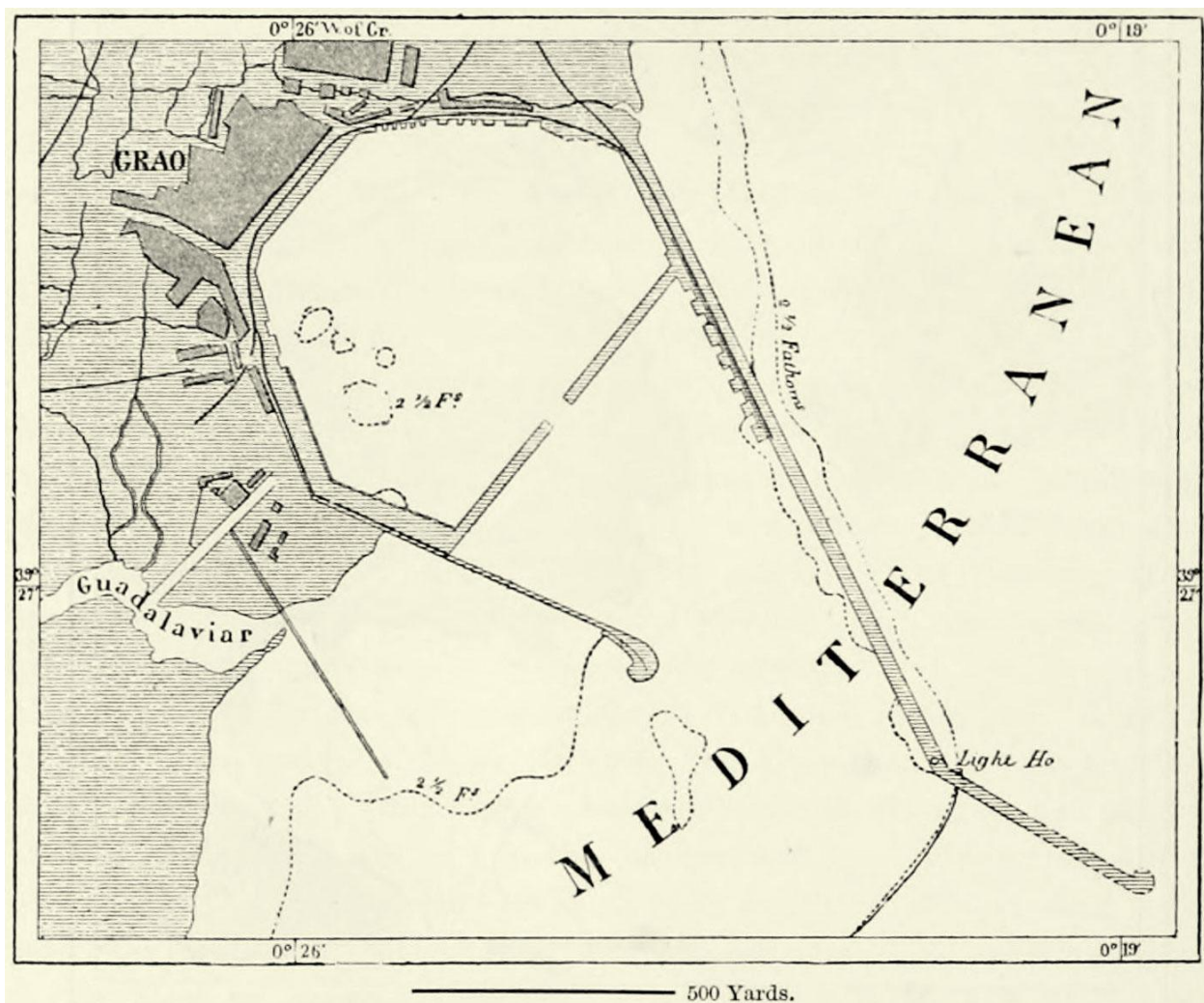
[back](#)

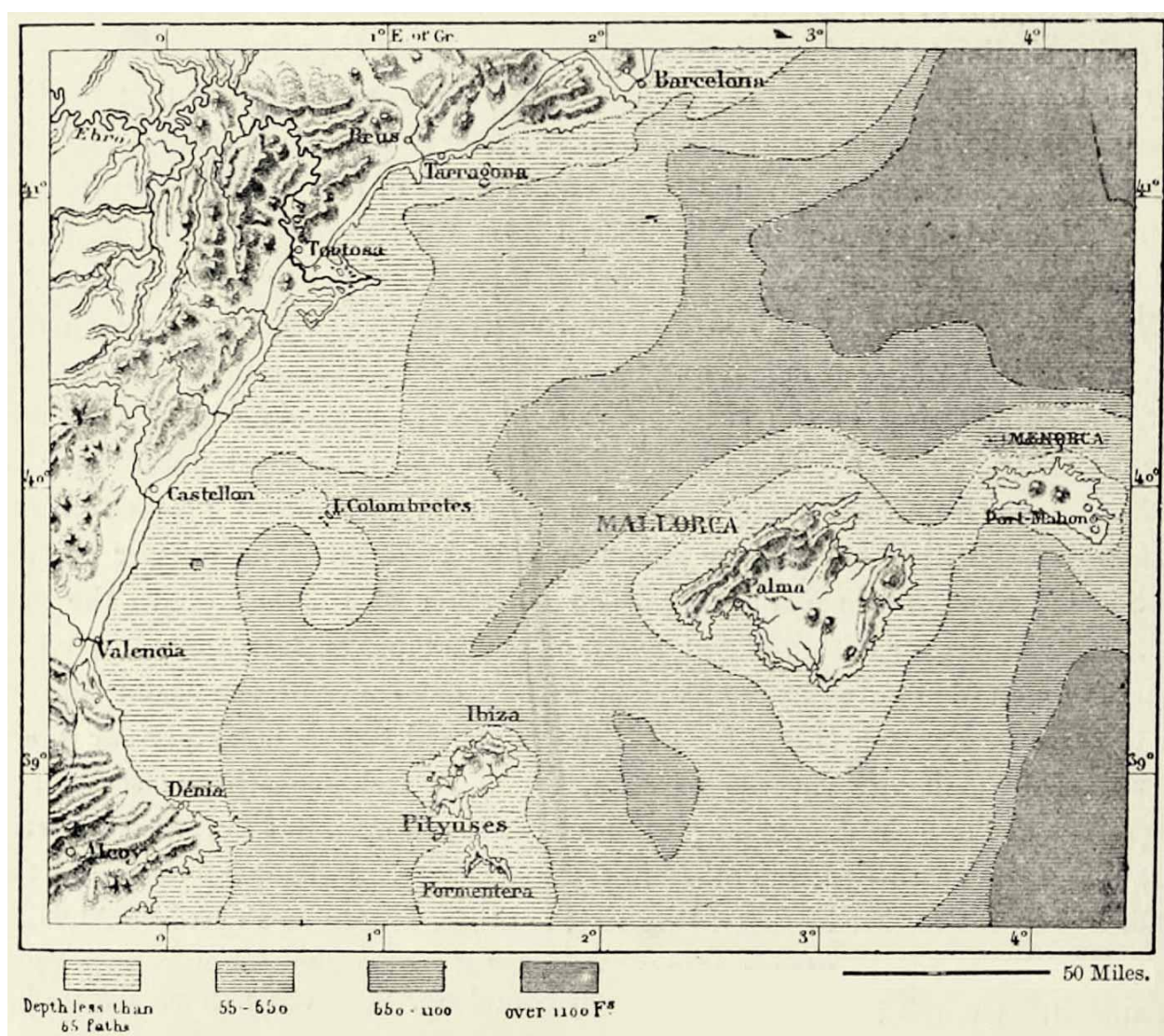
[back](#)

[back](#)

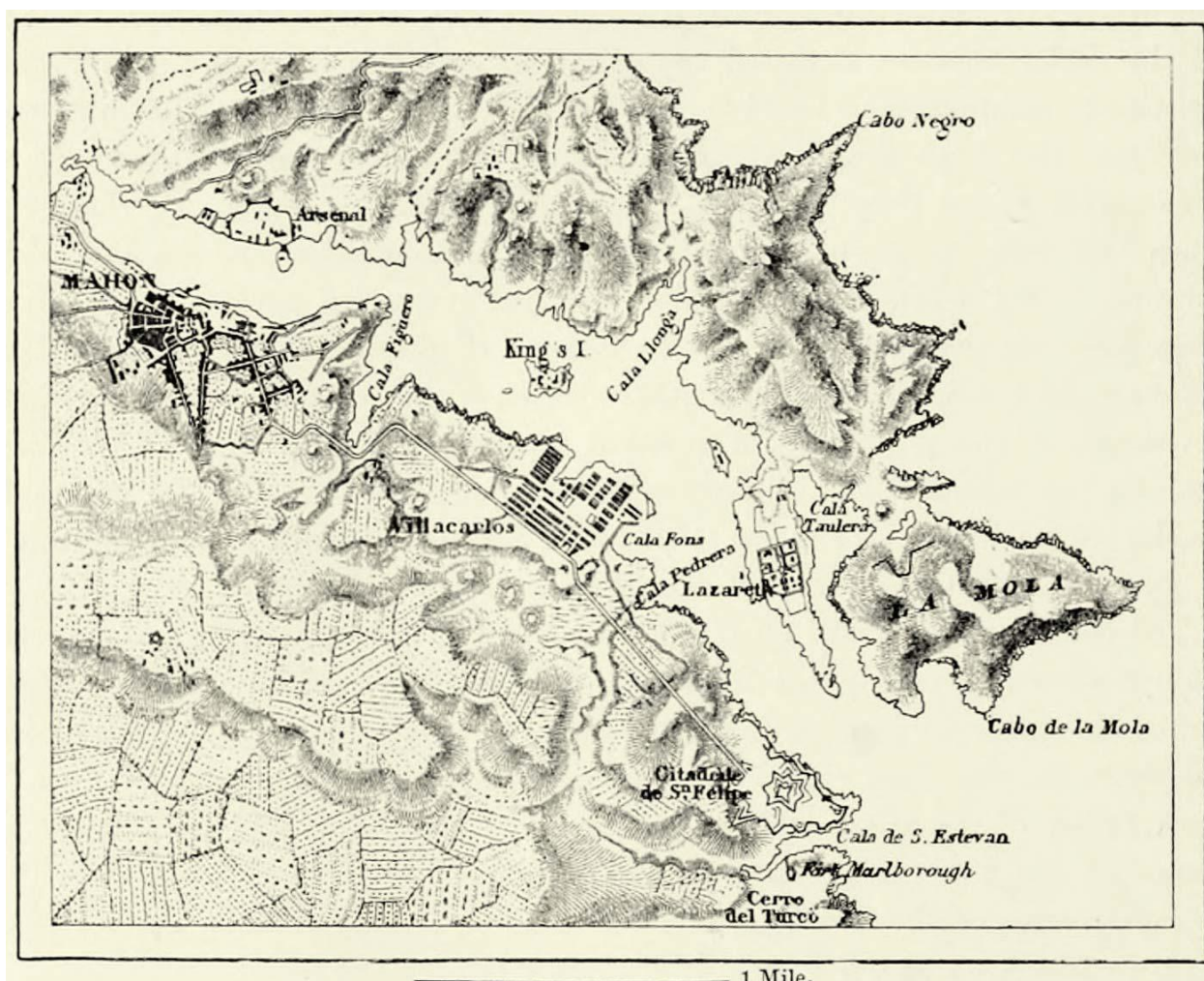
[back](#)

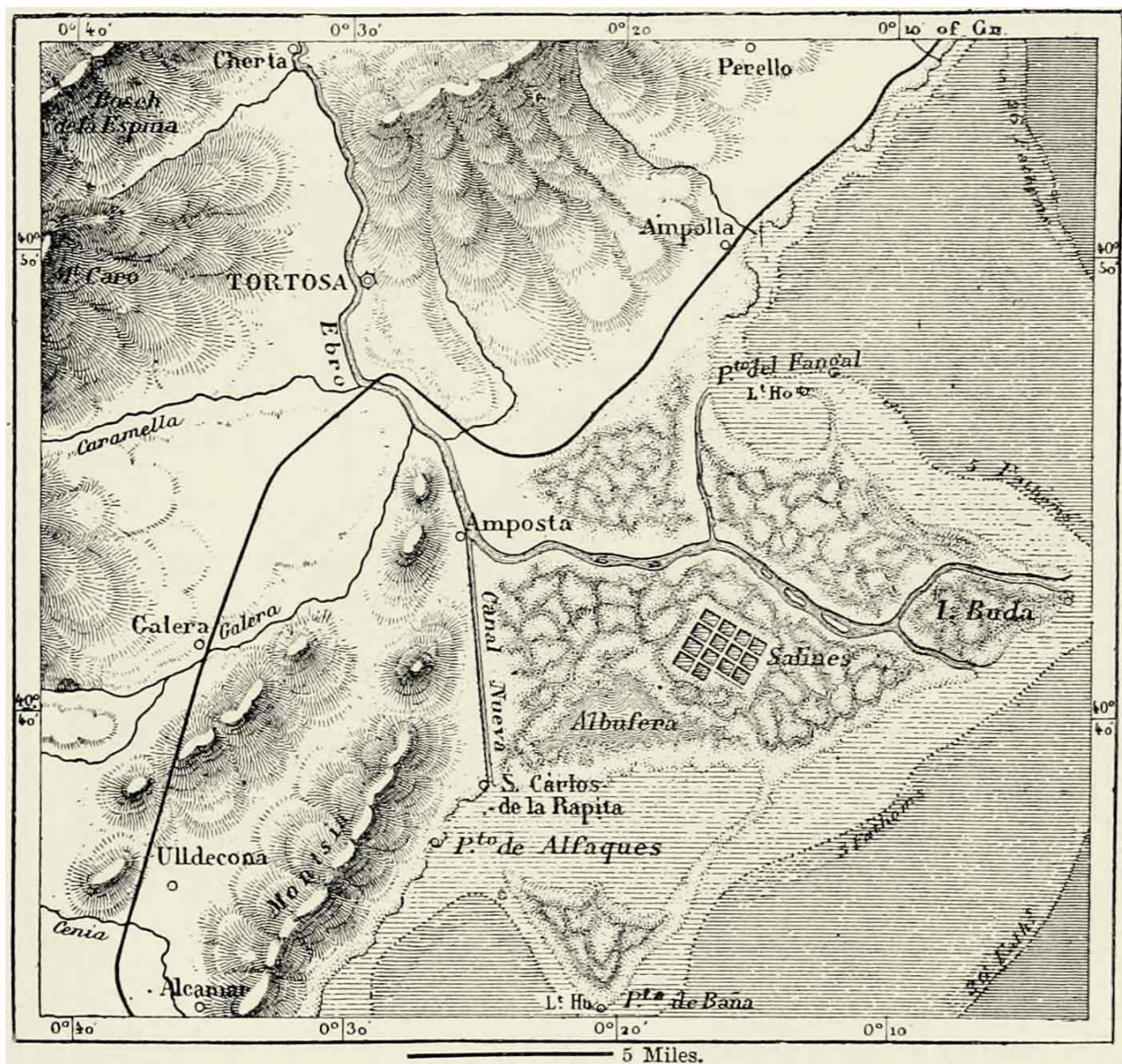
[back](#)

[back](#)

[back](#)

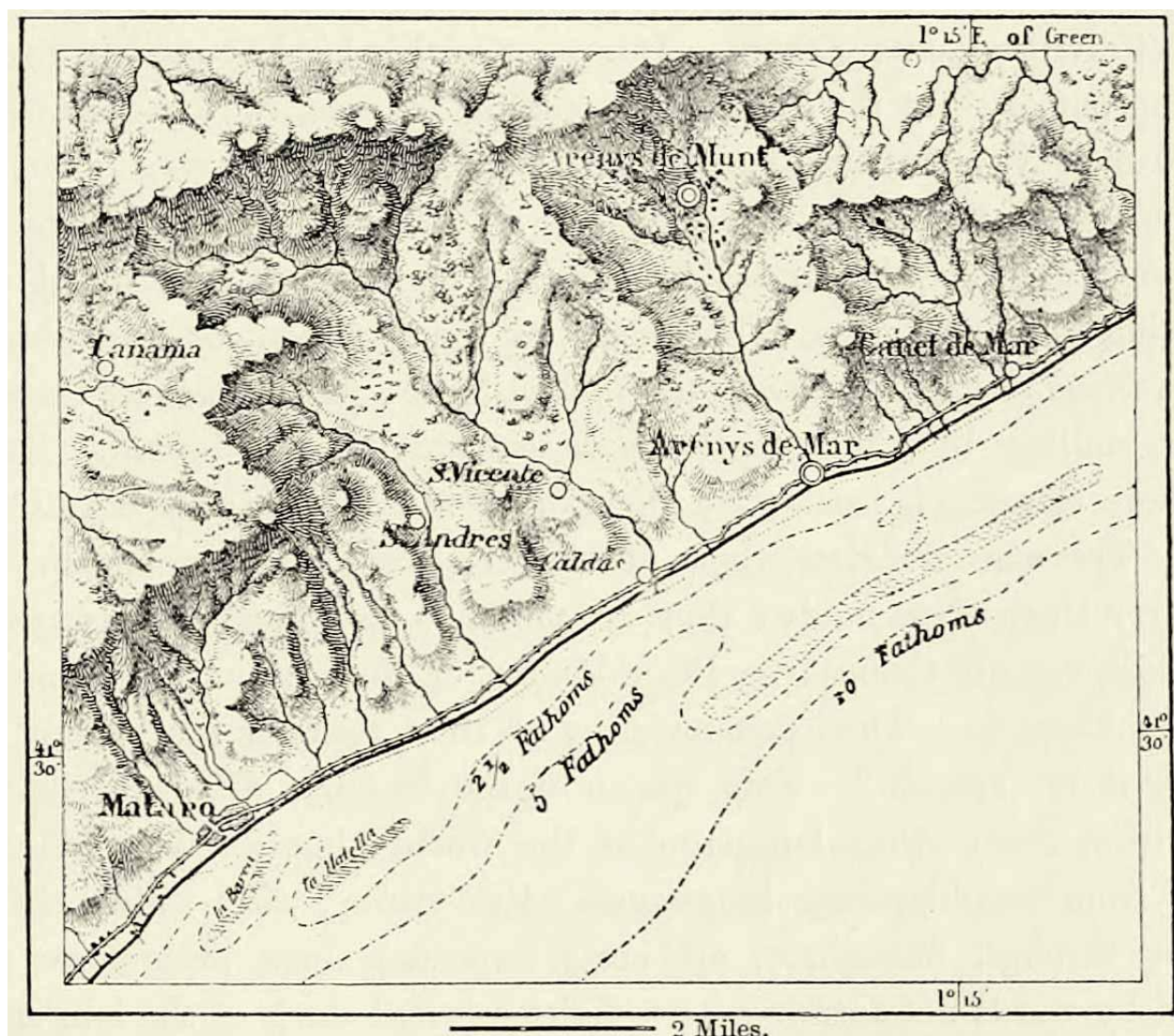
[back](#)

[back](#)

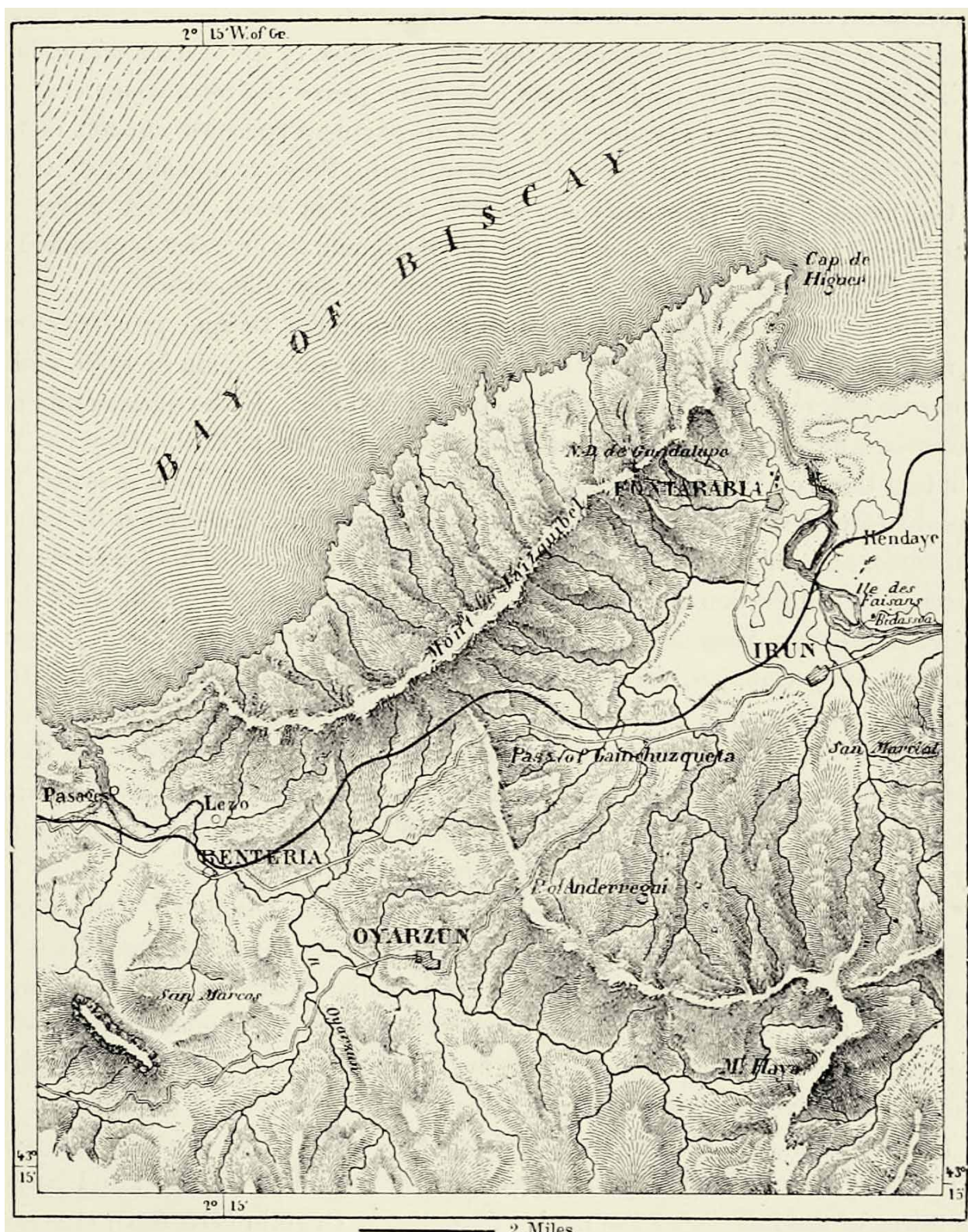
[back](#)

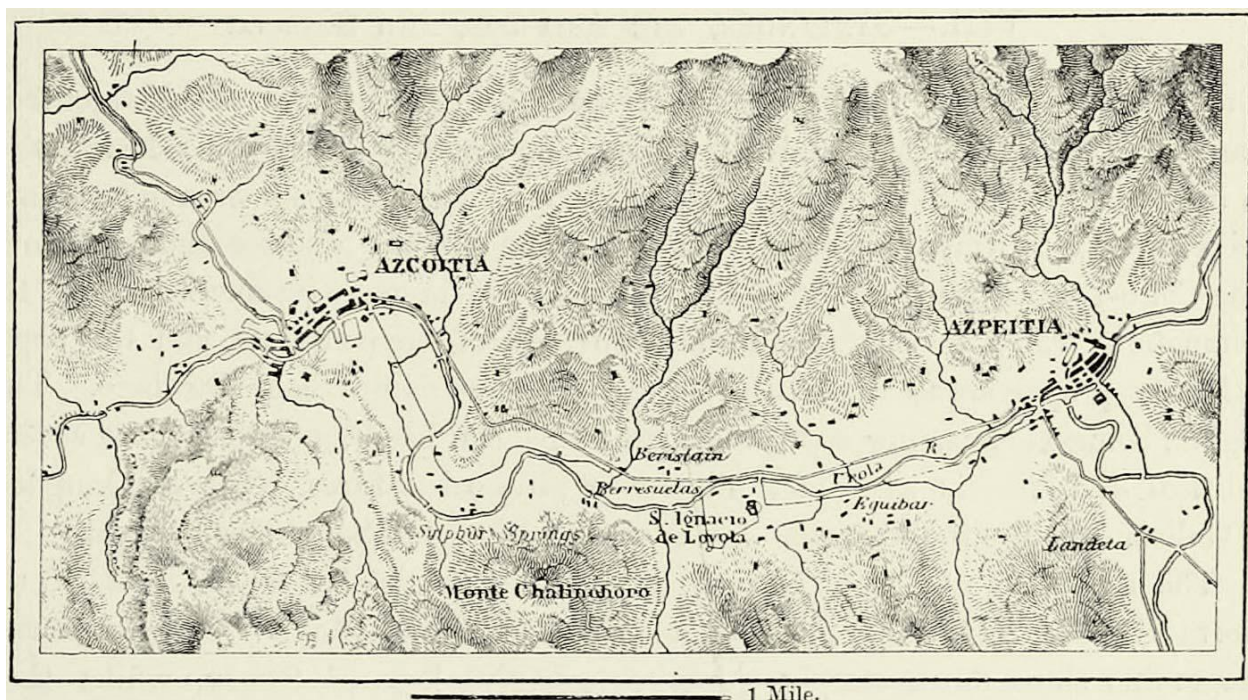
[back](#)

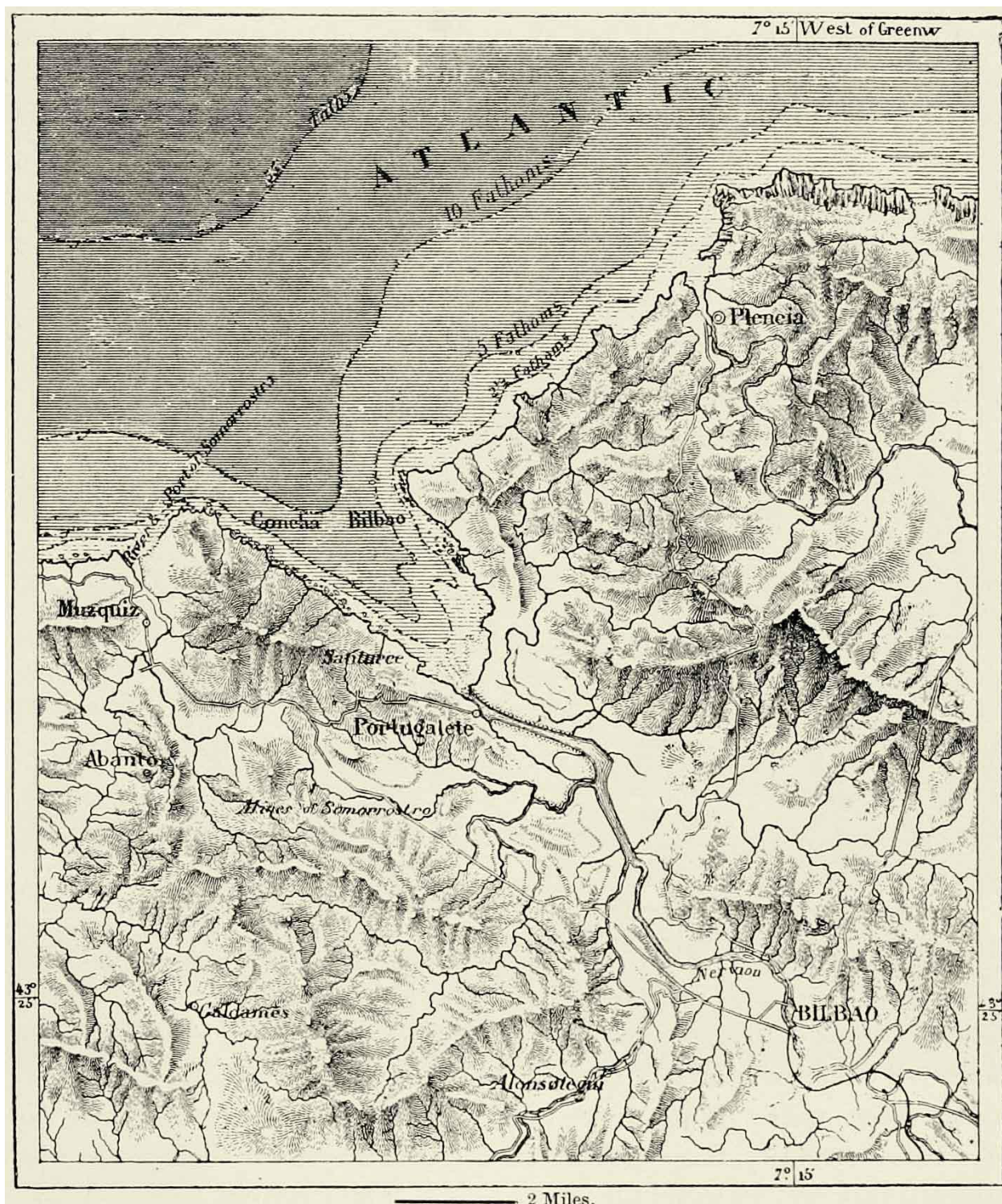
[back](#)

[back](#)

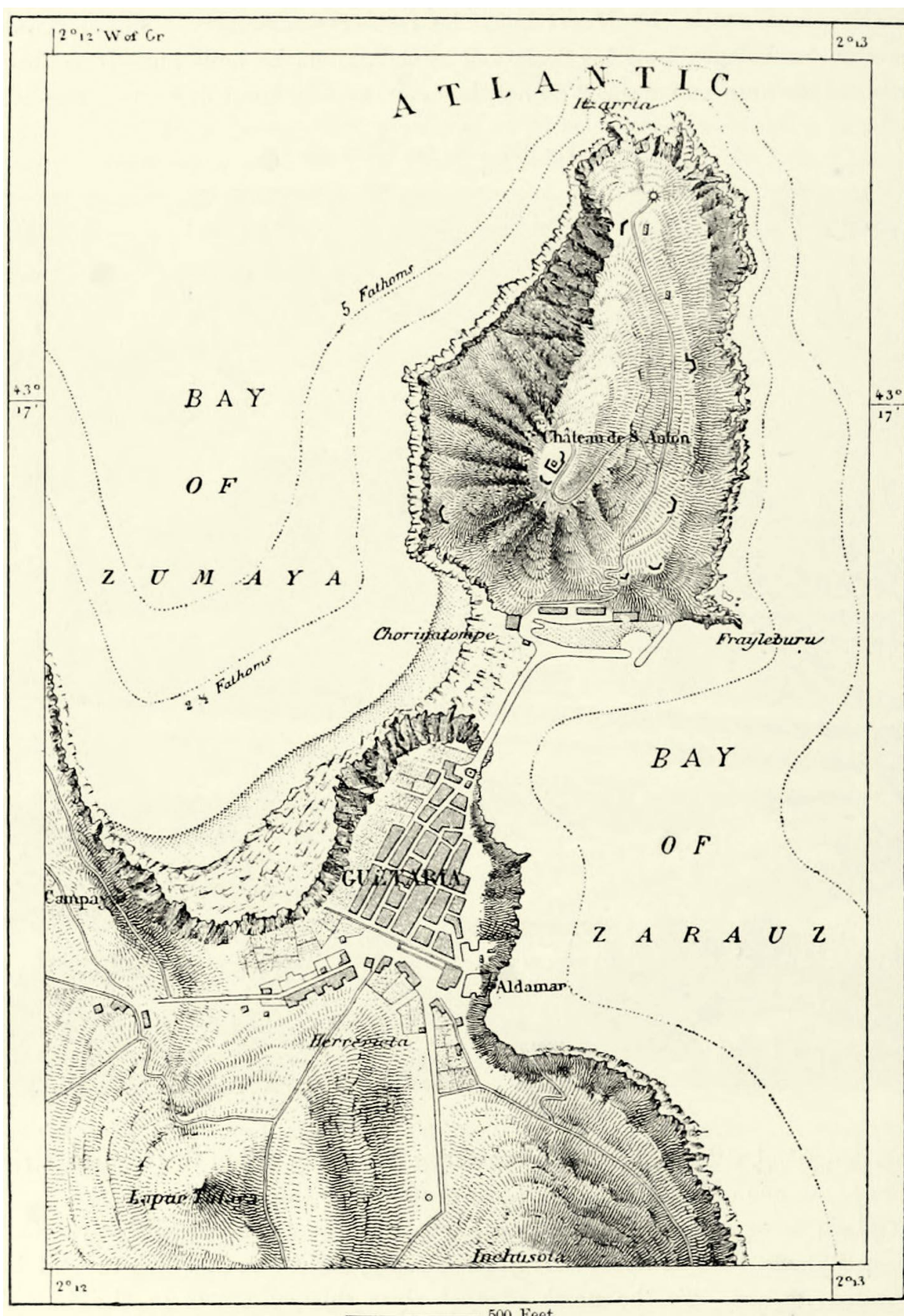
[back](#)

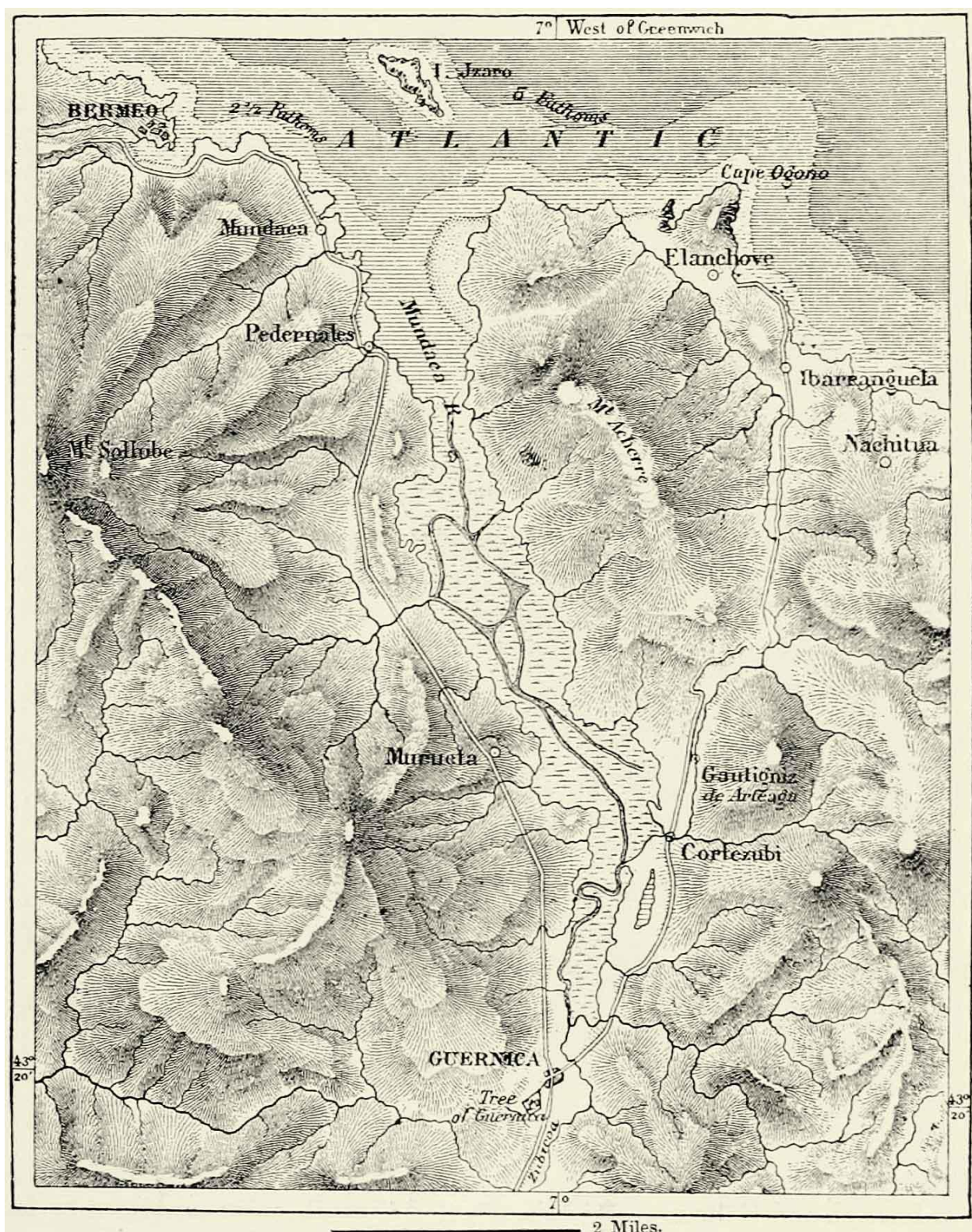
[back](#)

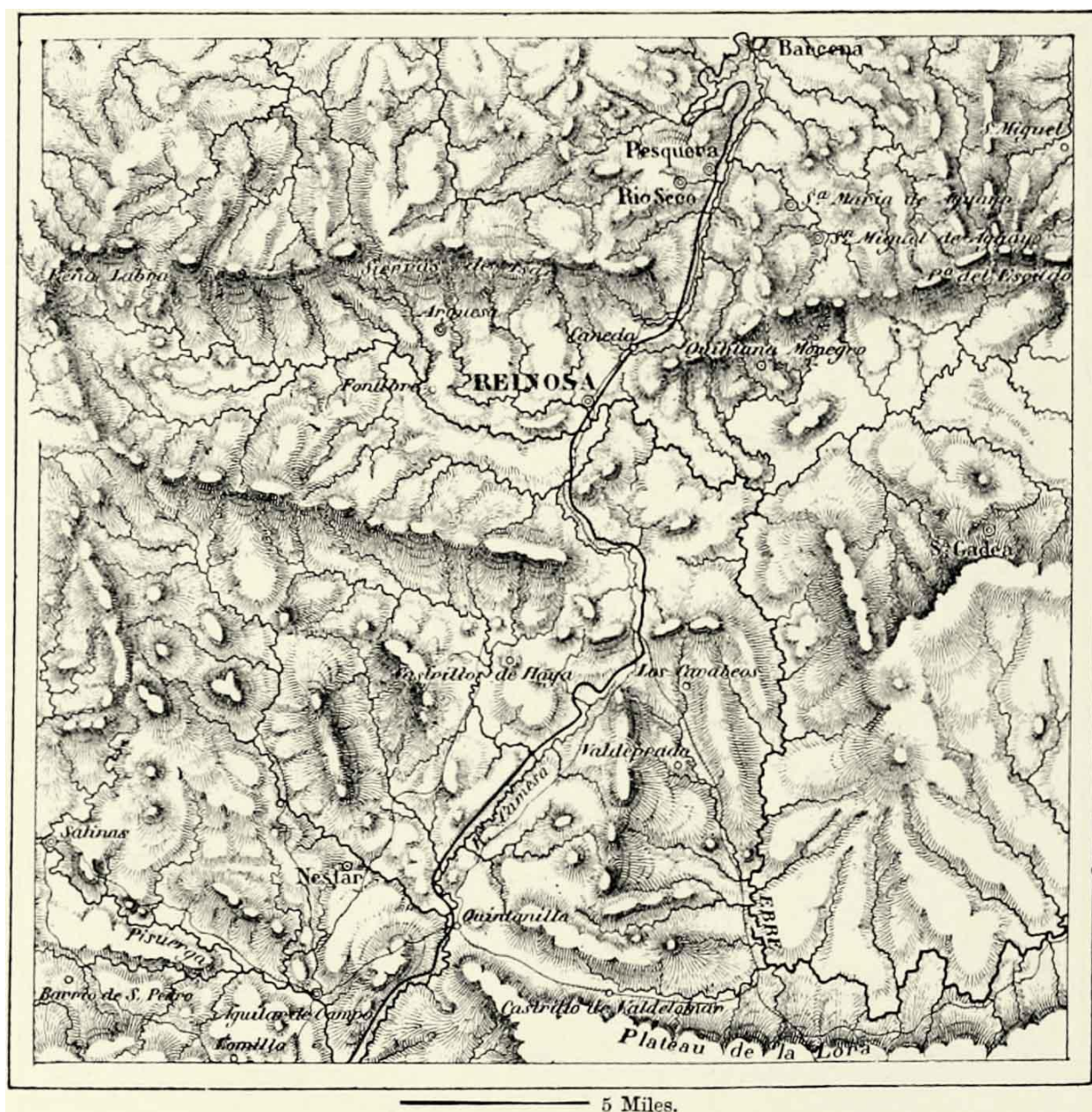
[back](#)

[back](#)

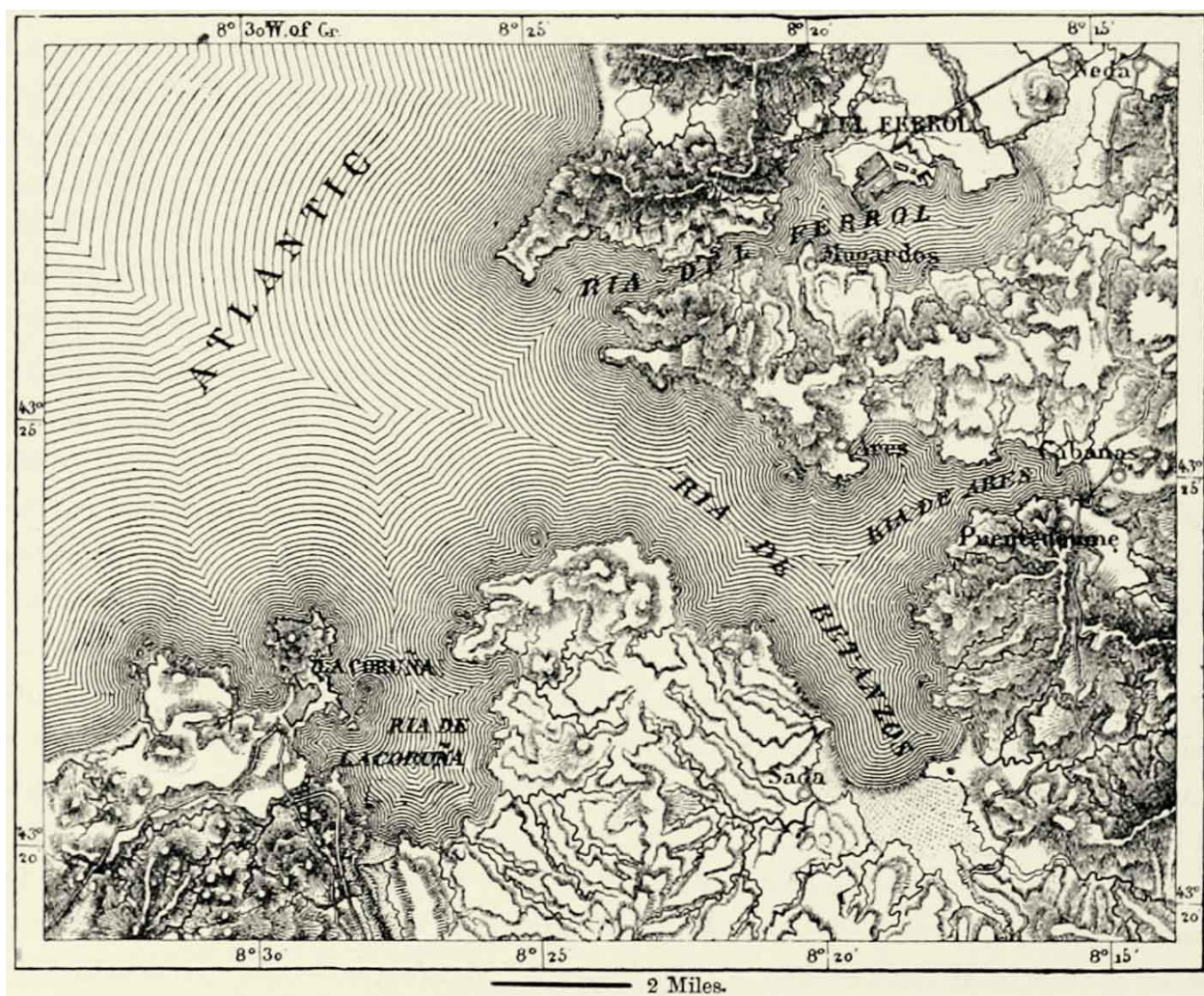
[back](#)

[back](#)

[back](#)

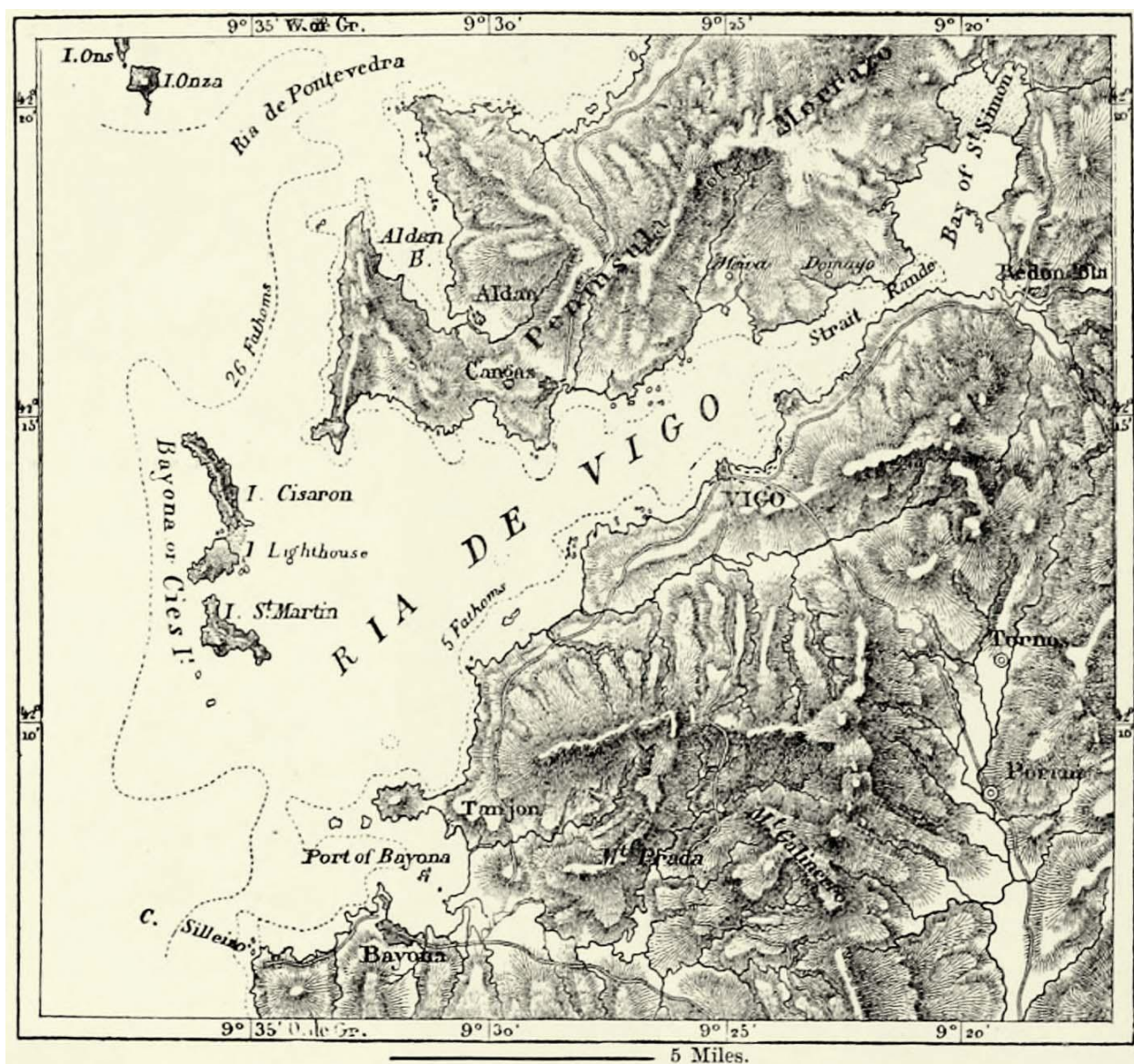
[back](#)

[back](#)

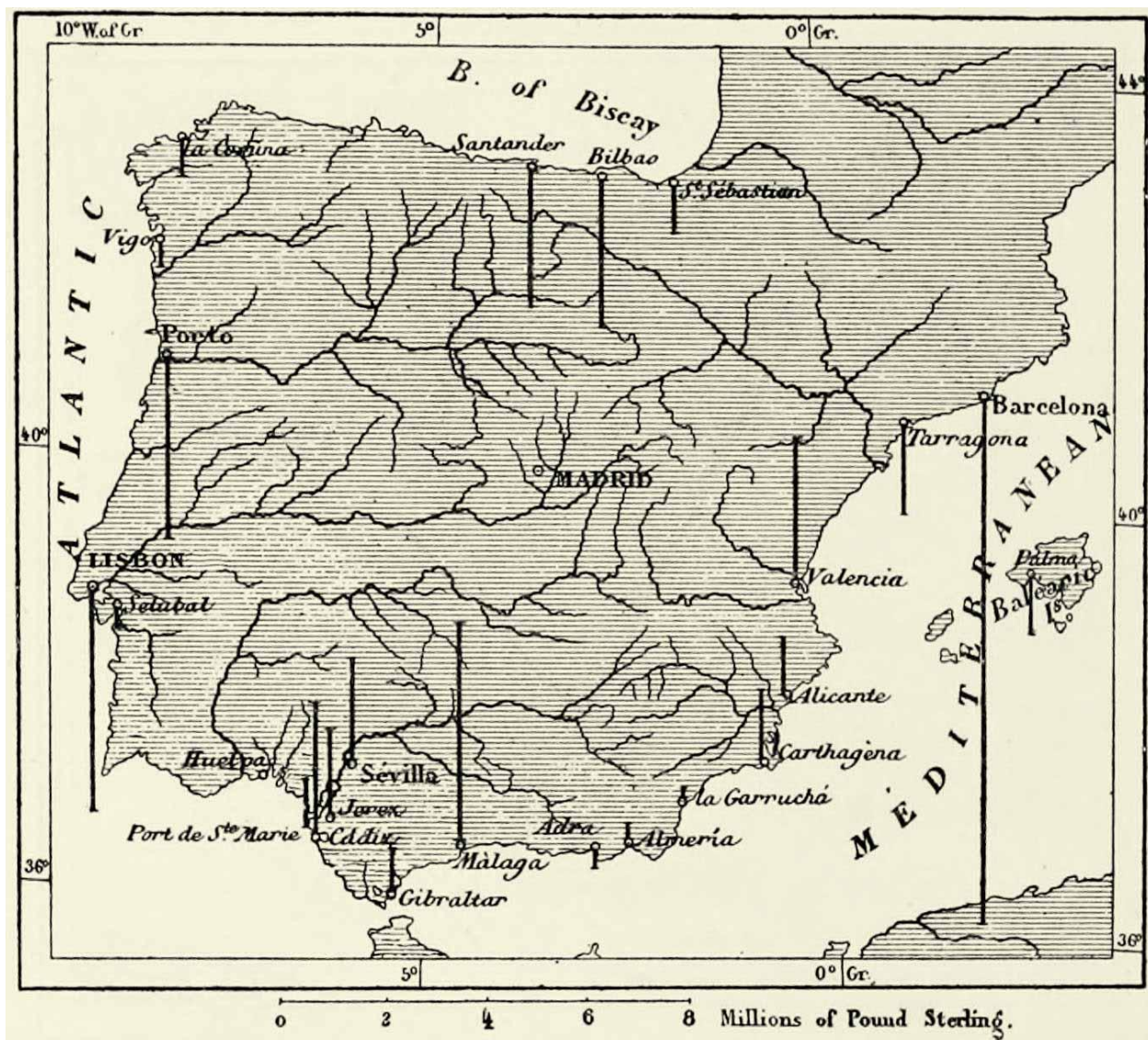
[back](#)

[back](#)

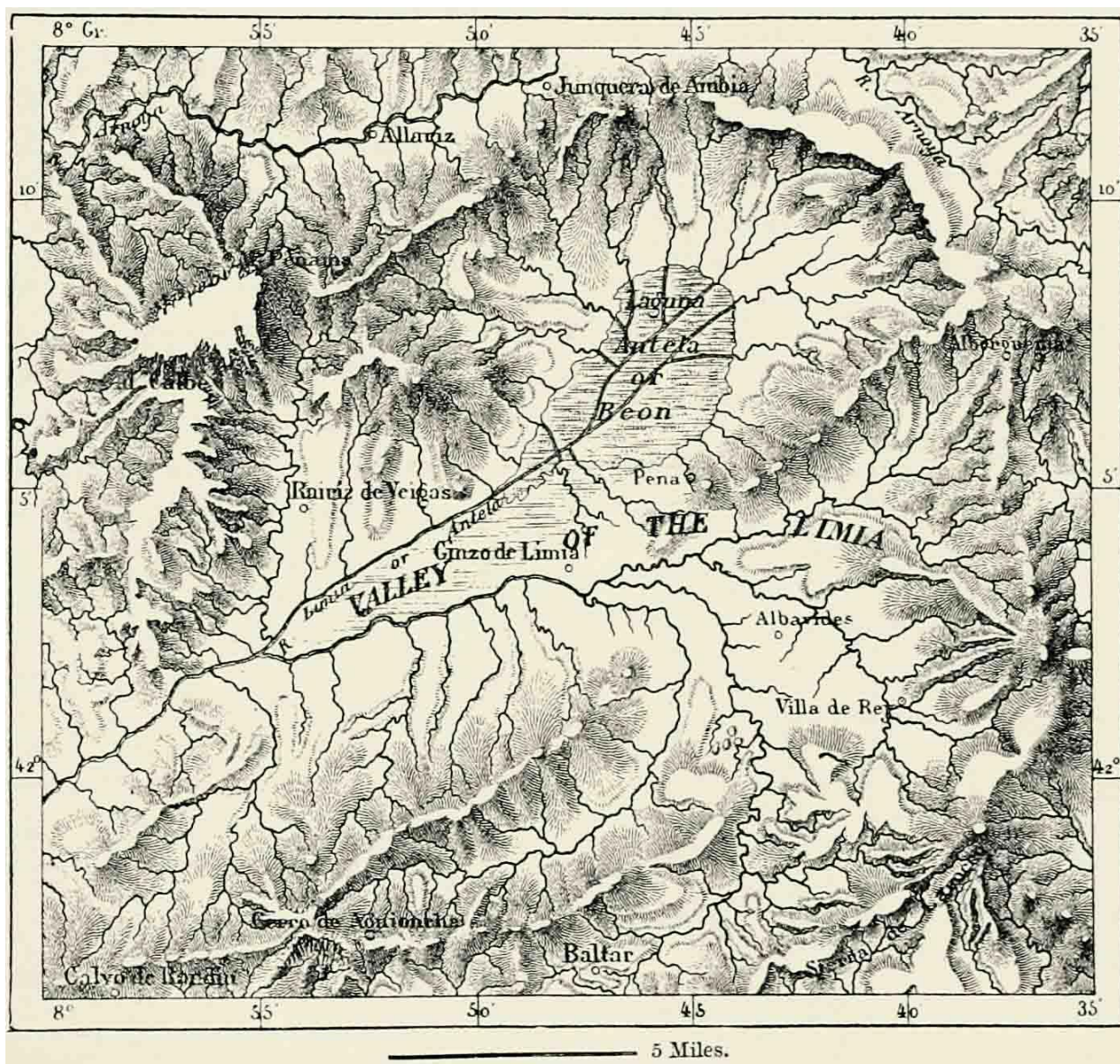
[back](#)

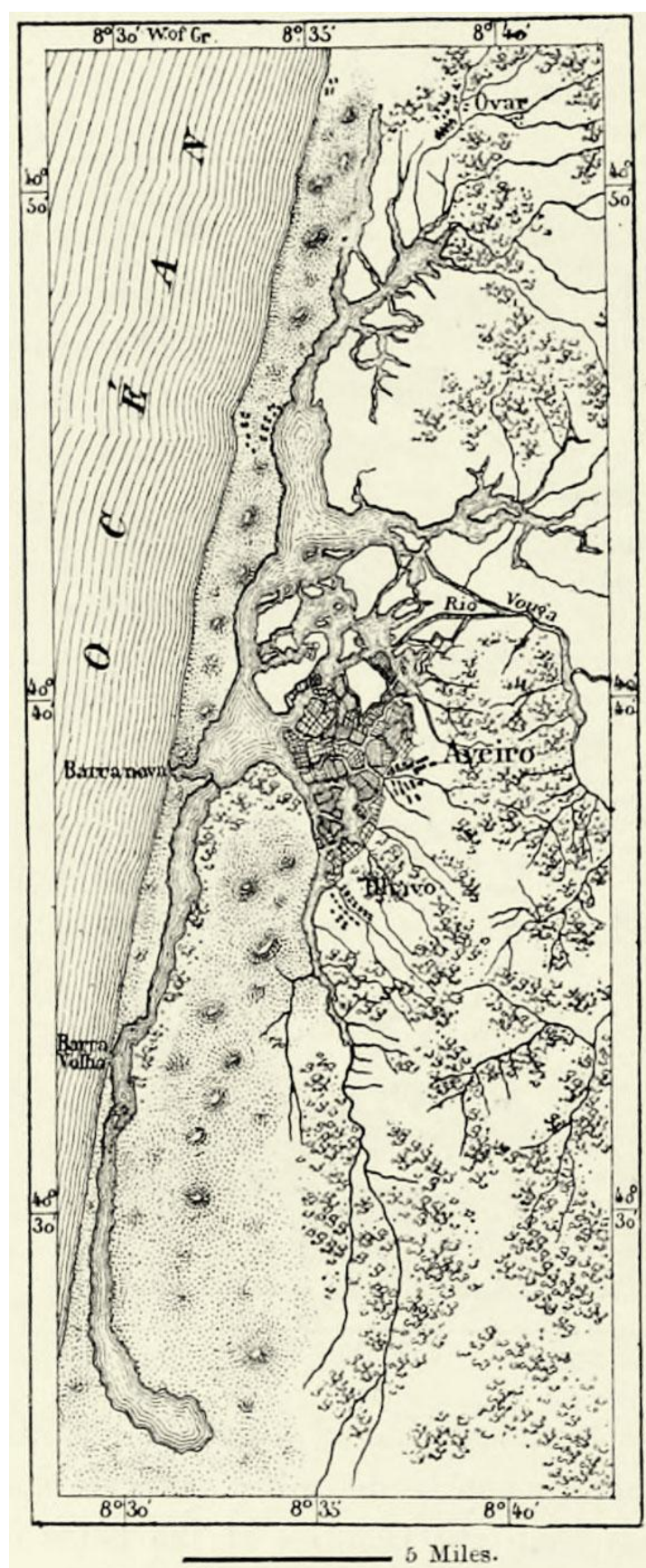
[back](#)

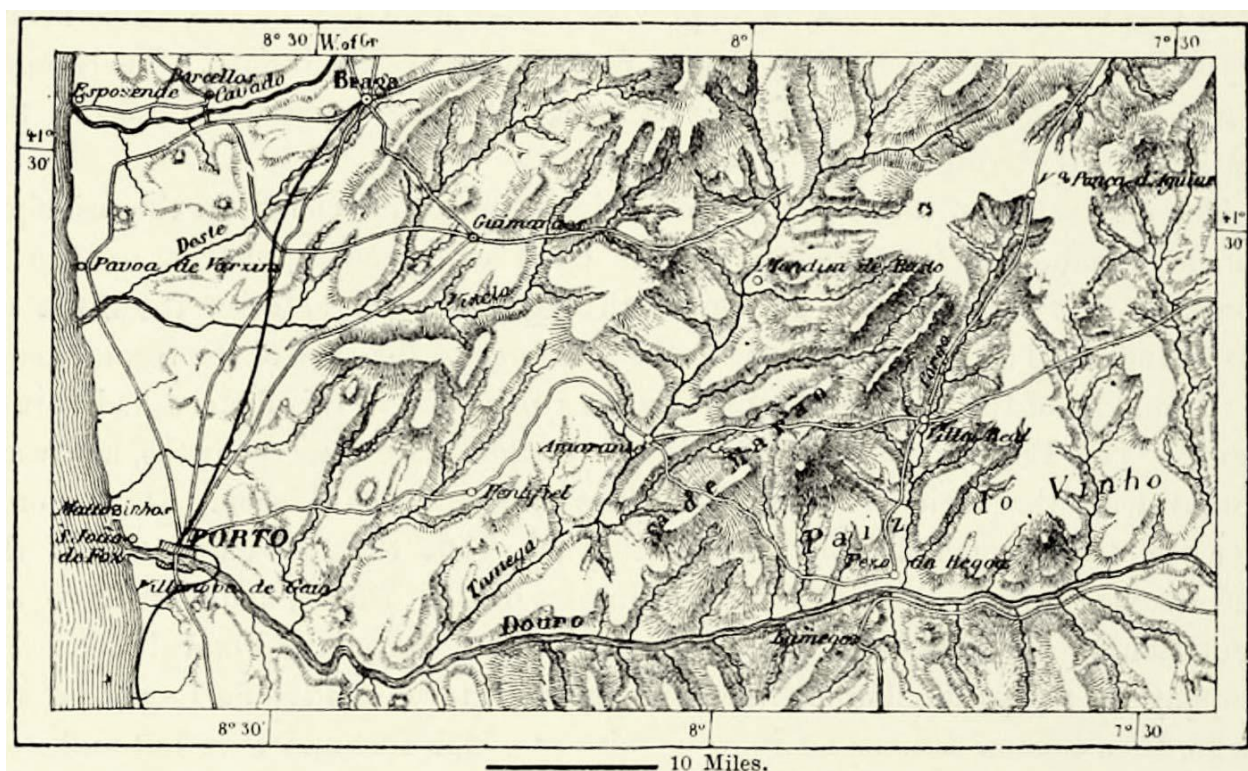
[back](#)

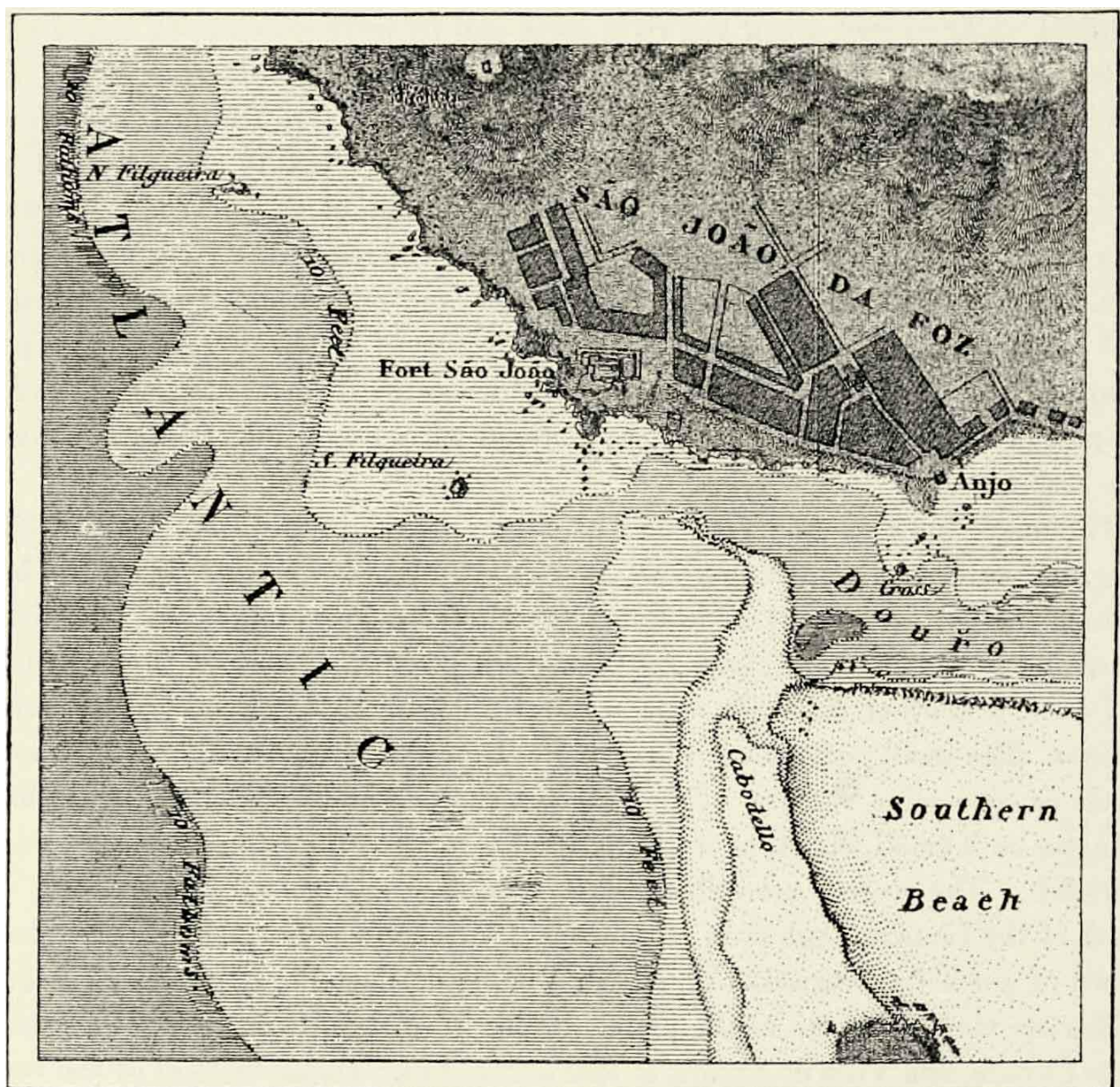
[back](#)

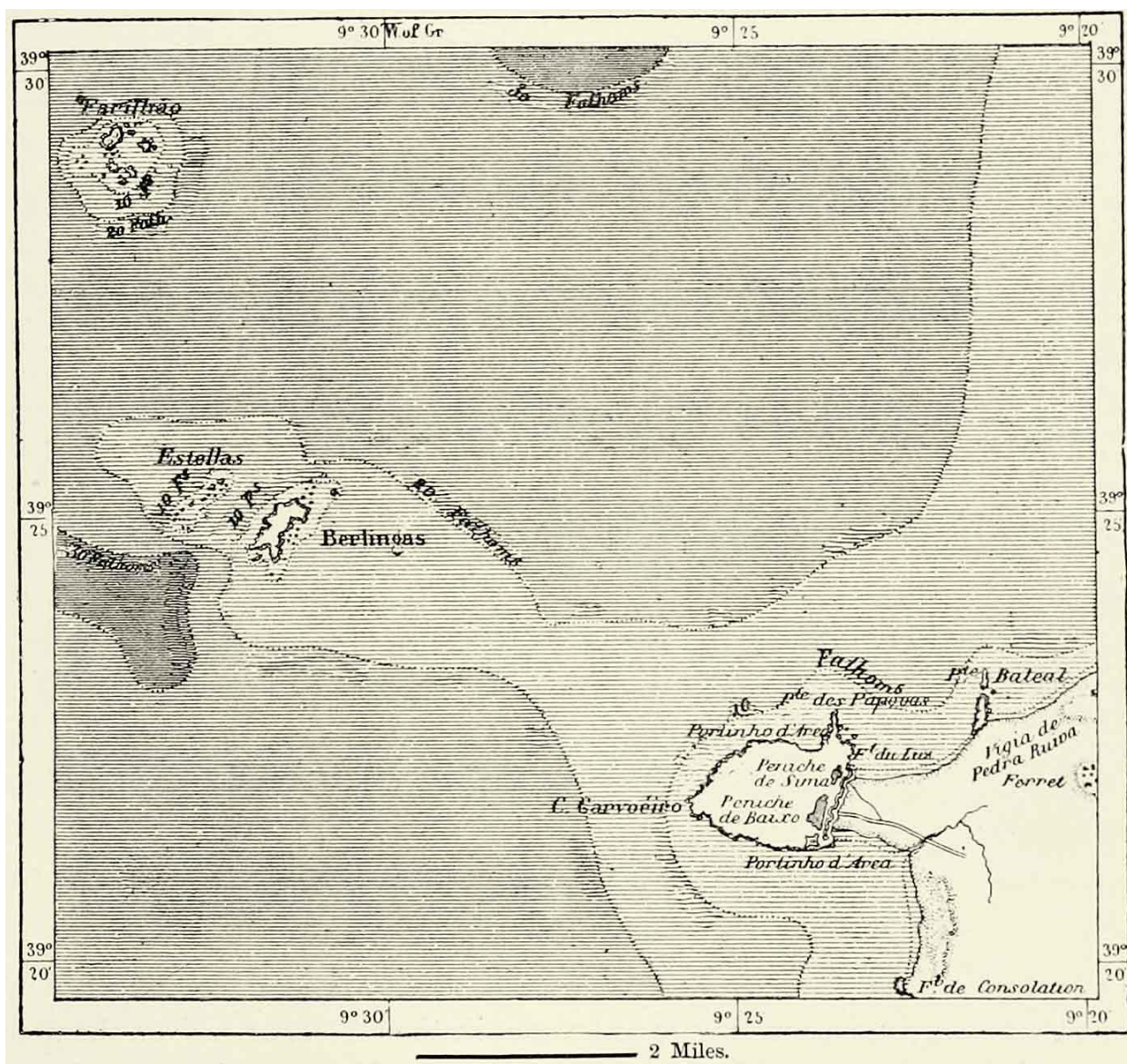
[back](#)

[back](#)

[back](#)

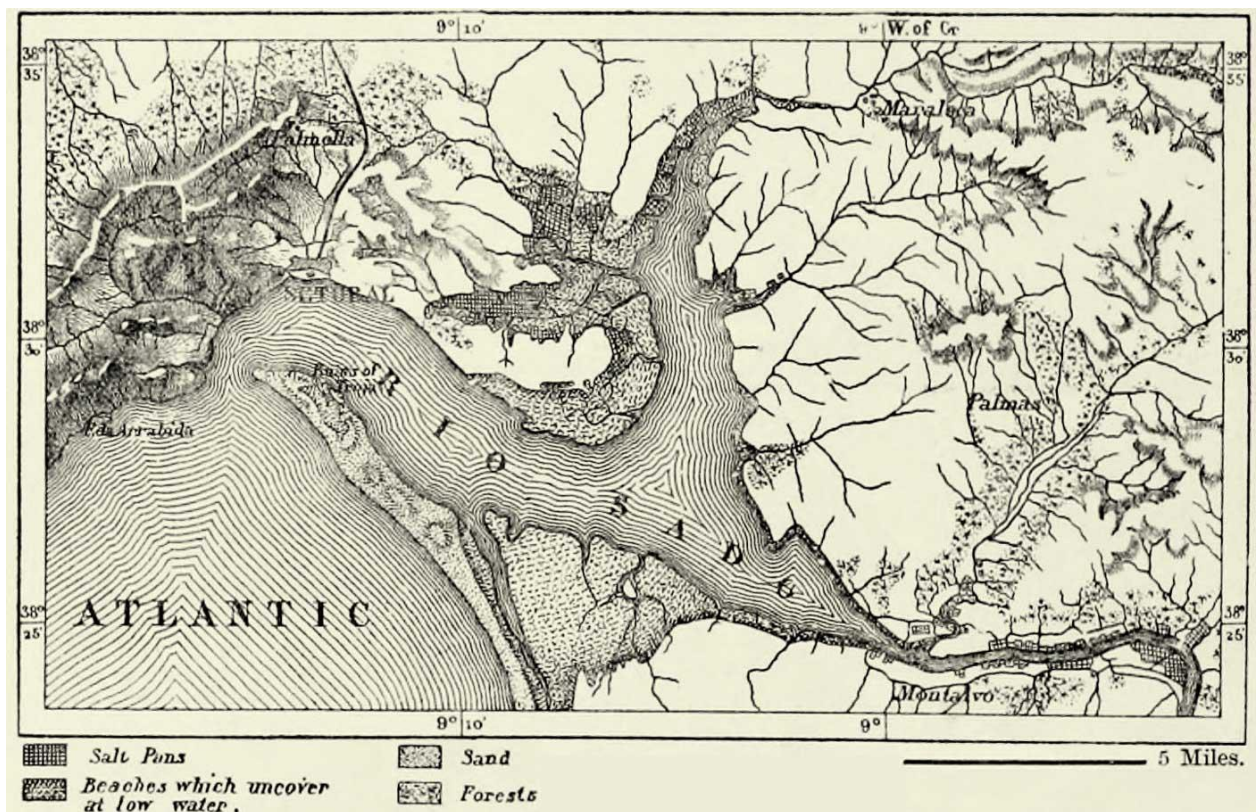

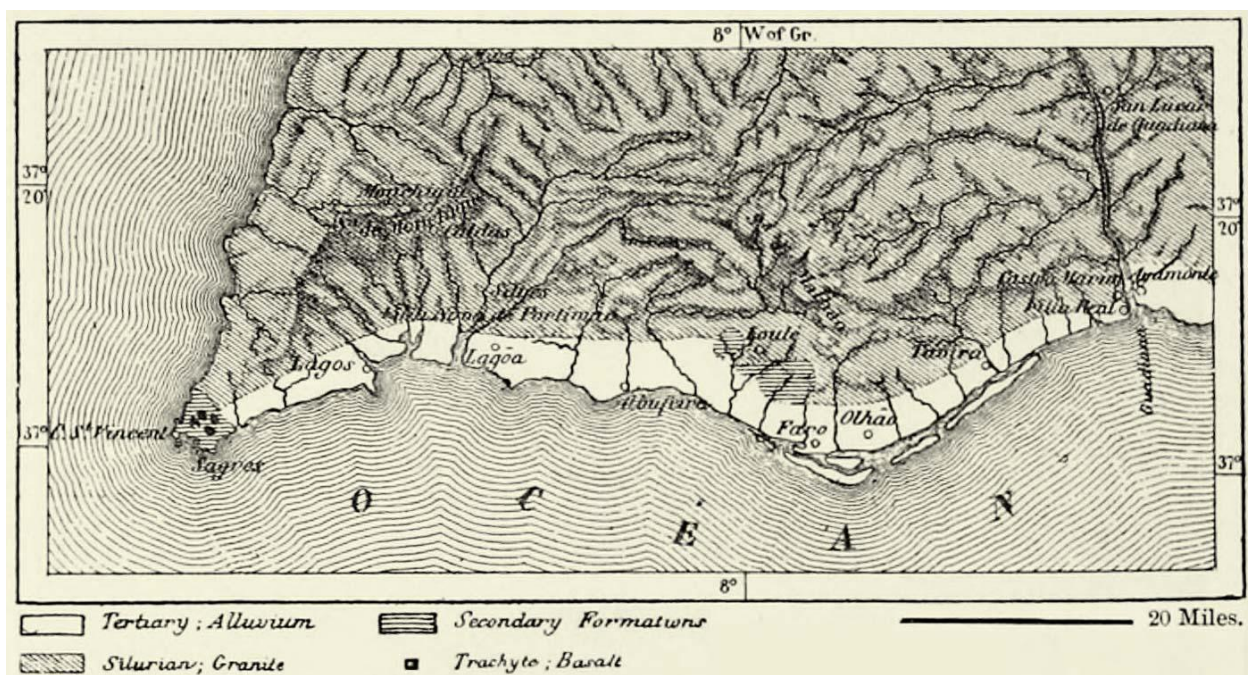
[back](#)

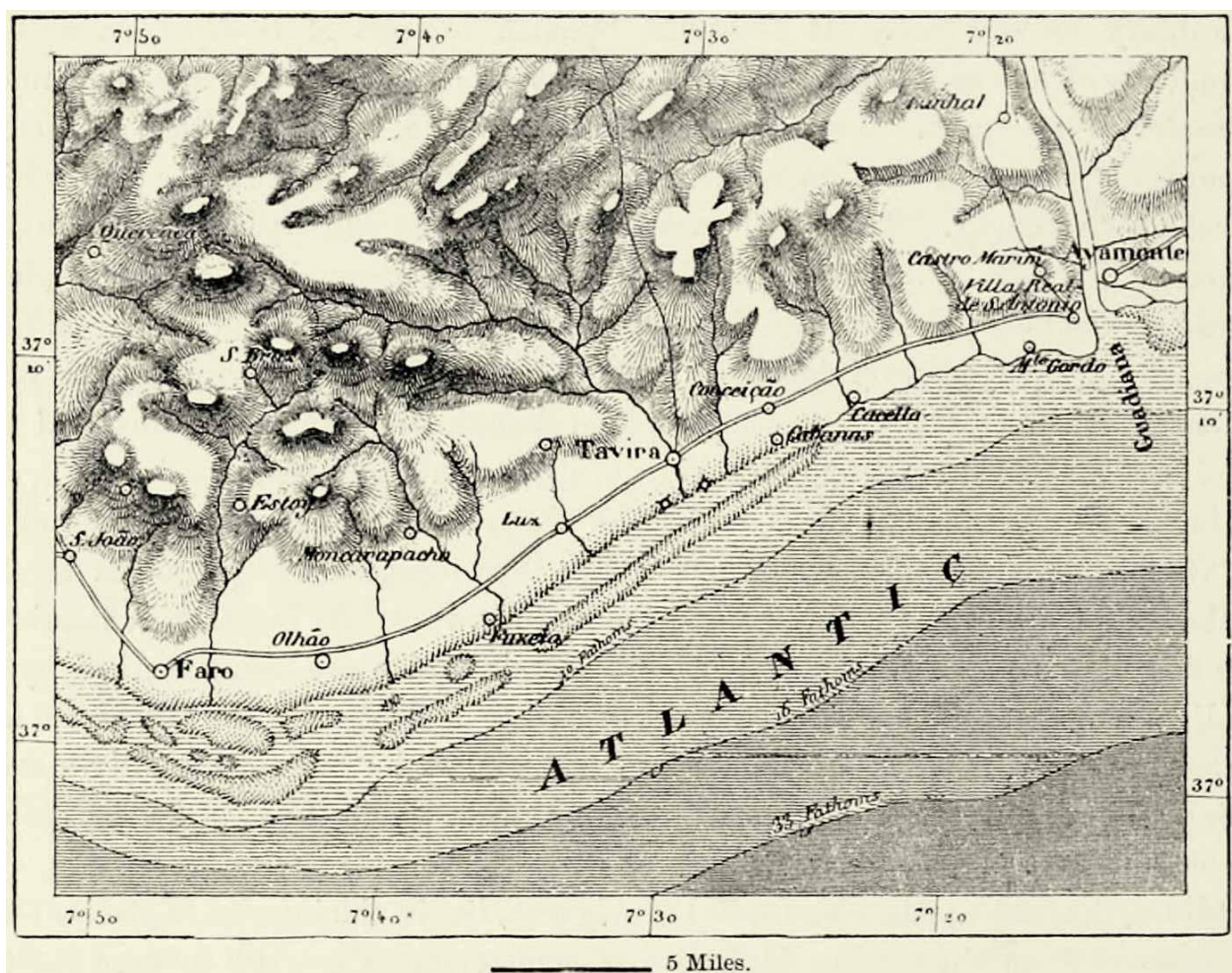
[back](#)

[back](#)

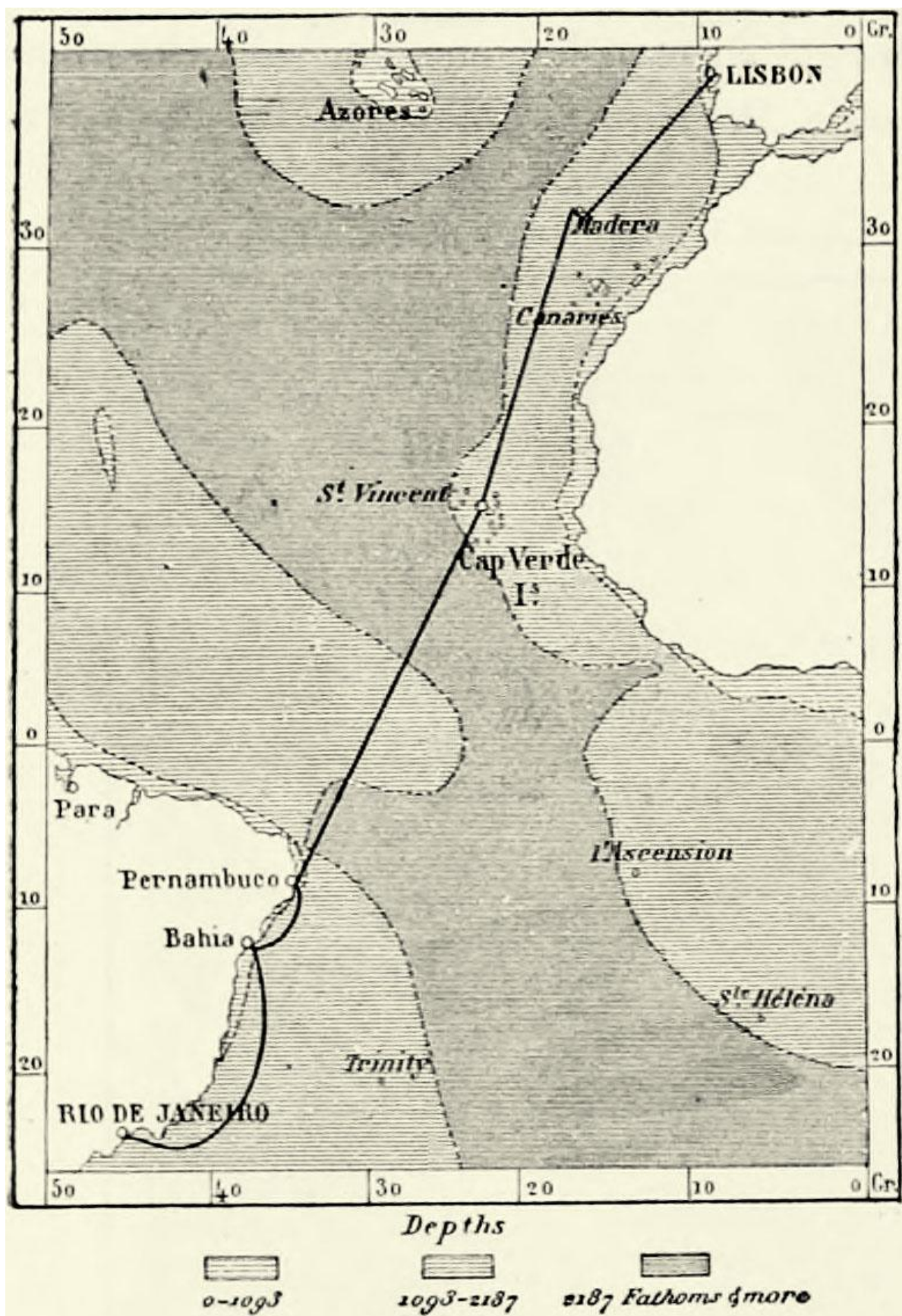

[back](#)

[back](#)

[back](#)